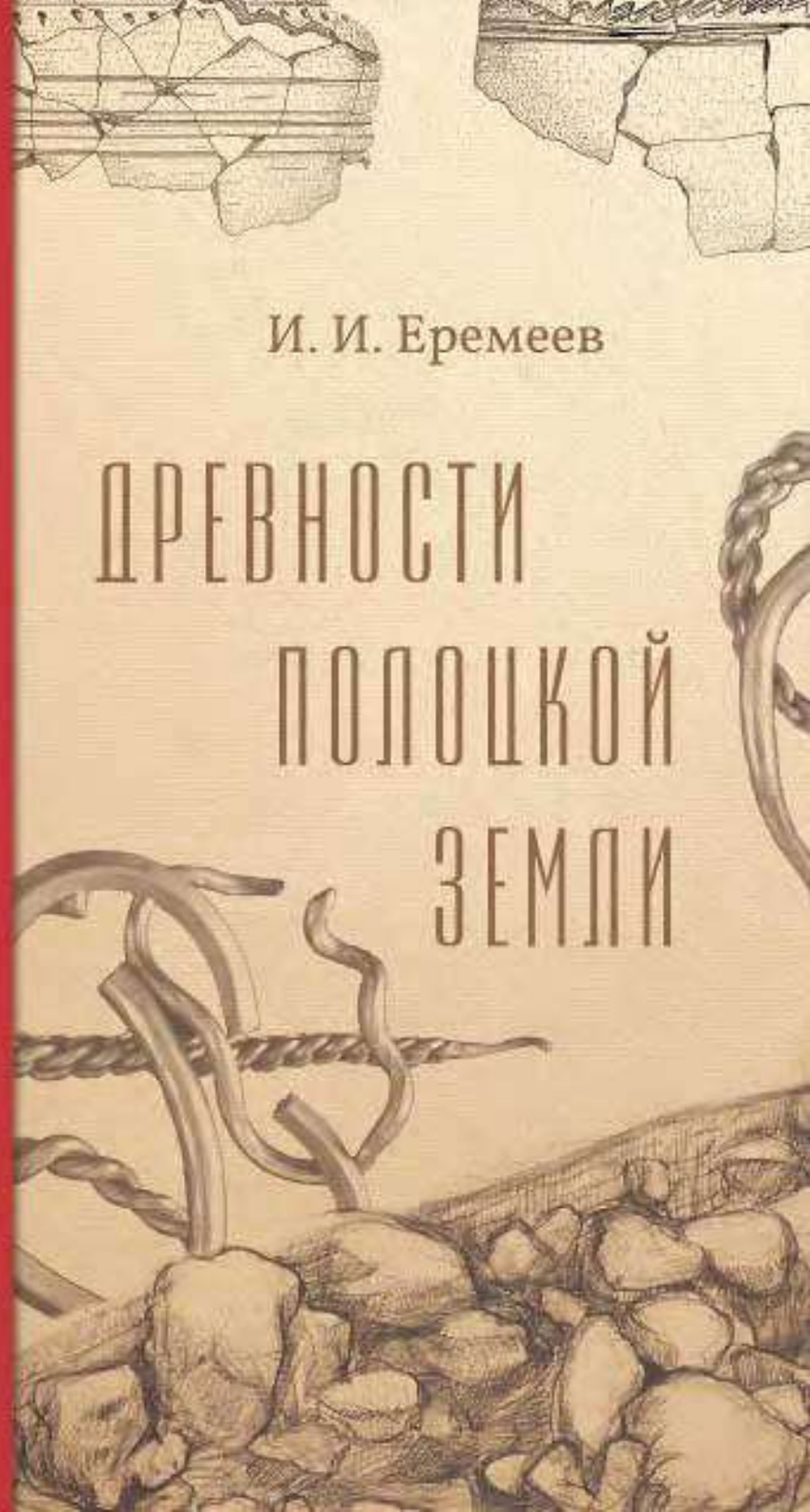
ДРЕВНОСТИ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

И. И. Еремеев

ДРЕВНОСТИ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры

ТРУДЫ. ТОМ XLIV

И. И. Еремеев

ДРЕВНОСТИ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ВОСТОЧНО-БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА (ОЧЕРКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ПСКОВСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ)

Санкт-Петербург
2015

УДК 902
ББК 63.4
Е70

Научный редактор:
член-корреспондент РАН *Е. Н. Носов*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Е. Р. Михайлова*;
кандидат исторических наук *Н. А. Плавинский*

Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры Российской Академии наук

Еремеев, И. И.
Е70 Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья) / И. И. Еремеев. — СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. — 696 с. — (Труды ИИМК ; т. XLIV).
ISBN 978-5-86007-808-6

Исследование посвящено проблемам зарождения и ранней истории городов Полоцкой земли. Основными источниками служат археологические свидетельства, связанные со славянской колонизацией лесной зоны Восточной Европы в V–IX вв. и скандинавской военно-торговой экспансией IX–XI вв. В научный оборот впервые вводятся материалы исследований Усвята, одного из древнейших городов Северо-Западной Руси. В Приложениях публикаются результаты специальных исследований отдельных категорий находок, выполненные С. Ю. Каиновым, Вяч. С. Кулешовым, А. А. Песковой, М. Ю. Саблиным. Книга представляет интерес для российских и белорусских историков, археологов, краеведов и всех, кто интересуется восточноевропейским средневековьем.

УДК 902
ББК 63.4

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по проектам № 03-06-80048, 06-06-80485 и 13-06-00744

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по проекту № 15-06-07008, не подлежит продаже

ISBN 978-5-86007-808-6

© Еремеев И. И., 2015
© Оформление. ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2015

Памяти Александра Михайловича Микляева
и Ольги Ивановны Давидан —
первых исследователей древнерусского Усвята

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 9

Глава 1. «Се же знаменье поча быти отъ Дрютьска…». Замечания о средневековой археологии Полоцкой земли в контексте истории Восточно-Балтийского региона 13

1.1. Полоцкая земля и славянская колонизация Северо-Запада России 17

1.1.1. От городков к городам (к предыстории административных центров Полоцкой земли) 21

1.1.1.1. Витебск 25

1.1.1.2. Городище на Менке (Строчицкое городище) 35

1.1.1.3. Заславль 39

1.1.1.4. Лукомль 40

1.1.1.5. Друцк 44

1.1.1.6. Полоцк 46

1.1.2. Городки, основанные в середине–третьей четверти I тыс. н. э., и формирование ранних этапов древнерусской культуры 47

1.1.2.1. Городище (Княгинино) 47

1.1.2.2. Свила I 49

1.1.2.3. Вопросы без ответов 55

1.2. Славяне и скандинавы на Даугаве в VIII–начале X в. 60

1.3. Полочане и русь. Проблема 911 года 74

1.3.1. Археология раннесредневекового Полоцка 82

1.3.1.1. Полоцкое городище 82

1.3.1.2. Культурный слой у подножия городища на правом берегу р. Полота (селище у Красного моста) 86

1.3.1.3. Культурный слой на территории Нижнего замка на левом берегу р. Полота 86

1.3.1.4. Культурный слой на территории Верхнего замка на мысу левого берега р. Полота при впадении ее в р. Западная Двина (город Всеслава) 89

1.3.1.5. Культурный слой на территории Великого посада 92

1.3.2. Полоцк в IX–первой половине X в. Лепная керамика как основной источник для изучения этого периода в истории поселения 92

1.3.3. Начало функционирования Даугавского пути при Рогволоде и Рогнеде 99

1.4. «Восточная политика» Брячислава Изяславича. Историко-географический комментарий к летописным известиям о походе полочан на Новгород в 1021 г. 120

1.4.1. О достоверности упоминаний Усвята и Витебска в связи с победой Ярослава над Брячиславом 121

1.4.2. О падении значения Витебска и Усвята в 1021 г. 132

1.4.3. О причинах и обстоятельствах похода Брячислава на Новгород в 1021 г. 133

Глава 2. Средневековый Усвят 146

2.1. Исторические сведения о городе Усвяте 146

2.1.1. Летописные древнерусские источники XII–XIV вв. о новгородско-полоцко-смоленском пограничье 147

2.1.2. Усвят в системе средневековых коммуникаций 190

2.1.2.1. Усвят и летописный Путь из варяг в греки 190

2.1.2.2. Путь на север по Ловати. Средневековые археологические памятники окрестностей г. Холма (по материалам ГИМ) 204

2.1.2.3. Дорога от Усвята на озеро Сенница с развилкой на Невель и Луки 213

2.1.2.4. Дорога от Усвята вдоль озера Ужанское (река Ужица) на реку Комлю и далее на Луки 213

2.1.2.5. Дорога от Усвята вдоль реки Усвячи на реку Кунья и далее на Луки с развилкой на Холм и на Жижеч (Торопец) 217

2.1.2.6. Дорога от Усвята на Велиж 221

2.1.2.7. Дорога от Усвята вдоль реки Усвячи на Сураж 222

2.1.2.8. Дорога от Велижа к Лукам через верховья рек Усвячи и Куньи 223

2.1.2.9. Дорога от Усвята на запад (на Озерище) 225

2.1.3. Письменные источники XVI–XVII вв. об Усвяте и Усвятской волости. Проблемы изучения топографии позднесредневекового поселения 228

2.1.4. Картографические материалы XVI–XVIII вв. 271

2.2. Археологические памятники на территории современного пос. Усвяты и в его окрестностях. Проблема локализации древнерусского города 275

2.2.1. Городище Прудок 275

2.2.2. Селище Прудок 1 278

2.2.3. Курганный могильник Прудок (Усвяты II) 278

2.2.4. Селище Прудок 2 279

2.2.5. Городище Замковая гора 279

2.2.6. Городище и могильник Бугор 281

2.2.7. Комплекс археологических памятников в ур. Юрьевы Горы 281

2.2.7.1. Западный мыс в ур. Юрьевы Горы (Церковище) 287

2.2.7.2. Грунтовый могильник на Церковище 291

2.2.7.3. Селище (посад) 294

2.2.7.4. Раскоп 1 в центральной части неукрепленного поселения 296

2.2.7.5. Восточный мыс в ур. Юрьевы Горы (городище) 321

2.2.7.6. *Раскоп 2 на городище* 321

Строительный горизонт A_1 330

Строительный горизонт A_2 345

Строительный горизонт A_3 347

Строительный горизонт A_4 355

Древнейший горизонт 364

2.3. Датировка и культурно-историческая характеристика раннегородского поселения в ур. Юрьевы Горы. Анализ находок 387

2.3.1. Древности эпохи викингов (IX–первая половина XI в.) 388

2.3.1.1. Предметы североевропейских типов 388

2.3.1.2. Детали поясной гарнитуры 419

2.3.1.3. Пуговицы 447

2.3.1.4. Подвески 448

2.3.1.5. Весовые гирьки и нумизматические находки 449

2.3.1.6. Древности, предположительно связанные с Южной Европой 453
2.3.1.7. Древности восточноприбалтийских типов 458
2.3.2. Предметы древнерусской городской культуры XI–XIII вв. 461
2.3.2.1. Детали поясной гарнитуры 461
2.3.2.2. Фибулы 467
2.3.2.3. Украшения одежды 469
2.3.2.4. Перстни и их фрагменты 472
2.3.2.5. Металлические браслеты 473
2.3.2.6. Головные украшения 474
2.3.2.7. Подвески 475
2.3.2.8. Амулеты 477
2.3.2.9. Предметы быта 478
2.3.2.10. Изделия из стекла 482
2.3.2.11. Изделия из кости 484
2.3.2.12. Предметы, связанные с военным делом 488
2.3.2.13. Бытовые предметы и орудия 489
2.3.2.14. Изделия из камня 494
2.3.2.15. Находки, связанные с ювелирным производством 498
2.3.2.16. Предметы западноевропейского происхождения 501
2.3.2.17. Предметы личного благочестия 511
2.3.2.18. Древнерусские свинцовые печати и пломбы 513
2.3.3. Анализ керамической коллекции из Усвята 515
2.3.3.1. Бытовая керамика 516
2.3.3.2. Фрагменты амфор 535
2.3.4. Находки фрагментов плинфы 536
2.4. Погребальные древности Усвята. Курганный могильник в урочище Юрьевы Горы 537
2.5. Проблема изучения позднесредневекового культурного слоя на территории современного пос. Усвяты 538
2.6. Итоги исследований в Усвятах 539
Заключение. Феномен Полоцкой земли в древнерусском культурно-историческом пространстве 545
Список принятых сокращений названий летописных памятников 549
Список принятых сокращений названий научных изданий и учреждений 549
Литература 551
Архивные источники 572
Картографические и статистико-географические источники 573
Приложение 1. *И. И. Еремеев.* Топография монетных и денежно-вещевых кладов IX–XI вв. в Восточно-Балтийском регионе (развернутая легенда к рис. 46–48) 574

Приложение 2. *Вяч. С. Кулешов, И. И. Еремеев.* Глазуновский клад куфических монет IX в. 605
Приложение 3. *Вяч. С. Кулешов.* Характеристика нумизматического комплекса поселения в урочище Юрьевы Горы 610
Приложение 4. *И. И. Еремеев.* Древнерусские костяные топорики 612
Приложение 5. *С. Ю. Каинов.* Наконечник ножен меча и фрагмент кольцевидной булавки из Усвята 626
Приложение 6. *И. И. Еремеев.* Описи находок из раскопок и сборов на территории древнерусского Усвята 631
Приложение 6.1. Опись переданных в ИИМК археологических находок (подъемного материала) из несанкционированных сборов в ур. Юрьевы Горы близ пос. Усвяты Псковской области до 2010 г. 631
Приложение 6.2. Описи археологических находок из раскопок ИИМК РАН в 2010 г. в ур. Юрьевы Горы близ пос. Усвяты Псковской области 638
Приложение 6.3. Описи археологических находок из раскопок ИИМК РАН в 2013 г. в ур. Юрьевы Горы близ пос. Усвяты Псковской области 641
Приложение 7. *И. И. Еремеев.* Таблицы топографической привязки средневековых археологических памятников в пос. Усвяты Псковской области 667
Приложение 8. *М. В. Саблин.* Остеологический материал из Усвята 671
Приложение 9. *А. А. Пескова.* Древнерусские кресты из кладоискательских сборов в Усвятах 685
Приложение 10. *И. И. Еремеев.* Урочище Юрьевы Горы. Таблица отбора образцов угля для радиоуглеродного датирования 694

ВВЕДЕНИЕ

Если судишь о своем труде сразу же после его окончания, то еще не можешь от него отделиться, если слишком долго спустя, то уже не можешь в него войти.

Так и картины, если смотришь на них со слишком близкого или слишком далекого расстояния. И лишь единственная маленькая точка и есть нужное место.

Все другие слишком близко, слишком далеко, слишком высоко или слишком низко. В искусстве живописи эта точка определяется перспективой, но кто ее определит для истины…?

Блез Паскаль. Мысли[1]

Разговор сегодня возможен только между людьми, у которых есть эта идея целого; при этом они, разумеется, могут вполне занимать самые разные позиции.

Эрнст Юнгер. Сады и дороги[2]

Размышления Паскаля о природе творческого восприятия мира актуальны, конечно, и для работы археолога, который должен отыскать собственную «точку перспективы». Речь идет не о приемах исследования. Правильный выбор «точки перспективы» зависит от чего-то более существенного, что определяет смысл научного труда. Предметом изучения служат для археолога материальные остатки прошлого, рассеянные в земле, и сама земля, географическое пространство, хранящее следы ушедших поколений. Каким образом полученное знание отражается в нашей современной жизни?

Кафедру археологии Исторического факультета СПбГУ я закончил в 1994 г. Известно, что, формируя мировоззрение, университетский курс не готовит специалистов-исследователей. Студенту нужна опора за стенами учебного заведения. Мне дала ее встреча в 1990 г. с А. М. Микляевым, руководившим Северо-Западной экспедицией Эрмитажа. Общение не было долгим так же, как и работа под его началом в экспедиции (всего два полевых сезона – 1991 и 1992 гг.). В начале 1993 г. А. М. Микляев погиб. В последние годы он почти не руководил раскопками лично, полностью сосредоточившись на своей докторской диссертации. Для подготовки к изучению интересовавших меня раннесредневековых археологических памятников Подвинья оставался только один путь – самостоятельные разведки.[3] Не одна сотня километров, пройденных пешком по южной Псковщине в 1991–1996 гг., заставили меня совершенно по-особому увидеть псковские городища и курганы.

Сейчас область верховьев Западной Двины безлюдна и запустела. Но в начале 1990-х гг. в среднерусской деревне еще теплилась жизнь. Археологическая разведка вся строилась тогда на общении с местным населением, без помощи которого обнаружение объектов в лесах и болотах было делом трудным, а то и невероятным. Разумеется, деревенские старики не имели ни малейшего представления об исторических реалиях, связанных с археологическими памятниками, будь то городища раннего железного века, древнерусские курганы или позднесредневековые каменные кресты. Эти реалии заменяли им своеобразные мифологические образы. На язык этих образов и должен был перейти археолог, чтобы понять и быть понятым, получить нужную информацию. Рассказы об ушедших в землю церквах (городищах), о лежащих в сопках лошадях с золотыми подковами, золотых каретах, чертях и леших (часто «проказящих» возле культовых камней и курганных могильников), о курганах, насыпанных шапками древними воинами, о сказочных братьях, перекидывавших топор с городка на городок, – хорошо знакомы археологам, работавшим в прошлом веке на Псковщине,

Смоленщине и в Белоруссии. Сказочный мир, в который приходилось погружаться, работая над археологической картой, обладал невероятным притяжением, наверное, потому, что был предельно точно связан со знакомым ландшафтом. Древности открывали дверь в этот мир в самых простых и в то же время неожиданных местах – в сосновом бору, в речной излучине или на болотном острове.

В этой полевой работе становился понятен смысл присутствия в живой культуре археологического наследия, мифологизирующего пространство, делающего его богаче и глубже. Крепче всего с землей человека связывает труд, но уже на втором месте стоит миф, который приходит в сознание людей через ландшафт, отводя им определенное место в цепи поколений и течении исторических событий. Речь идет о вневременных общечеловеческих свойствах. Совсем недавно, много путешествуя по Шведской провинции, я имел возможность наблюдать отношение сельских хозяев к «своим» курганам и руническим камням, по своей сути очень близкое к восприятию сопок или городищ обитателями Псковщины и Новгородчины. Еще более важно это было, конечно, для людей средневековья, в историческом и географическом сознании которых занимали свои определенные места как библейские культурно-географические ориентиры («останки» Вавилонской башни, например), так и совсем недалекие могилы знакомых им по рассказам дедов правителей или основанные последними «городки». И не так уж существенно, что упоминание княжеских могил, возможно, попало в летописи под влиянием образов Священного Писания, которое изобилует упоминаниями могил прародителей. Таким вполне «археологическим» интересом проникнуто не только древнерусское летописание, но и синхронная ему европейская литературная традиция, закрепившая устное историческое творчество северогерманских народов эпохи викингов. О мифологическом пространстве и археологических памятниках мне придется далее не раз еще говорить.

Чувство прошлого, присутствующего вокруг нас, важнее, чем призрачное знание «исторической истины». Так что же – автор признается в том, что создает миф? Ведь человеку как будто свойственно стремление знать, «как все было на самом деле». К сожалению, археология весьма ограничена в возможностях получения такого знания. Разумеется, основывается она на несомненно выявленных фактах, предоставляя нам в руки подлинные предметы старины, в датировке которых достигает порой большой точности благодаря виртуозным методам хронологии. Вполне успешно развивается археологическая география, позволяющая реконструировать древнюю динамику антропогенных ландшафтов. Физико-химические исследования найденных в раскопках металлических изделий и керамики вполне респектабельны. Но выводы этих (и множества иных) частных направлений исследовательской мысли сами по себе бывают неинтересны даже своим создателям, поскольку не содержат знания, которое возникает, как правило, на пограничье дисциплин. Именно в умении балансировать на этой грани и заключается мастерство историка и археолога. Конечно, это положение бывает чревато и провалами.

В сущности же, археолог овеществляет предание, совсем как деревенская старушка, ведущая вас к холму, на котором (как она уверена) «прошла» сквозь землю церковь. Исследователь знает, что на холме располагается древнее городище. Сконструированный им миф сложнее. Он недоступен традиционному деревенскому мировосприятию, которого, впрочем, уже и не существует. Древности начинают новую жизнь, направленную на взаимодействие с сознанием образованного современного человека. Но основной функцией археолога остается хранение древнего наследия. Хранение неотделимо от осмысления (вполне мифологического во многих своих проявлениях).

Как же все-таки быть с «точкой перспективы»? Эта работа, с постоянно меняющейся степенью приближения к предмету исследования, – лишь поиск такой точки. Возможно, ее следует искать в годах полевой работы на Южной Псковщине, когда перед ленинградским студентом открылся уходящий мир русской деревни с его неповторимой гармонией земли и культуры.

Книга состоит из двух глав, посвященных довольно разнородной историко-археологической проблематике, связанной с Полоцкой землей, преимущественно с Белорусским Подвиньем. Фактически это две разные работы, объединенные географической привязанностью и временем написания (весна 2011–осень 2014 гг.). Первая глава представ-

ляет попытку проанализировать некоторые аспекты становления городов, в первую очередь связь этого процесса с расселением восточных славян и скандинавской экспансией в Восточной Европе в эпоху викингов. Раздел носит обзорный характер и должен, в моем представлении, создать основания для более глубокого анализа истории и археологии древнерусского города Усвята.

Вторая глава ставит целью ввести в научный оборот материалы одного из наименее изученных летописных городов Полоцкой земли – Усвята, узлового пункта на Пути из варяг в греки и на коммуникациях, соединявших Русские земли с Юго-Восточной Прибалтикой. Глава содержит много данных из полевых отчетов, а также некоторые материалы по истории Усвятско-Витебского региона в XVI–XVII вв. Это, конечно, придает разделу несколько краеведческий оттенок. Я оправдываю такую особенность начальным характером полевых исследований Усвята, на первых порах немыслимых без анализа всей доступной автору совокупности историко-географических сведений об этом городе. Как и многие выдающиеся памятники старины, средневековый Усвят нуждается в охране государства. Поэтому в публикацию включены данные, позволяющие шаг за шагом проследить ход первичного исследования крупного археологического комплекса (включая его частично утраченные компоненты), последовательность определения границ культурного слоя, методику привязки к местности старых раскопов и т. д. Надеюсь, публикация всех этих данных позволит сохранить для последующих поколений уникальный памятник российской и белорусской истории.

В работе мне приходилось обращаться к письменным источникам, в частности, к таким сложным для исторической интерпретации материалам, как известия «варяжской легенды» Повести временных лет, русско-византийские договоры первой половины X в. или свидетельства о событиях эпохи Ярослава Мудрого в скандинавских сагах и в русских летописях XV в. Изучение древних текстов уже более столетия развивается в науке как самостоятельная историко-филологическая дисциплина. Не будучи профессионалом в этой области, автор не может претендовать на решение проблем, связанных с древнерусским летописанием или северными сагами. В то же время нельзя упускать из виду, что археология приобретает все большее значение для изучения древнерусской эпохи; причем в археологическом материале историки и филологи часто ищут основания для оценки достоверности летописных сообщений и перекликающихся с ними скандинавских преданий. Сюжеты, посвященные письменным источникам, в данной работе следует расценивать как вопросы, сформулированные археологом в меру его возможностей и свободного времени и обращенные к специалистам по древнерусскому летописанию.

Все отрывки из древних текстов ниже приводятся в соответствии с разновременными научными изданиями. Любое из них содержит элементы интерпретации или реконструкции оригинала. За объяснением принципов публикации текстов читателю следует обращаться к источнику цитирования.

Древнерусский период в истории Полоцкой земли остается одним из самых малоизученных этапов восточноевропейского средневековья. Скупость письменных источников постепенно восполняется данными археологии, но до формирования единой картины еще далеко. Поэтому работа имеет вид отдельных заметок, которые призваны скорее поставить вопросы, нежели ответить на них. Работа на грани исторических и археологических источников требует от исследователя особенно иронического отношения к себе и понимания условности и зыбкости мира, создаваемого за письменным столом. Насколько успешно автору удалось придерживаться этих условий – судить читателю.

Несколько слов нужно сказать о приложениях. Исследования Вяч. С. Кулешова и И. И. Еремеева (Прил. 2 и 3), С. Ю. Каинова (Прил. 5), М. В. Саблина (Прил. 8) и А. А. Песковой (Прил. 9) не нуждаются в каких-либо пояснениях. Описи находок (Прил. 6) и таблицы топографических привязок памятников (Прил. 7) являются необходимым материалом для будущих исследователей Усвята. Наибольший объем занимает составленная автором Топография монетных кладов IX–XI вв. в Восточно-Балтийском регионе (Прил. 1). Надо признать, что необходимость включения ее в данную публикацию вызывала у меня некоторые сомнения. Как известно, подробная топография, которая была бы выполнена на современном уровне профессионалом-нумизматом, в науке до сих пор отсутствует. Между тем любое се-

рьезное исследование экономики раннего древнерусского средневековья невозможно без привлечения этого материала. Поэтому каждый археолог вынужден формировать такую топографию самостоятельно на свой страх и риск. Не составляет исключения и автор этой книги. Собранный мной каталог компилятивен и, разумеется, весьма далек от идеального состояния. Он является не претензией на полновесный нумизматический свод, а авторским исследовательским инструментом, изготовленным для решения конкретной задачи – изучения региональной экономической динамики на землях Полоцкого княжества и в бассейне Западной Двины–Даугавы. Тем не менее публикация этого материала (пусть и в неоконченном виде) делает выводы автора легко проверяемыми и, полагаю, облегчит понимание и критику некоторых изложенных ниже идей.

Подготовка монографии невозможна была бы без помощи многих коллег из Беларуси и России. Считаю своей обязанностью искренне поблагодарить С. В. Белецкого, Т. С. Бубенько, И. К. Лабутину, Р. С. Минасяна, О. А. Щеглову и Г. В. Штыхова, не только любезно позволивших использовать результаты своих полевых исследований, но и оказавших живое содействие в разборе материалов, добытых раскопками несколько десятилетий тому назад.

Особую признательность нужно выразить сотрудникам Усвятского отряда ИИМК РАН. Сравнительно небольшие полевые исследования при крайне скудном финансировании растянулись на три полевых сезона. Работу в Усвятах приходилось вести урывками в промежутках между другими занятиями. В работе отряда приняли участие: сотрудники Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН А. А. Липатов и П. А. Миляев, сотрудники отряда – А. А. Арефьев, Ю. Н. Марунина, М. В. Марунин, Н. В. Луговская, Т. М. Костылева, В. Б. Трубникова, Н. А. Петрова, Т. Р. Садыков, А. Н. Назаренко, Л. Е. Лясковская, С. В. Гордиенко, И. О. Горячев, С. В. Быстрова, Г. А. Дмитриев, А. И. Корниенко, А. И. Бурменский. Большую помощь в организации экспедиционных работ оказала нам заведующая Усвятским краеведческим музеем Е. Г. Васина.

Первые шаги по изучению Усвята автор сделал, работая в составе Северо-Западной экспедиции Эрмитажа. Книга была написана много лет спустя в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН, сотрудники которого принимали участие в обсуждении всех ключевых ее сюжетов. На различных стадиях работы над рукописью прочли ее и высказали ценные замечания А. Н. Кирпичников, А. В. Курбатов, О. А. Щеглова, Е. Н. Носов, Е. Р. Михайлова, Н. А. Плавинский, Б. С. Короткевич. Несмотря на внесенные по настоянию критиков поправки, в работе осталось, разумеется, немало недоработок и заблуждений. Все они пребывают целиком на совести автора.

Всего же с начала научного изучения древнерусского Усвята прошло полвека. Планомерные работы в Усвятском регионе связаны с именем Александра Михайловича Микляева. Но мало кто помнит, что другой замечательный эрмитажный археолог – Ольга Ивановна Давидан, известная своими блестящими публикациями староладожских коллекций, также положила начало изучению Усвята, проведя в 1966 г. раскопки усвятского курганного некрополя. Памяти двух первых исследователей незаслуженно забытого наукой древнерусского города посвящена эта книга.

И. И. Еремеев,
Полоцк–Петергоф, октябрь 2014 г.

---

1 Паскаль 2009: 12.

2 Юнгер 2008: 25.

3 В 1995–2000 гг. автор возглавлял один из небольших отрядов Северо-Западной археологической экспедиции ГЭ.

ГЛАВА 1. «СЕ ЖЕ ЗНАМЕНЬЕ ПОЧА БЫТИ ОТЪ ДРЮТЬСКА…». ЗАМЕЧАНИЯ О РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ВОСТОЧНО-БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

Чудится мне, или настал света конец? Мертвые скачут!
Старшая Эдда[1]

По вереску, по гиблой трясине скачет дикая охота и будет скакать до тех пор, пока существует мир. Она – наша земля, нелюбимая нами и страшная.
Владимир Короткевич. Дикая охота короля Стаха. 1964

В русских летописях в погодной статье 6600/1092 г. упомянуты странные и зловещие дела. Летописные своды, отразившие древнейшие этапы русского летописания, сообщают о них несколько по-разному. В одном случае (в Повести временных лет, далее – ПВЛ) больше обращается внимание на «бесовщину» и географию страшного явления; в другом (например, Новгородская Первая летопись младшего извода – далее Н1 и Новгородская Четвертая летопись – далее Н4) – на «воинский» его характер, т. е. на сходство событий с военными действиями:

Н1	ПВЛ	Н4
«Наидѣ рана на Полочаны, яко нѣкако бяше ходити по улицамъ, яко мнѣти вои множество, а конемъ копыта видѣти; да аще кто изъ избѣ вылазяше, напрасно убиенъ бываше невидѣмо» (ПСРЛ, т. III. 2000: 202).	«Предивно бысть чюдо Полотьскѣ въ мечтѣ: бываше в нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси. Аще кто вылѣзяше ис хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо от бѣсовъ язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ. Посемь же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣх, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди полотьскыя и его область. Тѣмь и челоѣци гляголаху: яко навье бьють полочаны. Се же знаменье почa быти отъ Дрютьска» (ПВЛ 1996: 91).	«Бысть казнь на Полочанѣхъ, чюдо предивно в Полочкѣ, воина въ мечтѣ: топотъ коневои чюти, а конямъ и копыта знати, а самыхъ не видети; тутно стеняше в нощь по оулицамъ, яко вои множество, аки чловѣци рищущи бѣси, и въ дне являхоуся; и оуязвляхоуся люди Полочкіа и с того оумирахоу; и аще кто вылѣзяше ис храминѣ, хотяще видети, и оуязвені бывахоу невидомо и оумирахоу и область ихъ» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000: 136).

Довольно сложно представить – какой именно смысл в данном случае вкладывала народная молва в определение *навье.* Несомненно, речь велась о заложных покойниках, выходцах с того света (Славянская мифология 2002: 311–312). Но мир этих зловещих персонажей славянской мифологии столь велик и разнообразен в зависимости от региональной специфики, что вопрос о происхождении навий 1092 года трудноразрешим. Стали ли полочане жертвой чужих мертвецов, или против них восстали собственные умершие предки? О том, как выглядели в представлениях людей средневековья поражавшие полочан «бесовские язвы», дает представление Устюжский летописный свод, ошибочно помещающий «полоцкое чудо» в статью 6612/1104 г.

«Предивно бысть чюдо в Полтеску: слышати, а не видѣти; топот коньскии чють и ис копыт видети, а самых людеи не видети; а хто хочет видети, вылезет ис храмины, уязвлен бывает или копьем, или мечем, или стрелою невидимо, и умирает» (Устюжский летописный свод 1950: 42).

Рассказ о полоцком видении, как известно, имеет в ПВЛ параллель в статье 6573/1065 г. Это заимствованное из Хроники Георгия Амартола (см. Перетц 1928: 215, 216; Матвеенко, Щёголева 2011: 241) описание знамения, предшествовавшего разграблению Иерусалима Антиохом IV Епифаном:

«Се же бывають сица знаменья не на добро. Мы бо по сему разумѣемъ, яко же древле, при Антиосѣ, въ Иерусалимѣ случися внезапу по всему граду за 40 дний являтися на вздусѣ на конихъ рищущимъ, въ оружьи, златы имущемъ одежа, и полкы обоя являемы, и оружьемъ двизающимся; се же проявляше нахоженье Антиохово на Иерусалимъ» (ПВЛ 1996: 71–72).

Исследователи выделяли и другие литературные источники образа полоцких «невидимых бесов» (Перетц 1928: 216; Вилкул 2008: 15; Истрин 1893: 76–77). Можно было бы предположить, что известие 6600 г. целиком имеет книжное происхождение, если бы не ссылки летописца на народную молву и географию Руси. «Яко навье бьють полочаны» – этот разошедшийся по Руси слух напоминает малые фольклорные формы, встречающиеся в ПВЛ.[2] Имеются в виду народные присловья о соседних племенах наподобие отзыва о радимичах «пищаньци волъчья хвоста бѣгают». Поэтому, хотя влияние Хроники Амартола на рассказ о полоцких навьях отрицать невозможно, первоисточники его все же следует искать в первую очередь в славяно-русской мифологии.

Летописное известие о происшествии в Полоцкой земле обнаруживает сходство с широко распространенными у древних германцев и, вероятно, заимствованными от них западными славянами легендами о «дикой охоте». В мифологическом мироощущении восточных славян представления о вихре враждебных мертвецов, мчащихся на призрачных конях, сметая на пути все живое, не получили глубокого развития (Афанасьев 1994: 724–731; 1994а: 80, 236, 794–795). Зато похожие мотивы хорошо известны в германском эпосе и в скандинавских сагах. Смертельная напасть (волшебная буря, наносящая удары), которую можно пережить только в укрытии или в жилище; причем нарушивший запрет из любопытства погибает – такой эпизод можно встретить, например, в «Саге о Хрольве Пешеходе»:

> «Вскоре они услышали, как поднимается ветер и с силой ударяет по палаткам. Все это показалось им очень странным. Один воин был так любопытен, что, приподняв угол, выглянул наружу посмотреть, что там творится. Когда он снова закрыл палатку, казалось, что он лишился разума и дара речи; вскоре он умер. Ветер дул три ночи» (Пряди истории 2008: 89).

В саге, в конце концов, выясняется, что происшествие связано со злонамеренными действиями могучего колдуна – противника ее главных персонажей. Не исключено, что простыми людьми XI столетия мистическая подоплека полоцких событий воспринималась так же – полочане стали жертвами злого чародейства.[3] Иначе смотрел на вещи летописец, вводящий в текст страшный слух как знамение постигшего русских людей возмездия за грехи. Возможно, именно необычность для киевлян и новгородцев западного предания о «дикой охоте» позволила ему оказаться на страницах хроники.

В действиях навий из ПВЛ обращает на себя внимание одно обстоятельство – географическая избирательность их жестокого поведения. Она отражает особое, опасливое отношение населения Киевской Руси к земле, что, начинаясь «от Дрютьска» (т. е. к западу и северу от реки Друть – правого притока Днепра), тянулась на запад и северо-запад к Минску и Полоцку. Из древнерусских поучений против язычников мы знаем, что незримое оставление следов – одно из свойств навий и следствие преследуемого церковью с ними общения:

> «…языческие дела творят: устраивают навьям мытье в бане, и пепел посреди сыплют, и выставляют мясо и молоко, и масло, и яйца, и все нужное бесам, и на печь поливая, в бане мыться им велят, исподнюю одежду и полотенце вешая в бане. Бесы же, насмехаясь над их глупостью, скачут по тому пеплу и следы свои оставляют на прельщение им» (Слово Иоанна Златоуста о том, как первые поганые веровали в идолы и требы им клали, перевод И. Н. Данилевского).[4]

Все это было, конечно, известно и автору ПВЛ. Но если в поучениях ареной действий навий выступает лишь двор неразумного крестьянина-язычника, то в ПВЛ мистерия охватывает всю Полоцкую землю, покрывающуюся следами незримых коней. Бесовское действо приобретает космические масштабы, но в то же время имеет вполне определенные географические границы.

Любопытно, что волшебное происшествие с предводителем викингов Хрольвом Пешеходом случилось в тех же краях, что и событие, описанное в ПВЛ, – а именно во время грабительского похода конунга вдоль реки Дюна, в которой исследователи видят Западную Двину (Пряди истории 2008: 279–280, там литература). Может быть, в связи с западнославянскими преданиями о «дикой охоте» следует вспомнить и еще один мрачный мифологический эпизод древнейшей русской летописи – повествование о бегстве умирающего Святополка Окаянного мимо Берестья в 1019 г. Исследователи отмечали уже не книжное, а фольклорное

происхождение этого эпизода (Успенский 2000: 36). Больной князь, как сообщают Ипатьевская (далее – Ипат.) и Лаврентьевская (далее – Лавр.) летописи, слышал за собой невидимую погоню, «и не бѣ никогоже, вслѣдъ гонящего». Случайно или нет – но вновь мы видим предание о невидимой погоне приуроченным к Западнорусскому региону. Разумеется, весьма относительное совпадение в пространстве всех этих записанных в разное время мифологических сюжетов – случайность, достойная быть лишь литературным прологом к научному исследованию. Но именно такие совпадения, позволяющие на мгновение заглянуть в духовный мир людей средневековья, порой обращают наше внимание на более серьезные исторические закономерности и наполняют их жизнью, вовсе не мистической.

Многочисленные архитектурные памятники (в том числе один из трех на Руси Софийских соборов XI столетия), огромные городища (такие как Полоцк или два Минска – на Менке и Немиге), произведения христианского искусства (вспомним уникальную православную святыню – крест Ефросиньи Полоцкой) – все говорит о богатстве, силе и высокой культуре Полоцкой земли домонгольского (или лучше сказать – «долитовского») времени. Вместе с тем исторические сведения о Полоцкой земле X–XIV вв. поразительно ничтожны по своему объему и содержанию. Сколько бы мы ни вглядывались в помещенные в летописи и саги скупые известия о Полоцке (значительную часть которых составляют сказки и мифологические рассказы), мы не в состоянии сколько-нибудь подробно различить течение исторических событий ни в одном из их проявлений. Для середины XIII–XIV в. это можно объяснить подчинением этой территории литвой – враждебным Руси языческим народом с бесписьменной культурой. А как быть со временем расцвета древнерусской культуры в XI–XII вв.?

Источник (как казалось современникам летописца) братоубийственных войн – Полоцкая земля не раз угрожала в XI столетии самому Новгороду. С новгородско-полоцкими и киевско-полоцкими усобицами связаны в русских летописях несколько особенно кровавых эпизодов – начиная от истребления новгородцами во главе со своим князем Владимиром и посадником Добрыней семьи полоцкого правителя Рогволода и продолжая резней, учиненной Ярославичами в захваченном ими Менске в 1067 г. Отчуждение имело место и в области литературной культуры. Мы не знаем достоверно, велись ли летописи или какие-то иные записи в таких крупных городах, как Витебск и Минск. Отсутствие летописной традиции в Полоцке кажется особенно маловероятным. Тем не менее убедительных следов полоцкого летописания в богатой семье древнерусских летописных сводов выделить не удается. Имеется лишь несколько «татищевских известий», древнерусское происхождение которых сомнительно. Причина этого, вероятно, кроется не только в превратностях судьбы погибших княжеских и церковных архивов Полоцка (об этом см., например, Щапов 1976: 269), но и в том, что в конце XI–XIII вв. в силу политических причин (определенной политической изоляции) они были недоступны книжникам Новгорода, Киева и восточнорусских земель. Полоцкая земля была словно «чужой» для киевлян и новгородцев и таила малопонятную нам сейчас угрозу.

Впрочем, природа этого соперничества была не вполне ясна уже древнерусским летописцам, пытавшимся истолковать ее то легендарными династическими распрями (о них повествует вставка 1128 г. в Лаврентьевскую летопись о сватовстве Владимира к Рогнеде), то вмешательством темных языческих сил в семейную и душевную жизнь полоцких правителей. К последней категории относится рассказ Лавр., помещенный под 1044 г., о волшебных обстоятельствах рождения Всеслава Брячиславича и об участии волхвов в судьбе князя и его матери. Этот мрачный полоцкий сюжет (словно нарочно обрамленный в летописи двумя благочестивыми повествованиями о крещении останков сыновей Святослава в Киеве и о закладке Софийского собора в Новгороде) при всей своей легендарности вполне может быть расценен как свидетельство каких-то общеизвестных на Руси (хотя, быть может, и воображаемых) связей полоцкой аристократии с язычеством еще во второй четверти XI в.

Отношение к земле, где правит родившийся «от волхвованья» князь Всеслав, осквернивший Новгородскую Святую Софию, а на улицах городов бесчинствуют злые духи, кажется, действительно включало в себя на Руси (в узком

смысле этого слова) уже в XI в. оттенок архаичных представлений о некоем «нечистом» пространстве, «стране чародеев» – неотъемлемом элементе средневековой географической картины мира.[5] Отголоски этого отношения к Полоцкой земле и через все метаморфозы средневековой этнополитической истории – к Литве, а затем Белоруссии очень долго еще сохранялись у населения центральных областей России и вполне узнаваемы даже в классической русской литературе (деятели которой, впрочем, часто вдохновлялись более идеями историков Западнорусского края).

Образ земель, лежащих «от Дрютьска», как мифического инобытийного пространства подпитывался из многих источников. Одним из них, возможно, служило расположение Полотчины на западе Руси, т. е. в том направлении, где, по представлениям восточных славян, располагался ад (Подосинов 1995: 65), хотя Западная Двина, по представлениям летописца, текла не на запад, а на «полуночье». Несомненным источником была сама природа Литвы–Белоруссии, дикость которой обитатели Западной и Восточной Европы, впрочем, изрядно преувеличивали. Особенно фантастическими чертами рисовалась в их воображении заболоченность белорусской территории, т. е. в конечном счете связь ее с «нижней» хтонической областью мирозданья. Южная часть земель междуречья Припяти и Западной Двины, как известно, занята была древнерусским племенем *дреговичей*. Вряд ли мы когда-нибудь точно сможем сказать – где проходила граница кривичских и дреговичских владений. Вероятно, где-то в районе Минской возвышенности. Этноним *дреговичи* большинство исследователей выводит из славянского *дрегва (дрыгва)* – болото. Этноним, позиционирующий его носителей как обитателей болот, уже сам по себе несет подспудное значение некоей мифической связи с болотным, потусторонним, языческим миром.[6] И это при том, что в землях древлян, кривичей и словен новгородских болот, конечно, было ничуть не меньше, чем в областях, занятых дреговичами. Даже ближайшая Новгородская округа с ее болотами и разливами Волхова не так уж выигрывала в этом отношении по сравнению с Белорусским Полесьем. Конечно, этноним *дреговичи*, зафиксированный летописью в начале XII в., мог быть принесен к южным подножиям Минской возвышенности издалека. Пока сложно уверенно сказать – когда население, известное летописцам под этим именем, утвердилось на своей территории. Но несомненно другое: именно насельники западнорусских земель через свое прозвание оказались наиболее прочно связаны в мифологическом сознании восточных славян с образом «обитателей болот». Множество примеров живучести этого образа можно указать еще в русской литературе и публицистике XIX–начала XX в.[7] Концепции исследователей относительно «особости» ранней белорусской истории в какой-то степени, безусловно, основываются на этом мифе. Но «развенчание мифов», утверждавшихся в народной памяти столетиями (в отличие от сказок, рожденных коллегами за письменным столом), – дело недостойное историка, а главное – бесполезное. Мы попробуем отнестись к такому мифу бережно и, исследовав его истоки, выстроить свои рассуждения в гармонии с ним.

О том, какими глазами смотрели на Полоцкую землю ее западные соседи в древнерусскую эпоху, мы не знаем. Известно, что представления европейцев позднего средневековья о восточных областях Великого княжества Литовского нередко сводились к образу заболоченных дебрей – Герцинского леса, отделявшего цивилизованный западный мир от варварской, но тем не менее изобильной Московии. В конце XVI–XVII в. упоминания об этих дебрях не раз можно встретить в трудах путешественников (Россия XV–XVII вв. 1986: 127, 228; Россия в первой половине XVI в. 1997: 336, 353; Филюшкин 2013: 303, 320). А болотистые пространства, как писал в конце XVI в. Петр Трирский в своем трактате «Об опасных местах и о призраках и явлениях», служат пристанищем демонам (Махов 2013: 252). Эти общераспространенные образы, сочетавшие представления о политической и культурной границе с картинами бескрайних заболоченных лесов, благополучно пережили средневековье и также дожили до новейшего времени.

Вернемся все же к полоцким навьям. Воздав должное внимание мифологической составляющей летописных рассказов о них, уместно завершить вступительный раздел работы не-

которыми реалистическими соображениями. Представляется, что рассказ ПВЛ можно рассматривать как указание на то, что в конце XI в. Друцк и, соответственно, в какой-то ее части – река Друть, на берегу которой стоял город, воспринимались на Руси как граница, за которой начиналась земля полочан, т. е. земля, политически подвластная Полоцку. К этому выводу подталкивают нас толкования этого сообщения в некоторых летописях, преподносящих рассказ о навьях как напасть, поразившую именно владения Всеслава, или Полоцкую землю. Такую трактовку событий дают, например, кроме уже упоминавшейся Н4, Рогожский летописец и Тверская летопись. Географическое указание «от Дрютьска» в этих источниках отсутствует. Оставлено лишь политико-географическое определение Полоцкая «область»:

Рогожский летописец	Тверская летопись
«В лѣто 6600 предивно бысть въ Полотскѣ: воина топот конеи слышати и копыта видѣти, а самѣхъ не видѣти. Аще кто вылазяше ис храмины, хотя видѣти, и оуязвени бываху невидимо и оумираше область ихъ» (ПСРЛ, т. XV. 2000: 19)	«Въ лѣто 6600. Быша устрашенія и мечты бѣсовскыя въ Полотску, при князи Всеславѣ: яко нѣкако бяше ходити по улицамъ въ нощи ристаше и стоняше; и кто вылѣзъ ис храма посмотрити, или окно отворяаше, напрасно убіень бываше невидимо, и съ того умираше. Потомъ же и въ день начаша быти, яздяше бо на конехъ невидимо, яко бы мнѣти воиньства множество, но токмо единь копыта коньскіе видѣти, и тако ураняху человѣкы. Сіа же бысть рана по всей области той» (ПСРЛ, т. XV, 2000: 181–182)

Известие 1092 г. можно, таким образом, рассматривать как древнейшее определение границ Полоцкой земли.[8] Следующее по времени сообщение на сей счет, попавшее на страницы летописей, приурочено уже к 1223 г. О нем нам еще придется много говорить в дальнейшем.

1.1. Полоцкая земля и славянская колонизация Северо-Запада России

Недатированная часть ПВЛ содержит несколько хронологических слоев эпических восточнославянских «переселенческих» преданий, точнее их отголосков, зафиксированных хронистами XI–XII столетий в самых общих чертах. К числу этих полузабытых к тому времени сказаний относится рассказ о расселении славян с Дуная, о приходе словен новгородских на Ильмень-озеро, о переселении родоначальников радимичей и вятичей «от ляхов» на Сож и Оку. С некоторой долей сомнения к этой же группе преданий можно отнести и сообщение о том, что кривичи (и северяне?) ведут свой род от полочан:

> «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане. От нихъ же кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленскъ; тудѣ бо сѣдять кривичи. Таже сѣверъ от нихъ» (ПВЛ 1996: 10).

Происхождение и время возникновения легендарных известий о кривичской ветви летописного «генеалогического древа» восточнославянских племен нам неизвестно, как и источники, которыми пользовался в начале XII в. летописец, записавший предание.

При определенном желании тенденциозный толкователь мог использовать сказание о происхождении «всех кривичей» от полочан для обоснования претензий Полоцка (возможно, частично реализованных в 1021 г.) на огромные области Центральной и Северо-Западной Руси (с такими городами, как Смоленск, Витебск, Усвят, Торопец, Жижеч). Историки давно отметили явную идеологическую направленность ПВЛ на ретроспективное «распространение» власти потомков Рюрика, не связанных с родом Рогволода, на Полоцкую землю. Учитывая это обстоятельство, предполагать, что лояльный по отношению к Ярославичам автор из Киева или Новгорода, современник людей, еще помнивших кровавые подвиги Всеслава Брячиславича, мог произвольно домыслить такой аргумент в литературных целях, достаточно сложно. Вполне вероятно, существовали какие-то полоцкие варианты эпических рассказов о расселении славян, в которых Полоцку и его земле уделялось особое место.[9]

Предание о происхождении кривичей от полочан было известно на Руси.

Предание это как будто ощутимо в ПВЛ и в перечне славяноязычных народов (следующем за цитированным выше отрывком), где на место кривичей поставлены полочане.

> «Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же велыняне» (ПВЛ 1996: 10).

Отсутствие в перечне славянских племен ПВЛ кривичей издавна служит некоторым исследователям аргументом для определения их как какой-то отдельной «балто-славянской» народности VIII–X вв. – то ли некоего локального реликта архаичной балто-славянской языковой общности, то ли, наоборот, – группы, сложившейся в результате метисации славян и балтов в процессе колонизации. Между тем текст летописного свода вполне определенно дает представление о том, что для авторов второй половины XI–начала XII в. этноним «кривичи» был уже не вполне понятен и не особенно актуален. Реальностью для них были обитатели земли, подчиненные в политическом отношении Полоцку, – полочане (те, чьи владения начинались «от Дрютьска»). Поэтому летописец не всегда тверд в тех случаях, когда нужно выбрать между определениями «кривичи» и «полочане». Это соображение очевидно из того, что «словене» здесь также заменены «новгородцами».

Систему взаимодействия в текстах двух этих определений можно попробовать представить на основе известной формулы Лавр. «новгородьци, суть людее ноугородьци, от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни». В представлении древнерусских книжников подобно тому, как новгородцы прозвались русью от варягов, поляне – от своего города назвались киянами (этот вариант присутствует в Ипат.), так и кривичи (в какой-то части их огромного ареала расселения) прозвались полочанами по имени их политического центра.

Соотносятся ли эти мифологические представления об унаследованном полочанами былом могуществе кривичей с историко-археологическими реалиями? Пожалуй, да. Конечно, нужно сразу же исключить из этой схемы северян. Археологические данные позволяют предполагать передвижения какой-то части славян в эпоху переселения народов и в VIII–IX вв. из Северской земли в направлении Подвинья, но не наоборот. Что же касается роли кривичей (насельников Днепро-Двинского географического пространства) в славянском расселении в Восточной Европе в середине–второй половине I тыс. н. э., то она действительно видится очень масштабной.

Значение Полоцкой земли в начальной истории древнерусской культуры парадоксально. Полоцкий край причастен к сложению самих основ восточнославянской государственности, но главная его роль была сыграна задолго до того времени, к которому русские летописные своды относят появление на севере легендарного княжения Рюрика, а затем и формирование государственного объединения в Киевском Поднепровье. Как показывают современные археологические источники, именно раннеславянское население областей Северной Белоруссии и Смоленского Поднепровья (представленное древностями киевской культурно-исторической общности) в IV–V вв. н. э. образовало одну из основных составляющих колонизационного движения, которым были заложены основания Северной Руси (рис. 1).

В последние десятилетия на Ильмене, в самом сердце Новгородской земли, выделена группа памятников (селище Прость, городища Городок на Маяте и Сельцо), принадлежащих к кругу древностей, сформировавшихся на основе киевской культуры (Еремеев, Дзюба 2010: 406) (рис. 2). Ближайшие аналогии материалам из древнейших слоев этих поселений находятся именно на территории будущей Полоцкой земли – на памятниках в верховьях Вилии (Городище), в истоках Полоты (Ермошино) и Ловати (Фролы, Жабино), в окрестностях Витебска (Старое Село) и т. д. (Митрофанов 1978; Лопатин, Фурасьев 2007; Станкевич 1960; Подгурский 2007). Упомянутые древности представлены грунтовыми могильниками с сожжениями, открытыми поселениями и городищами. Велика была роль племен – носителей киевской культуры Северной Белоруссии и в формировании культуры псковско-новгородских длинных курганов (Лопатин, Фурасьев 2007). Это население составило одну из демографических основ будущей Новгородской земли.

Традиции, сформировавшиеся при ведущей роли древностей киевского круга, однако,



Рис. 1. Геополитические предпосылки, приведшие к формированию крупнейших средневековых военно-экономических коммуникаций в Восточно-Балтийском регионе в VIII в. н. э.
1 – Гробиня; 2 – Салме; 3 – Дюнхоф; 4 – Старая Ладога; 5 – Зазоны; 6 – Полоцк; 7 – Псков; 8 – Городок на Маяте; 9 – Бронница

не наследуются прямо в известных нам памятниках IX–X вв. Их разделяет загадочное VIII столетие, когда происходит ломка традиций раннеславянских культур, восходящих к позднеримскому времени, и возникают предпосылки для формирования древнерусской культурной общности. К северу от Западной Двины это произошло, скорее всего, в результате наплыва новой миграционной волны с юга. И в понимании этих процессов нам снова помогают памятники Белоруссии, на этот раз датирующиеся VIII–X вв. Истоки керамических традиций этого времени значительной части Новгородско-Псковских земель вновь отыскиваются на землях, лежащих, по летописному определению, «от Дрютьска» на северо-запад, т. е. в Полоцкой земле. Я еще обращу на это внимание в разделе 1.3.2, где более подробно рассматривается полоцкая лепная керамика.

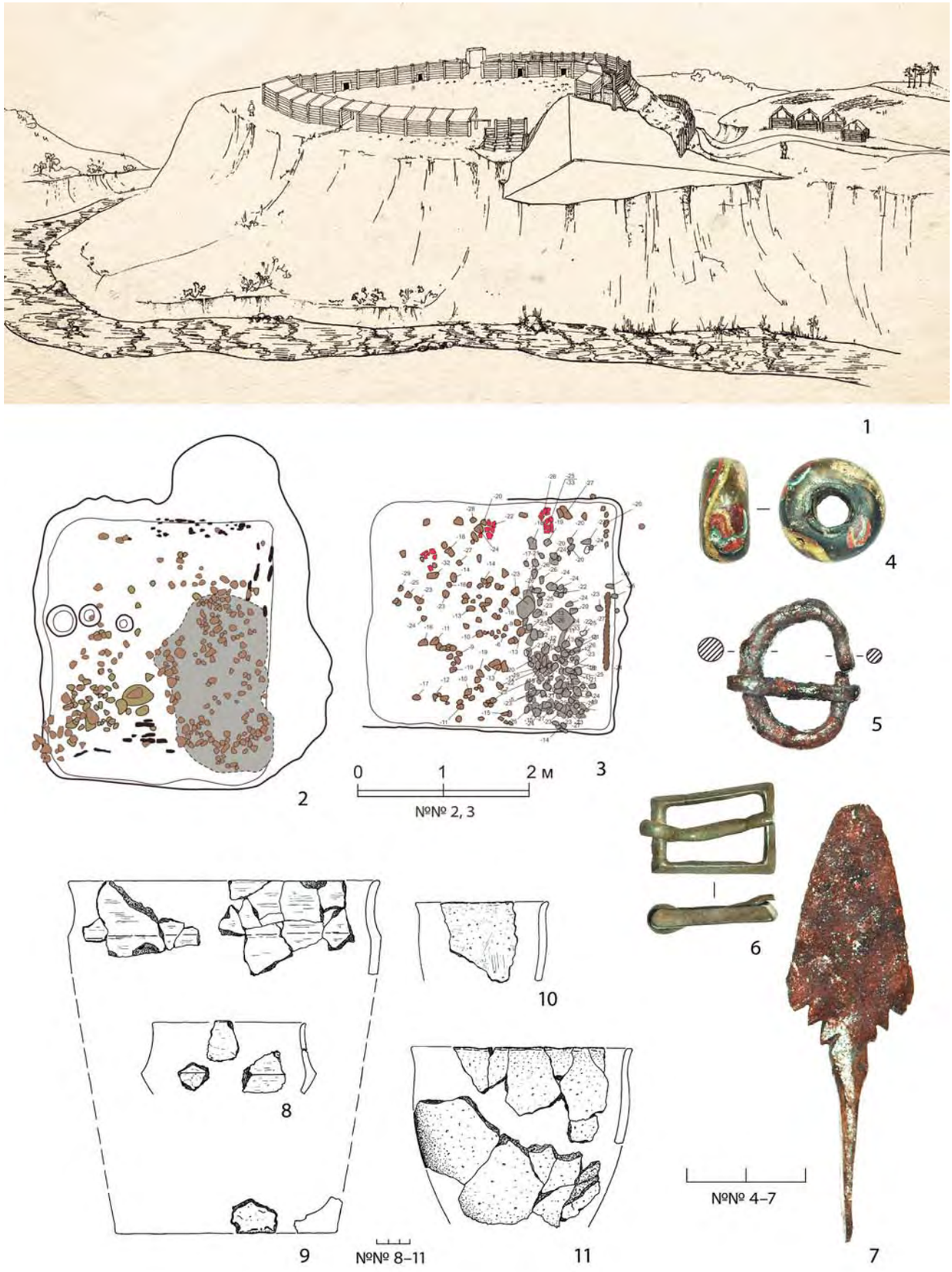


Рис. 2. Древности раннеславянских поселений на оз. Ильмень
(по материалам раскопок Городка на Маяте 2003–2008 гг.). 1 – реконструкция древнейших укреплений;
2, 3 – жилые постройки; 4–7 – датирующие находки; 8–11 – лепная керамика

1.1.1. От «городков» к городам (к предыстории административных центров Полоцкой земли)

> Перешедшие на новые оселища славянские племена вынесли с собой общеславянские нравы, обычаи, религию, предания, обряды и язык своего племени — кривичей; но вследствие совершенной изолированности от кривичей и слитности с другими народами, окруженные новыми семьями и удаленные от главного источника своего места, они становились некоторым образом чужими для соплеменного рода кривичей и по нравам, и по верованиям, и по языку; мало того: завидуя их мирной и спокойной жизни, они делали набеги на прежнее свое отечество и производили опустошения в землях кривичей, как во владениях неприятельских. <…> Между тем кривичи, сделавшись постоянно оседлыми по Днепру, Западной Двине, Соже и Припяти, вели жизнь мирную, домоседную и оттого во всей чистоте и целости сохранили первоначальный свой славянский быт…
>
> *Павел Шпилевский*. Путешествие по Полесью и белорусскому краю, 1853–1855 гг.[10]

Авторы обобщающих публикаций и монографических исследований по археологии городов Полоцкой земли (Алексеев 1966; 2006; Штыхов 1975; 1978; Загорульский 1982; Тарасаў 2001; Левко 2004; 2010; Бубенько 2004), как правило, в своих трудах стремились к историческим выводам напрямик, минуя стадию публикации полевых отчетов и массового материала. При подготовке изданий предпочтение отдавалось отдельным, наиболее ярким находкам. Разумеется, подобная ситуация не является чем-то исключительным и отражает общее состояние славяно-русской археологии в Восточной Европе и традиционный для отечественной науки исторический подход к археологическим источникам. Книги, посвященные городам Полоцкой земли, и рецензии на них полны критическими высказываниями (часто взаимными) исследователей о недостаточно документированных раскопках и неполноте публикаций (об этом см. Алексеев 1980: 272–273; 2006: 101; Белецкий, Лесман 1979: 309–310; Загорульский 1982: 55; Заяц 2005: 29; Левко 2004: 26–27), но, несмотря на обильную критику, дело двигается туго. Отсутствие подробных публикаций материалов раскопок, несовершенство методик полевых исследований и неупорядоченное состояние музейных фондов – все это сильно затрудняет какие-либо широкие обобщения как по отдельным археологическим памятникам, так и по всей совокупности материала.

Поэтому в данном обзоре мы ограничимся только постановкой нескольких вопросов, актуальных для славяно-русской археологии той обширной территории между реками Великой, Днепром, Птичью и Неманом, которую принято называть Полоцкой землей. Не избежим мы и греха своих предшественников – рассмотрения отдельных датирующих археологических находок вне стратиграфического контекста. В большинстве случаев возможности его реконструкции давно утрачены.

Становление городов на Руси – одна из вечных тем отечественной исторической науки. В поисках глубинных истоков градообразовательных процессов в Восточной Европе исследователи не раз обращались к идее происхождения городов от укрепленных поселений эпохи славянской экспансии V–VIII вв. н. э., разбросанных на огромных территориях от Верхнего Поднепровья до озера Ильмень.

Красочную картину возникновения таких поселений, их использования и перерастания в «торгово-промышленные» погосты и затем – в города дал некогда В. О. Ключевский:

> «В пределах древней Киевской Руси до сих пор уцелели остатки старинных укрепленных селений, так называемые *городища*. Это обыкновенно округлые, реже угловатые пространства, очерченные иногда чуть заметным валом. Такие городища рассеяны всюду по Приднепровью на расстоянии 4–8 верст друг от друга. <…> Не думайте, что эти городища – остатки настоящих значительных городов: пространство, очерченное кольцеобразным валом, обыкновенно едва достаточно, чтобы вместить в себе добрый крестьянский двор. Как возникли и что такое были эти городища? Я думаю, что это остатки одиноких укрепленных дворов, какими расселялись некогда восточные славяне… <…> Дворы окапывались земляными валами, вероятно с частоколом, для

> защиты от врагов и особенно для обороны скота от диких зверей. Из таких одиноких дворов вырос и самый город Киев. <…> С развитием торговли среди этих однодворок возникли сборные торговые пункты, места промышленного обмена, куда звероловы и бортники сходились для торговли, для *гостьбы*, как говорили в старину. Такие сборные пункты получили название *погостов*» (Ключевский 1923: 135–136, 149).

Вслед за В. О. Ключевским о возникавших в процессе колонизации малых «городках, <…> какие создавались именно родами или семьями поселенцев», писал М. К. Любавский (Любавский 1996: 120) и другие исследователи. Впервые, как мы видим, идея была сформулирована еще тогда, когда ученые имели лишь смутные представления о городищах, их датировке и социально-политических функциях. Профессиональные историки считали городища именно жилыми местами, только «окопанными» (по образному выражению В. О. Ключевского).[11]

Постепенно, в течение XX столетия, накапливающийся археологический материал все более ярко высвечивал эти своеобразные памятники. Выяснилось, конечно, что значительная часть городищ относится к раннему железному веку. Изменение представлений о городищах отразилось и в терминологии – вместо «укрепленных дворов» (Ключевский 1923: 135; Любавский 1996: 120) появились термины: «городища-убежища» (Штыхов 1978: 7; Митрофанов 1978: 153); «городки-убежища, являвшиеся одновременно местами языческих святилищ» (Третьяков 1963: 41); «родовые городки-убежища» (Кузьмин 2008: 52).

Одна за другой появлялись археологические карты с отмеченными на них древними городками. Росло количество раскопанных городищ. Наконец, все чаще и чаще наталкивались археологи на их следы в нижних слоях древнерусских городов – во Пскове, Витебске, Друцке, древнем Минске… В то же время по мере накопления материала все яснее становились принципиальные отличия миниатюрных «городков» финальных веков эпохи переселения народов не только от раннегородских центров летописной Руси, но и от ранних древнерусских городищ Северо-Запада IX–X вв. (например, связанных с культурой сопок – таких как Надбелье, Городец под Лугой, Малышевское городище) (Кузьмин 2008; Еремеев, Дзюба 2010: 402–420). Исследователи обратили внимание и на явные следы гибели большинства ранних «городков» не позднее VIII в. (Третьяков 1963: 29).

Гипотеза о преемственном «прорастании» древнерусского города из раннесредневекового родоплеменного центра или из «племенного города» (под которым, в частности, может подразумеваться и укрепленное поселение третьей четверти I тыс. н. э.) тем не менее присутствует на страницах трудов историков и археологов. Наиболее известна в этом отношении позиция исследователя Изборска (см., например, Седов 1989: 40–44; 2002: 90–91; 2007: 116–117; критика его концепции – Белецкий, Лесман 2005). Несколько иначе – как «ассимиляцию» славянами-кривичами балтского населения, в третьей четверти I тыс. н. э. жившего на месте будущего города, трактует зарождение древнерусского Витебска Т. С. Бубенько (Бубенько 2004: 148). Безусловно, какая-то связь между двумя этими явлениями существует – свидетельство тому повсеместные находки остатков «городков» в пределах стен древнерусских городов Верхнего Поднепровья и Подвинья, а также на северо-западе славянского мира – в Изборске и Пскове. Но какова природа этой зависимости? Связана ли она лишь с основанием древнерусских центров на освоенных, освобожденных ранее от леса территориях? Насколько обоснованной можно назвать идею преемственности сейчас, исходя из суммы наших современных представлений о «родовых городках» V–VII вв.? Ответить на эти вопросы пока вряд ли возможно.[12] Мы можем лишь нагляднее сформулировать проблему, используя материалы, накопленные исследователями древнерусских городов Полоцкой земли.

Наиболее последовательно теория возникновения древнерусского города из «племенного центра» формулировалась в работах И. Я. Фроянова (Фроянов 1980; 1992). Применительно к белорусским материалам гипотеза о «племенных городах», близкая концепции И. Я. Фроянова, ярко изложена в монографии Л. В. Алексеева (2006). Нетрудно заметить, что теория «племенных городков» напрямую зависит от решения проблемы о роли миграций и их хронологии в раннеславянской истории. Расселение славян на интересующей нас территории оба упомянутых автора датировали IX–X вв. (как писал Л. В. Алексеев, «гнёздов-

ским временем»). Это создавало определенные сложности, поскольку требовало разграничения моноэтничных «племенных» центров, выросших из сформировавшихся в процессе колонизации сельских округ, с раннегородскими полиэтничными центрами явно торгового характера, возникающими в то же самое время (собственно Гнёздово и др.). В результате Л. В. Алексеев пришел к необходимости разделить укрепленные центры X в. на племенные «грады» и торгово-ремесленные «городки» (Алексеев 2006: 79). Первые возникали из сельских округ, вторые являлись перевалочными пунктами в узловых точках торговых путей. Понятно, что при таком подходе обозначить границу между двумя этими группами «протогородов» оказалось довольно сложно (учитывая их синхронность).

Ситуация усугублялась некритическим восприятием значительной частью исследователей белорусских древностей концепции В. В. Седова о приходе славян-кривичей на территорию Белоруссии с севера (Седов 1999: 142–143; 2001: 47; Алексеев 2006: 28–29; Левко 2004: 36–37, рис. 1; Шадыра 2006: карта 9). Археологическим индикатором этого движения являлось, по мнению В. В. Седова, распространение с севера традиции возведения длинных курганов. Утверждение курганного обряда (явление, относящееся к области мифологического сознания, духовной жизни человека) трактовалось исследователями сугубо материально – как следствие миграции и рассматривалось отдельно от элементов бытовой культуры. Оставалось неясным – каким образом славяне ранее (в позднеримское время) оказались на Псковщине, минуя Белоруссию? Если же не миновали, то где на этой территориии следы первоначальной колонизации? Правда, В. В. Седов обратил внимание на распространенные здесь древности «западноевропейского населения» (среди которого, по его мнению, преобладали славяне) в вещевых находках IV–V вв. (Седов 1999: 91–117), но оставил открытым вопрос – как же выглядели поселки этого населения, где его жилища и керамика? Неясно было, наконец, и в чем причина этих маневров туда и обратно (с юго-запада на север и снова на юг) больших масс земледельческого населения? В то же время постепенно становилось понятно, что описанные В. В. Седовым «среднеевропейские» вещи вкраплены в местный культурный контекст (локальные варианты киевской культурной общности, тушемлинско-банцеровские древности, культура псковских длинных курганов и колочинская культура), который сам по себе крайне затруднительно «вывести» из Средней Европы (Лопатин, Фурасьев 2007: 11).

Надо заметить, что археологи, опиравшиеся на построения В. В. Седова, пошли во многом дальше его порой весьма осторожных предположений. [13] Особенно живописные реконструкции славянских передвижений рисуются в трудах Л. В. Алексеева, по мнению которого на Березине, Друти и в верховьях левых притоков Припяти двигавшиеся с севера на юг кривичи в X в. столкнулись с пробиравшимися в обратном направлении дреговичами и по взаимной договоренности установили нечто вроде демаркационной линии, сформировав таким образом южную границу Полоцкой земли (Алексеев 2006: 28–29). Подобного рода исторические полотна, разумеется, лишь в незначительной степени опираются на археологический материал, в основе своей восходя к некоторым схоластическим этнополитическим конструкциям советской исторической науки 1940–1970-х гг. (похожие рассуждения см., например: Пичета 1961: 615).

Безусловно, начальная история Полоцкой земли и ее городов может быть правильно освещена только в связи с рассмотрением (преимущественно на археологическом материале) сложнейшей проблемы расселения славян на территории Центральной и Северной Белоруссии. Решение этой проблемы сейчас наметилось совсем в ином направлении, нежели это виделось вышеупомянутым авторам, следовавшим за построениями В. В. Седова. В настоящее время наиболее убедительной представляется версия, отождествляющая с раннеславянскими древностями банцеровскую археологическую культуру и культуру псковских длинных курганов (далее — КПДК), сложившиеся здесь в V в. на основе локальных вариантов киевской культуры (Митрофанов 1978: 118; Лопатин, Фурасьев 2007). Таким образом, множество «городков», считавшихся ранее (а некоторыми исследователями и по сей день) памятниками преимущественно балтского населения (см., например: Третьяков 1982: 89; Шмидт 2012: 119; Callmer 2013: 46–48), оказыва-

ются вновь привлечены к решению вопросов о славянском расселении, а значит, и о генезисе древнерусского города.

Я пишу «вновь привлечены», не только лишь памятуя об интуитивных построениях В. О. Ключевского, но также имея в виду ряд исследований середины прошлого века, в которых эта идея звучала, но не оформилась еще в аргументированную концепцию. Здесь нужно, конечно, в первую очередь упомянуть о труде Я. В. Станкевич, которая впервые на хорошо проработанном полевом материале Верхнего Подвинья поставила вопрос о связи многочисленных городищ со славянским расселением в середине I тыс. н. э. (Станкевич 1960). В настоящее время вопрос о роли городищ в этом процессе снова зазвучал в трудах исследователей (Лопатин 2009).

Новая гипотеза ликвидирует некоторую нелогичность построений В. В. Седова, связанную с отсутствием славян на Северо-Западе и в Белоруссии в третьей четверти I тыс. н. э. и с вытекающей отсюда хронологической «спрессованностью» их предгосударственного исторического периода. В то же время новая система взглядов не сняла проблемы VIII в., точнее – проблемы довольно резкой смены культурных традиций, приходящейся на это столетие. Для объяснения этого наиболее приемлемой кажется нам гипотеза о второй крупномасштабной миграции, последовавшей за первой с интервалом в 200–300 лет. Как этот процесс отразился на культурных слоях, залегающих в основании древнерусских раннегородских центров, тоже будет нас интересовать.

Другой важный вопрос, который мы попробуем затронуть, – можно ли отыскать в археологическом материале, связанном с началом градообразовательных процессов, некое соответствие или даже объяснение той глубинной политической враждебности или, по крайней мере, обособленности Полоцкой земли от Новгородско-Киевской Руси, которая прослеживается по летописным источникам в X–XI вв. и в более позднее время? Слово здесь главным образом за археологическими данными, поскольку русские летописи и иностранные авторы сообщают нам на редкость мало сведений о том, что происходило между Днепром, Припятью и Западной Двиной до эпохи Всеслава Брячиславича.

Помимо раннеславянской проблематики мы попробуем еще сосредоточиться на роли славяно-скандинавских культурных взаимодействий в истории Полотчины. Археологи и историки традиционно подчеркивают роль Пути из варяг в греки в экономической и политической жизни Полоцкой земли, следуя схеме, традиционной для областей Древней Руси, расположенных на геополитической оси Киев–Смоленск–Новгород. Лишь тонкий исследователь древнерусской исторической географии А. Н. Насонов отмечал, что «в отличие от Новгородской и Смоленской земель, Полоцкая земля лежала как бы в стороне от основной водной магистрали “из Варяг в Греки”» (Насонов 2002: 136). Важнейшим индикатором связи территорий с Путем из варяг в греки считается во многих исследованиях арабское серебро (Алексеев 2006: 42–51). Нам представляется, что это не совсем верно или, быть может, верно только отчасти. Действительно, клады серебра маркируют некие торговые пути. Но зона обращения куфических монет в Европе очень обширна и напрямую не связана с взаимоотношениями Поднепровья и Новгородского севера и тем более Северной Европы и Византии. Был ли Путь из варяг в греки преимущественно торговым путем? Это не очевидно, во всяком случае – неоднократно ставилось исследователями под сомнение. На наш взгляд, скорее следовало бы рассматривать Путь из варяг в реки как военно-административную политическую структуру. На этом пути следует, может быть, уделять внимание не только динамике и географии обращения куфических монет, но и распространению североевропейских и северорусских (и южнорусских, конечно) элементов материальной культуры и мировоззрения (его изучение доступно нам в следах погребальных ритуалов). Здесь мы бы в первую очередь обратили внимание на распространение с севера на юг больших курганов (сопок) и следов скандинавского присутствия (Еремеев, Дзюба 2010: 486–517).

Историю древнерусских городов в областях Северной и Центральной Белоруссии принято возводить (самое раннее) ко времени их первых летописных упоминаний. Нас будет в первую очередь интересовать более ранний период в истории древнерусских городов. Точнее – в предыстории, поскольку примене-

ние термина «город» или даже «протогород» к интересующему нас времени едва ли можно каким-либо образом оправдать.

При внимательном рассмотрении материалов, полученных археологами в городах Полоцкой земли, мы видим, что в основании их культурных напластований лежат следы своеобразных селитебных структур, восходящие к киевской культуре и к различным вариантам генетически связанных с ней культурных общностей (в частности, к КПДК). Вопрос, однако, осложняется тем, что, согласно имеющимся представлениям, в VIII в. тушемлинские и банцеровские поселения (в том числе и городки) исчезают, а на их месте появляются поселения с иным керамическим комплексом.

Но обратимся последовательно к материалам древнейших летописных городов Полоцкой земли.

1.1.1.1. Витебск

Топографии раннесредневекового Витебска посвящено несколько основательных работ (Штыхов 1978; Бубенько 2004; Левко 2010). Территория древнейшего города складывалась из трех частей, расположенных на острове, образованном при впадении в Западную Двину рекой Витьбой и ее рукавом – Замковым (Пилатовым) ручьем (рис. 3). Доминантой островка была Замковая гора (рис. 4). К западу от нее за оврагом располагалась вторая возвышенность, на которой позднее возник Верхний замок Витебска. К юго-западу и юго-востоку от двух холмов в излучине Замкового ручья лежал обширный пониженный участок берега, чрезвычайно удобный для поселения и для причаливания речных судов (Нижний замок) (рис. 5). За ручьями к северу, югу и востоку от рукавов Витьбы располагались менее удобные для жизни и ведения хозяйства всхолмления – Узгорье (на севере), Заручевье на юге и Задунавье (по имени впадавшего в Замковый ручей притока) на востоке.

Лепная керамика середины–третьей четверти I тыс. н. э. впервые обнаружена на территории Нижнего замка Витебска в раскопах Г. В. Штыхова к югу от Благовещенской церкви в раскопах I–V. Исследователем был выявлен на материке культурный слой мощностью 0,2 м с керамикой, отнесенной им к кругу древностей банцеровской и тушемлинской культур

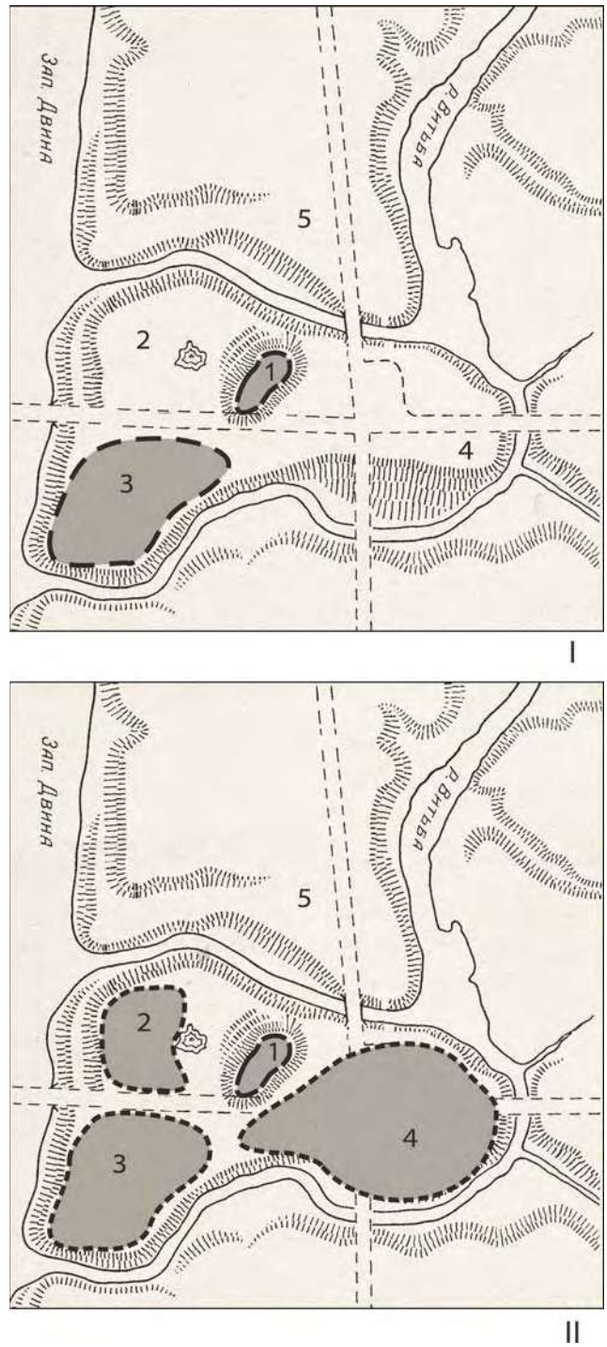


Рис. 3. Раннесредневековый Витебск. Предполагаемая динамика изменения территории поселения во второй половине I тыс. н. э. (по материалам раскопок Г. В. Штыхова, Т. С. Бубенько, О. В. Левко). Топооснова дана по Г. В. Штыхову

I – поселения на территории Витебска во второй–третьей четверти I тыс. н. э.;
II – поселения на территории Витебска в конце IX–X в. н. э.

Цифрами на территории города обозначены урочища: 1 – Замковая гора; 2 – Верхний замок; 3 – западная часть Нижнего замка; 4 – восточная часть Нижнего замка; 5 – Узгорье.



Рис. 4. Замковая гора в Витебске. Архив ИИМК РАН. II 25695. Витебск. К делу о срытии Замковой горы. Рисунок А. Сапунова, 1897 г. Замковой горы и части дома Витебской гимназии

(Штыхов 1978: 35–37). Среди фрагментов лепных сосудов выделялись обломки, украшенные вертикальными и горизонтальными линиями расчесов в верхней части тулова (рис. 6: 1, 5). Предварительно можно заключить, что среди ранней витебской керамики преобладают неорнаментированные цилиндроконические сосуды с отогнутым венчиком (рис. 6: 2–5; рис. 7: 1–4, 6; рис. 8: 1–3, 8), которые можно отнести к типу 4, по Н. В. Лопатину (Лопатин, Фурасьев 2007: рис. 11). Любопытен фрагмент горшка с очень длинным отогнутым венчиком, украшенный расчесами. Такие сосуды для памятников Подвинья не характерны и чаще встечаются (обычно – неорнаментированные) в Оршанско-Могилевском Поднепровье (Левко, Колосовский 2003: рис. 11: 1, 2, 6, 7).

Слои указанного времени на Нижнем замке весьма насыщенные. В 2000 г., работая в фондах Института истории НАНБ с материалами из раскопок Г. В. Штыхова в Витебске 1964–1966 и 1972 гг., автор этой работы насчитал в коллекции лепной керамики 76 фрагментов венчиков сосудов середины–третьей четверти I тыс. н. э. Важно отметить зафиксированные в слоях этого времени следы ювелирного производства – обломки ювелирных тиглей (Штыхов 1978: 35). Имеются и выразительные вещевые находки этого периода: серп группы I, варианта А, по Р. С. Минасяну (рис. 8: 10), и каменная литейная формочка для отливки (скорее всего, из оловянистых сплавов) грубых трехрогих лунниц (рис. 8: 9).

Раскопки Т. С. Бубенько дополнили представления о топографии поселения середины–третьей четверти I тыс. н. э. Керамический материал указанного периода, соотнесенный Т. С. Бубенько с верхним слоем Тушемли, зафиксирован, по мнению исследовательницы, в раскопках не только на прилегающем к Запад-

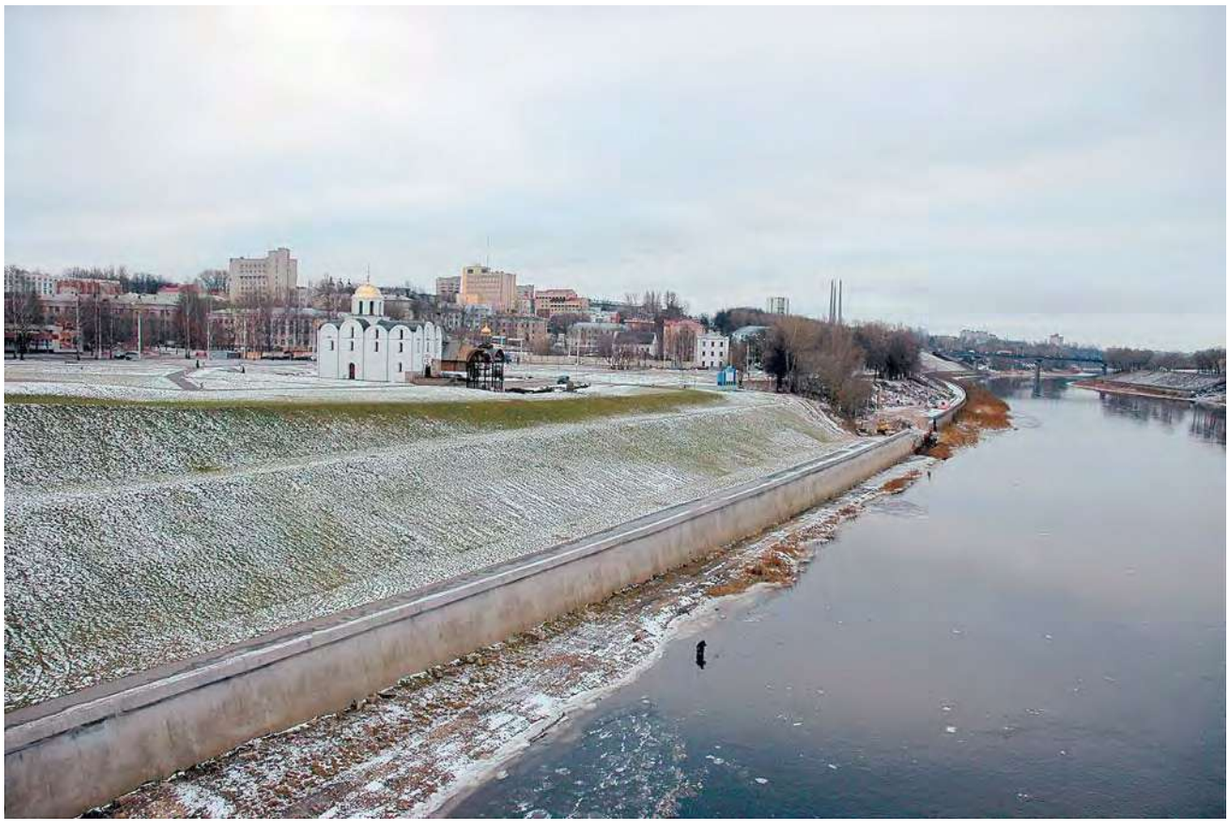


Рис. 5. Западная часть Нижнего замка Витебска с храмом Благовещения. Здесь, при впадении в Западную Двину Пилатова (Замкового) ручья, располагалось открытое поселение V–VII вв. Тут же концентрируются находки арабских монет и предметов скандинавских типов IX–X вв., указывающие на место жительства наиболее зажиточной части обитателей раннесредневекового города. Вид с северо-запада. Фото И. И. Еремеева

ной Двине участке Нижнего замка, но и в раскопе XV (один из раскопов так называемой «восточной группы») в излучине Замкового (Пилатова) ручья в восточной части витебского посада (Бубенько, Левко 2003: 74; Бубенько 2004: 20). Сама исследовательница пока не опубликовала ранних материалов из этой части Нижнего замка. Хронология древнейших напластований этой части посада определена ею в рамках IX–начала X в. – как в текстах работ (Бубенько, Левко 2003: 74; Бубенько 2004: 20), так и на графических реконструкциях процесса роста городской территории (Бубенько 1997: рис. 1; 2004: рис. 16). Работая с любезного разрешения Т. С. Бубенько с коллекциями Витебского музея, нам не удалось с достоверностью выявить керамику середины–третьей четверти I тыс. н. э. в раскопах «восточной группы». Распространение раннего культурного слоя так далеко от берега Западной Двины осталось, таким образом, все же под вопросом.

Замковая гора, древнейшее укрепленное ядро городской территории Витебска, была, как известно, срыта в конце XIX в. (Алексеев 2006: 12). Гора сохранялась до 1870-х гг., когда на ней был устроен карьер для добычи песка. Единственным известным нам документом, дающим представление о том, как выглядела древнейшая укрепленная цитадель Витебска, является сохранившийся в архиве ИИМК РАН рисунок А. П. Сапунова, сделанный в 1897 г. незадолго перед окончательным уничтожением археологического памятника (рис. 4). К этому времени часть городища была уже срыта. На рисунке мы видим типичное холмовое городище со следами ступенчатой эскарпировки склонов и небольшой площадкой на вершине. В архивном деле есть краткое описание памятника: «Находясь теперь в середине между двумя этими зданиями (гимназии и окружного суда. – *И. Е.*) в стороне от всякого движения и одной лишь своей стороной выходя к набережной реки Витьбы, гора эта представляет из себя усеченную пирамиду, покрытую травою с ровной площадкой на верху» (О предполагаемом срытии А-1897: Л. 8). Исследования незначительных уцелевших участков Замковой горы указывают на то, что городище было впер-

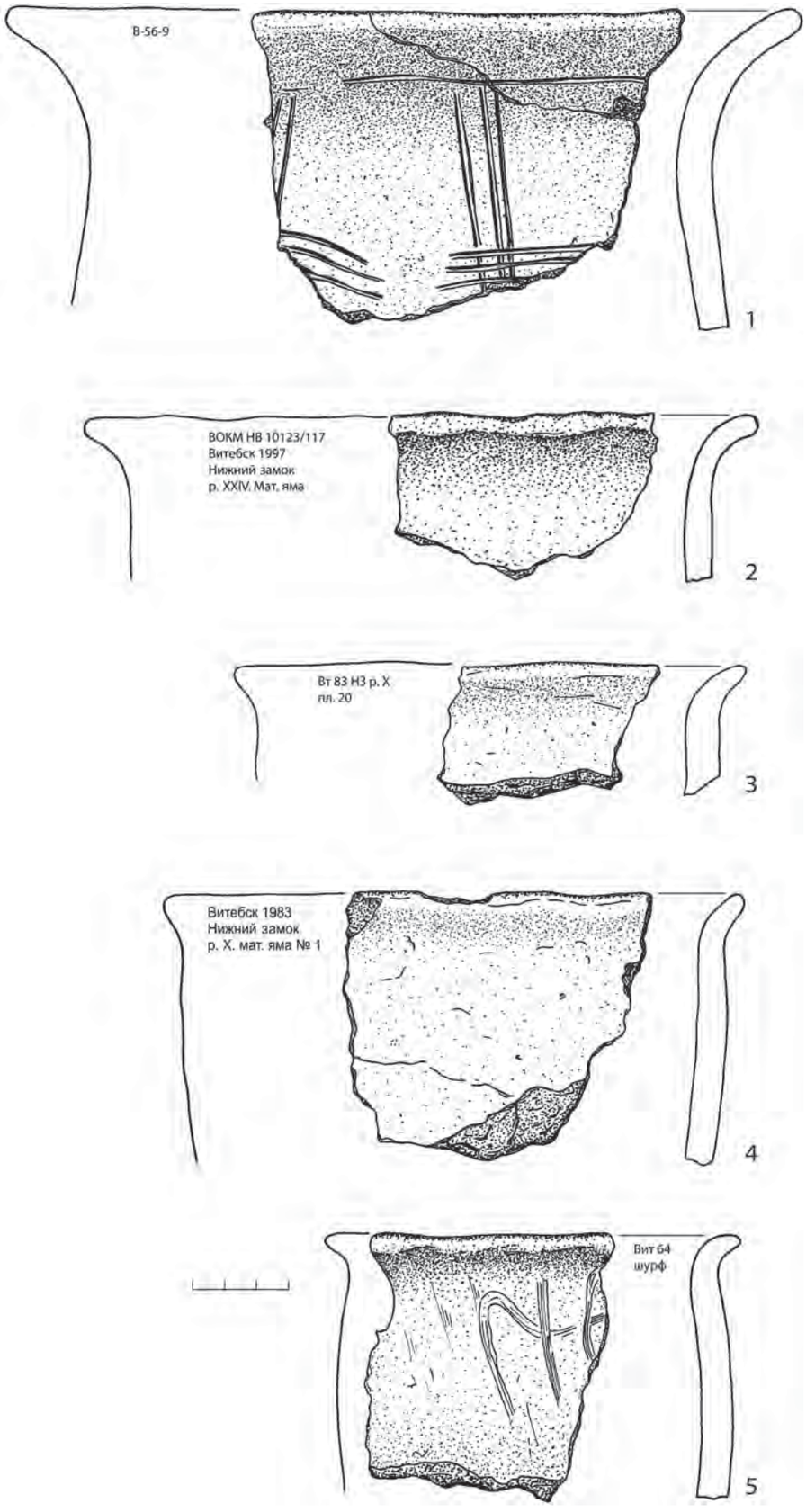


Рис. 6. Витебск. Лепная керамика второй–третьей четверти I тыс. н. э. с открытого поселения в западной части Нижнего замка. 1, 5 – раскопки Г. В. Штыхова 1964 г.; 2–4 – раскопки Т. С. Бубенько 1983 и 1997 гг.

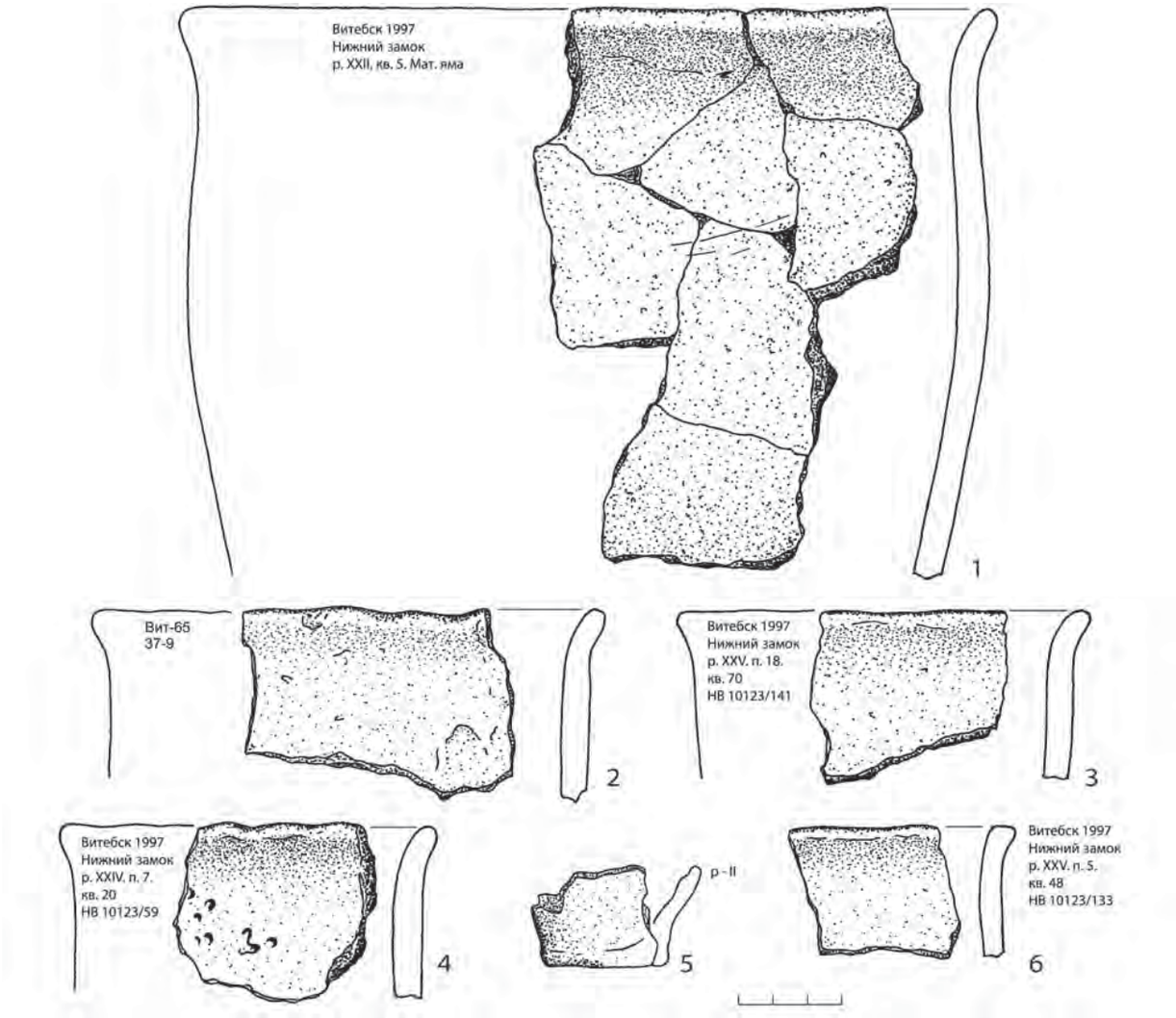


Рис. 7. Витебск. Лепная керамика второй–третьей четверти I тыс. н. э. с открытого поселения в западной части Нижнего замка. 1, 3–4, 6 – раскопки Т. С. Бубенько 1983 и 1997 гг.; 2, 5 – раскопки Г. В. Штыхова 1964 г.

вые построено здесь в раннем железном веке (Бубенько, Левко 2003: 71). Достоверные материалы середины–третьей четверти I тыс. н. э. с Замковой горы неизвестны. Можно, однако, не сомневаться, что если у ее подножия в этот период располагалось открытое поселение, то и городище более раннего времени было использовано по назначению – как убежище.

Таким образом, мы видим, что в V–VII вв. (при желании читатели могут поменять эту датировку на более расплывчатое определение «в третьей четверти I тыс. н. э.») на месте Витебска существует городище с открытым поселением, растянувшимся к югу от городка преимущественно вдоль низкого берега Западной Двины. Возможно, поселение охватывало укрепление полукольцом как с южной, так и с восточной стороны.

О преемственности между ранним поселением V–VII вв. и древнерусским Витебском IX–X вв. определенных данных нет. Комплексов, в которых in situ была бы совместно найдена ранняя и поздняя керамика, в распоряжении исследователей не имеется. Керамический комплекс IX–X вв. (рис. 9–13) существенным образом отличается от ранней керамики (рис. 6–8).

Витебск IX–X вв. обладает всеми характерными чертами древнерусского торгово-административного центра на Пути из варяг в греки (ответвление которого шло, по всей видимости, по реке Лучёсе). С территории города и из его окрестностей происходят многочисленные находки арабских монет (Рябцевич 1998: 67), два каролингских меча (Плавінскі 2009: 14–15). При раскопках на Нижнем замке найдено значитель-

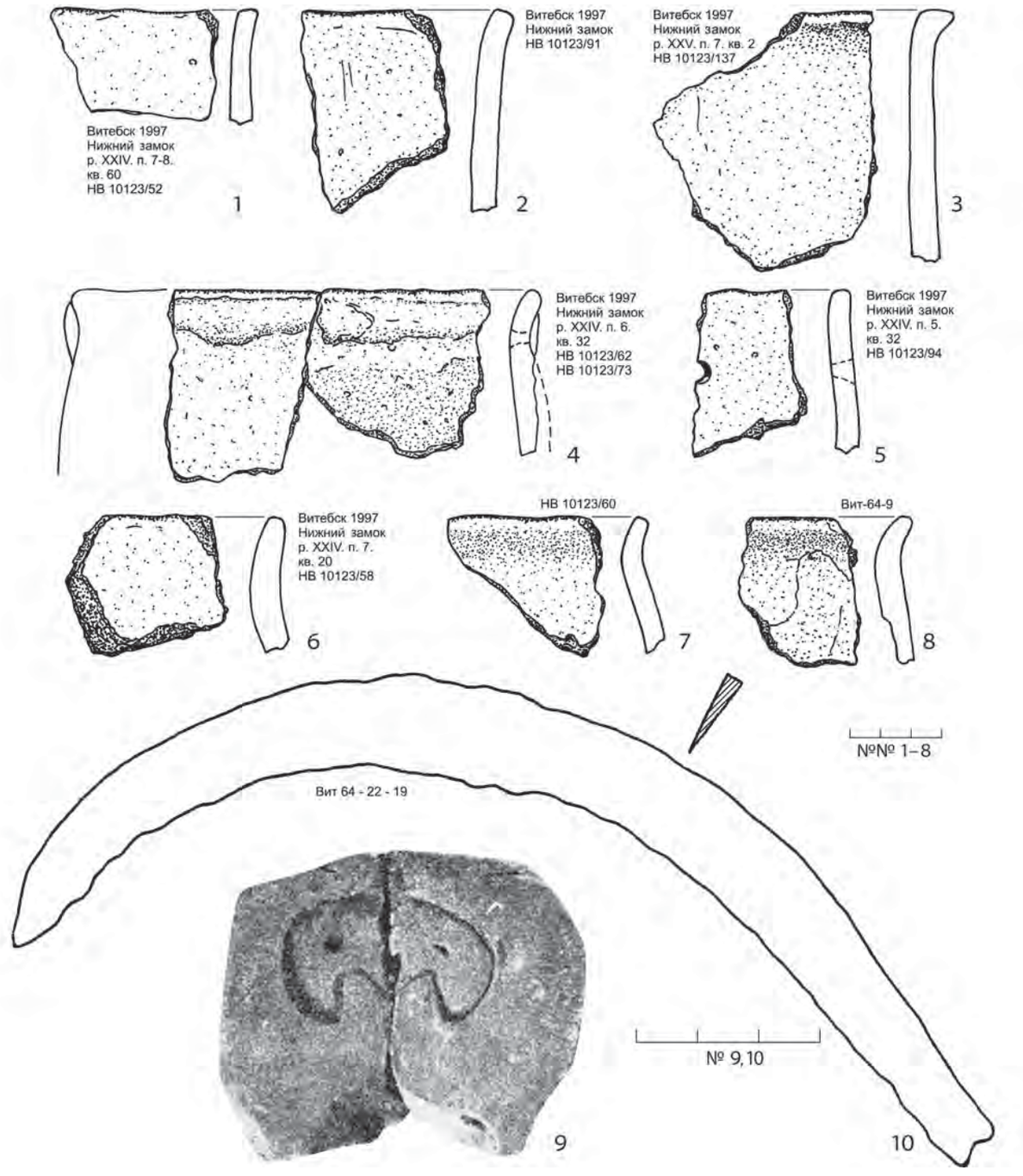


Рис. 8. Витебск. Лепная керамика и находки второй–третьей четверти I тыс. н. э. с открытого поселения в западной части Нижнего замка. 1–7 – раскопки Т. С. Бубенько 1997 г.; 8 – раскопки Г. В. Штыхова 1964 г.; 9 – каменная литейная форма из предматерикового слоя западной части Нижнего замка (Штыхов 1978); 10 – железный серп (Штыхов А-1964)

ное количество предметов, связанных с североевропейской культурой: наборные односторонние гребни, две фибулы-булавки, ладьевидный браслет раннего типа (вероятно, IX столетия), ланцетовидные стрелы (Бубенько, Левко 2003: рис. 3–5; Бубенько 2004: рис. 76, 95; Еремеев, Дзюба 2010: 496, 498; Callmer 2013: 64–66).

Наконец, нельзя не упомянуть о такой яркой находке последних лет, как деталь конского оголовья в стиле Борре. Вещица была найдена в устье р. Витьбы (рис. 15) при дноуглубительных работах. К сожалению, в ВОКМ остались только фотографии находки. Само изделие находится в частной коллекции.[14] Деталь, отлитая из медного сплава, представляет собой полую коробчатую подвеску в виде головы хищного зверя (рис. 16). Голова покрыта рельефным «плетеным» орнаментом в стиле Борре. Между

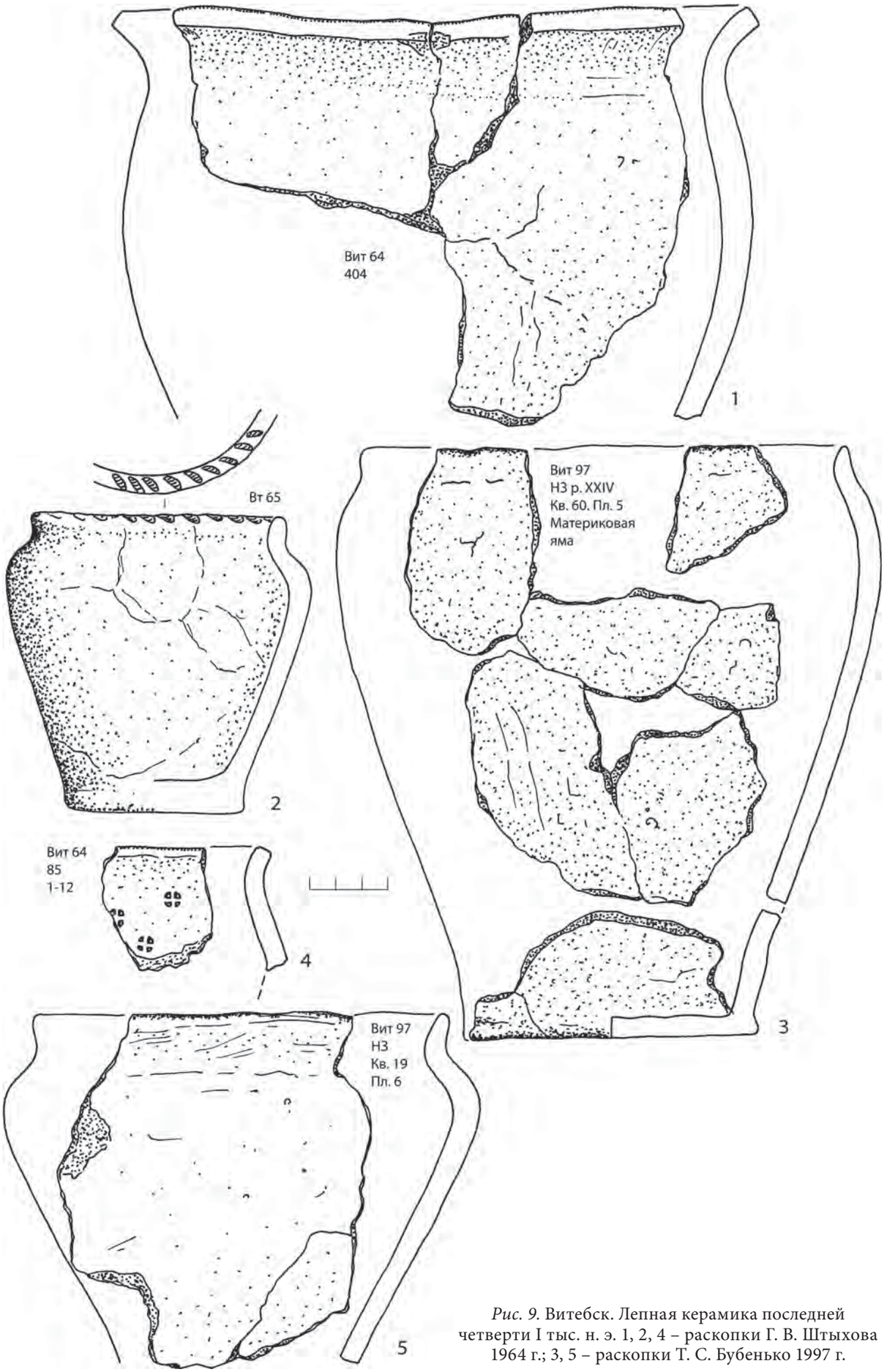


Рис. 9. Витебск. Лепная керамика последней четверти I тыс. н. э. 1, 2, 4 – раскопки Г. В. Штыхова 1964 г.; 3, 5 – раскопки Т. С. Бубенько 1997 г.

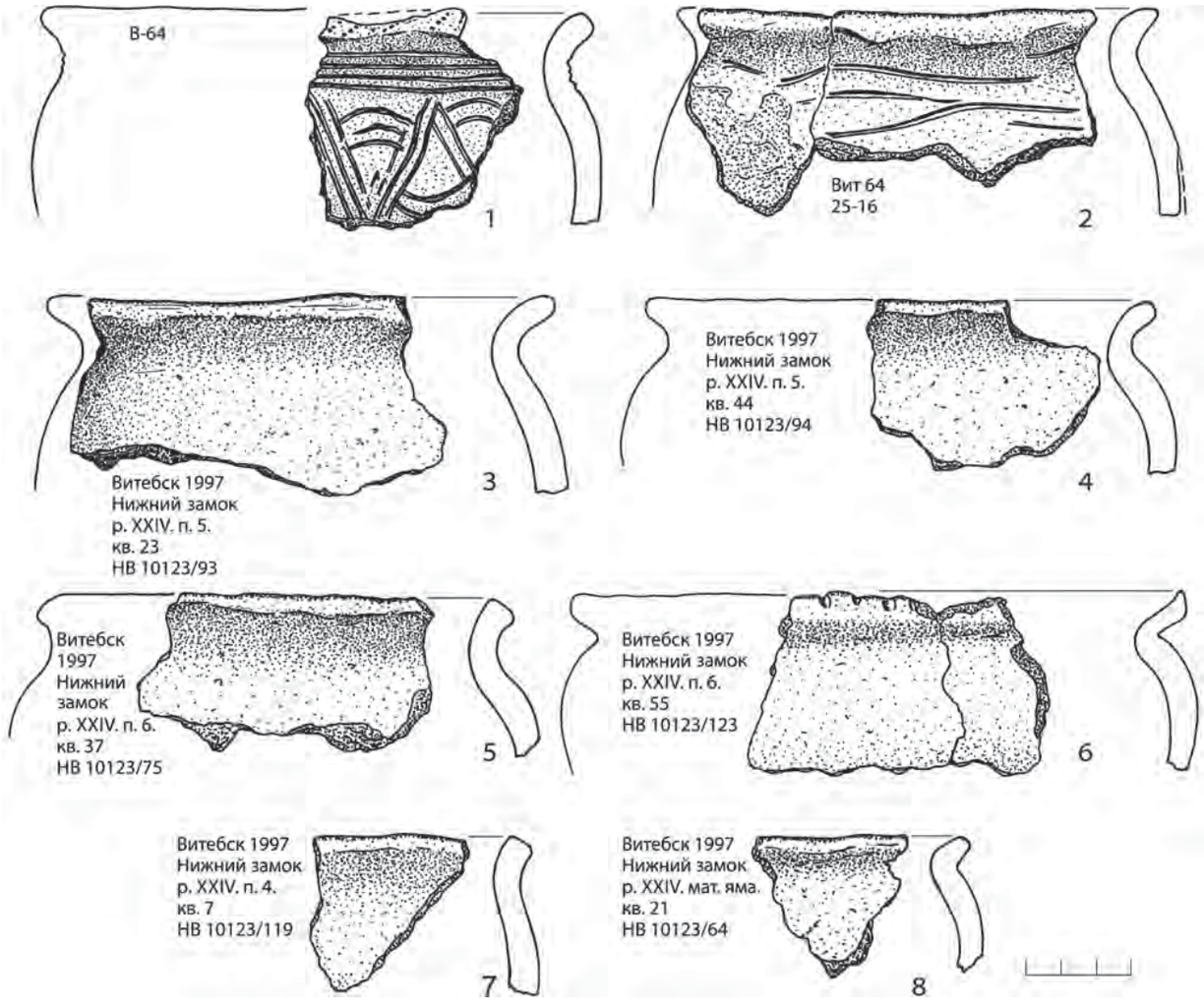


Рис. 10. Витебск. Раннегончарная и лепная, подправленная на круге, керамика X–XI вв.
1, 2 – раскопки Г. В. Штыхова 1964 г.; 3–8 – раскопки Т. С. Бубенько 1997 г.

стоящими торчком полукруглыми ушами (они позволяют предположить, что мастер хотел изобразить медведя) располагается маленькая антропоморфная маска. Возможно, изделие было позолочено (следы золочения как будто сохранились в углублениях рельефа), но уверенно утверждать это нельзя.

Зооморфным деталям конских оголовий посвящены две сравнительно недавние статьи В. В. Новикова, к которым мы и отсылаем читателя за описанием аналогий витебской находке (Новиков 2009; 2010). Вкратце можно сказать, что, по собранным этим автором данным, подобные элементы оголовий известны на Руси в семи пунктах. Это Гнёздово (2 находки), Владимирские курганы (1 находка), Белоозеро (1 находка) и Устрека в Южном Приильменье (1 находка), Курская область (1 находка) и селище Бельково-III на Новгородчине (Новиков 2010: 229).[15] Наиболее близкую аналогию подвеска из Витебска находит во Владимирских курганах, раскопанных П. С. Савельевым, предположительно в погребении № 706 у с. Шугорь (Новиков 2009: рис. 3: 5).

Единственную сравнительно надежную хронологическую привязку для определения даты подобных изделий дает курган 65 (7) из Гнёздова. В. В. Новиков, проанализировавший погребальный инвентарь из этого комплекса, датировал его серединой–третьей четвертью X в. (Новиков 2009: 66). Дата не вызывает особых сомнений, разве что правильнее было бы датировать курган более осторожно – серединой/второй половиной X в.

По мнению этого автора, зооморфные подвески оголовья «можно рассматривать как результат смешения скандинавской традиции орнаментации и восточного типа конских украшений». При этом автор подчеркивает, что точных аналогий перечисленным подвескам в Скан-

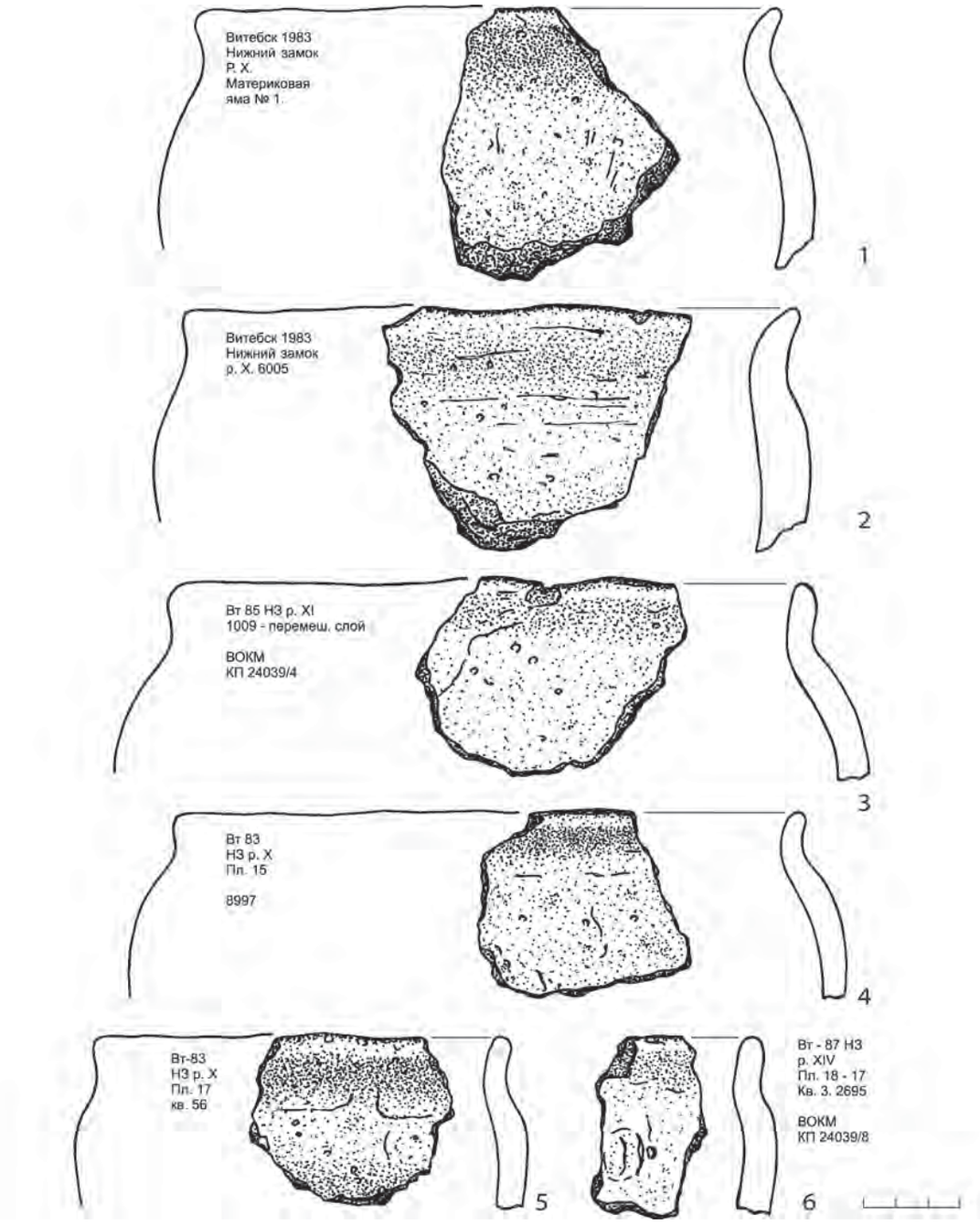


Рис. 11. Витебск. Нижний замок. Лепная керамика из раскопок Т. С. Бубенько 1980–1990-х гг. Сосуды группы 1 вариант 1

динавии нет, т. е. их можно рассматривать как тип украшений, возникший в Восточной Европе, скорее всего – на Руси (Новиков 2010: 231–232).

Идея о существовании особого восточноевропейского варианта (или вариантов) скандинавской орнаментально-ювелирной традиции очень плодотворна и позволяет объяснить многие художественные явления древнерусской культуры X–XI и даже XII вв. Правда, сложно сказать, имеем ли мы в нашем случае дело именно с проявлением этой особой традиции. Ведь все известные нам украшения являют вполне определенную скандинавскую «физиономию», т. е. мотивы их орнаментации полностью выдержаны в духе скандинавского искусства. Может быть, в поисках одного из прототипов популярного на Руси уздечного украшения следует обратиться к широко распространенным на Готланде в эпоху викингов коробчатым фибулам в виде головы медведя.

Но все же хотелось бы обратить внимание на некоторые предметы, направляющие

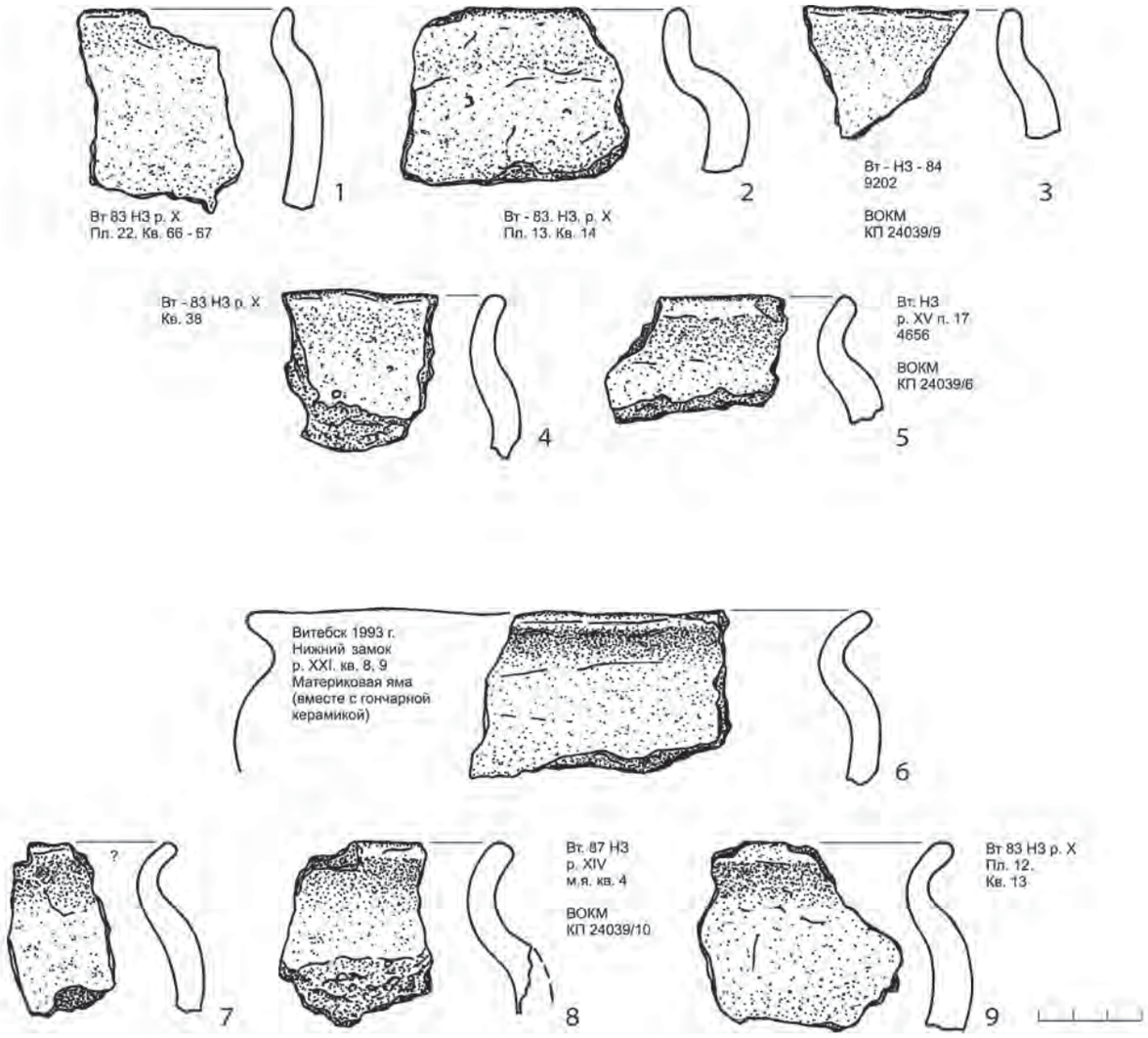


Рис. 12. Витебск. Нижний замок. Лепная керамика из раскопок Т. С. Бубенько 1980–1990-х гг. Сосуды группы 1 вариант 1 (1–5) и сосуды группы 1 вариант 2 (6–9)

мысль именно в русло русско-скандинавских связей. Речь идет о серебряных полых подвесках в виде головы животного, украшенных сканью и зернью и датирующихся более поздним временем, чем рассматриваемые детали оголовья (вероятно, концом X–XI в.). Таких подвесок мне известно две. Одна случайно найдена на Рюриковом Городище в 1977 г. (Меч и златник 2012: кат. 169).[16] Вторая подвеска происходит из небольшого клада в Шведской волости Сурунда (Sorunda) в Сёдерманланде (рис. 17: 1).[17]

В обоих случаях мы видим голову зверя с выпученными глазами и торчащими на макушке полукруглыми (медвежьими?) ушами. Зооморфные серебряные подвески с зернью не имеют, конечно, никакого отношения к конской сбруе; они носились женщинами в составе ожерелий. Тем не менее это ближайшие аналогии подвескам конских оголовий.

Любопытно, что комплекс из Сурунды включает два чужеродных для Швеции украшения – круглую подвеску так называемого «гнёздовского» типа и двурогую лунницу. Именно подвески «гнёздовского» типа считаются характерным произведением древнерусского ювелирного искусства, возникшим под влиянием североевропейского звериного стиля во второй половине–конце X в. Клад из Сурунды, вероятно, принадлежал человеку, связанному с Русью. Таким образом, выясняется, что к Восточной Европе имеют отношение не только сами зоомофные детали оголовий, но и их ближайшие аналогии в кругу женских украшений. Эта деталь как будто снова заставляет вспомнить предположение о принадлеж-

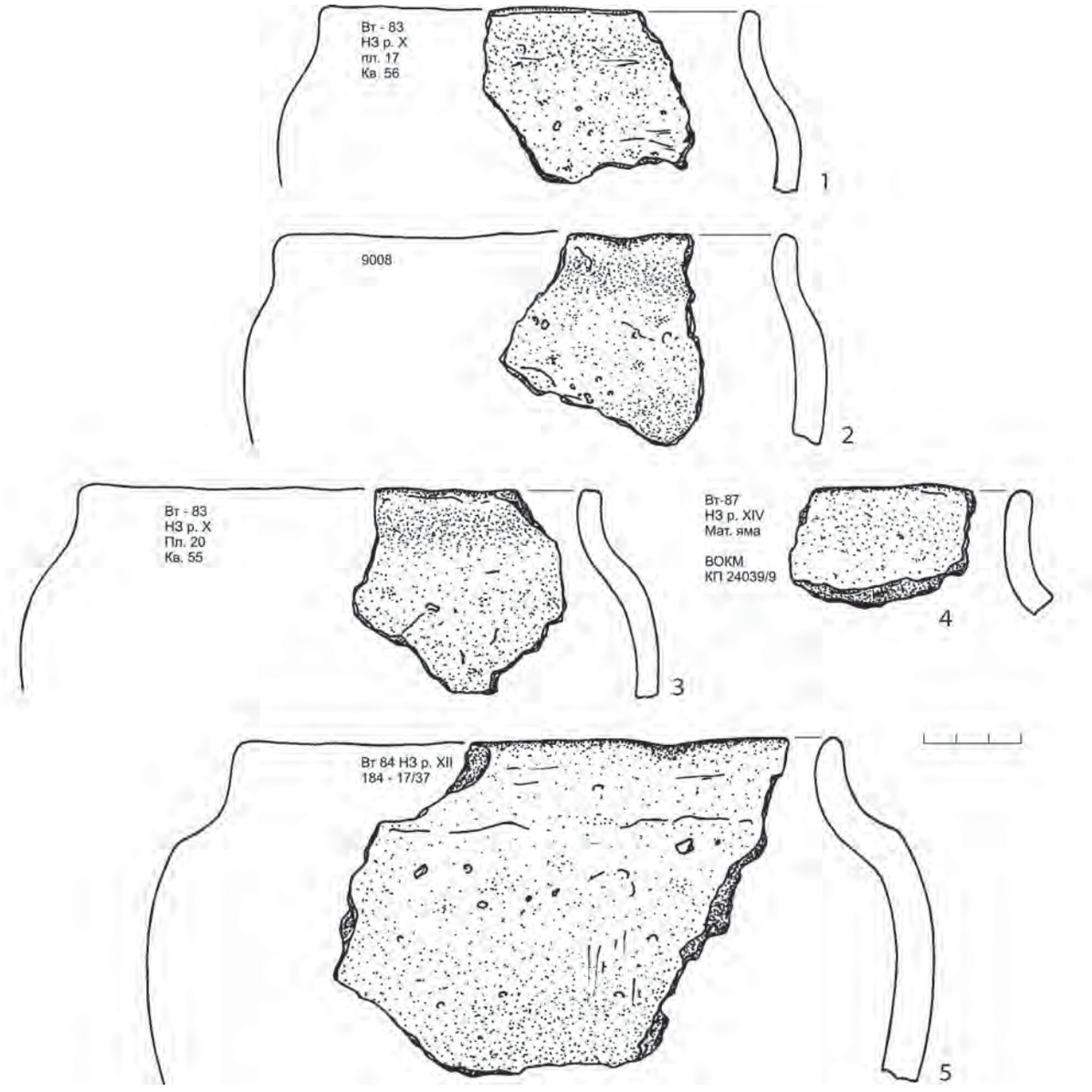


Рис. 13. Витебск. Нижний замок. Лепная керамика из раскопок Т. С. Бубенько 1980–1990-х гг. Сосуды группы 1 вариант 3 (1–4) и группы 1 вариант 4 (5)

ности звериноголовых подвесок конской сбруи к самостоятельному побегу на восточноевропейской ветви скандинавской художественной традиции. Так ли это – покажет время и новые находки.

Итак, находка детали престижного конского украшения в Витебске еще раз подчеркивает особый статус этого города в составе Полоцкой земли, которая, как известно, весьма бедна следами скандинавского присутствия.

1.1.1.2. Городище на Менке (Строчицкое городище)

Городище на Менке – самый загадочный памятник белорусского средневековья. Удивительное по размаху архитектурного замысла фортификационное сооружение окружено огромным посадом. Площадь последнего, по подсчетам Г. В. Штыхова, – не менее 30 га (Штыхов 1978: 66). Мы не станем касаться здесь долгой дискуссии о культурно-хронологическом соотношении Минска на Немиге и Городища на Менке (Алексеев 1966; 146–148; 1998; 2006: 68–69; Штыхов 1978; Загорульский 1982; Штыхаў 2000; Заяц 2005). Без публикации коллекций и полевых отчетов этот спор не имеет смысла. Независимо от решения этого вопроса – поселение на Менке, несомненно, настоящий древнерусский город X–XI вв. Наша задача в данном случае значи-

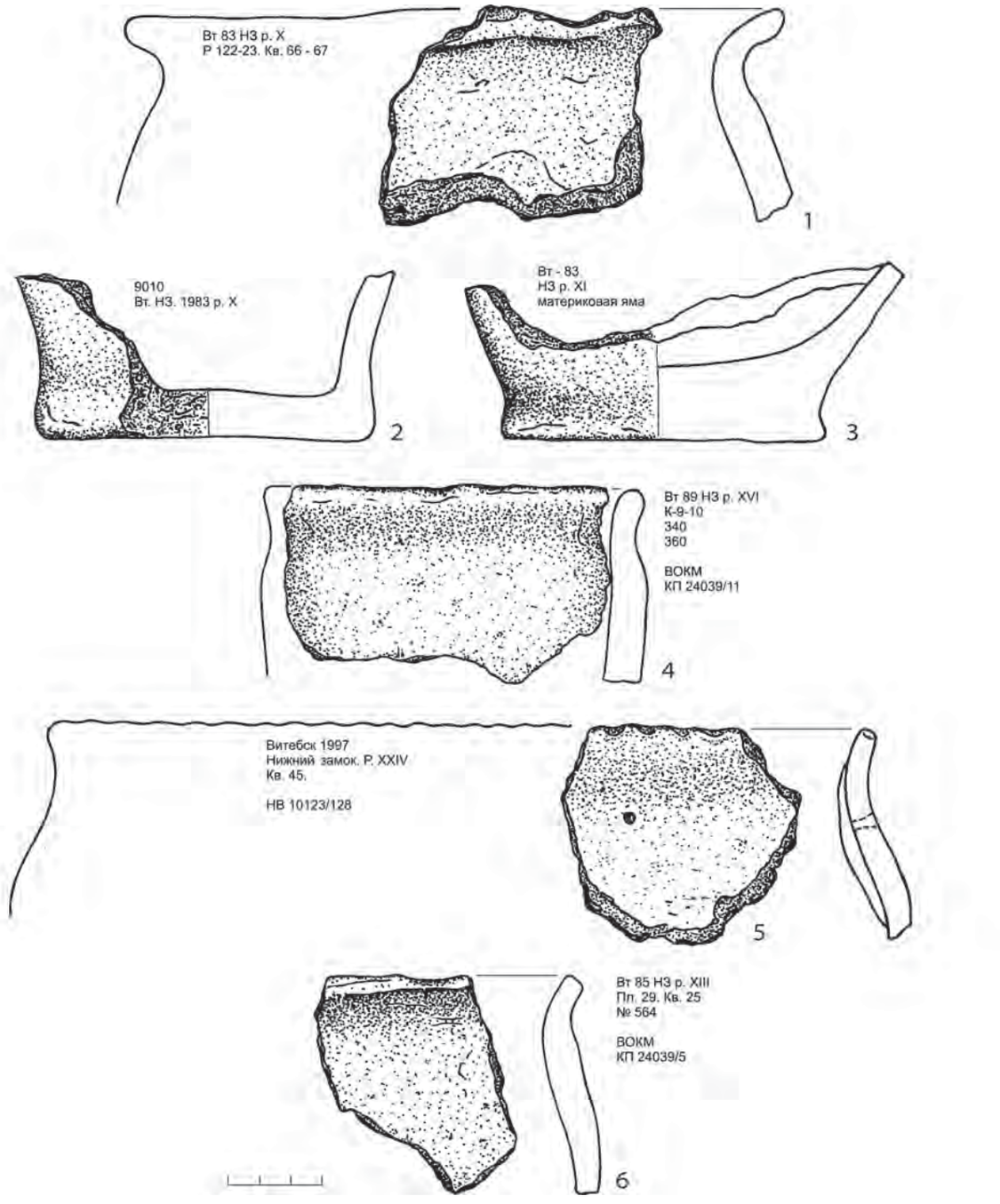


Рис. 14. Витебск. Нижний замок. Лепная керамика из раскопок Т. С. Бубенько 1980–1990-х гг. Сосуд группы 2 (1); донца сосудов (2, 3), керамика редких форм (4, 5) и фрагмент слабопрофилированного сосуда, возможно, середины–третьей четверти I тыс. н. э. (6)

тельно более узкая – обратить внимание на его раннюю подоснову.

Городище на Менке состоит, как известно, из двух частей – Малого городища на стрелке при впадении в реку Менку ручья Дунай и лежащего к юго-востоку Большого городища (рис. 18, 19). При раскопках Малого городища А. Г. Митрофановым в 1954 г. была найдена небольшая, но вполне выразительная коллекция керамики, которая может быть соотнесена, обобщенно заключая, с колочинской или банцеровской культурой (хранится в Национальном историческом музее Республики Беларусь, далее – НИМ РБ, инв. 7116). Насколько можно судить по очень маленькой выборке, ранняя (середины–третьей четверти I тыс. н. э.) керамика городища на Менке несколько отличается от вышеописанной керамики Витебска. На Менке более заметна доля сосудов с высоким сглаженным S-видным венчиком, среди



Рис. 15. Витебск. Узгорье, устье Витьбы и Верхний замок (справа) на фото начала XX в. Архив ИИМК РАН. I 17494

которых выделяется керамика, украшенная валиками (рис. 20: 1–6). Ранний керамический комплекс поселения более близок керамике городищ Оршанско-Могилевского Поднепровья (Кисели, Никодимово), чем ранний керамический комплекс Витебска. Надо заметить, что, хотя слои этого времени Э. М. Загорульский не зафиксировал, находки, которые можно связать с городищем V–VII вв., в его коллекции имеются. В первую очередь, как и в Витебске, это серп (рис. 21) группы I варианта Д, по Р. С. Минасяну, типичный для комплекса земледельческих орудий банцеровской культуры (Минасян 1978: 79).

С укрепленным поселением третьей четверти I тыс. н. э. на стрелке мыса, скорее всего, соотносятся остатки деревянного сооружения, выявленные на краю площадки в траншее Э. М. Загорульского. Траншея, прорезавшая вал, отходила в юго-западном направлении от раскопа III, заложенного Э. М. Загорульским в 1963 г. В основании вала на краю площадки был тогда обнаружен мощный (до 1,5 м) культурный слой со штрихованной керамикой. В его верхней части расчищены карбонизированные бревна и доски, лежавшие на одном уровне параллельно краю площадки (рис. 22). Как отметил автор раскопок, «верхняя часть прослойки железного века почти ровно находится на уровне материка раскопа III, т. е. той поверхности, на которой начал формироваться древнерусский слой» (Загорульский 1982: 51). Поскольку напластования середины–третьей четверти I тыс. н. э. Э. М. Загорульский не выделил в отдельный горизонт (они вообще оказались вне его поля зрения), то указанную фразу следует, очевидно, понимать так, что остатки сгоревших (?) сооружений на краю площадки находились именно на уровне не замеченных им слоев V–VII вв., занимавших промежуточное положение между слоем со штрихованной керамикой и древнерусским слоем X столетия.

По-видимому, Э. М. Загорульский расчистил остатки проходившей по краю площадки кольцевой оборонительной стены или кольцевой постройки – обычного сооружения для укрепленных поселений пражской, колочинской и банцеровской культур (Еремеев, Дзюба 2010: 123–153).



Рис. 16. Фрагмент оголовья уздечного набора из Витебска



Рис. 17. Комплекс с зооморфной подвеской из Сурунды (Сёдерманланд, Швеция). Государственный исторический музей, Стокгольм (SHM 26985)

Коль скоро на Малом городище менского комплекса обнаружилось укрепленное поселение раннеславянского времени, у подножия его должен был найтись и неукрепленный посад. Так и оказалось. Керамика с расчесами второй четверти–середины I тыс. н. э. выявлена Г. В. Штыховым в раскопе IX в центральной части площадки Большого городища (Штыхаў 2000: 188). Лепная керамика, определенная исследователями как посуда «типа Банцеровщины», датированная Г. В. Штыховым V–VII вв., обнаружилась и довольно далеко от Малого городища – в раскопе М. А. Ткачева 1969 г. на правом берегу ручья Дунай – у южного входа на Большое городище (Ткачев 1969: 193; Штыхов 1978: 66). Это место расположено примерно в 100 м от Малого городища. Важно отметить, что толщина раннего культурного слоя на этом удаленном от городка участке оказалась весьма значительной – 0,2–0,9 м (Ткачев 1969: 192–193). Столь мощные напластования крайне редко встречаются на селищах середины–третьей четверти I тыс. н. э. Похоже, раннее неукрепленное поселение было не только достаточно обширным, но отличалось особой интенсивностью жизнедеятельности (рис. 23).

Ранняя керамика из раскопа М. А. Ткачева представлена теми же сглаженными S-видными формами, что и посуда из раскопок А. Г. Митрофанова в детинце (Ткачев 1969: рис. 2: 1–4). Твердые основания для синхронизации слоя под валом и напластований на Малом городище дает находка М. А. Ткачевым фрагмента венчика слабопрофилированного сосуда, украшенного валиком с косой насечкой (рис. 20: 6).[18]

Есть основания предполагать, что границы раннего поселения к востоку от Малого городища достигали как минимум области раскопа IV, заложенного М. Э. Загорульским. Здесь найден втульчатый двушипный наконечник стрелы с характерным «пламевидным» пером (рис. 24). Подобное оружие характерно для набора вооружения колочинской культуры третьей четверти I тыс. н. э. Дротики и стрелы такой формы известны на поселениях Вежки и Никодимово (Каласоўскі 2009: 154; Археологическое наследие 2012: 48, 52).

Судьба раннего «городка» и его связь с поселением четвертой четверти I тыс. н. э. остается неясной. Наличие развала обугленных бревен как будто позволяет ставить вопрос о гибели первого из них в пожаре.

Есть ли на Менке слои VIII–IX вв. – сказать сложно. Очевидно, в X в. здесь уже существовал крупный укрепленный торгово-административный пункт. Об этой дате говорят клады арабского серебра в окрестно-

стях поселения, а в его культурном слое – находки лепной керамики с резко профилированным краем (рис. 20: 7), височного кольца (или, как их чаще называют, – серьги) западнославянского типа (рис. 25), широкого архаичного наральника (рис. 26).

Украшение хранится в НИМ РБ и, собственно, служит до сих пор единственным доступным всеобщему изучению основанием для датировки детинца Городища на Менке. Серьга фрагментирована – балясинка в центральной части отломана, что затрудняет поиск точных аналогий. Похожие серьги, выполненные из серебра, найдены на Черниговщине в составе клада из с. Гущино (Корзухина 1954: табл. VII: 1, 3) и в кладе в Борщевке на Волыни (Комар 2012: рис. 26: 1).

Более отдаленные параллели (без ажурных сферических бусин) можно указать в так называемых «серьгах волынского типа». В Гнёздове они датируются по монетным материалам одного из самых богатых кладов – 950-ми гг. (Путь из варяг в греки 1996: 27, 48, 49). Весь этот круг аналогий позволяет предположительно отнести время первого расцвета поселения на Менке (уже в качестве древнерусского поселения) к середине–второй половине X в.

К X столетию (вероятно, не ранее второй его четверти) относится и нижняя дата комплекса стеклянных и каменных бус Городища на Менке, к сожалению, пока опубликованных лишь в виде фотографии несистематизированной россыпи (Штыхаў 1993: 158).

Любопытно отметить, что роль скандинавов и населения – носителя норманнизированной культуры североевропейского типа – была на Менском поселении явно незначительна по сравнению с Витебском.

1.1.1.3. Заславль

Комплекс археологических памятников в местечке Заславль традиционно отождествляется исследователями с древнерусским городом Изяславлем, основанным, согласно летописной легенде, Владимиром Святославичем для своего сына Изяслава.

Центральную часть комплекса образует городище «Вал» на холме, окруженном заболоченной правобережной поймой Свислочи и поймой впадающего в нее ручья Черница. К городищу «Вал» примыкает неукрепленное поселение

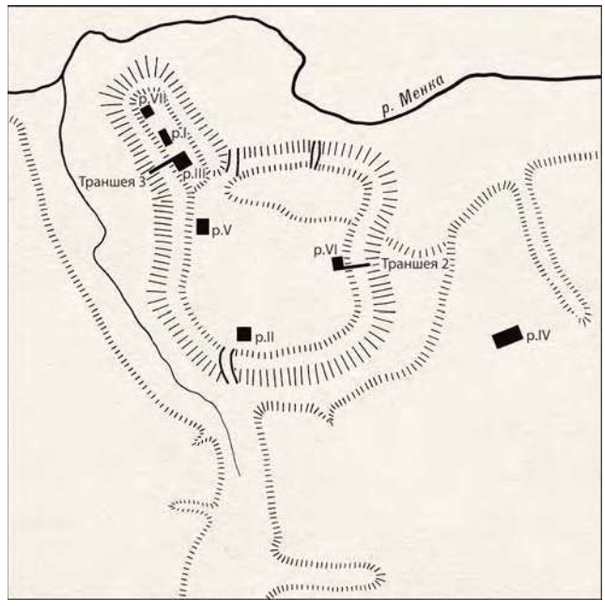


Рис. 18. Городище на Менке (Строчицкое), по Э. М. Загорульскому (1982), с указанием мест раскопов А. Г. Митрофанова (раскопы I и II) и Э. М. Загорульского (раскопы III–VII, траншеи 2 и 3)

(посад). Особое положение в комплексе занимает городище «Замэчек», расположенное на левом берегу упомянутого ручья, примерно в 1 км от центрального городища (рис. 27). Поселения окружены курганными группами (не древнее X в.), часть из которых, видимо, относится к пригородным селищам. Основные археологические работы в Заславле выполнены Г. В. Штыховым и А. Ю. Заяцем (Штыхов 1969; 1978; Штыхаў 2000; Заяц 1983; 1995).

Заславль принадлежит к тем немногим памятникам, где удалось выявить грунтовый могильник третьей четверти I тыс. н. э. На территории городка «Замэчек» в раскопе Ю. А. Заяца 1979 г. были найдены фрагменты лепной керамики, кальцинированные кости и одно целое погребение. В круглой ямке лежали пережженные останки, среди которых найдено биконическое пряслице с широким отверстием (рис. 28: 7) и обломки бронзовых украшений (Заяц 1983: 71). Исследователем были опубликованы четыре спиральки и обломок перстня (?) (рис. 28: 2–6). Из прочих находок с погребениями можно предположительно связать нож с выгнутой спинкой и слегка загнутым вверх кончиком, найденный в культурном слое (рис. 28: 1).

Где располагалось поселение, связанное с могильником, сложно сказать определенно.

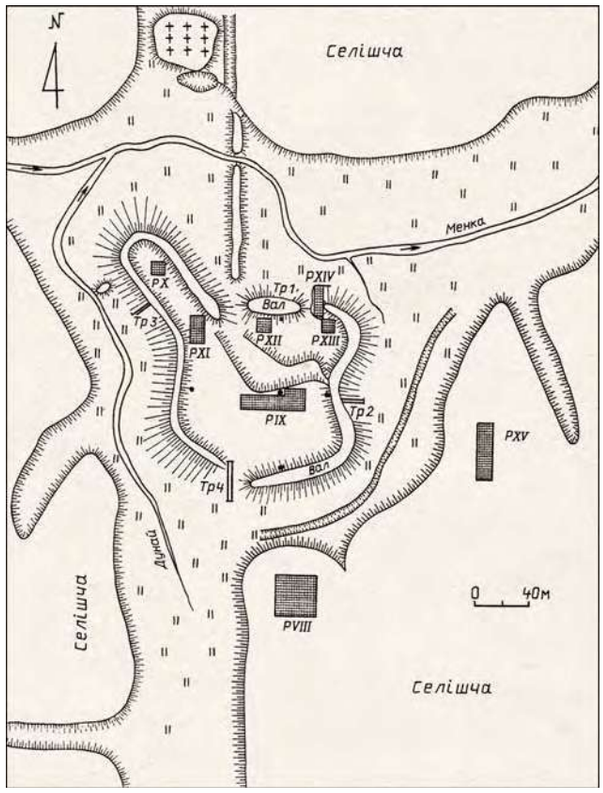


Рис. 19. Городище на Менке (Строчицкое), по Г. В. Штыхову (2000), с указанием мест раскопов Э. М. Загорульского (траншеи 2 и 3), М. А. Ткачева (траншея 4) и Г. В. Штыхова (раскопы VIII–XV)

Несомненно лишь то, что какое-то поселение VI–VIII вв. существовало на месте центрального городища Заславля. При раскопках Г. В. Штыхова выяснилось, что в западной части городища первоначально возвышался небольшой холм, позднее снивелированный подсыпками. В пришедшемся на него раскопе IV найден был фрагмент бронзового браслета с расширяющимися концами (Штыхаў 2000: мал. 47: 1), датировка которого не выходит в последнюю четверть I тыс. н. э. (рис. 28: 8). Без дополнительных исследований сложно уверенно сказать, было ли существовавшее здесь поселение укреплено, но топография местности говорит в пользу «банцеровского» городища.

Неясным остался и вопрос о напластованиях VIII–первой половины X в. Ю. А. Заяц отмечает: «Отсутствие в культурном слое Заславля напластований второй половины VIII–IX вв. не позволяет говорить о преемственности этого поселения (банцеровского. – *И. Е.*) и города» (Заяц 1995: 12). Г. В. Штыхов все же сообщает о находках керамики VIII–IX вв. на посаде Заславля и о существовании здесь поселения в указанное время. Заметим, однако, что приводимый исследователем в качестве доказательства фрагмент сосуда (рис. 28: 9) может датироваться как третьей, так и четвертой четвертью I тыс. н. э. (Штыхаў 2000: мал. 47: 2).

Вопрос о напластованиях VIII–IX вв. упирается в проблему отсутствия хронологических индикаторов на раннесредневековых археологических памятниках Белоруссии. Оставив сложный вопрос о преемственности поселений, отметим главное: Заславль, как и остальные древнейшие города Белоруссии, возникает на участке, освоенном населением банцеровской культуры, скорее всего, на старом городище.

Что касается интересующих нас следов скандинавской культуры, то они в ранних напластованиях незначительны, но все же – дают о себе знать. Датировка их, по-видимому, не опускается ниже середины X в. Учитывая специфику основания княжеского города Изяславля Владимиром Святым, наличие в городе норманнского элемента представляется вполне закономерным.

1.1.1.4. Лукомль

Материалы второй–третьей четверти I тыс. н. э. из Лукомля достаточно полно отражены в публикациях (Штыхов 1969б; 1978; Штыхаў 2000; Еремеев, Штыхов 2007; Еремеев, Дзюба 2010: 438–459). Мы знаем, что в этот период Лукомль представляет собой городище-убежище с примыкающим к нему с севера открытым поселением (рис. 29). Лукомльское городище не относится к числу крупных – размеры его площадки 36 × 63 м (Штыхов 1978: 42).

Лепная керамика Лукомля второй–третьей четверти I тыс. н. э. представлена преимущественно цилиндроконическими сосудами с отогнутым венчиком, близкими посуде 4-й группы по типологии Н. В. Лопатина (рис. 30: 2, 3). По первому взгляду она сильно отличается от ранней посуды городища на Менке и близка раннему керамическому набору Витебска. Надо, однако, отметить, что хронологический диапазон, который представляет ранняя гладкостенная керамика Лукомля, весьма велик. Ее начальная дата определяется находками двух украшений, принадлежащих

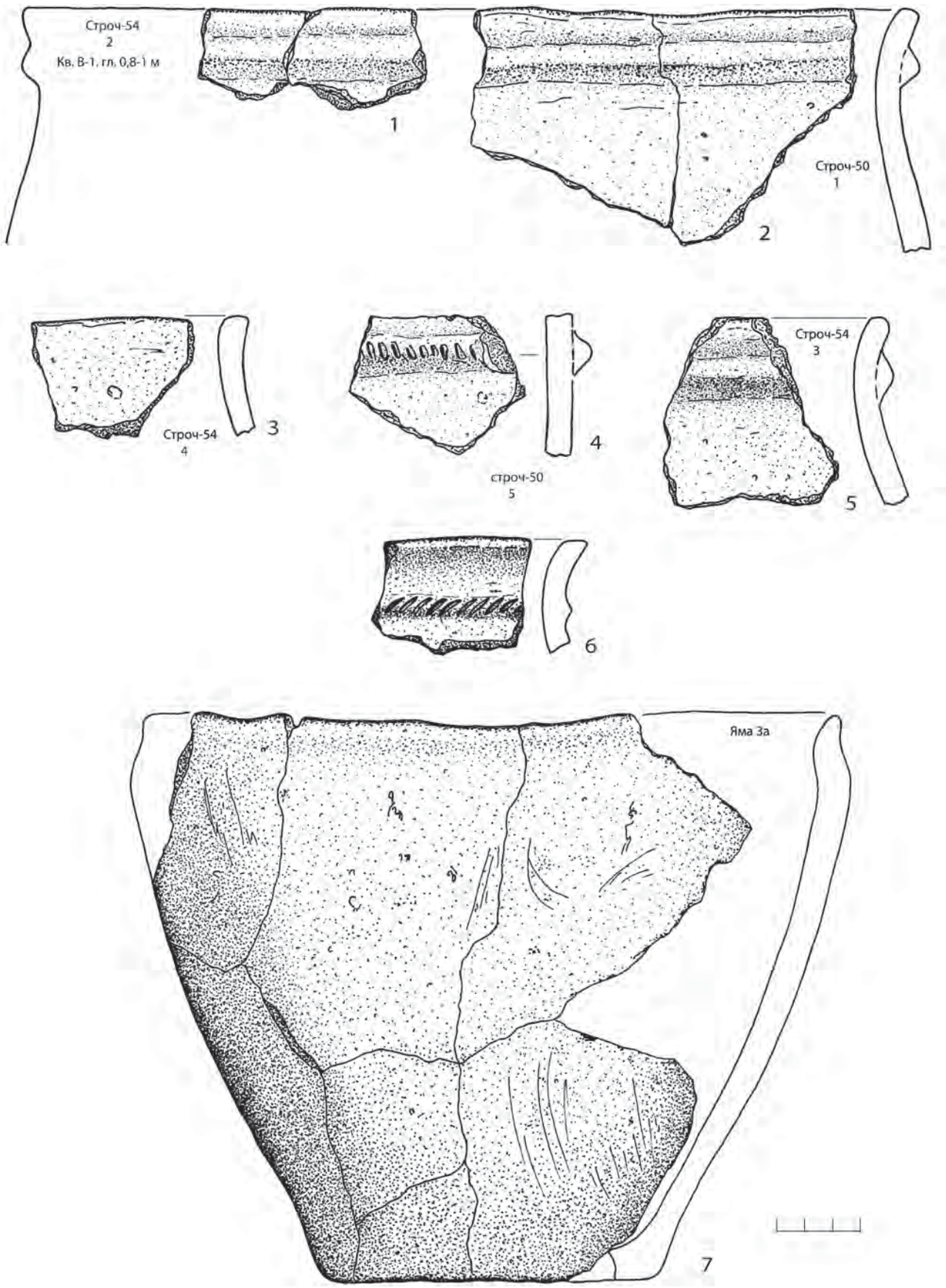


Рис. 20. Городище на Менке. Лепная керамика середины–третьей четверти I тыс. н. э. (1–6) и лепной сосуд X в. (7). 1–5 – из раскопок А. Г. Митрофанова на Малом городище 1954 г.; 6 – из разреза вала Большого городища, выполненного М. А. Ткачевым в 1969 г. Прорисовка по иллюстрации из статьи автора раскопок (Ткачев 1969). 7 – лепной сосуд из раскопа VIII на селище (раскопки Г. В. Штыхова 1975 г.)

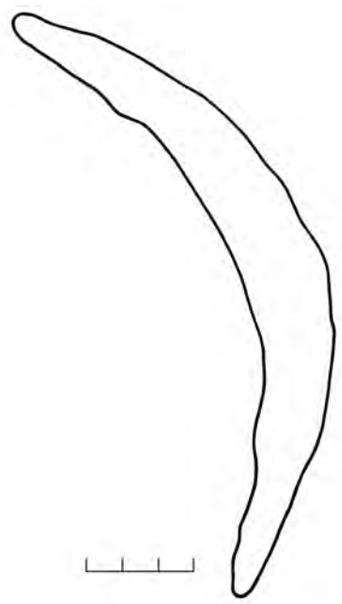


Рис. 21. Городище на Менке. Серп второй–третьей четверти I тыс. н. э. из раскопа на площадке Малого городища (Загорульский 1982)

к кругу вещей с эмалями: круглой ажурной фибулы в древнерусском слое и фрагмента неопределенного украшения в предматериковом слое (Штыхов 1978: 43, 45).

Как и повсюду на псковско-смоленско-белорусских городищах, культурный разрыв рубежа третьей и четвертой четвертей I тыс. н. э., выраженный в смене форм лепной керамики, очень заметен в Лукомле. Когда и при каких обстоятельствах «родовой» городок уступает место раннегородскому поселению IX–X вв., мы не знаем. Правда, на селище к северу от городища, «не более чем в 100 метрах от замка» (Штыхов А-1969: 26), на материке в основании культурного слоя (его мощность на этом участке достигала 1,2 м) была сделана уникальная находка – крупные фрагменты двух сосудов. Один – профилированный с коротким венчиком, характерный для VIII–X вв., другой – цилиндроконический с отогнутым венчиком (тип 2, по Н. В. Лопатину, характерный более для второй, нежели для третьей четверти I тыс. н. э.). Как отмечает автор раскопок, «два из них находились один в другом» в пласте 5 квадрата 10 (Штыхов А-1969: 26, 28; 1978: 48). Здесь же найдено весьма характерное глиняное биконическое пряслице (рис. 31: 3) с вогнутыми плоскостями (Штыхов А-1969: 26). Благодаря сохранившимся в полевом отчете рисункам профилей сосудов, полевым инвентарным номерам и любезной помощи Г. В. Штыхова, разбиравшего вместе с нами коллекции в хранении ИИ НАНБ, вышеупомянутые фрагменты удалось отыскать и зарисовать (рис. 31: 1, 2). Очевидно, перед нами действительно любопытный пример хронологического совпадения двух различных керамических традиций, указывающий на то, что профилированная керамика появляется в Днепро-Двинском пространстве еще в третьей четверти I тыс. н. э., а возможно, и ранее. Интригует и то, что в этом же квадрате на материке зафиксированы фрагменты кальцинированных костей, а сам материк был прокален (Штыхов А-1969: 27). К сожалению, приведенный пример такой ранней фиксации керамики, характерной для смоленских длинных курганов, единичен и мало что дает нам для общего понимания характера взаимодействия керамических традиций.

В VIII–X вв. Лукомль сильно разрастается. Селище теперь распространяется и на противоположный берег реки (рис. 29). Анализируя находки IX–X вв., происходящие из Лукомля, нельзя не указать на одну любопытную деталь, которая уже отмечалась нами применительно к поселению на Менке. Кажущаяся географическая близость Лукомля к магистральной линии Пути из варяг в греки («а верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти») почти не отразилась на его материальной культуре. Мало найдено арабского серебра (всего одна монета – подражание саманидскому дирхему – на городище), особенно в сравнении с Витебском и Усвятом (речь о котором еще впереди). Южнорусские и западнославянские элементы (хорошо заметные, например, в совсем неподалеку расположенных Усвяте и Гнёздове) в культуре Лукомля X в. тоже не прослеживаются.

В отличие от этих городов, Лукомль эпохи викингов практически не дал находок скандинавского круга, за исключением, пожалуй, фрагмента массивного ладьевидного браслета (Штыхов А-1974: рис. 9: 1) (рис. 32: 4). Зато очень многочисленны наконечники высококачественных стрел североевропейских типов (рис. 33). Многие из них погнуты (рис. 33: 12–14, 16) или обломаны (рис. 33: 2, 11, 13, 15). Один наконечник стрелы (рис. 34: 1) найден близ вала городища в слое пожара с лепной керамикой, в том числе с двумя целыми бро-

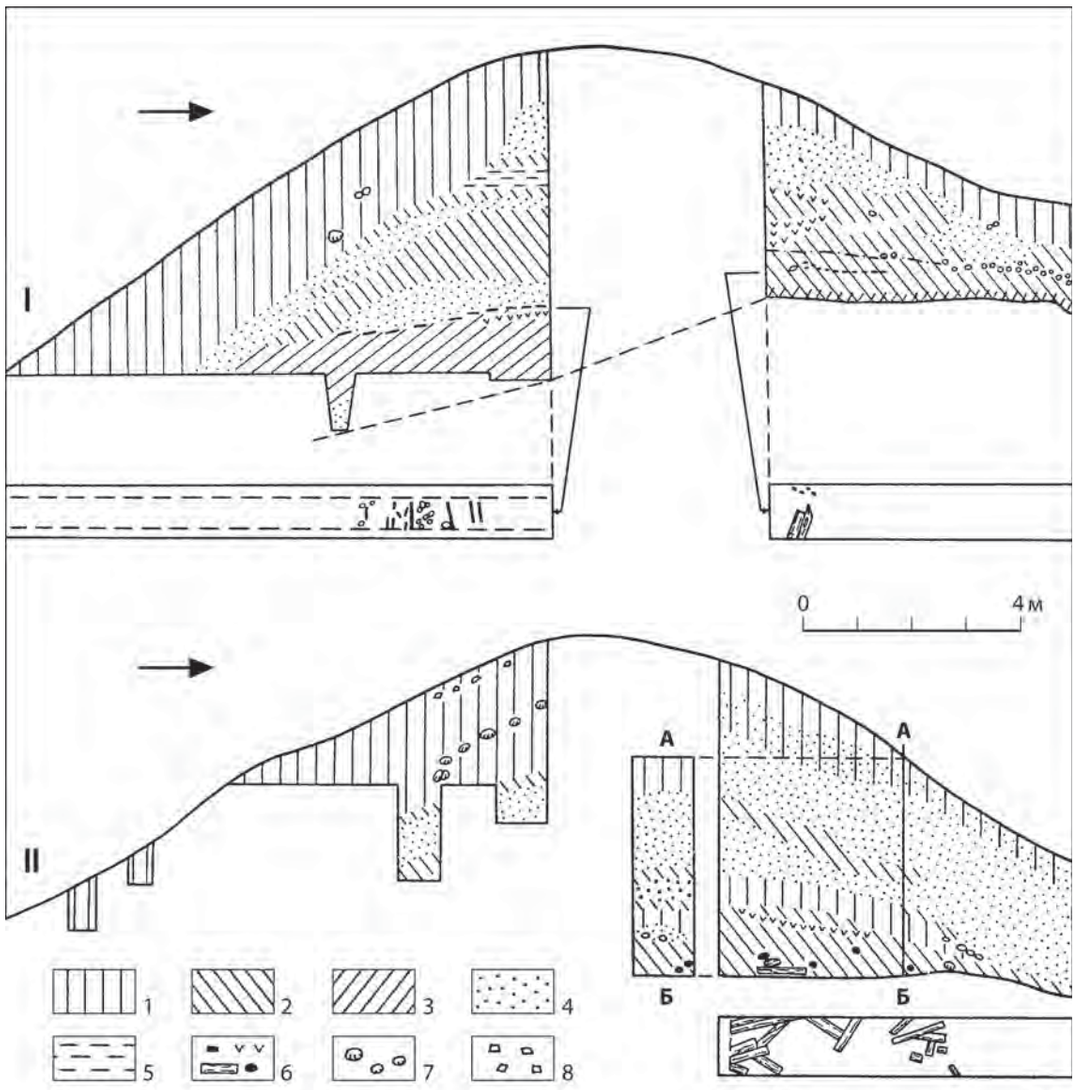


Рис. 22. Разрез вала Малого (I) и Большого (II) городищ укреплений городища на Менке, по Э. М. Загорульскому (1982). I – траншея 3; II – траншея 2. *Условные обозначения:* 1 – суглинок; 2 – культурный слой древнерусского времени; 3 – культурный слой со штрихованной керамикой; 4 – песок; 5 – глина; 6 – обугленное дерево; 7 – камни; 8 – битый кирпич

шенными среди головней сосудами (рис. 34: 4, 5). Всего в слое пожара с внутренней стороны вала в восточной части городища найдено, по сведениям Г. В. Штыхова, два подобных наконечника. Второй из них нам не удалось уверенно идентифицировать в коллекции, но ссылка на него есть в полевом отчете – он найден в пласте 10 квадрата 25 (Штыхов А-1966: 27). Еще один ланцетовидный наконечник стрелы обнаружен на поверхности вала с внешней его стороны, напротив того места, где были обнаружены первые два (Штыхов А-1967: 41; 1969б: 322; 1978: 44). Остается добавить, что эта картина открылась с восточной стороны городища, откуда достаточно удобно было бы предпринять его атаку (рис. 29).

Отсутствие в «мирной» материальной культуре эквивалента такому обилию профессионального вооружения североевропейских типов и все вышеизложенные обстоятельства позволяют предположить, что значительная часть наконечников стрел попала в культурный слой во время нападения на Лукомль, в котором принимали участие дружинники, оснащенные передовым для своего времени северным вооружением. Самим обитателям Лукомля вряд ли было под силу выковать, например, такой оружейный шедевр, как трехгранный бронебойный на-

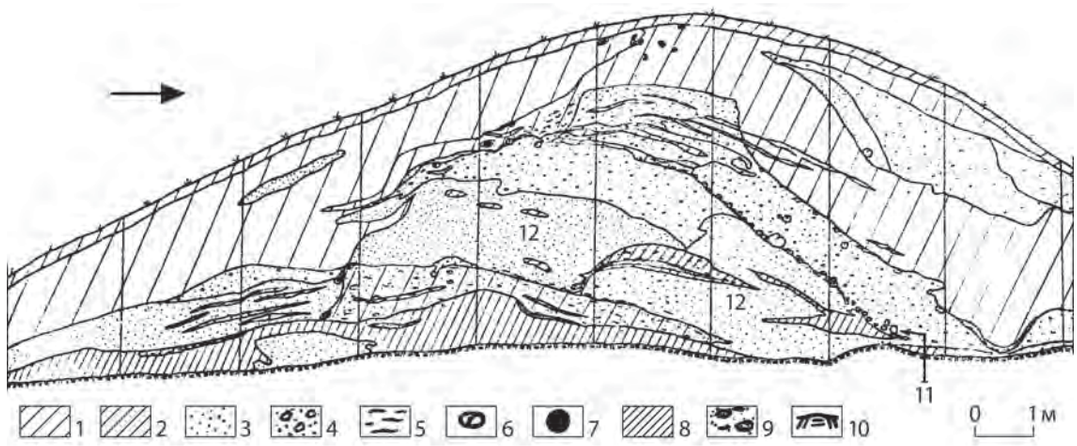


Рис. 23. Профиль южной части вала Большого городища (Трусов 1969). *Условные обозначения:* 1 – дерн; 2 – слой с находками XI в.; 3 – песок; 4 – гравий; 5 – угли; 6 – камни; 7 – остатки горелого дерева; 8 – слой с находками V–VIII вв.; 9 – супесь, перемешанная с комьями глины и угольками; 10 – материк; 11 – сосуд XI в.; 12 – слои с находками IX–X вв.

конечник типа 75, вариант 1 (по А. Ф. Медведеву) с желобками и двухрядным валиком на шейке (рис. 33: 14) (Медведев 1966). Даже в Гнёздове стрел этого типа найдено всего 11 экз., причем точная аналогия стреле из Лукомля – только одна (Каинов 1999: 50). Также всего одна аналогичная стрела найдена на Рюриковом Городище (Носов, Хвощинская 2014: рис. 2: 4).

Сложно сказать, насколько серьезно сказался предполагаемый военный эпизод на жизни раннего Лукомля. Нам же важно лишь подчеркнуть внешний, наносной характер североевропейских элементов воинской культуры на этом поселении (черта, несомненно, роднящая Лукомль с Полоцком). Единичные находки вещей североевропейских типов, как нам кажется, лишь оттеняют некоторую отстраненность Лукомля (несомненно, крупного и процветающего в X в.) от культурных инноваций, которые быстро усваивались населением, обитавшим вдоль основных коммуникаций, связанных с Путем из варяг в греки. Можно предположить, что эти коммуникации проходили восточнее реки Лукомки, на которой стоит город, – в основном, видимо, по Лучёсе.

1.1.1.5. Друцк

Друцк, как известно, впервые упомянут в ПВЛ под 1092 г. В течение девяти полевых сезонов с 1956 по 1967 г. город раскапывал Л. В. Алексеев. Материалы раскопок введены в научный оборот в очень небольшом объеме (Алексеев 2002; 2002а; 2006). То же самое можно сказать и про результаты изысканий О. Н. Левко, проводившей раскопки на поселении в 1999–2000 гг. (Ляўко 2000; Левко 2004). Поэтому пока материалы Друцка могут привлекаться только в качестве вспомогательных данных. Они важны нам как дополнение к находкам из нижних слоев Лукомля. Принято считать, что оба города в X в. располагались на торном торговом пути, одном из ответвлений Пути из варяг в греки, шедшем по рекам Улле и Друти (Насонов 2002: 136; Алексеев 1966: рис. 15). На наш взгляд, эта точка зрения требует некоторых коррективов. Как мы имели возможность убедиться, материалы Лукомля не указывают на существенное значение Пути из варяг в греки в жизни поселения. Но, может быть, это случайность, и самый яркий материал просто остался за пределами раскопов археологов? Ответить на этот вопрос нам и помогают находки из нижних слоев Друцка. Но начать нам необходимо с первого вопроса нашего исследования: имеются ли на памятнике напластования середины–третьей четверти I тыс. н. э., и как они соотносятся с более поздним материалом?

Древнерусский Друцк состоит из детинца (городище с площадкой 140×80 м), лежащего к северу от него окольного города (обнесенный валом участок площадью 170×100 м) и посада – примыкающего к валу большого селища, точная площадь которого пока не установлена (рис. 35). Неподалеку от городища известен курганный некрополь, на-

считывавший некогда 48 насыпей (Алексеев 2002: 77–78).

Ситуация с древнейшими напластованиями детинца достаточно запутанна. Как отмечает Л. В. Алексеев в публикации 2006 г., материк здесь «серый, серо-желтый песок с многочисленными небольшими западинами. <…> Остатков каких-либо конструкций в материке на всех раскопах не прослеживается» (Алексеев 2006: 138). Однако, как узнаем из того же текста, в материке все-таки прослежены следы конструкций, столбовые и сравнительно большие, видимо, хозяйственные, ямы (Алексеев 2006: 138). Чуть позже отмечается, что «редкие фрагменты лепной керамики мы встречали на месте детинца лишь фрагментарно и только в материковых западинах» (Алексеев 2006: 142). Таким образом, на городище имеются комплексы с лепной керамикой. К какому времени они относятся? Часть из них, вероятно, к X–началу XI в., т. е. к тому времени, когда на холме возник древнерусский город (Алексеев 2006: 151). Часть – несомненно, к середине–третьей четверти I тыс. н. э., о чем говорит найденный в детинце ранний материал.

Он немногочисленный, но вполне выразительный. Тот же автор публикует бронзовую арбалетную фибулу (рис. 36: 4), найденную на материке в детинце (Алексеев 2002: рис. 7: 6), а также происходящий оттуда же «из надматерикового слоя» фрагмент слабопрофилированного сосуда с отогнутым длинным венчиком (рис. 36: 3), который отнесен им к керамике типа «верхнего слоя Банцеровщины-Тушемли» (Алексеев 2002: рис. 4: 18). Культурный слой этого времени не был, однако, выявлен ни в раскопках Л. В. Алексеева, ни в раскопках О. Н. Левко, что дало исследовательнице основания для вывода, что «заселение территории детинца в племенной период было незначительным и недолгим» (Ляўко 2000: 100). С этим можно согласиться. По-видимому, на территории друцкого детинца во второй–третьей четверти I тыс. н. э. находилось городище-убежище. Следует заметить, что раскопки затронули преимущественно центральную часть площадки детинца. Постройки ранних городищ располагались обычно по периметру площадки, поэтому неудивительно, что их следов проследить не удалось.

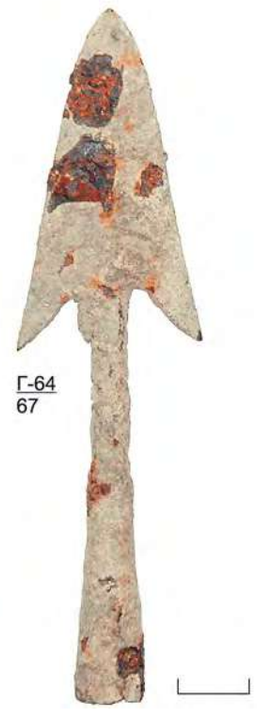


Рис. 24. Городище на Менке. Наконечник стрелы с витой втулкой и «пламевидным» пером из раскопа IV на селище



Рис. 25. Городище на Менке. Малое городище. Височное кольцо из сплава серебра из раскопок А. Г. Митрофанова (раскоп I, печь в постройке). Национальный исторический музей Республики Беларусь. Минск

Интересно другое. Детинец Друцка, как было сказано выше, представляет собой весьма крупную возвышенность площадью 1,12 га (рис. 35). Появление уже во второй–третьей четверти городищ таких размеров (пусть и недолго просуществовавших) свидетельствует о наличии у «банцеровско-тушемлинского» населения довольно крупных укреплений, явно превышающих потребности обычной родовой общины. Чуть позже мы увидим еще один пример такого рода – городище Свила I. Похоже, «племенные городки», отличные от мелких «родовых городков», зарождаются не в IX–X вв., а ранее. Открытое поселение, на ко-

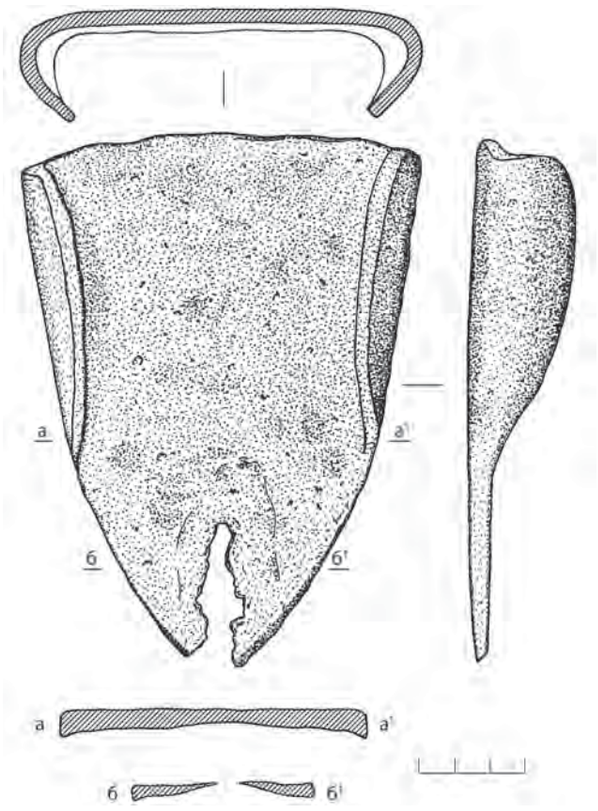


Рис. 26. Городище на Менке. Малое городище. Железный наральник из раскопок Э. М. Загорульского (раскоп VII, пласт 7)

тором жили люди, обустроившие на городище первое укрепление, было зафиксировано раскопками О. Н. Левко на территории окольного города в раскопе III (Ляўко 2000: 96–97). Среди керамики, отнесенной автором раскопок к третьей четверти I тыс. н. э., имются выразительный фрагмент слабопрофилированного лепного сосуда с налепным валиком под венчиком и биконическое пряслице с широким отверстием (рис. 36: 1, 2).

Что касается поселения последней четверти I тыс. н. э., то сказать о нем что-то определенное достаточно сложно до полной публикации материалов раскопок. Лепная керамика этого времени (профилированные сосуды с коротким венчиком) имеется как в детинце (Алексеев 2002: рис. 4: 16), так и на территории окольного города (Ляўко 2000: 96). Интересны находки двух пластинчатых поясных крючков, которые Л. В. Алексеев называет почему-то «деталями серебряных гривен» (Алексеев 2002: рис. 4: 5, 11). Они могут, видимо, датироваться достаточно ранним временем в пределах X в. Близ Новгорода подобный крючок найден в Городке на Маяте, верхняя хронологическая граница которого не выходит во вторую половину X в. (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 183: 3). Такие вещи есть в Витебске, в Гнёздово и на ряде поселений Северо-Запада.[19]

Нам же осталось попробовать ответить на второй вопрос: можем ли мы делать выводы о связи Друцка с Путем из варяг в греки в X столетии? Судя по публикациям – вряд ли. В Друцке нет скандинавских находок X в., не найдено куфических монет. Эта черта роднит его с Лукомлем (там эти категории находок представлены единично) и находится в полном соответствии с данными, полученными там Г. В. Штыховым. Разумеется, дороги между Полоцком, Лукомлем и Друцком были, но общерусского значения ранее эпохи Всеслава Полоцкого они, видимо, не имели.

Вопрос – когда возник летописный Друцк – в начале XI в., как полагал автор раскопок изначально (Алексеев 1966: 149–151), в конце X–начале XI в., как он считал впоследствии (Алексеев 2002: 85), либо ранее (что тоже вполне вероятно) – будет решен после полной публикации полевой документации и коллекций. Но ясно, что с «гнёздовским» этапом в истории Верхнего Поднепровья (не в хронологическом, а в культурно-историческом аспекте) памятник не связан.

1.1.1.6. Полоцк

Присутствие в культурном слое Полоцкого городища лепной керамики VI–VIII вв. впервые отметил Г. В. Штыхов, (Штыхов 1975: 25). В первой публикации фрагментов лепных сосудов с городища действительно имеется изображение толстостенного слабопрофилированного горшка, похожего на «банцеровскую» керамику (Штыхов 1975: рис. 16: 1). Вторично подобные материалы попали в поле зрения исследователей на Нижнем замке (Тарасаў 2001: мал. 47: 2). Уже после его раскопок стало понятно, что Полоцкое городище представляет типичное для банцеровской культуры укрепление с примыкавшим к нему некогда открытым поселением. Окончательно с этим вопросом удалось разобраться Д. В. Дуку. Результаты его раскопок, в частности и материалы середины–третьей четверти I тыс. н. э. (рис. 37), мы подробно рассмотрим в разделе, касающемся древностей Полоцка.

1.1.2. Городки, основанные в середине–третьей четверти I тыс. н. э., и формирование ранних этапов древнерусской культуры

Обзор находок и стратиграфии культурных слоев древнейших летописных городов на территории Белоруссии продемонстрировал нам, что большинство из них возникло на местах более ранних городков второй–третьей четверти I тыс. н. э. Культурная принадлежность их обычно определяется исследователями как «банцеровская». Сейчас мы знаем, что круг археологических памятников, определявшийся традиционно как «древности тушемли–банцеровщины», имеет сложную структуру и распадается на несколько культурных и хронологических групп. В целом, следует говорить о древностях середины–третьей четверти I тыс. н. э., сформировавшихся на основе локальных вариантов киевской культуры более раннего времени.

Что представляли собой эти ранние городки? Разумеется, древнерусские города – не лучший полигон, чтобы получить полное представление о таких памятниках. Для этого необходимо обратиться к городкам, не нарушенным хозяйственной деятельностью в эпоху развитого средневековья. Таких городищ, изученных раскопками, на интересующей нас территории много. Наиболее важные из них: Старое Село, Лужесно, Жабино, Бураково, Зазоны, Дедиловичи, Городище (Княгинино), Свила I, Хотомель, Черкасово, Багриново, Никодимово.

Почти все эти памятники пришли в упадок в VII–VIII вв., затем использовались в IX–X вв., и почти все они не переросли по каким-то причинам в городские поселения и прекратили свое существование к концу X в.

В качестве примеров исследованных поселений такого рода можно привести комплекс памятников у д. Городище на Мядельщине и городище Свила I.

1.1.2.1. Городище (Княгинино)

Поселение состоит из городища (площадка имеет размеры всего 36 × 62 м) и большого селища, охватывавшего его с севера, северо-запада и запада (рис. 38). Городище исследовалось А. Г. Митрофановым (1969–1973 гг.), Э. М. Загорульским (1986, 1987 гг.) и А. А. Егорейченко (1988 г.). Для реконструкции планировки городка особенно интересны результаты, полученные А. Г. Митрофановым и А. А. Егорейченко, раскопавшими, соответственно, западную и восточную его части с остатками укреплений (Митрофанов 1978; Егорейченко 2005). Установлено, что в третьей четверти I тыс. н. э. городище было защищено двумя валами, эскарпами и деревянной стеной из горизонтально уложенных бревен. С внутренней части стены лежал плотный каменный наброс, под которым в материке зафиксированы ямы, оставшиеся от столбов-стояков кольцевой постройки.

Находки на городище были, по мнению автора раскопок, немногочисленны, характерных для селища подквадратных жилищ здесь не найдено. Это позволило А. Г. Митрофанову сделать вывод о том, что в V–VII вв. на городище «не жили» и «никаких следов жилищ» этого времени на городке не встречено (Митрофанов 1978: 89). Если с первым выводом можно спорить, то второй, на наш взгляд, просто ошибочен: следы кольцевой постройки в виде располагавшихся по периметру площадки развалов камней

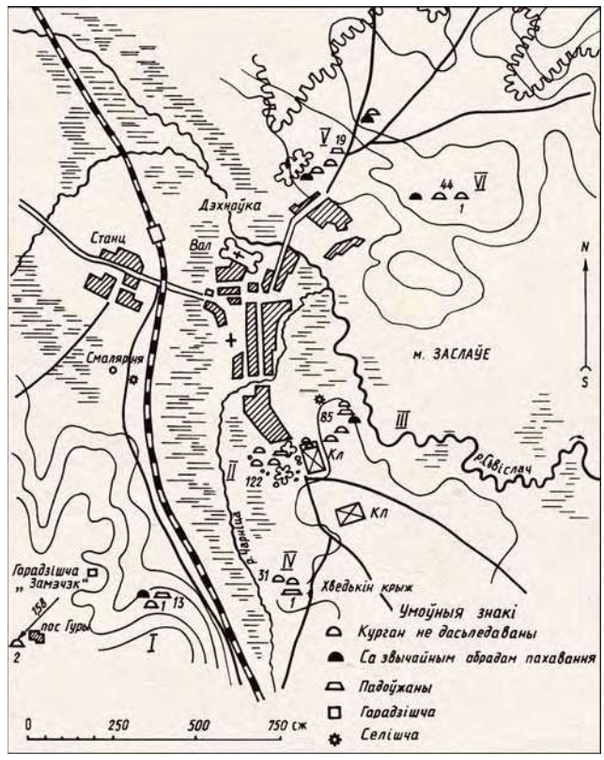


Рис. 27. Комплекс археологических памятников в местечке Заславль. План А. Н. Лявданского

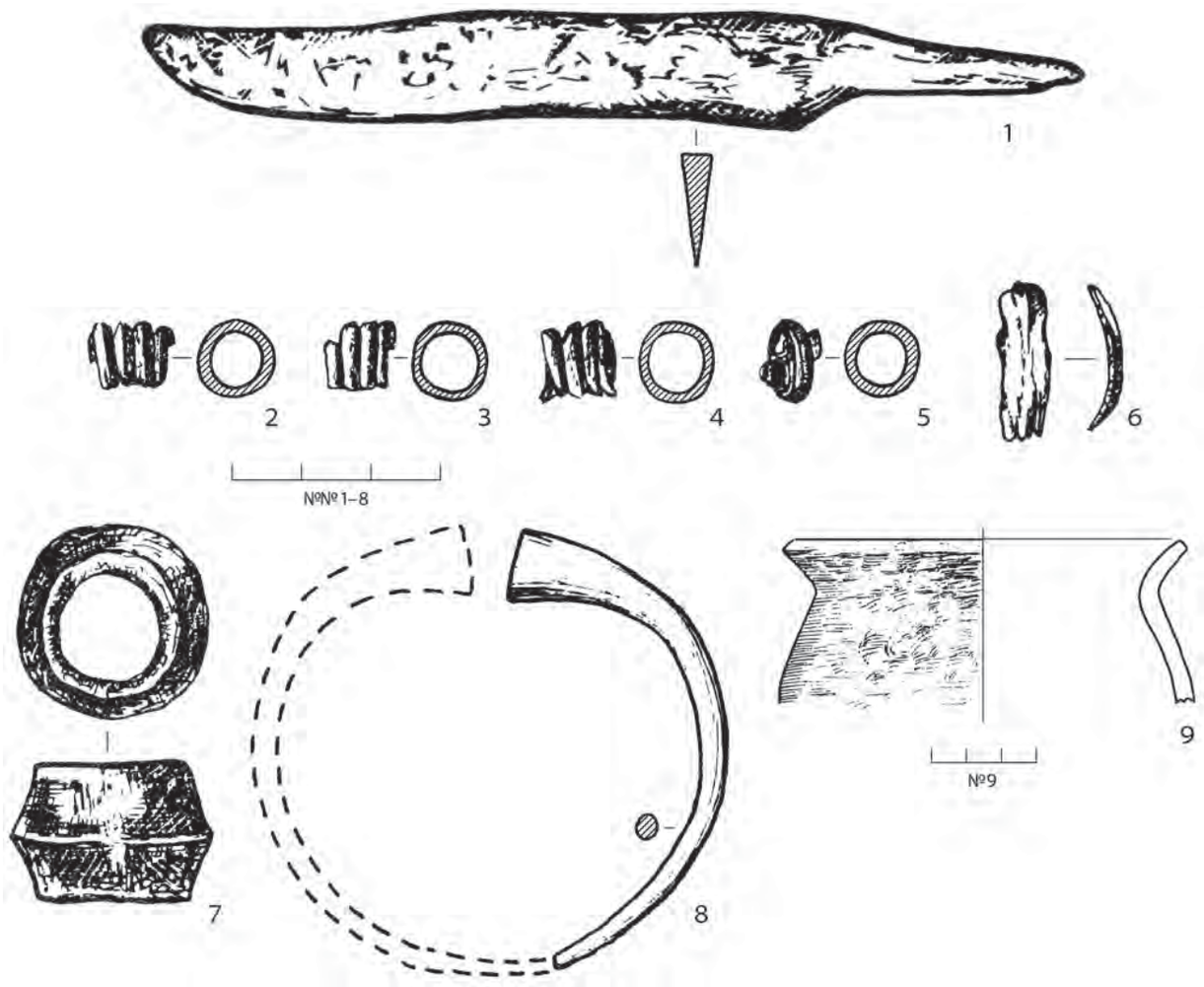


Рис. 28. Находки из раскопок в Заславле. 1–7 – городище «Замэчек» (Заяц 1995); 8 – городище «Вал»; 9 – посад при городище «Вал» (Штыхов 2000). 1 – железо; 2–6, 8 – бронза; 7 – глина; 9 – глина (фрагмент лепного сосуда)

(А. Г. Митрофанов называет их «каменные площадки») убедительно зафиксированы в позднем слое городища (рис. 39). Следы этой же постройки видны и в раскопе А. А. Егорейченко на противоположном конце городища у вала (Егорейченко 2005: рис. 2).

На мой взгляд, находок третьей четверти I тыс. н. э. на городище довольно много: железные серпы (не менее 7 экз.), глиняные биконические пряслица с широким отверстием, железная овальная пряжка, два стамесковидных кресала, неорнаментированная бронзовая трапециевидная подвеска (мы здесь суммируем данные всех исследователей). Особого внимания заслуживают находки предметов всадни-ческой культуры – три железные шпоры с загнутыми концами дужки (Митрофанов 1978: 108; рис. 58: 27–29). Вряд ли можно, вслед за А. Г. Митрофановым, считать городище только лишь необжитым убежищем.

По мнению А. А. Егорейченко, после VII в. использование городища прекращается (Егорейченко 2005: 123). Согласиться с этим трудно: на площадке явно имеются напластования (видимо, не очень значительные) последней четверти I тыс. н. э. Среди материалов из раскопок Э. М. Загорульского на городище, хранящихся в БГУ, находится бронзовая трапециевидная подвеска со сложным пуансонным орнаментом. В центре подвеска украшена циркульной композицией, а по нижнему краю – пояском из косых крестиков и тремя рядами точечных оттисков (рис. 40: 6). Особенно характерным элементом является здесь крестовидный штамп, неизвестный в комплексах на украшениях третьей четверти I тыс. н. э. Зато подвески с орнаментацией, нанесенной крестовидным пуансоном или зубильцем крест-накрест, встречаются вплоть до X в. (см., например, рис. 248: 4), в частности, в Гнёздово

(Ениосова 2001: рис. 1: 9, 10). Их нижняя дата вряд ли может быть опущена ниже VIII в. Есть на городище и профилированная керамика, датировка которой вполне может быть распространена на последнюю четверть I тыс. н. э. (рис. 40: 7, 8).

На селище при городище А. Г. Митрофановым с 1965 по 1972 г. вскрыто 2612 м^2 (Митрофанов 1978: 90). Раскрытые исследователем жилища имели углубленную подквадратную центральную часть с отопительным устройством в углу. Сами постройки, очевидно, были срубной конструкции и имели размеры приблизительно 4 × 4 м, т. е. предназначались для небольшой семьи (рис. 41).

Большинство построек относится, несомненно, к V–VII вв., но жизнь на селище продолжалась и в последней четверти I тыс. н. э. Об этом говорят как многочисленные фрагменты сильнопрофилированной лепной керамики, так и обломки раннегончарного сосуда с линейно-волнистым орнаментом в верхней части тулова и «накольчатой» орнаментацией среза венчика (рис. 40: 1–5). Подобная орнаментация венчика известна на фрагменте раннегончарного сосуда с плетеным орнаментом из Витебска (рис. 10: 1).

Вместе с трапециевидной подвеской с городища этот сосуд указывает на то, что жизнь на поселении продолжалась вплоть до эпохи формирования Полоцкой земли, до середины X в. Так же, как и городище Свила I, городище Княгинино опустело лишь в это время. Что касается жилищ позднего этапа, то к ним следует отнести, видимо, часть овальных и округлых подпольных котлованов. Сами жилища были, вероятно, наземными, срубными. Их следов в культурном слое проследить не удалось.

1.1.2.2. Свила I

Среди раннесредневековых белорусских городищ это поселение выделяется большой площадью (размеры площадки 100 × 80 м) и сложной системой укреплений – три кольцевых вала и два рва (рис. 42). Местами валы достигают ширины 15 м при высоте до 2,5–3 м, а рвы – соответственно 10 и 3 м (Митрофанов А-1974: 43). В 1974 г. городище исследовалось А. Г. Митрофановым, вскрывшим здесь 168 м^2 (Митрофанов А-1974; Мітрафанау, Каробушкіна 1975). Позднее раскопки были

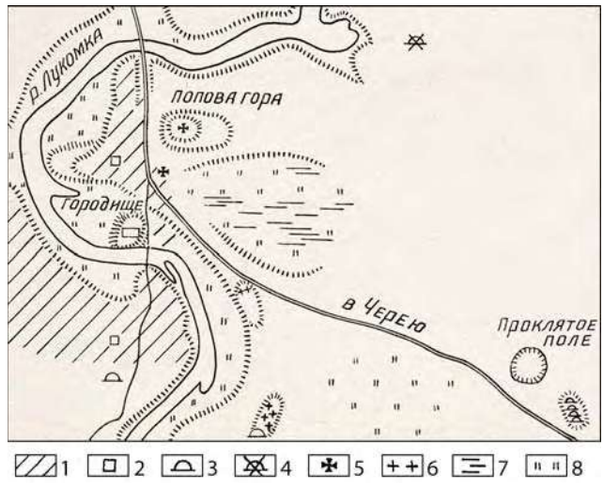


Рис. 29. Археологические памятники в Лукомле (Штыхов 1978). *Условные обозначения:*
1 – селище; 2 – раскопы; 3 – курганы; 4 – разрушенные курганы; 5 – церкви; 6 – кладбище; 7 – болото; 8 – луг

продолжены В. И. Шадыро (Шадыра 2006). Материалы последних раскопок, за исключением отдельных находок, пока не опубликованы, поэтому мы будем опираться преимущественно на данные А. Г. Митрофанова – его полевой отчет и коллекцию керамики и находок, хранящуюся в НИМ РБ (н/д 32325/1–39).

Коллекция из раскопок А. Г. Митрофанова распадается на три культурно-хронологических блока:

1. Предметы с поселения середины–третьей четверти I тыс. н. э.: слабопрофилированная керамика (рис. 43: 1–6), биконические пряслица с широким отверстием (рис. 44: 2, 3). Особый интерес представляет находка из позднейших раскопок В. И. Шадыро – трехрогая подвеска-лунница (рис. 44: 1), находящая аналогии в Витебске, на Банцеровском городище и на памятниках Верхневолжья (Родинкова 2003: рис. 2; Исланова 2007: 314).

2. Находки с поселения последней четверти I тыс. н. э.: профилированная керамика (рис. 43: 7–12), высокие биконические пряслица с узким отверстием, ланцетовидная стрела с упором (рис. 44: 7).

3. Инвентарь погребения (погр. № 2, кремация на стороне), совершенного в неглубокой ямке в культурном слое: втульчатый двушипный наконечник стрелы и два проволочных височных кольца с завитком (рис. 44: 4–6). Погребений было найдено два; второе (погр. № 1) оказалось безынвентарным.

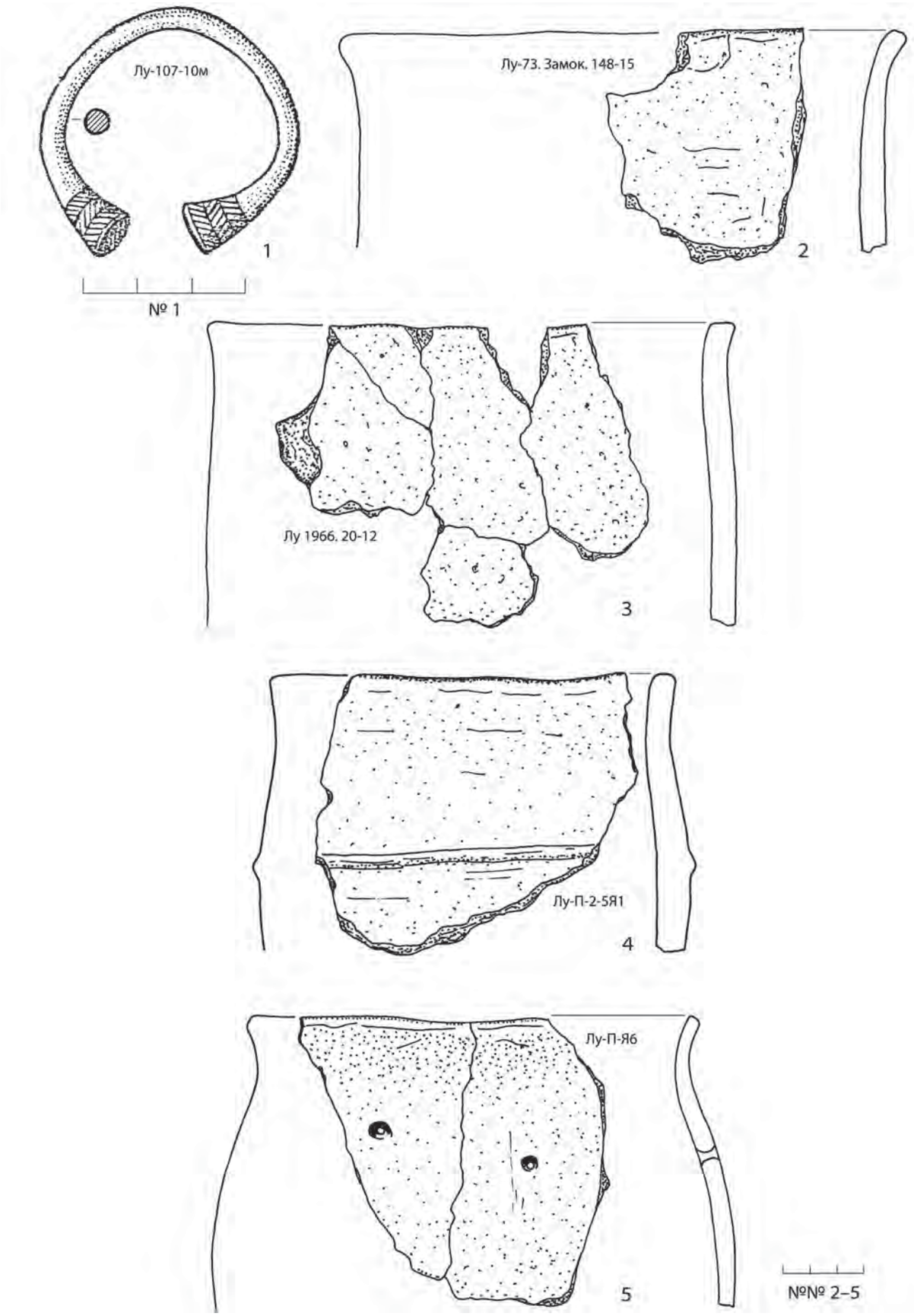


Рис. 30. Лукомль. Бронзовый браслет (Штыхов А-1971) и лепная керамика второй–третьей четверти I тыс. н. э.
1–3 – городище; 4, 5 – селище у подножия городища (правобережное)

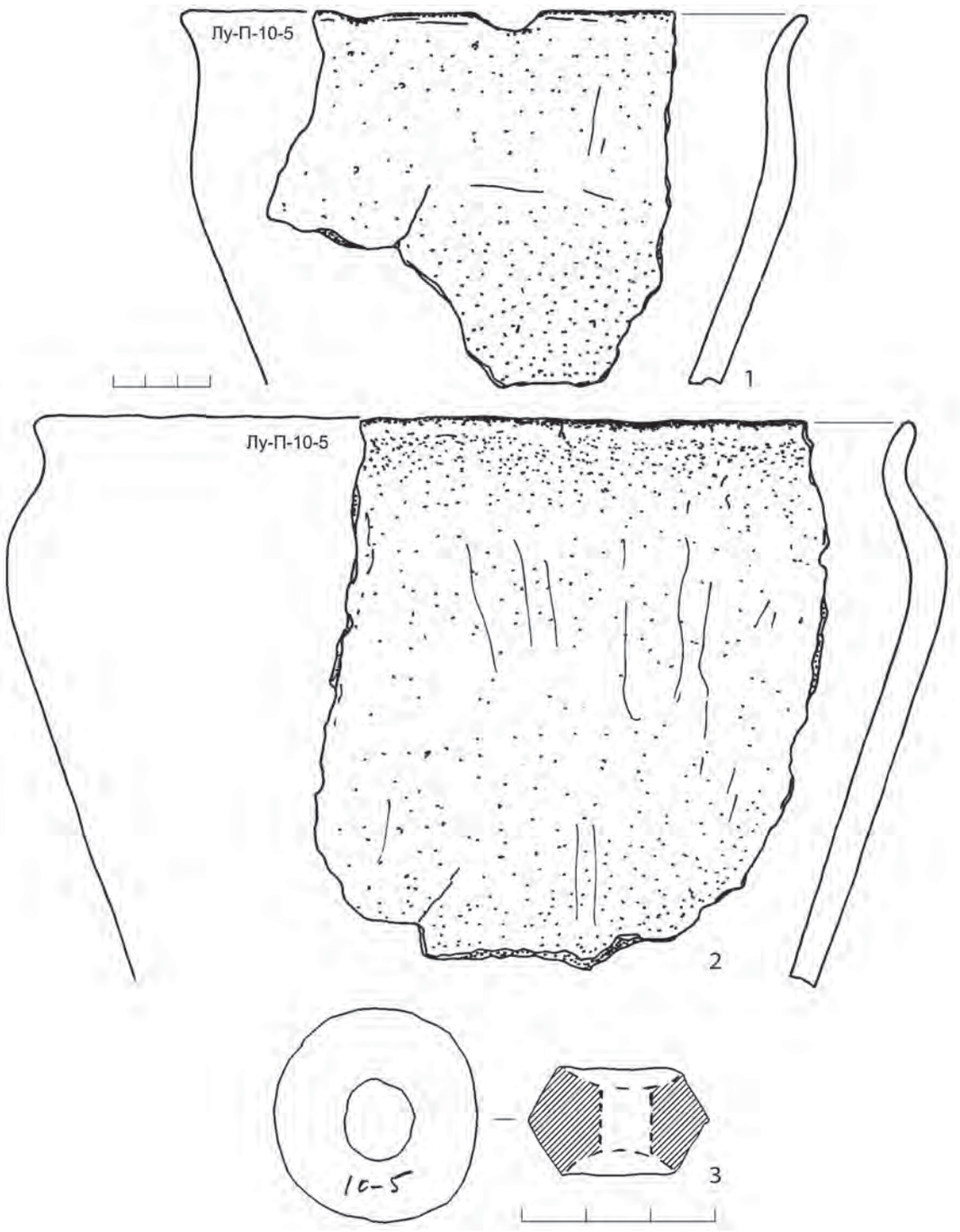


Рис. 31. Лукомль. Селище у подножия городища (правобережное). Находки из пятого пласта квадрата 10 (раскопки Г. В. Штыхова 1969 г.). 1, 2 – фрагменты лепных сосудов; 3 – глиняное пряслице (Штыхов А-1969)

В стратиграфическом контексте первому культурно-хронологическому блоку соответствуют следы кольцевой (?) постройки, шедшей по краю холма. На плане раскопа ее остатки зафиксированы А. Г. Митрофановым в виде каменного наброса, в котором выделяется одно компактное скопление камней (очаг или печка-каменка?) в квадрате И-1 (рис. 45). В бровке остатки постройки читаются как слой с углями в нижней части культурных напластований. Судя по представленному в отчете А. Г. Митрофанова разрезу, это довольно крупные головни, к сожалению, совершенно не прослеженные раскопщиком в плане.

Второму культурно-хронологическому блоку соответствуют, вероятно, округлые материковые ямы на площадке городища. В одной из них (яма 1) найдены выразительные материалы последней четверти I тыс. н. э.: целый профилированный горшок с зернами ржи

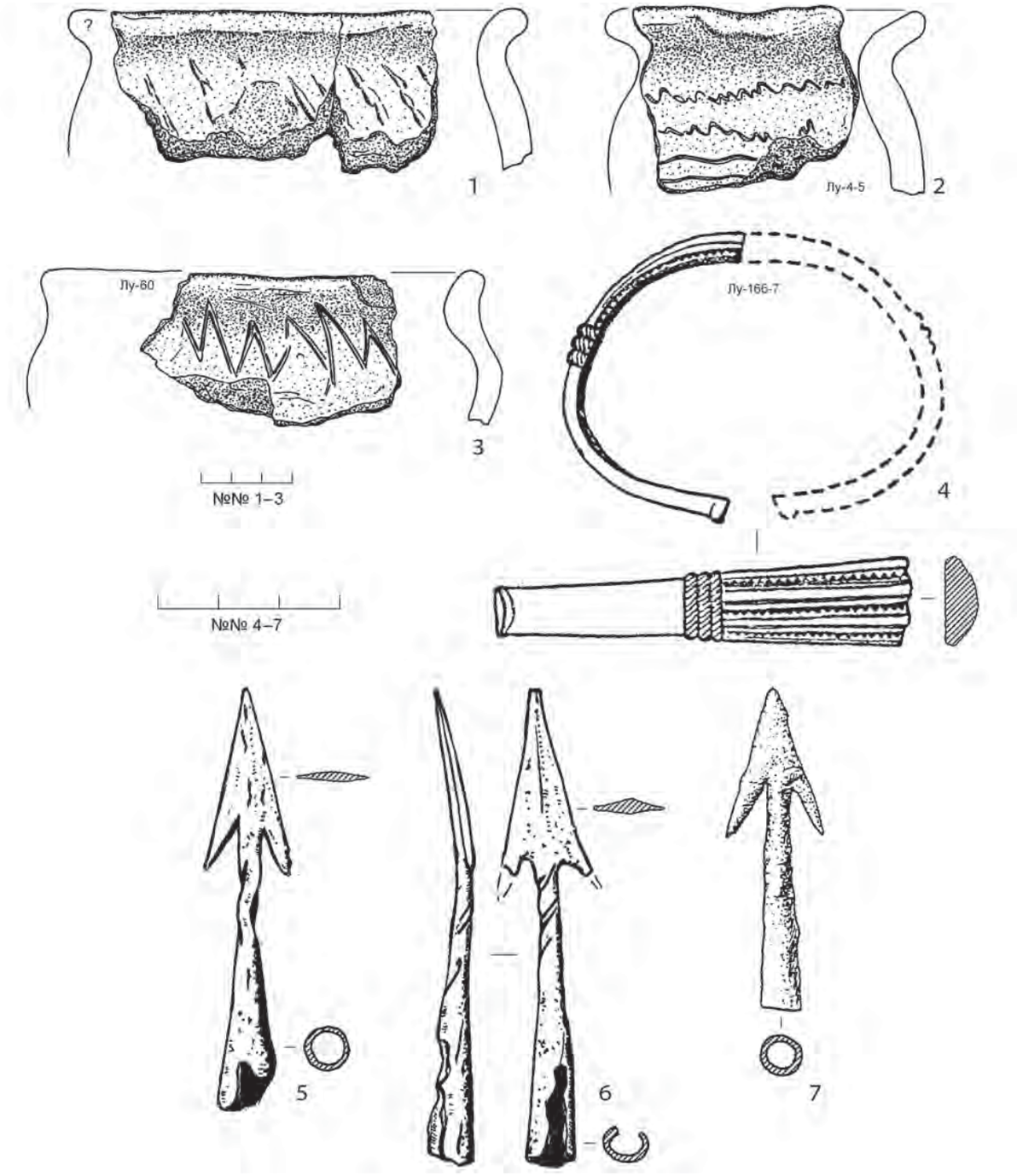


Рис. 32. Лукомль. Образцы раннегончарной керамики X–XI вв. (1–3); бронзовый ладьевидный браслет (4); двушипные наконечники стрел (5–7). 4, 7 – по Г. В. Штыхову; остальное – рисунки И. И. Еремеева

и вышеупомянутая ланцетовидная стрела североевропейского типа, позволяющая датировать поздний слой IX–X вв.

Несмотря на уникальные размеры, городище Свила I типично своей «двуслойностью». Особую ценность ему придают найденные грунтовые погребения. К сожалению, А. Г. Митрофанов не опубликовал самую ценную из своих находок – керамику из погребения № 2. Возможно, ее еще можно отыскать в музейных коллекциях (мне это, к сожалению, не удалось). Судя по височным кольцам и стратиграфии (погребения совершены, как было подмечено А. Г. Митрофановым, в культурном слое), захоронения следует датировать последней четвертью I тыс. н. э. Они дают представление о погребальном обряде населения Полоцкой земли до широкого распространения здесь в X столетии курганного обряда погребения. Надо полагать, именно так – в неглубоких материковых ямках (но, конечно,

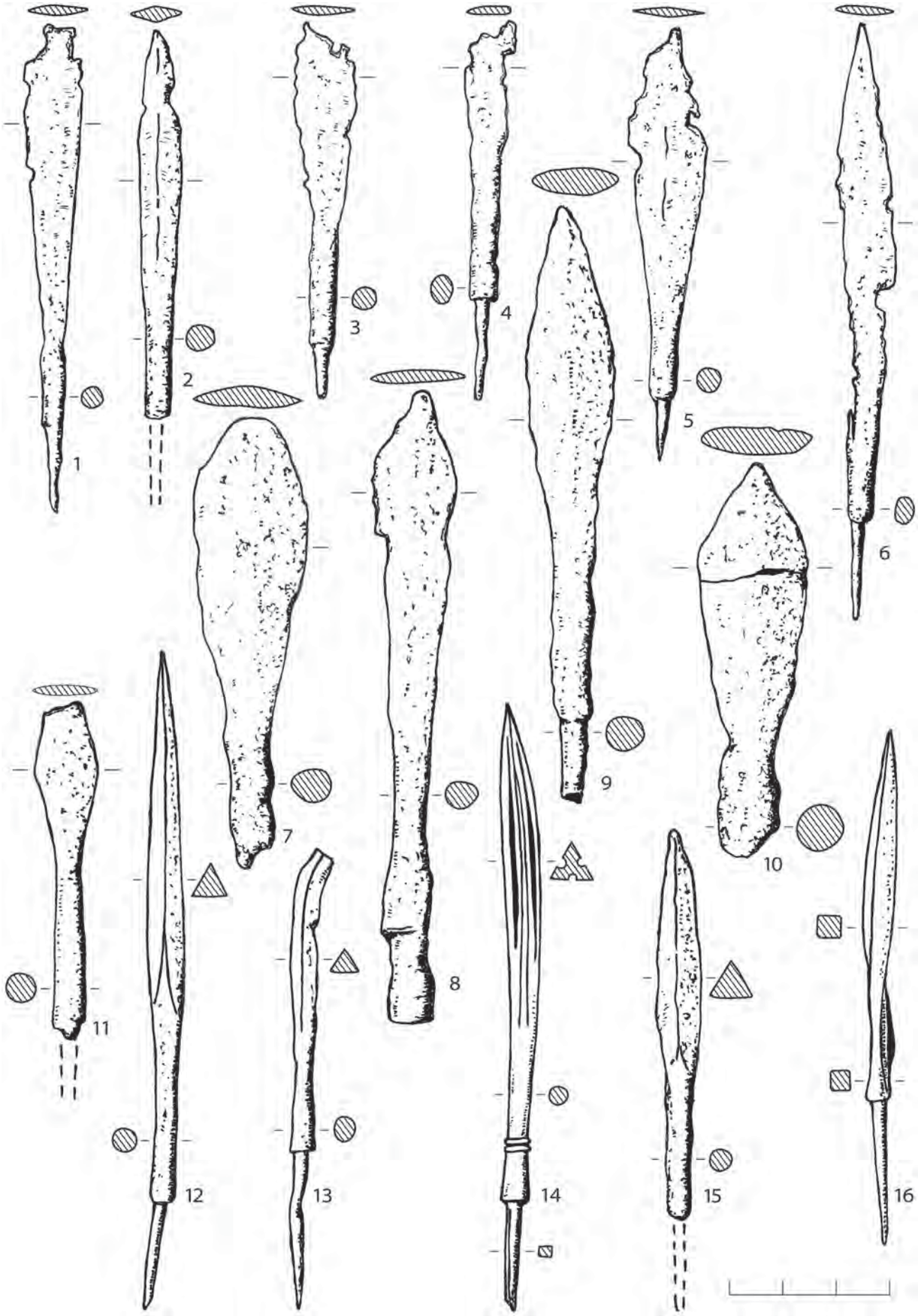


Рис. 33. Лукомль. Ланцетовидные наконечники стрел

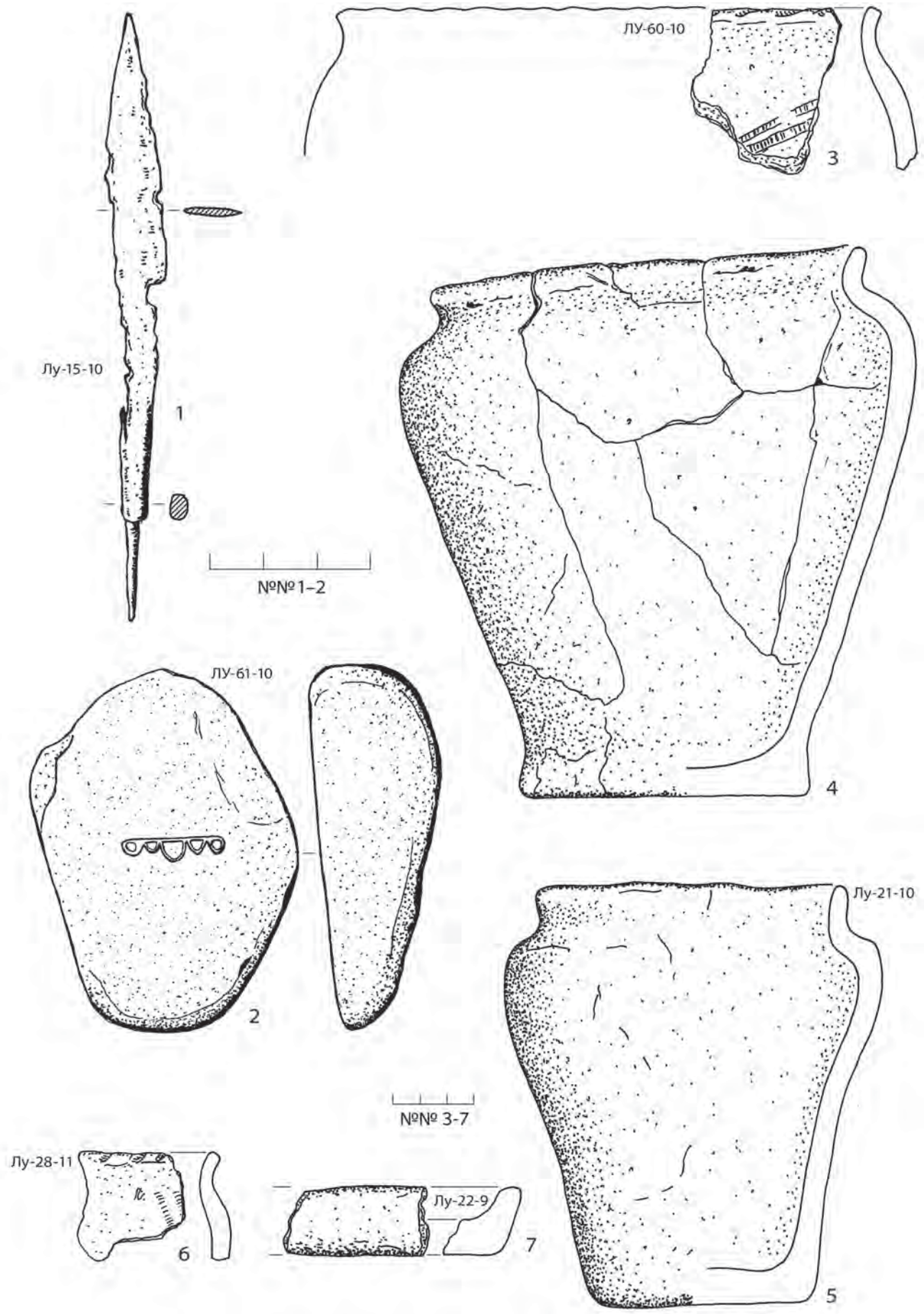


Рис. 34. Городище Лукомль. Набор находок из пластов 9–11 в восточной части площадки близ вала (в том числе из слоя пожара X в.). 1 – ланцетовидный наконечник стрелы; 2 – каменная литейная форма; 3–7 – лепная керамика

не на поселениях, а в специально отведенных местах) хоронили своих умерших жители Полоцка, Витебска, Лукомля, Друцка (пусть еще не городов, а лишь сельских поселений с такими именами) в VIII–IX вв.

1.1.2.3. Вопросы без ответов

Итак, городки V–VII вв., подобные городищу Княгинино, с их селищами-посадами лежат в основании культурных слоев значительного количества древнерусских городов, изученных на территории Белоруссии. При сравнении с городами русского Северо-Запада, такими, как Старая Ладога, Новгород (включая и его предшественника – Рюриково Городище), Старая Русса, древние Луки (Городок на Ловати), Торопец, возникшими на слабо освоенных или вовсе нежилых участках местности, эта деталь особенно бросается в глаза и заставляет задуматься об особых путях формирования городской структуры в северных и срединных городах Древней Руси.

Теоретически этому можно было бы найти объяснение в хронологии славянского продвижения на север, если мы будем представлять его себе как медленную «ползучую» колонизацию. Естественно, на территориях Северной Руси, где славяне появились позже, следовало бы ожидать более позднего появления «завязи» градообразовательных процессов. Это объяснение, однако, как выяснилось, не может быть принято. Дело в том, что, как оказалось, бросок южного населения на север был так стремителен, что первые городки, ничем не отличающиеся по сути от Дедиловичей или Никодимова, появляются на Ильмене – в сердце Новгородской земли – уже около рубежа V и VI столетий. Это такие памятники, как Городок на Маяте и Сельцо (Еремеев, Дзюба 2010: 406), а на Северо-Западе, вероятно, Псков (Белецкий 1996: 54–56, 40–43). Только там, на севере, они не перерастают в города; так и остаются безвестными городками, забытыми всеми уже к X в. Лишь Псков, пожалуй, и составляет исключение.

Здесь мы переходим к главному из занимающих нас сейчас вопросов: можно ли рассматривать ранние городки в качестве подосновы

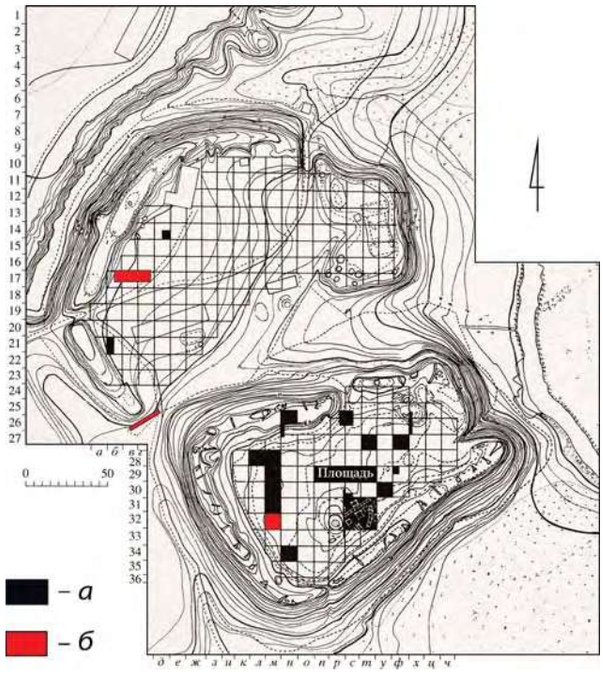


Рис. 35. Друцк (Алексеев 2002а). Раскопы 1999, 2000 гг. нанесены по О. Н. Левко (Ляўко 2000). План городища с посадом. *Условные обозначения: а* – раскопы Л. В. Алексеева; *б* – раскопы О. Н. Левко

древнерусских городов? Могли ли родовые городки в VIII–IX вв. перерастать в города, и если «да», то при каких условиях?

Вопрос, очевидно, распадается на три части:

- Каковы были функции ранних городков в религиозной, социально-политической и экономической жизни древнего населения.
- Существует ли хронологический стык между древностями Верхнего Поднепровья, Подвинья и Верхнего Понеманья V–VII вв. и VIII–X вв.
- Наблюдается ли культурная преемственность между ними.

Из трех предложенных вопросов наиболее интересен, конечно, первый, менее всего разработанный. Наверное, многим археологам, которым приходилось исследовать городища V–VII вв., знакомо чувство некоей загадки, которую они в себе таят. Ранние древнерусские городища IX–X вв. лишены этого обаяния тайны. Как правило, последние – лишь суровые крепости, военный смысл, планировка и характер использования которых утилитарны и понятны опытному археологу-медиевисту. Не так обстоят дела с более ранними городками. Фортификация их слаба, причудлива и сложна для понимания.

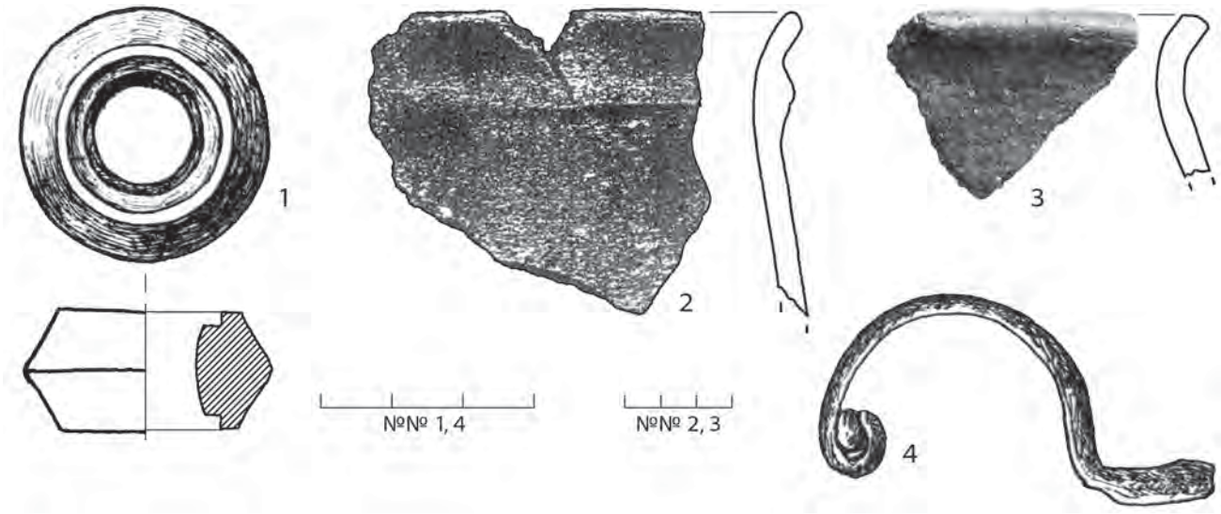


Рис. 36. Друцк. Находки второй–третьей четверти I тыс. н. э. 1 – глиняное пряслице с широким отверстием, окольный город (Ляўко 2000); 2 – фрагмент сосуда с налепным валиком, окольный город (Ляўко 2000); 3 – фрагмент лепного сосуда, городище (Алексеев 2002); 4 – бронзовая фибула, городище (Алексеев 2002)

Тем не менее по сравнению с древнерусскими укреплениями городища третьей четверти I тыс. н. э. очень многочисленны и единообразны. Уже к середине I тыс. н. э. мы видим вполне сформировавшуюся селитебную структуру, состоящую из посада и господствующей над ним возвышенности, укрепленной системой валов, эскарпов и деревянных стен. А между тем жизнь на городках была крайне неудобна из-за тесноты и затрудненности доступа к воде. Вести на городках хозяйство, в частности, содержать скот, было невозможно по тем же причинам. Ясно, что большая часть жизни людей, возводивших городища, протекала в стороне от них, на открытых поселениях близ воды. При этом на городках часто находят мощные культурные напластования, насыщенные обломками керамики. С городищ происходят сравнительно богатые находки: оружие и всадническое снаряжение, ювелирные украшения.

Очевидно, что городки, о которых мы ведем речь, не могли быть только лишь убежищами в минуту военной опасности. О том, что это не так, говорят следы активной жизнедеятельности на них. Следы эти слишком многочисленны, а предположение о том, что все они отложились в период военных невзгод, конечно, было бы абсурдно. Что же происходило на городищенских холмах, для чего или для кого они предназначались?

Фортификационные сооружения могут быть разнообразны, но общая планировка городков, за редкими исключениями, едина: по периметру площадки шла обычно длинная постройка. Ее следы, как правило, без труда вычленяются в культурных напластованиях. Постройка могла быть кольцевой, иметь разрывы или делиться на несколько длинных домов. Центральную часть площадки городка его обитатели обычно старались оставлять открытой.

Открытые поселения, располагавшиеся у подножий городищ, выглядели иначе. Длинные дома в киевской культуре и в более поздних: пражской, колочинской, тушемлинской, банцеровской культурах и культуре смоленских длинных курганов (далее – КСДК) – ни разу не были достоверно зафиксированы на селищах. Мы видим там либо постройки с подквадратной углубленной центральной частью (в литературе за ними утвердилось не совсем, видимо, корректное название – «полуземлянки»), либо следы каких-то срубных или столбовых построек с овальными хозяйственными ямами. Основная масса населения в раннеславянском культурно-географическом ареале в V–VII вв. обитала в небольших постройках, предназначавшихся для отдельной семьи. Ранее исследователи считали, что переход к подобному типу домостроительства (т. е. переход от патриархально-родовых отношений к малой семье) сопровождался отказом от строительства длинных домов (Митрофанов 1978: 117). Сейчас становится понятно, что это не совсем

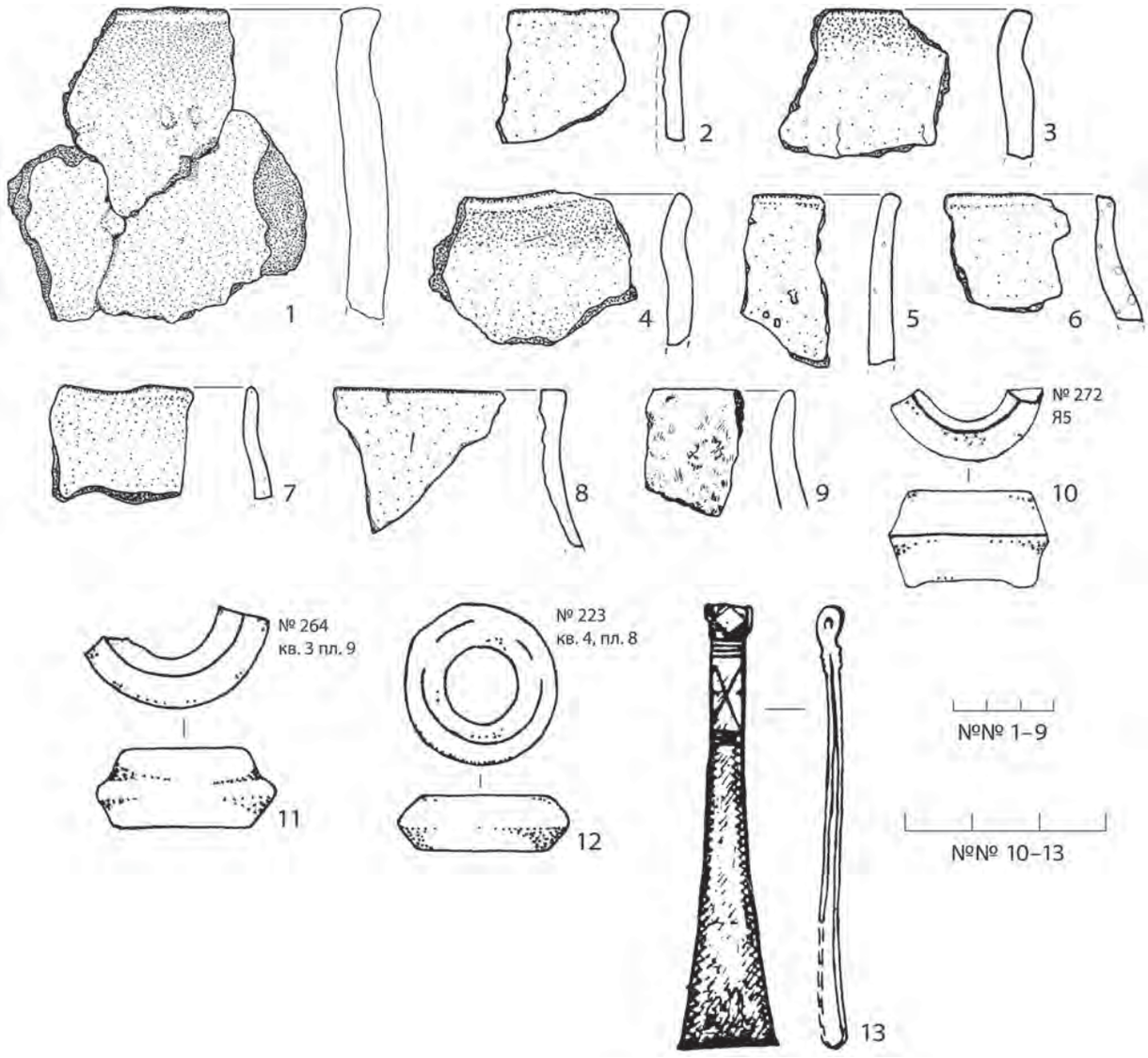


Рис. 37. Полоцк. Городище (1–4) и мыс Нижнего замка (5–13). Находки середины–третьей четверти I тыс. н. э. Лепная слабопрофилированная керамика (1–9); глиняные пряслица с широким отверстием (10–12); бронзовый пинцет (13). 1–8, 10–12 – раскопки Д. В. Дука; 9, 13 – раскопки С. В. Тарасова (Тарасаў 2001; Дук 2009, 2009а)

так. Индивидуальные постройки на селищах и даже (в исключительных случаях) на площадках городищ известны в Белорусском Подвинье на памятниках киевской культуры уже во второй четверти–середине I тыс. н. э. Длинные дома и индивидуальные жилища во второй–третьей четверти сосуществовали в пределах одних и тех же поселений, но первые были жестко привязаны к городищам, а вторые – к обычным селищам у их подножий. Очевидно, длинные дома и сами городки имели какие-то особые функции, связанные с коллективным ведением хозяйства, с социальной, политической и религиозной жизнью родовой общины. Здесь проходили общинные собрания, хранились материальные ценности и запасы, необходимые для поддержания жизнедеятельности популяции (в первую очередь часть урожая зерна – что зафиксировано на Банцеровском городище), военная добыча. Возможно, здесь проходили инициации молодежи.

Разумеется, размеры, военно-политический и экономический вес групп населения, создававших подобные убежища, был самым разным. Есть среди городков и кратковременные убежища небольших, затерянных в лесах родовых коллективов. Известен поразительный пример остановки мигрирующей группы (малого племени?), создавшей на время возникшей по каким-то причинам задержки традиционный тип поселения – городище

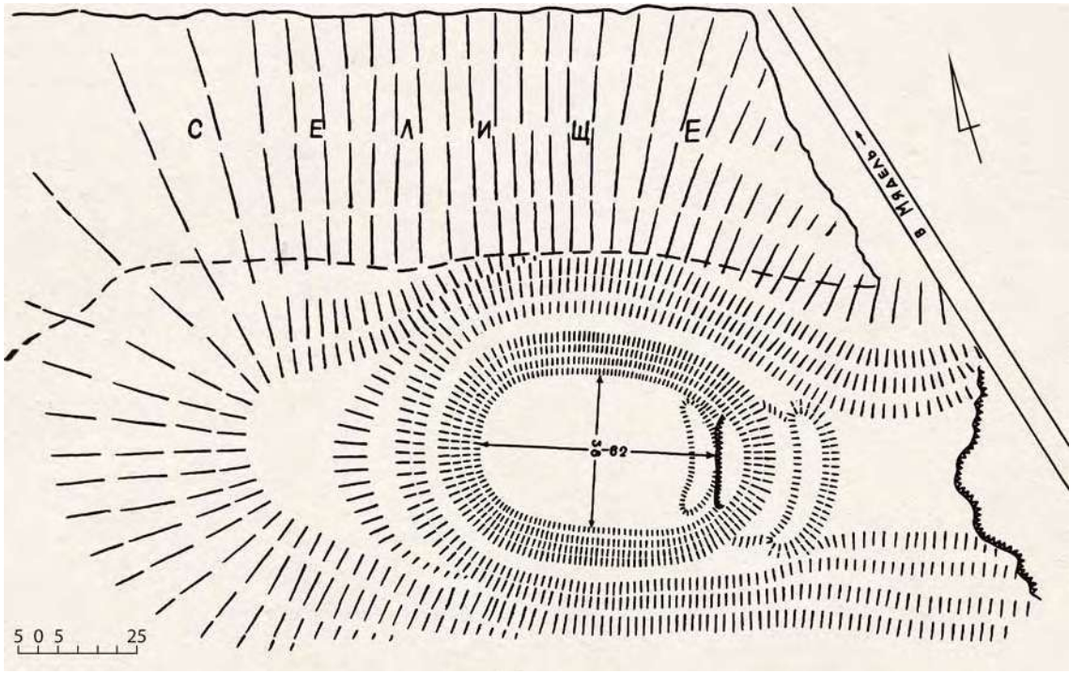


Рис. 38. Городище Городище (Княгинино) (Митрофанов А-1967)



Рис. 39. Городище Городище (Княгинино). Остатки кольцевой постройки по периметру площадки (Митрофанов А-1969)

и селище – в условиях, явно пригодных лишь для кратковременной стоянки (Дедиловичи).[20] Есть и несомненные геополитические центры достаточно крупных групп населения, возможно, племенных образований, где концентрировались значительные богатства (например, городище Никодимово в Восточной Белоруссии). На интересующей нас территории такими центрами уже в третьей четверти I тыс. н. э. были, видимо, Витебск, Городище

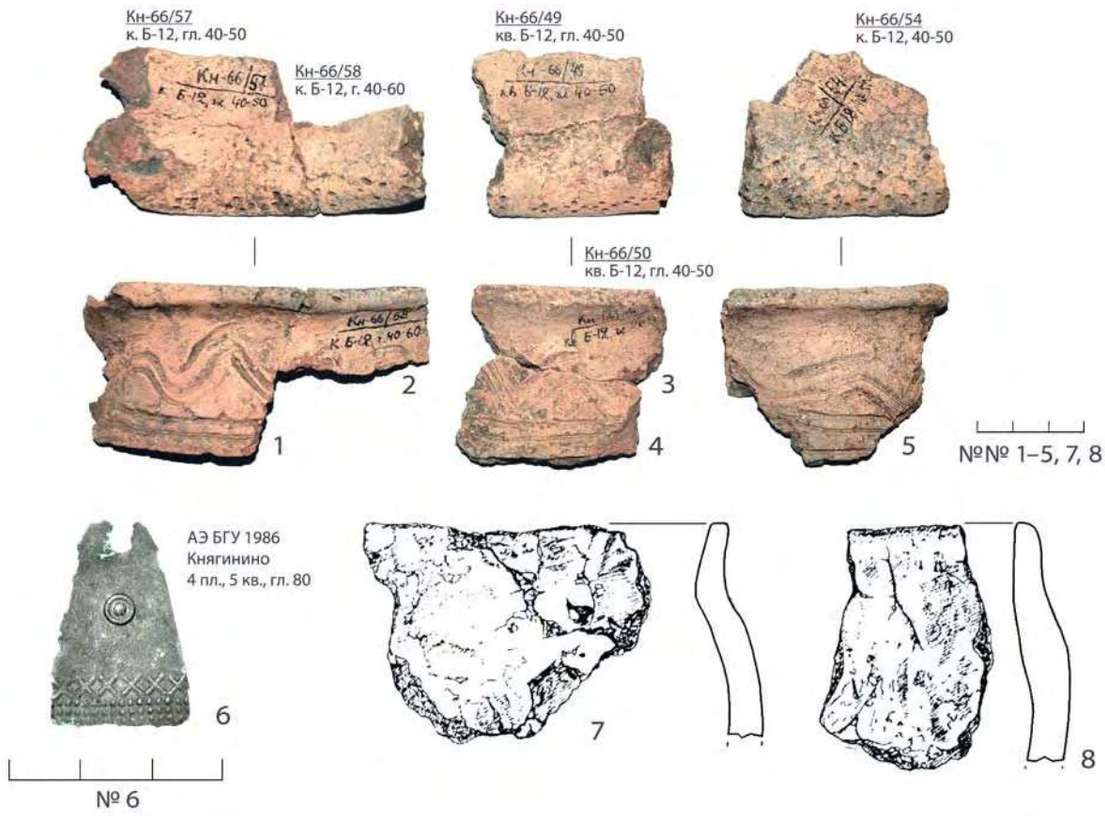


Рис. 40. Городище (Княгинино). Находки последней четверти I тыс. н. э. 1–5 – фрагменты раннегончарного сосуда X в. с селища (раскопки А. Г. Митрофанова 1966 г.); 6 – бронзовая подвеска IX–X вв. с городища (раскопки Э. М. Загорульского 1986 г.); 7, 8 – лепная профилированная керамика с площадки городища из раскопок А. А. Егорейченко 1988 г. (Егорейченко 2005)

на Менке и Лукомль. Довольно сложно представить, насколько мощными были входившие в состав этих поселений «городки», но значительные размеры связанных с ними открытых поселений говорят о нерядовом характере этих селитебных структур. Видим мы и несколько крупных городищ – например, Друцк и Свила I.

Ранние городки и древнерусские города, несомненно, что-то связывает. Какого рода эта связь – сказать пока сложно. Влились ли обитатели «родовых» городков V–VIII вв. в состав населения древнерусских городов IX–X вв., как полагают некоторые исследователи? В Белоруссии есть существенное обстоятельство, не позволяющее пока напрямую связать тушемлинско-банцеровские городища с древнерусскими городами. Оно лежит в том загадочном культурном разрыве, который отделяет тушемлинскую и банцеровскую культуры от древностей VIII–IX вв. Объяснение этого разрыва до сих пор остается областью гипотез, которые роднит, пожалуй, только идея «военного разгрома» населения, оставившего эти культуры, или его бегства (Третьяков 1963: 41; Шмидт 2012: 28, 119). Наиболее обоснованные аргументы в этой области дают материалы погребений КСДК, не обнаруживающие явных следов взаимодействия носителей этой культуры и тушемлинского населения.

Основывались ли раннегородские поселения VIII–IX вв. на местах разгромленных родовых (племенных) центров предыдущего времени целенаправленно? Было ли это воплощением акта завоевания, или некое новое население основывало свои укрепленные поселки на пустошах, представлявших наиболее удобные места для ведения хозяйства и обороны? На эти вопросы пока нет ответов. Их поиски в полевых отчетах прошлых лет и в музейных коллекциях малорезультативны. И необходимо прямо сказать, что уровень полевых исследований прошлого века не позволяет на них ответить. Нужны новые тщательные раскопки.

1.2. Славяне и скандинавы на Даугаве в VIII–начале X в.

Роль Полотчины в ходе славянской колонизации русского Северо-Запада с археологической точки зрения представляется очень значительной, возможно даже – ведущей. Однако Полоцким землям и группе славян, получившей свое имя от города на Полоте, не дано было сыграть существенной роли в дальнейшей политической истории Руси. Причины этого были заложены еще в третьей четверти I тыс. н. э. в конфигурации географического пространства, освоенного славянами, и в обстановке на его границах. Славянское расселение в лесной зоне Восточной Европы носило, несомненно, характер земледельческой колонизации, хотя в основе ее явно лежала череда военных завоеваний. Колонизация во многом была связана со стремлением овладеть плодородными земледельческими угодьями на освоенных прежними обитателями участках, разбросанных среди лесов. Но на финальных этапах колонизационного движения (на рубеже VIII / IX вв.) в лесной зоне сложилась такая геополитическая обстановка, что в выигрыше оказывались не столько племена, владевшие удобными пахотными угодьями, сколько группы населения, захватившие ключевые участки торговых путей. В частности, далеко на севере от Полоцка, в Поволховье, в регионе болотистом, малопригодном для земледелия и до VIII в. крайне отсталом в этом отношении, внезапно, видимо, в начале IX в. возникает раннегосударственное

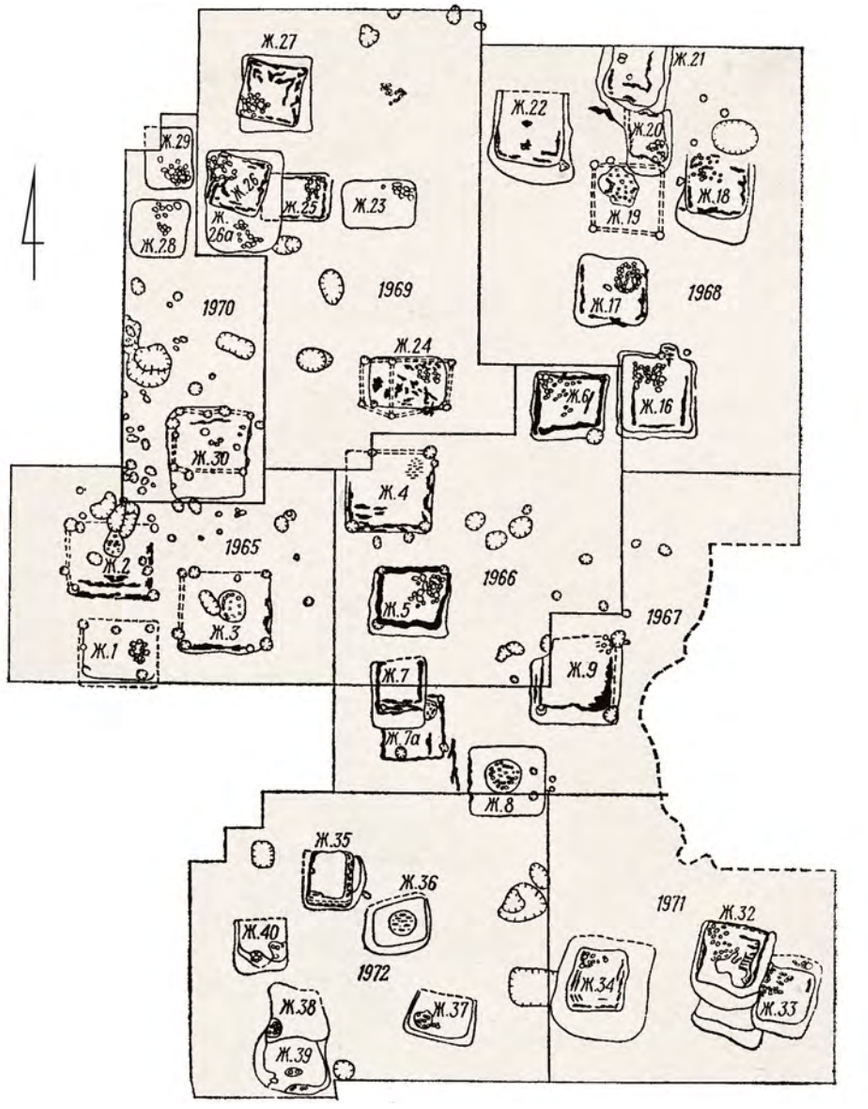


Рис. 41. Городище (Княгинино). Застройка участка открытого поселения при городище (Митрофанов 1978)

образование, сильно ограничившее европейские политико-экономические перспективы западных кривичей, в частности, полочан. К этой теме мы вернемся в своем месте.

Пока обратим внимание на земли, лежащие к западу от Полоцка. Понимание особенностей дальнейшего экономического и политического развития Полоцкой земли невозможно еще и без изучения древностей Юго-Восточной Прибалтики, прежде всего археологии современной Латвии, на территории которой лежит устье Даугавы.

Как мы знаем, славянское расселение с территории Белоруссии в середине–третьей четверти I тыс. н. э. шло гораздо интенсивнее на север и северо-восток, в сторону озера Ильмень и Финского залива, нежели в сторону Рижского залива и Нижнего Подвинья. Трудно сказать – был ли колонизационный натиск славян в этом направлении слабее, оказались ли местные племена более подготовленными в военном отношении (что подтверждается обилием оружия в погребениях и большим количеством укрепленных поселений), или сыграли роль какие-то менее понятные нам факторы, но балтскому и финскому населению здесь удалось избежать ассимиляции и, видимо, сохранить контроль над транзитными водными магистралями – Даугавой и Неманом. Западная граница славянского мира была здесь в то время довольно стабильна. Располагалась она примерно в районе Браславских озер (насколько, конечно, вообще применимо в данном случае слово «граница»).

Разумеется, Западная Двина–Даугава оставалась важным торговым путем, но прямого соприкосновения славян с северогерманским (скандинавским) миром в эпоху викингов на ее берегах не произошло. Роль этой водной артерии, как это ни парадоксально, в контактах между Северной и Западной Европой и Восточной Европой до X в. оказалась довольно незначительна. Это хорошо видно, например, по динамике выпадения в Западно-Двинском регионе монетных кладов.

На интересующем нас пространстве клады IX в. по территориальному признаку можно разделить на две группы (рис. 46, 47). Первая тяготеет к линии Могилев–Витебск–Усвяты–Торопец. Это первый могилевский клад – 814/815 г. (Рябцевич 1998: 77–78); Соболево –

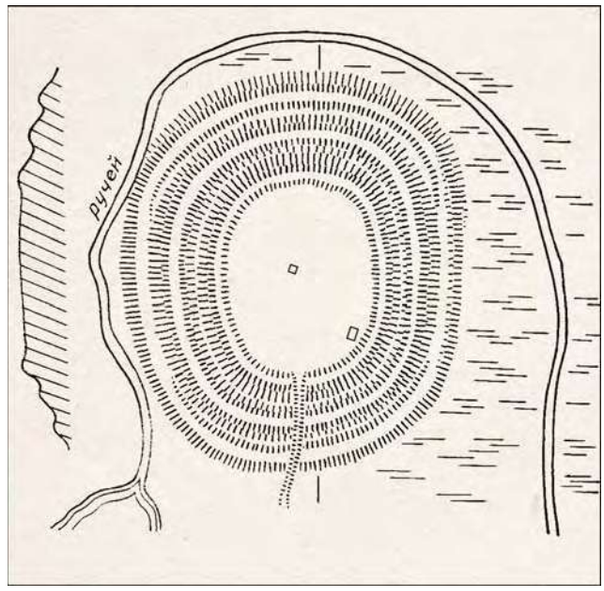


Рис. 42. Городище Свила I (Штыхов 1978)

862/863 г. (Кропоткин 1971: 92; Рябцевич 1998: 69); клады по Лучёсе и близ ее устья – Добрино – 841/842 г. (Кропоткин 1971: 92; Рябцевич 1998: 69–70) и Суходрево – начало IX в. (Корзухина 1954: 80; Рябцевич 1998: 70; Callmer 2013: 64); возможно, Витебск – 823/824 г. (Поболь 1983: 134; Рябцевич 1998: 67). Сюда же можно отнести клад из д. Кислые – 838 г. (Кропоткин 1971: 85; Нахапетян, Фомин 1994: 146; Noonan 1998: 97). Далее к северу продолжением той же полосы ложатся клады в имении г-жи Богомолец – 862–866 гг. (Савельев 1847: 109; Марков 1910: 2–3; Рябцевич 1998: 74; Noonan 1998: 107), в Глазуново – 853/854 г. и в Торопце – 867 г. (Корзухина 1964; Кропоткин 1971: 81).[21] Данная группа сокровищ, по-видимому, не имеет отношения к Полоцку.

Вторая группа кладов лежит вне Пути из варяг в греки, к западу от него – Ахремцы – 852/853 г. (Рябцэвич 1998: 73; Noonan 1998: 101–102); Поречье – 853/854 г. (Рябцевич 1998: 68; Noonan 1998: 102); Симоны – 845/846 г. (Рябцевич 1998: 77; Noonan 1998: 101); Брили – 890/891 г. (Рабцэвіч, Плавінскі, Іоў 2011). Сокровища второй группы мы могли бы связать с Западно-Двинским путем, если бы он продолжался за Полоцком. Но этого не наблюдается.

Как видно по картам (рис. 46, 47), ниже Витебска кладов куфического серебра первого периода обращения дирхемов (условно ранее 833 г.) нет (Булкин, Мачинский 1986: 23; Берга 1988: 30–31; Янин 2009: рис. 5; Алексеев 2006:

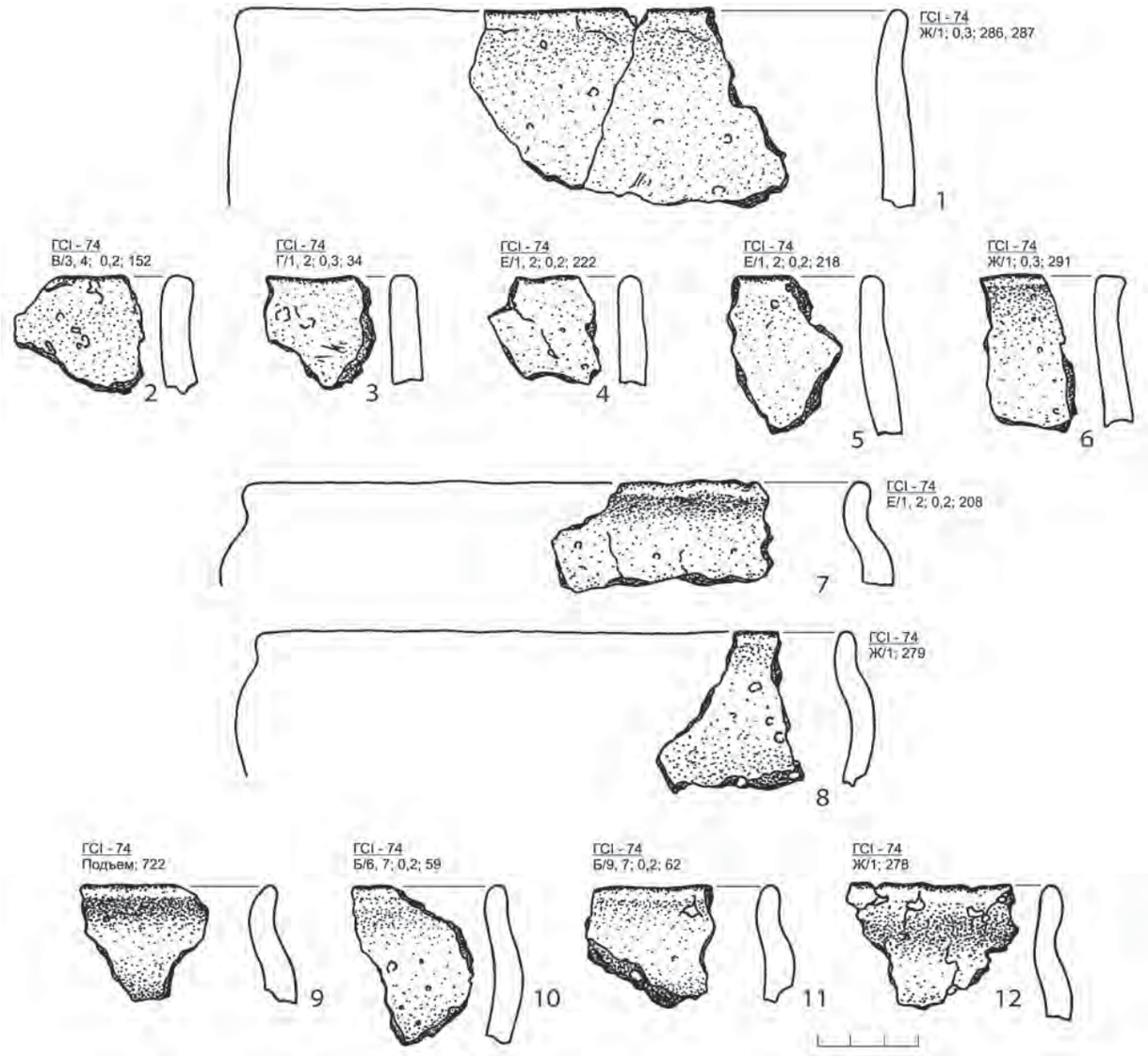


Рис. 43. Городище Свила I. Две группы лепной керамики из раскопок А. Г. Митрофанова 1974 г. 1–6 – керамика второй–третьей четверти I тыс. н. э.; 7–12 – профилированная керамика последней четверти I тыс. н. э.

рис. 9). Если в белорусском течении Западной Двины, освоенном кривичами, куфическое серебро все же появляется в IX в. (Булкин, Мачинский 1986: 24; Noonan 1998: 57; Клімаў, Куляшоў 2011), то в самых низовьях реки клады арабских монет не зарывались в землю вплоть до 910-х гг. (Берга 1988: 29; Радиньш 2010: 291). Отсюда – выводы исследователей о том, что на территорию современной Латвии дирхемы в IX в. поступали не по Даугаве через славянский Полоцк, а с запада – из Скандинавии (Мугуревич 1965: 23; Берга 1988: 31; Berga 2007: 171).

На территории Латвии ближайшие к Даугаве находки кладов второго периода обращения дирхемов известны только в Курляндии (сомнительный клад из Гробиняс-Ильги – 852/853 г., сокровище из Либагу-Сарайи – 863/864 г.) и явно не имеют отношения к Западно-Двинскому пути (Берга 1988: рис. 6). По-видимому, перечисленные сокровища свидетельствуют о том, что с середины IX столетия Полотчина участвовала в серебряной торговле не в качестве транзитного региона, а как тупиковая периферия «восточного пути». Отсутствие у ранних белорусских кладов «скандинавского контекста» (исключения, возможно, составляют комплексы из Поречья 853/854 г. и Брилей 890/891 г. со свернутыми в спираль гривнами и каролингским мечом) позволяет сделать вывод, что торговля находилась преимущественно в руках славянских купцов. Что они могли предложить своим восточным соседям (например, хазарским и булгарским торговцам) в обмен на серебро? Вероятно, в первую очередь невольников как

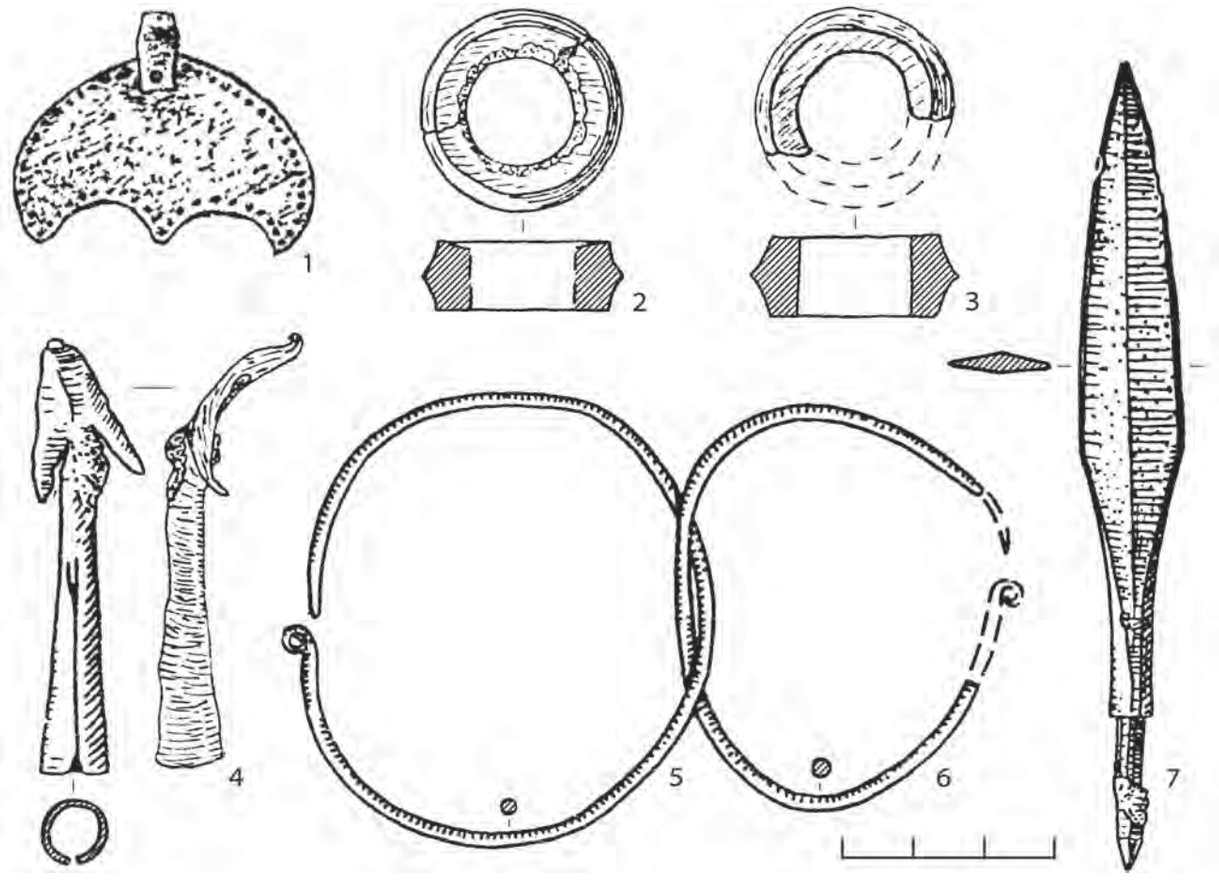


Рис. 44. Находки с городища Свила I. 1 – подвеска-лунница из раскопок В. И. Шадыро (Шадыра 2006); 2–7 – находки из раскопа А. Г. Митрофанова 1974 г. (А-1974). Места находки: 2, 3 – культурный слой; 4–6 – погребение № 2; 7 – яма 1 (зерновая яма)

с сохранившихся островков иноплеменного населения внутри Полоцкой земли, так и с пограничных земель латгалов и селов. Главным товаром лесной зоны были меха, но у жителей Полотчины не было выхода к транзитным путям с севера, откуда шел основной поток ценной пушнины. Что же касается разнообразных товаров лесных промыслов, то вышеназванные купцы могли получить их и с более близких к ним лесных территорий Днепровского Левобережья и Верхнего Поволжья. Но здесь мы стоим уже на рубеже, за которым начинаются догадки, требующие дальнейшего накопления археологических фактов.

Показателем того, что в экономической жизни Балтийского региона в VIII–начале X в. значение Западной Двины было второстепенным, является характер присутствия там скандинавов. Как известно, алчные норманны устремлялись в регионы, сулившие богатую добычу (как военную, так и торговую). Их следы обычно хорошо заметны по ярким археологическим находкам. В Поволховье поселения скандинавов появляются уже в середине VIII в.; в Приильменье – на столетие позже. В Днепро-Двинское междуречье они проникают с севера, с Ильменя, во второй половине IX в. О сравнительно ранней (не позднее второй половины–конца IX в.) дате появления норманнов в Витебске и в области к востоку от него говорят единичные находки украшений с элементами стиля «хватающий зверь» (Городок на Вопи) и некоторые другие свидетельства (Еремеев 2005; Еремеев, Дзюба 2010: 496–505; Callmer 2013: 60–62). Ранняя дата появления варягов в районе Витебска объясняется, видимо, их стремлением контролировать один из путей поступления куфического серебра на север – с верховьев Днепра к истокам Западной Двины и далее – в Приильменье (Noonan 1998: 343). Этот путь установился, как мы можем заключить по датировке хорошо изученного клада из Добрино под Витебском (Рябцевич 1998: 69–70), примерно в 840-х гг.

В устье Даугавы и в ключевом для организации речной торговли районе Румбальских поро-

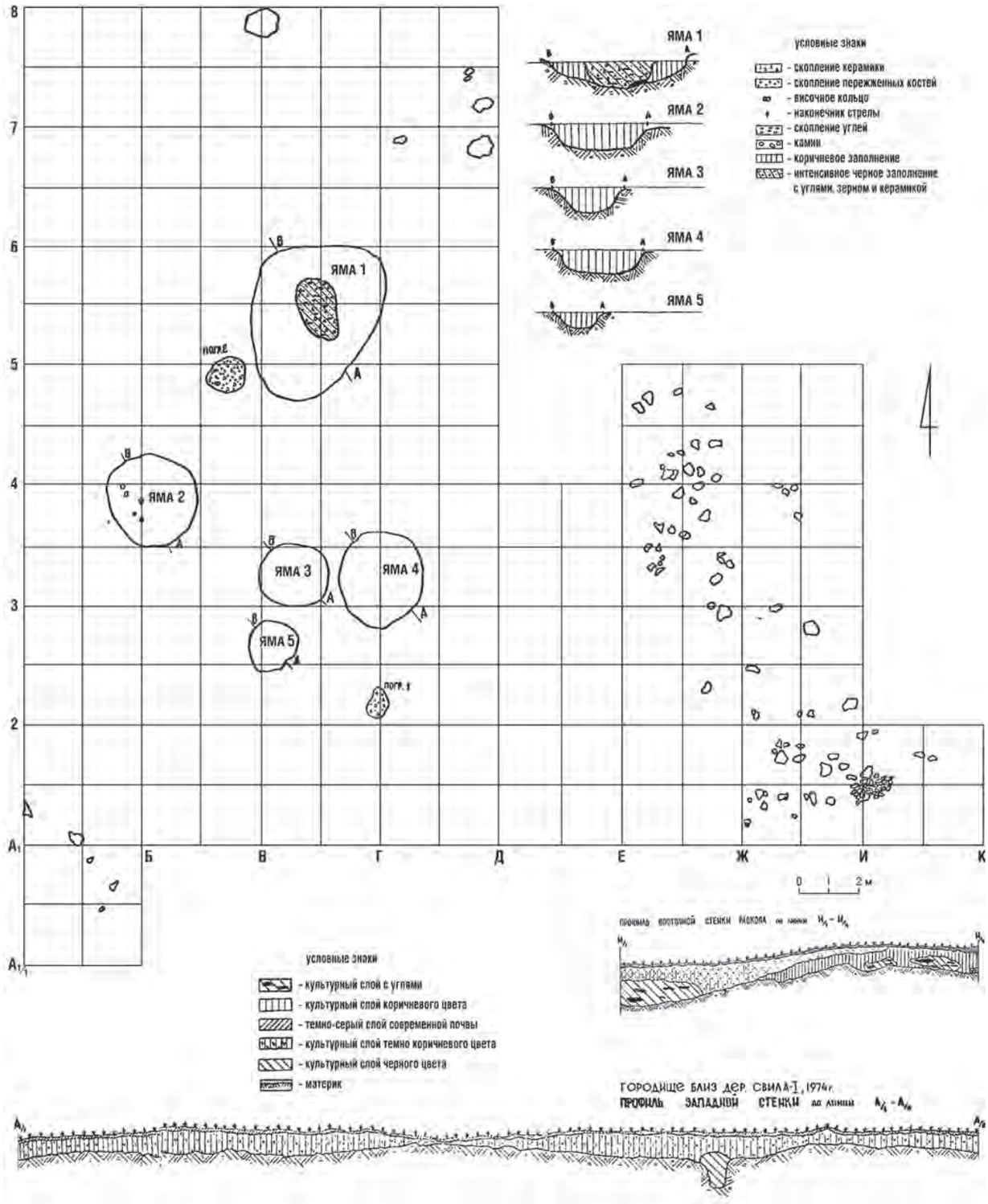


Рис. 45. Городище Свила I. План раскопа 1974 г. (нижний горизонт) (Митрофанов А-1974)

гов скандинавы появляются, судя по отдельным находкам северных украшений, не позднее, чем в Поволховье. В районе Даугмале (точнее – близ местечка Дюнхоф, Dünhof, Kreis Bauske) в 1837 г. была случайно найдена овальная скандинавская фибула типа P1, украшенная циркульным орнаментом (Nerman 1929: 38, fig. 37; Jansson 1992: 67).[22] Еще одна фибула типа P1, но без орнамента, найдена на острове Доле на поселении Долес Рауши (в пахоте) в раскопках Э. Шноре 1971 г. (Spirģis 2008: 49–50; Спиргис 2009: 14–16). Б. Нерман датировал находку из Дюнхоф VII в. (Nerman 1929: 39). Позднее хронология этих украшений была пересмотрена, и они были отнесены к VIII в. (Arvidsson 1942: 40–50), что подтверждается дальнейшими исследованиями (Langhammer 2007: 145). Маленькая овальная неорнаментированная фибула найдена в древнейшем горизонте Старой Ладоги (Давидан 1994: рис. 1: 20). С учетом староладожской фибулы дату бытования этих украшений (рис. 49) к востоку от Балтийского моря действительно следует поднять до конца вендельского времени.

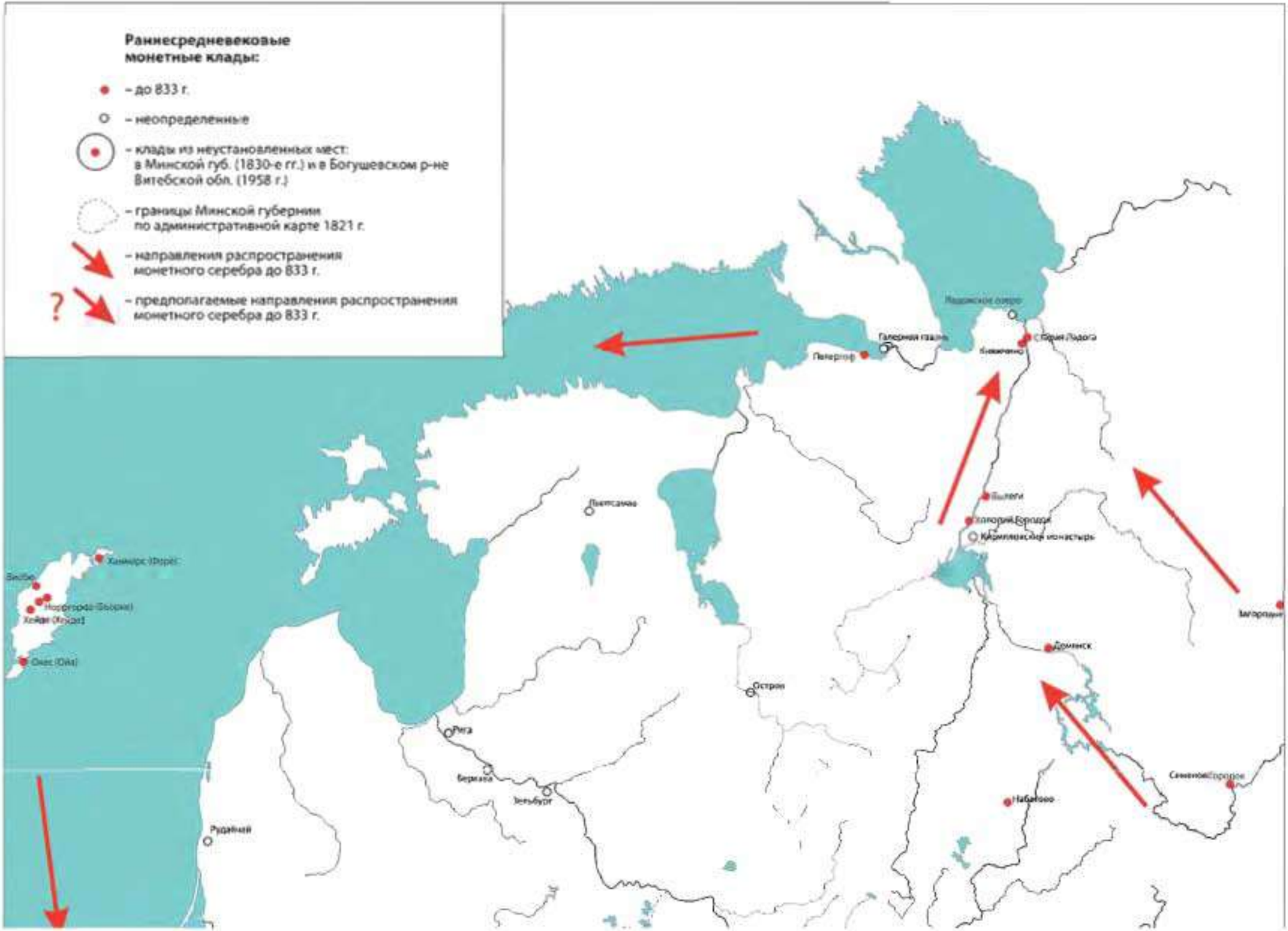
О попытках скандинавских дружин контролировать Рижский залив уже в поздневендельское время (в начале VIII в.?) свидетельствуют и ставшие знаменитыми за последние годы погребения воинов в ладье в Салме у основания полуострова Сырвесаэр на о. Сааремаа (Tvauri 2012: 275–277; Peets et. al 2013).

Уже к середине VIII в., таким образом, встал вопрос – где и когда в Восточной Европе соприкоснутся две стремящиеся навстречу друг другу стихии – северогерманская (скандинавская) и восточнославянская – на Неве и Волхове, или на Западной Двине–Даугаве? Дилемма представлена на карте, открывающей эту работу (рис. 1).

Какое направление приняло течение исторических событий – известно. Археологические свидетельства этого, в частности, дают нам древности областей, лежащих между Полоцком и Друтью. Достоверные скандинавские изделия на территории большей части Белоруссии, в частности в хорошо исследованном Полоцке, до середины X в. незначительны как в количественном выражении, так и с точки зрения ценности их как сокровищ. Любопытным показателем в этом отношении является картина, полученная С. Д. Дерновичем, в течение многих лет собиравшим информацию о находках на территории Белоруссии оружия и украшений скандинавских типов. Картина эта оказалась довольно скромной. Единичные скандинавские находки, происходящие с территории Центральной Белоруссии, за редкими исключениями, датируются X–XI вв. и представлены в значительной своей части оружием (Дернович 2006: карты 1–6). Вероятно, самую раннюю дату (начало 890-х гг.) проникновения норманнов на земли «от Дрютьска» дает загадочный Брилевский комплекс (возможно, жертвоприношение) с верховьев Березины, содержавший, наряду с куфическими монетами и мечом каролингского типа, серебряный спиральный браслет, имеющий многочисленные параллели в кладах Северной Европы (Рабцэвіч, Плавінскі, Іоў 2011). Еще одна загадочная ранняя находка – равноплечная скандинавская фибула раннего типа с городища Масковичи (Callmer 2013: 58–59), к сожалению, не имеет контекста.

Скандинавские находки IX в. (в первую очередь – женские украшения) в археологических комплексах известны в низовьях Даугавы (Jansson 1992: 67, 76) (рис. 50). Когда-то на основании этих материалов исследователи склонны были искать здесь шведские колонии (Nerman 1934: 376). Сейчас авторы обычно подчеркивают немногочисленность свидетельств пребывания норманнов в указанной области (Messal 2001: 77; Radiņš 2006: 85; Радиньш 2010: 282). Древности IX в. в низовьях Даугавы вообще остаются плохо изученными (Спиргис 2009: 16). По мнению Р. Спиргиса, находки овальных скандинавских фибул этого времени в могильниках Даугавы лежат в составе более позднего погребального инвентаря, относящегося ко времени не ранее X в. (Спиргис 2009: 17). Как бы там ни было – скандинавы, конечно, появлялись здесь в IX столетии. Сведения об этом донесли до нас северные саги.

В Саге об Олаве Святом упоминается Эйрик, конунг Упсалы, который «подчинил себе Финнланд, Кирьяланд, Эйстланд, Курланд и многие земли на востоке» (Снорри Стурлусон 1980: 219). Время правления этого конунга исследователи предположительно относят к 850-м – началу 880-х гг. (Брим 2002: 234; Джаксон 1991: 125). Если за этими легендарными событиями стоит некая историческая реальность, не могли не подвергнуться набегам Эйрика


Раннесредневековые монетные клады:
– до 833 г.
– неопределенные
– клады из неустановленных мест: в Минской губ. (1830-е гг.) и в Богушевском р-не Витебской обл. (1958 г.)
– границы Минской губернии по административной карте 1821 г.
– направления распространения монетного серебра до 833 г.
?
– предполагаемые направления распространения монетного серебра до 833 г.
Галерная гавань
Петергоф
Старая Ладога
Кижевино
Пьятсамаа
Хаммарс (Форе)
Висбю
Норргорда (Бьорке)
Хейде (Хейде)
Окес (Ойа)
Бытеги
Холопий Городок
Кирилловский монастырь
Загорщина
Доминск
Остров
Рига
Берхава
Зельбург
Рудайчай
Набатово
Семенов Городок

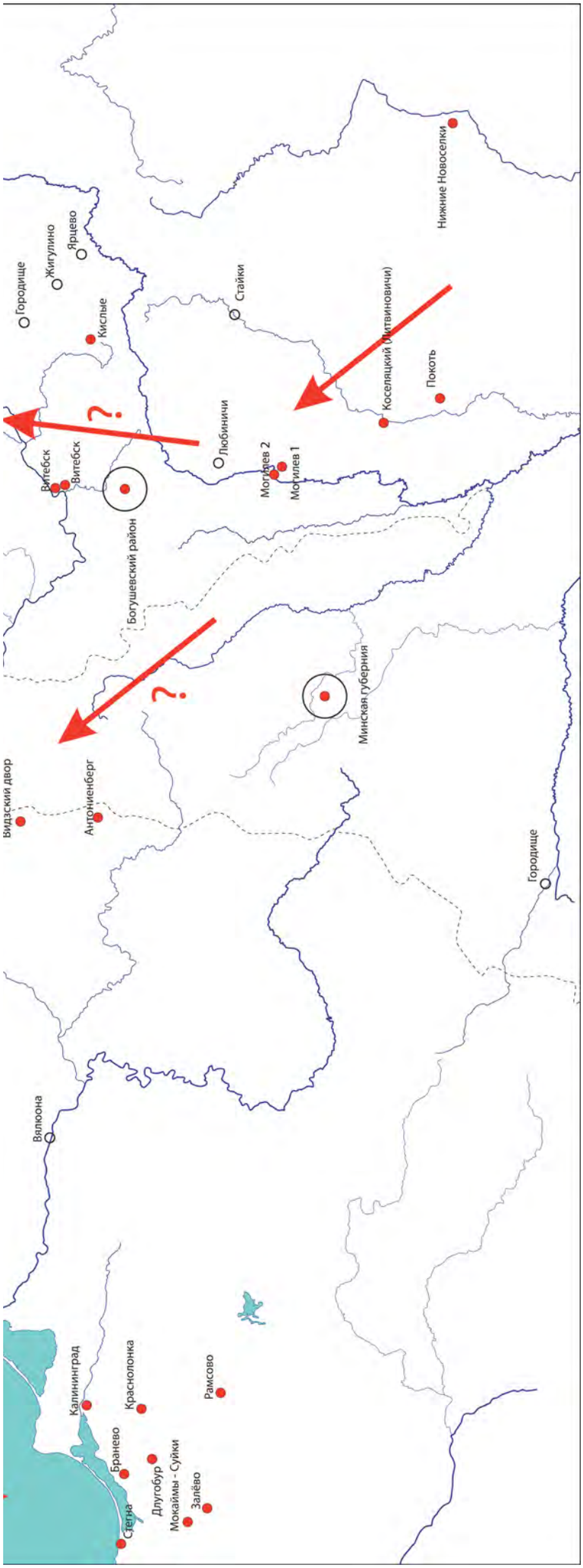
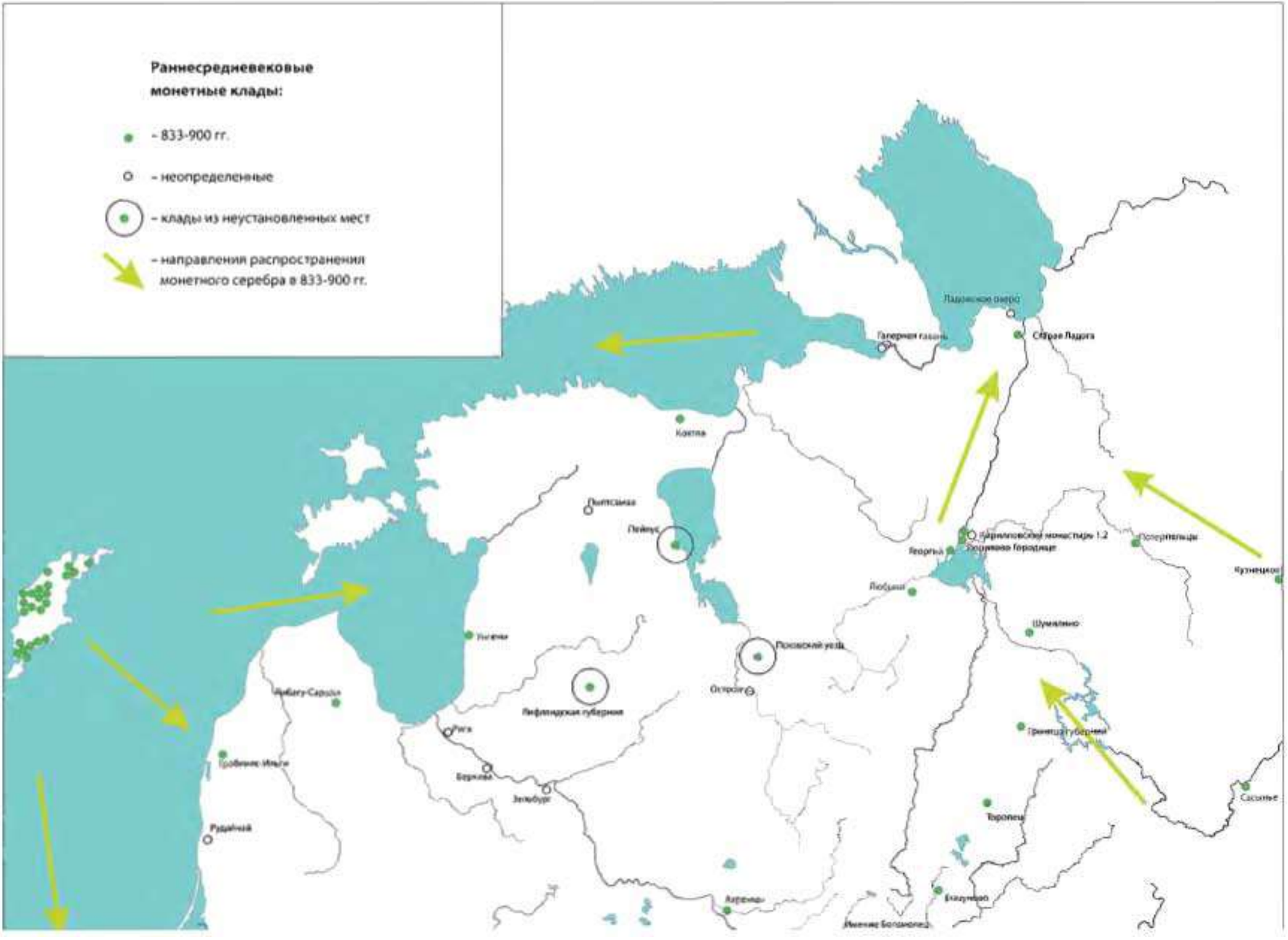


Рис. 46. Динамика сокрытия монетных кладов в бассейне Западной Двины–Даугавы и на сопредельных территориях до 833 г. Клады Готланда даны за период до 825 г. (Jonsson 1994)


Раннесредневековые монетные клады:
- 833-900 гг.
- неопределенные
- клады из неустановленных мест
- направления распространения монетного серебра в 833-900 гг.
Ладожское озеро
Галерная гавань
Старая Ладога
Кокша
Пылтсамаа
Пейпус
Карилловский монастырь 1.2
Георгиа
Лорикова Городище
Потерпельцы
Кузнецкое
Любыни
Шумилино
Псковский уезд
Остров
Лифляндская губерния
Рига
Берлава
Зельбург
Рибагу-Сарола
Гробинис-Ильги
Рудайчай
Гриница губерний
Торопец
Сасылье
Ахренцы
Екатуново
Имение Богомолец

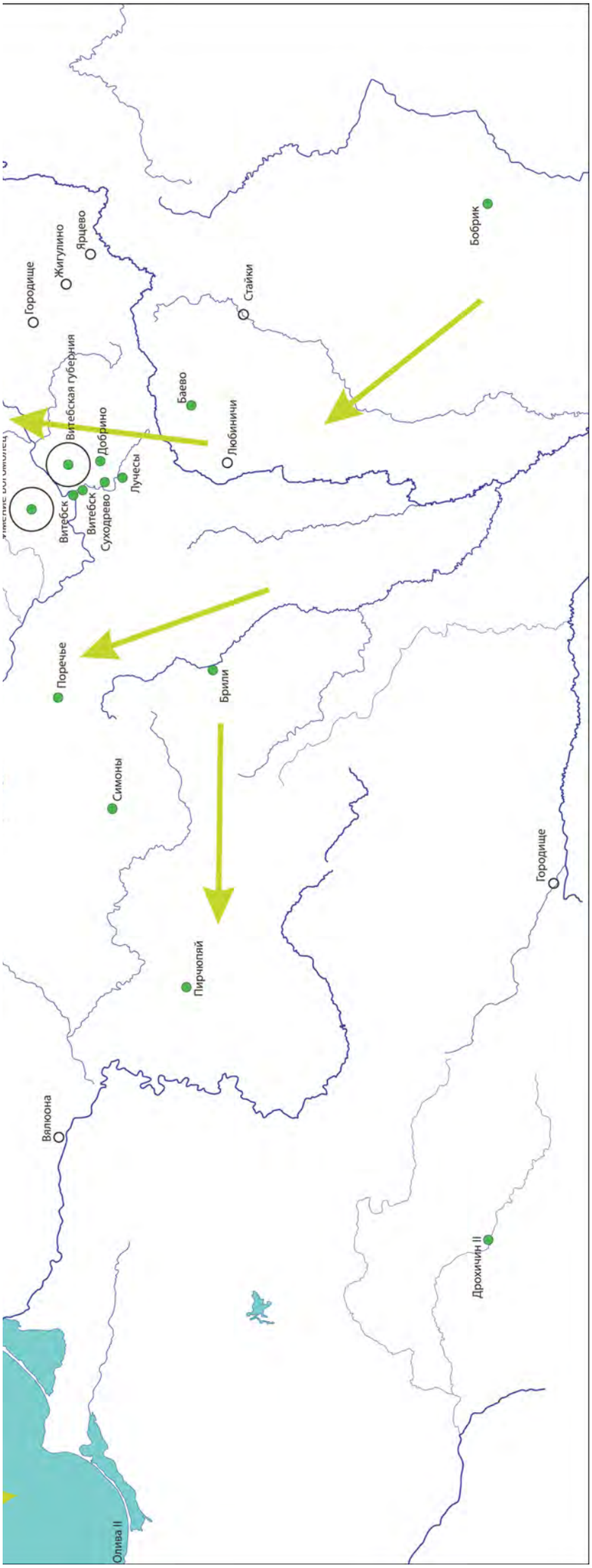
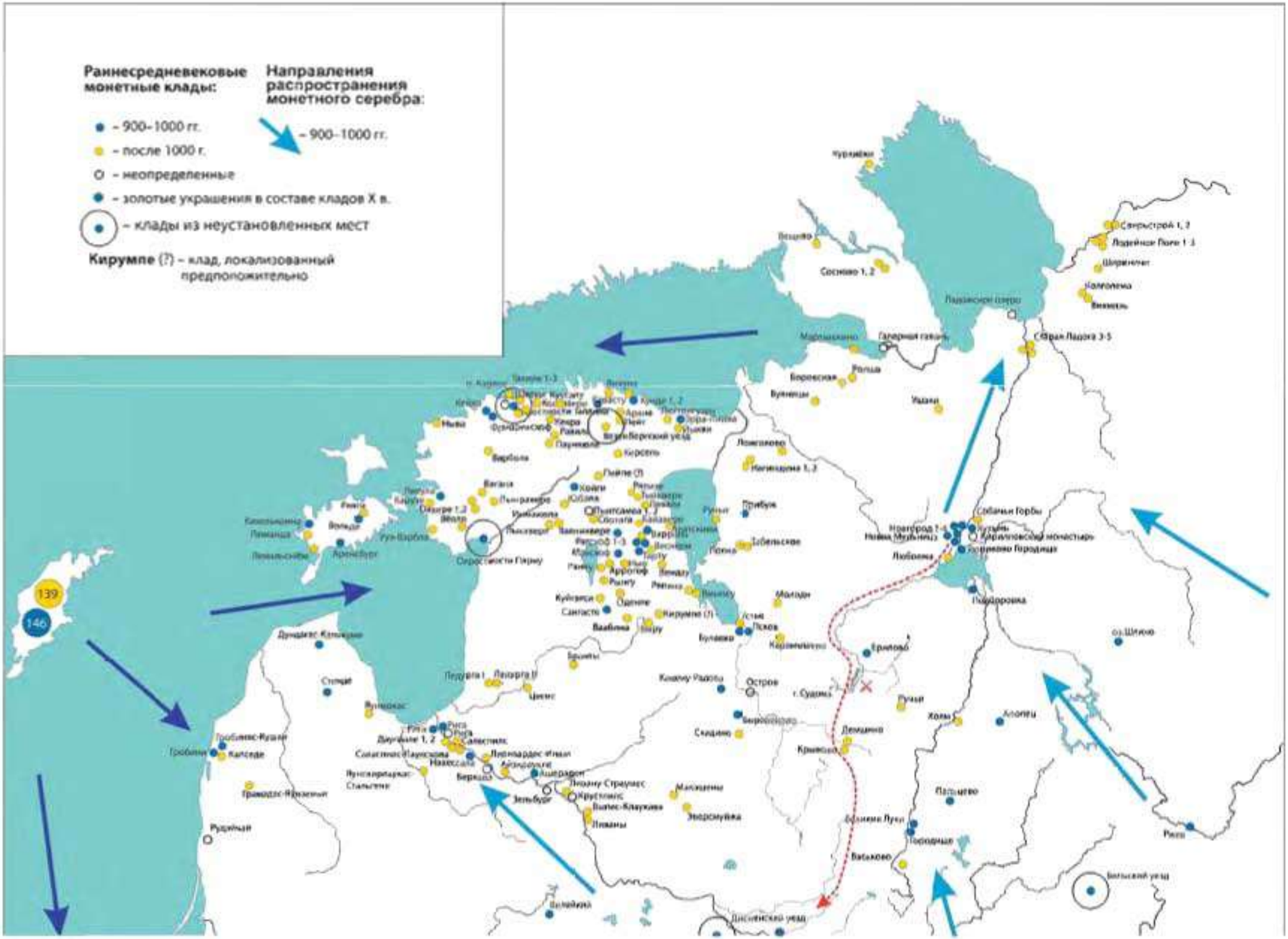


Рис. 47. Динамика сокрытия монетных кладов в бассейне Западной Двины–Даугавы и на сопредельных территориях в IX в. (после 833 г.). Клады Готланда показаны за период 850–899 гг. (Jonsson, Östergren 1990: fig. 3)


Раннесредневековые монетные клады:
– 900–1000 гг.
– после 1000 г.
– неопределенные
– золотые украшения в составе кладов X в.
– клады из неустановленных мест
Кирумпе (?) – клад, локализованный предположительно
Направления распространения монетного серебра:
– 900–1000 гг.
139
146
Сосново 1, 2
Ладожское озеро
Старая Ладога 3-5
Новгород 1-4
Псков
Рига
Рижское взморье
Гробиньш
Руйиена
Валмиера
Цесис
Сигулда
Кримулда (?)
Лиепая
Вентспилс
Кулдига
Салдус
Тукумс
Елгава
Даугавпилс
Резекне
Краславский монастырь
Городище
Изборск
Печоры
Остров
Судома
Ерилово
Пыталово
Выборг
Выборгский залив
Сосновый Бор
Ломоносов
Копорье
Ивангород
Нарва
Нарва-Йыэсуу
Кохтла-Ярве
Раквере
Таллин
Хаапсалу
Пярну
Курессааре
Хийумаа
Сааремаа
Муху
Сырве
Кихельконна
Пеэдисоо
Ханила
Ванаыэ
Ыэпа
Ыэпаыэ
Ыэпаыэ
Ыэпаыэ

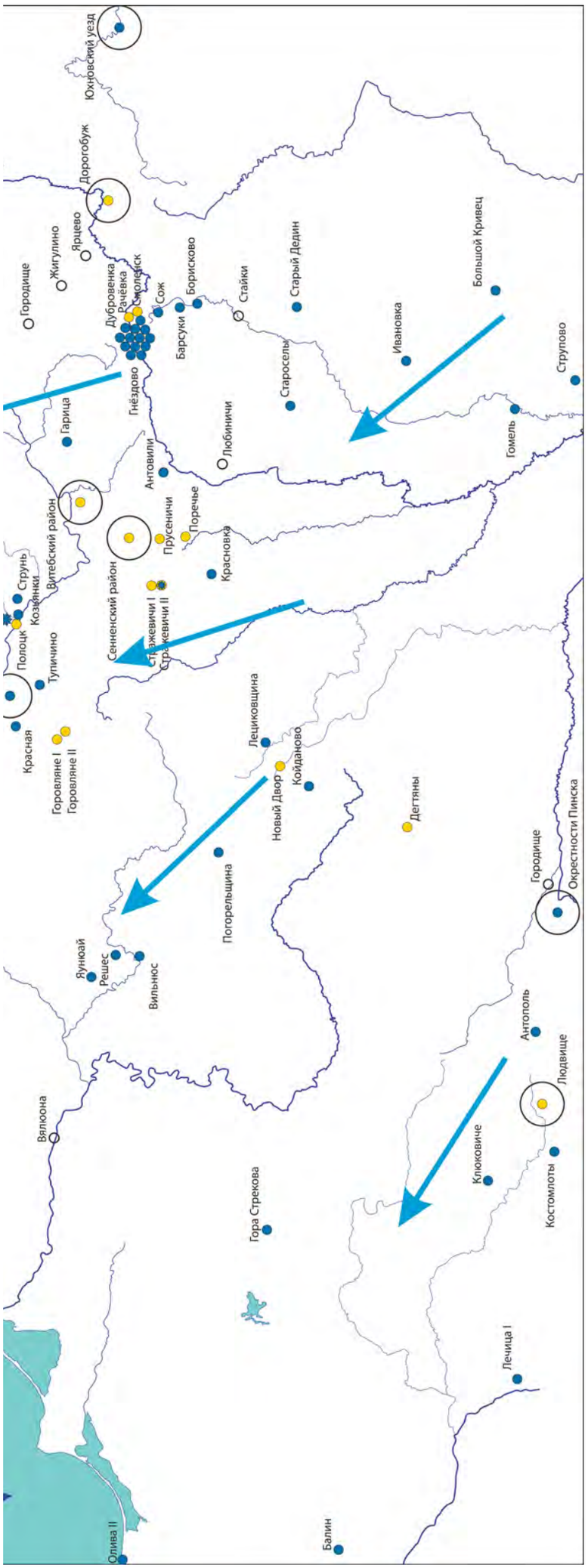


Рис. 48. Динамика сокрытия монетных кладов в бассейне Западной Двины–Даугавы и на сопредельных территориях в X–XI вв. Клады Готланда подсчитаны суммарно (Jonsson, Östergren 1990: fig. 3). Клады на территории Польши показаны на период до 970 г. (Brather 2006). Красным отмечен предполагаемый маршрут отступления Брячислава Полоцкого от Новгорода в 1021 г. и место битвы на Судоме.



Рис. 49. Овальные фибулы типа P1 – свидетельства первых проникновений скандинавов в низовья Западной Двины и Волхова. 1 – Дюнхоф (Nerman 1929); 2 – Долес Рауши (Spirģis 2008); 3 – горизонт E3 Старой Ладоги (Давидан 1994)

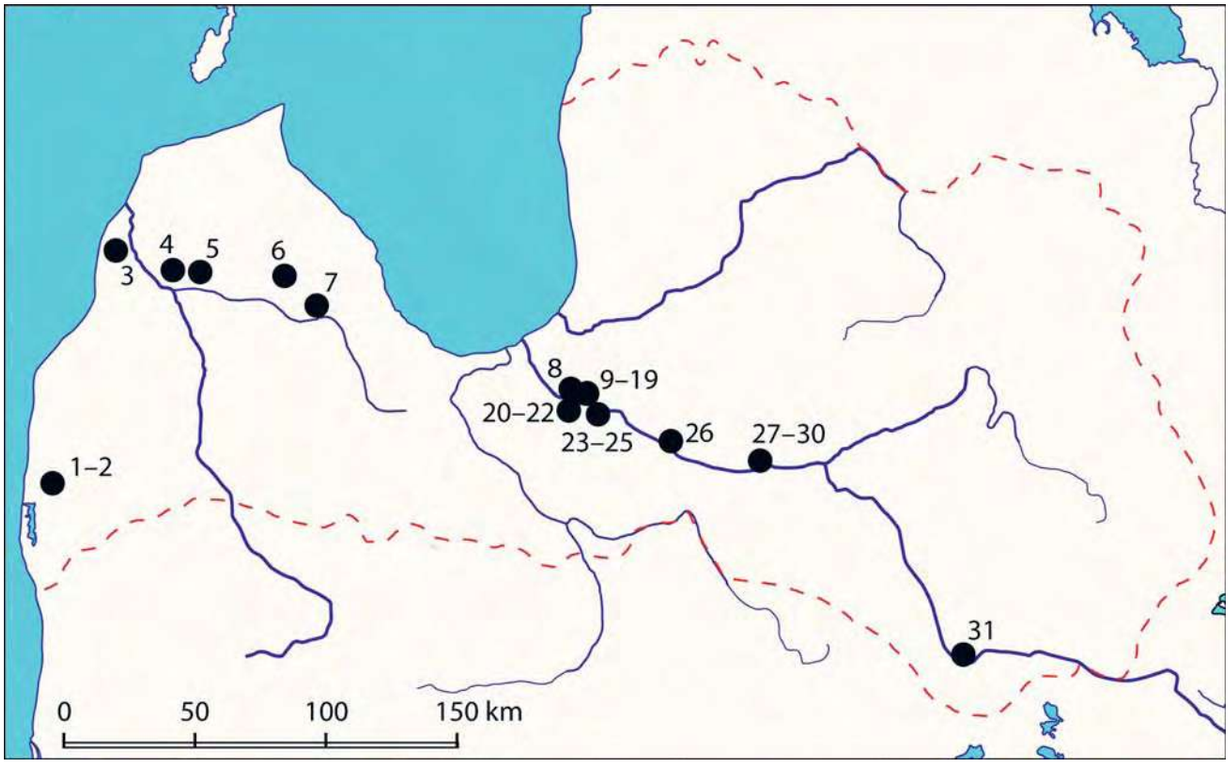


Рис. 50. Находки скандинавских овальных фибул с территории Латвии, по И. Янссону (Jansson 1992). Находки, упоминаемые в данной работе: 25 – Дюнхоф; 31 – Динабург

и земли по берегам Даугавы. В Саге о Хрольве Пешеходе, которая уже упоминалась выше, фигурирует некий конунг Хреггвид (старший современник Хрольва). Он «много воевал и подчинил себе земли по реке Дюне, которая течет в Гардарики» (Пряди истории 2008: 15). Сам Хрольв Пешеход, историческим прототипом которого послужил, как считается, конунг Хрольв/Роллон, живший в конце IX–начале X в., согласно саге, также занимался грабежами вдоль реки Дюны (Пряди истории 2008: 89). Нельзя, конечно, забывать, что Сага о Хрольве Пешеходе принадлежит к так называемым «лживым сагам»: она переполнена фантастическими сюжетами, совершенно затмившими подлинные события, которые когда-то лежали в основе повествования. Поэтому сейчас сага лишь иллюстрирует простые исторические соображения о том, что в IX в. викинги неоднократно разбойничали на бере-

гах Даугавы и, вероятно, промышляли здесь данью. Возможно, свидетельством этих событий является найденный еще в XIX столетии в Айзкраукле (Ашерадене) каролингский меч «особого типа 2», по Я. Петерсену, или типа «Манхайм», по Г. Янкуну (Kruse 1859: tab. 5: 2; Nerman 1929: 68–69; Мугуревич 1965: 98). Мечи этой группы по археологическим и изобразительным источникам датируются серединой VIII–концом IX в. (Petersen 1919: 85–86; Nerman 1929: 69; Петерсен 2005: 121; Андрощук 2013: 157–161). Но скандинавских опорных пунктов, подобных Старой Ладоге или Рюрикову Городищу, на Даугаве не возникло. По крайней мере археологами они до сих пор не зафиксированы, несмотря на масштабные раскопки поселений.

Показательно, что немногочисленные североевропейские находки VIII–IX вв. с территории Латвии группируются только в западной части латвийского течения реки. Латгалы, жившие в основной своей массе выше по течению и непосредственно соседствовавшие со славянами, с норманнами в этот период, видимо, почти не контактировали (Мугуревич 1965: 84). Скандинавские находки в Селонии, к югу от Даугавы, также незначительны (The Selonians 2007: 246). Латгалы занимали обширные области по правому берегу Даугавы и контролировали в интересующее нас время не менее 2/3 ее течения за пределами освоенных кривичами берегов (Седов 1987: 362; Радиньш 2001: 65–66). На территории латгалов плотность городищ на единицу площади максимальна для бассейна Даугавы (Sietinsone 2006: fig. 5). Изобилие вооружения в погребениях говорит о высокой степени милитаризации общества. Видимо, именно латгалы и селы (последние русским летописям вовсе неизвестны и впервые упомянуты только в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского, написанной в XIII в.) и создавали на протяжении VIII–начала X в. тот барьер, который препятствовал превращению Западной Двины–Даугавы в международную торговую артерию, подобную Волховско-Невскому пути.[23] Элементы этого барьера можно, вероятно, видеть в системе городищ, расположенных на берегах Западной Двины между восточной границей Латгалии и Рижским заливом. Всего на этом отрезке насчитывается до 40 приречных укреплений, образующих ряд скоплений, самое восточное из которых (шесть городков) располагается на небольшом отрезке между Краславой и Даугавпилсом, как бы запирая въезд в Латгалию (Brastiņš 1928; Balodis 1929; Urtāns 1993; 1994: 25–26; 1995: 4). Ничего подобного мы не знаем в Кривичском Подвинье, где городища, как правило, удалены от Западной Двины в стороны по небольшим ее притокам. В поречье же выдвинуты там лишь отдельные, не образующие систем городки (Полоцк, Старое Село, Витебск, Сураж, Велиж и несколько других). Идея о концентрации городищ в Латгалии в связи с возникшей в VII в. славянской угрозой, переросшей со временем в угрозу, исходившую от древнерусских земель (в первую голову от Полоцка), принадлежит, как известно, Ф. Балодису (Balodis 1929: 294; 1942: 50–51). Гипотеза, учитывая все, изложенное далее, кажется мне совершенно здравой.

Стоит обратить внимание и на подмеченное латвийскими исследователями отсутствие (за небольшим исключением) привозных товаров в археологических комплексах низовьев Даугавы, датирующихся VIII–IX вв. (Мугуревич 1965: 98; Radiņš 2006: 85; Радиньш 2010: 282). Подобное свойство имеет и культурный слой древнего Полоцка, крайне бедный импортными изделиями вплоть до середины X в. Все это говорит об отсутствии масштабного (или транзитного, в общеевропейских масштабах) товарообмена по Даугаве–Западной Двине.

Необходимо упомянуть об одной характерной группе импортных вещей из могильников Нижнего Подвинья, а именно – об односторонних гребнях скандинавского типа. Этот экскурс еще пригодится нам, когда мы будем подробно рассматривать аналогичную группу находок из Полоцка. В эпоху викингов сложносоставные гребни были одним из самых распространенных предметов импорта из Скандинавии, а также изготавливались в ведущих торгово-ремесленных центрах Восточной Европы по скандинавским образцам. Давно установлено, что односторонние гребни в общих чертах делятся на две хронологические группы (Давидан 1962; 1999). Группа 1, по О. И. Давидан, характерна преимущественно для VIII–первой половины X в. Гребни этой группы представлены во всех регионах Се-

верной и Центральной Руси, где до середины X в. присутствовали или торговали скандинавы, – в Изборске (Седов 2007: рис. 81: 3; рис. 83), Пскове (Белецкий 1980: рис. 6: 30, 31; Кондратьева, Белецкий 2002: рис. 1, 2) и в Камно (Тараканова 1956: рис. 21), Старой Ладоге (Давидан 1999: рис. 1; Davidan 1992: Abb. 13–16), на Рюриковом Городище (Носов 1990: рис. 28: 1, рис. 29: 1, рис. 45: 11; Меч и златник 2012: кат. 152) и в Новгороде (Путь из варяг в греки 1996: кат. 107), в Витебске (Бубенько 2004: рис. 95: 1, 7) и Гнёздове (Пушкина 1993: рис. 1: 4, 5; Гнёздово сквозь века 2006), в смоленских длинных курганах (Шмидт 2012: рис. 9: 11, 12, 15; 2013: рис. 22: 3), на Сарском городище (Леонтьев 2012: рис. 5: 14) и в Костромском Поволжье (Ryabinin 1992: fig. 2: 1). Есть эти находки и в Эстонии – на городищах Иру (Tvauri 2012: 91, Fig. 53: 1) и Рыуге (Аун 1992: табл. XXIV: 7). Расчески второй группы, массово появляясь в Скандинавии, Прибалтике и на Руси в X в., продолжают, видоизменяясь, бытовать в XI в. Гребням из могильников Даугавы посвящены специальные работы С. Тилко (Tilko 2006; 2011). Как видно из этих исследований, гребни раннего облика первой группы полностью отсутствуют в погребениях по течению Даугавы. Это говорит, видимо, о том, что ввоз односторонних гребней и мода на них охватили Нижнее Подвинье в то время, когда в Балтийском регионе произошло полное «вымывание» гребней первой группы из обихода, т. е. не ранее середины X в. Ту же картину, как увидим далее, дадут нам гребни из Полоцка.

Кроме норманнов еще одной своеобразной группой населения, активно участвовавшей в трансевропейской торговле в VIII–первой половине X в., были выходцы из Хазарского каганата, самого влиятельного (вплоть до разгрома Святославом Игоревичем) политического образования в Восточной Европе. Салтовская археологическая культура, связанная с каганатом, оставила заметные следы в древностях Приильменья и Поволховья, в Киевском и Смоленском Поднепровье (см., например, Нефёдов 2002: рис. 5). На территории Белоруссии предметы импорта из салтовского культурного ареала почти отсутствуют (автору известны несколько случайных находок). Это говорит о том, что экономика и торговля этих земель развивались в раннем средневековье иными путями.

1.3. Полочане и русь. Проблема 911 года

Вышесказанное позволяет определиться в отношении к ранним известиям русских летописей о Полоцке. Город впервые упомянут в ПВЛ в связи с призванием братьев-варягов, отнесенным к 6370/862 г. и последовавшим за смертью Синеуса и Трувора расширением «державы» Рюрика. Лавр. и Ипат., расходящиеся в существенных деталях описания событий на севере Руси, излагают интересующее нас известие о Полоцке единообразно:

Лавр.	Ипат.
«И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ» (ПВЛ 1996: 13)	«И прия Рюрикъ власть всю одинъ, и пришед къ Ильмерю, и сруби город надъ Волховом, и прозваша и Новъгород, и сѣдѣ ту, княжа, и раздая мужемъ своимъ волости и городы рубити: овому Полътескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмь городомъ суть находницѣ варязи; пѣрвии населници в Новѣгородѣ словенѣ, и в Полотьскѣ кривичи, Ростовѣ мяне, Бѣлѣозерѣ весь, Муромѣ мурома. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ» (ПВЛ 1997: 74)

В Н1 известие о раздаче Рюриком городов княжеским мужам отсутствует, как отсутствовало, по мнению А. А. Шахматова, и в Начальном своде (Шахматов 2003: 207).

Историчность личности Рюрика и реальность соглашения/ряда его с представителями восточноевропейских племен служит предметом непрекращающихся дискуссий (Фроянов

1991; Мельникова, Петрухин 2011; Зиборов 2002: 52; Николаев 2012). Оставим эти споры за рамками нашего обзора. Нас интересуют источники лишь по двум вопросам: возможно ли было включение Полоцка или его «области» (т. е. территории западных кривичей, обитавших к западу от Днепро-Двинского междуречья) в IX–начале X в. в ареал варяжской дани и реально ли было распространение власти северной варяжской руси (из Ладоги или из Новгорода/Городища) на Полоцк на заключительном этапе указанного отрезка времени? В археологическом понимании проблемы – это единый вопрос, поскольку хронологическая дифференциация древностей внутри этого периода представляет известную сложность.

Летописец сообщает о том, что «имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнех, на мери и на всѣхъ, кривичѣхъ» (ПВЛ 1996: 12). Формулировка как будто подразумевает совокупность групп кривичей, расселившихся от Полоты до верховьев Западной Двины, Днепра и Волги.[24]

Сказание о варяжской дани имеет в настоящее время довольно прочное археологическое обоснование. В середине IX в. в Европе, в частности на Балтике, викинги были исключительно активны. Нет оснований сомневаться в реальности даннической зависимости в это время части восточноевропейского населения от норманнов из центральной Швеции и с Готланда, где группируются ранние клады арабского серебра, привезенного из Восточной Европы. Но материалы раскопок и клады куфических монет, маркирующие предполагаемую зону интересов варяжских находников, говорят о том, что события, описанные в «сказании», разворачивались, скорее всего, в Поволховье, Приильменье и верхнем Поволжье (Носов 1990: 188–189), возможно, с соседними областями Верхнего Подвинья.

Подходя к этой теме, нельзя не упомянуть довольно многочисленные научные работы, в которых летописные известия о наместнике Рюрика в Полоцке расцениваются как прямое отражение исторического события. «Дошахматовской» историографии мы касаться не станем. Те же из этих работ, что написаны в обозримом прошлом, за редким исключением, принадлежат перу профессиональных археологов (Штыхов 1975: 9; Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 58; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 190, 194; Булкин Вал. А., Булкин Вас. А. 1994: 161, 165; Алексеев 1966: 237–238; 2006: 58–59; 2006а: 4; Кирпичников 2003: 76–77; Лебедев 1994: 148–150; 2005: 421, 529; Дук 2010: 4, 28; Клімаў, Куляшоў 2011; Дворниченко 2013: 39, 42; Загорульский 2014: 90). Справедливости ради нужно отметить, что в большинстве этих исследований данное положение лишено концептуальной нагрузки и эшелонированной системы доказательств, т. е. является скорее традиционной риторической фигурой. Сюда же можно отнести недавно переизданный, но тем не менее изрядно устаревший (впервые опубликован в 1931 г.) труд В. А. Брима (Брим 2002: 239). На этом фоне выделяются работы Г. С. Лебедева, в которых автор действительно последовательно рисует контуры гигантской «империи Рюрика». Его мнение разделяли и другие петербургские археологи:

> «В середине 860-х гг. Верхняя Русь от Полоцка до Ростова выступает как прочное политическое образование, послужившее первоосновой для развития в дальнейшем крупнейших русских княжеств: Новгородской, Псковской, Полоцкой и Ростово-Суздальской земли» (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 287).

Серьезных аргументов в пользу «прочного политического» объединения в IX столетии Полоцка и Новгорода ни один автор так и не выдвинул. Г. С. Лебедев, правда, был уверен, что «археологические проявления “Руси Рюрика” устанавливаются сейчас вполне надежно» (Лебедев 1999: 297). К этим «проявлениям» без разбора были отнесены и псковские длинные курганы, и сопки, и древнерусские городища, и скандинавские находки, и клады арабского серебра, и даже культура «днепро-двинских городищ и сменяющих их древностей (смоленско-полоцких длинных курганов и др.)» (Лебедев 1999: 297–298). Каким образом это нагромождение археологических дефиниций может свидетельствовать о наличии «прочного политического образования», осталось неясным.

По отношению к фантастической «империи Рюрика» историки, изучающие летописные тексты, настроены значительно более скептически, нежели археологи. Из современных исторических работ, затрагивающих эту тему, особняком стоит только исследование М. Б. Свердлова, широко использующего в своей аргументации данные археологии. Автор отмечает, что запись о «раздаче городов»

в Лавр. и Ипат. «содержит следы поздней компиляции», а в Н1, сохранившей в своем составе, согласно гипотезе А. А. Шахматова, Начальный свод, этот эпизод отсутствует вовсе (Свердлов 2003: 112–113). Это говорит о том, что «указанная в Сказании последующая передача городов мужам в управление, вероятно, определяла зону распространения власти в представлениях конца XI–начала XII в.» (Свердлов 2003: 114); т. е. свидетельство о Полоцке отражает литературно-политическую конъюнктуру конца XI–начала XII в. Тем не менее, по мнению М. Б. Свердлова, «указание в Сказании Полоцка и Ростова как зоны распространения власти Рюрика, где управляли его княжие мужи, могло сохраниться в исторической памяти как трансформированное свидетельство об основных направлениях военно-политической экспансии Рюрика и Олега» (Свердлов 2003: 115).[25]

Вместе с тем исследователь считает возможным предположить, что Полоцк был подчинен Руси еще при Олеге в конце IX в., а Рогволод лишь захватил часть «отчины» Святослава Игоревича, пользуясь его отсутствием в Киеве в период дунайских походов (Свердлов 2003: 114–115). Археологическим аргументом в пользу своей гипотезы М. Б. Свердлов почему-то считает отсутствие в Полоцке скандинавских находок. Автор пишет: «Поэтому предположение Л. В. Алексеева о завоевании Полоцка Рогволодом только в 60-е годы X в. представляется убедительным (Алексеев 1975: 218). В пользу такого мнения свидетельствуют и новейшие археологические наблюдения, согласно которым в Полоцке отсутствуют серийные скандинавские находки и предметы скандинавского женского убора, что типично для большинства мест пребывания скандинавов в Восточной Европе (Булкин Вал. А., Булкин Вас. А. 1994: 164)» (Свердлов 2003: 115). Логика этих рассуждений мне непонятна. Казалось бы, именно появление в Полоцке княжеских мужей Олега, если бы оно имело место, должно было бы открыть туда путь варягам и их культуре еще в IX столетии.[26]

Более серьезным аргументом в пользу гипотезы о подчинении Полоцка Олегом является еще одно свидетельство о Полоцке в летописном контексте первой половины X в. Помимо «Сказания о призвании варягов» Полоцк фигурирует в ПВЛ под 6415/907 г. в связи с описанием похода Олега Вещего на Константинополь и его переговорами с греками. В Н1, отражающей Начальный свод, предание о походе помещено летописцем по каким-то соображениям под 6430/922 г.:

Н1	ПВЛ, Радз.	ПВЛ, Ипат.
«В лѣто 6430. Иде Олегъ на Грѣкы и прииде къ Цесарюграду; и Греци замкоша Съсуд, а град затвориша. И вълѣзъ Олегъ, и повелѣ изъвлещи корабля на брегъ, и повоева около града, и много убииство створиша Грекомъ, и разбиша многы полаты и церкви. И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и въставити корабля на колеса. И бывъшю покосну вѣтру, и въспяша прѣ, и с поля идоша къ граду. И увидѣвше же, убояшася Греци, и рѣша, выславше къ Олъгови: “не погубляи града; имемъся по дань, якоже хощеши”. И исъстави Олегъ воя; и внесоша ему брашно и вино, и не прия его, бѣ бо устроено съ отравою. И убояшася Грѣчи, и рѣша: “нѣсть се Олегъ, нь святыи Дмитрии посланъ от бога на ны”. И заповѣда Олегъ дань даяти на 100, 200 корабль, по 12 гривнѣ на человѣкъ, а в кораблѣ по сороку мужь. Самъ же взя злато и паволокы, и возложи дань, юже дають и доселѣ княземь рускымъ.	«В лѣто 6415. Иде Олегъ на Грекы, Игоря оставив Киевѣ, поя же множество варяг, и словенъ, и чюдь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь. И съ сими со всѣми поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бѣ числомъ кораблей 2000. И прииде къ Царюграду; и греци замкоша Суд, а град затвориша. И выиде Олег на брегъ, и воевати нача, и много убийства сотвори около града грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху плѣнникы, овѣх посекаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа зла твориху русь грекомъ, елико же ратнии творять. И повелѣ Олегъ воем своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшю покосну вѣтру, въспяша парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше греци и убояшася, и рѣша выславше ко Олгови: “Не погубляй града, имемъ ся по дань, яко же хощеши”. И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не прия его; бѣ бо устроено со отравою. И убояшася греци, и рѣша: “Нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрей, посланъ на ны от Бога”. И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ корабли по 40 мужь.	«В лѣто 6415. Иде Олегъ на Грѣкы, Игоря оставивъ Кыевѣ. Поя же множьство варягъ, и словѣнъ, и чюди, и кривичи, и мерю, и поляны, и сѣверо, и деревляны, и радимичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины; си вси звахуться Великая скуфь. И сь сѣми всеми поиде Олегъ на конѣхъ и в кораблѣх, и бѣ числомъ кораблий 2000. И приде къ Цесарюграду, и грѣци замкоша Судъ, а городъ затвориша. И вылѣзе Олегъ на берегъ, и повелѣ воемъ изъволочити корабля на берегъ, и повоева *около* города, и много убийство створи грѣком, и полаты многы разбиша, а церькви пожьгоша. А ихъже имяху полоняникы, овѣхъ посѣкаху, другыя же мучаху, иныя же растрѣляху, а другыя въ море вметаша, и ина многа зла твориху русь грѣком, елико же ратнии творять. И повелѣ Олегъ воемъ своим колеса изъдѣлати и въставити корабля на колеса. И бывшю покосну вѣтру, успяша парусы с поля, и идяше къ городу. Видѣвше же грѣце, убояшася, и ркоша; выславше ко Ольгови: “Не погубляй город, имемься по дань, якоже хощеши”. И *устави* Олегъ вои, и вынесоша ему брашна и вино, и не прия его – бѣ бо устроено съ отравою. И убояшася грѣцѣ и ркоша: “*Нѣсть* се Олегъ, но святый Дмитрий, посланъ на ны от Бога”. И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 кораблий, по 12 гривнѣ на человѣка, а в корабли по 40 мужь.

Н1	ПВЛ, Радз.	ПВЛ, Ипат.
И рече Олегъ: “шиите прѣ паволочитѣ Руси, а Словеномъ кропинны”; и бысть тако. Повѣси щитъ свои въ вратех, показая побѣду; и поиде от Цесаряграда. И воспяша прѣ Русь паволочитыя, а Словенѣ кропинныя; и раздра вѣтръ кропинныя. И рѣша Словенѣ: “имемся своих толъстинах; не даны суть Словеномъ прѣ”. Прииде Олегъ къ Кыеву и ко Игорю, несыи злато и паволокы и вино и овощь» (ПСРЛ, т. III. 2000: 108–109)	И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли. Олегъ же, мало отступивъ от града, нача миръ творити со царьма грецкима, со Леономъ и Александромъ, посла к нима въ град Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: “Имите ми ся по дань”. И рѣша греци: “Чего хощеши дамы ти”. И запоѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти уклады на рускыа грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтѣскъ, на Ростов, на Любеч и на прочаа городы; по тѣм бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще. “Да приходячи Русь слюбное емлют, елико хотячи, а иже придутъ гости да емлют мѣсячину на 6 мѣсяць, хлѣбъ, вино, мясо, и рыбы и овощь. И да творят им мовь, елико хотят. Поидучи же домовь, в Русь, да емлют у царя вашего на путь брашно, и якори, и ужища, и парусы, и елико имъ надобе”. И яшася греци, и рѣста царя и боярьство все: “Аще приидуть Русь бес купли, да не взимают мѣсячины; да запретить князь словомъ своим приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селѣх в стране нашей. Приходяще Русь да витают у святаго Мамы, и послеть царьство наше, и да испишут имена их, и тогда возьмуть мѣсячное свое, – первое от города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переаславля, и прочии гради. И да входят в град одними вороты со царевымъ мужемъ, без оружьа, муж 50, и да творят куплю, яко же имъ надобе, не платяче мыта ни в чем же”. Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и роте заходивше межы собою, целовавше сами крестъ, а Олга водивше на роту и мужи его по Рускому закону, кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: “Исшийте парусы паволочиты руси, а словеномъ кропиньныя”, и бысть тако. И повѣси щит свой въ вратех, показуа побѣду, и поиде от Царяграда. И воспяша русь парусы паволочиты, а словене кропиньны, и раздра à вѣтръ: и рѣша словени: “Имемся своим толстинам, не даны суть словѣном прѣ паволочиты”. И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье» (ПВЛ 1996: 16–17)	Няшася грѣци по се, и почаша грѣци мира просити, дабы не воевалъ Грѣцкой земли. Олегъ же, мало отступивъ от города, нача миръ творити съ цесарема грѣцкыма, съ Леономъ и съ Александром. Посла к нима в городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стѣмида, глаголя: “Имете ми ся по дань”. И ркоша грѣцѣ: “Чего хочете и дамы ти”. И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблий по двѣнатьчать гривнѣ на ключь, и потом даяти углады на руские городы: пѣрвое на Киевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславлъ, на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы; по тѣмь бо городомъ сѣдяху князья, подъ Ольгом суще. “Да приходять русь *сълебное* емлють, елико хотят, а иже придуть гостье, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць, и хлѣбъ, и вино, и мяса, и рыбы и овощемъ. И да творять имъ мовь, елико хотять. И *поидут* же русь домови, да емлют у цесаря вашего на путь брашно, и якоря, и ужа, и *парусы* и елико надобѣ”. И яшася грѣци, и ркоша цесаря и боярьство все: “Аще приидуть русь бес купли, да не взимают мѣсячины. Да запрѣтить князь людем своимъ, приходящим руси здѣ, да не творят пакости в селѣхъ и въ странѣ нашей. Приходящии русь да витают у святаго Мамы, и послеть царство наше, да испишют имена ихъ, и тогда возмут мѣсячное свое – пѣрвое от города Киева, и пакы ис Чернигова и Переяславля и прочии городи. И да входять в городъ одиными вороты съ цесаревымъ мужемъ, безъ оружья, мужь 50, и да творят куплю, якоже имъ надобѣ, и не платяче мыта ни в чемьже”. Цесарь же Леонъ съ Александром миръ створиста съ Ольгом, имъшеся по дань, и ротѣ заходивше межи собою, целовавше сами крестъ, а Ольга водиша и мужий его на роту по рускому закону: кляшася оружьемь своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосом, скотьимъ богомъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: “Исшийте *парусы* паволочиты руси, а словѣном кропийнныя”. И бысть тако. И повѣсиша щиты своя въ вратѣхъ, показающе побѣду, и поиде от Цесаряграда. И въспяша *русь парусы* паволочитыѣ, а словѣне кропийныя, и раздра я вѣтръ. И ркоша словенѣ: “Имемъся своим толъстинамъ – не даны суть словѣном *парусы* кропинныя”. И приде Олегъ къ Киеву, неся золото, и паволокы, и овощи, и вина, и всяко узорочье» (ПВЛ 1997: 82, 84)

Вокруг летописных статей Н1 6430/922 и ПВЛ 6415/907 гг. много лет не утихают споры, сконцентрировавшие в себе едва ли не все основные проблемы ранней истории Руси. Достаточно хорошо освещен в науке литературный характер описания деяний Олега под стенами Константинополя. Многочисленные внеисторические детали (помимо несомненно сказочных элементов) приведенного текста неоднократно отмечались исследователями. Число кораблей носит явно преувеличенный, эпический характер. Странным выглядит включение Полоцка в византийский дипломатический документ наряду с южнорусскими городами, один из которых, Переяславль, согласно той же ПВЛ, еще не был основан (о последнем см.: Lind 1984; Горский 2009; Котышев 2013). Как будто неуместна в официальном межгосударственном (и финансовом!) документе (особенно в имперском Константинополе с его изощренным дипломатическим делопроизводством) расплывчатая формулировка «и на прочаа городы». Как мы знаем, реконструированный А. А. Шахматовым Начальный свод не сообщает больше ничего о сидящем в Полоцке «князе» или «великом

князе» (Шахматов 2003). Существует, наконец, и основополагающая источниковедческая проблема, ставящая под сомнение само существование первого (907 г.) договора Олега. Она заключается в том, что в византийских источниках отсутствуют сведения о появлении руси под стенами столицы в этом году (Vasiliev 1951; Карпозилос 1988; Франклин, Шепард 2000: 159–160; Цукерман 2007: 346). Под вопросом находится сам факт похода, а значит, и факт русско-византийских переговоров в 907 г. Конечно, характер договора 911 г., исключительно выгодного для Руси (Литаврин 1988: 38–39), указывает на то, что она имела какие-то возможности силового (в том числе и военного) давления на Византийскую империю. Скорее всего, Олег действительно сумел доставить ей какие-то неприятности если не походом под стены Константинополя, то более или менее болезненными набегами. Но имел ли ко всему этому отношение далекий от Киева Полоцк?

Очевидно, что Полоцк и кривичи не фигурировали в зафиксированном в Н1 начальном устном повествовании о Вещем Олеге. В основе его под всеми литературными наслоениями (Гиппиус 2013) лежит какое-то севернорусское предание новгородского или ладожского происхождения. Об этом говорят и параллели к рассказу о кораблях на колесах в скандинавских сагах, и особенно мотив соперничества новгородских словен и руси в погоне за славой и богатством. Полоцку в этом северном, викингском контексте места не находится. Упоминание в ПВЛ кривичей в перечне народов, собранных под знамена Олегом, видимо, является вставкой, отчеркнутой повторным упоминанием словен в Радз. в начале перечня. По-видимому, в изначальном предании фигурировали лишь варяги и словене (и, должно быть, чудь). В литературе существует убедительная гипотеза о том, как было «сконструировано» известие о войске Олега (Горский 2002).

Известия о Полоцке и участии в походе кривичей оказались в ПВЛ вместе с переводами текстов русско-византийских договоров и в связи с их появлением. Вопрос о том, каким образом и когда эти тексты попали на Русь, а переводы оказались в составе ПВЛ, нельзя считать окончательно разрешенным. П. С. Стефанович, основываясь на лингвистическом анализе текстов, произведенном С. П. Обнорским, строит свои гипотезы на положении о том, что «славянский вариант договоров составлялся сразу в момент их заключения или, по крайней мере, восходит к X в.» (Стефанович 2012а: 378–379).

Разумеется, оспаривать выводы лингвиста С. П. Обнорского автор не может, но само существование славянских переводов в языческий дописьменный период истории Руси кажется маловероятным. Не следует забывать того, что большинство русских персонажей переговоров 911 г. носили скандинавские имена и были, видимо, выходцами из Скандинавии. Нужны ли были норманнам-язычникам документы на славянском языке? Мог ли князь Игорь или кто-то из его подданных в 911 г. прочесть привезенный ему перевод? Согласно гипотезе А. В. Назаренко, уже в конце IX в. русы в Европе произносили свое имя по-славянски (Назаренко 1998: 78), но сам этот факт еще не подразумевает положительного ответа на вопрос.

Думается, едва ли переводы сделаны ранее, чем в центре Руси прочно утвердилась христианская культура, что обычно связывается с устроением князем Владимиром русской церкви в 996 г. По самым смелым мнениям, тексты договоров были отражены уже в более чем гипотетическом Киевском своде 996 г. (Толочко 2006: 48–49).[27] В этом случае заключение договора 911 г. отделяет от его перевода не менее 85 лет. Скорее же всего (как считал еще А. А. Шахматов), древнерусские переводы выполнены в конце XI или в самом начале XII столетия. Именно эпоха Владимира Мономаха порождала в русском обществе повышенный интерес к русско-византийской дипломатии и создавала необходимую «читательскую аудиторию» для подобных документов. В настоящее время эта точка зрения является господствующей (Malingoudi 1994; Малингуди 1996; 1997; Каштанов 1996: 41; 1996а; 2014; Цукерман 2008).

Последовательность конструирования статьи 6415 г. детально изучена. Сопоставив лишенное хронологических привязок предание Начального свода об Олеге с переводами договоров, летописцы создали достаточно гармоничное произведение. Необходимость органичного включения переводов в летописную ткань потребовала от составителя ПВЛ осмысления текстов почти двухсотлетней

давности и их определенного литературного оформления. К нему и следовало бы отнести упоминание Полоцка, тем более что наличие каких-либо изначальных пояснительных записок, сопровождавших тексты договоров (где мог бы фигурировать этот город), справедливо ставится исследователями под сомнение (Цукерман 2008: 70).

Вопрос осложняется тем, что в составе статьи 6415 г. находится бесспорный фрагмент дипломатического документа, причем важнейший. А именно – определяющий поведение русов в столице Империи. Объяснение этому было, как известно, предложено еще А. А. Шахматовым, сформулировавшим версию о существовании только одного договора Олега с греками, заключенного в 911 г. Что же касается фрагментов договорного текста, помещенных в ПВЛ под 6415/907 г., то они, по его мнению, взяты из договора 911 г. составителем ПВЛ, ошибочно предположившим наличие некоего предварительного дипломатического документа (Шахматов 1915: 400). Упоминание в договоре 907 г. Полоцка, Ростова, Любеча и «прочих городов», как считал А. А. Шахматов, внесено русским летописцем позднее сообразно с общей канвой повествования о подчинении восточнославянских земель русскими князьями. Не вполне понятные «уклады» на Полоцк, Ростов и Любеч появились в тексте в результате переосмысления Нестором статьи договора 911 г., где говорилось о месячном довольствии, получаемом купцами из Киева, Чернигова и Переяславля. «Исходя из этого сообщения, Нестор сочинил свое, переделав месячное и слебное довольствие купцам и послам в “уклады” от городов» (Шахматов 1915: 396).

Иное решение проблемы договора 907 г. – гипотезу «оторванного куска» предложил М. Д. Приселков, по мнению которого договор 907 г. появился в начале XII в. в результате путаницы листов, на которых был первоначально записан текст единого дипломатического документа, составленного в 911 г. (Приселков 1941: 229; Lind 1984: 363; Горский 2005: 152). Эта точка зрения, как представляется, не столь убедительна, нежели логические выкладки А. А. Шахматова.

Вопрос о соотношении договора 911 г. и известия, помещенного в ПВЛ под 907 г., конечно, нельзя считать разрешенным (недавняя историография проблемы: Пашуто 1968: 60, 314; Сахаров 1980: 84–89; Каштанов 1996: 57; Свердлов 2003: 136–163; Горский 2005; Введенский 2006; Цукерман 2008; Толочко 2011, а также в примечаниях Д. С. Лихачева и М. Б. Свердлова к изданию ПВЛ 1996 г. и О. В. Творогова к изданию ПВЛ по Ипатьевскому списку 1997 г.). Тем не менее идея о появлении в тексте договора Полоцка в результате литературного творчества позднейшего времени нашла поддержку у значительного числа специалистов (Пресняков 1993: 313; Греков 1953: 295–296; Насонов 2002: 29; Кузьмин 1970: 127; Фроянов 1992: 120; Горский 1995: 55–56; 2005: 151).[28]

Несмотря на приведенные выше гипотезы, не все исследователи готовы вовсе отказываться от мысли о присутствии каких-то фрагментов предполагаемого «литературного обрамления» договора 907 г. в развернутом греческом оригинале 911 г. Есть и другие точки зрения. Оригинальный взгляд на место трех последних городов в списке высказан Г. Г. Литавриным. По его мнению, Полоцк, Ростов и Любеч представляют вторую, «северную» флотилию русов, отправляющихся в Константинополь в середине лета, вслед за первым, «среднеднепровским» флотом (Литаврин 1988: 41). На некоторую противоречивость этой гипотезы (в отношении южного Любеча) обратил внимание уже сам автор (Литаврин 2001: 460). В описании экспедиций русов у Константина VII нет ни слова ни про второй, «северный (по Г. Г. Литаврину) их караван, ни про участие в этих флотилиях представителей мерянских областей Руси. Сомнительно, чтобы в эти ежегодные походы мог быть включен далекий Ростов, торговое благосостояние которого основывалось преимущественно на эксплуатации Волжского пути.

По мнению О. В. Творогова, о реальности похода свидетельствует сам факт заключения договоров (Творогов 1997: 496). Я. Малингуди на основании анализа статьи 907 г. выдвинула предположение, что в распоряжении летописца вместе с текстом договора 911 г. была нотиция, отражавшая предварительные переговоры и сопровождавшую их клятвенную присягу. Это означает, что договор был заключен в два этапа. При этом возможными

становятся и какие-то единовременные выплаты Олегу, войско которого опустошало окрестности византийской столицы (Малингуди 1997: 78–79). Наконец, еще одна точка зрения представлена в работе П. П. Толочко, выстраивающего, в соответствии со своими представлениями о Киевском своде 996 г., особую концепцию, основанную на доверии к известиям о походе 907 г., о существовании договора 907 г. и об изначальном присутствии в тексте договора Полоцка (Толочко 2006: 44).

Очевидно, во многом ответ на вопрос о присутствии в тексте договоров древнерусских городов, в частности Полоцка, зависит от понимания летописного термина «уклад». Дискуссия об «укладах» имеет давнюю историю. Д. С. Лихачев и О. В. Творогов переводят его как «дань» (ПВЛ 1996: 153; ПВЛ 1997: 83). Так же, как «контрибуцию», склонны трактовать этот термин и некоторые другие исследователи (Сахаров 1980: 109–111; Курбатов 1988: 226; Алексеев 2006: 60). В этом случае упоминание городов выглядит не очень убедительно. Действительно, даже если буквально следовать ПВЛ и гипотезе Я. Малингуди и предположить, что поход 907 г. имел место в действительности и «дань» Олегу выплачивалась, возникает вопрос: интересовало ли имперскую чиновную администрацию – каким образом единоразовые выплаты распределяются внутри ополчения далеких лесных варваров, зависимых от руси? И настолько ли интересовало, чтобы фиксировать эти нюансы в государственных документах?

Иная, более реалистичная точка зрения представлена в работах исследователей, которые, вслед за А. А. Шахматовым, рассматривают «уклады» как довольствие русских купцов, ежегодно появляющихся в Константинополе (Новосельцев, Пашуто 1967: 82; Назаренко 1996: 63). Вероятно, правильное толкование «укладов» принадлежит Г. Г. Литаврину – «согласованные при заключении договора выдачи натурального довольствия послам и купцам Руси на время их ежегодных торговых операций в столице империи» (Литаврин 2001: 460).

Теперь свое слово могут сказать археологические источники. Вопрос следует поставить так: находим ли мы в Полоцке в культурных слоях начала X в., времени русско-византийских переговоров, археологические следы купцов, ежегодно отправлявших торговые караваны в столицу Империи? Могли ли что-то предложить ее торговцам жители древнейшего Полоцка? Думаю, ответы пока должны быть отрицательными. Нам довольно трудно представить, что в начале X в. обитатели Полоцкого городища и двух примыкающих к нему селищ имели какие-то самостоятельные и регулярные торговые дела в Константинополе. По крайней мере ничто в археологическом материале на это не указывает. Единственным аргументом в пользу участия Полоцка в византийских экспедициях мог бы стать знаменитый полоцкий золотой клад, но вряд ли его можно датировать началом X в. Речь об этом выдающемся археологическом комплексе и его датировке пойдет чуть ниже.

При рассмотрении вопроса о возможных связях Полоцка с Константинополем до 911 г. следует обратить внимание на хронологию византийских монет, в значительном количестве представленных в археологических памятниках низовьев Даугавы. Концентрация находок византийских милиарисиев наблюдается в Латвии по берегам Западной Двины, что указывает на то, что в большинстве своем данные монеты попадали сюда именно через Полоцк (Берга 1988: 44, рис. 17). Самые ранние находки из этой монетной серии – два милиарисия Константина VII (913–959 гг.), найденные в могильнике Скриверу-Айзкраукле (Берга 1988: 42). Таким образом, нумизматические данные решительно говорят не в пользу торговых контактов Полоцка с Византией во время создания первых русско-византийских документов.

Мы не знаем достоверно, были ли полоцкие земли включены в круг полюдья киевских князей в первой половине–середине X в. Сведения о русском полюдье содержит труд Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», составленный в 948–952 гг. Описанная в нем система «кружения» росов очень тщательно организована. Это наводит на мысль, что сложилась она за много лет до получения Константином информации, использованной им в трактате. Византийский император сообщает, что кривичи (так исследователи традиционно переводят этноним Κριβηταιηνοὶ – Кривитеины) являлись данниками росов (Константин Багрянородный 1991: 51). Думается, что в данном случае имеются в виду восточные кривичи. Те самые, что «сѣдять на верхъ Вол-

ги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра»; те кривичи, которые, по мысли составителя ПВЛ, в войске Владимира Святого вместе с варягами и словенами осаждали Полоцк и расправлялись с полоцким князем и его сыновьями. Что же касается тех западных кривичей и полочан, которые противостояли этому натиску, то в эпоху, когда Константин VII сочинял свой труд, они пользовались, видимо, независимостью от Рюриковичей.

Наиболее убедительными являются реконструкции, исключающие Полоцкую землю из ноябрьско-апрельского круга полюдья (Приселков 1941: 234; Рыбаков 1993: 317). Ведь мы помним, что юго-восточным рубежом Полоцкой земли в 1092 г. была Друть, а не Днепр, по которому, скорее всего, лежал путь киевского полюдья первой половины X в. Кроме того, среди русских городов, названных Константином VII в его сочинении, нет ни одного города из бассейна Западной Двины, хотя Полоцк, Лукомль, а также Витебск и Усвят несомненно существовали в середине X в.

Именно ко времени завершения труда Константина (или на несколько лет позже) относится появление в Полоцке князя Рогволода, пришедшего «и-заморья», возможно, приглашенного на полоцкое княжение «по ряду», как когда-то Рюрик – в Ладогу и Новгород. Исследователи, вслед за А. А. Шахматовым, относят разгром Владимиром Полоцка примерно к 970 г., что соответственно сдвигает время вокняжения Рогволода в 950-е гг. (вряд ли Рогволод прибыл в Полоцк обремененный семьей). Кто он был – варяг или славянин, и откуда родом – уверенно сказать нельзя. Летописи донесли до нас дух самоотверженной преданности полочан его потомкам по линии дочери. Это указывает на то, что в их глазах власть, восходившая к праву Рогволода, была вполне легитимной.

Итак, представления о распространении на Полоцкие земли власти Рюрика или иного правителя Руси IX–первой половины X в. есть характернейший образец одного из тех «историографических призраков», о которых писал Я. С. Лурье:

> «Введение непроверенных утверждений оказывается действительно опасным в тех случаях, когда недостаток свидетельств не прояснен автором и когда эти утверждения становятся основой для новых выводов в практических построениях. Опасность возрастает еще и из-за своего рода “разделения труда”, характерного для историографии и всех современных наук. Выводы, сделанные исследователями конкретных памятников, постоянно используются в работах обобщающего характера; они переходят из работы в работу и становятся “общеизвестными”. Повторяя их, историки больше не думают о происхождении и мере доказанности этих утверждений. В результате рождаются довольно характерные историографические “призраки”: мнения, высказанные исследователями в форме предположения или даже по недоразумению, начинают обретать прочное место в историографии, получают силу неопровержимого факта и даже становятся “трюизмами”. Ответственность за появление таких “призраков” лишь отчасти лежит на авторах больших обобщающих работ. В значительной мере это вина тех, кто сам занимается работой с источниками и весьма туманно разграничивает “модальность” своих выводов, степень их доказанности» (Лурье 2011: 47–48).

Своеобразие «нашего» призрака заключается разве что в его двуликости. Он имеет две ипостаси: историческую и археологическую. Первая из них, отражающая исторический подход к летописанию, в наши дни почти растворилась в критической историографии и может быть уловлена лишь в реликтовых формах на периферии науки. В среде археологов историческое восприятие полоцких событий варяжской легенды сохраняется более стойко. Означает ли это лишь сравнительно слабую осведомленность археологов в современных проблемах изучения древнерусского летописания? Или же, напротив, они располагают археологическими находками, подтверждающими эти события и ускользнувшими от внимания их коллег, изучающих древние тексты?

Анализируя возможности участия Полоцка в русско-византийских контактах, нужно учитывать, что в договоре 911 г. в списке русских послов 13 из 15 имен имеют скандинавское происхождение (Стефанович 2012: 394). Положительный ответ на наш вопрос будет подразумевать участие норманнов в политической и экономической жизни Полоцка, что должно, казалось бы, иметь какое-то материальное подтверждение в археологическом материале.

Наконец, мы можем обратиться к археологическим источникам и подвести итоги – есть ли в самом Полоцке следы варягов Рюрика и Олега, которые не могли бы не появиться в городе вместе с их наместниками.

1.3.1. Археология раннесредневекового Полоцка

Когда-то, еще до начала широкомасштабных археологических исследований, ранний Полоцк виделся историкам как сочетание аристократического Верхнего замка и прилегающего к нему Подола, вытянутого вдоль Западной Двины (Тихомиров 2008: 268). Эти представления давно отошли в область историографии. Оказалось, что ранний Полоцк так архаичен по своей пространственной организации, настолько не укладывается в современные представления о крупном городском (или протогородском) центре эпохи Олега–Святослава, что у исследователей возникает даже желание поискать древнерусский город X в. ближе к Западной Двине, где-то за пределами Полоцкого городища и Нижнего замка (Дук 2003: 109; Загорульский 2014: 193–194). Но территория современного Полоцка неплохо изучена, и, как справедливо отмечает Н. А. Плавинский, подобные поиски едва ли перспективны (Плавінскі 2007: 27; Плавинский 2009: 311, 320). Видимо, исследователям придется смириться с неброским характером ранних полоцких древностей (а отрицать наличие в городе слоев IX–первой половины X в. у нас оснований нет) и попробовать поискать этому объяснения.

К теме наших разысканий прямое отношение имеют следующие элементы поселенческой структуры древнего центра кривичей (рис. 51):

- Полоцкое городище;
- Культурный слой, лежащий к юго-востоку от городища на правом берегу р. Полота (так называемое селище у Красного моста);
- Культурный слой на территории Нижнего замка на левом берегу р. Полота (первоначальный посад Полоцкого городища);
- Культурный слой на территории Верхнего замка на мысу левого берега р. Полота при впадении ее в р. Западная Двина;
- Культурный слой на территории Великого посада между Полотой и Западной Двиной.

Отдельные находки керамики и вещей X–XI вв. (а возможно, и более раннего времени) есть и на других участках города. Их мы здесь рассматривать не будем. Подробная история археологических исследований Полоцка изложена Д. В. Дуком в его новейшей монографии, к которой мы и отсылаем читателя (Дук 2010: 10–24). Далее попробуем кратко рассмотреть результаты раскопок древнейших напластований на всех пяти участках древнерусского города.

1.3.1.1. Полоцкое городище

Небольшое укрепление расположено на мысу в излучине левого берега Полоты приблизительно в 1000 м от ее устья, т. е. весьма далеко от участков, удобных для причаливания речных судов (рис. 52). Еще более запутывает топографическую ситуацию то, что напротив места впадения Полоты в русле Западной Двины лежит большой остров. Уже два этих фактора (малые размеры и удаленность от большой реки) позволяют сделать некоторые заключения относительно первоначального характера поселения на месте будущей столицы Полоцкой земли. Такая затаенность в укромных речных излучинах древнерусским городам эпохи первых Рюриковичей не свойственна. В IX–X вв. города чаще всего ставятся открыто на господствующих позициях, с широким свободным доступом к большой воде. Строители не останавливаются перед необходимостью масштабных перепланировок местности под фортификационные сооружения. Именно так построены Рюриково Городище, Витебск, Гнёздово, Усвят, о котором нам много придется еще говорить. Есть подходящая доминанта и в Полоцке – это мыс Верхнего замка – там, где была построена при Всеславе Брячиславиче Полоцкая София. Но…

Размеры Полоцкого городища, по Г. В. Штыхову, – всего 73 × 75 м (рис. 53). Его верхняя, основная, площадка и того меньше – 75 × 40 м (Штыхов 1975: 21). Своеобразие расположения на местности раннего Полоцка, вырастающего из небольшого городка/городища, говорит о том, что в первые века своей истории поселение было невелико и у его обитателей не было физических и военных возможностей для освоения территории Верхнего замка. Да и Западно-Двинский водный путь, похоже, не играл заметной роли в их жизни – по крайней мере ранний город не был топографически тесно связан с речными пристанями и жизнью большой водной артерии. Учитывая облик раннего поселения, вряд ли можно сейчас вслед за Ю. М. Лесманом и С. В. Белецким всерьез гово-

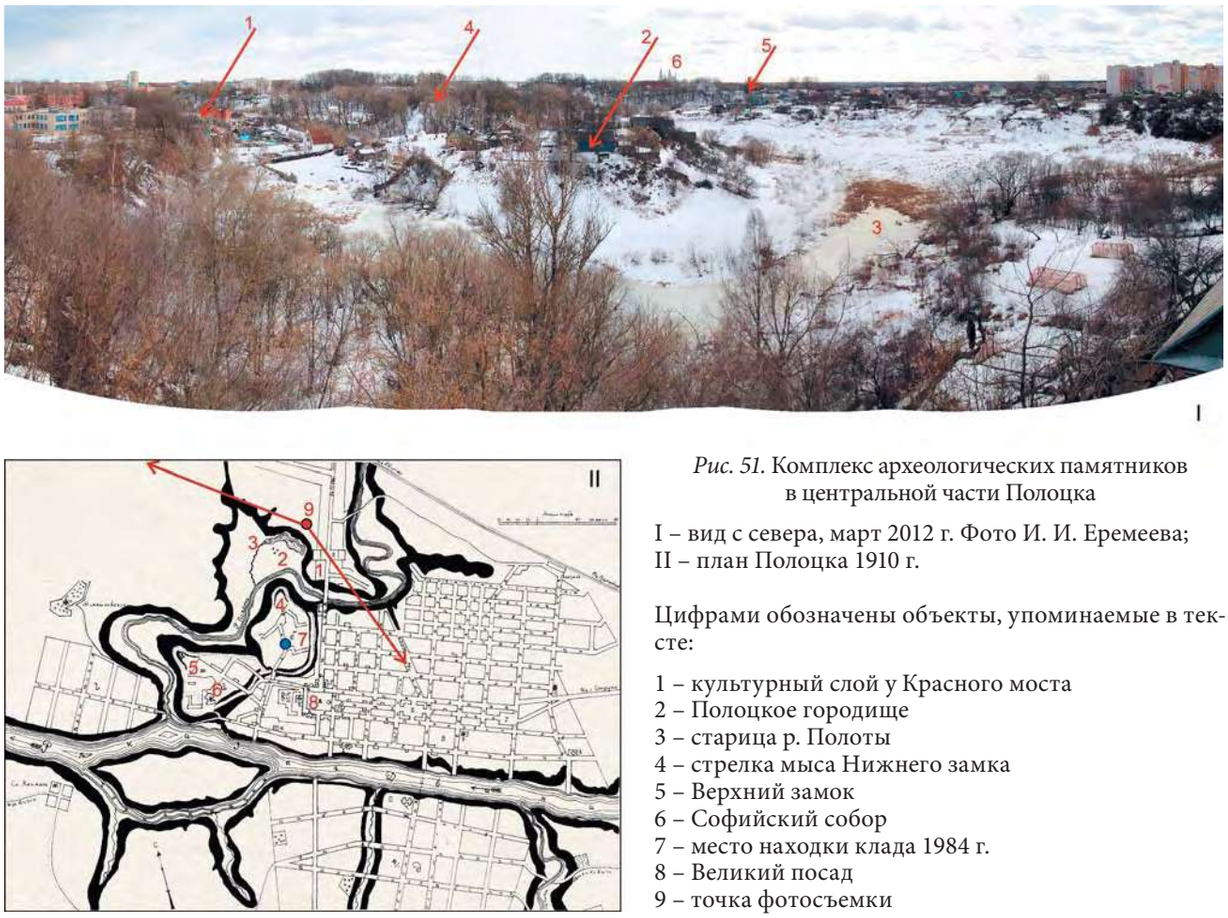


Рис. 51. Комплекс археологических памятников в центральной части Полоцка

I – вид с севера, март 2012 г. Фото И. И. Еремеева;
II – план Полоцка 1910 г.

Цифрами обозначены объекты, упоминаемые в тексте:

1 – культурный слой у Красного моста
2 – Полоцкое городище
3 – старица р. Полоты
4 – стрелка мыса Нижнего замка
5 – Верхний замок
6 – Софийский собор
7 – место находки клада 1984 г.
8 – Великий посад
9 – точка фотосъемки

рить о начале Полоцка как о «варяжском» периоде в его истории (Белецкий, Лесман 1979: 311).

Итог дискуссии о «варяжском» Полоцке спустя 30 лет подвел И. Янссон: «…можно предположить, что достаточно большие группы скандинавов переселились на Русь и что они играли важную роль не только в экономических, но также в военных и политических процессах. Полоцк является исключением. Классических скандинавских находок в этом городе не найдено…» (Янссон 2009: 208). Тот же автор подчеркнул своеобразие планировки Полоцка и отличие топографической структуры древнерусского города от скандинавских королевских резиденций.

Небольшие раскопки и шурфовки на Полоцком городище велись исследователями в разное время, без единого плана и в очень небольших объемах, поэтому четких представлений о стратиграфии и хронологии ранних напластований городища у нас нет. На городище копали: А. Н. Лявданский (1928 г.), Л. Д. Поболь (1959 г.), Г. В. Штыхов (1960 и 1962 гг.), С. В. Тарасов (1989 г.), Д. В. Дук (2007 г.) и М. В. Климов (2009 г.).

Стратиграфия древнейших укреплений городища представлена в **раскопе Г. В. Штыхова 1962 г.** Тогда выяснилось, что они представляют собой невысокий вал, сложенный на краю площадки из светло-серого песка (рис. 54). Высота его была менее 1 м. Такие незначительные земляные подсыпки, крепившие основания деревянных стен, характерны для городищ культуры псковских длинных курганов и банцеровщины. С внутренней стороны вала прослежен валунный наброс, связанный, вероятно, с кольцевой постройкой, шедшей по периметру площадки городища. Поскольку в культурном слое найдено некоторое количество слабопрофилированной лепной керамики второй–третьей четверти I тыс. н. э. (Штыхов 1975: рис. 16: 1, 11; Дук 2009: мал. 8: 4; 11) (рис. 37: 1–4), эти укрепления и предполагаемую кольцевую постройку можно связать с городищем банцеровской или киевской культуры.

Позднее вал был подсыпан слоем красной глины толщиной чуть более полуметра, в которой с напольной стороны обнаружено скопление валунов, по мнению автора рас-

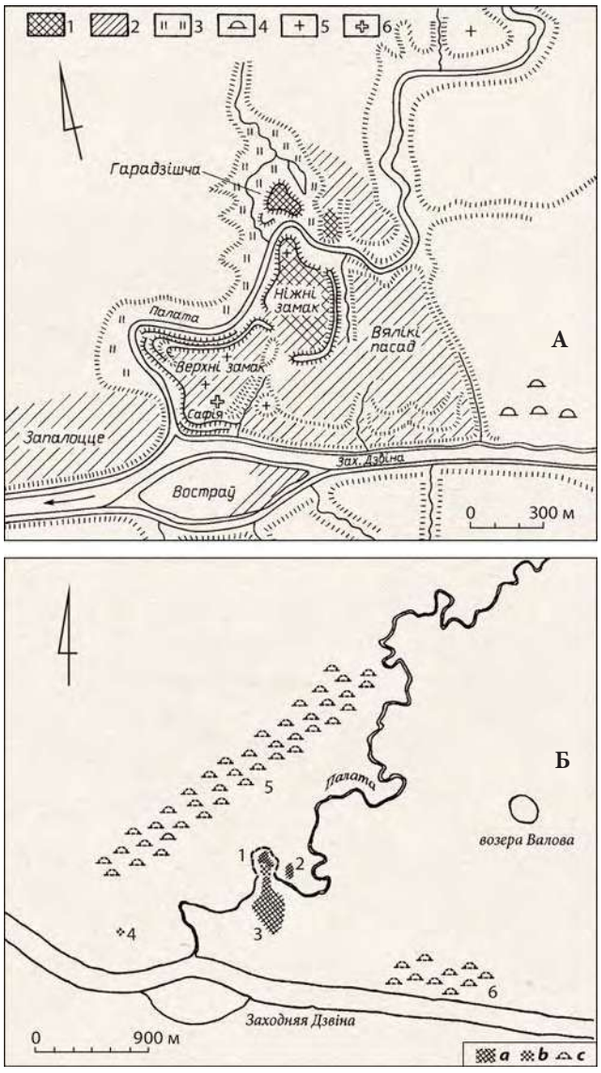


Рис. 52. Реконструкции территориальной структуры средневекового Полоцка

А – по Г. В. Штыхову. 1 – территория IX–X вв.; 2 – XI–XIII вв.; 3 – луг; 4 – курганы; 5 – каменные храмы; 6 – Полоцкая София (Штыхаў 2000)

Б – по Н. А. Плавинскому. 1 – первоначальное городище; 2 – селище у Красного моста; 3 – Нижний замок; 4 – Заполотье; 5 – Северный курганный могильник; 6 – Восточный курганный могильник; *а* – культурный слой с лепной керамикой; *б* – предполагаемый культурный слой с лепной керамикой; *с* – территория предполагаемого курганного некрополя (Плавінскі 2007)

копок, предохранявших насыпь от появления оползней. Подсыпка относится, видимо, уже к последней четверти I тыс. н. э., поскольку прямо на ней лежит слой пожарища, в котором найдены фрагменты профилированной лепной керамики VIII–X вв., в том числе – целый лепной сосуд (Штыхов 1975: рис. 13) (рис. 55). Пожарище представляет собой остатки какого-то деревянного укрепления (как пишет автор раскопок, «прослойки угля от сгоревших бревен или досок»), шедшего по гребню вала.

Практически сразу же над развалом укреплений «в слое пожарища, оплывшего к обрыву», найдены фрагменты гончарной высококачественной керамики с «манжетовидным» венчиком и линейным орнаментом (Штыхов 1975: 25, рис. 16: 21). В Гнёздове такая керамика появляется во второй половине X в. (Мурашева, Авдусина 2007: 24). Вероятно, на эту дату следует ориентироваться и при анализе полоцких материалов. Впрочем, подобные сосуды могли использоваться и в XI–XII вв.

Таким образом, как минимум до середины X в. укрепления Полоцкого городища были очень незначительны – высота вала составляла всего около 1,5 м. По сути дела, оборонительные сооружения ненамного превосходили по своей мощности укрепление банцеровской культуры.

В последующее время, видимо, во второй половине X–XI в. (судя по совместным находкам в подсыпках лепной и гончарной керамики) вал городища неоднократно подсыпался (Штыхов 1975: 25). Его максимальная высота со стороны площадки достигала примерно 3 м, т. е. в эпоху Брячислава и Всеслава Полоцкого это было уже значительное укрепление.

О мощности культурного слоя VIII–X вв. на городище дают представление три раскопа – Г. В. Штыхова (1962 г.), Д. В. Дука (2007 г.) и М. В. Климова (2009 г.). Из чертежа, приводимого первым исследователем, можно допустить, что возле вала слой последней четверти I тыс. н. э. достигает 1,5 м (Штыхов 1975: 24, рис. 12).

Данные о толщине напластований этого времени чуть дальше от вала в сторону центра площадки городища получены в **раскопе Д. В. Дука в 2007 г.** Удалось установить, что на материке здесь лежит «пласт светло-серой органики» мощностью до 0,5 м (нижний стратиграфический пласт, по Д. В. Дуку) с редкими фрагментами лепной керамики и костями животных (Дук 2009: 260). Этот горизонт относится к городищу днепро-двинской культуры (Дук 2009: 264). Выше лежит слой рыхлого грунта толщиной около 1,4 м, в котором лепная керамика I тыс. н. э. перемешана с фрагментами гончарной посуды XI–XII вв. (Дук 2009: 260). Явно выраженного культурного слоя VIII–X вв. исследователю обнаружить здесь не удалось. К этому времени автором раскопок отнесена

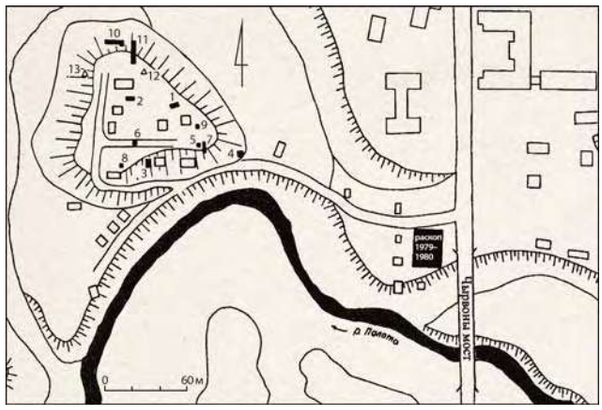


Рис. 53. Полоцкое городище и Правобережное селище (поселение у Красного моста) с обозначением раскопов (Тарасаў 2001; Плавінскі 2007)

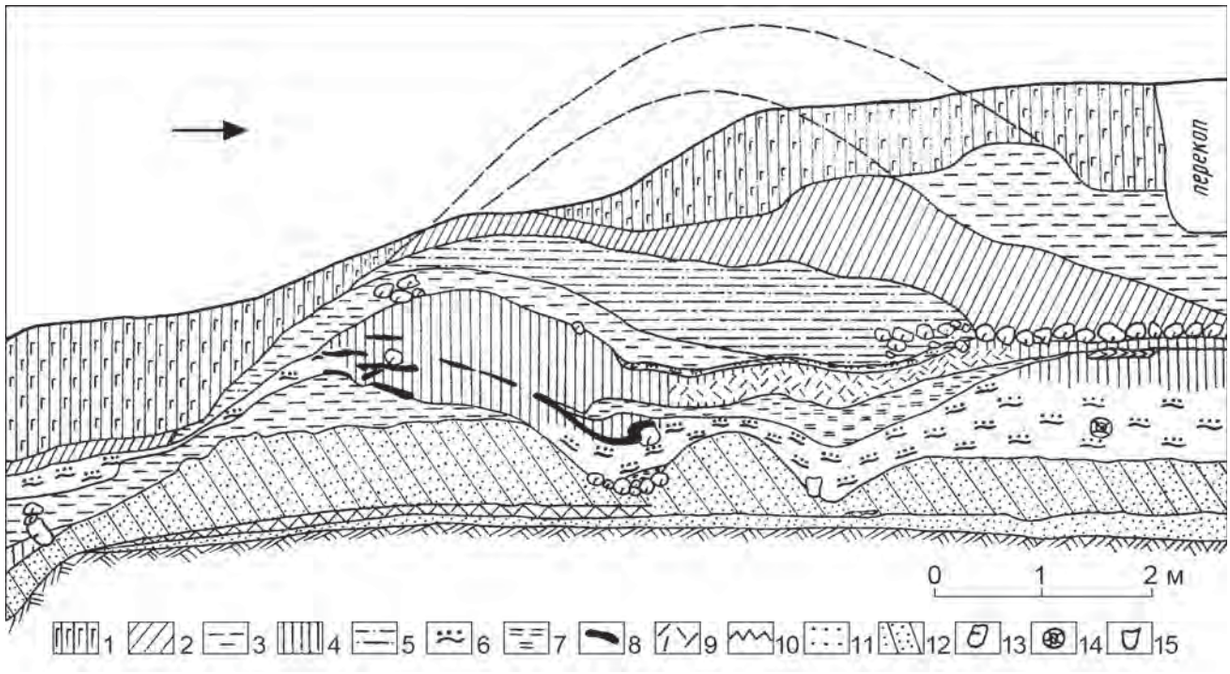


Рис. 54. Полоцкое городище. Профиль раскопа Г. В. Штыхова с разрезом вала (Штыхов 1975). *Условные обозначения:* 1 – балласт; 2 – серый слой; 3 – светлая глина; 4 – черный слой; 5 – суглинок; 6 – завал угля и головней; 7 – красная глина; 8 – обугленное дерево; 9 – древесная труха; 10 – нижний культурный слой; 11 – предматерик; 12 – насыпь вала (светло-серый песок); 13 – камни; 14 – бревно; 15 – лепной сосуд (см. рис. 55)

лишь одна материковая яма (№ 3), из которой происходит выразительный комплекс профилированной лепной керамики (Дук 2009: 264, мал. 10). Данные раскопок Д. В. Дука говорят о незначительной мощности напластований VIII–X вв. на площадке, а также о том, что они переотложены в более позднее время.

Шурф М. В. Климова 2009 г. располагался в центральной части городища и имел площадь 8 м^2. Выяснилось, что мощность слоя составляет около 2 м и он совершенно переотложен погребениями XVII–XVIII вв. (Клімаў, Куляшоў 2011: мал. 2).[29] В материке была зафиксирована яма, из которой происходит фрагмент саманидского дирхема (не ранее середины X в.) (Клімаў, Куляшоў 2011: мал. 4: 4). Тот факт, что эта яма врезалась в материк, говорит о том, что напластования более раннего времени здесь были невелики по толщине.

Общий вывод, который можно сделать по вышеприведенным материалам, – культурный слой городища последней четверти I тыс. н. э. отложился преимущественно близ вала. Жизнь в центральной части площадки протекала менее интенсивно. Все это говорит об архаичности планировки раннего Полоцка, еще в X в. напоминавшего банцеровские городки.

Что может добавить к сказанному анализ находок с городища? Первым делом нужно обратить внимание на арабские монеты, которых

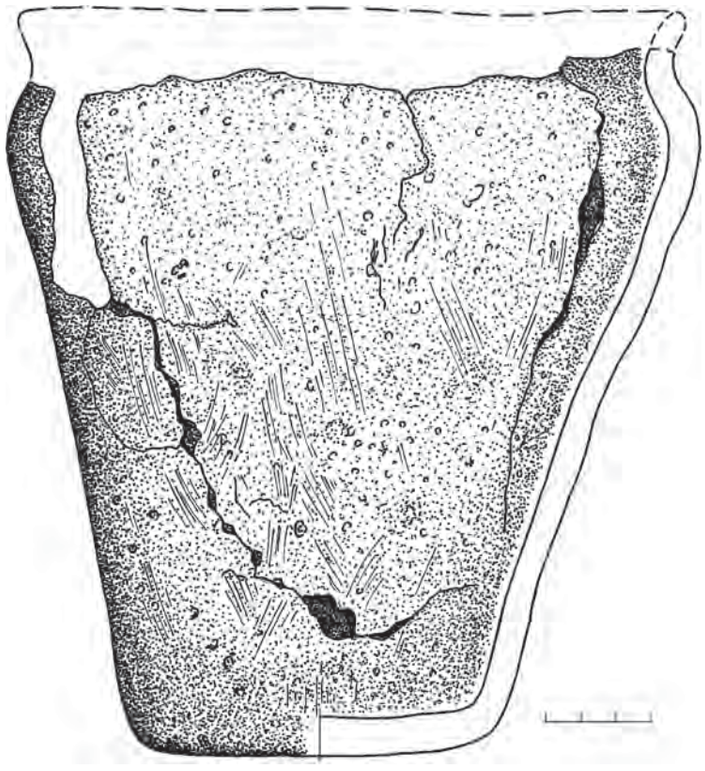


Рис. 55. Полоцкое городище. Лепной сосуд из культурного слоя в основании вала

найдено здесь пять. Первый (фрагментированный) дирхем был подобран вне контекста в 1978 г. В. А. Булкиным (Булкин и др. 1979: 431). Остальные четыре происходят из шурфа М. В. Климова 2009 г. Об одной из монет говорилось выше, три другие обнаружены вне четкой стратиграфической привязки. Последние отнесены Вяч. С. Кулешовым к первому периоду обращения дирхемов (Клімаў, Куляшоў 2011). Из других важных культурно-хронологических индикаторов следует упомянуть серебряную поясную бляшку X–XI вв. из раскопок А. Н. Лявданского и ланцетовидный наконечник стрелы того же времени из раскопок Г. В. Штыхова. Обе вещи также не имеют контекста (Штыхов 1975: 22, 26). Даже если предположить датировку вещевых находок временем ранее середины X в., они дают нам картину достаточно рядового древнерусского городища типа Рокот или Новоселки на Смоленщине, Холопий Городок и Городище Георгий с Городком на Маяте на Ильмене, или Надбелье и Городец в Полужье. Вероятно, интенсивность жизни на Полоцком городище резко повысилась во второй половине X в., что явствует из начавшегося активного фортификационного строительства. Тогда Полоцк и начинает выделяться среди прочих славянских «городков» вроде вышеупомянутых. Именно применительно к этому времени можно очень осторожно заводить речь о «городском» характере полоцких укреплений.

1.3.1.2. Культурный слой у подножия городища на правом берегу р. Полота (селище у Красного моста)

Участок культурного слоя, именуемый «полоцкое селище», расположен на правом берегу р. Полота к юго-востоку от городища. Площадь селища по предварительным оценкам достигает 0,3 га. Раскопки на этом месте проводились Г. В. Штыховым в 1962, 1967, 1979–1980 гг.; общая вскрытая площадь составляет 444 м^2. Материалы раннего этапа поселения обработаны и введены в научный оборот общими трудами Н. А. Плавинского и Г. В. Штыхова (Штыхаў 2000; Плавінскі, Штыхаў 2006).

В настоящее время городище расположено на том же берегу Полоты, что и селище, но в раннем средневековье река, возможно, текла в другом русле, огибая городище с севера, т. е. оно лежало на противоположном (левом) ее берегу.

Мощность культурного слоя на селище достигает 1,3 м (Штыхов 1975: 26). В нижней части напластований найдены лепная профилированная керамика и фрагменты раннегончарных сосудов. Из датирующих материалов отметим два наконечника ланцетовидных стрел трех- и четырехгранные (Плавінскі, Штыхаў 2006: мал. 9: 2, 3) (рис. 61: 1, 2). Такие стрелы относятся к X в. В одной из материковых ям вместе с раннекруговой керамикой найден саманидский дирхем 933–941 гг. Однако формы лепной керамики не исключают и более ранних напластований вплоть до VIII в. Есть здесь, разумеется, материалы XII–XIII вв. (Штыхов 1975: 26; Штыхаў 2000: 175) и более позднего времени.

1.3.1.3. Культурный слой на территории Нижнего замка на левом берегу р. Полота

Территория Нижнего замка Полоцка в раннем средневековье, возможно, примыкала непосредственно к городищу, находившемуся до XVI в. на мысу левого берега Полоты. Остроумное предположение, высказанное С. В. Тарасовым, поддержано сейчас рядом ис-

следователей (Тарасаў 1992: 9; 2001: 49, мал. 70; Плавинский 2009: 310–311; Дук 2010: мал. 24). По мнению автора гипотезы, современное русло Полоты сформировалось во время земляных работ, произведенных войсками Ивана IV. Действительно, тушемлинско-банцеровские городища чаще всего имели селище у своего подножия. Ведь в случае опасности жителям необходимо было быстро загнать под охрану укреплений скот, укрыть имущество, женщин и детей. А в Полоцке им пришлось бы для этого сначала перебираться через реку, текущую в глубоком каньоне. Можно, конечно, допустить наличие через него какого-то моста, но уж очень монументальным для второй половины I тыс. н. э. должно было бы быть это сооружение через крутые овражистые берега Полоты... Вряд ли население довольно рядового банцеровского городища, да и обитатели Полоцка X в. были способны создать конструкцию, сопоставимую с четырехпролетным мостом на известном плане Полоцка XVI в. С. Пахоловицкого (Тарасаў 2001: мал. 1). К сожалению, гипотеза С. В. Тарасова остается пока недостаточно обоснованной полевыми работами, на что уже обращалось внимание в научной литературе (Алексеев 2006а: 108). Поставленную проблему могут решить только палеогеографические исследования старицы Полоты, огибающей с севера первоначальное городище. Эта задача не представляет особой сложности и, надеемся, будет когда-нибудь решена.

На Нижнем замке раскопано около 500 м^2 (Тарасаў 2001: 24; мал. 17). Исследования здесь производили: Л. Д. Поболь (1959 г.), Г. В. Штыхов и К. М. Каргер (1962–1964 гг.), С. В. Тарасов (1986, 1989–1990 гг.). Результаты раскопок введены в научный оборот настолько фрагментарно, что составить представление о хронологии и планировке поселения интересующего нас времени непросто. Наиболее полно опубликованы материалы раскопок 2008 г. последнего исследователя Нижнего замка – Д. В. Дука (Дук 2009а; 2010: 62). Эти материалы в нашем обзоре мы возьмем за основу, дополняя по возможности данными других авторов (рис. 56).

Раскоп 2008 г. имел площадь 40 м^2 и размещался в северной части Нижнего замка, т. е. на древнейшем участке полоцкого посада примерно в 150 м к югу от городища (Дук 2010: мал. 14). Здесь, на глубине 1,8 м, удалось выделить культурный слой с лепной керамикой мощностью около 0,3 м, лежавший на материке. Правда, нужно сразу отметить, что накапливался этот слой очень длительное время, поскольку кроме керамики VIII–X вв. содержит фрагменты посуды середины–третьей четверти I тыс. н. э. К этому же времени можно отнести и несколько глиняных пряслиц архаичной формы – биконических с широким отверстием (Дук 2009а: мал. 20: 2, 4, 5).

Для характеристики культурных напластований и определения хронологии важно отметить следующие детали. В слое с лепной керамикой совершенно отсутствовали бусы (Дук 2009а: 10). Из вещевых находок автором раскопок опубликованы фрагменты одностороннего наборного гребня, двушипный втульчатый наконечник стрелы и две ладейные заклепки (Дук 2009а: мал. 19: 3–6). Сочетание наборного гребня и ладейных заклепок указывает как будто на нерядовой характер поселения.[30] Гребень относится ко 2-й группе, по классификации О. И. Давидан, и датируется X в. Есть ли на этом участке слои VIII–IX вв. – сказать трудно. В любом случае следов какого-то крупного торгово-ремесленного центра ранее X в. мы здесь не видим. Такова ситуация на «стрелке» Нижнего замка – на узком перешейке в излучине Полоты, возможно, соединявшем в древности основную территорию Нижнего замка с городищем.

Для более полного понимания ситуации на Нижнем замке нам необходимо пройти еще 150 м к югу от участка, исследованного Д. В. Дуком в 2008 г. Здесь мы оказываемся перед двумя расположенными рядом большими раскопами, выполненными С. В. Тарасовым в 1986 г. и 1989–1990 гг. (Дук 2010: мал. 14; Тарасаў 2001: мал. 17).

Раскоп I (1989–1990 гг.) имел площадь 400 м^2. Мощность слоя составила около 1 м. Проследить стратиграфию здесь не удалось: слой представляет собой однородный черный гумус. В нижней части напластований прослеживается прослойка красно-коричневой глины мощностью от 10 до 40 см. Основная масса найденной в раскопе лепной керамики происходит из культурного слоя под глиной, что дало автору раскопок возможность датировать

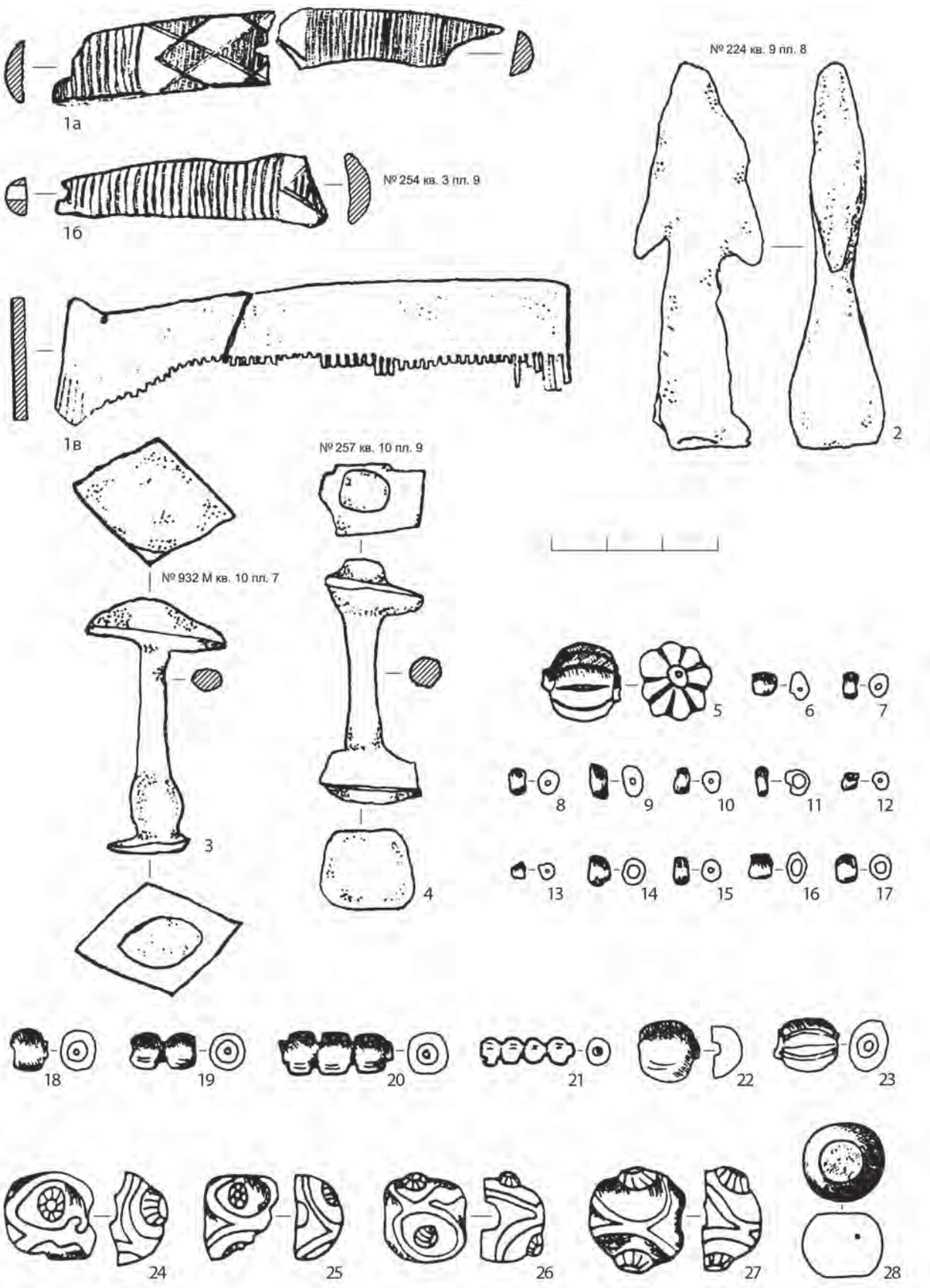


Рис. 56. Полоцк. Мыс Нижнего замка. Находки из нижних напластований. 1 – кость; 2–4 – железо; 5 – стекло; 6–17 – желтое стекло; 18–21 – синее стекло; 22–23 – желтое стекло; 24–27 – полихромные мозаичные стеклянные бусы; 28 – весовая гирька. 1–4 – раскопки Д. В. Дука; 5–28 – раскопки С. В. Тарасова (Дук 2009а; Тарасаў 2001)

этот слой IX–X вв. (Тарасаў 2001: 26–27). Ранние напластования невелики по мощности – в среднем около 0,3 м. Слой, залегающий выше, по мнению автора раскопок, переотложен в позднем средневековье и содержит находки от X до XVII в. (Тарасаў 2001: 26).

Из раскопа происходят 142 бусины, которые могут быть датированы X–XI вв. Среди них – мелкий рубленый бисер, крупные продольноребристые пронизки, лимоновидные пронизки, крупные полихромные бусы с мозаичными глазками и «восьмерковидным» переплетом (Тарасаў 2001: 33, мал. 49, 50). Из ранних находок можно выделить еще боченковидную весовую гирьку (Тарасаў 2001: 34, мал. 48). Публикация не дает оснований для выделения в коллекции бус, которые бы датировались временем более ранним, чем X столетие.

В материке выявлено 17 ям и несколько развалов отопительных устройств (Тарасаў 2001: 61, 89). Видимо, постройки представляли собой наземные (срубные?) дома с овальным подпольным котлованом и печью-каменкой – традиционные жилища для северной части восточнославянского ареала расселения VIII–X вв. Зафиксированы также остатки глинобитных печей (Тарасаў 2001: 61; Дук 2010: 63).

Для датировки ранних напластований на данном участке важна находка пинцета с расширяющимися концами (Тарасаў 2001: мал. 48). Ни в древнерусском материале, ни в смоленско-полоцких древностях VIII–X вв. таких вещей нет. Форма изделия, орнамент «волчий зуб» по кромкам лопастей, сочетание поперечных и диагональных линий на дужках, граненая головка говорят о том, что перед нами изделие более ранней эпохи (рис. 37: 13). Ближайшие аналогии этому пинцету находятся в древностях о. Готланд. Предметы туалета с подобными элементами декора существовали там на протяжении почти всего вендельского времени и исчезли из обихода к концу этого периода (Nerman 1969: taf. 41, 123, 124, 193). Б. Нерман датирует их периодами VII:1–VII:3, т. е. периодом 550–700 гг. Возможно, данную находку следует поставить в один ряд с вышеупомянутыми овальными фибулами вендельского времени из района о. Доле на Даугаве и рассматривать в контексте первых попыток скандинавов освоить берега Даугавы–Западной Двины в VIII в. Находка из раскопа I позволяет предположительно синхронизировать древнейшие напластования Полоцка с ранними слоями Старой Ладоги, где тоже найдено два скандинавских пинцета вендельского времени.[31]

Раскоп III (1986 г.) имел площадь 60 м^2. Стратиграфия и мощность напластований были теми же, что и в раскопе 1989–1990 гг. (Тарасаў 2001: 26). Исследовано 6 крупных материковых ям, следы какой-то столбовой конструкции и частокола (Тарасаў 2001: мал. 30). В нижней части культурных напластований найдена как профилированная лепная керамика последней четверти I тыс. н. э. (Тарасаў 2001: мал. 47: 1, 3, 4, 5), так и фрагменты более ранней слабопрофилированной посуды середины–третьей четверти I тыс. н. э. (Тарасаў 2001: мал. 47: 2).

Завершить обзор ранних находок с территории Нижнего замка стоит упоминанием о литейной формочке для изготовления подражаний куфическим монетам, найденной в одном из шурфов (Тарасаў 2003: 267; Дук 2010: 117).

1.3.1.4. Культурный слой на территории Верхнего замка на мысу левого берега р. Полота при впадении ее в р. Западная Двина (город Всеслава)

Ранняя история Верхнего замка – того места, на котором была возведена Полоцкая София (рис. 57), пожалуй, наиболее сложна для понимания. В литературе распространено мнение, что сюда при Брячиславе или, что более вероятно, Всеславе были перенесены городские укрепления и административный центр Полоцка (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 58; Тарасаў 2001: 37, 39). В основе этого мнения лежит, конечно, в первую очередь факт постройки здесь в середине XI в. центральной святыни Полоцка – Софийского собора. Трудно представить, что каменный храм, служивший не только сакральным центром столичного города, но и хранилищем материальных ценностей, строился на незащищенном участке. Тем не менее фортификационные сооружения XI в. на Верхнем замке до сих пор не обнаружены (Алексеев 2006: 109–111; Дук 2010: 39). Когда же была заселена эта территория?

Исследования на Верхнем замке проводили в разные годы А. Н. Лявданский, М. К. Каргер,



Рис. 57. План Верхнего замка Полоцка. Из архива Ю. М. Лесмана. 1 – Софийский собор

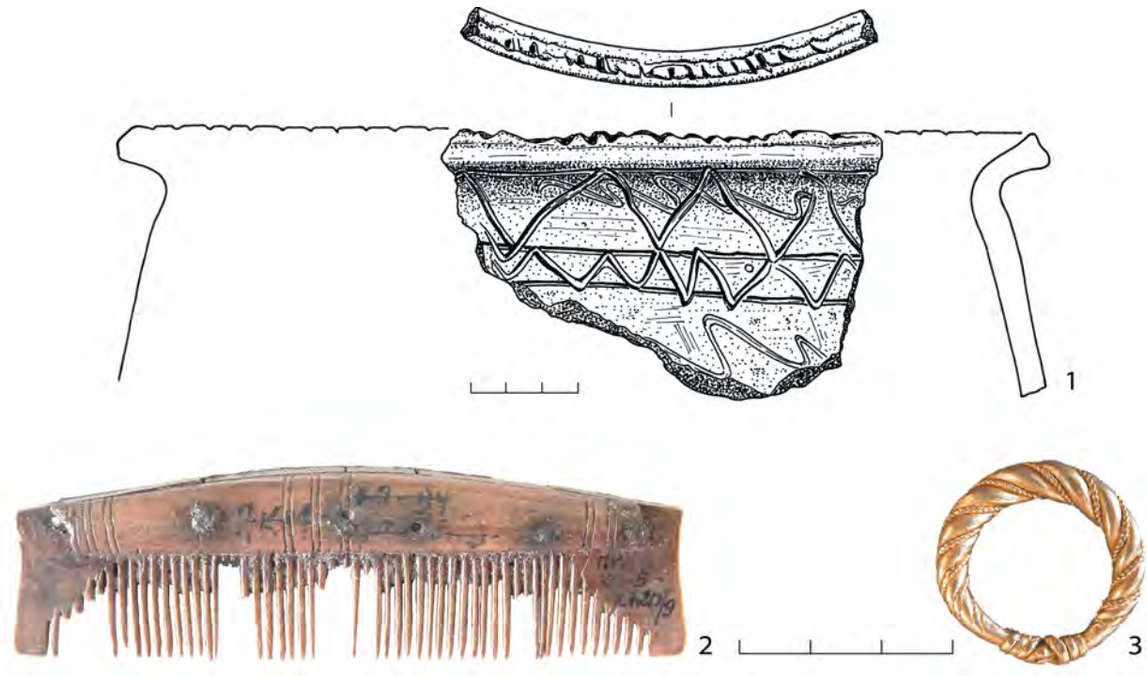


Рис. 58. Полоцк. Находки с Верхнего замка. 1 – раннегончарный сосуд из раскопок А. Г. Митрофанова (1960 г.); 2 – гребень из раскопок Г. В. Штыхова; 3 – золотой перстень из раскопок Вас. А. Булкина в Софийском соборе (Полоцкий музей-заповедник, КП 3-519)

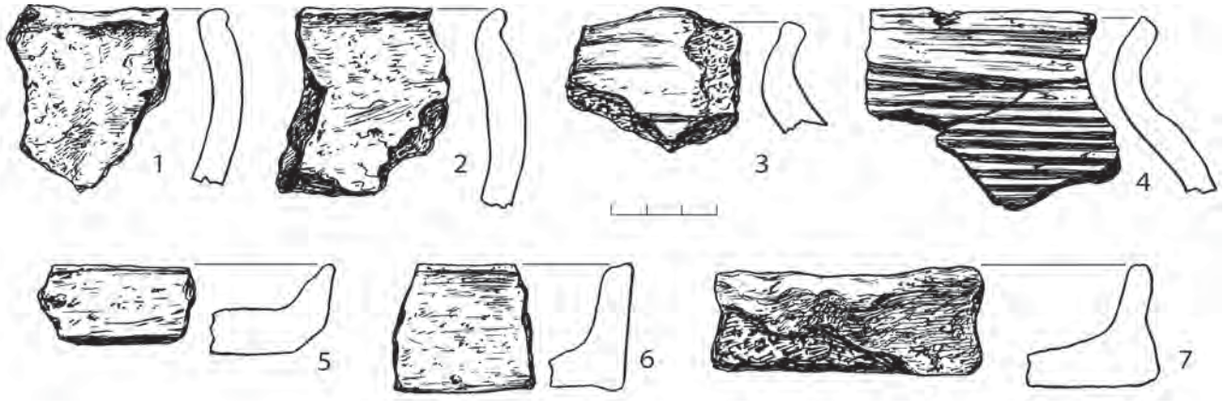


Рис. 59. Полоцк. Великий посад. Лепная (1,2, 5–7) и раннегончарная (3, 4) керамика из раскопок С. В. Тарасова (Тарасаў 1992)

А. Н. Митрофанов, В. Р. Тарасенко, Г. В. Штыхов, Вас. А. Булкин, В. А. Булкин и С. В. Тарасов. Всего раскопана площадь около 2000 м^2 (Тарасаў 2001: 24).

В западной и центральной частях территории Верхнего замка культурные напластования времени, предшествовавшего постройке Полоцкой Софии, выявить не удалось (Тарасаў 2001: 62; Дук 2010: 43). Как было установлено на начальных этапах исследования Софийского собора, выброс грунта из его фундаментного котлована перекрывает лишенную культурных напластований погребенную почву (Штыхов 1975: 36). Это отнюдь не означает, что Верхний замок был включен в состав городской территории только в XI в. Отсутствие плотной застройки в центре раннесредневековых, в частности древнерусских, городищ – явление нередкое. Вероятнее всего, Софийский собор был построен на незастроенной части городского укрепления, возможно, связанной с вечевой площадью.

Известна находка, ставящая под сомнение отсутствие в центральной части Верхнего замка напластований X–первой половины XI в. Это золотой перстень из раскопок Вал. А. Булкина 1978 г. внутри Софийского собора, найденный вместе с гончарной керамикой (Булкин и др. 1979: 431). Перстень массивный, витой из трех сужающихся на концах кованых дротов, перевитых нитью из скрученной вдвое проволоки (Археалогія і нумізматыка Беларусі 1993: 11). Концы перстня завязаны двойным узлом (рис. 58: 3). Перед нами великолепное изделие, скорее всего, скандинавского происхождения с очень широкой датировкой, охватывающей весь X в. и, как минимум, первую половину XI в.

Надо добавить, что Вас. А. Булкин неоднократно упоминает в кратких публикациях о том, что в юго-западной части Софийского собора ему все же удалось отыскать участок «сравнительно тонкого» культурного слоя, предшествовавшего строительству каменного храма. Слой «соответствует верху фундаментов, которые были впущены именно с этого уровня». Культурный слой содержал следы пожара и керамику «начала–первой половины XI в.» (Булкин 2012: 18, 31). К сожалению, каких-либо материалов, подтверждающих эти ответственные выводы, автор раскопок пока не опубликовал. Известно, каким сложным для хронологических выкладок материалом является древнерусская гончарная керамика. Керамическое производство Полоцка совершенно не изучено, поэтому вряд ли стоит доверять предварительной датировке, хотя исследователь вполне мог и угадать.

Такова противоречивая ситуация с центральной частью Верхнего замка. Иначе обстоят дела в восточной и северо-восточной его частях, где мощность культурного слоя достигает 5,5 м. Правда, и здесь М. К. Каргер, впервые исследовавший Верхний замок значительной площадью, пришел к выводу, что «со всей решительностью можно утверждать, что керамики IX–X веков в раскопках не обнаружено.[32] Полностью отсутствует и еще более ранняя – лепная керамика» (Каргер А-1957: л. 8). Однако позднее в **трех раскопах (II–IV)** исследователям как будто удалось выделить напластования конца X в. (Штыхов 1975: 55).[33] Опорными находками

являются найденные в раскопах II–III отдельные (очень немногочисленные) фрагменты лепной керамики (Штыхов 1975: 80), ранние формы гончарной керамики, костяные односторонние гребни группы 2, по О. И. Давидан, бусы-лимонки, медная византийская монета (Штыхов 1975: 54) и саманидский дирхем (Штыхов 1975: 54; Рябцевич 1998: 73). Все эти находки происходят из предматерикового слоя (Штыхов 1975: 54; 1978: 26, 27). Мощность слоя, успевшего накопиться здесь до времени строительства Софийского собора (это время фиксируют в культурном слое находки плинфы), составляет всего около 0,2 м (Штыхов 1975: 54).

1.3.1.5. Культурный слой на территории Великого посада

Исследования территории, лежащей к востоку от Верхнего замка и вала Нижнего замка между Полотой и Западной Двиной, связаны преимущественно с работами С. В. Тарасова. Наиболее полно в научный оборот введены материалы **раскопа I на пл. Ленина / пл. Свободы (1987–1988 гг.)**, имевшего площадь 1100 м^2. Раскоп лежит примерно в 100 м к востоку от так называемого «вала Ивана Грозного», что на Нижнем замке, в 300 м от Верхнего замка (Тарасаў 2001: 52, мал. 19). Мощность напластований на исследованном участке достигает в среднем 3 м. Предматериковый слой, мощностью 0,2–0,4 м, содержит находки X–XI вв. Оснований построек в нем зафиксировать не удалось, отмечены лишь отдельные деревянные плахи (Тарасаў 1992: 11). Следует упомянуть найденную в этом слое лепную (около 3% от всей посуды) и раннегончарную керамику (Тарасаў 1992: 11; 2001: мал. 53) (рис. 59), боченковидные весовые гирьки и фрагмент коромысла весов для взвешивания серебра (Тарасаў 2001: мал. 54, 56: 13–15), бусы-лимонки (Тарасаў 2001: мал. 58), фрагменты односторонних наборных гребней группы 2, по О. И. Давидан (Тарасаў 2001: мал. 63: 1, 7. 8).[34] Нужно согласиться с мнением автора раскопок о распространении открытого поселения на эту территорию не раньше второй половины X в.

1.3.2. Полоцк в IX–первой половине X в. Лепная керамика как основной источник для изучения этого периода в истории поселения

Как же археологические материалы соотносятся со сведениями «Сказания о призвании варягов»? Выше уже говорилось, что мы не наблюдаем в Полоцкой земле, за Друтью, следов норманнского присутствия времен Рюрика (если придерживаться даты его смерти, разумеется, самой приблизительной, указанной в ПВЛ, – 880 г.). Кроме того, практически трудно представить, как немноголюдные варяжские дружины из Поволховья могли контролировать лежащую за лесными волоками далекую Полоцкую землю. И главное – здесь еще не было в то время достаточной добычи для варягов, поскольку арабское серебро текло на север – на Готланд и далее преимущественно через верховья Волги, Днепра и Западной Двины, в обход коренных полоцких владений.

Представляется, таким образом, что земля полочан (и шире – земля к западу от Березины) не входила в зону «варяжской дани». Подати варягам платили, вероятно, другие кривичи, восточные (смоленские), обитавшие в областях, прилежащих к «серебряному пути», т. е. расположенных к северо-востоку «от Дрютьска».[35] Именно они, надо полагать, были тесно связаны с русью еще с эпохи Рюрика и Олега.

Граница земель этих восточных кривичей и западных кривичей-полочан прослеживается и в археологических материалах, не связанных с варяжской проблематикой. Территория славянского Подвинья не была в IX в. единой в культурном отношении. Существовали различия в погребальной обрядности – на востоке преобладал курганный обряд, а на западе – бескурганный, что говорит о глубоких различиях в религиозном языческом мировоззрении, которые были снивелированы только в X в. с широким распространением курганного обряда в области Полоцкой земли.

Свидетельства политической неоднородности огромной кривичской общности можно усмотреть и в летописных преданиях новгородского происхождения, восходящих к XI столетию. Мы видим, как Владимир в 970 г. (датировка А. А. Шахматова) идет из Новгорода в поход на кривичской Полоцк во главе войска, набранного из варягов, словен, чуди и кривичей:

«Володимеръ же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода» (ПВЛ 1996: 36).

Можно, конечно, спорить о наличии исторической информации в этом известии ПВЛ. А. А. Шахматов считает, что сбор Владимиром в очередной раз коалиции северных племен относится к его походу на Ярополка, а не Рогволода (Шахматов 2002: 178). Сущности вопроса это не меняет. Если все-таки относиться к известию как к отражению военных реалий эпохи, то следует признать, что под рукой у Владимира с новгородцами были какие-то другие кривичи, враждебные кривичам-полочанам или по крайней мере независимые от них. Это и могли быть кривичи с верховьев Волги и Западной Двины.

Каких-либо оснований рассматривать Полоцк конца IX–начала X в. в системе Пути из варяг в греки в одном ряду с такими раннегородскими центрами, как Ладога, Рюриково Городище, Псков, Гнёздово или Киев, у нас пока нет. Похоже, даже соседний Витебск, расположенный ближе к Пути, был в это время более богат и значим.

Полоцк же можно представить как один из славянских городков, разбросанных по лесам от Припяти до Поволховья. Городок этот окружали небольшие поселки. Сейчас их известно два (селище у Красного моста и поселение на Нижнем замке), возможно, со временем на территории современного города будут найдены новые поселения, тяготевшие к древнейшему укрепленному центру.[36] Политическая роль этого раннего Полоцка неясна. Несомненно, он уже выделился к тому времени как административный центр какой-то (видимо, обширной) территории, но судить о ее размерах мы можем только очень приблизительно на основании определения границ вышеупомянутого «белого пятна», не занятого еще курганной традицией. Суждения эти могут быть сугубо гадательны.

Несомненно другое. Ярких варяжских (скандинавских) древностей IX в. в Полоцке нет. В научной литературе имеются сведения о куфических монетах, найденных в культурном слое (Штыхов 1975: 54; 1978: 26; Рябцевич 1998: 73; Плавінскі, Штыхаў 2006: 69, мал. 10: 4; Клімаў, Куляшоў 2011), боченковидных весовых гирьках и деталях весов (Тарасаў 2001: мал. 54, 56: 13–15), односторонних наборных гребнях (Штыхов 1975: 54; 1978: 26; Тарасаў 2001: мал. 63: 2, 7, 8), ланцетовидных стрелах (Штыхов 1975: рис. 30: 1; Плавінскі, Штыхаў 2006: мал. 9: 2), деталях древнерусской поясной гарнитуры (Штыхов 1975: рис. 11: 1; Археалагічныя знаходкі 2010: 138; Дук 2012), импортных стеклянных и каменных бусах. Набор бус, которые можно отнести к X в., правда, очень беден по составу (Штыхов 1975: 95–96; Тарасаў 2001: мал. 49, 50, 58). Есть находка меча каролингского типа (рис. 60), вероятно, из погребения (Плавінскі 2009: 15). Все эти вещи образуют совокупность, характерную для раннегородских древнерусских центров (рис. 61). Но в то же время эти разрозненные находки как-то не складываются в единую картину… Исследователям так и не удалось выделить в культурном слое даже яркие комплексы первой половины X в.

Что же является самым надежным материалом для изучения древнего Полоцка? Основным археологическим источником из ранних напластований Полоцка остается лепная керамика. Мы можем рассматривать ее пока как единый комплекс, датируя в целом IX–X вв. (ввиду неразработанности стратиграфии и хронологии памятника). Анализ керамических комплексов поселений играет ведущую роль в реконструкциях славянских миграций в Восточной Европе. В книге, вышедшей в 2010 г., мы обобщили наши представления о лепной посуде области, лежащей к северу от Днепро-Двинского междуречья, и опубликовали керамические комплексы ряда поселений, в том числе Лукомля и Витебска. Сравнение их с керамикой Полоцка представляет актуальную задачу.

Удобство работы с сохранившимся полоцким керамическим материалом заключается в том, что почти все сохранившиеся коллекции опубликованы (Штыхаў 2000; Тарасаў 1992; 2001; Плавінскі, Штыхаў 2006; Дук 2008; 2009; 2009а; Клімаў, Куляшоў 2011). У меня была возможность сопоставить сделанные мною в фондах Полоцкого музея рисунки керамики и опубликованные рисунки тех же фрагментов, выполненные рукой Н. А. Плавинского и Д. В. Дука. Подобного рода «поверка» работы исследователей важна для всех, так как позволяет безошибочно сравнивать большие массивы материала. Никаких расхождений с зарисовками Н. А. Плавинского не обнаружи-



Рис. 60. Меч из Полоцка. Полоцкий музей-заповедник, КП 6-2959

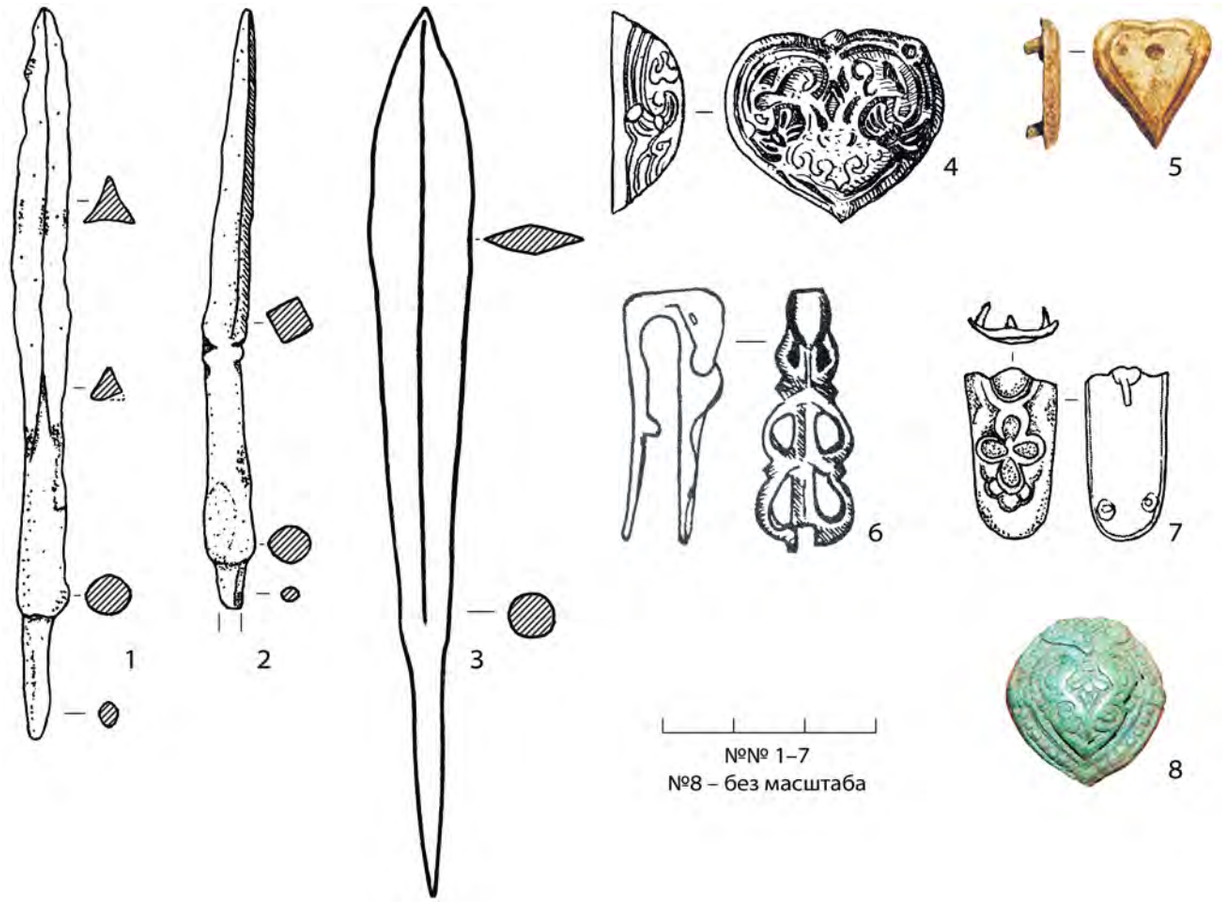


Рис. 61. Боевые стрелы и детали поясной гарнитуры X–XI вв. из Полоцка. 1, 2 – Полоцкое селище (селище у Красного моста) (Плавінскі, Штыхаў 2006); 3, 4, 7, 8 – Полоцкое городище (Штыхов 1975; Дук 2011; 2012); 5 – случайная находка с территории Полоцка (Археалагічныя знаходкі 2010: 138); 6 – поясная обоймица готландского типа с поселения на Заполотском посаде (Полоцк 2012: рис. 85: 9)

лось вовсе. Некоторые профили, зарисованные Д. В. Дуком, мне пришлось сориентировать несколько иначе и прорисовать более четко. Необходимость этого очевидна в тех случаях, когда профиль в публикации оказывается повернут внешней стороной к фронтальному изображению, что не дает возможности сравнивать рисунки автора публикации с другими материалами (например, в публикации Дук 2009: мал. 10; 2009а), или когда по «лицевому» контуру венчика очевидно, что при зарисовке черепок был «завален» в ту или иную сторону. Что же касается очертаний самих профилей, то существенных расхождений между моими «контрольными» зарисовками и рисунками Д. В. Дука также не оказалось.

Предложенная мною типология лепной керамики Псковско-Белорусского Подвинья последней четверти I тыс. н. э. представлена в монографии, вышедшей в печати в 2010 г. (Еремеев, Дзюба 2010: 481–485, рис. 378–380). Для удобства читателей имеет смысл воспроизвести в этой работе опубликованную ранее типологическую схему (рис. 62), не вдаваясь подробно в изданные ранее описания групп керамики.

Всего для анализа и поиска каких-то параллелей могут быть использованы 102 опубликованных фрагмента полоцких лепных сосудов, датировка которых предположительно укладывается в последнюю четверть I тыс. н. э. 19 из них происходят с Полоцкого городища (рис. 63: 3, 5, 7–11; рис. 64: 1–8, 10, 14, 21, 22). 37 – с поселения у Красного моста (рис. 65: 1–5; рис. 66–68; рис. 69: 1, 2, 14). 44 – с мысовой части Нижнего замка (рис. 70–72; рис. 73: 1–4). 2 фрагмента известны с Великого посада (рис. 59: 1, 2). Выборка мала, но, как показывает практика, при сравнении коллекций лепной керамики с памятников Белоруссии и Русского Северо-Запада, раскопанных к настоящему времени, мы повсеместно вынуждены опери-

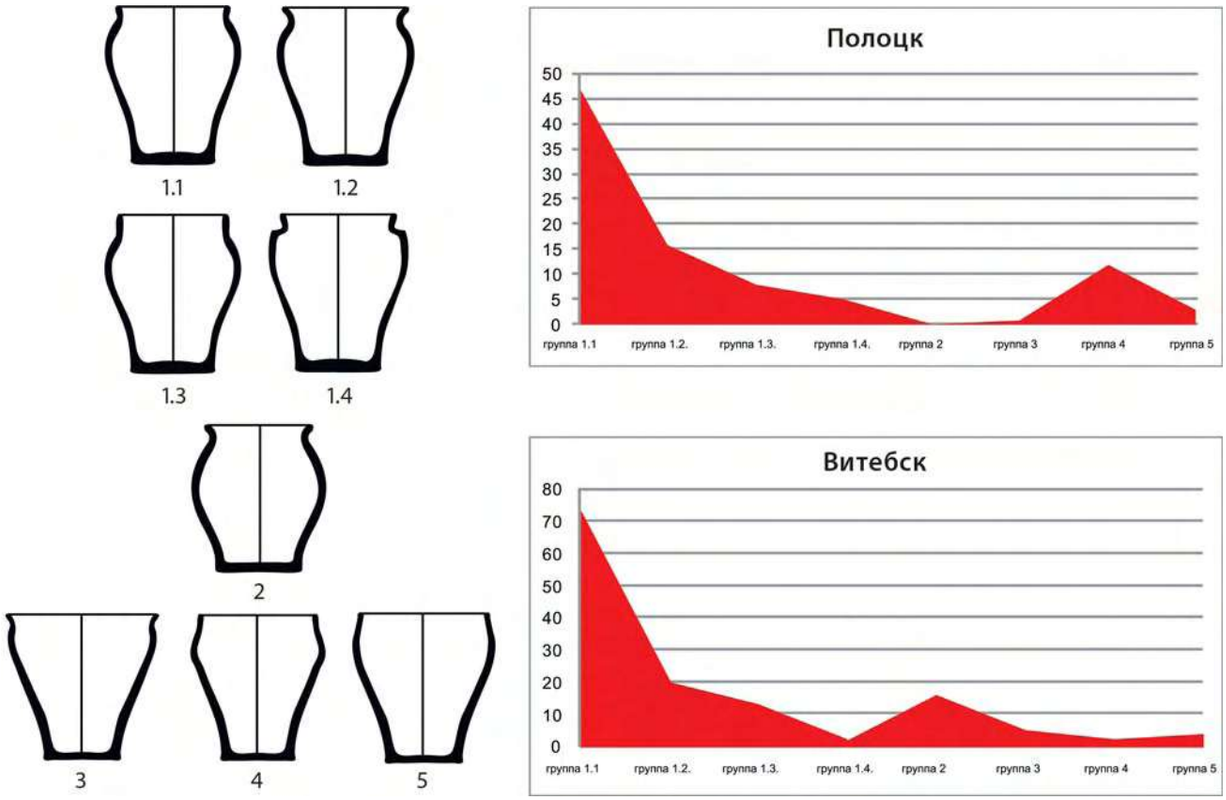


Рис. 62. Основные тенденции в формах груболепной посуды на поселениях Северо-Запада России и Северной Белоруссии в последней четверти I тыс. н. э. Первая цифра обозначает группу; вторая – вариант внутри группы (Еремеев, Дзюба 2010). Справа – распределение лепной керамики Полоцка и Витебска по группам

ровать сходными по количеству коллекциями, как правило, в пределах сотни фрагментов. Раскопки слоев IX–X вв. площадями во многие тысячи метров, дающие крупные коллекции, нигде почти не производились.

Итак, из полоцкой керамики по выделенным мною группам распалась выборка из 92 фрагментов. Это получилось следующим образом. Группа 1, вариант 1: 47 фрагментов (рис. 63: 7, 8, 11; рис. 64: 1–4, 8, 10, 14; рис. 65: 1; рис. 66: 2, 3; рис. 67: 4, 5, 7, 8, 10, 12; рис. 68: 3, 5, 6, 13; рис. 69: 14; рис. 70: 1, 5, 6; рис. 71: 4, 10–15, 17; рис. 72: 1, 5–7, 9–14; рис. 73: 2, 4).

Группа 1, вариант 2. 16 фрагментов (рис. 63: 3, 9; рис. 64: 6; рис. 65: 2; рис. 66: 1; рис. 67: 1–3, 11; рис. 68: 1, 2; рис. 69: 2; рис. 71: 1; рис. 72: 4; рис. 73: 1, 3).

Группа 1, вариант 3. 8 фрагментов (рис. 63: 10; рис. 64: 7; рис. 65: 3, 5; рис. 67: 6, 9; рис. 68: 12; рис. 71: 2).

Группа 1, вариант 4. 5 фрагментов (рис. 67: 13; рис. 68: 4, 7, 8; рис. 72: 8).

Группа 2. В опубликованных материалах не зафиксирована.

Группа 3. 1 фрагмент (рис. 63: 5).

Группа 4. 12 фрагментов (рис. 64: 21, 22; рис. 65: 4; рис. 68: 9–11; рис. 70: 7, 8; рис. 71: 5, 6, 9, 18).

Группа 5. 3 фрагмента (рис. 59: 1, 2; рис. 71: 7).

Часть фрагментов из Полоцка, принадлежащих слабопрофилированным сосудам, может относиться к третьей четверти I тыс. н. э. (рис. 63: 4; рис. 64: 5; рис. 70: 2; рис. 71: 3). Отдельные фрагменты округлобоких сосудов с резко отогнутым венчиком не находят места в выполненной нами группировке материала (рис. 69: 1; рис. 70: 4; рис. 71: 8; рис. 72: 2, 3). Возможно, это лепные подражания раннегончарным сосудам (см., например, гончарную керамику типа 2 из Усвята – рис. 453).

Общая композиция лепного керамического комплекса Полоцка представлена на рис. 62. Лепная керамика из Полоцка близка посуде из Витебска, Лукомля и Гнёздова (см.: Еремеев, Дзюба 2010: рис. 379). Можно отметить (пока сугубо предварительно) несколько своеобразных черт. Во-первых, в Полоцке не ощущается присутствия керамики группы 2, восходящей к пражской традиции. Во-вторых, здесь не так много сосудов группы 1, вариант 2,

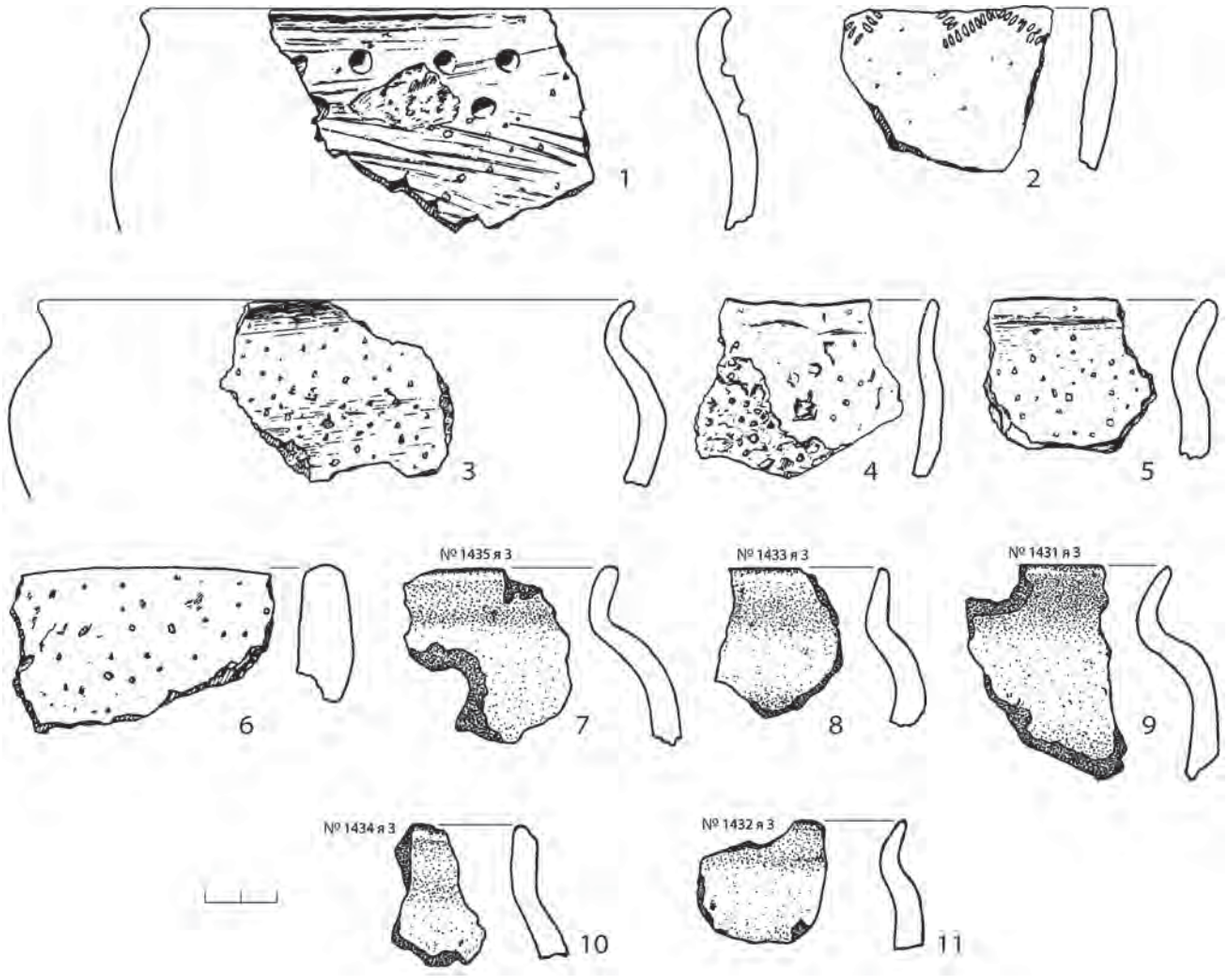


Рис. 63. Полоцкое городище. Лепная керамика из раскопок Г. В. Штыхова (1–6) и Д. В. Дука (7–11) (Штыхаў 2000; Дук 2009)

орнаментированных насечками и вдавлениями, которые находят параллели в культуре Луки-Райковецкой. Они встречаются и здесь (рис. 67: 2), но не такими представительными сериями, как в Витебске, Лукомле и Гнёздове. Вообще, орнаментация на лепной керамике в Полоцке встречается очень редко. На этом фоне любопытна серия сосудов группы 4 с ребром, в различной степени выраженным. Можно заключить, что в Полоцке, в отличие от поселений Верхнего Поднепровья и прилегающих к нему территорий, слабее выражены южные традиции, восходящие к пражской культуре через древности Луки-Райковецкой. В этом отношении Полоцк как будто стоит ближе к памятникам Северо-Запада Руси.

Керамическую коллекцию Полоцка дополняют материалы, полученные при раскопках Витебска. В предыдущих публикациях были введены в научный оборот все лепные керамические материалы последней четверти I тыс. н. э., которые мне удалось отыскать при работе над кандидатской диссертацией до 2002 г. (Еремеев, Бубенько, Штыхов 2007; Еремеев, Дзюба 2010: 459–480). Позднее при помощи Н. Ю. Шарковской в фондах Витебского областного краеведческого музея удалось выявить еще некоторое количество фрагментов позднелепной посуды из Витебска (рис. 11–14). Они не вносят ничего существенно нового в предложенную мною ранее классификацию, но несколько изменяют статистические показатели. Пользуясь случаем, хочу еще раз выразить признательность автору раскопок – Т. С. Бубенько за предоставленную возможность работы с коллекцией. С ее любезного разрешения я публикую эти материалы и новую таблицу, показывающую соотношение в Витебске керамики различных групп с учетом всего количества зарисованных мною фрагментов. В дальнейшем целесообразно использовать в работе именно

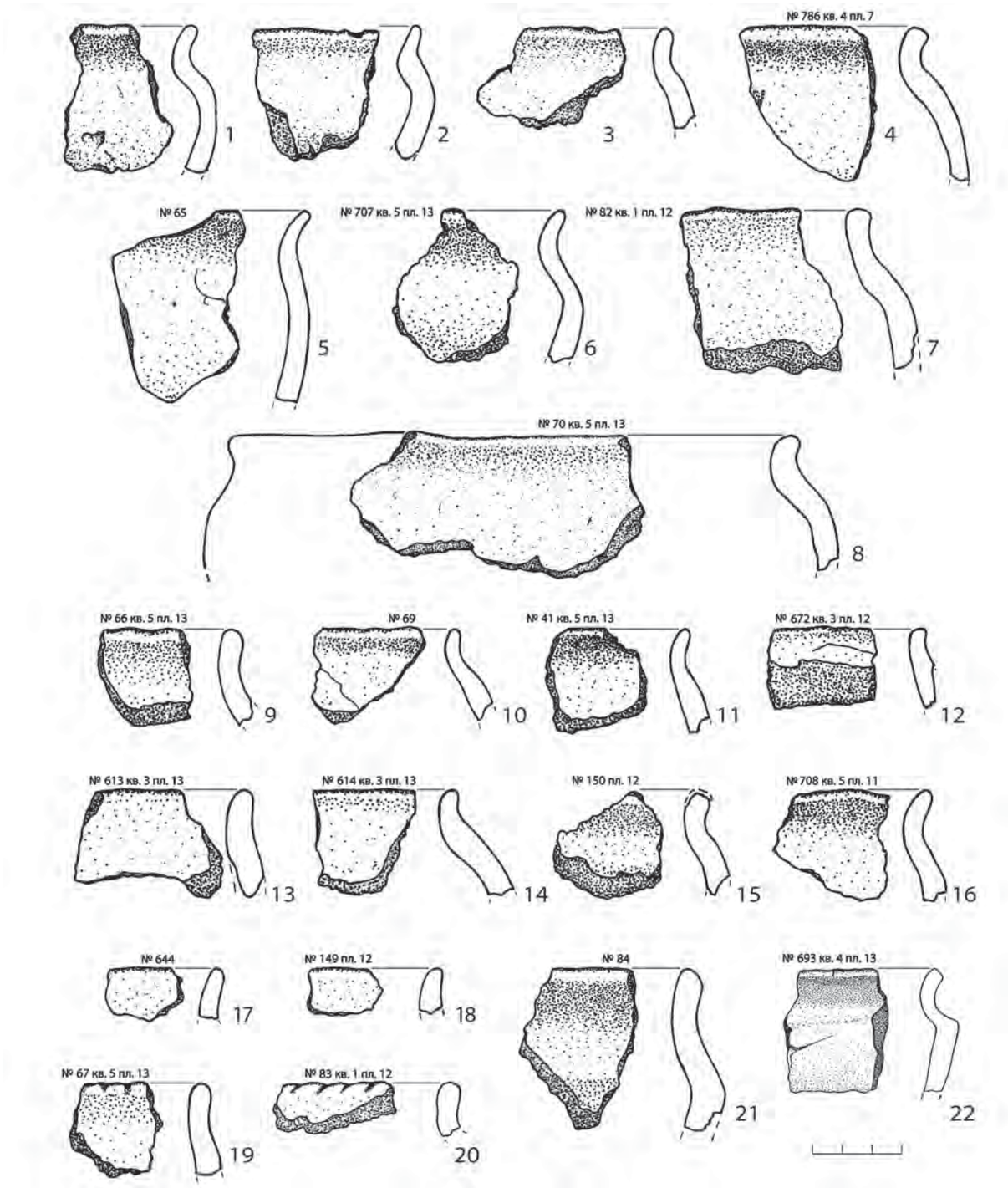


Рис. 64. Полоцкое городище. Лепная керамика из раскопок М. В. Климова (1–3) и Д. В. Дука (4–22) (Клімаў, Куляшоў 2011; Дук 2009)

эту таблицу, вместо опубликованной ранее (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 379).

Дополнительные материалы из Витебска (21 фрагмент) распадаются по группам следующим образом. Группа 1, вариант 1. 11 экз. (рис. 11: 1–6; рис. 12: 1–5). Группа 1, вариант 2. 4 экз. (рис. 12: 6–9). Группа 1, вариант 3. 3 экз. (рис. 13: 1–3). Группа 1, вариант 4. 1 экз. (рис. 13: 5). Группа 2. 1 экз. (рис. 14: 1). Исправленная таблица соотношения керамики различных групп из Витебска, учитывающая все известные мне фрагменты, представлена на рис. 62.

Керамический комплекс древнерусских поселений IX–X вв. русского Северо-Запада состоит из двух основных элементов: керамики группы 4 по предложенной автором классификации («ладожского типа») и кера-

мики группы 1 (Еремеев, Дзюба 2010: 482). Орнаментация, как правило, для керамики не характерна. Если вопрос о происхождении керамики группы 4 до сих пор неясен (известно лишь, что он сформировался в VIII в.), то происхождение керамики группы 1 видится достаточно определенно. Эта группа связана с Верхним и Средним Поднепровьем и Белоруссией и восходит к традициям пражской культуры (Еремеев, Дзюба 2010: 434–485).

При этом на Северо-Западе отсутствует ряд форм, характерных для Днепровского Левобережья в VIII–X вв. Все это укрепляет предположение о распространении керамических традиций на Северо-Запад прежде всего с Днепровского Правобережья, т. е. из Белоруссии.

1.3.3. Начало функционирования Даугавского пути при Рогволоде и Рогнеде

…вот, народ вышел из Египта и покрыл лицо земли, и живет он подле меня; итак, приди, прокляни мне народ сей, ибо он сильнее меня…
Числ. 22:5–6

Рассмотренные археологические материалы избавляют исследователя от необходимости буквально следовать историческим построениям летописца, относящимся к самой темной эпохе русской истории. Нужно согласиться с реконструкцией общей логики появления Полоцка в «Сказании», предложенной А. Н. Насоновым: «Составитель “Повести временных лет” узнал, что “перьвии насельници” в Полоцке – “кривичи”, а так как из легенды, помещенной в предыдущий летописный свод, он знал, что Рюрика призывали кривичи, чудь и меря, то сделал вывод, что Полоцк (как город кривичей) принадлежал Рюрику» (Насонов 2002: 131). Имела место, видимо, и политическая тенденциозность летописца XI в., стремивше-

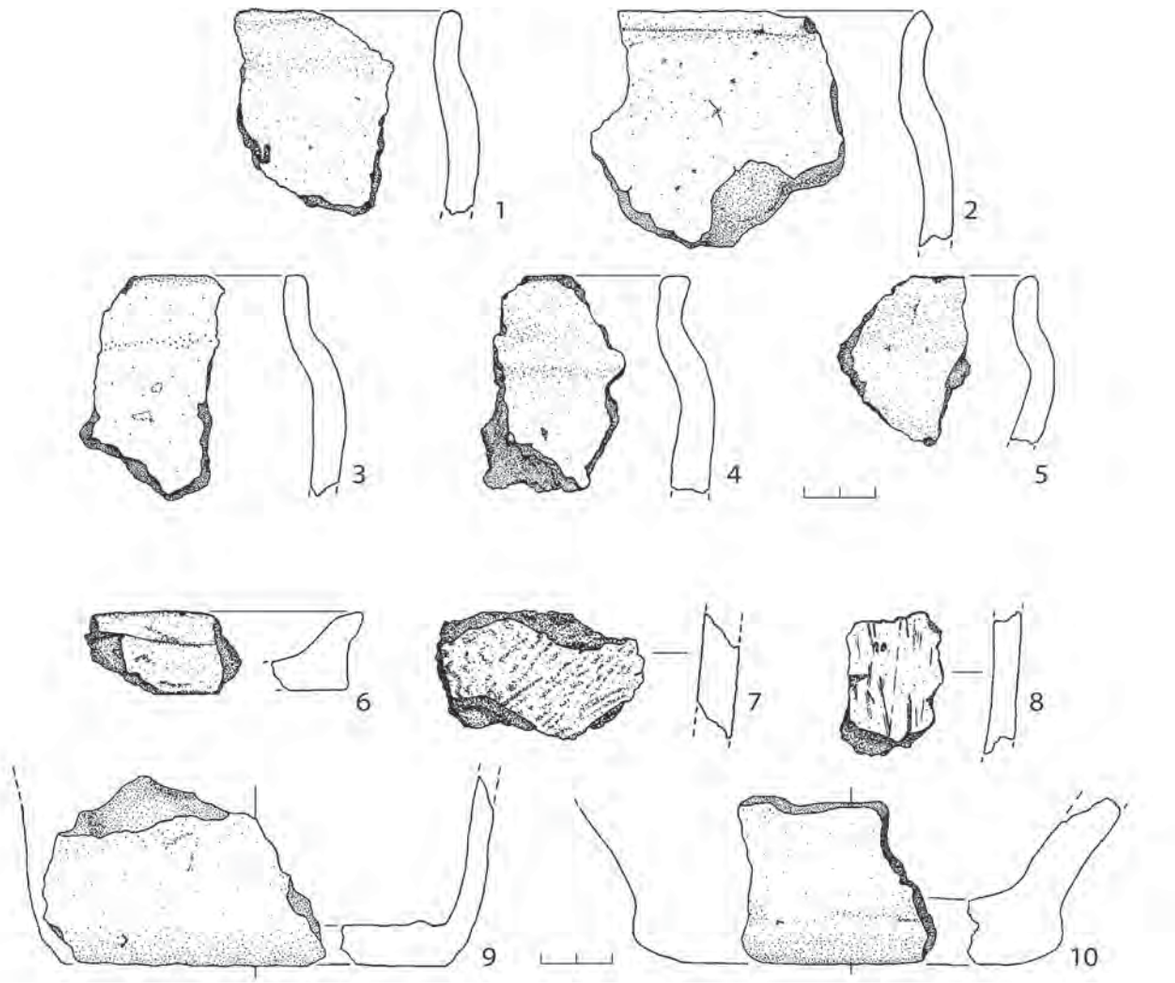


Рис. 65. Полоцк. Селище у Красного моста. Лепная керамика (Плавінскі, Штыхаў 2006)

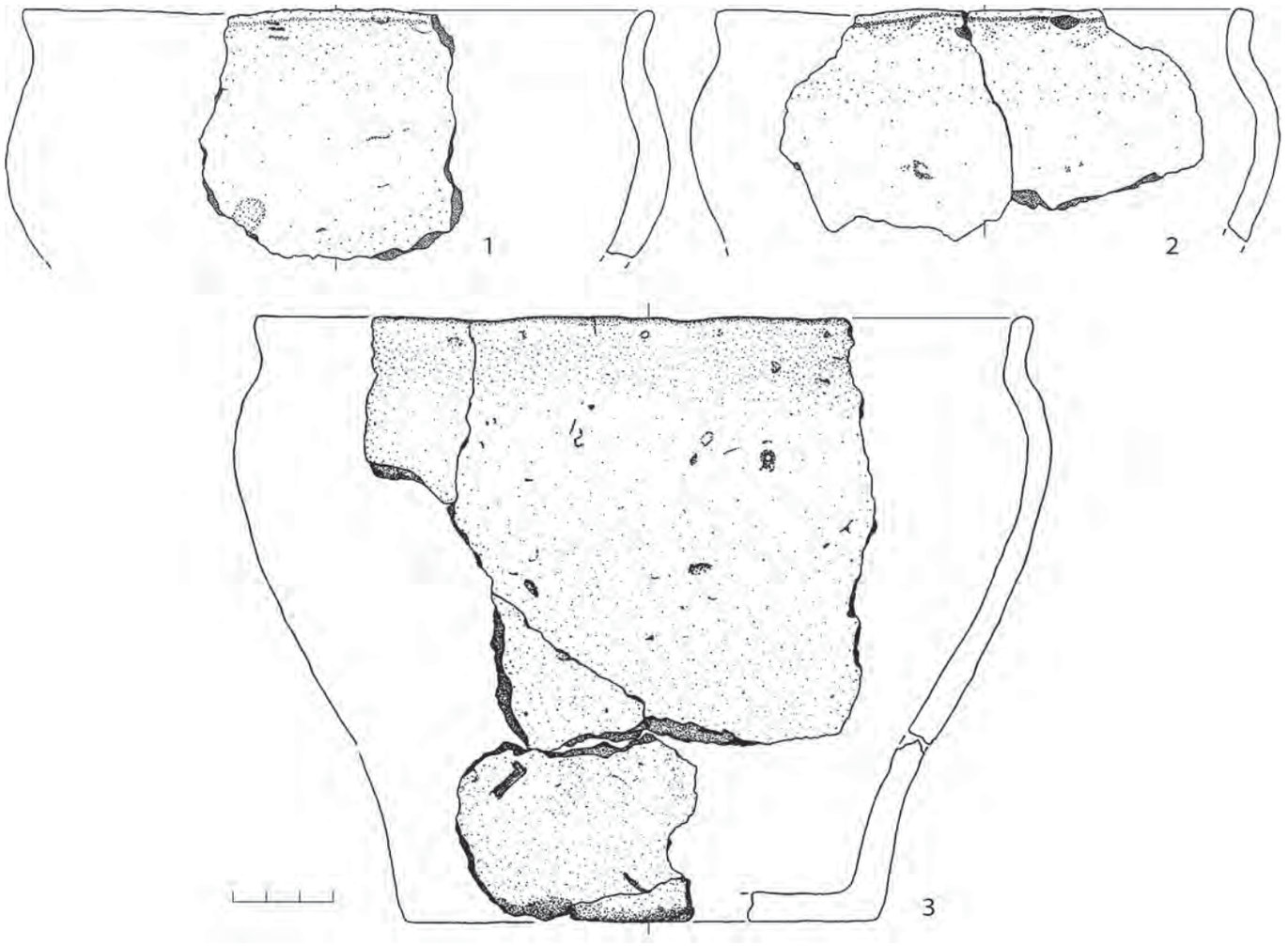


Рис. 66. Полоцк. Селище у Красного моста. Лепная керамика (Плавінскі, Штыхаў 2006)

гося подчеркнуть первородность в Полоцке власти Рюриковичей по отношению к строптивой полоцкой династии потомков Рогволода или, возможно, возвысить новгородцев над ненавистным им Полоцком (Кузьмин 1970: 127; Фроянов 1991: 8; 1992: 89–90; Горский 1995: 57).

Новгородское сказание о сватовстве Владимира к Рогнеде и о походе коалиции северных племен во главе с новгородским князем на Полоцк – первое свидетельство об этом городе в русском летописании, претендующее в глазах историков на достоверность. Несмотря на сказочные мотивы, которыми окружено повествование (Шайкин 2006: 71), историчность основного сюжета, без сомнения, широко известного на Руси, не вызывает сомнений. В представлениях новгородцев и киевлян второй половины XI в. в полоцком предприятии Владимира и Добрыни зарождались сюжетные линии современных им трагических событий – княжеских усобиц, грабежей и пожаров стольных городов. В ПВЛ рассказ о походе Владимира и Добрыни на Полоцк помещен в погодную статью 6488/980 г., но имеет характер вставки, разрывая повествование о возвращении Владимира с варягами «из-за моря» и походе его с «вои многи» на Ярополка к Киеву (Шахматов 2002: 177–178). Вероятно, разгром Полоцка имел место после прихода Владимира в Новгород, но до начала усобицы, развязанной Ярополком после смерти Святослава весной 972 г. (эта дата известна благодаря датированному 971 г. договору Святослава с Иоанном Цимисхием). Таким образом, мы должны согласиться с А. А. Шахматовым и вслед за ним и некоторыми другими исследователями (Алексеев 1975: 218; Фроянов 1992: 133–135; Рукавишников 2003: 104–105) признать, что разгром Полоцка относится, скорее всего, ко времени около 970 г., во всяком случае, не позднее смерти Святослава Игоревича. Какие же цели при этом преследовались Новгородом? Ответы на эти

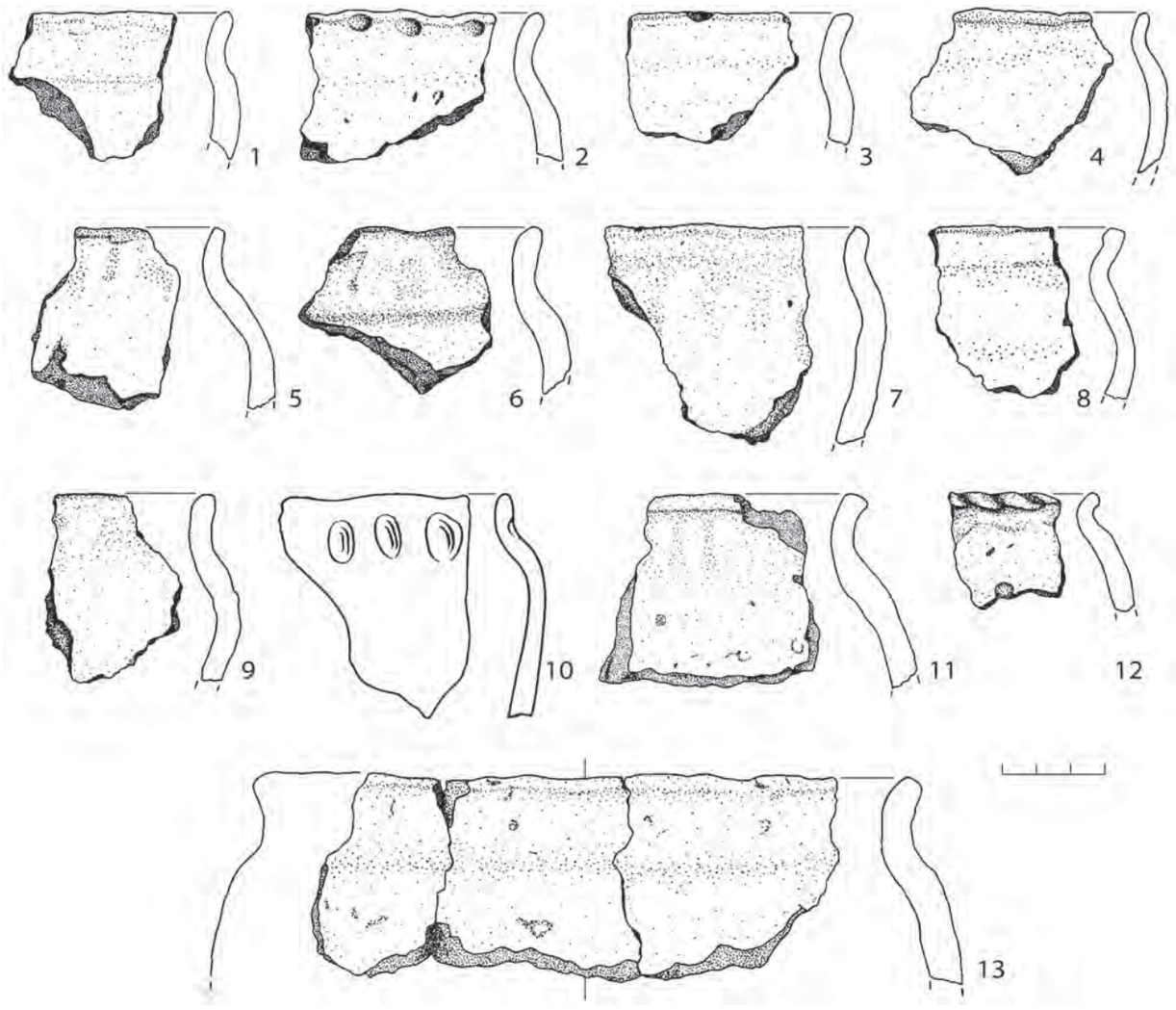


Рис. 67. Полоцк. Селище у Красного моста. Лепная керамика (Плавінскі, Штыхаў 2006)

вопросы лежат вполне в области компетенции археологии.

Судя по археологическим источникам, культурно-историческая ситуация в Белорусском Подвинье приблизительно в середине X в. (с вокняжением Рогволода?) разительно меняется. Отметим три фактора, зафиксированные археологией и имеющие самое прямое отношение к зловещему «сватовству Владимира». Во-первых, на Полоцком городище в это время начинается интенсивное фортификационное строительство. Во-вторых, роль варягов на Полотчине становится более заметной.

Но самое важное – бесспорные свидетельства роста экономического и политического значения Полоцка в этот период. Это клады, связанные с городом и его округой. Наиболее известен Козьянковский монетный клад, найденный в 1973 г. близ юго-восточной окраины города на правом берегу Западной Двины. Сокровище содержало не менее 7711 серебряных куфических монет и подражаний им (Рябцевич 1998: 72).[37] Общий вес серебра (при том, что часть его оказалась расхищена находчиками) составил около 20 кг.[38] Младшая из найденных монет выбита в 944/945 г. Важно упомянуть про множество граффити, обнаруженных на монетах из этого клада (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 22). По мнению Е. А. Мельниковой, «среди граффити на монетах клада чрезвычайно большое место занимают скандинавские (германские) символические знаки» (Мельникова 2001: 147). Еще один клад, зарытый уже, вероятно, после смерти Рогволода, обнаружился в 1888 (?) г. близ имения Струнь, лежавшего к востоку от Полоцка. Младшая из 50 известных монет этого клада выбита в 972/973 г. (ОИАК 1893: 134–135; Милютин 1992; Рябцевич 1998: 73).

Самый знаменитый из полоцких кладов был случайно найден на территории Нижнего

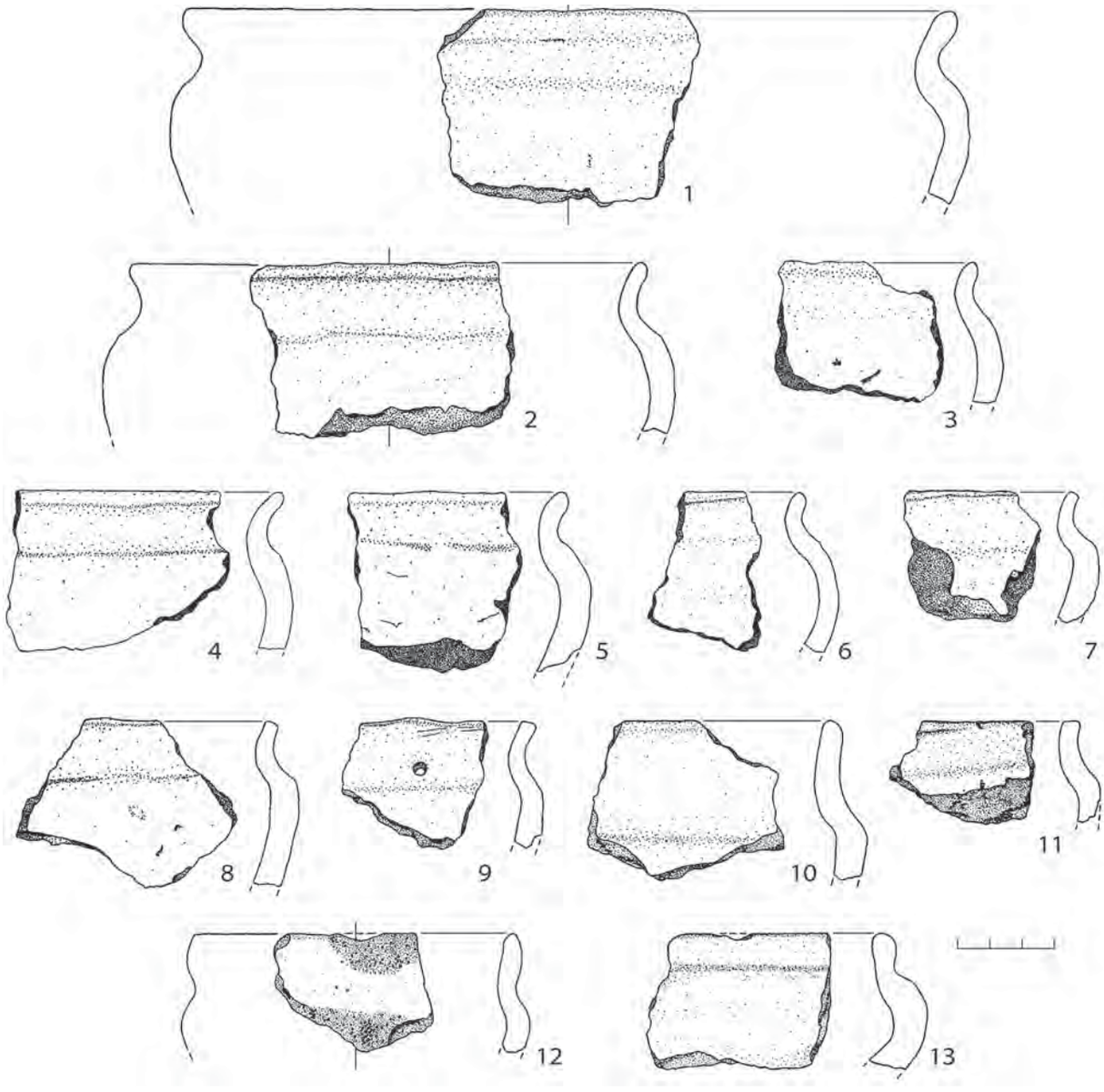


Рис. 68. Полоцк. Селище у Красного моста. Лепная керамика (Плавінскі, Штыхаў 2006)

замка в 1984 г. и ныне хранится в Полоцком музее-заповеднике (КП 3-817-822). Находка была сделана на футбольном поле стадиона на глубине около 1 м (Штыхов 1986; Тарасаў 1992: 9), в нескольких десятках метров к югу от раскопов 1986 и 1989–1990 гг. Клад включает в себя 6 золотых изделий общим весом чуть более 334 г (Мілюцін 1993: 511) (рис. 74). Среди предметов можно уверенно определить несколько украшений (в порядке указанной публикации):

1. (рис. 75). Браслет из кованого четырехгранного дрота (78,41 г);

2. (рис. 76). Разрубленный надвое браслет из круглого в сечении кованого дрота с суженными и завязанными концами (48,64 г и 41,77 г);

3. (рис. 77). Небрежно согнутый в кольцо фрагмент круглого в сечении дрота (от крученого из двух дротов браслета?) (29,68 г);

4. (рис. 78). Фрагмент браслета, сплетенного из 4 круглых кованых дротов с сужающимися концами (40,04 г);

5. (рис. 79). Кольцо (бывший браслет?) из двух скрученных, круглых в сечении дротов. Конструкция замка неясна, так как эта часть украшения обрублена (54,07 г);

6. (рис. 80). Фрагмент браслета (или гривны?) с завязанными некогда концами, сплетенного из 4 круглых в сечении кованых дротов, сужающихся к концам (41,56 г). Сохранился фрагмент замка (узла). Видимо, этому же узлу принадлежит отдельный маленький обломок

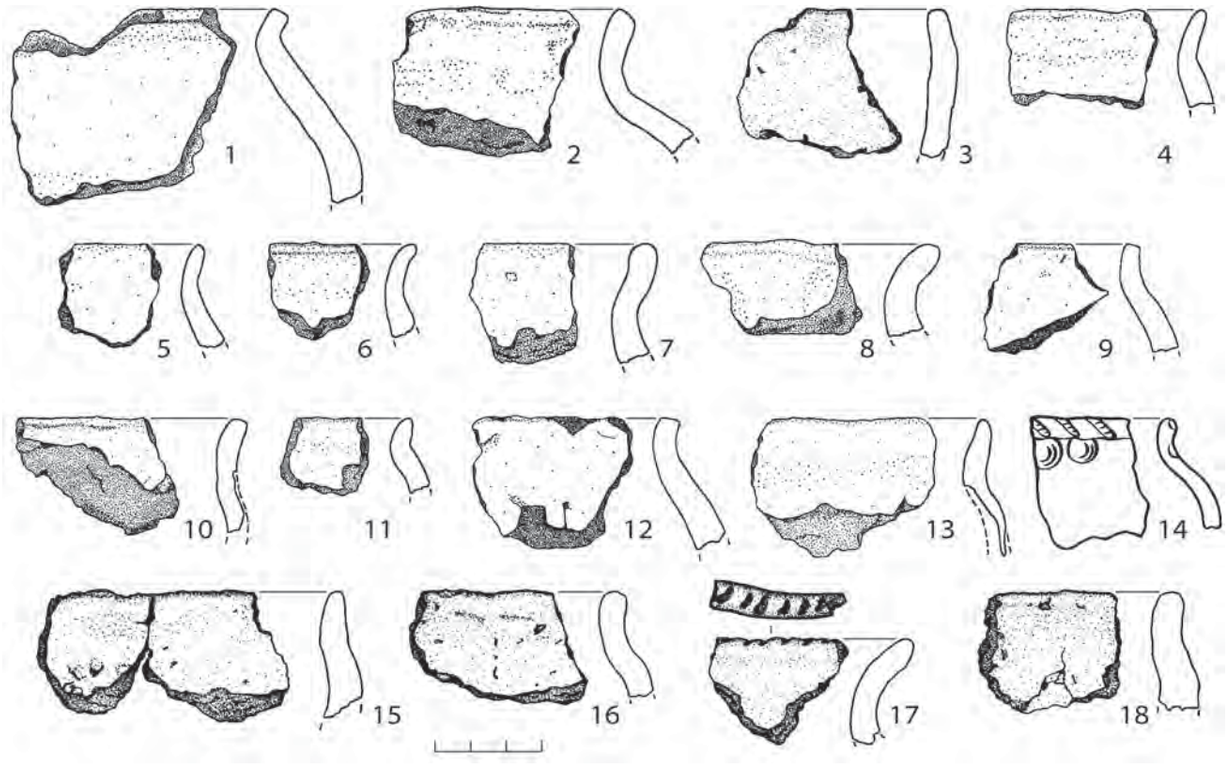


Рис. 69. Полоцк. Селище у Красного моста. Лепная керамика (Плавінскі, Штыхаў 2006)

золотой проволоки, обычно не упоминавшийся в публикациях.

Уникальность полоцкого клада, по сравнению с большинством сокровищ эпохи викингов, в том, что он целиком состоит из золотых предметов. Кому же он принадлежал? Золотые браслеты и гривны тогда могли носить как женщины, так и мужчины. Указание на это мы встречаем уже на первых листах русских летописей – в предисловии конца XI в. (Шахматов 2003: 394–405), сохранившемся в Н1. Составитель летописи порицает жадных дружинников своего времени, которым противопоставляются воины эпохи Владимира «бо не складаху на своя жены златыхъ обручеи, но хожаху жены ихъ в сребряныхъ» (ПСРЛ, т. III. 2000: 104).

Золотые кольца могли быть отличительным знаком высокопоставленной особы не только в церемониальной практике, но и в военной обстановке. Характерная сцена описана Лиутпрандом Кремонским (ок. 920–972 гг.) в его труде «Антоподосис». В битве с венграми при Вероне в 921 г. Адальберт I, маркграф Ивреи (северо-западная Италия), попал в затруднительную ситуацию, из которой ловко выпутался благодаря своевременному избавлению от знаков своего достоинства:

> «...Адальберт, – он не был героем, но был весьма ловким и хитрым мужем, – увидев, что венгры атакуют со всех сторон и нет никакой надежды на бегство, сбросил превязь, золотые браслеты и все свое дорогое одеяние и облачился в дешевые одежды своего вассала, чтобы венгры не догадались – кто он» (Лиутпранд Кремонский 2012: 51).

По скандинавским сагам мы знаем, что золотые кольца конунги дарили особо отличившимся дружинникам и скальдам. Вспомним эпизод «Саги о Гуннлауге Змеином Языке», действие которой происходит в начале XI в. при дворе конунга в Дублине. Эпизод начинается с исполнения скальдом хвалебной песни перед правителем, а затем происходит следующая сцена:

> «Конунг поблагодарил его. Он позвал своего казначея и сказал так:
>
> – Какую награду я должен дать за эту хвалебную песнь?
>
> Тот отвечал:
>
> – А как вы думаете, государь?
>
> – Что, если я дам два корабля? – спросил конунг.
>
> – Это будет слишком много, государь, – отвечал казначей. – Другие конунги дают в награду за хвалебную песнь дорогие вещи, ценные мечи или золотые кольца.
>
> Тогда конунг подарил ему свой новый пурпурный наряд – отделанное золотом платье и плащ с дорогим мехом, а также золотое запястье весом в одну марку» (Исландские саги 1956: 39).

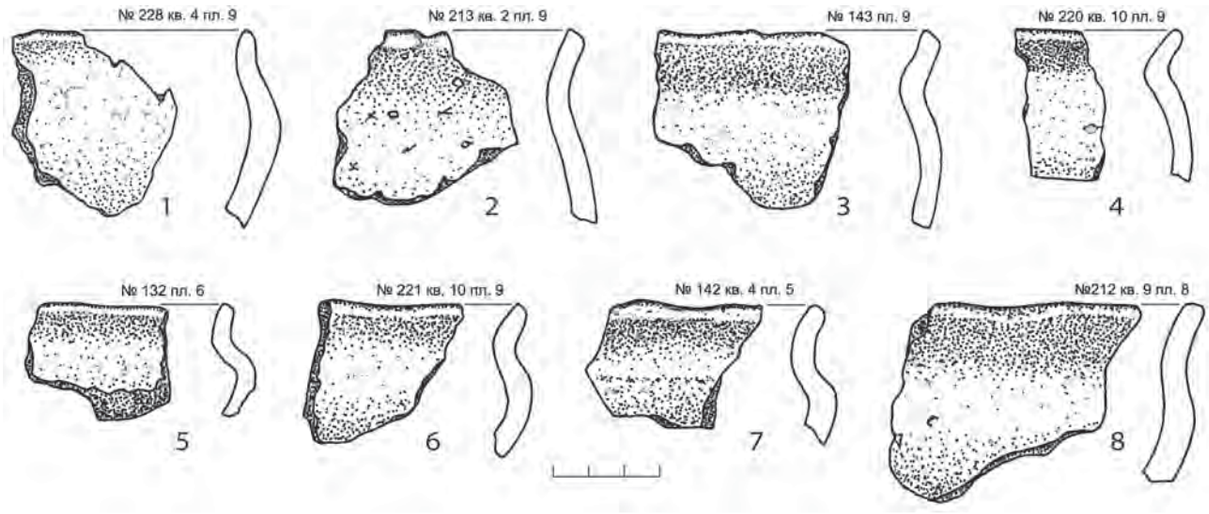


Рис. 70. Полоцк. Мыс Нижнего замка. Лепная керамика из раскопок Д. В. Дука (Дук 2009а)

Уместно вспомнить и про золотую гривну современника Гуннлауга – любимца святого князя Бориса Владимировича отрока Георгия, предательски убитого вместе со своим князем в 1015 г. Этот летописный сюжет также интересен как иллюстрация к археологическим находкам из кладов викингов и руси:

> «И се нападоша, акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша ѝ копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на нем, прободоша с нимь. Бѣ бо сей любимъ Борисомь. Бяше отрокъ сь родомь сынъ угърескъ, именемъ Георги, его же любляше повелику Борисъ; бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, в ней же предъстояше пред нимь. Избиша же и ины отрокы Борисовы многы. Георгиеви же сему не могуще вборзѣ сняти гривны с шиѣ, усѣкнуша главу его и тако сняша гривну, а главу отвергоша прочь; тѣмь же послѣ же не обрѣтоша тѣла сего въ трупии» (ПВЛ 1996: 59).

Конечно, мы не знаем – насколько достоверно описано летописцами убиение князя Бориса и Георгия Угрина.[39] Нам важна не правдивость, а правдоподобие легенды, родившейся в эпоху викингов и записанной на исходе ее людьми, для которых ношение пожалованных шейных гривен было частью окружающей реальности.[40] Гривны издавна использовались восточными славянами. Украшения, которые мы находим в их погребениях и кладах, имеют разного типа замки. Снять такую гривну с мертвеца не представляло особого труда, даже если у мародера не было времени возиться с коченеющим телом. Достаточно было расстегнуть замок и разогнуть концы шейного украшения. Иное дело – некоторые гривны, бывшие в ходу у викингов. Можно предположить, что оказавшаяся (неважно – в реальности или в воображении алчных дружинников) на шее отрока Георгия золотая гривна относилась именно к украшениям скандинавского типа, т. е. не застегивалась, а завязывалась сзади двойным узлом. Второпях сорвать подобную гривну с трупа действительно непросто. Вдобавок не исключено, что престижное украшение могло надеваться однажды, завязываться на теле и носиться постоянно. Снять такую гривну, не повредив, можно только очень аккуратно расплетя золотую проволоку. Сделать это на поле боя трудно. Именно эти понятные современнику детали, возможно, и остались в устных рассказах о кончине святых угодников. Повествование о судьбе Георгия Угрина (видимо, мадьяра по крови) важно нам еще и потому, что не дает забыть о простой вещи: хотя появление завязанных дротовых, витых и плетеных золотых колец связано с культурой Скандинавии, в Восточной Европе носить эти украшения могли люди самого разного этнического происхождения.

Золотые украшения играли большую роль в обрядовой языческой жизни представителей высшей социальной страты Руси. Наряду с оружием и щитами драгоценный металл дважды фигурирует в летописных описаниях приносимых русами клятв («рот»), сопровождавших заключение русско-византийских дипломатических договоров. Первое их упоминание относится к 944 г., когда прибывшие из Константинополя в Киев русские и греческие должностные лица повторно (после «роты» в столице Империи)

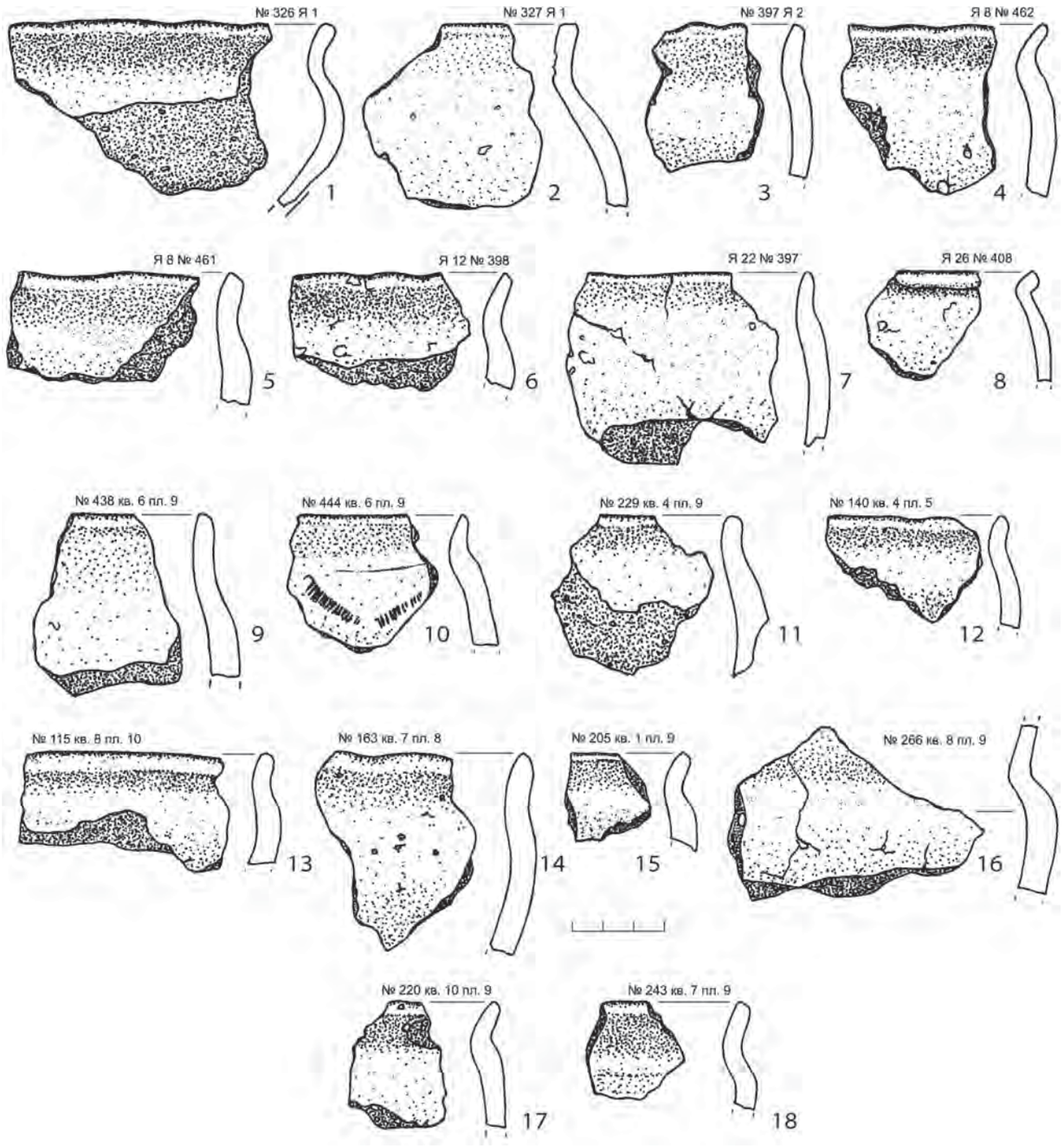


Рис. 71. Полоцк. Мыс Нижнего замка. Лепная керамика из раскопок Д. В. Дука (Дук 2009а)

для подтверждения договора приносят клятву с участием самого князя Игоря (здесь и далее в цитатах выделяются ключевые для обсуждаемой темы фрагменты текста):

> «Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, и **покладоша оружье свое, и щиты, и золото**, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь водиша ротѣ в церкви святого Ильи...» (ПВЛ 1996: 26).

Речь здесь идет, очевидно, о тех золотых предметах, которые служили воинам магическими оберегами, – о кольцах (браслетах и, может быть, гривнах). Есть все основания полагать, что и в описании первой клятвы, принесенной русскими послами в Константинополе в 944 г., под упомянутыми летописью «обручами», которые полагалось по русскому обычаю снять с себя во время обряда, подразумеваются золотые браслеты, подобные украшениям из полоцкого или киевских кладов:

> «А некрещеная Русь полагають **щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и прочаа оружья**, да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатьи сей, хранити от Игоря и от всѣхъ боляръ и от всѣх людий от страны Руския въ прочая лѣта и воину» (ПВЛ 1996: 26).

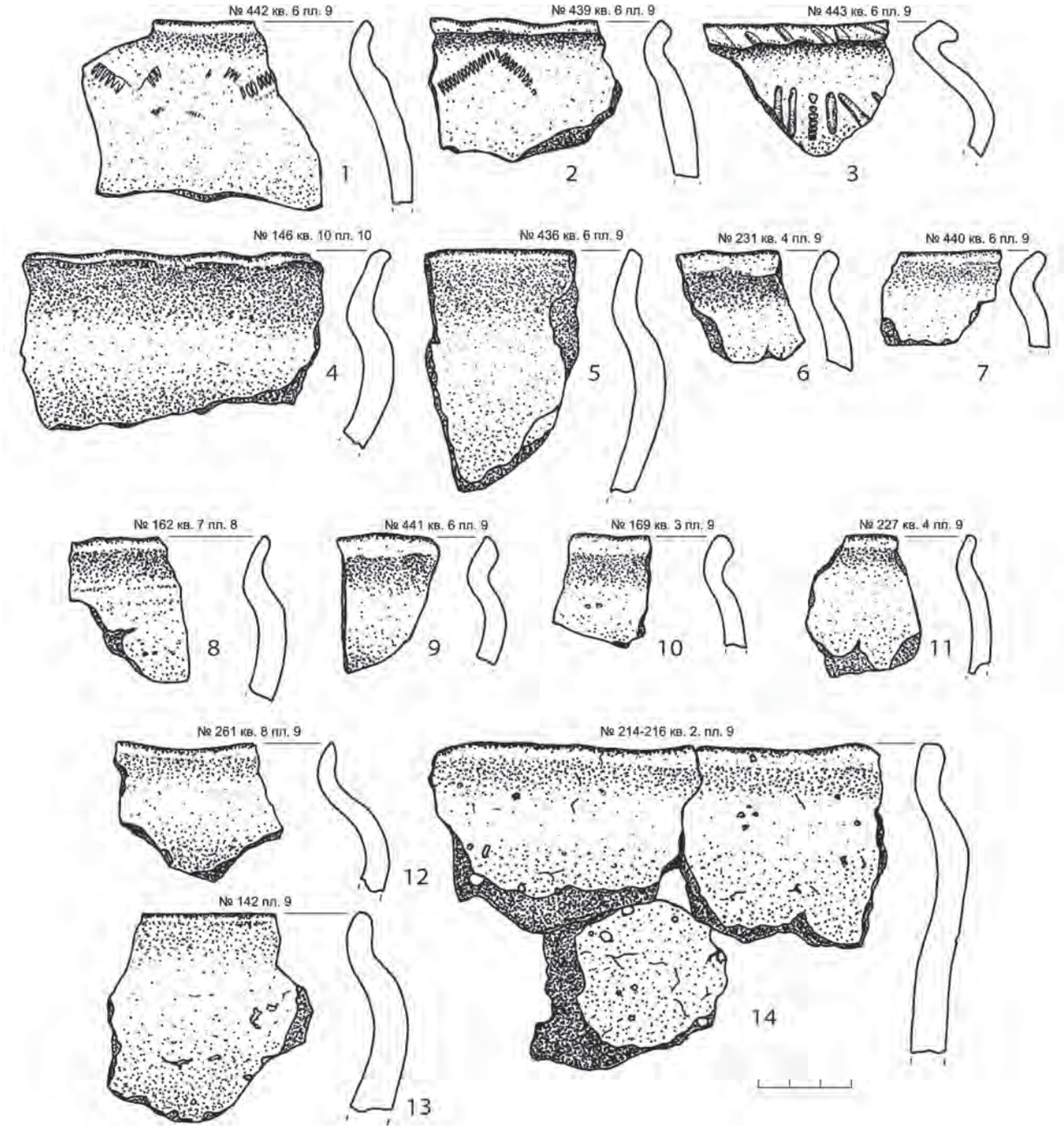


Рис. 72. Полоцк. Мыс Нижнего замка. Лепная керамика из раскопок Д. В. Дука (Дук 2008)

Но утверждать это с полной уверенностью мы, разумеется, не можем – ведь о материале, из которого изготовлены «обручи»-браслеты, в летописи на этот раз ничего не сказано прямо.[41] Еще более интересно для нашей темы описание клятвы, данной Святославом Игоревичем в подтверждение договора 971 г.:

> «Яко же кляхъся ко царемъ гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая съвѣщанья. Аще ли от тѣхъ самѣхъ прежреченыхъ не съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣем клятву от бога, въ его же вѣруемъ – в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и **да будемъ колоти** (в издании 1996 г. исправлено по Радз. на «золоти». – *И. Е.*)**, яко золото, и своимъ оружьем да исъчени будемъ**» (ПВЛ 1996: 34, 35).

Мы не будем затрагивать спорный вопрос о достоверности летописного описания ратификации договора в Киеве. Ближе к истине, вероятно, те исследователи, которые сомневаются в отнесении ее к реалиям X в. Восприятие социальных и сакральных функций драгоценных гривен и браслетов, конечно, не могло не измениться с распространением христианства, но мы знаем, что в начале XII в. они по-прежнему были в ходу на Руси. Важ-

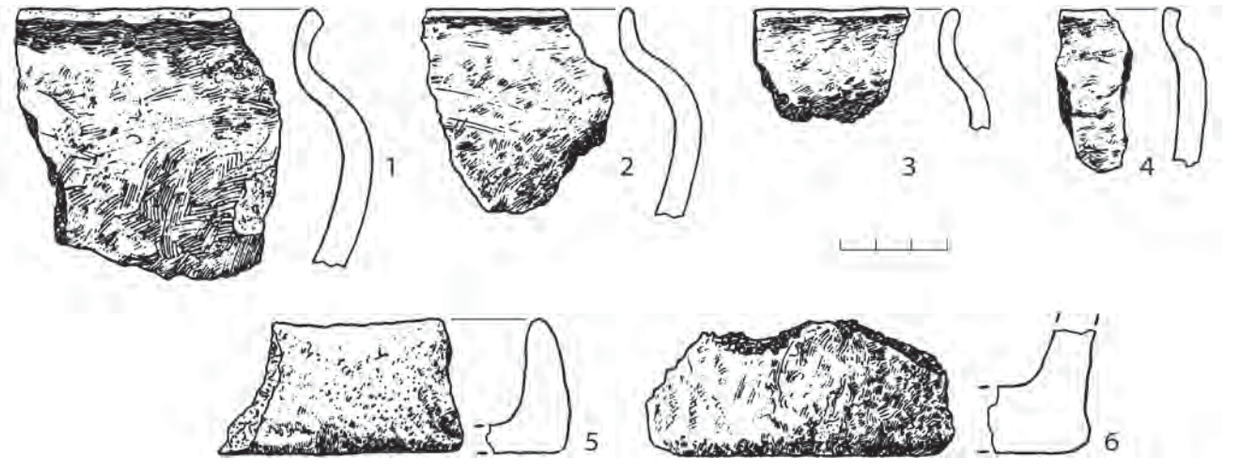


Рис. 73. Полоцк. Мыс Нижнего замка. Лепная керамика из раскопок С. В. Тарасова (Тарасаў 2001)

нее для нас другое. Проблеме реконструкции смысла клятвы Святослава посвящена специальная работа А. М. Введенского, опубликованная в 2006 г. Вопрос сводится к следующему. Лаврентьевская летопись, единственный из всех известных списков ПВЛ, в котором интересующий нас фрагмент читается как *да будем колоти, яко золото*. Издателями текстов не вполне понятная фраза Лавр. традиционно правилась по другим спискам ПВЛ, где клятва Святослава содержит формулировку *золоти яко золото* (ПВЛ 1996: 134; Введенский 2006: 921–922). Вопрос о том, какое из написаний следует считать правильным, вызвал интереснейшую дискуссию, длящуюся уже не первое столетие (Введенский 2006, там литература). Суть вопроса такова.

Большинством исследователей (Н. М. Карамзин, А. А. Зимин, С. М. Каштанов) написание *колоти* считалось результатом ошибки переписчика. Объяснение смысла этой фразы требовало от историков изрядной изобретательности, которая воплотилась во множестве трактовок – вплоть до предположения о том, что формула клятвы грозит отступникам болезнью желтухой (Каштанов 1996а: 25).

Иное исследовательское направление (И. И. Срезневский, В. М. Истрин, О. В. Творогов, А. М. Введенский) склонялось к предположению о том, что правильным следует считать вариант написания клятвы из Лаврентьевского списка (см., например, ПВЛ 1997: 122–123). Убедительного «практического» объяснения формулировке клятвы эта группа авторов также не выдвинула. Ближе всех, на мой взгляд, к истине подошел О. В. Творогов, полагая, что «речь идет о каком-то ритуальном обряде “прокалывания золота”» (Творогов 1997: 501).

У археолога, хорошо знакомого с практикой использования на Руси и в Скандинавии золотых украшений, возникает вопрос: не следует ли нам действие *колоти золото* воспринимать буквально в смысле «разрубать», «раскалывать» золото?[42] Ведь, сопоставив формулировки всех клятв, можно догадываться, что речь идет именно о золотых кольцах – браслетах и, вероятно, гривнах. Представителями дружинной верхушки они носились на теле и играли роль оберегов, приравниваясь к защитному вооружению. Эти украшения, как и щиты, положено было слагать с себя на время принесения клятвы. В том, что киевский князь и высокопоставленные члены его свиты, расплачиваясь с приближенными, за свою жизнь разрубали (*кололи*) множество золотых колец – не может быть никаких сомнений. Вряд ли следует сомневаться и в том, что в представлениях русов-язычников, превращаясь в обычное средство платежа, расколотое, потерявшее свою целостность кольцо теряло и свою охранительную силу, как бы умирало. Не говорит ли нам клятва Святослава о том, что в языческом мифологическом сознании руси образу «изсеченного», расчлененного мечом мертвого тела соответствовал образ *колотого*, рассеченного «обруча»-оберега, потерявшего свои магические свойства? Не нашел ли этот дружинный мифологический образ отражения и в клятвенном ритуале? Святослав и его окружение, как мне кажется, зарекаются быть расколотыми, разрубленными, как свои золотые запястья или гривны.

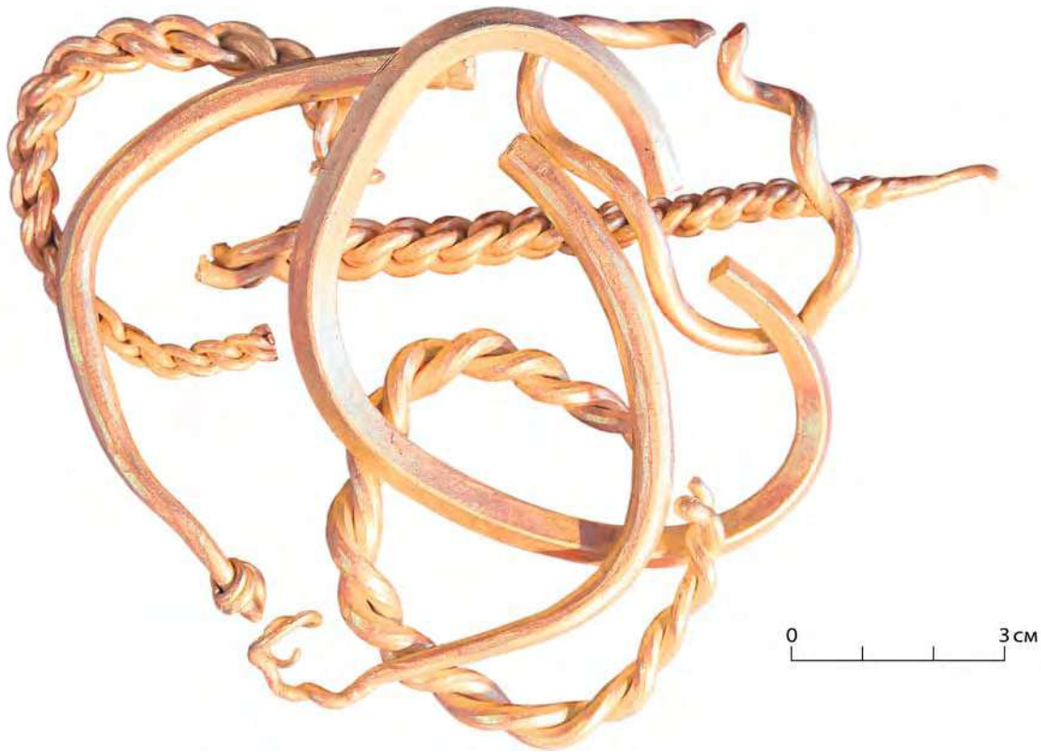


Рис. 74. Полоцкий клад 1984 г. Полоцкий музей-заповедник, КП 3-817-822

Независимо от того, верна эта догадка или нет, приведенные выше примеры дают нам некоторое представление о роли золота в социально-политической и религиозной жизни Древней Руси X–XI вв. и позволяют шире взглянуть на значение драгоценного клада для понимания ранней истории Полоцка. Но пора вернуться к самому кладу. Очерченный исторический материал, при всей спорности его трактовок, свидетельствует, что перед нами изделия исключительной ценности, принадлежавшие представителю местной социальной элиты, возможно, связанному с княжеским окружением. Вещи подобного ранга редко попадаются в культурных слоях поселений. Находка сразу ставит Полоцк в один ряд с крупнейшими городами Северной Европы, такими, например, как Дорестад, в котором найден золотой плетеный браслет типа «Полоцк № 6» (Willemsen 2004: 110–111). Полоцкая казна активно использовалась как средство платежа, и ко времени своего захоронения украшения оказались уже сильно фрагментированы. Вообще, судя по тому, что подобные браслеты нечасто клали в погребения, они служили в основном для денежных расчетов. Когда их владельцу требовалось расплатиться, кольца безжалостно разрубались на куски (поэтому нередко они представляют довольно грубые изделия). В Скандинавии широко известны, например, находки браслетов типа «Полоцк № 2», унизанных мелкими колечками – совсем как кошелек с крупными монетами и разменной мелочью. Кстати, на берегах Западной Двины тоже известна подобная находка (правда, из серебра) – из ливского могильника Саласпилс Лаукскола (Salaspils Laukskola), из погребения 359, датирующегося автором раскопок концом X в. (Zariņa 1992: 175; Abb. 2) (рис. 81). В дальнейшем эта датировка может быть принята как дополнительная информация в попытках определиться с датой сокрытия полоцкого клада.

Датировка клада представляет сложности в силу простоты входивших в состав его изделий и их популярности. Кроме того, нужно учитывать, что массивные золотые украшения могли храниться в семейных кладовых очень долго. Конечно, клад из Полоцка следует рассматривать в контексте огромного количества сокровищ, разбросанных по всей Европе: от Великобритании, Норвегии и Нидерландов до Поволжья, – что представляет отдельную задачу, далеко выходящую за рамки данной работы. Поэтому мы ограничимся самыми общими замечаниями. Если бы только контекст уникальной находки удалось вовремя зафиксировать! Даже один фрагмент керамики,

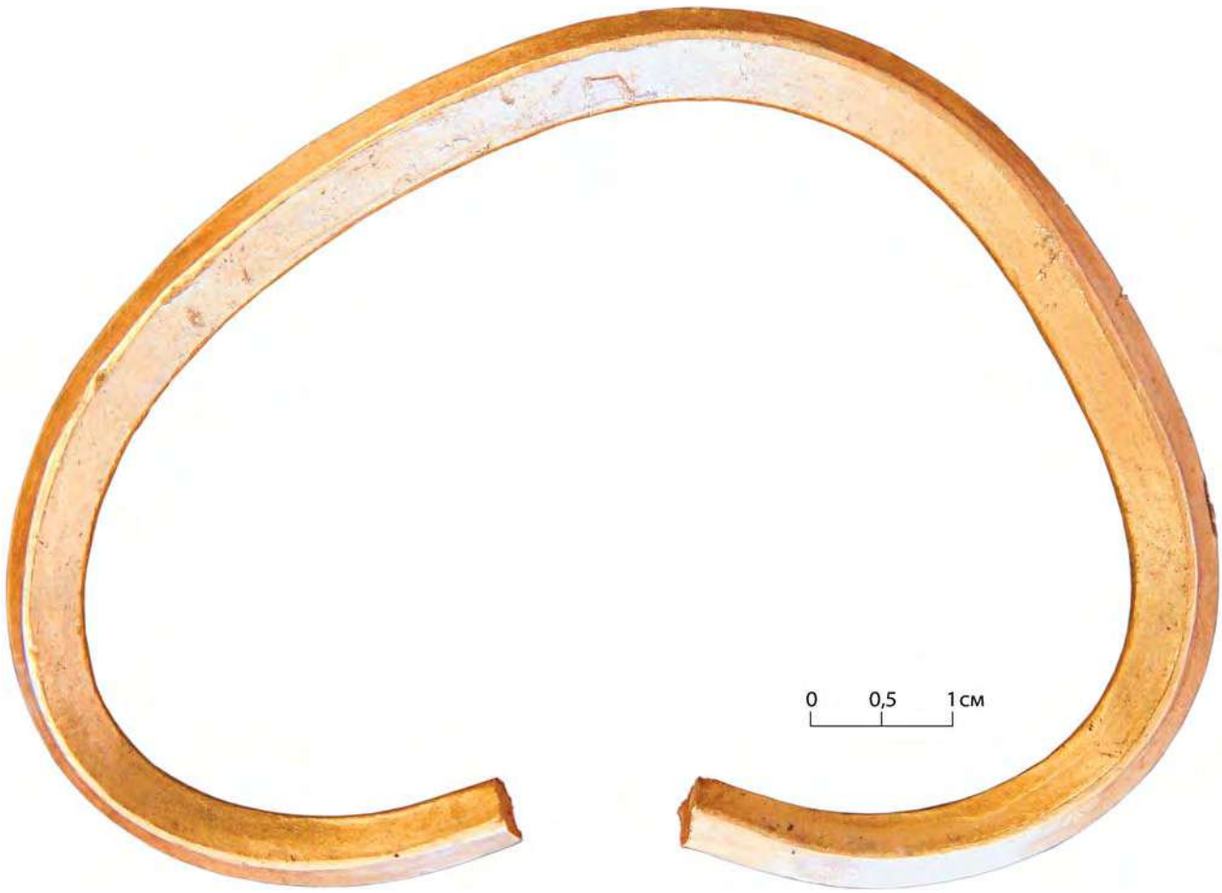


Рис. 75. Браслет «Полоцк № 1»



Рис. 76. Браслет «Полоцк № 2»



Рис. 76а. Браслет «Полоцк № 2». Фрагмент

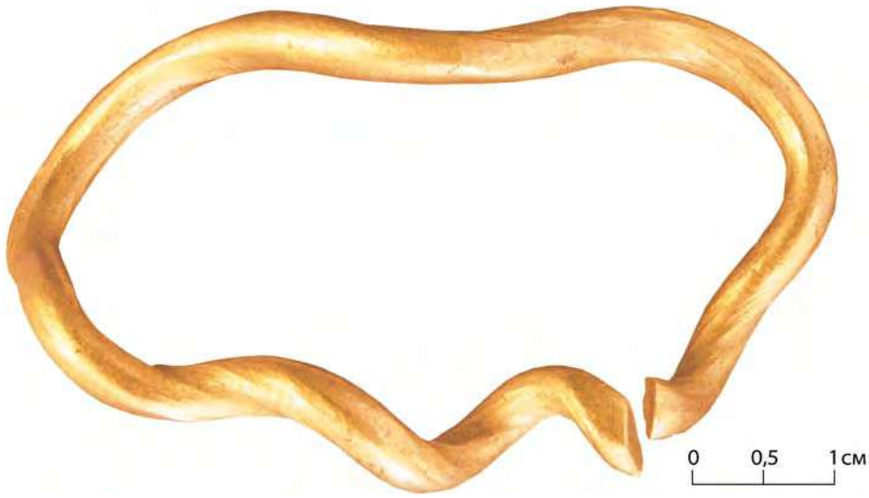


Рис. 77. Браслет «Полоцк № 3»



Рис. 78. Браслет «Полоцк № 4»

найденный *вместе* с украшениями и опубликованный, мог бы разрешить наши сомнения в датировке… К сожалению, возможность эта оказалась упущена. В нашем распоряжении имеется лишь информация о том, что место находки клада перекрывал слой, «в котором обнаружена раннекруговая керамика X–XI вв.» (Штыхов 1986).

Специалисты уже отмечали, что комплекс драгоценностей с полоцкого Нижнего замка обнаруживает сходство с киевским золотым кладом № 13 из усадьбы И. А. Сикорского, датируемым по своей монетной части 905/906 г. (Корзухина 1954: 83, табл. V) или 906/907 г. **(**Пахомов 1938: 70–71 (№ 612)**)**. Столь ранняя хронологическая привязка когда-то вызвала сомнения у Г. Ф. Корзухиной, которая отнесла клад № 13 все же ко второй половине X в. Еще один киевский клад (1851 г.), содержавший два золотых браслета типа «Полоцк № 5», включал большое количество (2–3 тысячи) арабских монет. Младшая из 150 определенных монет датируется 905/906 г. (Корзухина 1954: 83). Конечно, в данном случае полной уверенно-



Рис. 79. Браслет «Полоцк № 5»

сти в том, что среди определенных дирхемов действительно оказался самый младший, быть не может. Но все же дата, которую дают монеты из усадьбы профессора Сикорского, получает некоторое подтверждение и вовсе не представляется уже фантастической.[43]

Рассуждая о происхождении полоцкого золотого клада, мы уже обращались к событиям, имевшим место в норманнском Дублине. Перенесемся в Англию еще раз. Обратим внимание на знаменитый сорокакилограммовый клад из Куэрдаля (Ланкашир) (Cuerdale, Lancashire, England) – крупнейшую в Британии казну эпохи викингов. Она содержит предметы, аналогичные вещам полоцкого клада («Полоцк № 1–6»), но выполненные из серебра (Viking Antiquities 1940a: fig. 9–12; Graham-Campbell 1980: cat. 301). Денежная часть клада (не менее 7000 монет) первоначально дала дату 903±2 г. (Graham-Campbell 1980: 87). Затем датировка была уточнена, и в настоящее время принято относить время сокрытия этого клада к 905–910 гг. (Ager 2011: 132, там литература). И это отнюдь не предел, до которого можно удревнить интересующие нас типы украшений. Вспомним хотя бы, что самая ранняя находка в Полоцкой земле браслета типа «Полоцк № 1» по монетам Брилевского клада датируется началом 890-х гг. Но и это не край – в Нидерландах известен клад (Westerklief I), в состав которого входили фрагменты кольца типа «Полоцк № 5» и браслет типа «Полоцк № 6», восточные и западноевропейские монеты, причем младшая из них выбита около 850 г. (Willemsen 2004: 138, 139). Правда, украшения, найденные в Вестерклиф, тоже выполнены из серебра, но что, кроме фантазии заказчика и отсутствия сырья, могло помешать ювелиру выполнить их в золоте?

Перемещаясь вниз по хронологической шкале интересующих нас изделий, мы завершаем движение на знаменитом кладе из Хоен (Hoen) в юго-восточной Норвегии. В состав его входили золотые (!) браслеты типа «Полоцк № 2», «Полоцк № 5» и «Полоцк № 4». В ожерелье, бывшем в кладе, находились монеты, младшие из которых – динар, выбитый в Мерве в 848/849 г., и византийский солид Михаила III, чеканенный в Константинополе в 843–856 гг. (The Hoen Hoard 2006: 263, 272, 273). Разумеется, монеты могли оказаться в украшении и значительно позднее даты чеканки, поэтому датировка клада временем, более узким, нежели вторая половина IX в., будет слишком рискованной (Wilson 2006: 16).



Рис. 80. Браслет (гривна?) «Полоцк № 6»



Рис. 80а. Браслет (гривна?) «Полоцк № 6». Фрагмент

Теперь отправимся в противоположную сторону по временной шкале. С другой стороны, по данным Джеймса Грэхем-Кэмпбэла, на Британских островах только один золотой браслет, который может быть сопоставлен с типом «Полоцк № 5», найден в составе клада, содержавшего монеты (Дуглас, остров Мэн – Douglas, Isle of Man) (Viking Antiquities 1940: 51, fig. 19; Graham-Campbell 1983: 641).[44] Младшая из них выбита в 975 г. (Graham-Campbell 1983: 641).

Многочисленные параллели полоцкой находке можно отыскать в Швеции, в частности, в южных ее областях и на Готланде. Если ориентироваться на присутствие золота, то среди опубликованных кладов Южной Швеции полоцкому сокровищу окажется наиболее близок по составу клад из Укснарум (Gem. Listerby, Yxnarum, Blekinge). В его состав входил золотой браслет, скрученный из двух круглых в сечении дротов. Остальные предметы из серебра: браслет из круглого дрота с суженными завязанными концами, спиральный браслет из четырехгранного дрота, браслет с завязанными концами, свитый из дротов, витая гривна и круглая фибула. Монетная часть клада датируется 955 г. (Hårdh 1976: 21).

Подыскивая комплексы, родственные полоцкому сокровищу, в центральных областях Швеции, нельзя не упомянуть еще один знаменитый клад – из Эриксторпа (Эстеръётланд, приход Эдесхёг – Erikstorp, Ödeshög sn., Östergötland). Этот клад, один из крупнейших в Швеции, содержал семь золотых браслетов: шесть витых из двух дротов (круглых и граненых в сечении) и один из четырехугольного в сечении дрота, золотую пластину круглой фибулы, две прямоугольные серебряные фибулы, серебряные цепи и позолоченный молоточек Тора (Willemsen 2004: 137). В данном случае перед нами не просто клад, а набор украшений в составе традиционного скандинавского женского костюма. Клад важен наличием монетной составляющей. Из 330 монет (в основном – куфических) младшая датируется 956/957 г. (Наследие варягов 1996: 51).

Мартин Стэнбергер в своем каталоге готландских кладов фиксирует находки 20 различных по конструкции браслетов из золо-

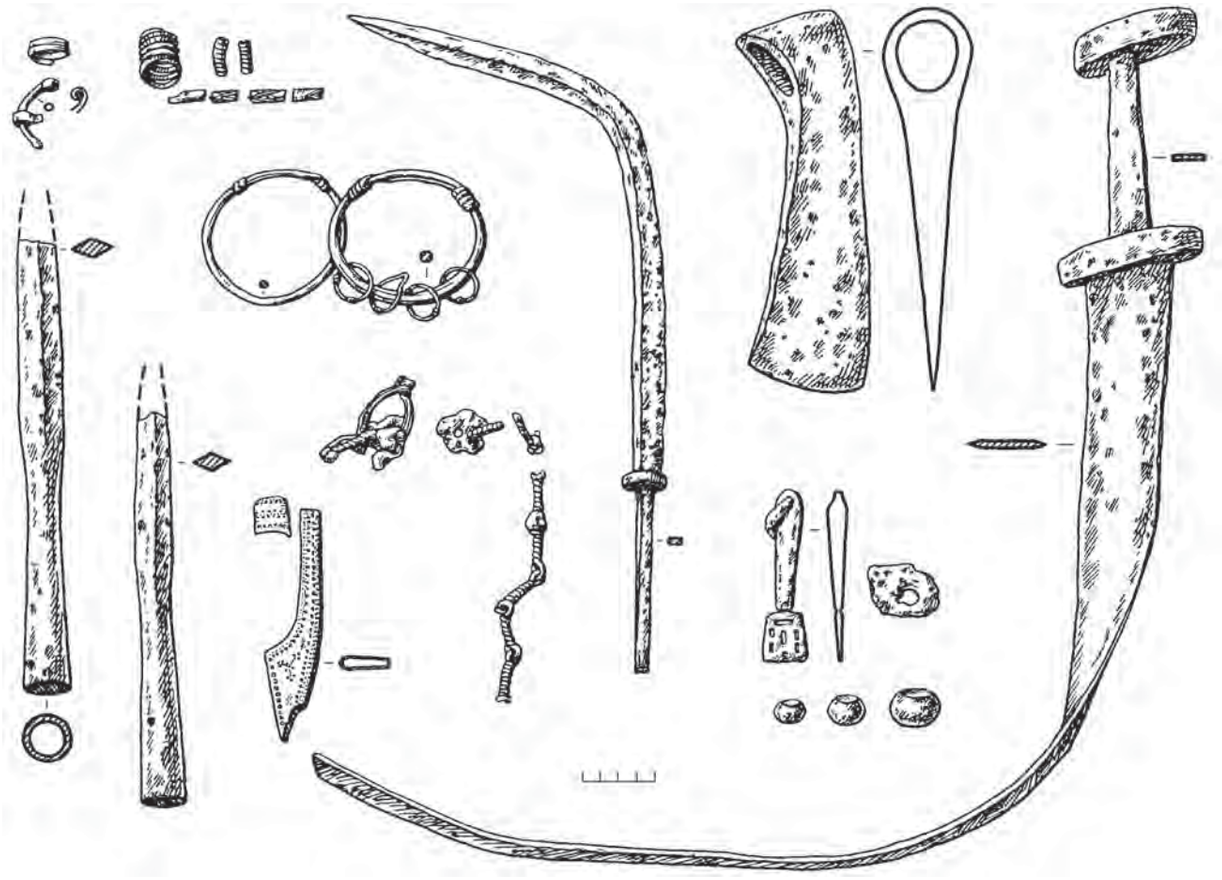


Рис. 81. Комплекс из погребения 359 могильника Саласпилс Лаукскола (Zariņa 1992)

того дрота в 11 пунктах.[45] Самый большой из золотых кладов – находка № 242 в Норргорде (Norrgårda, Hamra ksp.) (Stenberger 1947: 96, Abb. 70: 1–3; 72). Клад содержал две или три пары золотых браслетов – два из массивного одинарного дрота (типа «Полоцк № 2») и два витых из 2 дротов (типа «Полоцк № 5»).[46] Это одна из ближайших (в географическом смысле) аналогий полоцкому кладу, к сожалению, как и он – точно не датируемая. Из кладов, учтенных М. Стэнбергером, только один, содержавший два золотых браслета (типа «Полоцк № 2» и «Полоцк № 6»), имел в своем составе монеты – комплекс № 569 из Сёдра Бруммет (Södra Brummet, Viklau ksp.). По нумизматическим данным этот клад зарыт около 1050 г. (Stenberger 1947: 230).

Множество аналогий изделиям полоцкого клада можно найти и в кладах серебра первой половины XI в. В какой степени при датировании вещи важен вопрос – из какого металла изготовил мастер свое украшение? Похоже, что однотипные предметы начали сначала изготавливать из серебра, а затем из золота.



Рис. 82. Фигурка воина с витой гривной из Даугмале (Radiņš, Zemītis 1992)

Но есть сомнения, что это можно доказать на археологическом материале и надежно привязать к хронологической шкале. На какой же датировке следует остановиться? Уверенно ответить на эти вопросы мы пока не можем, следует, видимо, использовать косвенные данные.

Как отмечает Н. В. Ениосова, приток золота на Русь в X–XI вв., за единичными исключениями, ограничивается южными областями, что объясняется тесными контактами киевских русов с Византией (Ениосова 2007: 314; Eniosova 2007a: 178). Действительно, большин-

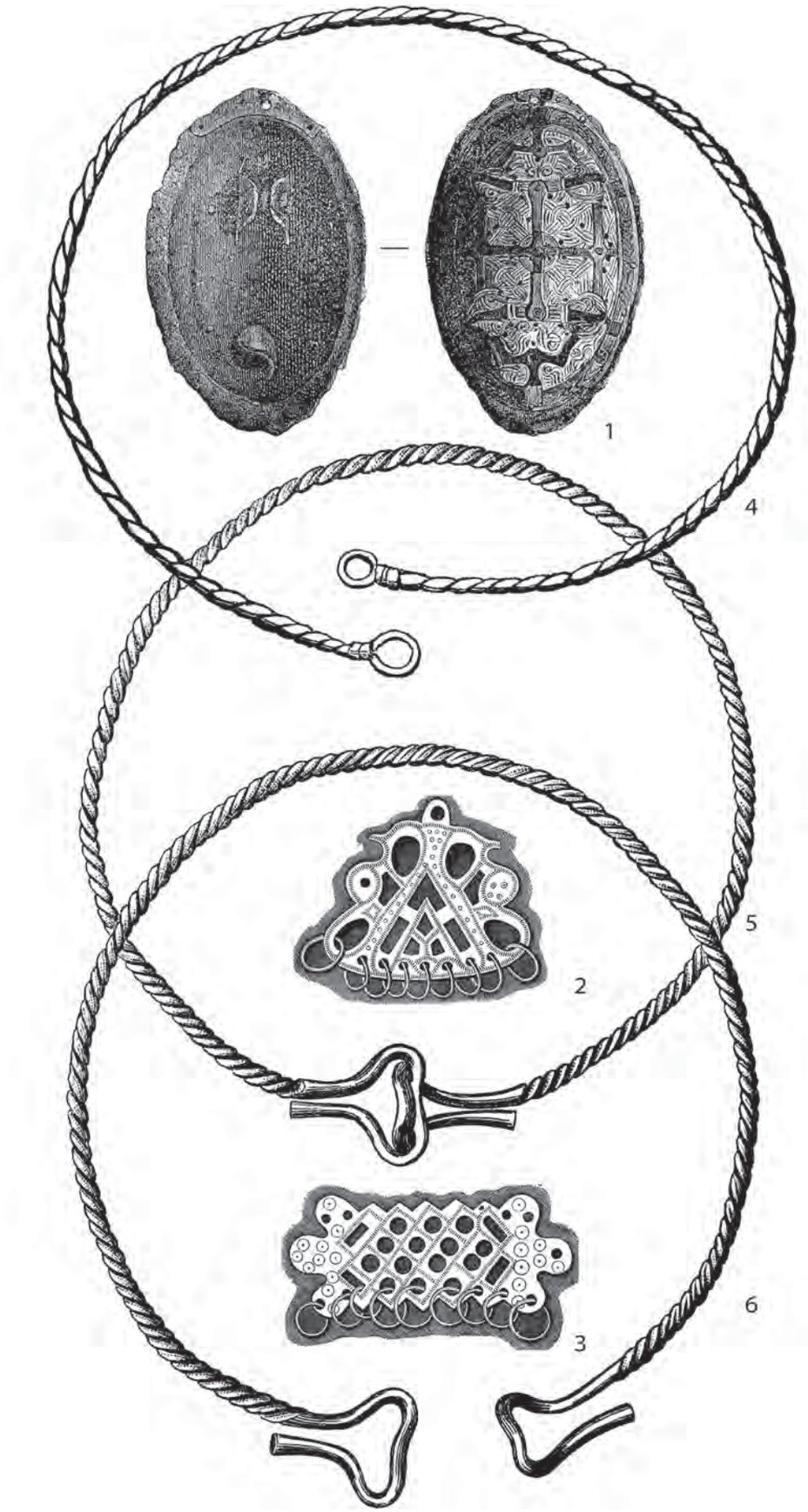


Рис. 83. Вещи из погребения, найденного в 1862 г. в Динабурге (Сементовский 1867; 1890). 1 – фибула; 2, 3 – цепедержатели; 4–5 – шейные гривны. Без масштаба. Бронза

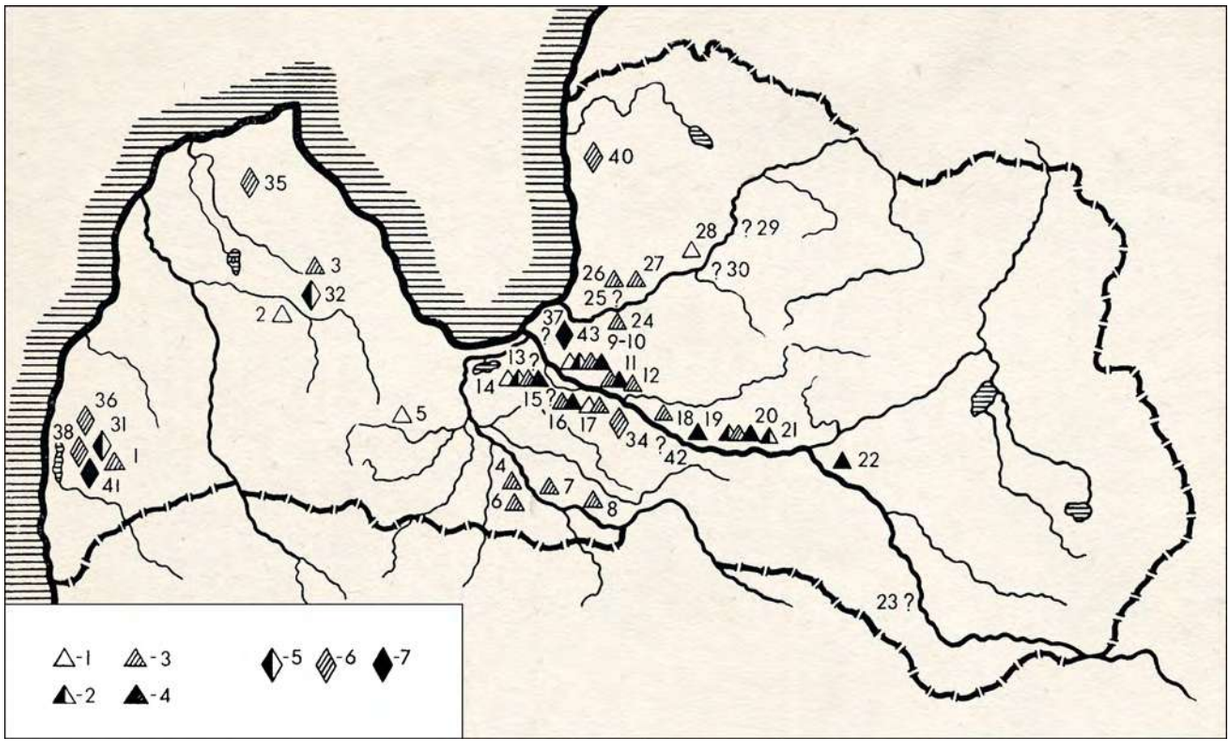


Рис. 84. Находки куфических монет в нижнем течении Западной Двины (Берга 1988: рис. 6). *Памятники:* 1 – Бункас; 2 – Сабилес-Криевукапи; 3 – Талси; 4 – Яунсвирлаукас-Циемалде; 5 – Добелес-Шкерстайни; 6 – Межотне; 7 – Центр Межотне; 8 – Яунсаулес-Силини; 9 – Саласпилс-Лаукскола (могильник); 10 – Саласпилс-Лаукскола (поселение); 11 – Саласпилс-Липши; 12 – Икшкилес-Зарини; 13 – Вецдоле; 14 – Долес-Вампениеши I; 15 – Долес-Вампениеши II; 16 – Балдонес-Лаури; 17 – Даугмале; 18 – Огресгала-Лиелпечи; 19 – Скриверу-Лиелрутули; 20 – Скриверу-Айзкраукле; 21 – Леясжагари; 22 – Асоте; 23 – Дигная; 24 – Аллажу-Сакнитес; 25 – Турайдас-Путели; 26 – могильник у Кримулдской церкви; 27 – Кримулдас-Таленс; 28 – Лиелстраупес-Пурицас; 29 – Драбешу-Лиепиняс; 30 – Приекулю-Кампи. *Клады:* 31 – Гробиняс-Ильги; 32 – Либагу-Сарайи; 33 – Видземский; 34 – Навессала I и II; 35 – Дундагас-Канькуми; 36 – Гробиняс-Кушки; 37 – Рига; 38 – Гробиня; 39 – Резвова (восточная часть Латвии); 40 – Унгены; 41 – около Гробини; 42 – Беркава; 43 – около Риги. *Условные обозначения:* 1 – находки дирхемов I периода обращения (начало IX в. – 825 г.) в археологических памятниках; 2 – находки дирхемов II периода обращения (825–905 гг.) в археологических памятниках; 3 – находки дирхемов III периода обращения (905–960 гг.) в археологических памятниках; 4 – находки дирхемов IV периода обращения (960 г. – начало XI в.) в археологических памятниках; 5 – клады II периода; 6 – клады III периода; 7 – клады IV периода; ? – хронология памятника неизвестна

ство летописных упоминаний о золоте в эпоху Олега–Владимира связано с византийским контекстом. Золото привозилось на Русь, вероятно, в первую очередь в виде дорогих подарков, что обеспечивало его обращение преимущественно среди высших слоев аристократии, для которой оно являлось воплощением политической и сакральной власти (вспомним о договоре с Византией 945 г., где оговаривалось наличие у княжеских послов золотых печатей, а у прочих «гостей» – серебряных). В связи с золотым кладом нельзя не упомянуть еще одну уникальную для Полоцка находку. Из предматерикового культурного слоя Верхнего замка происходит медная византийская монета – фоллис Романа I Лакапина (919–944 гг.) (Штыхов 1978: 26, рис. 8; Рябцевич 2000: 67). Такие монеты не имели цены за пределами Империи и привозились на Русь большей частью, вероятно, случайно, достаточно быстро попадая в разряд дешевых украшений или поступая в переплавку. Это самое раннее свидетельство связей Полоцка с Южной Русью и с Византийской империей.[47] Разумеется, в Скандинавию золото поступало не только через Русь. Поэтому в случае, если мы допускаем западное происхождение украшений из Полоцка, их датировка может быть опущена, но не ниже той хронологической границы, от которой мы ведем отсчет вывозу по Даугаве на Балтику арабского серебра.

Суммируя все наблюдения, следует согласиться с датировкой, предложенной Г. В. Штыховым (Штыхов 1986), и предположить, что полоцкий золотой клад следует датировать примерно тем отрезком времени, в которое

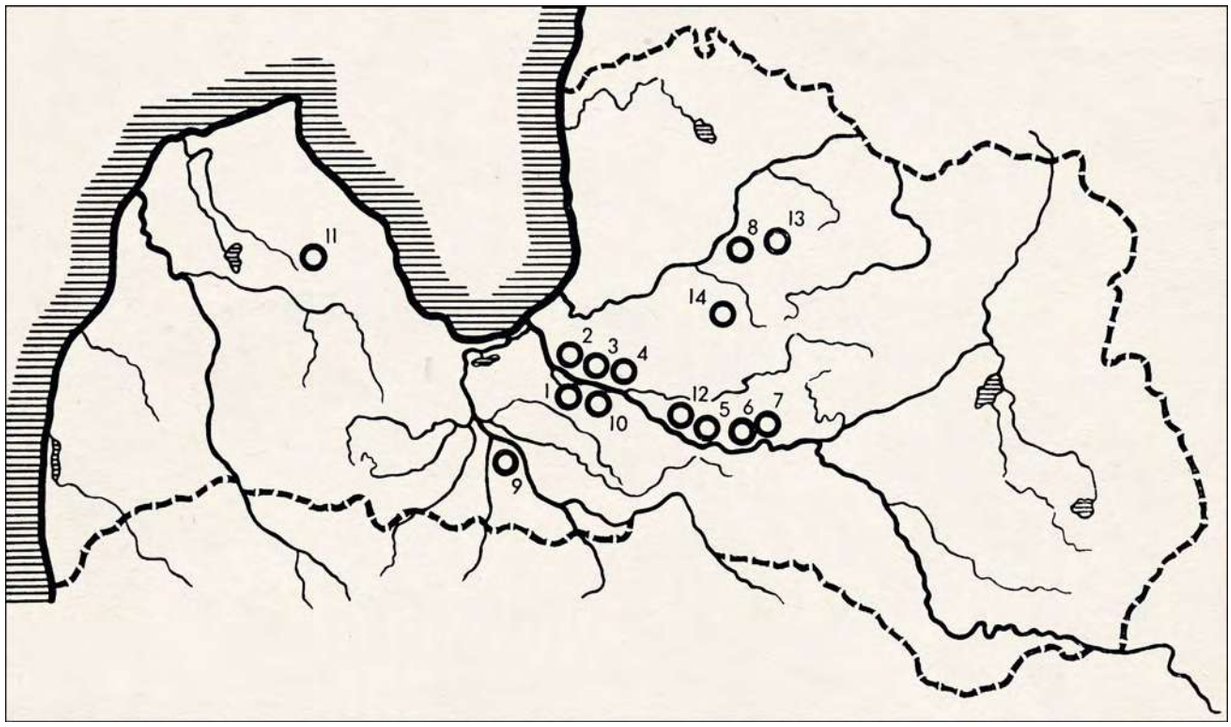


Рис. 85. Находки византийских монет в нижнем течении Западной Двины (Берга 1988: рис. 17).
1 – Долес-Вампениеши I; 2 – Саласпилс-Лаукскола; 3 – Икшкилес-Румули; 4 – Саласпилс-Липши; 5 – Скриверу-Лиелрутули; 6 – Скриверу-Айзкраукле; 7 – Леясжагари; 8 – Цесисский могильник у ж.-д. станции; 9 – Яунсвирлаукас-Видучи; 10 – Даугмале; 11 – Талси; 12 – Скривери; 13 – берег р. Рауны; 14 – Нитаурес-Тевиниены

укладывается находка фоллиса Романа I (не стоит забывать, что археологический контекст Верхнего замка делает сомнительной возможность выпадения его в слой ранее середины X в.) и клады в Козьянках и Струни, т. е. второй–третьей четвертью X в., причем вторая четверть – крайне сомнительна. Возможно, дальнейшие исследования помогут откорректировать предполагаемую датировку.

Именно в это время наблюдаются и более определенные следы скандинавского присутствия в низовьях Даугавы (Мугуревич 1965: 83–85; Radiņš 2006: 85; Радиньш 2003: 157; 2010: 283). Свидетельством этого, в частности, является значительное количество найденных здесь в женских погребениях скандинавских овальных фибул, типичных для X в. (Jansson 1992: 62, fig. 1; Спиргис 2009: 35).[48] Со второй половины X в. украшения и оружие, говорящие о присутствии скандинавов, фиксируются на землях земгалов к югу от устья Даугавы (Atgāzis 1992: fig. 6; The Semigallians 2005: 154–158).

Следы норманнского движения на восток появляются теперь и в восточной части латвийского течения Западной Двины. Украшения и оружие североевропейских типов начинают встречаться в латгальских могильниках (Латгалы 1999: 21–22; Радиньш 2001: 104; Radiņš 1999: 2. att.; Вилцане 2008: 329–330). К X в. относится знаменитое погребение с фибулами типа P52E из Динабурга (Даугавпилса), впервые описанное А. М. Сементовским (Jansson 1992: 66–67) (рис. 83). Этот могильник остается пока ближайшим к Полоцку пунктом на Даугаве, где фиксируются такие яркие элементы скандинавской культуры, хотя погребенная в Динабурге женщина имела, конечно, местное происхождение. Очевидно, только в этот период Западно-Двинский путь начинает активно функционировать. В нумизматическом материале это событие отражает сокрытие самого раннего (младшая монета выбита в 913/914 г.) из куфических кладов низовьев Даугавы – в Навессале (Кропоткин 1971: 94; Берга 1988: 27–29; Радиньш 2003: 157).

Если скандинавские находки указывают на повышение в середине X в. культурной и экономической «проницаемости» латгальской территории с запада, то распространение курганного обряда погребения в восточной части Латгалии (Рыков 1917: 37–44; Радиньш 1987: 81; 2001: рис. 2) свидетельствует об одно-

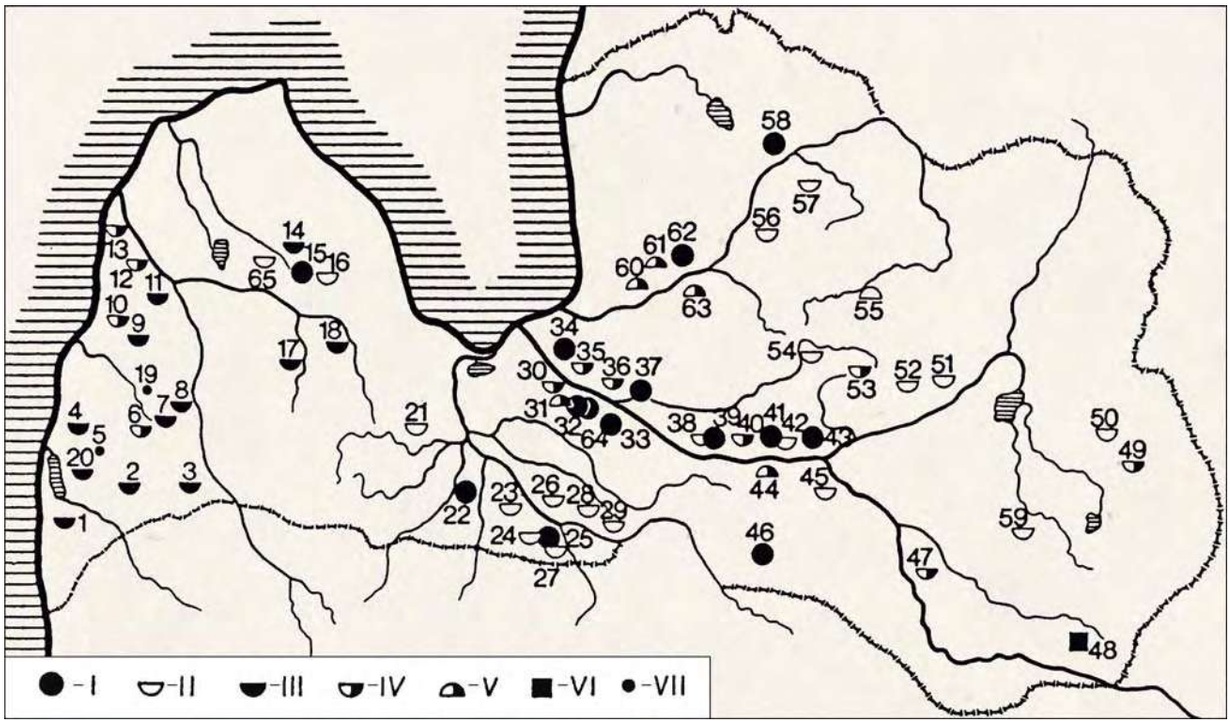


Рис. 86. Находки весов для взвешивания серебра и их деталей в нижнем течении Западной Двины (Berga 1992). 1 – Niča; 2 – Purmsātu Dzērves; 3 – Gramzdes Dārznieki; 4 – Medzes Strautiņi; 5 – Durbe; 6 – Durbes Dīri; 7 – Kazdangas Roņi; 8 – Raņķu Kapenieki; 9 – Alsungas Kaktiņi; 10 – Alsungas Kalniņi; 11 – Lielīvande; 12 – Piltenes Pasilciems; 13 – Užavas Silmalciems; 14 – Vilkumuižas ezers; 15 – Talsi; 16 – Lībagu Ķīli; 17 – Matkule; 18 – Pūres Zviedri; 19 – Kazdangas Aizputes; 20 – Stroki; 21 – Baļi-Škēstaiņi; 22 – Tērvete; 23 – Jaunsvirlauskas Ciemalde; 24 – Mežotne; [25 – в оригинальной публикации (Berga 1992: Abb. 2) пропущено. – *И. Е.*]; 26 – Mežotnes centrs; 27 – Ceraukstes Podiņi; 28 – Čunkāni-Dreņģeri; 29 – Vecsaules Čapāņi; 30 – Doles Vampenieši I; 31 – Doles Vampenieši II; 32 – Mārtiņsala; 33 – Daugmale; 34 – Rīga; 35 – Salaspils Vējstūri; 36 – Salaspils Laukskola; 37 – Ikšķile; 38 – Aizkraukle; 39 – Aizkraukle; 40 – Lejasžagari; 41 – Koknese; 42 – Koknese; 43 – Oliņkalns; 44 – Lejasdopeles; 45 – Ābeļu Priednieki; 46 – Stupeļukalns; 47 – Jersika; 48 – Sauleskalns; 49 – Ludzas Odukalns; 50 – Kivti; 51 – Lubānas Veverāji; 52 – Madona; 53 – Viesienas Mežāres; 54 – Jaunāķēni; 55 – Jaunpiebalaga; 56 – Ģūģeri; 57 – Trikātas Lubumuiža; 58 – Valmiera; 59 – Aglona; 60 – Krimuldas Priedes; 61 – Turaidas Pūteļi; 62 – Turaidas pils; 63 – Siguldas Saksukalns; 64 – Mārtiņsala; 65 – Lībagu Saraji. *Условные обозначения:* I – городища и селища; II – грунтовые могильники с ингумациями; III – грунтовые могильники с кремациями; IV – грунтовые могильники с ингумациями и кремациями; V – курганные могильники с ингумациями и кремациями; VI – культовые местонахождения; VII – единичные находки

временном усилении культурных влияний со стороны древнерусских земель, в частности Полоцких. Распространение курганной обрядности на землях к востоку от Айвиексте латвийские исследователи датируют концом X в. и предположительно связывают с приходом балтского населения, оттесненного на запад давлением восточных славян (Радиньш 1987: 80; 2001: 71). Вопрос о механизме привнесения в Латгалию курганной обрядности пока далек от разрешения. Несомненно только то, что традиция пришла с востока, о чем вполне определенно свидетельствует география курганных могильников X–XIII вв. (Радиньш 2001: рис. 2).[49]

Весьма красноречивую картину рисует карта находок весов для взвешивания монетного серебра на территории Латвии. Если ниже устья Айвиексте таких находок на Даугаве очень много, то выше – они единичны (Berga 1992: Abb. 2; Šnē 2006: 73) (рис. 86). Нужно, конечно, учитывать разную степень изученности памятников поречья Даугавы, но все же нельзя не признать, что эта ситуация отражает некую культурно-историческую реальность. Первейшие индикаторы «серебряной» торговли – находки складных весов и металлических разновесов в нижнем течении Даугавы (а их найдено здесь очень много) – датируются весьма поздно – не ранее второй половины X в. (Берга 2011: 166). Древнейшие же находки разновесов из «осевого» района Пути из варяг в греки (Старая Ладога, Рюриково Городище) и с примыкающей к нему территории (Брили в верховьях Березины) указывают на применение их уже с конца IX в. (см. сюжет о весовых гирьках в разделе этой книги, посвященном находкам из

Усвята). Нужно также обратить внимание, что 14-гранные разновесы, столь популярные на Руси уже с конца IX столетия, встречены в Латвии в очень малом количестве (всего 9 экз.!) (Берга 2011: 168), что, вероятно, можно расценивать как свидетельство слабых торговых связей с Русью до конца X в.

Поэтому не следует преувеличивать значение Даугавского пути в этом столетии. Участие ливов, латгалов и селов в транзитной торговле продолжало, видимо, оставаться не очень активным. Стоит привести еще один пример. Крупнейшим торговым центром в низовьях Даугавы было поселение Даугмале, которое некоторые латвийские исследователи склонны сопоставлять с городами или балтийскими виками, такими, как Бирка или Хедебю (Цауне 1992: 24; Semîtis 2007, там литература). Между тем на городище Даугмале за долгие годы раскопок найдено всего 9 дирхемов (Semîtis 2007: 282).[50] Приведенное число несопоставимо с количеством монетных находок восточного происхождения из культурных слоев таких центров балтийской транзитной торговли, как Рюриково Городище (более 145 монет и 3 небольших клада) или Гнёздово (более 174 монет, из них – 106 на городище) (Пушкина 1999; Гайдуков, Носов 2007). А ведь к западу от устья Даугавы лежал Готланд с его бесчисленными кладами куфического серебра… На таком фоне не приходится сомневаться, что крупнейший торгово-административный центр ливов в X в. играл достаточно скромную роль в «серебряной» торговле на Балтике.

Показательны также результаты раскопок поселений на берегах Даугавы от устья реки Айвиексте до восточных границ ареала расселения латгалов. Археологические коллекции с местных городищ не содержат ярких импортных вещей X в., привезенных из Западной Европы. Отчетливо заметен лишь русский импорт (Mugurēvičs 1977: 135). Находки арабских монет можно пересчитать по пальцам одной руки, а византийских монет здесь нет вовсе (Берга 1988: рис. 6, 17) (рис. 84, 85).

Вероятно, инициатива в торговых предприятиях вдоль латгальского течения Даугавы в X в. принадлежала преимущественно варягам и славянскому населению Полоцкой округи, причем первые в районе Ерсике–Кокнесе почти не задерживались. Да и вообще скандинавы в X в., несмотря на открытый теперь путь по Даугаве, по-прежнему предпочитали пробираться на Днепр через Ильмень, Ловать и верховья Западной Двины. Чем это можно объяснить, ведь путь по Даугаве позволял значительно сэкономить время и силы? Причины носили, надо полагать, военно-политический характер.

Важно отметить, что латгалы, будучи названы во вступительной части ПВЛ, не имеющей погодной разбивки, в перечне народов «полунощных и западных стран», не фигурируют и в числе данников руси (вместо «лѣтьголы» в перечне прибалтийских племен летописец поставил загадочную «норому», не находящую себе места на этнокультурной карте Подвинья):

«В Афетовѣ же части сѣдять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, моръдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, **литва, зимѣгола, корсь, лѣтьгола, любь**» (ПВЛ 1996: 8)	«А се суть инии языци, иже дань дають Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, моръдва, пермь, печера, ямь, **литва, зимигола, корсь, норома, либь**…» (ПВЛ 1996: 10)

Высказывалось мнение, что список данников «не полон» ввиду включения в него лишь народов, «издавна попавших в зависимость от южной Киевской Руси». Некоторые же данники, зависимые от Полоцка, Пскова и Новгорода, согласно этой догадке, могли быть не упомянуты при перечислении. Среди них-то и были, якобы, латгалы. Исследование, содержащее эту гипотезу, недавно переиздано (Пашуто 2011: 127–128); есть и более современные работы, содержащие аналогичный взгляд (Матузова, Назарова 2002: 29). Данная точка зрения, как и предположение о «давней» (на время составления ПВЛ) зависимости племен низовьев Даугавы от Киева (см., например: Матузова, Назарова 2002: 29), носит преимущественно умозрительный характер. Она не подтверждается ни письменными, ни археологическими источниками. Первые заслуживающие доверия упоминания о даннической зависимости ливов от полоцкого князя относятся ко времени появления на Даугаве епископа Мейнарда в 1184 г. (Матузова, Назарова 2002: 46, 47, 59, 60).

Что же касается латгалов, то насилие над летописью представляется излишним. Отсутствие их в списке данников вполне может отражать реалии XI–начала XII в. Весьма вероятно, что латгалы, в отличие от обитавших близ устья Даугавы земгалов и ливов, дольше прочих обитателей Нижнего Подвинья сохраняли независимость как от «находников» из-за моря, так и от «континентальной» руси. Вследствие этого они сравнительно поздно оказались включены в область русской (на Двине полоцкой, а севернее – псковско-новгородской) дани (об этом см.: Назарова 1996). Еще в начале XII в. обстановка на Даугаве далеко не всегда складывалась в пользу Полоцка, о чем свидетельствует Лаврентьевская летопись в погодной статье 6614/1106 г.:

> «Том же лѣтѣ побѣдиша зимѣгола Всеславичь, всю братью, и дружины убиша 9 тысящь» (ПВЛ 1996: 119).

Побоище, устроенное объединенной полоцкой рати земгалами, для древнерусского средневековья носит исключительно кровопролитный характер. Даугавские балты отнюдь не были легкой добычей для русских князей, искавших новых данников. К сожалению, мы не знаем подробностей этого военного мероприятия, носившего, судя по размаху боевых действий с участием едва ли не всей Полоцкой земли, характер настоящего завоевательского похода, в отличие от обычных княжеских рейдов с дружиной за данью и военной добычей. Неизвестно – относится ли приведенное выше летописное свидетельство о даннической зависимости земгалов и ливов от Руси ко времени до 1106 г. или же к более позднему времени. Военное предприятие Всеславичей представляется скорее масштабным карательным походом, нежели «промыслами» даней, и наводит на мысль о древнем (близком ко времени составления Начального свода) подчинении племен Нижнего Подвинья, сумевших к началу XII в. каким-то образом избавиться от зависимости. Впрочем, это только догадка. Как разворачивались дальнейшие отношения Полоцка с народами Нижнего Подвинья, мы не знаем. В качестве свидетельства зависимости ливов от Полоцка во второй половине XII в. исследователи привлекают уникальное свидетельство Ипат. 6688/1180 г. об участии литвы и ливов в русской усобице в составе полоцко-витебской рати (ПСРЛ, т. II. 1998: 619). Сложно сказать, в какой роли выступают здесь эти народы – уже как зависимые данники (например: Барсов 1885: 182 или Матузова, Назарова 2002: 60) или еще как самостоятельные участники военной коалиции, рассчитывающие поживиться в чужой междоусобице.

Летописные сведения же о подчинении латгалов Руси относятся приблизительно к этому же историческому периоду, ко времени не ранее 1200 г. (Насонов 2002: 76, 77, 80, 138). Параллельно следует упомянуть известный пассаж Рифмованной хроники о былом подчинении русским «земель селонов, ливов и леттов» до появления на Даугаве рыцарей-меченосцев в начале XIII в. (Матузова, Назарова 2002: 193). Впрочем, исключительные колонизаторские успехи немецких «рыцарей Христа» в Нижнем Подвинье в начале XIII в. свидетельствуют о том, что Полоцку так никогда и не удалось прочно закрепить свое господство в Латгальско-ливском регионе, как и вообще на юго-восточном побережье Балтики, где первенство всегда в средневековье оставалось за народами-мореходами – скандинавами и немцами.

Подведем некоторые итоги наших наблюдений. Итак, топография маркирующих торговые пути находок (связанных с культурой Скандинавии и Хазарии), а также кладов арабского серебра показывает нам, что через какое-то время после выхода ильменских словен к Ладожскому озеру, в VIII в., Полоцкие земли оказались как бы в стороне от магистрального геополитического стержня Древней Руси, выразившегося, в конечном счете, в формировании линии Киев–Смоленск (Гнёздово)–Новгород (Рюриково Городище)–Старая Ладога. Провинциальная судьба формирующейся Полоцкой земли определилась далеко на севере в начале бурной эпохи викингов. В период формирования Древнерусского государства Полотчине так и не суждено было стать древнерусским «окном в Европу». Лишь в середине X в. окрепший в военно-политическом отношении Полоцк с востока и шведские викинги с запада каким-то образом изменили ситуацию на берегах Западной Двины. Характерно заключение С. Мессала о том, что со второй половины X в. транзитная торговля на Даугаве

концентрируется в руках местной (ливско-балтской) социальной элиты, культура которой испытывала заметные скандинавские влияния (Messal 2001: 78). Возможно, это и так, но, похоже, что эта элита осознала выгоды своего положения не иначе, как под военной угрозой дружинников Рогволода и тех норманнов X столетия, чьи женщины лежат в могилах на берегах Даугавы в одежде, скрепленной скандинавскими овальными фибулами.

Теперь мы можем вернуться к вопросу, заданному нами в начале этого раздела. Какие цели преследовала новгородская рать во главе со своим князем, захватывая Полоцк? Вряд ли новгородцами руководило желание обеспечить фланг в военной борьбе с Ярополком, как полагали историки, не знакомые с археологическими реалиями Западно-Двинского региона. Нам представляется несомненным, что целью экспансии был, в первую очередь, контроль над Даугавским водным путем «в варяги», начавшим активно функционировать около середины X столетия. Об этом говорят как археологические источники, так и общий дух летописных легендарных повествований о Рогволоде, пришедшем по Даугаве «из заморья» (см., например: Виролайнен 2004: 14–15). Возможно, военной стадии конфликта действительно предшествовала попытка Владимира взять под контроль Полоцк путем заключения династического брака. Разобрать хитросплетения человеческих судеб под наслоениями сказочных мотивов уже нельзя. Но можно и сейчас увидеть и полюбоваться под музейным стеклом частицей того, что привело в 970 г. в Полоцк Владимира и Добрыню с кривичами и словенами.

Именно груды серебра, лежавшие в Козьянках, и золотые кольца в полоцких княжеских теремах – то богатство, которое принесла в Полоцк Даугава в 940–960-х гг. – вот что послужило причиной гибели Рогволода и его сыновей. *Колота яко золото* – так, вероятно, могли бы сказать современники про судьбу полоцкой династии. Разрубленные драгоценности полоцкого клада 1984 г. воплотили для нас один из древних мотивов германского героического эпоса о роковом золотом кольце, несущем гибель своему обладателю. Не повод ли это снова вспомнить о роли мифа в истории?

Более сложен вопрос, поднятый А. Н. Насоновым, о возможных прямых новгородско-полоцких геополитических конфликтах середины X в. (столкновение новгородской и полоцкой дани) в областях, прилегающих к Пути из варяг в греки. Думается, что эти конфликты имеют все же второстепенное значение. Но эта тема требует отдельного рассмотрения с подробным привлечением археологических находок из Витебска, Усвята, Городка на Ловати и областей в верховьях рек Ловати, Усвячи и Куньи. Такая работа пока увлекла бы нас далеко в сторону от нашего обзора. Да и выполнить ее едва ли сейчас возможно за недостатком материала.

1.4. «Восточная политика» Брячислава Изяславича. Историко-географический комментарий к летописным известиям о походе полочан на Новгород в 1021 г.

> Мы двинулись в поход из Полоцка к Заволочью… Вся дорога пролегает через леса… Тяжело проходить через этот бор, нужно везти с собою провиант, так как нигде нет корма для лошадей… Ибо мы углубились теперь в эти темные леса, как в какой-либо ад…
>
> Из дневника Станислава Пиотровского, участника похода Стефана Батория на Псков в 1581 г.[51]

События, случившиеся в 1021 г. в Новгороде и в огромном лесном массиве на водоразделе Шелони и Западной Двины, являются первым достоверно зафиксированным письменными источниками самостоятельным проявлением политической воли Полоцкого княжества, выходом его на сцену истории. Исторические знания о Полоцке более раннего времени – отчасти относятся к области тенденциозных преданий, отчасти являются литературными производными цепи политических событий, начатых походом 1021 г. Летописные известия об этом военном столкновении оказываются в центре столь сложного сосредоточения ис-

точниковедческих проблем, что окончательное решение вопроса «как все было на самом деле» представляется невозможным. Но мы увидим, как исследовательский путь поведет нас от текстологии к исторической географии и далее, замыкаясь, к археологии. В этом движении, наверное, и заключается смысл проделанной работы.

Дневник ксендза Пиотровского написан на водоразделе Шелони и Западной Двины через 560 лет после интересующих нас в этой главе событий. Тем не менее он дает нам полное представление о трудностях средневекового военного похода из Полоцка на Северо-Запад, в Псковско-Новгородские земли. Баторий на первых порах двигался из Полоцка на оз. Нещердо, вероятно, тем же (или близким) маршрутом, каким полоцкая рать в 1021 г. собиралась вернуться домой, отягощенная новгородским полоном. Нетрудно представить все бедствия пленных новгородцев, если бы Брячислав был более удачлив и все-таки сделал бы попытку довести их до Полоцка через простиравшиеся к северу от последнего лесисто-болотистые массивы.

Судьба двух городов – Витебска и Усвята – представляет особую тему в истории Полоцкой земли. О возникновении пути, шедшего через два этих города, отмеченного кладами середины IX в., мы уже упоминали выше. На этом пути расцвели на рубеже X в. Гнёздово и целый ряд менее значительных городов и городков.

1.4.1. О достоверности упоминаний Усвята и Витебска в связи с победой Ярослава над Брячиславом

> В седьмой день началась битва, и сыны Израилевы поразили сто тысяч пеших Сириян в один день.
>
> 3 Цар. 20:29

> И тако же въшьдъшема въ цьркъвь и бывъши молитвѣ, сѣдоста, и блаженому Феодосию начьнъшю глаголати тому отъ святыихъ кънигъ, и много указавъшю ему о любъви брата.
>
> Житие Феодосия Печерского[52]

Проблема происхождения «неизвестно откуда взятых» (определение Г. М. Прохорова) известий о событиях XI столетия в летописях XV в. сейчас, так же как во времена А. А. Шахматова, далека от окончательного разрешения. Не рассматривая ее в комплексе с точки зрения источниковедения, что, разумеется, и затруднительно в силу специализации автора этих строк в области археологии, попробуем все же определить отношение к рассказу о походе 1021 г., принципиально важному для центрального сюжета этой книги – историко-археологического очерка древнерусского Усвята. Понятно, что изолированное рассмотрение летописного известия недостаточно с позиций современной методики изучения генеалогии текстов. На анахронизм подобного «потребительского» подхода неоднократно указывали и ведущие исследователи интересующей нас в данном случае группы летописных сводов (см., например: Прохоров 1977: 195–196; Лурье 1976: 4–5; 1994: 13).

И все-таки выборочному подходу можно отыскать и некоторые оправдания. Сюжет 1021 г. стоит в ряду «неизвестно откуда взятых» известий летописей Новгородско-Софийской группы (далее – НСГ) несколько особняком – на хронологической грани рассказов литературного присхождения о начале Руси IX–X вв. и начала собственно летописной традиции записей по свежим следам событий. Поэтому самый изощренный текстологический анализ до настоящего времени не дал ответа на вопрос о датировке и происхождении первого упоминания Усвята и Витебска. Исследователи предпочитали обходить его, концентрируя внимание на известиях позднейшего времени, дающих статистику, необходимую для методически корректного и более перспективного сравнительного изучения текстов.

Мы же поставим вопрос предельно узко. Насколько могут форма и содержание известия, а также его логическая связь с другими письменными источниками подтвердить или опровергнуть его хронологическую близость событиям 1021 г. или времени жизни их свидетелей? Иными словами, нам предстоит уяснить, как писал Я. С. Лурье, «есть ли веские

основания утверждать, что данный свидетель опирается на отсутствующего, но несомненно существовавшего очевидца» (Лурье 1994: 10). При этом мы будем относиться к интересующему нас фрагменту как к археологическому артефакту, утратившему стратиграфический контекст. Можно ли, исходя из морфологических особенностей артефакта, восстановить этот контекст, обнаружить аналогии в достаточном количестве твердо датированных комплексов?

Известие о передаче в 1021 г. Ярославом Мудрым полоцкому князю Брячиславу городов Витебска и Усвята складывается из нескольких повествований, сохранившихся в различных летописях. Древнейшие летописные своды ПВЛ и Н1 в статьях 6529 г. не содержат упоминаний городов:

Н1	ПВЛ, Лавр.	ПВЛ, Ипат.
«В лѣто 6529. Побѣди Ярославъ Брячислава» (ПСРЛ, т. III. 2000: 180)	«В лѣто 6529. Приде Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимѣрь, на Новъгородъ, и зая Новъгородъ, и поимъ новгородцѣ и имѣнье ихъ, поиде Полотьску опять. И пришедшю ему к Судомири рѣцѣ, и Ярославъ ис Кыева, въ 7 день постиже ѝ ту. И побѣди Ярославъ Брячислава, и новгородцѣ вороти Новугороду, а Брячиславъ бѣжа Полотьску» (ПВЛ 1996: 64)	«В лѣто 6529. Приде Брячислав, сынъ Изяславль, внукъ Володимеръ, на Новъгородъ, и зая Новъгородъ, поимъ множество новгородець имѣние ихъ, поиде Полотьску опять. И пришедшю ему к Судмири рѣцѣ, *Ярославъ* <…> выиде ис Кыева, *въ* 7 день постиже ѝ ту. И побѣди Ярославъ Брячислава, и *новьгородцѣ* <…> *вороти* <…> к Новугороду, а Брячиславъ бѣжа къ Полотьску» (ПВЛ 1997: 188)

В свидетельствах Лавр. и Ипат. обращают на себя внимание несколько деталей: развернутое описание родства, связывающего Брячислава Изяславича с киевским князем; упоминание загадочной реки Судомири на новгородско-полоцком пограничье, никогда больше в русских летописях не фигурирующей; известие о том, что сражение на берегах этой реки произошло «в седьмой день».

По всей видимости, развернутое описание родства составляет некий ключ к произошедшему. Вражда племянников и дядьев была одной из главных пружин политической истории Древней Руси. Но это будет *позже* описываемых событий. Пока же – перед нами *первая* в летописной русской истории династическая коллизия в этом роде, своеобразная точка отсчета для княжеских распрей эпохи расцвета летописания, требовавшая соотнесения, в представлениях русских книжников, с аналогичной точкой отсчета в мировой истории. До этого летописная Русь знала лишь смертельную вражду братьев, уже осужденную в статье 6494 г. в сцене беседы Владимира с греческим философом, отважно рассказывающим недавнему братоубийце историю Каина и Авеля, и, конечно же, в повествовании о Борисе и Глебе. Не требует ли это обстоятельство особого внимания? Не считал ли себя обязанным летописец, творивший в то время, когда война племянников с дядьями была на Руси делом обычным, подать известие о первом инциденте в особой, нравоучительно-образной форме? Разумеется, источником образов в первую очередь служило Священное Писание. Но об этом чуть ниже.

Очень интересен анализ названия реки и связанных с ней географических реалий. Как известно, реки *Судомири* между Новгородом и Полоцком нет. Вместо этого имеется река *Судома́* – левый приток Шелони, протекающий на территории бывшего Порховского уезда Псковской губернии. Река упоминается в Новгородских писцовых книгах с начала XVI в. Неподалеку от ее истоков имеется одноименное урочище *гора Судома́*. Лингвисты объясняют название реки и горы из финно-угорских языков, не исключая полностью возможности балтийского источника (Агеева 1989: 168; Васильев 2007: 279; 2012: 537–538).

Именно с этой водной артерией большинство историков и краеведов традиционно и вполне резонно сопоставляли летописную реку *Судомирь*, как правило, не комментируя несоответствие написания гидронима в ПВЛ его истинному звучанию в живом языке (Барсов 1885: 224; 2012: 192; Данилевич 1898: 6; Лебедев 1915: 4; Насонов 2002: 78–79; Творогов 1997: 508). Впервые предположение о необходимости читать *Судома* вместо *Судомирь* высказал еще Н. М. Карамзин (Карамзин 1818: 13, примеч. 21). По своему географическому положению берега реки Судомы действительно вполне подходят в качестве места сражения

(рис. 48). Каким же образом из *Судомы* получилась *Судомирь*? Можно допустить, что это произошло в результате небрежности переписчика, который в словосочетании «к Судоми рѣцѣ» механически дважды повторил первый слог второго слова. Случиться такое могло, если над чужой рукописью работал книжник-южанин, которому ничего не говорили названия далеких приильменских рек

Имена с основой *Суд-* были в ходу у восточных славян: *Судислав, Судимир* и т. п. (Васильев 2012: 317). Топонимы, производные от последнего имени, довольно широко распространены на славянских землях. Известна, например, река *Судимирка* – в бассейне Десны (Топоров, Трубачев 2009: 56), река *Судимерка* в Жиздринском уезде Калужской губернии, деревни *Судимирка* в Тверском Поволжье и *Судимиры* в Костромской губернии (Васильев 2012: 317). Ряд топонимических параллелей продолжают названия в Чехии и Польше, самым известным из которых является город *Сандомир* на Висле. Таким образом, не исключено, что ПВЛ сохранила не просто ошибку переписчика, а пример «народной этимологии», осмысления славянином-южанином непонятного ему финского названия.

Подобное переосмысление произошло и с названием горы *Судомы*. Эта знаменитая этимологическая легенда дошла до нас в нескольких сочинениях (в том числе в изложении Л. Н. Толстого) в составе более сложного предания.[53] Первоисточником следует считать публикацию К. Д. Кавелина:

> «Г. Сырохнов, учитель Вербиловского Села (Себежского уезда) говорит, что в Порховском уезде (Псковской губернии) есть гора *Судома́,* о которой сохранилось следующее поверье. Над этой горой висела с неба цепь. В случае споров или бездоказательных обвинений соперники приходили на Судому и каждый поочередно должен был достать цепь рукою; а цепь позволяла себя взять только праведной руке. Однажды сосед у соседа украл деньги и засыпал их в толстую палку, выдолбленную в середине. Обокраденный как раз попал подозрением на виновного. Оба пошли на Судому, причем вор, вместо путевой дубинки, взял свою палку с деньгами. Сперва цепь достал хозяин, торжественно складывая вину покражи на своего товарища. Потом вор отдал хозяину подержать свою палку и, доставая цепь, сказал: “деньги у тебя”. Цепь и ему далась, но с тех пор неизвестно как и куда исчезла» (Кавелин 1850: 527, 528).

Ф. И. Буслаев считал, что в основе псковского предания о горе Судоме лежат древние представления о «Божьем суде», осуществлявшемся через клятвенное прикосновение к железному кольцу. Приуроченность предания к горе определяется, по его мнению, именно ее названием (Буслаев 1861: 468–469). Цепь, свисающая с неба, как известно, – бродячий сюжет европейской мифологии, присутствующий еще в «Илиаде» Гомера и прослеживающийся в византийских раннесредневековых преданиях.[54] Не лишним будет вспомнить и о русском былинном «небесном кольце», за которое богатырь Святогор грозит «притянуть небо к земле» (Бернштам 2011: 43). Сюжет о трости с монетами имеет, согласно разысканиям Ф. И. Буслаева, позднее книжное происхождение.

Наверное, можно было бы допустить существование между Новгородом и Полоцком еще какой-то *Судомири* или же трансформацию названия реки от *Судомири* к *Судоме* с течением столетий. Действительно, в Шелонской пятине Новгородской земли встречается несколько сходных названий. Писцовые книги 1571 г. знают озеро *Сядимер* в Бельском погосте в верховьях реки Плюссы:

> «Дер. Горка у погоста надъ озеромъ надъ Сядимеромъ, пол-2 обжи пуста» (НПК 1905: 531).

В писцовой книге Шелонской пятины 1581–1582 гг. этот водоем фигурирует под именем *Сядмер*:

> «Погостъ Бѣлской Царя и Великаго Князя на озерѣ на Сядмерѣ <...> дер. Горка на погостѣ у Дмитрея Святого на оз. на Сядмерѣ...» (Неволин 1853: 92 прил.).

В соседнем с Бельским Лядском погосте Шелонской пятины писцовая книга 1571 г. фиксирует ручей *Сядемер*:

> «Дер. Созонова Горка, обжа пуста; дер. Голубско, 3 обжы пусто, а отхожихъ пашенъ и лѣсу у тѣхъ деревень шти обежъ за ручьемъ за Сядемеромъ къ деревни къ Пустынки и пожни по Сядемеру-жъ ручью, да отхожые пожни по реки по Плюсе» (НПК 1905: 563).

По предположению В. Л. Васильева, ручей был связан с одноименным озером (Васильев 2012: 317).[55]

В поисках летописной *Судомири* всегда оставалась бы неясность, если бы не одно обстоятельство. В нашем распоряжении имеется

летописное известие с иным, правильным чтением гидронима. Но об этом будет сказано в своем месте.

А пока обратимся к «седьмому дню» сражения. К чему относится это указание? К окончанию бесчинств Брячислава в Новгороде и к выступлению войска на Полоцк? К выходу Ярослава из Киева? Длину пути от Новгорода до Судомы по Шелони можно приблизительно оценить в 150–170 км. Если бы путь этот занял у Брячислава семь дней, то дневной переход составлял бы 21–25 км. Реален ли был такой темп движения? Достоверных сведений о скорости маневров русских дружин нет. Очевидно, войско Брячислава не могло состоять только из конной рати. Для сопровождения полона и транспортировки захваченного «имения» нужна была пехота. В Византии в X в. переход в 24 км считался предельным для пешего войска (McGeer 2008: 341). Европейскими историками признаны следующие цифры: примерно 24 км в день для пеших бойцов и 40 км для конных отрядов (Уолкер 2014: 201–202). К исключительным случаям принадлежит поход польского князя Болеслава Кривоустого из Глогова на Колобжег в 1107 г., когда дневной переход составил 55 км (Галл Аноним 1961: 157). Впрочем, Галл Аноним подчеркивает особую организацию этого похода:

> «…Болеслав не взял с собой в поход ни одного пехотинца, а только избранных рыцарей и отборных коней и, идя по пустынным местам днем и ночью в течение пяти дней, не обращал никакого внимания ни на трудности пути, ни на голод. Наконец на шестой день в пятницу, приняв святое причастие и восстановив телесные силы, они приходят в Колобжег, ориентируясь по звездам. Предшествующей ночью Болеслав приказал совершить богослужение в честь св. Марии, что потом, вследствие его набожности, стало постоянным обычаем. В субботу, на восходе солнца, приблизившись к городу Колобжегу и, чтобы не обратить на себя внимания язычников, перейдя с большой опасностью ближайшую реку без моста и брода, построив боевой строй <…>, они единодушно стремятся напасть на город…» (Галл Аноним 1961: 87).

Известие о рейде Болеслава очень интересно указанием на день битвы. Но пока вернемся к событиям между Новгородом и Полоцком. Конечно, новгородский полон двигался значительно медленнее, чем княжеская рать. За неделю Судомы могла достигнуть только головная часть полоцкого войска – конники во главе с князем. Разумеется, дружина Ярослава из Киева за семь дней не могла добраться до верховьев Шелони ни при каких условиях. Итак, «семь дней», скорее всего, не могут быть реальными днями марша. Может быть, речь идет о «седьмом дне» как дне недели – субботе, не привязанной к определенной хронологической канве.[56] Тогда возникает вопрос: почему указание на этот день имело значение для летописца?

Это могло быть в том случае, если события произошли не в обычную, а в Великую субботу. Не означает ли наказание Брячислава и торжество Ярослава в сочетании с его христолюбивым поступком, что разорение Новгорода произошло в Великий пост 1021 г.? Чтобы осветить этот вопрос, следует попробовать расширить круг источников. В этой связи небезынтересно будет снова обратиться к Второй книге «Хроники и деяний князей польских». Это сочинение, создававшееся в Польше одновременно с ПВЛ, имеет с ней ряд религиозно-смысловых параллелей. Помимо вышеприведенного описания нападения Болеслава III на Колобжег «в седьмой день» (успешное благодаря благочестивому поведению христиан) в нем имеются еще два эпизода, относящихся к нашей теме. Оба они связаны мотивом греховности ведения военных действий в Великий пост и наказания, настигающего виновных. Вот первое из них, относящееся к событиям, произошедшим в вербную (или страстную – из текста не вполне понятно) субботу 1091 г.:

> «А князь Владислав, помня об обиде, нанесенной его людям, с храбрым отрядом вторгся в их (поморян. – *И. Е.*) земли до наступления великого поста и пробыл там бóльшую часть его. Проведя там значительную часть поста, он неожиданно вторгся в город этой страны, богатый и могущественный, и взял там бесчисленную добычу и огромное число пленных. Когда он, ничего не подозревая, уже возвращался со своей добычей и спокойно приближался к границам своего королевства, поморяне, следуя за ним, неожиданно напали на него на берегу реки Унда и завязали с ним накануне вербного воскресенья битву, кровавую и печальную для обеих сторон. Это сражение было начато в третьем часу и закончилось в вечерние сумерки. Поморяне скрылись под покровом ночи, поляки же удержали это поле победы под названием Дрзу. Однако сомнительно, кто здесь потерпел поражение: христиане или язычники. Мы полагаем, что этот

бич послал всемогущий господь для исправления нарушивших сорокадневный пост, как он потом это открыл некоторым, избежавшим этого бедствия. И так победа для многих была печальна и пагубна, как уже было сказано, и наступил день воскресения господня, те, кто советовал вернуться, взяли верх над теми, которые предлагали преследовать врага» (Галл Аноним 1961: 66–67).

Второй эпизод относится к грабительскому походу поляков в Моравию в 1103 или 1104 г. и заключает в себе ту же идею:

«Бесстрашный Болеслав, мститель за обиды чехов, отправил три отряда рыцарей в Моравию, и они, придя в самый праздник Воскресения господня, захватив большую добычу и предав все огню, нашли почти достойное вознаграждение за свои деяния, так как нарушили своими действиями уважение к такому празднику. Именно Святополк, князь Моравии, преследовал их с бесстрашным отрядом рыцарей, когда они возвращались, и, говорят, вырвал бы у них всю добычу, если бы пехотинцы не ушли с ней вперед. <…> С обеих сторон начинается ожесточенная схватка, которая оканчивается не без тяжелого урона для тех и других. <…> В конце концов обе стороны были до того утомлены и уравнены в потере погибших воинов, что ни мораване не получили радостной победы, ни на поляков не легло пятно позора» (Галл Аноним 1961: 85–86).

Итак, в представлении Галла, боевые действия накануне Пасхи греховны и губительны для всех участников, но в то же время могут даровать победу правой стороне при условии ее христолюбивого поведения. В ПВЛ эта идея представлена не столь выразительно, как в Хронике, но тоже узнаваема в статье 6605/1097 г. Семь недель осаждал Святополк Давыда во Владимире, войдя после капитуляции последнего в город «в седьмой день» Великого поста:

«И приде Дорогобужю, и дожда ту вой своихъ, и поиде на Давыда къ граду, и Давыдъ затворися в градѣ, чая помощи в лясѣхъ, бѣша бо ему рекли, яко “Аще придуть на тя русскыѣ князи, то мы ти будем помощници”; и солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка. Святополкъ же оступи град, и стоя Святополкъ около града 7 недѣль; и поча Давыдъ молитися: “Пусти мя из града”. Святополкъ же обѣщася ему, и цѣловаста крестъ межи собою, и изиде Давыдъ изъ града, и приде в Червенъ, а Святополкъ вниде в град в великую суботу, а Давыдъ бѣжа в Ляхы» (ПВЛ 1996: 114).

Конечно, мысль европейского анналиста о правом одолении врага (особенно язычника), одержанном под божественным покровительством в субботу, вовсе не обязательно должна вести нас к предположению о привязке события 1021 г. к Пасхальному циклу. Приведем еще один характерный пример из другого произведения, относящегося к середине XII в., Хроники Саксона Анналиста, – описание битвы в Белксеме в августе 983 г. Речь здесь идет о знаменитом восстании славян между Эльбой и Одером, в ходе которого произошло восстановление на этих землях язычества. Нигде в Хронике Annalista Saxo Божественное Провидение не обозначило себя так выразительно, как в этой битве, где на каждого из трех убитых немцев пришлось более 10 тысяч павших славян (в Хронике Титмара Мерзебургского, откуда заимствовано повествование, эта фантастическая цифра еще отсутствует):

«Итак, когда были преданы грабежу и пожару все города и деревни вплоть до реки под названием Тангер, славяне, конные и пешие, собрались в числе более 30 отрядов, рассчитывая с помощью своих богов без всякого для себя ущерба разорить то, что еще осталось. Трубачи двигались впереди них. Это не укрылось от наших; собрались епископы Гизилер и Хильдевард, маркграф Дитрих, прочие графы: Рикдаг, Ходо, Биницо, Фридрих, Дудо, Зигфрид и очень многие другие. Все они, прослушав на рассвете субботнего дня обедню, укрепили тело и душу небесным причастием. И вот, они уверенно бросились на врагов, вышедших им навстречу, и перебили их в месте под названием Белксем; лишь немногие бежали на какой-то холм. Победители воздали хвалу Богу, который удивителен во всех своих делах, и сбылось пророческое слово учителя [нашего] Павла: “Нет ни благоразумия, ни отваги, ни мудрости, противных Господу”. Были покинуты те, которые ранее дерзнули презреть Бога, те глупцы, которые предпочли своему творцу сделанных от руки и совершенно никчемных идолов. С наступлением ночи, когда наши разбили лагерь довольно далеко оттуда, те тайком сбежали. На следующий день все наши, исключая трех человек, радостные вернулись домой и ликовали все те, кто шел им навстречу, и те, кого они застали дома. Славян же погибло 30 754» (Саксон Анналист 2012: 212).

Суммируя все соображения и примеры по отношению к русским источникам, лучше было бы думать, будто указание на «седьмой день» должно, по мысли летописца, подчеркнуть проявление Божьего Промысла в событии, память и точная календарная дата которого были уже изрядно размыты временем. Безотносительно того – действительно ли хранилось

в народной памяти или в каких-то записях указание на то, что битва на Судоме произошла в пасхальную субботу, – важно другое. В представлении летописца поражение Брячиславу принес метафизический «седьмой день», сочетающий в себе и благодатный новозаветный смысл, и значение грозного ветхозаветного суда, победы и очищения («7 бо мьстий прия Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ 70…», ПВЛ 1996: 64). Но этим глубина известия 6529 г. не исчерпывается.

Вглядываясь в известия Лавр. и Ипат., за их недосказанностью мы как будто видим иную реальность, знакомую по ветхозаветной истории. Именно в Священном Писании находим мы параллель событиям 6529 г. Работа по переводу Пятикнижия Моисея, в частности Книги Бытия, была начата славянскими книжниками еще в последней четверти IX в. (Михайлов 1912: CCXII, CCXX, CCXXX, CCXXXII–CCXXXVII, CCLXXIX, CCCXIII, CCCXX, 445–446; Иванова 1976: 26–27; Сказания 1981: 100, 168; Подскальски 1996: 99–100; Успенский 2014: 24–25). Древнерусским клирикам в Киеве и Новгороде полтора столетия спустя, несомненно, был доступен уже полный (неслужебный) перевод или переводы начальных книг ветхозаветного канона (Алексеев 1988: 126; Пичхадзе 1996: 11). Книга Бытия цитируется, как известно, не только в летописи, но и в других литературных произведениях, созданных в XI–начале XII в. («Слово о Законе и Благодати» и «Житие Феодосия Печерского»). Позволю себе привести важную для дальнейшего изложения библейскую цитату по позднему русскому Синодальному изданию, поскольку сложнейший вопрос о том, какие именно тексты имелись на Руси в начальную эпоху летописания, до сих пор не разрешен. Он относится целиком к компетенции славянской филологии и не может быть здесь освещен (о проблемах славянской библеистики в связи с ранними переводами Ветхого Завета см., например: Мещерский 1978: 44–49; Пичхадзе 1996; Алексеев 1988; 1999; 2014; Гардзанити 2007: 30; Вилкул 2011: 103). Необходимости в этом здесь нет, так как речь идет не о текстологических, а о смысловых и композиционных параллелях и элементах, из которых по библейским канонам выстраивается уже новая, современная летописцу реальность. Итак, Библия следующим образом описывает конфликт Иакова с братом своей матери Лаваном Арамеянином:

> «И встал Иаков, и посадил детей своих и жен своих на верблюдов, и взял с собою весь скот свой и все богатство свое, которое приобрел <…> И ушел со всем, что у него было; и, встав, перешел реку и направился к горе Галаад.
>
> На третий день сказали Лавану Арамеянину, что Иаков ушел. Тогда он взял с собою сынов и родственников своих, и гнался за ним семь дней, и догнал его на горе Галаад» (Быт. 31: 17–23).

Дальнейшее развитие событий происходит на пограничной горе Галаад – дядя примиряется с племянником, вслед за чем следуют взаимные обязательства «не преступати предела чюжего»:

> «И сказал Лаван Иакову: вот холм сей и вот памятник, который я поставил между мною и тобою; этот холм свидетель, и этот памятник свидетель, что ни я не перейду к тебе за этот холм, ни ты не перейдешь ко мне за этот холм и за этот памятник для зла…» (Быт. 31: 51–52).

Предположение о том, что «в описании погони Ярослава за Брячиславом <…> использован отрывок из Книги Бытия о погоне Лавана за Иаковом», было уже высказано в науке (Вилкул 2011: 108; 2012: 41). Здесь Т. Л. Вилкул не совсем точна – в известии 6529/1021 г. речь все же идет не о *погоне* Ярослава за Брячиславом, а о *встречном бое* (совершенно ином виде боевых действий). Уже одно это наводит на мысль о том, что внешняя схожесть отрывков требует дополнительного анализа – корректно ли сопоставлять этот сюжет ПВЛ с Ветхим Заветом? Тем более, что в известии ПВЛ отсутствует главный мотив библейского сюжета – примирение племянника и дяди на пограничной горе и принятие ими взаимных мирных обязательств. И здесь нам на помощь приходят историческая география и русские летописи, в которых читается известие об уступке городов Усвята и Витебска.

Это известия в сводах XV в. – Новгородской Четвертой летописи, первой подборке Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК1), Софийской Первой летописи (далее – С1), а также в целой семье восходящих к ним еще более поздних летописных сводов (в Тверском сборнике – Тв., Воскресенской летописи XVI в. – Воскр. и некоторых других).[57] Напомним это свидетельство (выделены разночтения с текстом ПВЛ):

Н4	НК1	С1
«В лѣто 6529. Приидѣ Брячеславъ, сынъ Изяславъ внукъ Володімеръ, **с вои ис Полотска** на Новгородъ и взя Новъгородъ; и поимъ Новгородци і имѣниа ихъ, **и всь полонъ и скот,** и поидѣ къ Полотьцку опять. И пришедшу ему к Судо**ми** рѣцѣ, Ярослав же **слышавъ ту вѣсть и съвокоупивъ вои многи** ис Киева, в седмыи день постиже и ту, побѣди Брячислава, и Новгородци ворот и к Новугороду, **и полонъ оу него отъя, елико бѣ в Новъгородцкои области, и посла ихъ к Новугороду,** а Брячиславъ побѣжа къ Полоцку. **И оттолѣ призва к собѣ, и да емоу два града, Въсвячь и Видбескъ, и рече емоу: "боуди же съ мною единъ". И воеваше Брячиславъ съ Ярославомъ вся дни живота своего»** (ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000: 110–111)	«В лѣто 6529. Приде Бречиславь, сынь Изяславль внукъ Володимирь, **съ вои ис Полотска** на Новгород и взя и, и поемь новгородци и имѣниа их, **всь полонъ и скотъ,** поиде к Полотску опять. И пришедшу ему к Судомери рѣцѣ. Ярослав же, **слышав ту вѣсть и съвокупивъ воя многы,** ис Киева, в седмыи день постиже я ту, и побѣди Брячеслава, и Новгород възврати к Новуграду **и полон у него отъя, елико бяше Новгородскои области, и посла я к Новуграду,** а Брячеславъ бѣжа к Полотску. **И оттолѣ его призва к собѣ и да ему два града, Въсвячь и Видбескь, и рече ему: "Буди же со мною одинъ". И воеваше Брячеслав съ Ярославом вся дни живота его»** (ПСРЛ, т. 42. 2002: 62)	«В лѣто 6529. Поиде **князь** Брячиславъ, с(ы)нъ Изяславль, внук Володимерь, **с вои ис Полотеска** на Новъгородъ и взя Новъгородъ, и поимъ новгородци и имѣние ихъ, **и весь полонъ, и скоты,** поиде къ Полотеску опять, и пришедшу ему къ Судомирѣ рецѣ. **Велики же князь** Ярослав **слышавъ ту вѣсть и совокупи воя многы** ис Киева, в седмы д(е)нь постиже ту и победи Брячислава, а новгородьци отпусти к Новугороду **и полонъ у него от(ъ)я, елико бяше новъгородъскои волости.** А Брячиславъ побѣжа къ Полътеску. **И оттолѣ призва к себѣ Брячислава и да ему два города, Въсвячь и Витбескъ, и рече ему: "Буди же со мною заодин". И въеваше Брячиславъ с великимъ княземъ съ Ярославомъ вся дни живота своего»** (ПСРЛ, т. VI, вып. 1. 2000: 172–173)

Очень ценна для нас правильная передача названия реки *Судомы* в Н4. Очевидно, объяснять появление в Н4 этого гидронима можно двумя путями. Не исключено, что переписчик (хотя бы в первой половине XV в.), знакомый с новгородской географией, исправил название *Судомирь* на *Судома*. Возможна и иная интерпретация – Н4 донесла до нас фрагмент летописи (послужившей основой для ПВЛ), заключавшей правильное написание гидронима. Все же связь известия об уступке Усвята и Витебска с правильной передачей гидронима в одной из летописей НСГ повышает доверие к деталям, отсутствующим в ПВЛ.

Именно этот ход мысли намечен в рассуждениях А. А. Шахматова, который, отметив новгородское происхождение всего известия о набеге Брячислава Изяславича, отнес его целиком к сохранившимся в поздних летописях элементам гипотетического первого Новгородского свода 1050 г. (Шахматов 2002: 134, 157). В реконструкции Свода название реки приведено в правильном звучании – *Судома* (Шахматов 2002: 441). В вопросе о происхождении названия *Судомирь* А. А. Шахматов следовал предположению Н. М. Карамзина (Шахматов 2003: 959, 970).

В вышеприведенных отрывках присутствуют именно те элементы, которых недостает в ПВЛ для сопоставления известия 6529 г. с событиями ветхозаветной истории, а именно: примирение родственников и принятие ими взаимных обязательств. Существовали ли они в политической реальности эпохи Брячислава? Бог весть.

Большинство историков считает, что Брячислав, в обмен на полученные земли, обязался в случае требования киевского князя выставлять в помощь ему воинские контингенты, что и исполнял до самой своей смерти в 1044 г. Но летописи молчат о каких-либо совместных действиях полоцкого и киевского князей. Ярослав вел достаточно активную военную политику, в частности в регионах, прилегающих к Полоцкой земле. Было бы логично ожидать от Брячислава участия в походе на Берестье (1022 г.), на чудь (1030 г.), на ляхов (1031 г.), на ятвягов (1038 г.), на литву (1040 г.) или на мазовшан (1041 г.). Все эти походы производились неподалеку от границ Полоцкой земли, и некоторые (на литву, например) напрямую затрагивали ее интересы. Но ни разу в летописных упоминаниях о военных кампаниях Ярослава не фигурируют полочане и Брячислав.[58] Скорее всего, Брячислав лишь сохранял нейтралитет по отношению к политике Ярослава.

По своей форме заключительная фраза трех известий НСГ оставляет некоторую неясность – так все же вместе с Ярославом или против него воевал Брячислав до самой своей смерти? Вопрос занимал уже средневековых составителей летописных сводов, некоторые из которых старались каким-то образом расширить и уточнить известие, внеся в него свои толкования. Приведем, например, пояснение, данное этому эпизоду Тверским сборником (выделены разночтения с НК1):

> «В лѣто 6529. Поиде Брячиславь, сынъ Изяславь внукь Володимерь, ис Полотска на Новьгородъ съ войскомь, и взя Новогородъ, **и люди многы поплѣни**; и поимъ Новогородци, имѣніе ихъ, и весь полонъ, и **скоты,** и поиде къ Полотцку опять **сь множествомъ плѣна**. И пришедшу ему къ Судомирѣ рѣцѣ, **великій же князь** Ярослав, **дядя его**, слышавь ту вѣсть, и съвькупи воа многы, **и поиде изгономъ** ис Кіева, въ седмый день постыже его ту, и побѣди Брячислава, а Новогородци **отпусти** к Новогороду, и полонъ у него отъя, елико бяше Новогородскыа области, а Брячиславь бѣжа къ Полотску. И оттолѣ призва къ себѣ **Брячислава** (в подлиннике – Ярослава. – *И. Е.*), и дасть ему два города, Въсвячь и Видбескъ, и рече ему: "боуди же съ мною заодинь". И **оттоле** Брячиславъ въеваше съ **великым княземъ** Ярославомъ вся дни живота своего**; бѣ бо Ярославу братаничь**» (ПСРЛ, т. XV. 2000: 142–143).

Тв. дает нам как будто возможность понять события 1021 г. как продолжение братоубийственной распри, последовавшей за смертью Владимира, и приближает нас к мысли о том, что развернутое летописное известие возникло в эпоху сложения сказания о Борисе и Глебе. Вспомним известный пассаж 11-й лекции В. О. Ключевского:

> «В сказании о Борисе и Глебе уже известного нам мниха Иакова читаем, что Ярослав оставил наследниками и преемниками своего престола не всех пятерых своих сыновей, а только троих старших. Это – известная норма родовых отношений, ставшая потом одной из основ местничества. По этой норме в сложной семье, состоящей из братьев с их семействами, т. е. из дядей и племянников, первое, властное поколение состоит только из трех старших братьев, а остальные, младшие братья отодвигаются во второе, подвластное поколение, приравниваются к племянникам» (Ключевский 1923: 208).

Иное, самое непротиворечивое толкование событий путем вставки в повествование частицы «не» дает сильно сокращенная в этой сюжетной коллизии поздняя Львовская летопись:

> «Въ лѣта 6529. Приде Брячиславъ, внукъ Володимерь, на Новгородъ, поима Ноугородскія люди и имѣніа ихъ, и поиде къ Полтеску опять со множествомъ плѣна. Слышавъ же то Ярославъ, поиде ис Кіева, угони его у Домори реки и победи его, отпусти Ноугородцевъ, а Бречеславъ бежавъ къ Полтеску. И призва его Ярославъ, предасть ему два города, Всесвячь и Бибдескъ. Оттоле Ярославъ со Бречиславомъ **не** воевася до смерти своея» (ПСРЛ, т. XX. 2005: 89).

Известно, что именно Священное Писание и возникший на его основе корпус церковнославянских литературных произведений (как литургических, так и четьих) формировали литературный язык древнерусских монахов-летописцев и их историософское сознание, давая им возможность объяснить содержание и смысл прошлых и текущих исторических событий (Picchio 1977: 1–31; Пиккио 2003: 431–465; Данилевский 2004: 96; Гардзанити 2007: 32–34). Истолкование языка и сюжетной канвы русских летописей через библейские образы – прием, активно применяемый в настоящее время специалистами, изучающими тексты (Завадская 1988; Гиппиус 1994; Баловнев 1995; Петрухин 1998; 2000; Успенский 2000; Ранчин, Лаушкин 2002; Данилевский 2004; Ранчин 2007; Вилкул 2011; 2012). Библейские «шаблоны», использовавшиеся для описания сюжетных летописных коллизий, многократно становились предметом анализа. При исследовании подобным способом отдельных нарративов, однако, легко «перегнуть палку», учитывая эпическую простоту изложения событий в Священном Писании и стремление к тому же авторов летописей. Несомненно, справедливы и замечания исследователей о том, что

> «совершенно необязательно "библейская" поэтика в том или ином летописном фрагменте должна уподобить изображенное летописцем событие архетипу из Священного Писания: библейский стиль может применяться только как набор устойчивых словесных формул, не отсылающих непосредственно к Писанию. <…> Не всегда учитывается, что эти "микроцитаты" могли уже давно оторваться от библейского контекста и их использование, следовательно, не является сознательной отсылкой к тому или иному месту Священного Писания. Оборотами, почерпнутыми из Библии, полна церковная служба, сочинения христианских авторов, проникают они и в живую речь христиан, превращаясь в поговорки и присловья. Понятно, что восстановить путь попадания такой цитаты в исследуемый текст, а значит, дать корректную трактовку этому текстологическому факту, крайне трудно» (Ранчин, Лаушкин 2002: 125–126).

Соперничество племянников и дядей, войны за земли и скот, погони и политические компромиссы правителей и т. п. во все времена и у всех народов схожи. Как отмечают исследователи,

> «…чтобы говорить о сознательном обращении автора к Писанию, в тексте должен быть либо некий указатель библейского кода, метатекстовый элемент, указывающий на соотнесенность с Библией (отсылка, указание на источник),

либо соотнесенность с библейским архетипом должна прослеживаться как минимум в двух различных элементах интерпретируемого произведения. Мотивы и ситуации из Священного Писания должны входить в глубинную структуру древнерусского текста, соответствовать его теме и идее» (Ранчин, Лаушкин 2002: 125).

Таким «метатекстовым элементом», «structurally marked place» или «marked label», по Р. Пиккио (Picchio 1977: 6), является «седьмой день», но и без него создается впечатление, что весь рассказ НСГ проникнут аллюзиями на тему ухода Иакова от Лавана. Подборка смыслов оказывается весьма выразительной, хоть и не выстраивающейся строго в ветхозаветной последовательности. Это и характер родственных отношений героев (племянник и дядя), и мотив долгой службы одного другому, и тема скота и имущества, присвоенного племянником, наконец, река на пути бегства последнего.

Даже сюжету встречи на горе Галаад можно увидеть летописную параллель. *Судома*, о чем уже говорилось выше, не только имя реки, но и название окутанной преданиями о Божьем суде (несомненно, с глубочайшей древности) самой высокой горы между Новгородом и Полоцком. «Гора» в древнейшем русском летописании исполнена особым, сакральным смыслом, очевидно, восходящим к библейской традиции, на что уже обращали внимание исследователи (Данилевский 2008: 140–141). Не стоит пренебрегать и тем обстоятельством, что образ священной горы на пограничье хорошо известен в фольклоре скандинавов (Картамышева 2002: 97). Именно на севере Руси можно было бы ожидать его развития в представлениях о мифологическом пространстве. В Новгороде XI–XII вв., в эпоху новгородско-полоцких войн, этот доминирующий элемент пограничного ландшафта был, конечно, всем известен. При таком понимании материала в нашем распоряжении оказывается еще один аргумент в пользу новгородского происхождения развернутого повествования о событиях 1021 г. Вряд ли киевские монахи так хорошо разбирались в географии новгородско-полоцкого пограничья, что знали о горе Судоме.

Анализ летописного описания событий 1021 г. не может не заронить сомнения: не является ли весь сюжет ПВЛ и НСГ (за исключением короткого известия, сохранившегося в Н1) амплификацией на основе переработки новгородским (?) монахом-летописцем Книги Бытия, а попытка разобраться в самой исторической коллизии – лишь рудиментом «потребительского» подхода к источнику? Думается все же, что рассмотрение летописной информации через призму образов ветхозаветной истории не исключает реальной исторической подосновы известия. Об этом говорят такие реалии рассказа, как названия древнерусских городов и реки на границе новгородских и полоцких владений.

Итак, перед нами одно из загадочных известий НСГ о событиях XI в., связанных с новгородско-полоцкими войнами.[59] Генеалогия НСГ на протяжении многих лет служит предметом острой дискуссии, а источник интересующих нас «неизвестно откуда взятых» известий до сих пор остается неустановленным (Прохоров 1977; 1999: 138–139; 2006: 10–12; Лурье 1974; 1976; 1977: 200; 1994: 108–117; 2002; Бобров 1999; 2001; Бобров, Дмитриева 2002; Милютенко 2007; 2008). Предполагается, что этим источником послужил какой-то не сохранившийся в целостном виде летописный текст XI в. (Шахматов 2011: 188–239; Прохоров 1977: 188–189; Кучкин 1995; Милютенко 2008: 18; Гимон 2012: 104; Гиппиус 2012: 40–42). Большинство исследователей традиционно считает рассказ новгородским (Шахматов 2011: 209; Кучкин 1995: 101–102; Прохоров 1999: 150). Внимание автора известия к имущественной стороне полоцко-новгородского конфликта (к скотам, челяди и судьбе возвращенного в Новгород обоза Брячислава) выдает скорее новгородца, чем киевлянина. Впрочем, это поле остается свободным для догадок. Имеются исследователи, считающие, что известие о передаче городов может иметь как новгородское, так и киевское происхождение (Милютенко 2007: 594) или прямо происходить из киевского Начального свода (Гимон 2012а: 675).

Есть основания полагать, что летописи НСГ донесли до нас первоначальный, наиболее полный рассказ о событиях 1021 г. Рассказ этот, созданный, скорее всего, в Новгороде, был построен летописцем по образцу известного ветхозаветного сюжета. Развернутое известие о битве на Судоме вошло в цикл повествований о Ярославе Владимировиче как исполнителе Божественного Промысла в череде столкновений сыновей Владимира Святославича.

Terminus post quem для летописной фиксации событий 1021 г. определяется из текста самого известия – это кончина Брячислава Изяславича в 1044 г. До смерти Ярослава сюжет, прославляющий христолюбивое поведение князя в войне с племянником, не был актуален, так что terminus post quem можно, вероятно, поднять до 1054 г. Такой взгляд на известие в какой-то степени актуализирует приселковскую концепцию «монастырской программы междукняжеских отношений, способной примирить семейные счеты князей с политическим единством и силой Русской земли» (Приселков 2009: 55), в чем церковь была заинтересована экономически.

Утвердившись в этом мнении, можно попробовать пойти дальше и попытаться ответить на вопрос – по каким причинам оно попало в летопись, а также – когда и в силу каких обстоятельств оно было отредактировано. Среди «неизвестно откуда взятых» известий следует обратить внимание на одно событие 50–60-х гг. XI в., косвенно затрагивавшее Витебско-Усвятский регион, следовательно, представляющее интерес для нашей темы. Это загадочное сообщение о разделе Смоленска на три части, помещенное в Н4–НК1–С1 сразу же после описания похорон Ярослава Мудрого, а в Тв. в статье 1060 г.:

Н4	НК1	С1	Тв.
«В лѣто 6562. <…> По семъ раздѣлиша Смоленьскии на три части» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000: 118)	«В лѣто 6562. <…> И по сем раздѣлишя Смоленьскь на три части» (ПСРЛ, т. 42. 2002: 65)	«В лѣто 6562. <…> И по семъ раздѣлиша Смоленескъ на три части» (ПСРЛ, т. VI, вып. 1. 2000: 182)	«Въ лѣто 6568. Преставися князь Игорь Ярославичь въ Смоленьскѣ; княжилъ по братѣ Вячеславѣ три лѣта; и раздѣлиша Ярославичи Смоленескь себѣ на три части» (ПСРЛ, т. XV. 2000: 153)

Известие о разделе Смоленска представляет загадку. Оно настолько своеобразно, что нет оснований отказывать ему в достоверности. Ясно, что речь в нем идет не о древнерусском городе, располагавшемся на территории современного Смоленска. Если в 1054 г. там и существовало поселение, то оно было еще столь незначительно по своему геополитическому влиянию, что там просто нечего было делить (об этом см., например, Нефёдов 2012: 293). Речь, безусловно, идет о древнем Смоленске – т. е. о Гнёздове и подвластной ему территории. Из того, что раздел увязан со смертью Ярослава, можно понять, что именно он в последние годы жизни контролировал еще не разделенный Смоленск.

Едва ли можно сомневаться, что летописный раздел Смоленска и фиксируемый археологами финал Гнёздовского торгово-ремесленного поселения – отражения одного и того же события. Можно предположить, что на три части разделен был не столько город с таким названием, сколько доходы с подвластной ему территории. Как это произошло? Есть два возможных пути объяснения ситуации. Во-первых, можно, опираясь на версию Тв., вслед за А. А. Шахматовым датировать разделение Смоленска 1060 г. Но нам кажется, что проще придерживаться варианта НК1. Смоленск вполне мог быть разделен по смерти Ярослава. Одну из этих трех частей (охватывающую Верхнее Поднепровье с новым стольным городом) и получил по «завещанию» Ярослава его сын Вячеслав. В 1057 г. он умер в Смоленске, и стол его принял Игорь Ярославич (умер в 1060 г.). Что представляли оставшиеся две части и какова была их судьба в эти годы? Этого мы не можем знать достоверно. Но у нас появляется возможность ответить на вопрос: кому и зачем в середине XI в. понадобилось вспоминать о последствиях битвы на Судоме? Это нужно было Ярославичам, поделившим в 1054 г. Гнёздовское экономическое пространство, с которым Усвят и Витебск были тесно связаны. Очень вероятно, что до 1021 г. Витебск и Усвят входили в политическую орбиту Смоленска/Гнёздова, из которой они выпали в обмен на лояльность Полоцка к политике Ярослава в Верхнем Поднепровье. После смерти Брячислава и Ярослава создавались условия для пересмотра status quo и возвращения городов под юрисдикцию Смоленска.

Претензии Смоленска в XII в. на Витебское княжение известны. Правда, после 1021 г. упоминаний о Витебске (игравшем по отношению к Усвяту роль «старшего города») мы не встречаем в летопиях вплоть до 1165 г., когда Ипат. сообщает:

> «В лѣто 6673. <…> Том же лѣтѣ Давыдъ Ростиславичь сѣде Витебьски» (ПСРЛ, т. II. 1871: 359).

Но существуют косвенные данные о возможной принадлежности Витебска Смоленску ранее занятия витебского стола сыном Ростислава Смоленского. Л. В. Алексеев обратил внимание на то, что среди городов, оказавшихся в конце лета 1127 г. под ударом коалиции князей во главе с Мстиславом Великим, Витебск не назван (Алексеев 2006: 123). Напомним, что наступления союзных ратей были направлены с юга на Изяславль, на Логожск и на Стрежев с Борисовом (ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000: 144). Смоленское войско двигалось на Друцк, а новгородское – на Неколочь (ныне – озеро Неклочь, в истоке реки Полоты), выходя напрямую к окрестностям Полоцка (ПСРЛ, т. I. 2001: 299; ПСРЛ, т. II. 1998: 293). Л. В. Алексеев прав – действительно мы видим, что новгородцы и смоляне странным образом обходят пограничные Витебско-Усвятские земли (несомненно, богатые потенциальной военной добычей) с юга и северо-запада.

Усвят и Витебск, казалось бы, окраинные и самые беззащитные для врагов Всеслава и его потомков области, на протяжении всей второй половины XI–XII в. оказываются вне театра военных действий, связанных с киевско-новгородско-полоцкими усобицами. Версия о том, что, несмотря на их передачу Полоцку в 1021 г., два города временами «тянули» к Смоленску, где сидели сыновья Ярослава, могла бы удовлетворительно объяснить эту ситуацию.

Все вышеизложенное лежит, конечно, в области гипотез. Нужно признать, что разглядеть за летописными перипетиями борьбы княжеских кланов XII в. подлинные судьбы Витебска и Усвята эпохи Ярослава Мудрого и Всеслава Брячиславича – не получается (об этом см.: Богданов, Рукавишников 2002; Рукавишников 2003). Не следует забывать, что основной источник по исторической географии Смоленской земли – уставные документы смоленской епископской кафедры (в первую очередь древнейший из них – устав Ростислава 1136 г.) – не дают никаких оснований говорить о распространении во второй четверти XII в. владений смоленского князя на Витебско-Усвятский регион, связанный со старейшей Полоцкой епископией, основание которой относится, вероятно, еще к эпохе Владимира Святославича (Подскальски 1996: 53, 56, 60).

Но кто, зачем и на каком из этапов формирования ПВЛ сократил рассказ 1021 г., обеднив его духовное содержание и лишив одного из самых ярких образов – передачи городов как апофеоза кроткого поведения Ярослава? При этом новый редактор затемнил ветхозаветный смысл повествования и случайно переиначил на южный лад название неведомой в Киеве северной речушки. Связь ее с окутанной преданиями пограничной горой Судомой была ему неизвестна. Возможно, ответ следует искать в текущей конъюнктуре киевско-полоцких политических отношений. Позволю себе высказать предположение на этот счет в самой предварительной форме.

Всеслав за время своего семимесячного пребывания на киевском столе пытался наладить отношения с Печерским монастырем, центром зарождающегося летописания, обладавшим серьезным внутриполитическим влиянием. Сложно сказать, насколько князь преуспел в своих попытках, но ПВЛ в известии о событиях 6576/1068 г., наряду с характерным для нее прямым осуждением вероломной княжеской политики, сохранила как будто и следы некоторых симпатий к Всеславу. Во всяком случае, образ князя, возносящего молитву к честному кресту и кротко уклоняющегося от сражения за Киев, не соответствует тому портрету тайного язычника (всю жизь носившего данный волхвами амулет) и кровопийцы, который дает ПВЛ в общей ретроспективе. Контакты полоцкого князя с преподобным Антонием Печерским привели к тому, что после возвращения в 1069 г. в Киев Изяслава и бегства Всеслава в Полоцк обитель подверглась гонениям. Неизвестно, какая участь постигла бы Антония, если бы он тайно «в ночь» не отъехал к Святославу в Чернигов (ПВЛ 1996: 83). Вряд ли Изяслав подверг Антония опале «не испытавъ», как простых киевлян. Во всяком случае, конфликт длился достаточно долго, чтобы Антоний успел основать в Чернигове монастырь Богородицы на Болдиных горах. В Киев он, очевидно, вернулся лишь через несколько лет после 1069 г., незадолго до своей смерти. Не следствием ли этих событий и инициативы Изяслава явилась редакция в части полоцких событий летописного свода, над которым шла работа в монастыре? В таком случае летопись,

содержавшую развернутое известие о конфликте 1021 г., следует датировать в интервале 1054–1074 гг. Такое объяснение кажется наиболее вероятным, хотя бесспорный ответ на этот вопрос едва ли возможен.

Занимаясь историей первой на Руси войны племянника с дядей, я побывал на берегах реки Судомы, пройдя по древней дороге, идущей из Новгорода на Полоцк по левому ее берегу. Этот регион мало исследован археологически, но несомненно – долина Судомы в X–XI вв. была густо заселена. Об этом говорят могильники с сопками, венчающими наиболее возвышенные участки ее берегов. И отовсюду от них видна огромная темная гора Судома – мифический символ Божего Суда.

1.4.2. О падении значения Витебска и Усвята в 1021 г.

Допустив историческую достоверность всего комплекса свидетельств о битве на Судоме и ее последствиях, мы должны обратиться к следующей проблеме 1021 г. – к логическому противоречию между свидетельствами Н1 и ПВЛ, с одной стороны, и известием НСГ – с другой. В освещении Н1 и ПВЛ Ярослав одерживает несомненную победу. Полоцкий князь разгромлен и бежит. Казалось бы, для обращенного в бегство Брячислава Изяславича настало время вспомнить известную формулу «что ми ни вдаси, то язъ приму», с которой некогда отправился на поклон к его деду побежденный Ярополк Святославич.

Дополнение НСГ резко меняет оценку происходящего. Выясняется, что, несмотря на временную неудачу, победа в войне остается за Брячиславом Изяславичем.[60] Уступка же Ярославом (который так успешно начал военные действия) своему политическому противнику двух важнейших пунктов, контролировавших летописный волок с верховьев Днепра до Ловати, выглядит необъяснимой политической ошибкой или слабостью.

Данные для размышлений на тему последствий передачи Полоцку Усвята дают нам исследования В. Л. Янина, посвященные истории формирования новгородско-полоцкого и новгородско-смоленского пограничья XII–XV вв. Обратив внимание на практику совместного новгородско-литовского владения Пусторжевской и Великолукской областями, закрепленную докончаниями Новгорода с Литвой 1431 г., 1441–1442 и 1471 гг., исследователь предположил, что эта практика восходит к новгородско-полоцким отношениям эпохи независимости последнего от Литвы. Основанием для подобного предположения В. Л. Янину послужила география малых новгородских крепостей XIII–XIV вв., огибавших с северо-востока и севера территории Пусторжевской и Великолукской земель и Холмского погоста. Конфигурация приграничной оборонительной линии Новгорода, по мнению исследователя, наводит на мысль о том, что его возможности по строительству фортификаций в этих землях были юридически ограничены уже в эпоху Александра Ярославича (Янин 1995: 128–133; 2004: 230). Исключение составляли Луки, которые новгородцы последовательно отстаивали и где отстроили крепость в 1211 г.[61] Если Полоцк в XII–XIII вв. действительно контролировал Великолукскую землю на условиях разделения власти с Новгородом, основным опорным пунктом Полоцка в установлении контроля над этим регионом мог быть только Усвят, противостоявший новгородским Лукам. Летописные материалы позволяют возвести начало этого противостояния к 1021 г.

Как показало XIII столетие, Усвят и Витебск имели огромное стратегическое значение для безопасности Новгородской земли, и передача их Ярославом (тесно связанным с Новгородом) под контроль враждебного рода потомков Рогнеды именно после неудачного набега Брячислава на Новгород всегда производила на историков странное впечатление. Несомненно, именно под его воздействием в историографии возникло предположение, что Усвят и Витебск до похода новгородцев на Полоцк в 970 г. находились под контролем последнего, а поход 1021 г. преследовал цель – вернуть Полоцку его владения в Двинско-Ловатском междуречье (об этой догадке см., например: Барсов 1885: 183, 273; Довнар-Запольский 1891: 47–48; Сапунов 1893: 373; Романов 1898: 86; Середонин 1916: 230; Янин, Алешковский 1971: 48; Штыхов 1978: 55; Толочко 2011: 104). Когда-то и автор этих строк

склонен был со вниманием отнестись к этой старой идее (Еремеев 1997а: 272–273). Все же она представляется трудно доказуемой. Сведения русских летописей о том, что Усвят лежит именно в Полоцкой земле, относятся только к 1226 г.

Следует обратить внимание на то, что к 1020-м гг. угасает жизнь в Гнёздово – в важнейшем звене Пути из варяг в греки. Недавно в распоряжении археологов оказались дендродаты из культурного слоя пойменной части гнёздовского селища. Получена, в частности, дата – 1002 г. (Мурашева, Авдусина 2007: 12). Возможно, в первые годы и даже в первые два десятилетия XI в. Гнёздово еще сохраняло свое «международное» значение, как считают авторы новейших исследований (Мурашева, Авдусина 2007: 26), но к 1021 г. явно находилось уже в состоянии упадка.

Значение Гнёздова (древнего Смоленска) в политической жизни Древней Руси до середины XI в., несомненно, недостаточно осознано исторической наукой. Письменные источники не сообщают нам почти ничего достоверного об истории «гнёздовского» Смоленска. О могуществе и геополитической сфере влияния этого центра мы можем судить только по конфигурации Смоленской земли XII–XIII вв. Источники, относящиеся к этому времени, указывают на то, что к северу от Западной Двины Смоленску были подвластны Жижеч, Торопец и, возможно, важнейший стратегический микрорегион на Ловати – Холм (Янин 2004: 230). Именно через эти области проходило древнейшее ответвление Пути из варяг в греки (Еремеев 2005). У нас нет оснований отказываться от предположения, что это территориальное деление восходит к рубежу X–XI вв., когда Гнёздово находилось в зените своего могущества, составляя конкуренцию Новгороду и Киеву.

После упадка Гнёздова все эти подконтрольные ему территории предоставили для Ярослава более удобную систему коммуникаций, чем область верховьев Ловати, на которую претендовал Полоцк. Закат Гнёздова и подчинение его Киеву резко снижали экономическое значение Витебска и Усвята. Об их стратегической роли на «литовском» военном направлении никто еще не думал. Все это давало возможность Ярославу использовать Усвят и Витебск для политического компромисса, не прерывая коммуникаций между Киевом и Новгородом. Ярослав расстался с областью, утратившей (или утрачивающей) былое геополитическое значение. В XI в. резко повысилось экономическое значение Юго-Восточной Прибалтики, что хорошо видно по большому количеству кладов, выпадающих после 1000 г. в Нижнем Подвинье и в области к западу от Чудского озера (рис. 48). Недаром экспансия Полоцка вскоре обратится на запад вдоль Даугавы, где к началу XII в., как зафиксировала ПВЛ, в кровопролитных войнах ему удастся на непродолжительное время расширить область своего военно-политического влияния (дани) почти до Рижского залива. Область к западу от Чудского озера попадает в зону интересов Ярослава, основывающего здесь в 1030 г. город Юрьев. Этот раздел сфер влияния в Прибалтике между потомками Изяслава Владимировича и Ярославом Мудрым, между Полоцком и Новгородом, следует, вероятно, считать прямым и важнейшим следствием политического компромисса, имевшего место в 1021 г.

1.4.3. О причинах и обстоятельствах похода Брячислава на Новгород в 1021 г.

Не добро бо есть преступати предѣла чюжего.
Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи

К сообщению ПВЛ поздние летописи прибавляют весьма знаменательную фразу про *весь полонъ и скоты* (по С1) или *всь полонъ и скотъ* (по Н4 и НК1), выведенные Брячиславом из Новгорода. Для наших дальнейших наблюдений важно определить значение, в котором здесь употребляются слова *скот* и *скоты*.

Как известно, слово *скот* в древнерусском языке, помимо собирательного названия домашних животных, обозначало также *подать, имущество* или *деньги* (Фасмер 1987: 655; Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 25. 2000: 7; Трубачев 2008: 373). В этом, втором значении слово встречается в русских летописях, повествующих о со-

бытиях XI в. В Лавр. в погодной статье 1018 г. читаем:

> «Начаша скотъ събирати от мужа по 4 куны, а от старостъ по 10 гривен, а от бояръ по 18 гривен. И приведоша варягы, и вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многы» (ПВЛ 1996: 63).[62]

В Русской Правде (в так называемой Правде Ярослава) слово *скот* также фигурирует в значении *деньги, имущество*:

> «Аще гдѣ взыщеть на друзи проче, а онъ ся запирати начьнеть, то ити ему на изводъ пред 12 мужа, да аще будя обидя не вдалъ достоино ему свои скот, а за обиду 3 гривнѣ.
>
> Аще кто челядинъ поняти хощеть познавъ свои, то ко оному вести и, у кого то будет купилъ, а тои ся ведет къ другому, даже и доидеть до третьяго, то рци третьему: въдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоци. <…>
>
> А иже изломить копие, ли щитъ, или портъ, а начнеть хотѣти его держати у себе, то прияти скота у него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣтати, то скотом ему заплатитъ, колко далъ будет на немъ» (ПСРЛ, т. III. 2000: 177).

Упоминания о *скоте*, допускающие подобное толкование, встречаются и в описаниях значительно более поздних событий. Например, в Ипат. под 6654/1146 г.:

> «…И розъграбиша Кияне съ Изяславомъ домы дружины Игоревы и Всеволожѣ, и села, и скоты, взяша имѣнья много в домехъ и в манастырехъ» (ПСРЛ, т. II. 1871: 233).

Большей же частью в ПВЛ и более поздних русских летописях слова *скот* и *скоты* обозначают именно домашних животных.[63] Вот некоторые из упоминаний Лаврентьевской летописи:

Недатированная часть ПВЛ	В лѣто 6494	В лѣто 6504	В лѣто 6576	В лѣто 6611
«Амазоне же мужа не имуть, но и аки скотъ бесловесный единою лѣтомъ къ вешнимъ днемъ оземьствени будуть; и сочетаются с окрестными мужи» (ПВЛ 1996: 11)	«И покори Богъ Адаму звѣри и скоты, и обладаше всѣми, и послушаху его» (ПВЛ 1996: 41)	«…и приходити боляром, и гридем, и съцьскым, и десяцьскым, и нарочитымъ мужем, при князи и безъ князя. Бываше множество от мясъ, от скота и от звѣрины, бяше по изобилью от всего» (ПВЛ 1996: 56)	«Послахъ на вы различныя болѣзни и смерти тяжкыя, и на скоты казнь свою послах» (ПВЛ 1996: 73)	«Посем же сѣдоша братья, побѣдивше врагы своя, и приведоша Белдюзя к Святополку, и нача Белдюзь даяти на собѣ злато, и сребро, и конѣ, и скотъ» (ПВЛ 1996: 118)

Описание похода Брячислава на Новгород в 1021 г. – самое раннее (по формальной привязке к событийной исторической канве) погодное известие русских летописей, в котором встречается формула *полон и скот*. Она входит в употребление в древнейших русских летописях лишь относительно событий, происходивших с конца XI в., и далее фигурирует в источниках вплоть до окончания летописной традиции.[64] Военные действия предшествовавших 1021 г. времен, да и более поздних лет, вплоть до эпохи Владимира Мономаха (1053–1125 гг.), описываются в летописных текстах по-иному. Понятно, что нет смысла апеллировать к летописным описаниям событий эпохи Владимира Святого и его предшественников, изложенным в эпическом духе. Скоту там нет места. Но отсутствует интересующая нас формулировка и в подробных известиях ПВЛ и Н1, относящихся к эпохе Ярослава. Сходные события с выводом полона (а без скота в таких случаях не обходится, ибо пленных, как и воинов, необходимо кормить в пути) изложены там по-иному:

> «В лѣто 6526. <…> Болеслав же побѣже ис Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его, и Настаса пристави Десятиньнаго ко имѣнью, бѣ бо ся ему ввѣрилъ лестью. И людий множьство веде с собою, и городы червеньскыя зая собѣ, и приде в свою землю» (ПВЛ 1996: 63).
>
> «В лѣто 6530. <…> И вынзе ножь, и зарѣза Рededю. И шедъ в землю его, взя все имѣнье его, и жену его и дѣти его, и дань възложи на касогы» (ПВЛ 1996: 64).
>
> «В лѣто 6539. Ярославъ и Мьстиславъ собраста вой многъ, идоста на Ляхы, и заяста грады червеньскыя опять, и повоеваста Лядьскую землю, и многы ляхы приведоста, и раздѣливша ѧ» (ПВЛ 1996: 65).

Возможно, увод части скота, необходимого для прокорма пленных, и тотальный угон домашних животных – различные мероприятия с точки зрения тактики средневековья. Первое действие расценивалось как само собой разумеющееся и не отражалось в летописных записях. Второе – привлекало внимание хронистов, так как для проигравшей стороны грозило всеобщим голодом и смертью. Что же все-таки захватил Брячислав в Новгороде –

денежные сбережения горожан или домашний скот?

Очевидно, чтобы попытаться ответить на этот вопрос, нужно в первую очередь обратить внимание на традиционные для своего времени описания боевых действий, помещенные в летописи в XI–начале XII в. Дважды мы встречаем в Лавр. упоминания о домашнем скоте в связи с общепринятой практикой ведения войны:

В лѣто 6603	В лѣто 6611
«Святополкъ же и Володимеръ идоста на вежѣ, и взяста вежѣ, и полониша **скоты и конѣ, вельблуды и челядь,** и приведоста я в землю свою» (ПВЛ 1996: 96)	«И посем сняшася братья вся, и рече Володимеръ: “Сь день, иже створи Господь, възрадуемся и възвеселимся во нь; яко Господь избавилъ ны есть от врагъ нашихъ, и покори врагы наша, и скруши главы змиевыя, и далъ еси сих брашно людем русьскым”. Взяша бо тогда **скоты, и овцѣ, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ с добытком и с челядью,** и заяша печенѣгы и торкы с вежами. И придоша в Русь с полоном великым, и с славою и с побѣдою великою» (ПВЛ 1996: 118–119)

Кроме того, упоминания о «скотах», страдающих от военных действий, встречаются и в Поучении Владимира Мономаха:

> «И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читѣевичи, к Мѣньску: изъѣхахом городъ, и не оставихом у него **ни челядина, ни скотины**» (ПВЛ 1996: 103).

События 1178 г. в Ипат. описаны с использованием той же формулировки:

> «В лѣто 6686 <...> И тако пойде Мьстиславъ на Чюдьскую землю, и вшедъ в ню, и стоя в ней до того же дни, воюя по всей землѣ ихъ; и тако пожже всю землю ихъ, и ополонившеся **челядью и скотомъ**, и возъвратишася восвояси, приимше отъ Бога на поганыя побѣду, славою и честью великою» (ПСРЛ, т. II. 1871: 412).

Как видно из последних четырех записей, захват «скота» и «челяди» (именно в таком сочетании) является обычным элементом военных действий (и викингских походов), а его описание – стандартной летописной формулой XII столетия.[65] Вероятно, вместе с «новгородцами» (т. е. свободными людьми) Брячислав вывел из Полоцка полон зависимого населения и домашний скот.

По одной из версий, составление гипотетического летописного свода (его существование оспаривается), лежащего в основе Н4, НК1 и С1, относится к первой половине XV в.; в более точных датировках у разных исследователей существуют значительные расхождения (Клосс 2000: XI–XIII; Бобров 2001: 65; Милютенко 2007: 586). Так не могло ли известие об Усвяте и Витебске быть выдумано около этого времени с какими-то политическими целями? Именно к такому выводу может, в частности, привести эта линия исследования, что и было отмечено в свое время Г. М. Прохоровым (Прохоров 1999: 139). Думается, в решении этого вопроса нам и могут прийти на помощь новгородские скоты, которым выше мы уделили так много внимания. Действительно, если «неизвестно откуда взятое» повествование про передачу городов в пограничном русско-литовском Подвинье можно было бы объяснить как позднюю вставку, как элемент какой-то не вполне понятной нам сейчас русско-литовской политической интриги времен Василия I и Витовта (например, ссылку на некий исторический прецедент в текущей политической борьбе), то такой эпизод, как угон воинами Брячислава скота (распространенный тактический прием военного набега XI в.), выглядит совершенно реалистично и, как показано выше, вполне соответствует стандартным характеристикам военных действий, заносившимся на страницы летописей в конце XI столетия. Для позднего же летописца (например, проводника предполагаемой интриги начала XV в.) выдумывать этот эпизод не имело никакого смысла. В поздней геополитической конъюнктуре упоминание о новгородских скотах, много лет как околевших, вряд ли могло послужить чьим-либо практическим интересам. Мы будем исходить из этих предположений, оставив последнее слово исследователям летописных текстов.

В летописных описаниях событий 1021 г. мы ничего не читаем о причинах, повлекших столь масштабные военные столкновения и существенное перераспределение территориально-политических границ в самом центре русских земель. Возникает множество вопросов, ответы на которые можно попробовать обозначить, лишь расширив круг источников и обратившись к свидетельствам западноевропейских анналов и к археологическому материалу.

Первые шаги на этом пути уже сделаны исследователями древнего Новгорода. В программной работе В. Л. Янина и М. Х. Алешковского была сформулирована гипотеза, что полоцкий князь военным путем пытался реализовать свое «княжое право» на Новгород как на древний центр межплеменной федерации, в состав которой входили кривичи. Полоцкие князья, по мнению авторов, «вдохновлялись идеями былого единства кривичей» (Янин, Алешковский 1971: 48). Предания о былом значении кривичей в политическом быте восточных славян (о них говорилось выше), конечно, были известны Брячиславу с сыном, но о том – насколько они служили им руководством к действию – источники не дают ни малейшего представления. Что же касается «княжого права», то совершенно очевидно, что стратегия Брячислава (как и его сына в дальнейшем) отнюдь не была направлена на подведение Новгорода под свою власть. Такие действия, как вывод полона из столицы и сельской местности («новгородской области/волости»), угон скота, осквернение святынь – все это больше похоже на поход викингов или межплеменную войну. Последнее более вероятно, поскольку без боя захватить такой многолюдный город, как Новгород, в 1021 г. вряд ли было возможно только лишь силами дружины полоцкого князя, даже при участии варягов. Для этого, вероятно, требовалось ополчение, собранное едва ли не со всей Полоцкой земли. Рискованно было бы предполагать массовое желание полочан проливать кровь за «идеи былого единства кривичей», вероятно, давно существовавшие только в былинах. Представляется, что в работе В. Л. Янина и М. Х. Алешковского имеет место некоторая модернизация «идеологической» подоплеки полоцко-новгородского конфликта.

Но почему для своего демарша Брячислав выбрал время, когда Ярослав, разгромив наконец в изнурительной борьбе Святополка, «отер пот с дружиною своею» и прочно сел на Киевском столе? Казалось бы, самым удачным временем для предъявления территориально-экономических или иных претензий были предшествовавшие годы новгородско-киевско-польской смуты. Это аксиома политической борьбы, а Брячислав в 1021 г. хоть и был молод, но едва ли оставался неопытным юношей, как его некогда характеризовал Н. М. Карамзин.[66]

Летописи не оставили нам каких-либо достоверных сведений о деятельности Брячислава Изяславича за весь долгий период его властвования. Не сохранились и характерные легенды, вроде тех, которыми окружены яркие личности его бабки и сына. Можно сказать, что, если бы не поход 1021 г., мы вовсе ничего не знали бы из русских летописей о Брячиславе. Эти обстоятельства заставляют думать о нем как о весьма осторожном деятеле. Что же случилось в 1021 г., что могло спровоцировать Брячислава на новгородскую авантюру? Летопись не дает ответа на этот вопрос, но некоторый свет на события проливают «Прядь об Эймунде» и, как мне кажется, западноевропейские анналы.

Из всех известных нам политических событий, произошедших на Руси в 1019–1020 гг., Полоцк непосредственно затрагивало только одно происшествие – уход наемного варяжского контингента под предводительством Эймунда от Ярослава из Киева (и Новгорода?) к полоцкому князю (Джаксон 1994; 2012).

«Прядь» (литературная вставка в Сагу об Олаве Святом) об Эймунде Хрингссоне посвящена, как известно, приключениям скандинавских наемников на русской службе в период межкняжеских усобиц, последовавших за смертью крестителя Руси Владимира Святославича. Реконструкции событий русской истории по «пряди» посвящено изрядное количество исследований (Лященко 1926; Рыдзевская 1940; Заяц 1993; Джаксон 1994; Назаренко 2001; Мельникова 1978; 2011; Толочко 2011; Михеев 2005; 2006; 2009). Здесь все спорно. Повествование об Эймунде действительно переполнено фольклорными штампами и в значительной степени подчиняется сказочным композиционным принципам. Споры вызывает и хронология «Пряди об Эймунде». А. В. Назаренко пришел к выводу о том, что Эймунд не мог появиться на Руси ранее 1019 г., а значит, и его участие в междоусобной борьбе сыновей Владимира следует принимать как «чисто литературное произведение» (Назаренко 2001: 454). В одной из последних работ, посвященных этой теме, Е. А. Мельникова высказала предположение о том, что «Прядь об Эймунде» состоит из двух произведений – рассказа об Эймунде на службе у Ярослава и отдельного нарратива, героем которого выступает некий «иной викинг», участвовавший в походе Брячислава на Новгород

в 1021 г. (Мельникова 2011: 264–268). К подобным выводам исследовательница пришла в результате анализа композиции саги, первая часть которой (Эймунд на службе у Ярослава) обнаруживает, по ее мнению, «цельный нарратив с очевидной исторической основой сюжета»; в то время как вторая часть (Эймунд на службе у Вартилава/Брячислава) «композиционно рыхла», а связь самого Эймунда с описываемыми событиями «крайне слаба и, скорее всего, искусственна». Аргументы Е. А. Мельниковой лежат более в области литературной критики, нежели исторического источниковедения.

Пока будем основываться на двух положениях. Во-первых, на общепринятом в науке мнении о единстве главного персонажа и сюжета «Пряди об Эймунде», в основе которой лежит конфликт неудачливого и скупого иноплеменного конунга со знатным предводителем викингов, добивающимся в итоге достойного материального вознаграждения и даже «конунгства» (мечта любого наемника). Во-вторых, на представлениях о связи второй части рассказа об Эймунде и его соратниках с событиями 1021 г. (конфликт Ярослава с полоцким князем и перераспределение владений на Северо-Западе Руси).

Изложение событий в саге завершается эпизодом раздела русских земель между братьями – Ярославом и Вартилавом. Последнее имя, искаженное скандинавским произношением, оставляет историкам некоторый простор для отождествления его обладателя с персонажами русских летописей. Большинство исследователей традиционно видит в Вартилаве – Брячислава Полоцкого. В саге сообщается:

> «Было объявлено от имени Вартилава конунга, что княгиня будет устраивать мир. Она сказала Ярицлейву конунгу, что он будет держать лучшую часть Гардарики – это Хольмгард, а Вартилав – Кэнугард другое лучшее княжество с данями и поборами; это наполовину больше, чем у него было до сих пор. А Палтескью и область, которая сюда принадлежит, получит Эймунд конунг, и будет над нею конунгом, и получит поборы целиком, которые сюда принадлежат, “потому что мы не хотим, чтобы он ушел из Гардарики”. Если Эймунд конунг оставит после себя наследников, то они будут после него в том княжестве. Если же он не оставит после себя сына, то [оно] вернется к тем братьям. Эймунд конунг будет также держать у них оборону страны и во всем Гардарики...» (Джаксон 1994: 118).

Передача Полоцка под наследственную власть предводителя варяжской дружины выглядит, конечно, совершенно фантастически, по крайней мере для того времени, о котором повествует источник. Маловероятной кажется и любая передача в управление «коренных» Полоцких земель.

Допустимой представляется распространенная гипотеза о передаче Брячиславом Эймунду власти над какими-то территориями вдоль Даугавы (Джаксон 1994: 172). Археологические данные, как мы уже видели, вполне подтверждают такую возможность. Но, как известно, русские летописи, сведения которых можно проецировать на XI в., не упоминают латгалов в числе данников руси, а селов не знают вовсе. Речь может идти, таким образом, скорее о низовьях Даугавы. Но, по некоторым данным, в правление Брячислава Изяславича дань с этих территорий собирали шведы.

Для понимания обстановки на Даугаве в первой половине XI в. нам важно свидетельство «Саги об Ингваре Путешественнике». Вспомним известный эпизод, события которого датируются 1030-ми гг:

> «В то время, когда родичи – Энунд и Ингвар – повзрослели, с конунгом Олавом враждовал тот народ, который зовется земгалы, и уже некоторое время они не платили дани. Тогда послал конунг Олав Энунда и Ингвара на трех кораблях собрать дань. Пришли они в страну и созывают жителей на тинг, и собрали там дань с их конунга. Ингвар проявил совершенство своего красноречия, так что конунгу и многим другим хёвдингам показалось, что нет другого решения, кроме как заплатить дань, которую [с них] потребовали, кроме трёх хёвдингов, которые не захотели выполнить решение конунга, и отказались отдать дань и собрали войско. Когда конунг услышал об их поступке, попросил он Энунда и Ингвара биться с ними и дал им войско. Они сразились, и много людей полегло, прежде чем они обратили хёвдингов в бегство. Когда они отступали, был схвачен тот из них, кто больше всех противился тому, чтобы отдать дань, и они повесили его, но другие двое убежали. Они взяли там много добра в счет военной добычи, и забрали всю дань, и повезли всё это конунгу Олаву, и привезли ему большое богатство золотом и серебром и драгоценностями» (Глазырина 2002: 254–255).

Приведенный фрагмент неоднократно становился предметом анализа исследователей (Глазырина 2002: 302–303, там литература). Г. В. Глазырина отнеслась к нему скептически,

считая его литературным нововведением XII–XIII вв. Основанием для этого заключения послужил необычный сюжет о тинге и красноречии Ингвара, призванный подчеркнуть христианское миролюбие скандинавов на фоне нарастающего германского (и скандинавско-германского в частности) «Drang nach Osten» на прибалтийских землях (Глазырина 2002: 303–304). Ни в коей мере не претендуя на окончательное решение вопроса, нам представляется уместным заметить, что рассказ о сборе Ингваром дани делится фактически на два отдельных сюжета. Один из них – о миролюбивом характере Ингвара – действительно разнится с общим духом скандинавских преданий о набегах викингов на восточноприбалтийские племена и производит впечатление вставки. Идея Г. В. Глазыриной о его позднем литературном происхождении убедительна. Вторая же часть повествования представляет собой традиционный для Скандинавии рассказ о походе юного викинга за славой и богатством. В сущности, перед нами почти сюжет «Сказания о варяжской дани» Повести временных лет, но с обратным исходом. Такие локальные «изгнания варягов», удачные и неудачные, и следовавшие за ними карательные экспедиции случались, надо полагать, на Балтике в то время нередко. Историчность Ингвара не подлежит сомнению (об этом свидетельствуют многочисленные рунические камни). Взимание дани скандинавами с населения Нижнего Подвинья, в свете вышеперечисленных археологических свидетельств X–XI вв., представляется более чем вероятным делом. Кажется, скандинавы действительно контролировали в первой трети XI в. низовья Даугавы. Примечательно, что дань здесь собирает предводитель, тесно связанный с Русью, — Ингвар Путешественник.

Не связаны ли события «Саги об Ингваре Путешественнике» и отказ земгалов платить дань шведскому конунгу с началом распространения на нижнее течение реки военного влияния Полоцка? На этот вопрос источники ответа пока не дают. Остается надеяться на будущие археологические находки.

В отечественной научной историографии распространено скептическое отношение к скандинавским свидетельствам о важной роли Эймунда и его соратников в политической жизни Руси. Действительно заметно, что саги традиционно преувеличивают эту роль. Но и умалять ее в связи с событиями 1021 г. не следует, ибо взгляд на Эймунда не только как на военного авантюриста, но и на политика многое может нам объяснить в противоречивых событиях новгородско-полоцкого конфликта. В 1010-е гг. варяги на Руси приобрели особое политическое влияние. Несомненно, множество отрядов норманнов находилось на службе в разных княжениях. Однако основной силой, сплоченной длительными и успешными боевыми действиями, были варяги Эймунда, долго служившие Ярославу. Не так уж важно – руководил ли ими Эймунд с начала братоубийственного конфликта, возглавил дружину в 1019 г. или позднее, как думает А. В. Назаренко. Нет оснований не доверять основной событийной канве «Пряди об Эймунде», согласно которой его воины расстались с киевским князем обиженные его скупостью. Русским летописям тоже известна жадность северных наемников. А ведь, по их мнению (недалекому от истины), именно им Ярослав был обязан завоеванием киевского стола.

Не стали ли Эймунд и его соратники одной из движущих сил в организации нападения на Новгород в 1021 г.? У них были свои счеты не только с Ярославом, но и с новгородцами. Надо полагать, за прошедшие с 1015 г. шесть лет варяги Ярослава еще не забыли резни «в Поромоньем дворе». Не могли ли эти обиды вкупе со старыми счетами полочан к Новгороду подтолкнуть Брячислава к принятию решения о походе на север?

В этом случае передача разгромленному и бежавшему с поля боя Брячиславу Усвята и Витебска выглядит вполне оправданно. Эту уступку Ярослав мог сделать не столько полоцкому князю, сколько Эймунду. Конечно, Эймунда и его воинов, совсем недавно сражавшихся в его войске (и с которыми его связывали финансовые обязательства), Ярослав не мог расценивать как заклятых врагов. Не в этом ли кроется причина его странной уступчивости? Важное значение на волоке «с верха Днепра до Ловати» Витебска, бывшего в начале XI в. не меньше самого Полоцка, не подлежит сомнению. Достаточно крупным раннегородским центром был и Усвят. В обоих городах отчетливо представлены североевропейские древности X–XI вв., что говорит о заметной доле варягов среди местного населения. Рас-

сказы о важной роли скандинавских «находников» в политической жизни этих городов вполне могли в варяжской дружинной среде со временем принять форму сказаний о власти удачливого вождя викингов над самим Полоцком.[67]

Пожалуй, гипотеза о возникновении после 1021 г. «буферного» варяго-русского княжества/наместничества могла бы объяснить отмеченное Л. В. Алексеевым неучастие Витебско-Усвятского региона в военных событиях второй половины XI–XII в.

Некоторые дополнительные сведения о 1019–1021 гг. мы находим в немецких письменных источниках XI в. Исследователи давно обратили внимание на крайне неблагоприятные погодные условия зимы 1019/20 г. В труде С. И. Бараша, специально исследовавшего динамику неурожаев в Европе, 1020 г. отнесен к числу «чрезвычайно неурожайных и очень голодных» (Бараш 1989: 43–44, 228). Действительно, Кведлинбургские анналы сообщают об исключительных ненастьях и неурожаях, постигших Южную Прибалтику в 1020 г. Следом за ними, как часто бывало, вспыхнули эпидемии:

> «В этом году зима была холоднее и дольше обычного и настолько суровая, что очень многие умерли, убитые силой холода; за ней последовала неслыханная прежде пагуба и смертность, которая опустошила почти весь круг земной внезапной погибелью и во мгновение ока неожиданно уносила здоровых и вполне уверенных в своем благополучии людей, веселившихся во время пиров» (Немецкие анналы 2012: 77).

Вслед за необычайно морозной зимой на берега рек Южной Прибалтики обрушились обильные паводки. Судя по сложностям, возникшим потом с погребением жертв наводнений, последние были весьма длительными:

> «Удивительное и неслыханное во все века событие случилось, как говорят, с жителями северного края. Ибо реки Эльба и Везер, не только вытекшие из своих берегов благодаря необычной мощи наводнения, но, лучше сказать, вырванные с самого дна чудовищной силой ветра, затопили города, деревни и все пределы широко раскинувшихся вокруг земель, поднявшись выше, чем даже холмы и горы, которые природа укрепила высотой более прочих, и, что печальнее и невероятнее всего услышанного, целые селения, не нарушив связи построек, перенесли с одного берега на другой вместе с жившими там людьми и поставили в том же положении, что и прежде. <...> Что говорить о телах умерших? Огромное их количество, с трудом поддающееся исчислению, было собрано в огромные, подобные насыпям, кучи; после того как наводнение стало убывать и благочестивое рвение некоторых людей постаралось предать их должному погребению, обнаружилось, что они были сцеплены столькими и столь тугими покровами из змей, червей и прочих такого рода гадов, что боязливые люди не могли найти никакой возможности их распутать ни железом, ни каким-либо орудием иного рода» (Немецкие анналы 2012: 79).

На этом бедствия 1020 г., однако, не закончились. Летом грянула засуха. Об этом говорит уже другой источник – Альтайхские анналы:

> «1020 г. <...> Во многих земных местах многочисленные и крупные пожары» (Немецкие анналы 2012: 112).

Разумеется, сложно судить – в какой степени коснулись Западной Руси все описанные природные бедствия. Их масштаб не оставляет сомнений, что не коснуться – не могли. В первую очередь пострадать должна была Полоцкая земля, расположенная ближе всего к бассейнам рек Южной Балтии. Страшны были для Полотчины, разумеется, не катастрофические паводки, губительные на равнинной Эльбе, но не опасные на Западной Двине. Страшен был вызванный холодами и переувлажнением почвы недород. Особенно страшна затяжная зима весенней нехваткой корма и падежом домашнего скота, не доживающего до выгона на пастбища. Выжившие тяжелой весной животные были, вероятно, в значительной части забиты во второй половине недородного 1020 г. За неурожайным 1020 годом должны были последовать голодная зима 1020/21 г. и еще более тяжелая весна 1021 г.

Вышеописанные явления рождают тот экономический фон, на котором произошли события, несомненно углубившие кризис в Полоцкой земле. В Полоцк прибыли рассорившиеся с Ярославом и озлобленные на него варяги Эймунда. Это произошло, конечно, не сразу после битвы на Альте, а спустя какое-то время, необходимое Ярославу для того, чтобы убедиться в окончательной победе и закрепиться в Киеве. Скорее всего, Эймунд покинул Ярослава не ранее вышеупомянутой суровой зимы 1019/20 г., возможно, позже – летом или осенью. Не исключено, что продовольственный кризис повлиял на решение Ярослава Владимировича расстаться со своими беспокойными

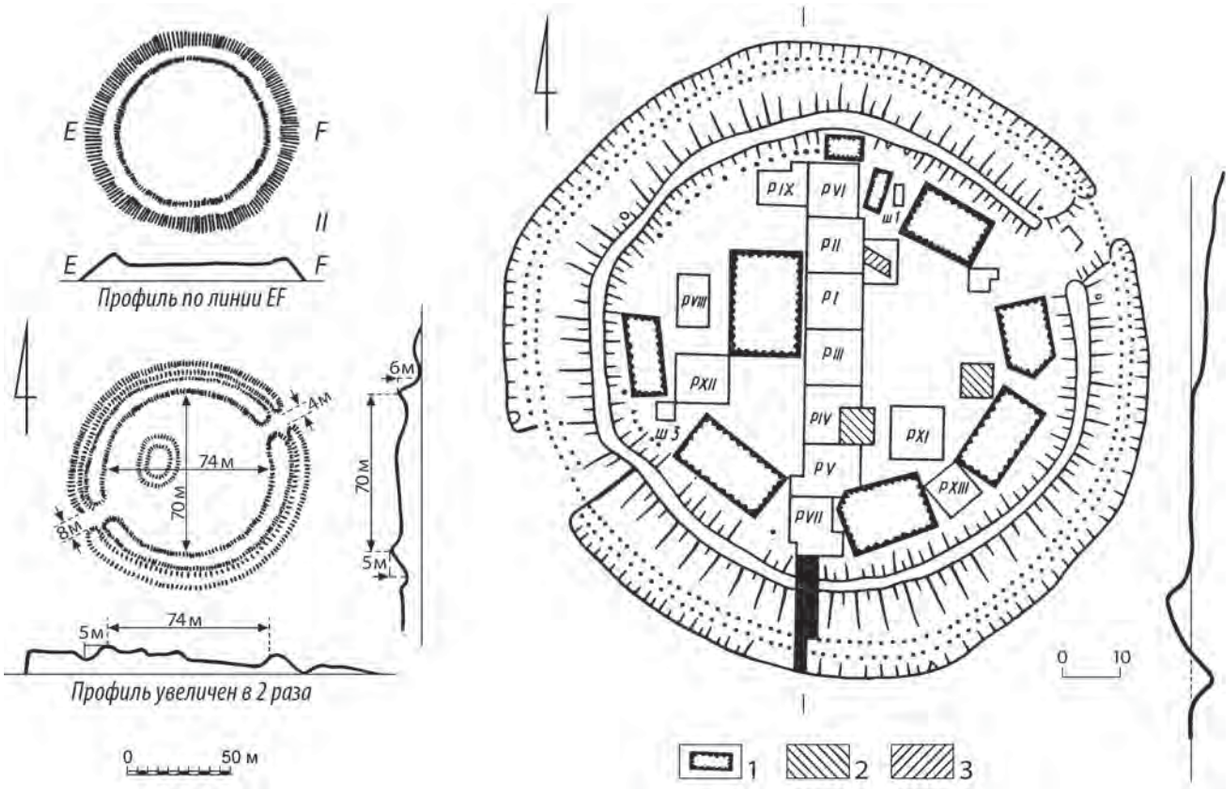


Рис. 87. Заславль. Городище Замэчек. Планы укреплений, снятые в разные годы. *Условные обозначения:* 1 – блиндажные ямы; 2 – раскопы Э. М. Загорульского; 3 – раскоп Г. В. Штыхова

соратниками, не выплатив жалованья. Как бы там ни было, с конца 1020 г. забота о содержании обманутых в своих ожиданиях наемников, не ужившихся ни с новгородцами, ни с киевлянами, ложилась на плечи полочан с их куда более скудными, по сравнению с Киевщиной, продовольственными и кормовыми ресурсами.

Не стоит забывать, что быстро растущий средневековый Полоцк, как Новгород и другие крупные города лесной Руси, не мог полностью обеспечить себя продовольствием и нуждался в импорте хлеба. Подвоз его в значительной степени шел за счет Даугавского пути из южноприбалтийских областей Европы. Когда сложилась эта практика, сложно сказать. Но не исключено, что к 1020-м гг. она уже существовала, поскольку по археологическим данным город первой половины XI в. был уже очень крупным поселением. [68] Это обстоятельство добавляет красок к картине бедствий 1020 г. Быстро разрешить весь узел экономических и политических проблем Полоцка могла лишь грабительская война. Объектом нападения стал самый богатый сосед – Новгород. Видимо, в низовьях Западной Двины трудно было разом взять большую добычу, кроме того – народы Нижнего Подвинья, конечно, тоже бедствовали так же, как и полочане.[69]

Итак, причина событий 1021 года видится как сумма трех факторов. Первый – давняя (с 970 г.) полоцко-новгородская вражда. Поход на Новгород в 1021 г., когда, возможно, были еще живы некоторые свидетели разгрома Полоцка 970 г., несомненно, рассматривался современниками как военный реванш. Пятьдесят лет – не слишком большой срок для исторической памяти людей средневековья (особенно если требовался повод для грабежа). Например, Ипат. сообщает, что еще в 6686/1178 г. новгородцы под предводительством своего князя Мстислава Храброго планировали поход на Полоцк, где правил тогда Всеслав Васильковичь, обосновывая войну необходимостью мести за набег Всеслава Брячиславича более чем вековой давности:

> «В лѣто 6686 <…> И иде оттуду Новугороду, и ту бѣ зиму всю. И на весну съдума съ мужи своими, пойде на Полтьскъ на зятя на своего на

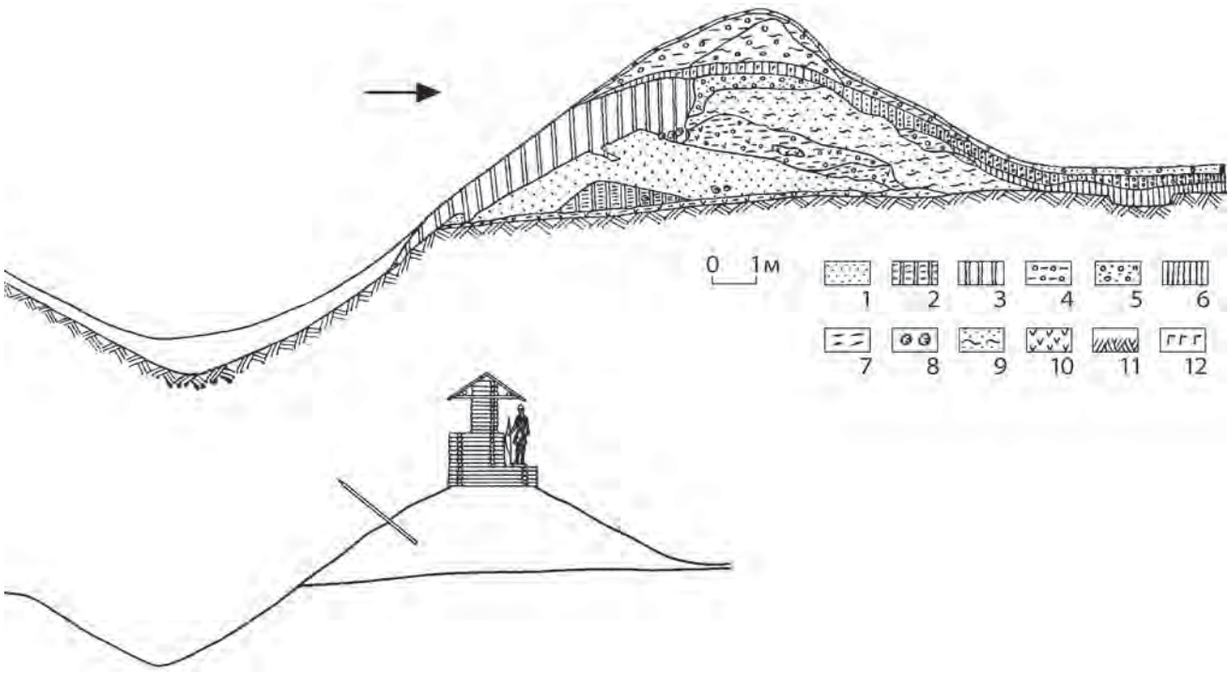


Рис. 88. Заславль. Городище Замэчек. Разрез вала и реконструкция укреплений (Заяц 1983).
Условные обозначения: 1 – рыхлый крупнозернистый песок; 2 – легкий пылеватый суглинок; 3 – легкий серый суглинок; 4 – рыхлая щебнистая супесь; 5 – рыхлый крупнозернистый песок с примесью щебня; 6 – культурный слой; 7 – угли; 8 – камни; 9 – разнозернистый песок; 10 – зола; 11 – материк; 12 – гумусный слой

> Всеслава: **ходилъ бо бяше дѣдъ его на Новъгородъ, и взялъ ерусалимъ церковный, и сосуды служебные, и погостъ одинъ завелъ за Полтескъ. Мьстиславъ же все то хотя оправити Новгородьскую волость и обиду, и** пришедшю ему на Лукы с вои Новгородьскими, услышавъ же то Романъ братъ его во Смоленьски, посла сынъ свой Мьстиславъ Полотьску къ зяти своему в помочь; а къ брату своему Мьстиславу посла мужь свой, рѣка ему: "обиды ти до него нѣтуть; но же идеши на нь, то первое пойтить на мя"; онъ же не хотя вередити сердца брату своему старѣйшому, возвратися в Новъгородъ» (ПСРЛ, т. II. 1871: 412).

Столь памятный новгородцам разгром Полоцка 970 г. носил несоизмеримо более трагичный характер, чем поход Всеслава, и, несомненно, определял отношение полочан к Новгороду на протяжении не менее чем двух поколений.

Второй фактор – конфликт варяжских наемников Ярослава Мудрого с новгородцами (с 1015 г.) и со своим князем (с 1019 г.) и появление у наемников удачливого вождя (вероятно, королевской крови) в лице Эймунда Хрингссона.

Третий фактор – неурожай 1020 г. в Прибалтике и надвигавшийся на Полоцк голод. Разумеется, все причины войны не исчерпываются этими факторами, но лишь их мы можем обосновать более или менее достоверными источниками.

Статья 6529 г., отразившаяся в ПВЛ, Начальном своде и других, уже предполагаемых летописных памятниках XI в., относится в русском летописании к периоду мартовских датировок (Бережков 1963: 16–17, 347). События между Полоцком и Новгородом, очевидно, разворачивались в конце зимы/ранней весной 1021 г., в обычное для военных набегов время года.

Примечателен и маршрут, выбранный Брячиславом. Мы не знаем, какими путями полоцкое войско достигло Новгорода, но в обратный путь Брячислав, отягощенный обозом, двинулся не по Ловати на Усвят, а по Шелони через Судомскую возвышенность. Это понятно: вдоль болотистой Ловати невозможно было быстро вывести полон и прогнать ослабевший от зимней бескормицы скот (питания на Ловати всегда не хватало). Заодно полочане пытались уклониться от спешившей им наперерез из Киева рати Ярослава Владимировича.

[1] Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах 1975: 266.

[2] Нельзя ли увидеть в этом «слухе» пример магической защиты-отсылки/отгона вредоносных сил на чужую, иноплеменную территорию, за пределы «человеческого пространства»? О славянских мифологических представлениях, связанных с подобными практиками, см., например, Виноградова 1988: 284–285; Левкиевская 2002: 140–143.

[3] Нужно оговорить применение в дальнейшем имени «полочане». Как можно понять из приведенного отрывка, на рубеже XI и XII вв. на Руси таким именем звали не только полоцких горожан («людей полоцких»), но и жителей «Полоцкой области», что начиналась для киевлян «от Дрютьска». В научной литературе можно встретить предположения (они опираются на народную этимологию, предложенную ПВЛ) о существовании особого племени «полочан», назвавшихся так не по имени города (возможно, еще не существовавшего), а по имени речки Полоты, притока Западной Двины. Мне кажется, что имя «полочане» первоначально обозначало жителей города (названного по имени реки) и распространилось на обитателей «Полоцкой области» по мере расширения власти Полоцка и его правителей, вряд ли ранее второй половины–конца X в., а может быть, и в последующем столетии. Поэтому, ведя речь о IX и X вв., мы подразумеваем под именем «полочане» жителей Полоцкого городища. Говоря же о событиях XI–XII вв., мы получаем, как представляется, право именовать так всех жителей подвластной Полоцку территории.

[4] Памятники общественной мысли Древней Руси 2010: 248.

[5] Эта идея в литературной форме впервые сформулирована в работе Д. С. Леонардова (Леонардов 1912: 126).

[6] О мифологическом образе болота в культуре восточных славян – см. новейшее исследование Н. А. Криничной (Криничная 2011: 90–106). В научной литературе существуют и другие гипотезы относительно этимологии названия древнерусского племени дреговичей, в частности – от личного имени типа Дреговит (Агеева 1990: 43). Возможно, они и ближе к истине. Здесь важно другое, а именно – широкое распространение у восточных славян (в Полесье, на Волыни, на Смоленщине, в Белорусском Подвинье) термина «дрегва», обозначающего болотную топь (Карский 1903: 68, 69; Толстой 2011: 177, 178). Созвучие имени и ландшафта не исчезает, какой бы ни была в действительности этимология племенного наименования.

[7] Представления о белорусском крестьянине как о каком-то «полуязычнике» были весьма распространены в России и Европе в новое время. У меня нет возможности здесь развивать эту обширную тему, не имеющую прямого отношения к нашей работе. Тем не менее для иллюстрации сказанного все-таки позволю себе процитировать этнографический очерк о белорусах, вошедший в начале XX в. в самое авторитетное сводное историко-географическое описание Российской империи:

> «Духовная жизнь белорусса имеет целый ряд весьма интересных для наблюдателя проявлений. На мировоззрении белорусса отразились следы отдаленного прошлого. Повсеместно в России еще сохраняются в большей или меньшей степени следы языческих культов и верований. Но белоруссу в этом отношении бесспорно принадлежит первенство. Это и в настоящее время еще страна, о которой можно сказать словами поэта: “там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит”. Природа Белоруссии с ее болотами и лесами наложила свой отпечаток на его мировоззрение. <…> Белорусс не всегда тверд в вопросе о количестве верховных божеств…» и т. д. (Россия 1905: 158–172).

[8] Друцк как город, подвластный полоцкому князю, упомянут в связи с событиями 1078 г. в «Поучении» Владимира Мономаха (ПСРЛ, т. I. 2001: 248). Однако из текста Владимира Всеволодовича неясно – располагался ли город на пограничье.

[9] Существует точка зрения, что в этом отрывке речь идет не о **происхождении** кривичей от полочан, а об их **проживании по соседству** с ними (Янин, Алешковский 1971: 51; Шмидт 2012: 115). Идея о том, что некоторые известия такого рода о восточнославянских племенах следует понимать не в генеалогическом, а в географическом смысле, встречается еще у Е. Ф. Карского, доказывавшего, что выражение «радимичи бо и вятичи от ляхов» следует толковать как указание на то, что радимичи до своего переселения на Днепровское Левобережье всего лишь жили рядом с ляхами (Карский 1903: 72). Широкого распространения это толкование не получило. На наш взгляд, определение «от нихъ же кривичи» выражает динамику того же рода, что и определение, данное радимичам. Отделить «географический» аспект этой динамики от «генеалогического» в представлениях русского средневековья едва ли возможно.

[10] Шпилевский 2004: 98–99.

[11] Мы не рассматриваем здесь представления о городищах как о языческих святилищах, бытовавшие на заре археологической науки.

[12] Например О. Н. Левко, рассматривая материалы Витебска, отмечает, что проблема преемственности поселений третьей четверти I тыс. н. э. и IX–X вв. зависит от результатов изучения возможности «перерастания» древностей типа Абидни в «раннесредневековую славянскую культуру», с оговоркой, что проблема эта еще далека от разрешения (Левко 2004: 11).

[13] В. В. Седов в конце своей научной деятельности пришел к выводу о смешанном – балто-славянском характере тушемлинской культуры, но без заметной примеси «киевского» компонента. Ведущая роль в формировании тушемлинской культуры приписывалась им некоему пришлому «среднеевропейскому» славянскому населению (Седов 1995: 218; 1999: 138).

[14] На эту находку обратила мое внимание археолог Витебского областного краеведческого музея Н. Ю. Шарковская, за что хотелось бы выразить ей искреннюю признательность.

[15] Автор признателен В. Ю. Соболеву (СПбГУ), готовящему публикацию находок из Устреки, за возможность ознакомиться с материалом.

[16] В упомянутом издании подвеска почему-то названа «антропоморфной» (НГОМЗ, КП 25770).

[17] Находки хранятся в Историческом музее в Стокгольме (SHM 26985).

[18] Рисунок приводится нами по публикации (Ткачев 1969: рис. 2: 6), где валик показан как единое целое с туловом сосуда. Проверить – так ли это на самом деле, у нас не было возможности.

[19] Подробнее о поясных крючках – см. раздел *2.3.1.2. Детали поясной гарнитуры.*

[20] Характеристика этого памятника изложена в работе Н. В. Лопатина и А. М. Медведева (Лопатин, Медведев 2002).

[21] Клад в Глазуново первоначально был датирован по младшей монете 822/823 г. (Еремеев, Дзюба 2010: 506). В настоящее время А. Н. Мазуркевичу удалось отыскать в Усвятах еще одну монету из этого клада, которая сильно омолаживает комплекс. См. Приложение 2. *Вяч. С. Кулешов, И. И. Еремеев.* Глазуновский клад куфических монет IX в.

[22] Типология скандинавских украшений, по Яну Петерсену (Petersen 1928).

[23] Ситуация на Западной Двине–Даугаве позволяет нам, между прочим, лучше понять обстановку в области Волховской водной магистрали. В литературе утвердилось мнение о полиэтничном составе населения Поволховья в период конца VIII–начала X в. Западная Двина демонстрирует нам, что в условиях бесспорной

полиэтничности населения на берегах крупной водной артерии предпосылки для ее полноценного функционирования как торговой магистрали не складываются.

[24] А. А. Шахматов, вслед за С. М. Соловьевым, считал, что в некоем первоначальном тексте читалось: «на Мери, и на Вьси, и на Кривичих» (Соловьев 1959: 302; ПСРЛ, т. 1. 2001: 19; см. также Горский 1995: 60; Творогов 1997: 493; Стефанович 2012: 539, 542). Проблема восстановления изначального смысла этой летописной фразы Лавр. и Ипат., в частности, вопрос о возможном упоминании в статье 6367 г. финского племени *весь* лежит уже за пределами компетенции археолога. Укажем лишь на одно альтернативное мнение исследователей, видящих в ПВЛ именно термин «все кривичи», по аналогии с определением «вся русь» (Мельникова, Петрухин 2011: 187; Петрухин 2012: 437–438). По мнению Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина, формула «все кривичи» может быть связана с договорной лексикой второй половины IX–X в., согласно их гипотезе, дожившей до второй половины XI–начала XII в. и нашедшей отражение в предании о призвании варягов. Ввиду обширности и крайней расплывчатости представлений ПВЛ о расселении кривичей эта версия не кажется правдоподобной. Логичнее предположить, что именно невразумительность сведений о прошлом кривичей и побудила летописца внести в текст уточнение, поясняющее, что речь идет как о восточных (волжско-днепровских), так и о западных (полоцких) кривичах. Таким образом летописец создавал основания для последующего включения Полоцка в ткань рассказа о трех братьях-варягах.

[25] В недавней работе исследователь высказывается более определенно: «Вместе с тем сведения сказания о Рюрике в редакции ПВЛ в составе Ипатьевской летописи о передаче им служилой знати – *мужам* – волостей, городов Полоцка, Ростова и Белоозера – переосмысление более поздних исторических событий» (Свердлов 2009: 433).

[26] Нам хорошо известно, как выглядит военный форпост руси эпохи Олега Вещего и Игоря близ границ Полоцкой земли. Такой археологический памятник как раз в зоне «основного направления военно-политической экспансии Рюрика и Олега» – на Ловати – исследован Я. В. Станкевич и В. М. Горюновой. Городок на Ловати дает великолепное представление о материальной культуре варяжского гарнизона первой половины–середины X в., имевшей отчетливую норманнскую вуаль как в ювелирных изделиях, так и в предметах быта и вооружения (Станкевич 1959: 79–89; 1960: 323; Горюнова 1972: 28–29; 1973: 10–11; 1974; 1976: 11; 1979: 7; 1988; 1991; Горюнова, Шитова 1978: 11–12). Е. Н. Носов считает Городок на Ловати административным пунктом, основанным «новгородцами» (Носов 1992: 26). Инициатива основания подобного «блокпоста» принадлежала, вероятно, сидевшему на Рюриковом Городище князю (судя по датировке Городка, это мог быть Олег Вещий) или новгородским боярам.

[27] Попытки обоснования идеи о существовании некоего древнейшего летописного документа, основа которого была заложена в X в., см.: Никольский 1930: 102–104; Черепнин 1948: 332–333.

[28] И. Я. Фроянов первоначально придерживался противоположного мнения (Фроянов 1980: 225).

[29] Выявлены остатки 12 погребений (Клімаў, Куляшоў 2011).

[30] Заклепки могли, впрочем, принадлежать саням или сундуку. Важно, что сама традиция изготовления вещей подобным образом была, кажется, чужда восточным славянам по крайней мере до середины X в. Наличие следов подобной техники говорит о знакомстве местных ремесленников с европейскими приемами.

[31] Находка еще одного пинцета, орнаментированного «волчьим зубом», но значительно более простого по форме и построению орнаментальной композиции, происходит с окольного города Друцка, где также присутствуют напластования третьей четверти I тыс. н. э. (Ляўко 2000: 94).

[32] М. К. Каргер имеет в виду раннегончарную керамику. В 1957 г. еще не было установлено, что в IX в. восточные славяне не использовали гончарный круг.

[33] Раскоп II (1959–1960 гг.) – 320 м^2 и раскоп III (1961–1962 гг.) – 320 м^2 вместе образуют восточный раскоп. Раскоп IV – северный (1967 г.) – 162 м^2 (Штыхов 1975: 37).

[34] Односторонние наборные костяные гребни являются, как известно, неплохим хронологическим индикатором. К сожалению, полоцкие древности опубликованы так скудно, что говорить о систематическом их изучении по публикациям не приходится. Могу предложить только некоторые наблюдения.

Всего по публикациям мне известны целиком и в обломках 10 гребней и их футляров. Два гребня (один из них – фрагмент незавершенного изделия) из раскопок Верхнего замка опубликованы Г. В. Штыховым (Штыхов 1975: рис. 48: 1, 2). Один с Нижнего замка известен в раскопках Д. В. Дука (Дук 2009а: мал. 19: 5). С. В. Тарасов опубликовал две находки с Великого посада (Тарасаў 2001: мал. 63: 7. 8) и фрагмент футляра оттуда же (Тарасаў 2001: мал. 63: 1). Несколько изделий из Полоцка без привязки к раскопам фигурируют в энциклопедических изданиях. Это два гребня (Мядзведзева 2011: 254) и два футляра (Археалогія і нумізматыка Беларусі 1993: 200, 509).

Девять из десяти изделий принадлежат группе 2, по О. И. Давидан. Четыре имеют узкие накладки и «рожки» на краях боковых пластин (Штыхов 1975: рис. 48: 1, 2; Дук 2009а: мал. 19: 5; Мядзведзева 2011: 254: 8). Еще два гребня относятся к той же группе, но без «рожек» (Тарасаў 2001: мал. 63: 8; Мядзведзева 2011: 254: 9). В Восточной Европе гребни группы 2 датируются X в. (Давидан 1962: 101). В Старой Ладоге они встречены преимущественно в горизонте Д, т. е. относятся ко времени после 920 г. Одна находка известна в верхнем ярусе горизонта $Е_3$ (Давидан 1999: рис. 2: 1). Фрагмент футляра из шести скрепленных попарно пластин, посаженных на фигурное основание, также принадлежал гребню группы 2. Два футляра, фигурирующие в Энциклопедии, изданной в 1993 г., относятся к типу, часто встречающемуся в древнерусских городах. Такие изделия завершают типологическое развитие на Руси гребней группы 2 и датируются X–XII вв. (Кондратьева 2011: 91–99).

Один фрагмент одностороннего гребня из Полоцка не может быть с точностью определен (Тарасаў 2001: мал. 63: 7).

Таким образом, датировка опубликованных на настоящий день гребней эпохи викингов из Полоцка не опускается ниже X в. При этом показательно отсутствие здесь гребней группы 1, характерных для IX–начала X в., представленных в соседнем Витебске, на Рюриковом Городище, в Гнёздове, Ладоге, Изборске и других ранних древнерусских центрах. Надо полагать, односторонние наборные гребни стали активно использоваться жителями Полоцка только около середины X в. Эта картина полностью коррелирует с динамикой распространения гребенок в Нижнем Подвинье (см. раздел 1.2).

[35] Существует точка зрения, что речь в этом фрагменте идет о группе «новгородских» кривичей, обитавших в районе Старой Ладоги (Горский 1995: 48, 60, 63). Вряд ли следует настолько сужать место действия «Сказания о призвании варягов». Письменные источники ничего не сообщают нам о кривичах в Ладоге.

[36] В результате раскопок последних лет еще одно такое поселение обозначилось на территории Заполоцкого посада напротив Верхнего замка (Клімаў 2011).

[37] Позднее общее количество монет выросло до 7890 (Мельникова 2001: 146).

[38] По мнению некоторых белорусских коллекционеров-нумизматов, расхищенная часть клада не уступала по

размеру сохранившейся части. Для сравнения – крупнейший в Европе клад серебра эпохи викингов – Спиллингс на о. Готланд, найденный в 1999 г., содержал 67 кг серебра, разделенных на две части по 40 кг и 27 кг, причем монетная часть клада в целом весила 17 кг (Östergren 2008: 16, 24).

[39] Возможно, правы исследователи, усматривающие в этом эпизоде элементы северогерманских эпических сказаний о роковом драгоценном кольце. Разбор эпических сюжетов, связанных с золотой гривной, губящей своего носителя, и отрубленной головой см. в работах С. М. Михеева (Михеев 2005). С другой стороны, вряд ли приходится сомневаться в том, что при ограблении мертвых тел, которое следовало за любой средневековой битвой, отрубание пальцев, рук и голов было делом если не обычным, то нередким.

[40] Время летописной фиксации рассказов о кончине Бориса относится к 1060–1080-м гг. (Михеев 2009: 146–148).

[41] Е. А. Мельникова полагает, что речь идет здесь не об украшениях, размещавшихся на теле, а об особых «священных кольцах», на которых приносились клятвы (Мельникова 2012: 181). Такое разделение применительно к русским реалиям кажется нам искусственным.

[42] О значении древнерусского *колоти* см.: Преображенский 1914: 338; Фасмер 1986а: 296. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» употребление слова *колоти* в значении *раскалывать, разбивать* справедливо проиллюстрировано цитатой из договора 971 г. (Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 7. 1980: 252).

[43] Именно так подходят к этому вопросу современные исследователи Киева. А. В. Комар относит оба вышеупомянутых киевских клада к периоду правления Олега Вещего (Комар 2012: 320).

[44] Золотой браслет с острова Мэн не является полной аналогией украшению из Полоцка. Он также состоит из двух дротов, но перевитых нитью из скрученной вдвое золотой проволоки.

[45] Номера пунктов по каталогу: 24, 53, 103, 191, 242, 292, 311, 315, 416, 520, 569 (Stenberger 1947).

[46] Достоверно известно о находке вместе трех браслетов. Еще один был найден в той же местности позднее. Наконец, есть сведения еще о двух браслетах, найденных на том же поле. М. Стэнбергер предполагает, что все это один клад, содержавший 6 браслетов (Stenberger 1947: 96).

[47] На Великом посаде Полоцка известна находка еще одной медной монеты, выпущенной в Византийской империи, анонимного фоллиса, датированного 1060-ми гг. (Милютин 1993: 11–12).

[48] Р. Спиргис полагает, что около середины X в. в устье Даугавы переселились скандинавы, осевшие ранее в Курляндии и уже усвоившие там некоторые элементы материальной культуры ливов и куршей (Спиргис 2009: 37).

[49] Существует также предположение о появлении курганов у латгалов под влиянием погребальной обрядности скандинавов, осевших на Руси (Радиньш 2001: 71). Ввиду малого количества скандинавских находок в Латгалии эта версия не кажется заслуживающей внимания.

[50] Имеются в виду именно куфические монеты. Общее количество монетных находок X–XI вв. из Даугмале (преимущественно западноевропейских денариев) составляет 190 экз. (Берга 2011: 167).

[51] Дневник последнего похода 1882: 52–54.

[52] Изборник 1969: 132.

[53] Л. Н. Толстой включил сказку «Судома» во «Вторую русскую книгу для чтения».

[54] См. примечание К. К. Акентьева к изданию: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. Примеч. 62 к с. 368.

[55] Следует подумать: не мог ли Брячислав, узнав, что киевская дружина Ярослава отрезает ему путь на Полоцк, отступить на северо-запад от Новгорода в направлении земли Води? Но летопись недвусмысленно указывает: *поиде Полотьску опять*. К интересующим нас событиям Плюсский регион не имеет отношения.

[56] «Въ 7-й же день почи Богъ от дѣлъ своихъ, иже есть субота» (ПВЛ 1996: 41).

[57] В С1 и Воскр. развернутое повествование о взятии Новгорода в 6529/1021 г. дублируется кратким известием о победе Ярослава над Брячиславом в статье 6528/1020 г. (ПСРЛ, т. VI, вып. 1. 2000: 172; ПСРЛ, т. VII. 2001: 328). Краткое сообщение, очевидно, заимствовано из одной из рукописей Н1, но в последней оно помещается под 6529/1021 г. Дублировка, видимо, является результатом механической работы переписчика, не нашедшего иной возможности объединить два (краткое и пространное) описания события, а не следствием совмещения источников, по-разному его датировавших (или использовавших различное времяисчисление).

[58] При этом упоминание о другом державном союзнике Ярослава присутствует: ПВЛ отмечает участие в походе 6539/1031 г. Мстислава Владимировича.

[59] Помимо известия об Усвяте и Витебске в НСГ выделяется еще целый пласт «полоцких» сюжетных повествований новгородского происхождения: о применении Всеславом пороков при осаде Пскова (6573 г.); о действиях Всеслава в Новгороде и об ограблении Новгородской Софии (6575 г.); о победе новгородцев над Всеславом и последовавшем за этим обретением в Софии креста Владимира (6577 г.) (см. Прохоров 1999: 154). От интересующего нас сюжета они отстоят почти на 50 лет. Не следует ли и известие 6529 г. принимать как преамбулу к повествованию об этих событиях, вероятно составленному в Новгороде по горячим следам?

[60] Именно так оценивает итоги столкновения восточноевропейская историография (Довнар-Запольский 1891: 76; Насонов 2002: 136; Алексеев 1975: 219; Заяц 1993: 5–6).

[61] «И посла князь Мьстиславъ Дмитра Якуниця на Лукы съ новгородьци города ставитъ <...> а лучяномъ да князя Володимира Пльсковьскаго» (ПСРЛ, т. III. 2000: 52).

[62] Имеются различные толкования этого эпизода. П. П. Толочко считает, что Ярослав расплатился с варягами домашним скотом (Толочко 2011: 57). Такая форма выплаты жалованья иноземным наемникам, набранным на короткий срок, кажется все-таки маловероятной.

[63] При этом, видимо, мог иметься в виду не только крупный скот, но вообще любая домашняя живность как, например, в Псковской Второй летописи: «…а от скоту не оставиша ни куряти…» (ПСРЛ. Т. V, вып. 2. 2000: 62).

[64] Ср., например, как раскрывается эта формула в Псковской Второй летописи под 1480 г.: «И бывше 4 недели в Немецькои земли, възвратишася ко Пскову съ многою корыстью, ведуще с собою множество полона, ово мужи и жены и девици и малыя дѣти и кони и скоты…» (ПСРЛ. Т. V, вып. 2. 2000: 62).

[65] Обыденность этого источника военной добычи в военных столкновениях XII в. и более позднего времени отмечена еше В. Т. Пашуто (Пашуто 2011: 135).

[66] Изяслав Владимирович скончался, согласно ПВЛ, в 6509/1001 г. Неизвестно, кто фактически правил Полоцком, пока Брячислав Изяславич не возмужал. В погодной записи 6511/1003 г. ПВЛ сообщает о смерти Всеслава Изяславича, внука Владимира, не уточняя – занимал ли он полоцкий стол в течение двух лет по смерти отца. Брячислав теоретически мог вступить на престол уже в 1003 г. У нас нет оснований полагать, что он был в то время младенцем и не мог (по крайней мере формально) прямо унаследовать княжение. Смещение (согласно гипотезе А. А. Шахматова) замужества Рогнеды к 970 г. позволяет отнести рождение Изяслава приблизительно к этому времени. Таким образом, братья могли родиться около 990 г. или даже чуть раньше. При условии, что Всеслав был на 1–2 года старше, Брячислав мог ко времени смерти отца иметь возраст около 10 лет,

а ко времени смерти брата – около 13. В таком случае в 1021 г. мы видели бы на княжении в Полоцке зрелого тридцатилетнего воина. Однако известие Н4 о перезахоронении полоцких князей Изяслава Владимировича и Всеслава Изяславича в церкви Богородицы (Десятинная церковь в Киеве?) в 6515/1007 г. (ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000: 97) можно расценивать как неспособность полочан и Брячислава Изяславича распоряжаться прахом ближайших родственников (еще через 4 года после смерти брата) и как свидетельство политической зависимости Полоцка от киевского князя Владимира. Надо полагать, самостоятельность Полоцка и полочан по отношению к Владимиру проявилась лишь в последние годы его жизни (по аналогии с ростом строптивости новгородцев). В. Е. Данилевич полагал, что в сообщении Н4 от 1007 г. имеется в виду некий храм Богородицы, отстроенный Брячиславом в самом Полоцке (Данилевич 1896: 63). Учитывая юный возраст князя в 1007 г. (при самых смелых допущениях он никак не мог быть старше 17 лет), это предположение кажется маловероятным.

[67] Еще одна трактовка финала «Пряди об Эймунде» предложена Ю. А. Заяцем. По его предположению, Эймунд получил в управление область на полоцко-туровском пограничье – Менскую волость с древним Минском (поселение на Менке) (Заяц 1993: 10). Археологический материал пока не позволяет принять версию Ю. А. Заяца – следов варяжского гарнизона на Менке мы не знаем. Тем не менее нам кажется, что этим исследователем был введен в научный оборот археологический памятник, несущий некоторые следы североевропейских военных традиций, причем именно в том регионе, на который он обратил внимание в поиске владений Эймунда и Рагнара.

Возможно, свидетельством участия варягов в политической жизни Полоцкой земли является постройка на южных границах «отчины» Изяслава знаменитого круглого укрепления в Заславле (летописном Изяславле – владении Рогнеды и Изяслава Владимировича). Это укрепление (Замэчек) датируется концом X–XI в. (Заяц 1995) и сильно отличается от древнерусских крепостей Полотчины, большинство из которых выросло на городищах банцеровской культуры. Это несомненный пограничный военный лагерь с кольцевым валом, почти лишенный культурного слоя. Планировкой укреплений Замэчек весьма напоминает круглые «треллеборги», возводившиеся в Скандинавии (в Южной Швеции и Дании) именно в это время (рис. 87, 88). Вполне возможно, что единственная в Полоцкой земле средневековая геометрическая крепость построена варягами Рогволода или Брячислава на южных рубежах Полоцкой земли по южноскандинавским образцам. Правда, застройка внутри кругового укрепления, судя по описаниям (чертежи не опубликованы), не имела ничего общего с европейскими «треллеборгами», застроенными «длинными домами». В Заславле найдены обычные для славянских поселений следы наземных срубных построек с корытообразными подпольными ямами, глинобитными печами и печами-каменками. Поэтому последнее слово в этом вопросе должны сказать, очевидно, дальнейшие археологические исследования.

[68] Первое известие о «международном» импорте хлеба в Суздаль из Волжской Болгарии относится, как известно, к 1024 г. (ПВЛ 1996: 65). Вероятно, в эту эпоху и начали складываться в древнерусских городах подобные схемы.

[69] Здесь не лишним будет отметить, что знаменитый поход коалиции князей на Полоцкую землю 1127 г. также произошел в год, отмеченный морозами, паводками, неурожаем и голодом (ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000: 144). Мы, безусловно, имеем дело в таких случаях с очень древней практикой решения продовольственного кризиса.

ГЛАВА 2. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ УСВЯТ

> Я думал, соратники, что скифы, уже давно ожидая нашего прихода, не пожалели усилий для заграждения изгородями и валами наиболее опасных, узких и трудно проходимых мест на тропах, чтобы нам нелегко было продвигаться вперед.
>
> *Лев Диакон.* История[1]

Как я пытался показать в главе 1, раннегородская культура Полоцкой земли была довольно архаична по сравнению с полиэтничной, норманнизированной культурой Новгородской и Киевской Руси. Иную картину на Полотчине дают лишь два поселения на Пути из варяг в греки – Усвят и Витебск. Хотя в истории последнего и можно выделить «варяжский» период, черты кривичской архаики там очень сильны. Достаточно вспомнить, что город формируется, как и Полоцк, вокруг бывшего банцеровского городища, удаленного (хоть и не настолько, как в Полоцке) от большой воды. Иное дело Усвят – в X в. Это, пожалуй, единственный город Полоцкой земли нового типа, приближающийся по культуре к Гнёздову и Рюрикову Городищу. Описанием этого памятника, характер которого стал проявляться только в последнее время, и будет продолжен обзор средневековых древностей Полотчины.[2]

2.1. Исторические сведения о городе Усвяте

Имя *Усвят* (*Въсвятъ, Въсвято, Въсвяч, Восвячь, Усвято, Свято*) произошло, очевидно, от названия озера Усвят, на западном берегу которого в древнерусское время возникло городское поселение. Речь идет именно об озере, так как относительно протекающей через него реки Усвячи (Усвяты) в представлениях местного населения отмечена неустойчивость названия. Как зафиксировали писцовые книги, еще в середине XVI в. ее течение выше озера именовалось обитателями различных ее участков по-разному – Великая, Большая, Черместь (Романов 1898: 180, 185).

Что же касается самого озера, то установить – когда и кем было оно поименовано, сложно. Гидронимы с основой *-свят, -свет* широко распространены в Белоруссии, на Псковщине и Новгородчине в самых разных ландшафтах, преимущественно входящих в зону раннего славянского освоения. Озеро *Святье* и вытекающая из него река *Усвята* (правый приток Куньи) известны на водоразделе Ловати и Западной Двины к северо-западу от Жижицкого озера (неподалеку от этого озера располагаются город Жижеч и погост Клин, о которых нам неоднократно придется говорить). Озеро *Усвечь* имеется в верховьях Дриссы (Оглоблин 1880а: карта). Близ древнерусского города Лукомля лежат озера *Большое* и *Малое Святое* и вытекающая из них река *Свяча*. *Свято озеро* известно в 1500 г. в Михайловском Сакульском погосте Водской пятины Новгородской земли (Васильев 2012: 229) и т. д. Гидронимы этого рода встречаются и на литовских землях – например, река *Святая*, приток Вилии, фигурирующая в мифологической части литовской Хроники Быховца (Хроника Быховца 1966: 35) и т. д.

Топооснову гидронима (*-святъ, -свячъ/ь*) исследователи возводят к древнерусскому *сватый*, «святой» (Нерознак 1983: 182). К озеру Усвят относится впервые зафиксированная здесь А. П. Сапуновым легенда о затонувшей церкви, звон колоколов которой слышат рыбаки в тихую погоду (Сапунов 1889: 30). Связь озера Усвята с областью религиозно-сакрального подчеркивается его соседством с озером *Молитвино* (и одноименной деревней), соединенным с ним короткой протокой. Топоним в несколько иной форме – *Молитвеничи* известен с середины XVI в. (Оглоблин 1880а: 52, карта).

Проведенное полоцким исследователем В. А. Лобачом картирование легенд о затонувшей церкви (29 пунктов) и различных вариантов гидронима «Святое озеро» (13 из указанных 29 пунктов) в Северной Белоруссии выявило их взаимосвязь и концентрацию в Полоцко-Витебском регионе (Lobach 2011: fig. 1). Это, по мнению исследователя, дает

основания полагать, что гидронимы данного типа в Подвинье связаны с центральными областями Полоцкой земли, заселенными в раннем средневековье славянами-кривичами. Добавим от себя – в работе В. А. Лобача речь идет о пространстве между Полоцком и Друтью, т. е. о территории полочан в летописной терминологии конца XI в. На западных окраинах Полотчины, там, где сильны были балтские культурные традиции, данное сочетание гидронимии и мифологических рассказов встречается как будто реже. По мнению того же автора, указанные гидронимы в сочетании с легендой о затонувшей церкви отмечают ареал наиболее раннего приобщения кривичского населения к христианству, т. е. восходят к XI в. (Lobach 2011: 67–68). Археологический материал не противоречит этим выводам, хотя они, несомненно, нуждаются в дальнейшем обосновании.[3] Археологические данные не оставляют сомнений в том, что Усвят, так же как Полоцк, Витебск и Лукомль, был одним из основных центров христианизации и окняжения Смоленско-Белорусского Подвинья.

И все же свое название озеро Усвят получило, скорее всего, задолго до появления славян на его берегах и, несомненно – ранее XI столетия по Рождеству Христову. Древнерусское слово *свѧтый* имеет параллели в балтийских языках и восходит к индоевропейской основе, обозначающей *возрастание*, увеличение неких физических свойств, что уводит нас в языческую эпоху с ее культом влаги как воплощения мифологической плодоносящей силы (Топоров 1995: 7–8). Конечно же, именно в этом древнейшем значении, а вовсе не в христианском понимании духовной святости-благодати, заключен смысл названия озера Усвят. Балтийское население, обитавшее в этом районе до прихода славян, видимо, и дало впервые имя этому удивительно красивому озеру. Но существовало ли поселение с названием Усвят до IX–X вв.?

Как известно, в археологическом материале древние балтийские племена Подвинья представлены днепро-двинской культурой второй половины I тыс. до н. э. – первых веков н. э. и, отчасти, вероятно, смешанными с ней на позднем этапе древностями позднезарубинецкого круга (или, как их иногда определяют археологи, – древностями типа среднего слоя городища Тушемля). Но городища днепро-двинской культуры, известные в Усвятском регионе, стояли не на берегах озера Усвят, а на протоке между ним и озером Ужанское. Ни одно из этих укрепленных поселений по данному формальному признаку не должно было носить имени озера Усвят. Во второй–третьей четверти I тыс. н. э. окрестности Усвятского озера тоже не пустовали. В 5 км от места, на котором возник древнерусский город, расположено известное селище (и могильник) Узмень – памятник, ставший эпонимным для группы древностей Верхнего Подвинья, наиболее убедительно претендующих на раннеславянскую атрибуцию (Лопатин, Фурасьев 2007). Но и это поселение было удалено от берегов священного озера.

Древнерусский центр возникает не на месте днепро-двинских городищ, не на основе памятников типа Узмень, не в ареале длинных курганов и не в скоплении поселений, связанных с сопками, которые лежат выше по реке Усвяче. Летописный Усвят вырастает в стороне от очагов расселения первой–третьей четверти I тыс. н. э. Это было, похоже, первое значительное поселение на берегу озера (не считая стоянок эпохи неолита–бронзы). У нас, таким образом, есть основания полагать, что поселение с именем Усвят (предшественник древнерусского города) основано на берегу озера и названо по его имени именно славянами когда-то в последней четверти I тыс. н. э. Как мы увидим ниже, произошло это не позднее второй половины X в., и первые обитатели Усвята были язычниками.

2.1.1. Летописные древнерусские источники XII–XIV вв. о новгородско-полоцко-смоленском пограничье

Следующее после 1021 г. упоминание о городе попадает на страницы древнерусских летописей лишь в связи с удачным набегом литовцев на окрестности Торопца в 1223 г. В Н1 события переданы следующим образом:

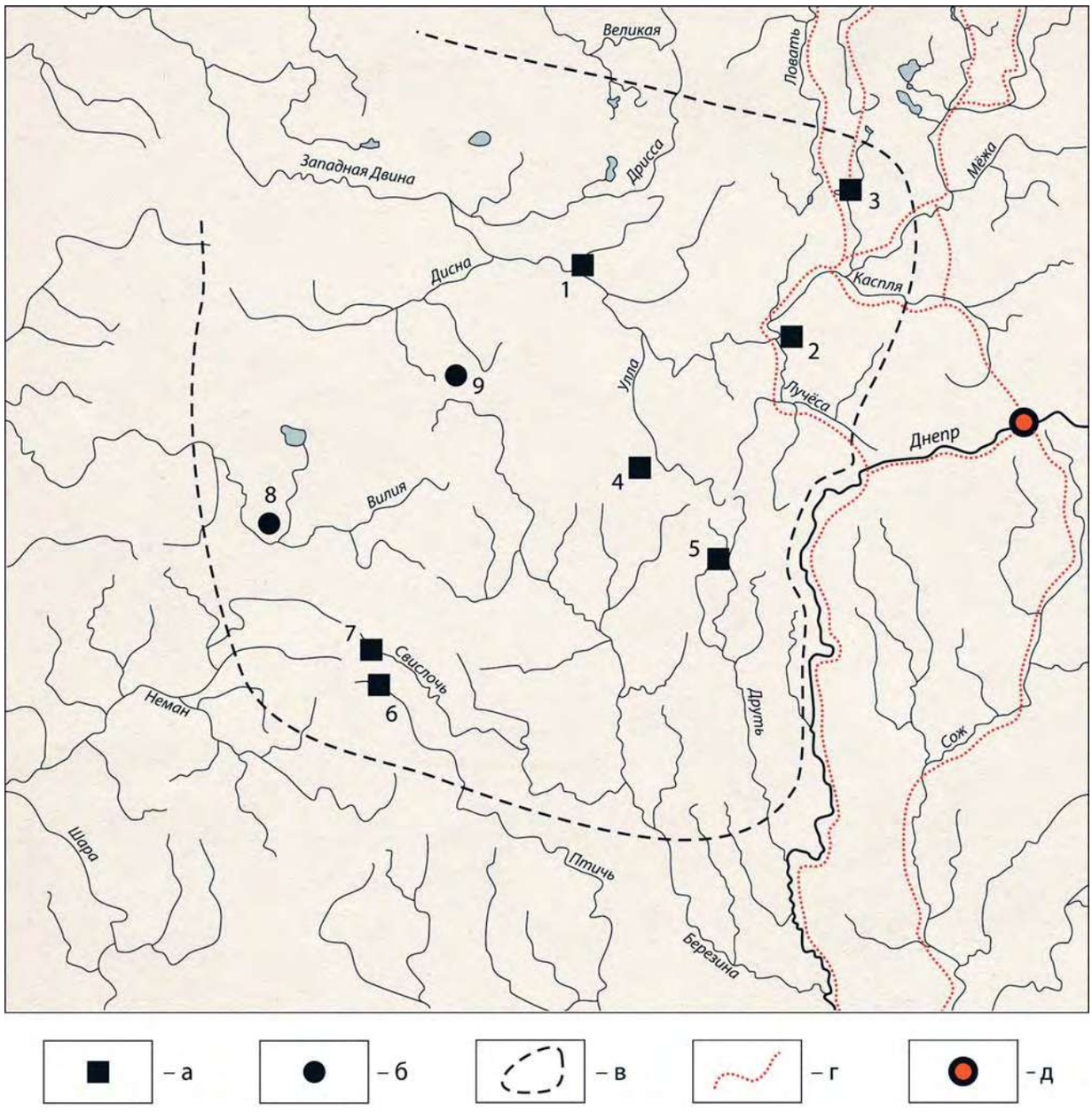


Рис. 89. Археологические памятники, упоминаемые в работе, Путь из варяг в греки и предполагаемые границы Полоцкой земли конца XI–начала XII в. (границы – по Насонов 2002; Штыхаў 2000). Западная граница Усвятской волости откорректирована с учетом предполагаемого пути из района скопления археологических памятников X в. в районе ур. Смоленский Брод на среднюю Касплю. О контроле Полоцка над этим, видимо, одним из важнейших волоков в Днепро-Двинском междуречье, – данных нет. 1 – Полоцк; 2 – Витебск; 3 – Усвят; 4 – Лукомль; 5 – Друцк; 6 – Городище на Менке (Строчицкое); 7 – Заславль; 8 – Городище (Княгинино); 9 – Свила I. *Условные обозначения: а* – древнерусские города; *б* – раннесредневековые городища; *в* – предполагаемые границы Полоцкой земли конца XI–начала XII в.; *г* – основные ответвления Пути из варяг в греки; *д* – Гнёздово

> «В лѣто 6731. Пакы прииде князь Ярославъ в Новъград, и ради быша новгородци. И тогда воеваша Литва около Торопца; и гонися по них Ярославъ с новгородци до Въсвята, и не угони их» (ПСРЛ, т. III. 2000: 263).

Почему Ярослав с новгородцами преследовали литву именно до Усвята и только до него? Этот вопрос важен для понимания судьбы города. К поискам ответа мы и обратимся далее.

Литовские военные предводители как будто не сразу нащупали брешь в обороне южных пределов Новгородской земли. Первые нападения литвы на новгородские владения были направлены по тем путям, которыми

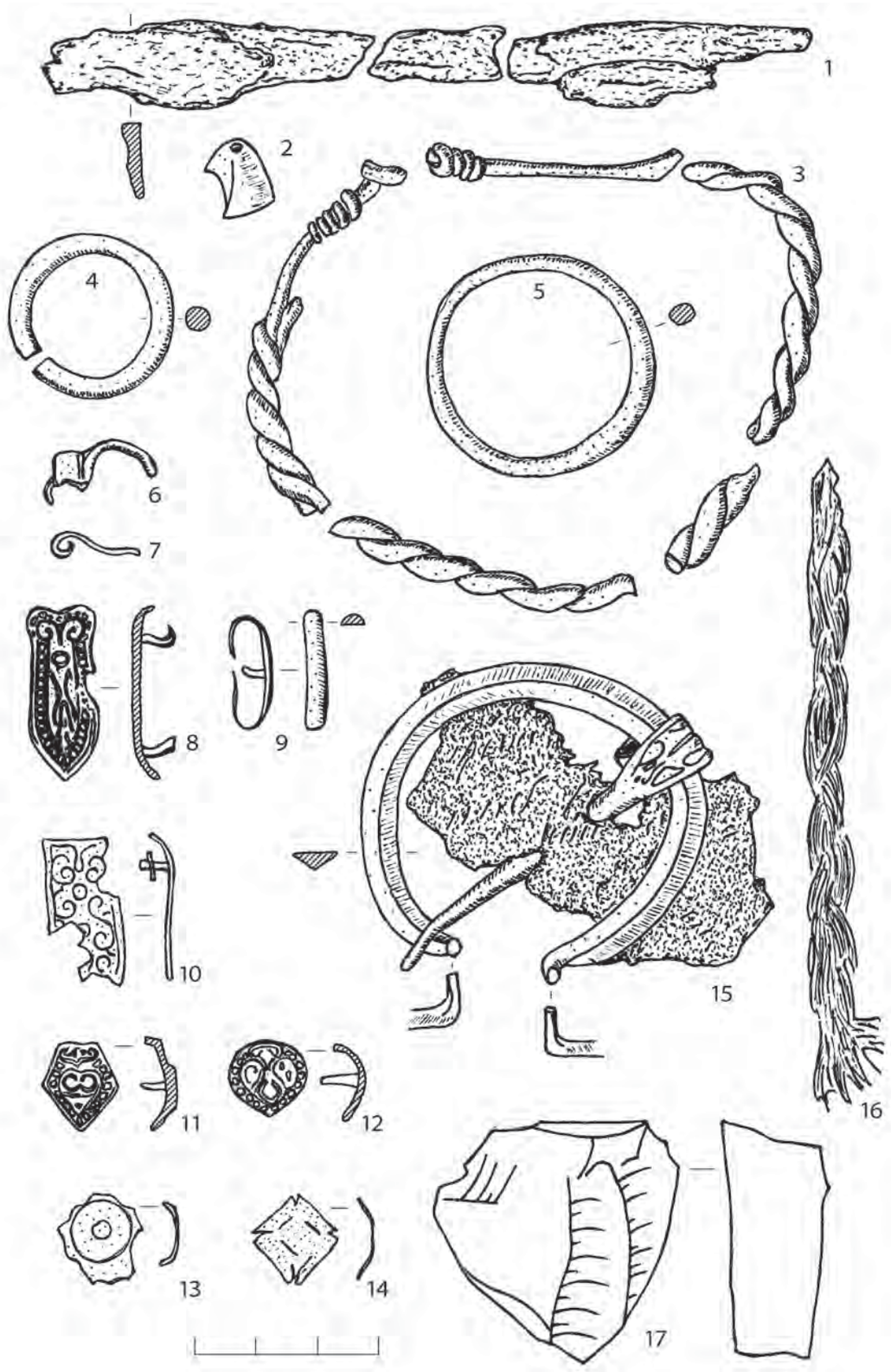
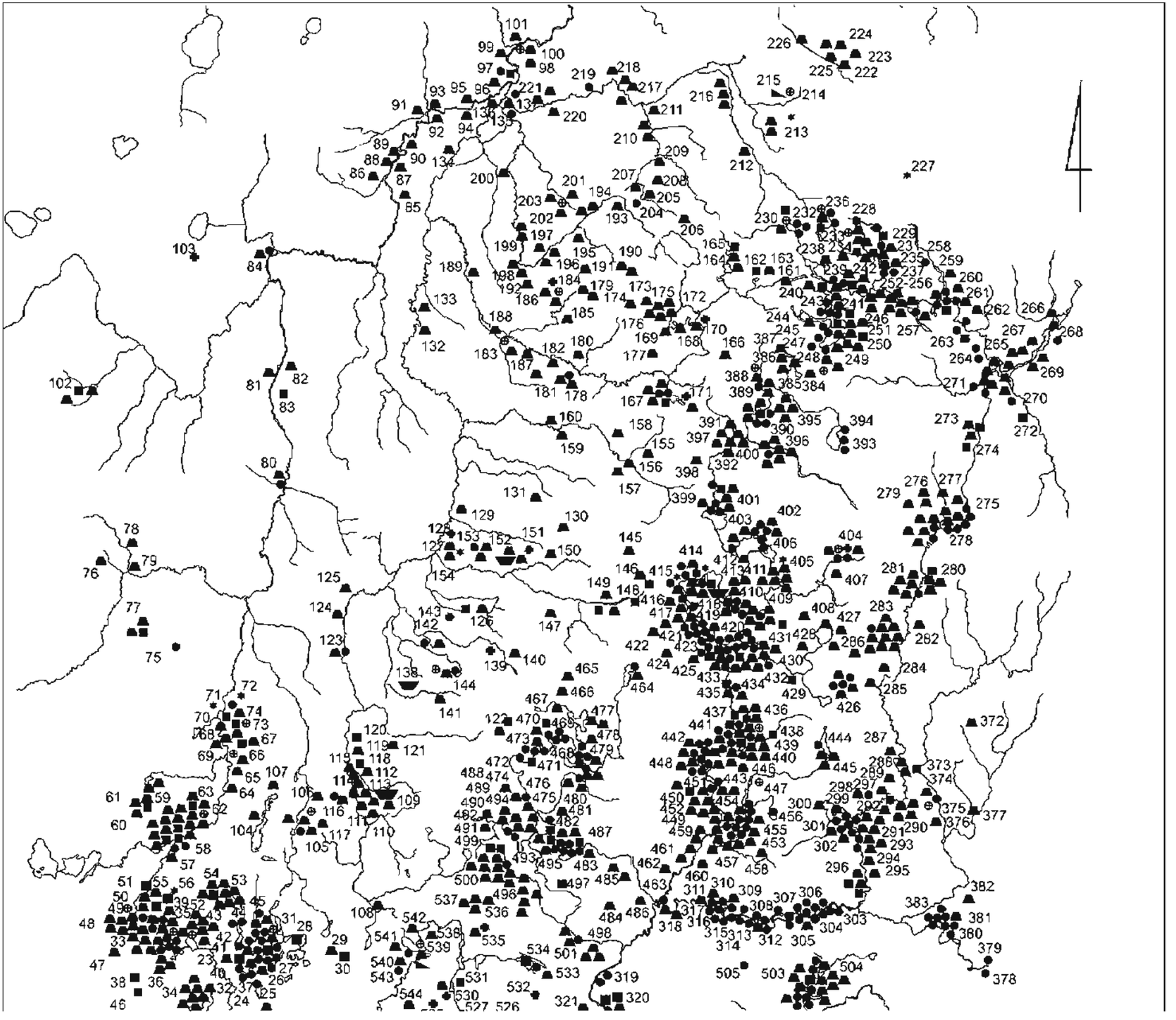


Рис. 90. Козлово, Холмский уезд. Курганные находки из раскопок М. М. Воронца. 1 – нож; 2 – фрагмент бубенчика; 3 – браслет; 4, 5 – поясные разделительные кольца; 6, 7 – фрагменты поясной (?) пряжки; 8, 10 – поясные наконечники; 9 – поясная обоймица; 11–14 – поясные бляшки; 15 – фибула с фрагментом плаща; 16 – шнурок; 17 – огниво. 1 – железо; 2–13 – сплав меди; 14, 15 – белый металл, шерстяная ткань; 16 – шерстяная нить; 17 – кремень



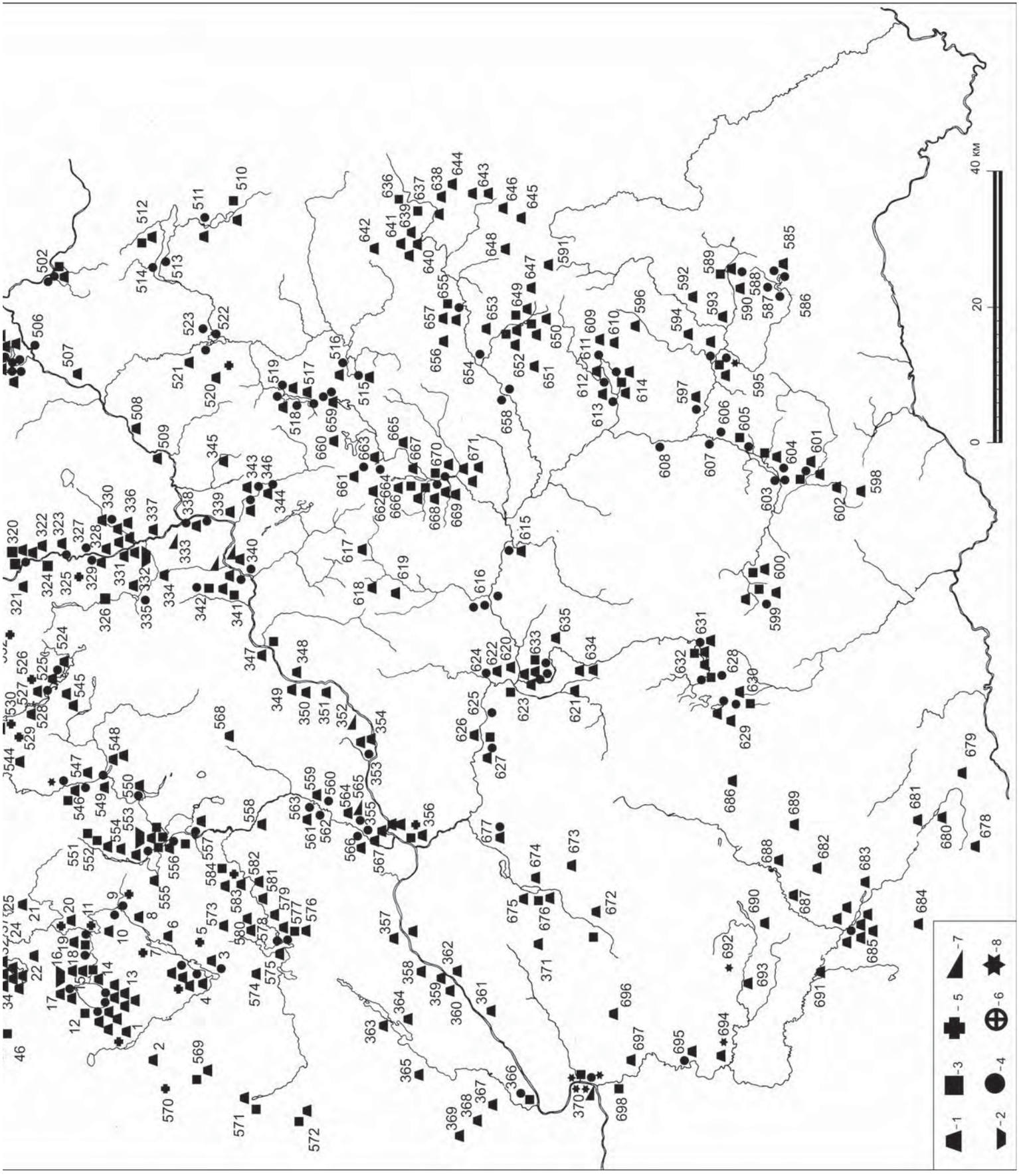


Рис. 91. Верхнее Подвинье и Двинско-Ловатское междуречье. Сводная карта археологических памятников второй половины I – первой половины II тыс. н. э (Еремеев, Дзюба 2010). *Условные обозначения:* 1 – курганы; 2 – грунтовые могильники; 3 – городища; 4 – селища; 5 – каменные кресты; 6 – жальники; 7 – культовые камни; 8 – клады

Указатель
к карте археологических памятников Двинско-Ловатского междуречья (рис. 91).
Развернутую аннотацию к карте см.: Еремеев, Дзюба 2010: 547–586

1	Рудня
2	Немцево
3	Долганы
4	Межно (Межа)
5	Степановичи
6	Зайково
7	Астапковичи
8	Щиты (Ушит)
9	Пруды (Пруд)
10	Кляжа
11	Заднее Село
12	Дубокрай
13	Дорохи
14	Яськи
15	Захарки
16	Фролы
17	Девичьи Горы
18	Чурилово
19	Жабино
20	Березовка
21	Есипово
22	Капустино
23	Сафроново
24	Несьпо
25	Федосеево
26	Рудня
27	Снежье (Заснежье)
28	Новоселье
29	Каменистик
30	Медведково
31	Урицкое
32	Днико
33	Шугачево
34	Рытовица
35	Борисоглеб (Борисоглебск)
36	Старны
37	Синие Ворота
38	Жигари (Нивные Жигари)
39	Красный Берег
40	Пестриково

41	Нюсса
42	Березка
43	Занюсье
44	Дурневка
45	Колодово (Кадолово)
46	Лоскотухино
47	Осокино
48	Плесово
49	Галюзино
50	Теренино
51	Савино
52	Зуи
53	Бербелево
54	Болтово
55	Окуневичи
56	Васьково
57	Клевники
58	Полибино
59	Дергановo
60	Гайды
61	Раково (Пехово)
62	Пропостниково
63	Чихачево
64	Купуй
65	Давыдово
66	Пронино (Верховье)
67	Токолово
68	Горевица
69	Леоново
70	Торчилово
71	Городище
72	Великие Луки
73	Булынино
74	Боровицы
75	Дубницкая Горка
76	Заболотье
77	Гвоздово
78	Сопки
79	Тулубьево
80	Хохлово Малое (Хохловка)

81	Имглуши (Мглуши)
82	Катовишки
83	Болонев Бор
84	Подберезье
85	Бабынино
86	Богоявленье
87	Ветно
88	Дунаево
89	Ильинское
90	Гора
91	Стрежено
92	Макарово
93	Сопки
94	Максимово (Максимовка)
95	Хворощино
96	Куземкино
97	Холм
98	Миронежский Лес
99	Шульга
100	Козлово
101	Раково
102	Валуйская
103	Юхово
104	Кулебаки (Кулебякино)
105	Пирогово
106	Плаксино
107	Бор Лазава
108	Спириденки
109	Кошелево
110	Колотово
111	Подол
112	Лукино
113	Гниловка (Гниловатка)
114	Кузнецово
115	Дохино
116	Ломки
117	Царево
118	Прожирино
119	Сигорицы
120	Ватолино

121	Пухтево
122	Захарцево
123	Цидилово (Кривандино)
124	Гороховый Бор
125	Букрово
126	Крюки
127	Василево
128	Зуево-Сачково
129	Грицково
130	Савкино
131	Ватолиха
132	Сябрино
133	Хотимля
134	Краськово
135	Подзорово – Осиновка
136	Маслеевщина
137	Бол. Тудер
138	Борок
139	Бубново
140	Васьково
141	Жабоедово
142	Сопки
143	Точилово
144	Хачево
145	Лужани
146	Ляпуново
147	Ешуки
148	Допшо
149	Бор
150	Голубово
151	Рокотово
152	Лохны
153	Пальцево
154	Семенцево
155	Карпасы
156	Пожня
157	Финёво, также Самуково (Самыкино)
158	Савино
159	Конищево

160	Полибино
161	Глазово
162	Кунаи
163	Демихово
164	Бологово
165	Паршино
166	Мишутино
167	Косилово
168	Николаевское
169	Васюково
170	Рождественское (Кузнецово)
171	Петрикеево (Петракеево)
172	Песчанка
173	Матенец
174	Врево
175	Яновище
176	Зеленый Бор
177	Шапкино (Игнатово)
178	Красноселье
179	Скуратово (Сопки)
180	Волаево
181	Козырево
182	Княжье Село
183	Волок
184	Козлово
185	Прошково
186	Селище
187	Малиновка
188	Никулино
189	Понизовье
190	Сопки
191	Клин
192	Снопово
193	Загорье
194	Бол. Ельно
195	Лука
196	Киевичи
197	Языковщина
198	Горевицы (Гаривицы)
199	Ивановское
200	Новодворье
201	Болдашево
202	Сыроежино
203	Морхово
204	Рогово

205	Сырмолотово (Сырмолоты)
206	Пахирино
207	Соловьи
208	Тухомичи
209	Приют
210	Высокое
211	Мамоново
212	Клешнево
213	Аполец
214	Новоникольское
215	Слепично
216	Удобы
217	Тихоновка
218	Наход
219	Радилово
220	Борисово
221	Залесье
222	Манькино
223	Красное
224	Велилы
225	Погорелуша
226	Овсянниково (Овсяниково)
227	Граница Тверской и Псковской губ.
228	Борзово
229	Горки
230	Грибель
231	Дмитрово
232	Заболотье
233	Колотилово
234	Рябинец
235	Синьково
236	Шарыгино
237	Ям
238	Чепелево
239	Заборовье
240	Ломинское
241	Выползово
242	Песчаха
243	Бенек
244	Фомино
245	Дядькино
246	Истомино
247	Пузаново
248	Жуково

249	Подберезье
250	Тюхово
251	Ольховец
252	Баканово
253	Андроново
254	Волок
255	Быстри
256	Бол. Стеклино
257	Мал. Стеклино (Баталы)
258	Отолово
259	Красный Рюм
260	Торопово
261	Семченки
262	Лебедево
263	Вдовец
264	Волкота
265	Мартынов Рог
266	Холм
267	Обдынь
268	Охват
269	Попов Рог, мыс на оз. Охват
270	Нетесьма
271	Бобровец
272	Чечетово
273	Курово
274	Андреаполь
275	Синичино
276	Новотихвинское
277	Фомино
278	Ерохино
279	Гладкий Лог
280	Иванова Гора
281	Мишково
282	Шатры
283	Короли (Мещёки)
284	Клин
285	Кочевицы
286	Голаново
287	Западная Двина
288	Барлово
289	Ануфриево
290	Новинка (Вировское)
291	Скрабы
292	Горохово
293	Шлыки

294	Тюки
295	Коново
296	Пашково
297	Залужье
298	Мартьянково
299	Вережуни
300	Литвиново
301	Романово
302	Шарапово
303	Солово
304	Брод
305	Баево
306	Севастьяново
307	Селище
308	Белянкино
309	Векошане
310	Петрово (Тархово)
311	Щербино
312	Михалёво
313	Курбаты
314	Шишово
315	Первомайский
316	Агрызково
317	Глазово
318	Шинково
319	Крутики
320	Дубровка
321	Старая Губа
322	Праслова (Пруслова), ныне Русаново
323	Велищи (Фомино)
324	Гладыши
325	Дубровка
326	Росстани
327	Кузнецово
328	Ямищи
329	Боровое
330	Глазомичи
331	Кресты
332	Паньково
333	Рубежник
334	Пузалово
335	Ковали
336	Усодица, также Гапеево
337	Горошки

338	Горяне
339	Сертея
340	Смоленский Брод
341	Корени
342	Маклок
343	Рудня
344	Балбаи
345	Зубки
346	Заболонье
347	Велиж
348	Секачи
349	Болошки
350	Сивец
351	Козье
352	Тарасенки
353	Орляки
354	Верховье
355	Слобода
356	Сураж
357	Хотоля
358	Кобылково
359	Курино
360	Задвинье (Пеленки)
361	Ковали
362	Романьково
363	Хоботы
364	Ходорово
365	Шнити
366	Лужесно
367	Боровляны
368	Савченки
369	Герасимово
370	Витебск
371	Либартово
372	Дуброво
373	Абаконово
374	Баево (Мухино)
375	Золотухино
376	Александровское
377	Авдеево
378	Гараж
379	Озеры
380	Бельки
381	Данилино
382	Залужье

383	Новый Двор
384	Коростино
385	Ведно
386	Курцево
387	Торопаца
388	Заселица
389	Лучки
390	Жельно
391	Борок
392	Малахово
393	Марьино
394	Фишово
395	Новинки
396	Орехово
397	Шатино
398	Стрежино
399	Лужи (Бердово)
400	Низинка (Васьково)
401	Турово (Ахромово)
402	Остров (Поповка)
403	Борисы
404	Малое Кислово
405	Набатово
406	Корнилово
407	Ермаки
408	Масловка (ныне Маслово)
409	Понизовье
410	Ново-Бридино
411	Цикорево
412	Заречье
413	Знаменское
414	Торопец
415	Дедино
416	Голубино
417	Поповка (Михайловское)
418	Подгай
419	Лохово
420	Лосочи
421	Крест
422	Семивье
423	Речане
424	Бабкино
425	Чихачи
426	Савостино
427	Грядцы (Лукьяново)

428	Бариново (Плицыно)
429	Курбаты
430	Староселье (Барлово)
431	Калекино
432	Гальяново
433	Хворостьево (Золотилово)
434	Новая (Белица)
435	Новый Бор (Ковали)
436	Селяне
437	Полутино
438	Пятиус
439	Хаврач (Старая Торопа)
440	Черногузово
441	Заречье
442	Юшково
443	Шниткино
444	Дедово
445	Жданово
446	Ильинское
447	Савинская
448	Шетнево
449	Иванчата
450	Спицыно
451	Макеево (Дербиш)
452	Щелкино (Совкино)
453	Жерносеки
454	Барузда
455	Бенцы
456	Юхново
457	Озерки
458	Веревкино
459	Степаньково
460	Анащенки
461	Бор
462	Погорелыши-Ехишаты
463	Устье
464	Покровское
465	Дубровка
466	Мишино
467	Ольховец
468	Белавино
469	Карево
470	Анашкино
471	Очкасово
472	Залучье

473	Курово
474	Гритьково
475	Кривицы
476	Каськово
477	Заказник
478	Жижица
479	Михайловское-Раонь
480	Бойково
481	Спичино
482	Узмень
483	Прилуки
484	Красные Сосны
485	Петухи
486	Дубровка
487	Ямище
488	Моршники
489	Горохина усадьба
490	Староселье
491	Сопки (Курово)
492	Осмолица
493	Поташево
494	Кочегарово
495	Шеляпы
496	Бол. Кретивля
497	Велинское
498	Селище
499	Арестово
500	Люткино
501	Любовицы
502	Коленидово
503	Высочерт
504	Катково
505	Граблино
506	Камино
507	Ходаны
508	Королевщина
509	Березовка
510	Велисто
511	Никольское
512	Горы
513	Добрино
514	Морозово
515	Лужок
516	Пржевальское (Слобода)
517	Рыковщина

518	Заозерье
519	Ерилово
520	Горки
521	Подосинки
522	Ельша
523	Земцово
524	Холм
525	Дымово
526	Смольки
527	Кононово
528	Бараново
529	Букатино
530	Лопатино
531	Белавино
532	Прихабы
533	Городно
534	Полонейка
535	Петрово
536	Девичьи Могилы
537	Змеиные Могилы
538	Спицыно
539	Горный
540	Турное
541	Каменная Лава
542	Токарево
543	Усвяча
544	Иванцы (Иванцево)
545	Росно
546	Глазуново (Лобынщина)
547	Заголодье
548	Рябцево
549	Каржавы
550	Щемиловка
551	Тарасы
552	Циганови Нивы
553	Узмень
554	Гуковы Нивы
555	Боброво
556	Усвяты
557	Лукашенки
558	Дрозды
559	Шепечи
560	Жильцы
561	Марковичи
562	Нов. Александровка

563	Залута (Залутца)
564	Демяхи
565	Синий Камень
566	Казаково
567	Пуховичи
568	Михайленки
569	Березно
570	Хвошно
571	Вышедки
572	Бескатово
573	Головни
574	Вертеи
575	Заборок
576	Селезни (Тиосто)
577	Мямли
578	Двухполье
579	Хатейна
580	Ольховец
581	Старые Мостищи
582	Понизовье
583	Алексеево
584	Борки
585	Заборье
586	Пенисарь
587	Дуброво
588	Захарино
589	Абрамково
590	Плаи
591	Басино
592	Сыр-Липки
593	Самолюбово
594	Аполье
595	Кислые
596	Дубровка
597	Язвище
598	Надва
599	Рокот
600	Иньково
601	Волоковая
602	Замошье
603	Горбуны
604	Пилички
605	Каспля
606	Алфимово
607	Семеново

608	Шилы
609	Боровики
610	Мироново
611	Холм
612	Дроково
613	Орлово
614	Акатово
615	Минаки
616	Борода
617	Бол. Коряки
618	Крутое
619	Осиновица
620	Силуяново
621	Боярщина
622	Ланские Шарки
623	Понизовье
624	Селечки
625	Нов. Мышково
626	Клименки
627	Кошевичи
628	Переволочье
629	Девино
630	Самсонцы
631	Заозерье
632	Микулино
633	Ковали
634	Заики
635	Бор
636	Загоскино
637	Николо-Берновичи
638	Буризи (Русаново)
639	Шиловка
640	Рипшево (Рибшево)
641	Тарасово
642	Мохань
643	Ефремово (Афремово)
644	М. Старыгино
645	Введенье
646	Колошино
647	Головицы
648	Елисеевичи
649	Нескучное
650	Преображенск
651	Котовщина
652	Городная

653	Варнавино
654	Свистуново (Свистовичи)
655	Городище
656	Зальнево
657	Корево
658	Няньковичи
659	Аносинки
660	Бакланово
661	Шугайлово
662	Саки
663	Побоище
664	Сокорево
665	Холм
666	Баталово
667	Заборье
668	Никасицы
669	Великая
670	Ключ
671	Хомяки
672	Жолнерово
673	Войтово
674	Тадулино
675	Рыбаки
676	Синяки
677	Яновичи
678	Судиловичи
679	Новая Земля
680	Щеки
681	Озеры
682	Барсеево
683	Ситно
684	Ромальдово
685	Бабиновичи
686	Заольша
687	Добромысли
688	Артемово
689	Село
690	Костево
691	Кучинщина
692	Добрино
693	Высочаны
694	Суходрево (Суходорово)
695	Мяклово
696	Вороны
697	Лятохи
698	Бароники

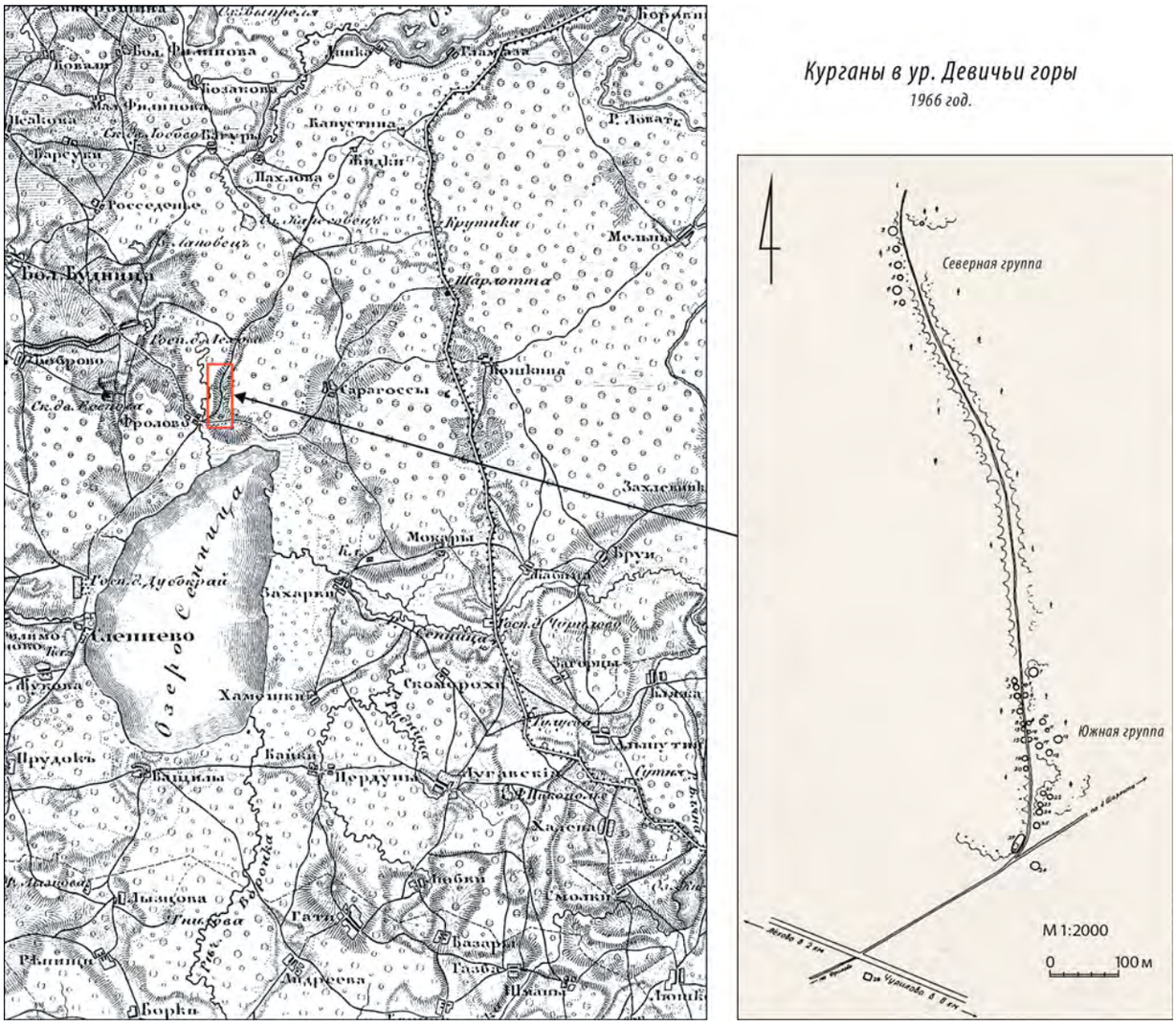


Рис. 92. Район оз. Сенница на Военно-топографической карте Российской империи втор. пол. XIX в. Могильник Девичьи горы на северном берегу оз. Сенница. Курганы (в том числе сопковидные) расположены вдоль лесной дороги на район Борисоглебск–Полибино

осуществляли свои походы на Новгород полоцкие князья и наносили свои ответные удары новгородцы – на Луки. Таким образом, без рассмотрения (хотя бы самого краткого) ранней истории Великих Лук невозможно понимание исторической судьбы Усвята. Луки играли исключительную роль в военной обстановке на южных границах Новгородской земли. Лучшая формулировка этой роли сделана в 1580 г. в штабе Стефана Батория:

> «Луки находятся как бы в предсердии Московского княжества, представляя пункт удобный для нападения на другие области, на какие только угодно будет потом направиться; помещенный там отряд войска будет находиться в равном расстоянии от неприятеля и весьма легко будет его удерживать, захочет ли он идти на Литву по Смоленской дороге или на Ливонию по Псковской, так как отсюда открыта одинаково дорога к Смоленску и к Пскову; поэтому-то и великий князь обыкновенно стягивает сюда свои войска» (Гейденштейн 1882: 107).

Луки, очевидно, надежно защищали Новгород, но только до тех пор, пока Новгород был хозяином положения, имея дело преимущественно с полочанами, т. е. до усиления Литвы. В летописных известиях Луки предстают как узел широтных и меридиональных коммуникаций. Путь из Киева в Новгород пересекается тут с дорогой из Пскова в Торопец. Большой интерес представляет роль города в событиях 1166–1167 гг. (цит. по Н1):

> «В лѣто 6674. <…> Въ то же лѣто, на зиму прииде Ростиславъ ис Кыева на Лукы, и позва новгородьци на порядъ: огнищаны, и гридьбу,

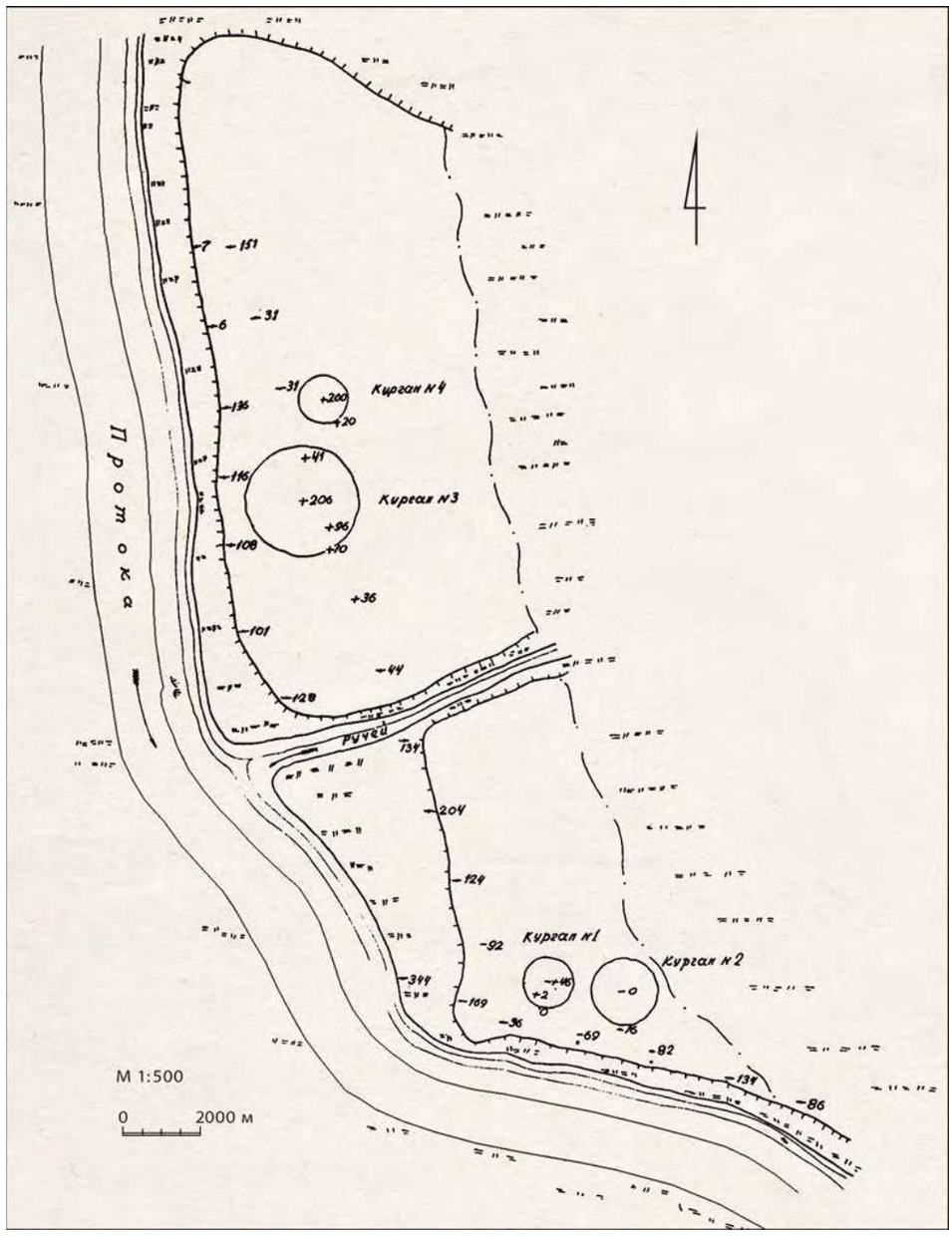


Рис. 93. Ур. Гуковы Нивы 1963 г. (селище Узмень). План курганной группы на окраине селища

и купьцѣ вятьшии; и ту ся разболѣ самъ, и воротися опять, и преставися на пути, везоша и къ Кыеву, и положиша и у святого Федора.

В лѣто 6675. <...> Въ то же лѣто выиде князь Святославъ из Новагорода на Лукы, и присла въ Новъгородъ, тако глаголя имъ: "не хощю у вас княжити, не любо ми есть". Новгородьци же цѣловаша святую Богородицю, ркоша к собѣ, яко "не хощемъ его"; и идоша прогнати его съ Лукъ. Онъ учювъ, оже идуть на нь, и иде Торопцю, а новгородци послаша в Русь ко Мьстиславу по сынъ. Святослав же иде на Вългу, и вда ему Анъдрѣи помоць, и пожже Новыи торгъ, а новоторжьци отступиша к Новугороду; и много паскости творяше домомъ ихъ и села их потрати. А брат его Романъ и Мьстиславъ пожгоста Лукы; а лучянѣ уступиша они в город, а иныи Плескову» (ПСРЛ, т. III. 2000: 219–220).

В 1178 г. этот город использовался Мстиславом Ростиславичем как база для несостоявшегося похода на Полоцк (цит. по Ипат., см. выше на с. 140–141).

В 1198 г. Луки сами подверглись нападению полочан (цит. по Н1):

> «В лѣто 6706. <...> На тую же осень приидоша полочанѣ съ Литвою на Луки и пожгоша хоромы, а лучанѣ устерегошася и избыша въ городѣ» (ПСРЛ, т. III. 2000: 238).

В ответ на военный рейд полочан Новгород незамедлительно послал на Полоцк объединенную новгородско-псковско-новоторжскую рать. В походе приняли участие ладожане и

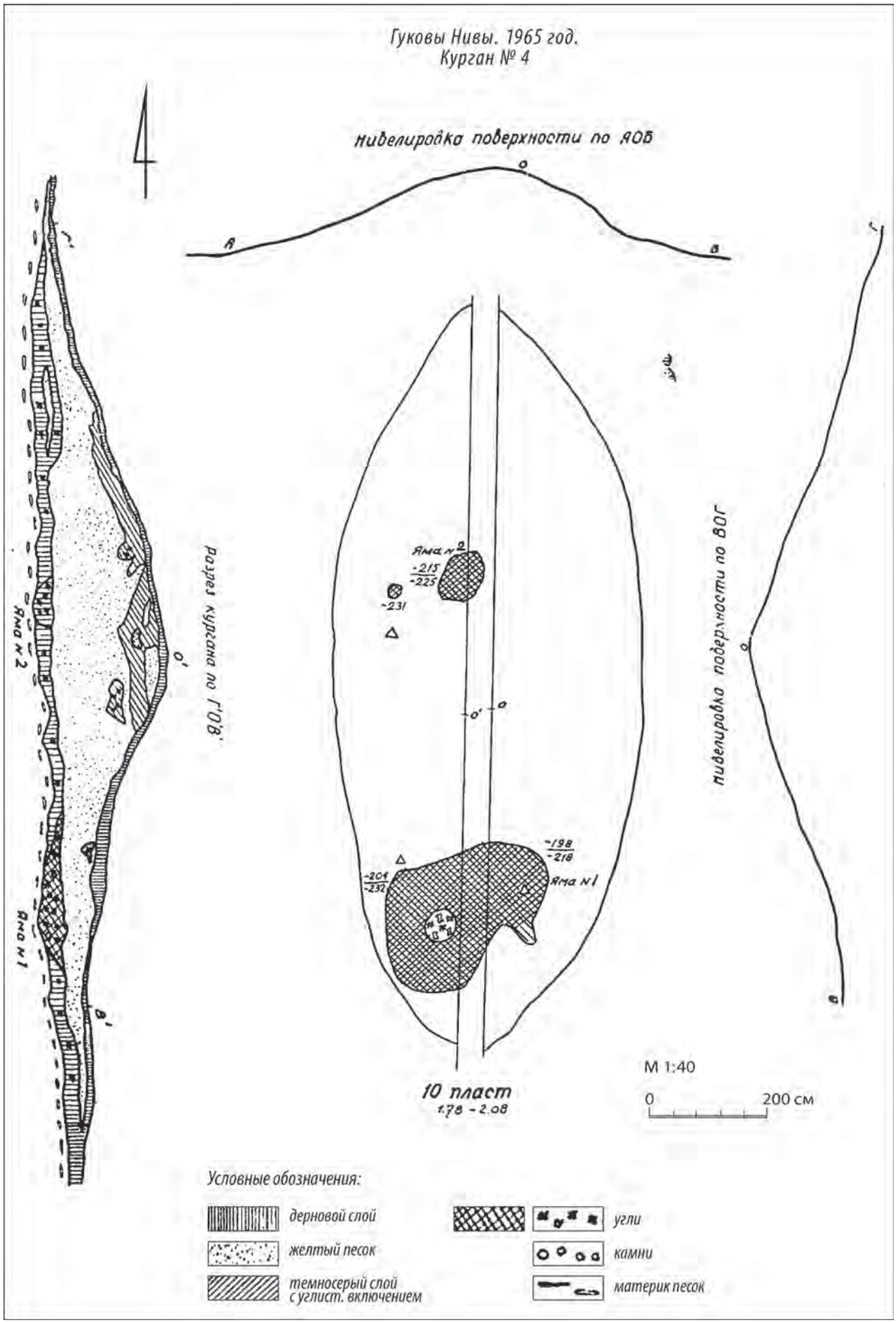


Рис. 94. Гуковы Нивы 1965 г. Курган № 4 (раскопки И. К. Лабутиной)

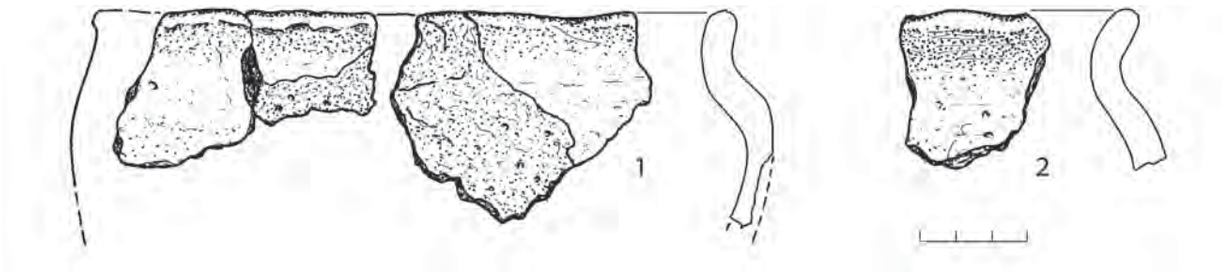


Рис. 95. Гуковы Нивы 1965 г. Курган № 4 (раскопки И. К. Лабутиной). Лепная керамика из кургана

«вся область Новгородская». Устрашенные размахом ответного удара полочане встретили новгородское войско «с поклоном» и запросили мира. Условия его неизвестны, но с этого времени Полоцк не упоминается более при описании литовских военных предприятий на новгородских рубежах. Возможно, действовали какие-то договоренности о неучастии полочан в антиновгородских военных коалициях с Литвой. Как бы там ни было, новгородцы не замедлили воспользоваться своим геополитическим выигрышем. Два года спустя из Лук ими был организован поход (точнее набег) на латгалов, ранее как будто находившихся вне сферы новгородских интересов. Это первое упоминание о «примучивании» этого племени в русских летописях. Новгородская Первая летопись старшего извода (далее – Син.) сообщает:

> «В лѣто 6708. <...> Въ то же лѣто иде Нездила Пъхциниць на Лукы воеводою; иде с Лукъ съ маломь дружины въ Лотыголу на тороне, и засташа я въ одринах, и убиша ихъ 40 муж, а жены ихъ и дѣти поимаша, а сами придоша на Лукы сторови вьси» (ПСРЛ, т. III. 2000: 45).

Еще раз путешествие по дороге Луки–Торопец упоминается в Син. в ряду событий 1211 г.:

> «В лѣто 6719 <...> И посла князь Мьстиславъ Дмитра Якуниця на Лукы съ новгородьци города ставитъ, а самъ иде на Тържькъ блюстъ волости, исъ Търожку иде въ Торопьчь, ис Торопця иде на Лукы, и съняся съ новгородьци; а лучяномъ да князя Володимира Пльсковьскаго» (ПСРЛ, т. III, 2000: 52).

Из всех этих сообщений видно, что из Лук в XII–начале XIII в. ходили на юго-запад и на запад – в Полоцк и в зависимые от него земли; на северо-запад – во Псков, на юг – в Киев, на восток – в Торопец (события 1167 и 1211 гг.). Преобладает юго-западное, «полоцко-латгальское» направление (события 1178, 1198, 1200 гг.). Луки выступают в вышеприведенных летописных свидетельствах не как транзитный торговый город, а как военная база, на которую Новгород опирался в своих устремлениях на юго-запад и которой в период междоусобиц в первую очередь стремился нанести удар Полоцк.

В дальнейших военных событиях XIII столетия в междуречье Ловати и Западной Двины Луки не сыграли заметной роли, видимо, не оправдав выразительного прозвания «от Литвы оплечье Новугороду», данное им новгородской летописью.[4] Отстроенная в 1211 г. крепость надежно укрывала горожан от литовских набегов (литва пока не делала попыток завладеть ею), но и не стала залогом побед новгородцев в разыгравшейся вскоре перманентной маневренной войне в междуречье Ловати и Западной Двины. В военных реалиях XIII столетия на первый план выходят магистрали, расположенные либо западнее Лук, либо южнее и восточнее крепости – идущие через Витебск, Усвят, Клин, Жижеч и Торопец.

Полоцкая земля первой испытала натиск литовских дружин, но дошедшие до нас русские летописи молчат об этом периоде литовской экспансии. На Руси холодно следили, как литва разоряет Полотчину, так же, как за 100 лет до этого судили «яко навье бьють полочаны». О том, что пришлось испытать последним в 1190-е гг. и первое десятилетие XII в., дает некоторое представление лишь Хроника Генриха:

> «Власть литовская до такой степени тяготела тогда надо всеми жившими в тех землях племенами, что лишь немногие решались жить в своих деревушках, а больше всех боялись лэтты. Эти, покидая свои дома, постоянно скрывались в темных лесных трущобах, да и так не могли спастись, потому что литовцы, устраивая засады по лесам, постоянно ловили их, одних убивали, других уводили в плен, а имущество все отнимали.

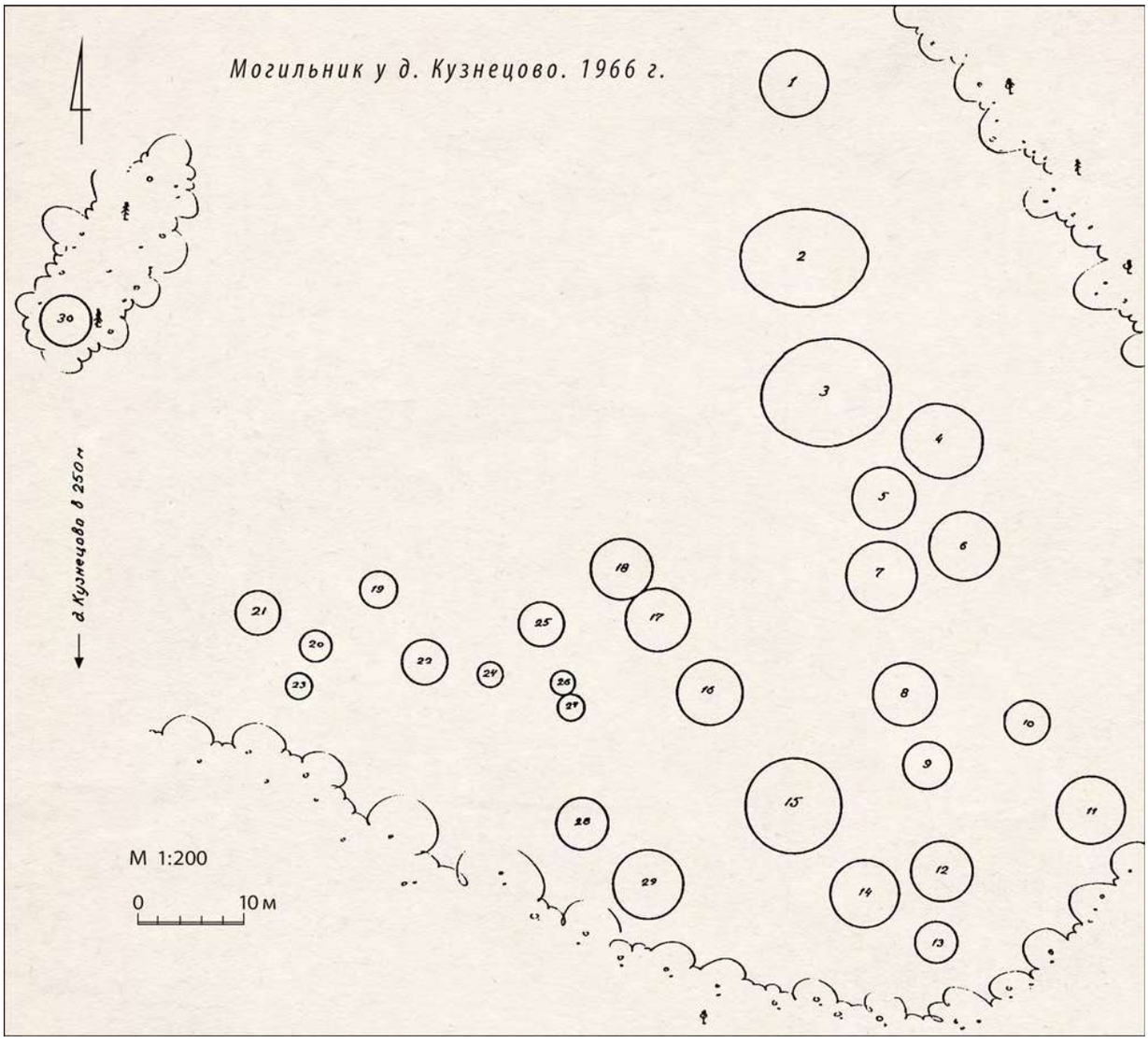


Рис. 96. Древности обитателей Новгородско-Полоцко-Смоленского пограничья в междуречье Ловати и Западной Двины. Курганный могильник Кузнецово.
План памятника, по А. М. Микляеву

> Бежали и русские по лесам и деревням перед лицом даже немногих литовцев, как бегут зайцы пред охотником, и были ливы и лэтты кормом и пищей литовцев, подобно овцам без пастыря в пасти волчьей» (Генрих Латвийский 2009: 113–114).

Следующие удары литовцев пришлись уже на Псковские земли. В 1213 г. они сожгли Псков. В 1216 г. в разгаре действий по организации полоцко-литовской антинемецкой военной коалиции скончался полоцкий князь Владимир – осторожный политик, правивший более 30 лет (первое упоминание его деятельности в Прибалтике в Хронике Ливонии относится к 1184 г.).[5] Этот князь достаточно успешно для себя маневрировал между интересами Литвы (за счет рыцарей и своих православных соседей), немецких крестоносцев (за счет вассальных княжеств Герцике и Кукейноса, отданных на произвол судьбы перед лицом немецкой угрозы) и русских княжеств (за счет Литвы). Его смерть ознаменовала закат ослабевшей в политических противоречиях полоцкой государственности и закрепила новую расстановку геополитических сил в Подвинье. С этого времени, все больше и больше попадая под влияние литовских правителей, древнерусский Полоцк перестал играть самостоятельную роль в политической жизни региона, и литовские рати, не встречая сопротивления на Западной Двине, хлынули в южные пределы Новгородской земли. Уже в следующем году были разграблены земли по Шелони (ПСРЛ, т. V, вып. 2. 2000: 77). С этого времени набеги язычников приобрели регулярный характер, а летописные

упоминания о литовской экспансии на южных границах Новгородской земли выстраиваются в череду однообразных кровавых событий.

Литовские набеги следуют один за другим: в 1224 г. совершен поход на Русу; зимой 1225 г. были разорены окрестности Торжка и Торопца; в 1230 г. литва разграбила окрестности Любны и Морева, воевала на Селигере. В 1234 г. литовцами снова было совершено нападение на Русу, завершившееся долгим (до окрестностей Торопца) преследованием их Ярославом. В сентябре 1239 г. литовская рать успешно воюет в Повеличье в Псковской земле. В 1246 г. в южных областях Новгородской земли действуют два литовских отряда (вероятно, одно войско, по обыкновению разделившееся). Несмотря сразу на три победы, одержанные над ними Александром Ярославичем (под Торопцом, Жижечем и Усвятом), переломить ситуацию Новгороду не удалось. В том же году Александр Ярославич забирает из Витебска своего, жившего там малолетнего сына, очевидно, понимая неизбежность подчинения города Литве. В 1247 г. литовская рать одерживает победу над псковичами на Кудепи (левый приток Великой в ее нижнем течении). Между 1246 и 1262 гг. Литва овладевает Полоцком. Тогда же, в 1250-е гг., попадает под власть Литвы Торопец (Янин 1998: 52).

Надо полагать, неспособность Полоцка к самостоятельной политической жизни вызывала попытки соседних русских князей каким-то образом повлиять на ситуацию, чтобы оградить свои земли от Литвы. Можно указать на две такие попытки. В 6730/1223 г. смоленские князья на какое-то время захватили Полоцк (ПСРЛ, т. III. 2000: 263), а в 6747/1239 г. Александр Ярославич женился на дочери полоцкого князя Брячислава, венчавшись в Торопце. В это время (судя по имени отца невесты) в Полоцке сидел князь из династии Рогволодовичей. Символично выглядит сообщение Н1 об этом браке, поставленное в один ряд с военными антилитовскими мероприятиями на южных границах Новгородской земли:

> «В лѣто 6747. Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль в Новѣгородѣ, поя в Полотьскѣ у Брячьслава дчерь, и вѣнчася в Торопчи; ту кашю чини, а в Новѣгородѣ другую. Того же лѣта князь Александръ с новгородци сруби городци по Шелонѣ» (ПСРЛ, т. III. 2000: 77).

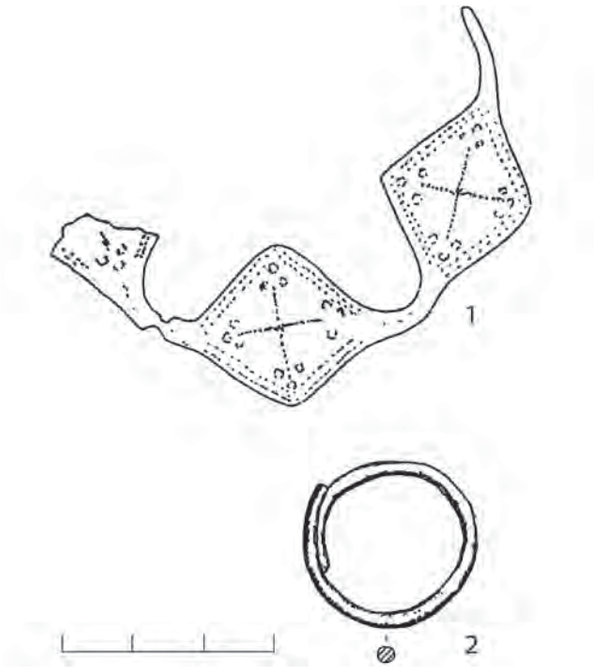


Рис. 97. Древности обитателей Новгородско-Полоцко-Смоленского пограничья в междуречье Ловати и Западной Двины. Курганный могильник Кузнецово. Раскопки В. Н. Глазова. Инвентарь из кургана № 2, погр. № 2. 1 – серебро; 2 – сплав меди

Таким образом, некоторое время с 1223 г. Витебск и Усвят, входившие в состав Полоцкой земли (ПСРЛ, т. XV. 2000: 345), находились под властью Смоленска, а в первой половине 1240-х гг. обстановку в них пытался контролировать Александр Ярославич. Изменить судьбу городов эти события уже не могли.

В данном контексте Усвят упомянут в новгородских летописях еще дважды (в 1225 и 1246 гг.) – оба раза в связи с военными маневрами в его окрестностях литовских отрядов и дружин князей Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича. Судьба самого города Усвята и его волости (надо полагать, страдавшей от действий обеих сторон – литовской и русской) на этом фоне не может предстать иначе, как в самых мрачных красках, хотя новгородские летописи об этой судьбе умалчивают.

Вероятно, уже со второй четверти XIII в. Усвят каким-то образом зависел от литовских князей, судя по тому, как свободно их рати хозяйничали в междуречье Ловати и Западной Двины. Описания событий зимы 1225/26 г. наводят на мысль о том, что город использовался ими как база для организации грабительских набегов. Н1 дает нам не вполне понятное наименование места сражения, в котором Литва потерпела полное поражение:

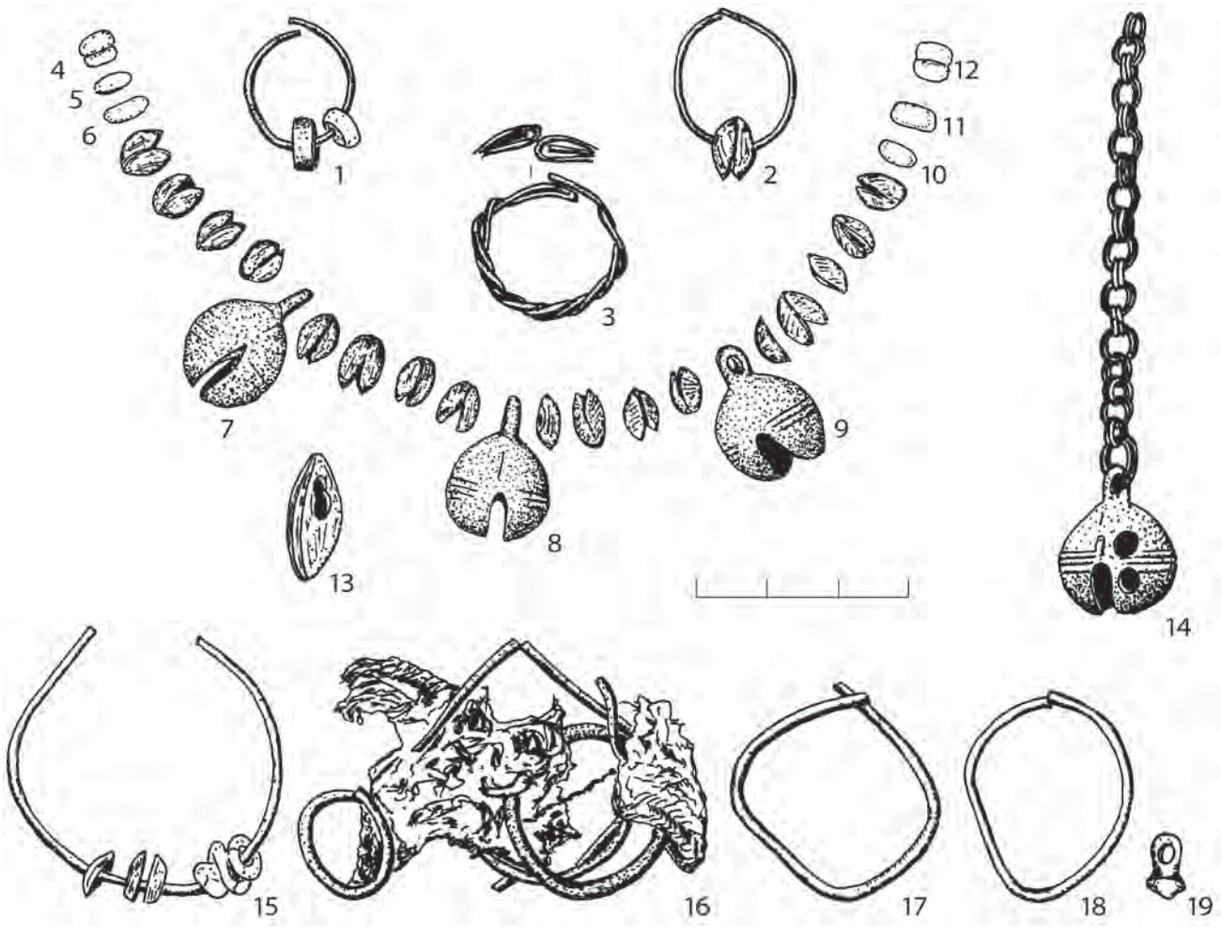


Рис. 98. Древности обитателей Новгородско-Полоцко-Смоленского пограничья в междуречье Ловати и Западной Двины. Курганный могильник Кузнецово. Раскопки В. Н. Глазова. 1–14 – курган № 5, погр. № 1; 15–19 – курган № 5, погр. № 2. 1 – бронзовое кольцо с бусиной из бронзовой спиральки и бисериной бурого стекла; 2 – бронзовое кольцо с вишневой косточкой. 3 – сплав меди; 4–6, 10–12 – стекло; 7–9, 14 – сплав меди; 13 – просверленная сливовая косточка; 15 – бронзовое кольцо с вишневыми косточками и желтой трехчастной бусиной; 16 – височное украшение с фрагментами ткани; 17–19 – сплав меди

«Въ лѣто 6733. ...Тои же зимѣ приидоша Литва, и повоева около Торжьску бещисла, не доганиша Торжьку за три веръсты, бяше бо их 7000, и гость биюще много, и Торопечьскую волость всю взяша. Князь же Ярославъ и Володимиръ съ сыномъ и с новотържьцѣ, княжь дворъ, а новгородцовъ бѣ мало, торопцянѣ съ княземъ своимъ Давыдомъ поидоша по нихъ, а по новгородци послаша: они же, дошедше Русѣ, и пакы назадъ възвратишася. Князь же Ярославъ **сугнавъ на Въсте** и наворопи на не; и тако, божиею помощью и святыи Софѣя, отъимавъ всь полонъ, а самыхъ избиша 2000, а прочии разбѣгошася; ту же убиша Торопечьскаго Давыда князя и Василя, меченошю Ярославьля» (ПСРЛ, т. III. 2000: 269).

Лучше читается это известие в Син. и в некоторых других летописях:

Син.	Симеоновская летопись
«Въ лѣто 6733. <…> Тои же зимѣ придоша Литва, повоеваша около Тържку бещисла и не доганяша Тържку за 3 вьрсты, беше бо ихъ 7000, и гость биша многъ, и Торопьцьскую волость всю поимаша. Князь же, Ярославъ и Володимиръ съ сыномъ и с новотържьци, княжь дворъ, новгородцевъ мало, торопцяне съ князьмь своимь Давыдомь поидоша по нихъ, а новгородци послаша: они же, дошедъше Русы, въспятишася. Князь же Ярославъ **съгони е на Въсвятѣ** и наворопи на не; и тако, божиею помочью и святыя София, отъимаша всь полонъ, а самѣхъ избиша 2000, а прокъ ихъ разбегошася; ту же убиша князя Торопьчьскаго Давыда и Василя, меченошю Ярославля» (ПСРЛ, т. III. 2000: 64)	«Въ лѣта 6734. <…> Тоя же зимы воеваша Литва Новогородцкую волость и поимаша много множество зѣло христіанъ, и много зла сътвориша, воюючи около Новагорода и около Торопчя, и около Смоленьска и до Полотьска; бѣ бо рать велика зѣло, яко же не бывала отъ начала миру. Слышавше благовѣрныи князь и боголюбивыи Ярославъ, сынъ Всеволожь, внукъ Юрьевъ, съжалиси зѣло о христіанехъ и поѣха на нихъ ис Переяславля, и **постиже я у Въсвята**. Видѣвше же Литва исполчишася противу имъ на езеръ. Князь же Ярославъ, помоляся Богу, поѣха на нь, и сступившимся полкомъ, побѣгоша поганіи. Князь же Ярославъ, силою креста честнаго и молитвою святыа Богородица, архаггела Михаила и Гавріила, гна по нихъ, овы избіа, иныхъ поима, князя ихъ изыма, а полонъ весь отъя; и бысть радость велика по всѣм землямъ тѣмъ свобоженымъ отъ поганыхъ, и бысть миръ потомъ и на многа лѣта; а самъ князь Ярославъ ѣхавъ сѣде на столѣ въ Новѣгородѣ» (ПСРЛ, т. XVIII. 2007: 52)

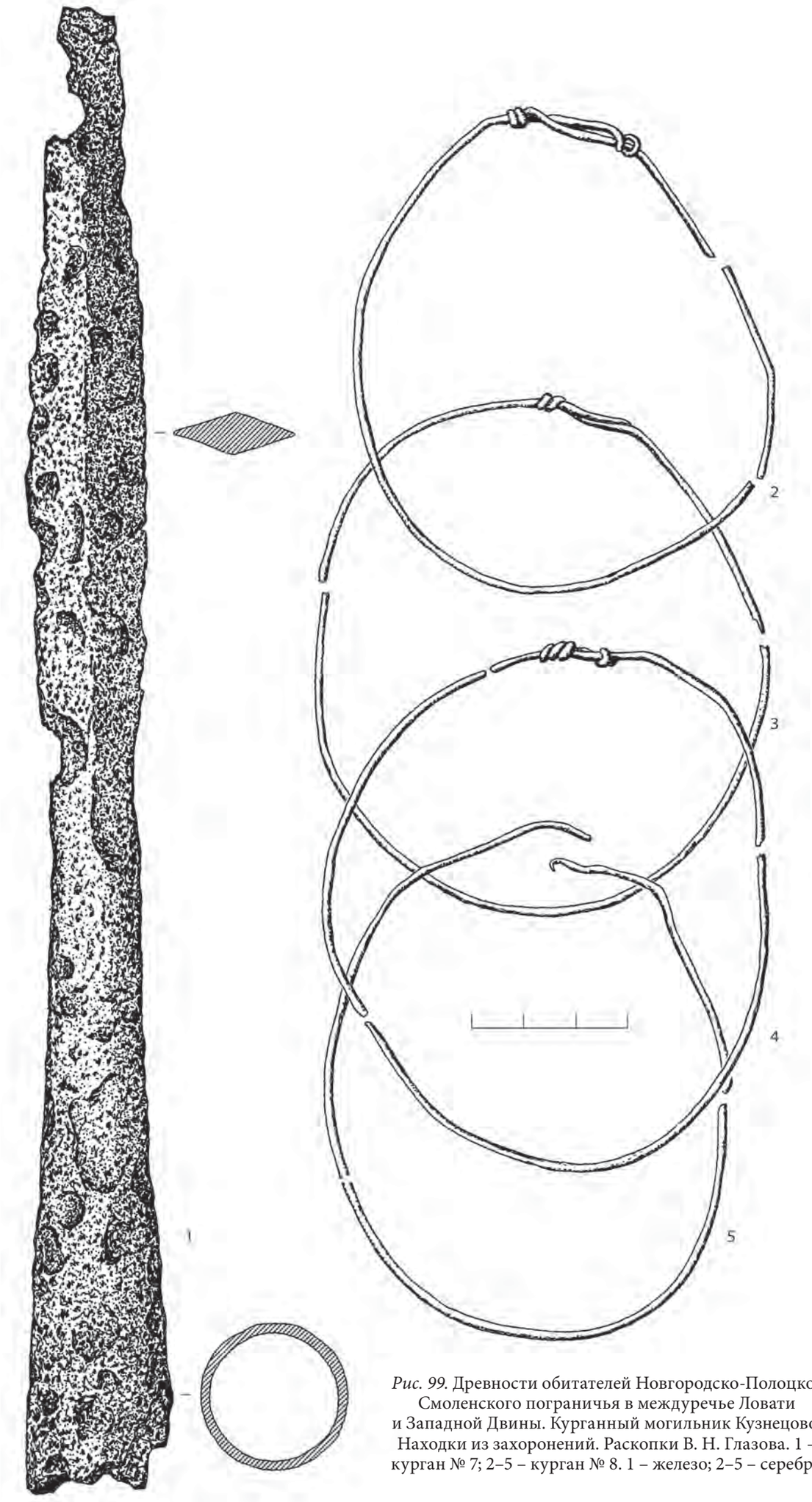


Рис. 99. Древности обитателей Новгородско-Полоцко-Смоленского пограничья в междуречье Ловати и Западной Двины. Курганный могильник Кузнецово. Находки из захоронений. Раскопки В. Н. Глазова. 1 – курган № 7; 2–5 – курган № 8. 1 – железо; 2–5 – серебро

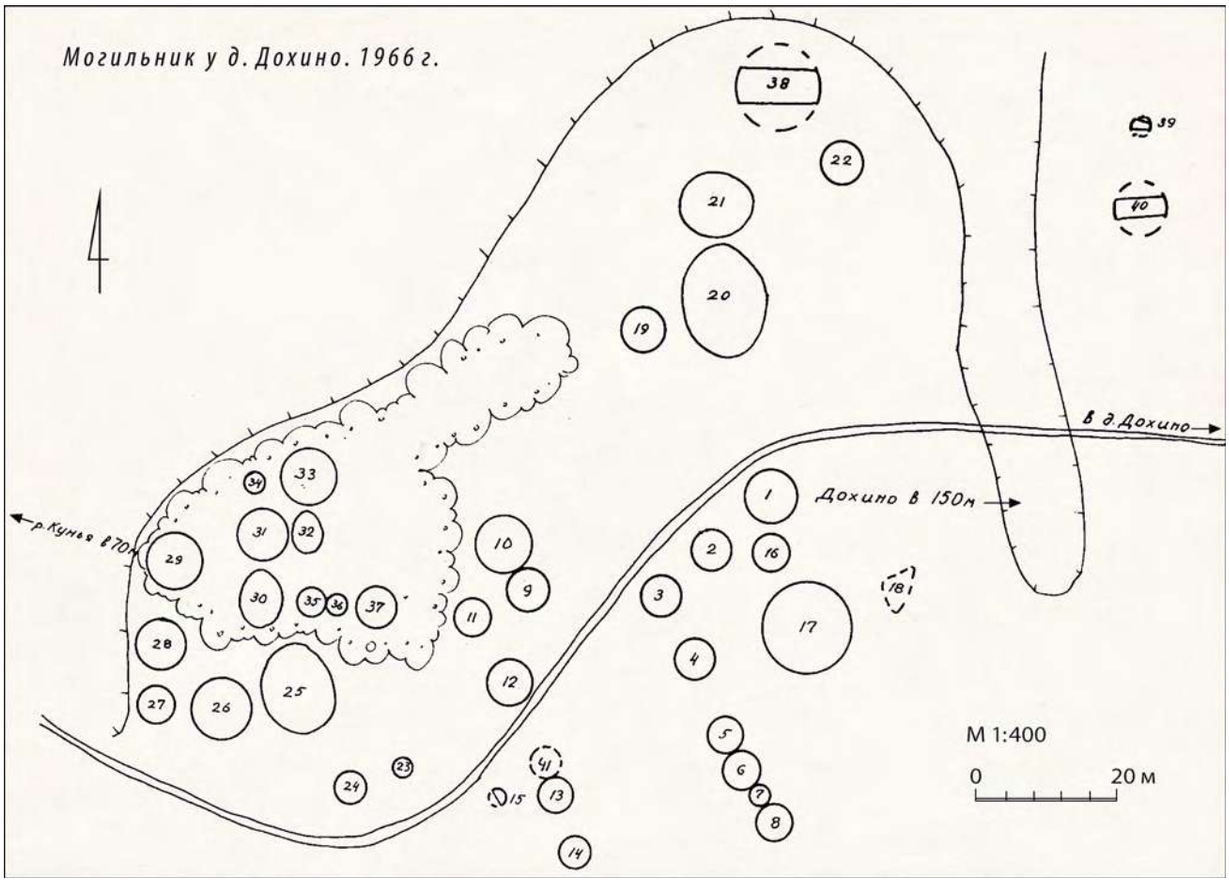


Рис. 100. Древности обитателей Новгородско-Полоцко-Смоленского пограничья в междуречье Ловати и Западной Двины. Курганный могильник Дохино. План памятника, по А. М. Микляеву

Еще более развернутый рассказ о событиях содержит Тверская летопись, в которой они отнесены к 1226 г.:

> «Въ лѣто 6734. На зиму пріидоша Новогородци съ молбою по Ярослава, зовучи его къ себѣ на столъ; Ярославъ же управися съ ними на всей своей воли, начатъ отдавати свесть свою за Ярослава, Муромского князя. Еще ему не оправишу сватбы, ни мужей Новогородскыхъ отпустившу отъ себе, которіи бяху пришли по него, зовучи его къ себѣ на столъ, пріиде к нему вѣсть, яко пришедше Литва воюеть около Торжьку, въ семи тысячихъ, и около Новагорода, и около Торопца, и Смоленскую волость; и повоеваша около Торжьку бес числа, не догониша до Торжьку за три версты, и гость быша много, и Торопецкую волость всю поимаша. Тоже слышавъ Ярославъ, скоро погна по нихъ ис Переяславля съ полкомъ своимъ, и съ нимъ же Володимеръ съ сыномъ и съ Новоторжьцы, и Новогородцовъ мало, Торопчанѣ съ княземъ своимъ Давыдомъ поидоша по нихъ, а по Новогородцовъ послаша; они же дошедше Русы възвратишася опять. Князь же Ярославъ **постиже ихъ въ Полотцкой земли на Въстѣ, у Овъсвячо городка**, они же исполчишася противу ему при езерѣ, **въ недѣлю сыропустную**, и бышася съ нимъ на озерѣ; и тако Божіею помошію побѣди ихъ Ярославь, полонъ весь отъя, а самихъ изби, а изымалъ ихь 2 тысячи, а князя ихъ ятъ. На томъ бою убиша у Ярослава блаженного князя Давыда Торопецкого и Василіа, меченошу Ярославля. **Оттуду поиде Ярославъ къ Новугороду** на всей своей воли, и съде на столѣ лѣта 6734; се бысть третіе сѣденіе его въ Новѣгородѣ. Пришедше Ярославь вь Новгородъ, не положи того въ гнѣвъ, что не пошли по немъ Новогородци. Тогда же поставиша церковь Рождества Христова» (ПСРЛ, т. XV. 2000: 345–346).

Вероятно, летописец здесь повторил ошибку переписчика Н1, допущенную при написании топонима «на Въсвятѣ». Не разобрав неправильно написанное в тексте протографа указание «на Въстѣ», составитель нового списка, которому тем не менее по другим источникам был известен ход событий, уточнил место действия чрезвычайно существенным дополнением. Во-первых, здесь важно указание летописца на то, что события происходили в полоцких владениях. Это позволит нам в дальнейшем на фоне скудных известий о Западной Руси XIII в. проецировать на историю Усвята отразившиеся в летописях сообщения о Полоцке и Полоцкой земле. Но особенно ценно то, что

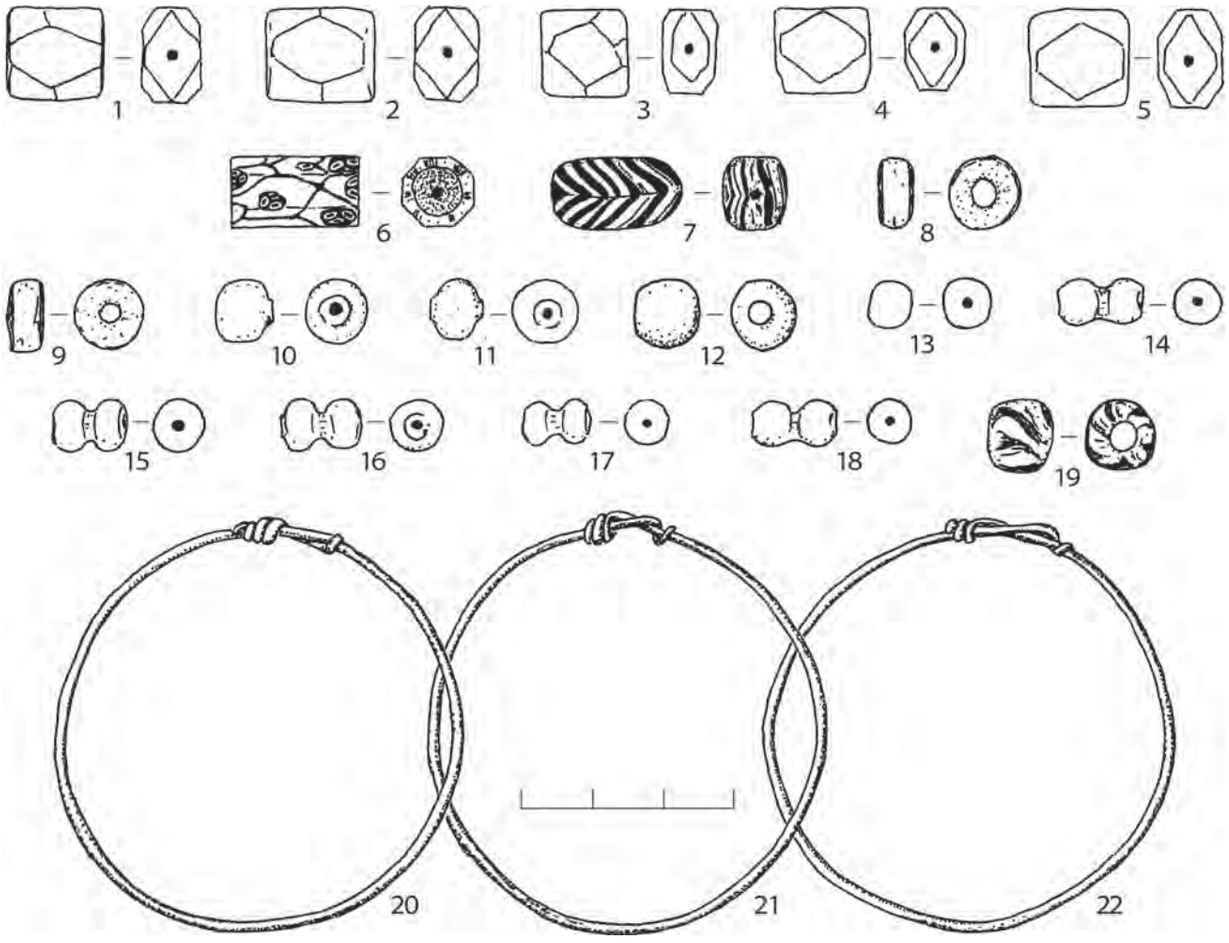


Рис. 101. Древности обитателей Новгородско-Полоцко-Смоленского пограничья в междуречье Ловати и Западной Двины. Курганный могильник Дохино. Раскопки В. Н. Глазова. Инвентарь из кургана № 1. Бусы: 1–5 – сердолик; 6 – оранжевое стекло; 7 – черная с белыми и малиновыми полосками; 8, 9 – золотостеклянные; 10–18 – желтое стекло; 19 – фиолетовое, со светлыми полосками стекло. 20–22 – серебряные височные кольца

в сообщении Усвят фигурирует в качестве «городка» – укрепленного пункта. Перед нами самое ранее упоминание усвятских фортификационных сооружений.

Кроме того, приведенный отрывок ценен указанием на точную дату сражения – последнее воскресенье перед Великом постом. Мы, таким образом, можем судить о том, как было организовано нашествие: литовские отряды выступили в поход в зимние холода, что повышало маневренность конницы, чтобы успеть уйти в Литву до наступления распутицы. На традиционную приуроченность литовских набегов к зимнему времени неоднократно указывает Генрих Латвийский, Хроника которого пестрит описаниями аналогичных военных событий, имевших место в Нижнем Подвинье:

> «На седьмой год (епископства Альберта – 1205 г. – *И. Е.*), около Великого поста, когда те народы обыкновенно больше всего и делают свои набеги, литовцы, числом до двух тысяч конных двинулись в поход против эстов и, когда они шли вниз по Двине и проходили мимо города, один из них, человек богатый и могущественный по имени Свельгатэ, свернул к городу вместе с товарищами. В числе других, кто с миром вышли из города ему навстречу, был горожанин по имени Мартин, который угостил его медвяным питьем. Выпив, Свельгатэ догнал ушедшее вперед войско и сказал товарищам: “А вы не видели, как дрожали руки у тевтонов, подносивших нам мед? До них долетел слух о нашем приходе, и они в таком ужасе, что до сих пор не перестают дрожать. Отложим пока разорение этого города, но если победим области, куда направляемся, то и тут людей возьмем в плен или перебьем, а поселение уничтожим”» (Генрих Латвийский 2009: 77).

В этом эпизоде Хроники Генриха мы видим подлинную военную тактику литовцев (вероятно, поданную в рассказе с некоторыми фольклорными элементами). Не звучит ли в этом известии и судьба древнерусского Усвята? Согласно сведениям, сообщаемым Генрихом, перед походом литва заключала до-

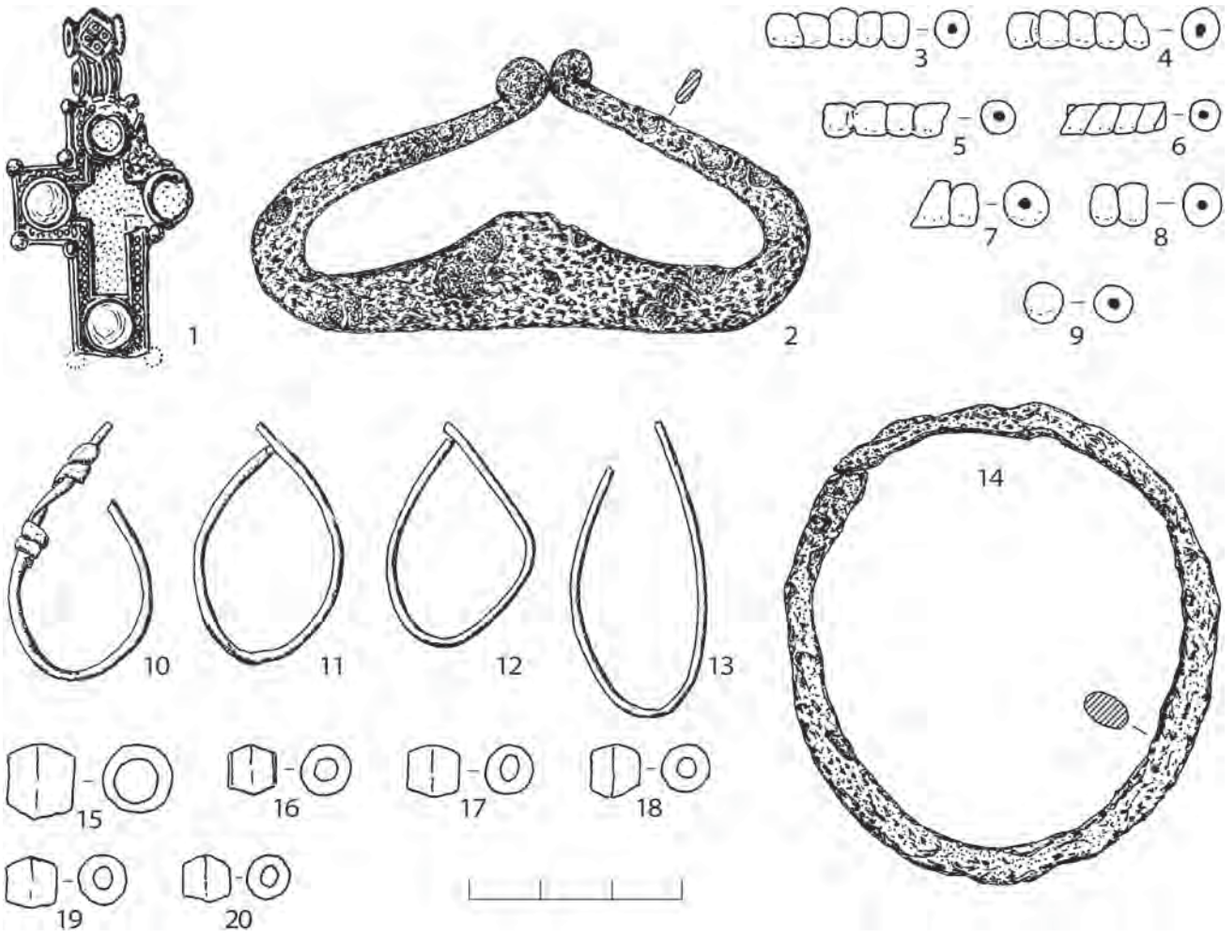


Рис. 102. Древности обитателей Новгородско-Полоцко-Смоленского пограничья в междуречье Ловати и Западной Двины. Курганный могильник Дохино. Находки из захоронений. Раскопки В. Н. Глазова. 1 – курган № 5; 2 – курган № 15, погр. № 1; 3–9 – курган № 9; 10–20 – курган № 18. 1 – оловянистый сплав; 2, 14 – железо; 3–9 – синее стекло; 10–13 – серебро; 15–20 – золотостеклянные бусы

говоры с местными жителями на отдельных участках следования военных формирований. Население этих транзитных регионов предоставляло литовским ратям (и их пленникам) ночлег и питание и, не исключено, получало определенную мзду в случае удачного набега, хотя главным стимулом для подобного уступчивого поведения был, конечно, страх перед непрошеными гостями. В соответствии с этой схемой нам и следует представлять себе в 1220–1240-х гг. отношения обитателей Усвята с периодически проходившими через него литовскими дружинами.

При сопоставлении летописных свидетельств и развернутых описаний литовской тактики в Хронике Ливонии понятными становятся функции Усвята в организации литовских набегов на Русь. Размах боевых действий и их география не оставляют сомнений в том, что зимой 1225/26 г. с литовской стороны действовало несколько отрядов. Действительно, одной ратью невозможно в лесисто-болотистой местности разом за одну зиму «повоевать» окрестности Полоцка, Новгорода, Торопца, Торжка и Смоленска. Так же невозможно повсюду возить за собой добычу и, главное, полон. Пленники зимой передвигаются медленно, требуют питания и, пусть временной, крыши над головой. Сложно также обеспечивать единое семитысячное войско фуражом и провиантом. Разумеется, если цель похода – захват и удержание территории, проблема провианта решается организацией команд фуражиров. Но в условиях, когда главным преимуществом литовских ратей была мобильность, планомерные фуражировки вряд ли были возможны. Таким образом, отрядов, несомненно, было несколько. Новгородские летописи называют и количество воинов – 7000. Интересно, что в сражении при Усвяте литовцы потеряли

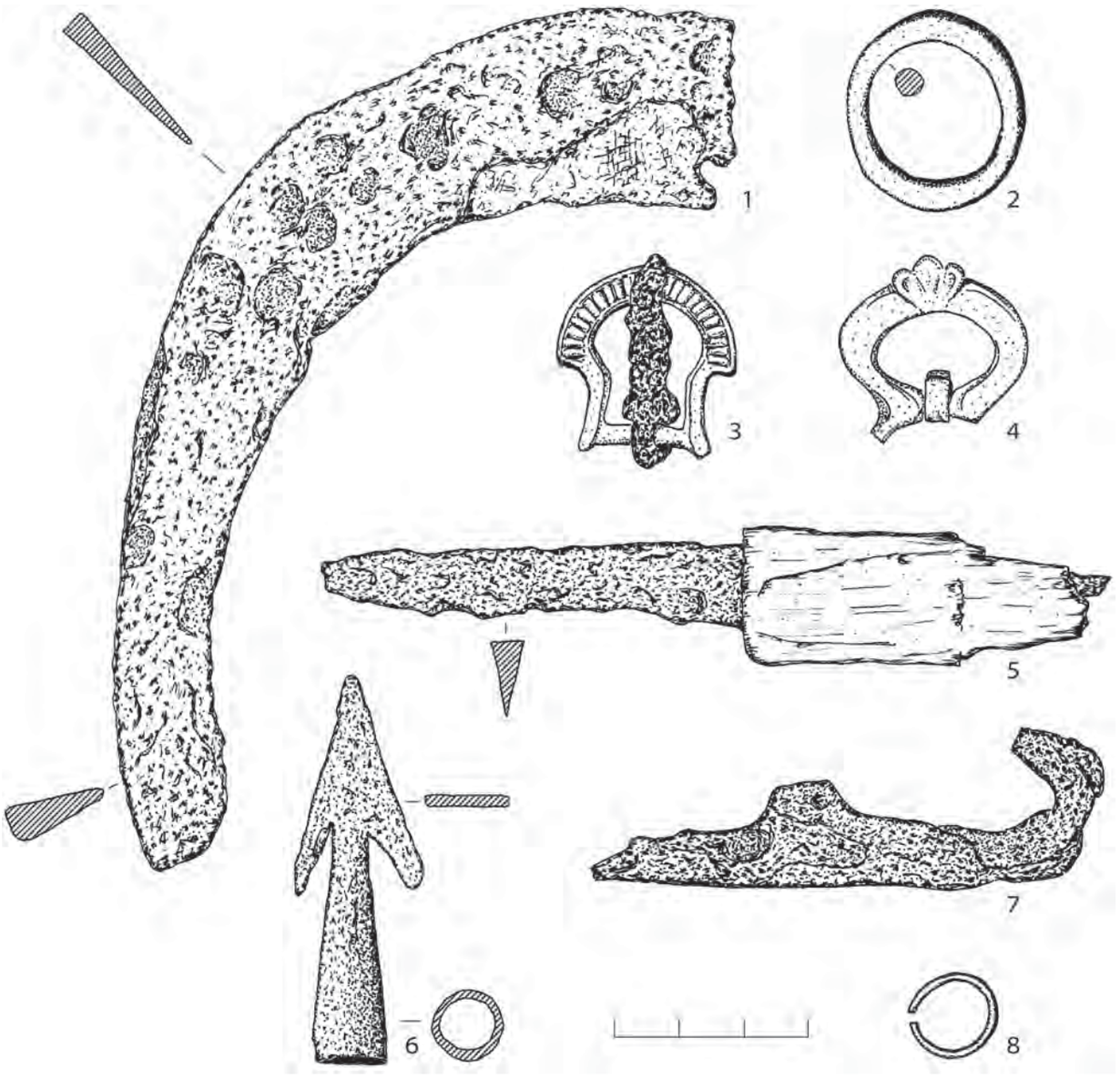


Рис. 103. Древности обитателей Новгородско-Полоцко-Смоленского пограничья в междуречье Ловати и Западной Двины. Курганный могильник Дохино. Находки из захоронений. 1 – курган неизвестен; 2–7 – курган № 4, погр. № 2 (раскопки 1966 г.). 1, 6, 7 – железо; 5 – железо, дерево; 2, 4, 8 – бронза; 3 – бронза, железо

(если, конечно, верить летописи) 2000 человек. Это огромное число – почти треть упомянутого летописью общего количества воинов. Н1 сообщает о 2000 погибших, но мы, несомненно, должны более доверять другим источникам, из которых можно понять, что речь идет о совокупном количестве убитых и пленных литовцев. Но цифра все равно очень велика (даже при учете неизбежного в таких случаях завышения летописью вражеских потерь). При этом речь вовсе не идет о битве на истребление (например, в окружении). Литовская рать частично разбежалась. Все это возможно только в том случае, если под Усвятом дралось все литовское войско. Как совместить этот вывод с другим заключением – о действии нескольких отрядов? Все встает на места, если допустить, что в Усвяте, расположенном на перекрестке коммуникаций, литовцы устроили сборный пункт, где перед завершением боевых действий концентрировались пленники, добыча и войска.

Генрих Латвийский описывает использование подобной тактики литовцами. Границу вражеской территории они пересекали единым войском, которое затем рассыпалось на отдельные отряды, опустошая максимально бóльшую окрестность. После захвата трофеев, пленных

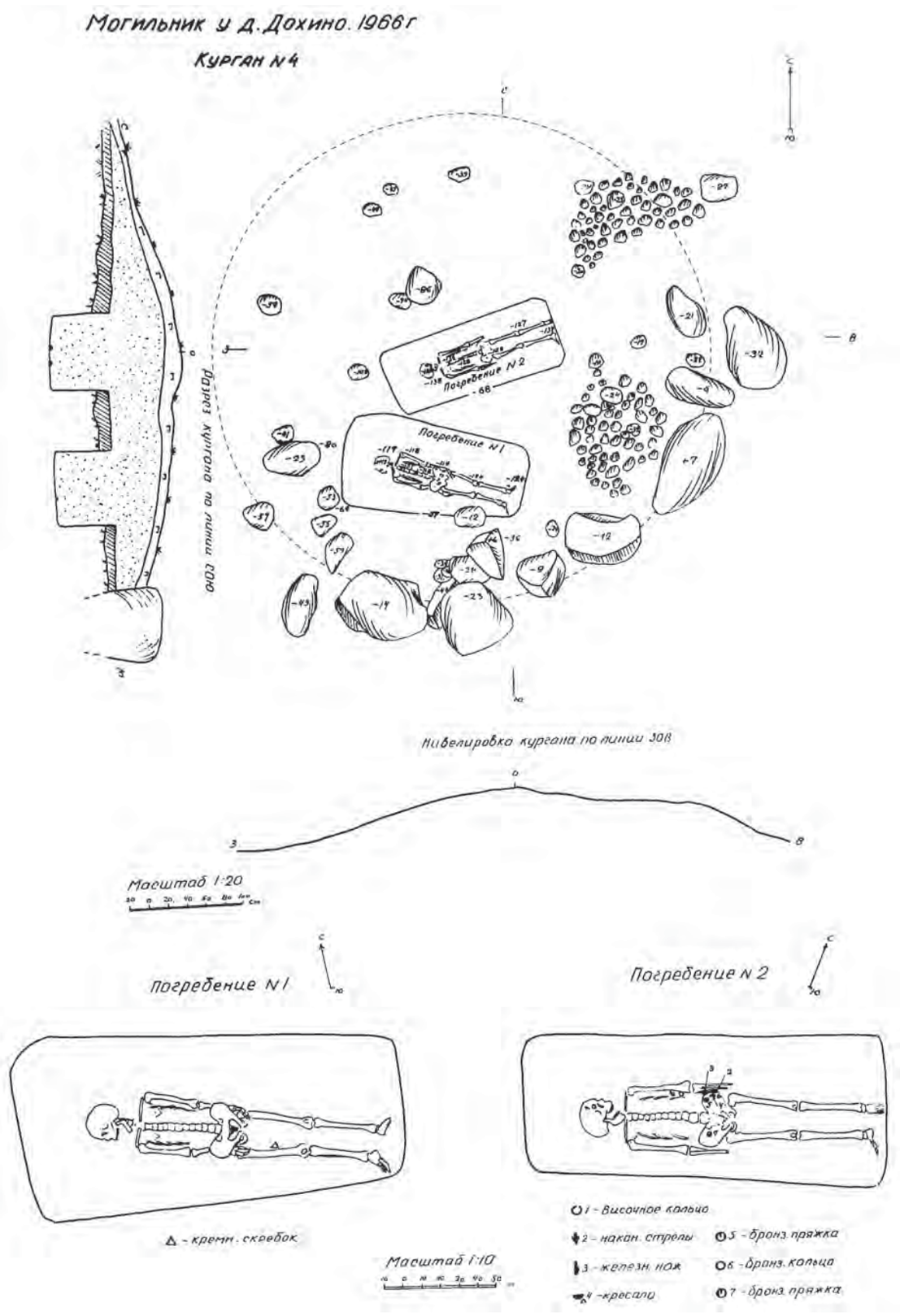


Рис. 104. Древности обитателей Новгородско-Полоцко-Смоленского пограничья в междуречье Ловати и Западной Двины. Курганный могильник Дохино. Курган № 4 в раскопках 1966 г. (Микляев А-1966)

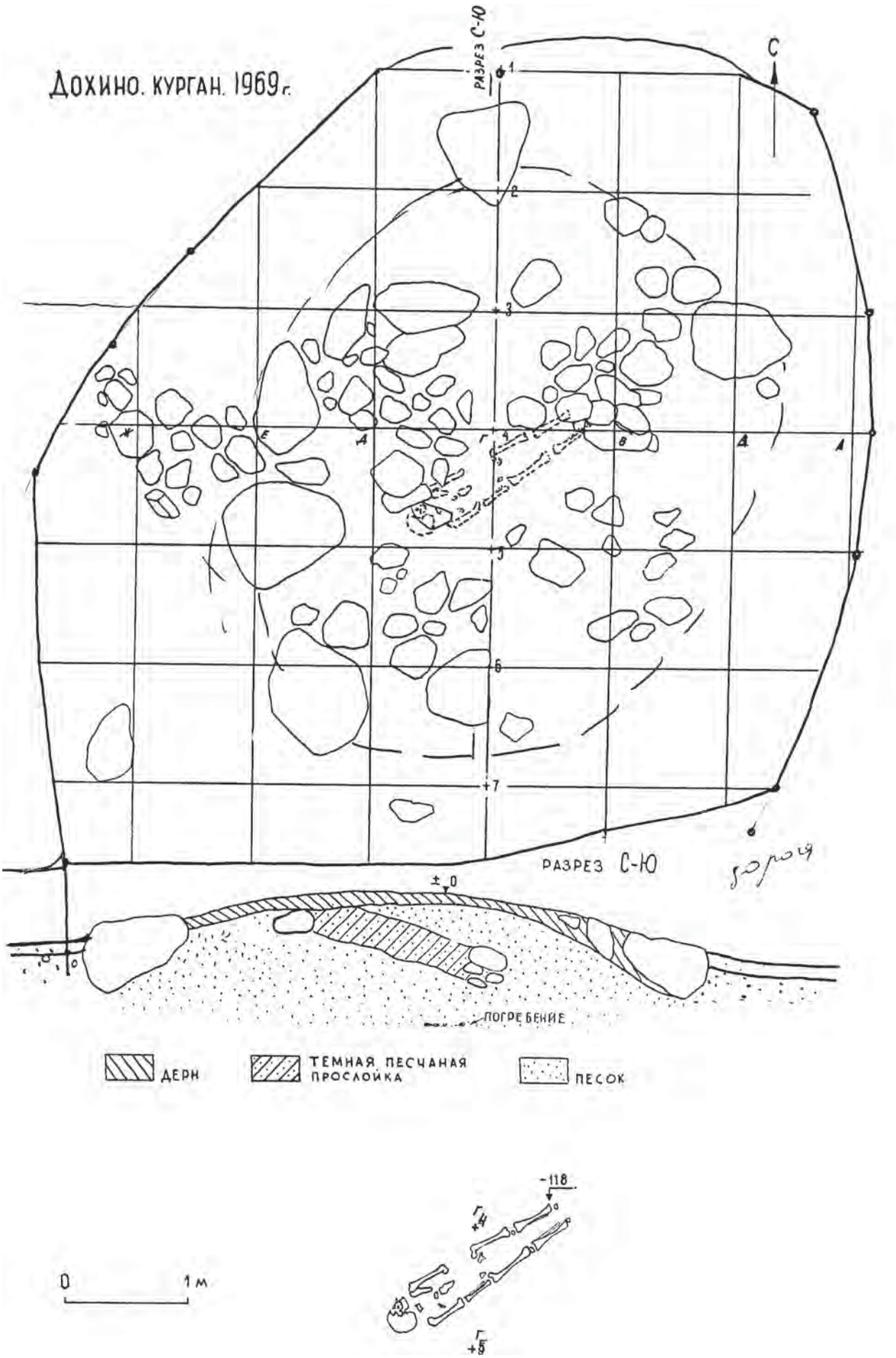


Рис. 105. Древности обитателей Новгородско-Полоцко-Смоленского пограничья в междуречье Ловати и Западной Двины. Курганный могильник Дохино. Курган № 27 в раскопках 1969 г. (Микляев А-1969)

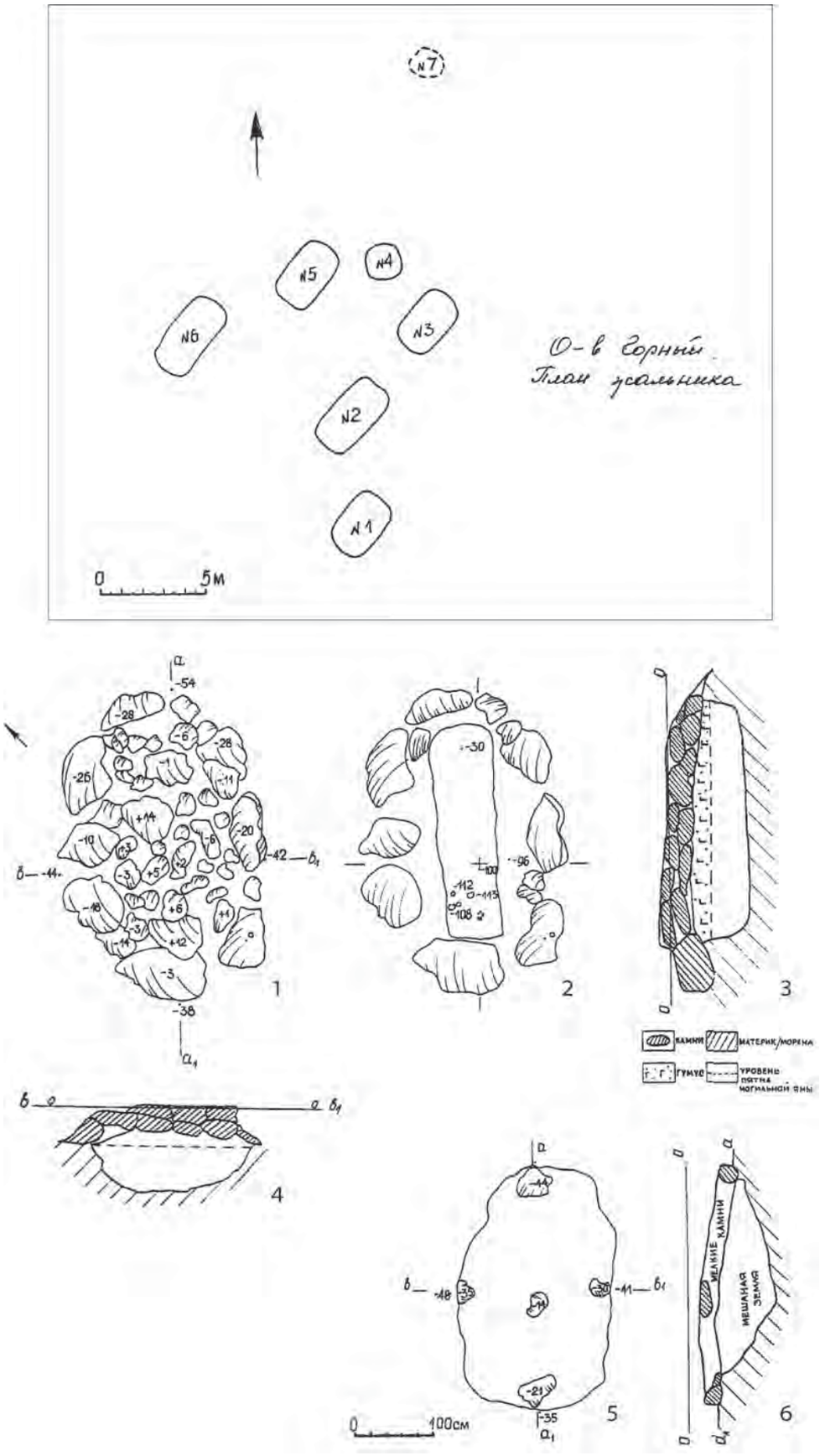


Рис. 106. Волок с Усвячи на Кунью. Жальник на острове Горный. Схема могильника и планы погребений № 1 (5, 6) и № 2 (1–4). По А. М. Микляеву

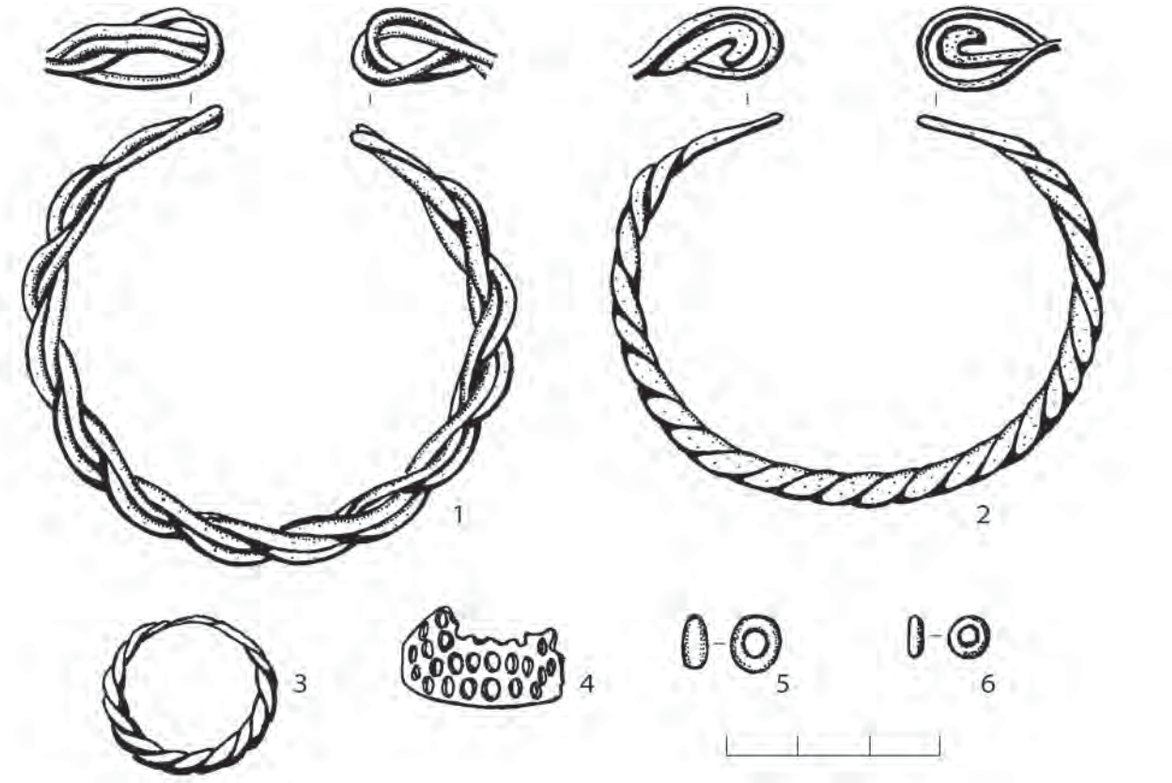


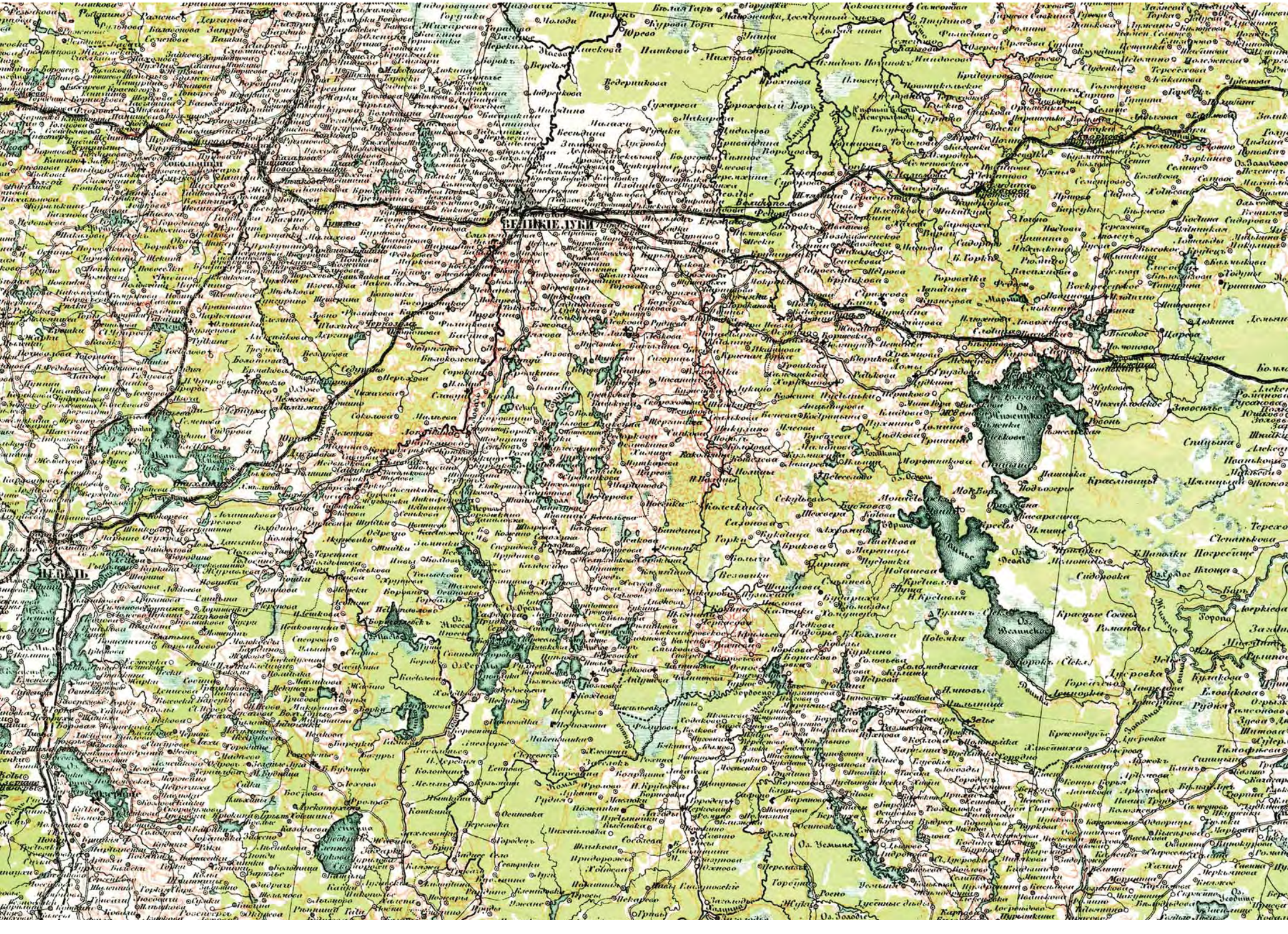
Рис. 107. Волок с Усвячи на Кунью. Жальник на острове Горный. Инвентарь погребения № 2. 1–4 – бронза; 5 – синее стекло; 6 – желтое стекло

и скота войско собиралось в приграничном населенном пункте. Здесь добыча пересчитывалась, и из нее формировался единый обоз, далее следовавший по своей или нейтральной территории одной колонной. Такая практика была, надо полагать, результатом политических договоренностей, поскольку максимально облегчала для союзных Литве территорий весьма обременительный транзитный проход литовского войска. Вот как Генрих повествует о набеге Литвы на Торейду в Нижнем Подвинье в декабре 1207 г.:

> «После того литовцы, помня обо всех, кто были у них убиты два года тому назад рижанами и семигаллами, послали по всей Литве собирать большое войско. Целую ночь в канун Рождества Господня переправлялись они через Двину, пришли в Торейду и, рано утром перейдя Койву, рассыпались по деревням. <…> Литовцы же, разграбив всю окрестную область, ночью собрались все вместе в деревне Анно и рано утром ушли из страны, забрав с собой женщин, малых детей и большую добычу» (Генрих Латвийский 2009: 97–99).

Итак, похоже, Усвят служил для литовцев сборным пунктом. Доводы в пользу такого предположения можно, кажется, видеть в сообщении Симеоновской летописи: «Видѣвше же Литва исполчишася противу имъ на езерѣ». Речь как будто идет не о разгроме ускользающих литовцев на марше, а о некоем правильном сражении на заранее выбранной литовцами позиции. Битва произошла в виду «Овъсвячо городка» – либо на льду Усвятского озера, либо (что, на наш взгляд, более вероятно) – на льду озера Городечное – там, где дорога из Торопца на Витебск пересекала протоку между озерами Усвятское и Узмень. Понять логику этих событий нам помогают описания военных действий 1266 г., не имеющие прямого отношения к Усвяту.

Как известно, языческая Литва XIII в. не оставила собственных письменных источников, которые позволяли бы судить о ее военной организации. Но приподнять над ней завесу можно. Любопытные сведения о тактике литовско-русских столкновений XIII в. дает Московский летописный свод, содержащий подробное описание совместного рейда литвы и псковичей в подвластную уже литовским князьям Полоцкую землю в 1266 г.


ВЕЛИКИЕ ЛУКИ
НЕВЕЛЬ

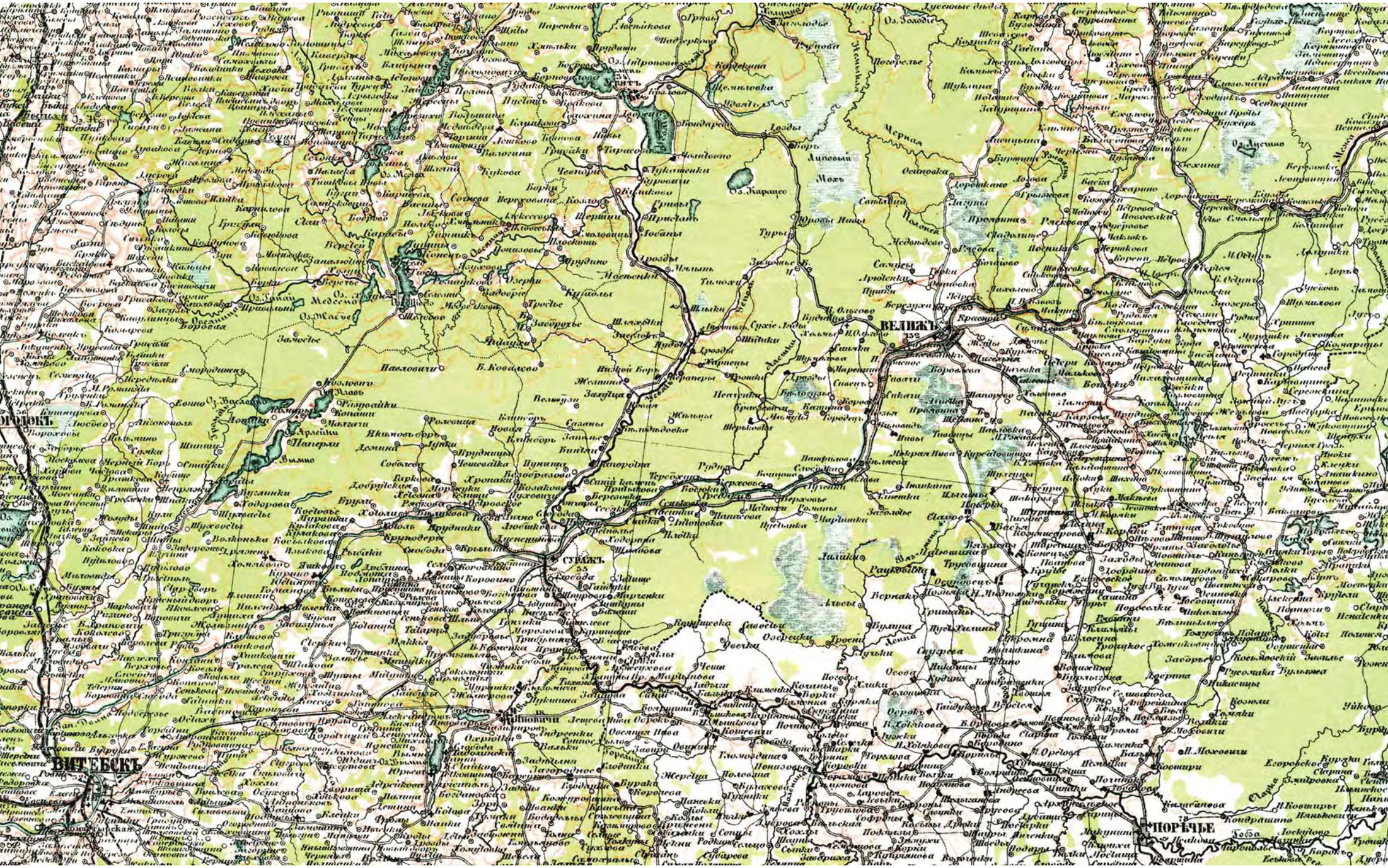
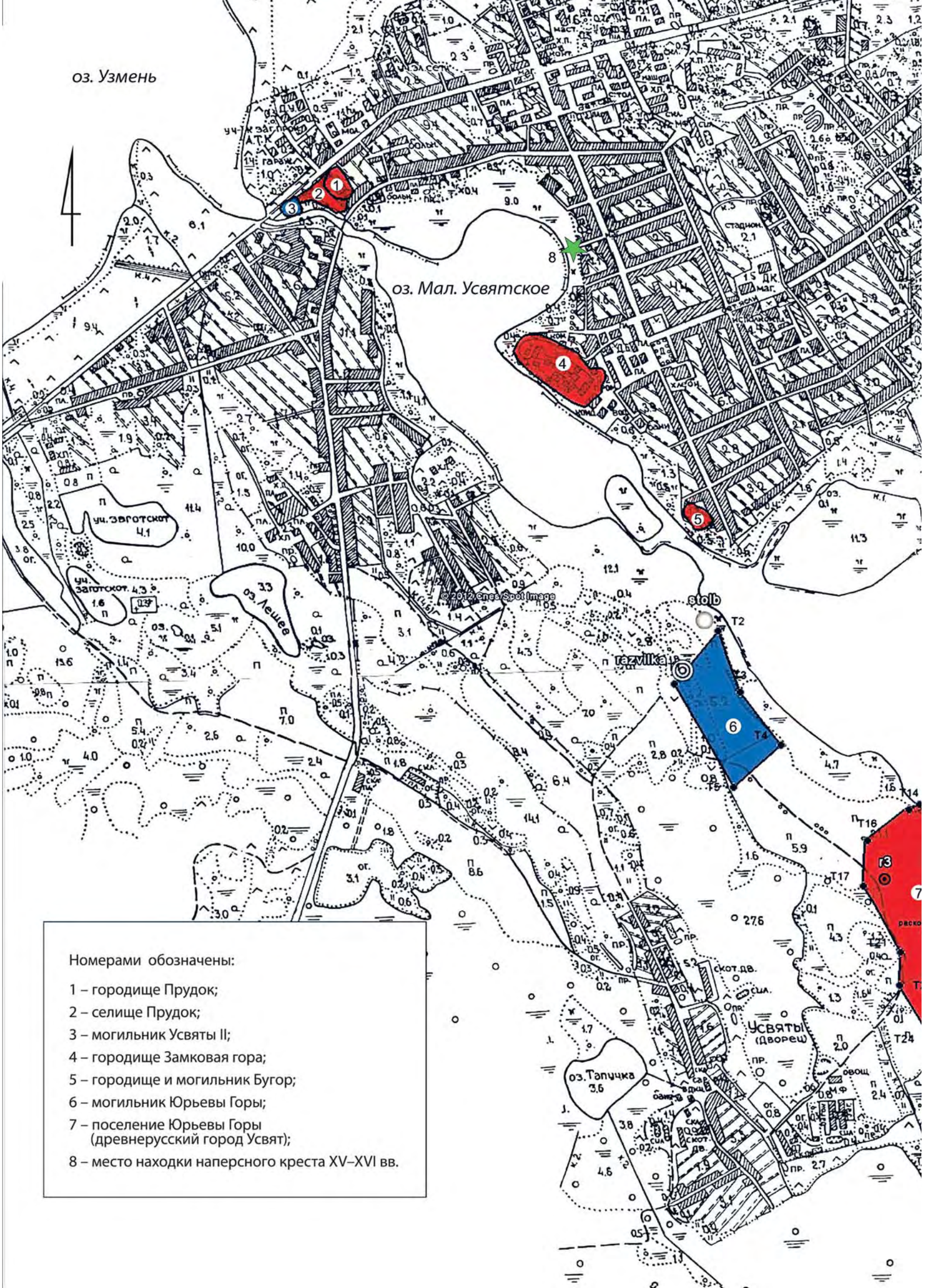


Рис. 108. Южная часть Двинско-Ловатского междуречья на карте Стрельбицкого 1919 г. издания



Номерами обозначены:

1 – городище Прудок;

2 – селище Прудок;

3 – могильник Усвяты II;

4 – городище Замковая гора;

5 – городище и могильник Бугор;

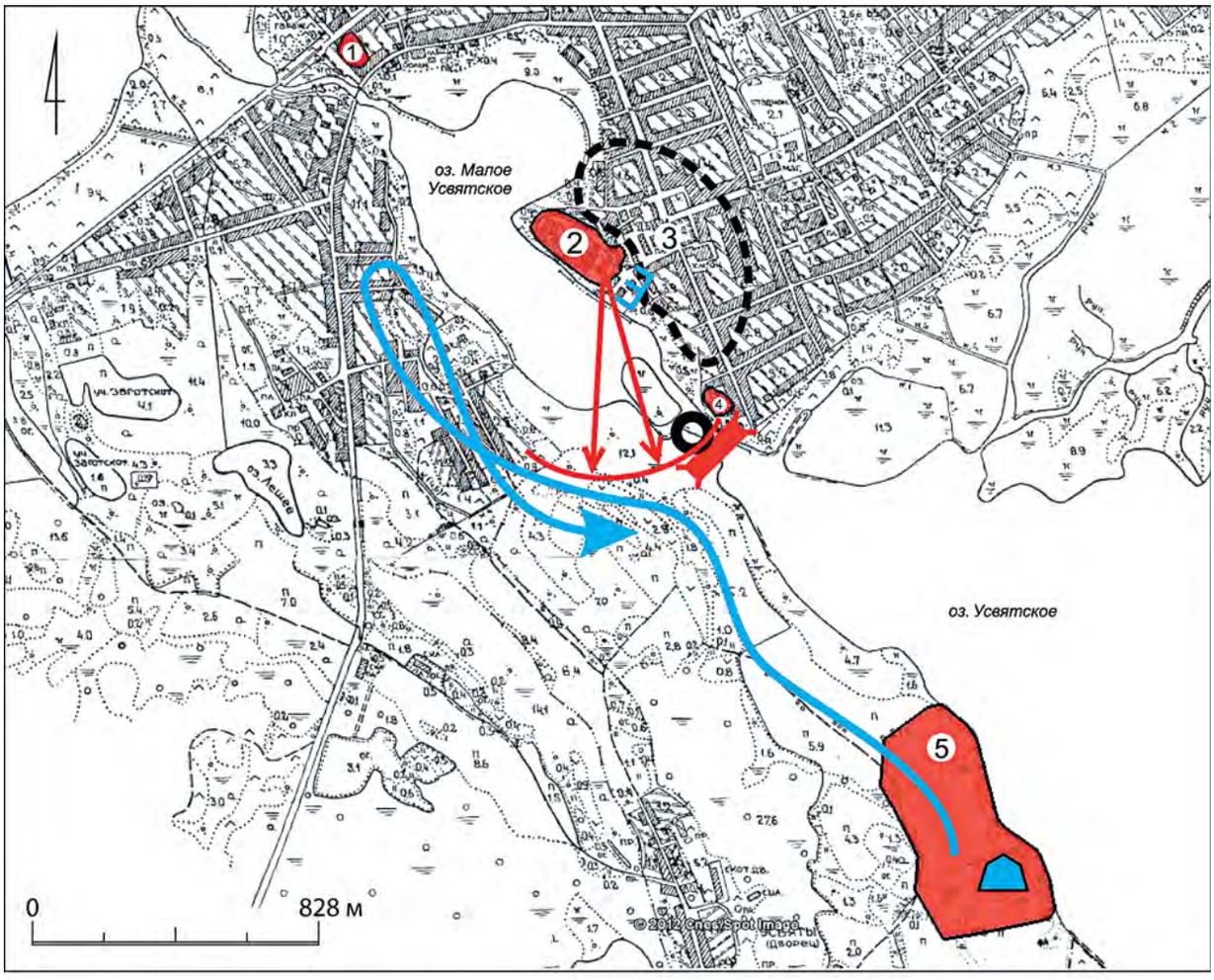
6 – могильник Юрьевы Горы;

7 – поселение Юрьевы Горы (древнерусский город Усвят);

8 – место находки наперсного креста XV–XVI вв.



Рис. 109. Схема расположения выявленных средневековых археологических памятников в районе пос. Усвяты Псковской обл. Синей заливкой обозначены территории могильников, красной – территории поселений.



– лагерь Стефана Батория

– «усвятские клади» – место переправы польско-литовского войска

– предполагаемая предельная дистанция выстрелов крепостной артиллерии Усвята

– предполагаемое место гибели шляхтича Прокоповича и двух лошадей

– осадные шанцы польско-венгерской пехоты

– маршрут рекогносцировки Стефана Батория 16 августа 1580 г.

Рис. 110. Схема осады Усвята войсками Стефана Батория в 1580 г.
Цифрами обозначены: 1 – городище Прудок; 2 – городище Замковая гора (московская крепость Усвят); 3 – предполагаемая территория городского посада; 4 – городище Бугор; 5 – ур. Юрьевы Горы

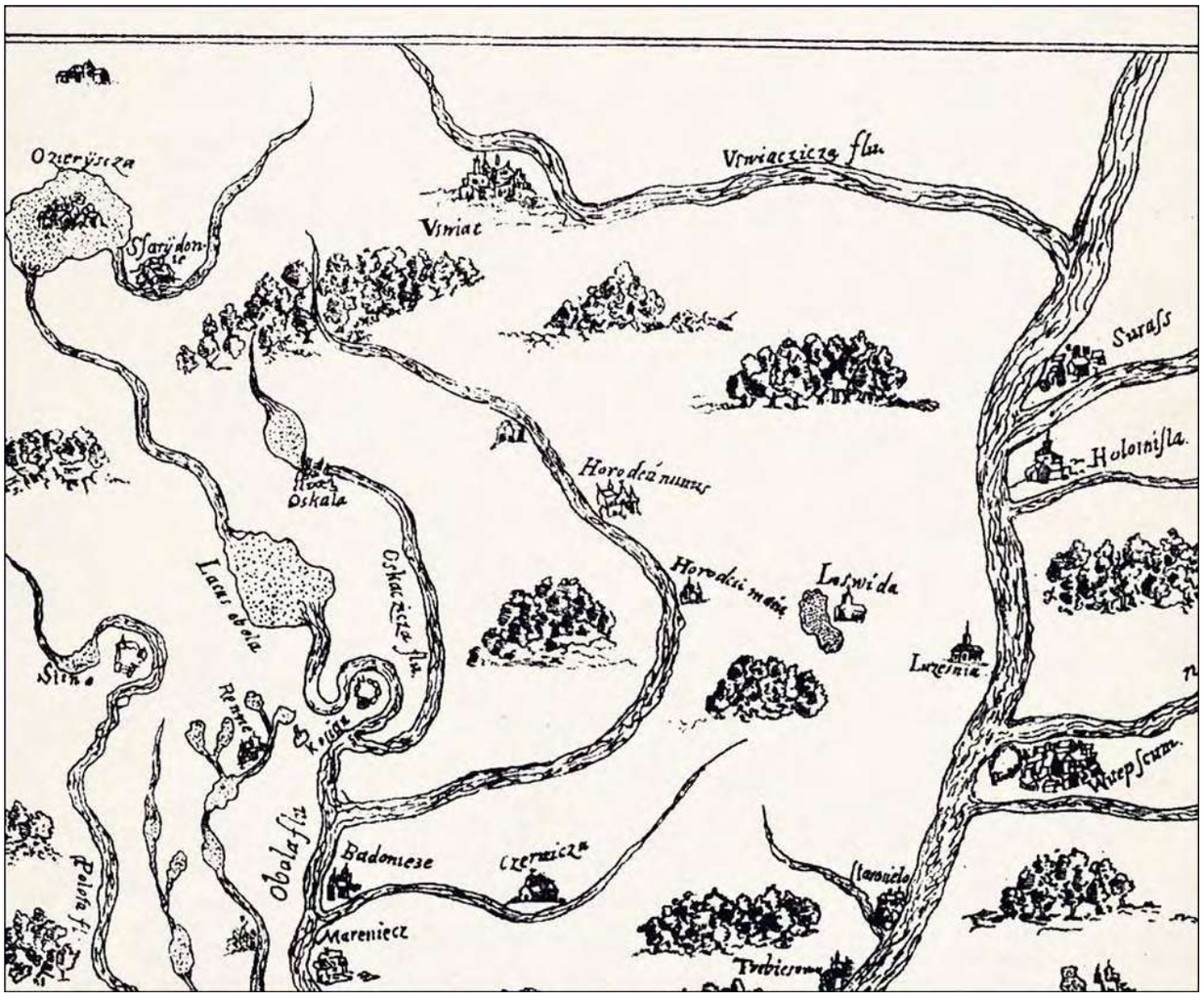


Рис. 111. Усвят на «Карте Полоцкого воеводства» С. Пахоловицкого (Descriptio ducatus Polocensis). 1579 г. (Вялікі гістарычны атлас Беларусі 2009: 180, 181)

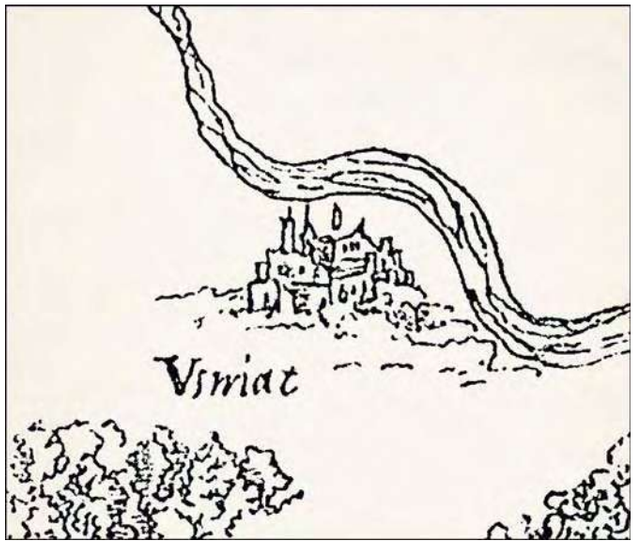


Рис. 112. Усвят на карте С. Пахоловицкого. Фрагмент

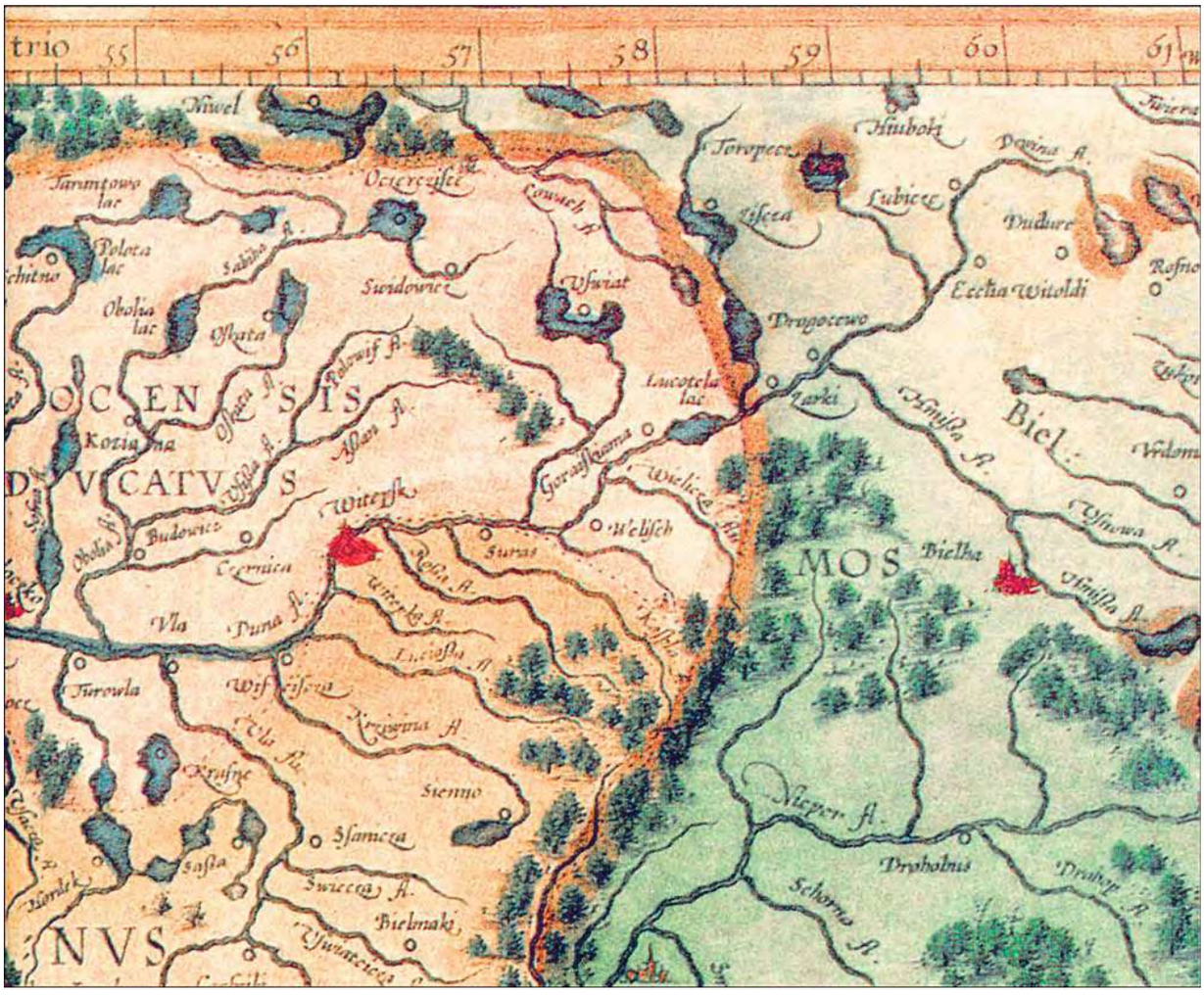


Рис. 113. Усвят на карте Литвы Герарда Меркатора (1595 г.) (Вялікі гістарычны атлас Беларусі 2009: 188, 189)

Поход возглавил, едва поселившись на новом месте, бежавший в этом году с семьей и приближенными во Псков литовский князь Довмонт:

> «В лѣто 6774. <...> Того же лѣта нѣкии князь Литовьски именемъ Домантъ оставивъ очьство свое землю Литовьскую и прииде въ Пьсковъ со всѣм родом своим. Бѣ же сеи Домантъ от рода Литовьска, имѣя же первое служение ко идолом по отчю преданию. Егда же хотяше богъ избрати себѣ люди новы, тогда вдохну и в сего благодать святаго духа, возбнувъ бо яко от сна от идолослужения, и помысливъ со дружиною своею, крестися во имя отца и сына и святаго духа въ церкви святыя Троица въ граде Пьсковѣ, и наречено бысть имя ему Тимофеи, и бысть радость въ Пьсковѣ, и посадиша его на княжение у собе Пьсковичи. По сем же хотѣ поити воевать землю Литовьскую **и избра с собою лучших Пьскович и своеѣ дружины три девяноста всеѣх**. Поспешением же святыя Троица шед поплени землю Литовьскую и очьство повоева все и княгиню Герденеву полони и дѣти ея два княжича и все княжение его повоева **и возратися ко Пьскову со множеством полона**. **И перебродися Двину, отъѣха от нее пять верьстъ, ста шатры на бору чисту, а стражи постави на рецѣ Двинѣ, Давыда Якуновича и Луку Литвина, два же девяноста мужеи отпровади с полоном въ Пьсковъ, а во одном дѣвяносте сам остася, жда по собѣ погони.** Князю же Герденю со своими князи не бывшу дома, приѣха же в домы своя, оже земля его вся пленена, и ополчился князь Гердень и Гогортъ и Люмъбеи и Люгаило и прочии князи Литовьскии в семи сот, гнаша во слѣд князя Доманта, хотяше его руками яти. **И переброжшеся реку Двину и сташа на брезѣ; стражие же видѣвше рать велику и пригнаша повѣдаша князю Доманту и Лукѣ**: “помози вы богъ и святая троица, еже есте устерегли рать Литовськую; поиде с коневъ доловь”. Они же рекоша: “не идем с конь доловь, но хотим живот свои дати на славѣ и кровь свою прольяти с мужи своими Пьсковичи за святыя церкви и за вѣру христьяньску, а ты, господине, поиде борже с мужи своими Пьсковичи на погаиую Литву”. Князь же Домантъ рече Пьсковичем: “слышал есмь ваше мужество во всих странах; се предлежит нам смерть и живот, потягнем, братие за святую троицю и за святыя церкви и за свое очьство”. Тогда же бѣ приспѣлъ день великого мученика Леонтия, и рече князь Домантъ: “святая



Рис. 114. Усвят на карте Литвы Герарда Меркатора (1628 г.) (Границы Литвы 2010: 42)

троице и святыи велики воеводо Леонтии, помозите нам в час сии, да не предани будем в руце безбожных, да не пленят земли христьяньские, да не будем в расхищение им; помозите нам на противныа враги наша". И наѣха на них во едином девяносте и силою божиею и святаго мученика Леонтиа победи сопротивных 7 сот. Тогда же убиенъ бысть великии князь Литовьскии Гогортъ, и инѣхъ князеи избиша, **и Литвы много побиша, а инии во Двине истопоша, а иных Двина изверже на островъ Гаидов 70, а инии на прочии острови извержени быша, а инии вниз по рецѣ уплыша,** а князь Гердень убежа в мале дружинѣ. Тогда же убили единаго Пьсковитина Онтона Лочкова сына, а инии вси схранени быша без вреда молитвою святаго Леонта, **а инии на Полтескъ,** а възратишася с радостию великою ко граду Пьскову со многою корыстию, и бысть радость велика въ граде Пьскове» (ПСРЛ, т. XXV. 2004: 146).

Несколько иначе, но в целом сходно излагает ход событий Син.:

«В лѣто 6774. <...> и поиде со пльсковичи на поганую Литву, и повоеваша много, и княгыню Герденевую взяша, и 2 княжича взяша. Князь же Гердень совкупи около себе силу Литовьскую, и погонися по нихъ. И яко увѣдаша пльсковичи погоню, отслаша полонъ, а сами сташа крѣпко противу имъ о сю сторону Двины. Литва же начаша бродитися на сю сторону; тогда пльсковичи сняшася с ними; и пособи богъ князю Довмонту съ пльсковичи, и множьство много ихъ побиша, а инии в рѣцѣ истопоша, толко убѣжа одинъ князь Гердень в малѣ дружинѣ; пльсковичи же придоша вси здорови» (ПСРЛ, т. III. 2000: 85).

Разница между двумя письменными свидетельствами заключается в том, что, согласно новгородскому источнику, битва произошла тогда, когда литовская рать только лишь начала переправу. Как обстояли дела на самом деле, мы никогда не узнаем, но для нас эти детали не очень важны. Обратим внимание на иное.

Сообщения о событиях 6774/1266 г. ценны тем, что с псковской стороны действуют литовские дружинники, а поход возглавляет новообращенный литовский военачальник. Таким образом, перед нами уникальное описание «изнутри» традиционной тактики литовского военного набега на его завершаю-

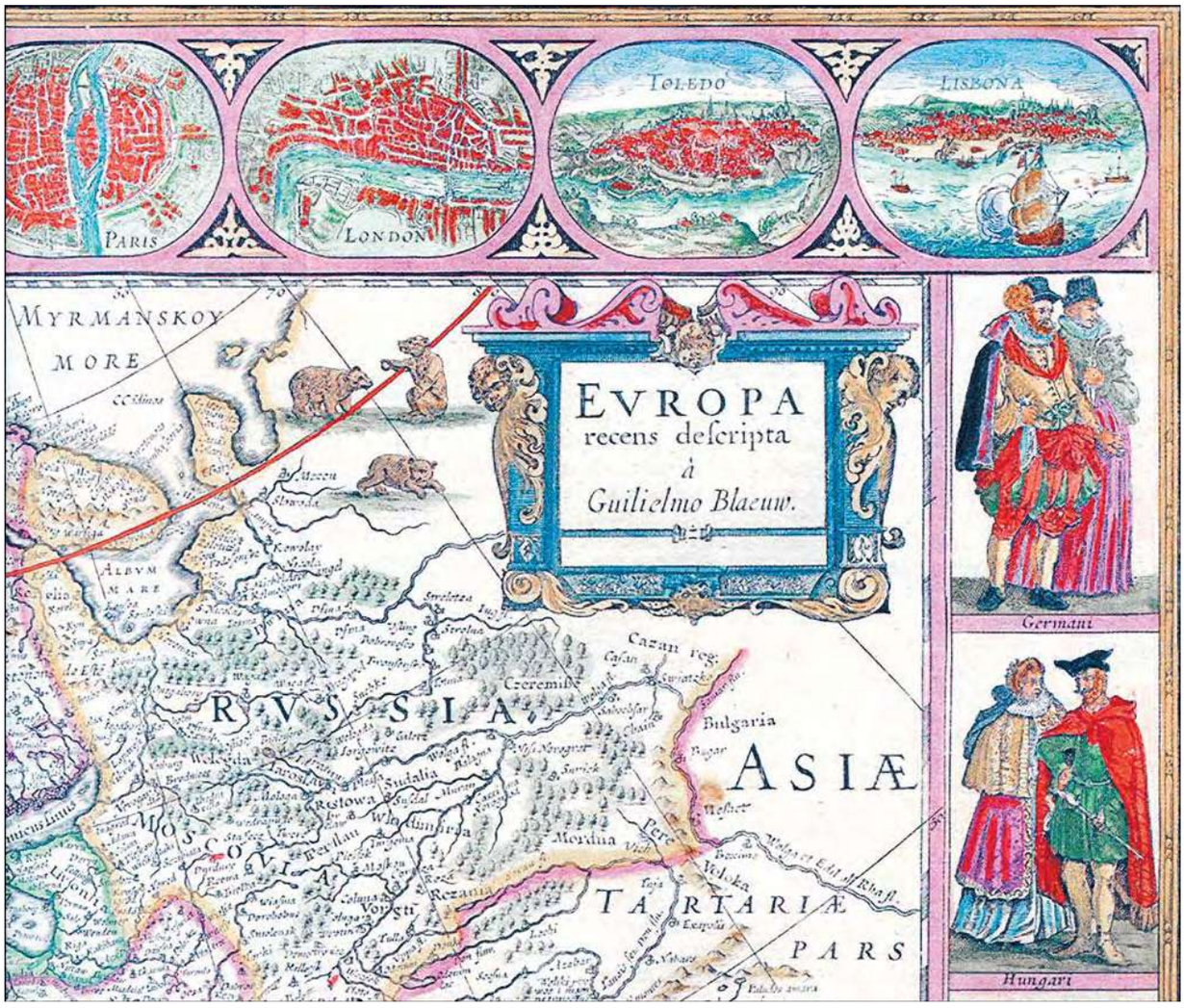


Рис. 115. Усвят на карте Европы Гильермо Блау (1634 г.) (Границы Литвы 2010: 37)

щем этапе. Обратим внимание на следующие элементы:

• На обратном пути дружина, отягощенная полоном, останавливается на отдых под защитой крупной водной преграды.

• На берегу водоема выставляется боевое охранение.

• Дружина делится на два отряда. В данном пункте, как и следующем, свидетельства русских летописей подтверждаются данными Генриха Латвийского, который, описывая литовский набег 1205 г., пишет:

> «Литовцы шли со всей добычей и пленными, которых было больше тысячи, разделив войско свое на две части и взяв пленных в середину» (Генрих Латвийский 2009: 78).

• Полон под стражей отсылается далее, а наиболее боеспособная часть войска с князем остается прикрывать отход, используя преимущества, которые дает обороняющимся река или озеро.

Нельзя не обратить внимания на то, что Усвятская округа с ее системой озер и прекрасными возможностями обзора местности предоставляет идеальные условия для реализации этой тактики. Дороги из Лук, Клина и Жижеча сходятся тут воедино, а затем путь пересекает заболоченную протоку в дефиле между Усвятским озером и озером Узмень. Для переправы пригодны лишь два узких участка протоки (к разговору об этих особенностях местности мы еще вернемся). При этом с «литовской» стороны протоки (но на некотором расстоянии от нее – вспомним «пять верст» Довмонта) расположен город Усвят, дающий полноценный отдых утомленным полевой жизнью воинам и лошадям. Чтобы успеть «исполчиться» при появлении

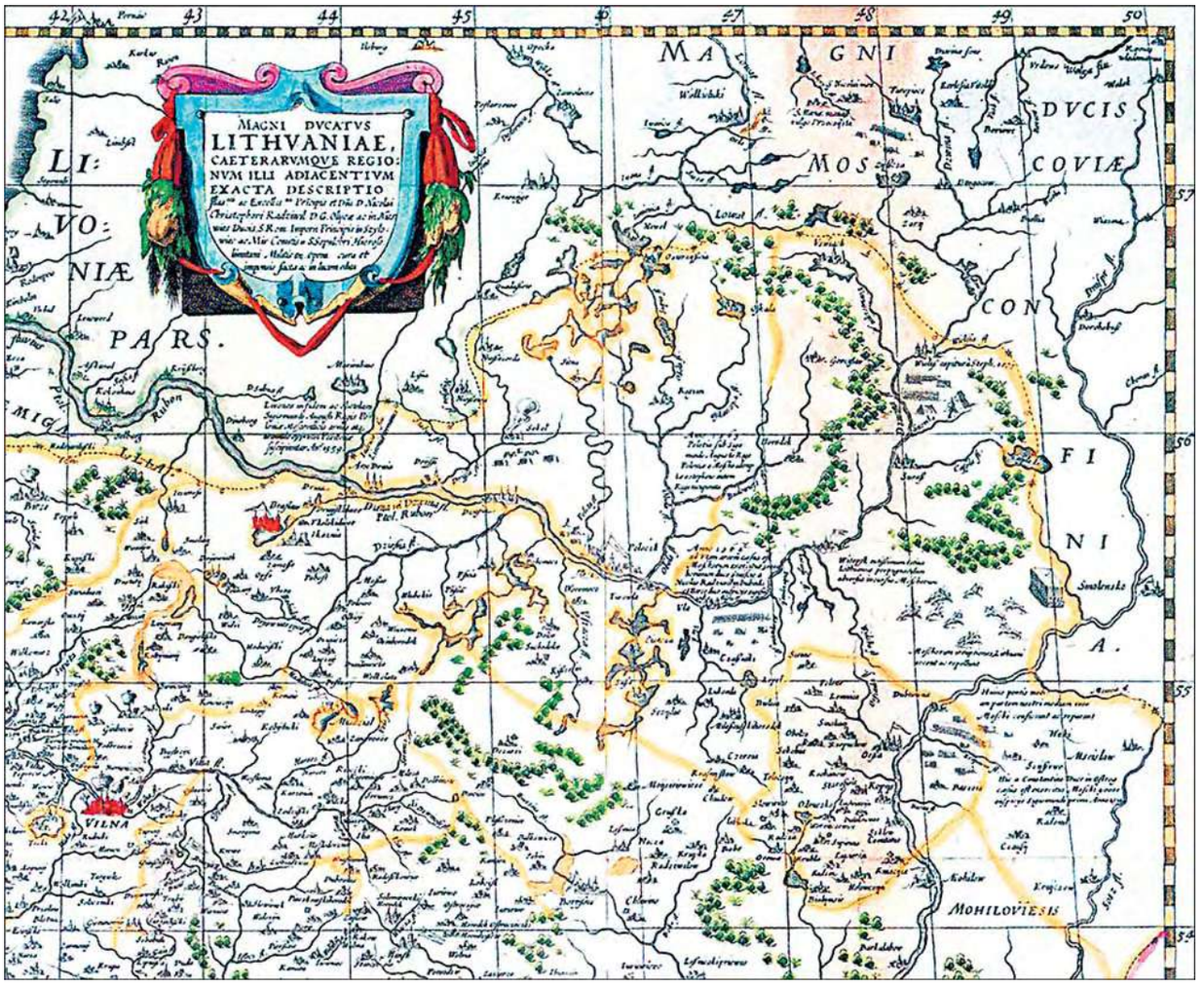


Рис. 116. Усвят на карте Великого княжества Литовского Николая Христофора Радзивилла (1635–1650 гг.) (Границы Литвы 2010: 41)

идущего по следам неприятеля, им довольно было поставить при протоке стражу. Теперь мы понимаем – почему в 1223 г. Ярослав не стал преследовать литву за Усвятом. Если погоня не заставала в этом месте даже отряда прикрытия, значит, время упущено, полон угнан уже далеко и дальнейшее преследование лишено смысла. С этого времени возвращение полона из военной операции превращалось в задачу дипломатическую.

Письменные источники не дают определенного ответа – когда Усвят окончательно оказался под властью литовских князей. К 1246 г. относится сообщение Н1 о пребывании в Витебске сына Александра Ярославича:

> «Тогда же воеваша Литва около Торжьку и Бѣжици; и гнашася по них новоторжьци съ княземъ Ярославомъ Володимирицемъ и бишася с ними; и отъяша у новоторжець конѣ, и самых биша, и поидоша с полоном прочь. И погони по них Явиде и Кербетъ с тфѣрицѣ и дмитровци, и Ярославъ с новоторжьци; и бишя их под Торопцомъ, и княжицѣ их вбѣгоша в Торопець. И заутра приспѣ Александръ с новгородци, и отъяша полонъ весь, а княжицовъ изсѣче ли боле 8. И оттоль новгородци въспятишася; а князь погонися по нихъ съ своимъ двором, и би их под Жизичемь, и не упусти их ни мужа, и ту изби избытокъ княжиць; а самъ поимя сына своего из Витебьска, поиха в малѣ дружинѣ, и срѣте ину рать у Свята; и ту ему богъ поможе, и тых изби, а самъ прииде здравъ и дружина его» (ПСРЛ, т. III. 2000: 304).

А. А. Горский полагает, что сын Александра Невского от полоцкой княжны (ему было в 1246 г. не более 6 лет) получил княжение в Витебске (Горский 1996: 52). Летописные известия слишком скупы, чтобы судить о такой возможности уверенно, но, думается, витебский стол был тогда не тем местом, где допустимо было княжение младенца, а не мужчины-воина.

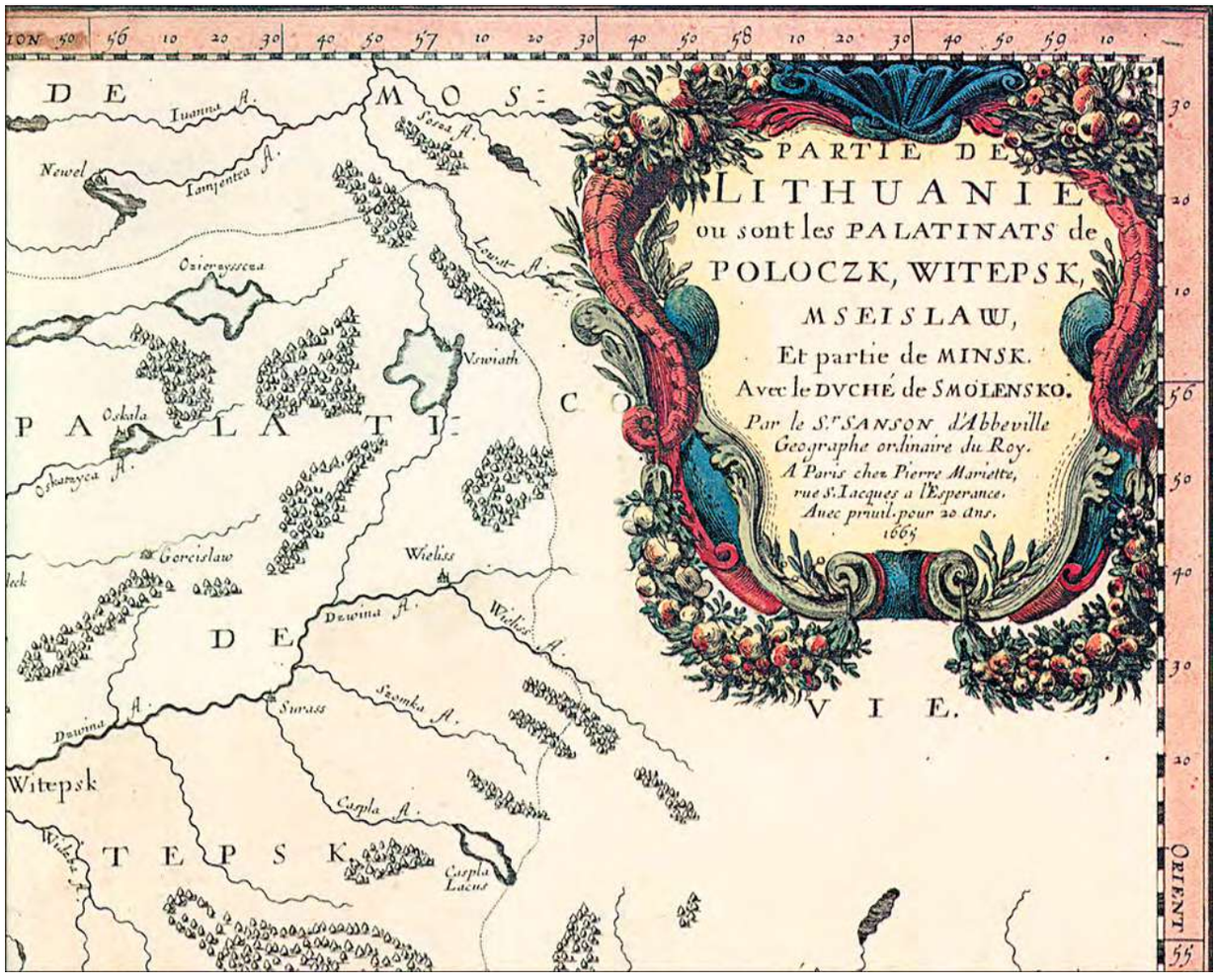


Рис. 117. Усвят на карте Полоцкого, Витебского, Мстиславского воеводств, части Минского воеводства со Смоленским княжеством Сансона Де Абвиля (1665 г.). Partie de Lithuanie ou son le Palatnians de Poloczk, Witepsk, Msielslaw et partie de Minsk Sanso d'Abbeville. Pierre Mariette 1665. Paris (Гістарычны атлас Беларусі 2008: 112–113)

В любом случае на фоне описанных событий пребывание малолетнего князя в Витебске как будто немыслимо при какой-либо устойчивой форме зависимости витебского правителя от Литвы. Значит ли это, что до 1246 г. Усвят также, пусть формально, сохранял независимость от литовских князей? Сложно сказать. В 1262–1263 гг. Полоцк уже находился под властью литовского князя Товтивила (ПСРЛ, т. III. 2000: 312–313). В конце 1263 г. в Полоцке и Витебске, видимо, правил литовец Гердень, заключивший первый из дошедших до нас самостоятельных договоров этих городов с Ригой и Орденом (ПГ, т. I. 1977: 35). Думается, учитывая все вышерассмотренные военные аспекты дела, Усвят мог попасть под контроль Литвы ранее Витебска, который, кажется, лежал в стороне от основных путей литовских набегов на южные пределы Новгородской земли так же, как и Луки. После подчинения Литве Полоцка и Витебска Усвят исчезает со страниц русских летописей.

Дальнейшая судьба Усвята во второй половине XIII–XIV в. не может быть достоверно прослежена по письменным источникам. События, связанные со становлением Литовско-русского государства, настолько плохо описаны современниками, что нет возможности отделить миф от исторической реальности. Не добавляют ясности и отрывочные упоминания Полоцка и Витебска, в которых после правления Герденя на какой-то период снова приходят к власти русские князья, конечно, уже зависимые от Литвы. Известно, однако, что дочь последнего витебского князя Ярослава Васильевича Мария была выдана замуж за Ольгерда Гедиминовича, которого князь «принял в землю Витебскую» (ПСРЛ, т. XVII. 2008: 262). Ярослав Васильевич не имел сыновей,

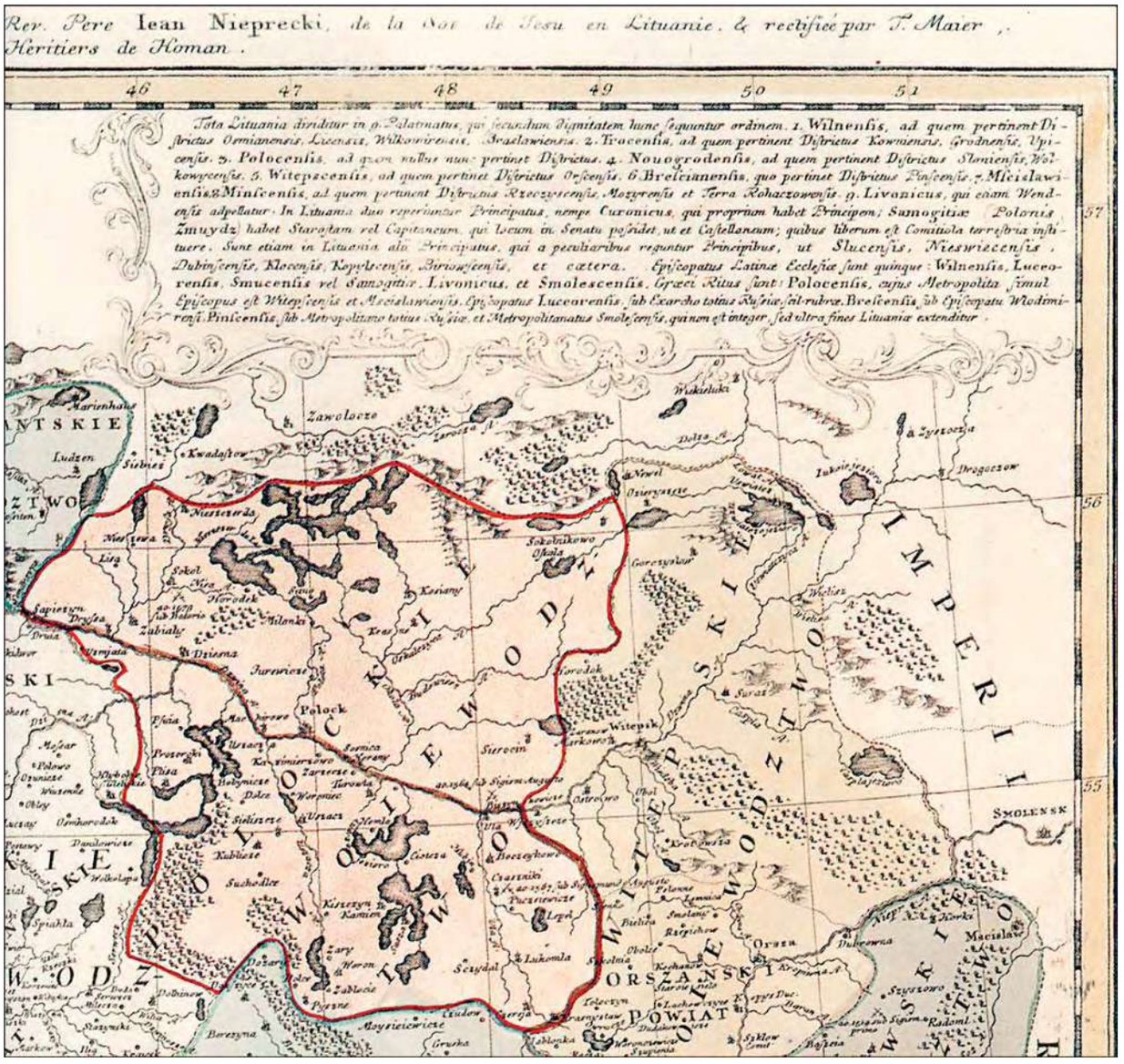

Rev. Pere Iean Nieprecki, de la Soc. de Jesu en Lituanie, & rectifiée par T. Maier,
Héritiers de Homan.
46
47
48
49
50
51
55
56
57
Wilkiiaki
Zawoloczo
Kwadaszew
Sirmas
Niesterda
Sokolnikowo
Osmola
Newel
Drogoczow
Sokol
Horodek
Kasiany
Zabiały
Dzisna
Polock
Witepsk
Surocin
Orsza
Lukomla
Smolensk
Maciesław
Mohilow
Mscisław
Mogilewiense
Barezyna
Gorodyszcze
Kamien
Suchodoly
Kubliese
Zarzecze
Tarowla
Worniane
Sidziresc
Ursacz
Pisa
Prozorki
Mosar
Polowo
Oziniese
Wasenda
Obiey
Ozmiana
Dzialowiese
Syrakla
Dokszyce
Zabloc
Pozarne
Lyki
Smolany
Rzyczkie
Kochanowo
Starowsie
Krupina
Dubrowna
Szyszowo
Radomi
Syskow
Rossia
Lobkowka
Gruzka
Lubowicze
Lubowicze
Wielisz
Witebsk
Plastowo
Krotowka
Ostrowno
Ostrowno
Lubowicze
Lubowicze
Lubowicze



Рис. 119. Усвяты и болото Волочинский мох на Военно-топографической карте России съемки 1867 г. (1:126 000)

Хроника Польская	Кройника литовская и жмойтская
«Potym król 8 dnia Sierpnia do Wieliża przyjachał, a pan Mikołaj Radziwił wojewoda Wileński, hetman wielki z synem Christofem hetmanem polnym, panem Trockim i z panem Wileńskim Ostafiem Wołowiczem i z inszymi poczty panów i rycerstwa Litewskiego przedtym przyciągnąwszy pod Uświat drugi zamek Moskiewski, a szańce porządne sprawiwszy, skoro do nich król przybył, wzięli także Uświat porządne sprawą 6 dnia Sierpnia przez podanie wystraszone i przymuszone pod Moskwą gdzie też poimani dwa wojewodowie Michał Weldzeminów i Iwan Asczarów, insze pospólstwo wolno pusczono. **A ten zamek był zdawna stolicą Olgerda Wielkiego Xiędza Litewskiego, kiedy xięstwo Witebskie otrzymał po żenie i z tego zamku wyprawiwszy się z Litewskim wojskiem na Dimitra Wielkiego Kniazia Moskiewskiego przyciągnął był aż do samej Moskwy i granice Litewskie aż za Mozajsk 6 mil ugruntował**» (Stryjkowski 1846a: 432–433)[6]	«Року 1580. Ян Замойский, канцлер коронный, втягнул з Витебска до Велижа замку московского а обогнавши оный замок за 16 миль от Витебска прирожоным мѣстцем над Двиною и моцными стенами и баштами, также рицерством московским оборонный, августа дня 6 в суботу взял со всею стрелбою, живностю и розмаитою спижю, тамже двох воевод московских поимали, Парамона Бручева и Василия Басмакова, а иншая вся москва волно пущена, бо наши взяли мѣсто чрез подане доброволное. А Миколай Радивил, воевода виленский, з Естафием Воловичом **другий замок, Усвет названый, взял през подане, а той замок был здавна столицею Олгерда, великого князя литовского и московского, котрый княжство Витебское одержал по жонѣ**» (ПСРЛ, т. XXXII. 1975: 119–120)



Рис. 120. Болото Волочинский мох на карте 1926 г. (1:50 000)

Такое положение дел, очевидно, могло иметь место только в сравнительно непродолжительный период между временем, когда тесть принял Ольгерда «в землю Витебскую», и смертью последнего. Учитывая предполагаемые особые отношения усвятчан с Литвой, восходившие к эпохе Ярослава Всеволодовича, у нас нет оснований не доверять этому легендарному известию (разумеется, без подробностей о походах Ольгерда из Усвят), хотя хронология событий может и не соответствовать датам такого сомнительного источника, как «приписка к Хронике Быховца». В связи с дальнейшими событиями в Литве Усвят не упоминается в письменных источниках. В «Летописце Великих князей Литовских» в качестве «отчины» Ольгерда фигурируют только Витебск и Крево, данное ему отцом (ПСРЛ, т. XVII. 2008: 74, 142, 153).

Представления литовцев об Усвяте и Витебске как о вотчине Ольгерда и передовом антирусском форпосте играли, по-видимому, важную роль в идеологической составляющей пограничных конфликтов Великого княжества Литовского с Москвой в XVI в. Приведем пример предания о победоносном походе Ольгерда на Москву из Витебска по «Кройнике». Князь Ольгерд, как известно, совершил за свою жизнь несколько антимосковских походов – первый из них на Можайск в 1341 г. Открытое противостояние с Москвой выразилось в трех московских походах – в 1368, 1370 и 1372 гг. В представлениях потомков эти военные предприятия обросли

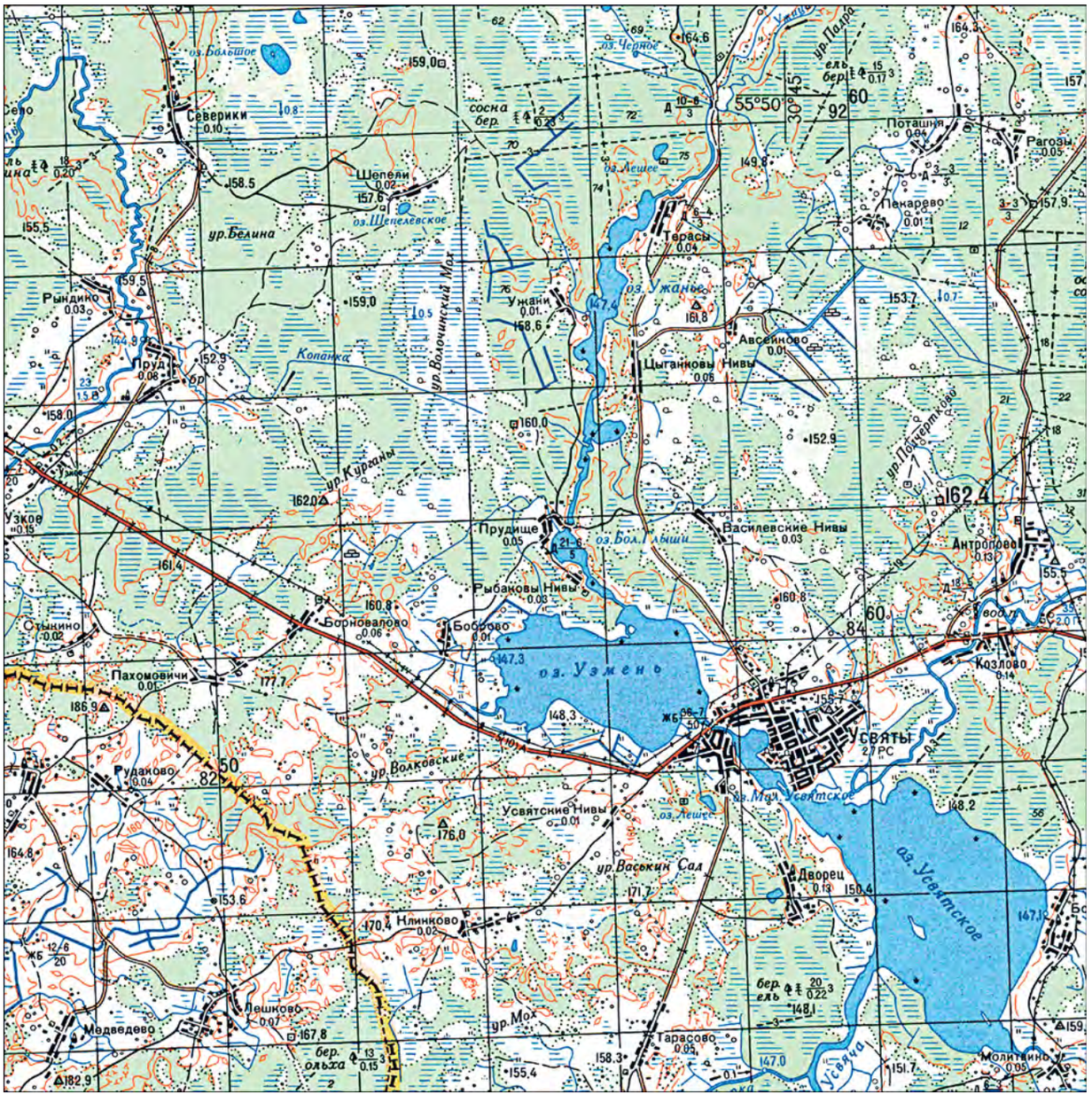


Рис. 121. Усвяты и болото Волочинский мох на карте 1986 г. (1:100 000)

мифологическими подробностями, но роль Витебска – первой русской вотчины Ольгерда – в них обрисована, вероятно, близко к истине:

> «Року 1375. Тым теды славным звитязством Димитрий, великий князь московский, поднесся, умыслил под Литвою Киевское, Витебское и Полоцкое князство войною доходити. Послал до Ольгерда послы бучные з голым мечем и огнем, обѣцуючи его в Вилню на велик день привитати з красным яйцем, а Литву всю огнем и мечем звоевати и оказати силу и потужность свою. Которого зухвалства и отповѣди гордой Олгерд выслухавши и нарядившися з Кестутом, братом своим, и иншими княжаты, задержал у себе тых послов, а сам зараз посполитое рушене по всѣх панствах Великого князства Литовского и Руского росказал, абы ся стягалы под Витебско на день серодопосный великого посту. Братов тежь всѣх обослал своих, абы ему на той же день против того неприятеля головного помочь давали. А гды уже до Витебска на день назначенный войска всѣ так его, яко и братия з войсками своими станули, и оказалися в шиках порядных, як то треба до войны, росказал зараз Олгерд дороги для спѣшного и простого тягненя к мѣсту Москвѣ з войском килку тысячом черни литовской готовати мосты и переправы, приставивши до них двѣ тисячи ездных с копиями для обороны. А сам, рушивши з Витебска зо всѣм войском литовским, маючи при собѣ послы московские, днем и ночью тягнул спѣшно до Москвы мѣста столечного... <...> А по долгих намовах дался Олгерд до еднаня и примиря, еднак же под кондициами, або ему волно

было з частю рицерства литовского и панами переднѣйшими до замку Московского збройно вьѣхавши копию о стѣну замковую скрушити, а для безпечности постановленого примирья границ литовских з Москвою по Угру рѣку, абы сам князь Димитрий з митрополитом и з боярами своими присягою потвердил... <...> А потым вел[икий] князь Димитрий всѣ нагороды военныи Олгердовы з иншими упоминками дорогими отдал, а границу з Москвою з ѣдной стороны по Можайско, а з другой стороны по Угру, реку глубокую и болотную, которая почалася недалеко Дорогобужа в лѣсѣ за Смоленском миль 18, межи Калугою и Воротином, впадает в рѣку Оку. А так Олгерд, пожегнавшися з князем Димитрием, ишол з войском своим назадь, веселячися з так славного звитязства без розляня крови. А пришедши до Витебска роспустил войско свое ку домови, ударовавши всѣх» (ПСРЛ, т. XXXII. 1975: 60–62).

Историческая литовская традиция о походе Ольгерда на Москву важна нам еще и с другой точки зрения. Как говорилось выше, нельзя упускать из вида, что не исключено (хотя и маловероятно) очень позднее (XIV–XV вв.) происхождение летописного упоминания Витебска и Усвята в НСГ в связи с событиями 1021 г. М. Стрыйковский и следующая за ним с некоторыми сокращениями «Кройника» дают характерные примеры представлений литовцев XVI столетия – современников Ливонской войны о роли Витебска в территориальных взаимоотношениях Москвы и Великого княжества Литовского в эпоху Дмитрия Донского. Вот как описывается в этих документах вотчина Ольгерда Гедиминовича:

Хроника Польская	Кройника литовская и жмойтская
«…tym sposobem ich podzielił: Montiwidowi starszemu Kiernów i Słonim, zamki z ich wołościami i przygrodkami naznaczył. Narimuntowi Pinsko ze wszystkimi okolicznymi przyległościami, nad Przypieczą rzeką, aż do Dniepru się ściągającymi, których krain dostał był Gedimin wojną pod Włodimirzem Wołodimirskim, Ruskim kniaziem. Olgerdowi, Krewo zamek, którego się państwo ściągało aż do Berezyny rzeki ku wschodu słońca idąc; a iż miał Olgerd granicę z kniaziem Ruskim Witebskim, pojął u niego córkę jedynaczkę, imieniem Ulianę, po której też wziął w possagu wszystko xięstwo Witebskie, które się w ten czas ściągało od Berezyny rzeki, aż do Juhry rzeki w Moskwi, po którą był potym Witołd, synowiec Olgerdow, granice Litewskie z Wassilem kniaziem Moskiewskim i jego państwy założył, jak o tym będzie niżej, a tak Olgerd w ten czas od Krewa i Witebska, aż do Juhri na xięstwach udzielnych i wianowanych szeroko panował» (Stryjkowski 1846: 381)	«А подѣлил их тым способом: Монтвилови старшому Керново и Слоним з волостями их назначил; Наримунтови Пинско зо всѣми околичностями над Припетю рѣкою, ажь до Днепра, Олгердови Крево замок, которого ся панство ростягло ажь до Барчи реки ку всходу слонца идучои, а ижь мѣл Олгерд границу з княжатем руским витебским, бо понял у его дочку единачку именем Ювианию, по которой мѣл в посагу все князство Витебское, которого князства панство ростягълося от рѣки Березины аж до рѣки Угри в Москвѣ (по которой был потом Витолт, сыновец Олгердов, границу литовску з Василием, великим князем московским, и его потомствы заложил, о чом будет нижей)» (ПСРЛ, т. XXXII. 1975: 41)

Оказывается, в представлениях витебчан XVI в. легендарные границы унаследованного Ольгердом от жены (имя ее помнили уже нетвердо) Витебского княжества простирались от Березины до самой Угры. С какого же времени тема Витебска и «тянувшего» к нему Усвята оказывается актуальна для московско-литовских территориальных претензий? Вряд ли эти совершенно легендарные мотивы могли обрести значение при жизни современников Ольгерда, скончавшегося в 1377 г. А вот во времена Витовта и Василия I в первой четверти XV в. легенда могла уже актуализироваться. Не тогда ли у московских книжников возникла необходимость создать миф иной направленности, «ответную версию» праистории русско-литовского пограничья? Не является ли финал событий 1021 г. в изложении НСГ оправданием встречных территориальных претензий Москвы к Великому княжеству Литовскому (или по крайней мере попыткой нейтрализовать литовские претензии) в первой половине XV в.? Не являясь сторонником этой версии, считаю все же необходимым ее упомянуть.

Как бы там ни было, Усвят играл в этих политических противостояниях второстепенную роль. Если он и послужил Ольгерду ступенью к власти в Литве и Западной Руси, то в последующее время судьба этого города его мало интересовала. Усвят, живя земледелием и рыбным промыслом, так и не вернул себе былого значения и после отъезда Ольгерда перестал играть сколько-нибудь заметную роль в экономической и военно-политической истории Литвы.

Судьба города в этот период была, несомненно, тесно связана с судьбой Витебска, которая, будучи лучше освещена источниками, позволяет добавить кое-какие штрихи к жизни обитателей Усвята. Мы знаем, что во второй четверти XIV в. витебляне под началом

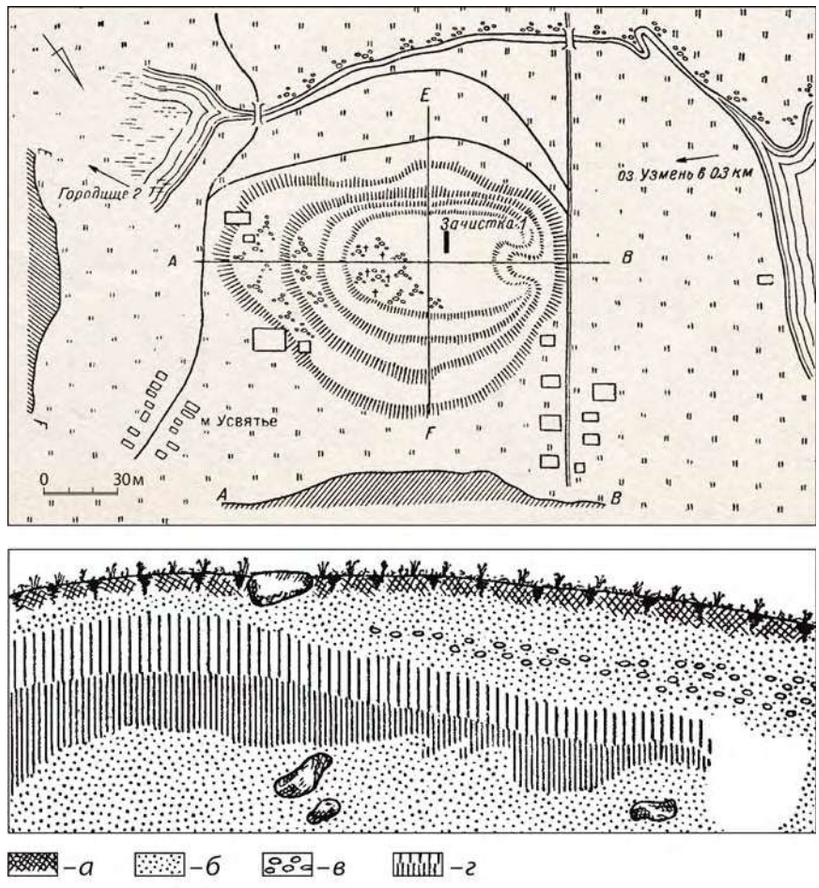


Рис. 122. Городище Прудок в пос. Усвяты (№ 1, по Я. В. Станкевич). *Условные обозначения: а* – дерн; *б* – песок; *в* – слой ракушек; *г* – культурный слой (Станкевич 1960: табл. XXVII)



Рис. 123. Городище Прудок в пос. Усвяты (№ 1, по Я. В. Станкевич) и селище у его подножия. Вид с запада. Фото И. И. Еремеева. Октябрь 2011 г.

Ольгерда принимали активное участие в жизни Северной Руси. Как впервые отметил Б. Н. Флоря, несмотря на переход Витебска в 1320 г. под власть язычника Ольгерда, во второй четверти XIV в. этот город еще воспринимался в Новгороде как часть Руси (Флоря 1995: 24). Действительно, Н1 сообщает:

> «В лѣто 6843. <...> Того же лѣта, по грѣхомъ нашимъ, бысть пожаръ в Руси: погорѣ город Москва, Вологда, Витебьско, и Юрьевь нѣмечкыи всь погорѣ» (ПСРЛ, т. III. 2000: 346).

Псковская Третья летопись в то же время так же еще отделяет витеблян от литвы:

> «В лѣто 6849. <...> А Олигордъ князь и брать его Кестоуити повелѣ своимъ Литовникомъ и видбляном и псковичемъ бродитися за Великоую рѣку, не вѣдаючи под Изборскомъ рати» (ПСРЛ, т. V, вып. 2. 2000: 95).

В дальнейшем, после установления границ Литовского государства, эти представления все больше менялись в сторону признания «инаковости» насельников Великого княжества Литовского. Особенно актуализируются эти представления с начала XVI в. на фоне постоянных московско-литовских войн. Об этом речь впереди.

Единственным, несомненно, аутентичным свидетельством о городе Усвяте в XIV в. является его упоминание в ряде летописей в отдельном перечне городов «А се имена всем градом русским, далним и ближним». Усвят фигурирует в обзоре в числе литовских владений:

> «А се Литовьскыи: <...> Пустаа Ржова, на Волгѣ, Мелечя, Селукъ, Въсвято, Зижеч, Еруслимь, Ржищевъ, Белеборежье...» (ПСРЛ, т. III. 2000: 476).

Перечень городов составлен, по предположению В. Л. Янина, не ранее 1375 г. и не позднее 1381 г. (Янин 1998: 67). Границы литовских земель в этот период лежали на значительном расстоянии от Усвята, в связи с чем он, видимо, и утратил былое военное и экономическое значение в составе Витебской земли. К окончательному упадку его привела ликвидация последних остатков инфраструктуры Пути из варяг в греки. В дипломатических документах 1430–1440-х гг., устанавливающих в Двинско-Ловатском междуречье границы Новгородской земли с литовскими владениями, речь идет о рубежах Новгорода «с волочаны, и с витебляны, и с торопчаны» (ГВНиП 1949: 116). Усвятская волость не фигурирует в дипломатических документах как достойная внимания административная единица, а обитатели Усвята, в отличие от полочан, смолян и витеблян, не упоминаются в числе торговых людей литовского подданства, имевших дела в Новгородской земле. Все это можно расценивать как свидетельство превращения некогда значительного древнерусского города на новгородско-полоцком пограничье – в крупное аграрное поселение, «тянувшее» к Витебску.

Усвят и Усвятский регион вновь появляются на страницах исторических документов в конце XV в. в связи с литовско-московскими пограничными конфликтами, сопровождавшими территориальный рост и укрепление могущества Московского государства. Московско-литовская дипломатическая переписка 1490-х гг. сохранила несколько характерных примеров взаимных «шкод» из жизни пограничного региона. В списке обид, представленных русским посольством королю Казимиру весной 1490 г., оказалась, например, такая жалоба:

> «Князь велики повѣствуетъ: а осенесь о Покровѣ, наши люди торговци Тверьские земли на имя Ивашко Добрынинъ, да Ѳедко Офрѣмѣевъ, да Ивашко Козицинъ съ товарищи шли въ твою землю торгомъ на Полтескъ, въ Вилну; и на Двинѣ на рѣцѣ, въ Дрецкихъ Лукахъ, князь Семеновъ человѣк Соколинского Петрушка, да смоленского мытника Шемаковъ, жидовиновъ дьякъ, взяли на нихъ двадцать рублевъ ризскую силно, а называючи мытомъ смоленскимъ» (Сборник РИО 1882: 42).

Далее документ уточняет, что купцы «пришли в Дрецкіе Луки рѣкою въ суднѣ <...> а взяли на нихъ силно мыта дватцать рублевъ ризскую, а говорячи то, то мыто смоленское; а пережъ того туто мыта не бывало изъ старины» (Сборник РИО 1882: 44). На претензии ограбленных купцов был получен ответ:

> «А далей говорилъ еси намъ отъ великого князя, чтобы его купцовъ князя Семена Соколинского слуга и мытника нашего смоленского слуга на Дречьих Лукахъ, на рѣцѣ на Двинѣ, ограбили безвинно <...> Ино намъ многкратъ о томъ жаловывали мытники наши смоленские а меньскіи, штожъ купци великого князя **объѣждаютъ мыто смоленское а меньское новыми дорогами, куда здавна ни одинъ купецъ не ѣждчивалъ**, а мыта нашего смоленьского а меньского не платятъ, и мытники наши того стерегутъ и тыхъ встягаютъ, которые новыми дорогами ѣздятъ; какъ жо и по

всимъ землямъ обычяи есть, купци маютъ ѣздити старыми дорогами, а пошлины и мыта платить по давному. А которыи купци мыта объѣждчаютъ новыми дорогами, тыхъ вездѣ встягаютъ; а и наши купци, которыи ся у великого князя землѣ промытятъ, ино имъ того не отпускаютъ жо» (Сборник РИО 1882: 46).

Соседний с Усвятом населенный пункт Дрецкие Луки, хорошо известный по документам XVI–XVIII вв., располагался на правом берегу Западной Двины при устье Усвячи – на перекрестке важнейших торговых путей, использовавшихся с глубокой древности.[7] Пошлины здесь, конечно, взимали издавна, и сейчас невозможно разобраться – кто прав был в этом споре.

Как бы там ни было, московские подданные, разумеется, не оставались в долгу у своих соседей, живших по другую сторону литовского рубежа. Летом того же 1490 г. литовцы выдвигают встречные претензии, среди которых имеется такая:

«Стадо наше кобылье у волости нашой у-во Всвятѣ взято и отослано до Великихъ Лукъ; про то чтобы еси того нашего стада велѣлъ доискатися и намъ отдати; а которыи то вчинили, тыхъ бы еси велѣлъ сказнити, абы впередъ такихъ дѣлъ не было» (Сборник РИО 1882: 49, 50).

В документах 1490-х гг. важно указание на «новые дороги», использующиеся купцами в смоленско-витебском Подвинье. Изменение системы расселения в XV в., широкомасшабное освоение водоразделов создали предпосылки для формирования новой системы коммуникаций. Вместо прежних речных магистралей и редкой сети волоков, соединявших верховья рек, в XV в. вокруг Усвята образуется дорожная сеть, близкая к современной. Историческая судьба Усвята неотделима от истории этих, старых и новых, дорог. Поэтому, прежде чем продолжать наш обзор, необходимо подробнее остановиться на месте города в сети средневековых путей сообщения.

2.1.2. Усвят в системе средневековых коммуникаций

Усвят сыграл особую роль в военной истории Руси и Литвы в XI и XIII вв., а затем и XVI в. Расположенный между Луками и Витебском в стратегическом «подбрюшье» Новгородской земли, он надолго стал ареной упорной борьбы за коммуникации.

Изучать древние дороги на Руси трудно. Равнинные ландшафты делают возможным передвижение практически в любом направлении. Исторические источники не сохранили никаких данных о дорогах IX–X вв. Упоминания о путях XI–XIII вв. единичны. Лишь с XVI в. появляется возможность проследить направления дорог по данным письменных источников. Возможности археологии в этой области несколько выше. Выделив густонаселенные регионы и нанеся на карту связывающие их «цепочки» поселений, можно довольно уверенно представить себе древнюю дорожную сеть.

Попробуем реконструировать основные коммуникации, делавшие Усвят столь удобной военной базой для набегов на русский Северо-Запад. Для этого нам придется сопоставлять письменные источники XIII–XVI вв., географические данные и свидетельства археологии, относящиеся к VIII–XIII вв. Это, конечно, довольно рискованный методический прием (особенно на фоне вышеупомянутых известий про «новые дороги»), но при существующей источниковой базе – единственно возможный. Данная методика основывается на том, что сухопутные коммуникации в лесной зоне подчинены формам рельефа, не претерпевшим существенных изменений за последние 10 000 лет. Действительно, крайне редки случаи, когда дороги, вдоль которых расположены курганные могильники (то, что последние насыпались вдоль дорог, – факт установленный), не функционировали бы в наши дни хотя бы в виде пешеходных троп (конечно, до развала крестьянской системы расселения к рубежу XXI в.).

Прежде чем обратиться к описаниям сухопутных дорог, рассмотрим один историко-географический сюжет, основополагающий для понимания геополитической ситуации на пространстве между Ильменем и Западной Двиной.

2.1.2.1. Усвят и летописный Путь из варяг в греки

Текст географического введения в ПВЛ издавна создает у исследователей впечатление

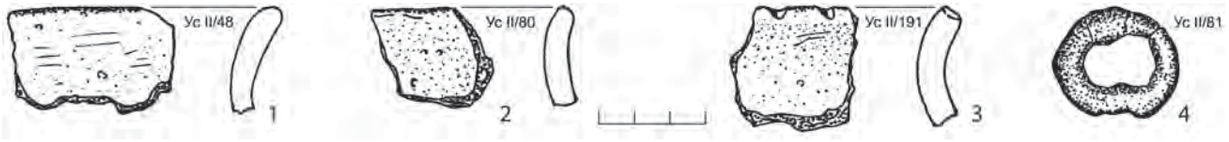
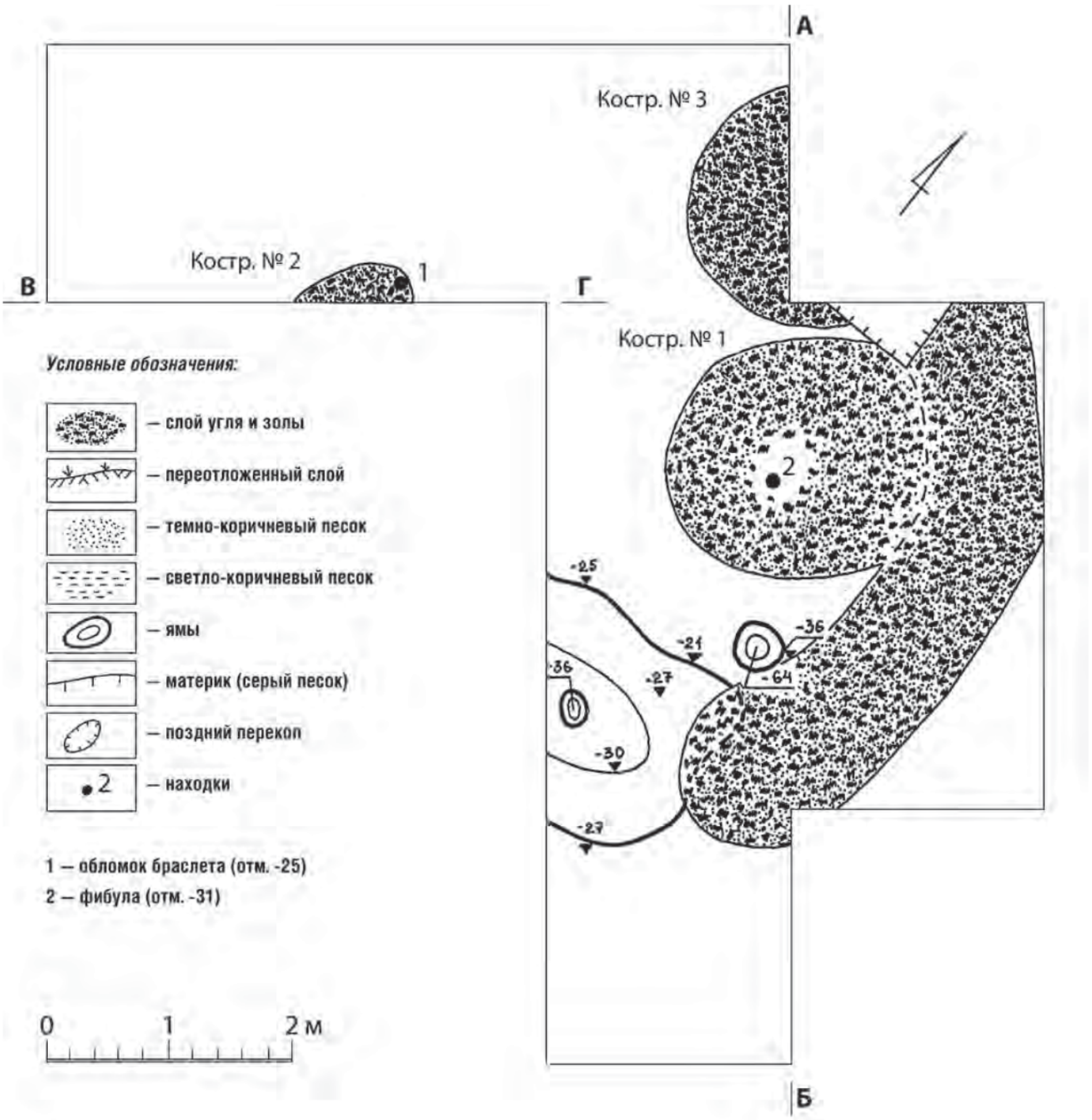


Рис. 124. Лепная гладкостенная керамика (1–3) и железная пряжка (4) из культурного слоя селища Прудок 1, найденные в 1963 г. А. М. Микляевым при раскопках стоянки Усвяты II



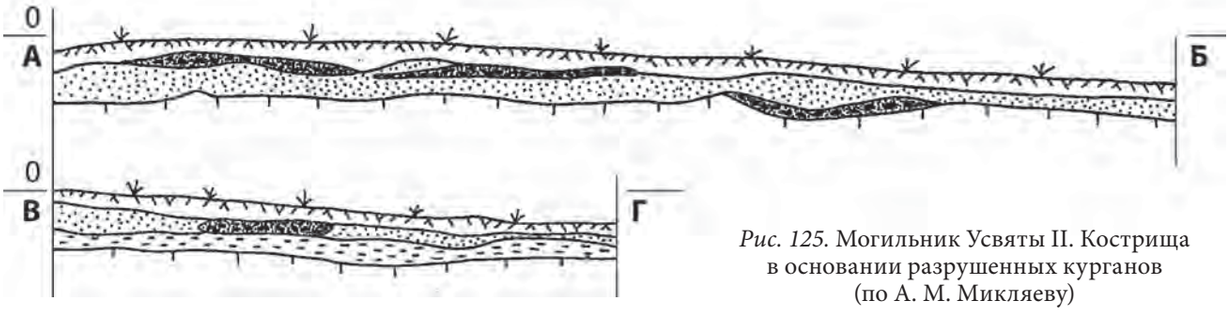


Рис. 125. Могильник Усвяты II. Кострища в основании разрушенных курганов (по А. М. Микляеву)



Рис. 126. Могильник Усвяты II. Находки из погребений под снивелированными курганами (раскопки А. М. Микляева 1988 г.). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург



Рис. 127. Пос. Усвяты. Городище Замковая гора – крепость Иоанна IV (городище № 2, по Я. В. Станкевич). Вид с юго-запада. Приблизительно с этой точки Стефан Баторий осматривал крепостные сооружения 16 августа 1580 г. Справа видны здания комбината, на территории которого где-то располагаются осадные шанцы венгерской и польской пехоты

важнейшей роли Ловати в сообщении между Новгородом и Смоленским Поднепровьем:

> «...бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и **верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти**, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вътечеть в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжьское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понтъ море, в не же втечет Днѣпръ рѣка. **Днѣпръ бо потече из Оковськаго лѣса**, и потечеть на полъдне, а Двина ис того же лѣса потечет, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжьское. Ис того же лѣса потече Волга на въстокъ, и вътечеть семьюдесятъ жерелъ в море Хвалисьское. Тѣм же и из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на въстокъ доити въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима же и до племени Хамова» (ПВЛ 1996: 8, 9).

Расхожие мнения о древнерусских волоках как о местах переволоки судов из одного водоема в другой всегда заставляли исследователей искать «волокъ до Ловоти» где-то в верховьях этой реки, в районе Усвята (Савельев 1847: CLIV; Романов 1898; Брим 2002; Бернштейн-Коган 1950; Микляев 1969; Буров 1975; 1994). При этом волок представлялся ученым в духе известной картины Н. К. Рериха «Волокут волоком», на которой несколько мужичков в белоснежных рубахах тянут на веревках по крутым каменистым холмам вереницу огромных ладей, увенчанных драконьими головами.

Эти фантастические образы порождались своеобразной географией окрестностей Усвята. К северо-западу от озера Узмень, в месте сближения его с верховьями Ловати, на водоразделе лежит болото Волочинский мох, пересекаемое с запада на восток канавой шириной 4–8 м, носящей у местного населения название Копанка (рис. 121). Длина канавы – около 2 км. С болотом связана у жителей легенда о будто бы лежащем там старинном корабле. Все это вместе и приводило исследователей к мысли о возможности существования здесь в древности волока, по которому из озера Узмень в Ловать перетаскивались ладьи (Сапунов 1893: 11, XVIII; Романов 1898: 86, 180; Микляев 1969: 12–13; Буров 1994: 149–151).

Начать критику этих представлений, пожалуй, стоит с анализа местной легенды о корабле в болоте. Вот как излагает ее А. М. Микляев (по-видимому, соединяя в одном повествовании данные нескольких информаторов):

> «В старое время из Суража в Великие Луки плыла в ладье королева. В Усвяты она прибыла поздно, но потребовала у священника, чтобы он отслужил обедню. А тот наотрез отказался! Разгневанная королева произнесла слова: “Усвят, Усвят, будь ни беден, ни богат” и двинулась дальше. На выходе из озера Усвятского в озеро Узмень повстречала она пастуха, пасшего на берегу овец. Опять посулила злая королева Усвятам отсутствие всяческих бляг, а пастуха и стадо превратила в камни. Они и сейчас на “Каменном рогу” находятся. Поздним вечером ладья вошла в копанку, и тут пал на болото великий туман. И держался туман много дней и ночей. Неслись оттуда крики о помощи, но никто не решился пойти на болото. Не видели с тех пор ни королевы, ни слуг ее. И по копанке больше не ездят, а собираясь “в ягоды” уговариваются: дойдем до ладьи и обратно» (Микляев 1969: 13).

А. М. Микляев и В. А. Буров видели в этом предании отголоски каких-то древних реалий, связанных с использованием «корабельного» волока. На самом деле все оказалось и сложней и проще. Во Введении к этой книге уже говорилось о том, что не один полевой сезон автор провел в Двинско-Ловатском междуречье, занимаясь археологическими разведками, фиксируя мифологические рассказы, связанные с археологическими и природными объектами. При этом выяснилось, что сюжет о корабле на болоте приурочен к самым разным болотным массивам на значительной территории. В местных народных преданиях этот сюжет связан не с темой волока, а с темой «прóклятого озера». Довольно разнообразный набор вариантов легенды сводится к центральному повествованию о проклятии, наложенном на озеро, погубившее человека (или людей), вследствие чего оно превратилось в болото. Доказательством этого и служит в мифологическом сознаниии «нос ладьи», якобы торчащий из топи (иногда вместо лодки фигурируют остатки построек, моста и т. п.). Стоит ли говорить, что у каждого информатора находился ближайший родственник или знакомый, «видевший лодку своими глазами». Этот мифологический сюжет, как оказалось, довольно широко распространен в Великороссии и в Белоруссии и, конечно, не может быть использован в научной работе даже как косвенный индикатор каких-то корабельных

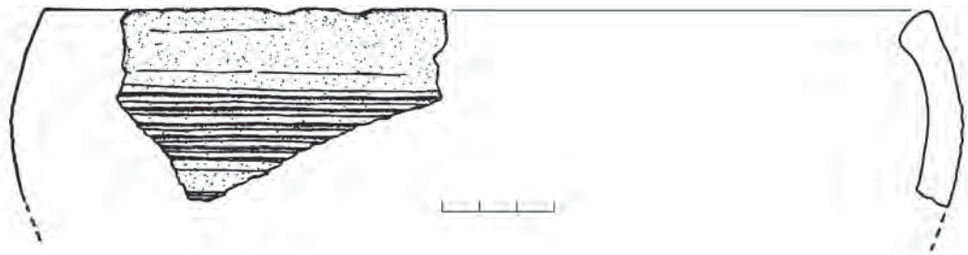


Рис. 128. Фрагмент раннегончарного сосуда западнославянского типа из осыпи склона городища Замковая гора в пос. Усвяты. Рисунок сделан И. И. Еремеевым в 1992 г. в Усвятском краеведческом музее. Находка свидетельствует о том, что поселение на Замковой горе существовало уже в X–XI вв.

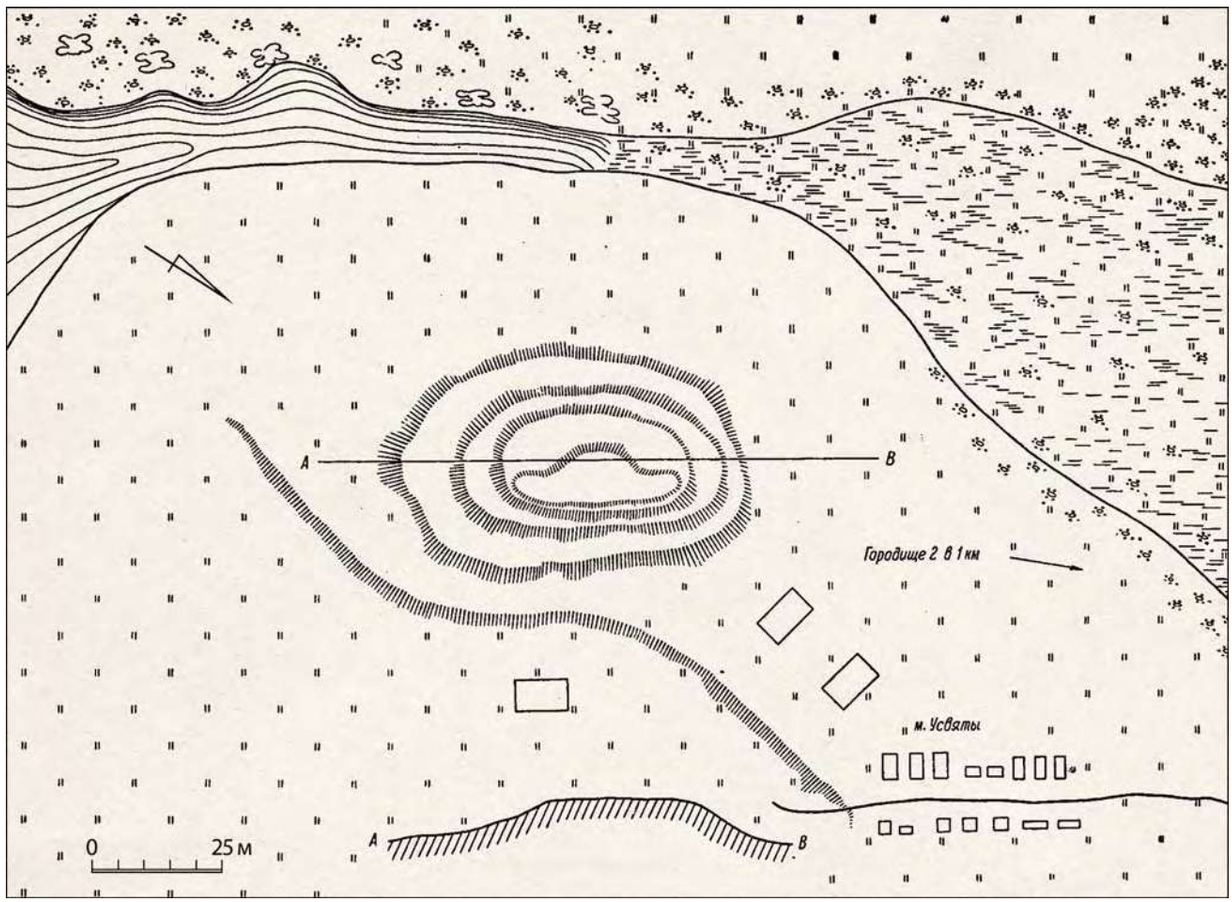


Рис. 129. Пос. Усвяты. Городище Бугор (№ 3, по Я. В. Станкевич) (Станкевич 1960: табл. XXIX)

волоков.[8] Вот как выглядит, например, близкий комплекс мифологических рассказов, относящийся к другому урочищу – болоту Городецкий мох в верховьях реки Черногузки (правый приток Западной Двины):

> «За городецкой горой раньше был не мох (болото. – *И. Е.*), а большое озеро. Под Логово и камни в одном месте лежали цепочкой редко, словно по древнему берегу озера. Говорят, что утонул в нем когда-то сын купца. И мать утопленника с помощью колдуний закляла то озеро, и стало оно зарастать. Но и сейчас еще по мху видны озерки, а дна у них нет. Говорят, что для того, чтобы снять заклятие, нужно провести трех (или двенадцать) жеребцов одинаковой масти прямо через мох, только как их проведешь по такому гиблому месту?».
>
> *Записано И. И. Еремеевым в 1992 г. в д. Городец Велижского р-на Смоленской области от Логовской Татьяны Григорьевны 1920 г. р.*

> «Когда-то на месте мха под Логово было озеро. Там и сейчас лодка в болоте лежит. Лодка та заколдована. Тот, кому назначено, должен с нее цепь снять. Тогда все восстановится, снова будет озеро.
>
> Где-то возле деревни были когда-то большие белые камни, сужающиеся кверху. Говорят, что это люди, заклятьем превращенные в камни».
>
> *Записано И. И. Еремеевым в 1992 г. в д. Широни Куньинского р-на Псковской области*

Образ волшебного корабля, лежащего в самых невероятных местах, можно обнаружить и в преданиях Русского Севера (Криничная 1991: 31, 72, 74). Волок, смоделированный учеными на топографических картах, на живой местности обернулся мифом. Речь идет, конечно, не о физической невозможности на катках ли, на руках ли перетащить корабль по суше на большое расстояние, хоть бы и из озера Узмень в Ловать. В этом деле для русского энтузиаста (особенно имеющего власть или деньги) преград практически не существует, и история знает тому множество примеров (например, в эпоху Петра Великого). Препятствие для исторической реконструкции подобного волока возникает не тогда, когда мы задумываемся о *физической* возможности однократного предприятия такого рода (в военных или спортивных целях), а тогда, когда мы задаем себе вопрос – целесообразно ли это как постоянная практика с *экономической* точки зрения?

Вопрос следует ставить так: насколько распространено было на интересующих нас реках *торгово-промышленное взводное* судоходство? Ответ дает обращение к многочисленным статистико-экономическим и этнографическим описаниям купеческого судоходства в верховьях Ловати, Западной Двины и Днепра в XVIII–XIX вв. (Сапунов 1893; Россия 1905, разного рода Памятные книжки и Дорожники и др.). В некоторых случаях акты Великого княжества Литовского позволяют совершать экскурсы в XVII и даже в XV вв., но они все-таки носят случайный характер из-за фрагментарности источников. Вот какие выводы можно сделать.

Сплавное судоходство по Ловати начиналось от Великих Лук и в XVIII в. продолжалось как весной, так и в межень (Сапунов 1893: 93). В XIX в. – преимущественно весной. Наверх, в Луки, суда, как правило, не возвращались, хотя бывали исключения (Сапунов 1893: XVII). К концу XIX столетия сплавное и редко взводное судоходство производилось лишь до Холма. Весенний же сплав переместился к селу Веряско (80 верст от устья Ловати). По Кунье небольшие лодки ходили вниз от устья Добши, но большого торгового значения этот путь не имел. Строившиеся на Ловати прибрежными жителями барки («сеннухи») имели до 17 м в длину и до 6 в ширину при осадке 0,6 м. Весной речные плоскодонные суда вмещали до 400 и более пудов груза, в межень не более 200 пудов. Единственная известная мне средневековая характеристика судоходной обстановки на Ловати находится в книге Гейденштейна. Оценивая перспективы нападения на Новгород в 1581 г., военачальники Речи Посполитой рассмотрели возможность отвода войск в Литву по Ловати и пришли к выводу, что это нецелесообразно из-за сложностей с постройкой судов и из-за того, что «Ловать не во все время года судоходна» (Гейденштейн 1882: 184).

Судоходство на Западной Двине и Верхнем Днепре также было, за небольшими исключениями, сплавным. Сплав начинался в апреле по вскрытии рек и продолжался до семи дней, как писали купцы в начале XVII в. «на первую воду, кгды люди и иные купецкие с товарами спущати се звыкли» (АВК, т. VIII. 1875: 507). Речь, разумеется, идет о крупных торговых предприятиях. Небольшие струги и лодки продолжали сплавляться по Двине до осени. Вниз

ходили издалека – от Торопца и города Белого на Обше. Достаточно красноречивые сведения об этом сохранили витебские таможенные ведомости начала XVII в. (Витебская старина 1883: 327–329). Каспля была судоходна лишь от впадения в нее Гобзы и лишь весной в начале апреля от трех до семи дней.

По Усвяче весной в половодье лодки, поднимавшие до 100 пудов, ходили от озера Ордосно. Небольшие лодки продолжали сплавлять по Усвяче и в начале лета. Книга Витебской таможенной заставы упоминает некоего витеблянина Сидора Рыжика, приведшего в июне 1605 г. из Усвята в Витебск лодку с вяленой рыбой (Витебская старина 1883: 325). В позднее средневековье в некоторые годы по Усвяче возможно было и взводное судоходство в достаточно крупных масштабах. В августе 1580 г. Стефану Баторию удалось на судах доставить в Усвят артиллерию и войсковые припасы (Гейденштейн 1882: 123–124). От окрестностей Усвята вверх корабли уже не прошли – дальше пушки везли сухим путем (Гейденштейн 1882: 123). Такое возможно было только летом. По крайней мере в наши дни Усвяча к осенней межени совершенно мелеет, превращаясь в цепочку равнинных озер. Мне доводилось бывать в ее устье в сентябре, когда она впадает в Двину ручейком едва ли шире ладони.

По самой Западной Двине весной возможно было и взводное судоходство. Так прибыл в апреле 1413 г. в Витебск князь Витольд с войском (Витебская старина 1883: 27). В августе 1580 г. корабли Яна Замойского, груженные провиантом и фуражом для армии, беспрепятственно поднялись до Велижа и затем спустились обратно до устья Усвячи (Гейденштейн 1882: 123, 124).

Для изучения организации позднесредневековой торговли на Западной Двине любопытны сведения, полученные папским послом А. Поссевино от старого итальянского купца Джиованни Тедальди в 1581 г. Итальянец, вспоминая о своих торговых предприятиях в Московии в 1550-х гг., сообщал, что путь из Полоцка в Москву он проделал тогда посуху – через Луки и Торопец. Двинское судоходство он описывает как сплавное:

> «...пока река Двина, протекающая по Московии, еще не замерзла, можно из Бельска (области Московской), что лежит выше Смоленска и отстоит от него на 90 лег, доплыть на судне вплоть до Риги Ливонской, – разумеется, если есть паспорта от Московита и короля Польского. Что же касается до судов, то их легко можно найти в изобилии. Все же не одинаково удобно и легко подниматься отсюда (беседа А. Поссевино и Д. Тедальди происходила в городе Дисне на Даугаве. – *И. Е.*) – вверх, потому что приходится идти против течения» (Шмурло 1891: 13).

По Днепру ходили от Дорогобужа в половодье. В начале XIX в. взводного судоходства по Днепру в Смоленской губернии не имелось. Струги на притоках этих рек строились зимой. Это также были плоскодонные суда «днища топорной, бока пильной работы». Команда доходила до 30 человек. Плоскодонные барки, строившиеся в Смоленской губернии, были больше, чем на Ловати. Они достигали размеров 35 м в длину и 8 м в ширину при осадке 0,6 м. Такое судно поднимало более 130 тонн груза.

Разумеется, купцам и в голову не приходило тратить время и средства для перетаскивания своих «сеннух» и «стругов» посуху через лесные «волоки», теряя драгоценное время половодья на действительно судоходных участках рек. Никаких известий о переволакивании судов в бассейне Западной Двины и на сопредельных землях ни средневековые источники, ни описания нового времени не содержат. Любые задержки в пути (даже на несколько дней) таили для торговых людей угрозу в прямом и переносном смысле «оказаться на мели» (Сапунов 1893: 301). «Первая вода» опадала стремительно, обнажая мели и пороги. Жалобы полоцких купцов, на считанные дни задержанных различными обстоятельствами и не успевших вовремя сплавить товар, встречаются среди документов Великого княжества Литовского первой трети XVII в. (см., например, АВК, т. VIII. 1875: 507–508).

Перевозились по «волокам» только сами товары, преимущественно в конце зимы. Для этого использовались сани, волокуши и повозки. Корабль же всегда можно было купить весной по обе стороны водораздела в одном из тех городов или деревень, от которых начинался сплав. Барки делали в Великих Луках и Холме на Ловати, в Торопце, Усвяте, Велиже и Витебске на Западной Двине. Снаряжали речные суда в Смоленске, в Поречье и окрестных крупных селах. Строили их наскоро



Рис. 130. Вид на Замковую гору (1) и городище Бугор (2) с «усвятских кладей» (с юго-востока).
Здесь происходила переправа через протоку польско-литовских войск 15 августа 1580 г.
Здесь выстрелом из Замка был убит шляхтич Прокопович



Рис. 131. «Усвятские клади». Вид с севера с городища Бугор. На втором плане место, где располагается курганный могильник Юрьевы Горы (курганные насыпи снивелированы в 1970 г.).
Здесь велись раскопки в 1966 г.

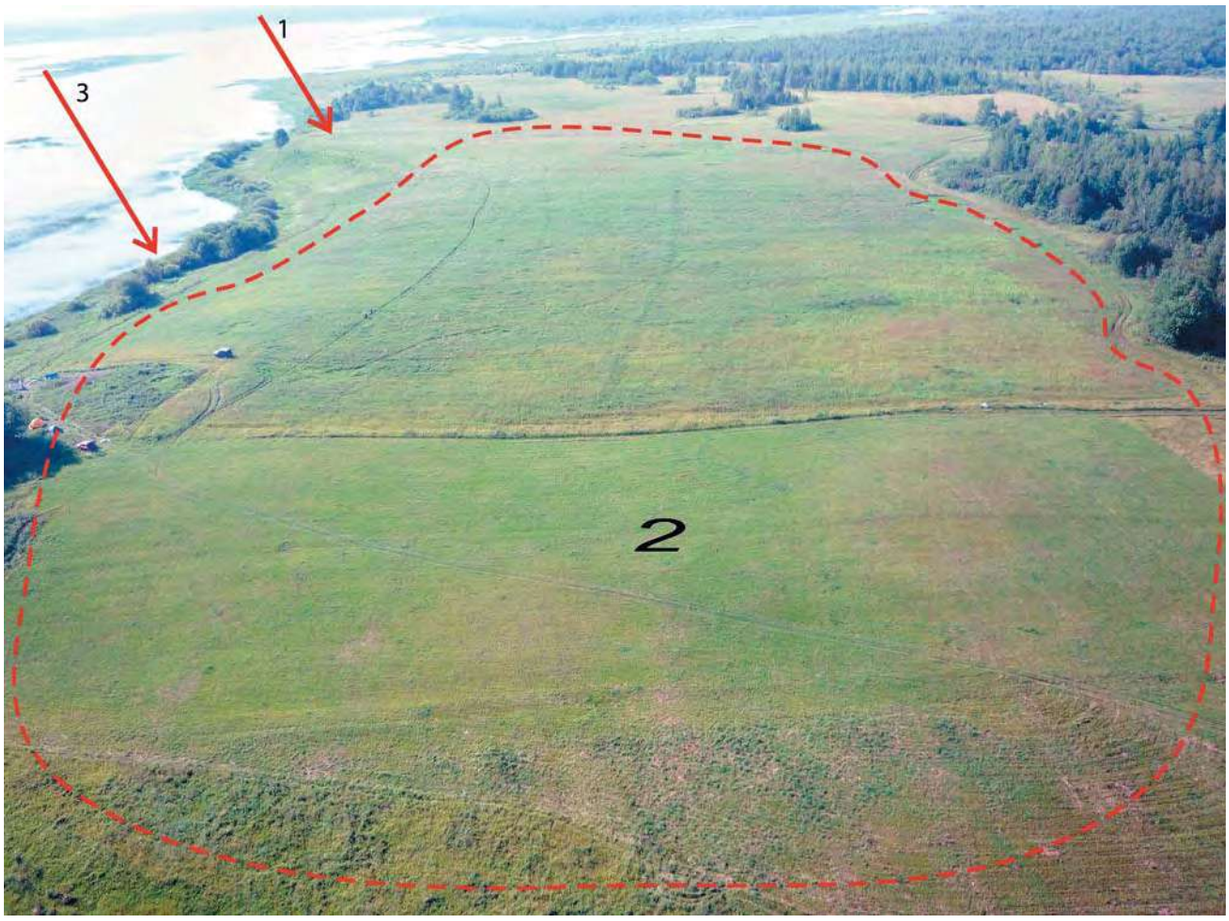


Рис. 132. Усвяты. Раннегородское поселение в ур. Юрьевы Горы (древнерусский Усвят). 1 – детинец – поселение Юрьевы Горы 2 (Станкевич 1960; Минасян А-1970); 2 – посад – поселение Юрьевы Горы 1 (Станкевич 1960; Минасян А-1970); 3 – городская пристань (?). Вид с северо-запада. Фото С. А. Васильева. Июль 2010 г.



Рис. 133. Усвяты. Раннегородское поселение в ур. Юрьевы Горы (древнерусский Усвят). Вид с юго-востока на северную часть поселения и Церковище. Фото С. А. Васильева. Июль 2010 г.

в течение зимы. Договоренности между купцами и кораблестроителями о времени готовности судов соблюдались очень строго. Малейшие задержки, как уже говорилось выше, грозили потерей товара и вели к различным конфликтам.

К месту изготовления речные суда, как правило, не возвращались – в Риге, Новгороде и в Среднем Поднепровье летом после разгрузки их продавали на дрова. Добавим, что древнейшее описание функционирования «волока», дошедшее до нас в составе договора 1229 г. Смоленска с Ригой, рисует нам, конечно же, жизнь обычной водораздельной дороги, в начале которой товары перегружаются на «колы» (какой-то вид сухопутного транспорта).

Как же быть с усвятским *Волочинским мхом* и *Копанкой*? Не противоречит ли их существование нашим представлениям о волоках? Думаю – ни в малейшей степени. Волок на северо-запад от Усвята действительно существовал.[9] Волок этот образовывали несколько сухопутных дорог, которые вели от Усвята на северо-запад. Одна из них («великая дорога») упомянута в письменных источниках под 1538 г., другая – под 1580 г. Оба этих источника мы будем обсуждать далее.

Любопытно отметить, что в области, прилегавшей к Волочинскому мху, московская писцовая книга времени Ливонской войны фиксирует «цареву и великого князя пустошь, что была деревня Рындино» (книга не опубликована, цит. по: Оглоблин 1880: 10). Это единственный случай фиксации в данных документах «дворцовых» земель, как отметил Н. Н. Оглоблин. По его предположению, в состав «дворцовых» угодий после захвата Полоцкого повета Москвой вошли бывшие королевские волости (Оглоблин 1880: 10–11). Не связан ли этот порядок с особым «волоковым» статусом данного микрорегиона, и не восходит ли он по крайней мере к эпохе Ольгерда? Вопрос этот очень интересен и нуждается в специальном исследовании. Деревню Рындино Военно-топографическая карта России 1867 г. (ряд XI, лист 9) фиксирует на берегу Ловати неподалеку от того места, где в нее впадает ручей, берущий начало на Волочинском мху – там же, где и Копанка (рис. 119, 120).

Пришла пора попробовать разобраться с ручьем *Копанкой*. Во-первых, надо признать, что усвятская Копанка – достаточно древний гидроним. Первое известное мне упоминание ее в описании границ Усвятского староства под именем *Копаница* относится к 1623 г. Она фигурирует как ориентир в кадастровых документах:

> «Крутым ручаемъ черезъ Красный ручей, зъ Красного ручая въ Копаницу рѣчку, Копаницою рѣчкою идучи уверхъ (въ) Волчинскій мохъ, зъ Волочинского моху у Закотынскую заногу, зъ Закотынское заноги на Фадееву пасѣку, зъ Фадеевое пасѣки на Бабавинъ мохъ, на Евловъ островъ, зъ Евловаго острова на Прудовое верховье, зъ Прудового верховья въ Прудовую рѣчку, зъ Прудовой рѣчки у Лихіе болоты, зъ Лихихъ болот у Комлю рѣчку…» (АВК, т. XIII. 1886: 300–301).

Следует обратить внимание, что более раннее описание этого участка границы не содержит топонима *Копанка/Копаница*. Вместо системы *Красный ручей–Копаница–Прудовая речка* в описании литовского рубежа 7079/1571 г. фигурирует река Молиница, которая якобы соединяет озеро Ужанское (реку Ужаны) с Ловатью:

> «…а отъ оз. Узмя рѣкою Ужаны до р. Молиницы 5 вер., отъ р. Ужаны рѣкою Молиницею до р. Ловоти 10 вер., а отъ устья р. Молиницы рѣкою Ловотью внизъ до устья Сеницы 20 вер.» (Писцовые книги 1877: 445).

Никаких рек от устья *Прудовой речки* (ныне – безымянного ручья, впадающего в Ловать у д. Пруды) до устья реки Сенницы Ловать не принимает. Поэтому можно не сомневаться, что река Молиница 1571 г. – это и есть Прудовая речка в совокупности с Красным ручьем в описании 1623 г. Звено *Копанка/Копаница*, таким образом, отсутствует в более раннем описании той же самой речной системы. Это, конечно, может быть и случайностью (описание 1623 г. вообще более подробное), но может свидетельствовать и о том, что в 1571 г. Копанки на местности еще не существовало.[10]

Надо сказать, что А. П. Сапунов, впервые опубликовавший сведения о «копанке», подозревал все же, что это «просто канава, проведенная для осушки болота» (Сапунов 1893: XVIII). А. М. Микляев, тонкий и осторожный исследователь, также полагал, что «остатки копанки вряд ли можно считать каналом тысячелетней давности» (Микляев 1969: 13). Мы считаем, что назначение прославившейся «копанки» в точности такое же, каково и назначение сотен

других подобных сооружений на сотнях болот Псковщины и Белоруссии. А именно – перед нами дренажная канава. Возможно, она действительно связана с «волоком», т. е. сооружена для осушения болота, через которое проходила «великая дорога» из Усвята в район озера Сенница или «Усвятская дорога» на Луки. О них мы скажем чуть ниже. Надо заметить, что в источниках, связанных с эпохой Ливонской войны (1558–1583 гг.), не раз встречаются указания на прокладку обеими противоборствующими сторонами в районе Усвята стратегических дорог, позволявших быстро перебрасывать вдоль границ войска и артиллерию, становившуюся все более важным военным фактором. Необходимость рокадной дороги по линии Невель–Усвят–Велиж была очевидна как для литвинов, так и для московитов. Строил дороги Стефан Баторий, строил их и Иван Грозный. Конечно, связь «копанки» с военными проектами – только догадка, но, несомненно, необходимые для таких масштабных инженерных работ людские силы (особенно на фоне известных военных неурядиц и периодического запустения волостей Усвят и Озерище в XVI–XVII вв.) могли быть собраны только при принятии решения на высоком государственном уровне.

Завершая сюжет об усвятской Копанице/Копанке, нельзя не упомянуть и о возможностях мифологического толкования гидронима. Изучая дельтовые ландшафты Приильменья, я обратил внимание на присутствие здесь аналогичных названий – Копанца в ловатской дельте и Копки в мстинской. Считать эти извилистые пойменные протоки рукотворными нет оснований (Копка представляет собой один из двух крупнейших рукавов Мсты). Но, учитывая изменчивость дельтовых русел, нельзя исключать того, что нынешнюю конфигурацию они действительно приняли сравнительно недавно. Кто же, если не человек, мог *прокопать* Копанец и Копку? Не следует ли объяснять появление интересующих нас гидронимов мифологическими представлениями средневековых славян? В этих представлениях свойство прокапывать озера и русла потоков приписывалось сверхъестественной (нечистой) силе (Журавлев 2010: 7–8). Вспомним хотя бы киевский Черторый – один из рукавов в днепровской пойме. Все эти общие размышления приводят лишь к одному определенному выводу – усвятская Копанка – крайне ненадежный источник при изучении древних путей сообщения, возможно, уводящий нас в область мифа.

Но нам пора вернуться к «волоку», упомянутому в ПВЛ. На мой взгляд, летопись следует трактовать буквально, не внося в нее никаких отсутствующих в ней смыслов. Необходимо, в первую очередь, обратить внимание на то, что ПВЛ, адресуя читателя к верховью Днепра, ничего не говорит о верховье Ловати. Верховья же Днепра локализованы предельно точно – это «Оковский лес» на севере Смоленской земли – тот же лесной массив, в котором находятся истоки Западной Двины и Волги. Верховья Ловати находятся далеко на юго-запад от «Оковского леса». Идти из него в Усвят, чтобы попасть в Новгород, не имело никакого смысла. Таким образом, Усвят и Луки с верховьями Ловати исключаются из географического контекста Пути из варяг в греки, описанного в ПВЛ. Из «Оковского леса» на Ловать можно было попасть либо в район Холма, либо уже значительно севернее – в район Коровитчино.

Исходя из знаменитого описания Пути из варяг в греки, можно подумать, что Ловать и ее обитатели должны были бы играть значительную роль в истории Руси и Новгорода. Между тем в XIII–XIV вв. Ловать упоминается в летописных источниках очень редко. Причем свидетельства эти весьма специфичны.

В 1316 г. тверской князь Михаил Ярославич отправился в поход на Новгород, закончившийся полной неудачей. Симеоновская летопись помещает следующее изложение событий:

> «Въ лѣто 6824. <…> Того же лѣта князь великіи Михаило ходилъ на Волокъ, събравъ рать велику, воя многы, и поиде ратью къ Новугороду къ Великому, и устремися по невѣдомымъ мѣстом и по незнаемымъ путемъ, и заблудиша въ злыхъ лѣсѣхъ и въ болотѣхъ, дондеже пріидоша на Ловоть и ту стоаша, и бысть въ нихъ гладъ великъ, яко и кожи ядяху и голенище и ременіе жваху, и мнози отъ глада изомроша; бывшіи на воинѣ тои много зля подъяша, и друзіи пѣши одва пріидоша въ домы своа, не успѣвше ничто же възвратишася назадъ отъ Ловоти, всуе трудишася» (ПСРЛ, т. XVIII. 2007: 88).

Рогожский летописец трактует события более кратко, но зато сообщает о причине тактической ошибки Михаила Ярославича – «злых вождях»:



Рис. 134. Космический снимок ур. Юрьевы Горы. На пахоте видна кольцевая структура – укрепления (вал?) детинца древнерусского города



Рис. 135. Ур. Юрьевы Горы. Детинец древнерусского города (поселение Юрьевы Горы 2). Вид с северо-запада. Июнь 2010 г. В западной части мыса заметны следы распаханного вала (отмечены стрелкой)



Рис. 136. Усвяты. Раннегородское поселение в ур. Юрьевы Горы. Детинец – поселение Юрьевы Горы 2 (Станкевич 1960; Минасян А-1970). Вид с юго-востока. Фото И. И. Еремеева. Октябрь 2011 г.



Рис. 137. Усвяты. Раннегородское поселение в ур. Юрьевы Горы. Детинец – поселение Юрьевы Горы 2 (Станкевич 1960; Минасян А-1970). Вид с юго-востока. Фото И. И. Еремеева. Июль 2010 г. Стрелкой отмечен эскарп

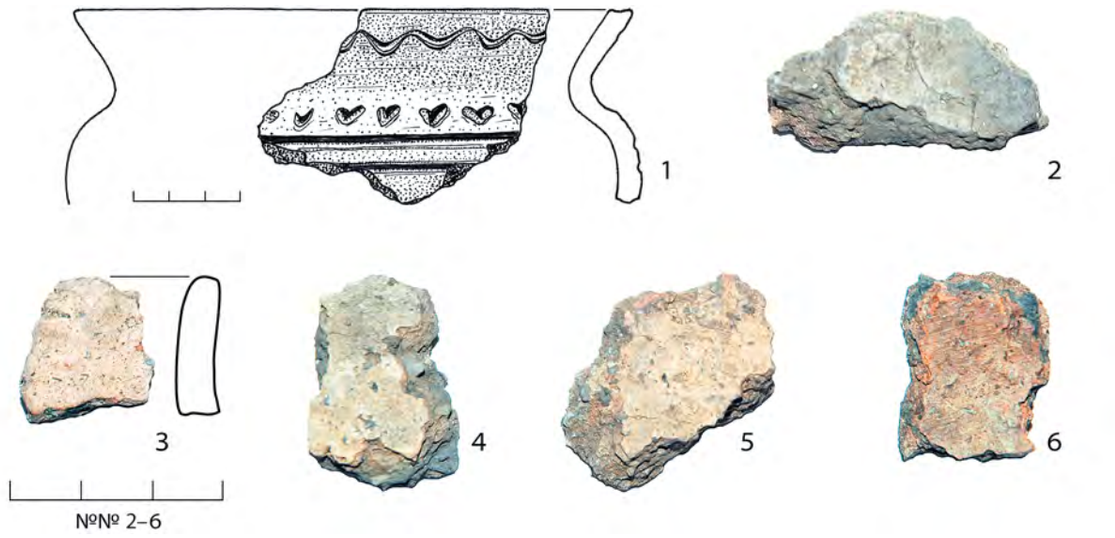


Рис. 138. Юрьевы Горы 2010. Гончарная керамика (1) и лепная керамика (2–6), собранные на Церковище сотрудниками Усвятского отряда ИИМК РАН

«Въ лѣто 6824. <...> Того же лѣта великїи князь Михаилъ, поимъ воя многы, иде къ Новугороду и злыи вожди заведоша въ лихаа мѣста и князь възвратися и многа пакость бысть полку его, оу иныхъ кони помроша» (ПСРЛ, т. XV. 2000: 36).

Син. излагает произошедшее, увиденное новгородским летописцем:

«В лѣто 6824. Выидоша намѣстници Михаиловы из Новагорода, и поиде князь Михаило к Новугороду со всею Низовьскою землею; а новгородци учиниша острогъ около города по обѣ сторонѣ, и соидеся вся волость новгородская: пльсковичи, ладожане, рушане, Корѣла, Ижера, Вожане. Князь же Михаило, не дошедъ города, ста въ Устьянѣхъ; и тако мира не возма, поиде проче, не успѣвъ ничтоже, но болшюю рану въсприимъ: възвративше бо ся въспять, заблудиша въ озерѣхъ и в болотѣхъ; и начаша мерети гладомь, ядяху же и конину, а снасть свою пожгоша, а иное пометаша; и придоша пѣши в домы своя, приимше рану немалу» (ПСРЛ, т. III. 2000: 95).

Понимание неудачного маневра низовской рати в 1316 г. представляет известную сложность. Погост Устьяны, бывший крайней северной точкой движения тверского войска, расположен не на Ловати, а на правом берегу Полы близ ловатской дельты (Фролов, Пиотух 2008: 40). Отсюда на юго-восток вел «Селигерский путь», густонаселенный и, без сомнения, хорошо знакомый тверичам торговый тракт. Плутание на нем или в его окрестностях огромного войска представляется делом невероятным.

Территория Устьянского погоста охватывала, однако, северную часть междуречья Ловати и Полы. Скорее всего, Михаил Ярославич, придя по Ловати, стал на ее правом берегу, на городке напротив Устьян. Сложно сказать, что побудило тверского князя двигаться на Новгород по Ловати, вместо того чтобы выбрать торную «селигерскую» дорогу. Существует мнение, что таким образом он стремился достигнуть «эффекта неожиданности» (Клюг 1994: 106). Причина лишений тверского войска становится тем не менее понятна: медленное движение по заболоченному междуречью Полы и Ловати, а затем по слабозаселенным местам вдоль Ловати (где редкое население, надо полагать, разбегалось, угоняя скот и унося продовольствие) обескровило его еще на подходах к Устьянам.

Однако подобная участь на Ловати грозила не только враждебным Новгороду ратям. События, очень напоминающие поход 1316 г., произошли в тех же краях с самими новгородцами без малого за 100 лет до вышеописанных событий, еще в 1234 г.:

«Въ лѣто 6742. <...> Томъ же лѣтѣ изгониша Литва Русь Оли до тьргу, и сташа рушанѣ, и засада: огнищанѣ и гридба, и кто купець и гости, и выгнаша я ис посада опять, бьющеся на поли; и ту убиша нѣколико Литвы, а рушан 4 мужа: попа Петрилу, 2 Павла Обрадиця, и ина два мужа; а манастырь святого Спаса всь пограбиша, и церковь полупиша всю, и иконы и прѣстолъ, и цьренци 4 убиша, и отступиша на Клинъ. Тъгда же вѣсть приде в Новъгородъ къ кънязю Ярославу; князь же съ новгородьци, въседавъше въ насады, а инии на конихъ, поидоша по нихъ по Ловоти; и яко быша у Моравиина, и въспятишася лодьиници

оттоле въ городъ, и князь я отпусти: **недостало бо у нихъ бяше хлеба**; а самъ поиде съ коньникы по нихъ. И постиже я на Дубровнѣ, на селищи въ Торопьчьскои волости, и ту ся би съ безбожными оканьною Литвою; и ту пособи богъ и крестъ честныи и святая София, прѣмудрость божия, надъ погаными князю Ярославу съ новгородци: и отъяша у нихъ конь 300 и съ товаромъ ихъ, а сами побѣгоша на лесъ, пометавъше оружия, и щиты, и сови, и все от себе; а инии ту костью падоша» (ПСРЛ, т. III. 2000: 73).

Известиями 1234 и 1316 гг., собственно, и исчерпываются наши сведения о функционировании центральной и северной части ловатского речного пути (каким образом попадали в Луки участники событий 1167 и 1178 гг., мы в точности не знаем). Как видим, ничего хорошего он путникам не сулил. Разумеется, отдельные купцы и небольшие группы торговцев и воинов, которые имели возможность основательно подготовиться к пути и запастись провиантом, могли успешно передвигаться по нему от одного небольшого поселения к другому. Но весьма сомнительно, чтобы этот сравнительно бедный в земледельческом отношении регион мог вынести следование крупных ратей или постоянных потоков торговых караванов.

Обратившись к археологическим данным, заметим, что на Ловати между Коровитчино и Холмом отсутствуют не только монетные клады IX–XI вв., но неизвестны археологические находки вещей социально престижных (в частности, дорогих скандинавских украшений), относящихся к этому времени. Исключение составляет единственный курганный комплекс XI в. из района Холма. Прежде чем продолжить изложение, сделаем короткое отступление про средневековые памятники Холмской котловины, как представляется, достаточно тесно связанные с Усвятским регионом.

2.1.2.2. Путь на север по Ловати. Средневековые археологические памятники окрестностей г. Холма (по материалам ГИМ)

Округа Холма является одним из наименее исследованных в археологическом отношении регионов Новгородской области. В собрании ГИМ находится небольшая коллекция, происходящая из дореволюционных раскопок, производившихся близ этого города. В 2000 г. Назимовским отрядом Северо-Западной экспедиции Эрмитажа была организована разведка в Холмском районе. При этом были осмотрены некоторые памятники, вещи из которых хранятся ныне в ГИМ.[11] Так возник этот короткий сюжет.

Первые профессиональные раскопки и разведки близ Холма были проведены В. Н. Глазовым в 1901–1902 гг. (Глазов 1903).[12] В 1913 г. в преддверии несостоявшегося XVI Археологического съезда, который должен был происходить во Пскове, на востоке Псковской губернии, в которую входил Холмский уезд, были проведены новые археологические исследования. В районе Холма раскапывал курганы М. М. Воронец.[13] Сохранились сведения о работах в 6 могильниках (Козлово, Осиновка, Бабынино, Стрежено, Миронежский лес, Ильинское). Находки попали в МАО, а оттуда были переданы в музей. Судьба полевой документации, если таковая составлялась, неизвестна. Судя по кратким упоминаниям Н. Ф. Окулич-Казарина, некий отчет попал во Псков (Окулич-Казарин 1914). Не исключено, что какие-то документы еще удастся отыскать в бывшем архиве МАО.

Частично депаспортизованная коллекция хранится в настоящее время в ГИМе. Нужно оговориться, что безоглядно доверять привязке находок к конкретным памятникам не следует: в определении адреса отдельных вещей на музейных планшетах могут быть ошибки.

Находки, относящиеся к концу I тыс. н. э., немногочисленны. Центральным из исследованных М. М. Воронцом памятников является могильник на Ильинской Луке выше Холма, на левом берегу Ловати ниже деревни Ильинское. Это один из крупнейших могильников с сопками на Ловати, постоянно привлекавший внимание ученых и любителей. В 1886 г. курганы близ деревни были осмотрены делопроизводителем Холмской городской управы Н. И. Масленниковым. Возле сопки, «замечательной своими внушительными размерами», им были найдены человеческие кости, черепки битой посуды и камни (видимо, остатки жальничных погребений).[14]

Могильник быстро разрушался. Н. Ф. Окулич-Казарин сообщает о бывших близ деревни 7 курганах высотой от 3½ до 5½ арш., частично разрушенных пахотой. Самый крупный из них при высоте 5½ арш. имел окружность 65 арш. (Окулич-Казарин 1914: 279). В 1902 г. раскопки

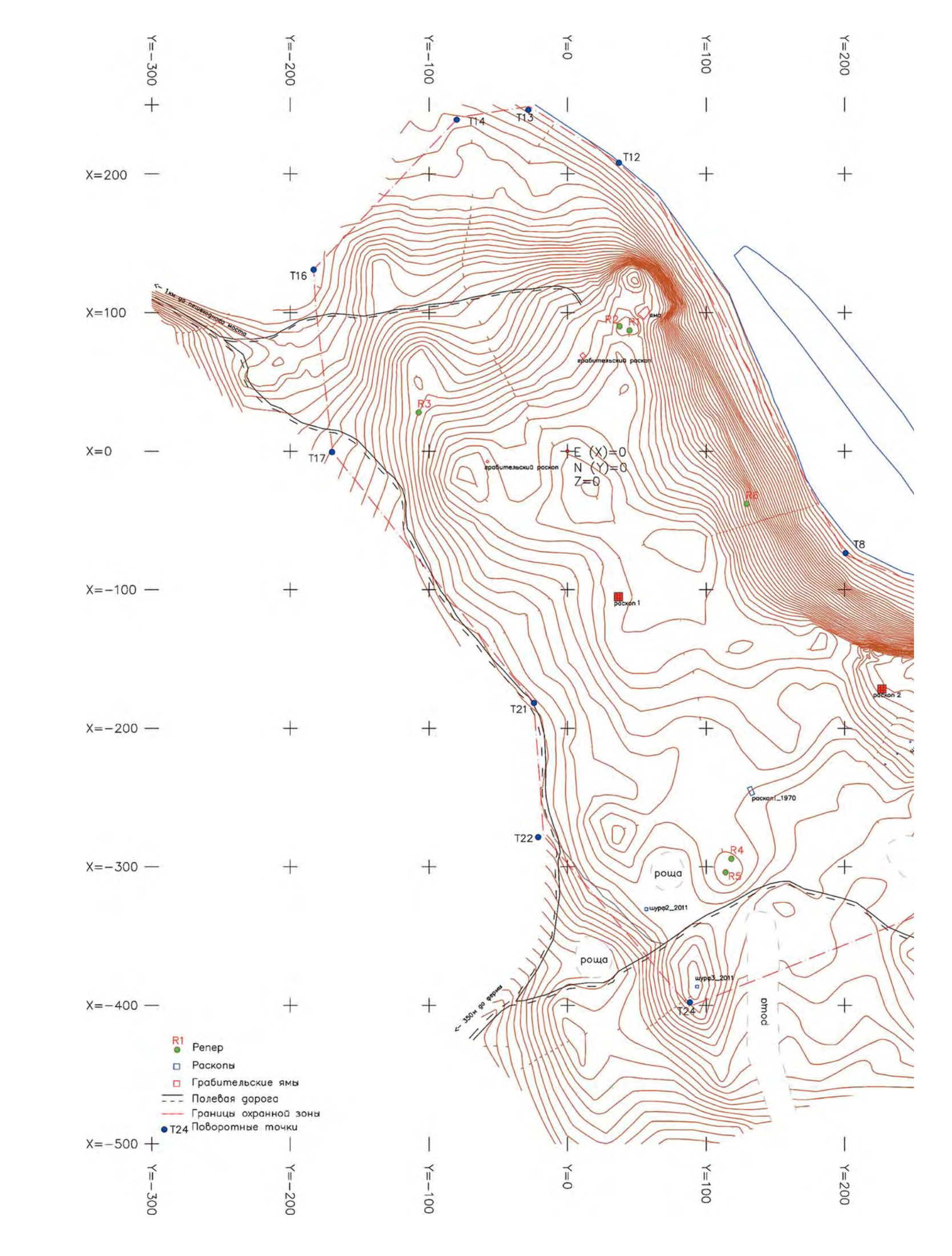


Рис. 139. Нательные кресты из кладоискательских сборов в ур. Юрьевы Горы. Часть находок, возможно, происходит с территории христианского некрополя. Утрачены. Фотография предоставлена находчиком

памятника провел В. Н. Глазов, заставший тут только 5 курганов. По его сведениям, насыпей в группе было значительно больше, но уже в 1902 г. часть их была уничтожена распашкой. Раскопки одного из больших курганов выявили «очень недавние погребения» (Глазов 1903: 58).

По данным Н. Ф. Окулич-Казарина, М. М. Воронец раскопал в Ильинском самую большую сопку. В настоящее время в группе уцелело 2 насыпи, в том числе и крупная, подходящая под известные описания, – видимо, исследованная М. М. Воронцом в 1913 г. На ней и сейчас заметны следы раскопок колодцем.

В коллекции ГИМ к сопке на Ильинской Луке относятся 4 фрагмента лепной керамики. Восстанавливается профиль двух сосудов. Один из них принадлежит горшку классического


Y=−300
Y=−200
Y=−100
Y=0
Y=100
Y=200
X=200
X=100
X=0
X=−100
X=−200
X=−300
X=−400
X=−500
T12
T13
T14
T16
T17
T21
T22
T24
T8
R1
R2
R3
R4
R5
R6
E (X)=0
N (Y)=0
Z=0
грабительский раскоп
грабительский раскоп
яма
раскоп 1
раскоп 2
раскоп1_1970
шурф2_2011
шурф3_2011
роща
роща
< 1км до пешеходного моста
< 350м до фермы
Репер
Раскопы
Грабительские ямы
Полевая дорога
Границы охранной зоны
Поворотные точки

городе Усвяте

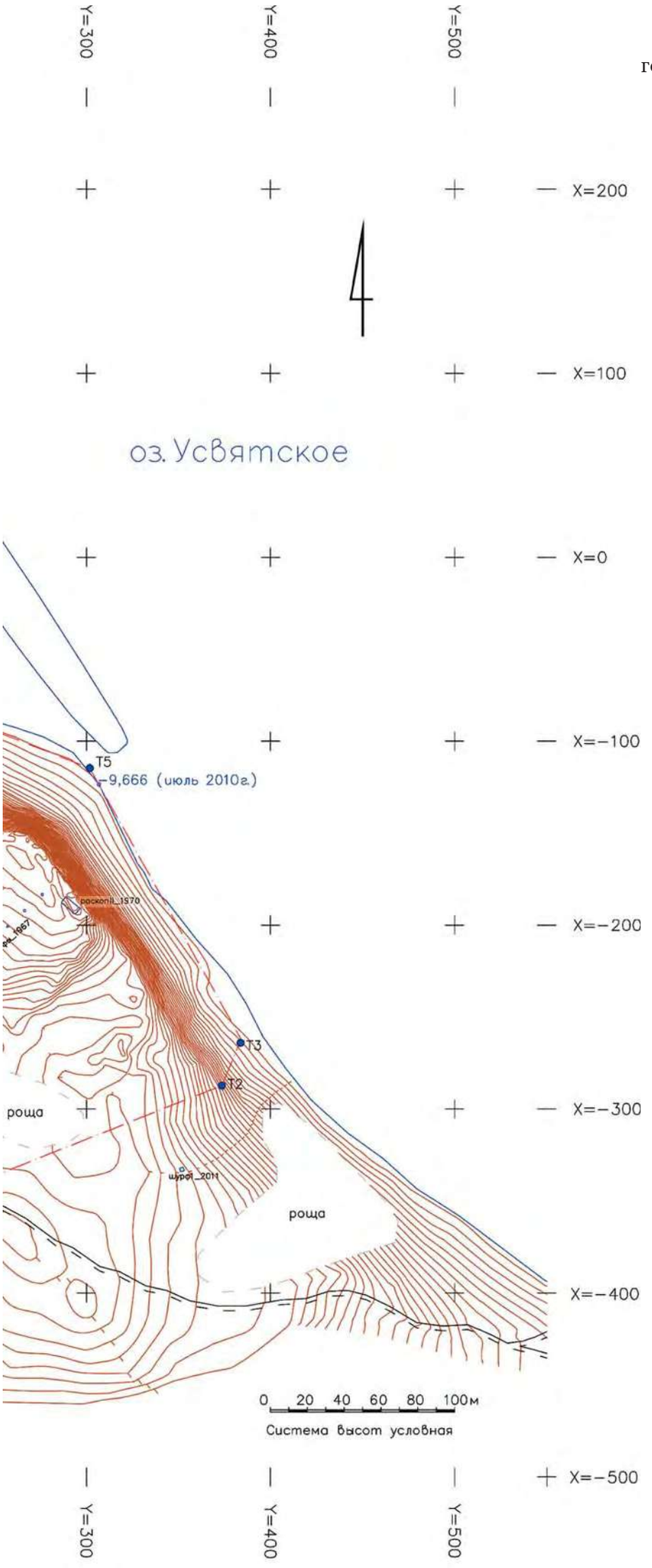


Рис. 140. Городище и селище Усвяты (Юрьевы Горы). Усвятский р-н Псковской обл. Древнерусский город Усвят. Съемка июль 2010, ноябрь 2011 г. Горизонтали проведены через 0,25 м. Система координат условная

«ладожского типа» с четким ребром и высоким венчиком, второй – горшку с округлым плечиком и коротким отогнутым венчиком. Отсюда же, судя по картотеке ГИМ, происходит небрежно свернутый в кольцо диаметром 1,5 см фрагмент бронзового браслета с продольным ребром в центральной части, украшенного елочным орнаментом. Подобные украшения хорошо известны в VIII–X вв. южнее и юго-западнее – в смоленских длинных курганах и в древностях Латгалии.

В 7 км вверх по Ловати от Ильинской Луки, на правом берегу реки, расположен могильник Бабынино, также исследовавшийся М. М. Воронцом. В 1913 г. было раскопано 8 курганов. В 4 обнаружены трупосожжения, в остальных курганах погребений не найдено (Окулич-Казарин 1914: 272). Курганы находятся на ровном участке берегового плато в лесу и с реки не видны. Насыпи (в настоящее время их 13) расположены кучно, окружены ровиками. Имеются как высокие «сопковидные», высотой до 2 м, так и круглые уплощенные насыпи. Один курган подпрямоугольный. Все это очень напоминает смоленские длинные курганы в Верхнем Подвинье. Фрагмент лепного сосуда из ГИМа, происходящий отсюда, вполне подтверждает данное впечатление – это был небольшой горшок с выделенным плечиком и коротким прямым венчиком.

На этом материалы М. М. Воронца, относящиеся к концу I тыс. н. э., оказываются исчерпаны. Более многочисленны в его коллекции древности XI–XIV вв.

Курган в Миронежском лесу (бору) располагался на правом берегу Ловати, напротив впадения в нее р. Шульга. Обнаружено «совместное трупоположение» (Окулич-Казарин 1914: 291). К урочищу в коллекции ГИМа отнесен фрагмент гончарного древнерусского сосуда.

Курганно-жальничная группа в ур. Стрежено близ д. Сопки до наших дней, как выяснилось, не сохранилась. В начале века насчитывала 12 курганов, по сведениям Н. Ф. Окулича-Казарина, обложенных валунами. Высота насыпей, по данным М. И. Артамонова, не превышала 1 м. Существуют упоминания о располагавшемся тут же неподалеку длинном кургане (Артамонов А-1928). М. М. Воронец исследовал 6 насыпей с одиночными и «совместными» трупоположениями (Окулич-Казарин 1914: 288). Отсюда происходит значительное количество вещей: бронзовые перстни, браслеты, бубенчики, височные кольца, золотостеклянные боченкообразные бусы и др. Коллекция позволяет датировать погребения концом XI–XIV вв.

Наиболее интересен курганно-жальничный могильник Козлово, располагавшийся на правом берегу р. Ловать ниже г. Холм, выявивший ранние и яркие материалы. Нам неизвестно ни количество раскопанных курганов, ни подробности обряда.

В коллекции ГИМа хранятся несколько фрагментов шерстяного плаща, обрывок плетеного шерстяного шнура, подковообразная фибула из белого металла, кремневое огниво, литое бронзовое поясное (?) кольцо, нож и обломок бронзового бубенчика, витой бронзовый браслет (рис. 90). Интересен ременный набор, включающий 35 поясных бляшек, три наконечника, два гнутых кольца-разделителя, скобку-обоймицу и миниатюрную пряжку. Набор сохранился, видимо, полностью и принадлежит поясу из трех ремней. Для бассейна Ловати находка является уникальной.

Поясные наборы близких типов были распространены в Новгородской земле в XI–XII вв. Более точно определить место нашей находки внутри указанного хронологического диапазона затруднительно. Мы можем предложить для могильника только суммарную дату – в пределах XI–XII вв. Теоретически можно допустить и наличие в Козлово более ранних погребений (исходя из датировки витого браслета с завязанными концами). Подобные браслеты появляются на Руси уже в X в. В частности, аналогичные изделия найдены в Киеве в составе денежно-вещевого клада, младшая монета которого датируется 905/906 г. (Корзухина 1954: 83). Скандинавское происхождение имеет, по-видимому, сам тип украшений. Значительное их количество найдено в комплексах X–XI вв. в Северной Европе от Швеции до Англии.

В районе Холма мы можем наблюдать в конце I тыс. н. э. ситуацию, не повторяющуюся нигде более на Ловати в пределах Новгородчины, – чересполосное распространение новгородских сопок и длинных курганов, по-

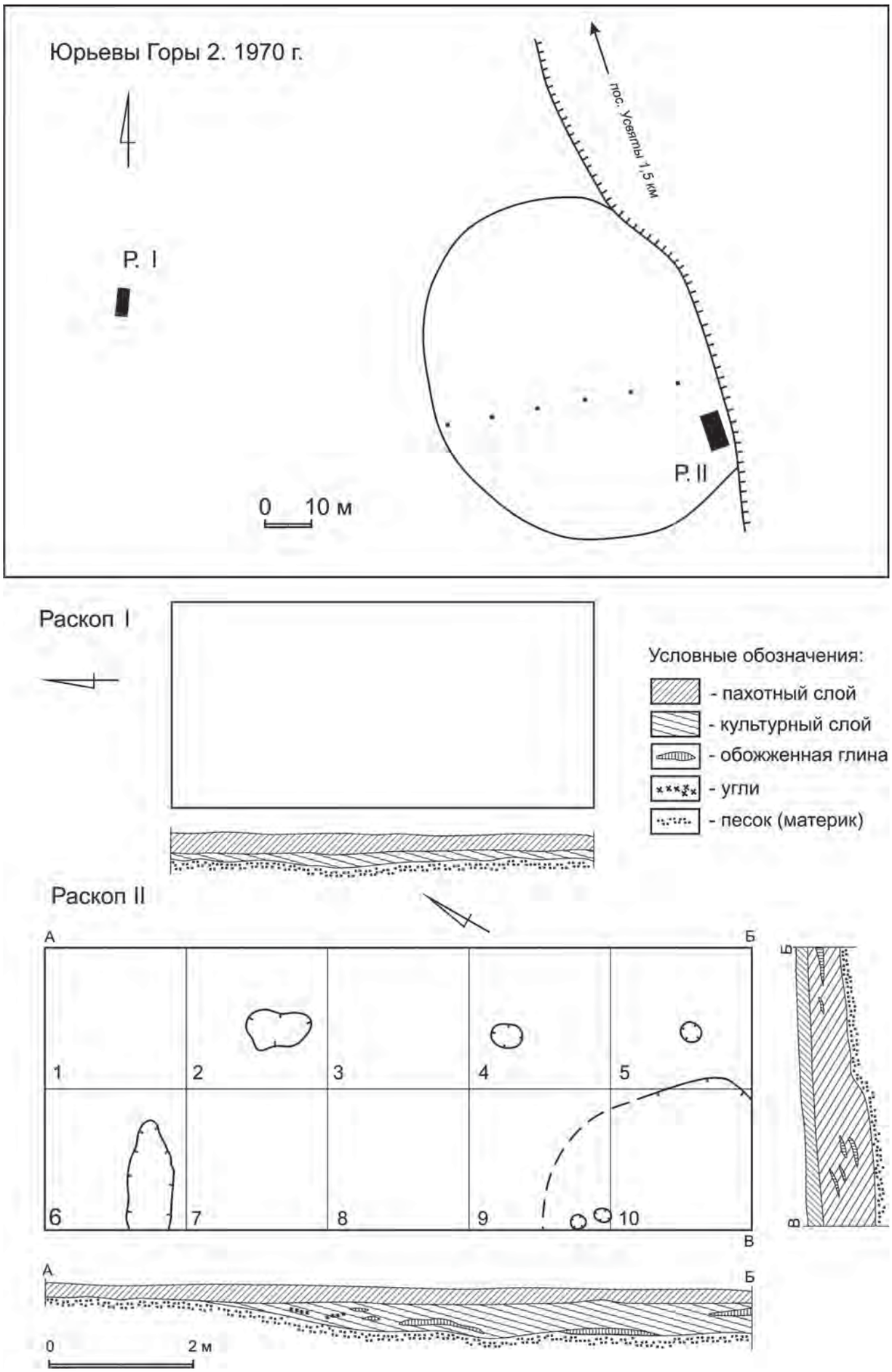


Рис. 141. Усвяты. Раннегородское поселение в ур. Юрьевы Горы (Юрьевы Горы 2). Исследования Р. С. Минасяна в 1970 г. Ситуационный план и чертежи раскопов (Минасян А-1970)

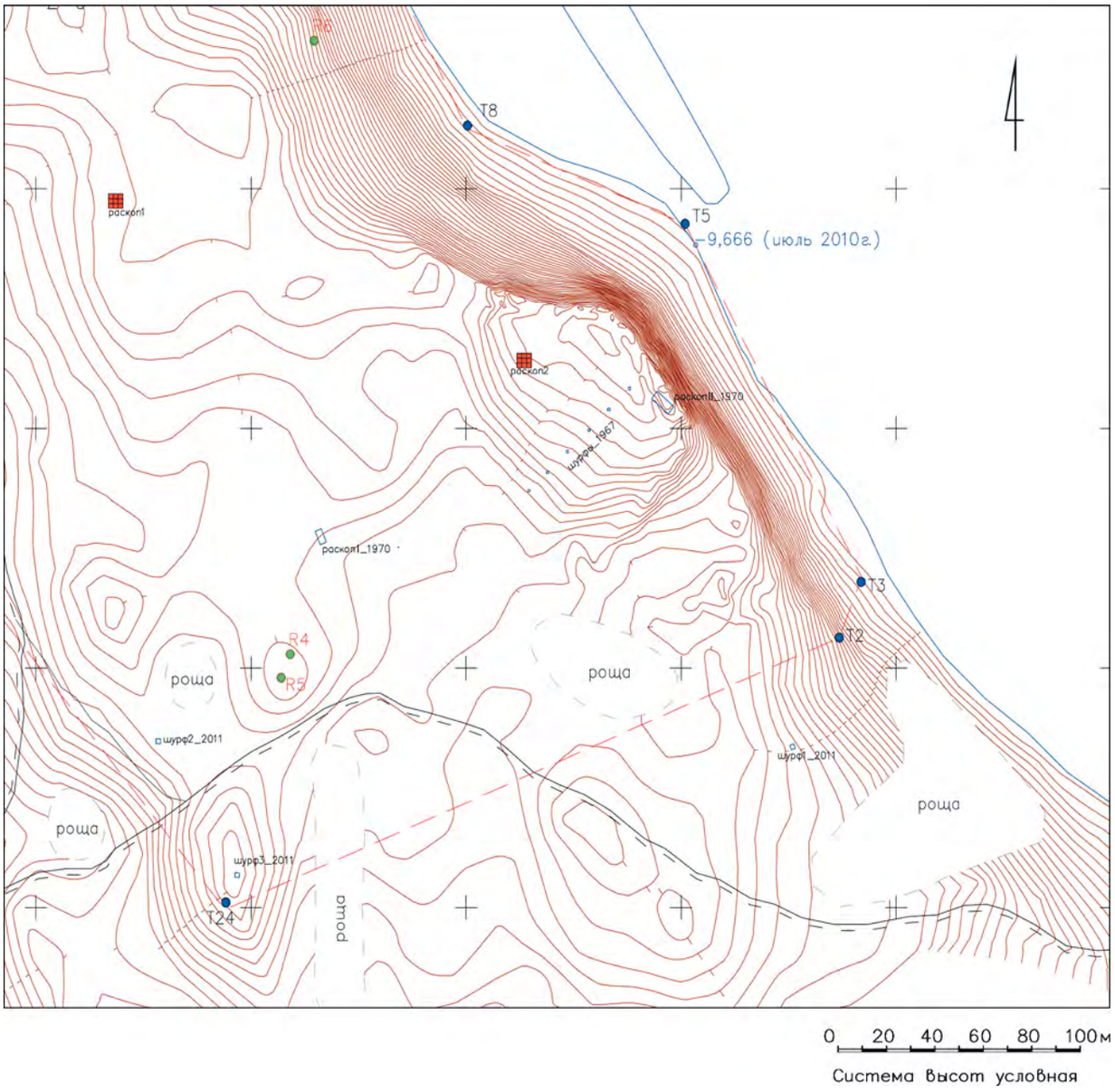


Рис. 142. Городище и селище Усвяты (Юрьевы Горы). Усвятский р-н Псковской обл. Древнерусский город Усвят. Съемка июль 2010, ноябрь 2011 г. Горизонтали проведены через 0,25 м. Система координат условная. Схема расположения раскопов 2011/2013 гг.

видимому, близких смоленским. Далее на север по Ловати длинные курганы не заходят. С другой стороны, комплекс на Ильинской Луке предстает как самый южный из известных сейчас памятников северного варианта культуры сопок (с «классической» ладожской керамикой). От Холма на юго-восток начиналась обширная зона культурных контактов между Северной Русью и кривичским миром Верхнего Подвинья.

Окрестности города представляют своеобразный природный район, известный в региональной географии как Холмская котловина. Это плоская озерно-ледниковая равнина с отдельными грядами конечной морены. На значительных площадях четвертичные отложения на поверхности представлены размытой мореной, перекрытой тонкими озерно-ледниковыми песками и супесями. Условия для раннего земледелия здесь несколько удобнее по сравнению со средней Ловатью с ее глинистыми коренными берегами.[15] В ряде мест под Холмом по Ловати и ее притокам (Кунье, Бол. и Мал.Тудеру) распространены сухие береговые плато с легкими супесчаными и легкосуглинистыми почвами. Именно к таким

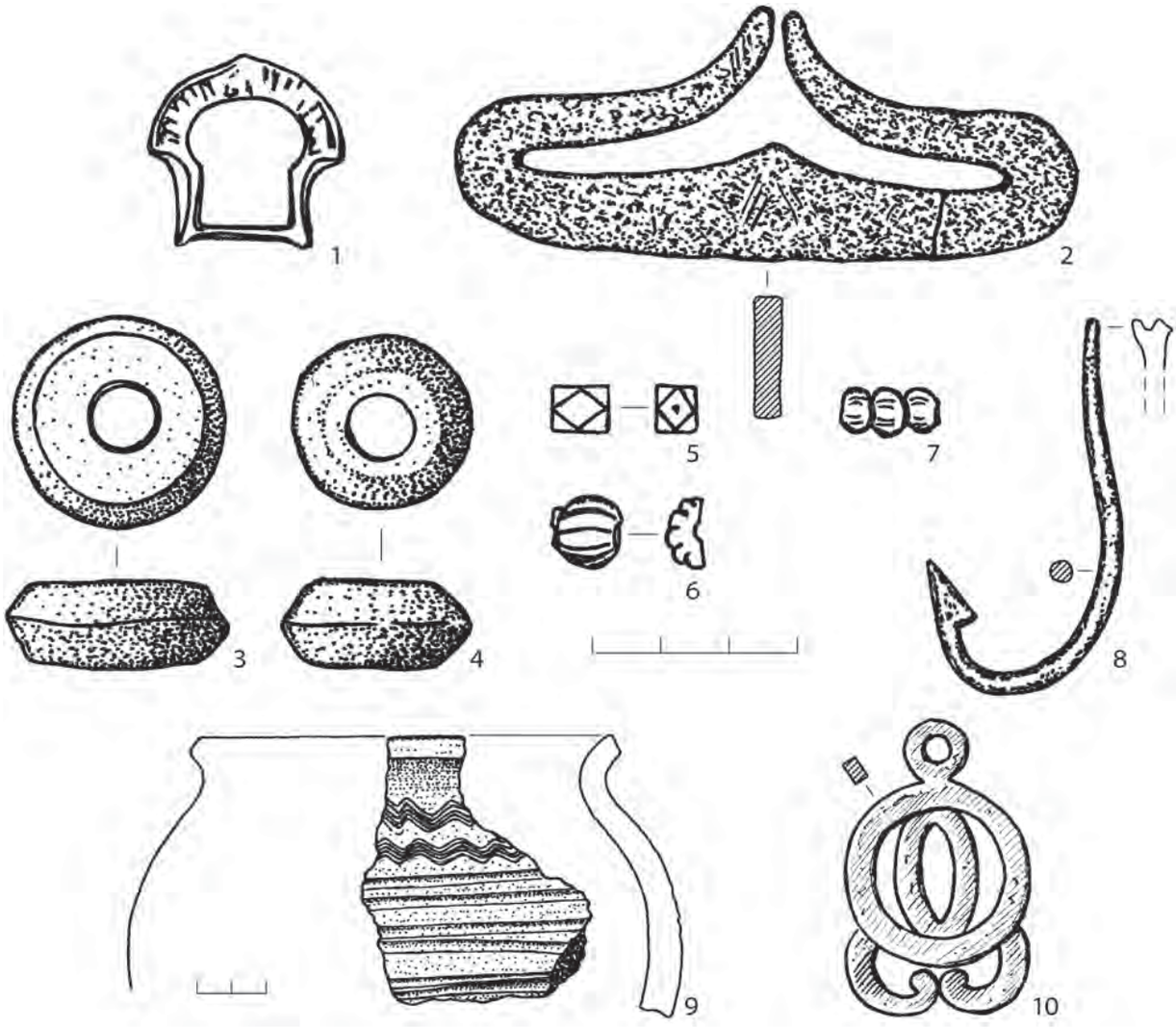


Рис. 143. Находки в ур. Юрьевы Горы. 1–9 – сборы В. И. Михайлова (коллекция ОАВЕС, ГЭ) (1–8) и фрагмент сосуда из Усвятского краеведческого музея (9); 1, 10 – сплав меди; 2, 8 – железо; 3, 4, 9 – глина; 5 – сердолик; 6 – голубое стекло; 7 – темно-синее стекло. 10 – бронзовое звено цепи хороса (?). Случайная находка из фондов Усвятского краеведческого музея (по Г. В. Штыхову)

береговым плато приурочены могильники с длинными курганами в Стрежено и Бабынино, а также группы сопок в Борисово и Осиновке. Вероятно, эта сравнительно благоприятная природная обстановка влекла сюда в раннем средневековье разнородное население.

Кроме того, будучи расположены на развилке речных путей на новгородско-смоленском пограничье, окрестности Холма как будто благоприятствовали торговле. Погребение зажиточного мужчины с богатым поясным набором, надо полагать, отражает формирование здесь в XI в. местной военно-торговой элиты. Но все же древности Холма не могут не разочаровывать исследователя, рассчитывающего отыскать здесь один из перевалочных пунктов Пути из варяг в греки. Конечно, и здесь есть яркие памятники, конечно, будут новые находки. Но ничего похожего на древности Витебска, Усвята, Торопца или Городка на Ловати мы здесь, видимо, уже не отыщем.

Такое положение дел свидетельствует о второстепенном характере пути по Ловати от Лук к Новгороду. Принимая это положение, мы тем самым неизбежно приходим к выводу, что в геополитическом отношении Усвят в первую очередь был важен вовсе не как город, стоявший на волоке с Усвячи в область истоков Ловати. Гораздо важнее (по крайней мере до XIV в.) были сухопутные дороги, ведшие от Усвята на северо-

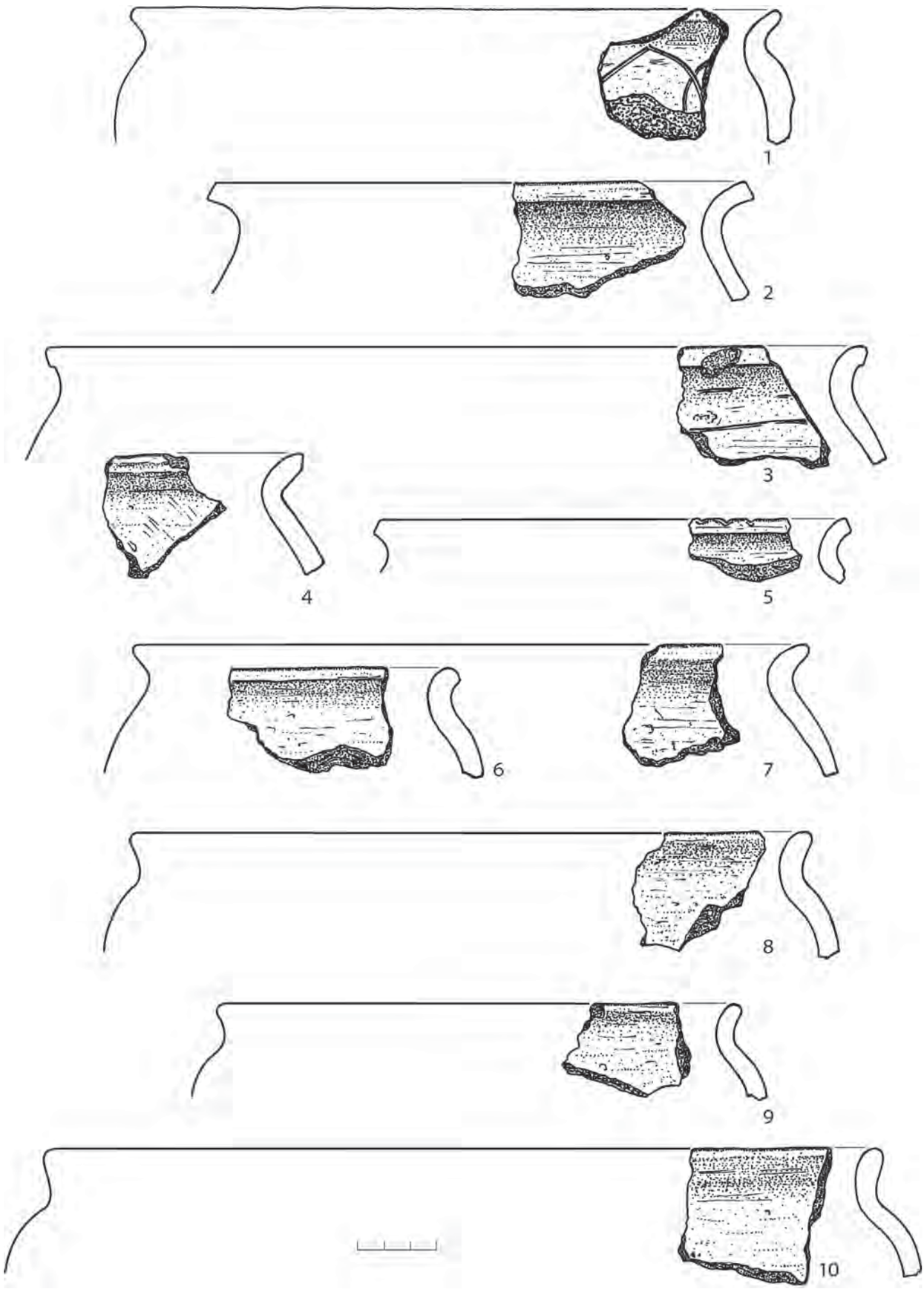


Рис. 144. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. Раннегончарная (1) и гончарная (2–10) керамика из сборов В. А. Булкина и В. Н. Седых 1993 г.

восток, минуя Луки. Кроме того, создается впечатление, что из Лук в Новгород часто ходили не через Холм, а через Торопец. Но пришла пора снова вернуться к теме Усвята и выходивших из него в старину дорог.

Рассмотрим их по порядку по ходу часовой стрелки, приняв сам город за ее ось. От этого правила мы отступим лишь один раз, когда для полноты картины нам понадобится описание дороги от Велижа к Лукам через верховья рек Усвячи и Куньи (она не проходила через Усвят).

2.1.2.3. Дорога от Усвята на озеро Сенница с развилкой на Невель и Луки

Итак, в сторону Новгорода из Усвята шли три магистральные дороги: через озеро Сенницу на Луки, вдоль озера Ужанское на Луки и вдоль реки Усвячи на Луки, Холм и Торопец. Начнем с самой западной из них. Эта дорога на отрезке Усвят–Сенница с перевозом через Ловать известна по письменным источникам первой половины XVI в. Московско-литовские войны и постоянные споры о границах этого времени породили множество мелких пограничных земельных неурядиц между «порубежными державцами». Разбор одной из них содержит Судовой лист витебского воеводы М. В. Клочки, датирующийся декабрем 1538 г., где читаем:

> «Лечъ што ся дотычеть | чоторех || чотырехъ пол всих, которыи суть под домы вашыми, и двухъ нивъ, ко|торыи в нашомъ **ѡ**строве на имя Ѡлексанъдровъское, а другое нивы, | **што вышеи перевоза на Ловити**, в то ся мы якъ на **ѡ**нъ часъ в тыи чоты|ры поля и две нивы вашихъ ничымъ ся не втуповали, такъ и тепер ся | не въступуемъ, бо то естъ ваша **ѡ**тчызна. А через тыи чотыры поля, | которыи **ѡ**тъ домовъ вышыхъ по водотечу, которая въшла в озеро | Сесето, а с тое водотечы через поле сухомъ межею въправо въ дру|гии ручаи, которыи втек в реку Ловоть. И кромъ тых двух нивъ, в тот **ѡ**стровъ нашъ, которыи по левои руце **великое дороги, которая идет | ѡтъ Сеницы до Ловити**, а через тую дорогу жадного вступу не маеть, | бо ѡтъчызна и дедина ваша. В Рынъдиничъ, селе входы и земли ваши | **поѡбапол реки Ловоти, по другои стороне тое ж великое дороги, полеве, едучы | съ Сеницы ко Всвяту**...» (Судебная книга 2008: 165–166).

Озеро Сенница, берега которого были заселены в средневековье очень густо, само по себе являлось важным перекрестком коммуникаций. Отсюда «великая дорога» шла в XVI–XVII вв. на Невель. По источникам первой половины XVII в. известно и другое ее название – «большая усвятская дорога» (Волков 2004). Время ее прокладки пока не очень понятно. Возможно, она возникла уже в позднем средневековье, т. е. относится к вышеупомянутым «новым дорогам».

Гораздо очевиднее глубокая древность пути, шедшего в средневековье от Сенницы на север в сторону Великих Лук. Развилка этого пути с «большой усвятской дорогой» находилась, надо полагать, близ большого курганного могильника на северном берегу озера Сенница. Эта развилка и путь на Луки маркированы самой конфигурацией курганного некрополя, вытянувшегося на несколько километров вдоль лесной дороги от северного берега озера (курганные группы Фролы и Девичьи Горы). Некрополь, состоящий из нескольких групп, в составе которого имеются большие «сопковидные» курганы, является своего рода «парадным въездом» с севера в Сенницкий археологический микрорегион. Раскопки в могильнике дали материал VIII–X вв. Это говорит о том, что дорога на север от Сенницы возникла не позднее X в. Не вызывает сомнений и конечный пункт этой лесной дороги – большое скопление поселений VIII–X вв. на Ловати в районе Борисоглебска. Там мы видим аналогичный «парадный въезд» в виде цепочки лесных могильников, вытянутых в южном направлении, в сторону Сенницы. От Борисоглебска вдоль Ловати шел путь в Луки.

2.1.2.4. Дорога от Усвята вдоль озера Ужанское (река Ужица) на реку Комлю и далее на Луки

Этот путь описан в дневниках похода Стефана Батория 1580 г. В дальнейшем, цитируя дневники второго похода Батория по переводам О. Н. Милевского, мы параллельно будем обращаться к польским текстам, изданным в Кракове в 1887 г. Необходимость этого связана с неточной передачей в публикациях О. Н. Милевского топонимической номенклатуры, что может привести к грубым ошибкам. Итак, один из участников похода, Ян Зборовский, сообщает:

Текст по краковскому изд. 1887 г.	Перевод О. Н. Милевского по изд. 2005 г.
«*Die 21 Augusti.* Tum porządkiem jako się wyżej pisało, ruszyliśmy się z Królem JMścią. Uciągnąwszy dwie mile położyliśmy się w szczyrum boru, gdzie nietylko trawy ale i biednego wrzosu mało. Przyjdzie nam jeszcze przynajmniej dwa dni tym borem ciągnąć. Byłaż droga żyźniejsza, jedno żeby mostów wiele naprawować a k'temu że dalsza. Folgując Król JMść czasowi, który się i tak skrócił, tą wolał iść. Dziś też dopiero działa z wody wyjmują. <…> My też już jutro pola z tych borów podobno dojdziem, najdalej 27 Augusta, jeźliż nie rychlej, pod Łukami będziem. <…> *Die 22 Augusti.* Leżeliśmy w boru u **Komli**[16] rzeki mil 3. *Die 23 Augusti.* Leżeliśmy u jeziora **Dołże**[17] mil cztery. <…> *Die 24 Augusti.* Król JMść na temże miejscu został a Ich M. PP. Litewscy ruszyli się. Król JMść jutro za nimi. U **Koptia monasteru,**[18] dwie mil nasze od Wielkich Łuków, ściągniem się wszyscy i pan Kanclerz» (Acta historica 1887: 193–196)	«*Die 21 Augusti.* Мы с королем двинулись (из Усвята к Великим Лукам. – *И. Е.*) в вышеупомянутом порядке. Пройдя две мили, мы расположились в густом бору, где мало не только травы, но и тощего вереска. Нам придется идти этим бором по крайней мере два дня. **Другая дорога была лучше, но только надо было бы наводить много мостов, к тому же она длиннее.** Король предпочел идти этою дорогою, так как не желал терять времени, которого и так уже было мало. **Только сегодня вытаскивают из воды пушки.** <…> Завтра, должно быть, мы выберемся из этого бора в поле и будем под Луками не позже 27 августа <…>. *Die 22 Augusti.*Мы расположились в трех милях в бору, у реки **Комли**. *Die 23 Augusti.* Мы стали лагерем в четырех милях у озера **Долеца (Dolze)**. <…> *Die 24 Augusti.* Король остался на том же месте, а господа литовцы пошли вперед. Король последует за ними завтра. У **Коптева монастыря**, в трех наших милях от Великих Лук, мы все соединились с канцлером» (Осада Пскова 2005: 139–142)

Из приведенного отрывка можно понять, что Стефан Баторий, форсировав в нижнем течении реку Ужицу (у д. Прудищи?), двигался ее правым берегом вдоль болота Волочинский мох (рис. 119–121). Только в Ужицу артиллеристы Батория и могли ввести суда с пушками. Далее войско шло по правому берегу Ловати, форсируя ее правый приток – Комлю. О времени появления этой дороги трудно говорить определенно: область реки Комли очень слабо насыщена археологическими памятниками. Причина этого мельком описана в дневнике Яна Зборовского – господство на этой территории бесплодных песчаных боровых ландшафтов, неудобных для ведения земледельческого хозяйства. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что эта дорожная магистраль использовалась не очень активно.

Если говорить об археологических свидетельствах существования этой дороги в более раннее время, то от Усвята данное направление маркируется цепочкой памятников вдоль р. Ужицы, самым известным из которых является селище и могильник Узмень (второй–третьей четверти I тыс. н. э.) с расположенным тут же курганным могильником Гуковы Нивы (VIII–X вв.). Ранние материалы поселения Узмень подробно опубликованы (Лопатин, Фурасьев 2007). Немногочисленные поздние материалы из Гуковых Нив представлены в данной работе (рис. 93–95).

Примечательно, что Зборовский говорит только о двух дорогах из Усвята в Луки, пригодных для перемещения войск. Первым, неиспользованным, путем, скорее всего, является вышеописанная «великая дорога» через озеро Сенница, упомянутая в источниках под 1538 г. Второй путь вел через Комлю. В московских военных документах, составленных во время похода Батория, фигурирует «Усвятская» дорога. Какой же из двух путей носил это название? Уверенно я ответить на этот вопрос пока не могу. Можно поделиться лишь некоторыми наблюдениями.

Приведем фрагмент грамоты из Разрядного приказа, посланной воеводе князю В. Д. Хилкову в Луки 28 июля 1580 г.:

> «От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии на Луки Великие воеводам нашим князю Василью Дмитриевичю Хилкову с товарищи. <…> …по нашеи грамоте велено вам послать с тотары голов в заставы, где пригоже, и ты по нашеи грамоте голов с тотары по заставам поставил по Усвяцкои и по Озерищенское и по Невельскои и по Заволотцкои дороге» (Документы 1998: 210).

Дороги, ведущие из Лук в Полоцкий повет, перечислены здесь в порядке с востока на запад. Заставы на дороги В. Д. Хилковым были действительно посланы за 20 и за 30 верст от Лук, о чем он и отрапортовал по начальству в одном из донесений (Документы 1998: 232). Однако первая стычка с войском Батория, о которой узнал Иван Грозный, была произведена не татарами В. Д. Хилкова, а разъездом детей боярских, посланных из Лук князем Федором Лыко. Грамота В. Д. Хилкову из Разрядного приказа, писанная 29 августа 1580 г., гласит:

> «…а к ним писал с Лук князь Федор Лыков с товарыщи, посылал оне с Лук под литовские люди, и дети боярские встретили Литовских людеи от Лук за семь верст у Николы в Копуях, и литовские люди детеи боярских гоняли, а вы того и не ведаете, и к нам о том не пишете…» (Документы 1998: 228).

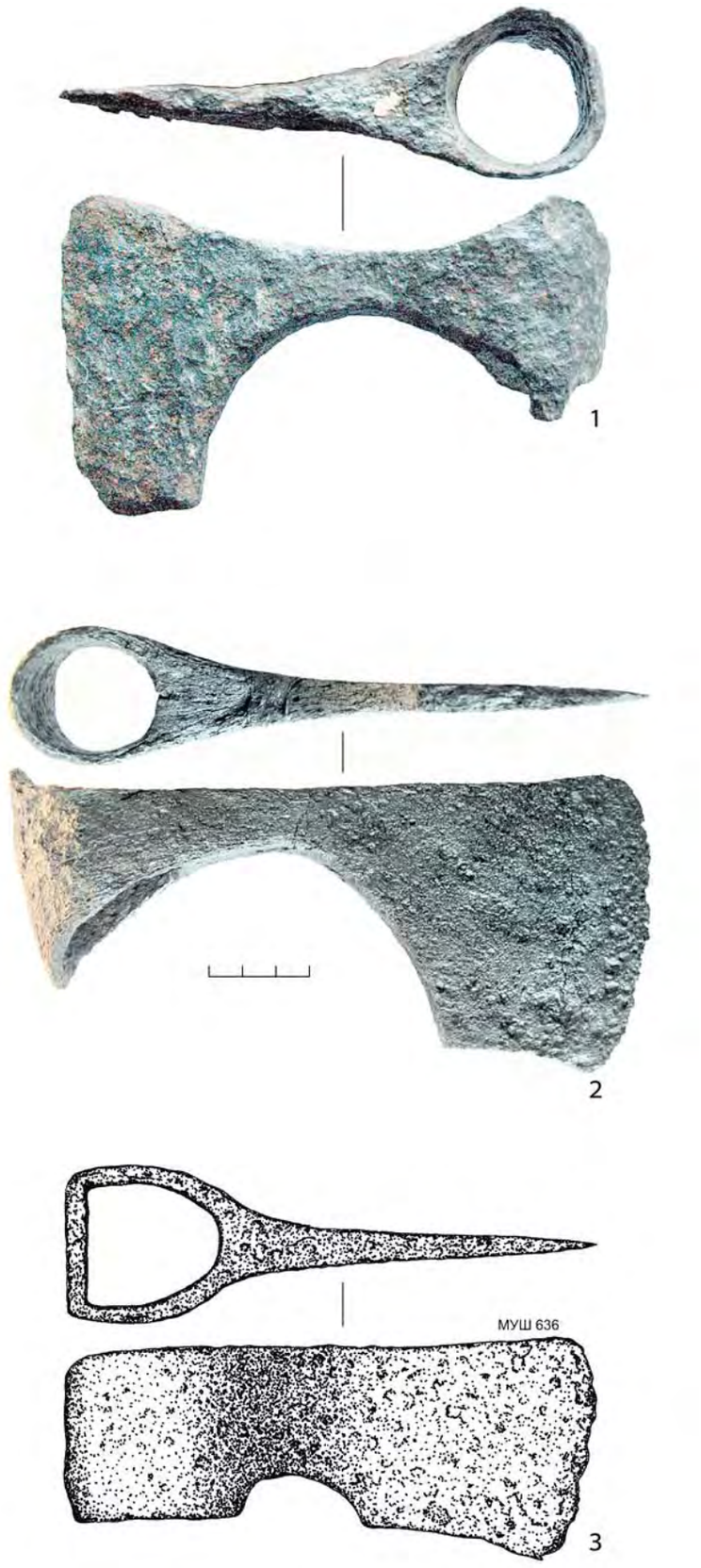


Рис. 145. Усвяты. Топоры. Случайные находки. 1, 2 – ур. Юрьевы Горы; 3 – пос. Усвяты. Фотография № 2 предоставлена находчиком

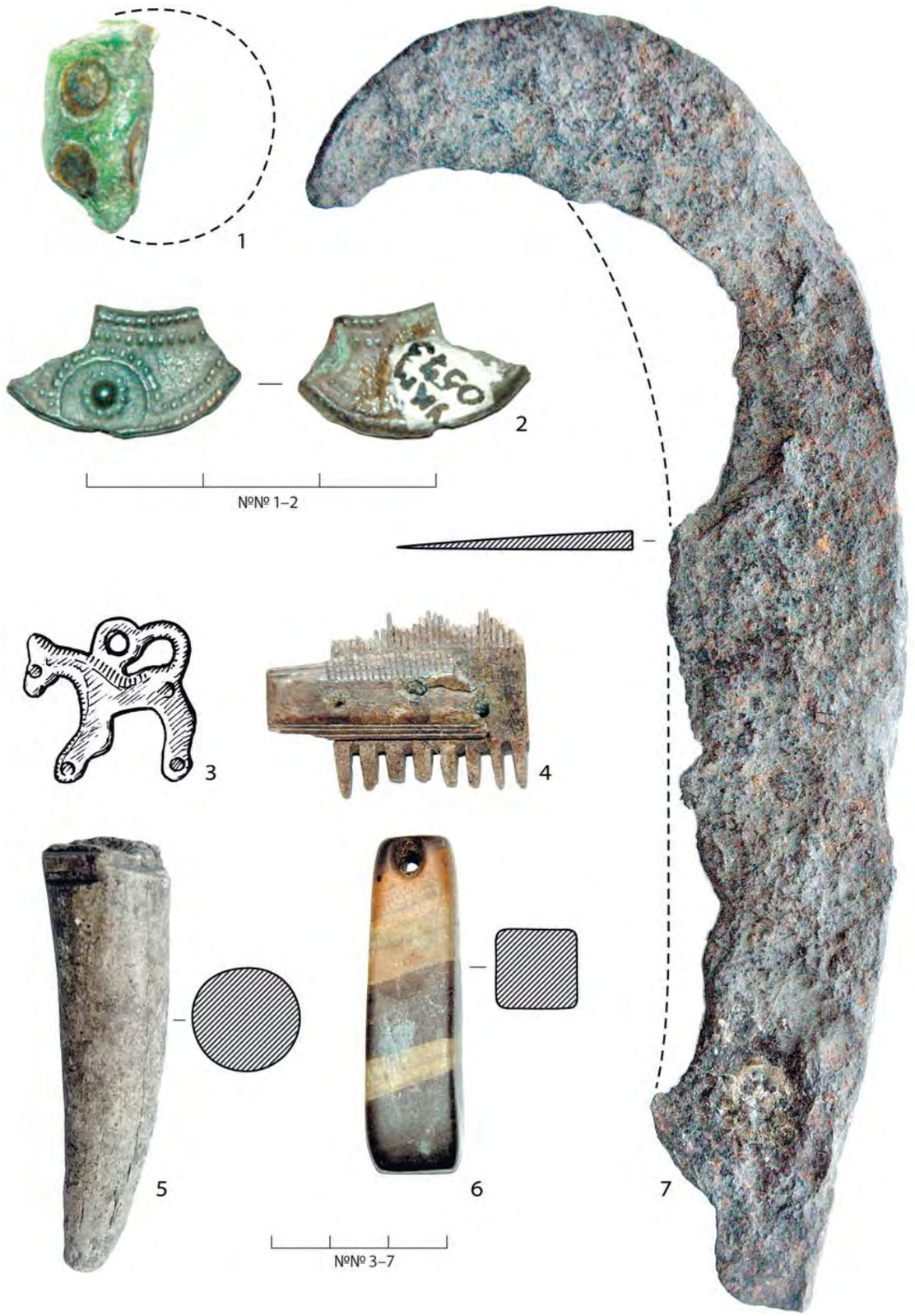


Рис. 146. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Случайные находки. 1 – стекло; 2 – оловянистый сплав; 3 – бронза; 4, 5 – кость; 6 – камень; 7 – железо. Подвеска-конек, по Г. В. Штыхову (Штыхов 1978). Усвятский краеведческий музей

Столкновение детей боярских с литовцами произошло по крайней мере на 14 верст севернее того района, который патрулировали (если и в самом деле патрулировали) разъезды В. Д. Хилкова. Данное обстоятельство наводит на мысль, что эти заставы, выставленные за 20–30 верст от Лук, стояли на второй дороге – той, что выводила в район Сенницы. Войско Батория просто обошло их, пройдя по параллельному пути. Таким образом, получается, что в XVI в. именно дорога через Сенницу звалась в Луках и Москве «Усвятской дорогой», т.е., надо полагать, была более торной и чаще использовалась при сообщении между Луками и Усвятом. Об этом свидетельствует оплошность князя Хилкова. Разумеется, это предположение надо в дальнейшем проверять.

2.1.2.5. Дорога от Усвята вдоль реки Усвячи на реку Кунья и далее на Луки с развилкой на Холм и на Жижеч (Торопец)

Существование этой дороги, разветвлявшейся где-то в районе летописного Клина на три пути: на Луки, Холм и на Торопец, – следует из сопоставления летописных сведений и данных археологии. На основании летописных сообщений 1223, 1225/1226 и 1246 гг. можно предположить, что передвижения литовских военных отрядов и их преследователей в районе Усвята осуществлялись по двум направлениям.

Во-первых, отряды двигались по линии Витебск–Усвят–Жижеч–Торопец. В летописях говорится о перемещениях литовских и русских дружин из Торопецкой округи в Усвят (1223 г., 1226 г.); из Торопца в Жижеч (1246 г.), из Витебска в Усвят (1246 г.). Сведения о трех вышеупомянутых походах дополняются статьей 1234 г. об отступлении Литвы от Русы «на Клин». Погост Клин расположен между Холмом, Жижечем и Усвятом (Янин 1998: рис. 3).

Во-вторых, литовские и новгородские войска перемещались по линии Витебск–Усвят–Новгород. Это направление «замыкают» маршруты поездок переяславльского князя Ярослава из Усвята в Новгород в 1226 г. и его сына Александра из Витебска в Усвят в 1246 г. Как пролег путь последнего после того, как он с сыном миновал Усвят, мы не знаем. Насчет пути Ярослава Всеволодовича можно высказать некоторые соображения. По вышеприведенным сведениям Тверской летописи, он отправился в Новгород сразу же после разгрома Литвы на Усвятском озере, т. е., по-видимому, напрямик – не заезжая в Жижеч и Торопец. Еще более определенно на быстроту отъезда Ярослава обращает внимание Московский летописный свод 1479 г.:

> «Тое же зимы Литва воеваша около Новагорода и около Торопча и около Смоленска и до Полотска, бѣ бо рать их велика, 7 их тысящь, и гости побиша. Слышав же то князь Ярославъ Всеволодичь и сжаливси зѣло о христьянех, и поиде ис Переяславля, придоша же к нему и Новоторжьци и Торопчане и Новогородцевъ мало, и постигоша Литву у Вьсвята. Литва же видѣвше исполчишася противу имъ на озерѣ. Князь же Ярославъ поиде противу имъ, и съступившемся имъ побѣгоша окааннии; князь же Ярославъ погна по них и полонъ весь отъя, а самих изби и изнима 2000 и князя ихъ ят. И бысть радость велика по землямъ темъ, свободи бо их от поганых. Убиша же ту Литва Торопечьскаго князя Давыда и Василья, меченошу Ярославля. **Князь же Ярославъ с погони тое иде в Новгород** и сѣде на столѣ, бѣху бо прежде того приходили по него Новогородци, зовуще его къ собѣ княжити. Побѣди же Литву в недѣлю сыропустную» (ПСРЛ, т. XXV. 2004: 122).

К востоку от Усвята между рекой Усвячей и излучиной Западной Двины располагается огромный слабозаселенный лесисто-болотный массив. Несмотря на известные здесь единичные курганы и даже курганные группы, существование на этой территории устойчивой системы дорог в древнерусское время довольно сомнительно. Из Усвята в Торопец удобнее всего было попасть, обойдя этот массив с севера через область правобережья реки Куньи, правого притока Ловати.

Кунья, сближаясь верховьями с Усвячей, принимает группу правых притоков, которые в свою очередь сближаются с верхним течением Западной Двины и Торопы. Неудивительно поэтому, что из 12 вариантов расположения «волоков» на Двинско-Ловатском водоразделе, собранных в трудах различных авторов С. В. Бернштейн-Коганом, четыре сопряжены с бассейном Куньи (Бернштейн-Коган 1950: 253).

Кунья – небольшая река. Длина ее составляет около 170 км. Она пригодна для сплава

(т. е. была таковой в XIX в.) на участке длиной около 85 км от устья – примерно от района впадения в нее реки Добша северо-западнее Торопца. Здесь, в пределах бывшего Холмского уезда, ширина Куньи достигает размеров от 20 до 80 м, глубина до 5 м. Земли бассейна этой реки, лежащие к югу от устья Добши, следует рассматривать как волок.

Основным его элементом был путь с Усвячи на Кунью через озеро Ордосно, на возможность которого указывал еще С. М. Середонин (Середонин 1916: 228). Путь этот, как выяснилось, очень древний – он возник еще в позднеримское время в ходе продвижения групп раннеславянского населения в котловину озера Ильмень. Материалы относящегося к этому периоду селища Каменная Лава, раскопанного Р. С. Минасяном, полностью опубликованы Н. В. Лопатиным и А. Г. Фурасьевым.

В IX–X вв. путь на Кунью из Усвята маркирован Глазуновским кладом дирхемов и крупными группами сопок на волоке из Усвячи в Кунью (Еремеев, Дзюба 2010: 513–514). Последнее говорит о том, что в раннем средневековье на этом волоке сидело население, связанное своей культурой с Северной Русью. Одно-два столетие спустя на самой Кунье можно видеть скопление поселений и могильников древнерусского времени, наиболее известные из которых – исследованные в начале XX в. В. Н. Глазовым, а в 1960-е гг. – экспедицией Эрмитажа могильники Дохино и Кузнецово (рис. 96–105).

На этих малоизвестных памятниках нужно остановиться несколько подробнее. Крупные (в несколько десятков насыпей) древнерусские могильники, состоящие из полусферических курганов, в бассейне Ловати представляют редкость. Расположение двух таких могильников рядом говорит о необычном скоплении здесь населения в XI–XII вв. (рис. 91). Нужно также обратить внимание на две особенности куньинских курганов. Во-первых, это сравнительное богатство погребального инвентаря, среди которого представлено оружие североевропейского типа (ланцетовидное копье) (рис. 99: 1) и разнообразные бусы, в том числе дорогие – стеклянные полихромные и сердоликовые (рис. 101). Во-вторых, обращает на себя внимание присутствие в курганах разнообразных каменных конструкций (обкладок и вымосток). Порой это весьма массивные и сложные сооружения (рис. 104, 105). По-видимому, последнее обстоятельство говорит о том, что куньинские курганы оставлены потомками населения, возводившего сопки с их каменными архитектурными композициями, т. е. населения, в культурном отношении тяготевшего к Северной Руси.

Из области Кузнецово–Дохино открывались пути: на запад – к Лукам, на восток – к Жижечу и на север – в район Холма и далее в Новгород. По всей видимости, именно так – через Холм – и пролег триумфальный путь Ярослава в Новгород в Великий пост 1226 г.

К этой эпохе принадлежит классический новгородский жальник, раскопанный А. М. Микляевым на острове Горный в озере Ордосно (рис. 106, 107). Памятник представляет некоторую загадку, ответить на которую, думается, можно, именно рассматривая его в контексте одного из усвятских «волоков».

В уже цитировавшемся выше описании границ Усвятского старостваа 1623 г. рубеж по озеру Ордосно описывается следующим образом:

> «…зъ Каменной лавы у Ордасно озеро, зъ Ордасна озера на островъ Магилевецъ, зъ острова Магилевца на Липовый островъ, зъ Липового острова на Дубовый рогъ, зъ Дубового рога на островъ Гастулю, зъ острова Гастулиного на Горный островъ, зъ Горного острова на Скацинный рогъ, зъ Кацинного рога на камень, на томъ камени литеры кладены рускіе и польскіе…» (АВК, т. XIII. 1886: 301).

На исключительно красочную топонимию северного рубежа Усвятского старостваа впервые обратил внимание Е. Р. Романов (Романов 1898: 168–169), а вслед за ним и А. М. Микляев. Именно его разведками на острове Горный и был обнаружен жальник (рис. 106). В 1988 г. здесь было вскрыто два обложенных камнями грунтовых погребения. В могиле № 1 обнаружены железная скоба и пронизка. Погребение № 2 дало богатый набор украшений. Здесь найдены ложновитой и решетчатый бронзовые перстни, витой трехпроволочный и витой четырехпроволочный петлеконечные браслеты, изготовленные из бронзовой проволоки (рис. 107). В погребении обнаружена также россыпь кольцевидных бус из бирюзового и желтого стекла. З. А. Львова, исходя

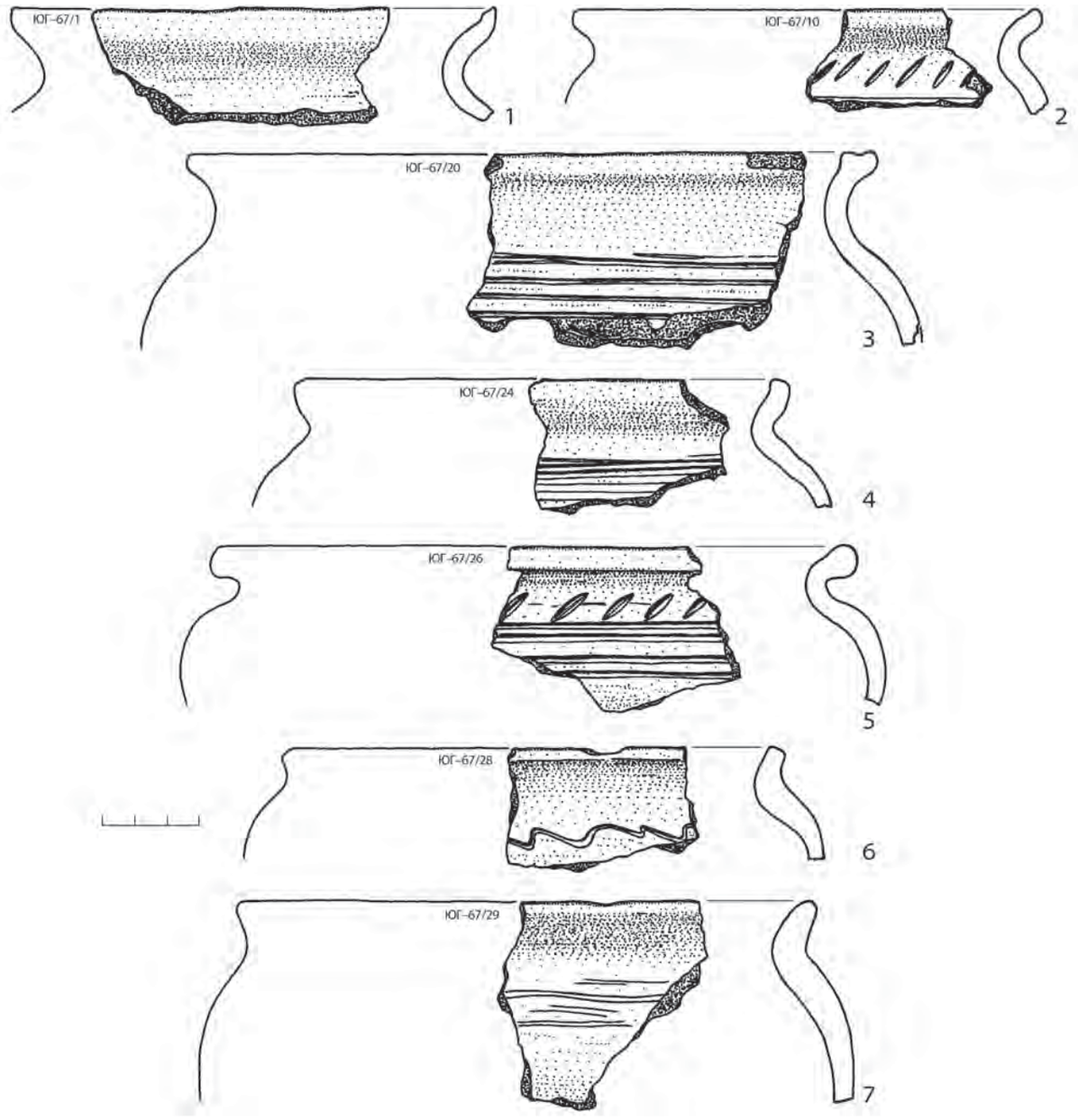


Рис. 147. Ур. Юрьевы Горы 1967 г. Гончарная керамика с городища.
1 – шурф 1, штык 2; 2 – шурф 2, штык 3; 3 – ?; 4–7 – шурф 3, штык 2

из материала (стекло, не заглушенное окисью меди и олова), формы и технологии изготовления (по отдельности путем навивки стеклянной массы на инструмент), датировала бусы временем не ранее XII в. (Микляев А-1988). Четырехпроволочные браслеты относятся по новгородской хронологии ко времени после 1197 г. (Лесман 1990: 41). Решетчатый перстень по находкам в древнерусских курганах может быть датирован XIII–XIV вв. (Арциховский 1930: 74–76, 141). К этому хронологическому интервалу и можно отнести погребение.

Крайне интересно само расположение древнерусского могильника на небольшом островке. Судя по тому, что соседний с Горным остров носил название *Магилевец*, на последнем также можно ожидать открытия погребений. Для Северо-Запада такая топография уникальна. Как известно, средневековые кладбища традиционно размещались в ключевых точках рельефа возле дорог, что в глазах окружающих и путников подчеркивало права потомков погребенных на землю, в которой они лежат. Почему в данном случае мы, напротив, видим как будто стремление изолировать покойников, поместив их в тесное и труднодоступное, окруженное водой урочище?[19] Быть может, острова вовсе не вос-

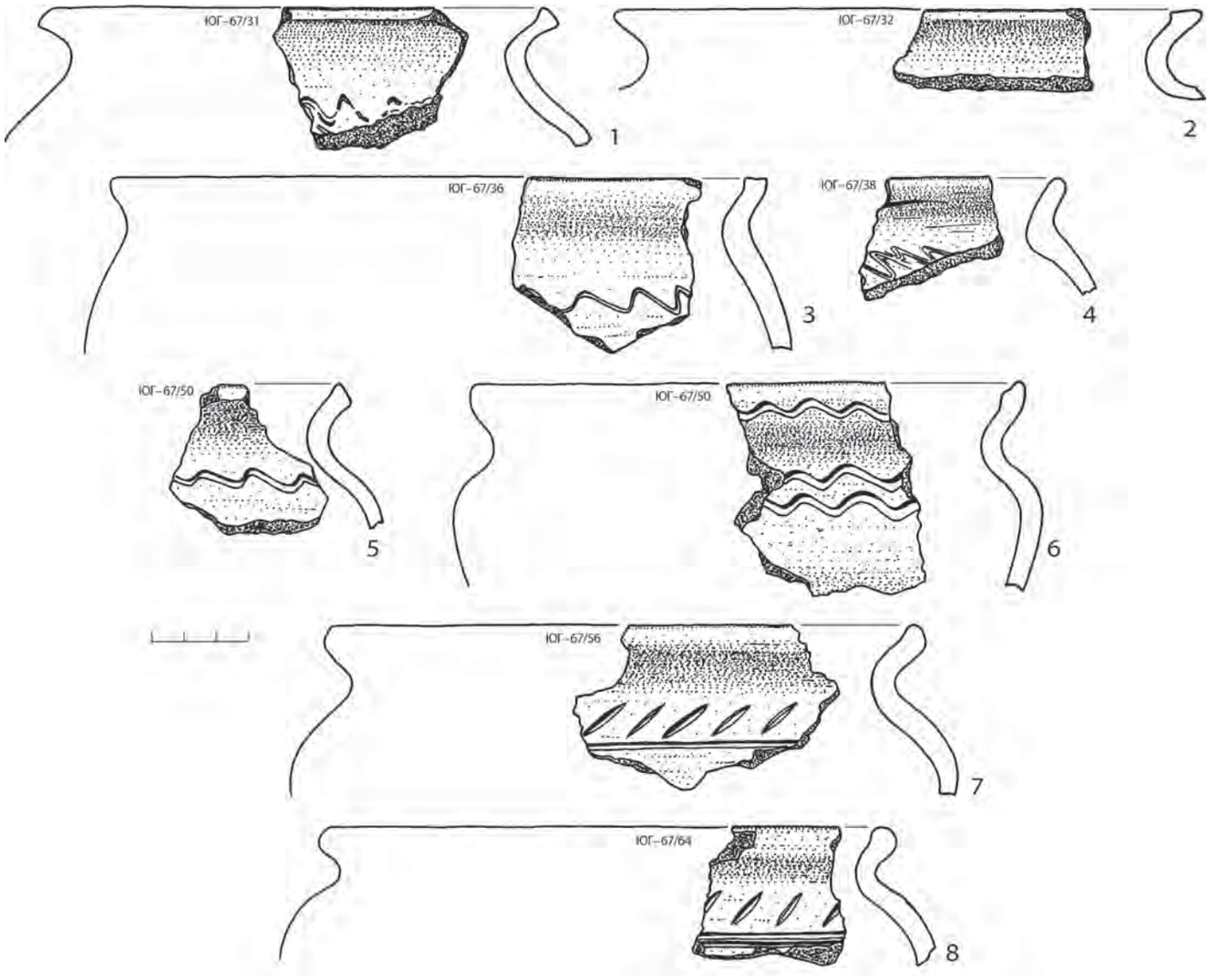


Рис. 148. Ур. Юрьевы Горы 1967 г. Гончарная керамика с городища.
1–4 – шурф 3, штык 2; 5, 6 – шурф 3, штык 3 (до материка); 7 – шурф 4, штык 3; 8 – шурф 4, штык 4

принимались так в средневековье? Думается, все встанет на свои места, если предположить, что островки лежали на пути древнего оживленного зимника, шедшего через озеро в направлении верховьев Куньи. Размещая таким образом свои могильники, обитатели берегов озера и демонстрировали древние права на все преимущества жителей «волока».

Для понимания места Усвята в системе древнерусских коммуникаций важна локализация летописного Клина, уже не раз упоминавшегося выше. Представляется, что вопрос совершенно решен Н. П. Барсовым еще полтораста лет назад. Он первый обратил внимание на погост Клин, расположенный на вершине Двинско-Ловатского водораздела между Луками и Жижечем (Барсов 1885: 25–26). Само поселение не исследовалось археологически, но неподалеку от Клина нами были проведены разведки и раскопки в 1996–1998 гг. на селище Хачево. Выяснилось, что этот участок водораздела был впервые заселен в VIII–IX вв., а со второй половины X в. можно говорить о прочном освоении района Клина населением культуры сопок (Еремеев, Дзюба 2010: 315–319).

В соответствии с предложенной Н. П. Барсовым локализацией Клина помещается на карте и упомянутая в том же сообщении Н1 6742/1234 г. Дубровна. Она отыскивается на Кунье севернее микрорегиона Дохино–Кузнецово. Вслед за Н. П. Барсовым здесь локализуют ее П. В. Голубовский, А. Н. Насонов (Насонов 2002: см. вклейку) и В. Л. Янин (Янин 1998: 76).

Заход в Жижеч литовцами, миновавшими Дубровну в 1234 г., явно не планировался

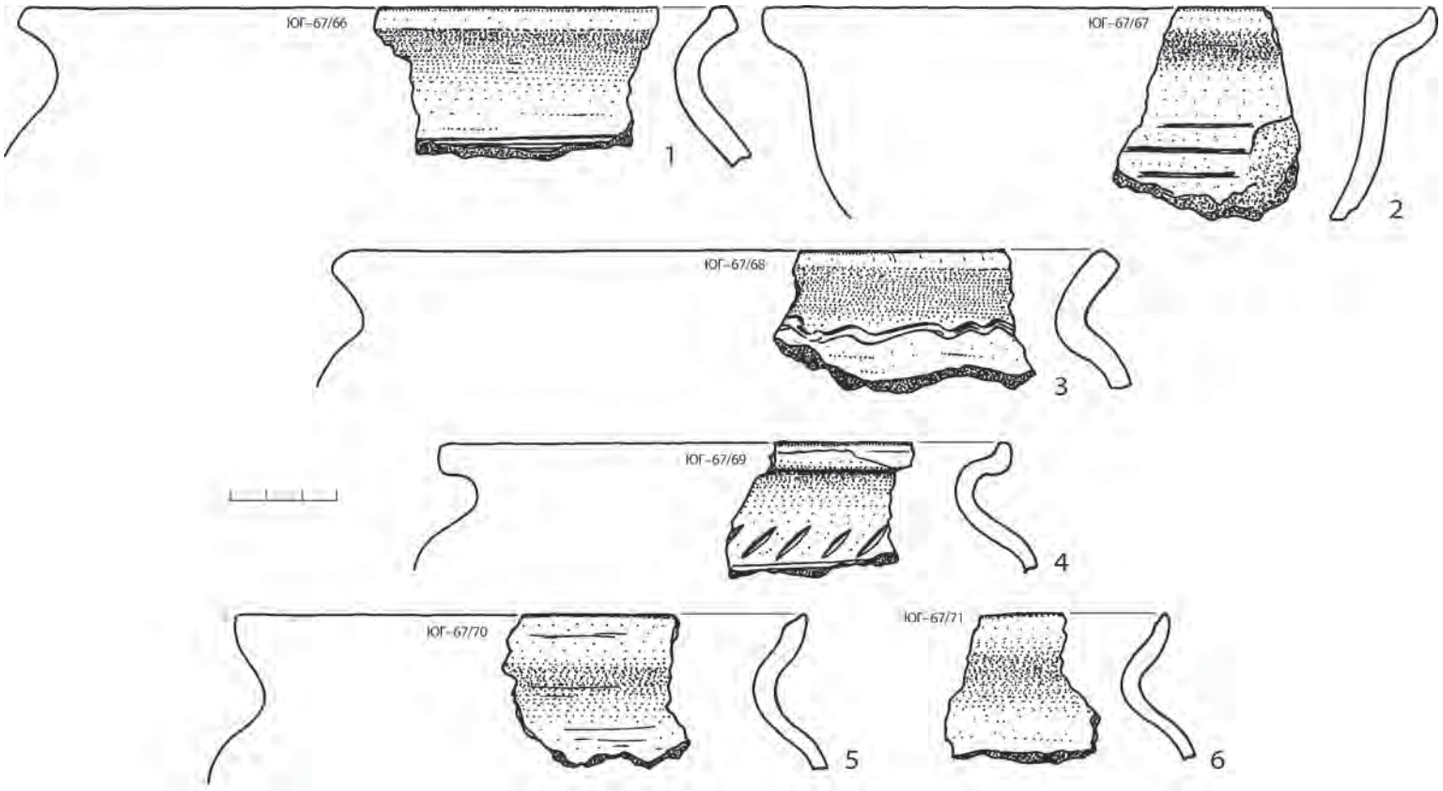


Рис. 149. Ур. Юрьевы Горы 1967 г. Гончарная керамика с городища. 1–6 – шурф 4, штык 4

(намерения литовцев новгородцы узнали, видимо, от пленных), иначе вместо Клина в летописи был бы упомянут именно он – безусловно, более крупный и известный населенный пункт. Не собирались литовцы заходить и в новгородские Луки, всегда готовые к вооруженному отпору. Суммируя все имеющиеся данные, надо думать, что отступление литвы «на Клин» предполагало дальнейшее движение по границе Торопецкой волости – в верховья Куньи в район Дохино–Кузнецово и далее через озеро Ордосно на Усвят.

Теперь попробуем обозначить пути, которыми литва в XIII столетии по обыкновению подходила к Усвяту, готовясь к набегу на Новгородские земли. Сведения о них мы можем почерпнуть только из источников, относящихся к более поздней эпохе.

2.1.2.6. Дорога от Усвята на Велиж

Этот путь под именем «Усвятская дорога» несколько раз упоминается в Книге рубежей Полоцкого повета 7079/1571 г. как пограничный ориентир в грамоте, данной московским писцам литовской стороной. Отметим несколько ориентиров, по которым этот путь восстанавливается достаточно уверенно:

> «А литовские послы рубежъ знаменили: от Витебскіе границы отъ Двины р. межъ Велижа и Сурожа отъ устья р. Кривки, гдѣ впала р. Кривка въ Двину р., тою р. Кривкою вверхъ до того мѣста, гдѣ та р. Кривка встала 10 вер.; а отъ того мѣста отъ верховья **р. Кривки** чорным лѣсомъ через **Усвятцкую дорогу** до Иванкова Кочаева селища направо 5 вер.; а промежъ Подховицъ и Иванкова Кочаева селища поперегъ промежъ рубежовъ 15 вер., а все лѣсъ чорной <…>
>
> … а промежъ рубежовъ Мелынского бору и рчк. Полонеи **селищо Дозды на Усвятцкой дорогѣ** отъ Велижа… <…> а угодья подъ темъ селищомъ рчк. Доздица… <…>
>
> … а отъ **оз. отъ Двята дорогою до Усвята** 7 вер.» (Писцовые книги 1877: 443–444).

Река Кривка, по мнению Н. Н. Оглоблина, – это современная река *Алешка*. Сельцо Дозды – деревня Дозды (Кивалы) при реке *Доздице* (совр. *Дяздице*), впадающей в оз. Удвят и далее в Усвячу.[20] «Усвятская дорога» на Велиж, таким образом, шла через самые гиблые места по заболоченным лесам вдоль болота Липовый мох. Казалось бы, дорога эта должна быть очень позд-

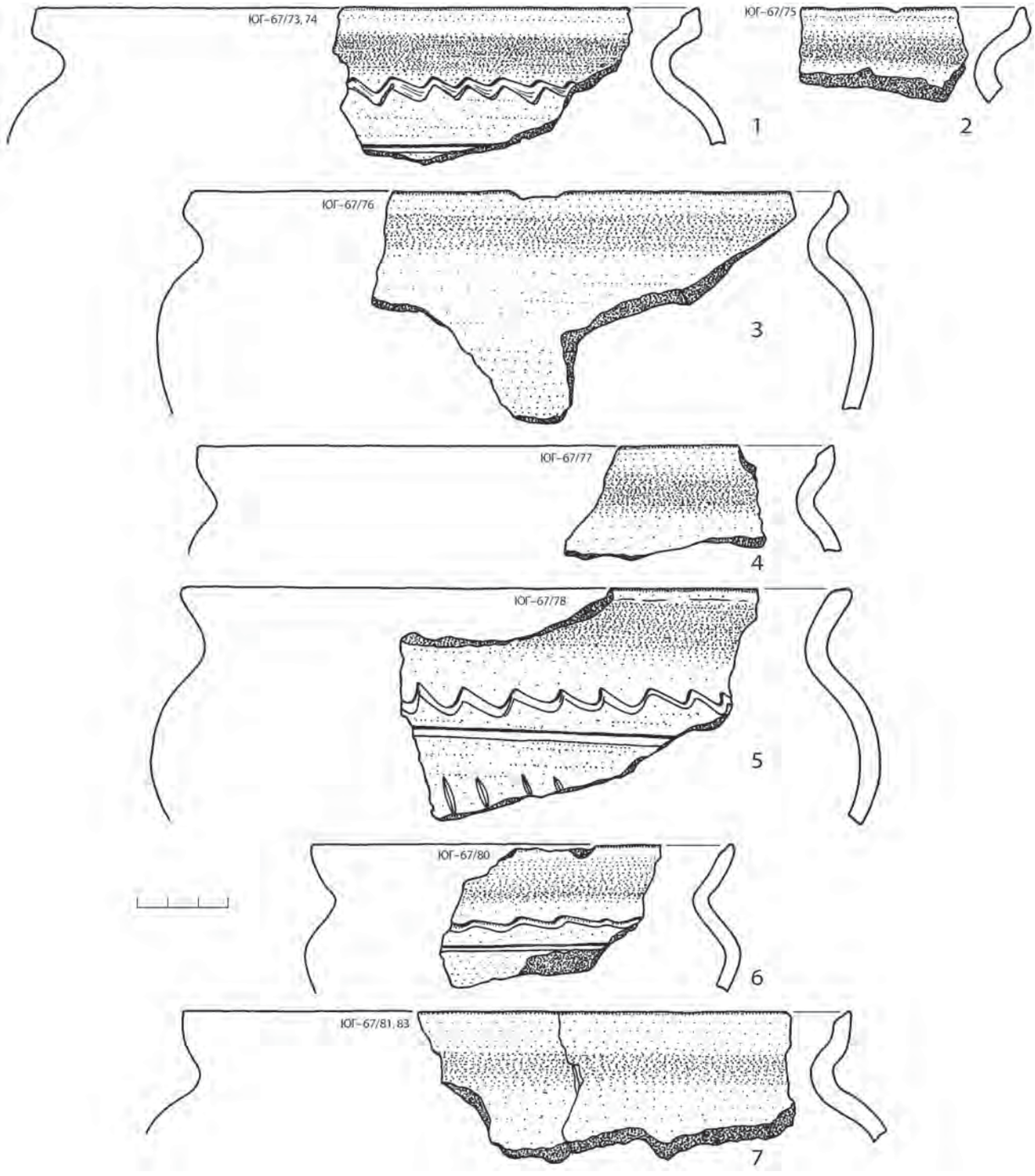


Рис. 150. Ур. Юрьевы Горы 1967 г. Гончарная керамика с городища. 1–7 – шурф 5, штык 3

ней, относясь в XVI в. к числу «новых дорог». Несмотря на это, мы обнаруживаем близ этой дороги, на оз. Удвят, могильник Щемиловка, давший богатое курганное трупосожжение второй половины X в. (рис. 418–422). Следующим пунктом по направлению к Велижу на той же дороге оказывается весьма приличный по размерам (11 насыпей) курганный могильник Михайленки (Еремеев 2003: 269).[21] Разумеется, близ могильников были и синхронные поселения. Можно довольно уверенно предположить таким образом, что дорога возникла не позднее X в.

2.1.2.7. Дорога от Усвята вдоль реки Усвячи на Сураж

Этот путь описан в дневниках участников похода Стефана Батория 1580 г. Ян Зборовский сообщает краковскому воеводе:

Текст по краковскому изд. 1887 г.	Перевод О. Н. Милевского по изд. 2005 г.
«*Die 10 Augusti.* Krótka radę miawszy, mnie się z ludźmi tymi, które mam pod sprawą swą, przez **Dźwinę** jednym mostem przeprawować kazał. Drugim mostem panu Gaboremu Bekieszowi z jazdą Węgierską i Karolowi Istwanowi ze wszystką piechotą Węgierską <…> *Die 12 Augusti.* Ruszył się Król JMość już tym porządkiem nad rzekę mil dwie. *Die 13 Augusti.* Takśże nad rzeką **Uświatą** mil dwie. *Die 14 Augusti.* <…> Król JMść leżał tamże przez ten dzień a mnie posłał z wojskiem mem. Gdziem całą ciemną noc bardzo ciągnął złą drogą. Położyłem się nad rzeką **Uświatą** we 4 mil tamem z rozkazania Króla JMści czekał, który dnia 15 Augusta za mną przyciągnął. Tegoż dnia Pan Trocki z wojskiem swym zamek **Uświat** moskiewski oblegał. Acz jako wczora pan Potocki z przednimi ludźmi w tę stronę jeziora pod zamkiem był, wszakże prawie wszystko wojsko Litewskie, tego się dnia prawie przeprawiło» (Acta historica 1887: 190–191)	«*Die 10 Augusti.* После непродолжительного совещания[22] король приказал мне с находящимися под моим начальством людьми переправиться через **Двину** по одному мосту; по другому переходил Габор Бекеш с венгерской конницей и Карл Истван со всей венгерской пехотой <…> *Die 12 Augusti.* Король прошел берегом реки две мили в сказанном порядке. *Die 13 Augusti.* Таким же образом прошли еще две мили берегом реки **Усвяты**. *Die 14 Augusti.* <…> В этот день король стоял на том же месте, а меня послал с моим отрядом. Я подвигался вперед в продолжение целой ночи в темноте по очень дурной дороге. Пройдя 4 мили, я стал лагерем на берегу **Усвяты** и дожидался, согласно приказанию, прибытия короля, который и подошел 15 августа. В этот день пан Троцкий осадил со своим войском русскую крепость **Усвя**т. Хотя еще вчера пан Потоцкий с передовым отрядом подошел к крепости с той стороны озера, однако переправилось в этот день едва ли не все литовское войско» (Осада Пскова 2005: 136)

Поскольку у Зборовского нигде не говорится о переправе через Усвячу, которая представляла значительное препятствие (особенно для артиллерии), становится понятно, что дорога шла по правому берегу реки, выводя путников к ур. Юрьевы Горы на юго-западном берегу Усвятского озера.

Еще одно свидетельство о той же дороге мы находим в дневниках усвятского старосты Яна Петра Сапеги. В апреле–мае 1611 г. знаменитый гетман проделал путь из Усвята в Смоленск, следуя вдоль Усвячи и затем Каспли. Это пока единственное средневековое свидетельство об использовании для путешествия пути Усвяча–Каспля целиком, которое нам удалось отыскать.

> «29[go] <Aprilis> wyjachał jmć z Uświata; ujachał milę jednę Uświaczą rzeką; nocował w Kurowiczach.
> 30[go] Aprilis ujachał jmć mil 7 Uświaczą rzeką; nocował przed Surażem w mili, u koleśnika.
> 1[go] Maii ujachał jmć mil 5, pominąwszy Suraż, puścił się Kasplą rzeką, stanął w Bojarszczyźnie, w Koszowicach Starych» (Дневник Яна Петра Сапеги 2012: 290).

Путь от Усвята до Смоленска, проделанный в повозке, занял у гетмана восемь дней. В Сураже дорога из Усвята разделялась на три пути. Помимо вышеописанного прямого пути на Смоленск вдоль Каспли, дорога отсюда шла на Витебск левым берегом Двины через Клемничи и Хацковичи. В источниках первой четверти XVII в. она носит название «дорога замковая великая» (АВК, т. XI. 1880: 93). Третий путь шел тем же берегом Западной Двины на Велиж (ею ходил на этот город Стефан Баторий).

2.1.2.8. Дорога от Велижа к Лукам через верховья рек Усвячи и Куньи

Этот путь, очень древний, позволял попасть из Смоленска в Луки и Холм, минуя Сураж и Усвят. Гейденштейн пишет об этой дороге и ее состоянии на 1580 г.:

> «Они шли по военной дороге, ведущей от Смоленска в Луки, держась в отношении к королю правого фланга; так как Московский царь по этой дороге обыкновенно также водил свои войска, которые, как выше было указано, всегда собирались в Луках, то на всем протяжении ее были устроены мосты из огромных и очень толстых бревен; тем не менее так как большая часть из этих мостов вследствие ветхости уже испортилась, то нужно было употребить не малый труд для их исправления» (Гейденштейн 1882: 124).

Ценные сведения о точной трассе этого пути содержат записки Луки Дзялынского, родственника канцлера Яна Замойского и командира одного из авангардных отрядов в его войске, обеспечивавшего правый фланг армии Стефана Батория в походе последнего на Великие Луки в 1580 г. Корпус Замойского, с которым двигался автор записок, не последовал за Баторием от Велижа к Усвяту, а отправился сразу на Великие Луки с тем, чтобы соединиться с войском короля на подступах к ним:

Текст по краковскому изд. 1887 г.	Перевод О. Н. Милевского по изд. 2005 г.
«*Die 11 Augusti.* Skoro dzień wsiedliśmy na konie i szliśmy aż do uroczyska w boru, które zową **Uswas**,[23] od Wieliża zamku cośmy go wzięli dwie mile. <…> Tegoż dnia wszystka piechota pułku mego budowali mosty. <…>	«*11 августа.* С рассветом сели мы на лошадей и ехали до урочища в лесу, которое зовут Усвяч (так в публикации 2005 г., правильно – **Узвоз.** – *И. Е*), отстоящее на две мили от взятого нами Велижа. <…> Вся пехота моего отряда занята была наведением моста. <…>
Die 12 Augusti. Мало co przed zajściem słońca rozkazał mi p. Hetman, abym nic nie mieszkając, przez most się przeprawiał na Dźwinie wespół i z pułkiem swoim; com uczynił zaraz skoro zaszło słońce, ale przez złą górę, która była już z mostu zjeżdżając, nie przeprawiły się wozy aż nazautrz kilka godzin na dzień, a całą noc nie spaliśmy konie w ręku trzymając. <…>	*12 августа.* Перед самым закатом солнца гетман приказал мне, не мешкая, переправляться с отрядом через Двину, что я и исполнил, лишь только зашло солнце; а через гору, которая возвышалась у спуска с моста, повозки с тяжестями могли переехать только на следующий день и то в течение нескольких часов. <…>
Die 13 Augusti. Wstawszy rano szliśmy do uroczyska, na imię **Czarnoość**,[24] uszedłszy trzy mile. <…>	*13 августа.* Встав рано и отъехав с места ночлега три мили, мы дошли до селения, имя которому было Чермость (так в публикации 2005 г., правильно – **Черногуз.** – *И. Е.*). <…>
Die 14 Augusti. Wstawszy rano, ciągnęliśmy aż do uroczyska, które zowią **Narański Horod**,[25] od noclegu dwie mili. <…> Tegoż dnia weszliśmy między pola, gdzie żywności trudno dostać, jednak i tam niewielkie pola były, wszakże jużeśmy z pustyni wyszli byli, które się poczęły aż do samego Mińska, za tem polem zasię mamy mieć ośm mil pustyń. <…>	*14 августа.* Встав рано, мы прибыли к селению, которое называется **Наранский город**, от места ночлега 2 мили. <…> Мы шли полями, где трудно достать какое-либо продовольствие. Однако и там поля небольшие, хотя мы уже прошли пустыри, которые тянутся сейчас за Минском. За этим полем мы должны пройти восемь миль пустырями. <…>
Die 15 Augusti. Wstawszy rano, wielką niepogodą szliśmy aż na uroczysko **Bobrojedowo**,[26] od noclegu dwie mili. Tego dnia użyliśmy srodze złych dróg, dla gęstych mostów i złych, tak żeśmy sami budować musieli, chcąc aby nam wozy przeszły. <…>	*15 августа.* Встав рано, в сильную непогоду, мы достигли урочища **Боброедова**. От ночлега оно отстоит на 2 мили. Мы шли по скверным от частых и испорченных мостов дорогам, так что нам самим приходилось наводить мосты для проезда обоза. <…>
Die 16 Augusti. Dla żłych dróg i nieściągnienia Hetmańskiego, odpoczywaliśmy na temże uroczysku Hetmana z woiskiem oczekiwając, a tymczasem mosty budowano. <…>	*16 августа.* По причине худых дорог мы сделали роздых, поджидая гетмана с войском, занимаясь в то же время наведением мостов. <…>
Die 17 Augusti. Dla niezgotowania mostów, których było bardzo wiele, nie ruszyliśmy się aż po obiedzie i szliśmy aż na uroczysko do rzeczki, która zowią **Połonia**,[27] stanęliśmy w boru między dwiema błoty, i uszliśmy tęgo dnia dwie mili. Tegoż dnia pryeszliśmy granice Wieliskie i weszliśmy w wołość Wielikich Łuk. <…>	*17 августа.* Так как мосты, которых было много, еще не поспели, то мы и не трогались с места до обеда, а потом шли до речки, которую называют Полонной (так в публикации 2005 г., правильно – **Полона.** – *И. Е.*), и остановились в бору между двумя болотами, сделав в этот день 2 мили. В этот же день мы перешли велижскую границу и вошли в великолуцкие пределы. <…>
Die 18 Augusti. Tego dnia odpoczywaliśmy na temże uroczysku, a to dla srodze złych mostów, którycheśmy tego dnia ledwo dwa zbudowali. <…>	*18 августа.* В этот день мы отдыхали на том же самом месте, из-за очень плохих мостов, которых в этот день успели навести только два. <…>
Die 19 Augusti. <…> Sami zgodnie na dzień ruszyliśmy się w drogę i stanęliśmy na boru gołum uszedłszy półtory mile. Tegoż dnia budowaliśmy haniebnie długi most przez mech. <…>	*19 августа.* <…> Мы сами днем отправились в поход и остановились в лесу, пройдя полторы мили. В этот день мы прокладывали очень длинные гати по мху. <…>
Die 20 Augusti. <…> Sam potem równo ze dniem ruszyłem się i stanąłem na uroczysku, które zowią **Ślepnievo**,[28] uszedłszy dwie mili. <…>	*20 августа.* <…> Я сам с зарею тронулся и остановился на урочище, которое называется **Слепнево**, в расстоянии 2 миль. <…>
Die 21 Augusti. Jedno świt ruszyliśmy się i uszliśmy aż na uroczysko, które zowią **Siewierska**,[29] uszedłszy dwie mili. Tegoż dnia będąc jedno w ośmi mil od Wielkich Łuk **zstąpiliśmy z gościńca i udaliśmy się w lewo** zachodząc Królowi drogę, bowiem rozkazał hetmanowi, aby się z nim zszedł jeszcze przed Wielkiemi Łuki. <…>	*21 августа.* С рассветом мы поднялись и дошли до места, называемого **Северским**, пройдя в этот день две мили; находясь на расстоянии только 8 миль от Великих Лук, **мы сошли с большой дороги влево**, оставляя самую дорогу королю, так как он приказал гетману соединиться с ним еще перед Великими Луками. <…>
Die 22 Augusti. Rano ze świtaniem szliśmy aż do uroczyska, które zowią **Łubaje**, uszedłszy trzy mile. <…>	*22 августа.* Рано, с рассветом, мы дошли до селения **Любая**, пройдя 3 мили. <…>
Die 23 Augusti. Rano wstawszy szliśmy aż do uroczyska, które zowią **Rachnowo**[30] i uszliśmy tego dnia jednę milę. <…>	*23 августа.* Поднявшись рано поутру, мы шли до места, которое называется **Рахново**, и прошли в этот день одну милю. <…>
Die 24 Augusti. Świtaniem równo wysliśmy i stanęliśmy w polu nad rzeką **Sanczytą**,[31] uszedłszy półtorej mile. <…>	*24 августа.* Вместе с рассветом мы выступили и остановились на равнине над рекой Защитой (так в издании 2005 г., правильно – **Сенчита.** – *И. Е.*), сделав полторы мили. <…>
Die 25 Augusti. O północy wyszliśmy i stanęliśmy w polu między chrustu, uszedłszy od noclegu półtrzeciej mile. Tegoż dnia stanęliśmy niedaleko Litewskiego obozu po prawej ręce. Król JMść też w mili za nami stał» (Acta historica 1887: 215–225)	*25 августа.* Около полуночи мы выступили и остановились в поле среди кустарников, отойдя от места ночлега на две с половиною мили. В этот же день мы заняли место невдалеке от литовского лагеря по правую руку. Король также остановился за ними на расстоянии мили» (далее говорится о пожаре великолуцкого посада, который был хорошо виден из лагеря, располагавшегося в двух милях от Лук. – *И. Е.*) (Осада Пскова 2005: 183–190)

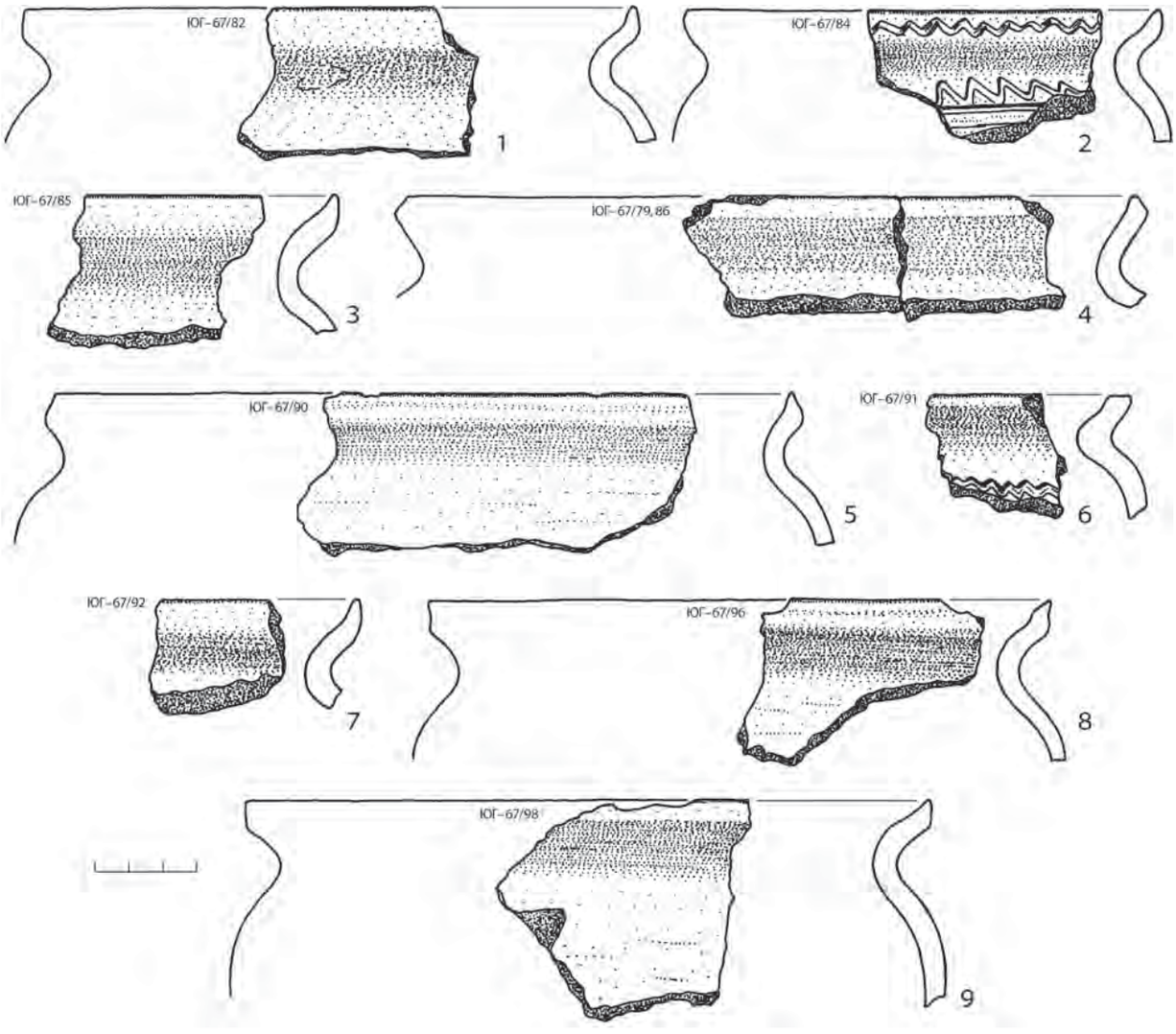


Рис. 151. Ур. Юрьевы Горы 1967 г. Гончарная керамика с городища.
1–4 – шурф 5, штык 3; 5–7 – шурф 5, штык 2; 8, 9 – шурф 5, штык 4

Пройденный Лукой Дзялынским путь отмечен несколькими выдающимися археологическими памятниками, указывающими на его глубокую древность. Во-первых, броды на Западной Двине выше Велижа повсеместно означены памятниками культуры сопок (Смоленский Брод, Кресты и др.), образующими здесь особый микрорегион (Еремеев 2003; Еремеев, Дзюба 2010: 348–352). Такое внимание населения северной культуры к бродам явно связано с их активным использованием в IX–X вв. Во-вторых, сопки есть и далее по пути следования отряда Замойского – на озере Усмынь. Среди них – огромная девятиметровая насыпь у деревни Холм – самая крупная сопка Двинско-Ловатского междуречья. Нет сомнений, что дорога от Смоленского Брода через озеро Усмынь возникла не позднее X в., точнее – сами сопки возникли на этом пути. Он продолжался к югу от Западно-Двинских бродов и через крупные поселения IX–X вв. в Шугайлово и Заозерье выводил в Гнёздово.

2.1.2.9. Дорога от Усвята на запад (на Озерище)

Из описаний литовских набегов на Новгородские земли, происходивших в XIII в., понятно, что Витебск (по крайней мере до 1246 г.) лежал в стороне от их маршрутов. Это значит, что дорога на Сураж вдоль Усвячи или упомянутая С. Гейденштейном и описанная Дзялынским «военная» дорога по Усмынской гряде были неудобны литовцам, поскольку требовали от их обремененных полоном ратей обхода Витебска по смоленскому пограничью с неизбежной угрозой удара смолян во фланг. Новгородские пределы они должны

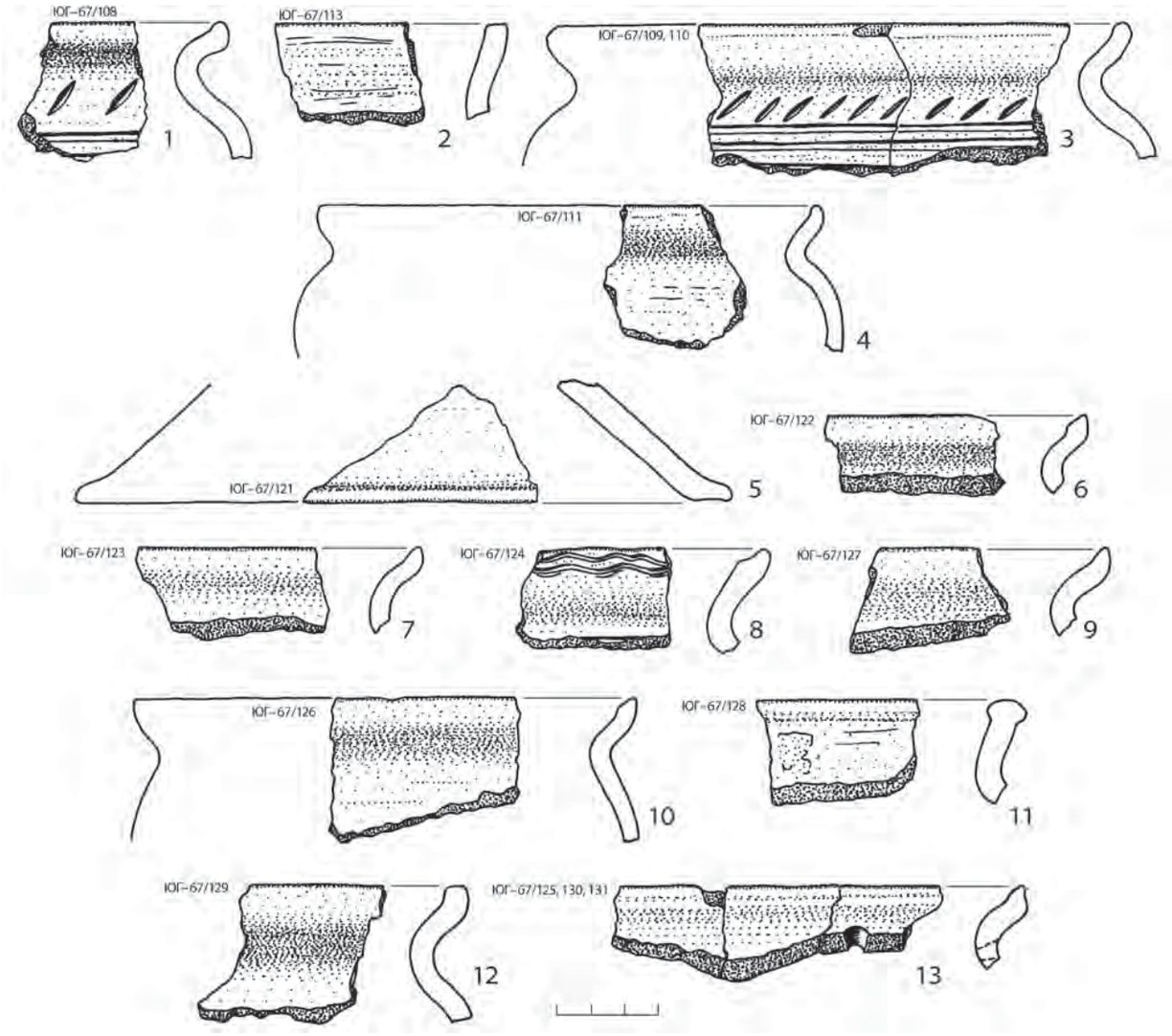


Рис. 152. Ур. Юрьевы Горы 1967 г. Гончарная керамика с городища. 1–4 – шурф 6, штык 2; 5–13 – шурф 6, штык 4

были покидать каким-то более коротким путем, пересекая Двину где-то между Витебском и Полоцком.

Анализ географической ситуации приводит к мысли, что литовцы должны были отступать на юго-запад через область, лежащую между истоками Ловати и рекой Овсянкой – правым притоком Усвячи. Что мы знаем о путях сообщения в этом микрорегионе из позднесредневековых письменных источников?

В первую очередь эти источники указывают на связанное с Усвятом дорогой скопление поселений в районе озер, через которые протекает Ловать в верхнем своем течении, – Сесито, Чернясто, Сосна и Межа (Оглоблин 1880а: карта; Вялікі гістарычны атлас Беларусі 2009: 105). Дорога от Усвята на Озерище, проходившая южнее озера Сенница, упоминается в литовских грамотах, вошедших в состав московских писцовых книг Полоцкого повета в 7079/1571 г.:

> «…а от р. Ловоти рѣкою Сѣницею вверхъ до оз. Сеницы 15 вер., чорнымъ лѣсомъ, и черезъ то оз. напрость рѣкою Хвойницею до с. Хвойна верста, а съ того с. Хвойна дорогою къ Озерищамъ до с. Завѣсна и до оз. Завѣсна 7 вер., а съ Завѣсницъ рѣкою Завѣсницею внизъ до Стрѣлицъ въ боръ до Лешна озерка 2 вер.» (Писцовые книги 1877: 445).

Имеются и указания на набеги, производившиеся в Ливонскую войну в этом направлении усвятскими казаками. Об этом упоминает Стефан Баторий в грамоте к Ивану IV от 26 июня 1579 г.:

> «…в границахъ Великого Князства Литовского, земли Витебское з замку Усвята, который ты недавно забудовалъ на земли Великого Князства Литовского, люди твои, а меновище

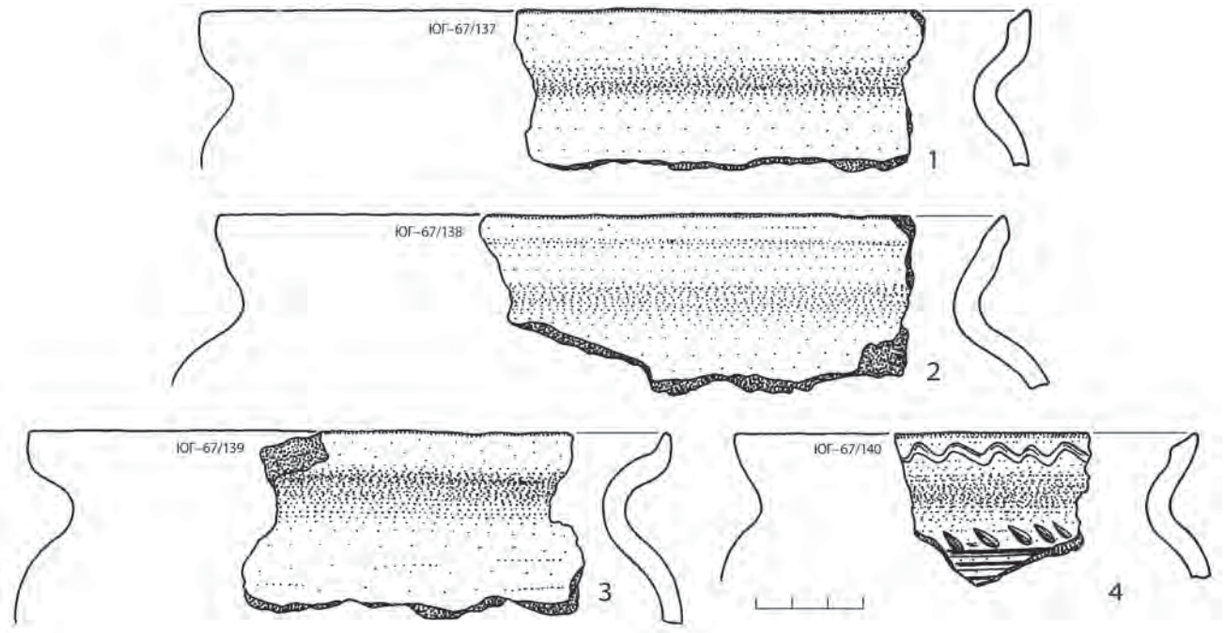


Рис. 153. Ур. Юрьевы Горы 1967 г. Гончарная керамика с городища. 1–4 – шурф 6, до материка (глубина 0,90 м)

> Ротмистръ Козацкий Дмитръ Языковъ з братомъ своимъ Александромъ маючи при собе стрельцовъ и детей боярскихъ не мало: пришедши войною на озеро Сесете людей нашихъ побили и в полонъ повели» (КП МВКЛ 1843а: 45).

Указанное направление чрезвычайно богато археологическими памятниками второй половины I–начала II тыс. н. э., еще очень слабо изученными. Важным пунктом на пути, ведшем через этот регион от Усвята на запад, было поселение на Вышедском озере. Рядом с поселением расположен курганный могильник, содержавший более 200 насыпей X–XII вв. (Штыхаў 1992: 136). Отметим, что в одном из погребений X в. (курган 14) найден набор украшений с ромбовидными подвесками (Штыхаў 1992: мал. 30). Следы изготовления этих подвесок найдены нами на посаде Усвята, и, похоже, именно усвятские ювелиры обеспечивали этот микрорегион подобной незамысловатой продукцией.

Вышедский курганный могильник интересен еще и наличием в нем позднего горизонта погребений с каменными обкладками могил (Ласкавы, Лаппо 1994: 148–152). Первоначально эти погребения были сопоставлены белорусскими исследователями с новгородскими жальниками и приписаны какому-то небольшому анклаву северного населения, оказавшегося на территории Полоцкой земли в XII–XV вв. (Ласкавы, Лаппо 1994: 154). Добавлю, что ближайший к Вышедкам новгородский жальник – это описанный выше могильник на озере Ордосно.

Разработка этой темы исследователями показала, однако, что курганно-жальничные могильники широко распространены и в Полоцкой земле, но преимущественно в центральной ее части. Могильник же в Вышедках так и остался в стороне как от белорусского, так и от новгородского ареалов распространения жальничных погребений (Дучыц 1996: мал. 1). Таким образом, перед нами как будто еще один аргумент в пользу признания поселения Вышедки пунктом, каким-то образом связанным с путями, соединявшими Новгородскую и Полоцкую земли.

На мой взгляд, основную дорогу, шедшую через этот регион, можно предположительно провести по линии Усвят–озеро Сесито–область к югу от озера Сенница. Далее на запад и юго-запад открывалось несколько путей. Проследить их довольно сложно ввиду густой населенности этого региона, вероятно, имевшего достаточно плотную сеть дорог.

Возвращаясь к теме литовских набегов, следует подчеркнуть именно это обстоятельство. За Усвятом начинался густозаселенный враждебными новгородцам полочанами регион, где перед отступающими литовцами открывалось множество путей, ведущих на юго-запад, за Двину. В этих условиях новгородским преследователям не оставалось ничего другого, кроме как повернуть восвояси в свою землю.



Рис. 154. Ур. Юрьевы Горы 1967 г. Городище. Предметы из железа. 1 – шурф 3, штык 2; 2 – шурф 2, штык 2; 3 – шурф 2, штык 3; 4 – шурф 6, штык 4; 5 – шурф 3, штык 2; 6 – шурф 6, штык 2

2.1.3. Письменные источники XVI–XVII вв. об Усвяте и Усвятской волости. Проблемы изучения топографии позднесредневекового поселения

Heu mihi quod exulo inter Mesech et Cedar.

Александр Гваньини. Из эпилога «Описания Московии»[32]

Валя толпою пегою,
Пришла за ратью рать...

А. К. Толстой. Ночь перед приступом. 1840-е гг.

Прежде чем перейти к описанию археологических древностей Усвята, необходимо дать краткий очерк военной истории региона – ведь без понимания ее невозможна правильная археологическая оценка усвятских крепостей/городищ, изучение структуры Усвятского археологического комплекса и локализации усвятских укреплений и посадов не только XVI–XVII вв., но и более раннего времени. Археологическая проблематика этой книги избавляет автора от необходимости в полной мере раскрывать такую обширную тему, как история Усвята в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Это задача для специальной работы с письменными документами (в первую очередь с материалами Литовской Метрики), значительная часть которых еще не опубликована.[33] Мной же использован ограниченный круг источников. Прежде всего это русские летописи. Для первой половины

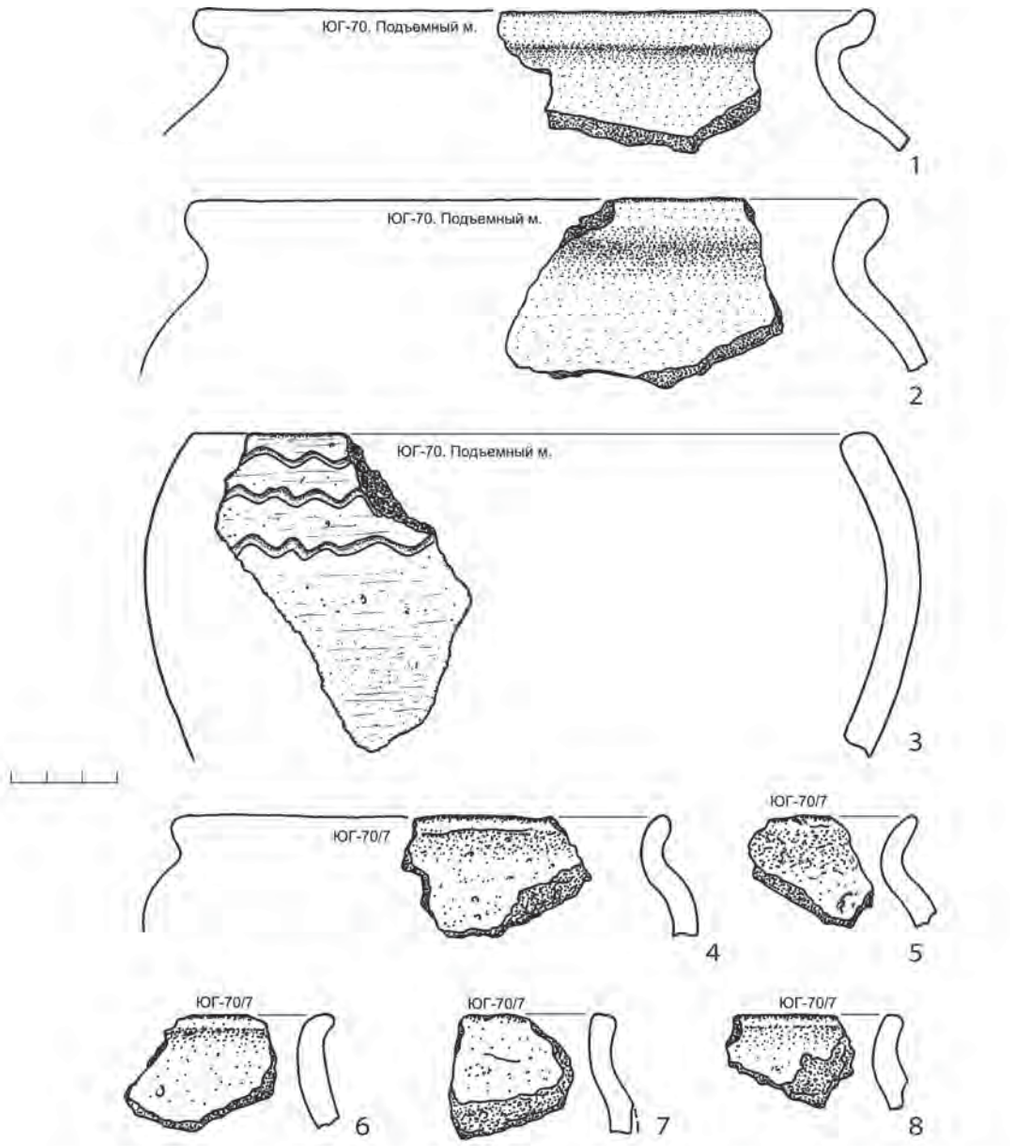


Рис. 155. Ур. Юрьевы Горы 1970 г. 1–3 – место находки неизвестно. Остальное – посад. 1–3 – фрагменты гончарной керамики; 4–8 – фрагменты лепной керамики. 1–3 – подъемный материал; 4–8 – раскоп I, глубина 0–0,2 м

XVI в. могут быть использованы материалы Владимирского летописца (ПСРЛ, т. XXX. 1965), Ермолинской летописи (ПСРЛ, т. XXIII. 2004), Н4 (ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000), Воскр. (ПСРЛ, т. VIII. 2001). Известия о событиях второй половины столетия содержат Псковские летописи (ПСРЛ, т. V, вып. 1. 2003; ПСРЛ, т. V, вып. 2. 2000), Никоновская летопись (далее – Ник.) (ПСРЛ, т. XIII. 2000), западнорусская «Книга Великого княжества Литовского и Жемоитского» (ПСРЛ, т. XVII. 2008). Важную информацию содержат некоторые документы московского делопроизводства, связанные с московско-литовскими и московско-крымскими дипломатическими контактами (Сборник РИО 1882; Сборник РИО 1895). Ценные данные о военной обстановке на «литовской украине» дают московские разрядные книги (Милюков 1901; Разрядная книга 1974). Важно для нашей темы собрание документов, связанное с московским освоением Полоцкого повета в период нахождения его под контролем Москвы в 1560–1570-е гг. (Писцовые книги 1877; Иван Грозный 2014).

Из литовских документов привлекались Посольские книги Сигизмунда Августа и Стефана Батория (с 1545 по 1580 г.), находившиеся в составе Метрики и изданные Императорским Обществом истории и древностей Российских (КП МВКЛ 1843; 1843а). Для изучения истории Усвятско-Витебского региона в эпоху Ливонской войны (1558–1583 гг.) исключительную ценность представляют иностранные

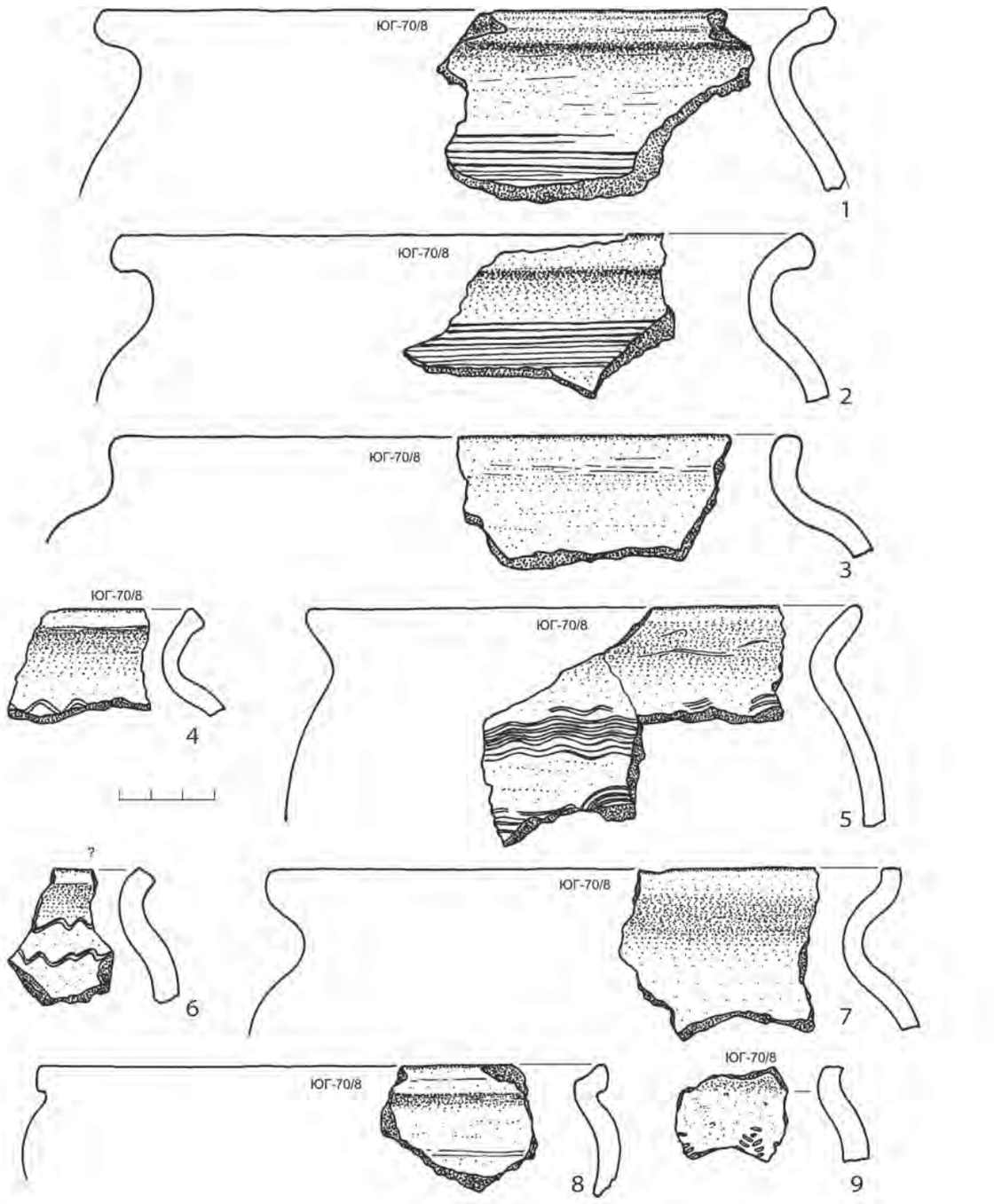


Рис. 156. Ур. Юрьевы Горы 1970 г. Посад. 1–8 – фрагменты гончарной керамики; 9 – фрагмент лепного сосуда. Раскоп I, глубина 0–0,2 м

источники. На первом месте стоит сочинение Рейнгольда Гейденштейна «Regii de bello Moscovitico quod Stephanus rex Poloniae gessit commentariorum libri VI (Записки о московской войне, которую вел польский король Стефан, в 6 книгах)» (Гейденштейн 1882). В этом же ряду находятся сочинения профессиональных военных-европейцев: книга (польский вариант), изданная военным комендантом Витебска, итальянцем из Вероны, Александром Гваньини «Kronika Sarmacyey Europeyskiey (Хроника Европейской Сарматии)» (Gwagnini 1768; последняя публикация – Гваньїні 2007) и знаменитое сочинение поляка Мацея Стрыйковского, бывшего некоторое время офицером и подчиненным Гваньини в Витебске, «Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi (Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей Руси)» (Stryjkowski 1846).[34] Наконец, уникальным источником являются

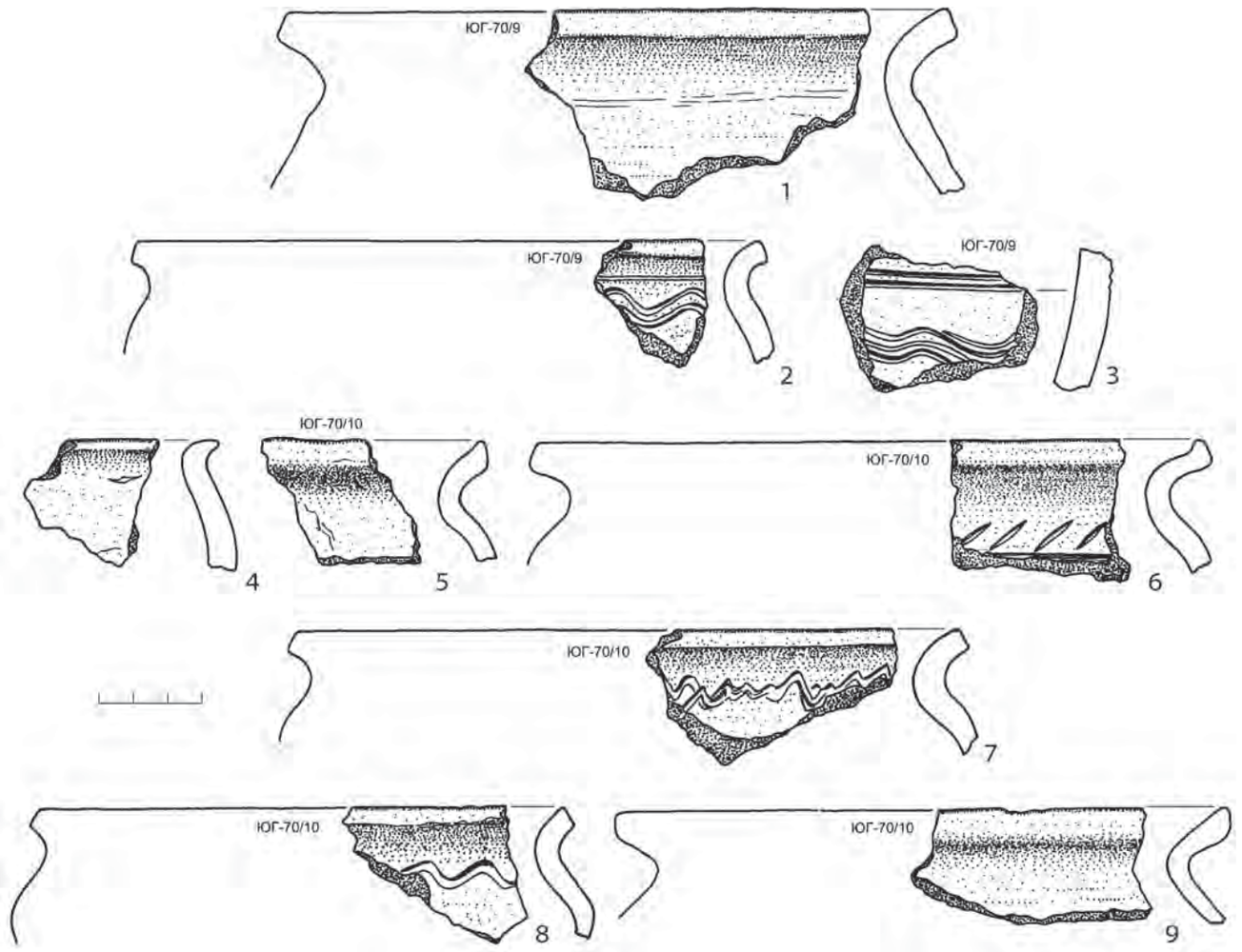


Рис. 157. Ур. Юрьевы Горы 1970 г. Городище. Фрагменты гончарной керамики. Раскоп II. 1–4 – культурный слой на глубине 0–0,2 м. 5–9 – кв. 1, 6; культурный слой на глубине 0,2–0,25 м

дневники польских офицеров, участников второго похода Стефана Батория (1580 г.), – Луки Дзялынского и Яна Зборовского (Acta historica 1887; Осада Пскова 2005). Для краткой характеристики обстановки в XVII в. использованы в основном исследовательские публикации (Волков 2004; Малов 2006; 2009) и дневник усвятского старосты Яна Сапеги (Дневник Яна Петра Сапеги 2012).

XVI столетие на Западной Двине открылось войной Московского государства с Великим княжеством Литовским. Основной стратегической целью Москвы был здесь Торопец; но боевые действия охватили почти всю территорию Белорусского Подвинья. В первый же год новгородцы и псковичи, выступившие «в пособие» московским ратям Ивана III, страшно опустошили окрестности Витебска. Как сообщает Псковская Первая летопись (далее – Пск1), боевые действия продолжались все лето 1500 г.:

> «В лѣто 7009-е. Приѣхал князь псковскои Александръ Володимеровичь и посадники псковскии и псковичи, а были на государьскои слоужбе в Литовскои земли, и Торопец городок взяли; а приѣхали на Покров святеи богородицы вси здорови; а были там 11 недель» (ПСРЛ, т. V, вып. 1. 2003: 84).

Про Усвят в русских источниках, как увидим ниже, сообщается лишь то, что он «заложился къ Лукамъ» по взятии Торопца. Возможно, это произошло мирным путем, но вряд ли без появления в городке русских ратей или, как писали после этих событий витебчане и жители Витебской земли в челобитной королю Александру, «злодеев з Великого Новагорода» (Витебская старина 1883: 34). Незавидная же судьба Усвятской волости в 1500 г. сомнений не вызывает. Ермолинская летопись на этот счет повествует:

> «В лѣто 7008. <...> Того же лѣта князь великіи посылалъ на Литву же своихъ братаничевъ, княжь Борисовыхъ дѣтеи, князя Ѳедора да князя Івана, да

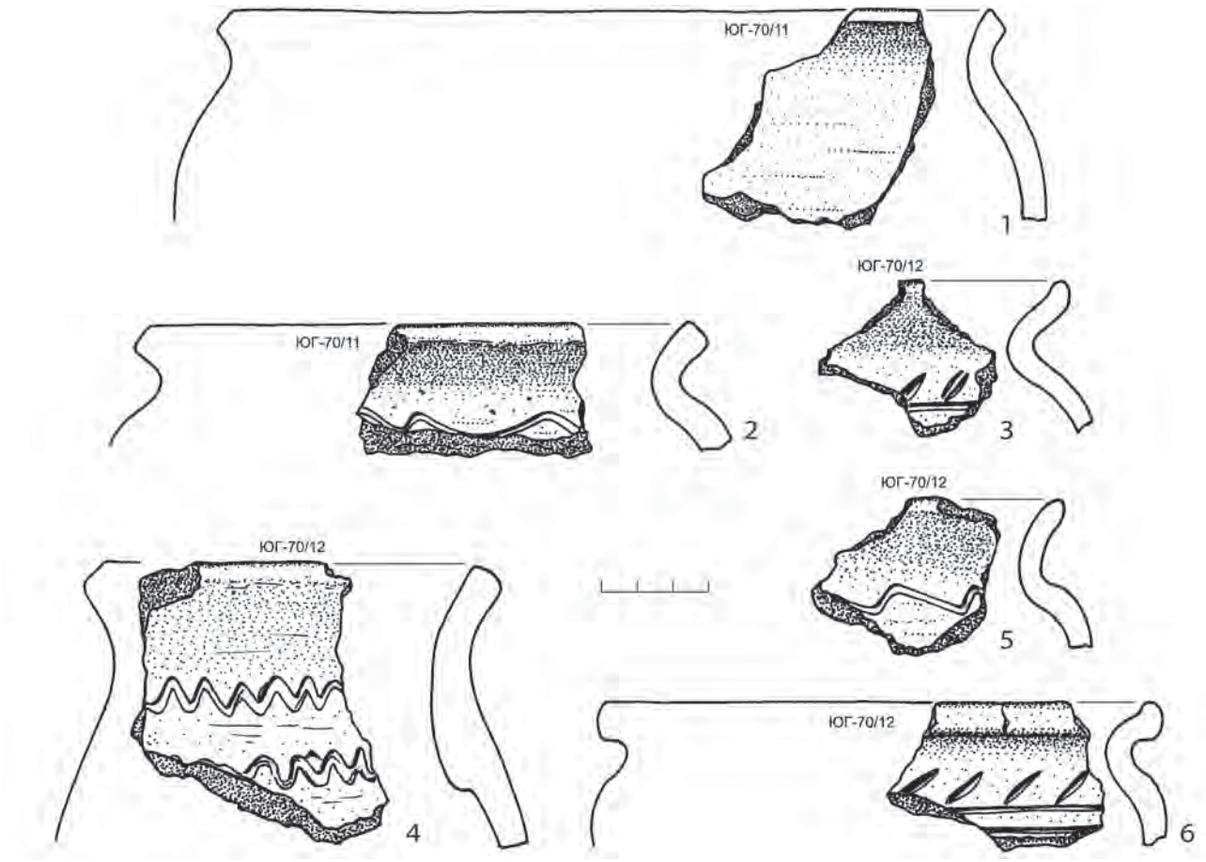


Рис. 158. Ур. Юрьевы Горы 1970 г. Городище. Фрагменты гончарной керамики. Раскоп II. 1, 2 – кв. 4, 9; культурный слой на глубине 0,2–0,3 м. 3–6 – кв. 2, 7; культурный слой на глубине 0,2–0,3 м

своего боярина Андрѣа Ѳедоровича, намѣстника Новогородского, с Новогородскою силою, да князя Александра Володимерича Ростовского, намѣстника Псковскаго, съ Псковичи. Они же, шедше, градъ Торопецъ взяша и многіа волости и села около Полотска и Вітебска поплѣніша і огнемъ пожгоша, а людеи многихъ мечеви предаша, иныхъ же в плѣнъ ведоша» (ПСРЛ, т. XXIII. 2004: 196–197).

По условиям перемирия, последовавшего после Русско-литовской войны 1500–1503 гг., Велиж, Торопец и Невель с прилегающими территорими отошли к московским владениям (Сборник РИО 1882: 400; Кром 2010: карта 5). Усвятская же волость, в ходе войны захваченная Москвой, в числе некоторых других соседних витебских волостей (Бруса, Дречьих Лук и Озерища) должна была вернуться в состав Великого княжества Литовского. Захватив волости, лежавшие к западу от Жижицкого озера, московиты получили в свое распоряжение вышеописанную «военную» дорогу, шедшую по Усмынской гряде от велижских порогов и бродов (о них см.: Еремеев, Дзюба 2010: рис. 317) к верховьям рек Куньи и Ловати. Значение этой дороги мы видели выше на примере событий 1580 г. По перемирию 1503 г. к Москве отошла также стратегически важная Плавецкая волость, располагавшаяся на волоке с реки Усвячи на Кунью и прикрывавшая с юга Великие Луки (Бассалыго, Янин 1998: 189, рис. 11).

Из документов, связанных с мирными переговорами 1503 г., известно об административно-территориальных преобразованиях военного времени, произошедших в регионе. Записка о новом статусе земель, подготовленная московскими чиновниками по поводу выдвинутого литовскими послами списка витебских волостей (Брус, Дречьи Луки, Велиж, Усвят, Озерище, Плавец, Жижец, Озерцо), без урегулирования вопроса о которых «нелзе перемириа учиняти», целиком или частично находившихся в руках русских, сообщает:

«...а Велижъ, Озерцо, Плавѣецъ, Жижецъ, то волости Торопецкіе и нынѣ тянутъ к Торопцу; а Замошье и Боровляне Велижскіе волости погосты; а Свято заложилось къ Лукамъ тогды, коли Торопецъ взяли, да отъ тѣхъ мѣстъ тянутъ къ Лукамъ...» (Сборник РИО 1882: 395).

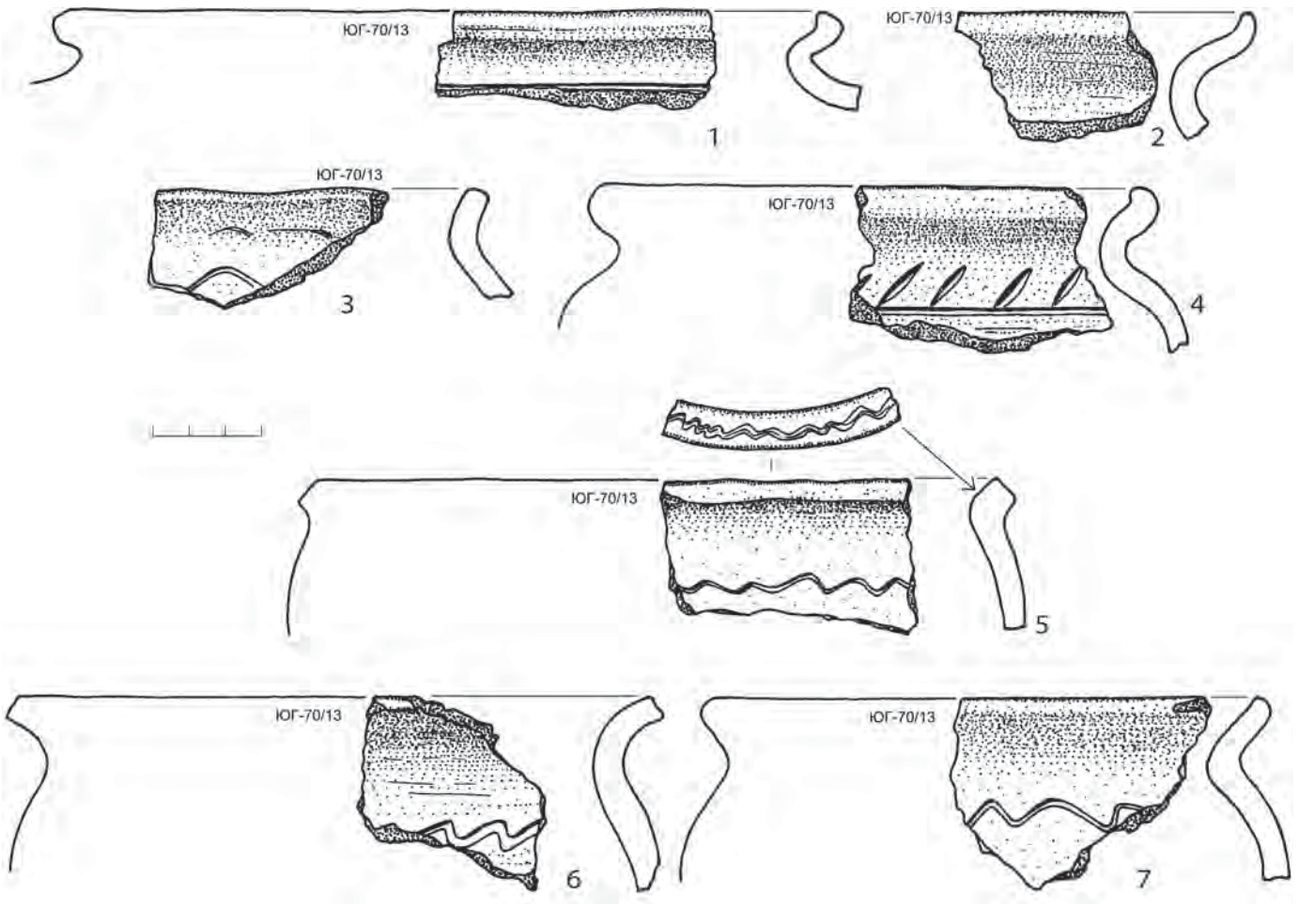


Рис. 159. Ур. Юрьевы Горы 1970 г. Городище. Фрагменты гончарной керамики. Раскоп II. Кв. 5, 10; культурный слой на глубине 0,2–0,3 м

Теперь Усвят должен был вернуться в прежнее состояние, но, располагавшийся до войны в относительной глубине территории Великого княжества Литовского (по крайней мере с востока), ныне он становился пограничным городом. Освоение Московским государством вновь приобретенных областей сопровождалось раздачей земельных пожалований служилым людям и новыми пограничными конфликтами. Часть из них отразилась в составленной в 1510 г. жалобе польского короля Сигизмунда I царю Василию III на произвол московских «боярских детей» и помещиков в витебских волостях. Московские чиновники излагают ее содержание следующим образом:

> «Да въ той же грамотѣ писалъ, что его людемъ отъ государевыхъ людей чинятца убытки и продажи великіе, розбоемъ и татбами и грабежи, и землями его многими завладѣли его королевскими: въ Полотцку четырнатцатью волостми, да бояръ его пять волостей, да Витебскихъ волостей, половину волости Озерищскіе, да половину волости Усвятцкіе; и государь бы въ тѣ волости, которые писаны у него въ перемирной, вступатись не велѣлъ...» (Сборник РИО 1882: 492).

Многочисленные дипломатические жалобы литовской стороны, как правило, встречались в Москве списками ответных претензий и оставались без удовлетворения. Так и текла «порубежная» жизнь. В 1508 г. в составе Великого княжества Литовского было образовано Витебское воеводство, в состав которого вошел Усвят с волостью. Позднее Усвятское старостство находилось в составе Витебского повета Витебского воеводства.

Все XVI столетие обитатели «украинного» Усвята прожили как бы на передовой. Само по себе небольшое местечко, конечно, не могло доставить военным грабителям крупной добычи, но выгодное положение городка на путях из русских московско-новгородских владений к богатым подвинским торговым городам – Витебску и Полоцку в условиях тлеющего военного противостояния не могло не оборачиваться постоянными нарушениями мирного течения

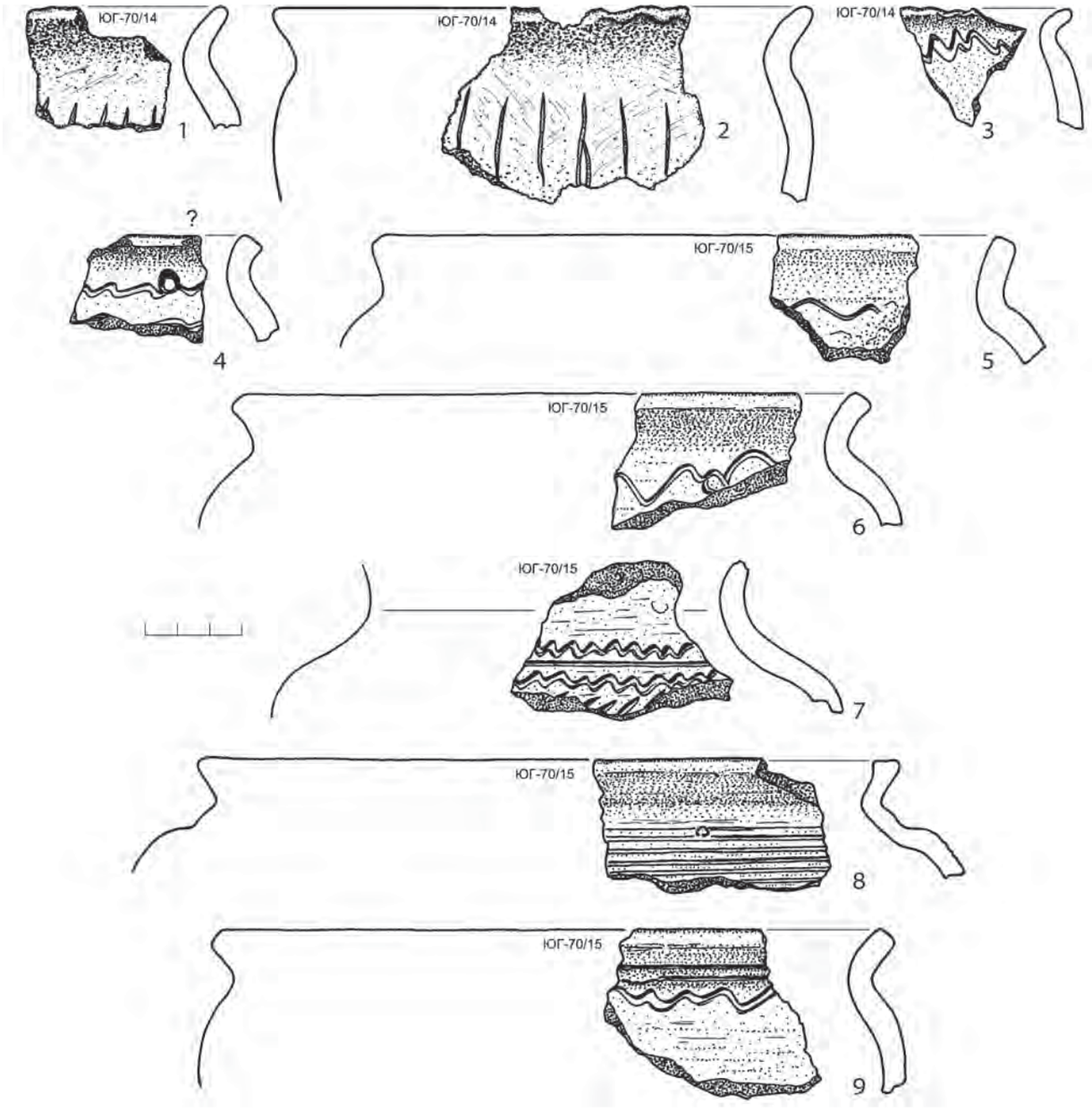


Рис. 160. Ур. Юрьевы Горы 1970 г. Городище. Фрагменты лепной (1, 2) и гончарной (2–9) керамики. Раскоп II. 1–3 – кв. 5, 10; культурный слой на глубине 0,2–0,3 м. 4–9 – кв. 3, 8; культурный слой на глубине 0,2–0,4 м

жизни. Боевые действия под Витебском велись в зимнюю кампанию 7021 г. (1512/13 г.) до Великого поста и далее в течение 1513 г. (Зимин 1972: 152, 155):

> «В лѣто 7021. По Крымъскыхъ воеванию, в осень, ходилъ князь великии Василѣи Иановичь всѣя Руси подъ Смоленско в Литовскую землю, и воеводъ послалъ подъ Полоцко, и подъ Витебскъ, и под Оршю, и подъ Мстиславъ, и под Кричевъ, и подъ многие городы, и къ Киеву заставу послалъ; а воевалъ осень и зиму до великихъ заговенъ, а землю пустошил всю, города же ни единого не взялъ, хотя на другии годъ поити со всѣмъ воевати тѣхъ городовъ по реку Березыню» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000: 538).

В 1516 г. войско под руководством князя А. Б. Горбатого вновь вело боевые действия под Витебском, охватывая Усвятско-Витебский регион со стороны Великих Лук и Белой (Зимин 1972: 180). Эти направления боевых действий, очерченные географическими условиями региона, как увидим, стали традиционными и завершились постройкой трех крепостей – Велижа, Суража и Усвята.

В 1518 г. основные боевые действия московскими войсками велись в глубине литовской территории:

Воскр.	Пск1	Ник.
«В лѣто 7027. <…> Великого же князя воеводы розспустиша войско и воеваша Литовскую землю мало не до самые Вилии, и възвратишася къ великому князу здраво съ всѣми людми» (ПСРЛ, т. VIII. 2001: 268)	«В лѣто 7027. <…> А на лѣто посла князь великии князя Михаила Кислицу с новгородцкою силою и псковскою, и псковских 100 пищальников под ним, в Литовьскую землю под Молодечно и под иныя городки, и выидоша всѣ богом сохранены на Смоленескъ, и оттолѣ розъехашася по домом, а князь Михаило во Псков» (ПСРЛ, т. V, вып. 1. 2003: 100)	«Того же лѣта князь великій Василей Ивановичь всеа Русіи послалъ на своего недруга на Литовского короля Жыхдимонта ратью Авдовлетя – царевича, Ахтурова сына Шыбанского, да боярина своего и воеводу князя Василія Васильевича Шуйского, намѣстника Володимерского, и иныхъ своихъ воеводъ <…>. А отъ Новгородскіе украйны и отъ Псковскія велѣлъ князь великій ити на Литовского воеводамъ своимъ князю Михаилу Василіевичу Горбатыхъ, намѣстнику Псковскому, князю Данилу Бахътеару, князю Ивану Васильевичю Оболенскому-Кашѣ, Ивану Василіевичю Колычеву, Дмитрію Григорьевичю Бутурлину и инымъ своимъ воеводамъ со многими людми. <…> И поидоша великого князя воеводы отъ Смоленска къ Оршѣ, а отъ Оръшы къ Могилеву и къ Мѣнску. <…> И воеваша и плѣниша Литовьскую землю: Логеескъ, Мѣнскъ, Красное село, Молодечну, Марково, Лебедево, Кревъ, Ошмону, Мѣдники, Мяделу, Коренско, Березовичи, Вязыню, Радошковичи, Борисово и иные многіе мѣста по самую Вилну и посторонь Вилны, и за Вилну. И воевавъ и плѣнивъ Литовскую землю, великого князя воеводы возвратишася со всѣми людми и, далъ Богъ, вышли поздорову, а полону безчислено вывели множъство» (ПСРЛ, т. XIII. 2000: 34–35)

Но снова не обошлось без урона для Витебского воеводства. Из разрядной книги 7027 г. узнаем, что отряды московских воевод в этот год выступали из Лук на Полоцк и из Белого на Витебск, т. е. двигались, как и в 1516 г., тесно охватывая Усвятско-Витебский регион с двух сторон вдоль Ловати и Западной Двины. Завершив рейд, 11 сентября часть войск вышла в Вязьму (Милюков 1901: 67). Витебский острог был сожжен (Зимин 1972: 189). Владимирский летописец в статье 7026 г. уточняет:

> «Того же лѣта мѣсяца августа вышли великого князя воеводы, князь Михаило Киселка, да князь Михаило Кубенскои, да Михаило Плѣщиев из Литовскои земли, воевав, и много зла сотвори Литвѣ, а Вилна не доходили 30 верстъ да воротилися. А князь Василии Шуискои съ инѣми воеводами стоял под Полоцком и под Витебьском, и плѣниша, и много зля створиша Литовьскои земли, и отшед оттуду и сташа на рубежѣх» (ПСРЛ, т. XXX. 1965: 143).

Более развернутое описание боевых действий на Витебском направлении, составленное по горячим следам событий, содержится в материалах дипломатических сношений московского царя с крымским ханом Магомет-Гиреем:

> «Князь великій велѣлъ тебѣ говорити: посылали есмя на своего недруга на литовского землю воеводъ своихъ изъ своей отчины отъ Ноугородцкіе земли, съ Лукъ съ Великихъ посылали есмя боярина и воеводу своего князя Василья Васильевича Шуйского и иныхъ своихъ воеводъ многихъ со многими людми къ его городу къ Полотцку, да отъ своей же отчины отъ Смоленска велѣли есмя ити прямо въ Литовскую землю воеводѣ своему князю Михаилу Васильевичу Горбатому и инымъ своимъ воеводамъ многимъ со многими людми. А изъ Стародуба велѣли есмя ити также въ Литовскую землю воеводѣ своему князю Семену Федоровичу Курбьскому и инымъ своимъ воеводамъ съ людми. А съ Бѣлые велѣли есмя ити въ Литовскую же землю къ недруга жь своего городу къ Витебску воеводамъ своимъ двемъ княземъ Андрѣемъ и инымъ своимъ воеводамъ съ людми. И наши воеводы, бояринъ нашъ и воевода князь Василей Васильевичь и иные наши воеводы подъ городомъ подъ Полотцкомъ стояли и изъ пушекъ и из пищалей по городу били и въ городѣ людей изъ пушекъ и изъ пищалей многихъ побили, и тутъ людей многихъ побили, а иныхъ многихъ живыхъ переимали и къ намъ прислали, и посады у города пожгли и землю Литовскую воевали по Неметцкую землю, и сами наши воеводы изъ земли вышли, далъ Богъ, со всѣми людми поздорову. <...> А два князя Андрѣя и иные наши воеводы пришедъ у Витебска Острогъ взяли и посады пожгли и людей многихъ побили, а иныхъ многихъ живыхъ переимали и къ намъ прислали, да также Литовскую землю воевали и полону и животовъ людскихъ безчислено вывели, и далъ Богъ наши всѣ воеводы со всѣми людми изъ Литовскіе земли вышли поздорову» (Сборник РИО 1895: 535).

В том же 7027 г., 28 февраля (в начале 1519 г. по современному стилю), под Витебском и Полоцком уже действовал отряд В. Д. Годунова (Милюков 1901: 68), снова пожегший многострадальные витебские посады (Зимин 1972: 201–202).

В промежутках между крупными, спланированными из «центра» кампаниями жители

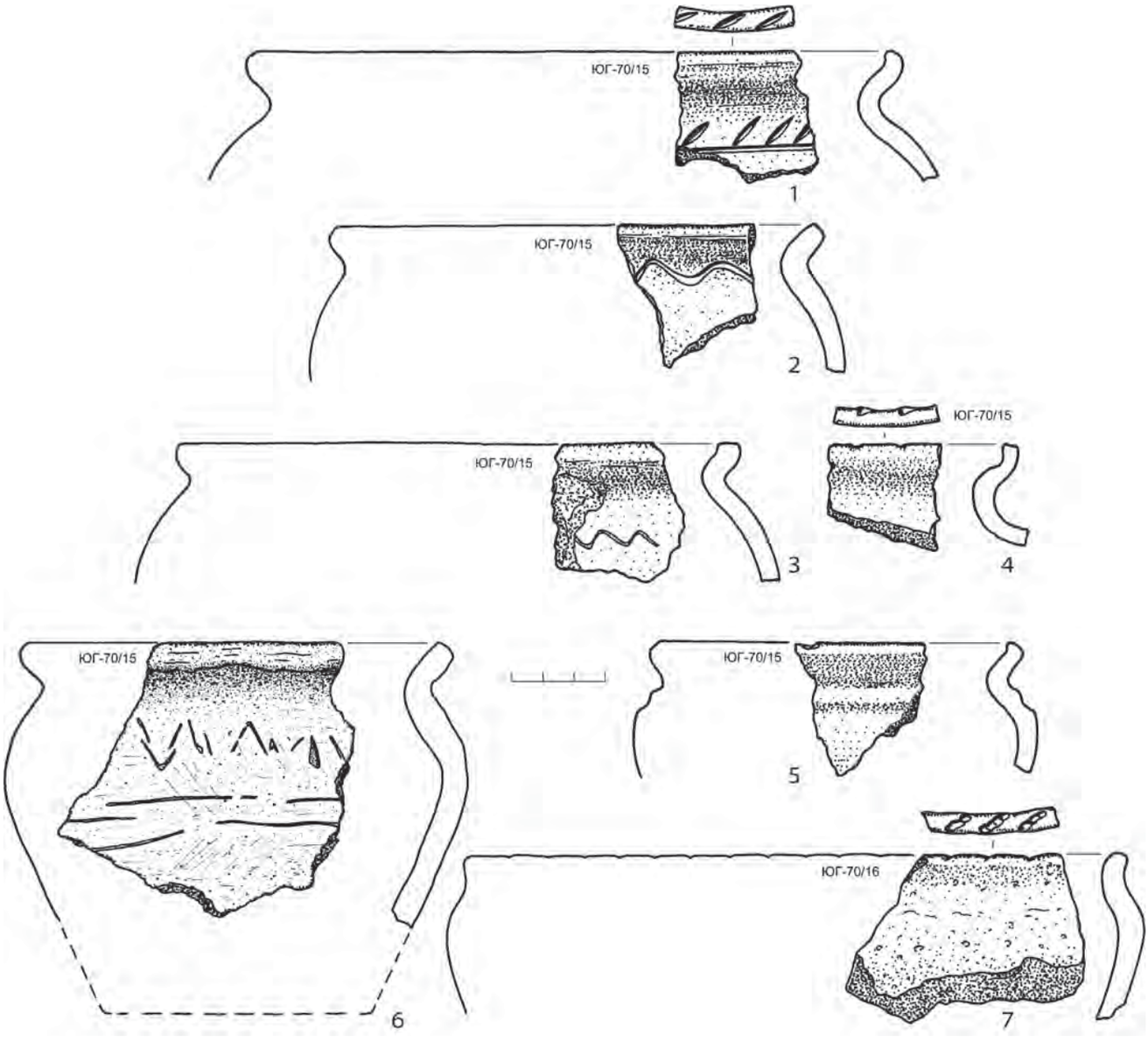


Рис. 161. Ур. Юрьевы Горы 1970 г. Городище. Фрагменты лепной (7) и гончарной (1–6) керамики. Раскоп II. Кв. 3, 8; культурный слой на глубине 0,2–0,4 м

Витебского воеводства страдали от мелких грабительских военных предприятий, производившихся из отвоеванных Москвой пограничных городов. Летом 1522 г. литовское посольство, отправленное в Москву для заключения перемирия, вновь жаловалось великому князю на творимый под Витебском произвол служилых людей:

> «...и они пришли въ Борисово, и имъ вѣсть учинилася, что будто казаки смоленскіе и иные казаки великого князя украинныхъ городовъ, приходя, воюютъ городы королевы, Полтескъ и Витебскъ и Ршу и Мстиславль, и они того дѣля дорогою идутъ мотчаа; и князь бы Иванъ къ нимъ отписалъ, съ вѣдома ли тѣ казаки приходя такое лихо чинятъ» (Сборник РИО 1882: 622).

В результате переговоров 1522 г. витебские волости Брус, Дречьи Луки, Усвят и Озерище остались за Литвой, несмотря на то что часть их (в том числе и Усвят) Москва давно уже успела привести к присяге, что и служило ей теперь формальным поводом для объявления их Луцкими землями (Сборник РИО 1882: 632, 640).

Войти в мирное русло жизнь обитателей Усвята так, однако, и не успела. В 1534, 1535 и 1536 гг. последовали новые московские военные экспедиции под Витебск. Поход 1534 г., несомненно затронувший Усвятскую волость, описывает «Книга Великого княжества Литовского и Жемоитского»:

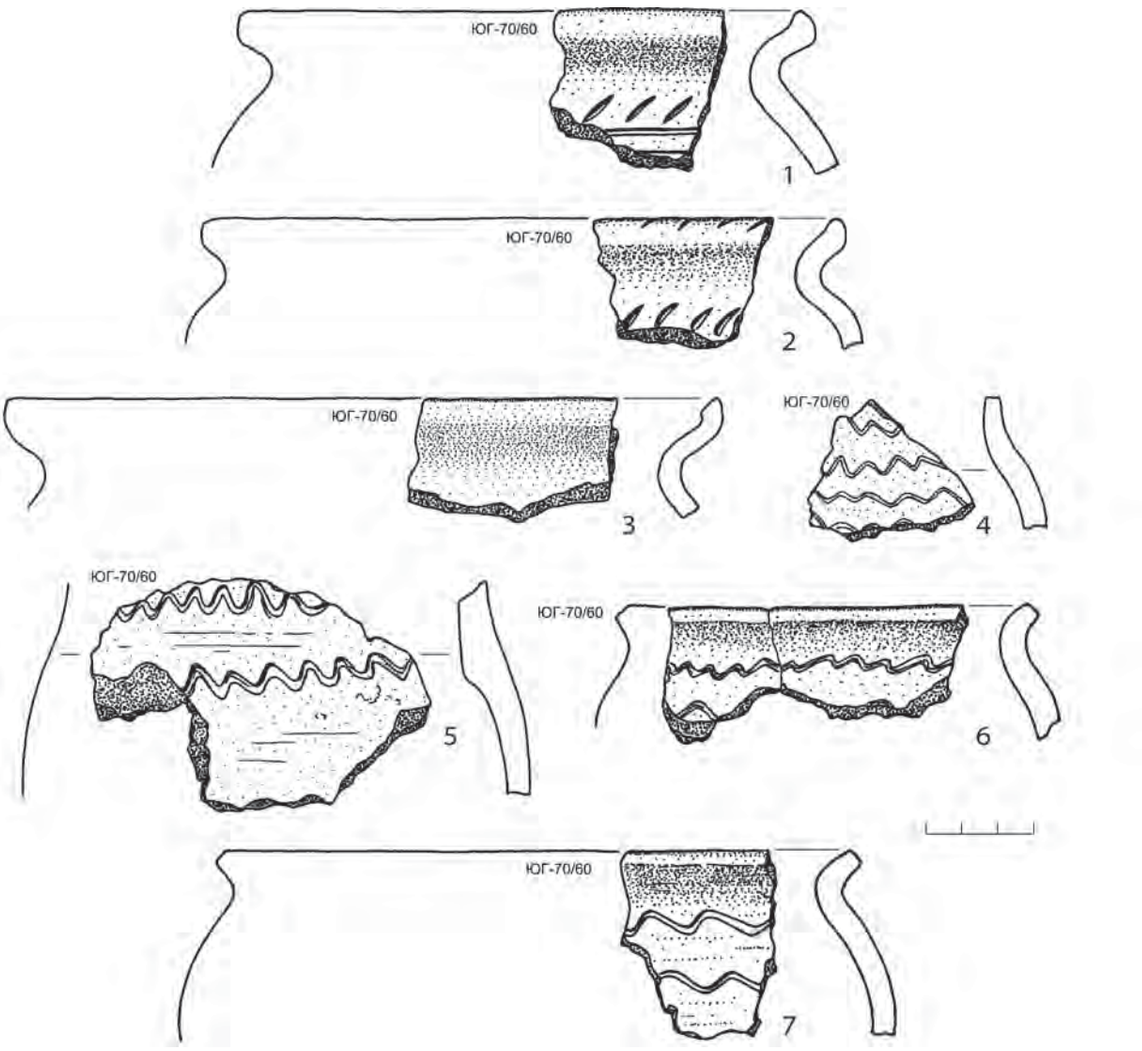


Рис. 162. Ур. Юрьевы Горы 1970 г. Городище. Фрагменты гончарной керамики. Раскоп II. Кв. 3, 8; культурный слой на глубине 0,4–0,5 м

«Тое ж зимы приходила Москва к Полоцку и к Витебску и от Долгинова воротилис все повоевали а городом ничег не учинили и князь Іванъ Шуискиі от них отвернулъ и прибѣгъ к Витепску а Литва за ним погнали да не догнали» (ПСРЛ, т. XVII. 2008: 407).

Наиболее сильно пострадали витебские места, вероятно, в конце 1534–начале 1535 г.:

«В лѣто 7043. <…> а Наугородцкіе въеводы, князь Борисъ Ивановичь Горбатой съ товарыщи, пошли отъ великого князя отчины отъ Опочки и начаша въевати Полотцкіе мѣста, Витепскіе мѣста, Брясловскіе: Осиновець, Сенну, Латыгошу. И сошлися великого князя въеводы въ едино мѣсто <…> да поворотили оттолева къ Полотцкимъ мѣстом, да пошли къ Нѣмецкому рубежу, жгучи и въюючи и сѣкучи и в плѣнъ емлючи; и вышли въеводы великого князя всѣ на Опочку на Псковскую землю всѣ здрави съ великимъ полономъ» (ПСРЛ, т. VIII. 2001: 288).

«Государева зимняя война» явилась важным рубежом в истории Усвята. Она особенно запомнилась современникам как размахом военных действий, так и «снегами и мразами великими» (ПСРЛ, т. V, вып. 2. 2000: 228). Вслед за ней последовало еще одно военное событие, прямо отразившееся на судьбе города. В 1536 г., по повелению Ивана IV, в соседнем с Усвятом Велиже на месте старых запустелых литовских укреплений была отстроена новая крепость, ставшая серьезной угрозой для витебских и усвятских земель (Милюков 1901: 99; ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000: 574). Немедленно же за строительством последовала новая военная экспедиция под Витебск:

«В лѣто 7044. <…> Того же мѣсяца Априля 19 князь великій Иванъ и его мати велѣли поставити градъ въ Торопетцкомъ уѣздѣ на Велищьскомъ городищѣ, городъ Велижь, и додѣлань мѣсяца

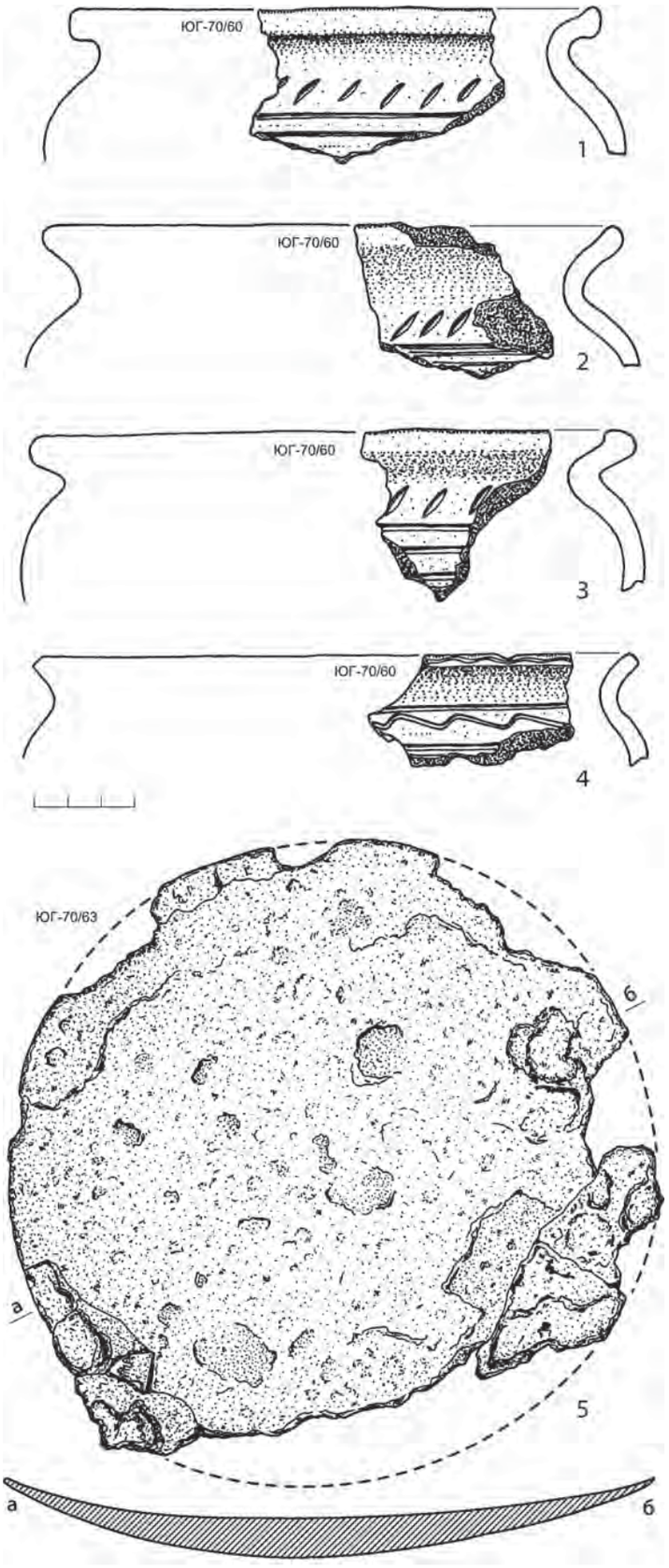


Рис. 163. Ур. Юрьевы Горы 1970 г. Городище. Раскоп II. 1–4 – фрагменты гончарной керамики. Кв. 3, 8; культурный слой на глубине 0,4–0,5 м. 5 – железная сковородка. Кв. 6; культурный слой на глубине 0,2 м

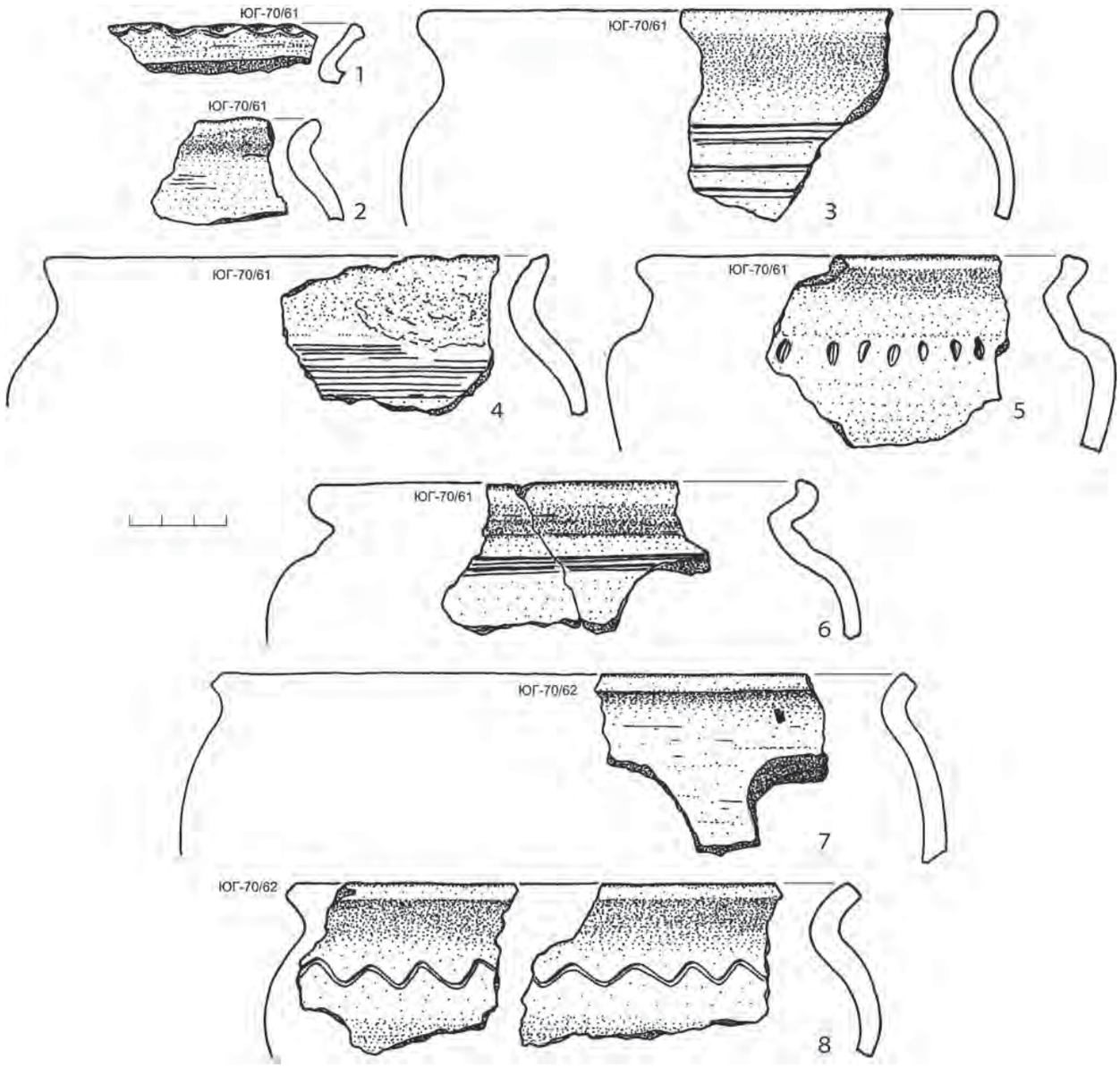


Рис. 164. Ур. Юрьевы Горы 1970 г. Городище. Фрагменты гончарной керамики. Раскоп II. 1–6 – кв. 10; культурный слой на глубине 0,55 м. 7, 8 – кв. 5, 10; культурный слой на глубине 0,3–0,55 м

> Іуліа. И послалъ князь великій изъ Велижа Литовьскые земли въевати въеводъ своихъ князя Ивана Ивановича Барбашина и иныхъ своихъ въеводъ. И въеводы великаго государя Литовскую землю въевали, Витепскъ посадъ пожьгли, и многіе волости и села въевавъ и поимавъ многыхъ людей въ плѣнъ и животы великые у Литовьскыхъ людей, и вышли, далъ Богъ, изъ Литовьскые земли всѣ здравы» (ПСРЛ, т. XIII. 2000: 111).

Вряд ли приходится сомневаться, что каждый московский поход на Витебск (или в Литовскую землю из Великих Лук) печально отражался на благосостоянии Усвята и его волости, хотя упоминания о разорениях городка нечасто попадали на страницы документов. Несмотря на то что в возобновлявшихся «перемирных листах» московской стороне вменялось не вступать в витебские волости Брус, Дречьи Луки, Свят и Озерище (КП МВКЛ 1843: 53, 92), пограничная война едва ли затихала. Витебск был главным форпостом Великого княжества Литовского и постоянной мишенью московской военной политики. «Этот город страдает от притеснений великого князя», – писал о Витебске в 1570-х гг. Генрих фон Штаден (Штаден 2008: 257).

Ливонская война, разразившаяся в 1558 г., на первых порах отвлекла внимание Москвы от витебского театра военных действий. Но уже в 1562 г. большая война на Усвятской земле возобновилась:

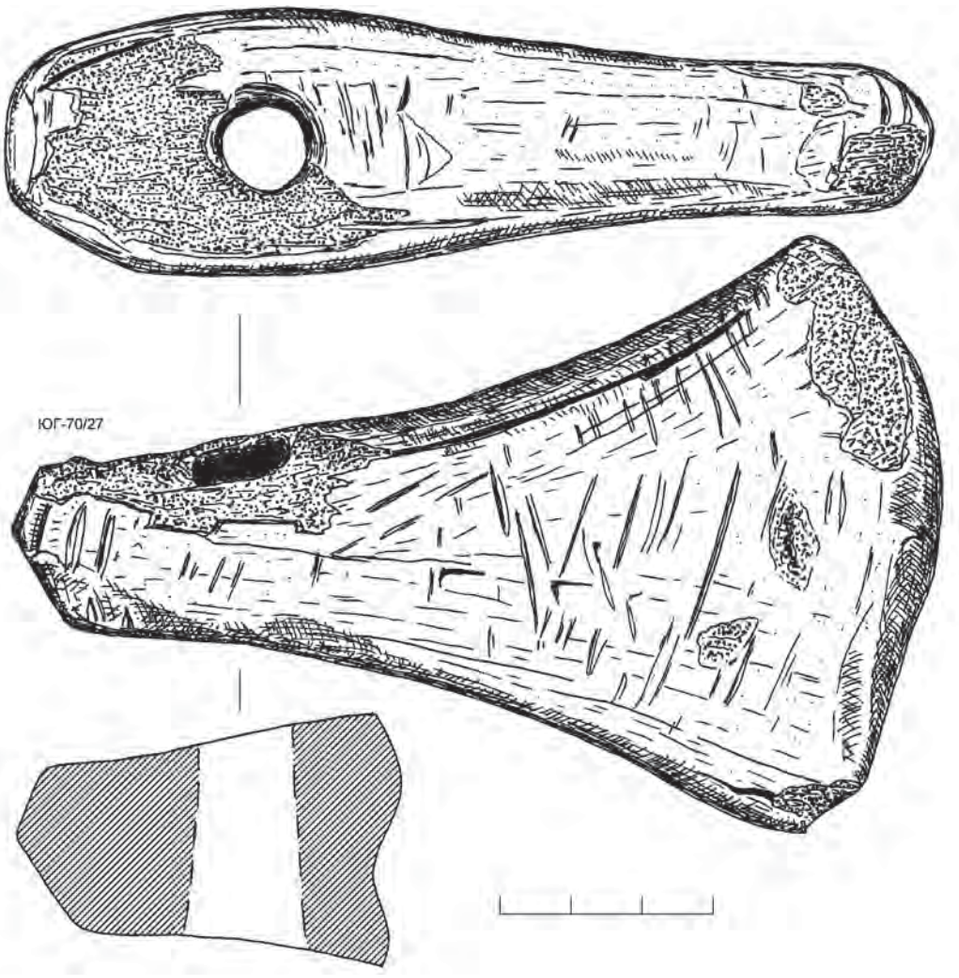


Рис. 165. Ур. Юрьевы Горы 1970. Роговой топорик из раскопа II на городище (кв. 4, 9; глубина 0,3–0,55 м)

> «Лѣта 7070-го. <…> Того же лѣта ходили великого князя воеводы в Литовьскоую землю воевати с весны, а иныа на лѣтѣ в Петрово говѣние, князь Андрѣи под Витебско, и посад пожегъ» (ПСРЛ, т. V, вып. 2. 2000: 242).

Имелись ли в довоенном Усвяте укрепления? Выше мы привели немало источников о боевых действиях в Литовской земле, в частности в Витебском воеводстве, но ни разу Усвят не фигурирует в них как достойный упоминания город или крепость. Судя по тому, что Усвят отсутствует в военных сводках обеих сторон эпохи Ивана III и на начальном этапе Ливонской войны (до 1566 г.), до этого времени он не представлял существенного военного значения.

Рейнгольд Гейденштейн, описывая область Полоцкую, также сообщает, что «до попадения под власть Московского царя вся эта страна имела один только укрепленный город Полоцк и крепость Озерище» (Гейденштейн 1882: 50). Впрочем, тенденциозная недостоверность этого сообщения очевидна уже из труда самого Гейденштейна, чуть ниже приводящего сведения об укреплении Суража при короле Сигизмунде Августе (Гейденштейн 1882: 116) и «забывшего» про такую сильную литовскую крепость, как Витебск.

Конечно, какие-то укрепления в Усвяте были. Стояли старые городища, на которых можно было кое-как отбиться от неприятеля. Существовал, вероятно, и острог, вал которого упоминается в русских документах (речь о них пойдет ниже). Иное дело, что укрепления явно стояли в небрежении и существенной роли в пограничной войне не исполняли. Порубежной крепостью городу суждено было вновь стать лишь по воле Ивана Грозного.

Важнейшим источником по истории Усвята XVI в. является дошедший до нас в составе Литовской Метрики комплекс документов, названный при публикации в 1877 г. «Книга границам города Полоцка и Полоцкого повета с соседними поветами» (Писцовые книги 1877;

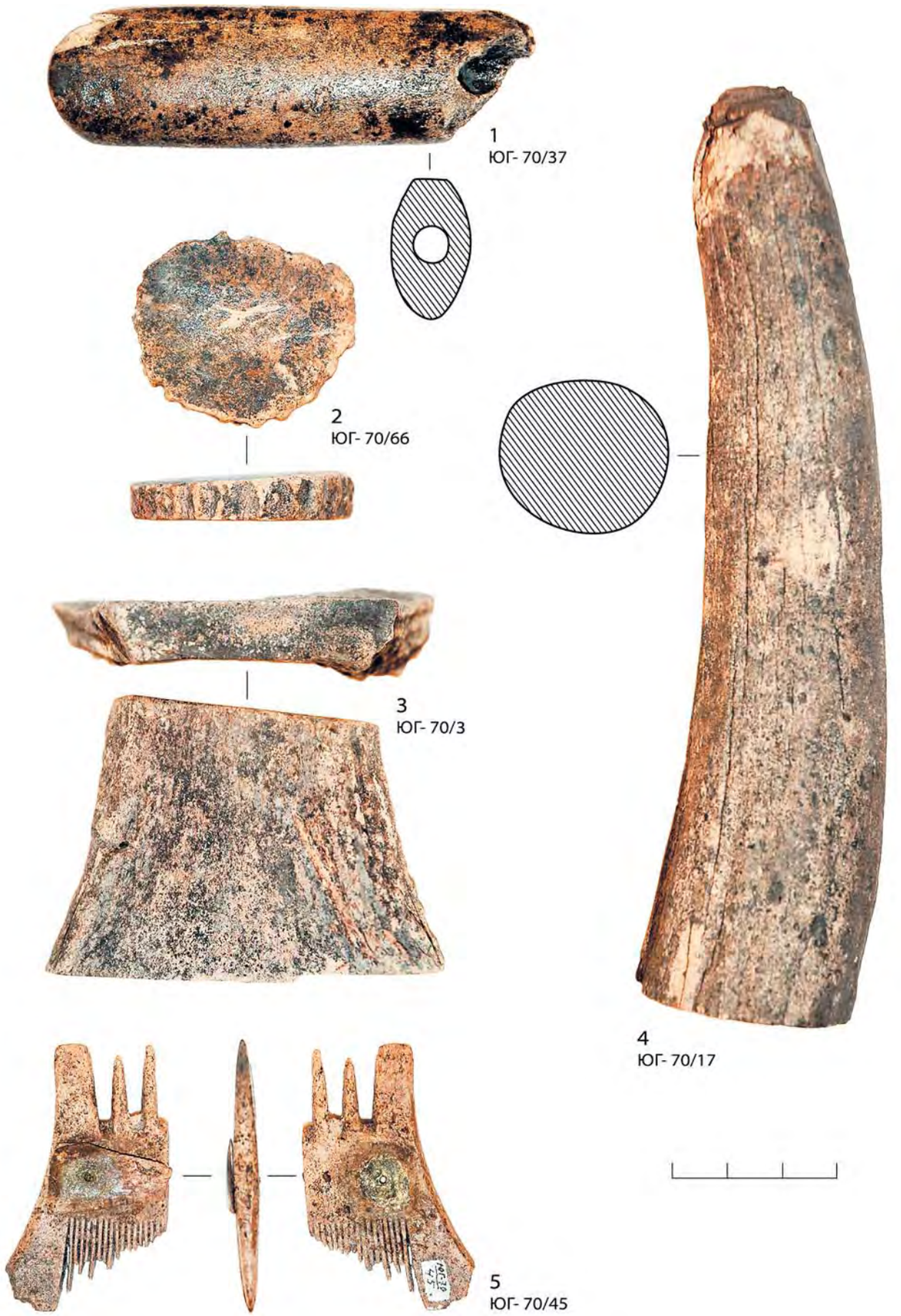


Рис. 166. Ур. Юрьевы Горы 1970 г. Предметы из кости и рога. 1 – раскоп II, кв. 2, 7 (глубина 0,3–0,5 м); 2 – раскоп II, кв. 6 (глубина 0,2 м); 3 – раскоп I (глубина 0–0,2 м); 4 – раскоп II, кв. 1, 6 (глубина 0–0,25 м); 5 – раскоп II, кв. 10 (глубина 0,55 м). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

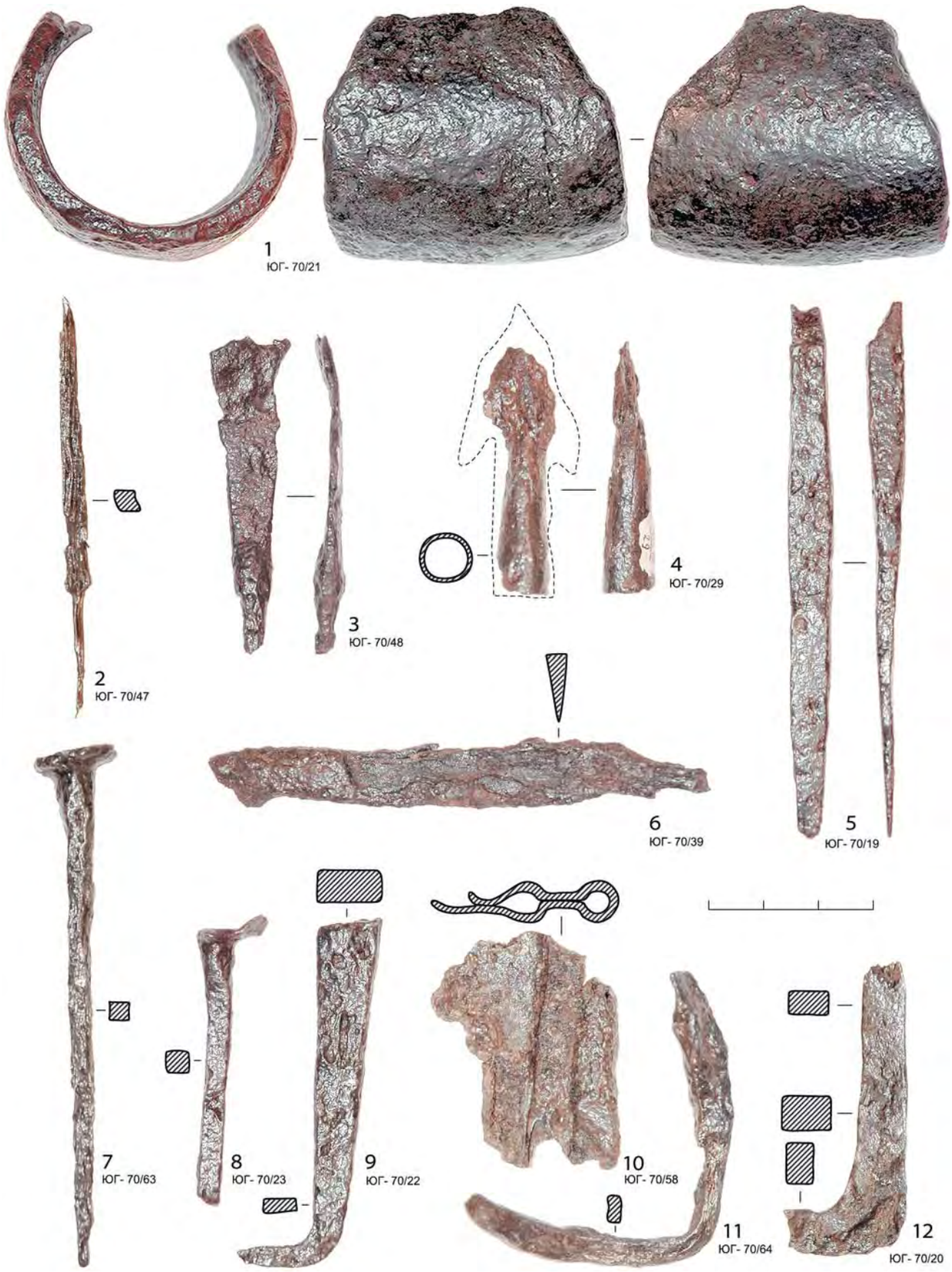


Рис. 167. Ур. Юрьевы Горы 1970 г. Предметы из железа (№ 4 – абрис до реставрации). 1 – раскоп II, кв. 1, 6 (глубина 0–0,25 м); 2, 3 – раскоп II, кв. 10 (глубина 0,55 м); 4 – раскоп II, кв. 3, 8 (глубина 0,4–0,55 м); 5, 12 – раскоп II, кв. 1, 6 (глубина 0–0,25 м); 6 – раскоп II, кв. 2, 7 (глубина 0,3–0,5 м); 7 – раскоп II, кв. 6 (глубина 0,2 м); 8, 9 – раскоп II, кв. 3, 8 (глубина 0,2–0,4 м); 10 – раскоп II, кв. 5 (глубина 0,4 м); 11 – раскоп II, кв. 6 (глубина 0,2 м). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

описание документов см.: Оглоблин 1880). Описание рубежей Полоцкого повета выполнено русской администрацией в процессе освоения земель, захваченных Москвой после взятия Полоцка в 1563 г. (о политике Москвы на этой территории см.: Ермак 2009: 137; Иван Грозный 2014). При этом в состав повета вошли две захваченные Москвой волости Витебского воеводства – Усвят и Озерище.

В «книге рубежей» имеется донесение, написанное озерищским воеводой князем Юрием Токмаковым в 1566 г. и содержащее информацию, полученную от первых лиц Усвята об истории городка на протяжении последних к тому времени двух поколений. Вот этот ценный документ:

> «А се сыскъ про Озерищскою Усвяцкую волость, а отдалъ сей списокъ князь Юрьи жъ Токмаковъ:
>
> Лѣта 7074 спрашивалъ Юшко Токмаковъ Озерищского уѣзда и Усвяцкіе волости войта и старостъ и лутчихъ людей про Озерищской уѣздъ и про Усвяцкую волость, какіе то волости бывали при королѣх, и къ которымъ городомъ тѣ волости тянули, и какую пошлину давали и у коихъ пановъ в урядѣ были, и Озерищской войтъ Азаръ Оѳонасовъ да Усвяцкіе волости староста Офремъ Петров, да бывшей староста Усвяцкіе жъ волости Иванъ Офремовъ сынъ Брюхно, да лутчіе люди Озерищского жъ уѣзда и Усвяцкіе волости Мануйло Двицкой, Терехъ Семеновъ, Гридка Степановъ (всего 15 челов.), Озерищскіе вол. староста Мосей Власовъ, да бывшей староста Озерищскіе жъ вол. Иванъ Гиря, да крестьяня (всего 33 челов.) сказали, что память ихъ застижетъ, а иные слыхали отъ отцовъ своихъ: волость Озерищская и Усвяцкая отписана от Витебска при королѣ при Казимерѣ (Казимир IV Ягеллон, великий князь литовский 1440–1492 гг. – *И. Е.*), а данщики, сказали, у нихъ были свои, а дань возили въ Вилну и данщики и бобровники и всякіе люди пріѣзжали къ нимъ на управу отъ короля изъ Вилны, а нынѣшнего короля (Сигизмунд II Август, великий князь литовский 1548–1572 гг. – *И. Е.*) отецъ король Жигимонтъ (Сигизмунд I, великий князь литовский 1506–1548 гг. – *И. Е.*) пожаловалъ далъ в держанье ихъ волость Озерищскою и Усвяцкую князю Кривенскому, а прислалъ его король изъ Вилны, а не изъ Витебска, и онъ-де ихъ сталъ судити неисправственно, и они пошли бити челомъ нынѣшнего короля отцу, что Кривенский судитъ не прямо, ихъ продаетъ, и король ихъ пожаловалъ далъ ихъ волости обѣ, Усвяцкую и Озорищскою, королевѣ своей Бонѣ (Бона Сфорца, вторая супруга Сигизмунда I, с 1518 г. – *И. Е.*), нынѣшнего короля матерѣ, на перстень, и королева къ нимъ прислала урядника своего на урядъ Станислава Кирдю тому 50 лет; и какъ у нихъ Кирдей былъ от королевы урядником на техъ обѣих волостяхъ, а послѣ Кирдея прислала к нимъ королева урядника своего Семена Углика, а при Семенѣ при Угликѣ учинилась война государева зимняя, какъ былъ въ Литовской землѣ князь Михайло Кислой въ войнѣ, а тогды былъ на Витебскѣ панъ Матфѣй Охмистровичъ, и они ихъ въ Витебскъ не пущали, и они дань давали государю на Лукахъ и къ цѣлованью ихъ приводили на Купую, а приводили ихъ къ цѣлованью Коровай да Иванъ Сѣрой да Павелъ Хвелинъ, и какъ-де утихла война, и они пошли бити челомъ королевѣ, что ихъ Витебскіе воеводы отступаютца, а въ городъ ихъ въ охсаду не пустятъ, и королева ихъ пожаловала, дала имъ урядника своего Ивана Черницына, и онъ ихъ судилъ и дань ималъ на королеву; а били они челомъ о своей нуждѣ королевѣ, а блюдясь государевы войны, что ихъ Витебскіе воеводы не пущаютъ въ городъ в осаду за то, что они не приписаны къ Витебску ничѣмъ, и королева-де поминала королю, и король ихъ пожаловалъ далъ грамоту къ своему Витебскому воеводѣ къ пану Матѳью Охмистровичю, чтобъ ихъ въ осаду пущалъ в городъ, а имъ пособляти города дѣлати, а давати съ дву волостей посошныхъ людей съ волости по 14 челов. да по пригонцу на всякой годъ, а ихъ посошнымъ дѣлати въ году 4 недѣли, а опричь того они къ Витебску не приписаны ничѣмъ и дани не давали никоторые и судъ у нихъ былъ свой, а судилъ ихъ урядникъ королевинъ, а послѣ Ивана Черницына былъ у нихъ урядникъ Станиславъ Садовской, а послѣ Станислава былъ у нихъ урядникъ Мартын Брыковской, ляхъ, а послѣ Мартына былъ у нихъ урядникъ отъ королевы жъ Марка Корсаковъ, а при Макарове (sic!) держаньѣ пожаловала сказала королева тѣми волостями Озерищскою и Усвяцкою Остафья Воловича, и Остафей прислалъ къ нимъ урядника своего Тимофѣя Гурку, и Тимофѣй у нихъ изъ Витебска посошныхъ людей и вывелъ, и с тѣхъ мѣстъ они посошныхъ людей и не почали давати, а тому лѣтъ съ 15, а воевода, сказали, тогды былъ на Витебскѣ князь Степанъ Збарежскій, а послѣ Тимофѣя былъ у нихъ урядникомъ отъ Остафья же Воловича Оникей Корсаковъ, **а Оникей у нихъ и городъ сдѣлалъ тѣми двѣма волостми Озерищскою и Усвяцкою**; а послѣ-де Оникея былъ у нихъ урядникомъ отъ Остафья жъ Сщасной Кособоцкой, а послѣ Щасного былъ у нихъ урядникомъ отъ Остафьяжъ Мартынъ Островицкой, **а при Мартынѣ и городъ взяли**, а къ Витебску они не тягивали ничѣмъ, опричь посошныхъ людей; а какъ королева отдала тѣ волости Остафью Воловичу, и Остафей прислалъ урядника своего, и они всякую подать давали въ Озерища, а въ Витебскъ и посошныхъ людей не давали» (Писцовые книги 1877: 433–434).

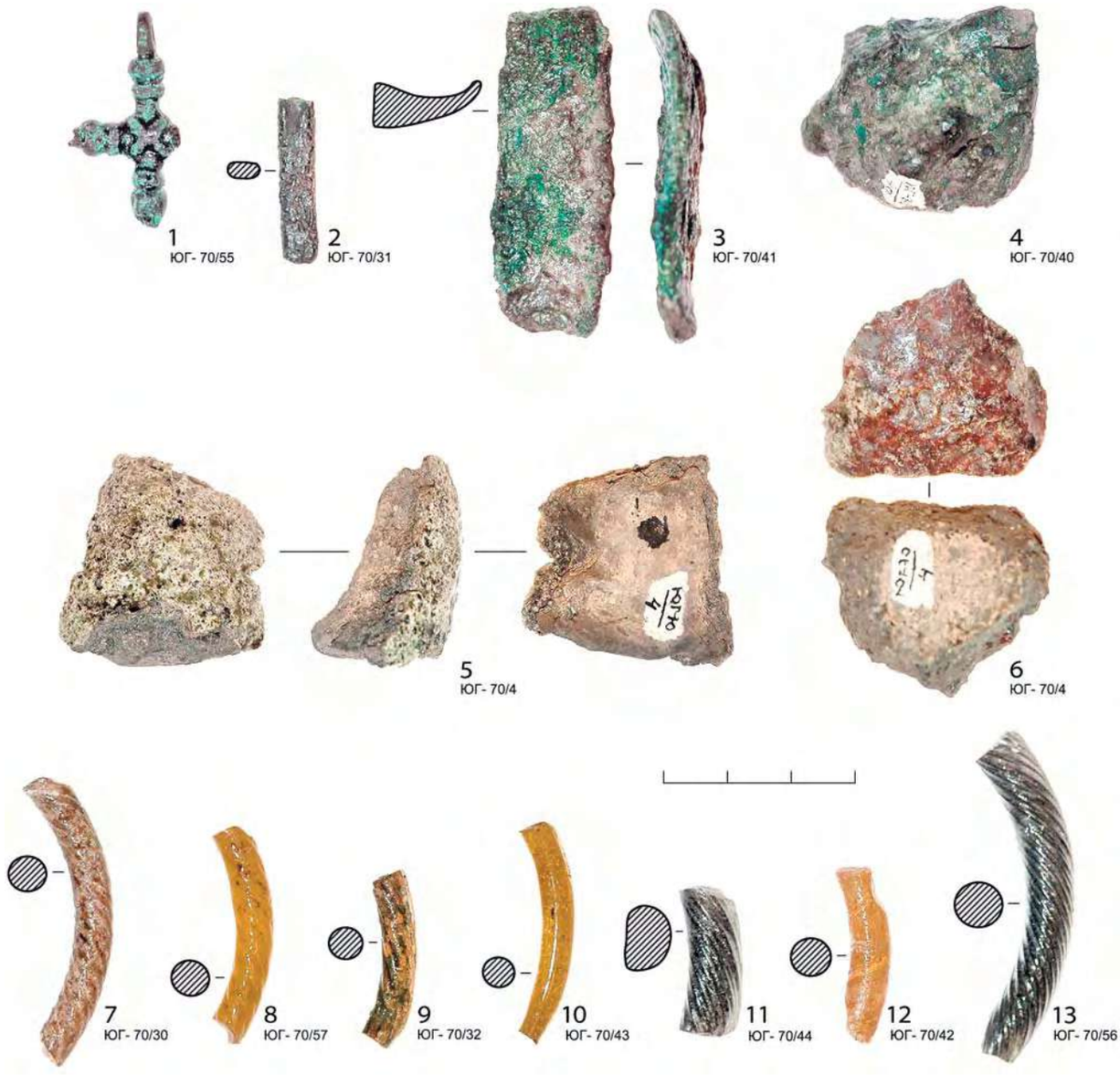


Рис. 168. Ур. Юрьевы Горы 1970 г. Находки. 1 – раскоп II, кв. 5 (глубина 0,4 м); 2, 7, 9 – раскоп II, кв. 3, 8 (глубина 0,4–0,55 м); 3 – раскоп II, кв. 2, 7 (глубина 0,2–0,5 м); 4 – раскоп II, кв. 2, 7 (глубина 0,3–0,5 м); 5, 6 – раскоп I (глубина 0–0,2 м); 8, 13 – раскоп II, кв. 5 (глубина 0,4 м); 10, 12 – раскоп II, кв. 2, 7 (глубина 0,2–0,5 м); 11 – раскоп II, кв. 10 (глубина 0,55 м). 1–4 – сплав меди; 5, 6 – глина (фрагменты ювелирных тиглей); 7–13 – стекло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Из приведенного текста следуют два вывода по интересующей нас теме. Во-первых, в период «государевой зимней войны» (князь Токмаков имеет здесь в виду вышеупомянутый московский поход в Литву в зимнюю кампанию 1534/35 г., одним из руководителей которого был воевода Михайло Кислой)[35] в Усвяте не было укреплений, по крайней мере – отвечающих требованиям своего времени. Во-вторых, к моменту захвата города московитами в середине 1560-х гг. (точнее, в интервале 1563–1566 гг.) в местечке уже имелся «город», т. е. укрепления, возведенные в бытность усвятским старостой Остафия Воловича при уряднике его Оникее Корсакове.[36] Примерно одновременно с усвятскими укреплениями появились фортификации и в соседнем Сураже. Резонную аргументацию этих акций (вполне актуальную и для Усвята) находим у автора «Записок о Московской войне»:

> «Во времена Сигизмунда Августа Стефан Збаражский, в то время воевода Витебский, теперь Трокский, желая предупредить неприятеля, наскоро укрепил местечко Сураж; он опасался, чтобы неприятель не овладел устьями рек Усвячи и Каспли, впадающих здесь в Двину, для постройки укреплений с целию соединения

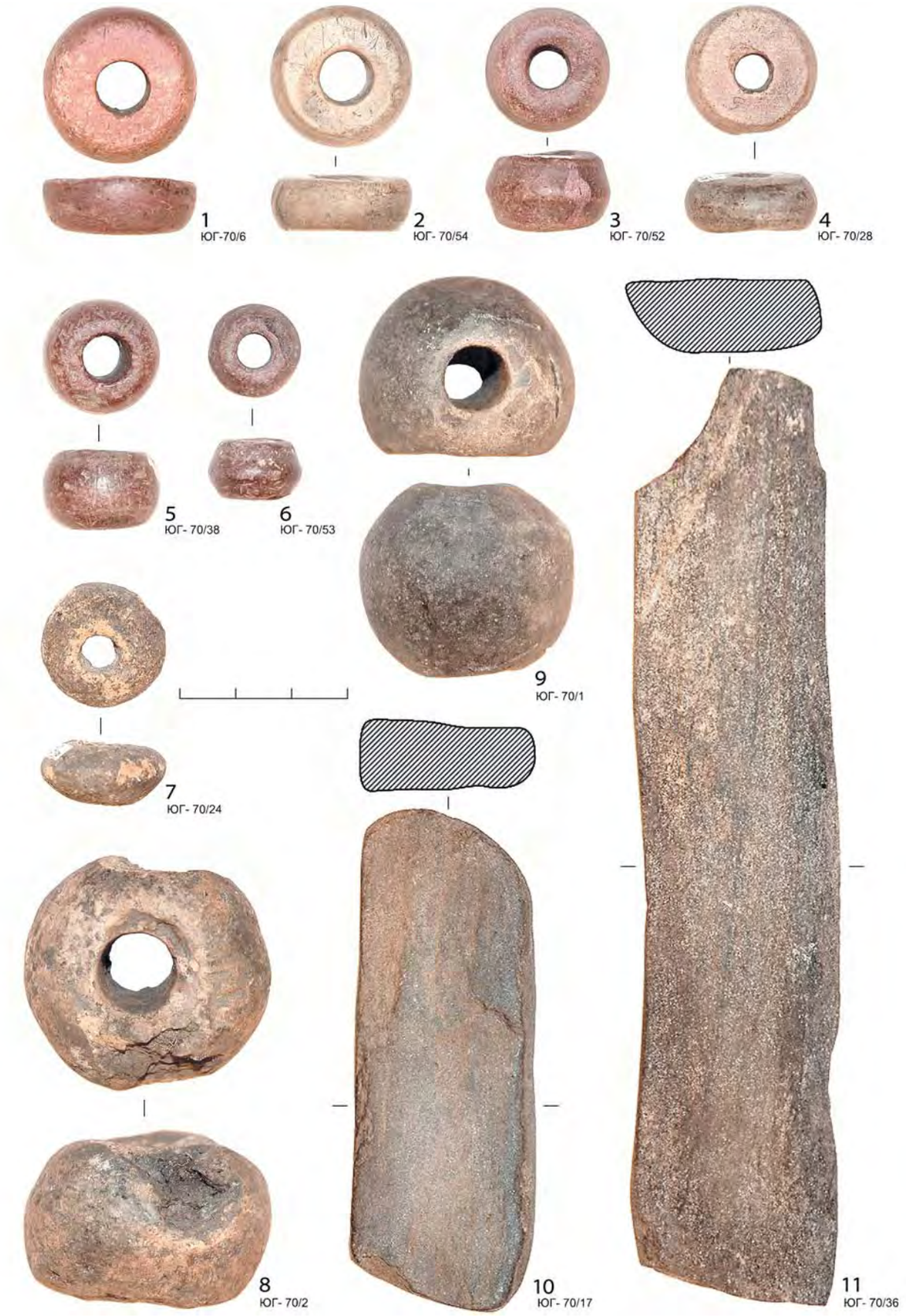


Рис. 169. Ур. Юрьевы Горы 1970 г. Находки. 1, 8, 9 – раскоп I (глубина 0–0,2 м); 2, 3, 6 – раскоп II, кв. 5 (глубина 0,4 м); 4 – раскоп II, кв. 3, 8 (глубина 0,4–0,55 м); 5, 11 – раскоп II, кв. 2, 7 (глубина 0,3–0,5 м); 7 – раскоп II, кв. 3, 8 (глубина 0,2–0,4 м); 10 – раскоп II, кв. 1, 6 (глубина 0–0,25 м). 1–6 – пирофиллитовый сланец; 7–9 – глина; 10, 11 – камень. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

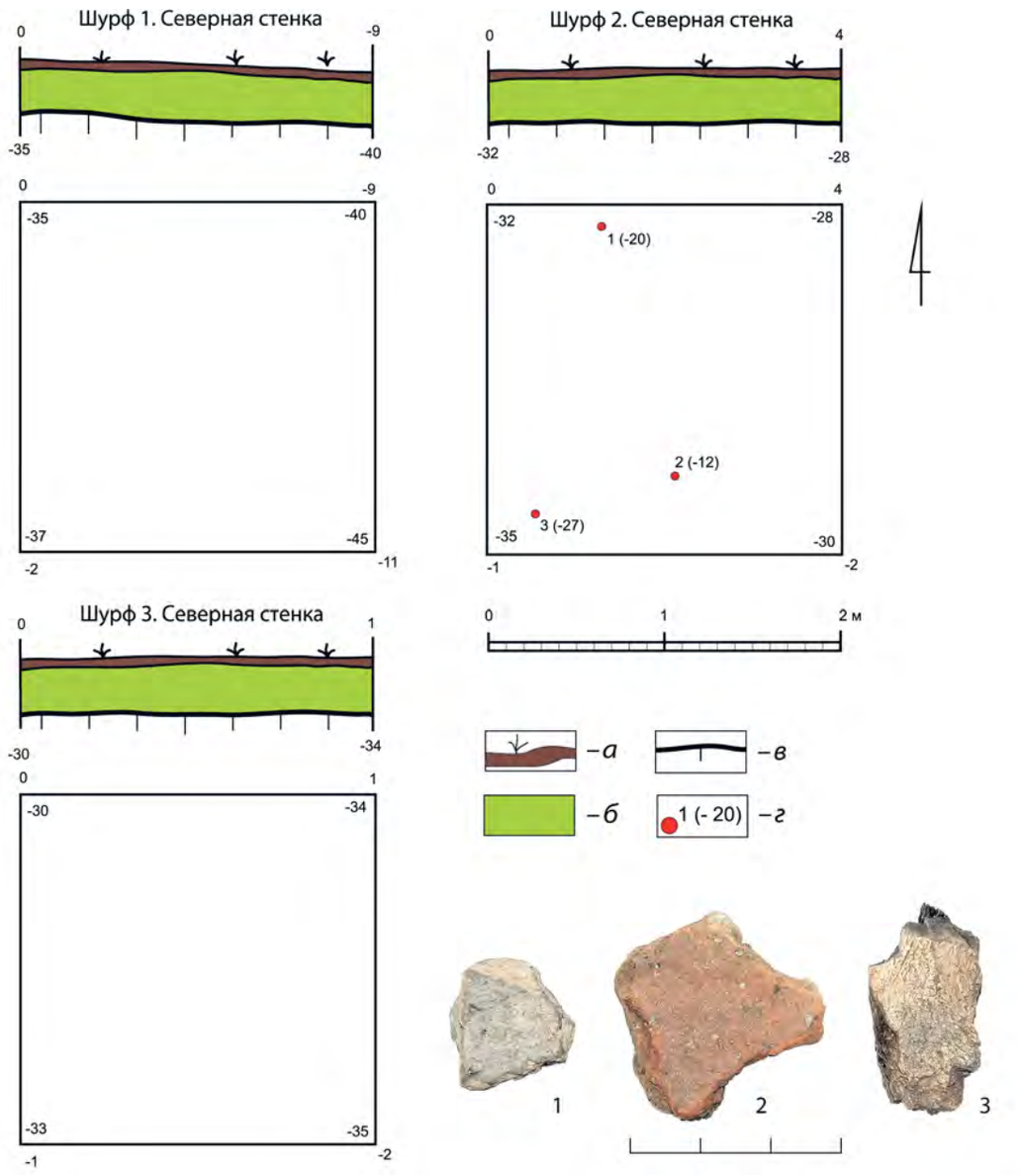


Рис. 170. Ур. Юрьевы Горы 2011 г. Планы шурфов, заложенных вдоль юго-восточной границы поселения, и находки из шурфа 2 (1, 2 – фрагменты гончарной керамики; 3 – осколок кости). *Условные обозначения: а* – дерн; *б* – пахотный слой (светло-бурый легкий суглинок); *в* – материк (желтый легкий суглинок); *г* – находки (фрагменты гончарной керамики и обломок кости)

областей Смоленской и Лукской, так как эти реки текут в Двину с противоположных сторон: Усвяча со стороны Великих Лук, а Каспля со стороны Смоленска. Сураж находится как бы на самой опушке вышеупомянутого леса» (Гейденштейн 1882: 116).[37]

Может быть, инициатива укрепления Усвята тоже принадлежала Стефану Збаражскому. Этот вопрос нуждается в дальнейших архивных изысканиях. Но вернемся в Усвят. Где же располагался «город Воловича»? На территории современного поселка Усвяты или еще на месте старого города в ур. Юрьевы Горы?

Ответ на этот вопрос дают, как мне представляется, московские писцовые книги, составленные после завоевания Усвята войсками Ивана IV.[38] К 7079/1571 г. относится опубликованное РГО описание границ Усвятской волости Полоцкого повета, куда включен следующий фрагмент:

«По Литовскому жъ рубежу съ оз. Усвята **р. Городочнею подъ городовую стѣну Усвятцкую подъ валъ да въ оз. Узмя**, и тою р. Городочнею до оз. Узмя верста, а отъ оз. Узмя рѣкою Ужаны до р. Молиницы 5 вер., отъ р. Ужаны рѣкою Молиницею до р. Ловоти 10 вер., а отъ устья р. Молиницы рѣкою Ловотью внизъ до устья р. Сеницы 20 вер.» (Писцовые книги 1877: 445).

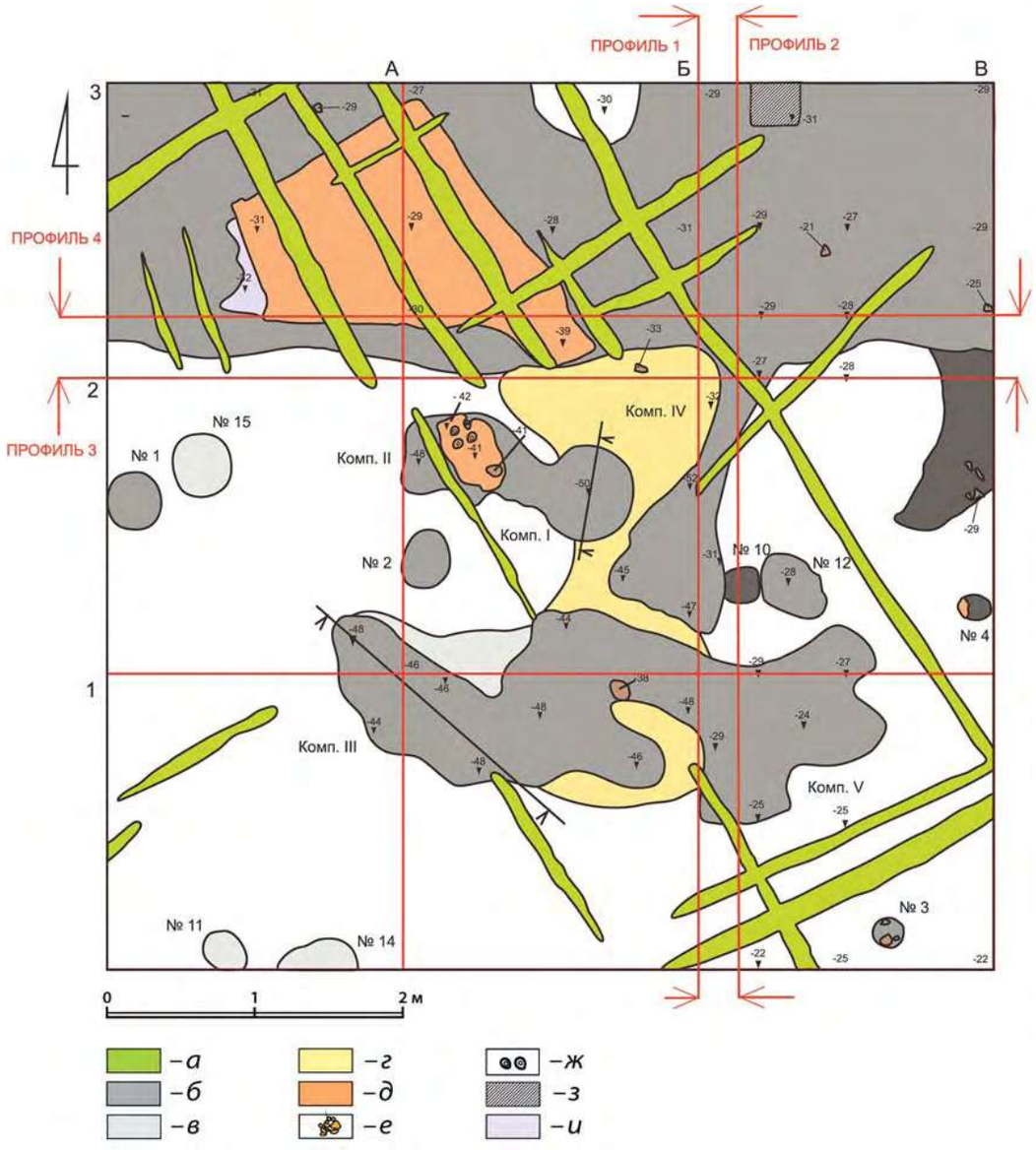


Рис. 171. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Материковые пятна. *Условные обозначения: а* – пахотный слой; *б* – темно-серая супесь; *в* – серая супесь; *г* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса; *д* – красная глина с серым гумусом; *е* – камни; *ж* – столбовые ямки; *з* – известь; *и* – зола

«Литовский рубеж» в тексте возник как результат неурегулированных пограничных разногласий Великого княжества Литовского и Московского государства. При описании границ Усвятской волости писцы заносили в книги не только «московские», но и «литовские» рубежи, т. е. те границы, законность которых на данный момент признавала только литовская сторона (Писцовые книги 1877: 443; Оглоблин 1880: 47). Разница между рубежами на местности достигала 40 верст (Писцовые книги 1877: 445; Янушкевич 2013: карта). Мне кажется, что, обозначая свой рубеж между озерами Усвятское и Узмень, литовские воеводы должны были пользоваться какими-то более или менее старинными ориентирами. Предположение, что они подвели границу под свеженасыпанный вал московской крепости, представляется маловероятным. Должно быть, они имели в виду какой-то литовский вал (стена на нем могла быть уже и московской). Разумеется, это предположение нуждается в дальнейшей проверке.

Как видим, вал и городовая стена (т. е. укрепления острога, окружавщего посад, примыкавший к замку) располагались между озерами Усвят и Узмень на берегу протоки, которая несла свои воды под самыми укреплениями. Отметим,

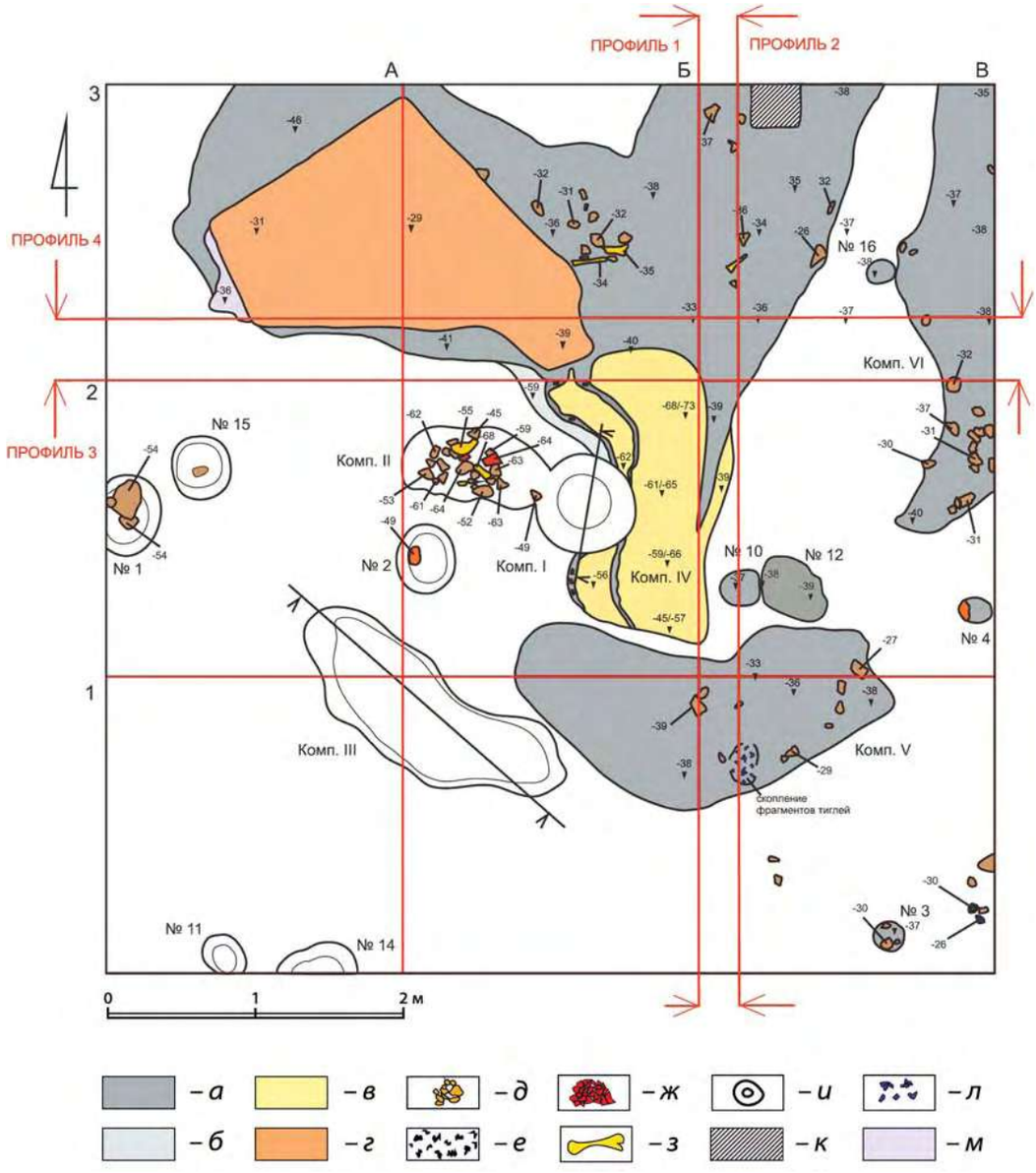


Рис. 172. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Комплексы I–III после выборки заполнения. Комплексы IV–VI до начала разборки. В плане видна двойная линия двуслойного углистого заполнения южной части комплекса IV. *Условные обозначения: а* – черная супесь; *б* – серая супесь; *в* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса; *г* – красная глина с серым гумусом; *д* – камни; *е* – угли; *ж* – развал керамического сосуда (указано положение фрагментов в комп. II – оп. 1, № 31); *з* – кости; *и* – материковые ямы; *к* – известь; *л* – фрагменты тиглей; *м* – зола

что из трех усвятских городищ это описание соответствует городищам Замковая гора и Бугор. Укрепления городища Прудок расположены на некотором удалении от протоки (см. далее описание археологических памятников). Вполне возможно, что город Воловича располагался на городище Бугор возле «усвятских кладей». Тот же документ 7079/1571 г. содержит и описание старого городища, попавшего после перемирия 1570 г. в категорию спорных земель:

> «Надъ оз. надъ Усвятомъ городище Старое Усвятцкое, а на городищѣ земля пашенная, а по смѣтѣ пашенные земли, что лѣсомъ не поросло, пер. во всѣхъ трехѣ поляхъ четьи съ 5, да пашенные жъ земли у городища лѣсомъ поросло по смѣтѣ въ длину на версту, а поперегъ на полвер» (Писцовые книги 1877: 445).

Как видно из этого отрывка, ситуация в Усвяте в середине XVI в. напоминала топографию Великого Новгорода: неподалеку от нового города располагалось «старое городище». Судя по названию «Усвятцкое», тогда живо было предание, помещавшее старый город на Юрьевых Горах (никакого другого городища с пашенными землями на берегах Усвятского озера нет). Важным представляется то обстоятельство, что

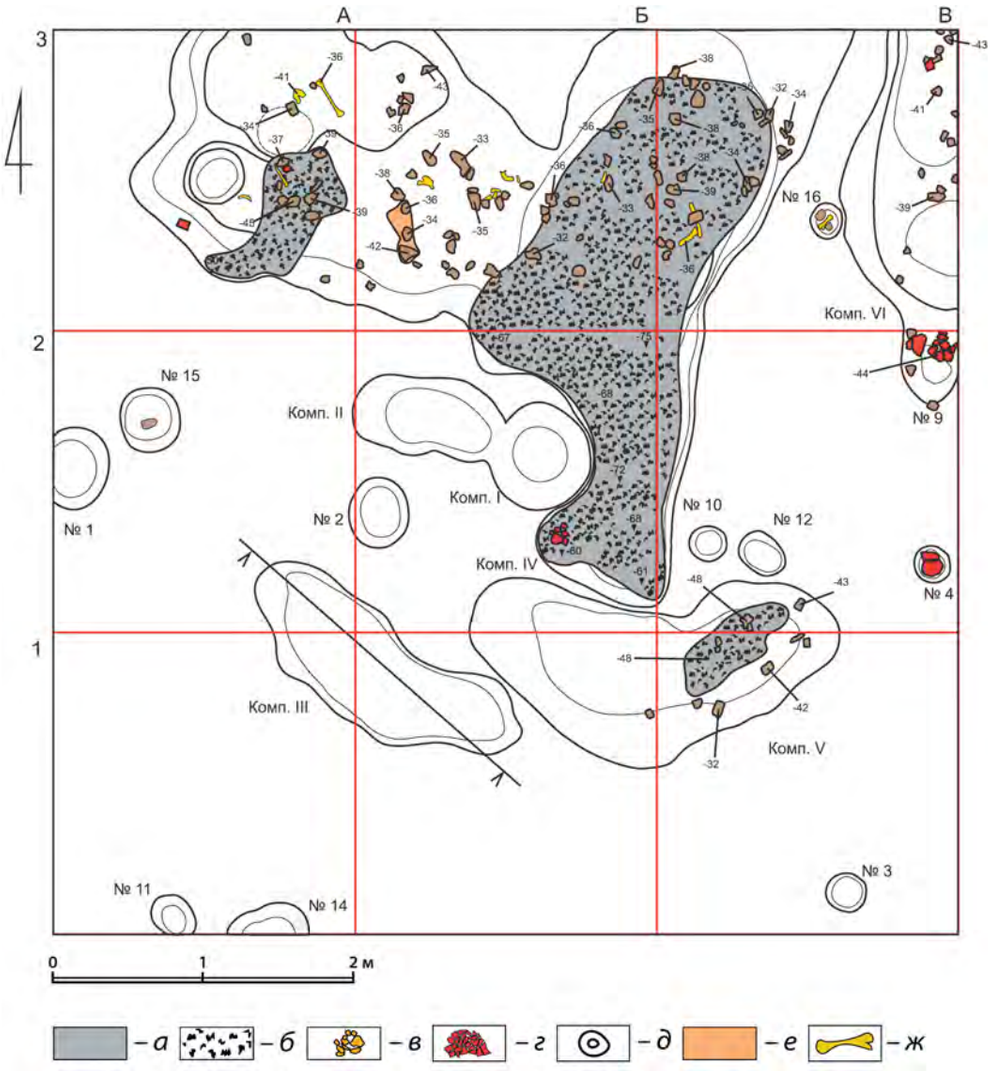


Рис. 173. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Комплексы I–III после выборки заполнения. Комплексы IV–VI на уровне пласта 1 и поверхности нижней углистой линзы. *Условные обозначения: а* – черная супесь; *б* – угли; *в* – камни; *г* – развал керамического сосуда; *д* – материковые ямы; *е* – красная глина с серым гумусом; *ж* – кости

окраины старого города к середине XVI столетия уже сильно заросли лесом.

Более детальную картину ландшафта на Юрьевых Горах дает отрывок, описывающий поместные земли, розданные во время Ливонской войны во владения новгородским детям боярским:

> «Пуст. Старое городище Усвято; пашни сер. земли 100 четьи, да пер. 50 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 20 коп., лѣсу непашенного 15 дес.; и то городище вопче съ Захарьем съ Харламовымъ, – Захарью: пашни сер. земли 50 четьи, да пер. 25 четьи, сѣна 10 коп., лѣсу непашенного 12 дес., а Ивану Путятину въ городищѣ: пашни сер. земли 50 четьи, да пер. 25 четьи, сѣна 10 коп., лѣсу непашенного 13 дес. <…> И всего за Иваномъ за Путятиным на Усвятѣ живущихъ 9 дер., а въ нихъ 10 дв., а людей 10 челов. да 7 пуст. съ полупуст. старого городища Усвята» (Писцовые книги 1877: 556–557).

Итак, окрестности старого города в середине XVI в. были покрыты лесом. В период функционирования здесь городского поселения вся пригодная для обработки земля на береговом плато Юрьевых Гор, безусловно, была расчищена, а лес сведен. Чтобы город зарос лесом, необходимо, на наш взгляд, не менее полустолетия. Таким образом, ***письменные источники свидетельствуют о том, что Усвят был перенесен на место современного поселка не позднее начала XVI в., задолго до основания здесь московской крепости.***

Московская крепость в Усвяте была построена летом 1566 г. Русские летописи комментируют это событие предельно кратко:

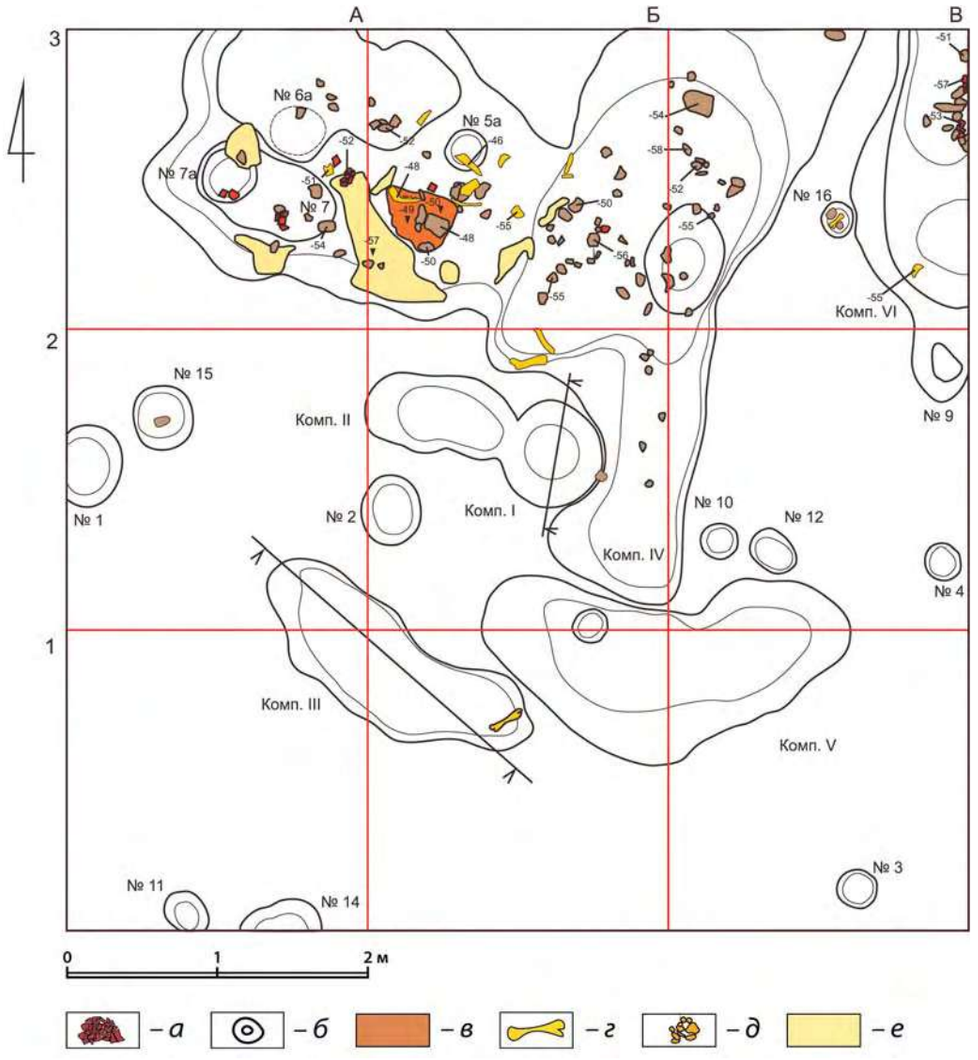


Рис. 174. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Комплексы I–III после выборки заполнения. Элементы заполнения комплекса IV на уровне пластов 2–5. Комплекс VI на уровне пласта 3. *Условные обозначения: а* – развал керамического сосуда; *б* – материковые ямы; *в* – красная глина с серым гумусом; *г* – кости; *д* – камни; *е* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса

> «Того же мѣсяца Іюля повелѣніемъ государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русіи поставленъ бысть городъ Усвято въ Усвятцкой волости Озерицкого повѣту» (ПСРЛ, т. XIII. 2000: 403).

Заново отстроенная военная база должна была, по плану Ивана IV, противостоять Суражу и особенно Витебску, составляя часть обширной системы фортификаций, призванных закрепить московские завоевания на землях Великого княжества Литовского и обезопасить «луцкие волости» от литовских набегов с витебского направления. Незадолго до основания усвятской крепости в конце зимы 7073/1565 г. (т. е. в начале 1566 г. по современному стилю) произошло одно из таких столкновений:

> «Тое ж зимы на другой неделе великого поста в среду приходили литовские люди, а воевали лутцкие волости, а воеводы литовские князь Бауш Корецкой и иные паны, да князь Ондрей Курбской да пан Патца витепской воевода да пан Варкалап Корсаков» (Разрядная книга 1974: 39).

Еще одно (а быть может, то же самое) столкновение «на Усветских озерах» отражено в письме Ивана IV, отосланном Сигизмунду Августу 24 апреля 7074/1566 г. (КП МВКЛ 1843: 289–290).

Неслыханное и немыслимое ранее событие – военное строительство московитов на спорных землях Полоцкого повета произвело в Литве чрезвычайно сильное действие. Литовская сторона заявила протест. В послании, привезенном в Москву вышеупомянутым послом Василием Загоровским, были следующие строки:

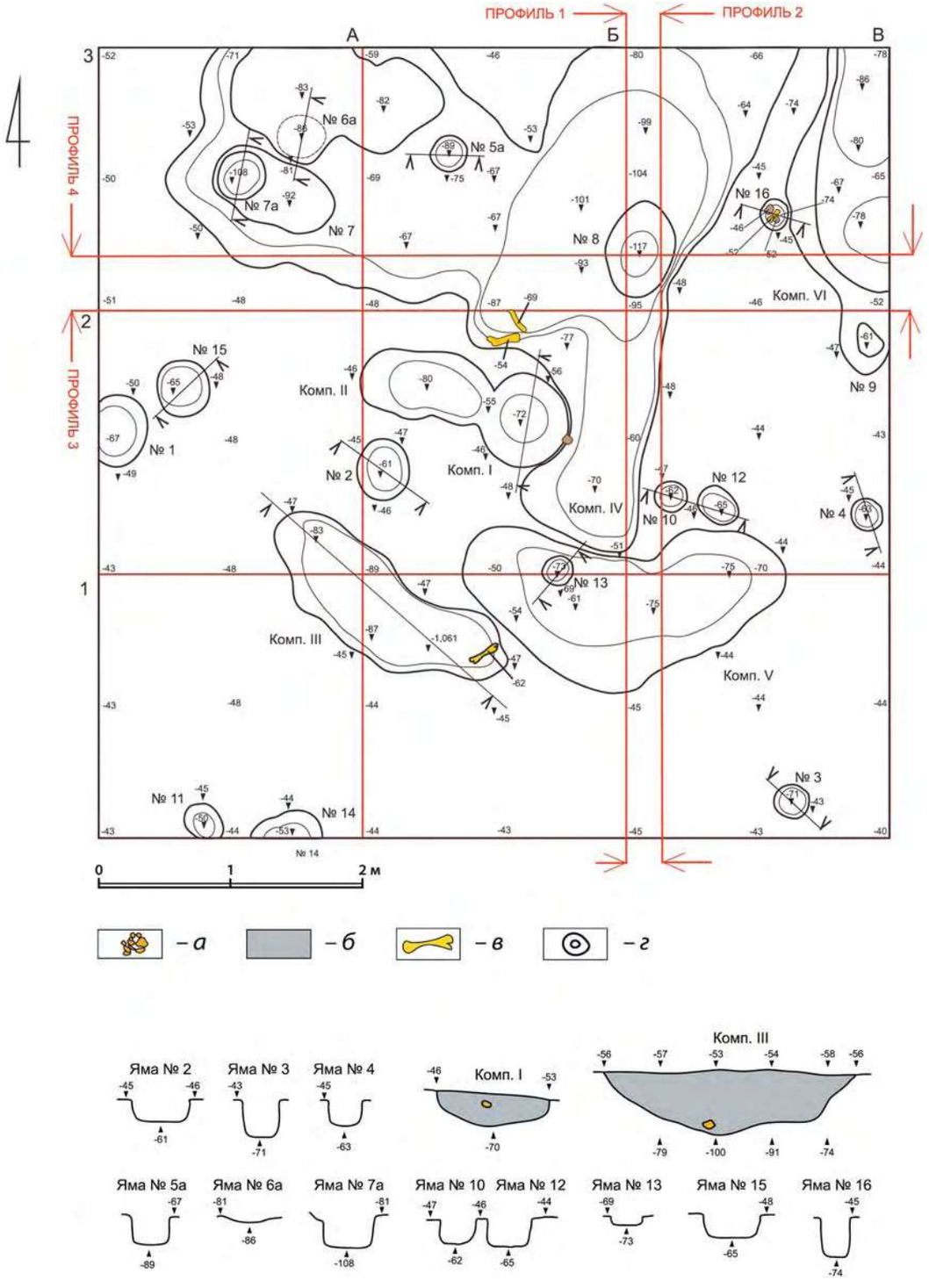


Рис. 175. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Комплексы I–IV после выборки заполнения. Нивелировка поверхности материка, разрезы материковых комплексов и профили ям.
Условные обозначения: а – камни; *б* – темно-серая супесь; *в* – кости; *г* – материковые ямы



Рис. 176. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Распределение находок в культурном слое.
Условные обозначения: а – находки с инвентарным номером (год раскопок, номер описи, номер находки)

«…нижли ты, братъ нашъ, таковое дело о добромъ успокоенье хрестианъскомъ зачатое, якобы за мало важечи, пословъ нашихъ черезъ часъ немалый въ себе задержавъши, у волости Усвецкой, которая здавна ку замку нашому Витебъскому прислухала, и въ доконъчаньи у сторону нашу описана, замокъ еси будовати казалъ. А тыхъ часовъ дано намъ ведати, ижъ въ паньстве нашомъ, на городищи названомъ Межеве, люди твои для будованья замку положилисе; а надъ-то все, мѣсяца октебра второгонадцать дня, люди твои пришедчи реку Двину, на усте реки Улы, въ паньство и отъчизну зъ давъныхъ продковъ держанья нашого, городъ будовати почали…» (КП МВКЛ 1843: 258).

Но помешать строительству московских укреплений было уже невозможно:

«Того же мѣсяца Генваря приходилъ къ царю и великому князю отъ Литовского короля посланникъ Василей Загоровской съ тѣмъ, что царевы и великого князя воеводы ставятъ городы въ королевѣ землѣ, а поставили городъ Усвято, городъ Улу, городъ Соколъ, и царь бы и великій князь городовъ въ королевѣ землѣ не ставилъ <…> И царь и великій князь писалъ къ Жигимонту королю въ своей грамотѣ съ Литовскимъ посланникомъ съ Василіемъ Загоровскимъ, что <…> городы царь и великій князь велитъ ставити во своей вотчинѣ въ Полотцкомъ повѣтѣ, что ему, государю, Богъ далъ» (ПСРЛ, т. XIII. 2000: 406).

В дальнейших переговорах о ситуации вокруг отстроенных московских крепостей фигурирует Усвят, «Усвящский город» или «город Усвят» с московской стороны (КП МВКЛ 1843: 261, 298) или «замок у волости Усвяцкой» с литовской (КП МВКЛ 1843: 264). Где же находилась крепость Ивана Грозного?

Важные сведения об Усвяте и его окрестностях содержат польско-литовские письменные

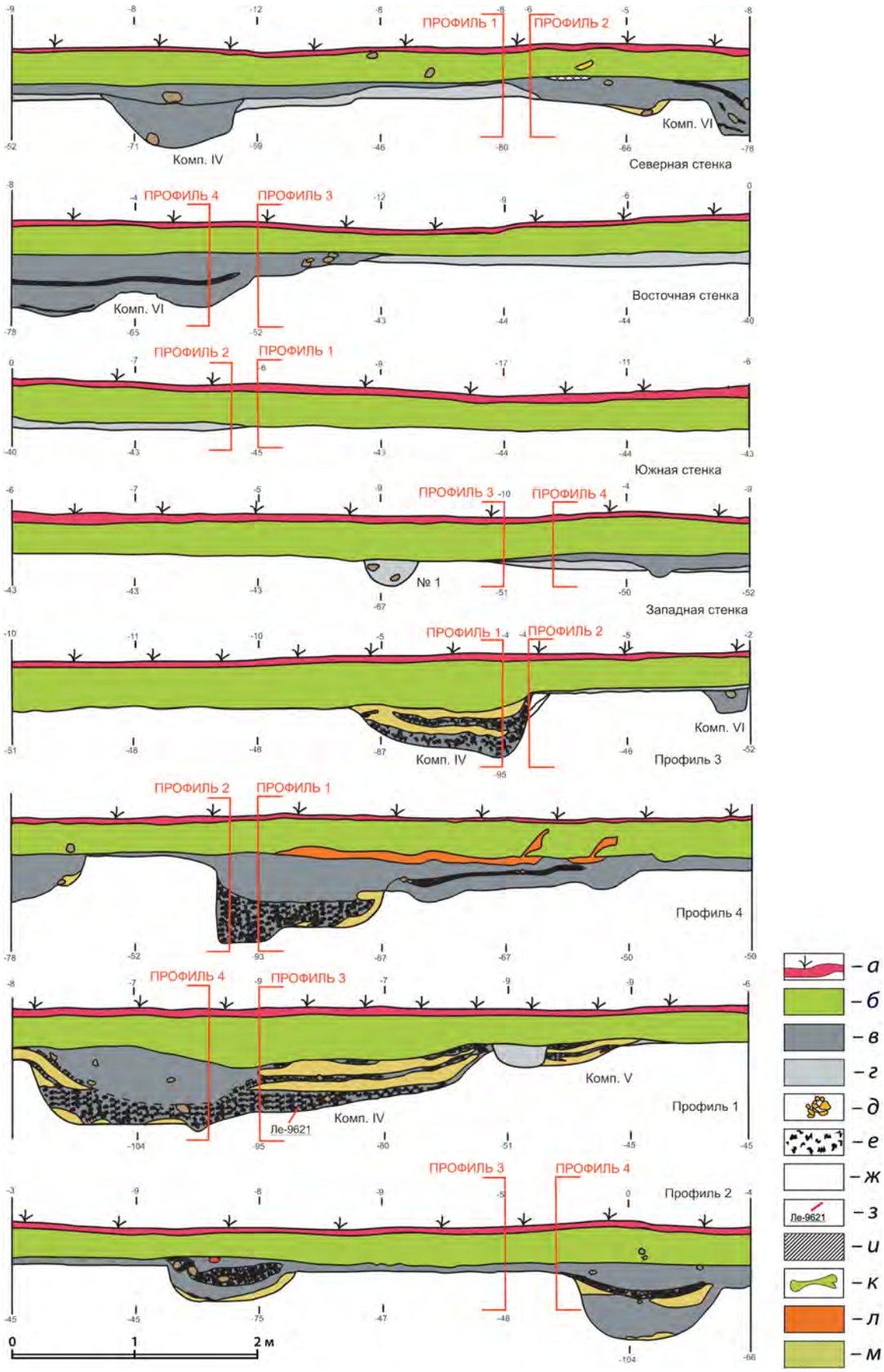


Рис. 177. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Профили стенок и контрольных бровок.
Условные обозначения: а – дерн; *б* – пахотный слой; *в* – черная супесь; *г* – темно-серая супесь; *д* – камни; *е* – угли; *ж* – материк; *з* – место отбора образца для радиоуглеродного анализа; *и* – известь; *к* – кости; *л* – красная глина с серым гумусом; *м* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса

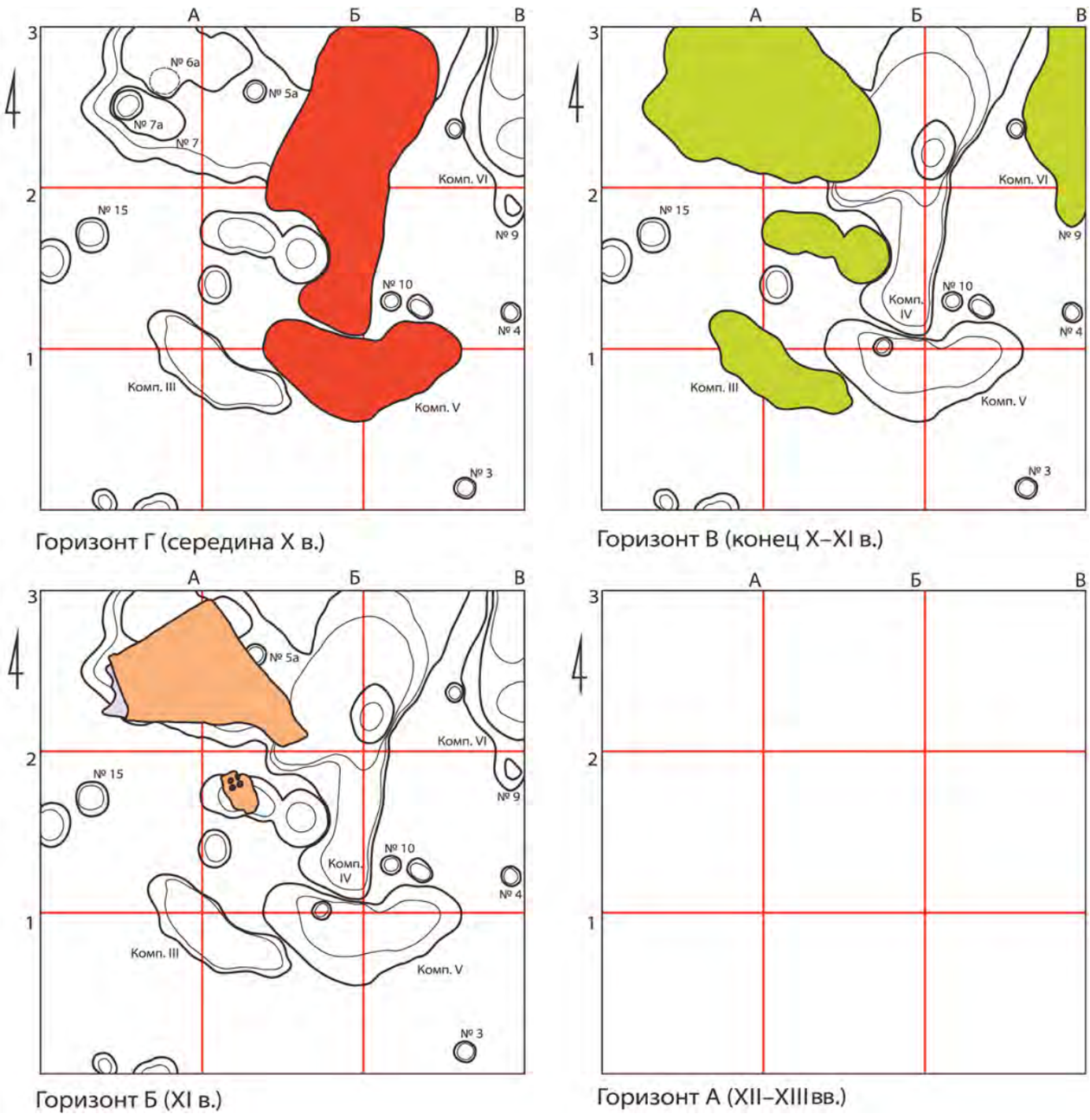


Рис. 178. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Этапы хозяйственного освоения и застройки территории

источники, связанные с Ливонской войной. По ним можно убедиться, что усвятская крепость под властью русского царя так и не была окончательно приведена в боевое состояние до своего падения в 1580 г. Краткое описание этого события в «Литовской и жмойтской кройнике»1580-х гг. уже цитировалось выше (с. 184). Подробные сведения о взятии Усвята мы находим в дневниках участников военного похода Стефана Батория в русские земли в 1580 г. 10 августа 1580 г. после взятия крепости Велиж часть польского войска под началом самого короля двинулась берегом реки Усвячи на север к Усвяту (Осада Пскова 2005: 134). 15 августа передовые части польской армии под командой гетмана Кристофа Радзивилла осадили крепость и предъявили ультиматум о сдаче ее защитникам. Дошедшие до нас в составе военного дневника Яна Зборовского, одного из офицеров польского войска, описания боевых действий под Усвятом представляют большой интерес для выяснения топографии крепости и города XVI в.



Рис. 179. Ур. Юрьевы Горы 2010 г. Раскоп 1. Комплекс IV. Слой пожара с лепной керамикой в основании культурных напластований. Вид с запада

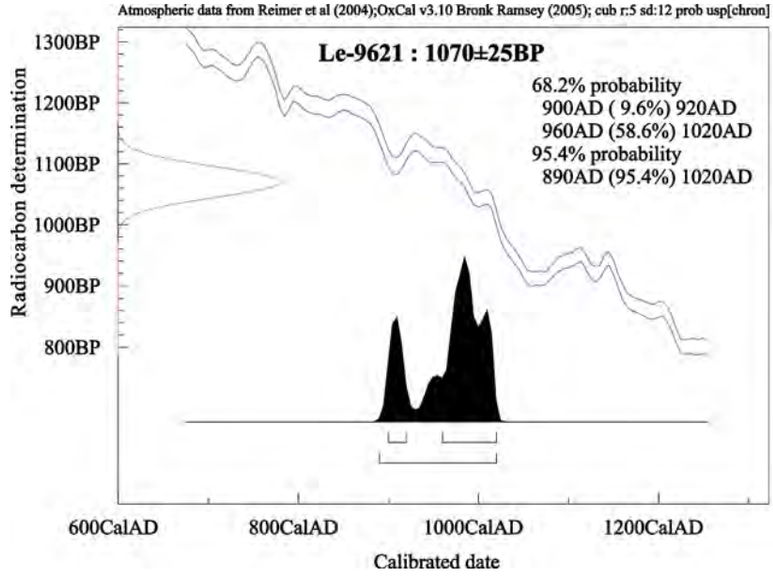


Рис. 180. Ур. Юрьевы Горы 2010 г. Раскоп 1. Радиоуглеродная дата, полученная по углю из нижнего слоя заполнения комплекса IV (слой пожара с лепной керамикой в основании культурных напластований). Анализ выполнен в Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН

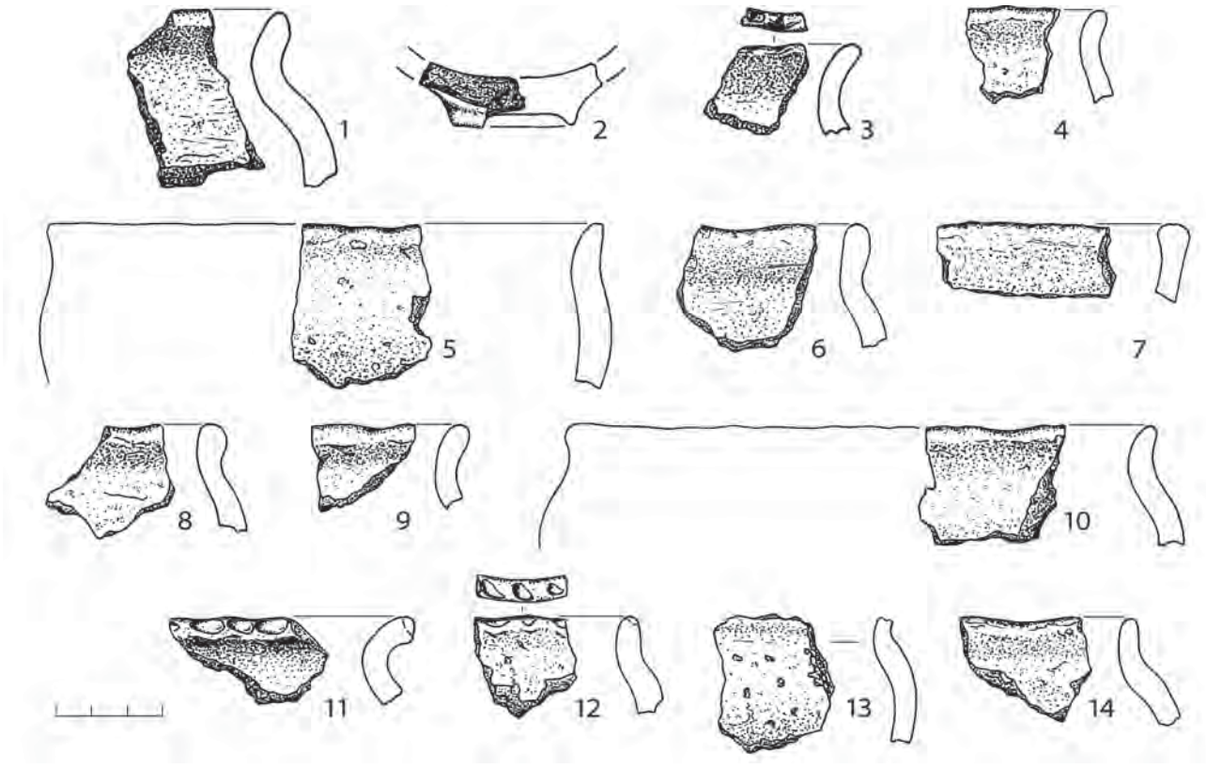


Рис. 181. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Лепная керамика из переотложенного культурного слоя. 1, 2 – кв. Б-1; 3 – кв. Б-2; 4 – кв. А-3; 5–7 – кв. Б-3; 8, 9 – кв. В-1; 10–13 – кв. В-2; 14 – кв. В-3

Как сообщает Ян Зборовский, для того чтобы осадить Усвятскую крепость, польскому войску, шедшему с юга по Усвяче, понадобилось переправиться через протоку неподалеку от крепости (Осада Пскова 2005: 136–137). Это указывает на то, что укрепление в 1580 г. находилось на северном берегу протоки, соединяющей озеро Узмень с озером Усвятским. Но, как мы знаем, к северу от протоки лежит цепочка из трех городищ – Прудок, Замковая гора и Бугор (рис. 109). Очевидно, замок Ивана IV находился на одном из этих старинных городков. Вопрос – на каком? Приведем выдержку из дневника Яна Зборовского с наиболее важными для нас записями:

> «Они отвечали, что не могут сдать крепость, не испытав своих сил в борьбе с нами; таким образом, они стали обстреливать в особенности ***переправу через брод, находящийся между озером под замком и другим озером, которое дальше. До места переправы долетали не только ядра из пушек, но и пули из хорошего мушкета.***
>
> На переправе были убиты из пушки 2 лошади и шляхтич Прокопович из свиты княжны Слуцкой. Вечером король послал 700 человек венгерской пехоты и столько же поляков, которые насыпали батареи очень близко под самым замком. Все-таки поляки устроили гораздо ближе, чем венгерцы. Заметивши это, венгерцы послали 20 своих к полякам, чтобы те не имели первенства. Русские заметили их только с рассветом, т. е. 16 августа. Они начали стрелять по польским траншеям, однако сделать ничего не могли; те находились так близко к крепости, что со стенных зубцов попадали в них каменьями. Из мушкета подстрелены двое венгерцев в окопах: один, думают, не выживет, другой только ранен в плечо.
>
> Русские, заметивши, что наши намерены вести правильную осаду, подали знак, что хотят вступить в переговоры. Несколько после полудня они сдались на следующих условиях. Во-первых, они потребовали, чтобы король даровал им жизнь, чтобы позволил с оружием свободно уйти кто куда пожелает, кто к своему государю, а кто к королю, причем чтобы было позволено каждому взять столько имущества, сколько можно снести на себе. С этим послали к королю, который, чтобы напрасно не терять времени, согласился на все.
>
> Русские сдали крепость в целости; ***в ней было литых пушек 8, гаковниц 50, пищалей 143, много пороху и ядер.*** Однако там было не так, как бывает в других крепостях. Причиной этого, как говорили, было то, что они не ожидали похода короля по этим землям. ***Всех боярских детей было 53, их слуг 50, они имели очень мало лошадей, так как несколько времени тому назад наши конные казаки отняли***

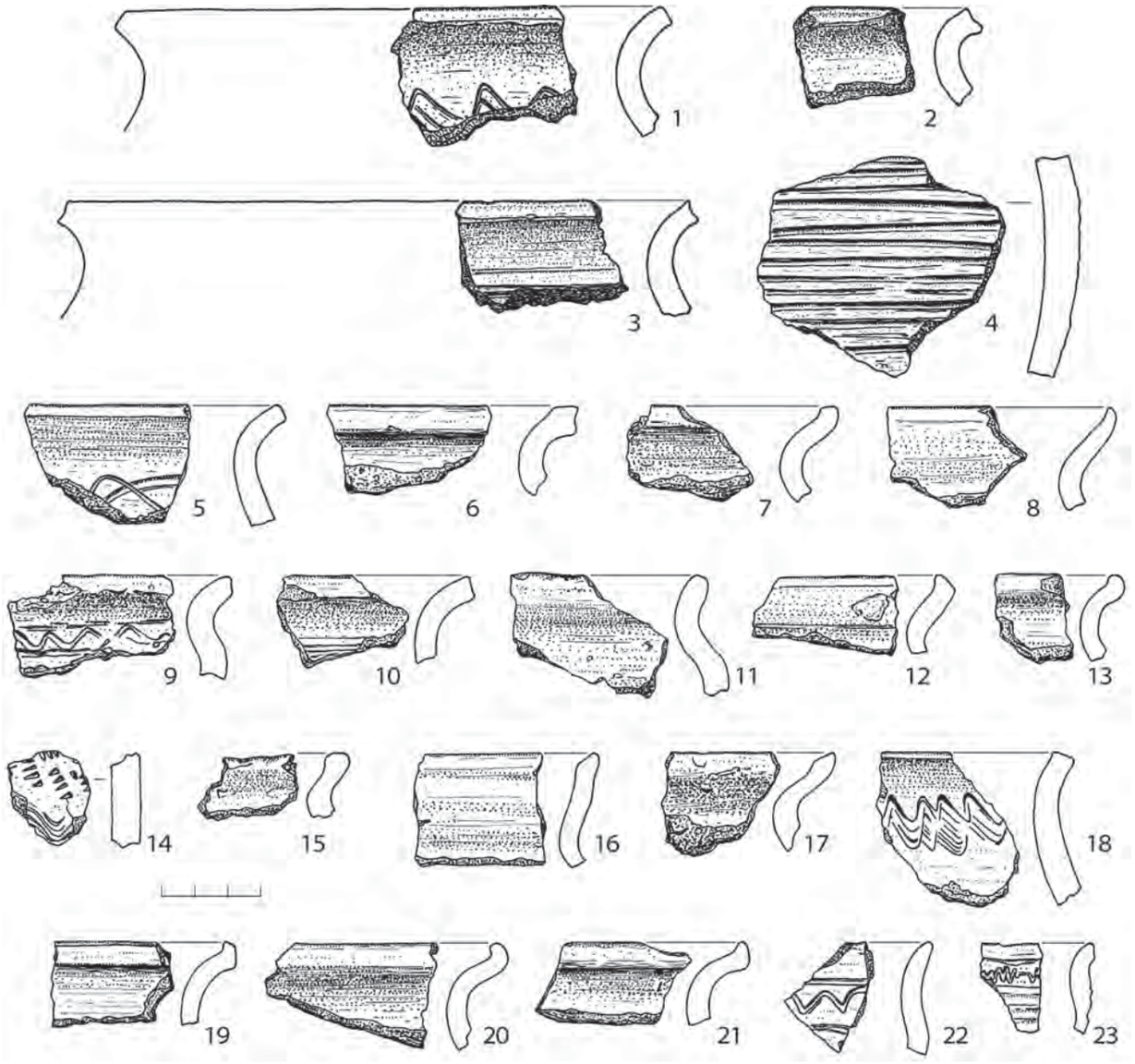


Рис. 182. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Гончарная керамика из переотложенного культурного слоя. 1 – кв. Б-1; 2 – кв. А-1; 3 – кв. А-2; 4 – кв. Б-2; 5–8 – кв. А-3; 9–14 – кв. Б-3; 15–17 – кв. В-1; 18–20 – кв. В-2; 21–23 – кв. В-3

> ***у них лошадей на пастбище. Стрельцов было всего 345, а простого народа 624.*** Из всех тех, которые сдались на милость короля, 64 пошли в Литву, все остальные в Москву, кроме крестьян, которые поселились там же, присягнув королю. Воевод король соблаговолил принять под свое покровительство. Однако так как последние не хотели добровольно выйти из замка и их вывели, то король отослал их в Витебск под крепким караулом. ***В этот день король, выехав на прогулку, смотрел издали на крепость и возвратился в лагерь***» (Осада Пскова 2005: 137–138).

Итак, как мы видим, крепость Ивана Грозного располагалась на расстоянии выстрела от переправы через протоку между озерами Узмень и Усвятское. В современных Усвятах есть две переправы (протока сужается только в двух местах) – одна из них (северная) у подножия городища Прудок (неподалеку от того места, где сейчас протоку пересекает шоссе Невель–Велиж), а вторая – у городища Бугор. На месте второй (южной) переправы расположены так называемые «усвятские клади» – легкие деревянные мостки, стоящие здесь с незапамятных времен и лишь по временам обновляющиеся на одном и том же месте после половодий (древнейшее изображение тропы, пересекающей здесь протоку, относится к 1867 г. – рис. 119). На юг от «кладей» идет дорога, вскоре разветвляющаяся. Правая ветвь ведет в деревню Дворец, а левая – в ур. Юрьевы Горы. Обе дороги, несомненно,

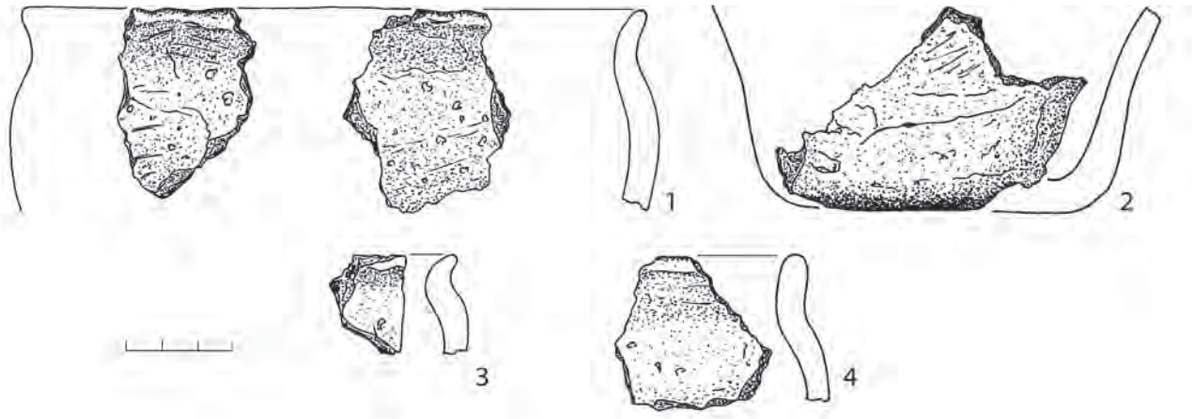


Рис. 183. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Лепная керамика из непотревоженного культурного слоя. 1 – кв. А-3, пл. 1; 2 – кв. А-3, пл. 2; 3 – кв. В-1, пл. 1; 4 – кв. В-3, пл. 2

очень древние. О них мы еще поговорим, когда речь зайдет об археологии Усвята.

Первый вопрос – о дистанции, на которой мог быть убит злосчастный шляхтич Прокопович. Высокий технический уровень русской артиллерии времен Ивана IV хорошо известен (Лобин 2010), а эпизод с обстрелом переправы – не последний случай недооценки войсками Речи Посполитой дальности русской стрельбы (можно вспомнить, например, известный эпизод с Баторием под стенами Пскова). Но дальность выстрела ядром из литого крепостного орудия XVI в., при самых смелых допущениях, не могла превышать 1000 м (в реальности, скорее всего, значительно меньше). Насчет оружия, из которого был произведен выстрел, А. А. Михайлов, переиздавший в 2005 г. дневник Яна Зборовского, сделал важное дополнение. Он заметил, что сделанный О. Милевским перевод неточен, и в оригинале стоит не слово «мушкет», а термин «гаковница» – т. е. тяжелое крепостное ружье большого калибра (не случайно польские интенданты, подсчитывая трофеи, учли по отдельности количество захваченных гаковниц и пищалей). Стрелять из него можно было не иначе, как установив его каким-то образом на станке, либо положив на перекладину и закрепив на ней ствол специальным крюком (Осада Пскова 2005: 160). Длина ствола такой тяжелой пищали могла достигать 3,3 м, а вес – до 60 кг (Маркевич 1994: 127). Что можно сказать о дальности стрельбы из подобного ружья? Еще недавно каждому охотнику было знакомо имя С. А. Бутурлина – одного из лучших в России специалистов по гладкоствольному оружию. По данным этого автора, круглая пуля из обычного гладкоствольного охотничьего ружья 16-го или 12-го калибра (что примерно сопоставимо с калибром крепостного ружья) способна наносить человеку раны на расстоянии до километра. Рикошетами же по земле круглая пуля 16-го калибра из дробовика может пролетать около 600 м (Бутурлин 1937: 315–316).[39] Мушкетная пуля XVI в., как сообщает другой известный знаток огнестрельного оружия В. Е. Маркевич, могла убить человека на расстоянии 400 шагов и наносить раны на предельном расстоянии до 600 м (Маркевич 1994: 70–71). Если же речь идет о крепостной пищали (в сущности, малокалиберной пушке), это расстояние следует несколько увеличить. Думаю, что при наших расчетах предельная дистанция выстрела все же не может превышать 600 м. Говорить о прицельном попадании на таком расстоянии, конечно, нельзя. Но пристрелять заранее по переправе несколько жестко закрепленных на станках гаковниц было для защитников усвятского замка делом не только вполне возможным, но, вероятно, и привычным. Вспомним, что в Усвяте сидела часть московского гарнизона, выведенная из захваченного ранее Баторием Полоцка, – опытнейшие солдаты, вызывавшие особую ненависть у наемников польско-литовской армии (Гейденштейн 1882: 70, 140; Новодворский 1904: 105). Если хотя бы 10 из 50 подсчитанных поляками усвятских гаковниц были, как писали в XVI в., «пристроены» подобным образом, залп по скучившейся на переправе кавалерии вполне мог бы дать описанный Зборовским эффект.

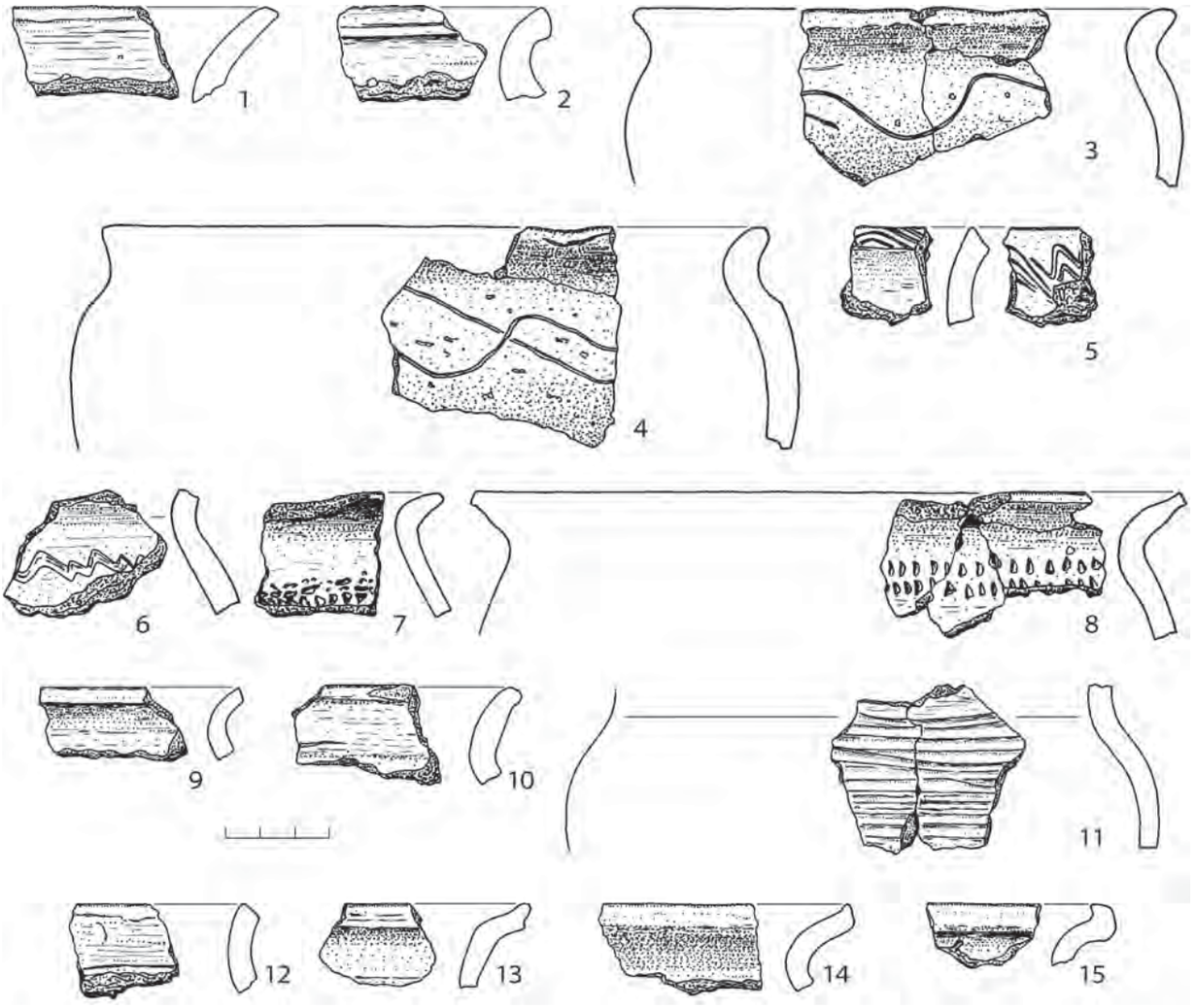


Рис. 184. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Гончарная керамика из непотревоженного культурного слоя. 1, 2 – кв. А-3, пл. 1; 3–8 – кв. А-3, пл. 2; 9–11 – кв. Б-1, пл. 2; 12–15 – кв. В-1, пл. 1

И вот здесь-то мы сталкиваемся с главной сложностью в определении топографии московской крепости. По карте (рис. 109) нетрудно увидеть, что центральное и самое большое из усвятских городищ – Замковая гора – находится на расстоянии около 700–800 м от северного брода и на расстоянии около 500–600 м от «усвятских кладей». Таким образом, обстрел северной переправы с Замковой горы через озеро Малое Усвятское видится маловероятным. Более реально выглядит попадание пищальной пули на предельных дистанциях в мишень в районе «усвятских кладей».

Правда, мы можем задать себе вопрос: а не располагалась ли русская крепость на одном из малых усвятских городищ? Отрицательный ответ на этот вопрос дает значительное количество людей и вооружения, сосредоточившегося в усвятской цитадели в 1580 г. Даже если допустить, что гарнизон крепости состоял лишь из стрельцов и «боярских детей и их слуг», то количество защитников составит 448 человек. Но из текста Яна Зборовского можно понять, что в крепости находились еще 624 человека, т. е. общее количество укрывшихся за стенами людей составляло более тысячи человек. Городище Бугор возле «усвятских кладей» не вместило бы и перечисленных русских военных людей, не говоря уже о посадском населении. Городище Прудок отличается бóльшими размерами, но тоже недостаточными для такого гарнизона. Кроме того, археологические обследования не выявили на этих городищах следов позднесредневекового поселения.

Вместить тысячный гарнизон и большое количество военного снаряжения могло только укрепление на северном берегу Городецкого

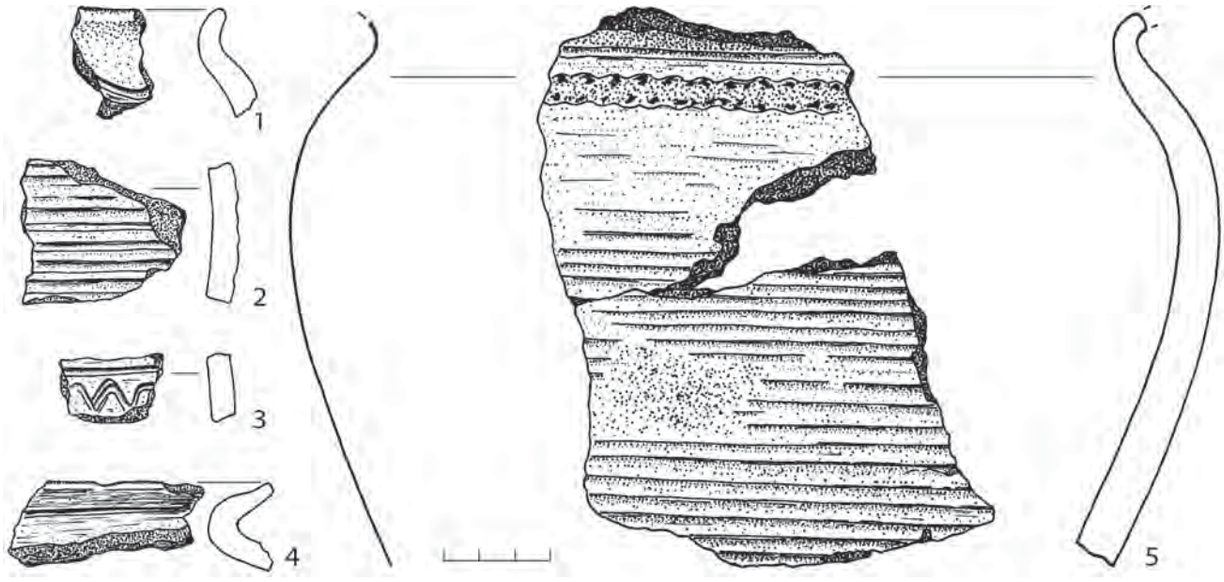


Рис. 185. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Керамика из заполнения комплексов. 1, 2 – комплекс I; 3, 4 – комплекс II, пл. 1; 5 – комплекс II: оп. 1, № 31 (1 – лепная; 2–5 – гончарная).

озера на Замковой горе, где известны и находки средневековой гончарной керамики. Там, видимо, и располагалась крепость, которую штурмовал Стефан Баторий. Скажем в заключение, что именно так трактовала сведения письменных источников и старая краеведческая литература (Живописная Россия 1882: 392; Брэжго 1933: 18).

Кроме локализации усвятского замка интерес представляет определение того места, на котором во время осады располагался лагерь Стефана Батория. В нем 18 августа (уже после взятия Усвята) состоялся военный совет, определивший дальнейший ход военной кампании 1580 г. и драматическую судьбу нескольких русских городов и крепостей. Именно отсюда Стефан Баторий двинулся на Великие Луки, а отряд полоцкого воеводы Николая Дорогостайского отправился осаждать Невель (Гейденштейн 1882: 144). Ян Зборовский на этот счет сообщает:

> «Die 17 Augusti. Король остановился над озером, которое тянется от лагеря к замку на 2 мили; он отправился в замок водою; я также находился с королем. Пан виленский от имени литовских панов сдал крепость королю, произнеся при этом длинную речь» (Осада Пскова 2005: 138).

Учитывая то, что король подошел к Усвяту с юга, единственным удобным местом для лагеря было урочище Юрьевы Горы – древнее усвятское городище к западу от истока Усвячи из озера Усвятское. В таком случае понятен и эпизод с королевской рекогносцировкой 16 августа. Только отсюда, выехав на прогулку, король мог ***издали*** смотреть на крепость, расположенную по другую сторону озера Малого Усвятского. Берег здесь предоставляет наилучшие условия для обзора укреплений на Замковой горе. Кроме того, – остановись Баторий лагерем по другую сторону истока Усвячи, конная поездка была бы невозможна по причине топкости берегов реки при выходе ее из Усвятского озера.

Немаловажным должен был быть и «идеологический эффект» от обустройства лагеря Батория на старом усвятском городище, где изложенная нами выше по «Литовской и жмойтской кройнике» легенда (конечно, известная тогда Баторию и его литовским вассалам) помещала древнюю столицу Ольгерда.

Пользуясь случаем, упомянем немногочисленные находки из раскопок и сборов на Юрьевых Горах, которые могут быть связаны с лагерем Стефана Батория. Начнем с находок из раскопов. Это железная кованая пуля, вероятно, от крепостной пищали (рис. 455: 4). Такие пули в легкой артиллерии применялись в начале XVI–начале XVIII в., известны они, например, во Пскове (Салмин 2011: 28). Характерна для XVI–XVII вв. круглая свинцовая пуля (рис. 455: 5) калибром 1,2 см, отлитая в составной форме (Двуреченский 2008: 67–68; Салмин 2011: рис. 1: 1). Пищаль, для стрельбы из которой предназначались такие боеприпасы, недавно найдена в Усвятах (рис. 455: 1).

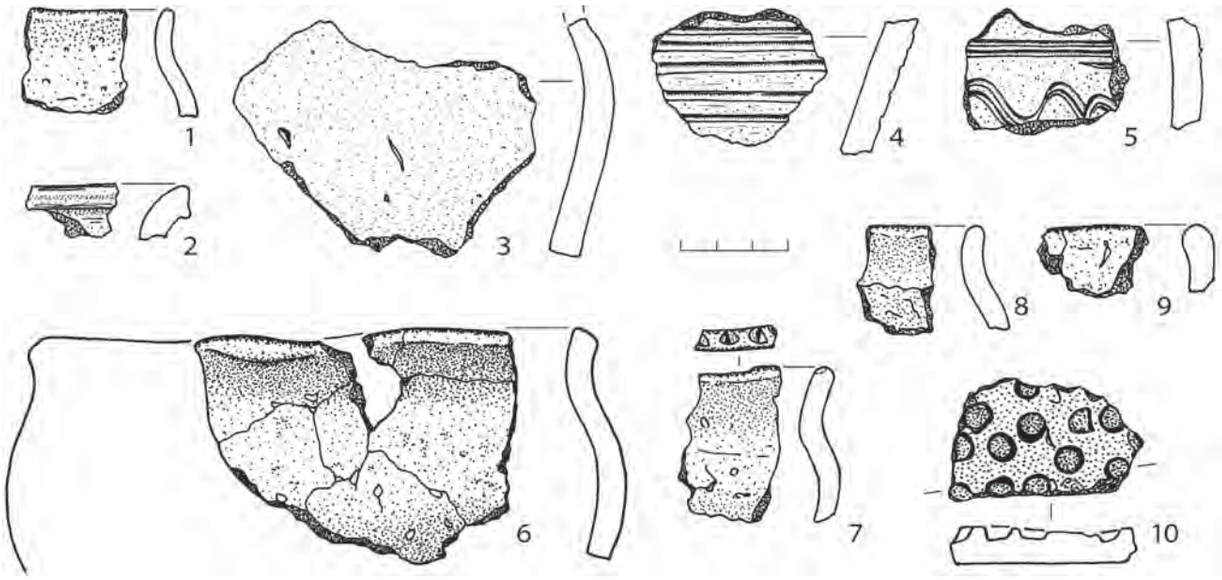


Рис. 186. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Керамика из комплекса III (1–5 – пл. 1; 6–10 – пл. 3; 1, 6–10 – лепная; 2–5 – гончарная)

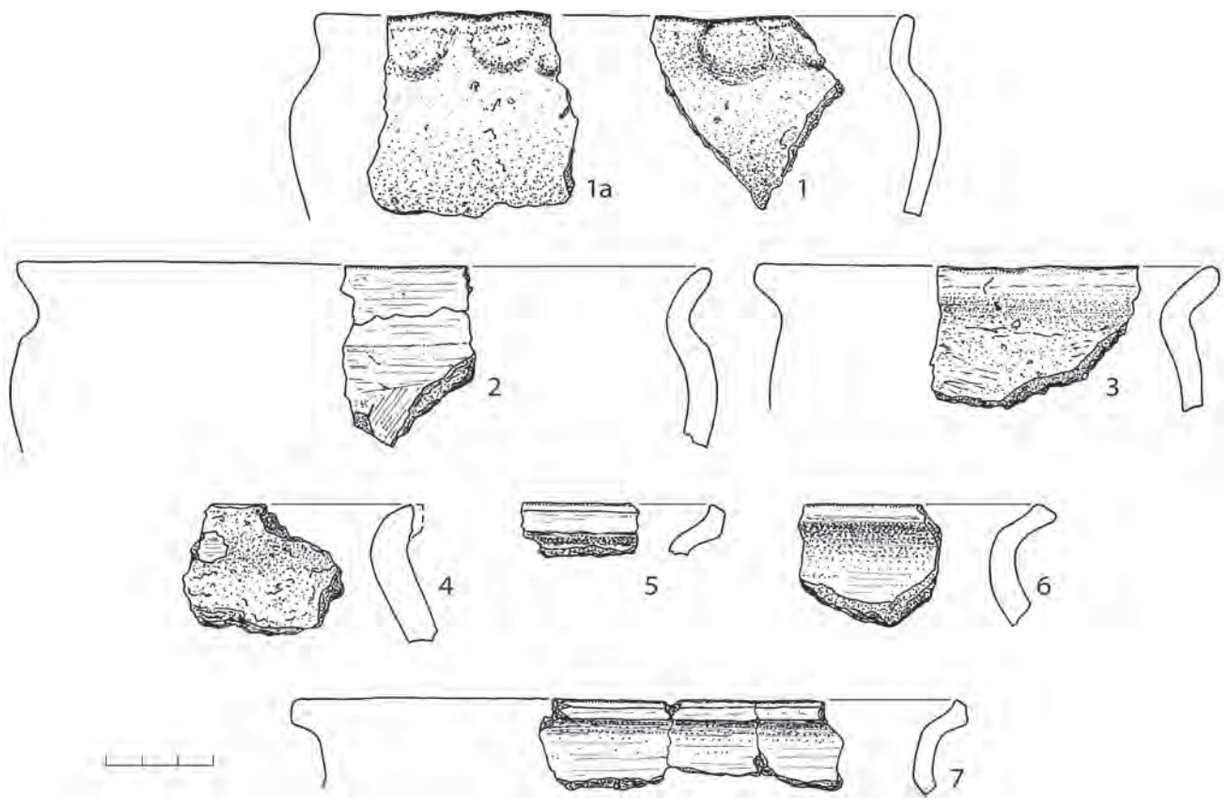


Рис. 187. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Керамика из линзы красной глины (глинобитная печь?). Один фрагмент из комплекса IV, пл. 2: 1а – оп. 1, № 14 (1, 2 – лепная; 3–7 – гончарная)

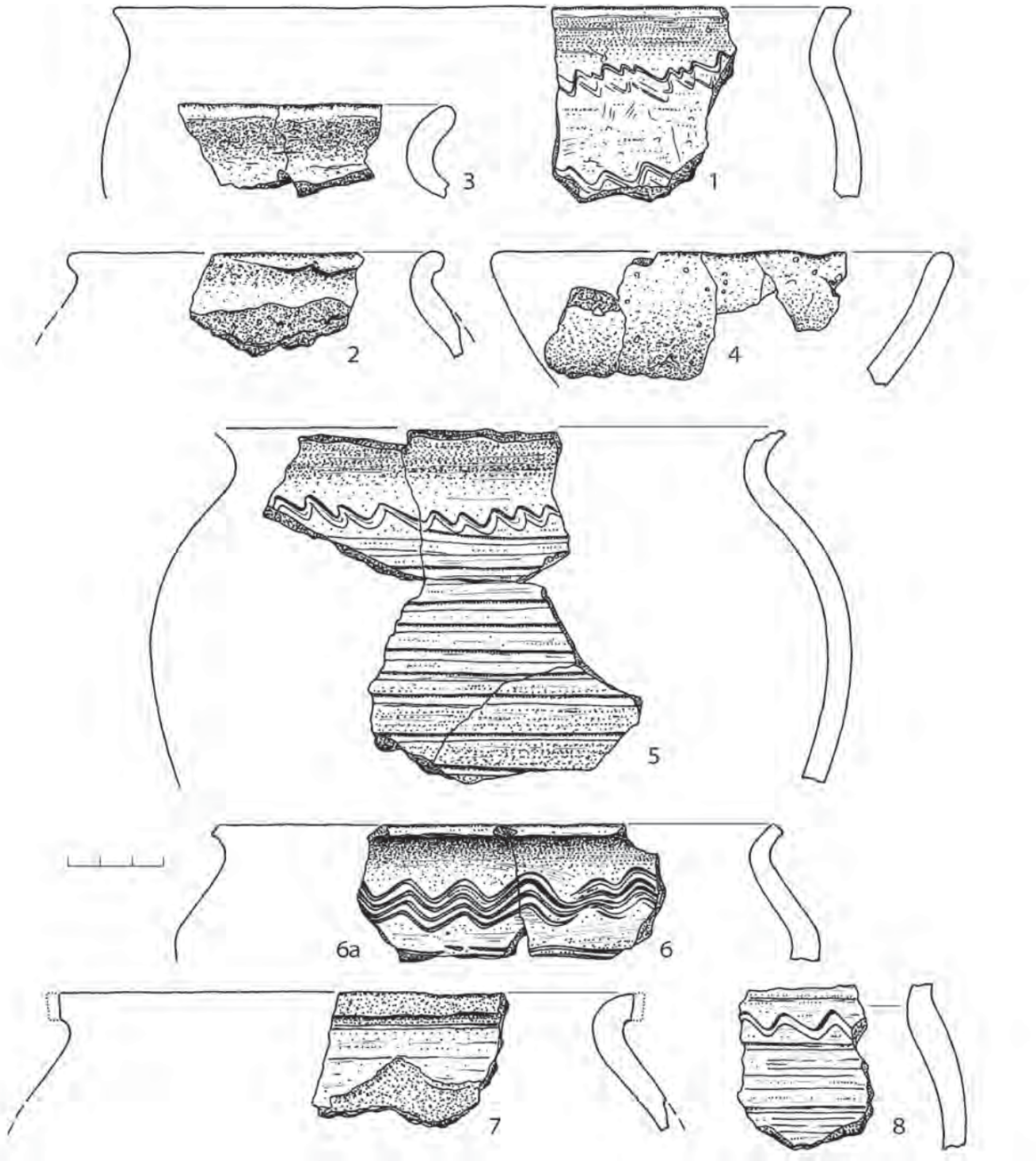


Рис. 188. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Керамика из комплекса IV. 1, 2 – кв. В-2, пл. 1; 3 – кв. В-3, пл. 1; 4 – кв. Б-3, пл. 1; 5 – кв. Б-3, пл. 1 и кв. А-3, пл. 2; 6 – кв. Б-3, пл. 2; кв. В-3, пл. 2; 7, 8 – кв. Б-3, пл. 2 (2–4 – лепная; 1, 5–8 – гончарная)

Ее подробное описание помещено ниже в разделе 2.6. Самой яркой из находок, предположительно связанных с польско-литовским военным лагерем, является сильно затертый серебряный литовский денарий Александра I (1501–1506 гг.) (рис. 455: 2). Хотя монета бита задолго до Ливонской войны, но в кладах она выпадает вплоть до начала XVII в. Денарий происходит из верхней части раскопа 2 (2010/2013 гг.) городища на Юрьевых Горах – с того самого места, на котором, по-видимому, и стоял шатер Батория.

Среди подъемного материала обращает на себя внимание пуговица сферической формы, по плечику которой нанесен поясок из косых крестиков (рис. 455: 6). Нижняя часть украшена четырехконечной звездой, между лучами которой группируются орнаментальные элементы из трех точек. Вещица выполнена из белого металла. Аналогии пуговице известны мне в позднесредневековых напластованиях Могилева, датированных суммарно XIV–XVIII вв. (Археалогія Беларусі 2001: мал. 184: 4) и в сборах на селище Чирково I на Кубенском озере (Макаров 2007: рис. 40: 4).

Керамика, которая может датироваться XVI–XVII вв., на Юрьевых Горах представлена единичными фрагментами. Среди них – обломок тонкостенного сосуда из так называемой каменной массы (рис. 455: 3).

Но вернемся к письменным документам. Еще одним ценным источником по истории штурма Усвята Баторием является сочинение Рейнгольда Гейденштейна «Записки о Московской войне». Этот автор не принимал личного участия в походе (Гейденштейн 1882: X, XI), но имел возможность работать с документами и ветеранами войны по горячим следам событий.

Из текста Гейденштейна можно понять, что до построения Иваном Грозным в 1566 г. крепости в Усвяте эта местность не имела современных укреплений (Гейденштейн 1882: 50, 52). Вероятно, замок, построенный при Оникее Корсакове, быстро обветшал. Вообще строительство порубежных крепостей в Великом княжестве Литовском накануне и в начальном периоде Ливонской войны шло весьма медленными темпами (Устинович 2010).

Чрезвычайно важным для выяснения топографии Усвята представляется сообщение Гейденштейна о том, что первый набег войск

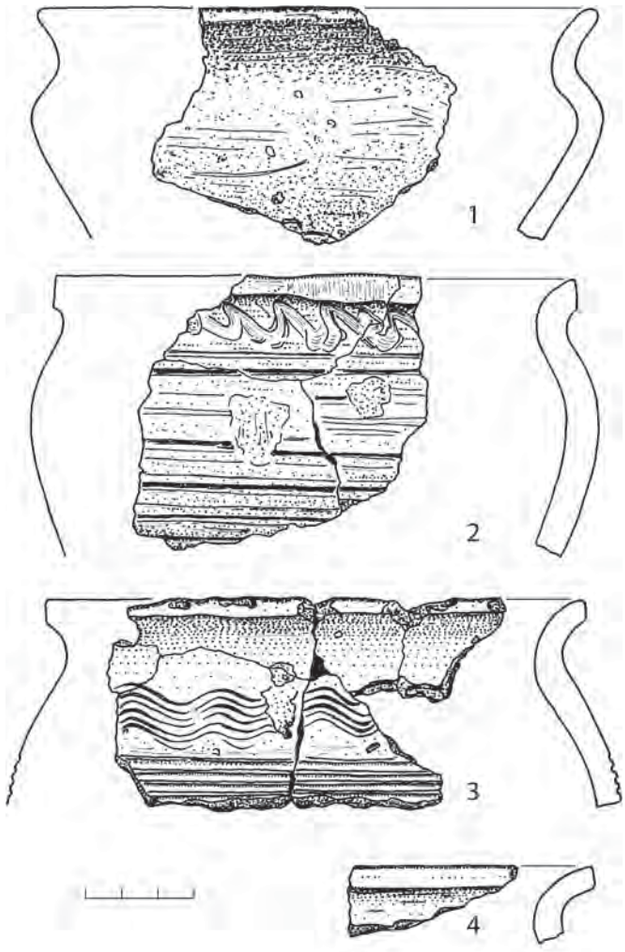


Рис. 189. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Керамика из комплекса IV. 1 – кв. А-3, пл. 2 (оп. 1, № 12); 2–4 – кв. А-3, пл. 2 (1 – лепная; 2–4 – гончарная)

Батория на Усвят из Витебска произошел еще до широкомасштабного похода 1580 г:

> «В то же время казаки возымели надежду таким же неожиданным нападением захватить и Усвят. С ними соединился Николай Зебридовский, сын Флориана, бывшего некогда начальником над войском надворным и Люблинским кастеляном. Наскучив праздностию на зимних квартирах в Витебске, оставив конницу, чтобы обмануть неприятеля, Зебридовский был проведен казаками по известным тропинкам к Усвяту; но оказалось, что крепость снабжена была сильным гарнизоном и всем нужным. Неприятель, однако, устрашенный неожиданным прибытием, сжег ***посад, прилегавший к крепости***» (Гейденштейн 1882: 97).

Разрядная книга 7086 г. дополняет это известие:

> «Тово ж году на Усвяте были ливонском городе воевода Михайло Иванович Вельяминов. И приходили литовские люди воевода пан Жебровской,

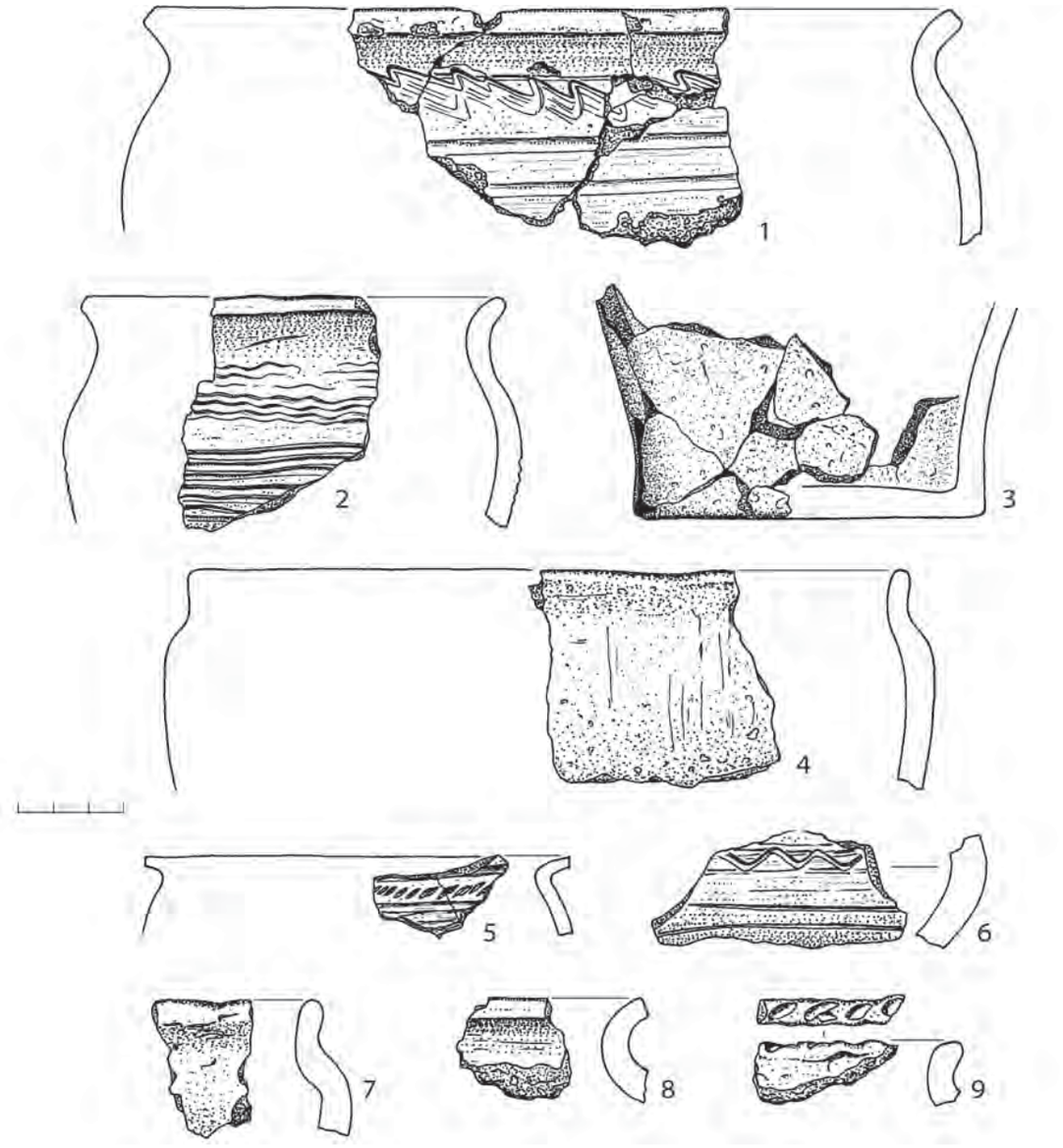


Рис. 190. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Керамика из комплекса IV. 1, 2 – кв. В-3, пл. 3; 3 – кв. Б-2, пл. 3; 4 – кв. Б-2, пл. 5; 5 – кв. В-3, пл. 6; 6 – яма № 5а; 7, 8 – яма № 6а; 9 – яма № 7а (3, 4, 7, 9 – лепная; 1, 2, 5, 6, 8 – гончарная)

> ***посад и острог у Усвята*** выжгли. И Михайло писал ко государю царю и великому князю Ивану Василевичу всеа Русии, чтоб прислал в прибавку воеводу Ондрея Ивановича Охотина-Плещеева» (Разрядная книга 1974: 149–150).

Известия эти важны, так как мы можем теперь полагать, что все указанное в дневнике Зборовского количество усвятских защитников и посадских людей, ставших пленниками Батория, в день осады располагалось именно в Усвятском замке. Причем размещалось оно там уже довольно давно и, видимо, достаточно свободно. Избыток людей, лишенных крова, в течение лета мог без помех покинуть Усвят.

Важные сведения доставляет изложенное Гейденштейном описание штурма:

«...первым прибыло к Усвяту войско литовцев 15 августа, а король ***остановился в 10 милях от него***. Усвят, будучи расположен на небольшом холме между двумя озерами и рекою Усвячею, с запада ограничивается озером Узмень, с востока другим, называемым тоже Усвят, с юга рекою того же названия, которая, протекая по тому и другому озеру, вливается в Двину при Сураже. Юрий Соколинский вместе с литовцами начал, по приказанию Виленского воеводы, вести шанцы по направлению к крепости.

Когда к нему присоединились и венгерцы, то в одну ночь, благодаря удивительному старанию их, проведен был ров ***близко к воротам на расстоянии полета стрелы***, так что на противоположной башне, вследствие непрерывной ружейной пальбы, уже нельзя было держаться; находившиеся в крепости, устрашенные одним именем и вместе с тем приходом короля, о при-

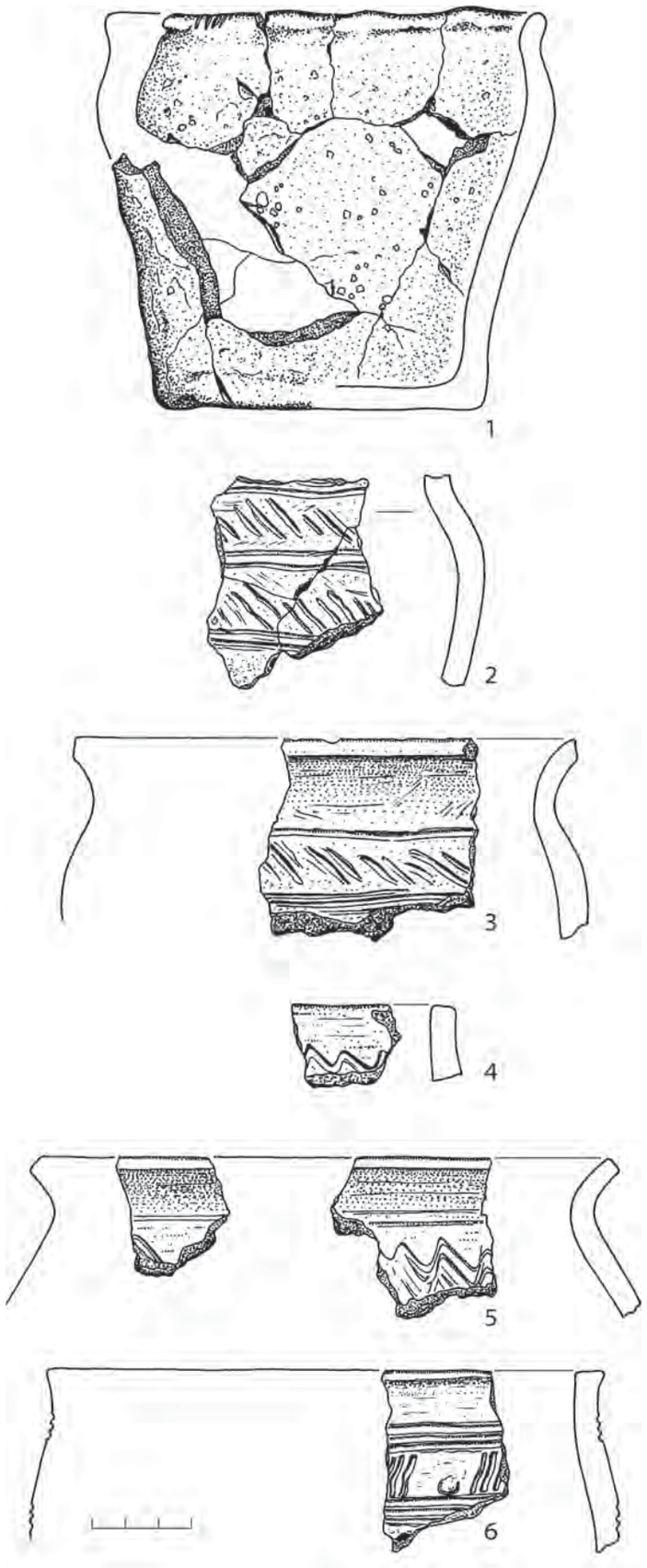


Рис. 191. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Керамика из комплекса VI. 1 – кв. В-2, пл. 1; 2, 3 – кв. В-3, пл. 1; 4–6 – кв. В-3, пл. 2 (1 – лепная; 2 – лепная (?); 3–6 – гончарная)

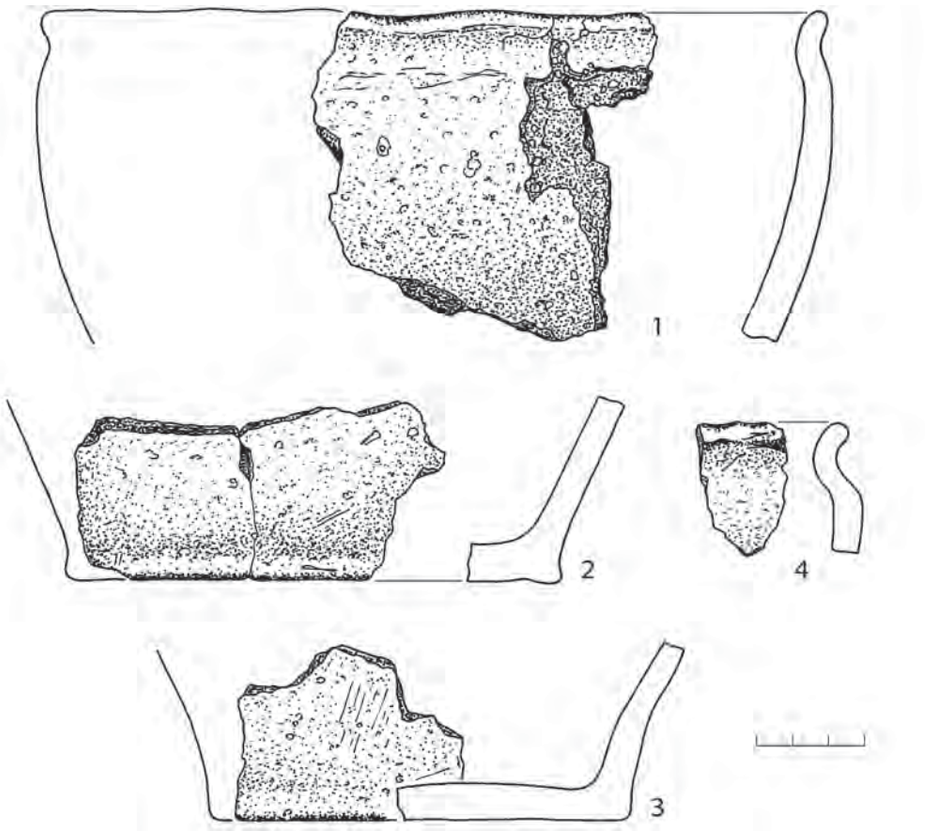


Рис. 192. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Лепная керамика из комплекса VI. 1 – кв. В-3, пл. 2 (оп. 1, № 15); 2–4 – кв. В-3, пл. 3

> сутствии которого они догадались по широкому пространству, занимаемому его лагерем, ***так как с крепости открывался вид на все внизу расположенные поля***, в тот же день сдались» (Гейденштейн 1882: 122–123).

Первое, что нужно заметить, – это расхождение у Зборовского и Гейденштейна в расстоянии между лагерем Батория и крепостью. Расхождение, впрочем, легко нейтрализуется, если мы возьмем в расчет то, что Гейденштейн считает расстояния в «римских» милях (1000 шагов), а Зборовский в «польских» милях (5000 шагов) (Гейденштейн 1882: XLV). Т. е. 10 миль Гейденштейна оборачиваются двумя милями Зборовского. Таким образом, наше предположение о расположении польско-литовского лагеря на Юрьевых Горах остается в силе.

Важно отметить, что ур. Юрьевы Горы, где мы предполагали лагерь Батория, представляет собой плато, слегка наклоненное в сторону современных Усвят и Замковой горы, и с последней действительно без труда можно было бы рассмотреть расположенный там военный лагерь. А вот с городища Прудок, стоящего на северо-западной окраине поселка, Юрьевы Горы просматриваются гораздо хуже. Таким образом, с возможностью локализации крепости на этом городище мы в этом месте нашего исследования окончательно расстаемся.

Итак, по всем данным, крепость Ивана Грозного располагалась на Замковой горе. В заключение следует сказать несколько слов о топографии штурма 1580 г. (рис. 110). Так как въезд на Замковую гору, несомненно, был в XVI в. расположен там же, где и ныне, а именно – в пологой юго-восточной части городища, следует вывод, что и окопы солдат Стефана Батория располагались между Замковой горой и «усвятскими кладями», близ которых происходила переправа польского войска через протоку. Ныне это территория Усвятского лесопильного производства. Стефан Баторий, как мы знаем, всегда приказывал засыпать свои окопы, чтобы их не мог потом использовать неприятель (Гейденштейн 1882: 75, 141). Но, несомненно, следы земляных работ 1580 г. сохранились на этой территории и могут быть со временем выявлены археологическими методами.

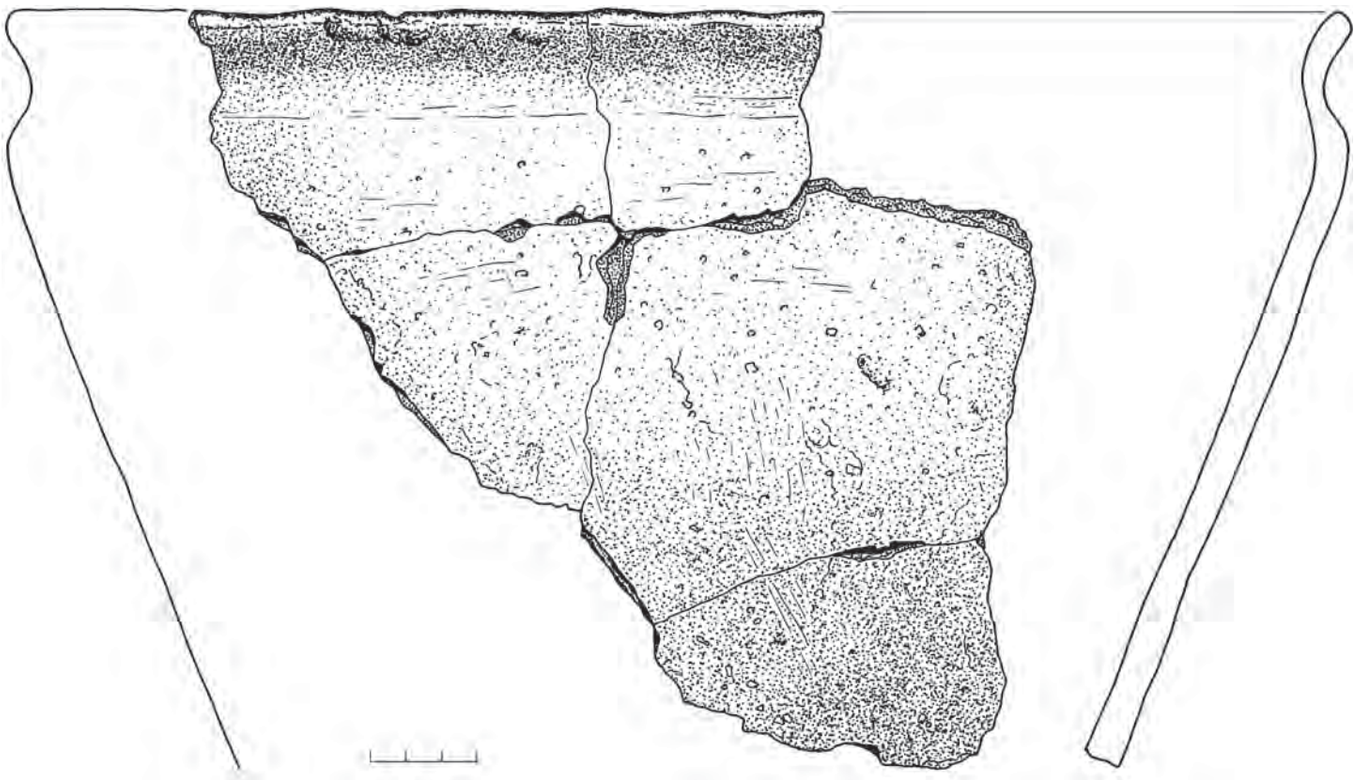


Рис. 193. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Фрагмент лепного сосуда из столбовой ямы № 4 (оп. 1, № 26)

Остается сказать несколько слов о дальнейшей судьбе местечка, известной в основном по военным сводкам. После захвата города Стефаном Баторием возобновились грабительские походы московских войск в его окрестности. Последние события маневренной войны между Усвятом, Велижем, Луками и Торопцом разворачивались уже во время осады Пскова в 1582 г. (Новодворский 1904: 249–250). Поставленные эпиграфом к этому разделу иронические строчки знаменитого стихотворения графа А. К. Толстого, посвященные войску, в течение 16 месяцев осаждавшему Троице-Сергиевскую лавру, имеют определенное отношение к Усвяту. Несомненно, некоторые обитатели Усвята были участниками этих событий в «пегой толпе» польско-литовского войска Тушинского вора. Дело в том, что в начале XVII в. городок оказался во владении гетмана Яна Петра Сапеги, бывшего усвятским старостой до скончания своих дней в Московском Кремле осенью 1611 г. Усвят, с администрацией которого гетман поддерживал сообщения на протяжении всего своего похода в Россию, неоднократно упоминается в дневниках Сапеги за 1610–1611 гг. (Дневник Яна Петра Сапеги 2012: 221, 239).

Несмотря на удаленность от основного театра военных действий Смутного времени, Усвят и его обитатели оказались вовлечены в круговорот событий. В начале зимы 1610 г. город был разграблен донскими казаками (Дневник Яна Петра Сапеги 2012: 261). В марте 1611 г. Сапега приехал в Усвят из-под Москвы по пути к Смоленску и прожил в местечке месяц на отдыхе. С гетманом прибыли военный отряд и обоз, так что весной 1611 г. Усвят успел послужить военной базой для войск самозванца. Сапега, один из колоритнейших персонажей русской Смуты (Полевой 1892), занятый своими московскими авантюрами, не оставил, однако, заметных следов в истории и топографии местечка. В июле 1614 г. ратные люди из Усвята в составе литовского отряда участвовали в неудачной осаде русского Невеля (Малов 2009: 77).

О повседневной жизни городка нам известно немного. Основные средства к пропитанию обитателям Усвята доставляли земледелие и рыбная ловля на богатейших усвятских озерах. Налоговые ведомости Витебской таможенной заставы начала XVII в. неоднократно упоминают усвятчан, привозящих в Витебск рыбу на продажу (Витеб-

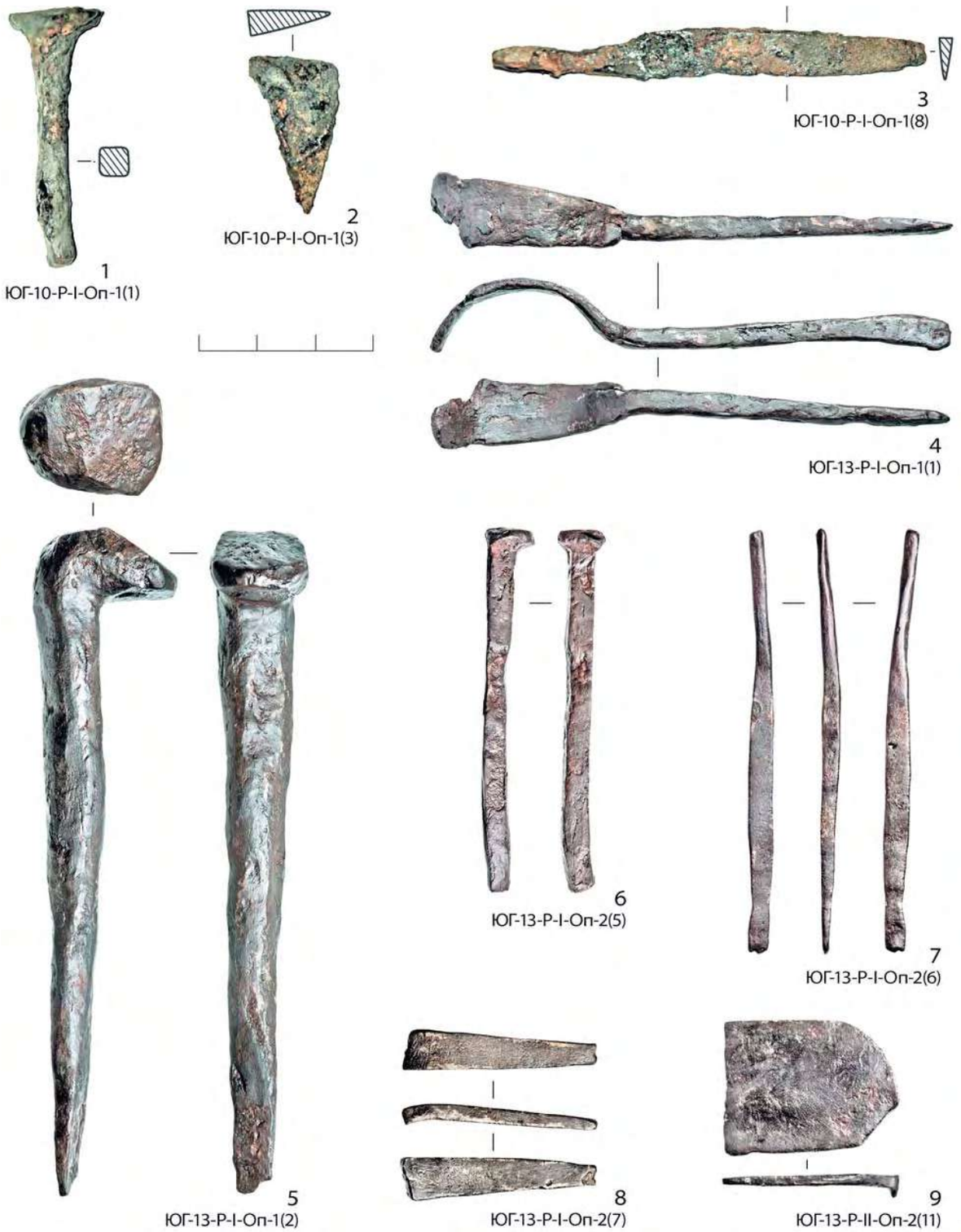


Рис. 194. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Находки из пахотного горизонта. Железо

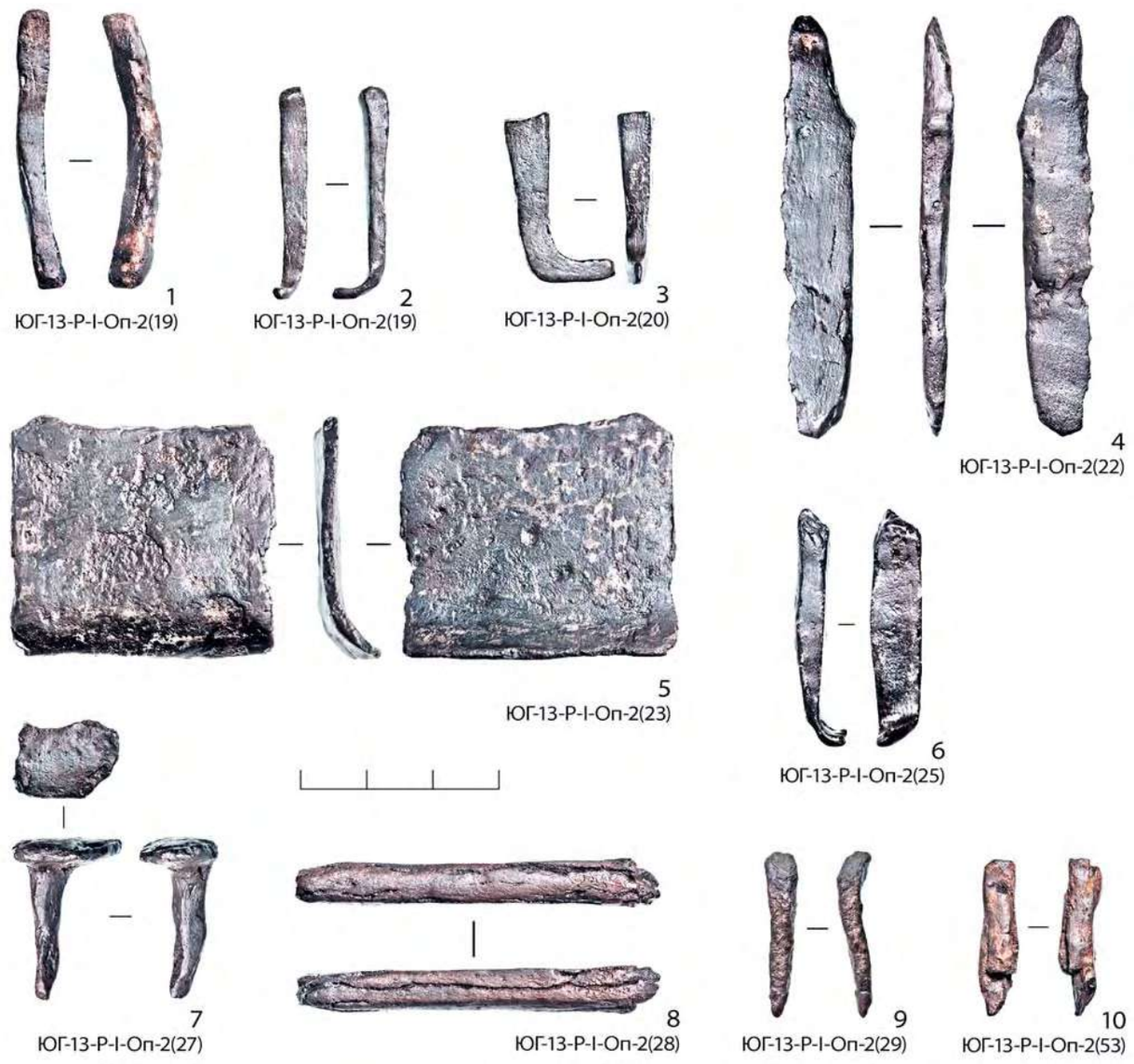


Рис. 195. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Находки из пахотного горизонта. Железо

ская старина 1883: 321; Белоруссия в эпоху феодализма 1959: 313–328). Особенно активный торг шел, естественно, зимой, когда появлялась возможность транспортировать по санному пути на большие расстояния мороженую рыбу.

В первой трети XVII в. Усвят становится военной базой Великого княжества Литовского с сильным гарнизоном, откуда неоднократно наносятся удары по близлежащим областям Луцкого уезда (Малов 2006: 128, 147). К 1633 г. относятся известия об исправлении Усвятского замка польским королем Владиславом IV (Сапунов 1889: 11). В «привилегии» 1634 г., данной им смоленскому архиепископу и содержащей описание границ Смоленского уезда с Московией, Усвят назван «замком». Граница проводится следующим образом:

> «Почавши одъ Лютинское волости мимо Дедино въ село Ормею до Свия, до села Осыпа у волость Пищенскую и Неведерскую до Кубека; въ Озерыскую волость, одъ поля у волость Усвятскую мимо замокъ Усвятъ до Курковичъ, до реки Двины, а Двиною въ верхъ до устя Каспли реки...» (АВК, т. I. 1865: 73).

После завершения Смуты и усиления Москвы бедствия Усвята возобновились. В. А. Волков подсчитал, что в период Смоленской войны 1632–1634 гг. московские войска «совершили 6 нападений на Усвят и 34 рейда на полоцкие, велижские и суражские места» (Волков 2004). В документах, посвященных этим столкновениям, неоднократно упоми-

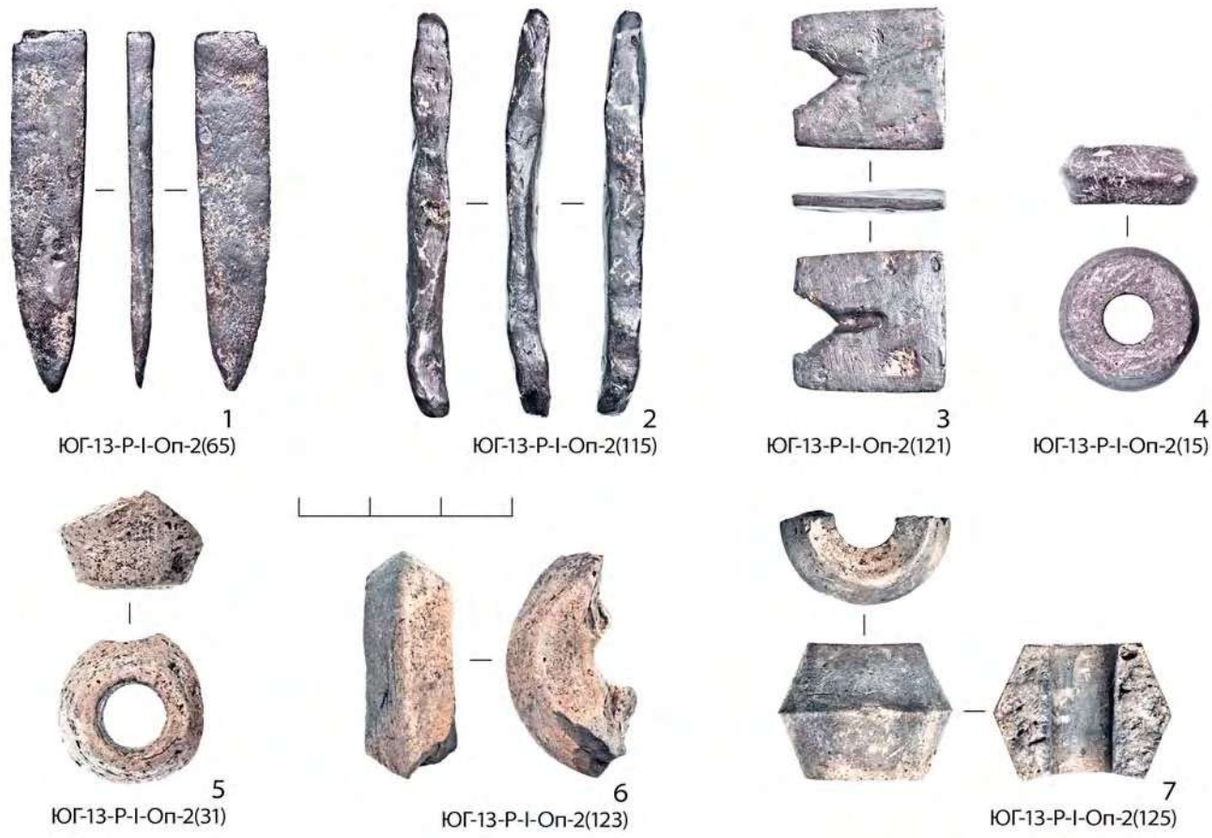


Рис. 196. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Находки из пахотного горизонта.
Железо (1–3), пирофиллитовый сланец (4), глина (5–7)

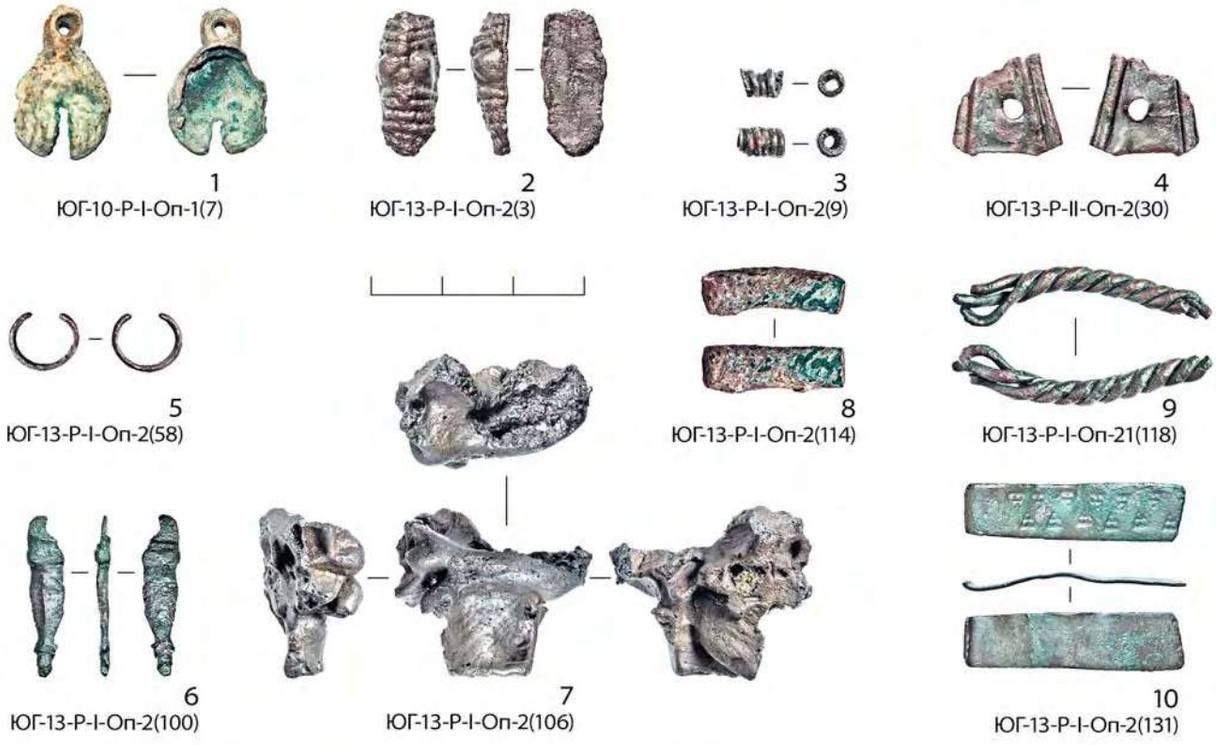


Рис. 197. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад.
Находки из пахотного горизонта (1–6, 9, 10 – сплав меди; 8 – зеленое стекло)

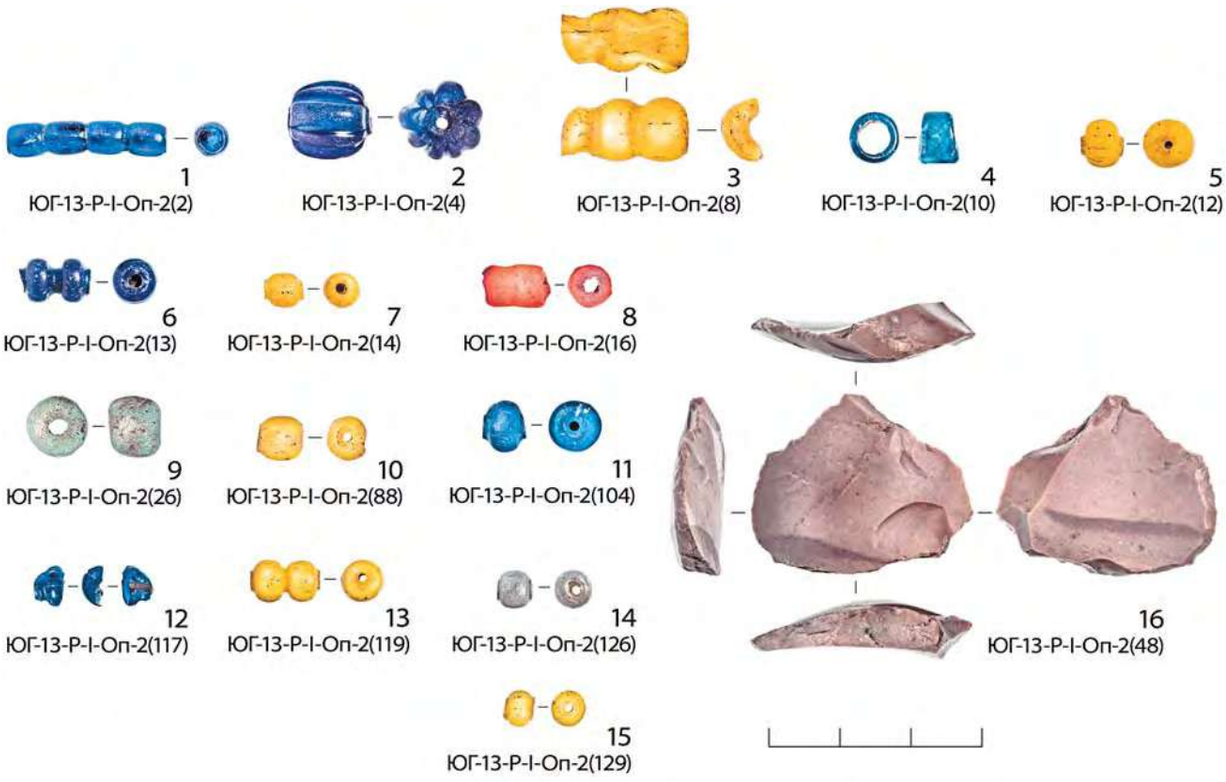


Рис. 198. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Находки из пахотного горизонта. Стеклянные бусы (1–15) и кремневый скребок (16)

наются усвятские укрепления (Малов 2006). Особым размахом выделился русский поход в декабре 1632 г., когда луцкие ратные люди ворвались в Усвят и «прорубились до самых крепостных ворот, где невлянин Юрий Житкой убил литвина у самого "подъема" – подъемного моста» (Малов 2006: 147). Простояв под Усвятом пять дней, отбивая вылазки гарнизона, лучане вернулись домой, так и не взяв города. Разумеется, усвятские обыватели не оставались в долгу. «Свою войну» вели не только местные дворяне. Эпоха выработала и особый тип мещанина-воина, всегда готового при благоприятных обстоятельствах увеличить свое благосостояние за счет «зарубежного» соседа, в отношении которого не действительны были никакие законы, кроме права сильнейшего.[40] Бесконечные пограничные стычки лучан и невлян с «литвинами» из Усвята и Велижа, с грабежом, уводом скота и захватом невольников, продолжались и в дальнейшем.

В 1654 г. Усвят был осажден войсками Алексея Михайловича под руководством окольничего Семена Лукьяновича Стрешнева. Осада длилась довольно долго – с 16 по 23 августа и закончилась сдачей гарнизона, которым командовал усвятский подстаростье Степан Казимер Ентковский (Сапунов 1889: 11–12).

К короткому периоду русского правления в Усвяте принадлежат переписные книги, краткое описание которых дано Н. Н. Оглоблиным (Оглоблин 1880: 28–29). В 1667 г. по Андрусовскому мирному договору Усвят был вновь передан Польше. В состав русских земель Усвят окончательно вошел только после первого раздела Польши в 1772 г.

2.1.4. Картографические материалы XVI–XVIII вв.

Исследование картографических материалов по истории Усвят требует работы в Польских архивах. Опубликованных и широко известных источников немного. Впервые Усвят попадает на географическую карту Descriptio ducatus Polocensis, составленную Станиславом Пахоловицким в 1579 г. к описанию военных действий в Ливонской войне (Вялікі гістарычны атлас Беларусі 2009: 152). Усвят на карте С. Пахоловицкого изображен расположенным на возвышенности большим го-

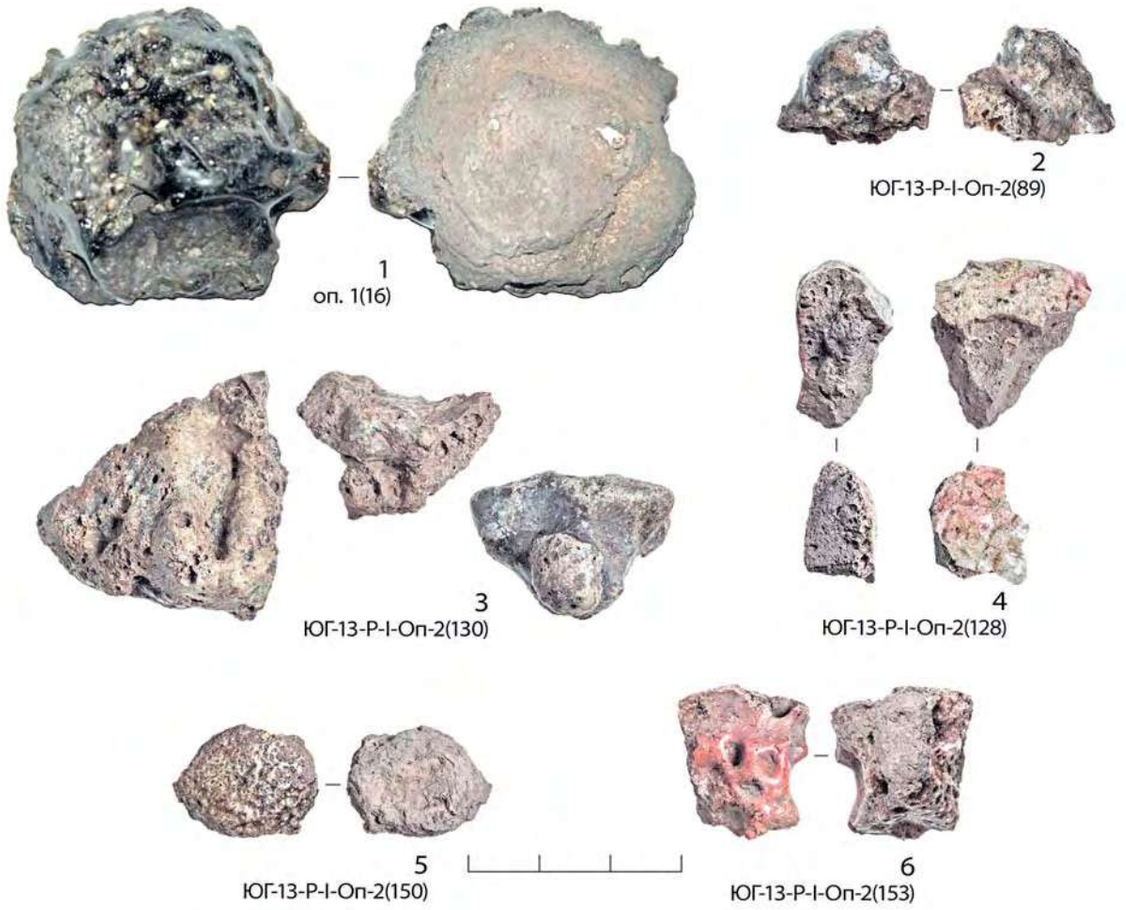


Рис. 199. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Находки из пахотного горизонта. Шлаки (3) и обломки тиглей (1, 2, 4–6)

родом со множеством башен и шпилей (рис. 111, 112). Считать это изображение приближенным к действительности нет оснований.

На карте не изображены усвятские озера, но, в отличие от более поздних изображений, правильно показано размещение Усвята на правом берегу р.Усвячи. Однако, как мы увидим далее, на картах XVII в. истоком Усвячи считалось озеро Узмень с впадающей в него речкой Ужицей. Кроме того, как известно из заметок Е. Р. Романова, до впадения в оз. Усвят река Усвяча носила тогда иное название. Данные обстоятельства наводят на мысль – не отражает ли карта С. Пахоловицкого ситуации, когда Усвят располагался еще на Юрьевых Горах, т. е. на правом берегу протоки между озерами Узмень и Усвятское? В этом случае нам придется предположить, что город был перенесен на нынешнее место очень поздно: либо в эпоху Ивана Грозного, либо даже самим царем. Это нам кажется все же маловероятным. По крайней мере археологические материалы оснований для подобного вывода не дают.

В конце XVI–первой половине XVII в. в Европе распространяются карты Герарда Меркатора, на которых Усвят правильно показан на северном (левом) берегу протоки между озерами Узмень (в которое впадает речка Ужица) и Усвятское (рис. 113, 114). Река Усвяча выше Усвятского озера на картах Меркатора отсутствует – на ее месте помещены истоки Ловати. Это свидетельствует о том, что столбовая дорога на Луки шла через местечко Усвят вдоль реки Ужицы и цепочки мелких озер, через которые она протекает, и выводила к верховьям Ловати. Именно этим путем, как мы знаем, двигался в 1580 г. на Луки Стефан Баторий. Карта Г. Меркатора была выполнена в 1572 г. и издана в 1595 г. его сыном Румольдом (Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Fugura). Мы приводим позднюю копию (1633 г.) карты из атласа Меркатора (рис. 113), оригинал которой не сохранился (Вялікі гістарычны атлас Беларусі 2009: 152).

Карты XVII в. основываются, в основном, на информации Г. Меркатора, повторяя его

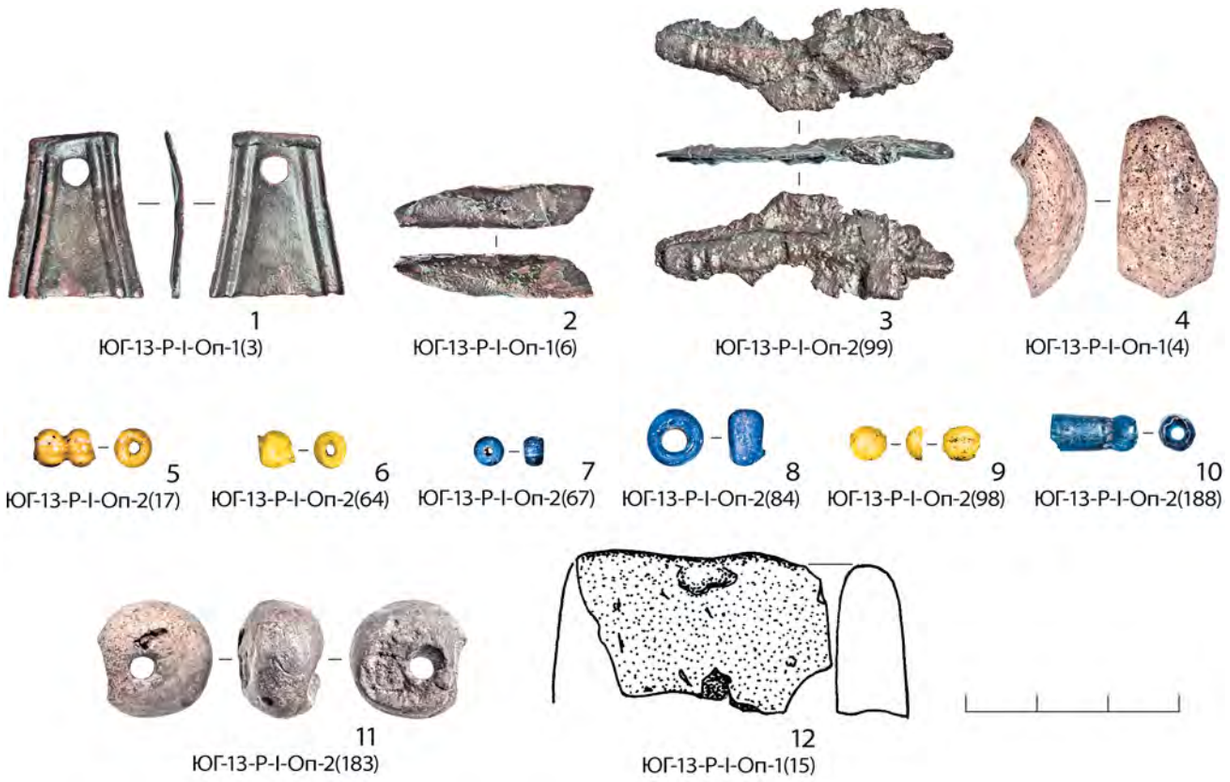


Рис. 200. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Находки из непотревоженного культурного слоя. Сплав меди (1–3); глина (4, 11, 12); стекло (5–10)

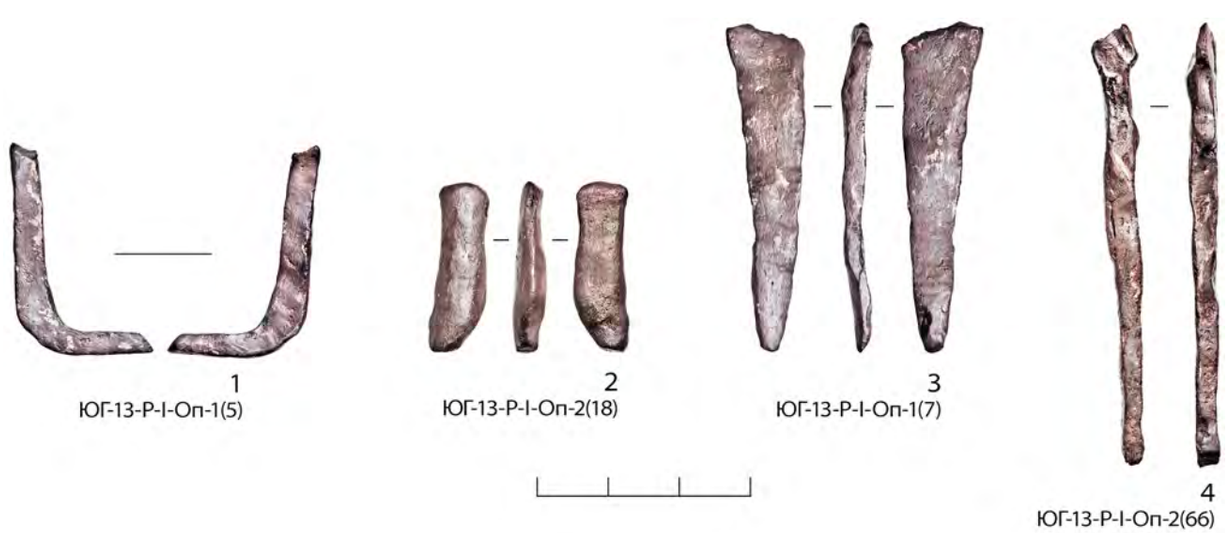


Рис. 201. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Находки из непотревоженного культурного слоя. Железо

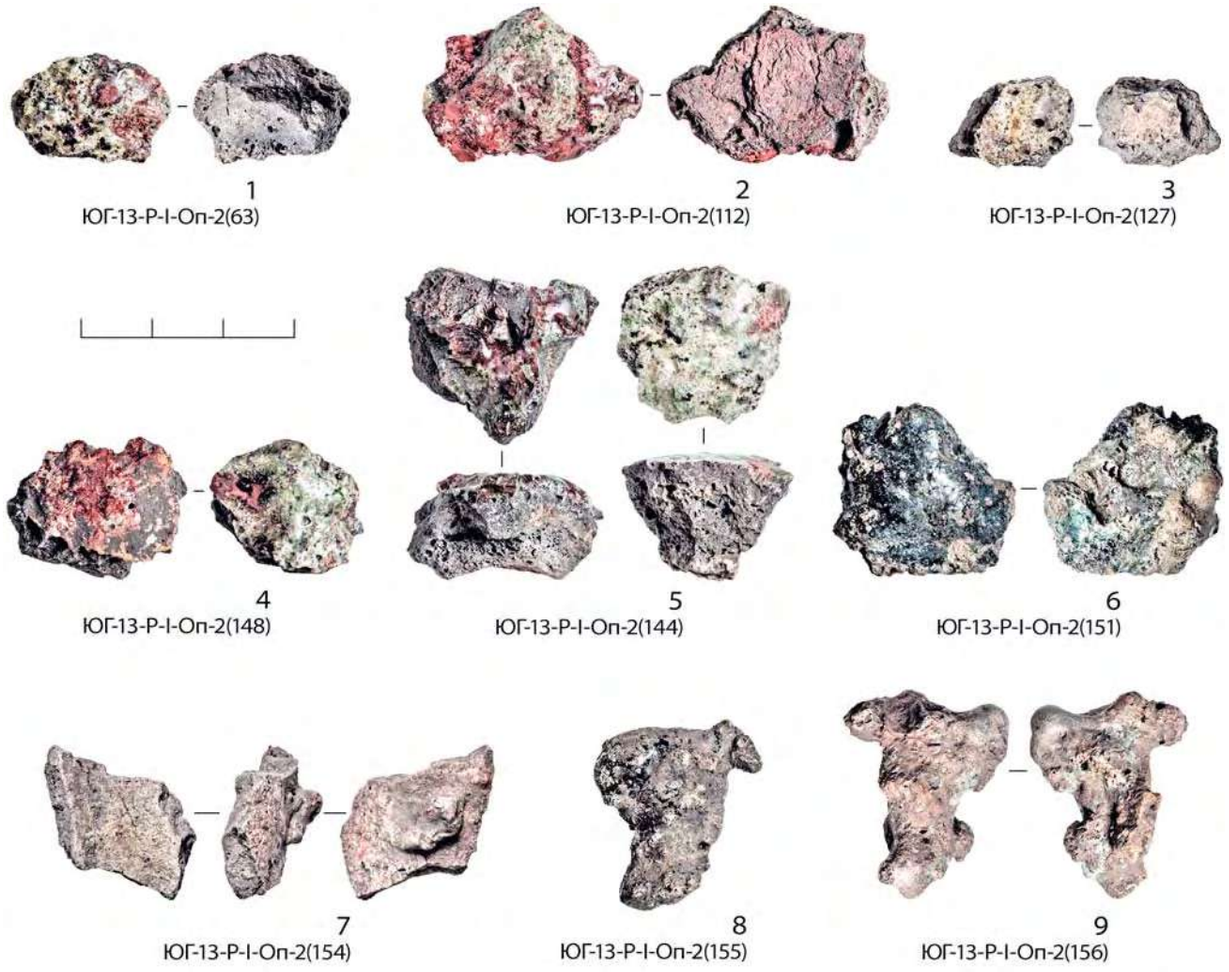


Рис. 202. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Находки из непотревоженного культурного слоя. Фрагменты тиглей (1–5, 7) и шлаки (6, 8, 9)

ошибки (рис. 115–117). Любопытно крупное изображение мыса на юго-западном берегу Усвятского озера, присутствующее на карте Сансона Де Абвиля 1665 г. (рис. 117). Возможно, таким образом изображен мыс в ур. Юрьевы Горы.

Первые подробные топографические карты района Усвята появляются в конце XVIII в., а подробные планы самого местечка известны нам только в картографических изданиях XIX в. (рис. 119). Но поиск картографических источников по истории Усвята только начинается, поэтому, несомненно, нас ждут здесь еще новые находки.

Итак, средневековые письменные источники освещают в первую очередь геостратегический аспект истории Усвятского региона. Мы видим перекресток коммуникаций, связывающих Северную Русь с Киевским Поднепровьем, с одной стороны, и Русь с Прибалтикой – с другой.

Область Витебска и Усвята можно уподобить замку́, удерживавшему створки сразу двух ворот. Изначально это два речных пути – Ловатско-Волховский и Западно-Двинский (позднее их дополняет сеть сухопутных дорог). За обладание ключом от этого замка́ шла борьба на протяжение всего исторического отрезка, попавшего в наше поле зрения, – с 1021 по 1580 г. Обладателями ключа становились то киевский князь Ярослав, то его полоцкий соперник Брячислав Изяславич, то смоленские князья. С начала XIII в. все более сильные позиции в регионе начинает захватывать Литва. Менее очевидную роль в этой борьбе играл Новгород. С рубежа XV–XVI вв. по тем же путям, вдоль которых развивалась некогда литовская экспансия, начинается движение в обратном направлении, руководимое Москвой. На фоне этого глобального геополитического контекста экономическая и социальная история Усвята гораздо менее понятна. Если для XVI–XVII вв. эти проявления жизни региона подкреплены источниками и могут в дальнейшем изучаться (что, впрочем, не входит в наши нынешние задачи), то

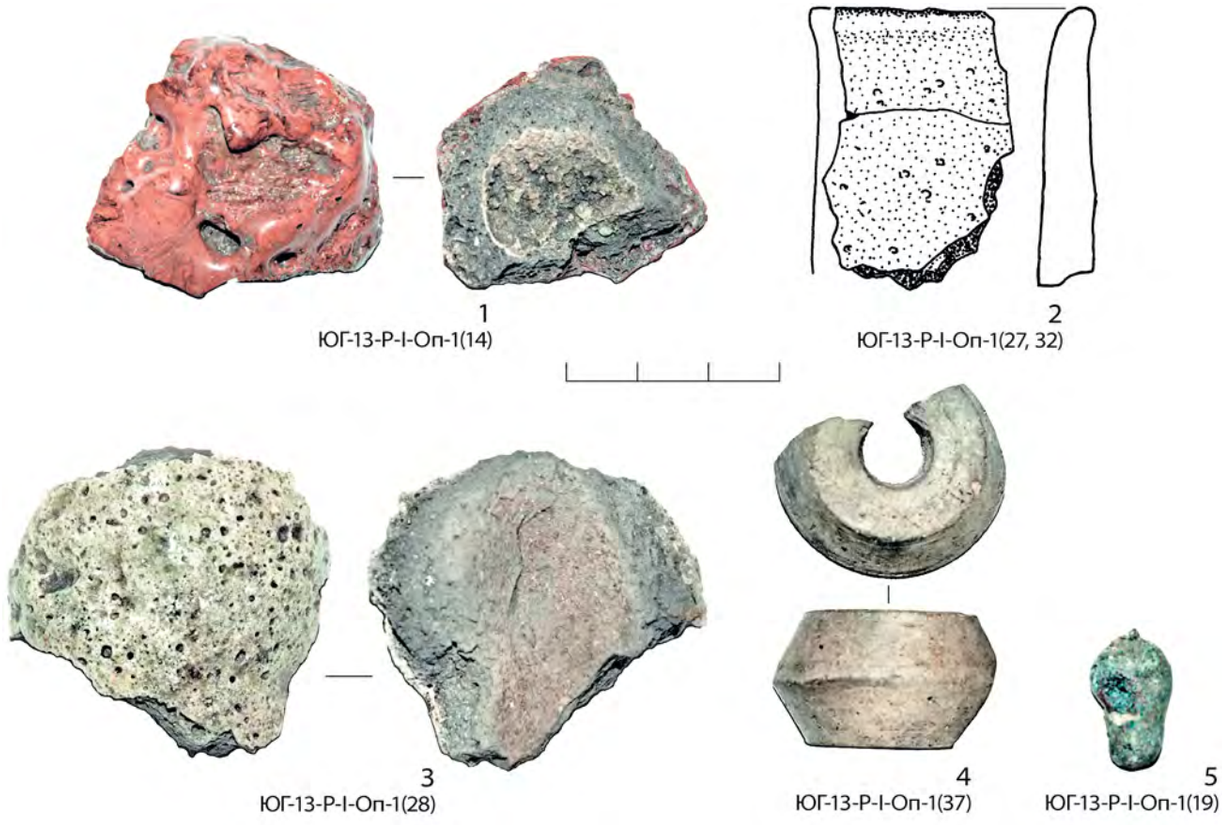


Рис. 203. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Находки из комплекса III. 1–3 – фрагменты тиглей; 4 – глиняное пряслице; 5 – вылеск медного сплава

исследование периода X–XIV вв. почти целиком базируется на археологических источниках. Выше мы уже обращались к ним, анализируя отдельные аспекты исторической географии Усвятского региона. Теперь нам предстоит более внимательно обратиться к археологическим реалиям и попробовать соотнести их с историческими данными.

2.2. Археологические памятники на территории современного пос. Усвяты и в его окрестностях. Проблема локализации древнерусского города

Расположение древнерусского Усвята где-то близ одноименного озера на юге Псковской области никогда не вызывало сомнений у историков и археологов.

Географическая обстановка здесь следующая. Из озера Узмень вытекает протока, впадающая в озеро Городечное (Малое Усвятское), из которого такая же протока ведет в озеро Усвят (Усвятское). Из него вытекает река Усвяча, впадающая в Западную Двину. Между устьем протоки и истоком Усвячи на западном берегу озера лежит холмистое плато – урочище Юрьевы Горы. На территории современного поселка Усвяты располагаются три городища. Возле каждого из них группируются иные древние объекты (рис. 109). При описании их следует пользоваться устоявшимися местными топонимами.

2.2.1. Городище Прудок

Впервые городище зафиксировано во второй половине XIX в. (Сапунов 1889: 17; Сементовский 1890: 32; Романов 1898: 187–188). Городище № 1 по нумерации Я. В. Станкевич. Расположено на левом берегу протоки между оз. Узмень и оз. Городечное, между современным шоссе Невель–Велиж и старым трактом (рис. 109). Размеры верхней площадки, по Я. В. Станкевич, 55 × 40 м.

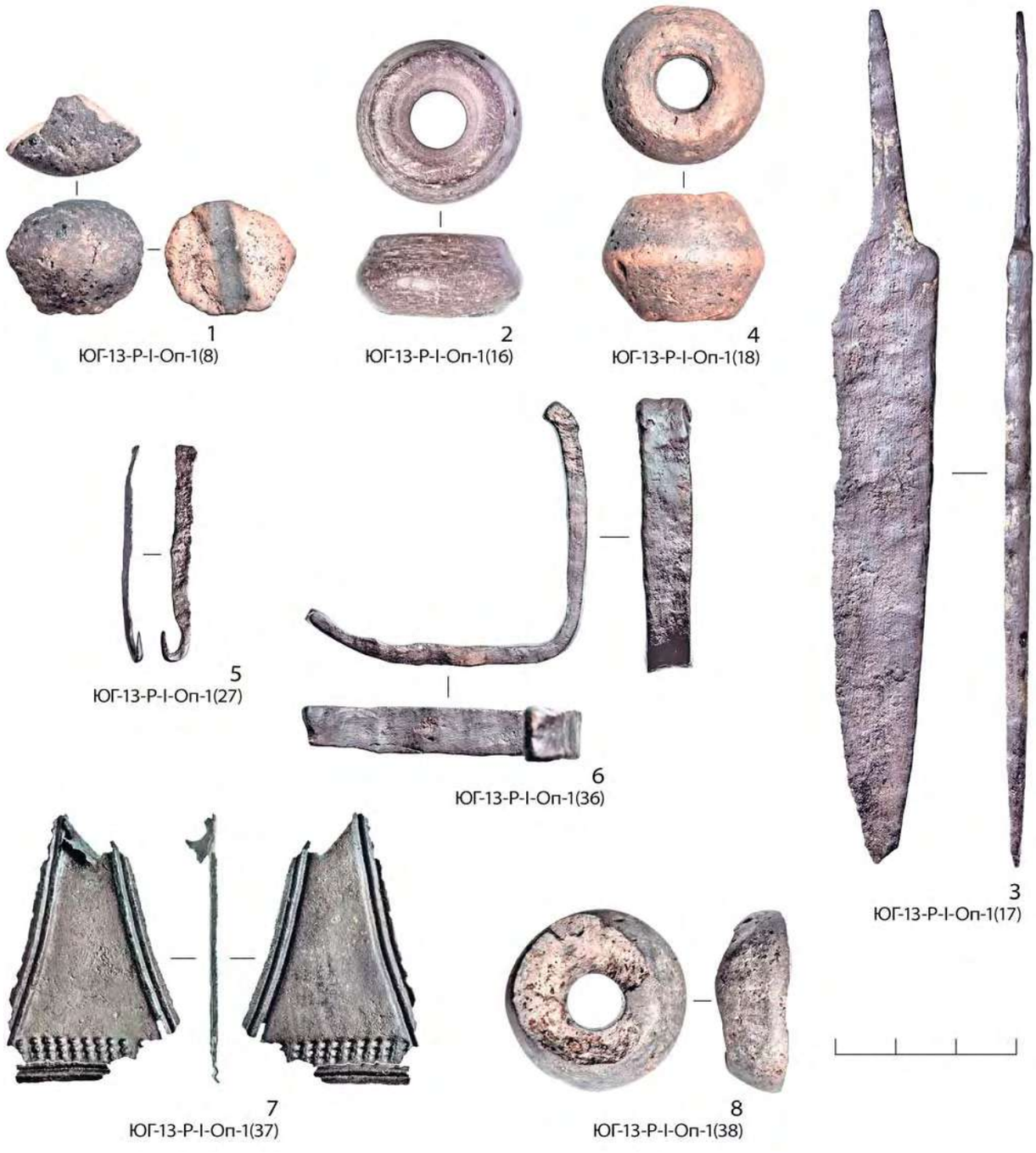


Рис. 204. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Находки из комплекса IV.
1, 8 – глина; 2 – пирофиллитовый сланец; 3, 5, 6 – железо; 7 – сплав меди

С северо-восточной стороны имеется терраса (сейчас находится на частном огороде и распахивается) (рис. 122, 123). В 1950-е гг. памятник обследован Я. В. Станкевич (1960: 214, табл. XXVII). В слое мощностью до 0,9 м встречены фрагменты лепной штрихованной керамики раннего железного века. С тех пор археологические работы на городище не проводились. Осмотр нами террасы выявил отдельные мелкие фрагменты неорнаментированной лепной керамики.

Важно отметить, что Я. В. Станкевич не упоминает о находках средневековой гончарной керамики. Во время наших осмотров памятника подобная керамика также не была встречена ни на самом городище, ни на селище у его подножия. Это указывает на то, что территория города Усвята XVI–XVII вв. не распространялась на территорию, прилегавшую к городищу Прудок.

Нами сняты координаты точек, отмечающих границы верхней площадки городища,

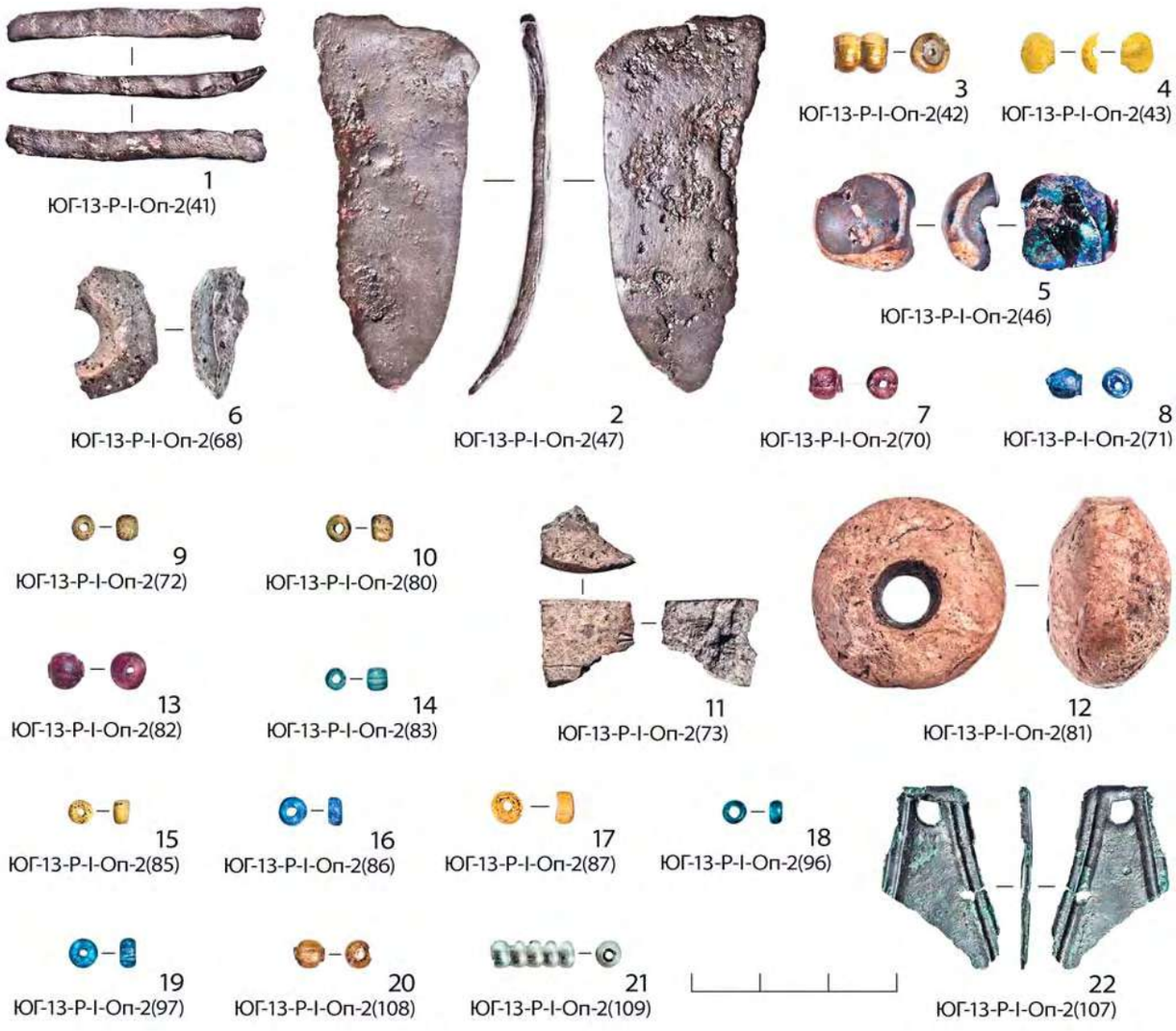


Рис. 205. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Находки из комплекса IV.
1, 2 – железо; 3–5, 7–10, 13–21 – стекло; 6, 11, 12 – глина; 22 – сплав меди

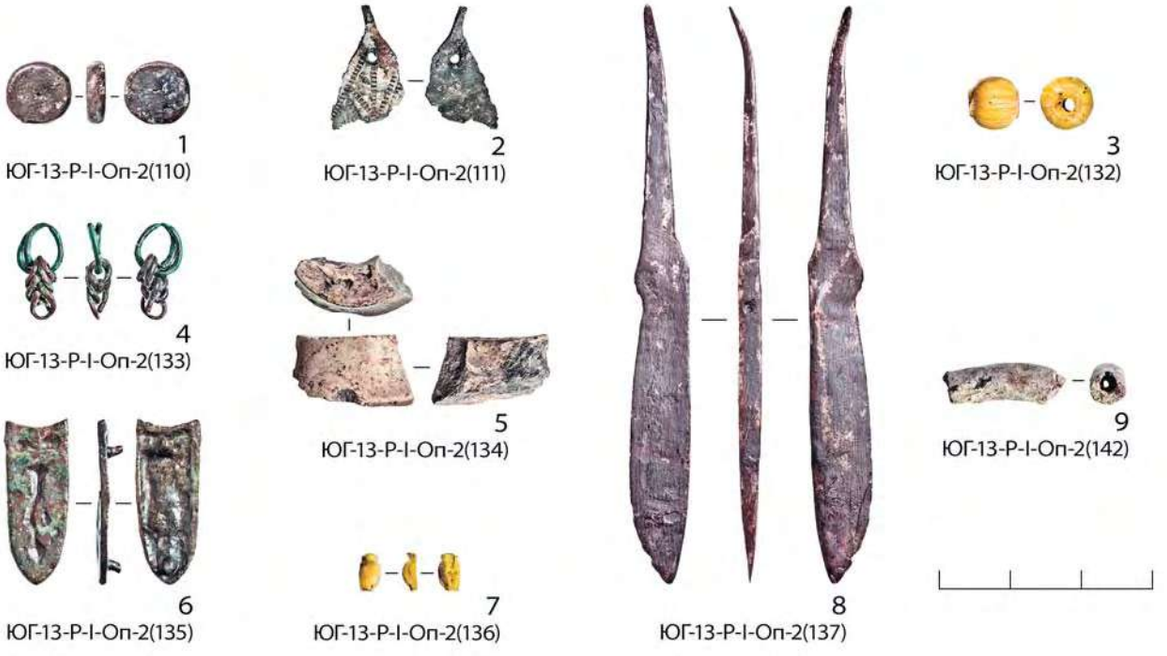


Рис. 206. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Находки из комплекса IV.
1 – сплав свинца; 2, 9 – белый металл; 3, 7 – стекло; 4, 6 – сплав меди; 8 – железо

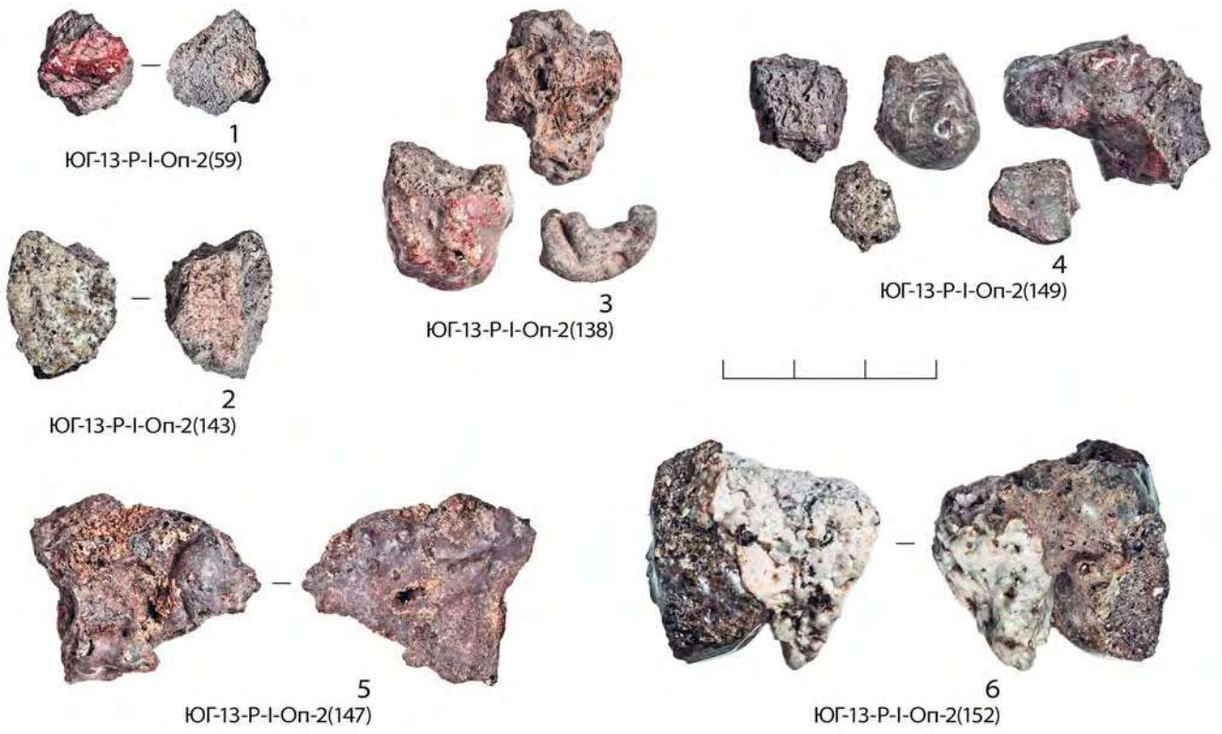


Рис. 207. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Находки из комплекса IV. Фрагменты тиглей (1, 2, 6). Шлак (3–5)

и точек, отмечающих основание городищенского холма. Последние нанесены на план археологических памятников, расположенных в пределах нынешнего поселка Усвяты (рис. 109) и должны считаться границами городища (Приложение 7. Табл. 1).

2.2.2. Селище Прудок 1

Поселение обнаружено в 1963 г. (рис. 109, 123). Оно занимает левый берег протоки у юго-западного подножия городища (Микляев А-1963). В раскопках А. М. Микляева на стоянке Усвяты II были впервые встречены несколько венчиков от лепных гладкостенных сосудов; один из них – с насечкой по срезу (рис. 124: 1–3). Среди находок оказалась железная овальная пряжка (рис. 124: 4). При осмотре селища в октябре 2011 г. также найдено несколько мелких фрагментов лепной гладкостенной керамики I тыс. н. э. Границы памятника определены нами в 2011 г. и помещены на план современного поселка (Приложение 7. Табл. 2).

2.2.3. Курганный могильник Прудок (Усвяты II)

Некогда в местечке Усвят находилось 20 курганов (Сведения 1873 г.: 7). В 1960-е гг. А. М. Микляевым были получены сведения, что 6–8 курганов располагались на территории поселка на перешейке между оз. Городечное и оз. Узмень, в пойме протоки, на левом ее берегу (рис. 109). В 1963 г. при обследовании находящейся на месте бывших курганов неолитической стоянки Усвяты II был найден железный ледоходный шип, происходящий, видимо, из разрушенных погребений (Микляев А-1963: 23).

В 1988 г. А. М. Микляев возобновил работы на стоянке (Микляев А-1988; 1991). В раскопе на материке были выявлены 3 кострища (рис. 125). На кострище 1 обнаружены лепная

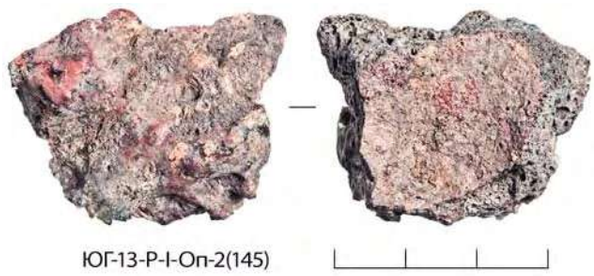


Рис. 208. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Фрагмент тигля из комплекса V

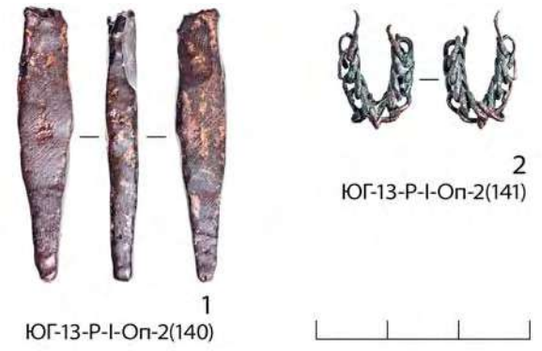


Рис. 209. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 1. Посад. Находки из комплекса VI. 1 – железо; 2 – сплав меди

керамика, бронзовая подковообразная фибула (рис. 126: 2), несколько скоплений кальцинированных костей. В центре кострища находилась овальная яма (диаметр 0,36 м, глубина 0,2 м), заполненная кальцинированными костями. На кострище 2 найдены фрагменты лепной керамики, кальцинированные кости, оплавленный фрагмент бронзового ладьевидного браслета (рис. 126: 1). На кострище 3 (вскрыто частично) лежало глиняное боченковидное пряслице. По фибуле и фрагменту браслета погребения датируются X в. (Еремеев, Дзюба 2010: 495).

В настоящее время координаты курганного могильника могут быть определены примерно по месту раскопа А. М. Микляева (Приложение 7. Табл. 3).

2.2.4. Селище Прудок 2

Поселение расположено напротив городища на правом берегу протоки. Отсюда, по сведениям А. М. Микляева, происходят отдельные фрагменты лепной гладкостенной керамики. Предварительная датировка селища – IX–XI вв. (Микляев 1991: 62) В настоящее время памятник перекрыт застройкой и его границы определить невозможно.

2.2.5. Городище Замковая гора

Крупнейшее из усвятских городищ, расположенное на мысу северного берега озера Городечное (Сапунов 1889: 17; Сементовский 1890: 32; Станкевич 1960: 322). Городище № 2 по нумерации Я. В. Станкевич. Согласно обмерам исследовательницы, городище имеет размеры 100 × 79 м и высоту площадки до 15 м (рис. 127). На распаханном под огороды южном склоне городища Я. В. Станкевич собрала фрагменты гончарной посуды, которые она датировала XIII–XIV вв. (Станкевич 1960: 322). Шурфовки или раскопки на Замковой горе не проводились. Вершина городища неоднократно подвергалась перепланировке. На склонах холма видны мощные осыпи культурного слоя. В 1992 г. в Усвятском краеведческом музее нам удалось ознакомиться с коллекцией подъемного материала, собранного в осыпях склонов Замковой горы усвятскими краеведами. Среди фрагментов гончарной керамики оказался обломок сосуда X–XI вв. западнославянского (так называемого фрезендорфского) типа (рис. 128).

Размеры городища, подъемный материал и описания эпохи Ливонской войны указывают на то, что отстроенная Иваном IV крепость Усвят располагалась именно на Замковой горе. Датировка городища, таким образом, охватывает период X–XVII вв.

Нами сняты поворотные точки по краю площадки городища и точки, отмечающие границы основания городищенского холма (Приложение 7. Табл. 4). Именно последние нанесены на план археологических памятников (рис. 109).

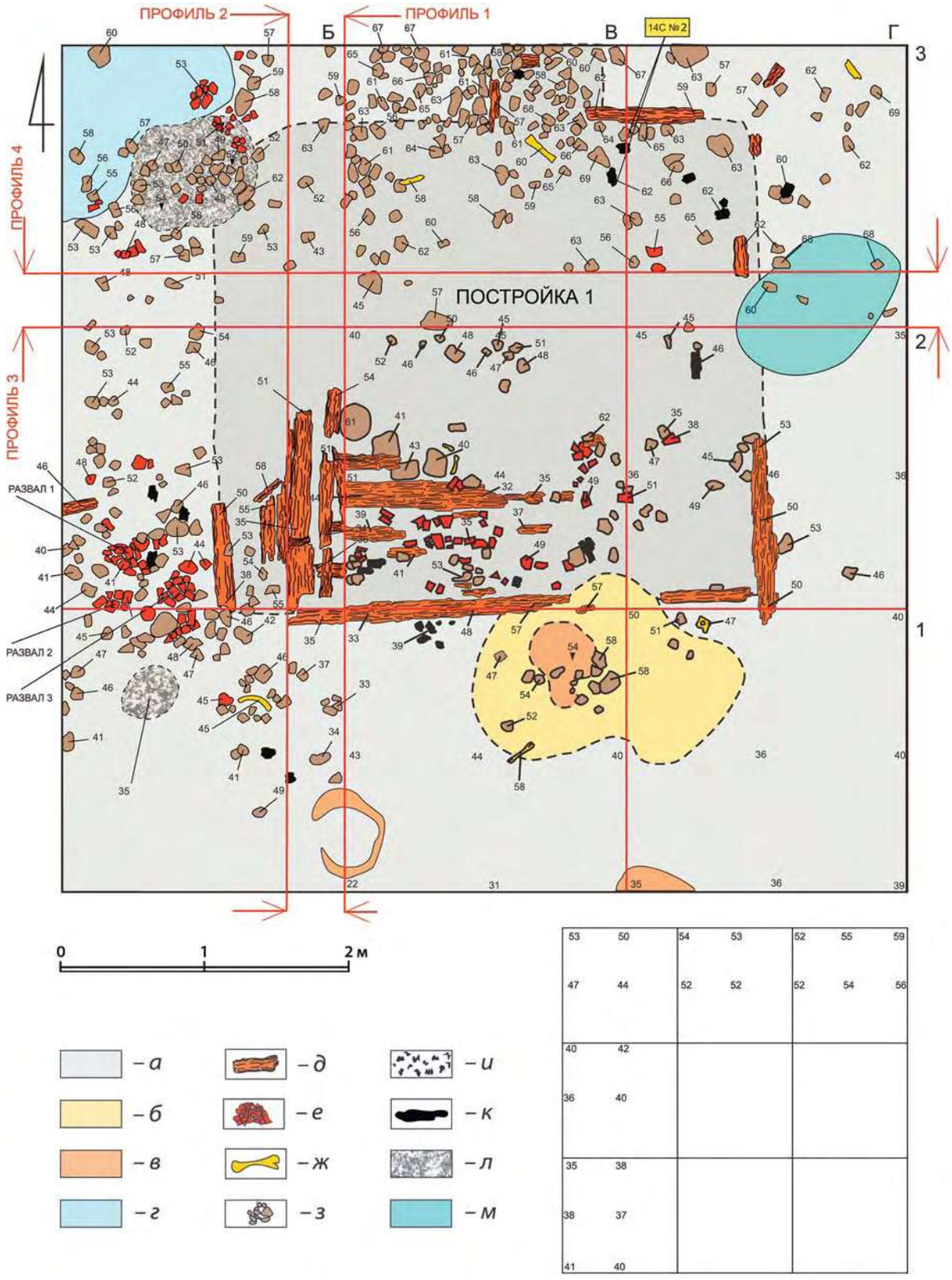


Рис. 210. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Пласты 1 и 2. Постройка 1, погибшая в пожаре. На экспликации нивелировочные отметки поверхности пласта 3. *Условные обозначения: а* – серая супесь с древесным перегноем; *б* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса; *в* – красная глина с серым гумусом; *г* – светло-серый суглинок; *д* – фрагменты перегнившей древесины; *е* –развал керамического сосуда; *ж* – кости; *з* – камни; *и* – угли; *к* – обугленное дерево; *л* – рыбья чешуя; *м* – перекоп (норы животных)

2.2.6. Городище и могильник Бугор

Памятник известен с XIX в. (Сапунов 1889: 17; Сементовский 1890: 32; Романов 1898: 187–188). Городище № 3, по Я. В. Станкевич, расположено на юго-восточной окраине поселка Усвяты, на левом берегу протоки между озерами Городечное и Усвят. Укрепление устроено на холме с очень крутыми склонами (рис. 129, 130). Сильно повреждено ямами, окопами последней войны и недавней строительной деятельностью. В настоящее время северный и восточный склоны городища заняты усадьбами. В 1880-е гг. на городище находилась деревянная часовня (Сапунов 1889: 17). Е. Р. Романов сообщает о бывшем тут «древнем кладбище христианского периода» (Романов 1898: 188). В осыпях склонов холма обнаруживались многочисленные захоронения с остатками гробовищ (Станкевич 1960: 214).

Согласно обмерам Я. В. Станкевич, площадка городища имеет размеры 40 × 20 м. В осыпи склона под поздними захоронениями исследовательница обнаружила черный культурный слой с лепной гладкостенной керамикой с вогнутым венчиком (подобная посуда характерна для днепро-двинской культуры) и со штрихованной керамикой. Предварительная датировка городища – середина I тыс. до н. э.–III в. н. э.

Нами сделаны обмеры по основанию городищенского холма. Они обозначают границы распространения культурного слоя (Приложение 7. Табл. 5).

2.2.7. Комплекс археологических памятников в ур. Юрьевы Горы

Урочище находится в 1,5 км к юго-востоку от современного поселка Усвяты, на юго-западном берегу Усвятского озера. Это слабохолмистое береговое плато размерами приблизительно 600 × 300 м (18 га). С запада и востока в своей береговой части плато ограничено двумя возвышенными мысами.

Еще первый исследователь Усвят А. П. Сапунов обратил внимание на городище в урочище Юрьевы Горы. С ним связана распространенная на Псковщине и Витебщине легенда о провалившейся церкви. Сапунов высказал предположение, что летописный город существовал именно здесь (Сапунов 1889: 30). Его поддержал Е. Р. Романов, впервые описавший крупную курганную группу (до 50 насыпей), располагавшуюся между Юрьевыми Горами и современным местечком (Романов 1898: 189). Курганы, судя по их топографии, принадлежали крупному древнерусскому поселению на Юрьевых Горах.[41] Спустя полвека на сообщения писцовых книг XVI в. о «Старом Усвятцком городище» близ озера Усвят обратил внимание А. Н. Насонов (Насонов 2002: 136). Таким образом, к началу археологических исследований в Усвятах в середине XX в. среди историков утвердилось уже стойкое представление о Юрьевых Горах как о месте расположения летописного города. Помимо разрозненных археологических данных и сведений писцовых книг на это указывало само имя его, связанное с названием одноименного озера. Действительно, ни одно из древних усвятских городищ, кроме Юрьевых Гор, не располагалось непосредственно на берегу озера Усвят.

Начало археологических исследований в Усвятах связано с деятельностью Я. В. Станкевич. Исследовательница описала городище в урочище Юрьевы Горы (памятник обозначен у нее как селище № 2) и примыкающее к нему селище (селище № 1), заложив на каждом по шурфу (Станкевич 1960: 322). На пашне в ур. Юрьевы Горы найдена была «поздняя» (по определению Я. В. Станкевич) лепная посуда, гончарная керамика с линейным и волнистым орнаментом, а также (на городище) два шиферных пряслица (Станкевич 1960: 322, рис. 88: 8), дававших основания для датировки поселения домонгольским временем. Кроме Я. В. Станкевич уже в более позднее время сборы подъемного материала на памятнике производил сотрудник Северо-Западной экспедиции Эрмитажа, краевед В. И. Михайлов. Небольшая коллекция из его сборов хранится в ГЭ (рис. 143: 1–8). Случайные находки с Юрьевых Гор время от времени поступали в Усвятский краеведческий музей (рис. 143: 9, 10). Часть из них была опубликована Г. В. Штыховым (1978: 55, рис. 22).

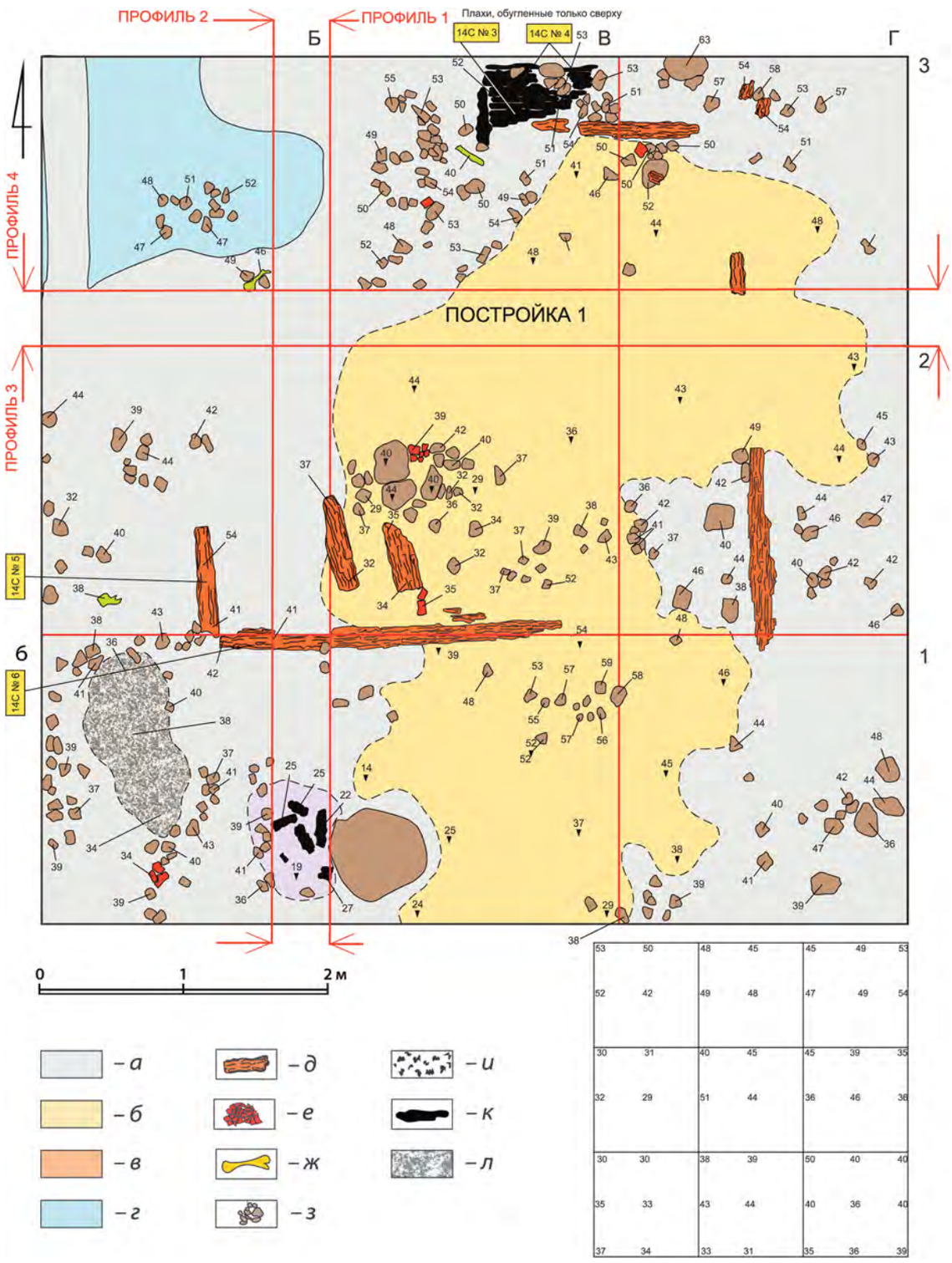


Рис. 211. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Пласт 3 (раскоп 2013 г.) и пласт 4 (раскоп 2010 г.). Постройка 1, погибшая в пожаре, и поверхность подсыпки, на которой она была установлена. На экспликации нивелировочные отметки поверхности пласта 4. *Условные обозначения: а* – серая супесь с древесным перегноем; *б* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса; *в* – красная глина с серым гумусом; *г* – светло-серый суглинок; *д* – фрагменты перегнившей древесины; *е* –развал керамического сосуда; *ж* – кости; *з* – камни; *и* – угли; *к* – обугленное дерево; *л* – рыбья чешуя

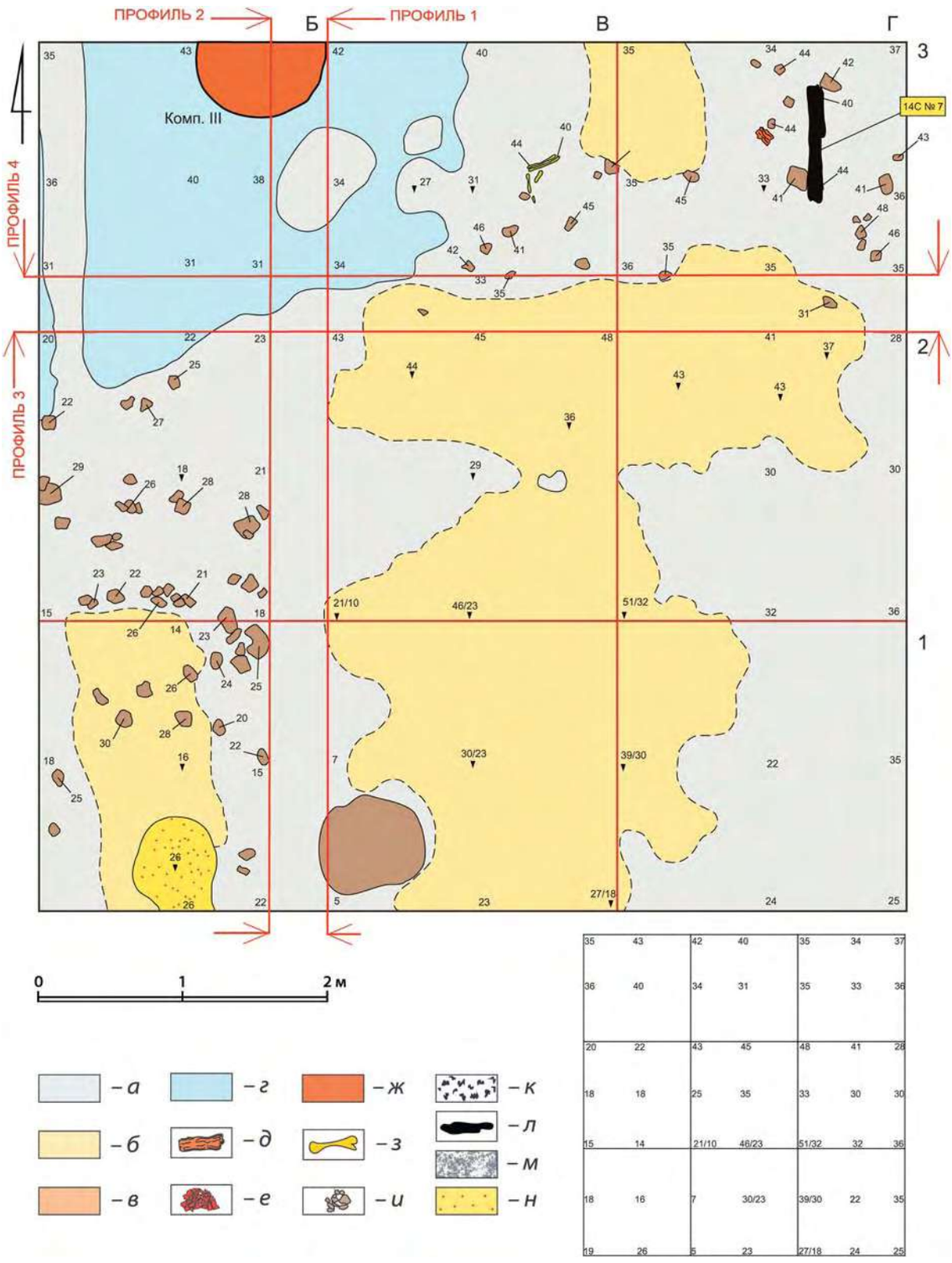


Рис. 212. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_2$. Пласт 4 и подсыпка под постройкой 1. На экспликации нивелировочные отметки поверхности пласта 5 и подсыпки (двойные нивелировки указывают на толщину последней). *Условные обозначения: а* – серая супесь с древесным перегноем; *б* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса; *в* – красная глина с серым гумусом; *г* – светло-серый суглинок; *д* – фрагменты перегнившей древесины; *е* – развал керамического сосуда; *ж* – бурый (с навозом?) суглинок; *з* – кости; *и* – камни; *к* – угли; *л* – обугленное дерево; *м* – рыбья чешуя; *н* – прокаленный песок

В 1993 г. В. А. Булкин и В. Н. Седых со студентами Кафедры археологии истфака СПбГУ произвели сбор подъемного материала в урочище и пришли к выводу о «городском облике» поселения на Юрьевых Горах (Булкин, Седых 1994: 27). Среди находок оказались стеклянные браслеты, шиферные пряслица, двусторонние костяные гребни и другие предметы домонгольской поры. Автор этой книги в качестве студента присутствовал при этих обследованиях и зарисовал часть найденной керамики (рис. 144).

Первые раскопки в ур. Юрьевы Горы провел в 1970 г. Р. С. Минасян. За три года до начала этих работ им было заложено на площадке предполагаемого городища 6 шурфов размерами 1 × 1 м, причем найдена была исключительно гончарная керамика (Минасян А-1970: 8) и некоторые железные изделия, говорившие о неординарности поселения (рис. 154). В 1970 г. исследователем были заложены два раскопа (рис. 141).

Раскоп I (3 × 6 м) располагался на селище в 70 м к западу от предполагаемого детинца (рис. 141, 142). Под слоем распашки мощностью 0,25–0,3 м был выявлен непотревоженный культурный слой толщиной до 0,2 м. Из раскопа происходят фрагменты гончарной керамики, датированные автором раскопок XII–XVI вв. Удалось на этот раз найти и несколько обломков лепных сосудов (Минасян А-1970: 8).

Раскоп II (4 × 10 м) располагался на краю площадки городища (рис. 141, 142). Здесь под пахотным слоем были прослежены культурные напластования мощностью до 0,8 м с линзами угля и обожженной глины. Толщина культурного слоя увеличивается по направлению к центру площадки городища. Удалось зафиксировать несколько ям в материке, датировка которых осталась неясной.

В слое найдены многочисленные фрагменты гончарной древнерусской керамики (она датирована автором раскопок XI–XIII вв.) и, что особенно важно, несколько фрагментов лепной посуды (рис. 155: 4–8). Массовый материал типичен для древнерусских городских культурных слоев домонгольского времени: обломок двустороннего составного трапециевидного костяного гребня с накладками (рис. 166: 5), семь обломков витых и гладких стеклянных браслетов (рис. 168: 7–12), шесть шиферных пряслиц (рис. 169: 1–6).

Редкой находкой является костяной топорик, по-видимому, детская игрушка, имитирующая, возможно, широколезвийную боевую секиру норманнского облика (рис. 165). Аналогии костяной вещице из Усвята в значительном количестве известны в культурных слоях древнерусских городов (этой находке посвящено Приложение 4). Из сравнительно ранних находок в раскопе Р. С. Минасяна обращает на себя внимание обломок ланцетовидной стрелы с упором (рис. 167: 3). На основании полученных материалов исследователь сделал заключение, что найдено «поселение городского типа, существующее, судя по находкам лепной керамики, очевидно, с IX–X вв.» (Минасян А-1970: 9).

Расположение на Юрьевых Горах крупного древнерусского поселения городского типа XI–XIII вв. было теперь доказано. Усвят домонгольского времени был найден. Оставался, однако, неясным вопрос о летописном городе X–начала XI в. Лепная керамика в сборах Я. В. Станкевич, В. А. Булкина и В. Н. Седых и в раскопах Р. С. Минасяна была единична (и вполне могла быть датирована в рамках всего XI в.), а из других находок на раннюю датировку могла претендовать разве что ланцетовидная стрела, также, впрочем, допускающая дату вплоть до конца XI в.

Правда, кроме того, в коллекции подъемного материала, собранного усвятскими школьниками на Юрьевых Горах и хранившегося в Усвятском краеведческом музее, попадались ранние вещи: фрагмент изделия с орнаментом в стиле Борре (рис. 425: 3), обломок височного кольца «нитранского типа» (рис. 146: 2), подвесной оселок из полосатого шифера (рис. 146: 6). Все эти изделия говорили о возможности датировки памятника X столетием. Какое-то поселение в X в. на Юрьевых Горах, видимо, существовало. Но был ли это город?

Сомнения усугубились в результате исследований в Усвятах в 1980-х гг. У подножия городища № 1, на территории неолитической стоянки Усвяты II, А. М. Микляевым были исследованы остатки курганного могильника (описан выше), давшего достаточно яркий материал X в. Результаты этих раскопок заставили внимательней присмотреться и к самому

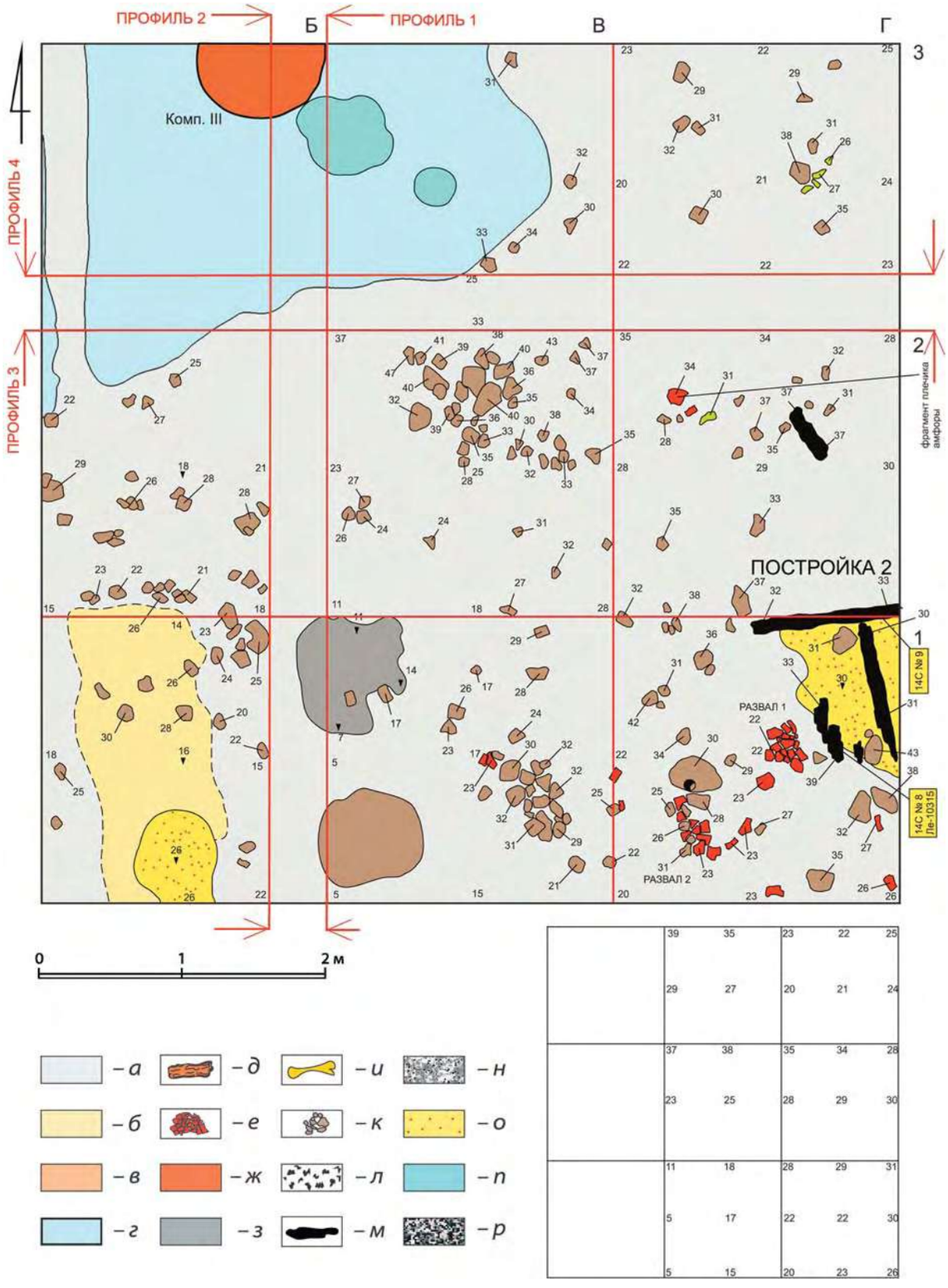


Рис. 213. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$. Верхняя часть пласта 5 под подсыпкой, на которой была установлена постройка 1. *Условные обозначения: а* – серая супесь с древесным перегноем; *б* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса; *в* – красная глина с серым гумусом; *г* – светло-серый суглинок; *д* – фрагменты перегнившей древесины; *е* – развал керамического сосуда; *ж* – бурый (с навозом?) суглинок; *з* – темно-серая супесь; *и* – кости; *к* – камни; *л* – угли; *м* – обугленное дерево; *н* – рыбья чешуя; *о* – прокаленный песок; *п* – перекоп (норы животных); *р* – рыбья чешуя

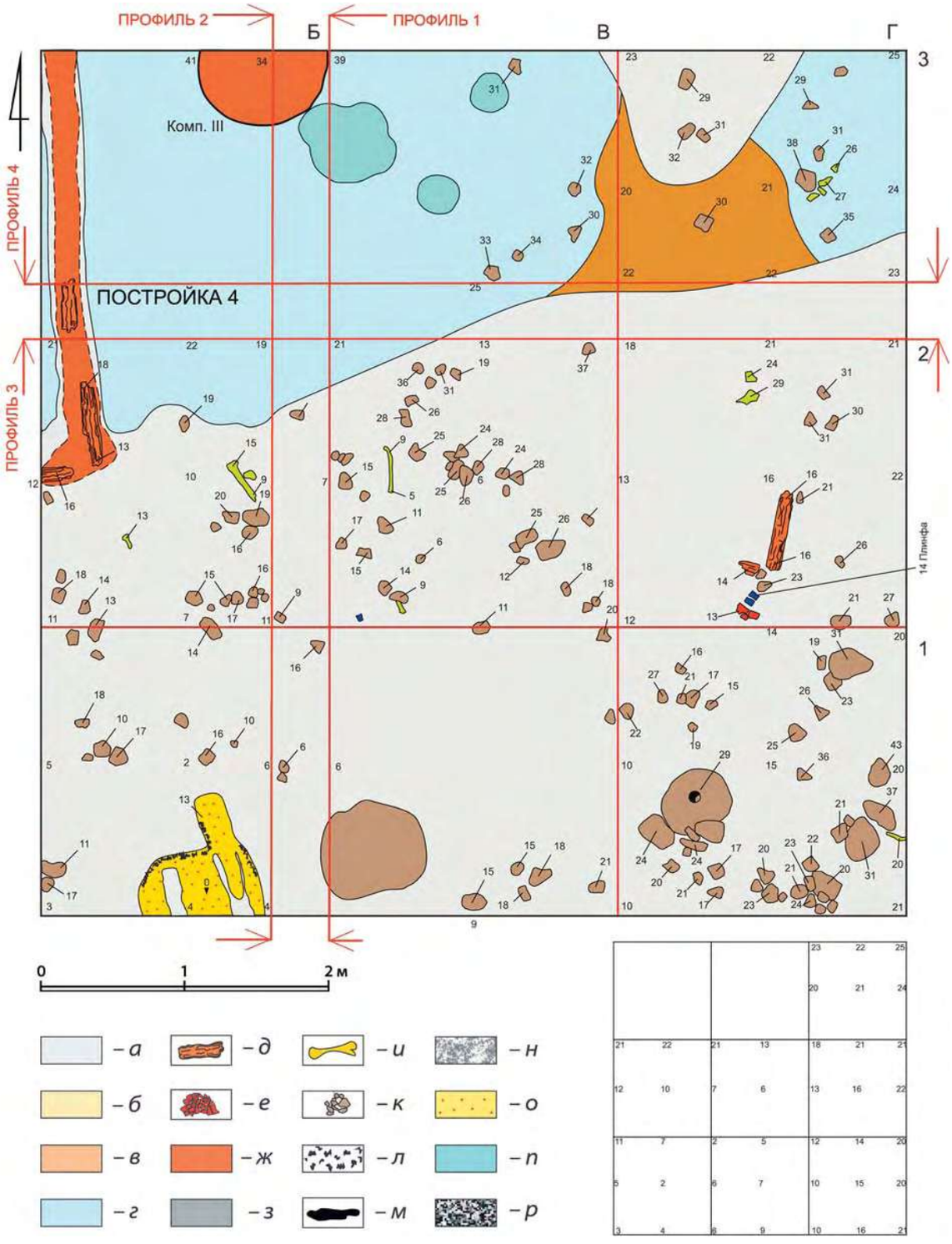


Рис. 214. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$. Пласт 5. На экспликации нивелировочные отметки поверхности пласта 6. *Условные обозначения: а* – серая супесь с древесным перегноем; *б* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса; *в* – красная глина с серым гумусом; *г* – светло-серый суглинок; *д* – фрагменты перегнившей древесины; *е* – развал керамического сосуда; *ж* – бурый (с навозом?) суглинок; *з* – темно-серая супесь; *и* – кости; *к* – камни; *л* – угли; *м* – обугленное дерево; *н* – рыбья чешуя; *о* – прокаленный песок; *п* – перекоп (норы животных); *р* – рыбья чешуя

большому из усвятских городищ, занимающему центральное положение, – к Замковой горе (городище № 2 по нумерации Я. В. Станкевич), где тоже оказался материал X–XI вв.

Таким образом, к началу 1990-х гг. стало понятно, что на территории самого поселка Усвяты в X в. существовали, вероятно, укрепленное поселение на Замковой горе и одно или два селища. Поскольку селище на стоянке Усвяты II находилось у подножия городища № 1 (Прудок), вставал вопрос и о его возможном использовании в раннем средневековье. Весь этот сложный и загадочный комплекс памятников, располагавшийся в 2–3 км от Юрьевых Гор, становился еще одним претендентом на звание летописного города Усвята.

В опубликованной в 1997 г. работе я вынужден был очень осторожно подойти к вопросу о размещении города Брячислава Изяславича, допуская и версию о Замковой горе как месте древнейшего города (Еремеев 1997а: 271). Очевидно, вопрос могли прояснить только дальнейшие археологические исследования.

Начало этого следующего этапа работ в Усвятах связано с разрушением поселения на Юрьевых Горах в последние годы. В начале лета 2010 г. в ИИМК РАН частным лицом была передана коллекция случайных находок, происходящая из кладоискательских сборов на Юрьевых Горах (рис. 423–424; рис. 427–448: 1–4). В состав коллекции входили арабские и византийские монеты, многочисленные ювелирные изделия, полуфабрикаты и отходы ювелирного производства.[42] Бóльшая часть коллекции, как выяснилось, пропала, и анализировать ее можно только по фотографиям. Масштабы разрушения памятника и выдающийся характер находок потребовали экстренных мер по сохранению древнерусского города. Первым шагом на этом пути должно было стать составление подробного инструментального плана памятника, определение границ культурного слоя и его точной датировки.

В 2010–2011 и 2013 гг. в Усвятах работал Усвятский отряд ИИМК РАН под руководством автора. Нами был снят полный инструментальный план памятника в урочище Юрьевы Горы (рис. 140) и заложено два раскопа размерами 6 × 6 м каждый с целью уточнения характера культурного слоя и его датировки. Анализ коллекции подъемного материала и результаты раскопок позволяют дать характеристику раннему этапу истории летописного Усвята.

Важной частью проделанной нами работы стала привязка к местности шурфов и раскопов Р. С. Минясяна 1967 и 1970 гг. Описания, которые приводятся в полевом отчете исследователя, и приложенная к ним схема (рис. 141) на первый взгляд не давали оснований для уверенной локализации этих объектов. Только после того, как нами была сделана тахеометрическая съемка всего побережья, стало возможным точно привязать раскопы Р. С. Минасяна. Выяснилось, что на его схеме присутствует характерный изгиб обрывистого берега, нигде больше не повторяющийся на берегу Усвятского озера, кроме как на участке предполагаемого детинца. Наложение плана Р. С. Минасяна на тахеометрический план позволило достаточно уверенно привязать его раскопы. На месте раскопа II и в настоящее время заметно запаханное понижение рельефа, отраженное и данными тахеометрической съемки (рис. 142). Раскоп I полностью запахан и на поверхности не прослеживается.

Итак, с учетом результатов раскопок 1970 г. и 2010/2013 гг., шурфовок 1967 г. и 2011 г., сбора подъемного материала и фиксации ареала распространения случайных находок границы памятника необходимо провести таким образом, как это показано на рис. 109 и рис. 140.

В Приложении приводятся координаты поворотных точек границ распространения культурного слоя в ур. Юрьевы Горы (Приложение 7. Табл. 6). Сами точки, как и границы, нанесены на планы памятника (рис. 140).[43]

2.2.7.1. Западный мыс в ур. Юрьевы Горы (Церковище)

С этой частью урочища связана легенда о стоявшей здесь некогда церкви Георгия Победоносца.[44] Предание впервые записано А. П. Сапуновым:

> «Другая церковь находилась за озером, в версте расстояния от Усвята; церковь эта была во имя св. великого Георгия Победоносца, почему и до сих пор те горы, на которых она была построена, носят название “Юрьевских”. Мною уже

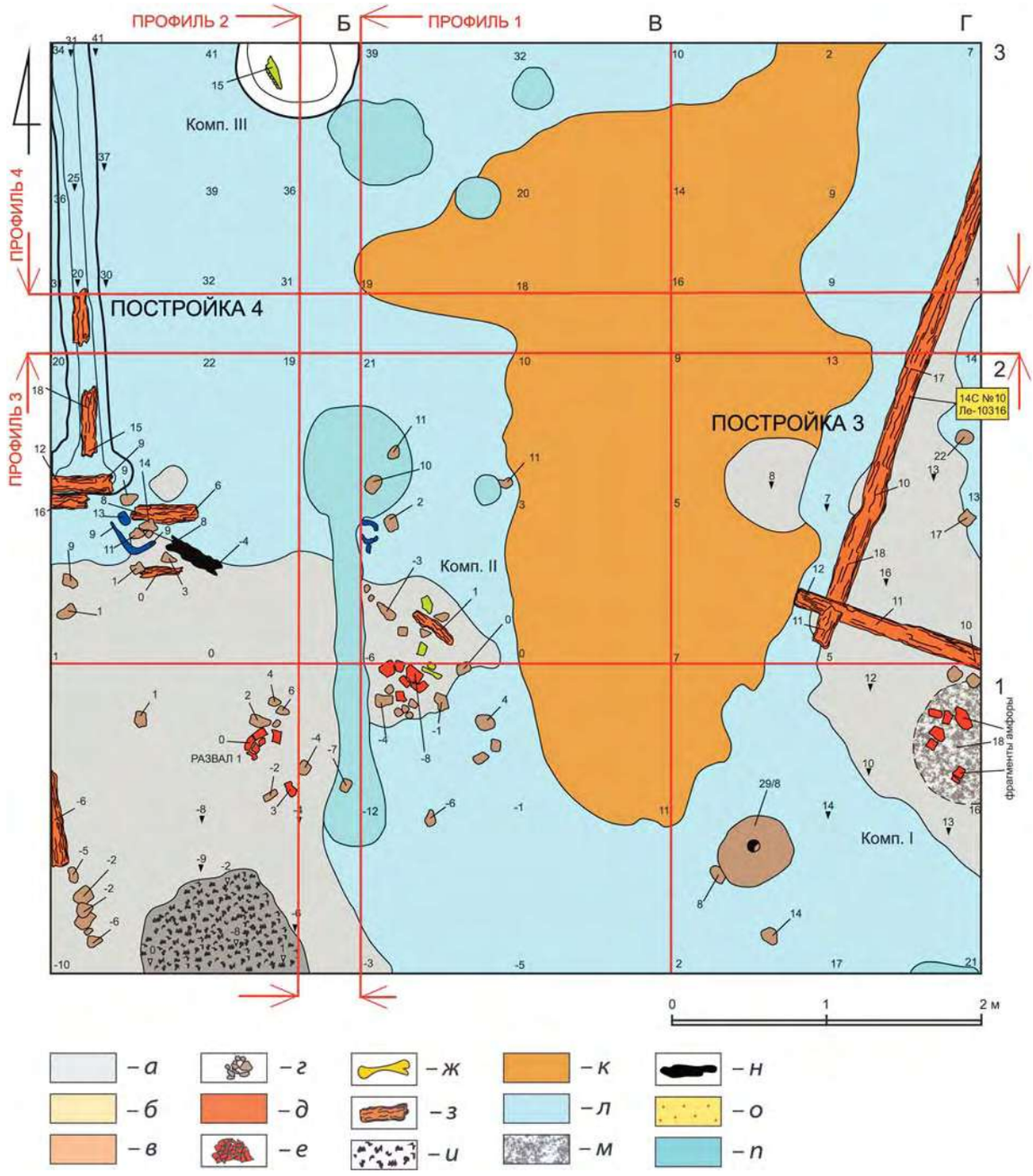


Рис. 215. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_4$. Пласт 6 и первый горизонт застройки территории детинца (постройки 3, 4). *Условные обозначения: а* – серая супесь с древесным перегноем; *б* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса; *в* – красная глина с серым гумусом; *г* – камни; *д* – бурый (с навозом?) суглинок; *е* – развал керамического сосуда; *ж* – кости; *з* – фрагменты перегнившей древесины; *и* – угли; *к* – погребенная почва; *л* – светло-серый суглинок; *м* – рыбья чешуя; *н* – обугленное дерево; *о* – прокаленный песок; *п* – перекоп (норы животных)

высказано предположение, что здесь именно и было древнейшее укрепление. Церковь эта, по преданию, сгорела от громового удара (по другому преданию, церковь «прошла сквозь землю»; и теперь-де при тихой погоде рыбаки слышат звон колоколов под волнами Усвятского озера, омывающего «Юрьевские Горы»); земля же церковная перешла к усвятской экономии. И теперь еще здесь можно видеть каменные кресты и следы фундамента» (Сапунов 1889: 29–30).

Урочище, о котором рассказывает А. П. Сапунов, без труда локализуется на местности (рис. 133). И в настоящее время жители Усвят расскажут вам, что на западном (ближайшем к поселку) мысу можно усмотреть выложенные в форме креста валуны – основание церковного фундамента. Это, конечно, преувеличение, характерное для сельских мифологических рассказов. Действительно, здесь можно видеть скопле-

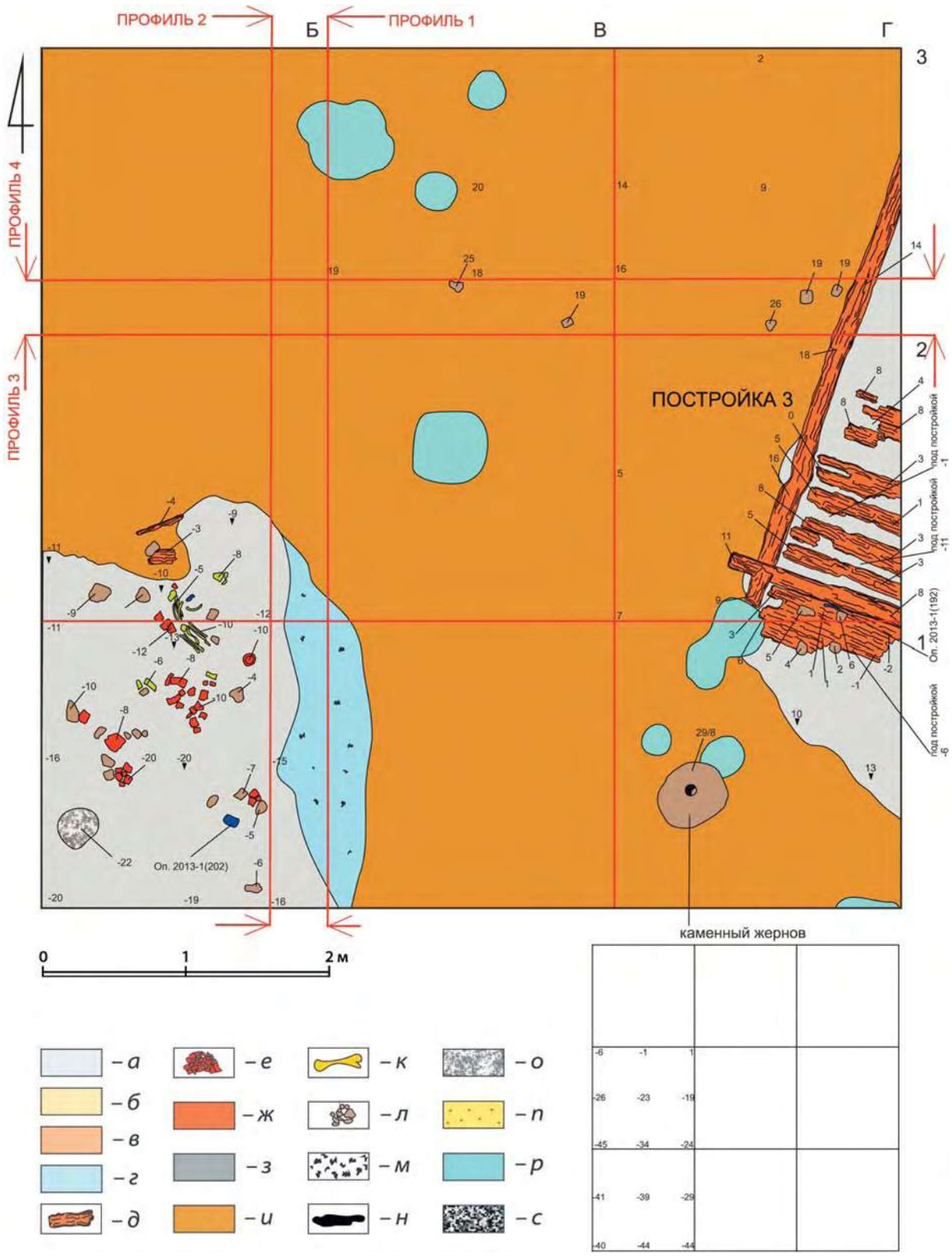


Рис. 216. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_4$. Пласт 7 культурного слоя и первый горизонт застройки территории детинца (постройка 3). *Условные обозначения: а* – серая супесь с древесным перегноем; *б* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса; *в* – красная глина *с* серым гумусом; *г* – светло-серый суглинок; *д* – фрагменты перегнившей древесины; *е* – развал керамического сосуда; *ж* – бурый (с навозом?) суглинок; *з* – темно-серая супесь; *и* – погребенная почва; *к* – кости; *л* – камни; *м* – угли; *н* – обугленное дерево; *о* – рыбья чешуя; *п* – прокаленный песок; *р* – перекоп (норы животных); *с* – рыбья чешуя

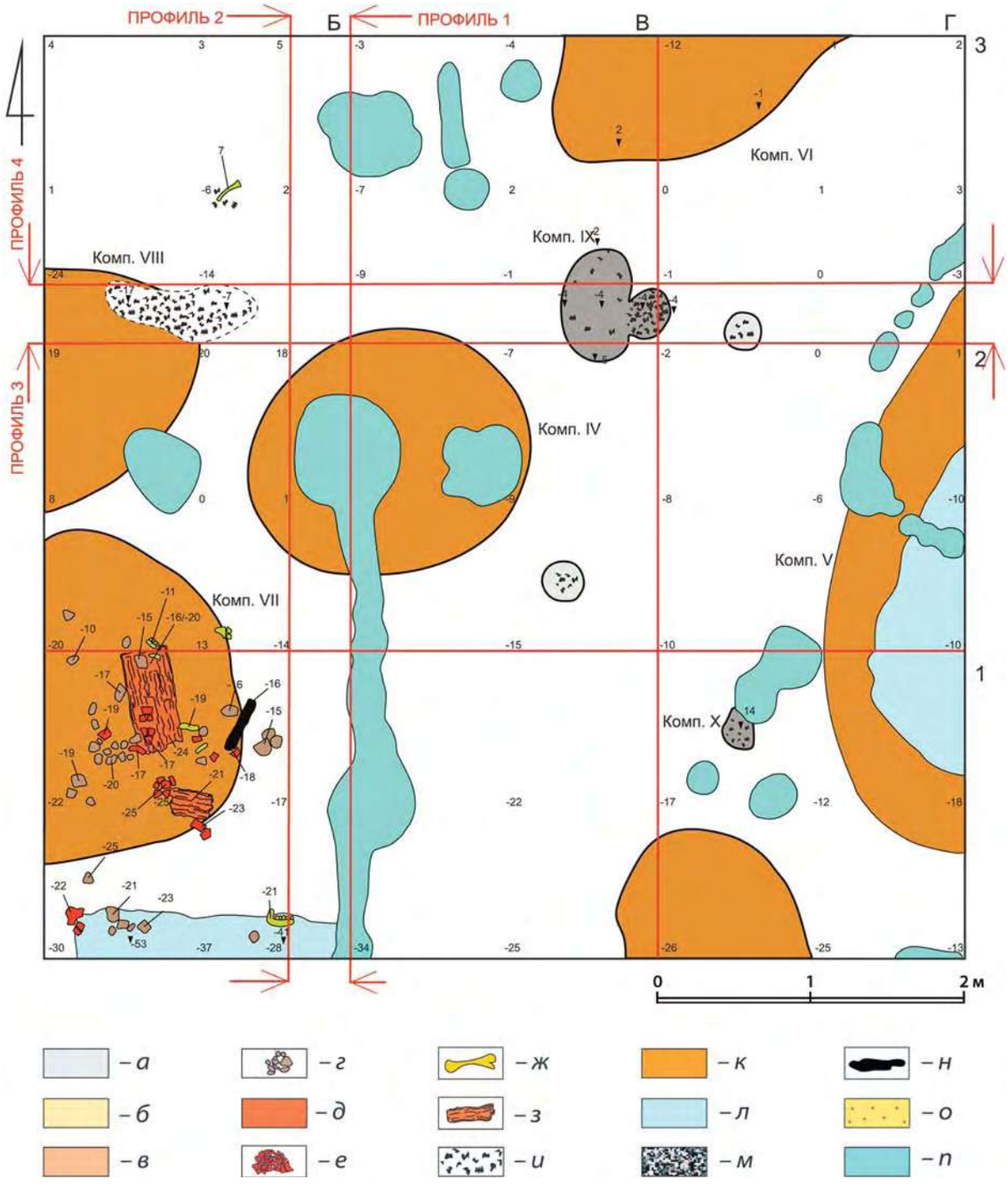


Рис. 217. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Древнейший горизонт. Пласт 8 (в квадрате Б-1) и пятна погребенной почвы в западинах древнейшего горизонта освоения холма. *Условные обозначения: а* – серая супесь с древесным перегноем; *б* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса; *в* – красная глина с серым гумусом; *г* – камни; *д* – бурый (с навозом?) суглинок; *е* – развал керамического сосуда; *ж* – кости; *з* – фрагменты перегнившей древесины; *и* – угли; *к* – погребенная почва; *л* – светло-серый суглинок; *м* – рыбья чешуя; *н* – обугленное дерево; *о* – прокаленный песок; *п* – перекоп (норы животных)

ние крупных камней, лежащих, впрочем, вопреки легенде – без всякого явного порядка. Возможно, часть из них могла в древности в самом деле служить фундаментными опорами деревянного храма. Поверхность мысового всхолмления сильно изрыта кладоискательскими ямами.

Нельзя исключать возможность существования на западном мысу городища, относящегося к раннему железному веку (рельеф местности весьма характерен для такого рода памятников). Для укрепления эпохи средневековья мысовое всхолмление слишком мало́. Шурфовка западного мыса никогда не производилась. О наличии здесь раннесредневекового культурного слоя говорят находки лепной гладкостенной и гончарной древнерус-

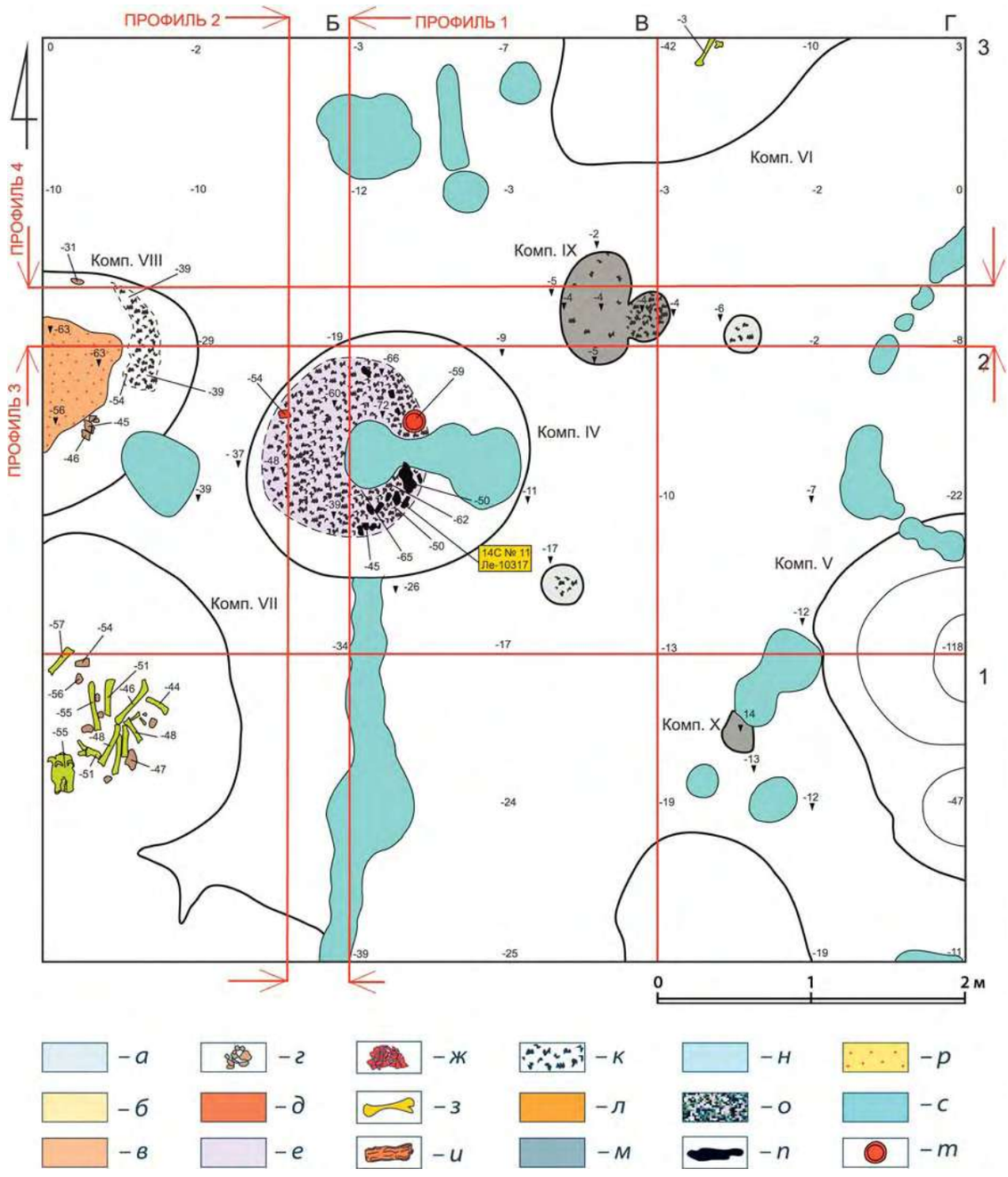


Рис. 218. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Древнейший горизонт. Заполнение материковых ям. *Условные обозначения: а* – серая супесь с древесным перегноем; *б* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса; *в* – красная глина с серым гумусом; *г* – камни; *д* – бурый (с навозом?) суглинок; *е* – зола; *ж* – развал керамического сосуда; *з* – кости; *и* – фрагменты перегнившей древесины; *к* – угли; *л* – погребенная почва; *м* – темно-серая супесь; *н* – светло-серый суглинок; *о* – рыбья чешуя; *п* – обугленное дерево; *р* – прокаленный песок; *с* – перекоп (норы животных); *т* – керамический сосуд

ской керамики в кротовинах и осыпях берега (рис. 138).

2.2.7.2. Грунтовый могильник на Церковище

Чрезвычайно важным свидетельством о топографии средневекового города является вышеприведенное упоминание А. П. Сапунова о каменных крестах близ легендарного фундамента храма, т. е. на западном мысу урочища. Остатки христианского некрополя в виде большого количества человеческих костей выпахивались здесь регулярно на протяжении многих десятилетий. Рассказы об этом хорошо известны каждому жителю местечка. Несколько фрагментов человеческих костных останков собраны нами и в 2010 г. на южном склоне мысового всхолмления. Верхний слой грунта здесь срезан при

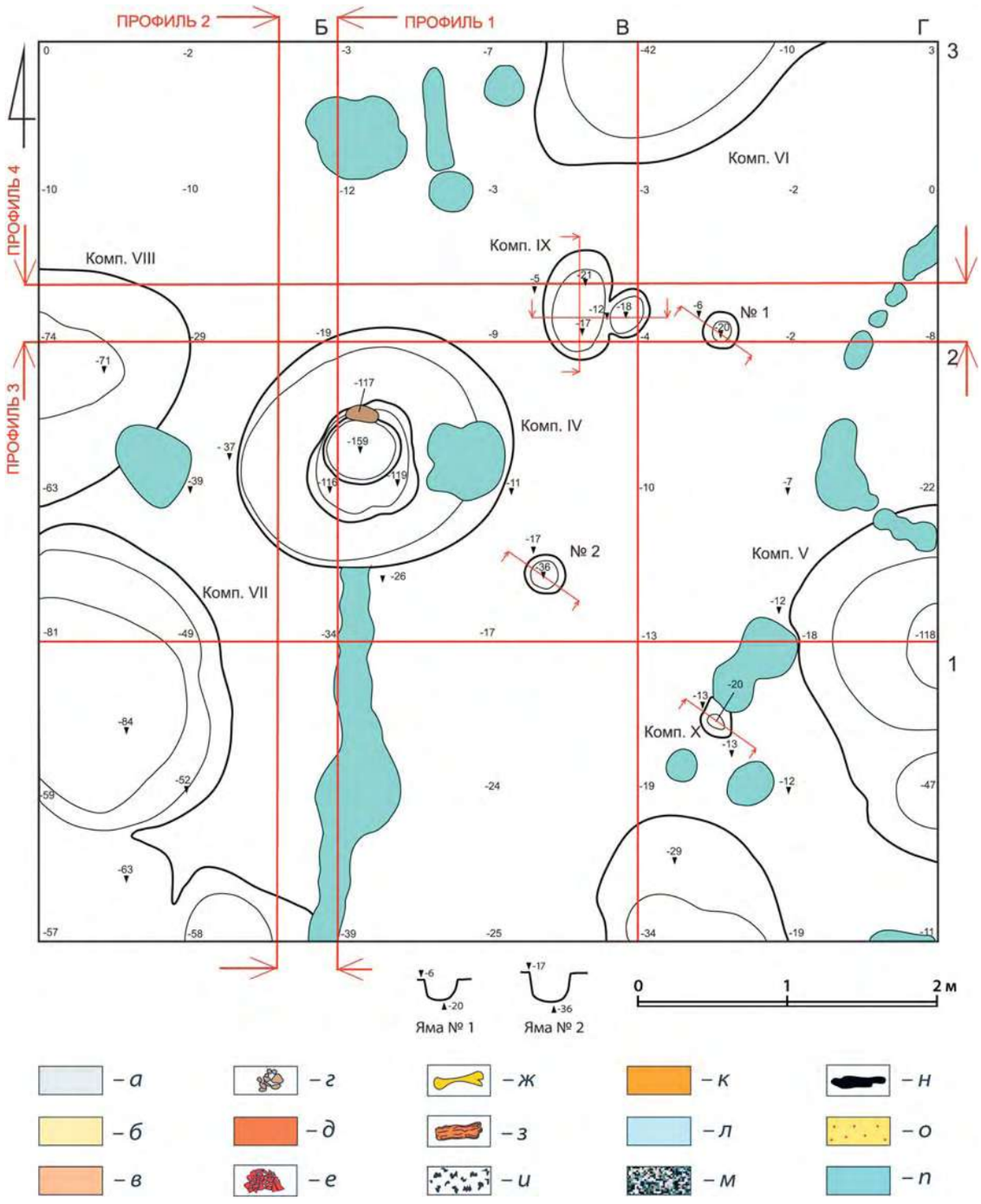


Рис. 219. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Древнейший горизонт. Материковые ямы. *Условные обозначения: а* – серая супесь с древесным перегноем; *б* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса; *в* – красная глина с серым гумусом; *г* – камни; *д* – бурый (с навозом?) суглинок; *е* – развал керамического сосуда; *ж* – кости; *з* – фрагменты перегнившей древесины; *и* – угли; *к* – погребенная почва; *л* – светло-серый суглинок; *м* – рыбья чешуя; *н* – обугленное дерево; *о* – прокаленный песок; *п* – перекоп (норы животных)

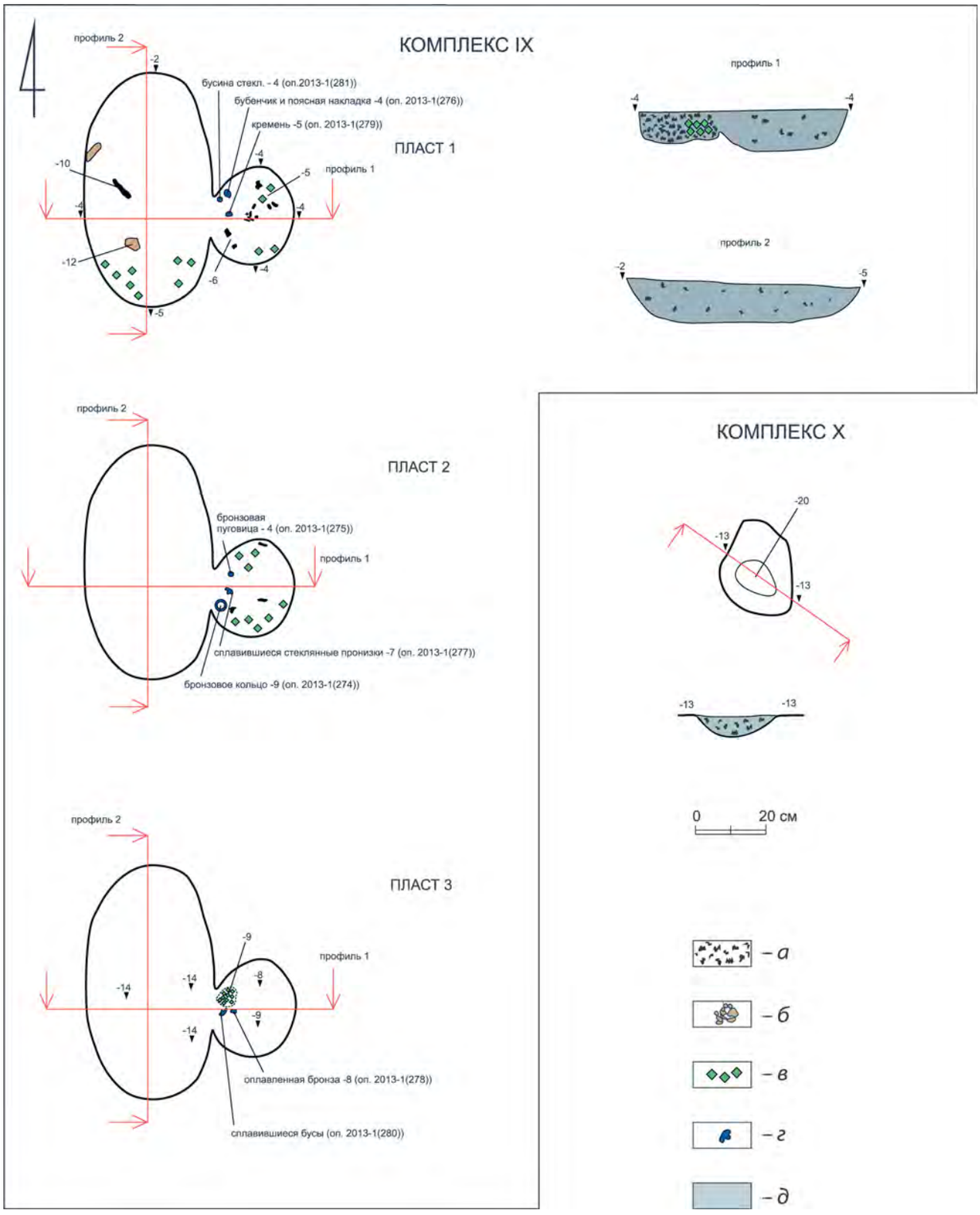


Рис. 220. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Комплексы, связанные с могильником.
Условные обозначения: а – угли; *б* – камни; *в* – кальцинированные кости; *г* – находки; *д* – темно-серая супесь

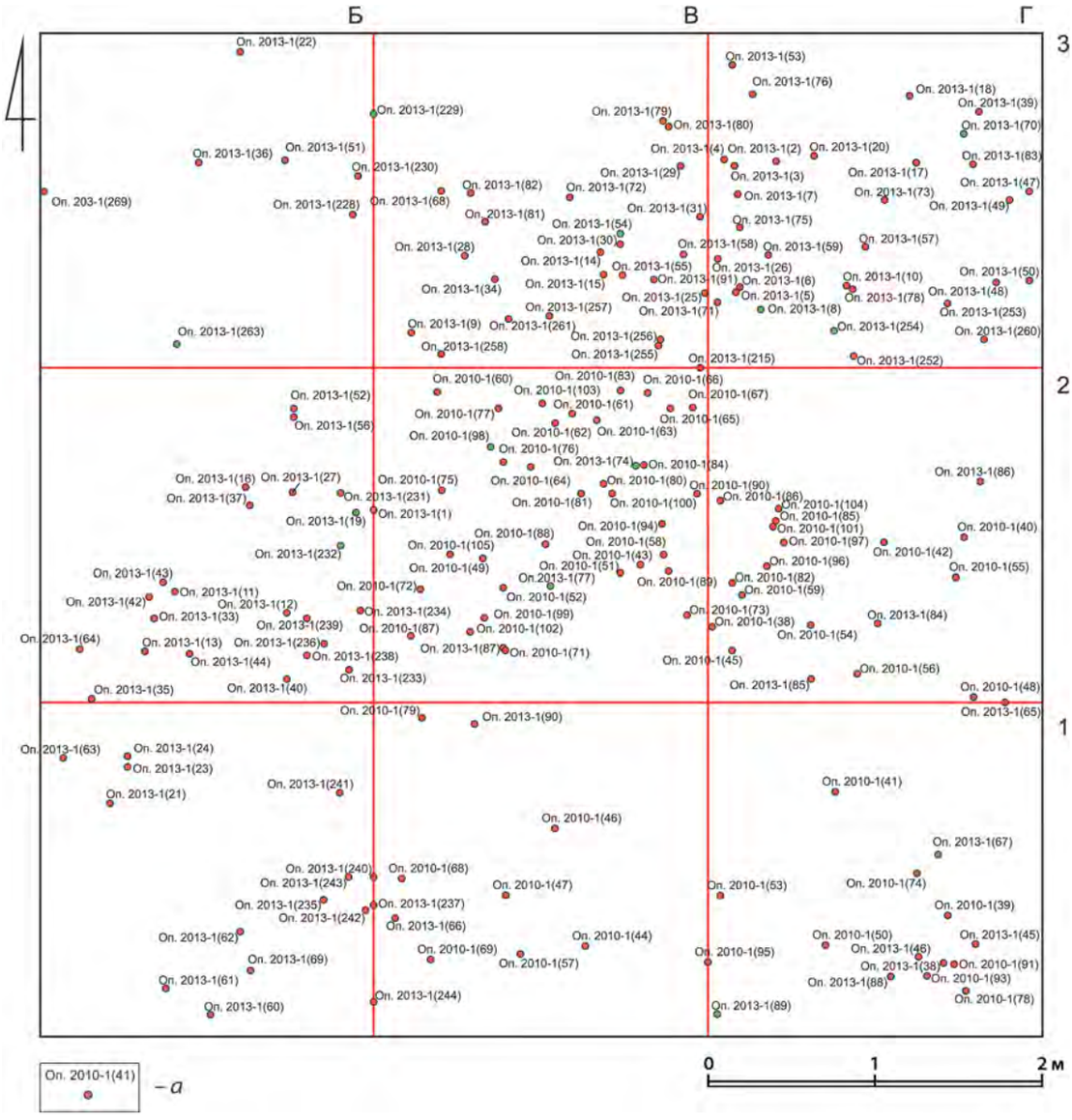


Рис. 221. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Распределение находок в строительном горизонте A_1. Зеленым цветом выделены находки стеклянных браслетов. *Условные обозначения: а* – находки (год раскопок, номер описи, номер находки)

распашке, и гумусный пахотный слой почти отсутствует. Кости попадаются в желтоватом материковом суглинке.

С высокой долей вероятности можно предполагать, что перед нами – остатки христианского некрополя Усвята, располагавшегося на городской территории, возможно, близ главного городского храма или монастыря. Предполагаемая датировка могильника – XI–XV вв. Видимо, кладбище существовало еще некоторое время после перенесения города на территорию современного поселка Усвяты. Возможно, часть нательных крестов (рис. 139), найденных кладоискателями в урочище, происходит именно из этого могильника.

2.2.7.3. Селище (посад)

Весь берег между западным и восточным мысами и пространство на 200 м в глубину его заняты культурным слоем поселения. Здесь повсюду встречаются фрагменты гончарной древнерусской керамики, железные шлаки и кусочки обожженной глины. Сборы подъемного материала проводились неоднократно различными исследователями. Коллекции Р. С. Минасяна, В. А. Булкина, В. Н. Седых и В. И. Михайлова находятся в собрании Государственного Эрмитажа. При определении границ культурного слоя важно указать на следующие ориентиры.

Западной границей поселения служит дорога, идущая вдоль ложбины по краю пере-

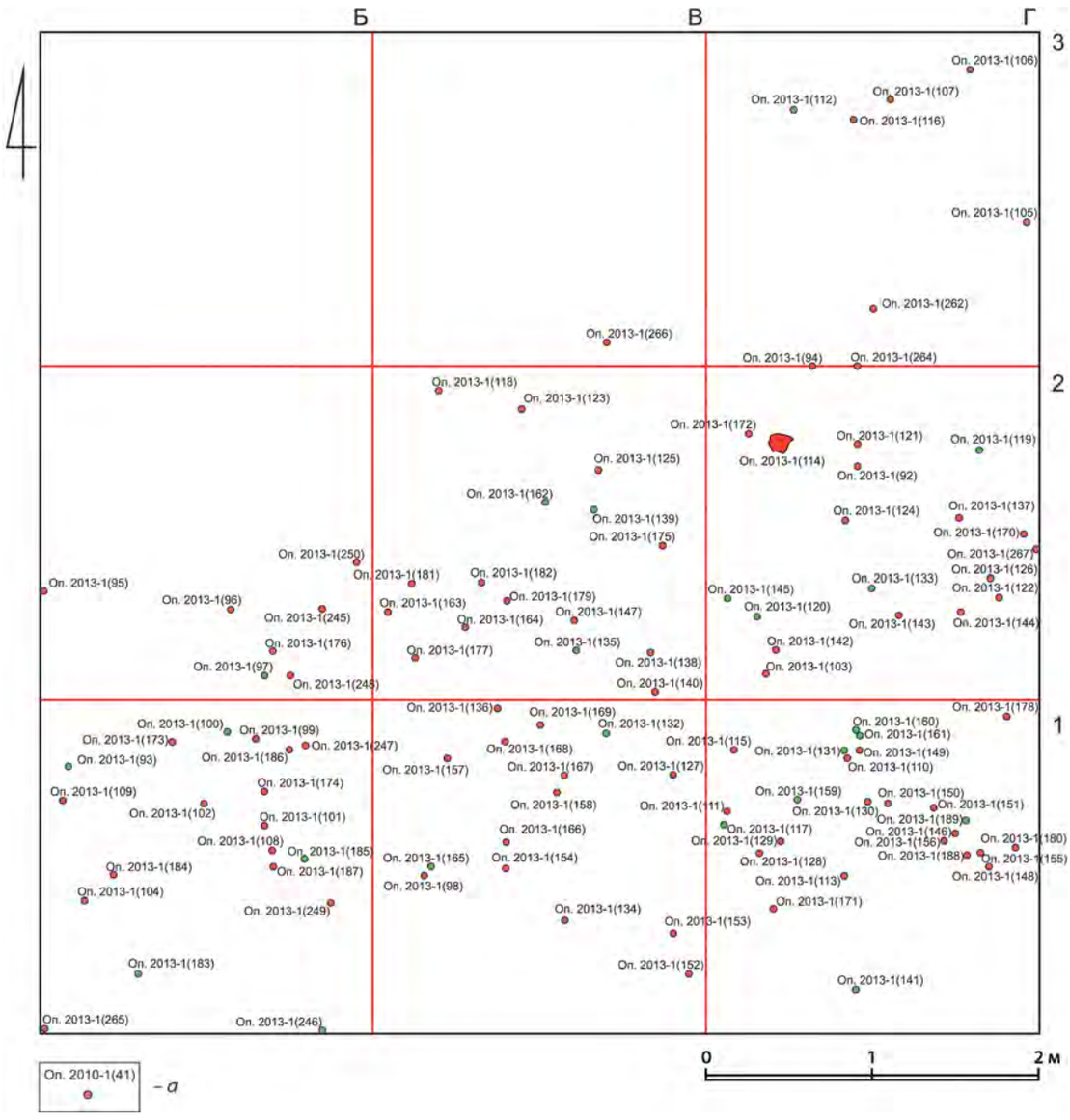


Рис. 222. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Распределение находок в строительных горизонтах A_2 и A_3. *Условные обозначения: а* – находки (год раскопок, номер описи, номер находки)

леска от молочной фермы к поселку Усвяты. Северо-западная граница поселения образована влажной ложбиной, отделяющей береговое плато от цепочки песчаных камовых всхолмлений, которые тянутся вдоль берега озера в северо-западном направлении.

Наибольшие сложности представляет определение юго-восточной границы поселения, переходящего в поля, тянущиеся в направлении истока р. Усвячи из Усвятского озера. Для того, чтобы определить эту границу, в 2011 г. нами были заложены три шурфа размерами 2 × 2 м (рис. 142).

Шурф 1. Располагался в 100 м к юго-востоку от городища и в 50 м от берега озера.

Координаты: N 55° 43′ 25,2″ E 030° 45 ′ 54,6″. Под дерном обнаружен слой мешаного светло-бурого легкого суглинка (пахота) мощностью 0,4–0,5 м, лежащий на материке (желтый легкий суглинок). Культурного слоя нет, находок нет (рис. 170). В пахоте найден мелкий обломок красноглиняного кирпича современного типа.

Шурф 2. Разбит в 175 м к юго-западу от городища на невысоком всхолмлении, слева от дороги на городище из д. Дворец. Координаты: N 5° 43′ 26,9″ E 030° 45′ 38,0″. Под дерном обнаружен слой мешаной светло-бурой супеси (пахота) мощностью 0,3 м, лежащий на материке (желтая валунная супесь с суглинистыми включениями).

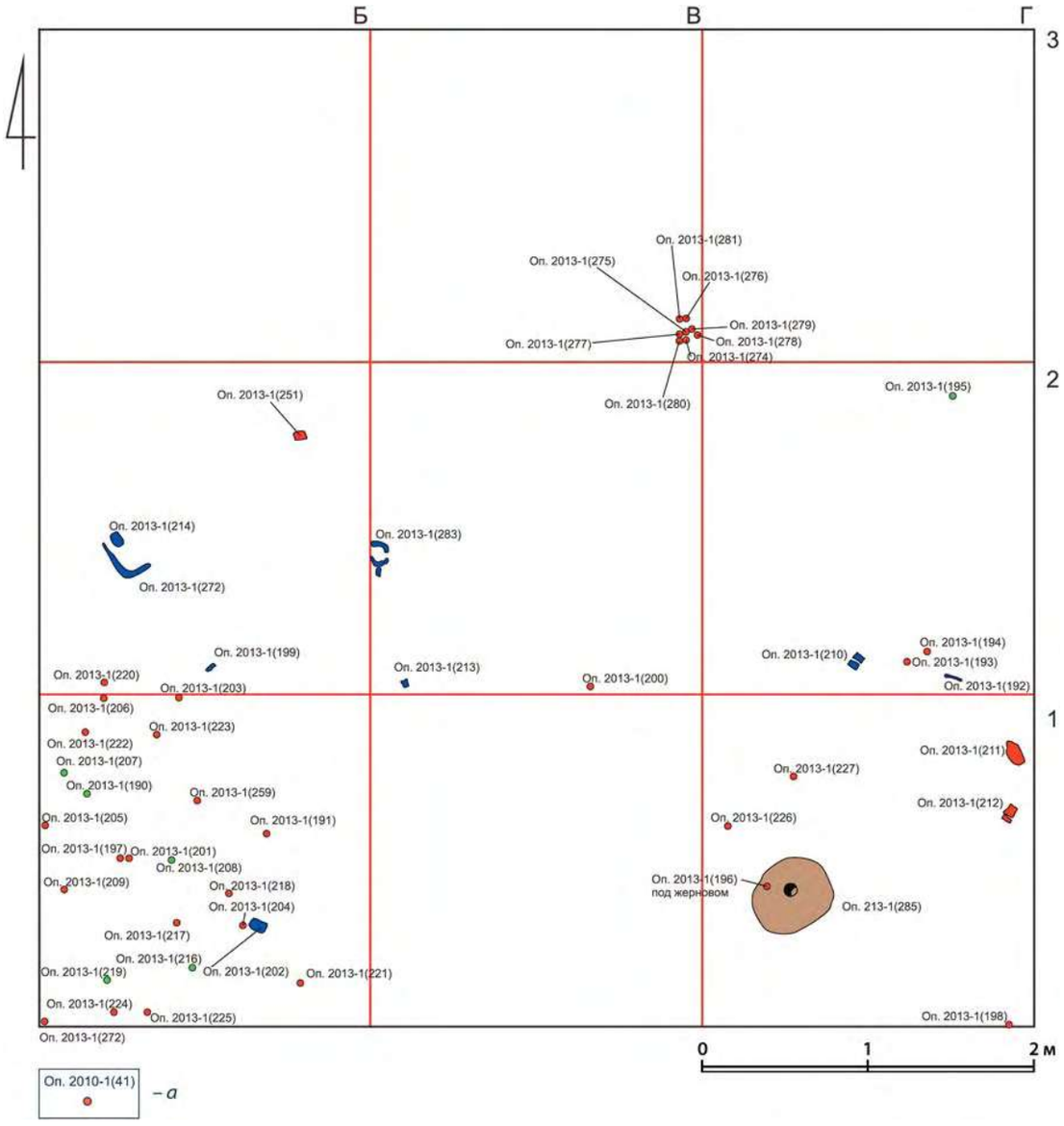


Рис. 223. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Распределение находок в строительном горизонте A_4 и в древнейшем горизонте. Зеленым отмечены находки стеклянных браслетов. Находки, выраженные в масштабе чертежа, отмечены синим (железо) и красным (керамика) цветами. *Условные обозначения: а* – находки (год раскопок, номер описи, номер находки)

В слое пахоты найдено 2 фрагмента гончарной керамики и осколок кости (рис. 170).

Шурф 3. Заложен на моренной гряде справа от дороги из д. Дворец на городище, напротив шурфа 2. Координаты: N 55° 43′ 25,0″ E 030° 45′ 39,6″. Под дерном обнаружен слой мешаного бурого суглинка (пахота), лежащий на материке (средний суглинок, красноватый с серыми включениями, валунный). Культурного слоя нет, находок нет.

Таким образом, шурфовка установила, что к юго-востоку от дороги, идущей из д. Дворец на песчаный пляж, расположенный в 300 м к юго-востоку от восточного мыса, культурного слоя нет. Берег с твердым дном, несомненно, был на этом месте и в средневековье, выполняя роль городской пристани. Остальные берега озера по большей части торфяные.

2.2.7.4. Раскоп 1 в центральной части неукрепленного поселения

В 2010/2013 гг. нами были произведены работы в центральной части неукрепленного поселения. Участок располагается на большом расстоянии от берега озера, и, если бы здесь действительно удалось обнаружить культурный слой X в., это свидетельствовало бы о исключительных размерах поселения.

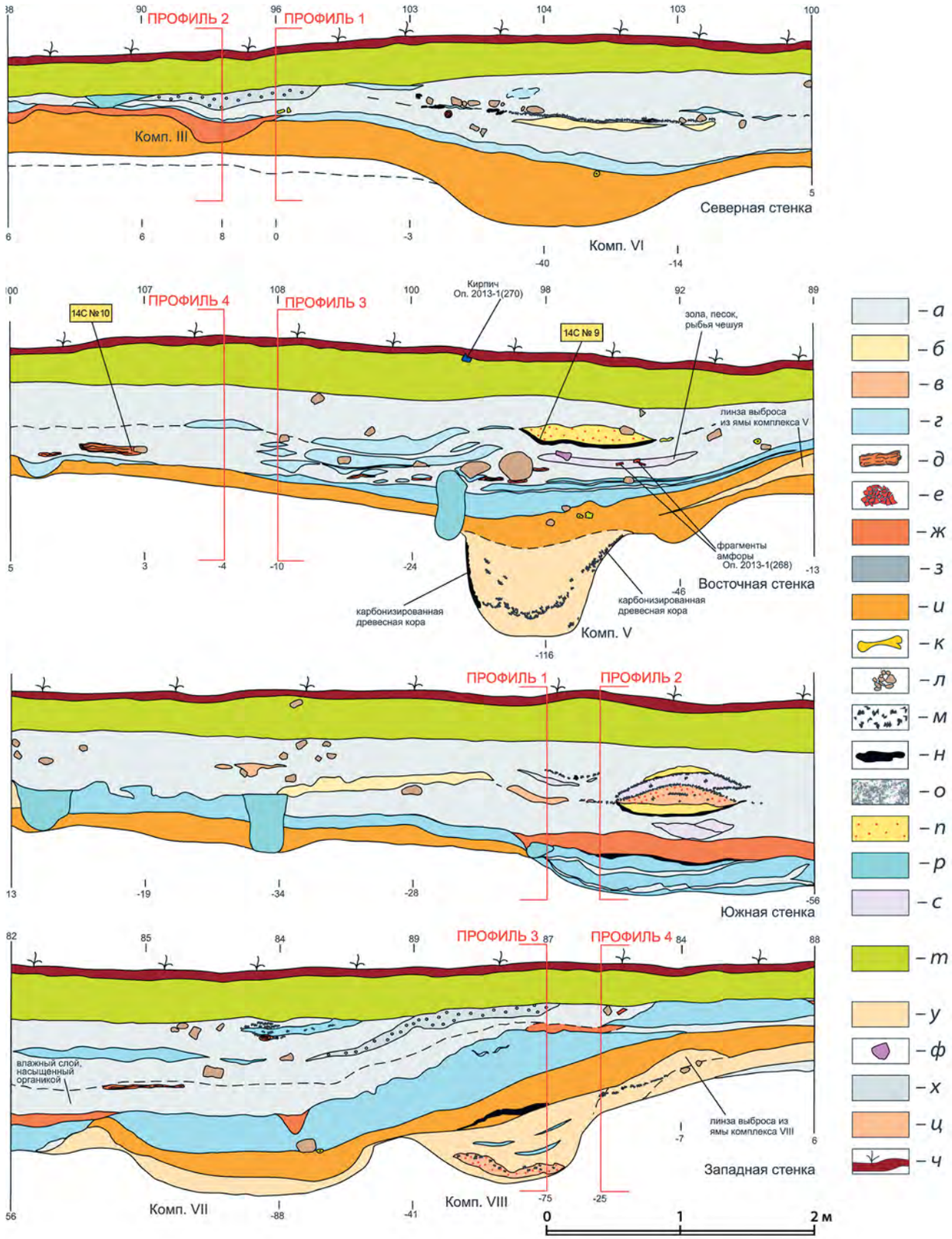


Рис. 224. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Городище. Раскоп 2. Профили стенок раскопа. *Условные обозначения:* *а* – серая супесь с древесным перегноем; *б* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса; *в* – красная глина с серым гумусом; *г* – светло-серый суглинок; *д* – фрагменты перегнившей древесины; *е* – развал керамического сосуда; *ж* – бурый (с навозом?) суглинок; *з* – темно-серая супесь; *и* – погребенная почва; *к* – кости; *л* – камни; *м* – угли; *н* – обугленное дерево; *о* – рыбья чешуя; *п* – прокаленный песок; *р* – перекоп (норы животных); *с* – зола; *т* – пахотный слой; *у* – белесый суглинок (выброс из материковых ям); *ф* – обожженная глина; *х* – серая супесь с глинистыми включениями; *ц* – красноватая обожженная глина с серым гумусом; *ч* – дерн

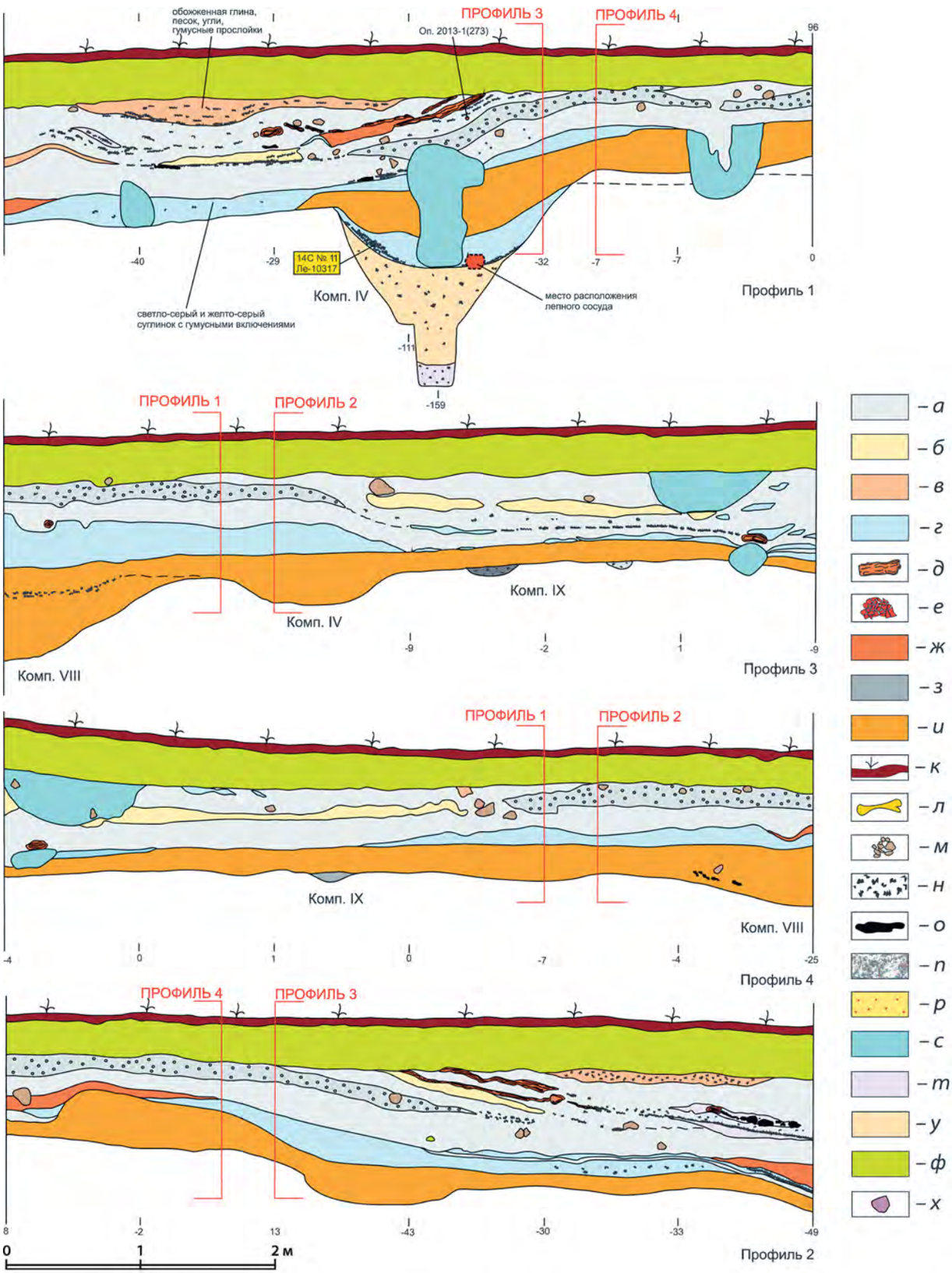


Рис. 225. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Профили бровок раскопа. *Условные обозначения:* *а* – серая супесь с древесным перегноем; *б* – желтая супесь с вкраплениями серого гумуса; *в* – красная глина с серым гумусом; *г* – светло-серый суглинок; *д* – фрагменты перегнившей древесины; *е* – развал керамического сосуда; *ж* – бурый (с навозом?) суглинок; *з* – темно-серая супесь; *и* – погребенная почва; *к* – дерн; *л* – кости; *м* – камни; *н* – угли; *о* – обугленное дерево; *п* – рыбья чешуя; *р* – прокаленный песок; *с* – перекоп (норы животных); *т* – зола; *у* – белесый суглинок (выброс из материковых ям); *ф* – пахотный слой; *х* – обожженная глина

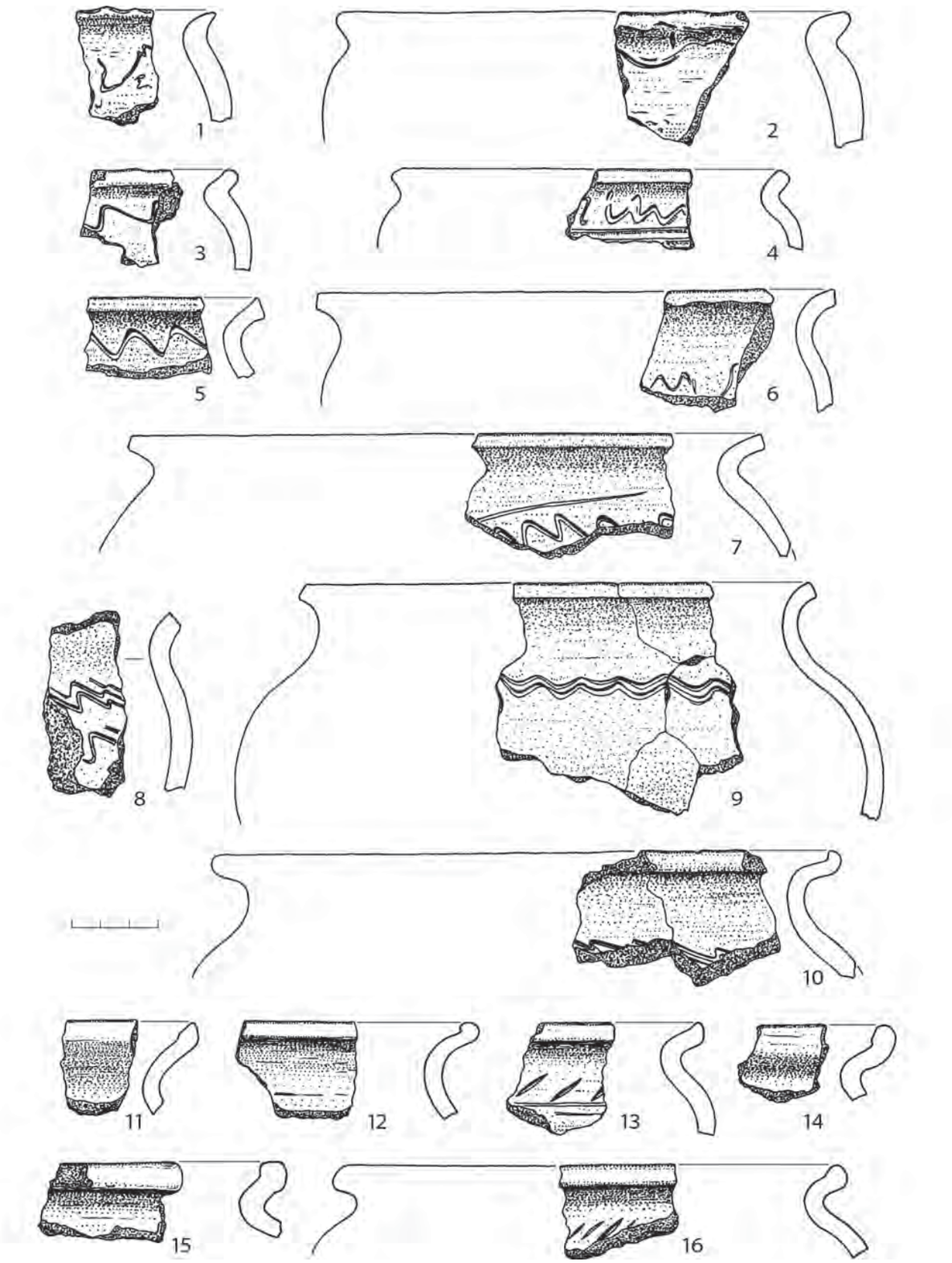


Рис. 226. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Грубогончарная (1–3) и гончарная керамика из пахотного слоя. 1–3 – кв. Г-3; 4 – кв. Б-1; 5 – кв. В-2; 6, 7, 10 – кв. Г-2; 8, 9 – кв. В-2; 11–13 – кв. Б-1; 14 – кв. В-3; 15, 16 – кв. Б-3

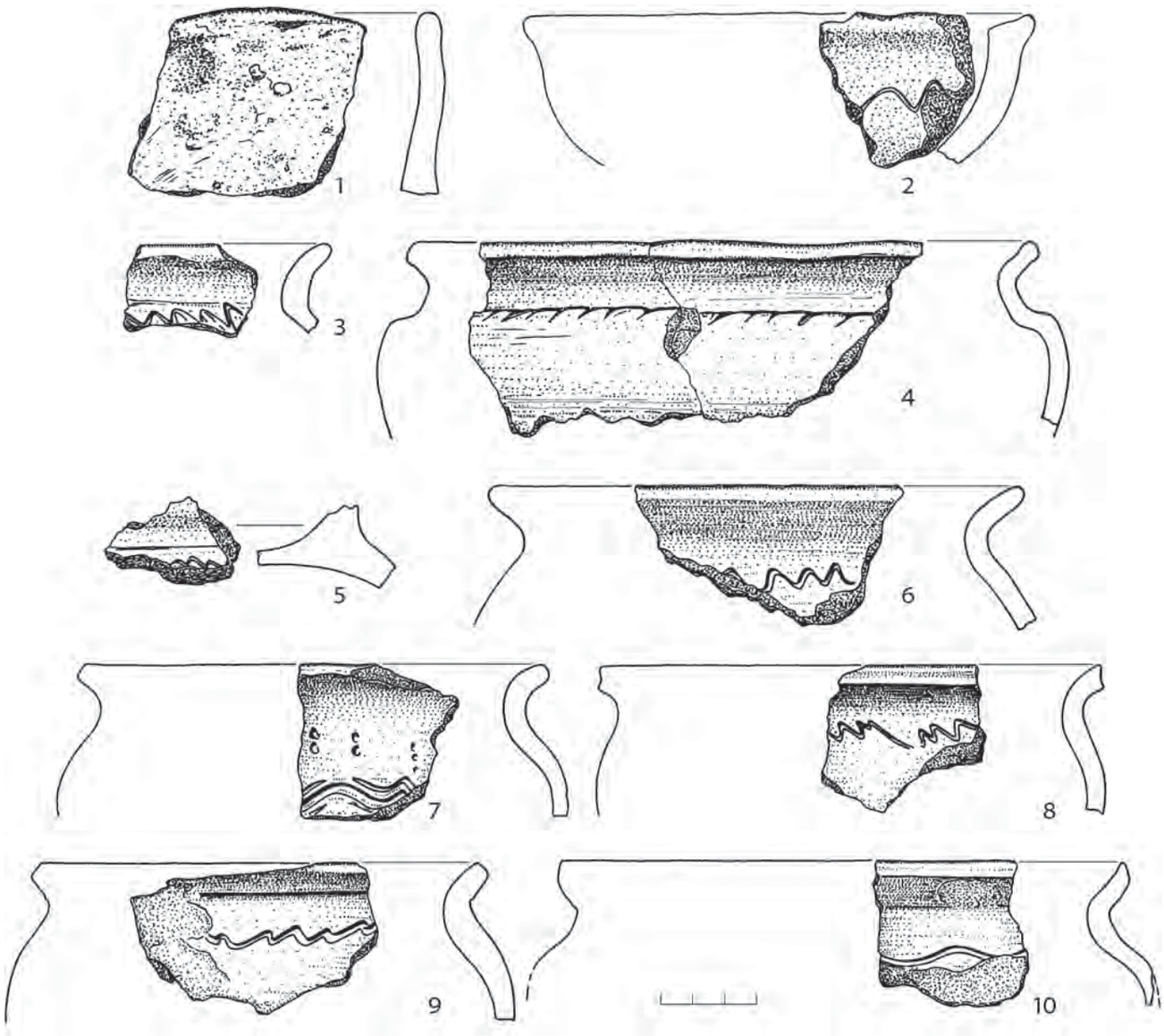


Рис. 227. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Лепная (1) и гончарная (2–10) керамика из пахотного слоя (1–6) и осыпей стенок раскопа (7–10). 1 – кв. Г-1; 2 – кв. Г-2; 3 – кв. Б-3; 4–6 – кв. В-3

Раскоп 1 имел размеры 6 × 6 м и был ориентирован стенками по сторонам света (рис. 171–177). Квадраты А-1, А-2, Б-1 и Б-2 были исследованы в 2010 г. Раскопки на квадратах А-3, Б-3, В-1, В-2 и В-3 происходили в 2013 г. Культурный слой раскопа 2010 г. (квадраты А-1, А-2, Б-1, Б-2) не промывался. В 2013 г. весь непотревоженный культурный слой был промыт на металлических ситах с ячеей 2 × 2 мм, что резко повысило число находок (квадраты А-3, Б-3, В-1, В-2, В-3). Увеличилось также число найденных фрагментов керамики. Это заметно при сопоставлении цифр за 2010 г. и 2013 г. в таблицах 1 и 2.

На всей площади раскопа под дерном залегает слой темно-бурой гумусированной супеси мощностью от 0,3 до 0,5 м (пахотный горизонт) (рис. 177). В слое распашки встречаются железные шлаки, мелкие неопределимые обломки железных предметов, мелкие фрагменты лепной (рис. 181) и гончарной (рис. 182) керамики. Из-за небольших размеров фрагментов определить технологию изготовления сосуда часто не представляется возможным. Такие черепки в статистических таблицах выносились в отдельную графу «неопределимые фрагменты» (см. табл. 1 и следующие). В слое много осколков костей животных.

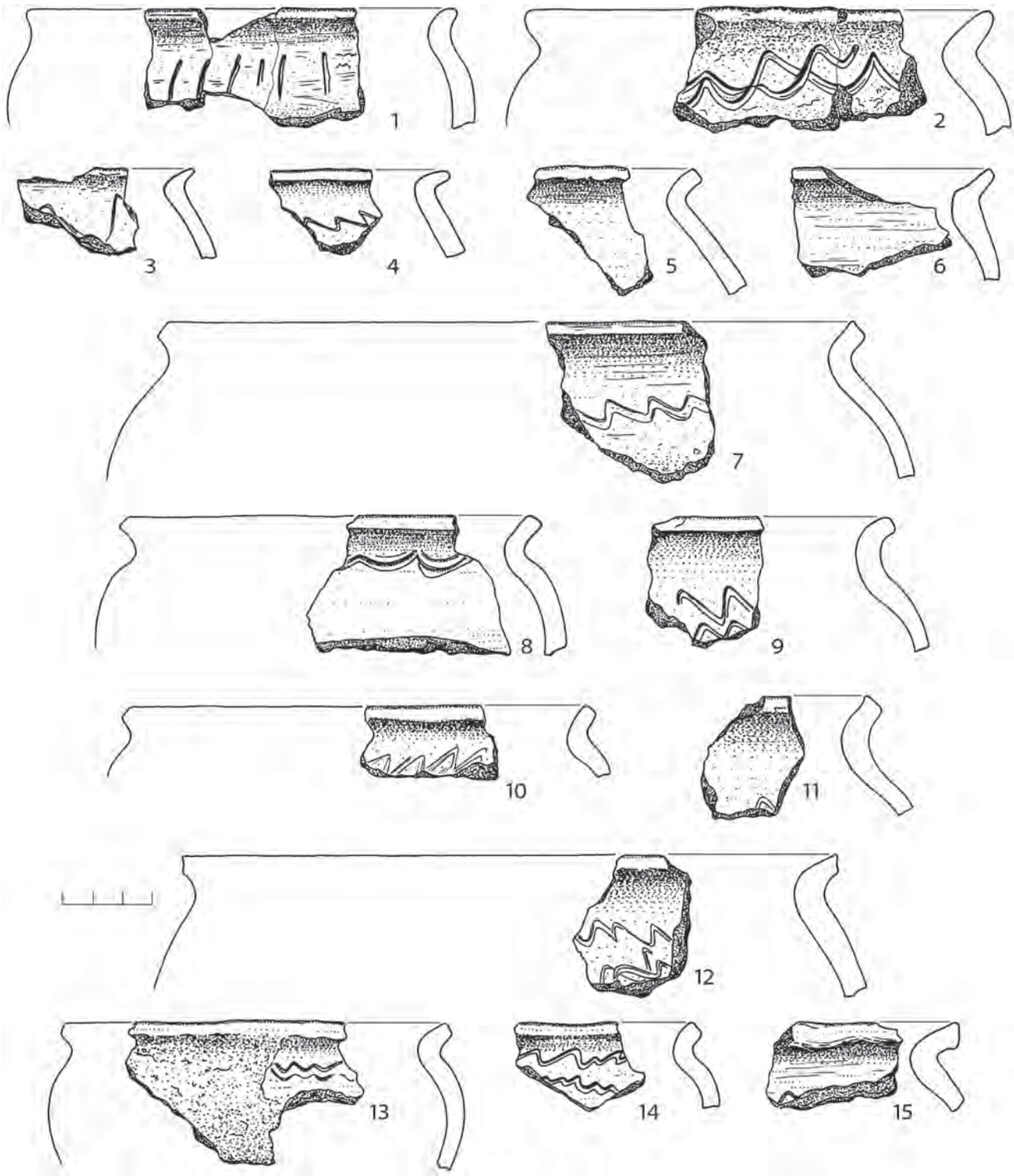


Рис. 228. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Пахотный слой и строительный горизонт A_1. Находки из промывки консервационного слоя раскопа 2010 г. 1–3 – лепная, подправленная на круге керамика; 4–15 – гончарная керамика

Таблица 1

Распределение массовых находок в пахотном горизонте раскопа 1

Квадрат	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)	Шлаки
А-1	2	7			1
А-2	5	8			1
А-3	59	236	149	8	
Б-1	6	7			2
Б-2	4	4		1	
Б-3	61	269	260	12	
В-1	50	191	61		
В-2	57	192	127	1	
В-3	75	248	142	2	
Всего	**319**	**1162**	**739**	**24**	**4**

Большинство обломков гончарной керамики датируется древнерусским временем (рис. 182). Гончарная древнерусская керамика указывает, возможно, на следы пожара. Четыре фрагмента сосудов ошлакованны. Лишь три фрагмента относятся к XV–XIX вв.: два обломка красноглиняной керамики с поливой и один фрагмент сероглиняного сосуда.

Находок из железа в пахотном слое немного (рис. 194–196) – это различные гвозди, три ножа, шилья, отходы кузнечного ремесла. Интерес представляет железная пластинка с треугольным вырезом, возможно, связанная с инструментарием ювелира (ласточкин хвост?) (рис. 196: 3). Еще один инструмент – резец-ложкарь (рис. 194: 4). Из пахоты происходят четыре пряслица, одно из которых шиферное (рис. 196: 4). Остальные сделаны из глины (рис. 196: 5–7). Среди находок из бронзы, имеющих значение для датировки, можно отметить ромбовидную подвеску (рис. 197: 6) и фрагмент трапециевидной подвески позднего типа – с вогнутыми боковыми сторонами и рельефным валиком (рис. 197: 4). Обе эти находки датируются X в. Период XII–XIII вв. представлен половинкой бронзового крестопрорезного бубенчика с насечкой (рис. 197: 1), фрагментом крученого браслета зеленого стекла (рис. 197: 8), обломком бронзового трехпроволочного браслета (рис. 197: 9). В пахоте оказалось довольно много стеклянных бус, преимущественно – разнообразных пронизок из тянутых трубочек, суммарно датирующихся IX–серединой XI в. (рис. 198: 1–3, 5–7, 10–15).

В юго-западной части раскопа сразу под пахотным слоем оказался материк – плотная мелкодисперсная супесь, на фоне которой прослеживались пятна материковых ям с более темным заполнением (рис. 171). В северной и восточной частях раскопа под пахотой сохранился культурный слой в виде темно-серой супеси с угольками и отдельными камнями. Мощность этого слоя в среднем до 10 см. Процент содержания фрагментов лепной керамики (рис. 183) в этом слое значительно выше. Но гончарная керамика (рис. 184) преобладает (табл. 2).

Таблица 2

Распределение массовых находок в не нарушенных распашкой культурных напластованиях

Квадрат	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)	Шлаки
А-1	3	13			
А-2	9	19			
А-3	42	67	7	1	
Б-1	10	33			1
Б-2	10	12			1
Б-3	14	53	8	1	
В-1	58	26	18		
В-2	18	20	11		
В-3	29	46	11		
Всего	**193**	**289**	**55**	**2**	**2**

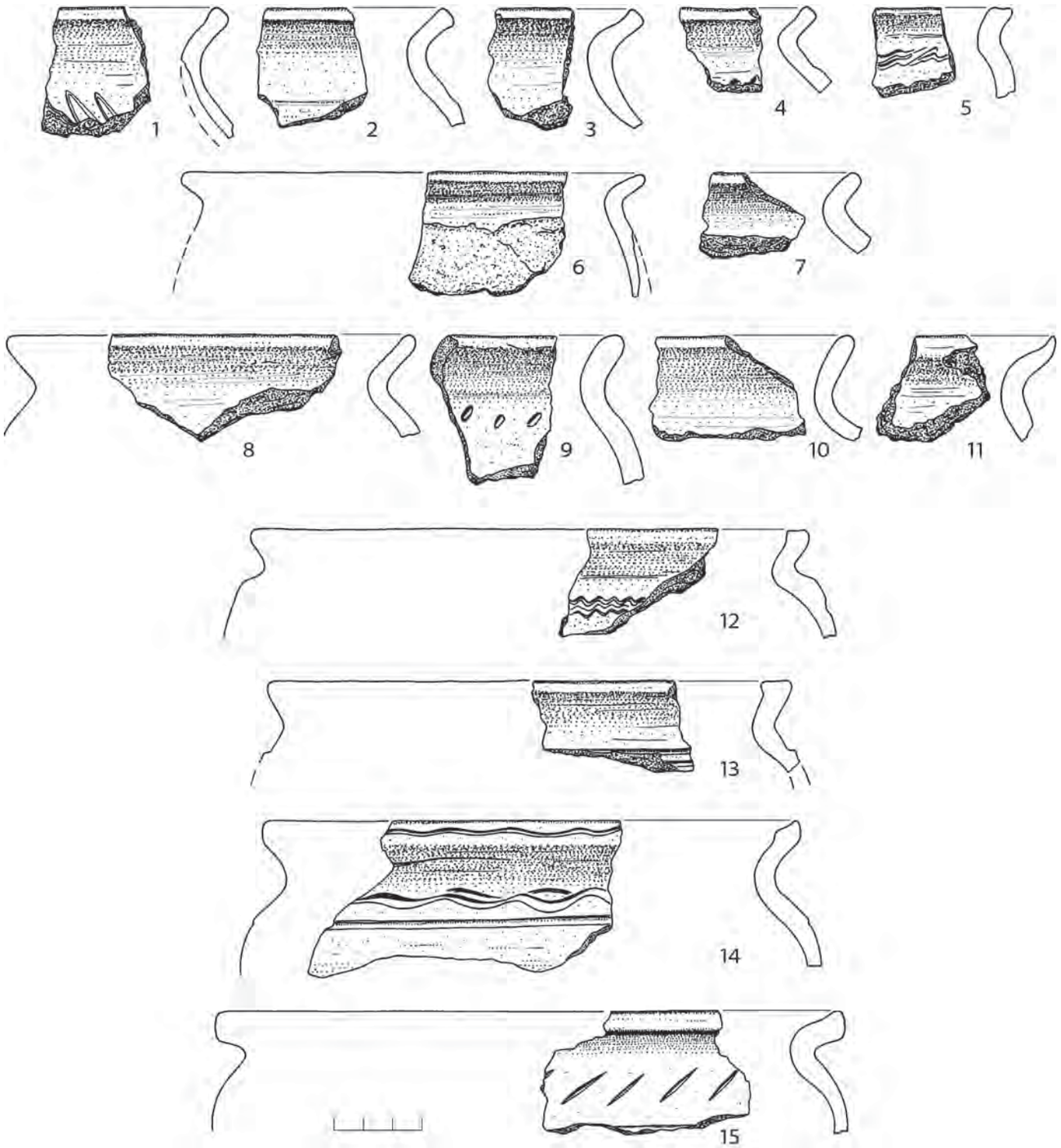


Рис. 229. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Пахотный слой и строительный горизонт A_1. Гончарная керамика из промывки консервационного слоя раскопа 2010 г.

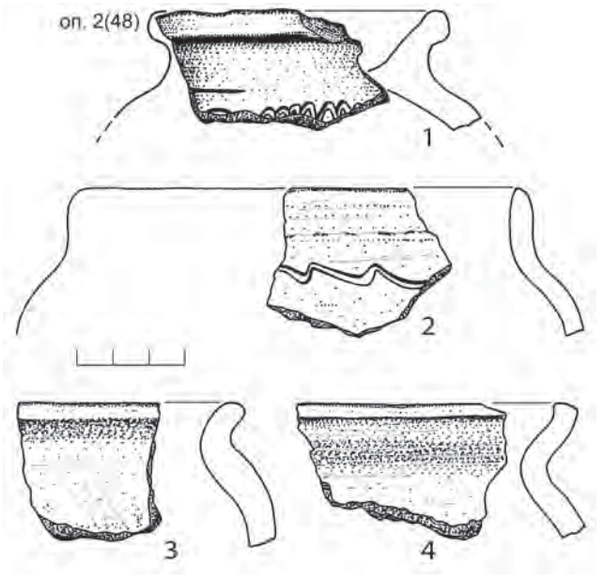


Рис. 230. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Пахотный слой и строительный горизонт A_1. Гончарная керамика из промывки консервационного слоя раскопа 2010 г. 1 – фрагмент крышки; 2–3 – ошлакованные фрагменты горшков

Наилучшей сохранностью отличается культурный слой в квадратах линии 3. Здесь, в квадратах А-3 и Б-3, сразу под пахотой, расчищена линза плотной красноватой глины, сильно поврежденная плужными бороздами (рис. 171, 172). В массиве сырой глины встречались небольшие кусочки обожженной глины с примесью органики и песка. Очевидно, перед нами остатки глинобитного отопительного сооружения (печи?). При разборке глинистой линзы в ней найдено 25 фрагментов лепной и 44 фрагмента гончарной керамики (рис. 187).

В отложениях, не нарушенных распашкой, находки X в. немногочисленны, но весьма характерны. Это фрагмент трапециевидной подвески, обрезанной по нижнему краю (рис. 200: 1), и неудачная отливка ромбовидной подвески с фрагментом литника (рис. 200: 3). Бусы представлены тремя лимоновидными пронизками (рис. 200: 5, 6, 9) и двумя рублеными бисеринами (рис. 200: 7, 10). Одна бисерина, изготовленная методом навивки, относится к XI–XIII вв. (рис. 200: 8). Имеется здесь также крупная глиняная сферическая бусина (рис. 200: 11). Вместе со всем этим найдено множество обломков тиглей и ювелирных шлаков (рис. 202). Невыразительные железные предметы представляют, видимо, отходы кузнечного дела (рис. 201).

После разборки пахотного слоя, фрагментов непотревоженного культурного слоя и линзы красноватой глины открылись многочисленные материковые ямы (рис. 172).

Комплекс I (раскопан в 2010 г.)**.** Расположен в квадрате Б-2 (рис. 175). Представляет собой круглую материковую яму диаметром 0,7 м и глубиной 0,25 м. Стенки пологие, дно округлое. Заполнение – однородная темно-серая супесь. Предполагаемое назначение – хозяйственная яма или основание столба.

В заполнении комплекса найдено 2 фрагмента лепной керамики, в том числе часть орнаментированного волной по плечику сосуда (рис. 185: 1) и 4 обломка гончарной посуды (рис. 185: 2). Здесь же обнаружен крупный кусок стекловидного шлака.

Комплекс I прорезал более ранний комплекс IV с лепной керамикой в заполнении. Находка стекловидного шлака свидетельствует о том, что комплекс I синхронен описываемому ниже комплексу III (где найдено множество таких шлаков и фрагментов тиглей) или позднее его. Судя по характеру керамики в заполнении и по своей стратиграфической позиции, комплекс I датируется X в., скорее всего, его второй половиной.

Комплекс II (раскопан в 2010 г.)**.** Располагается в квадрате Б-2, смыкаясь восточным краем с комплексом I. Размеры материковой ямы составляют 0,90 × 0,48 м. Глубина – 0,34 м. Заполнение – однородная темно-серая супесь с камнями и костями животных (рис. 172).

В перепаханном культурном слое над ямой сохранился небольшой (размерами 0,60 × 0,35 м) останец из плотной красноватой глины с включениями серого гумуса. Глиняная линза лежала прямо на заполнении ямы. В глине удалось проследить следы трех кольевых ямок (рис. 171). По всей видимости, перед нами фрагмент вышеописанной глинобитной печи, уцелевший от разрушения тракторным плугом на границе заполнения комплекса и пахотного слоя. При разборке глиняной линзы в ней найдено два мелких фрагмента керамики. Один из них принадлежит лепному сосуду. Второй фрагмент – от тонкостенного гончарного сосуда с линейным орнаментом. Также в глине найден кусок обожженной глиняной обмазки с отпечатком доски. Лепные и гончарные керамические фрагменты присутствуют в комплексе в равной пропорции (табл. 3).

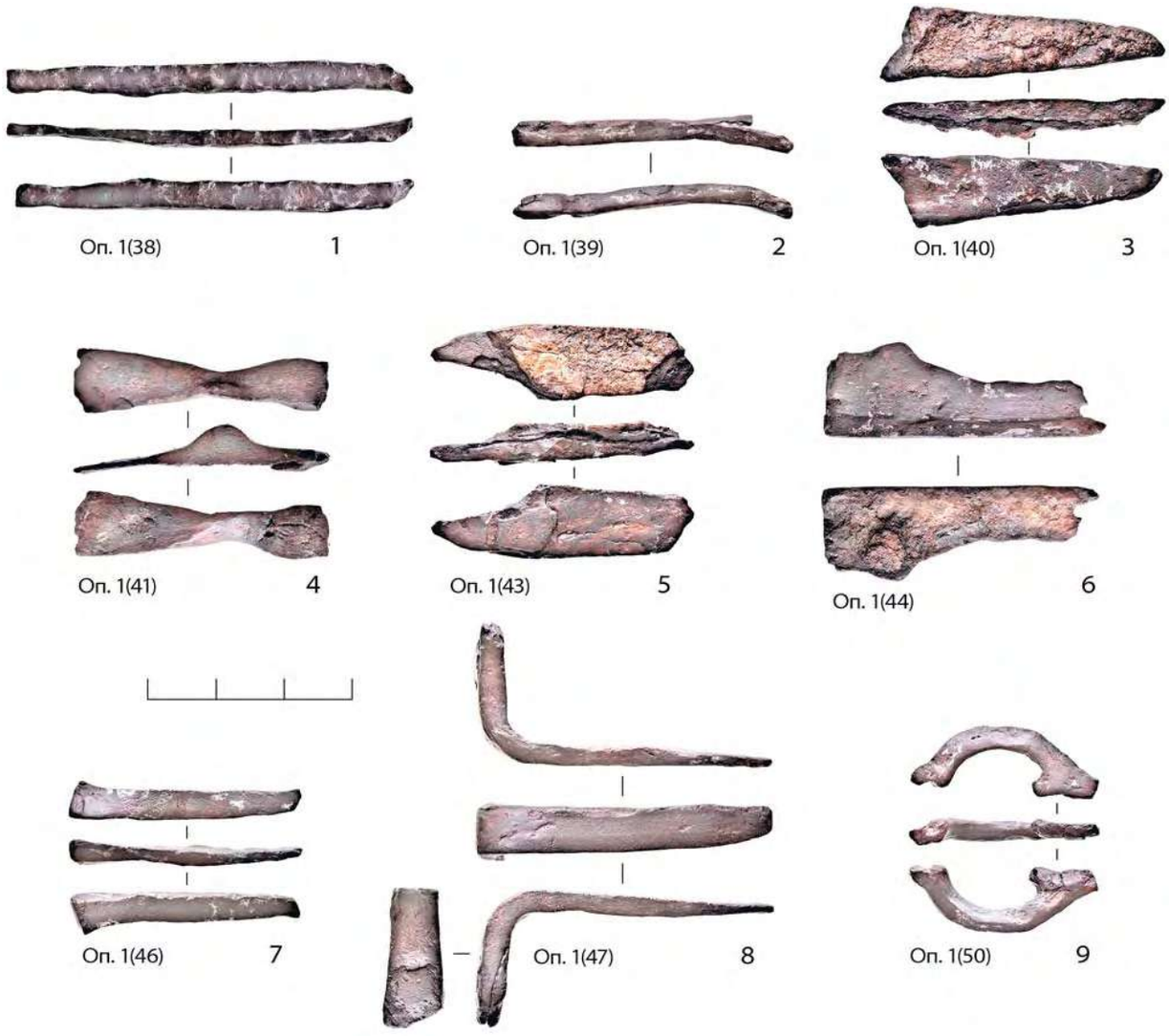


Рис. 231. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из пахотного слоя. Железо

Таблица 3

Распределение находок в заполнении комплекса II

Пласт	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики	Находки
1	4	8	Фрагмент стенки ювелирного тигля
2	6	3	
Всего	**10**	**11**	

Вместе с мелкими фрагментами лепной и гончарной керамики (рис. 185: 3, 4) в заполнении комплекса II находились два крупных обломка толстостенного гончарного сосуда «гнездовского» типа (рис. 185: 5), взятые нами как индивидуальная находка (ЮГ-2010, оп. 1, № 31).

Комплекс датируется X в. Он возник одновременно с комплексом III или несколько позднее его. Предполагаемое назначение – подпечная яма.

Комплекс III (раскопан в 2010 г.)**.** Располагался в центральной части раскопа, заходя в квадраты А-1, А-2, Б-1, Б-2 (рис. 175). Размеры материковой западины 2 × 0,7 м, глубина – 0,46 м. Стенки почти вертикальные, дно плоское. Заполнение – однородная темно-серая супесь с отдельными мелкими камнями.

В заполнении комплекса, наряду с лепной (рис. 186: 1, 6–10) и гончарной (рис. 186: 2–5) керамикой, встречены небольшие куски шла-



Рис. 232. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из пахотного слоя. Железо

ков своеобразного вида. Они легче по весу, чем шлаки, образующиеся при выплавке железа сыродутным способом, имеют блестящую поверхность, стекловидную пористую структуру и более разнообразную цветовую гамму. Очевидно, это отходы бронзолитейного производства. Фрагменты лепной керамики в заполнении комплекса заметно преобладают (табл. 4).

Таблица 4

Распределение находок в заполнении комплекса III

Пласт	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики	Шлаки	Находки
1	15	9	3	31 мелкий фрагмент стенок ювелирных тиглей, капля медного сплава, 2010, оп. 1 (19)
2	9	2	4	2 мелких фрагмента стенок ювелирных тиглей
3	16	2	1	фрагмент глиняного биконического пряслица, 2010, оп. 1 (37)
Всего	**40**	**13**	**8**	

Датировка комплекса – около середины X в. Он, несомненно, имел производственное назначение и был связан с мастерской ювелира-литейщика.

Комплекс IV (раскапывался в 2010 и 2013 гг.). Находился в квадратах А-3, Б-2, Б-3, В-2, В-3 (рис. 175). Представлял собой материковую западину сложных очертаний. Глубина западины – до 0,72 м. В процессе раскопок выяснилось, что комплекс состоит из двух разновременных ям, одна из которых прорезала другую.

Древнейшая часть комплекса расположена в квадратах Б-2, В-2, Б-3, В-3. Первоначально это была западина, вытянутая с юга на север, размерами примерно 4 × 2 м. Западина состояла из овальной ямы размерами 1,5 × 2,3 м, углубленной на 0,72 м (в квадратах Б-3, В-3) и ведущей в нее с юга канавки длиной 1,7 м и шириной до 0,8 м, постепенно углубляющейся к северу.

Заполнение древнейшей части комплекса состояло из темно-серой гумусированной супеси с угольками (рис. 179). В некоторых местах прослежены углистые прослойки.

- Первая углистая прослойка мощностью до 0,05 м перекрывала поверхность заполнения комплекса в южной его части. Она плохо сохранилась и прослеживалась только в разрезе (рис. 177).
- Вторая углистая прослойка толщиной до 0,04 м залегала в центральной части заполнения на глубине 0,14 м от его поверхности.
- Третья углистая прослойка залегала на дне ямы и имела мощность до 0,40 м. Это явный слой пожара, состоящий из мелких спрессованных углей с отдельными плашками длиной до 10 см. В этом слое найден развал нижней части лепного сосуда и несколько крупных костей животных. Из этого слоя отобраны образцы небольших плашек для радиоуглеродного анализа (рис. 180).

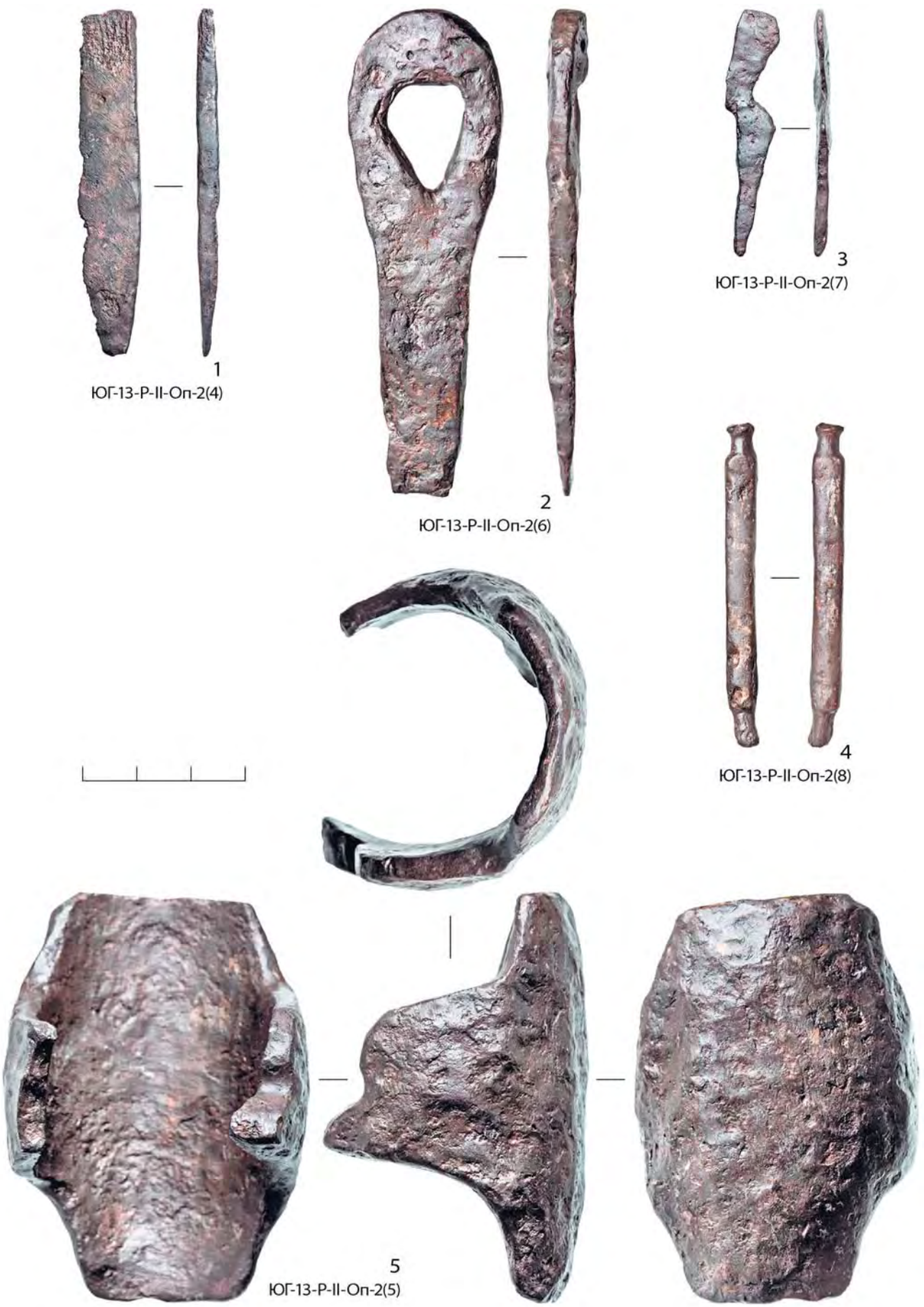


Рис. 233. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из консервационного слоя раскопа 2010 г. Железо

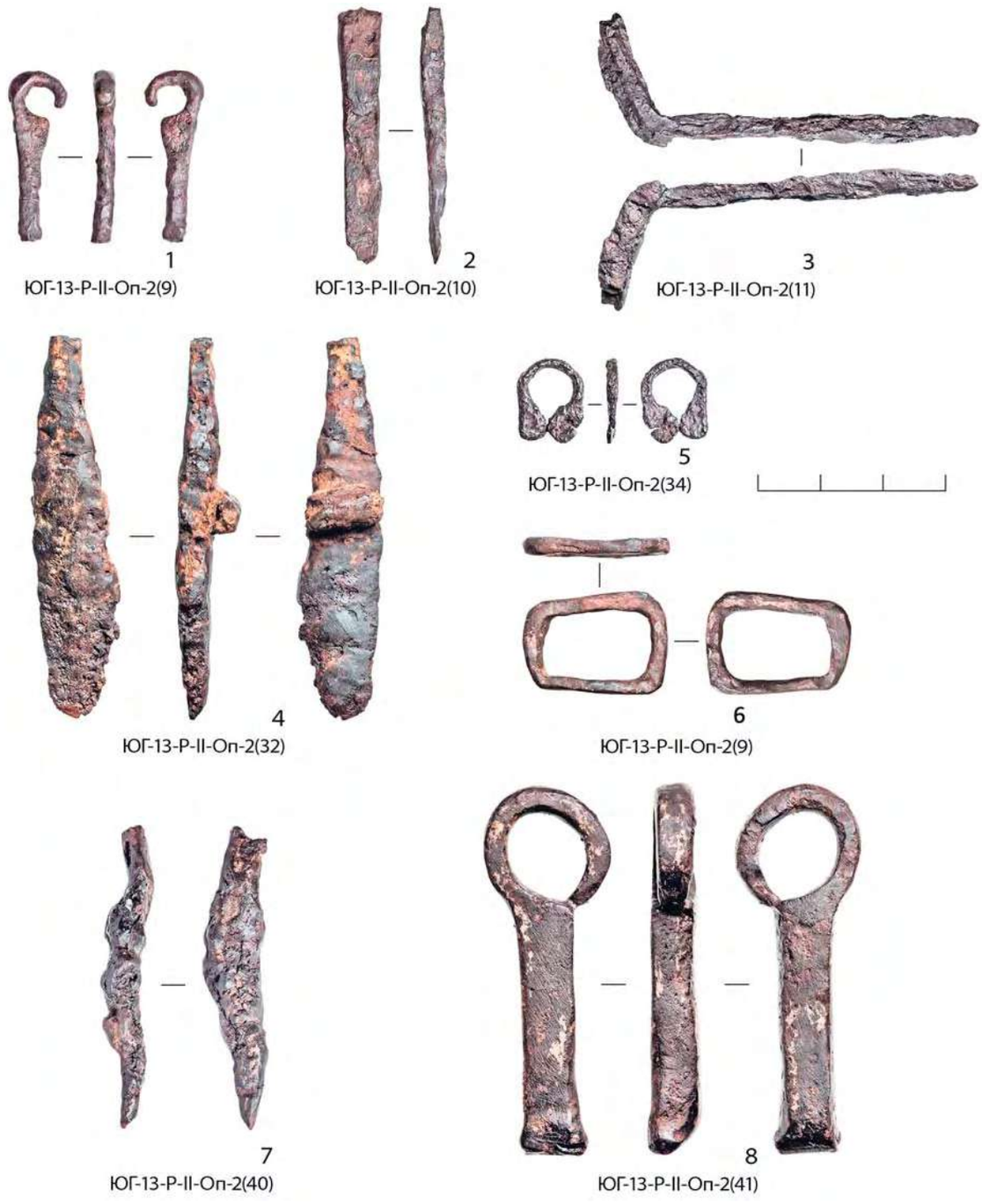


Рис. 234. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из консервационного слоя раскопа 2010 г. Железо

Углистые прослойки разделяли две линзы желтой супеси с вкраплениями серого гумуса, прослеженные как в южной, так и в северной части комплекса.

С запада (в квадратах А-3, Б-3) к древнейшей части комплекса IV примыкала прорезавшая его более поздняя яма размерами примерно 2,6 × 2,2 м и глубиной до 0,42 м.

Разрез этой ямы попал в северную бровку раскопа – она заполнена темно-серой супесью с отдельными камнями и небольшими линзами желтой супеси и красноватой глины. В заполнении этой части комплекса преобладает гончарная керамика архаичных типов (рис. 188: 5, 6; рис. 189: 2–4). Заполнение комплекса дало очень богатый и выразительный набор находок (табл. 5).

Таблица 5

Распределение находок в заполнении комплекса IV

Кв.	Пласт	Фр-ты лепн. кер.	Фр-ты гонч. кер.	Неопр. фр-ты	Обож. глина	Находки
А-3	1	3	8			Отщеп кремневый (оп. 2, № 56)
	2	17	36			Тигля ювелирного фрагмент (оп. 2, № 45); бусины глазчатой с белым «переплетом» фрагмент (оп. 2, № 46); шлак литейный (оп. 2, № 152)
	3	11	2	4		Подвеска трапециевидная из медного сплава (оп. 1, № 37); пряслица глиняного фрагмент (оп. 1, № 38); тигля ювелирного фрагмент (оп. 1, № 40); бисерина рубленая синяя (оп. 2, № 96)
Б-3[45]	1	29	42	32	4	Пластина железная с крючком (оп. 1, № 27); лимоновидной пронизки фрагмент (оп. 2, № 43) пряслица глиняного фрагмент (оп. 2, № 68); весовая гирька (?) из свинцового сплава (оп. 2, № 110); перстня из белого металла с «гусеничным» пуансонным орнаментом фрагмент (оп. 2, № 111); пряслица глиняного лощеного фрагмент (оп. 2, № 134); поясной наконечник из медного сплава с двумя штифтами (оп. 2, № 135); пронизки лимоновидной одинарной желтого стекла фрагмент (оп. 2, № 136); нож железный (оп. 2, № 137); шлак литейный (оп. 2, № 138); пластинка железная (оп. 2, № 139)
	2	23 (1)	46 (5)	19 (2)		8 фрагментов ювелирных тиглей (оп. 1, № 32, 33, 49, 54, 55, 79, 112, 127); бисерина рубленая желтая (оп. 2, № 80)
	3	24	16	9	3	Пластина железная (оп. 1, № 36)
	4	14	10	2		Кремень кресальный (оп. 1, № 39)
	5	7	1	2		Бисерина рубленая желтая (оп. 2, № 87); подвески трапециевидной из медного сплава фрагмент (оп. 2, № 107); браслета (?) из белого металла, круглого в сечении фрагмент (оп. 2, № 142), тигля ювелирного фрагмент (оп. 2, № 143)
	6	6	5			Бисерина рубленая желтая (оп. 2, № 85)
В-3	1	11	1	2		Пряслица глиняного фрагмент (оп.1, № 8); ножа железного фрагмент (оп 2, № 47); шлак литейный (4 экз.) (оп. 2. № 149)
	2	18	16	17		Шлак железный (оп. 2, № 69); пронизка лимоновидная одинарная винного стекла (оп. 2, № 70); пронизка лимоновидная одинарная синего стекла (оп. 2, № 71); бисерина рубленая желтая (оп. 2, № 72); пряслица (?) глиняного фрагмент (оп. 2. № 73)
	3	15	7			Пряслице биконическое шиферное (оп. 1, № 16); пряслице глиняное (оп. 2, № 81); пронизка лимоновидная винного стекла (оп. 2, № 82); бисерина рубленая зеленая (оп. 2, № 83); шлак железный (оп. 2, № 147)
	4	2	1	3		Пряслице биконическое глиняное (оп. 1, № 18); тигля ювелирного фрагмент (оп. 2, № 59); пронизка лимоновидная золотостеклянная одинарная (оп. 2, № 108)
	5	4				
	6	4	4			Бисерина рубленая синяя (оп. 2, № 86); пронизка лимоновидная одинарная желтого стекла (оп. 2, № 132); колечко с фрагментом плетеной цепочки из медного сплава (оп. 2, № 133)
В-2	1	11	11	2	1	
Б-2	1	5	7	4		Нож железный (оп. 1, № 17)
	2	1				
	3	4				Бисерина рубленая синяя (оп. 2, № 97); пронизка пятичастная серебростеклянная (оп. 2, № 109)
Б-1	1	2				Фрагмент пористого стекловидного шлака
Всего		**211**	**213**	**96**	**8**	

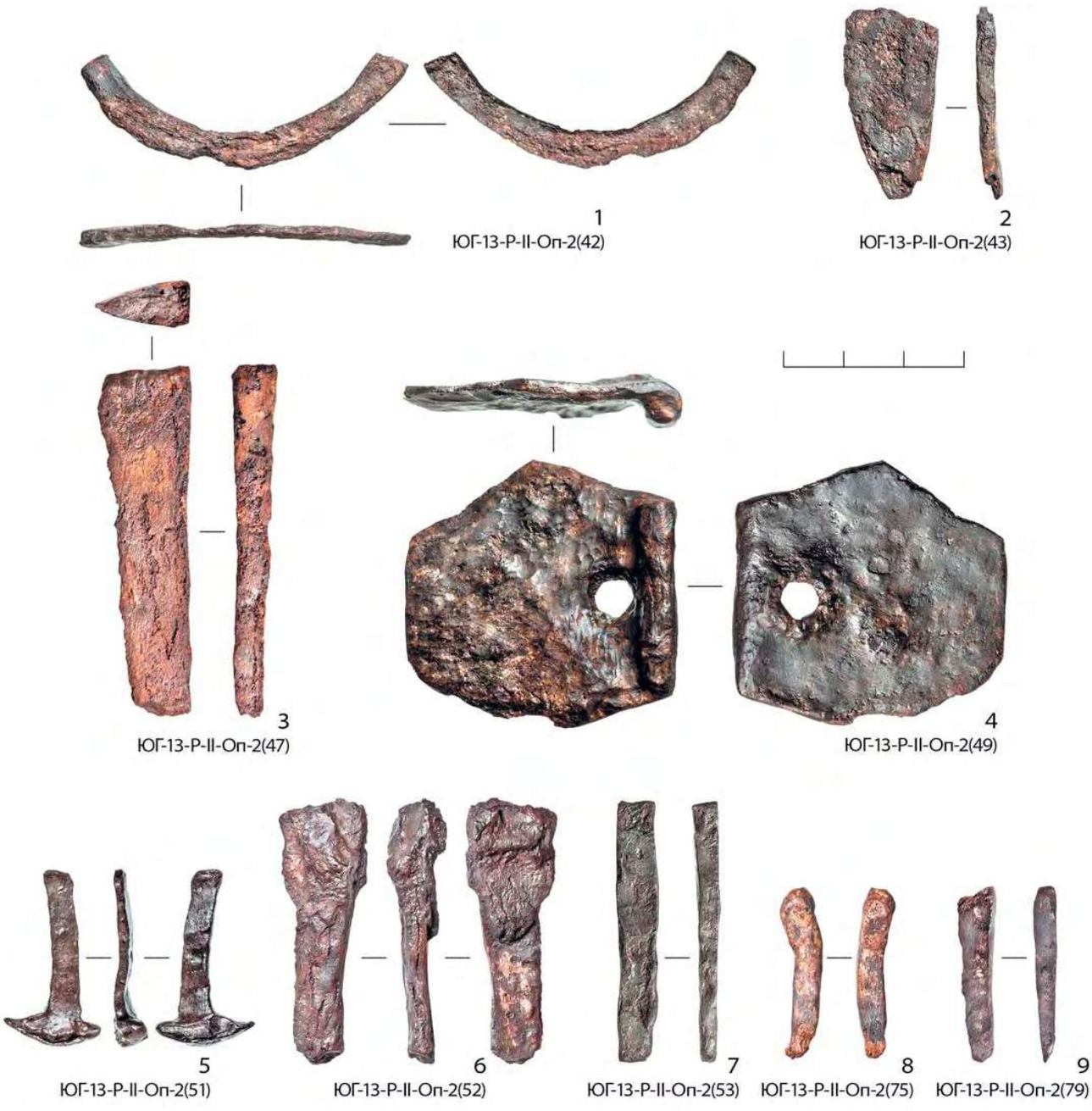


Рис. 235. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из консервационного слоя раскопа 2010 г. и пахотного слоя раскопа 2013 г. Железо

В комплексе IV на дне зафиксировано несколько ям (рис. 175). Вот их описания:

Яма № 5а (квадрат Б-3). Округлая, диаметром 0,3 м и глубиной 0,14 м. Стенки вертикальные, дно плоское. Заполнение – серая гумусированная супесь. Из ямы происходят 3 гончарных черепка и 1 лепной фрагмент. При промывке заполнения найден обломок ювелирного тигля (оп. 2, № 190). Яма предназначалась для столба.

Яма № 6а (квадрат А-3). Аморфное углубление, заполненное темно-серой гумусированной супесью. Из ямы происходят 19 фрагментов лепных сосудов, 16 обломков гончарной посуды, 8 неопределимых фрагментов и 4 куска обожженной глины.

Яма № 7а (квадрат А-3). Округлая, диаметром 0,4 м, глубиной 0,16 м. Стенки вертикальные, дно плоское. Заполнение – серая гумусированная супесь. В яме найдено 13 лепных, 1 гончарный и 6 неопределимых керамических обломков. Найден также кусок железного шлака. Яма предназначалась для столба.

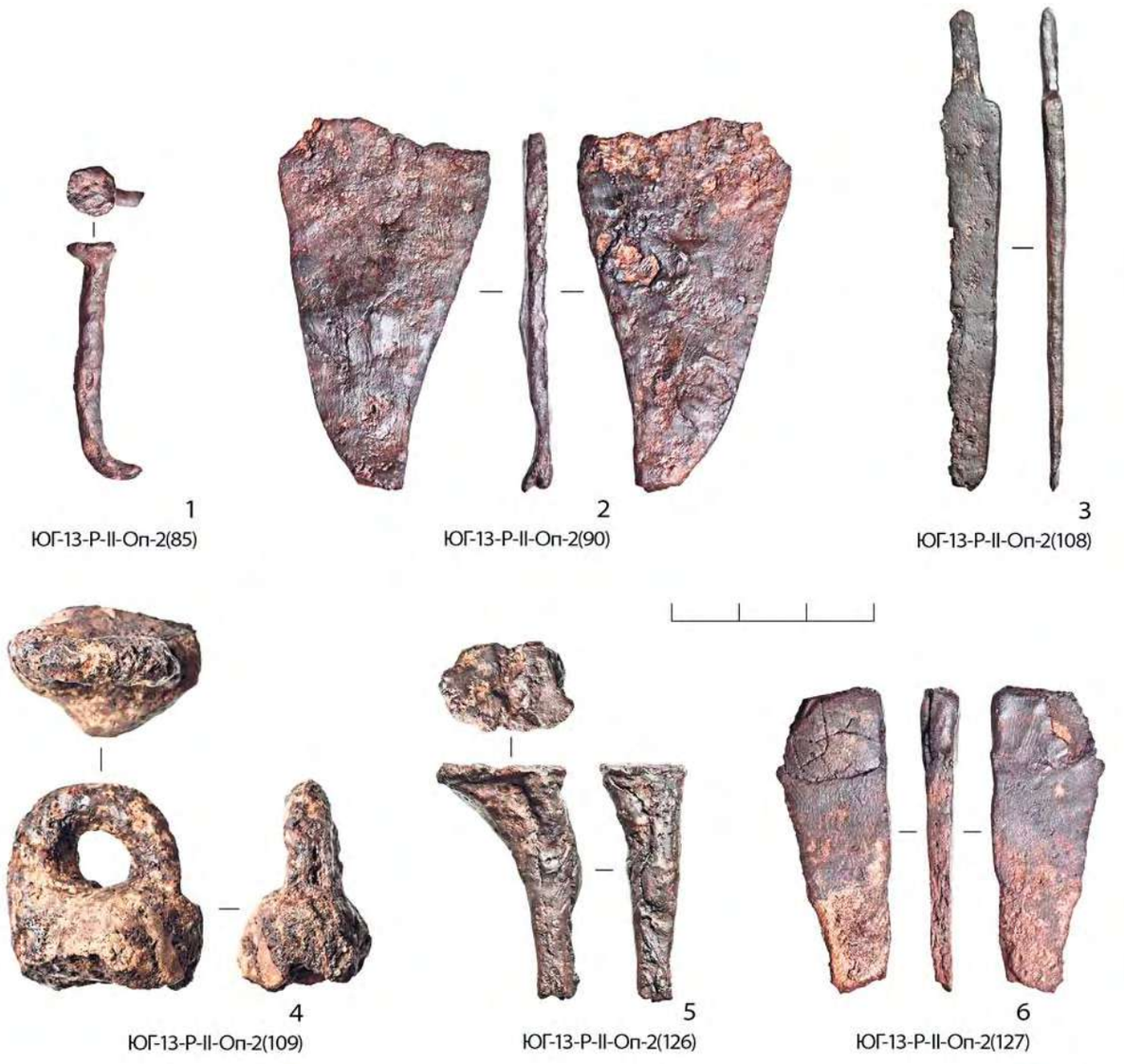


Рис. 236. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из консервационного слоя раскопа 2010 г. и пахотного слоя раскопа 2013 г. Железо

Яма № 8 (квадрат Б-3). Овальная, размерами 0,7 × 0,4 м. Глубина 0,16 м. Дно округлое, стенки пологие. Заполнение – темно-серая супесь с угольками. Из ямы происходят 7 фрагментов лепной керамики и 2 неопределимых мелких керамических обломка.

Назначение древнейшей части комплекса IV, с учетом значительного числа найденных бус, можно предположительно определить как часть жилой постройки. Учитывая то обстоятельство, что в нижней части его заполнения не встречены ни обломки тиглей, ни шлаки, насыщающие верхние напластования раскопа, данный комплекс можно датировать временем более ранним, чем ювелирная мастерская, т. е. серединой–второй половиной X в. (период Г). По углю из нижней части заполнения комплекса получена дата – 1070 ± 25 (Ле-9621). После калибровки (95,4% вероятности) она дала интервал 890–1020 гг. н. э.

Такой датировке постройки не противоречат находки: трапециевидные подвески (рис. 204: 7; рис. 205: 22), фрагмент перстня с гусеничным орнаментом (рис. 206: 2) и поясной наконечник (рис. 206: 6). Бусы вполне увязываются с общей картиной: лимоновидные пронизки (рис. 205: 3, 4, 7, 8, 20, 21) и рубленый бисер (рис. 205: 9, 10, 14–19), а также – фрагмент глазчатой бусины черного стекла с белым «переплетом» (рис. 205: 5). Постройка, судя по обильной примеси угля в заполнении, погибла в пожаре.



Рис. 237. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из консервационного слоя раскопа 2010 г. и пахотного слоя раскопа 2013 г. Железо

Вторая, западная, часть комплекса возникла позднее и связана с интенсивным ювелирным производством, следы которого зафиксированы повсюду в раскопе. Здесь выше доля гончарной керамики и не прослеживаются следы сильного пожара. Этот период получил пока условное обозначение – период В.

Третья стадия застройки этого участка (период Б) связана с сооружением глинобитной печи, перекрывшей поверхность полностью снивелированного комплекса IV. Судя по многочисленным находкам в глине фрагментов лепной керамики (рис. 187), это произошло не позднее XI в. Интервал между периодом функционирования западной (позднейшей) части комплекса IV и образованием линзы красной глины был небольшим, ибо обломки одного и того же лепного сосуда были найдены и в глине, и во втором пласте комплекса (рис. 187: 1 и 1а).

Комплекс V (раскапывался в 2010 и 2013 гг.). Расположен в квадратах Б-1, Б-2, В-1, В-2 (рис. 175). Это яма изогнутой формы размерами приблизительно 2, 4 × 1,2 м и глубиной до 0,3 м. Заполнение – темно-серый суглинок с отдельными камнями. В центральной части комплекса зафиксирована углистая линза, связанная с тем же слоем пожара, что прослеживается в заполнении комплекса IV. Так же, как и в комплексе IV, в заполнении комплекса V фиксируется прослойка желтой супеси с включениями гумуса. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что оба комплекса существовали одновременно и связанные с ними сооружения (или сооружение?) погибли в одном пожаре. В заполнении преобладает лепная керамика (табл. 6).

Таблица 6

Распределение находок в заполнении комплекса V

Кв.	Пласт	Фр-ты лепн. кер.	Фр-ты гонч. кер.	Неопр. фр-ты	Обож. глина	Находки
В-1	1	5	3			9 фрагментов ювелирных тиглей (оп. 1, № 19–25, 28, 29)
	2	4				Тигля ювелирного фрагмент (оп. 2, № 145)
Всего		**9**	**3**			

Назначение ямы неясно. Отсутствие каких-либо находок, кроме фрагментов тиглей, позволяет предположить, что она располагалась в каком-то производственном помещении или рядом с ним. Находки фрагментов тиглей преимущественно в первом пласте комплекса, впрочем, ставят это предположение под сомнение. Возможно, они попали в уже заплывшую заброшенную яму. Датировка комплекса – X в.

Комплекс VI (раскапывался в 2013 г.). Попал в раскоп частично, располагается в квадрате В-3 (рис. 175). Длина материковой западины не менее 2 м, глубина не менее 0,4 м. Заполнение – темно-серая супесь с отдельными камнями. В центральной части комплекса прослеживается углистая прослойка мощностью до 5 см. Находок немного; наиболее интересной из них является обрывок плетеной цепочки (рис. 209: 2) из тех, на которых носились обычно ромбовидные подвески (табл. 7).

Рассуждая о датировке комплекса формально, приблизительно равное соотношение в его заполнении лепной и гончарной керамики следует расценивать как свидетельство более поздней даты сравнительно с комплексом IV.

Таблица 7

Распределение находок в заполнении комплекса VI

Кв.	Пласт	Фр-ты лепн. кер.	Фр-ты гонч. кер.	Неопр. фр-ты	Обож. глина	Находки
В-3	1	10	16	2	1	Тигля ювелирного фрагмент (оп. 1, № 9, 34, 40)
	2	8	10	2		Шила железного (?) фрагмент (оп. 2, № 140)
	3	8	7			Цепочки плетеной из медного сплава фрагмент (оп. 2, № 141)
Всего		**26**	**33**	**4**	**1**	

Сочетание в заполнении комплекса лепной керамики (рис. 191: 1; рис. 192) и весьма характерных раннегончарных форм (рис. 191: 3–6) позволяет уверенно датировать его X в.

В материке был открыт ряд небольших ям (рис. 175). Они являются частью каких-то столбовых конструкции, характер которых остался неясен.

Яма № 1. Расположена в кв. А-2. Диаметр около 0,7 м, глубина 0,2 м. Заполнение – темно-серая супесь с камнями. В заполнении найдено 2 фрагмента гончарной керамики, один из них – с линейным орнаментом.

Яма № 2. Расположена в кв. Б-2. Диаметр 0,4 м, глубина 0,15 м. Заполнение – темно-серая супесь. Находок нет. Предназначалась для столба.

Яма № 3. Расположена в кв. В-1. Диаметр 0,3 м, глубина 0,28 м. Заполнение – серая супесь. Находок нет. Столбовая ямка.

Яма № 4. Зафиксирована в кв. В-2. Диаметр 0,26 м, глубина – 0,18 м. Дно плоское, стенки вертикальные. В яме расчищено несколько крупных фрагментов лепного сосуда большого диаметра со сглаженным ребром (рис. 193). Назначение ямы неясно. Датировка – X в.

Яма № 9. Располагается в кв. В-2, сливаясь краем с комплексом VI. Размеры приблизительно 0,5 × 0,4 м. Глубина 0,14 м. Стенки пологие, дно округлое. Заполнение – темно-серая супесь с отдельными камнями. В северной части ямы на отметке -44 зафиксирован развал лепного сосуда (рис. 191: 1). Назначение ямы неясно. Датировка – X в.

Яма № 10. Располагалась в квадрате В-2. Диаметр 0,25 м, глубина 0,25 м. Стенки вертикальные, дно плоское. Заполнение – темно-серая супесь. Находок нет. Столбовая ямка.

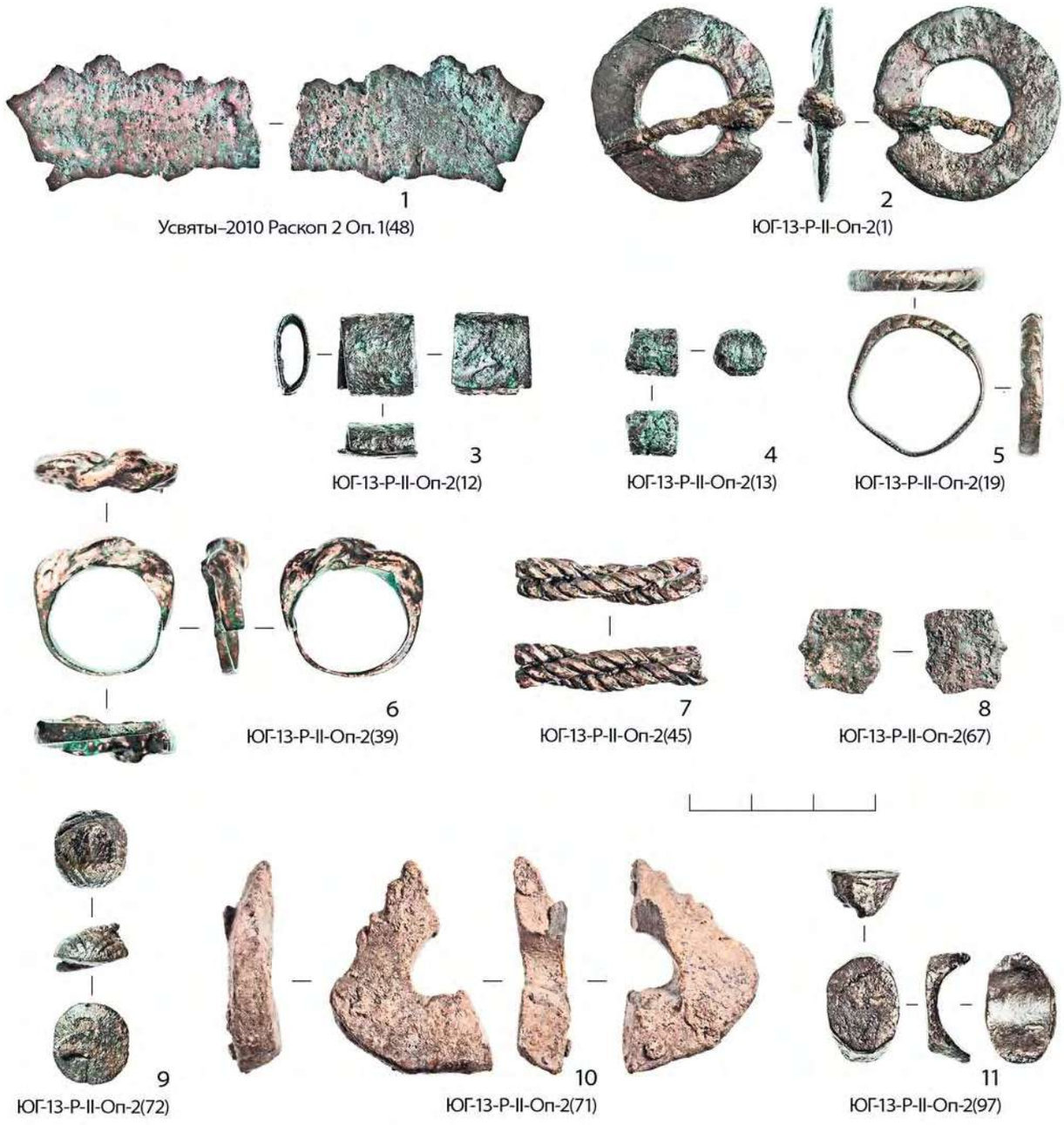


Рис. 238. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из консервационного слоя раскопа 2010 г. Сплав меди (1–9, 11) и свинец (10)

Яма № 11. Находилась в квадрате А-1. Размеры 0,30 × 0,25 м. Глубина 0,05 м. Стенки пологие, дно округлое. Заполнение – серая супесь Находок нет. Происхождение неясно.

Яма № 12. Располагалась в квадрате В-2. Размеры 0,26 × 0,33 м. Глубина 0,2 м. Дно плоское, стенки вертикальные. Заполнение – серая супесь. Находок нет. Столбовая ямка.

Яма № 13. Зафиксирована в западной части комплекса V. Диаметр 0,25 м, глубина 0,12 м. Дно плоское, стенки вертикальные. Заполнение – темно-серая супесь. Столбовая ямка.

Яма № 14. Располагается в кв. А-1, в раскоп вошла частично. Заполнение – серая супесь. Находок нет. Происхождение неясно.

Яма № 15. Расчищена в квадрате А-2. Диаметр 0,42 м. Глубина 0,17 м. Заполнение – серая супесь. В яме лежал небольшой камень. Находок нет. Столбовая ямка?

Яма № 16. Располагалась в квадрате В-3 между комплексами IV и VI. Диаметр 0,24 м,

глубина 0,3 м. Заполнение – темно-серая супесь с камнями. В ямке найдена кость животного. Столбовая ямка.

Итак, раскоп 1 выявил, что под маломощными и полностью распаханными культурными напластованиями древнерусского времени XII–XIII вв. располагаются материковые комплексы, содержащие гончарную и лепную керамику. Предполагаемая датировка древнейших напластований на данном участке – середина X в.

Несомненно, вскрытый нами сегмент поселения относился к ремесленной зоне. В раскопе 1 найдено 248 фрагментов стенок керамических ювелирных тиглей, из них – 33 в заполнении комплекса III. Судя по сохранившимся фрагментам (рис. 203: 2), это были преимущественно конические тигли с округлым дном, хорошо известные по находкам в древнерусских ремесленных центрах X в. – таких как Гнёздово, Городок на Ловати и Новгород (Горюнова 1994; Ениосова, Митоян 1999; Ениосова, Перен 2011). В придонной части многих фрагментов тиглей имеются следы захватов клещами. К одному из тиглей прикипел довольно крупный обломок



Рис. 239. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из консервационного слоя раскопа 2010 г. Сплав меди (1–2) и свинцовый сплав (3)

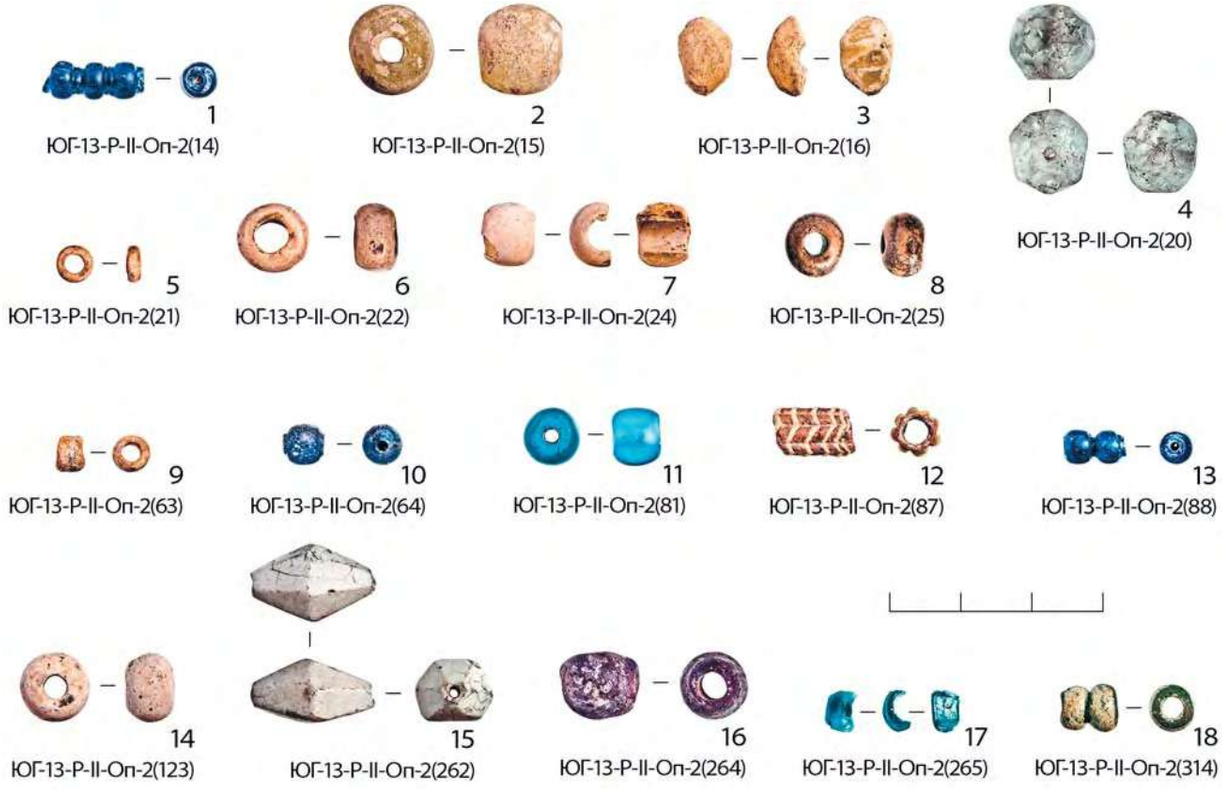


Рис. 240. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из консервационного слоя раскопа 2010 г. и пахотного слоя раскопа 2013 г. Бусы. Стекло (1–3, 5–14, 16–18), хрусталь (4), сердолик (15)

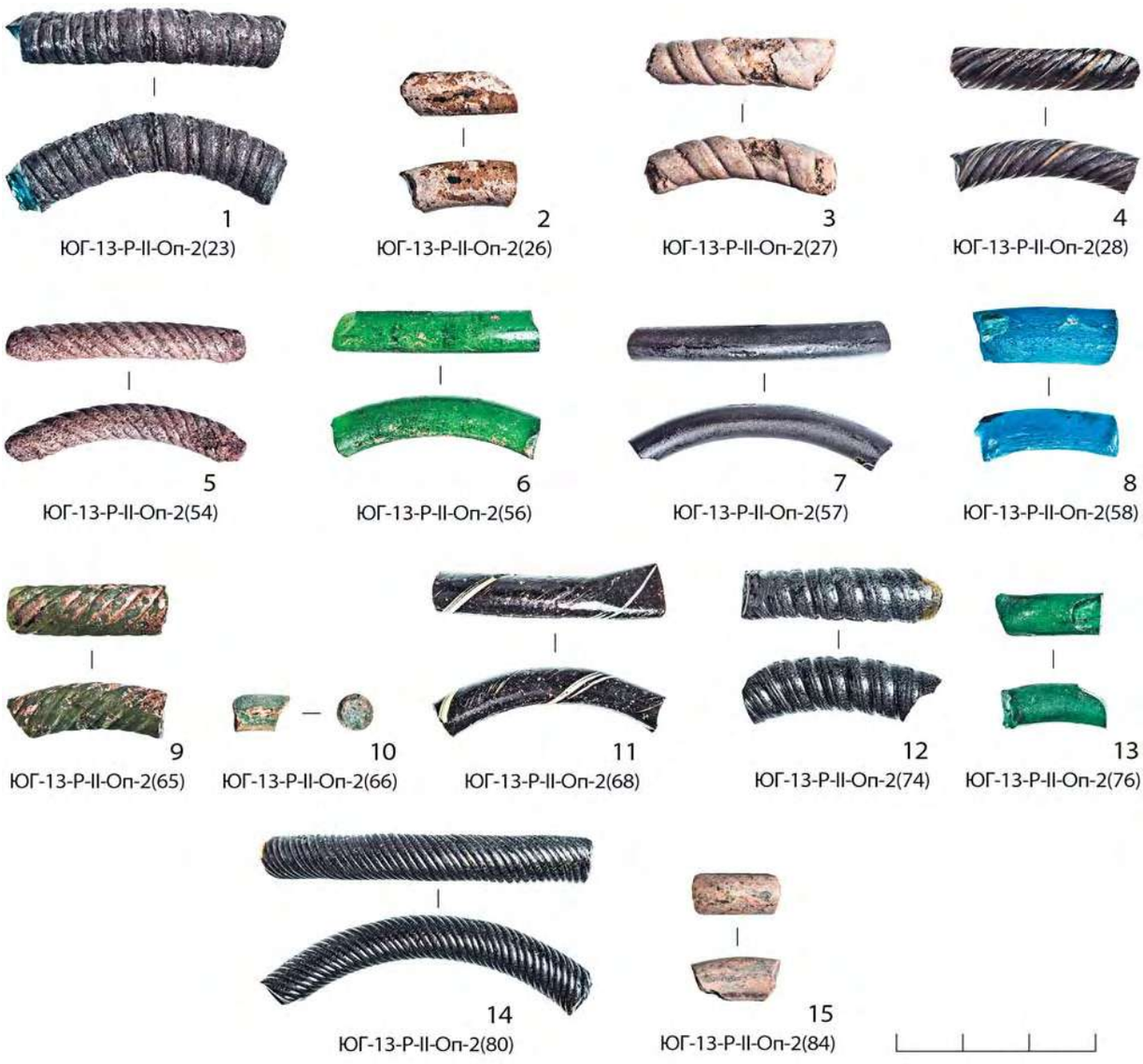


Рис. 241. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из консервационного слоя раскопа 2010 г. и пахотного слоя раскопа 2013 г. Фрагменты стеклянных браслетов

камня, указывающий на то, что дно горна было выложено камнями (рис. 207: 6). Из раскопа происходят два куска глины с вогнутой и покрытой коркой стекла поверхностью, которые можно отнести к стенкам горнов. Были ли эти глиняные конструкции металлургическими или предназначались для плавки цветного металла – неясно.

Имеются здесь и другие следы бронзолитейного дела, в первую очередь литейные шлаки, которых найдено не менее 32. Наконец, о ремесленном производстве говорит неудачная отливка ромбовидной подвески с необрубленным литником (рис. 200: 3). Литник представлял собой центральный канал с ответвлениями, каждое из которых заканчивалось ячейкой в форме подвески. Аналогичная технология изготовления этих украшений зафиксирована в Гнёздове (Ениосова 2001: рис. 2: 7).

Найдены также явно использованные вторично трапециевидные подвески, разрезанные на части (рис. 197: 4; рис. 200: 1). Именно с этой (центральной) части поселения происходят, по словам находчика, и некоторые характерные вещи из коллекции подъемного материала: разрубленная медная византийская монета (рис. 446: 1), слитки медного сплава (рис. 429) и разного рода заготовки и полуфабрикаты из сплава меди (рис. 430).

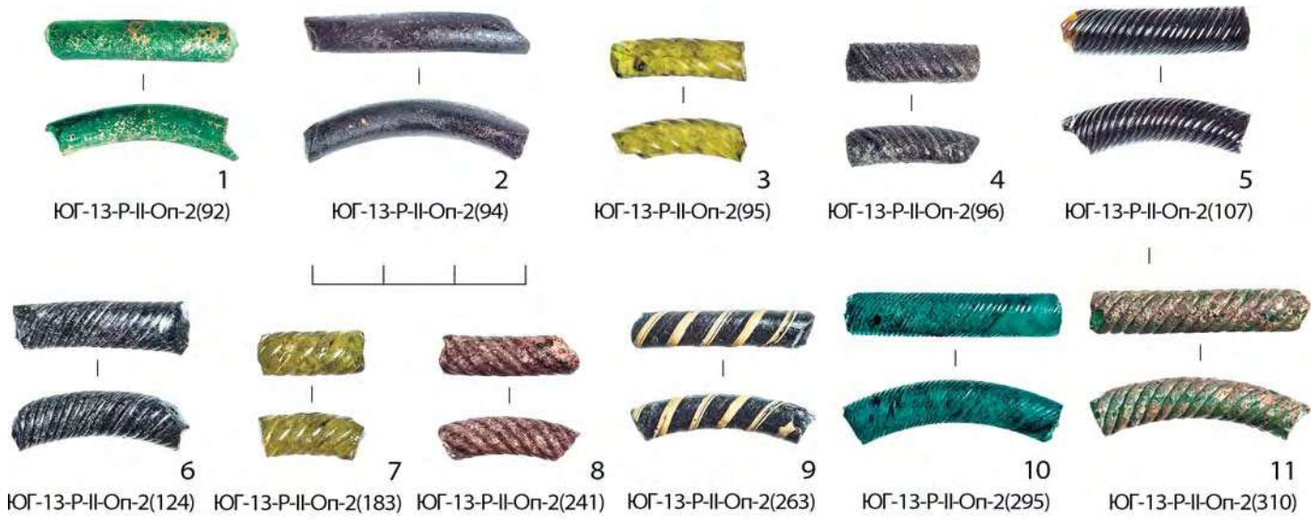


Рис. 242. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из консервационного слоя раскопа 2010 г. и пахотного слоя раскопа 2013 г. Фрагменты стеклянных браслетов.

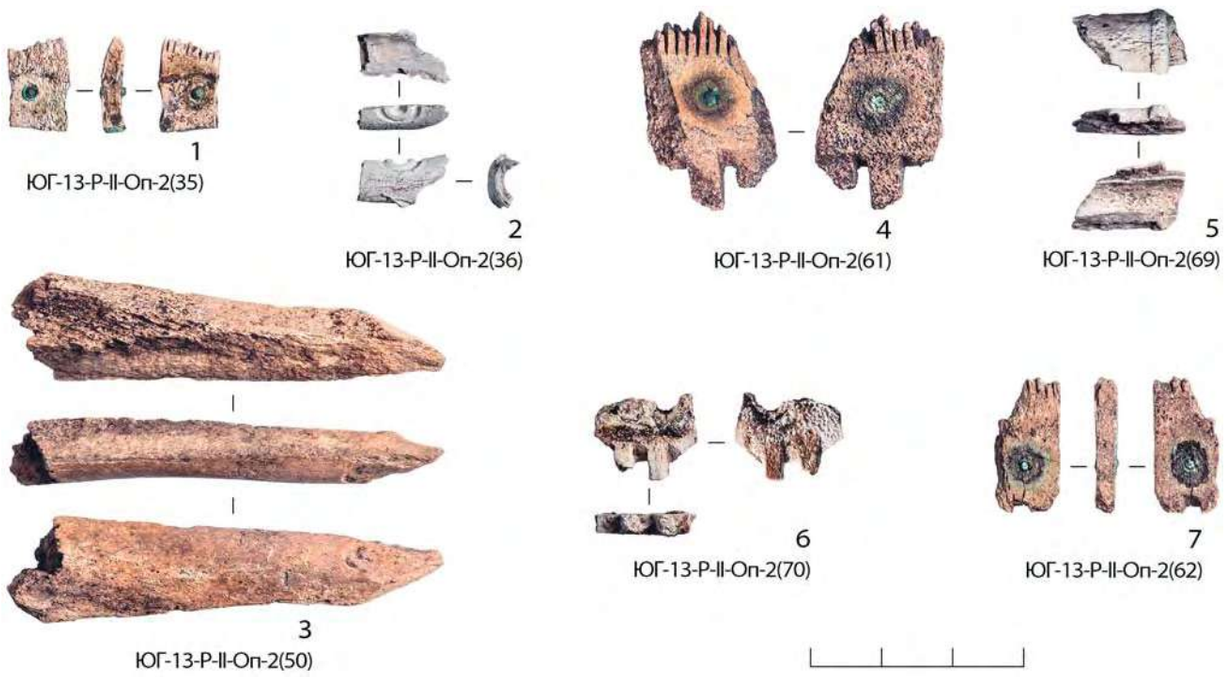


Рис. 243. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из консервационного слоя раскопа 2010 г. и пахотного слоя раскопа 2013 г. Изделия из кости

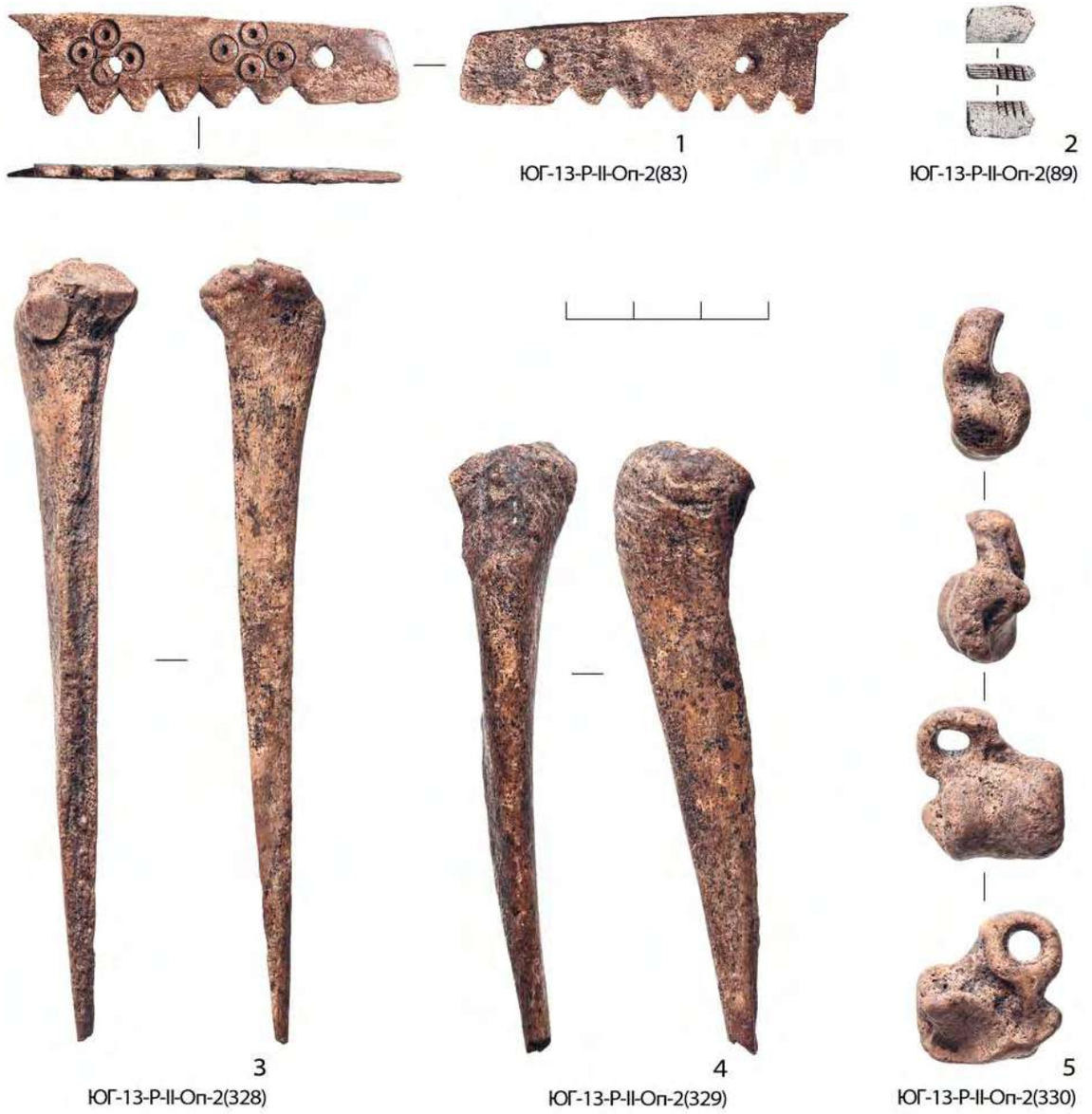


Рис. 244. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из консервационного слоя раскопа 2010 г. и пахотного слоя раскопа 2013 г. Изделия из кости

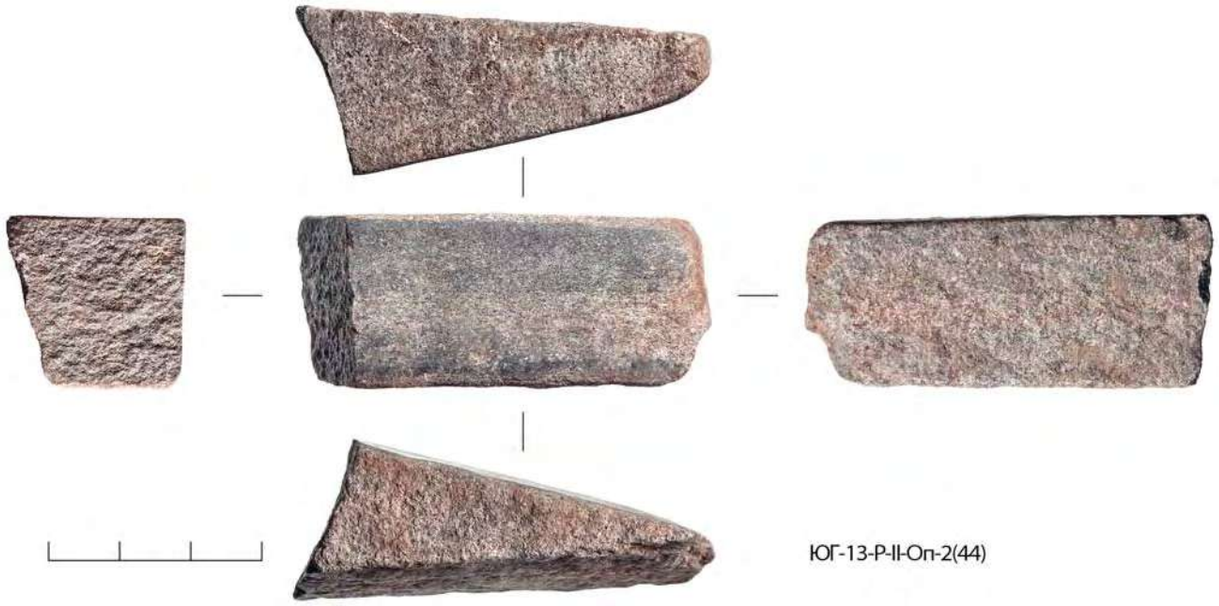


Рис. 245. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Каменный оселок из консервационного слоя раскопа 2010 г.

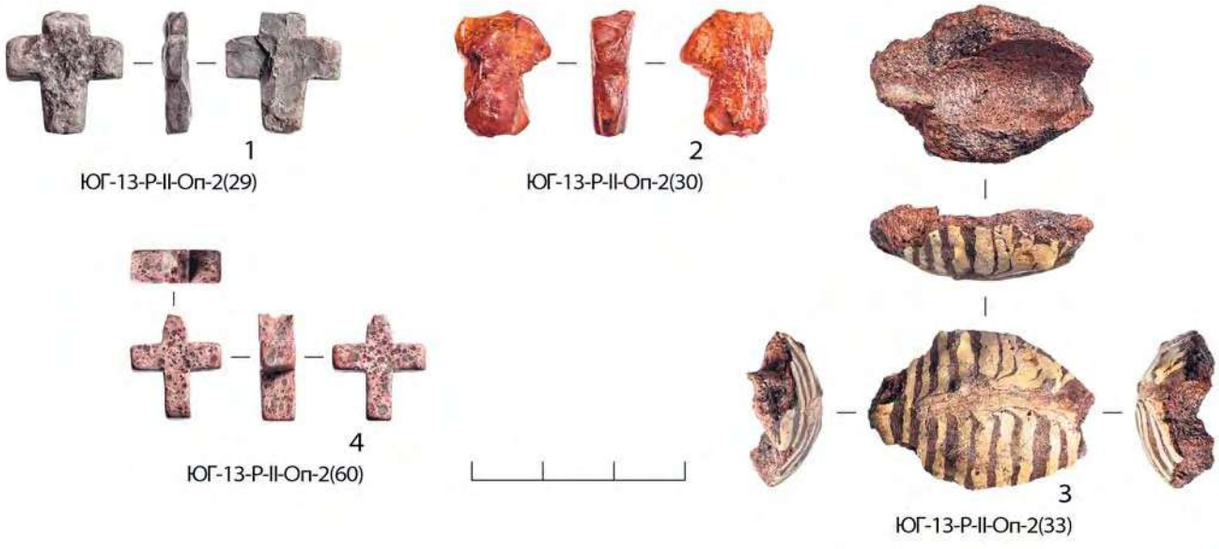


Рис. 246. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из консервационного слоя раскопа 2010 г. и пахотного слоя раскопа 2013 г. 1 – известняк; 2 – янтарь; 3 – глина, полива; 4 – пирофиллитовый сланец

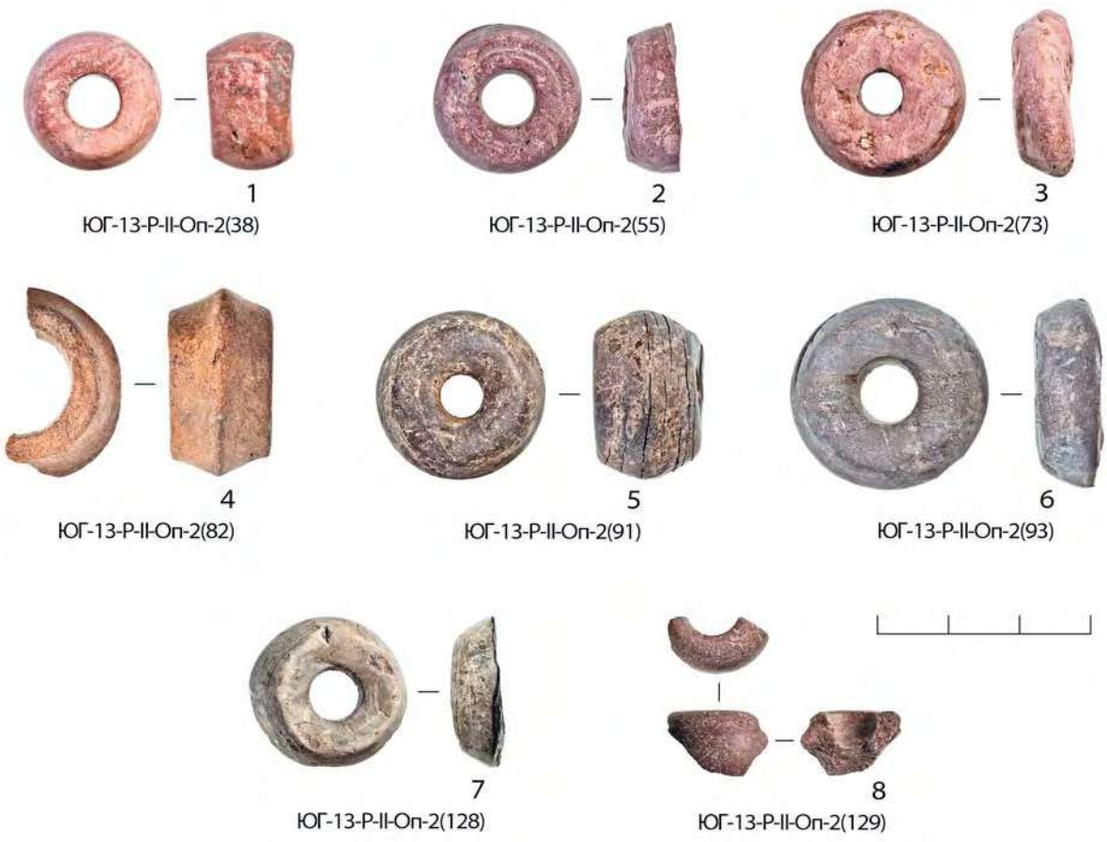


Рис. 247. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из консервационного слоя раскопа 2010 г. и пахотного слоя раскопа 2013 г. 1–3, 5–8 – пирофиллитовый сланец; 4 – глина

Неподалеку, видимо, располагалось и железоделательное производство. Железных шлаков в раскопе зафиксировано не менее 14. Более точные подсчеты требуют специальных анализов. Объединение в составе одного производственного сооружения рабочих мест кузнеца и ювелира – известная особенность раннесредневекового ремесла, характерная, в частности, для соседнего с Усвятом Городка на Ловати (Горюнова 1978: 143). Оба этих памятника для периода X в. вообще очень близки по своим функциям и материальной культуре.

Из раскопа 1 происходят 3503 фрагмента керамики. Из них – 848 обломков лепной посуды и 1751 фрагмент гончарной керамики. 904 фрагмента из-за незначительных размеров затруднительно отнести к той или иной из этих двух категорий посуды.

Лепная керамика представляет собой преимущественно остатки кухонных сосудов с невысоким прямым или слегка отогнутым венчиком (группа 1.1, смотри рис. 62). Такие сосуды можно встретить как на рядовых поселениях Верхнего Поднепровья и Подвинья, так и в слоях древнерусских раннегородских центров (Строчицкое городище, Полоцк, Витебск, Лукомль). Такая же керамика известна и в смоленских длинных курганах. Обращают на себя внимание фрагменты реберчатых сосудов группы 4, близкие керамике «ладожского типа» (рис. 189: 1; рис. 193). Судя по этой особенности, наибольшую близость лепная керамика Усвята демонстрирует по отношению к посуде Полоцка, где доля сосудов группы 4 весьма заметна (рис. 62).

Гончарная керамика из ранних комплексов и нижней части культурного слоя представлена, главным образом, фрагментами сосудов с S-видным профилем, прямо или косо срезанным венчиком (рис. 182: 1–3, 5, 9, 18; рис. 189: 2–4; рис. 190: 1, 5; рис. 191: 3, 5). Архаичный облик имеют сосуды, близкие по форме лепной керамике группы 1, но обточенные на гончарном круге (рис. 184: 3, 4). Наличие в раскопе напластований X в., исходя из керамического набора, представляется несомненным.

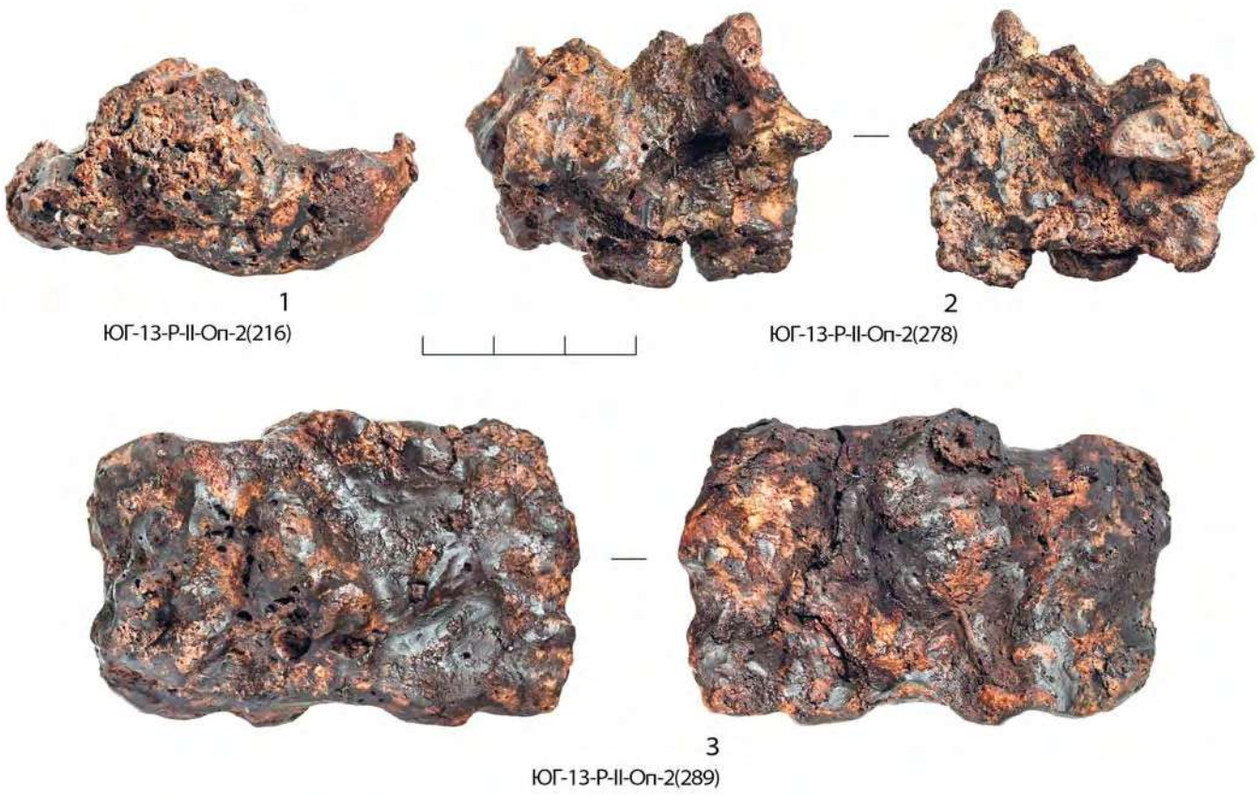


Рис. 248. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Железные шлаки из консервационного слоя раскопа 2010 г. и пахотного слоя раскопа 2013 г.

2.2.7.5. Восточный мыс в ур. Юрьевы Горы (городище)

Восточный, более крупный по площади и высокий мыс (Юрьевы Горы 2, по Я. В. Станкевич) является, видимо, детинцем древнерусского города (рис. 132, 142). Рельеф здесь сильно искажен многовековой распашкой (как мы помним, пахотные земли на Старом Усвятском городище существовали по крайней мере с середины XVI в.). Отметим некоторые элементы рельефа местности, которые свидетельствуют о наличии здесь средневековых фортификационных сооружений.

• Участок берега образует здесь подтреугольный мыс, круто обрывающийся в сторону воды. Нигде более на западном берегу Усвятского озера такая форма рельефа не встречается (рис. 136, 137). Создается впечатление, что берег холма со стороны озера искусственно подрезан для придания ему крутизны.

• В юго-восточной части восточного мыса прослеживается резкий уступ, идущий перпендикулярно кромке берега (рис. 137). Перед нами антропогенная форма рельефа – эскарп.

• В западной части площадки мыса, примерно в 70 м от кромки берега, прослеживается некоторое повышение, вероятно, следы земляных укреплений, защищавших площадку городища с напольной стороны (рис. 135).

• На космических снимках, относящихся к тому времени, когда восточный мыс еще распахивался, отчетливо видна кольцевая структура – более светлая полоса грунта, опоясывающая мыс с напольной стороны (рис. 134). Вероятно, это и есть следы укреплений (вала?).

2.2.7.6. Раскоп 2 на городище

Для того чтобы выяснить характер культурных напластований и время сооружения городских укреплений, на площадке городища в 2010 г. был разбит раскоп 2 размером 4 × 4 м. Он был размещен в западной части площадки с таким расчетом, чтобы исследовать участок близ предполагаемого въезда в детинец со стороны посада (рис. 142). Первые же результаты показали, что выводы, сделанные при раскопках здесь Р. С. Минасяном в 1970 г., мало соответствуют действительности (Минасян А-1970). Вместо полностью переотложенного

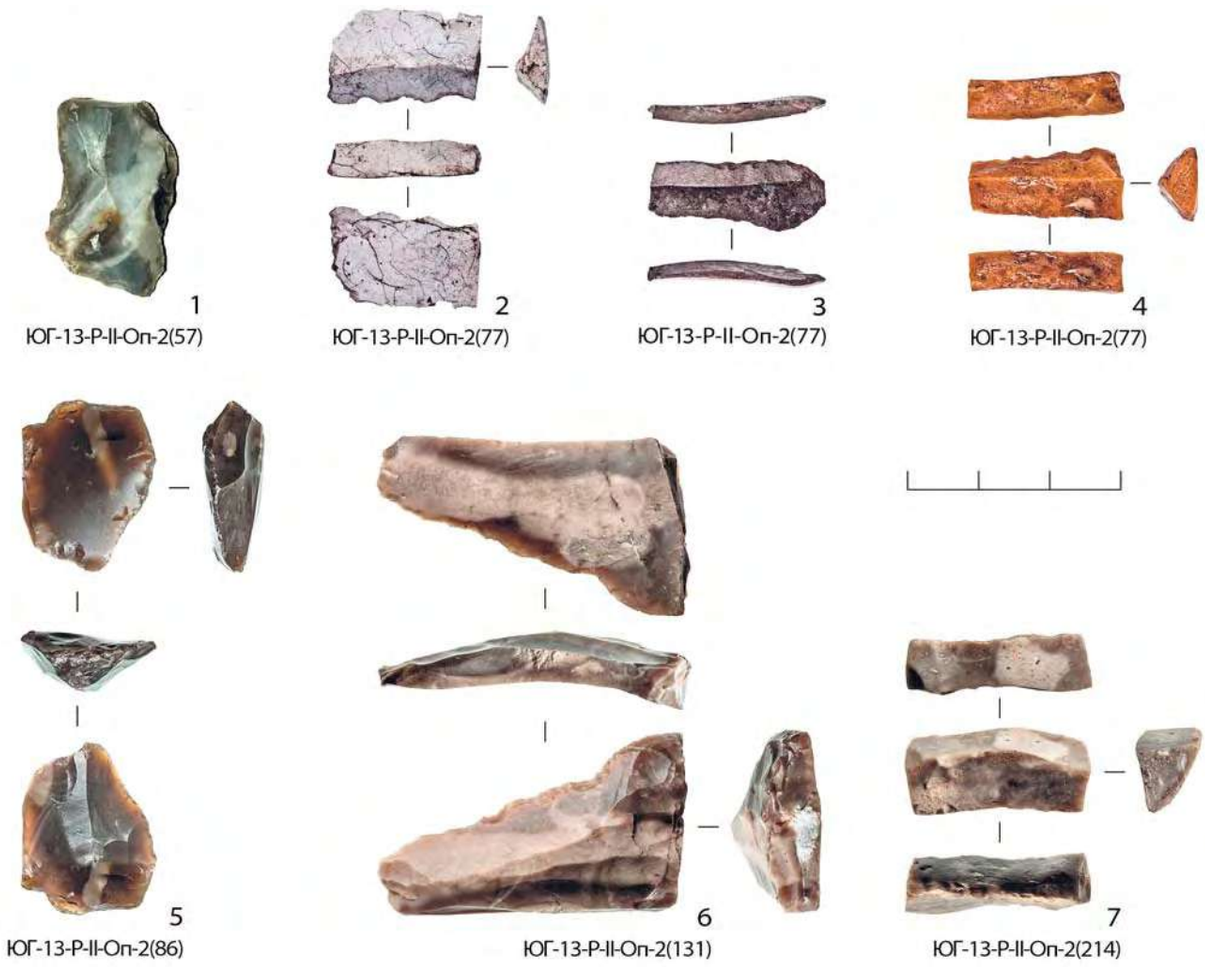


Рис. 249. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Кремневые орудия из консервационного слоя раскопа 2010 г. и пахотного слоя раскопа 2013 г.

культурного слоя (как утверждалось в отчете за 1970 г.) были обнаружены хорошо стратифицированные напластования с остатками построек. После этого на уровне пласта 3 раскоп был законсервирован для проведения исследований более широкой площадью.

В 2010 г. были исследованы пахотный горизонт и пласты 1–3 в квадратах В-1, В-2, Г-1 и Г-2. В 2013 г. площадь раскопа была расширена до размеров 6 × 6 м (рис. 210–223). Сначала были разобраны пахота и пласты 1–3 квадратов Б-1, Б-2, Б-3, В-3 и Г-3. Затем работы продолжились на всей площади раскопа. Культурный слой разбирался условными пластами толщиной 0,1 м. Учитывая неровности рельефа и особенности древних сооружений, мы не стремились точно соблюдать толщину пласта. О ней в каждом отдельном случае можно судить по нивелировкам на чертежах раскопа.

В 2010 г. у нас не было возможности вести промывку культурного слоя. Три года спустя ситуация стала иной, и мы смогли полностью промыть слой, выбрав из него все находки (включая мелкие куски керамики). Промыт был и слой консервации раскопа 2010 г., представляющий собой смесь пахотного слоя с пластами 1–2. Находки из промывки этого горизонта в таблице 8 и в иллюстрациях (рис. 228–230; рис. 233–249) представлены отдельно.

Координаты находок на раскопе 2 даются, так же как и на раскопе 1, от юго-западного угла каждого квадрата и от репера № 5 (R5), расположение которого помечено на плане (рис. 142).

Под слоем дерна здесь залегает рыхлый пахотный слой мощностью от 0,3 до 0,5 м (рис. 224; рис. 225). В нескольких местах под ним прослеживаются перекопы, повредившие культурный слой. Такая яма отмечена на границе квадратов Г-2 и Г-3 (рис. 210). Еще одна небольшая поздняя яма, которую не удалось проследить в плане, позднее проступила в северной стенке раскопа в квадрате Б-3 (рис. 224).

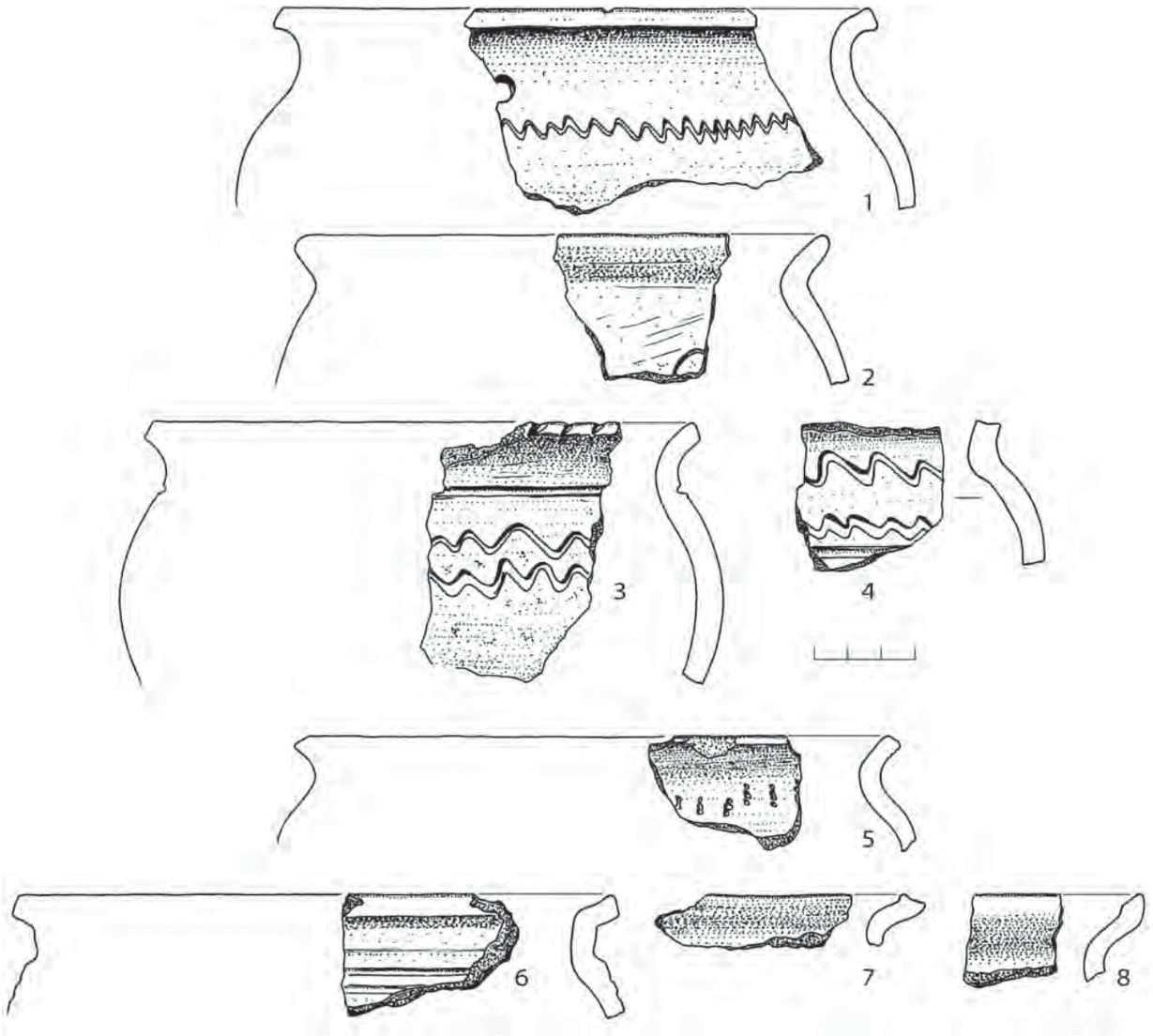


Рис. 250. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_1 (пласт 1). Гончарная керамика. 1, 2 – кв. Б-1; 3–8 – кв. Б-2

Таблица 8

Распределение массовых находок в пахотном горизонте и других переотложенных слоях раскопа 2

Квадрат	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики (в том числе ошлакованной)	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)
Б-1	1	408 (18)	192	17
Б-2	–	406 (16)	240	6
Б-3	–	246 (9)	72	3
В-1	–	31		
В-2	2	102		
В-3	6	401 (21)	161	6
Г-1	1	30		
Г-2	3	77		
Г-3	1	292 (29)	135	1
Конс. слой 2010 г.	15	3155 (29)	371	24
Осыпи стенок раскопа	–	164	13	7
Всего	**29**	**5160 (122)**	**1184**	**64**

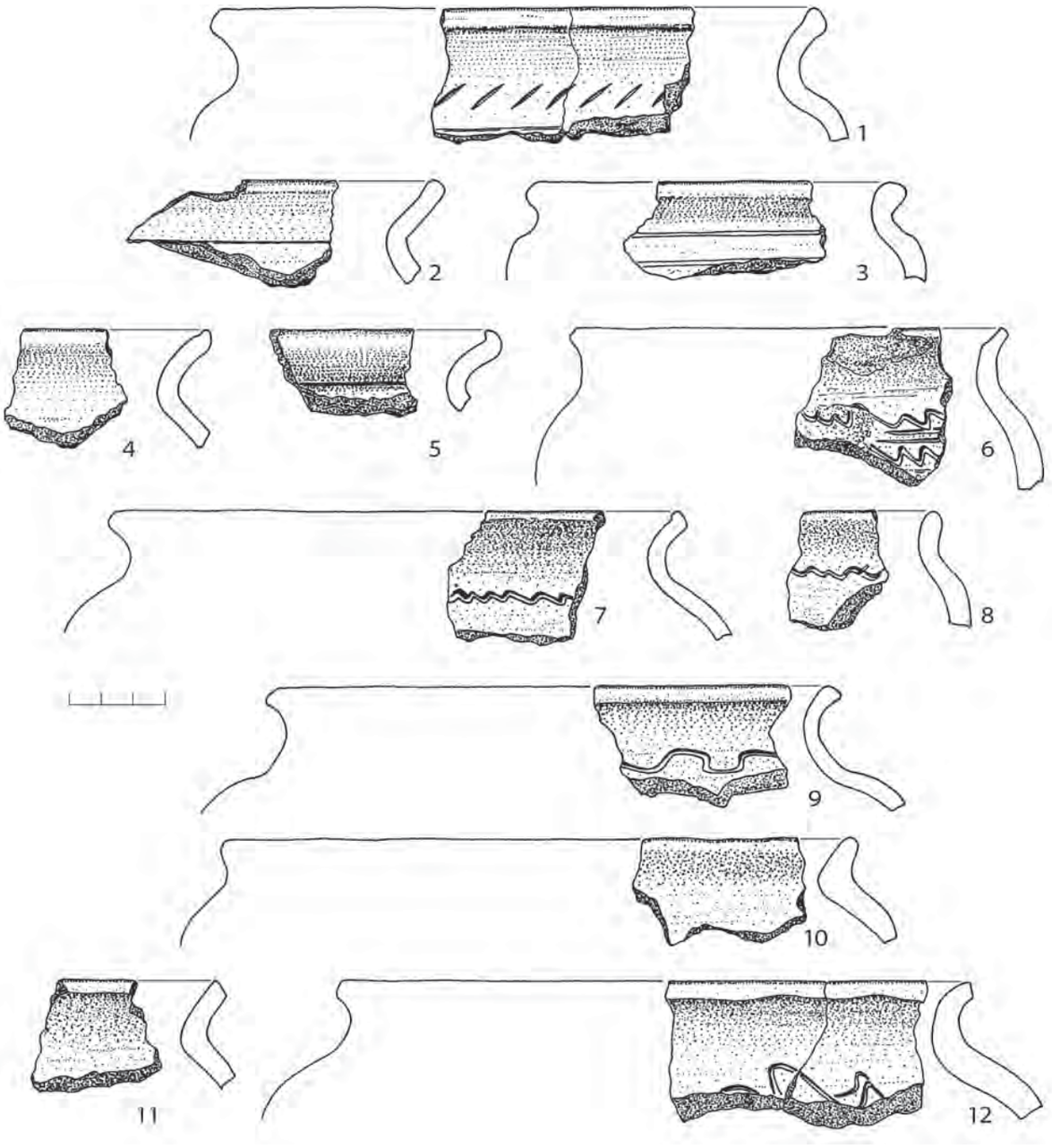


Рис. 251. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 1). Гончарная керамика. 1–5 – кв. Б-3; 6–8 – кв. В-1; 9–12 – кв. В-2

В пахотном слое, как это видно из таблицы, абсолютно преобладает гончарная древнерусская керамика (рис. 226–230). Следует учитывать, что так называемые неопределимые фрагменты, конечно, в подавляющем количестве также принадлежат гончарным сосудам.

Лепные фрагменты единичны и представлены мелкими обломками (рис. 228: 1–3). Исключение составляет крупный фрагмент лепного изделия с примесью крупной дресвы в тесте, представлявшего собой либо сосуд очень большого диаметра, либо глиняный диск (крышку от сосуда?). Сковородкой изделие быть не могло, так как обе его стороны одинаково неровные и заглаженные (сковородка имела бы более или менее ровное дно). Возможно, перед нами фрагмент сосуда середины–третьей четверти I тыс. н. э. (рис. 227: 1). Среди керамики из верхних слоев раскопа заметно выделяются фрагменты грубогончарной посуды, как правило, связанной на древнерусских памятниках с периодом вхождения в обиход гончарного круга (рис. 226: 1–3).

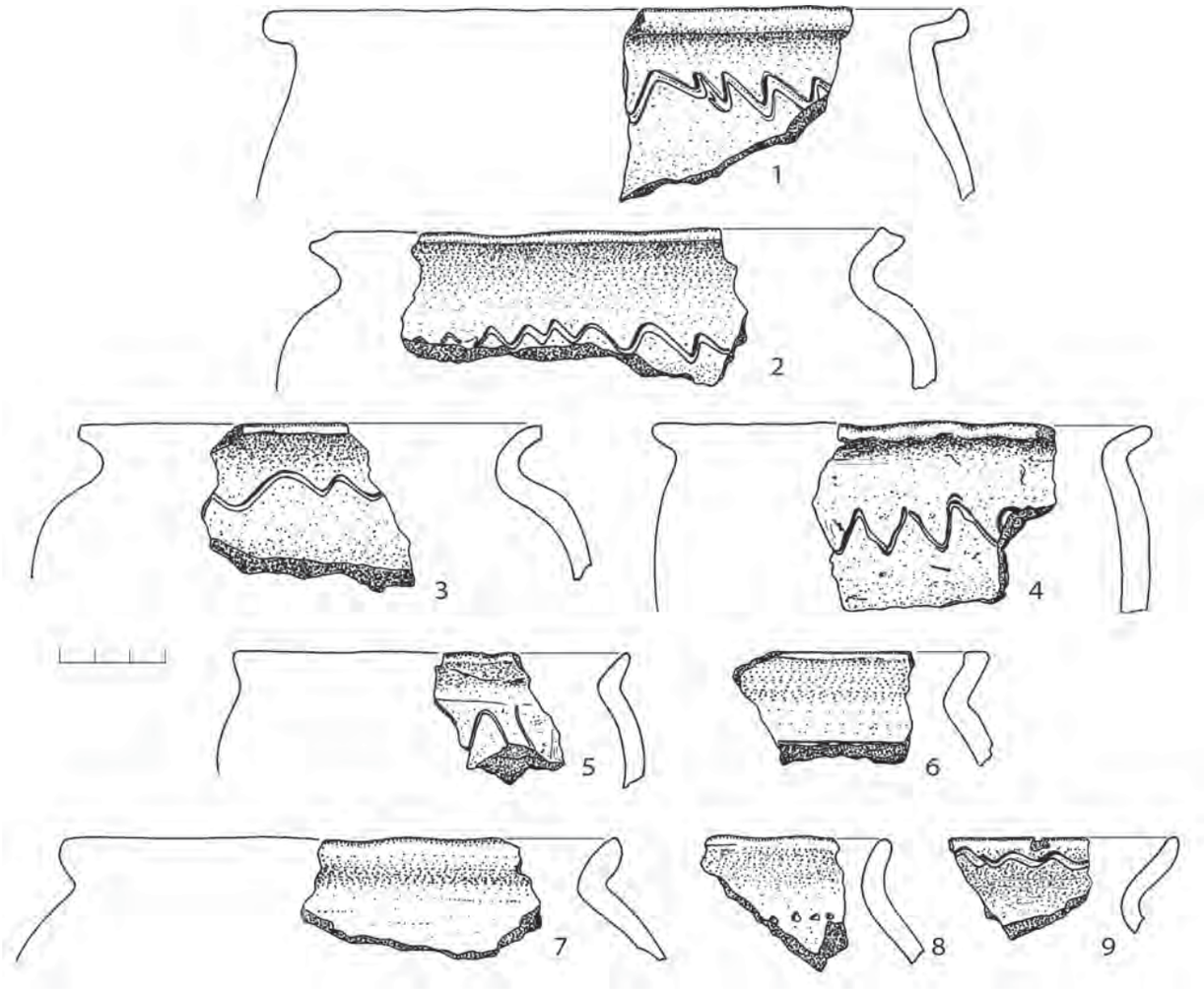


Рис. 252. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 1). Лепные подражания гончарным сосудам (4, 5) и гончарная керамика. 1–3 – кв. В-2; 4–7 – кв. В-3; 8, 9 – кв. Г-1

Из пахотного слоя и консервационного слоя раскопа 2010 г. происходит множество находок (рис. 231–249). Для датировки наиболее существенны: круглая бронзовая фибула (рис. 238: 2), ложновитой перстень (рис. 238: 6), фрагмент плетеной из двухпроволочных бронзовых жгутов гривны (рис. 238: 7), стеклянные бусы (рис. 240: 1–3, 5–14, 16–18). Важно отметить, что среди массы бус, относящихся к XI–XIII вв., выделяются украшения, допускающие возможность более ранней датировки, – это лимоновидные пронизки (рис. 240: 1, 10, 13), многогранная хрустальная бусина (рис. 240: 4) и сердоликовая бипирамидальная бусина (рис. 240: 15). Последняя несет на себе следы пребывания в огне. Картину дополняет множество обломков стеклянных браслетов (рис. 241–242), обломки двусторонних костяных гребней (рис. 243: 1, 4, 6, 7), два шиферных и один янтарный (фрагментированный) нательные крестики (рис. 246: 1, 2, 4), кусочек керамической писанки (рис. 246: 3), шиферные пряслица (рис. 247).

На основании работ на раскопе 1 и предварительных соображений, продиктованных итогами работ 2010 г., нами было выделено несколько этапов в истории застройки поселения на Юрьевых Горах (А, Б, В, Г) (рис. 178). Этапы Б–Г (X–XI вв.), выделенные в раскопе 1, в раскопе 2, как мы увидим ниже, не прослеживаются. Строительные горизонты детинца относятся целиком к периоду А (XII–XIII вв.), который, в свою очередь, не представлен в нетронутом виде в раскопе 1 (там слои этого времени полностью перепаханы).

При описании раскопа 2 мы будем группировать материал не только по пластам (полностью уйти от этого невозможно), но, в первую очередь, по горизонтам застройки.

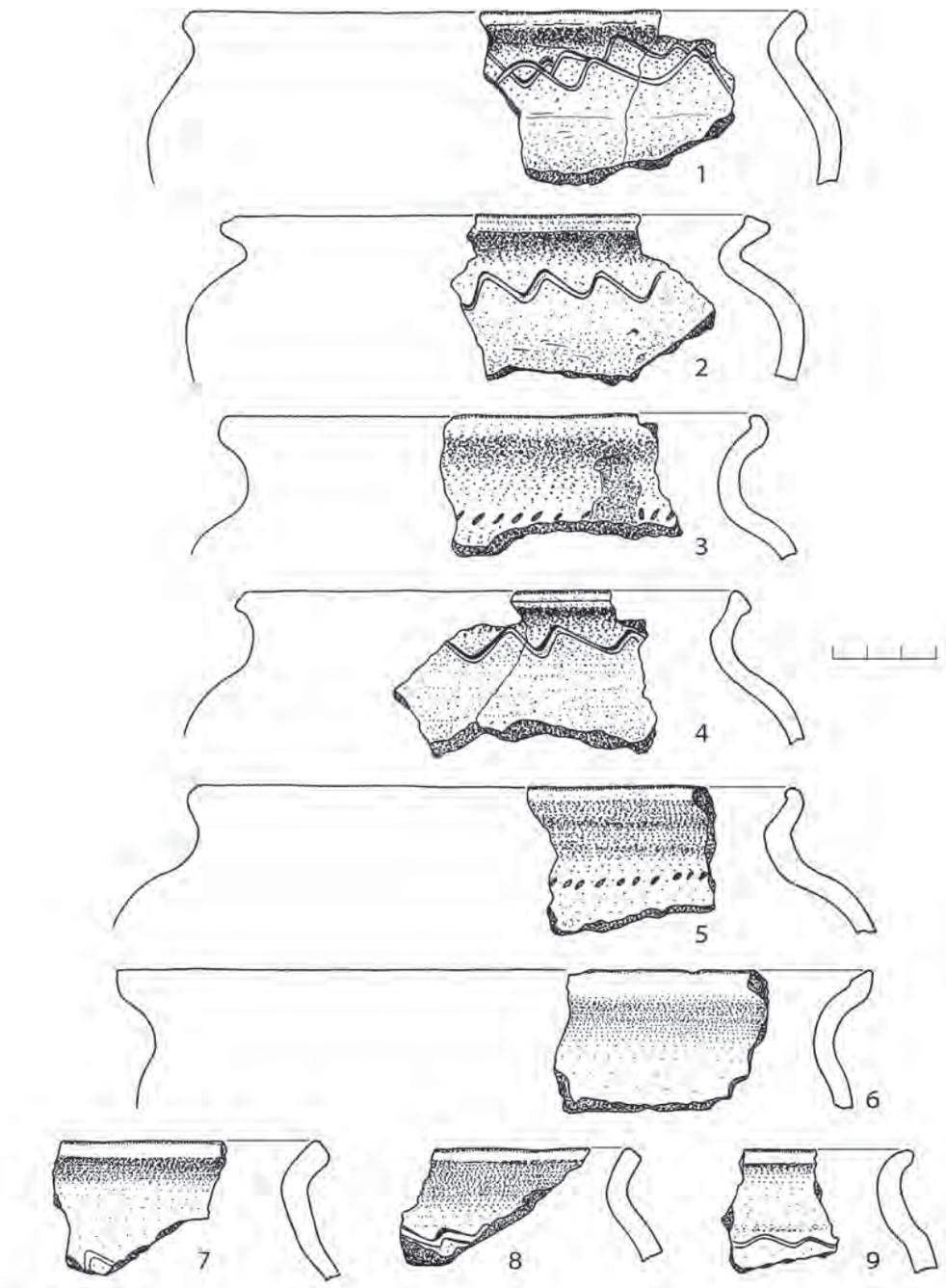


Рис. 253. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 1). Гончарная керамика. 1–5 – кв. Г-2; 6–9 – кв. Г-3

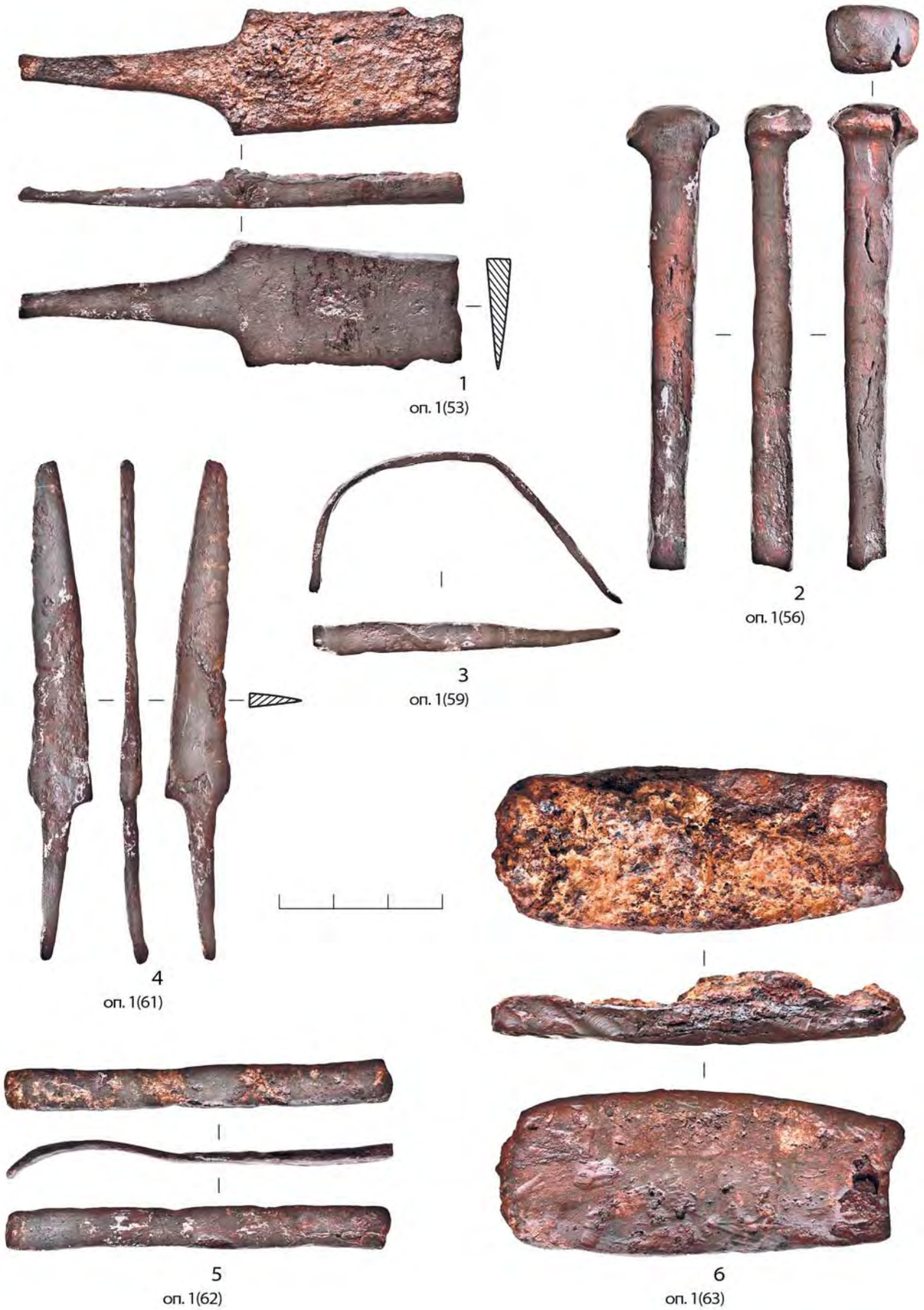


Рис. 254. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 1). Предметы из железа

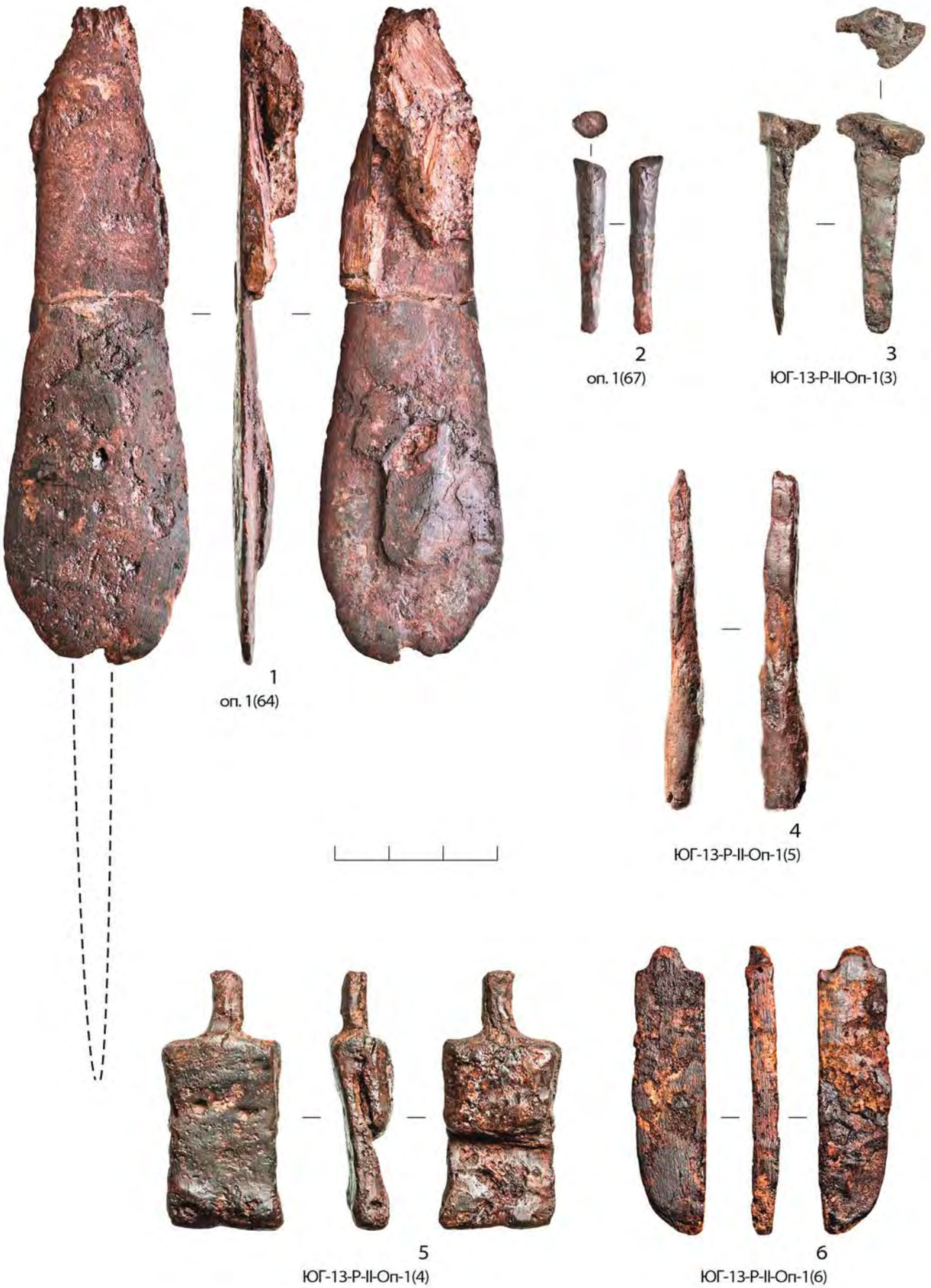


Рис. 255. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 1). Предметы из железа

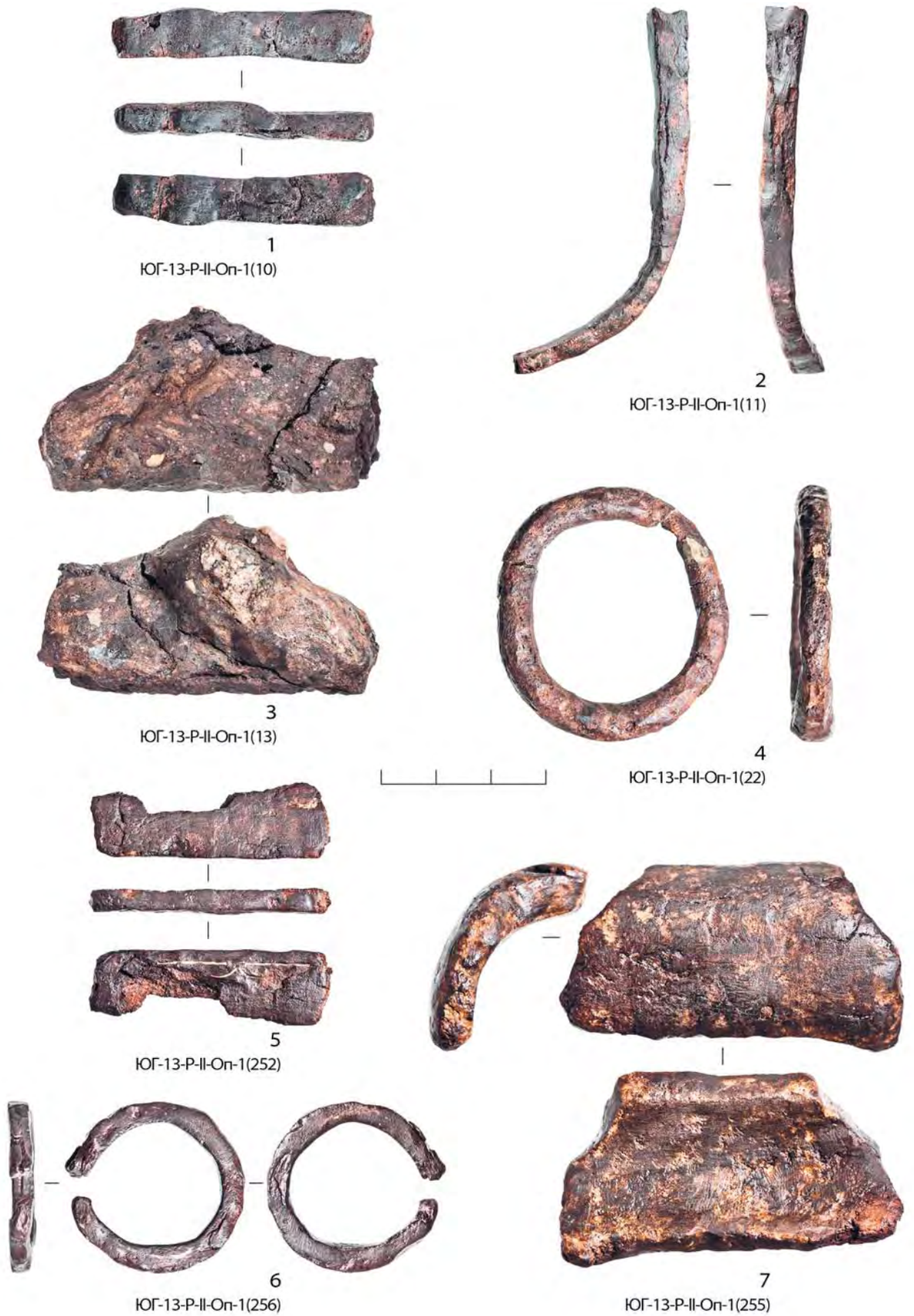


Рис. 256. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_1 (пласт 1). Предметы из железа

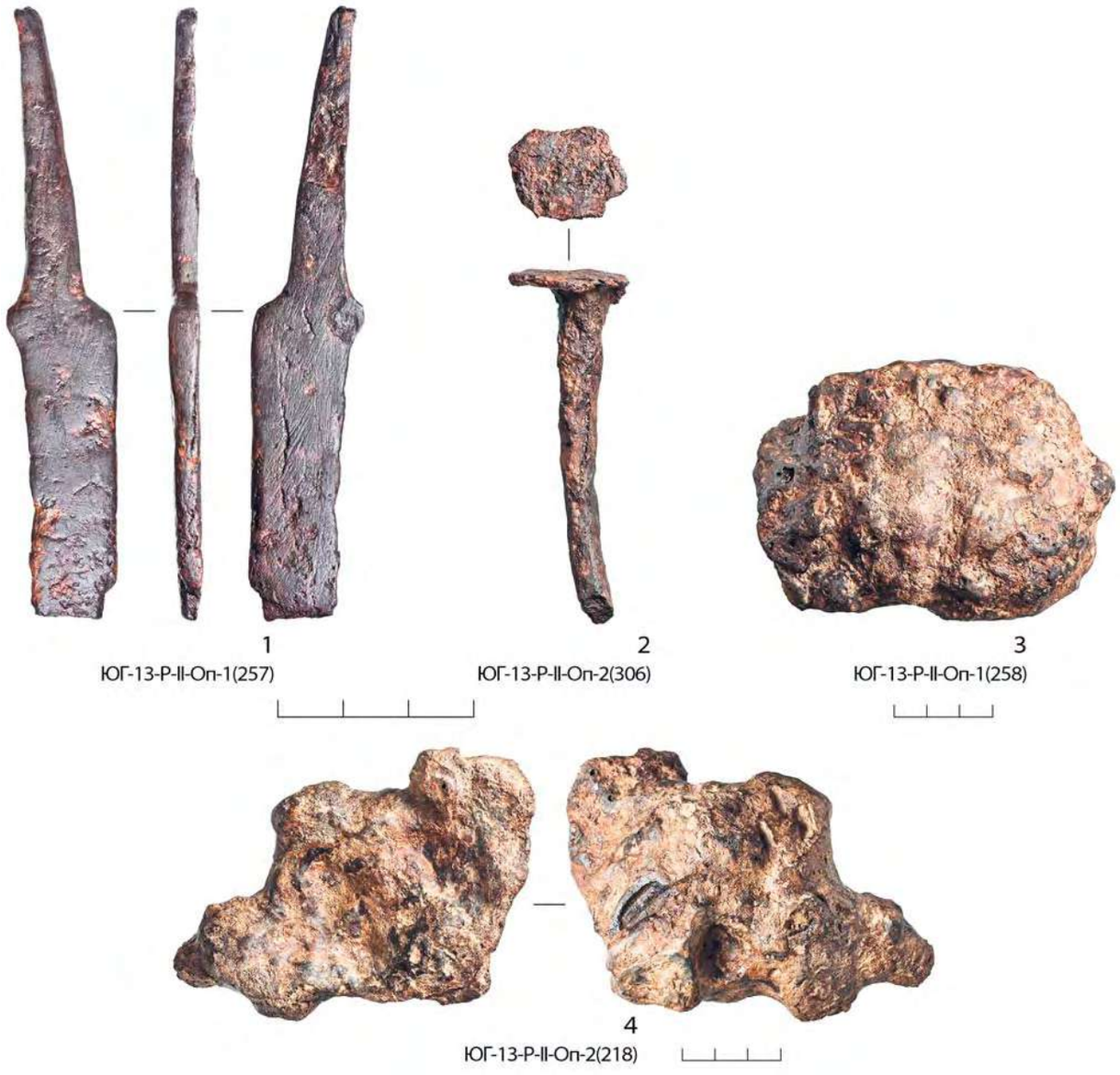


Рис. 257. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_1 (пласт 1). Предметы из железа (1, 2) и железные шлаки (3, 4)

Таких горизонтов выделяется четыре (A_1, A_2, A_3, A_4). Под горизонтами застройки выявлен древнейший горизонт, связанный с производственной и ритуальной деятельностью древних обитателей. Речь о нем пойдет отдельно.

Строительный горизонт A_1

Горизонт начинается сразу под пахотным слоем и включает в себя пласты 1–4 (рис. 210, 211). Это плотная супесь темно-серого цвета с включениями мелких кусочков оранжево-красной обожженной глины (обмазки?), углей и фрагментов древесного тлена. Пласты 1–2 представляют собой перемешанный интенсивной человеческой деятельностью слой пожара. Это было хорошо заметно при высыхании стенок и бровок раскопа, когда слой здесь приобретал золистый оттенок и в нем проступало множество мелких угольков.

Слой насыщен обломками древнерусской гончарной керамики (табл. 9, 10), костями животных и рыбьей чешуей. Последняя образует несколько плотных скоплений. Одно из них толщиной 0,02 м зафиксировано в пласте 1 квадрата Б-3 (рис. 210). Еще более толстая линза крупной чешуи мощностью до 0,1 м залегала в пластах 2 и 3 квадрата Б-1 (рис. 210; рис. 211). В культурном слое много костей животных, в основном колотых. Часть мелких обломков костей кальцинирована.

В пахоте и в пласте 2 обращают на себя внимание также обломки костяных кальцинированных изделий – гребней и каких-то других мелких предметов, несущих орнаментацию (опись 1, № 34; опись 2, № 35, 36, 69, 70, 89) (рис. 243: 1, 2, 5, 6). Скорее всего, это следы того же пожара, о котором говорилось выше.

Таблица 9

Распределение массовых находок в пласте 1 культурного слоя

Квадрат	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики (в т. ч. ошлакованной)	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)
Б-1 (вне постройки 1)	1	110 (4)	50	-
Б-2 (вне постройки 1)	1	190 (11)	90	18
Б-3 (вне постройки 1)	–	234 (9)	54	88
В-1	–	80 (1)		
В-2	–	189 (16)		
В-3 (вне постройки 1)	2	175 (13)	22	31
Г-1	–	34		
Г-2	–	74		
Г-3 (вне постройки 1)	4	210 (18)	41	5
Всего	**8**	**1296 (72)**	**257**	**142**

Как видно из табл. 9, уже в этом пласте проступает заполнение **постройки 1**. Это заметно как по концентрации керамики в квадрате В-2 (который был целиком занят данной постройкой), так и по наличию в том же квадрате скопления гончарной керамики, ошлакованной в пожаре, уничтожившем дом.

Таблица 10

Распределение массовых находок в пласте 2 культурного слоя за пределами постройки 1

Квадрат	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики (в т. ч. ошлакованной)	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)
Б-1 (вне постройки 1)	2	224 (6)	136	11
Б-2 (вне постройки 1)	–	188. Развал тонкостенного сосуда	13	–
Б-3 (вне постройки 1)	–	298 (2)	11	8
В-1 (вне постройки 1)	–	79 (6)	13	–
В-3 (вне постройки 1)	7 (развал лепной миски)	87 (25)	20	5
Г-1 (вне постройки 1)	–	77	–	–
Г-2 (вне постройки 1)	–	46 (1)	–	–
Г-3 (вне постройки 1)	5 (фрагменты миски из кв. В-3)	135 (22). Развал грубогончарного сосуда	34	10
Всего	**14**	**1134 (62)**	**227**	**34**

Таблица 11

Распределение массовых находок в пласте 3 культурного слоя за пределами постройки 1

Квадрат	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики (в т. ч. ошлакованной)	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)
Б-1 (вне постройки 1)	8[46]	187 (7)	100	5
Б-2 (вне постройки 1)	2	198 (6)	35	17
Б-3 (вне постройки 1)	1	104. Развал сосуда	12	1
В-1 (вне постройки 1)	-	29 (3)	-	-
В-2 (под бревном венца постройки 1)	-	2	-	-
В-3 (вне постройки 1)	-	295 (6)	101	12
Г-1 (вне постройки 1)	-	43	-	-
Г-2 (вне постройки 1)	-	32 (3)	-	-
Г-3 (вне постройки 1)	1	268 (49)	97	24
Всего	**12**	**1158 (74)**	**345**	**59**

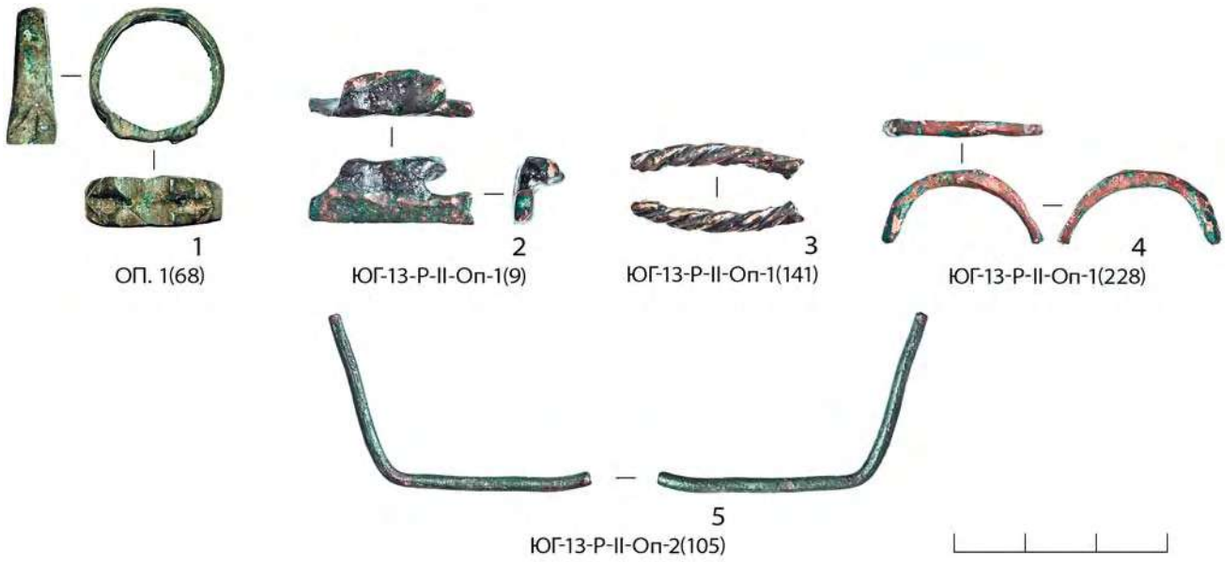


Рис. 258. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 1). Предметы из медного сплава

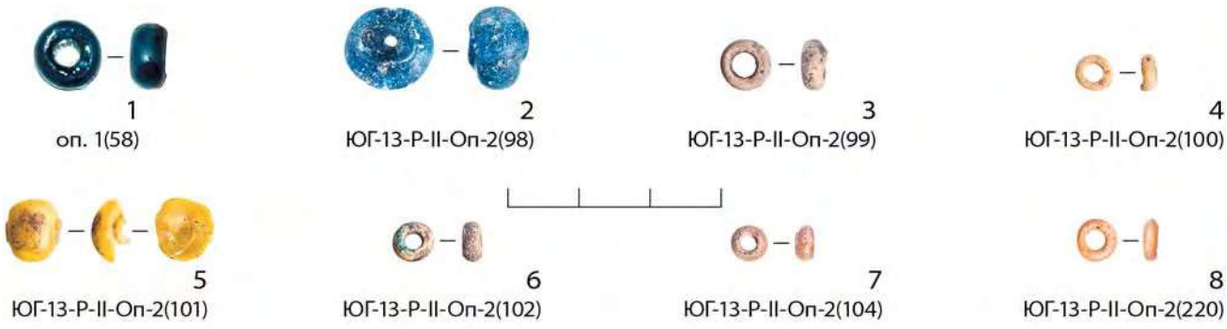


Рис. 259. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 1). Стеклянные бусы

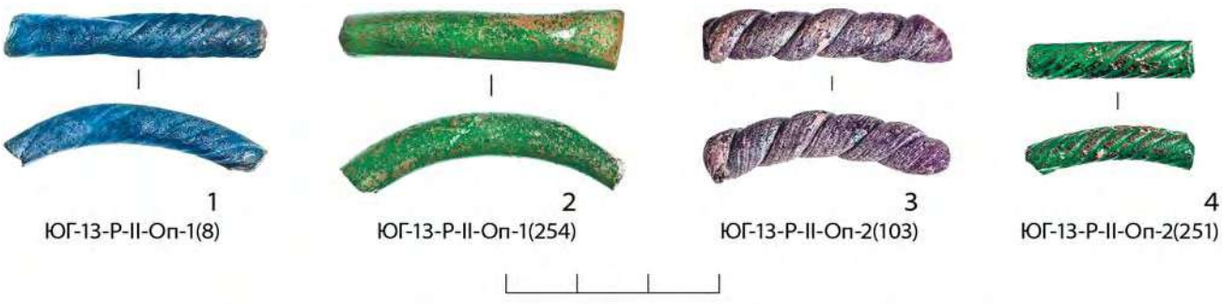


Рис. 260. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 1). Фрагменты стеклянных браслетов

Таблица 12

Распределение массовых находок в пласте 4 культурного слоя за пределами постройки 1

Квадрат	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики (в т. ч. ошлакованной)	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)
Б-1 (вне постройки 1)	1	178 (4)	6	2
Б-2 (вне постройки 1)	–	135 (1)	57	10
Б-2 (между камнями)	–	9	1	7
Б-3 (вне постройки 1)	–	10	3	–
В-1 (вне постройки 1)	–	89 (1)	10	1
В-2 (вне постройки 1)	–	30 (2)	2	2
В-3 (вне постройки 1)	–	223 (5)	41	20
Г-1 (вне постройки 1)	–	290 (3)	75	12
Г-2 (вне постройки 1)	2	169 (19)	67	12
Г-3 (вне постройки 1)	–	278 (70)	78	13
Квадрат неизвестен	–	32	15	1
Всего	**3**	**1443 (105)**	**355**	**80**

Сразу же под пахотой в культурном слое проступили очертания нижнего венца срубной постройки, ориентированной стенами по сторонам света.

Постройка 1 (раскапывалась в 2010 и 2013 гг.). В раскоп попала полностью. Дерево сохраняется в культурном слое детинца очень плохо и не пригодно для дендроанализа. Уцелели фрагменты бревен нижнего венца сруба, рубленного в обло, и часть настила пола (рис. 210; рис. 211). Культурный слой внутри сруба насыщен древесным перегноем, более рыхлый и однородный, с буроватым оттенком. Включения обожженной (или подсушенной) глины в культурном слое внутри постройки отсутствуют.

Размеры сооружения 3,7 × 3,7 м. В центральной части северной стены постройки в кв. В-3 прослежены остатки крыльца (?) длиной около 0,8 м и шириной примерно 0,5 м. Они представляли собой плахи, уложенные параллельно стене на лаги. Верхняя поверхность плах обуглилась при пожаре.

В заполнении постройки резко возрастает число фрагментов гончарной керамики, которые вдоль южной стены лежали почти сплошным слоем. Большинство индивидуальных находок, найденных в пределах раскопа 2 в пластах 1–3, также происходят из постройки 1.

Таблица 13

Распределение массовых находок в заполнении постройки 1

Квадрат	Пласт	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики (в т. ч. ошлакованной)	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)
Б-2	1	–	32	1	1
Б-2	2	1	134 (4)	93	47
В-2	2	–	181 (19)		
В-3	2	–	120 (6)	84	5
Г-2	2	–	178 (21)	–	–
Г-3	2	–	44 (3)	36	3
Б-2	3	–	7	–	–
В-2	3	1	59 (3). Развал сосуда с прикипевшей каплей бронзы	–	–
Г-2	3	–	93 (10)	–	–
В-2	4	–	138 (3)	20	5
Г-3	4	–	17	3	–
Всего		2	1003 (69)	237	61

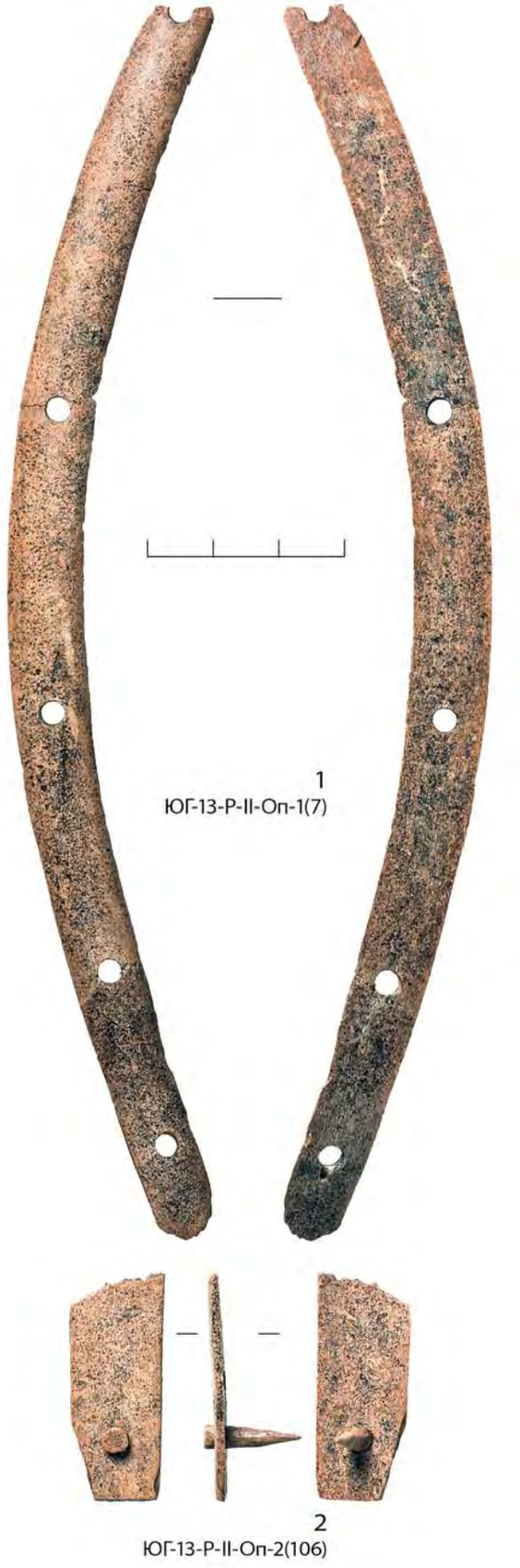


Рис. 261. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 1). Предметы из кости

Фактически заполнение постройки начинается прямо с границы культурного слоя и пахоты. Значит ли это, что постройка 1 отмечает последний этап в жизни данного участка поселения перед его запустением? Как видно на профиле 1 и 2 (рис. 225), постройка, поставленная на неровной поверхности, сильно перекосилась еще в процессе использования. После того как она погибла в пожаре, над ее юго-западным углом, провалившимся в западину, успел накопиться культурный слой мощностью более 0,2 м. Если же мы посмотрим на толщину слоя, накопившегося над поверхностью того же пожара в квадрате Б-1 (профиль 2, рис. 225), то увидим, что она достигает величины более 0,3 м, причем имеет слоистую структуру и достаточно сложную стратиграфию. Таким образом, мы можем сделать однозначный вывод, что после гибели в пожаре постройки 1 жизнь на городище продолжалась некоторое время. Культурные слои этого периода уничтожены распашкой в верхней части городищенского холма, но, очевидно, хорошо сохранились в понижении на территории к югу и юго-западу от нашего раскопа.

Некоторые наблюдения над обстоятельствами запустения постройки 1.

- В постройке и рядом с ней встречаются отдельные крупные угли.
- В большом количестве встречаются крупные фрагменты ошлакованной гончарной керамики (табл. 13).
- В заполнении найдены фрагменты гончарных сосудов с прикипевшими к ним каплями медного сплава (рис. 318).
- Большое количество крупных фрагментов керамики, в том числе – несколько развалов горшков (рис. 265; рис. 317; рис. 318).
- Бревна нижнего венца и крыльца постройки обуглены в верхней части и сгнили – в нижней.
- Рядом с постройкой в квадрате В-1, в верхней части суглинистой подсыпки, на которой она была поставлена, наблюдаются следы прокала – плотная красноватая корка глины (рис. 210).

Все это говорит о том, что постройка погибла в пожаре. Сам же слой пожарища большей частью располагался в культурном слое несколько выше и был распахан.

Вся керамика из постройки (за исключением фрагментов лепной жаровни) (рис. 323: 4) сделана на гончарном круге (рис. 317–323: 1–3). Из постройки 1 (точнее – из пространства, которое очерчивает нижний венец ее сруба) происходит большое количество индивидуальных находок (рис. 221). Учитывая то, что пол постройки на большей ее части не сохранился, абсолютной уверенности, что та или иная вещь утеряна именно в самой постройке, быть, конечно, не может. Исключение составляют железная рыболовная блесна (рис. 328: 4) и костяная рукоятка ножа с засевшим в ней обломком железного черенка (рис. 327: 2), найденные in situ на одной из сохранившихся досок пола в юго-западном углу постройки. Из других важных находок можно отметить четырехлопастной (бронебойный) черешковый наконечник стрелы (рис. 325: 5), орнаментированный железный навесной замок (рис. 330), несколько стеклянных бус (рис. 334: 1–5),

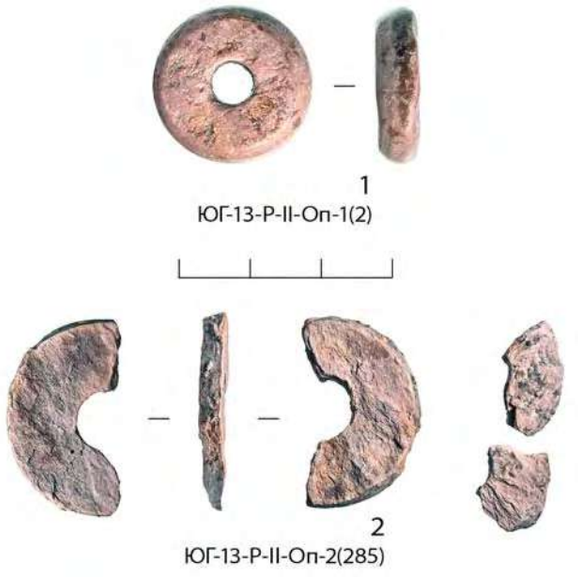


Рис. 262. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 1). Фрагменты пряслиц из пирофиллитового сланца

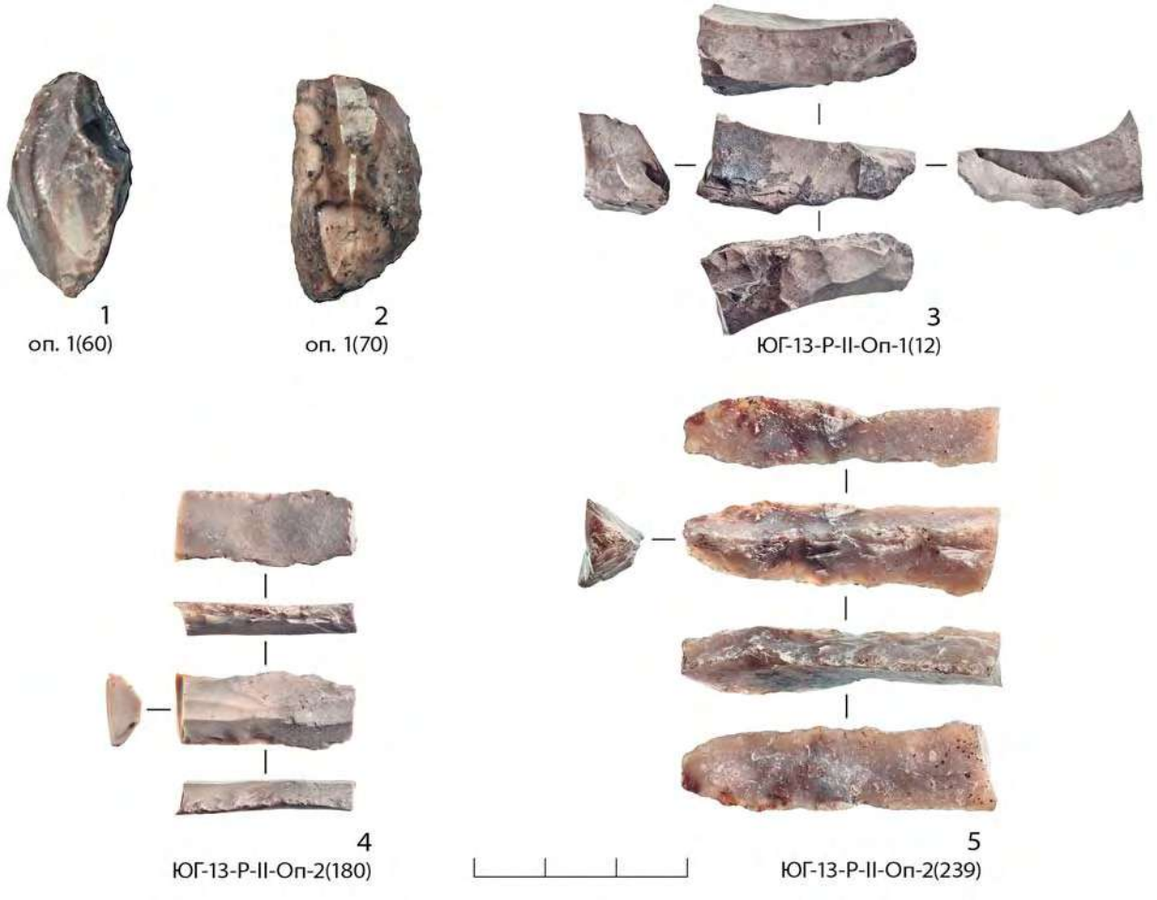


Рис. 263. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласты 1 и 2). Изделия из кремня

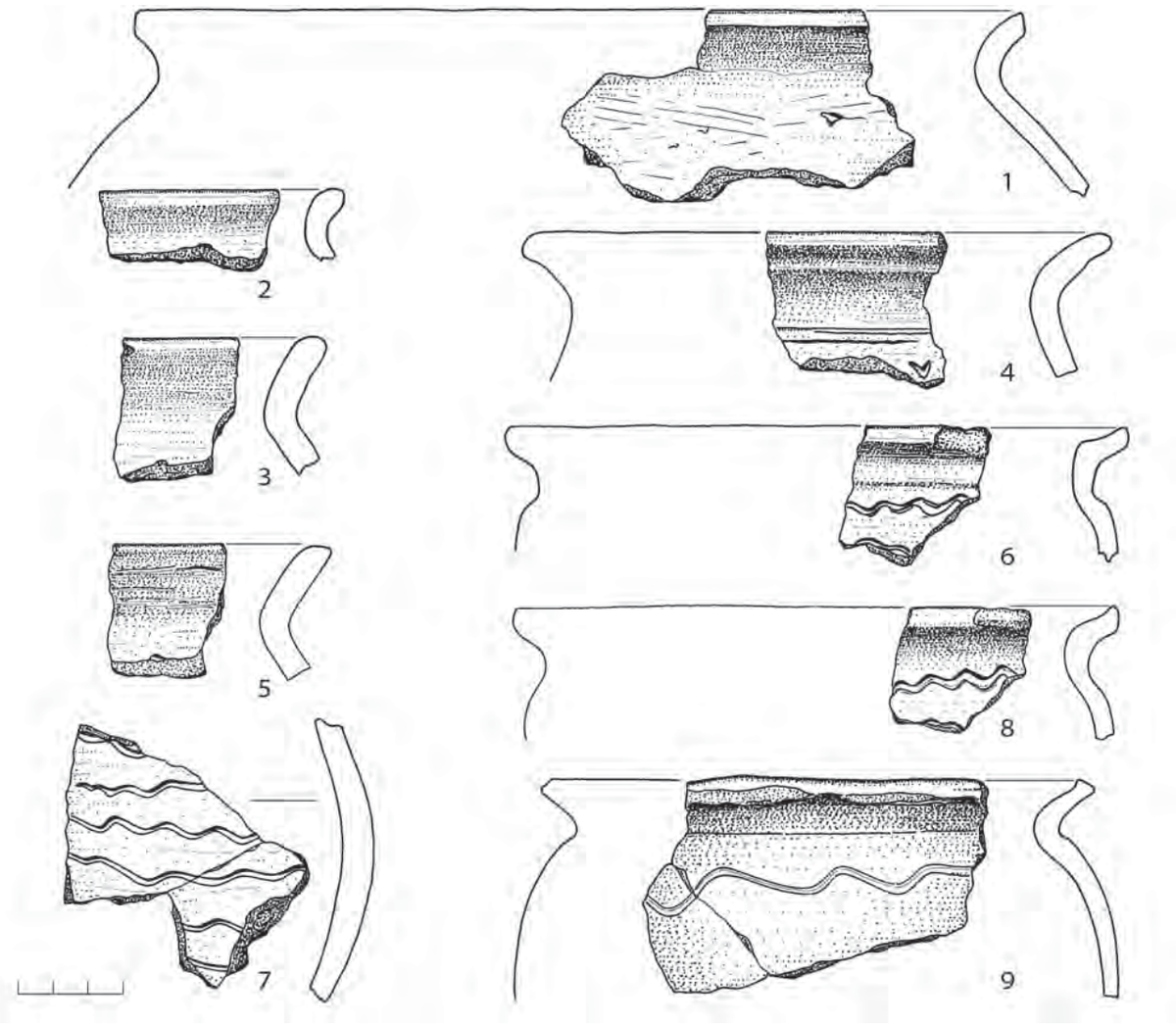


Рис. 264. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 2). Гончарная керамика. 1–8 – кв. Б-1; 9 – кв. Б-1, пл. 2; кв. Б-2, пл. 3

каменный нательный крестик (рис. 334: 6), осколки стеклянных браслетов (рис. 334: 7–10), бронзовый детский браслетик (рис. 334: 11). Состав находок говорит о том, что перед нами обычный жилой дом.

Рядом с постройкой 1 на границе квадратов Б-1 и Б-2 в пластах 1–2 наблюдалось плотное скопление фрагментов гончарной керамики (рис. 210), среди которого выделялись несколько развалов сосудов. Их удалось восстановить (рис. 265). Вероятно, здесь располагался какой-то навес, под которым в момент гибели постройки в пожаре находились горшки с пищей.

Керамический набор строительного горизонта $А_1$ (рис. 250–253; рис. 264–268; рис. 276–283; рис. 293–301) состоит практически полностью из гончарной керамики, характерной для XII–XIII вв. В то же время в его составе присутствуют как единичные лепные фрагменты (рис. 252: 4, 5; рис. 267: 5, 7; рис. 277: 1), так и обломки грубых орнаментированных сосудов S-видного профиля (рис. 250: 3; рис. 268: 4, 6; рис. 280: 3; рис. 282: 6; рис. 283: 2; рис. 294: 1–4; рис. 295: 1, 2; рис. 298: 3; рис. 300: 4; рис. 301: 3, 4), находящие параллели либо в языческом курганном могильнике Усвята (рис. 411), либо в комплексах X–XI вв. на посаде (рис. 189: 2, 3; рис. 190: 1, 5; рис. 191: 3, 5). Исходя из присутствия в культурном слое горизонта $А_1$ бус этого времени, следует сделать вывод о том, что керамика раннего облика попадала в слой XII–XIII вв. из более ранних напластований на соседних участках поселения. В то же время нельзя забывать, что простые S-видные формы бытовали в Усвяте на протяжении всей его истории, о чем говорит серия сосудов из постройки 1 (рис. 317; рис. 318) и развал сосуда из пласта 2 квадрата Г-3 (рис. 268: 6).

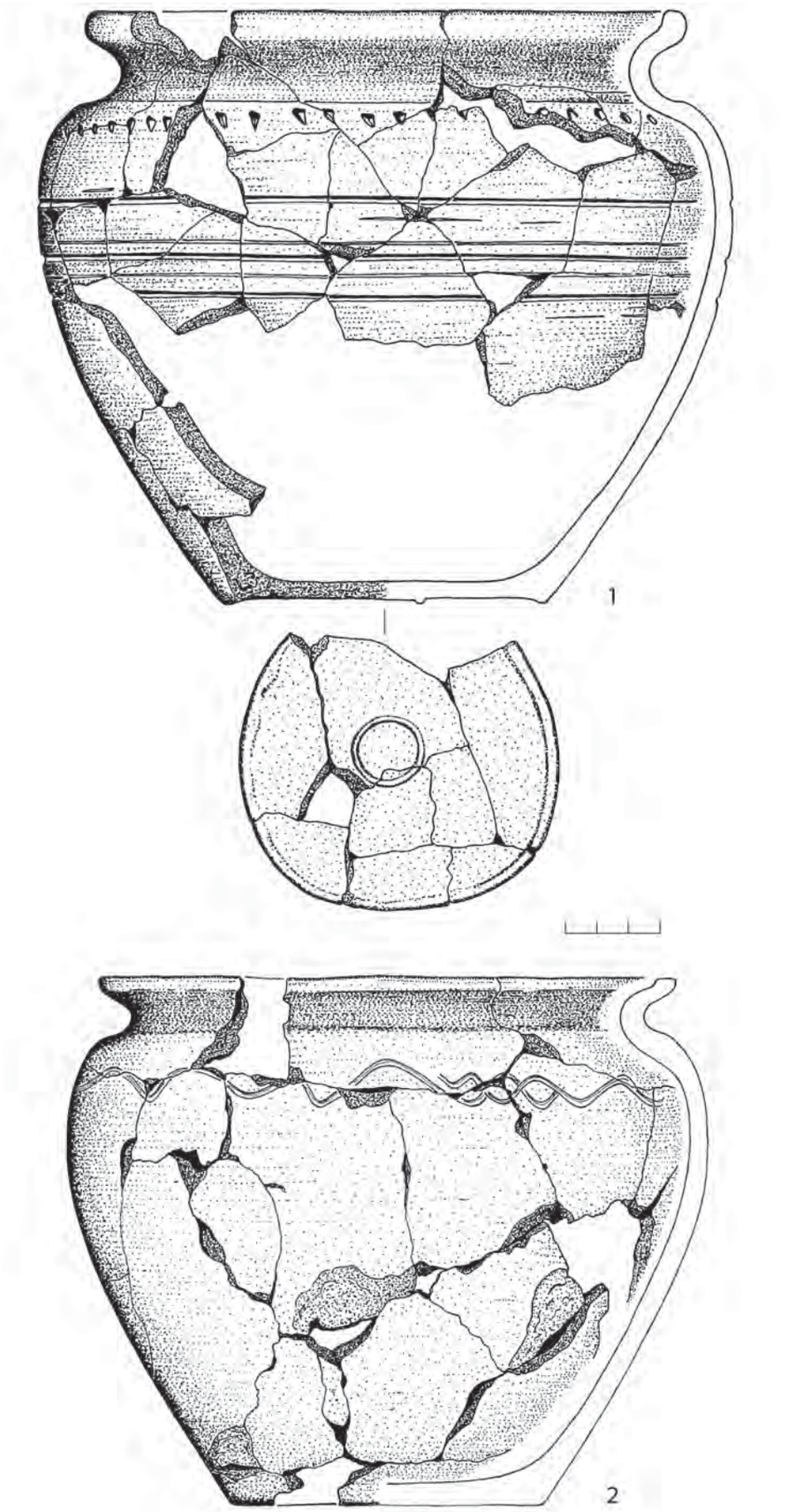


Рис. 265. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 2). Гончарная керамика. Кв. Б-2

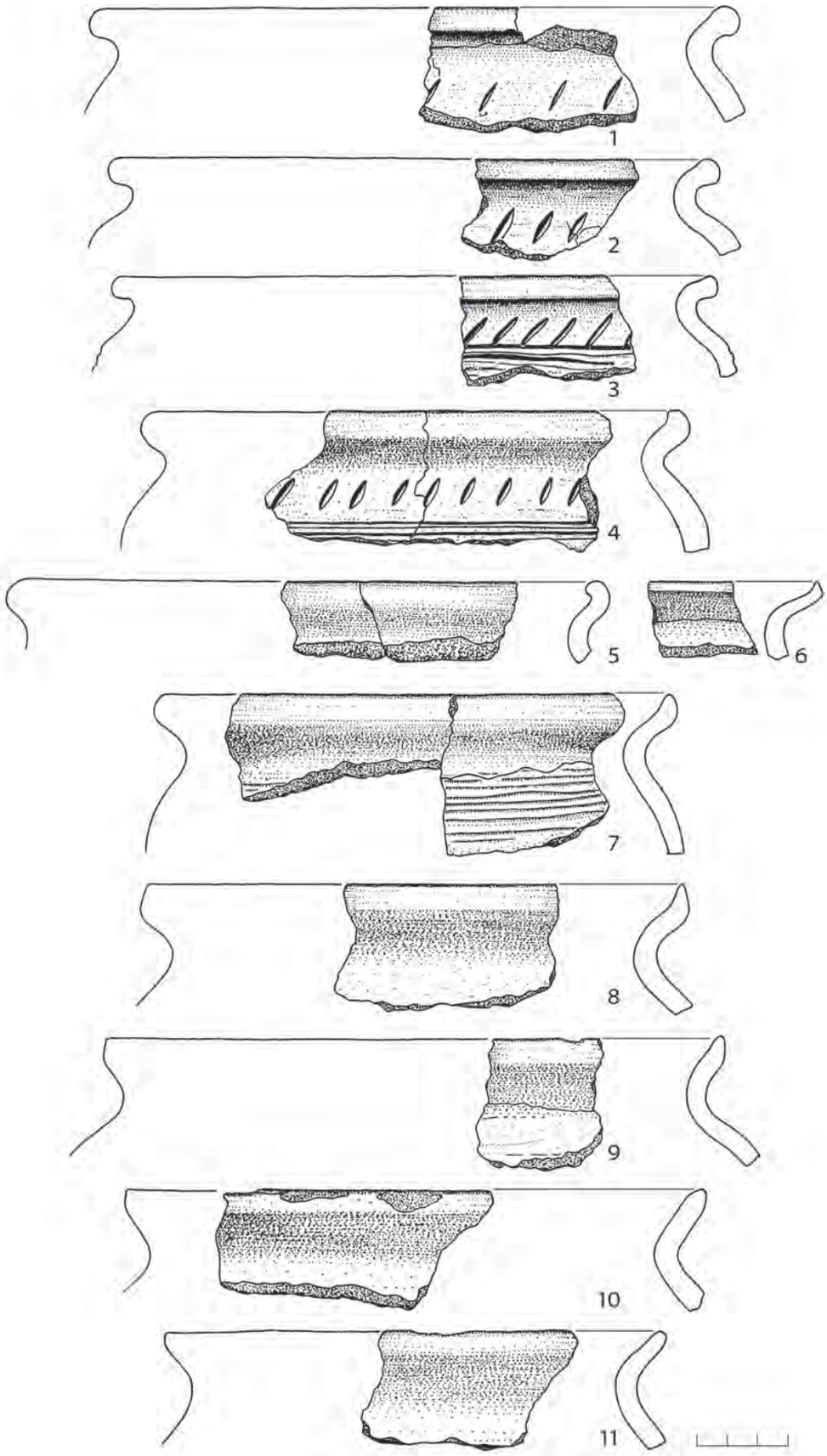


Рис. 266. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 2). Гончарная керамика. Кв. Б-3

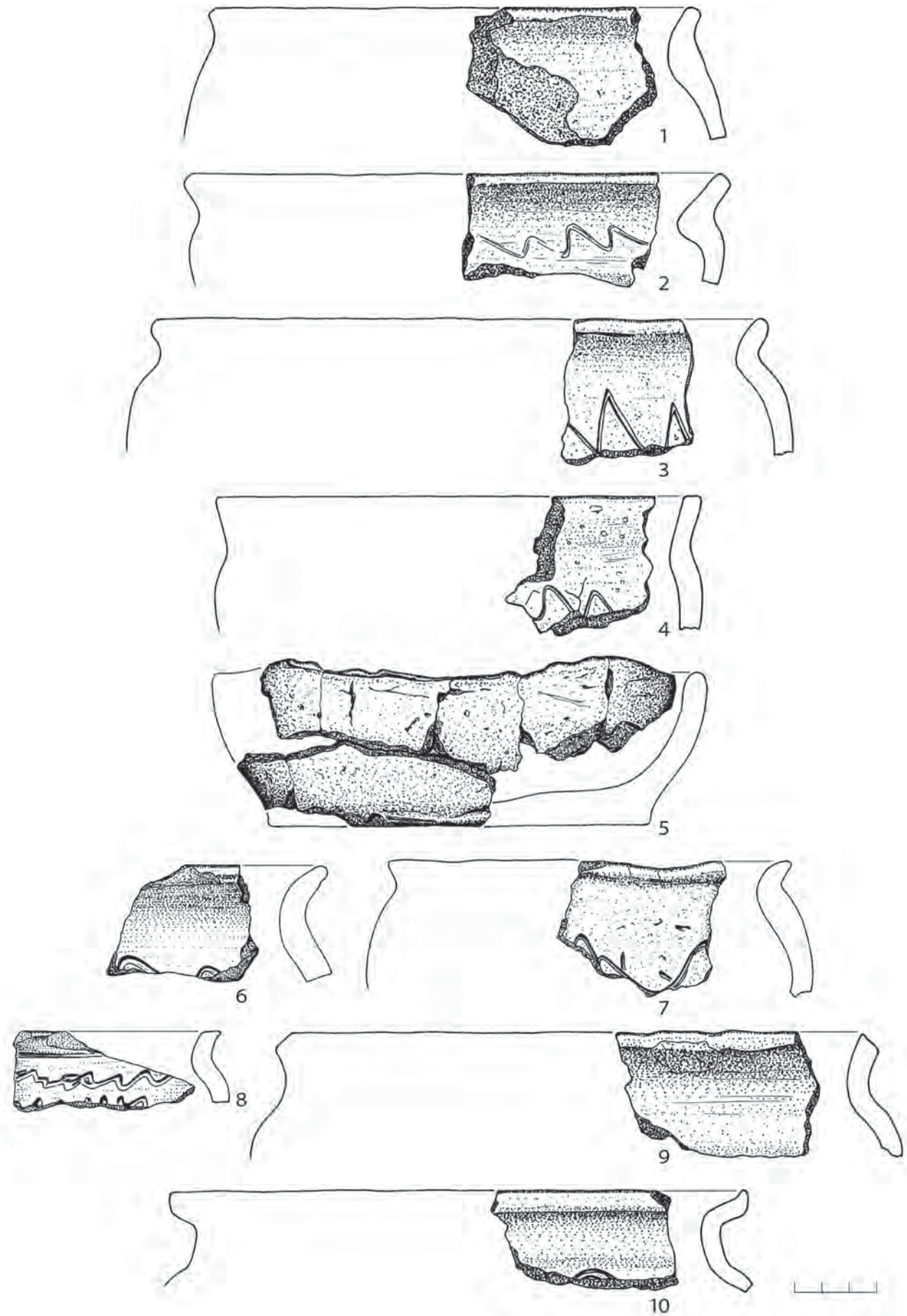


Рис. 267. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 2).
Лепная, подправленная на круге (5, 7) и гончарная (остальное) керамика. 1–4 – кв. В-1; 5–8 – кв. В-3; 9, 10 – кв. Г-1

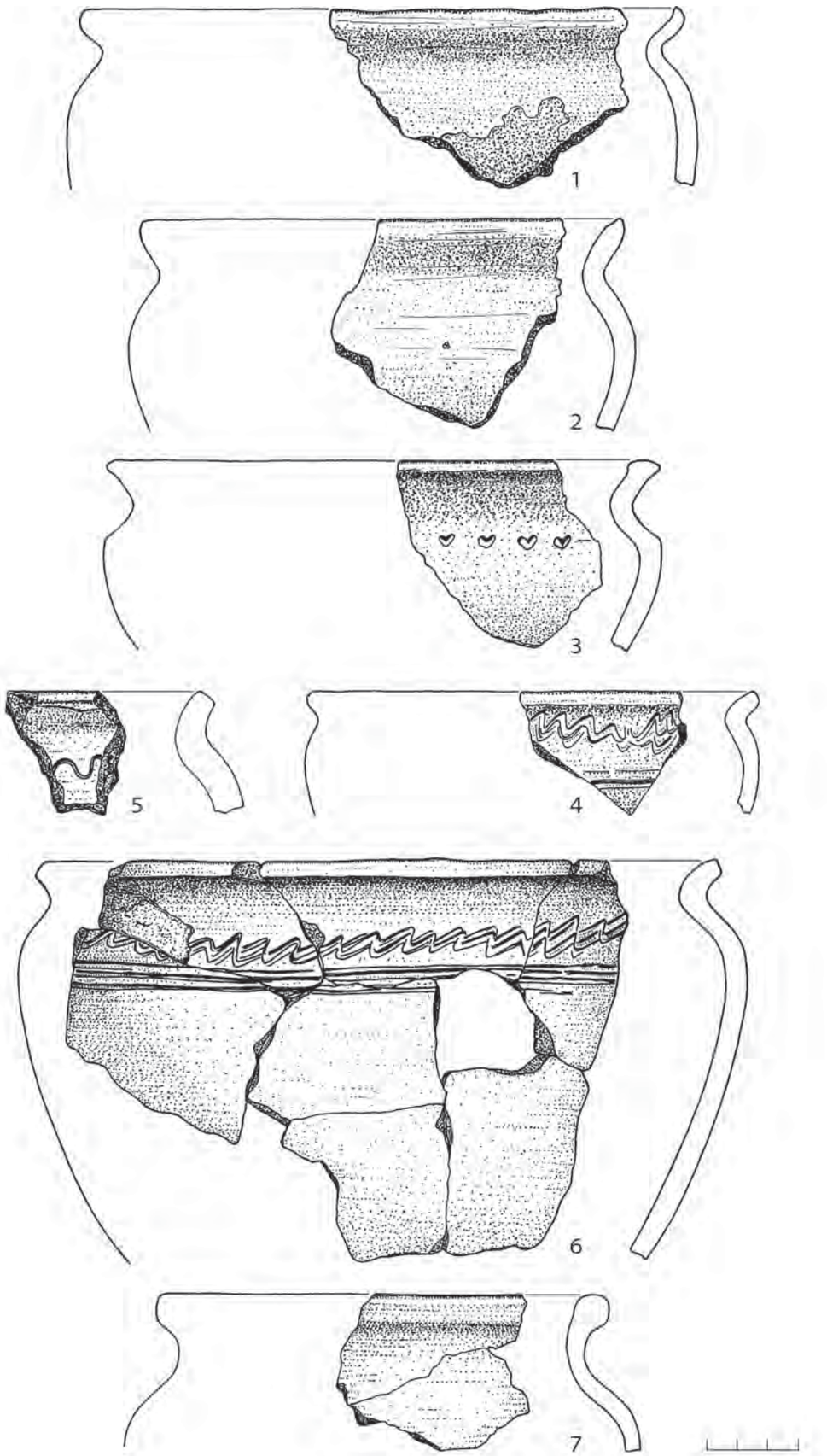


Рис. 268. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 2). Гончарная керамика. 1–4 – кв. Г-2; 5–7 – кв. Г-3



Рис. 269. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 2). Предметы из железа

Отдельно можно упомянуть связанные с постройкой 1 фрагменты корчаги с высоким прямым горлом и почти горизонтальным плечиком, покрытым линейно-волнистым орнаментом (рис. 320: 1). Подобная «высокогорлая» керамика была распространена в домонгольское время в Поднепровье (Петрашенко 1992: рис. 4: 4) и на западнорусских землях, встречается и во Пскове.[47] Находки аналогичных сосудов можно отметить в Витебске (Бубенько, Левко 2003: рис. 14: 2), на древнерусских поселениях в бассейне Немана (Кізюкевіч, Юркавец 2006: мал. 6: 4) и в Оршанском Поднепровье (Левко 2004: рис. 11: 1).

Среди железных предметов из горизонта $А_1$ следует обратить внимание на фрагмент ножа с медной инкрустацией в виде «арок» вдоль обушка (рис. 256: 5). Точная аналогия этому изделию найдена при раскопках Верхнего города Минска в слое XII–XIII вв. (Археологическое наследие 2012: 82). Из горизонта $А_1$ происходят также ключи от нутряных и навесных замков

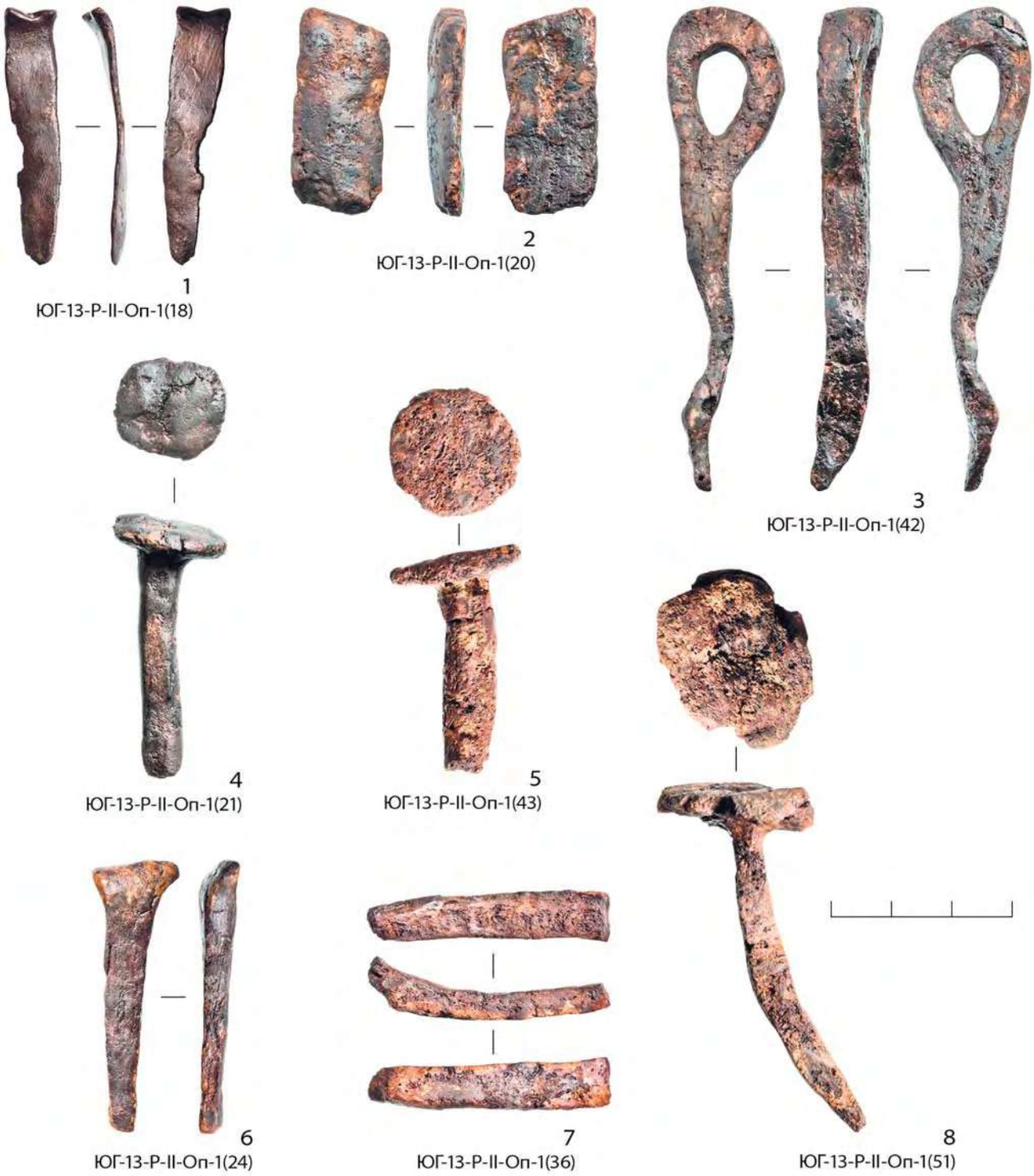


Рис. 270. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 2). Изделия из железа

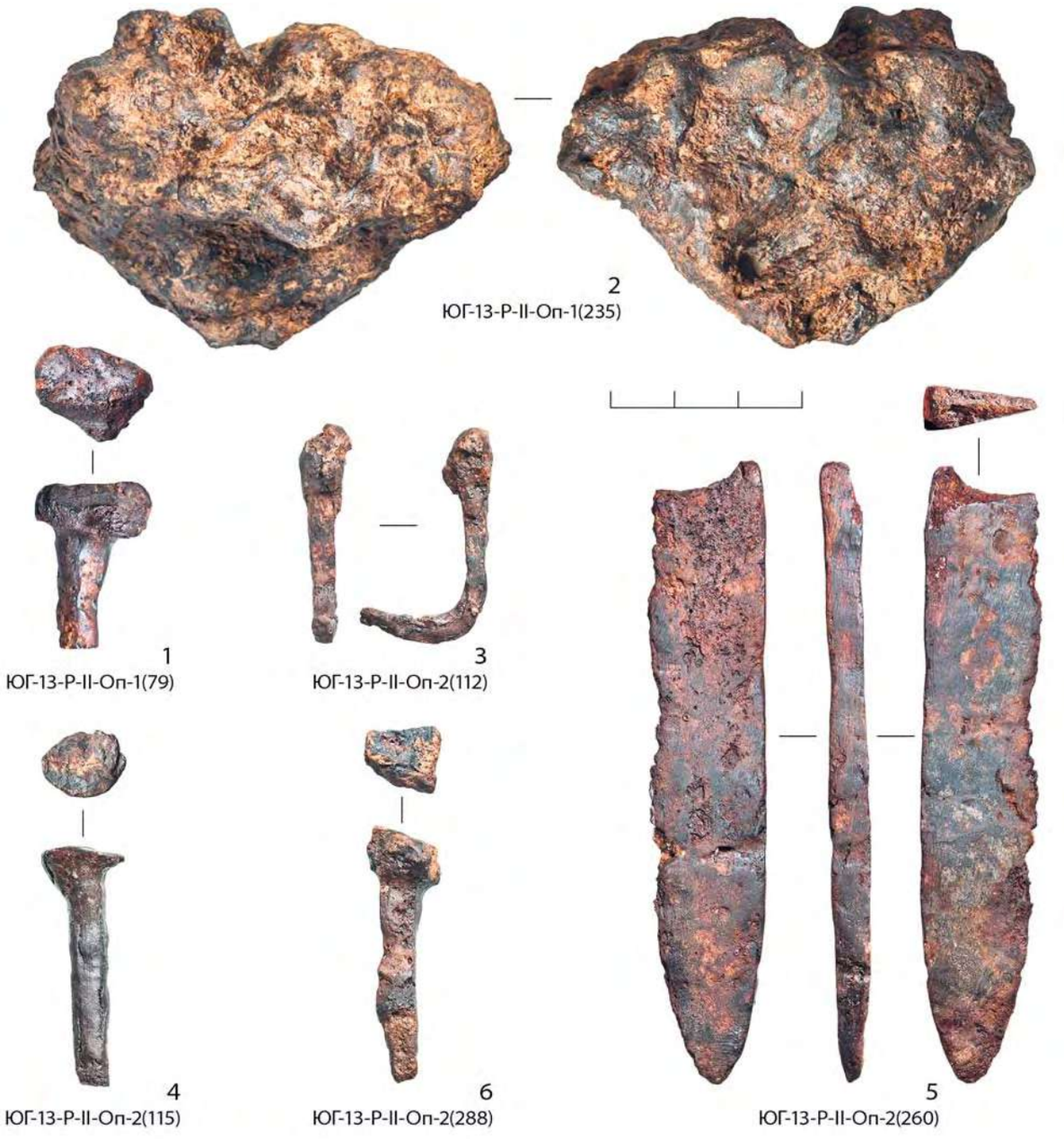


Рис. 271. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 2). Изделия из железа

(рис. 269; рис. 303: 4; рис. 305: 1), сами замки и их детали (рис. 272: 5, 6; рис. 304; рис. 309: 3), несколько фрагментов шпор (рис. 286, 287, 306), среди которых выделяются обломки изделия, богато инкрустированного медной проволокой (рис. 287: 1, 2). Дважды найдены простые овальные кресала (рис. 324: 5; рис. 329: 1). Частой находкой являлись кресальные кремни со следами ударов (рис. 332: 1, 3–5). Обильный источник кресальных кремней представляли для средневекового населения многочисленные разбросанные вокруг Усвятского озера неолитические стоянки. Некоторые кремневые пластины явно произведены еще в каменном веке (рис. 292: 2; рис. 316: 2).

Находки из цветного металла весьма выразительны. Это трехпроволочный витой браслет (рис. 289: 2), подковообразная фибула с гвоздевидными головками (рис. 289: 3), литая ложновитая кольцевидная пряжка (рис. 289: 5), фрагмент плетеной цепочки (рис. 311: 1), височное кольцо с узелковыми бусинами (рис. 311: 3), шумящая полая подвеска в виде двухголового конька (рис. 311: 4). В слое по-

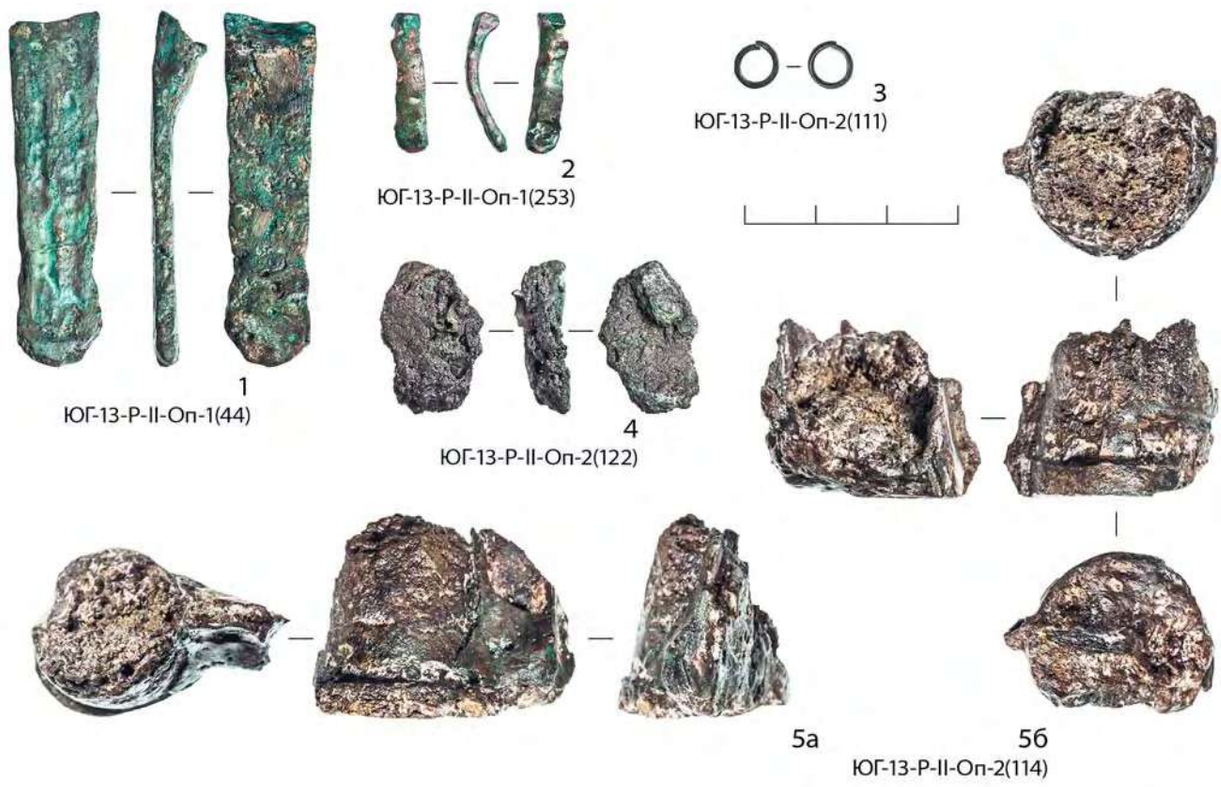


Рис. 272. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 2). Изделия из сплава меди (1–4) и железа со следами меди (5, 6)

падается множество бронзовых фрагментов, оплавленных пожаром, среди которых лишь в некоторых случаях удается опознать вещи: фрагмент браслета (рис. 272: 1) или бубенчик (рис. 288: 3). Безусловно, выдающейся находкой является створка энколпиона южнорусской работы, выполненная в технике перегородчатой эмали (рис. 288: 1).

В пластах горизонта $А_1$ (включая пахотный слой и постройку 1) найдено 57 фрагментов стеклянных браслетов обычных для Древней Руси XII–пер. пол. XIVв. типов (рис. 241, 242; рис. 260; рис. 273: 6–9; рис. 290: 4–8; рис. 313; рис. 334: 6–10). Среди них гладкие, мелко- и крупнокрученые экземпляры, браслеты, крученые из четырех жгутов.

В горизонте найдены 42 бусины. Из них три каменные: хрустальная многогранная (рис. 240: 4), хрустальная сферическая (рис. 314: 3) и сердоликовая бипирамидальная (рис. 240: 15). Остальные бусы изготовлены из стекла. Среди них выделяется группа лимоновидных пронизок (7 экз.). 3 из них найдены в пахоте (рис. 240: 1, 10, 13), 2 – в пласте 1 (рис. 259: 2, 5), 1 – в пласте 3 (рис. 290: 1) и 1 – в постройке 1 (рис. 334: 3). Эти украшения известны преимущественно на памятниках X–XI вв. По новгородским материалам, подобные бусы доживают до первой трети XII в. (Лесман 1984: 140).

Гладкая черная бусина со спирально-волнистой инкрустацией белой нитью (рис. 334: 2) из постройки 1 по новгородской хронологии может быть отнесена к последней четверти XI–концу XIII в. (Лесман 1984: 140). По материалам Твери время бытования этих бус определяется дендродатами 1296–1330 гг. (Лапшин 2009: 113). Зонные бусы (7 экз.) (рис. 240: 6, 8, 14; рис. 259: 1; рис. 334: 1, 4, 5) по новгородской хронологической шкале могут быть отнесены к концу XI–третьей четверти XIV в. (Лесман 1984: 139). В Твери дендродата этих бус – до 1385 г. (Лапшин 2009: 113). В Смоленске датировка их также не выходит за пределы XIV в. (Асташова 1999: 18). Округлые в сечении бусы разных размеров (рис. 240: 2, 3, 7, 11, 16; рис. 314: 2) лежат примерно в том же хронологическом диапазоне. Основным типом бус из горизонта $А_1$ являются кольцевидные экземпляры, изготовленные методом навивки (15 шт.) (рис. 240:

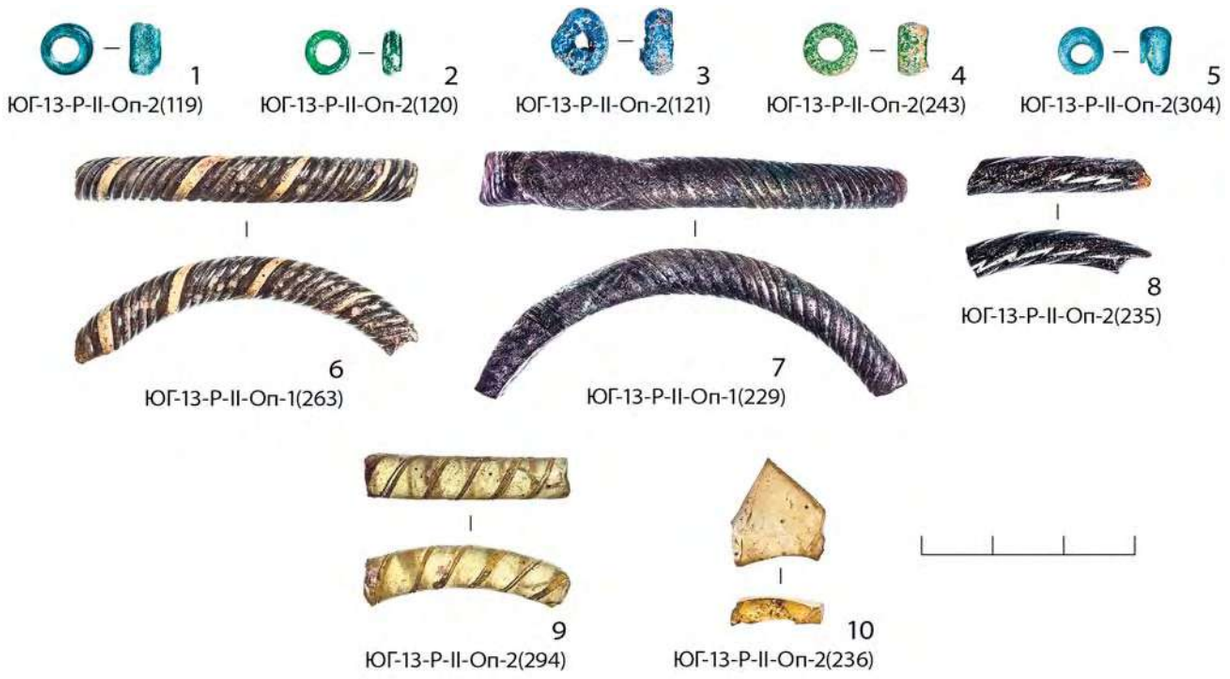


Рис. 273. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 2). Изделия из стекла

5, 18; рис. 259: 3, 4, 6–8; рис. 273: 1–5; рис. 290: 2, 3; рис. 334: 4). Мелкие навитые бусы (2 экз.) (рис. 240: 9, 17) могут быть отнесены к разряду бисера.

Изделия из кости в горизонте представлены фрагментами двусторонних гребней (рис. 243: 1, 4, 6, 7; рис. 274: 2; рис. 291: 2), накладкой на луку седла (рис. 261), различными проколками и брунчалками. Характерна для древнерусских городов находка костяной игральной бабки (рис. 315). Обращает на себя внимание вторично использованный фрагмент одностороннего гребня (или его футляра), который может датироваться XI–XII вв. (рис. 244: 1).

Несмотря на неброский характер постройки, находки из горизонта говорят о принадлежности вскрытого участка представителям привилегированного военного сословия. На это указывает большое количество обломков шпор (в том числе и дорогой – инкрустированной) и уникальный для северных регионов Руси византийский крест-энколпион. Строительный горизонт $А_1$ по совокупности датировок находок и керамики следует датировать в пределах XIII в., допуская обильную примесь в культурном слое переотложенного материала XI–XII вв.

Хороший материал для хронологичеких выкладок дало серийное радиоуглеродное датирование постройки 1. Всего по различным элементам сооружения получено 5 радиоуглеродных дат (рис. 397). Сопоставление их позволило получить узкий и весьма правдоподобный хронологический интервал: 1266–1296 (95,4%) гг. н. э.

Строительный горизонт $А_2$

Горизонт включает в себя линзу светло-серого или местами серо-желтого суглинка, имеющую сложную форму (рис. 211; рис. 212). Линза залегает в пластах 3 и 4. Слой суглинка включает вкрапления серого гумуса, угольков и колотых камней. В некоторых местах он распадается на отдельные прослойки.

Находки из этого слоя ничем не выделяются – три шиферных пряслица, два обломка стеклянных браслетов и железный язычок от пряжки (рис. 336). В суглинке оказалось довольно много фрагментов керамики (табл. 14), исключительно гончарной, хорошего качества (рис. 335). Встречаются ошлакованные фрагменты сосудов, связанные с каким-то пожаром. Из редких находок можно отметить кремневые неолитические изделия – наконечник стрелы, две кремневые пластины с ретушью (рис. 336: 7–9).

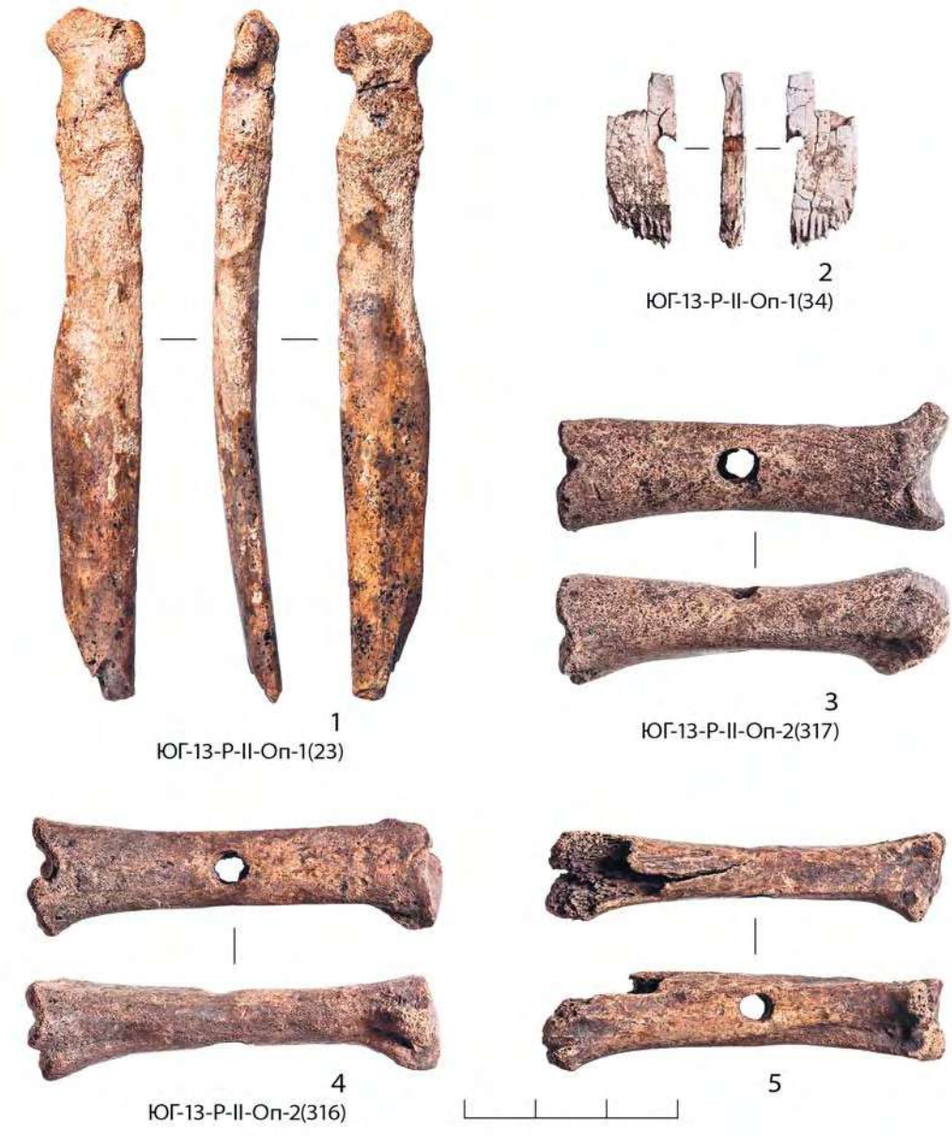


Рис. 274. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 2). Изделия из кости

Таблица 14

Распределение массовых находок в линзе светло-серого/серо-желтого суглинка в пластах 3 и 4

Квадрат	Пласт	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики (в т. ч. ошлакованной)	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)
В-1	3 и 4	–	91 (5)	22	6
В-2	3 и 4	–	26 (2)	8	3
В-2	4	–	21 (1)	7	3
Г-1	3 и 4	–	41 (1)	13	2
Г-2	3 и 4	–	9	5	1
Г-2	4	–	59 (4)	–	4
Всего		–	**247 (13)**	**55**	**19**

На суглинистой линзе, лежащей в пластах 3 и 4, была возведена постройка 1. Это не означает, что линза представляет собой подсыпку, специально связанную с этой постройкой. Линза светлого суглинка имеет столь сложную форму и неровную поверхность, что скорее мешала выравниванию постройки и ни в коей мере не способствовала ее гидроизоляции.

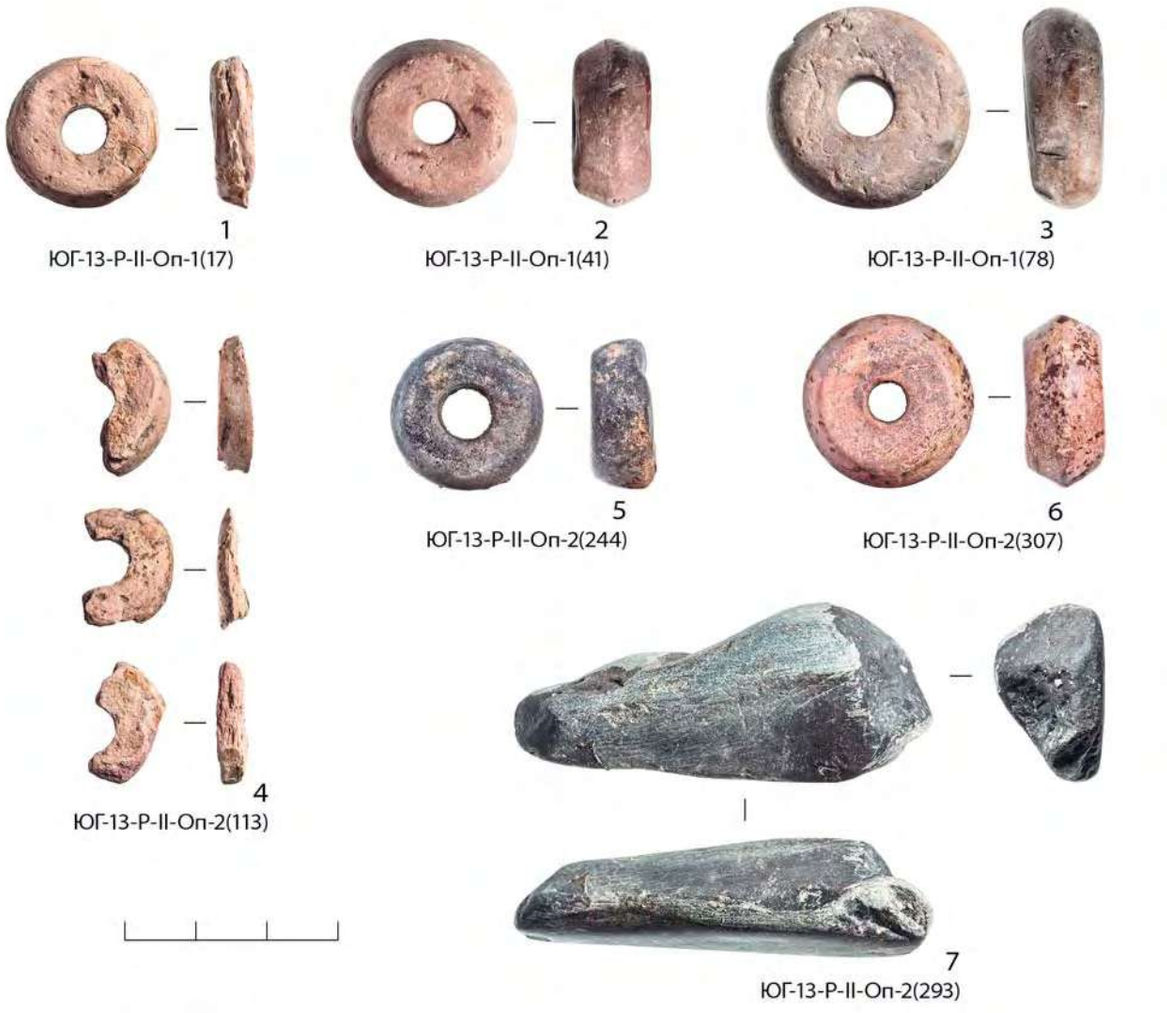


Рис. 275. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 2). Изделия из пирофиллитового сланца (1–6) и оселок из гальки (7)

Кроме того, она и не совпадает с постройкой по форме и несколько смещена в сторону.

Несомненно, суглинистая прослойка образовалась в результате каких-то земляных работ в детинце на участке, где до этого успел отложиться культурный слой и уже успел отбушевать один пожар. Объект этих работ находится где-то за пределами раскопа. Прослойка суглинка важна в первую очередь тем, что позволяет четко разграничить два горизонта застройки данного участка.

Время проведения земляных работ, связанных с появлением данной прослойки, можно определить в интервале вторая половина XII–первая половина XIII в.

Строительный горизонт $А_3$

Горизонт включает пласты 4 и 5 (рис. 213). Здесь, под суглинистой линзой, обнаружены следы еще одного пожарища. Сгоревшее сооружение (постройка 2) расположено в квадратах Г-1 и Г-2.

Постройка 2. В раскоп попал угол постройки – несколько обгорелых бревен и линза прокаленного песка и суглинка – вероятно, край какого-то отопительного или производственного сооружения. Здесь же, рядом с остатками бревенчатой конструкции, в квадрате Г-1 расчищено крупное скопление обломков гончарной керамики.

В постройке найдено 46 фрагментов гончарной керамики (рис. 361), 6 из которых принадлежат одному сосуду довольно архаичной формы (рис. 361: 8). Отсюда же происходят наконечник железной остроги (рис. 362: 1) и различные неопределимые железные предметы.

По постройке 2 получены 2 радиоуглеродные даты – 680±25 ВР (Ле-10315), дающая при калибровке с порогом вероятности две сигмы двойной интервал – 1270–1320 (54,1 %) и 1350–1390 (41,3 %) гг. н. э., и 750±25 (Ле-10841),

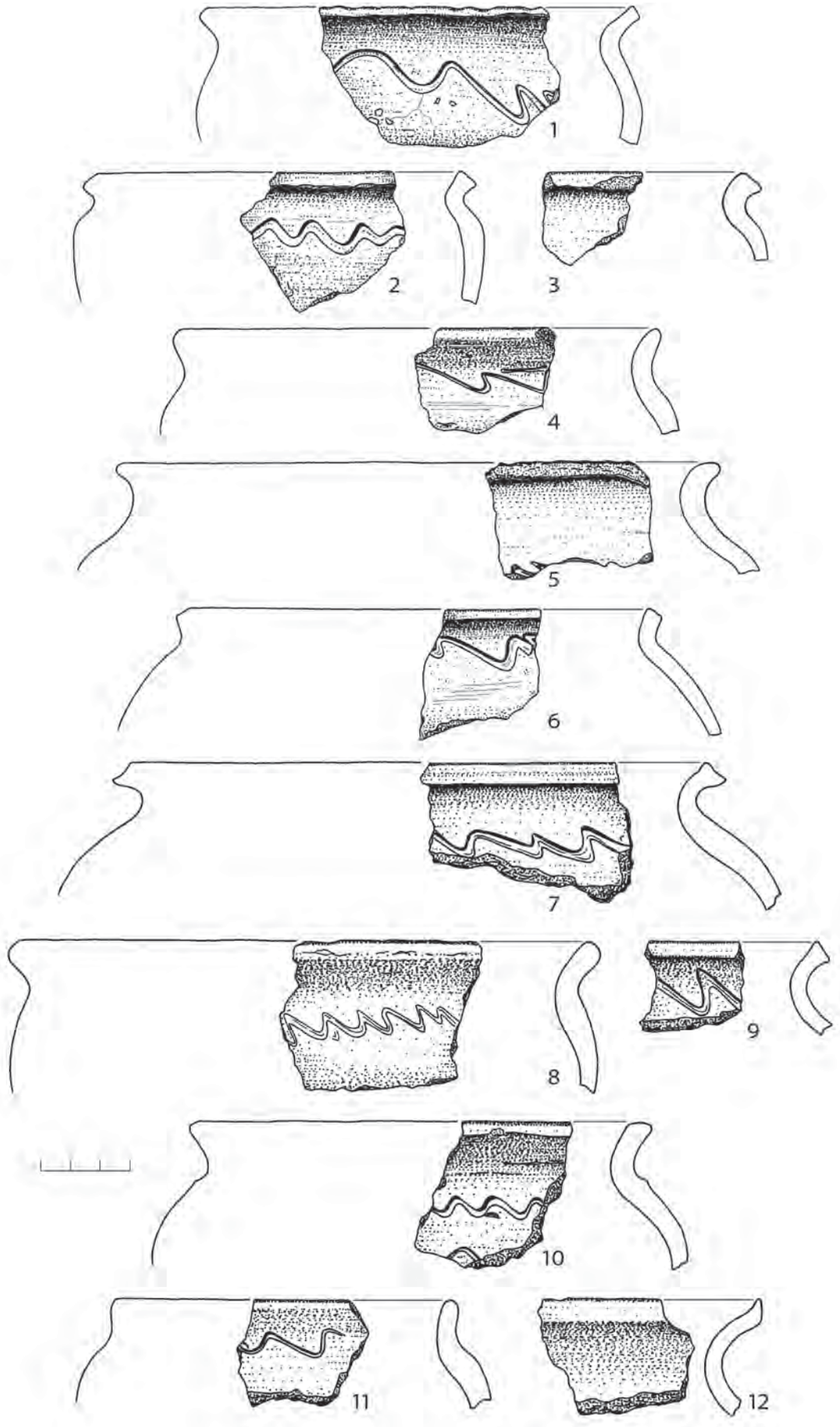


Рис. 276. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Гончарная керамика. Кв. Б-1

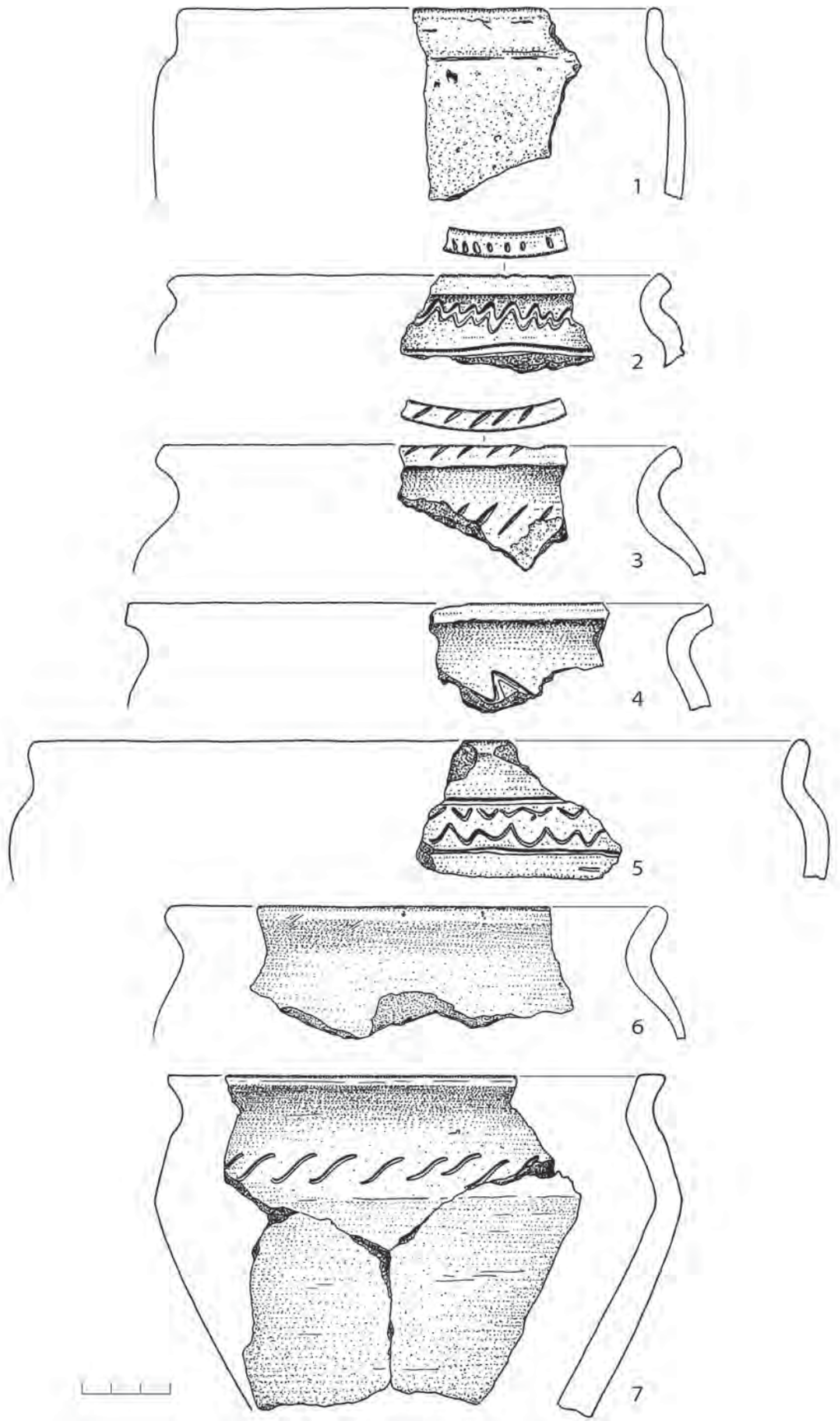


Рис. 277. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3).
1 – фрагмент лепного, подправленного на круге сосуда; 2–7 – гончарная керамика. Кв. Б-2

дающая при калибровке с тем же порогом вероятности интервал 1220–1295 (95,4 %) гг. н. э. Интервал, полученный по второй датировке, представляется более близким к реальности. Находка в слое фрагментов амфоры заставляет нас ориентироваться на первую его половину.

Действительно, на уровне постройки 2 в квадрате Г-2 найден крупный фрагмент амфоры византийского типа (отмечен на плане – рис. 213). Множество фрагментов от той же амфоры (рис. 348) происходит из линзы серой супеси с рыбьей чешуей (комплекс I), расчищенной ниже, прямо под линзой прокаленного песка (рис. 215). Здесь же неподалеку (рис. 214) найдена еще одна интереснейшая находка – крупный фрагмент плинфы (рис. 349: 1).

Из объектов, связанных с этим строительным горизонтом, обращает на себя внимание большой валун, лежавший в квадрате В-1. Валун, притащенный откуда-то со стороны, находился здесь с периода появления первых построек. Был ли он как-то использован в строительной или хозяйственной деятельности – пока неясно. Сверху он был перекрыт суглинистой прослойкой, которая образовала над ним своеобразный «пузырь», хорошо читавшийся в профиле и плане раскопа (рис. 210; рис. 225: профиль 1).

Массовые находки, которые были собраны в верхней части культурного слоя, лежавшего непосредственно под прослойкой светло-серого/серо-желтого суглинка, выделены в отдельную группу (рис. 337). Это важно, поскольку за пределами этой линзы керамические материалы времени функционирования постройки 1 и периода, предшествовавшего ее возведению, разграничить достаточно сложно. Результаты отражены в следующей таблице (табл. 15):

Таблица 15

Распределение массовых находок в культурном слое непосредственно под линзой светло-серого/серо-желтого суглинка

Квадрат	Пласт	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики (в том числе ошлакованной)	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)
Б-1	5	–	17 (1)	3	2
Б-2	4	–	15	2	2
В-1	4	–	93 (5)	44	1
В-2	4	–	58 (4)	5	9
В-3	4	–	17	3	1
Г-1	4	–	210 (2)	5	1
Г-2	4	–	28 (1)	9	3
Всего		–	**438 (13)**	**71**	**19**

Таблица 16

Распределение массовых находок в пласте 5 культурного слоя

Квадрат	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики (в т. ч. ошлакованной)	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)
Б-1	–	150 (5)	8	2
Б-2	–	337 (1)	8	12
Б-3	–	7	–	–
В-1	–	279 (6)	32	4
В-2	–	461 (5)	11	8
В-3	–	121 (2)	10	–
Г-1	–	500 (1)	10	5
Г-1 (под жерновом)	–	7	2	–
Г-2	–	251 (1)	10	4
Г-2 (с плинфой)	–	6	–	–
Г-3	–	295 (9)	55	8
Всего	–	**2414 (30)**	**146**	**43**

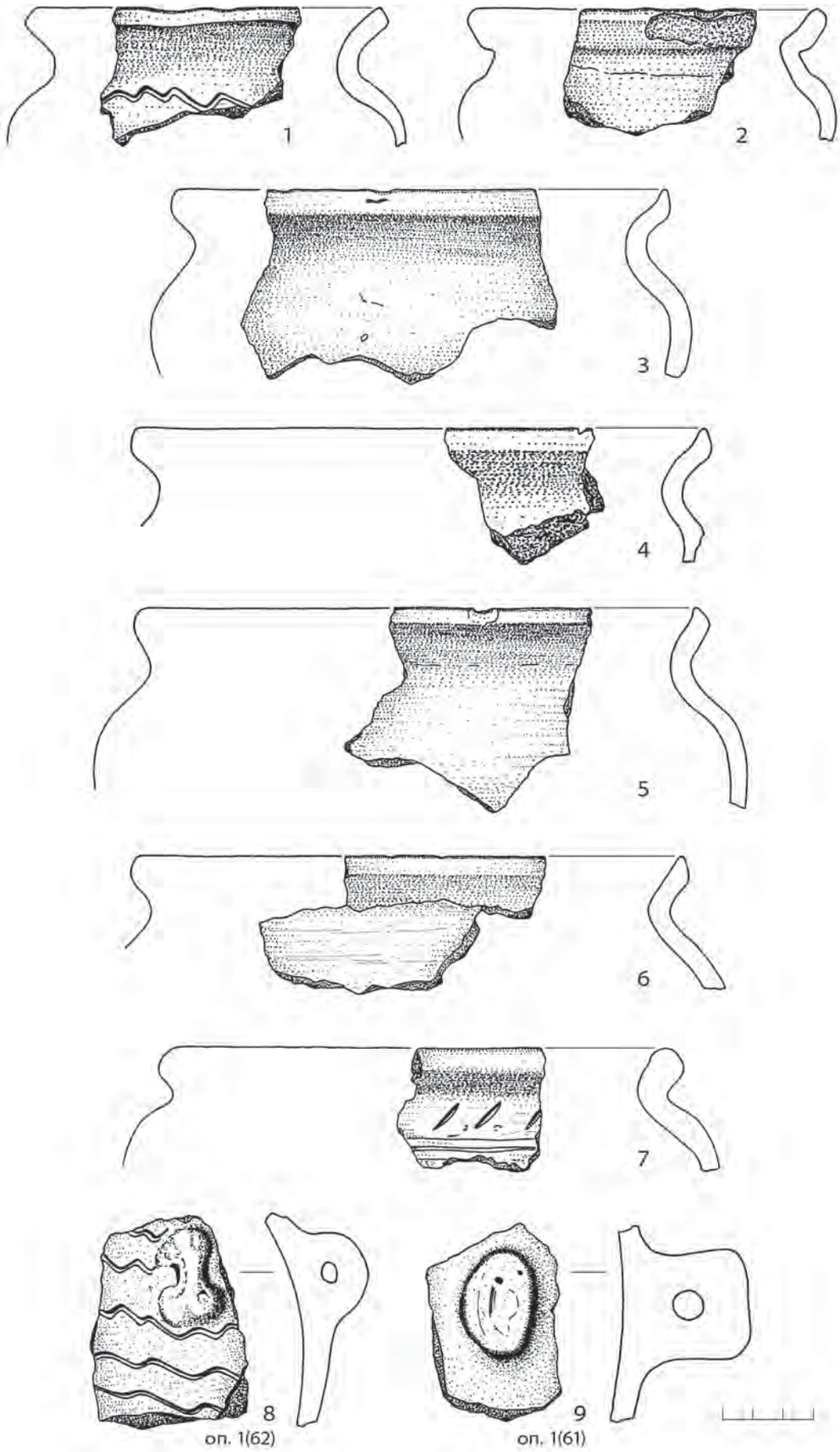


Рис. 278. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Гончарная керамика (1–8) и фрагмент лепного (?) сосуда (9). 1–7 – кв. Б-2; 8, 9 – кв. Б-1

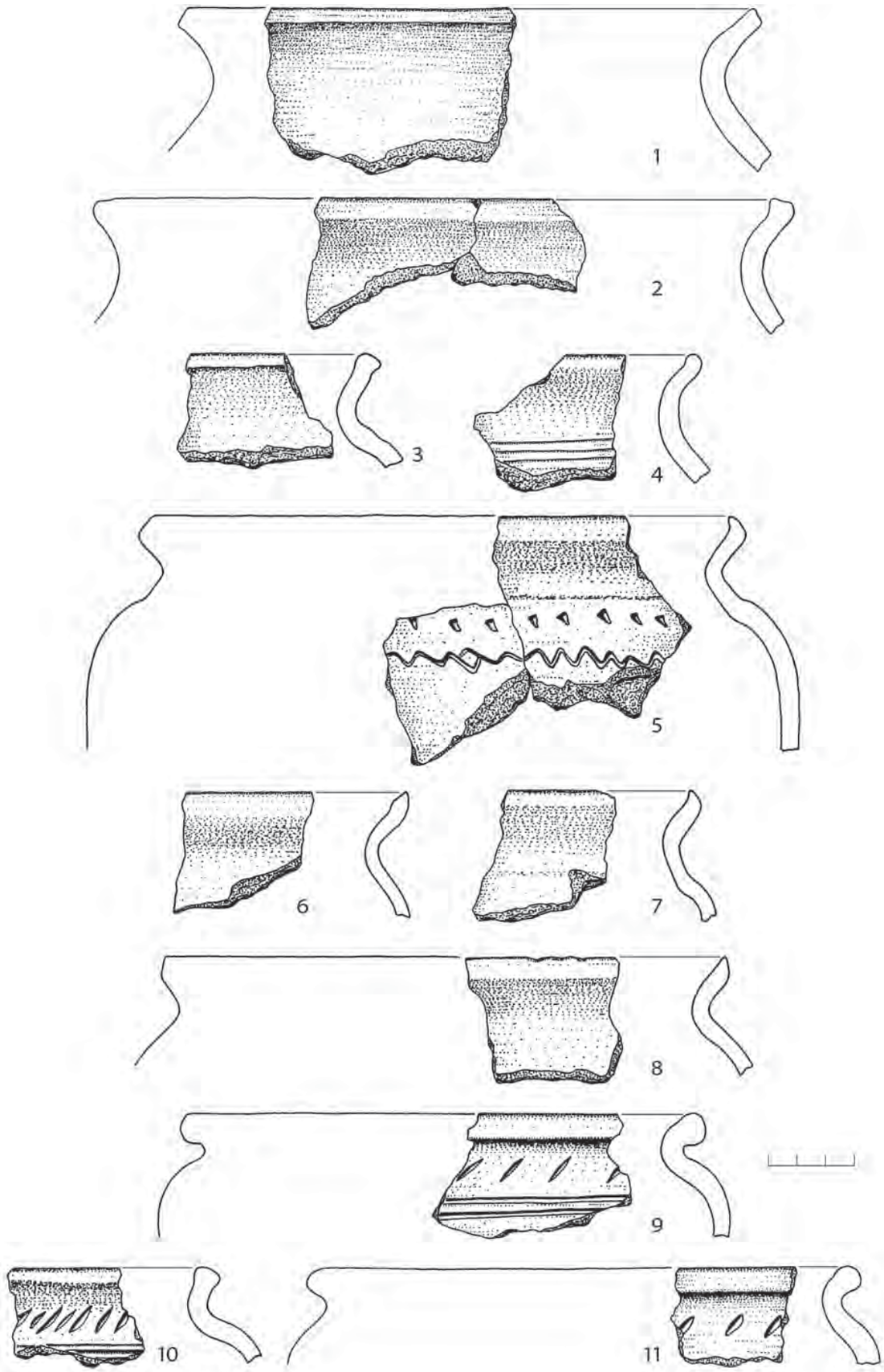


Рис. 279. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Гончарная керамика. Кв. Б-3

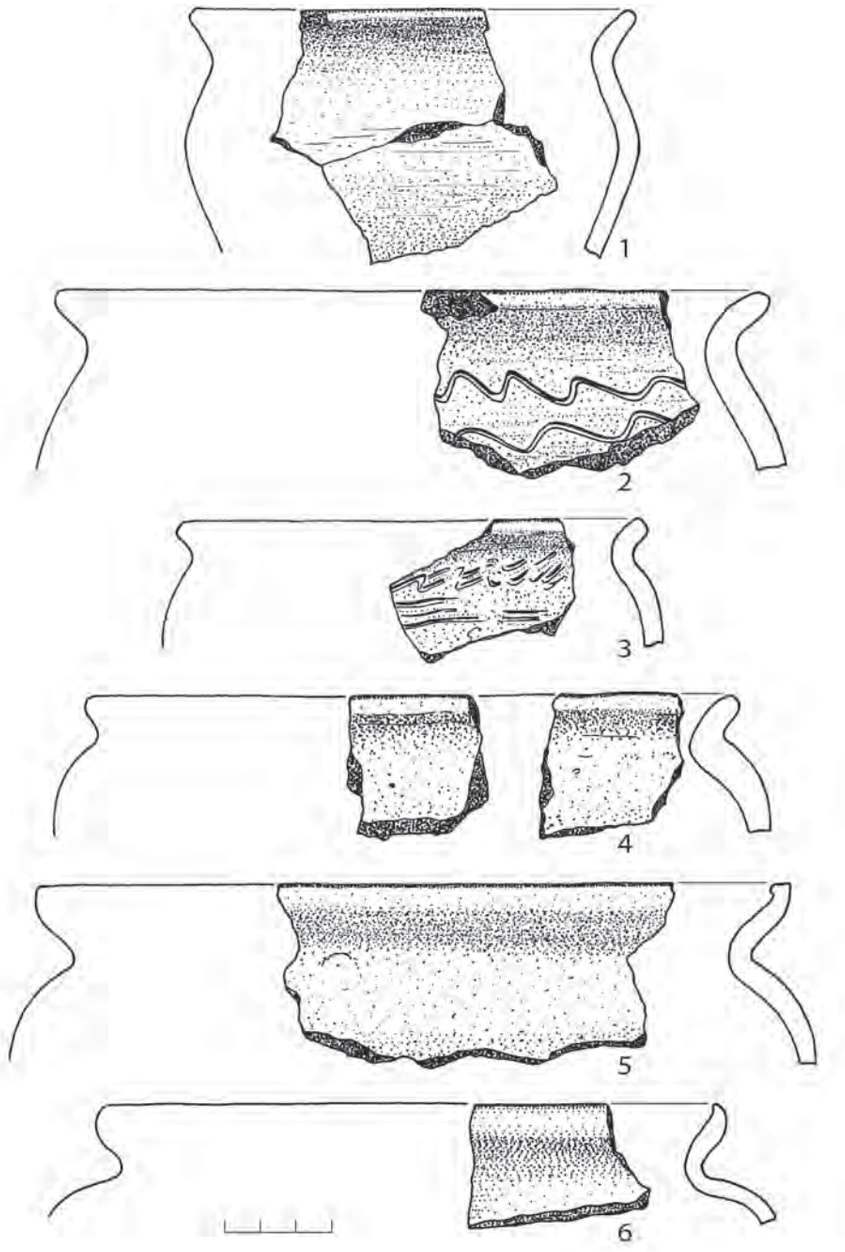


Рис. 280. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Гончарная керамика. 1–5 – кв. В-1; 6 – кв. Б-3

Керамический комплекс горизонта $А_3$ имеет одну важную особенность – в нем полностью отсутствует лепная керамика (рис. 338–347), хотя сосуды отмечавшихся выше архаичных S-видных в профиле форм по-прежнему попадаются (рис. 338: 1; рис. 339: 1, 2; рис. 346: 2; рис. 347: 1–3, 5). Это утверждает нас в мысли, что подобные формы изготавливались на поселении на протяжении всей его истории, а вот лепная керамика в верхних слоях – результат поздних перепланировок и земляных работ.

Железные изделия представлены фрагментами замков (рис. 350: 1; рис. 351: 5), пружинными ножницами (рис. 352: 3). Из этого же пласта происходят наконечник дротика (рис. 353: 1) и фрагменты шпор (рис. 354: 5, 6). Изделия из кости немногочисленны – почти целый двусторонний гребень (рис. 355: 1) и фрагмент кальцинированной пластинки аналогичного гребня (рис. 355: 2). Среди изделий из глины интересен предмет, связанный с ювелирным производством, – глиняная односторонняя форма для отливки нательного крестика (рис. 356: 4) Среди изделий из бронзы можно отметить фрагмент амулета-ложечки (рис. 357: 6). Из пласта 5 происходят 15 фрагментов сте-

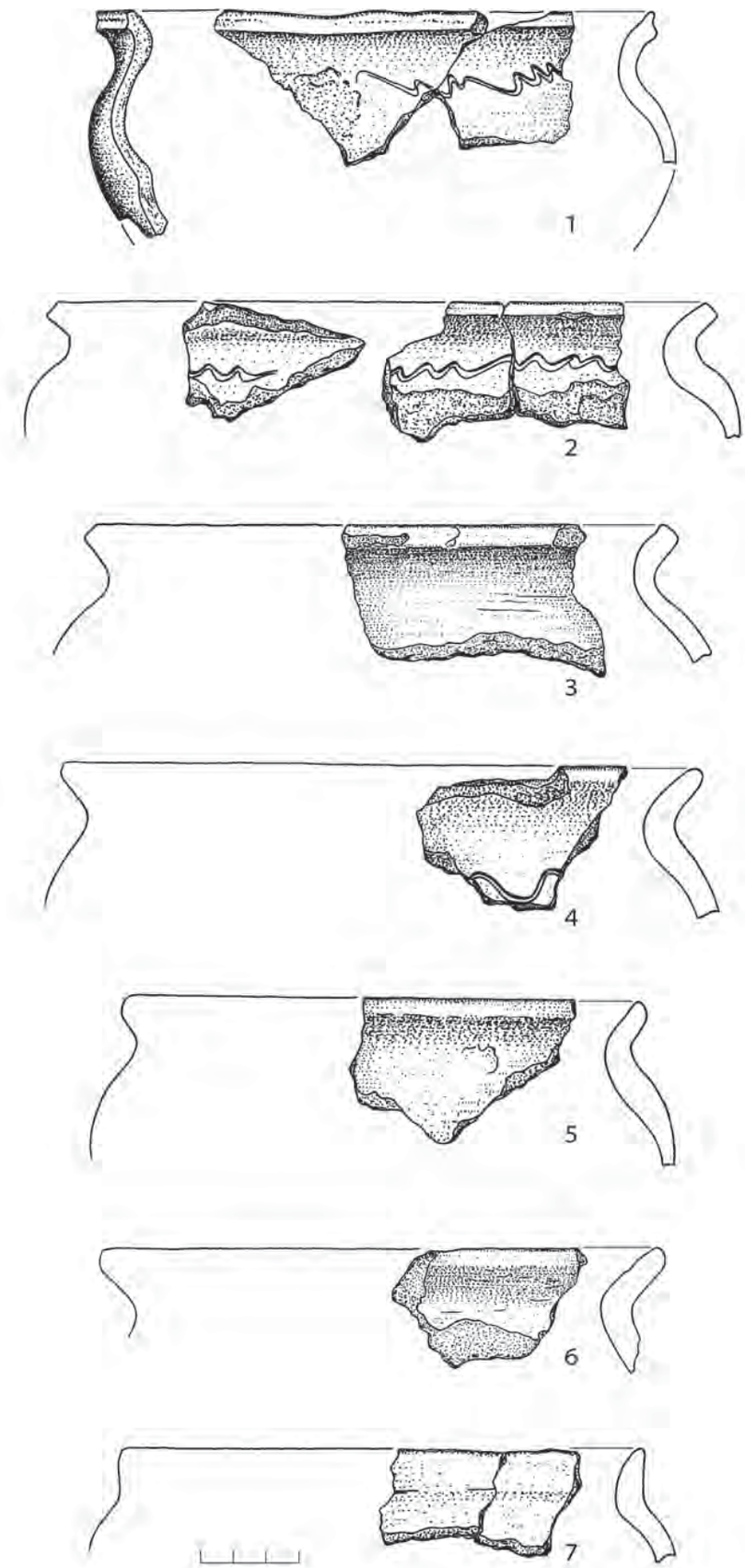


Рис. 281. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Гончарная керамика. Кв. В-3

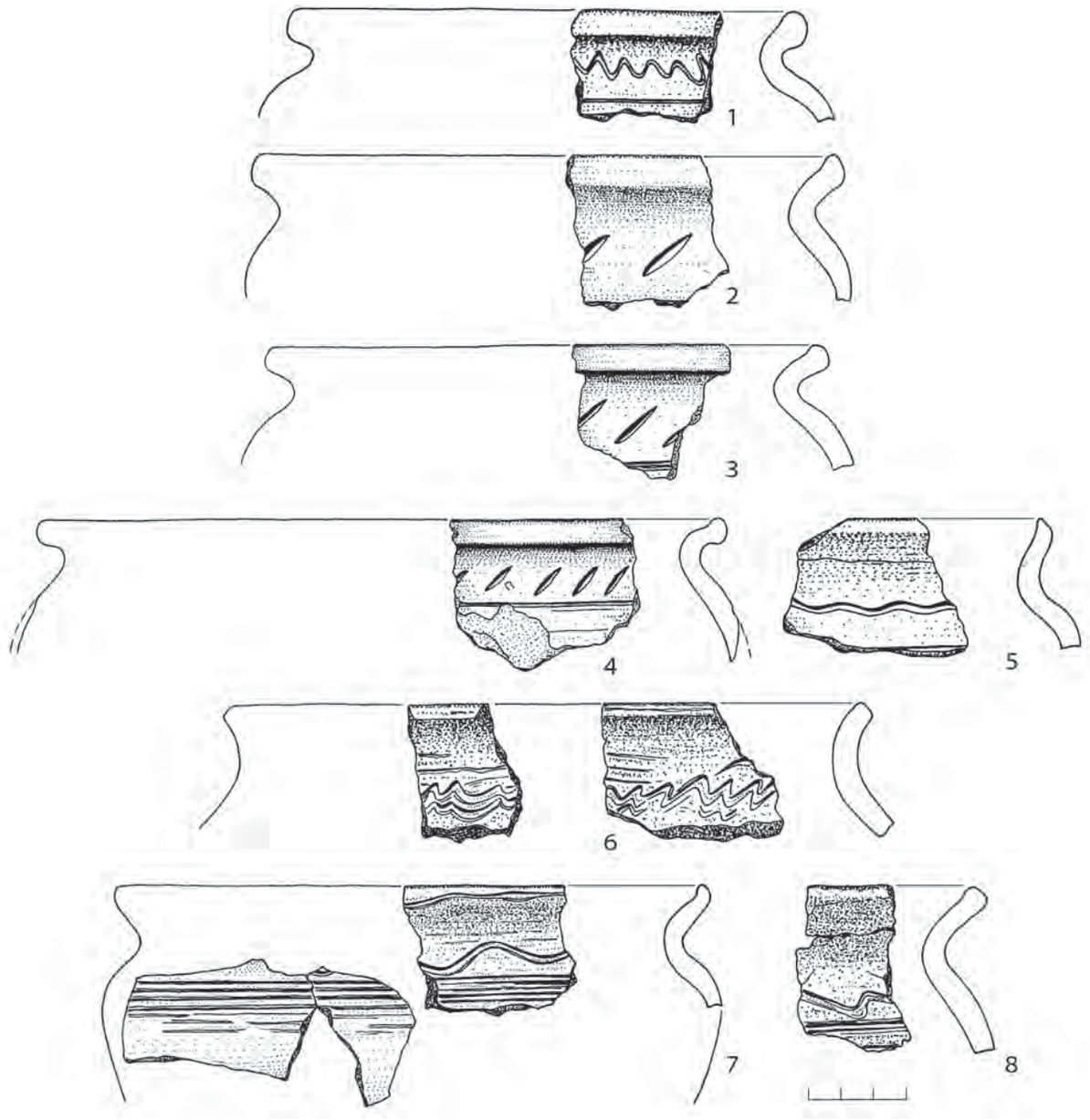


Рис. 282. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Гончарная керамика. 1–5 – кв. В-3; 6 – кв. Г-1; 7, 8 – кв. Г-2

клянных браслетов (рис. 358) и 11 стеклянных бус (рис. 359). Бусы немногочисленны, но разнообразны. Это фрагмент крупной сферической бусины желтого стекла (рис. 359: 1), боченковидная золотостеклянная бусина (рис. 359: 2), биконическая бусина желтого стекла (рис. 359: 5), две эллипсоидные бусины (рис. 359: 8, 9) и пять кольцевидных бусин (одна из них – сдвоенная) (рис. 359: 3, 4, 6, 7, 10).

Датировка горизонта $А_3$ ограничивается периодом ввоза на Русь амфор трилийской группы, который определяется исследователями в рамках XII в., а также датировкой золотостеклянных бус по новгородской хронологической шкале. Последняя характеризуется интервалом до 1134 г. (Лесман 1984: 130). Характер находок здесь, как видим, носит тот же воинско-аристократический характер (византийская амфора, шпоры, оружие).

Строительный горизонт $А_4$

Включает в себя две постройки, попавшие в раскоп лишь краем, – постройки 3 и 4 (рис. 215; рис. 216). Обе они сооружены на подсыпке из светло-серого суглинка, положенного непосредственно на погребенную почву. Небольшое количество фрагментов гончарной керамики присутствует и в слое подсыпки (рис. 394: 1–4).

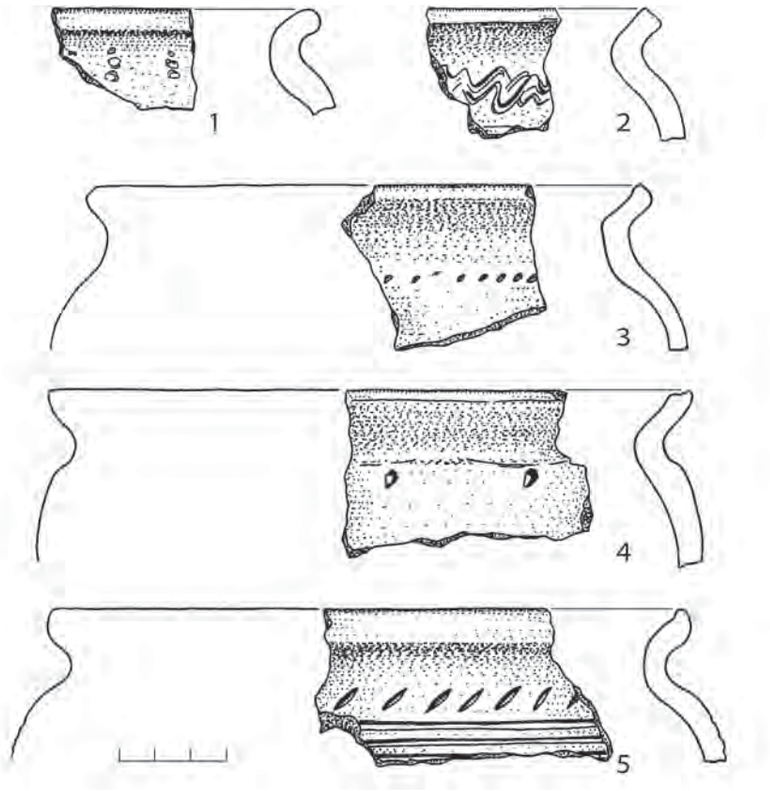


Рис. 283. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Гончарная керамика. Кв. Г-3

Они принадлежат сосудам тех же типов, которые встречены и в обычном культурном слое данного горизонта. А вот бусы, найденные в слое светло-серого суглинка, более архаичны – это две желтые лимоновидные пронизки, одна из которых оплавлена (рис. 394: 5, 6). Скорее всего, лимоновидные бусы связаны с более ранним (древнейшим) слоем, который мы в дальнейшем будем рассматривать особо. В слой суглинка эти бусы попали, как полагаю, в результате земляных работ, произведенных здесь в XII в.

Вероятно, существенного хронологического разрыва между появлением подсыпок из суглинка и возведением на нем построек не существовало. Нивелирующий характер подсыпки не вызывает сомнений ввиду неровностей погребенной почвы. Думаю, именно эти земляные работы следует связывать со строительством укреплений на мысу.

Горизонт $А_4$ включает в себя пласты 6–8 культурного слоя, насыщенные фрагментами керамических сосудов (табл. 17–19).

Таблица 17

Распределение массовых находок в пласте 6 культурного слоя

Квадрат	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики (в т. ч. ошлакованной)	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)
Б-1	–	214 (3)	16	19
Б-2	–	247	19	4
Б-3 (светло-серый суглинок)	–	11 (мелкие обломки)	–	–
В-1	–	242 (3)	14	4
В-1 (под большим камнем)	–	7	–	–
В-2	–	136	11	3
В-3	–	15	1	1
Г-1	–	97 (3)	25	2
Г-2	–	155	17	2
Г-3	–	377	162 (мелкие обломки)	–
Квадрат неизвестен	–	30	–	–
Всего	**–**	**1531 (9)**	**265**	**35**

В 6-м пласте квадрата Б-1 среди кусков обожженной глины выделяются четыре крупных обломка с отпечатками досок.

Таблица 18

Распределение массовых находок в пласте 7 культурного слоя

Квадрат	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)
Б-1	–	237. Развал небольшого сосуда	8	5
Б-2	–	70	–	3
Б-2 (нора животного)	1	23	2	–
Г-3 (пятно над погребенной почвой в комплексе VI)	–	38	9	
Всего	**1**	**368**	**19**	**8**

Таблица 19

Распределение массовых находок в пласте 8 культурного слоя

Квадрат	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)
Б-1	–	296	13	3
Б-2	–	9	–	1
Всего	–	**305**	**13**	**4**

Таблица 20

Распределение массовых находок в подсыпке светло-серого суглинка, уложенной на погребенную почву

Квадрат	Пласт	Фрагменты лепной керамики	Фрагменты гончарной керамики (в т. ч. ошлакованной)	Неопределимые фрагменты керамики	Куски обожженной глины (обмазки)
Б-1	5	–	7 (1)	–	–
Б-3	3	–	9	–	1
В-1 и В-2	–	–	15	–	2
В-1	–	–	1	–	–
В-2	–	–	1	–	–
В-3	–	–	2	–	–
Г-3	5	–	6 (1)	–	1
Всего		-	**41 (2)**	-	**4**

Постройка 3. Расположена в квадратах Г-2 и Г-3. В раскоп попали юго-западный угол дома и западная его стена. Нижнее бревно этой стены на несколько сантиметров вдавилось в слой подсыпки – светло-серого суглинка. Внутри постройки расчищены плохо сохранившиеся доски пола. С южной стороны к стене постройки примыкал также плохой сохранности помост из плах общей шириной до 0,4 м.

В заполнении постройки найдены 45 обломков (из них один ошлакован) гончарной керамики (рис. 377) и 5 кусочков обожженной глины. В пласте 6 под постройкой в квадрате Г-2 собрано еще 17 мелких фрагментов гончарной керамики, возможно, провалившихся в свое время сквозь щели в полу. Здесь же найдены один мелкий неопределимый фрагмент и 4 кусочка обожженной глины.

Из постройки происходят два фрагмента каменного оселка, железный гвоздь и обломок стеклянного браслета (рис. 378). К юго-западу от постройки 3 в культурном слое был расчищен гранитный жернов, обколотый и совершенно истертый от многолетнего использования (рис. 360).

Постройка 4. Расположена в квадратах Б-2, Б-3. В раскоп дом попал восточной стеной и юго-восточным углом. Сохранились отпечаток нижнего венца и несколько небольших фрагментов нижнего бревна восточной и южной стен. Нижний венец на глубину до 0,08 м



Рис. 284. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Изделия из железа

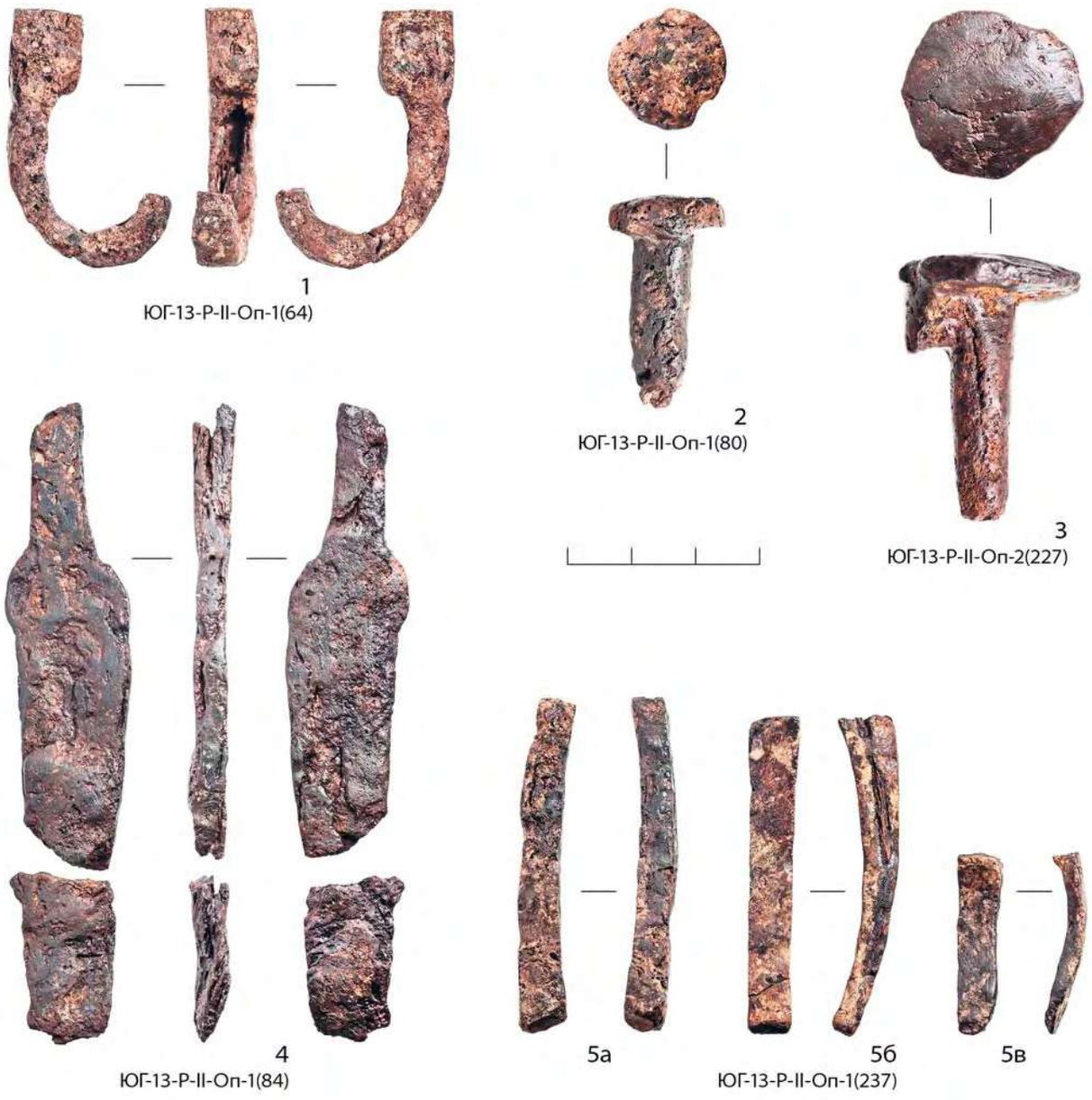


Рис. 285. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Изделия из железа

вдавился в слой серого суглинка, уложенного здесь на погребенную почву, перекрытую лишь тонким (толщиной 2–6 см) слоем серого гумуса (рис. 224: западная стенка), что и позволяет синхронизировать постройки 3 и 4.

Рядом с постройкой 4, к востоку от нее в квадрате Б-3, была обнаружена округлая яма (комплекс III), впущенная в слой светло-серого суглинка с того же уровня, на котором была поставлена постройка. Вероятно, это связанная с ней хозяйственная яма.

На этом уровне нами было выделено три комплекса, предположительно (как нам сначала думалось) связанных с хозяйственными ямами. Ямой оказалось только одно пятно – комплекс III. Два остальных объекта, как выяснилось, являются обычными линзами несколько более темного культурного слоя, скопившегося в понижениях рельефа. Тем не менее материал оттуда был взят нами отдельно, и ниже мы будем описывать эти объекты наряду с ямами.

Комплекс I. Округлая (?) линза серого суглинка с золой, песком и рыбьей чешуей зафиксирована у южной стены постройки 3 в квадрате Г-1. Попала в раскоп частично (рис. 215). Мощность прослойки составляет около 0,06 м.

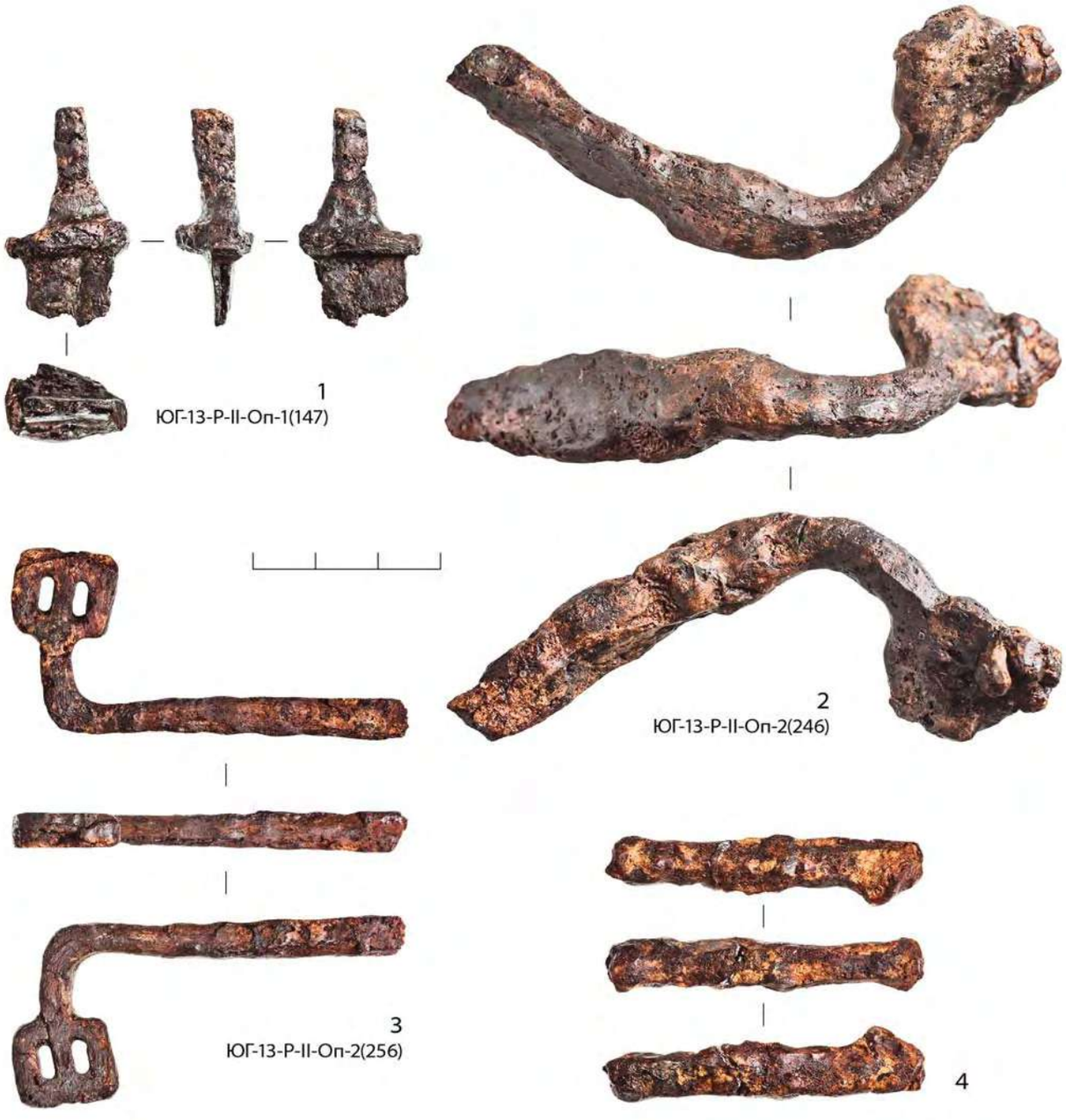


Рис. 286. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Изделия из железа

Как видно в разрезе, края ее слегка подняты вверх (рис. 224: восточная стенка). На поверхности линзы зафиксировано 77 фрагментов гончарной керамики, и еще 122 фрагмента найдено при ее разборке (рис. 379). Из комплекса происходит основное количество фрагментов разбитой некогда на площади раскопа амфоры трилийской группы (рис. 348). Кроме керамики в комплексе найдены две кольцевидные бусины, синяя и зеленая (рис. 380: 1, 2), и фрагмент стеклянного браслета (рис. 380: 3).

Комплекс II. Линза серого суглинка с повышенным содержанием органики на границе квадратов В-1 и В-2. Пятно неправильной формы четко выделялось на фоне подсыпки светло-серого суглинка, уложенного здесь на материк (рис. 215). На поверхности линзы собрано 37 фрагментов гончарной керамики, из них один ошлакованный и 4 неопределимых обломка посуды. Ниже при разборке линзы найдены еще 13 обломков гончарной керамики (рис. 381: 1–5), обломок железного ножа с обоймой (рис. 381: 6)

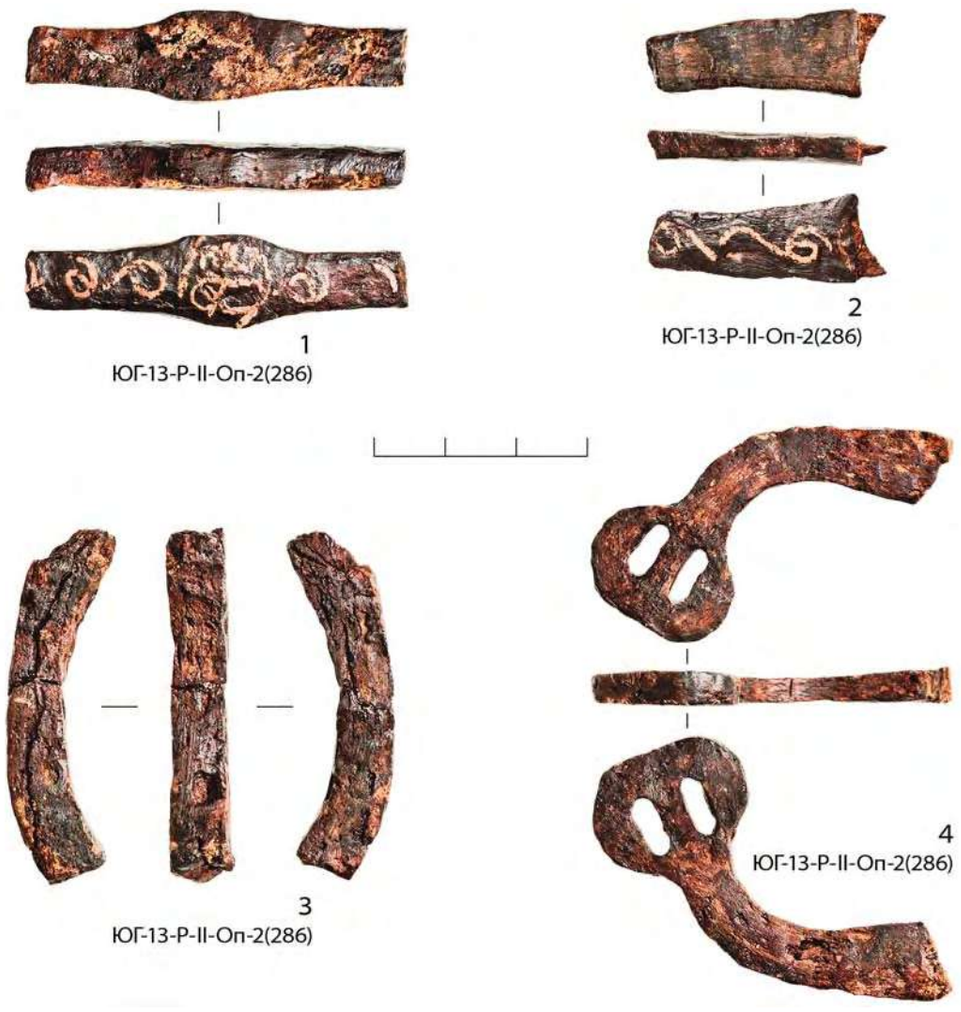


Рис. 287. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Фрагменты железной шпоры с инкрустацией медной проволокой

и неопределимый железный предмет (рис. 381: 7). Здесь же найден мелкий кальцинированный осколок кости животного.

Комплекс III. Округлая (?) яма, попавшая в раскоп частично (рис. 215). Диаметр предположительно 0,8 м, глубина – до 0,2 м. Стенки пологие, дно плоское. Заполнение – бурый суглинок с перегноем (навозом?). В заполнении найден фрагмент челюсти животного. Из ямы происходят 7 фрагментов гончарной керамики, в том числе один венчик, позволяющий датировать яму XII–XIII вв. (рис. 382).

При описании горизонта $А_4$ важно отметить, что в пласте 8 в квадрате Б-1 характер культурного слоя меняется. Напластования приобретают бурый цвет, появляются скопления слежавшейся щепы и начинается полоса влажного слоя с органикой, нарастающая в толщину по мере падения поверхности в сторону рва детинца.

Вся керамика из горизонта $А_4$ исключительно сделана на гончарном круге (рис. 363–368; рис. 379; рис. 381: 1–5; рис. 382–385; рис. 389–390). Архаичные S-видные в профиле формы единичны (рис. 365: 1–3; рис. 367: 6, 7; рис. 368: 7; рис. 385: 1) и в самых нижних, предматериковых отложениях (пласт 8) – отсутствуют.

Изделия из железа представлены преимущественно различными отходами кузнечного производства (рис. 369–371; рис. 386: 1, 2, 4; рис. 391). Наиболее интересными находками являются серп (рис. 371: 2) и два наконечника бронебойных стрел. Один из них четырехгранный черешковый. Его кончик загнулся от удара о твердый предмет (рис. 370: 2). Второй наконечник – трехгранный; его черешок обломан (рис. 386: 3).

Изделий из сплава меди немного, и, видимо, они тоже связаны с ремесленным производ-

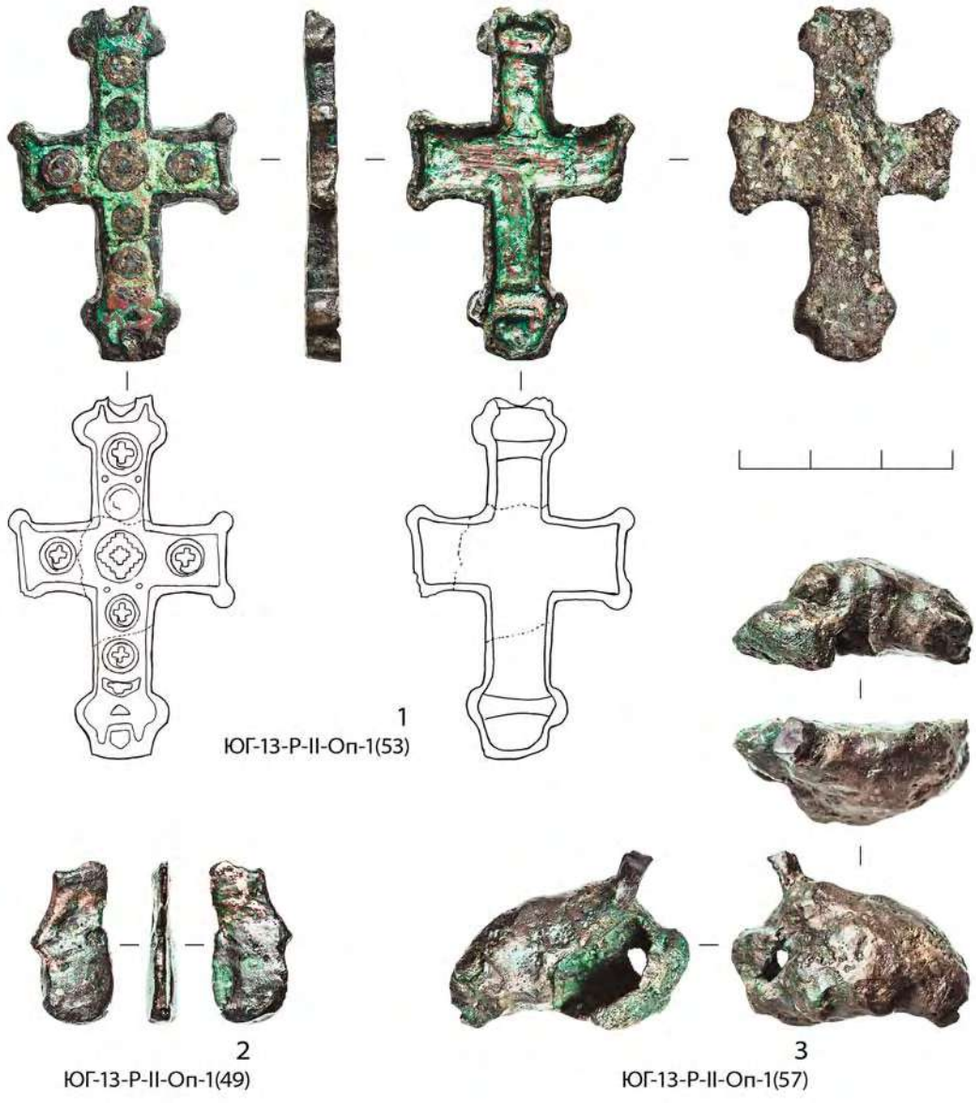


Рис. 288. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Изделия из сплава меди. 1 – створка энколпиона (сплав меди, перегородчатая эмаль); 2 – оплавленный обломок; 3 – бубенчик. Справа – вид внутренней части створки до расчистки

ством (рис. 372: 2–4). Из опознаваемых находок стоит упомянуть двучастную прямоугольную пряжку (рис. 372: 1) и подковообразную фибулу плохой сохранности (рис. 392: 1).

Стеклянных бус (кроме вышеописанных лимоновидных бус из слоя суглинка) найден 21 экземпляр (рис. 373; рис. 380: 1, 2; рис. 387: 1, 2; рис. 393: 1–6). Из общей картины выпадает одна из них – двучастная лимоновидная пронизка, сильно оплавленная (рис. 373: 3). Она, надо полагать, связана не с горизонтом $А_4$, а с древнейшим горизонтом, речь о котором пойдет ниже. Большинство из оставшихся бус составляют кольцевидные украшения (11 экз.) (рис. 373: 1, 2, 4, 8, 10; рис. 380: 2; рис. 383: 1; рис. 387: 1; рис. 393: 2, 4, 5). На втором месте зонные бусы (8 экз.) (рис. 373: 5, 6, 9; рис. 380: 1; рис. 387: 2; рис. 393: 1, 3, 6). Одна бусина – биконическая (рис. 373: 7). В нижнем строительном горизонте найден 21 фрагмент стеклянных браслетов (рис. 374; рис. 378: 3; рис. 380: 3; рис. 387: 3–5; рис. 393: 8–11).

Датировка горизонта $А_4$ определяется радиоуглеродной датой, полученной по бревну западной стены постройки 3, – 910 ± 28 ВР (Ле-10316). После калибровки с порогом вероятности в две сигмы она дает нам хронологический интервал 1030–1210 гг. н. э. Учитывая развитые гончарные формы и особенности набора бус, горизонт следует отнести к первой половине–середине XII в.

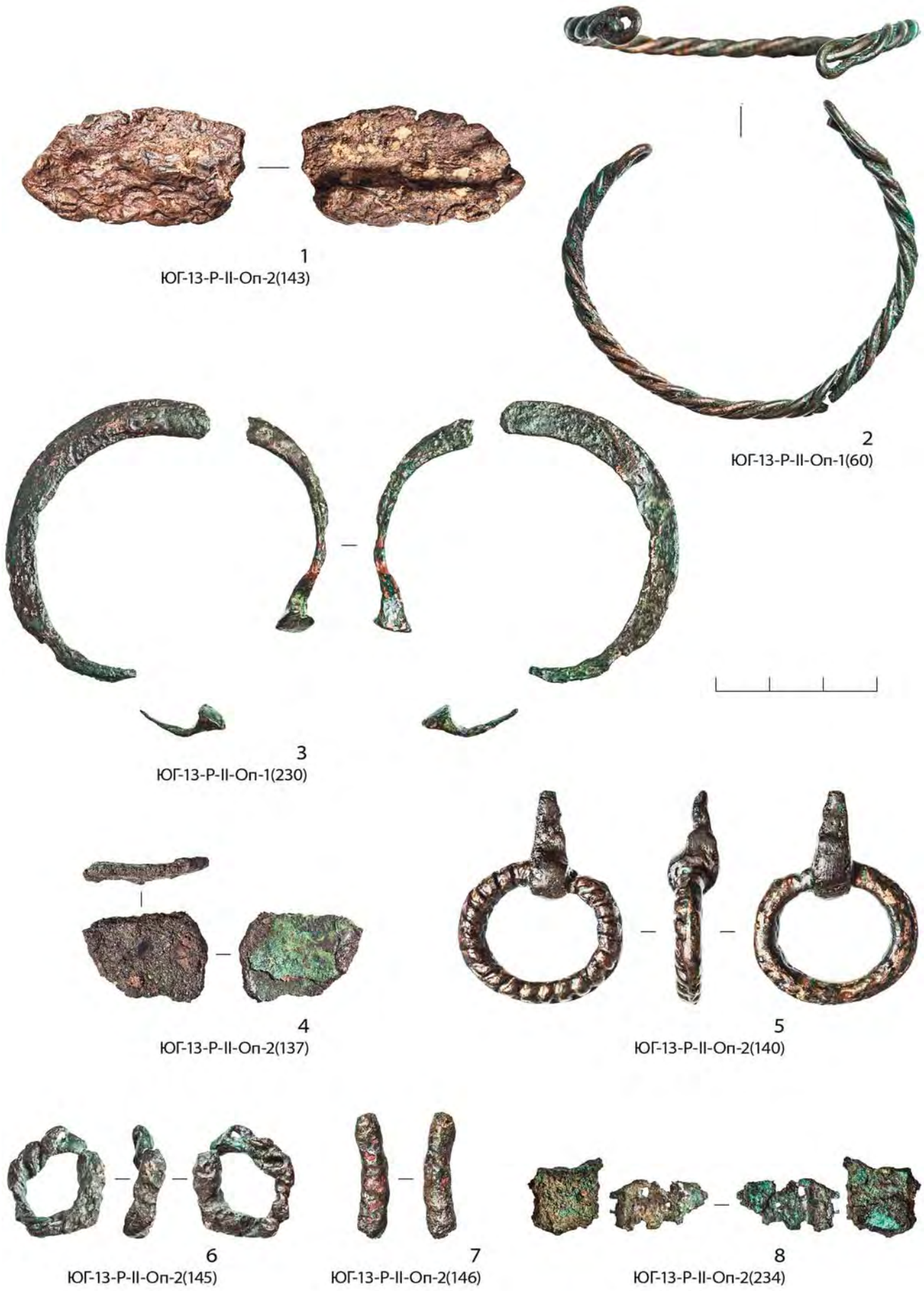


Рис. 289. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Изделия из свинца (1) и сплава меди

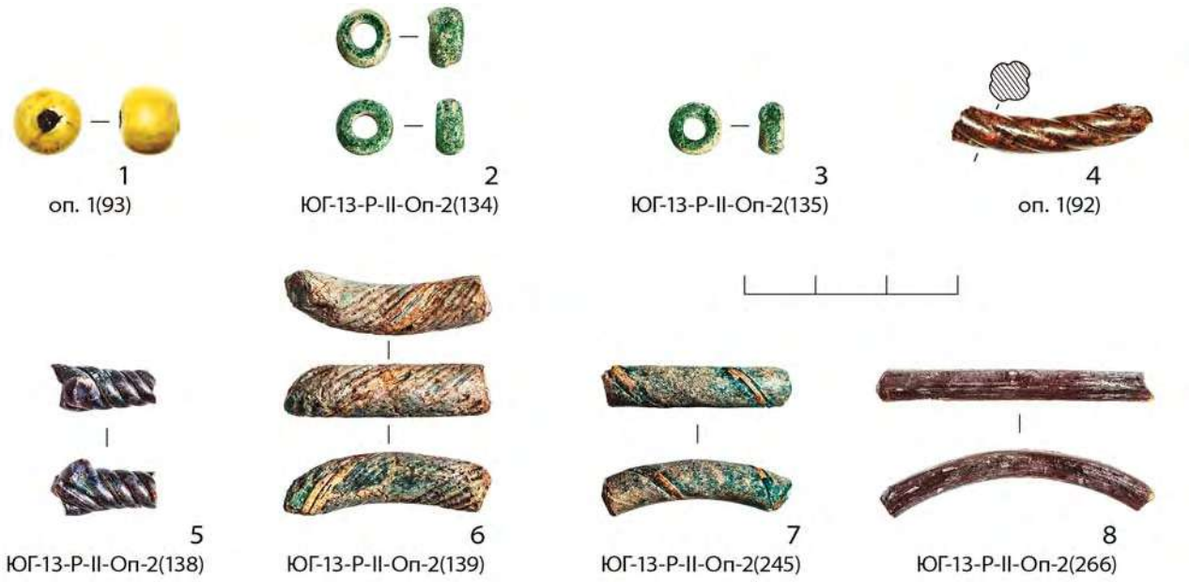


Рис. 290. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Изделия из стекла

Древнейший горизонт

После удаления культурного слоя и суглинистых подсыпок на большей части раскопа открылась поверхность погребенной почвы – буровато-серого гумусированного суглинка средней мощностью 0, 20 м (рис. 216, 217). Этот слой почти лишен находок. В нем попадались лишь единичные мелкие фрагменты гончарной древнерусской керамики тех же типов, что и в вышележащем культурном слое. В частности, в квадрате Г-1 в верхней части погребенной почвы найдено 9 фрагментов круговой посуды. Еще 4 фрагмента зафиксированы на границе квадратов Г-1 и Г-2.

Следует отметить, что в квадрате Б-1 погребенная почва отсутствовала, и суглинистая подсыпка с прослойками гумусированного суглинка лежала прямо в углублении материка (рис. 216, 217; рис. 225: профиль 1). Это следы каких-то земляных работ, характер которых пока трудно определить.

На остальной площади раскопа погребенная почва была нетронута, но поверхность ее оказалась очень неровной, представляя своеобразный «лунный рельеф» со множеством округлых западин (рис. 217). Эта неровность отчасти объясняла появление подсыпок из светло-серого суглинка, зафиксированных на погребенной почве. В частности, оказалось, что одна из заплывших ям располагается под постройкой 3, которая не могла быть поставлена на своем месте без нивелировки поверхности почвы.

В процессе разборки слоя погребенной почвы выяснилось, что он также содержит следы человеческой деятельности, пока загадочной. В материковом суглинке расчищено множество глубоких ям. Переходим к их описанию.

Комплекс IV. Расположен в центральной части раскопа в квадратах Б-2 и В-2 (рис. 217). Комплекс представляет собой вырезанную в очень плотном красном материковом суглинке воронковидную яму. Диаметр верхней части ямы по материковой глине составляет в среднем 1,8 м. Глубина воронки может быть обозначена приблизительно (поскольку поверхность материка здесь имеет наклон к югу) – 1,2 м. На этой глубине на отметке –116–(–119) м имелся небольшой приступок, на котором мог с трудом стоять человек. С этого уровня ниже опускалась круглая в плане яма диаметром около 0,5 м. Глубина этой нижней ямы составляла 0,4 м. Она имела вертикальные стенки и плоское дно (рис. 225: профиль 1; рис. 396). Нужно подчеркнуть, что сооружение всего комплекса потребовало в древности очень больших усилий. Общая глубина сооружения составляла от 1,3 до 1,6 м. Выкопать узкую яму такой глубины мог только мужчина очень большого роста, лежа на земле и перегнувшись вниз всем корпусом.

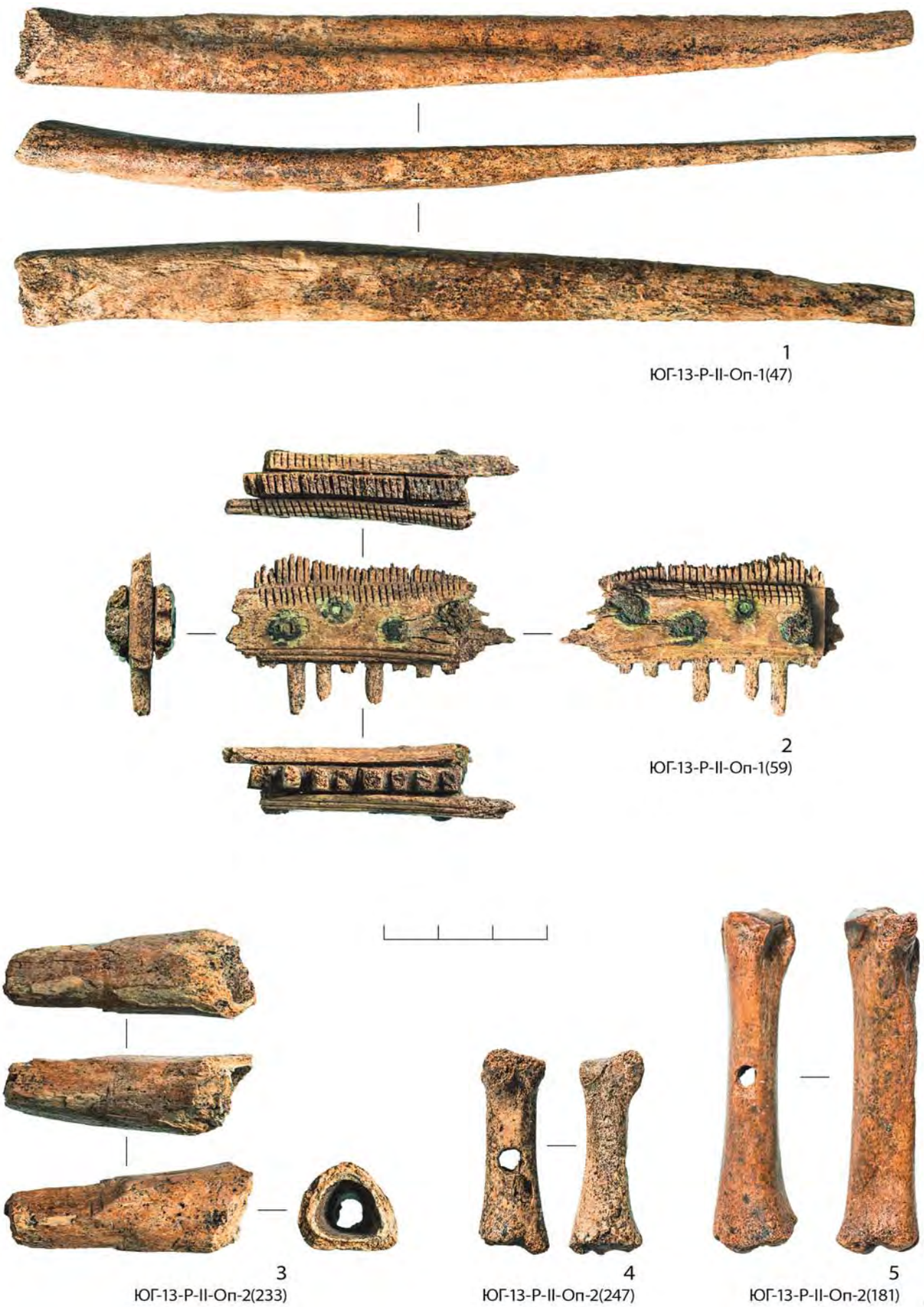


Рис. 291. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Изделия из кости



Рис. 292. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 3). Шиферное пряслице (1) и кремневый скребок (2)

Заполнение ямы имело достаточно сложную структуру. Нижняя часть узкого круглого «колодца» была заполнена слоем золы – суглинком светло-серого цвета с угольками, мелкими кусочками обожженной и закопченной глины и множеством мелких и твердых углистых конкреций от какой-то перегоревшей органической массы. Мощность этого слоя составила 0,20–0,22 м. В некоторых кусочках органической массы видны обрывки бересты.

Далее, до середины воронковидной ямы (отметки –60–(–70) м), комплекс был заполнен плотной красноватой глиной. В ней отмечались угольки и кусочки бересты с прикипевшими к ним углистыми конкрециями. На указанной отметке в яму было некогда высыпано значительное количество золы и углей с довольно крупными головешками. Этот слой имеет наибольшую толщину в южной части ямы; надо полагать, с этой стороны его и ссыпали (рис. 225: профиль 1; рис. 395).

На углистую подсыпку в яму был поставлен небольшой лепной сосуд (рис. 395), слегка подправленный на круге (рис. 398). Горшок был заполнен светло-серым суглинком, содержавшим отпечатки какой-то пористой органической массы, особенно хорошо сохранившей свою структуру на стенках сосуда. Характер этой массы (напоминающей по структуре грубые отруби) установить не удалось.

Верхняя часть ямы была заполнена светло-серым суглинком, постепенно переходящим в верхней части ямы в буровато-серый суглинок – погребенную почву. Верхняя ее граница выражена, как и полагается, очень резко. Непосредственно на погребенной почве лежит подсыпка светло-серого суглинка, на поверхности которого была поставлена постройка 4. Большая мощность погребенной почвы (рис. 395) говорит о том, что с момента заплывания и задерновки комплекса IV до того времени, когда он оказался перекрыт суглинистой подсыпкой, прошло достаточно много времени – вероятно, не одно десятилетие.

Помимо вышеописанного сосуда в комплексе IV удалось зафиксировать еще несколько находок. Центральная часть комплекса и его восточная стенка повреждены крупной норой лисы или барсука. Здесь найдено 3 фрагмента гончарной посуды, явно провалившиеся в нору сверху. В слое, переотложенном животным, обнаружены две желтые лимоновидные пронизки, одна из которых несет следы огня (рис. 399: 3, 4). Связаны ли они с ямой или попали из верхнего слоя – неясно. То же самое можно сказать и о некоторых других находках из верхней части комплекса: фрагменты биконической бусины синего стекла (рис. 399: 5), фрагмент железного четырехгранного стержня (рис. 399: 1), неопределимый железный предмет (рис. 399: 2).

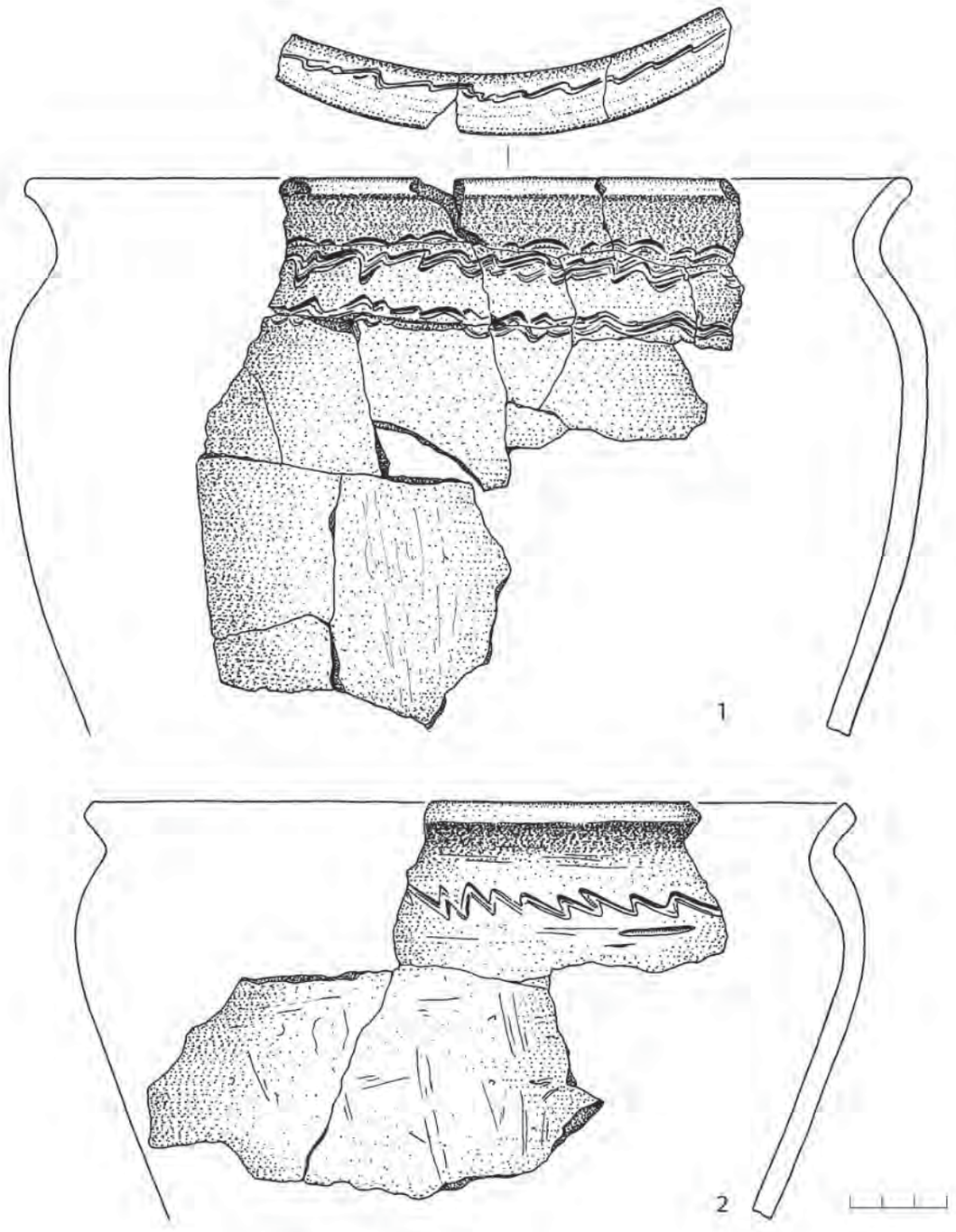


Рис. 293. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Гончарная керамика. Кв. Б-1

Но есть в яме и керамика, непосредственно связанная с комплексом. Из заполнения верхней воронковидной части ямы происходят 8 фрагментов гончарной посуды (один фрагмент стенки покрыт частым линейным орнаментом) и один мелкий обломок, возможно, принадлежавший лепному сосуду.

Более интересна другая находка, несомненно, находящаяся в комплексе in situ. Это достаточно крупный фрагмент венчика гончарного сосуда, найденный на слое красной глины с углем на западном краю ямы (рис. 398: 2). Венчик имеет S-видный профиль, край его срезан вертикально. Верхняя кромка среза слегка оттянута. Такая керамика может датироваться X–XI вв. Еще один венчик гончарного сосуда найден в верхней части заполнения комплекса (рис. 398: 3), но неясно – не происходит ли он из норы.

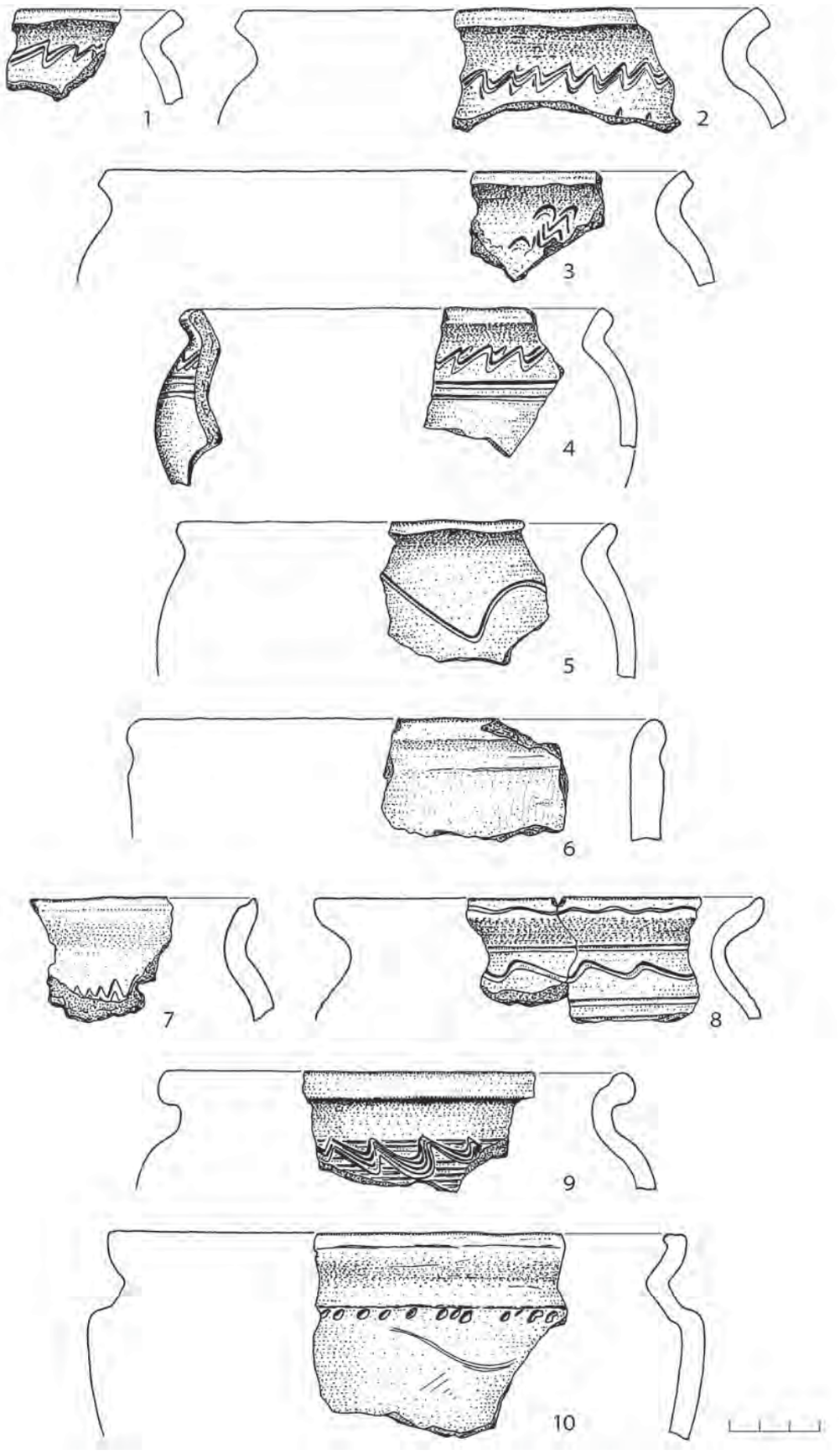


Рис. 294. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Гончарная керамика. Кв. Б-1

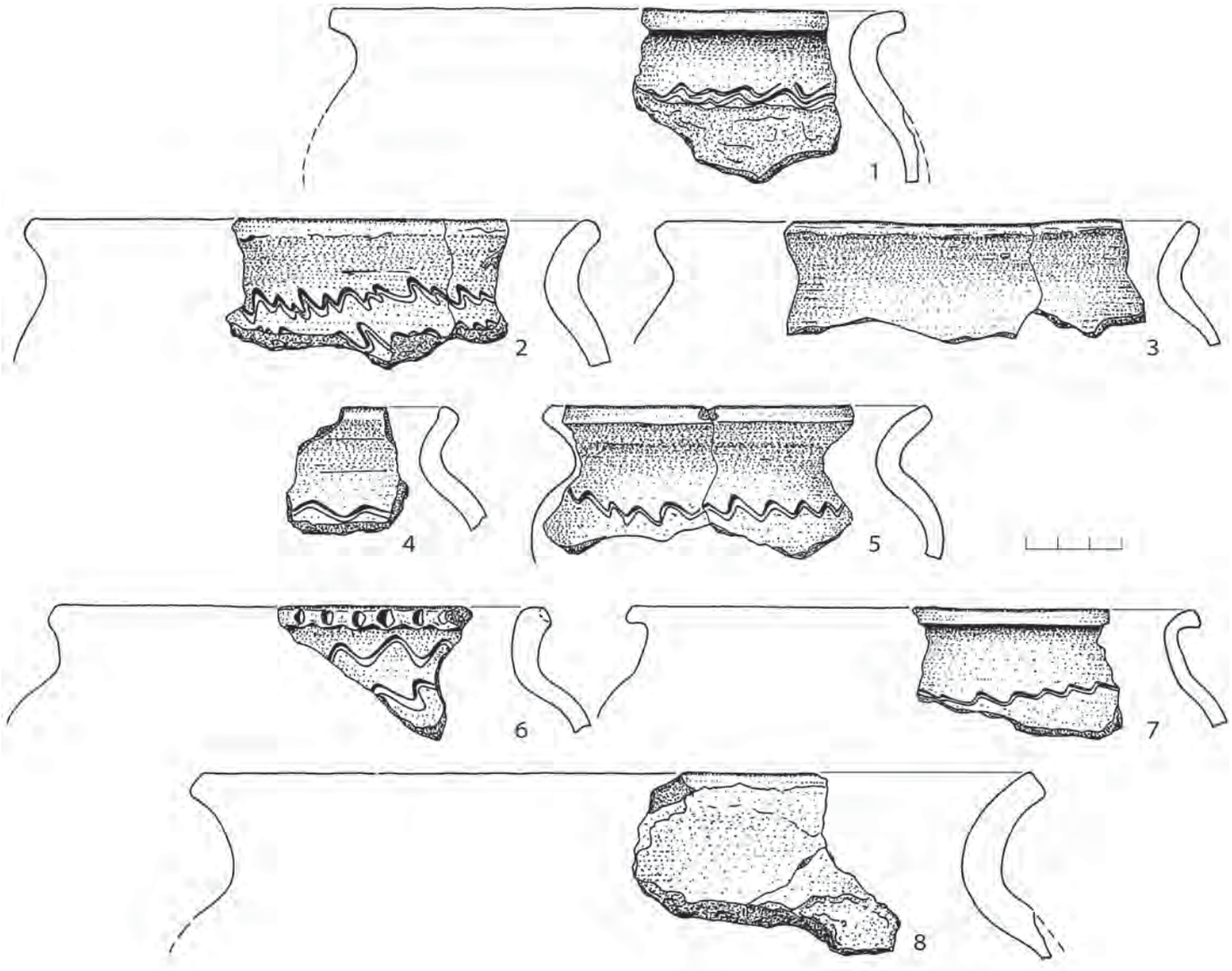


Рис. 295. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Гончарная керамика. Кв. Б-2. 4 – между камней

По углю, отобранному с того уровня, на который был поставлен лепной сосуд, получена радиоуглеродная дата – 1040±60 ВР (Ле-10317). При калибровке с порогом вероятности в две сигмы получена дата очень широкого диапазона – 880–1170 (95,4%) гг. н. э. Облик лепного сосуда, подражающего гончарным образцам, позволяет, на наш взгляд, сузить дату до второй половины X–XI в.

Комплекс V. Расположен в квадратах Г-1 и Г-2 (рис. 217–219). В раскоп попала западная половина ямы, поэтому размеры комплекса пока сложно оценить окончательно. Судя по всему, это была округлая яма диаметром около 1,6 м и глубиной около 1 м. Выброс из ямы читается в слое погребенной почвы в восточной бровке квадрата Г-1. Стенки западины близки к вертикальным, дно плоское. Яма заполнена светло-серым суглинком с отдельными угольками. На высоте 15–20 см от дна в заполнении прослеживается вогнутая линза угольков. На стенках ямы расчищена корка какого-то карбонизированного органического вещества, напоминающего древесную кору или деготь, застывший на материковой глине (рис. 224, 400).

Сверху комплекс перекрыт мощным слоем погребенной почвы, в котором найдена расколотая кость животного (рис. 400).

В суглинистом заполнении комплекса найдено 13 мелких обломков гончарной керамики, в том числе два фрагмента толстостенных сосудов, покрытых сплошным линейным орнаментом с широкими и неглубокими линиями (рис. 401: 1, 2). Такие сосуды характерны для

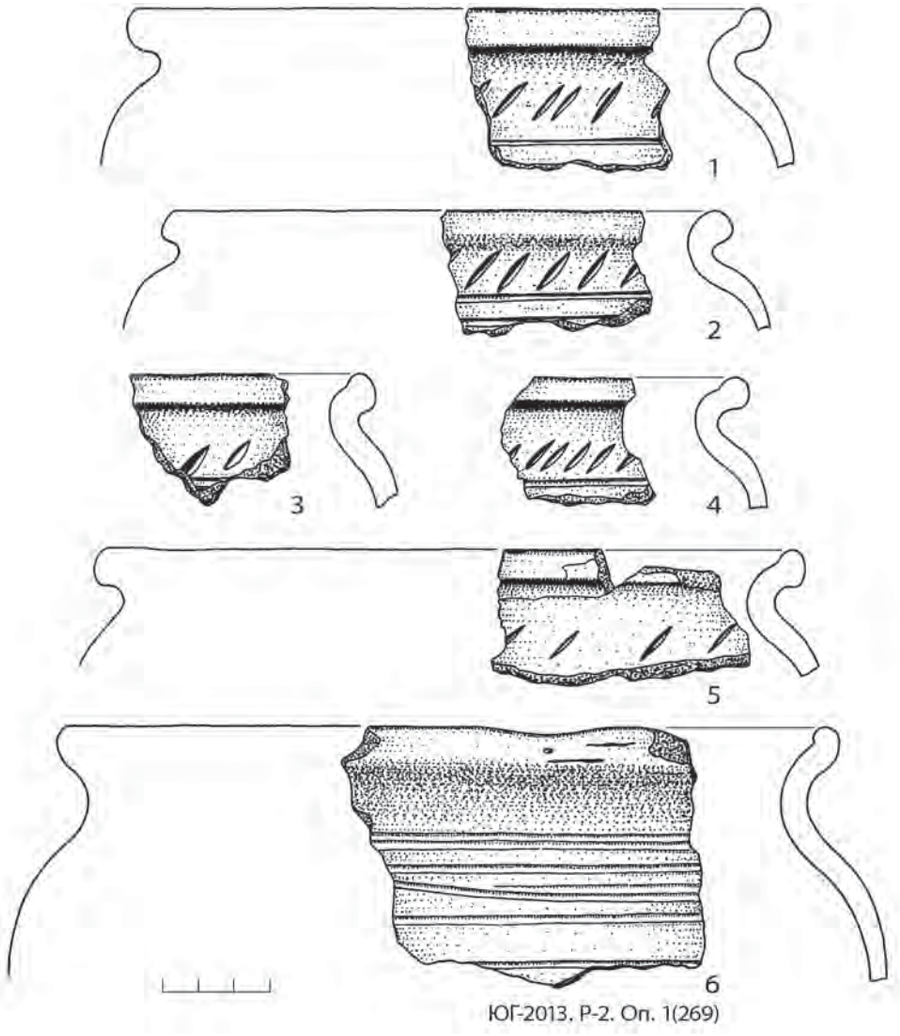


Рис. 296. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Гончарная керамика. 1–4 – кв. Б-2; 5, 6 – кв. Б-3

X в. и встречены на раскопе 1 в центральной части поселения. В целом же, керамика здесь относится к тем же типам, что и посуда из основного культурного слоя детинца.

С юга к округлой яме примыкает еще одна небольшая западина, перекрытая погребенной почвой. Имеет ли она искусственное происхождение – неясно. Здесь на границе с погребенной почвой найдено 11 фрагментов гончарной керамики.

Судя по особенностям погребенной почвы, комплекс V относится к тому же времени, что и комплекс IV. На это указывает и радиоуглеродная дата, полученная по корке карбонизированной органики со стен ямы – 1080±35 ВР (Ле-10842). При калибровке с порогом вероятности в две сигмы она дает интервал 890–1020 (95,4 %) гг. н. э.

Комплекс VI. Находится в квадратах В-3, Г-3 и частично уходит за пределы раскопа (рис. 218, 219, 402). Представляет собой крупную яму неясных очертаний с пологими стенками и округлым дном. Глубина ямы до 0,4 м. Заполнение – буровато-серый суглинок (погребенная почва) с отдельными более темными включениями и угольками. В верхней части погребенной почвы в западине найдено несколько костей животных (рис. 402). Из заполнения ямы происходит неопределенный железный предмет (рис. 403).

Комплекс VII. Расположен в квадратах Б-1 и Б-2 (рис. 218, 219). В раскоп попал почти полностью, за исключением западного своего края. Представлял собой округлую западину приблизительно 1,8 м в поперечнике. Глубина ямы составляла до 0,5 м от поверхности мате-

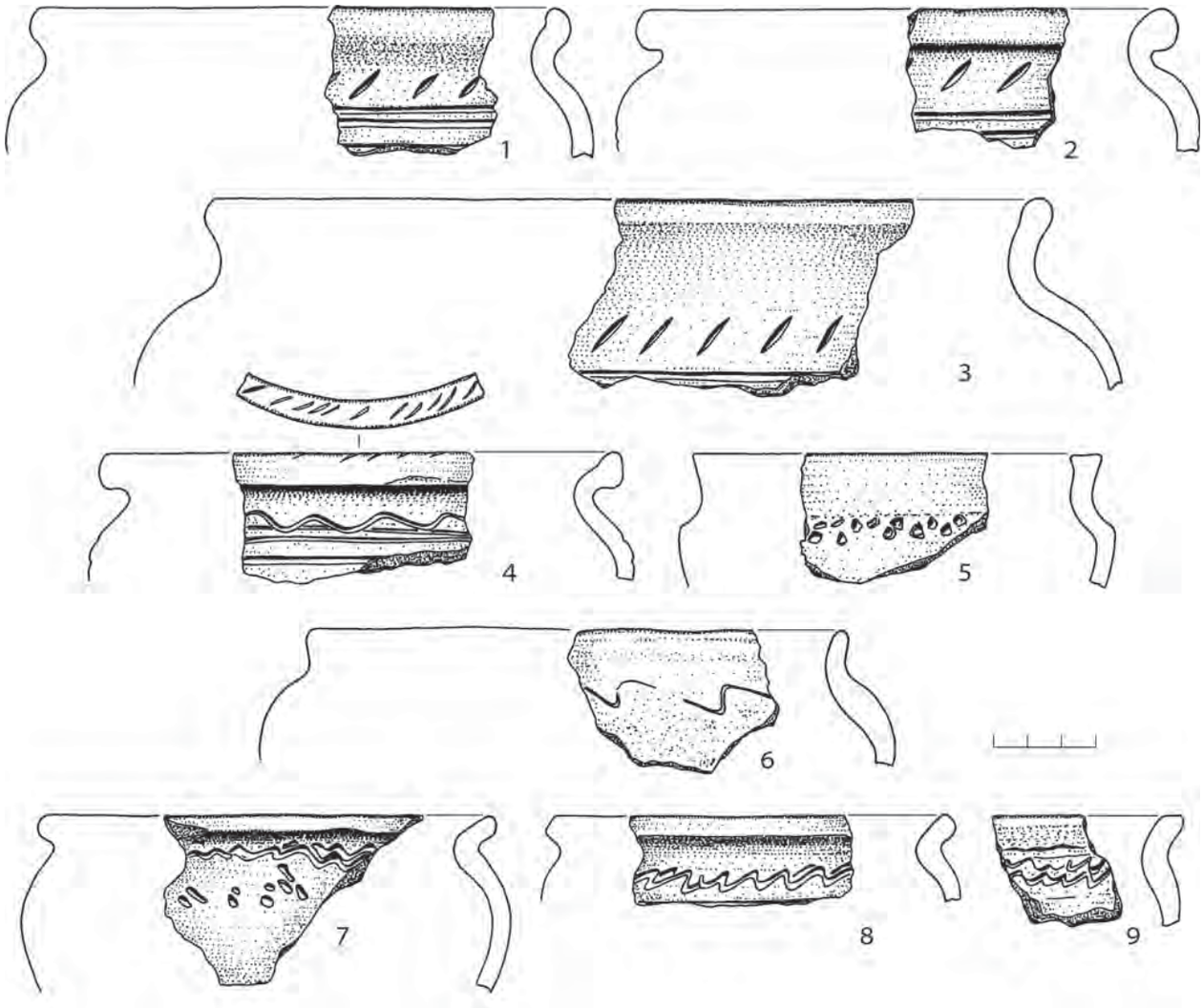


Рис. 297. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Гончарная керамика. 1–8 – кв. В-1; 9 – кв. В-2

рика. Стенки пологие, дно округлое. Заполнение ямы состояло из светло-серого суглинка с угольками, в верхней части которого сформировалась погребенная почва – буровато-серый суглинок. В слое погребенной почвы в верхней части ямы была расчищена своеобразная «конструкция» из костей животных. Определены останки лошади и двух молодых особей коровы.[48]

Кости были довольно аккуратно сложены «в грудку» (рис. 218, 404). Между ними лежало несколько камней. Сохранность костей очень плохая, по сравнению с остеологическим материалом из культурного слоя, что говорит, по-видимому, о том, что они длительное время лежали в углублении на поверхности земли, постепенно заплывая грунтом.

Находок нет – в заполнении найден только один мелкий фрагмент тонкостенного, видимо гончарного сосуда.

Комплекс VIII. Находится в квадратах Б-2 и Б-3 (рис. 217–219). Яма попала в раскоп частично, судить о ее размерах не представляется возможным. Ясно, что это округлая в плане западина с пологими стенками и округлым дном. Глубина ее не менее 0,6 м (она оказалась врезана в пологий материковых склон). Линза выброса из этой ямы прослеживается в западной стенке квадрата Г-3. Заполнение ямы состоит из светло-серого (с розоватым оттенком) суглинка с угольками, в верхней части переходящего в толстый слой буровато-серого суглинка (погребенная почва). На высоте примерно 5–10 см от дна ямы в ней зафиксирована

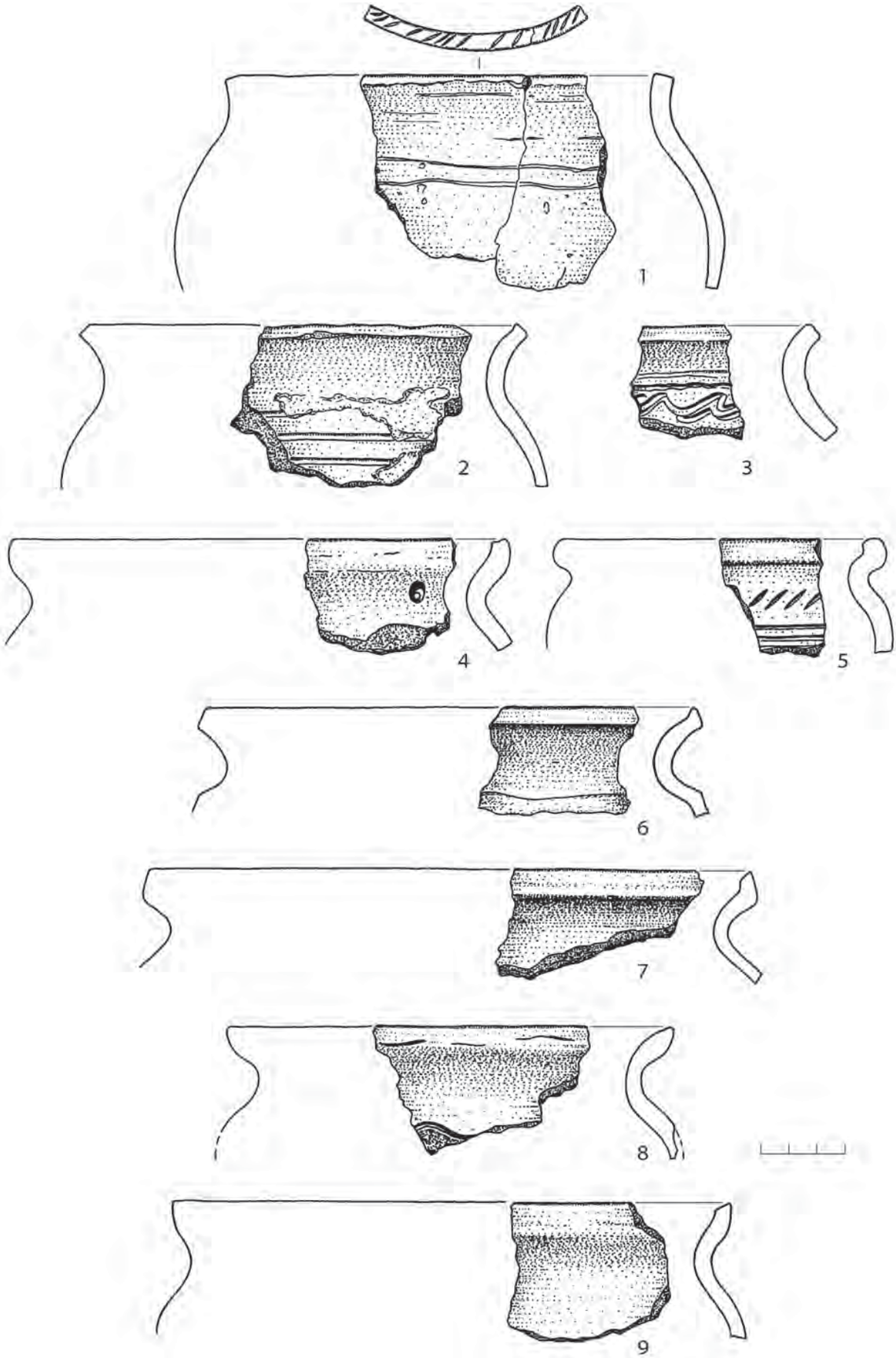


Рис. 298. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Гончарная керамика. Кв. Г-1

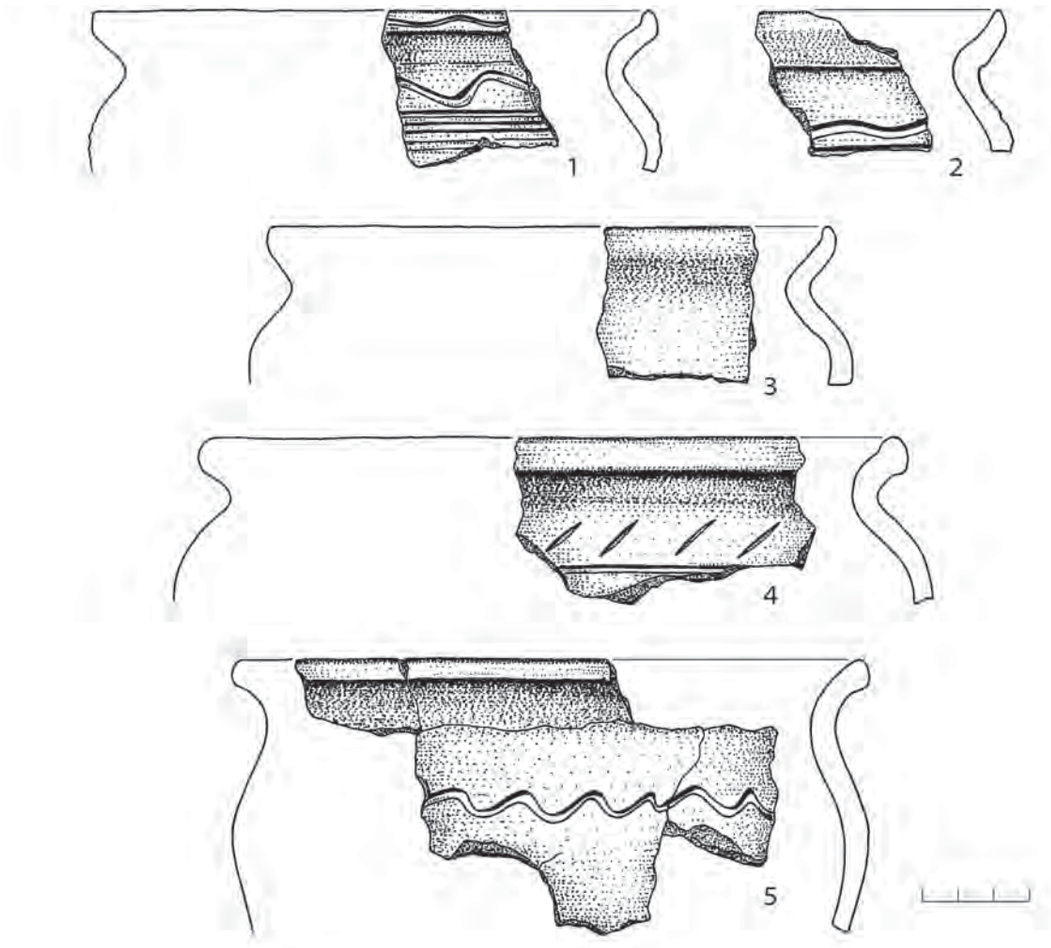


Рис. 299. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Гончарная керамика. 1–4 – кв. Г-2; 5 – кв. Г-3

линза красноватого (видимо, прокаленного) суглинка с более интенсивной примесью угольков (рис. 218). В погребенной почве над ямой и рядом с ней зафиксированы углистые прослойки, скопления угольков и отдельные кости животных.

По угольками из заполнения этой ямы получена самая ранняя радиоуглеродная дата на Юрьевых Горах – 1210±60 ВР (Ле-10843). Калибровкой с порогом вероятности в две сигмы получен интервал – 680–980 (95,4 %) гг. н. э.

Комплекс IX. Погребение в материковой ямке. Располагался в квадрате В-3. Представлял собой сдвоенную ямку (рис. 219, 220, 395, 405). Одна яма (западная) имела овальную форму и размеры 0,74 × 0,43 м при глубине 0,16 м от поверхности материка. Дно плоское, стенки пологие. Ямка была заполнена темно-серой супесью с угольками. В южной части ямы в заполнении собрано несколько мелких кальцинированных косточек.

С востока к овальной яме примыкала вторая ямка округлой в плане формы диаметром около 0,3 м и глубиной 0,12 м, с вертикальными стенками и плоским дном. Заполнение ее составляла темно-серая супесь с большим количеством углей и мелкими кальцинированными костями, вместе с которыми находились частично оплавленные на погребальном костре украшения:

1. Литое височное (?) кольцо из медного сплава (рис. 407: 1).

2. Литая пуговица из медного сплава (рис. 407: 4).

3. Бубенчик из медного сплава (рис. 407: 3).

4. Поясная бляшка сердцевидной формы, оплавлена, была спаяна с бубенчиком (рис. 407: 2).

5. Фрагменты двух мелких оплавленных предметов из медного сплава (рис. 407: 5).

6. Слипшиеся оплавленные стеклянные бусы (синие лимоновидные пронизки (?),

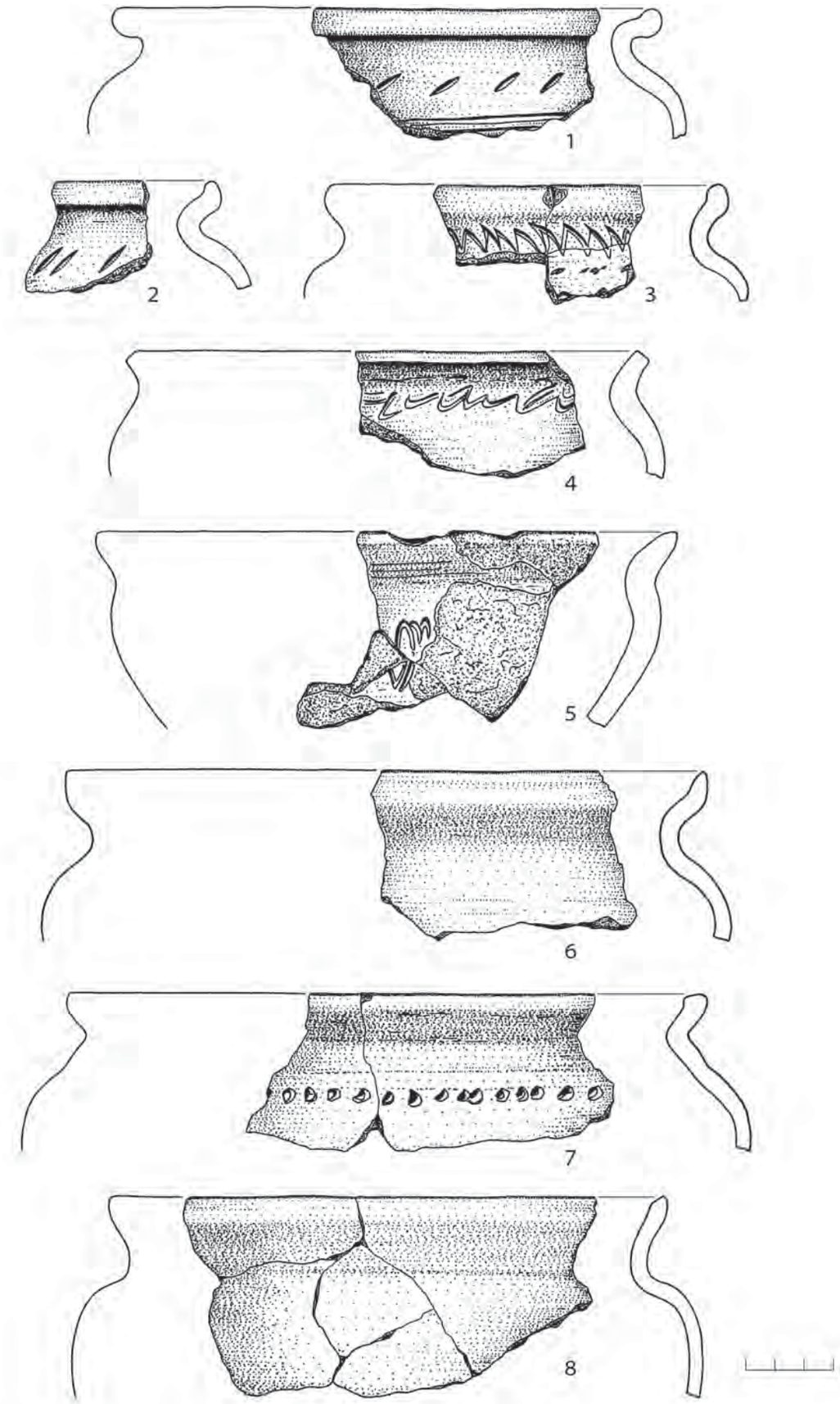


Рис. 300. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Гончарная керамика. Кв. В-3 и Г-3

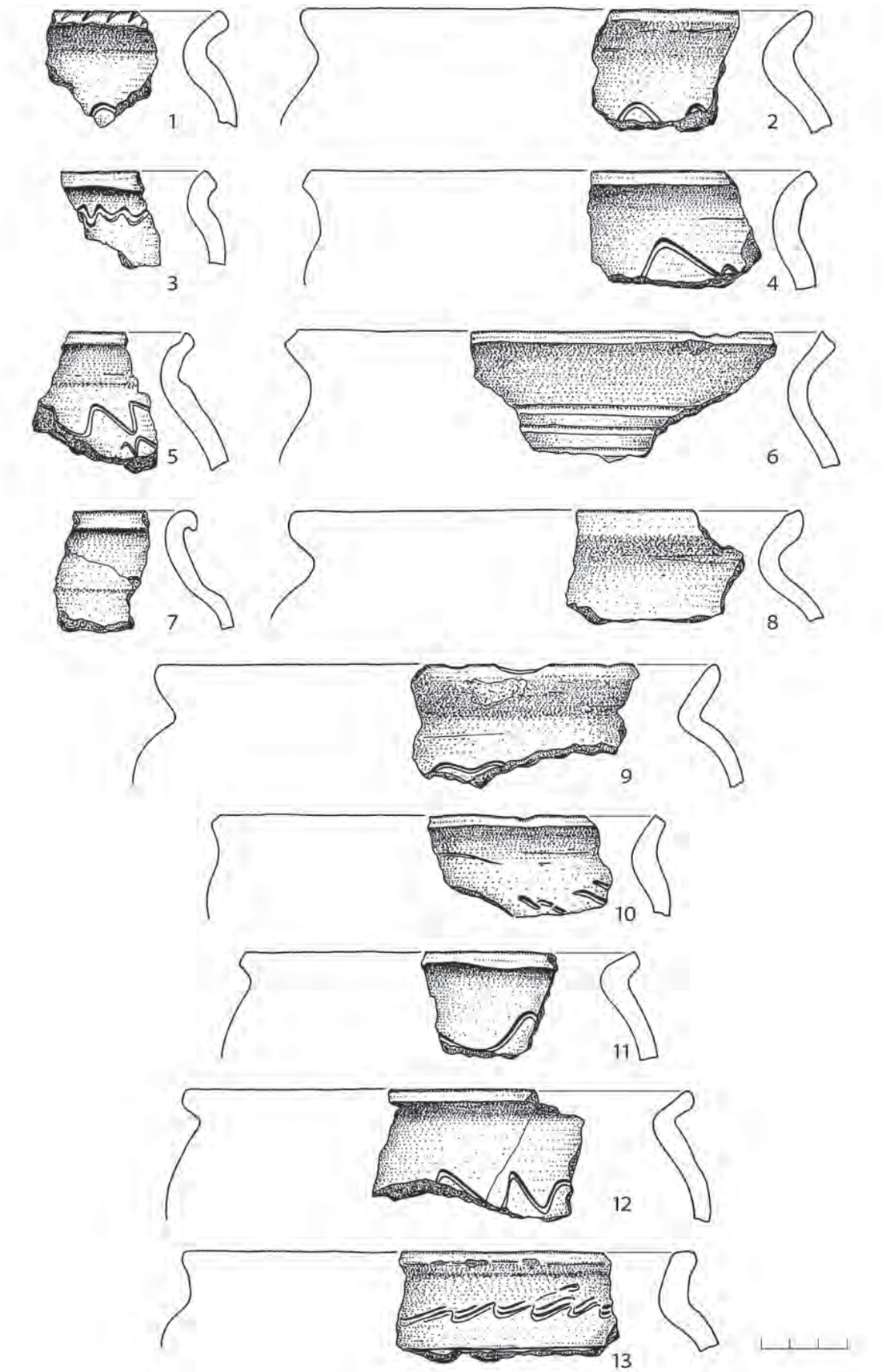


Рис. 301. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Гончарная керамика. Кв. В-3 и Г-3



Рис. 302. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Лепной ковшик

одинарная белая пронизка с коричневыми продольными полосками, одинарная желтая пронизка с коричневыми продольными полосками) (рис. 407: 6).

7. Слипшиеся оплавленные стеклянные бусы (синие лимоновидные пронизки ?) (рис. 407: 7).

8. Пронизка одинарная полихромная продольно-полосатая (сильно оплавлена) (рис. 407: 9).

9. Продольно-полосатая бело-коричневая пронизка, не пострадавшая от огня (рис. 407: 10).

10. Две сильно оплавленные синие бусины (лимонки?) (рис. 407: 11, 12).

11. Круглая сердоликовая бусина (рис. 407: 13).

12. Фрагмент хрустальной сферической бусины с прикипевшим кусочком желтого стекла (рис. 407: 14).

13. Капля стекла винного цвета с прикипевшей костной крошкой (рис. 407: 15),

14. Кремневый скребок (рис. 407: 8).

Скребок, вероятно, символизирующий «громовую стрелу», также является частью могильного инвентаря – он несет на себе следы копоти погребального костра. В погребенной почве, перекрывавшей захоронение, ямка не прослеживалась, т. е. с момента совершения погребения до начала заселения данного участка прошло достаточно много времени. Стратиграфические данные указывают на синхронность комплекса IX и соседнего комплекса IV (рис. 395). Языческое погребение следует датировать X в., вероятнее всего, третьей–четвертой четвертью этого столетия. По углю, собранному в погребении, получена радиоуглеродная дата – 1090±50 BP (Ле-10848). Калибровка дала два интервала: 780–800 (1,3 %) и 810–1030 (94,1 %) гг. н. э.

Останки представлены мелкими кусочками кальцинированной костной ткани общей массой 26 г. Большая часть из них не поддается анатомической идентификации. Определены: фрагменты коронок трех зубов (коронка первого левого верхнего моляра, фрагмент корон-



Рис. 303. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Изделия из железа



Рис. 304. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Железный замок

ки верхнего моляра и еще одна часть коронки), фрагмент каменистой части левой височной кости, мелкие элементы свода черепа, фрагмент дистальной части фаланги (?), фрагмент тела позвонка (?). Останки принадлежали ребенку в возрасте 1–3 лет.[49]

Комплекс Х. Расположен в квадрате Г-1 и сильно разрушен барсучьей норой. Представлял собой материковую ямку диаметром около 0,20 м и глубиной 0,07 м от поверхности материка. Дно ямки округлое, стенки пологие (рис. 219, 220). Заполнение – темно-серая супесь с очень мелкими угольками. В погребенной почве близ этой ямки найдены две бусины – боченковидная бирюзового стекла и мозаичная полихромная из поперечно-проколотого стерженька (рис. 408). Возможно, это следы еще одного погребения, совершенно разрушенного. Но уверенности в этом нет, так как не найдено костей.

Таковы объекты, связанные с древнейшим горизонтом раскопа 2. Что они означают? Начать нужно с интерпретации комплексов IV и V. Аналогии им на древнерусских поселениях хорошо изучены. Конические ямы с узкой каморой в нижней части служили на Руси для добычи смолы или дегтя. В процессе использования верхняя часть ямы заполняется смолистым деревом и берестой, закладывается мхом и травой. Все это поджигается и засыпается землей. Деготь стекает в нижнюю яму, где мог стоять горшок или кадка. Промысел этот подробно описан этнографами (Зеленин 1991: 171). Ямы, совершенно аналогичные усвятским, изучены на многих поселениях Южной Руси X–XII вв. (Шекун, Сита 1993: 47–48, рис. 3; Моця и др. 1997: 40, фото 2; Готун 2003: 172, рис. 59). В недавние годы такие сооружения открыты в пойменной части поселения в Гнёздове на северо-восточном берегу озера Бездонка у подножия Центрального городища и на берегу Днепра. Исследователи связывают производство смолы на этих участках с нуждами корабельного дела (Фетисов, Мурашева 2008; Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 254, рис. 12; Мурашева, Фетисов 2014: 291; Мурашева 2014: 199, 201, рис. 19).

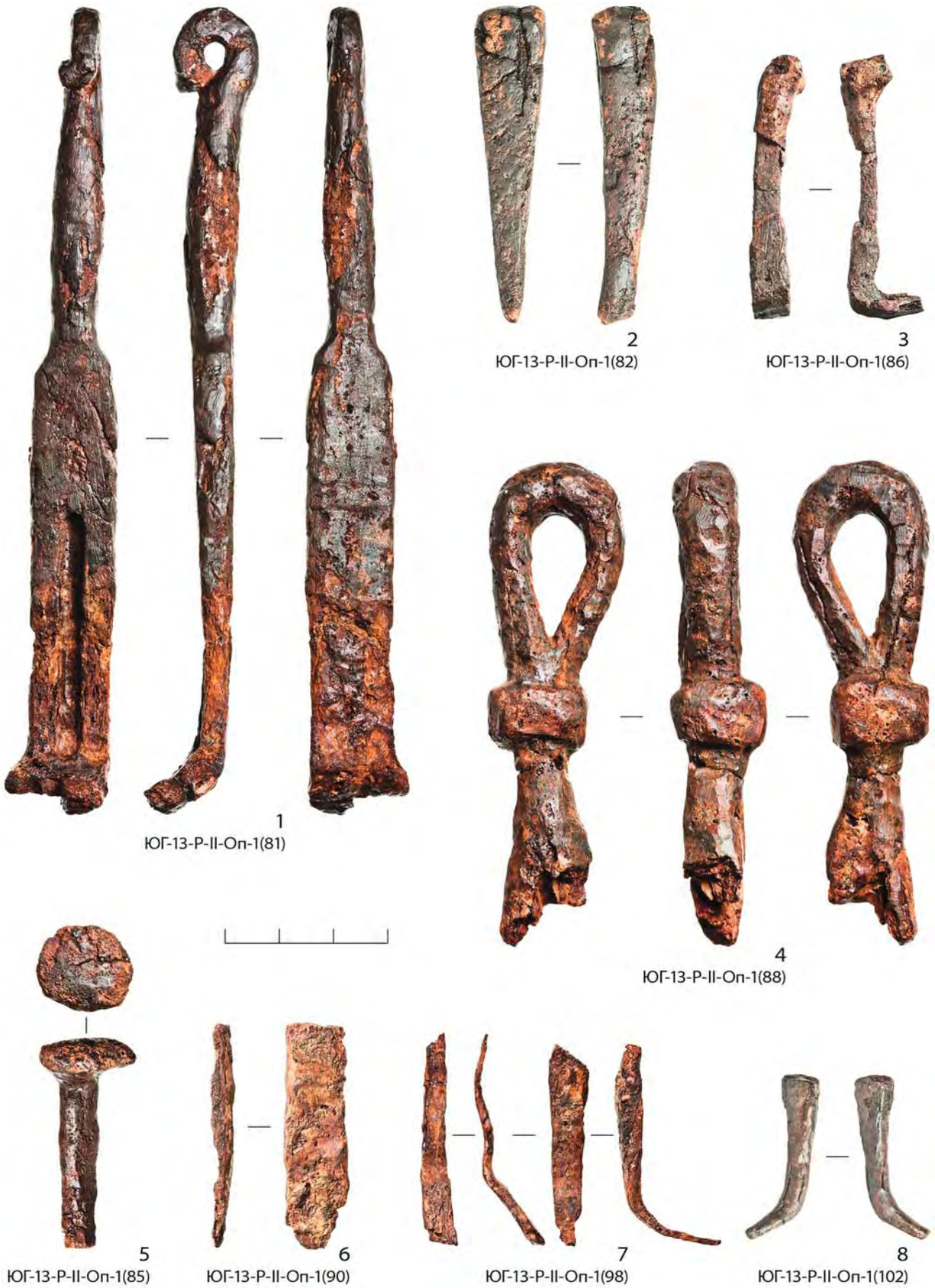


Рис. 305. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Изделия из железа



Рис. 306. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Железная шпора

Находка в комплексах IV и V карбонизированной органической массы (дегтя?) с кусочками бересты подтверждает предложенную интерпретацию. Форма некоторых таких конкреций позволяет предположить, что пред нами фрагменты берестяного туеса, предназначавшегося для сбора дегтя. Частью таких же смолокуренных ям могут быть уходящие за пределы раскопа комплексы VI и VIII.

Отсутствие четких выбросов из этих ям на поверхности погребенной почвы и толстый почвенный слой в них самих говорят о том, что они были заброшены задолго до того времени, когда на мысу были произведены фортификационные и нивелировочные земляные работы и возведены первые постройки.

Погребение (комплекс IX) совершено в интервале вторая четверть–конец X в. Об этом красноречиво говорит набор бус. Время — позднее первого десятилетия XI в. наверное следует исключить, поскольку в 1021 г. город, как мы знаем, подчинялся Ярославу Владимировичу, не замеченному в симпатиях к язычеству. Но когда на мысу возник могильник – до или после того времени, когда здесь было организовано смолокуренное производство? Да и могильник ли это? Не захоронение ли это навьи – заложного покойника, или жертвенное захоронение, произведенное по каким-то причинам вне территории языческого кладбища? Это предположение могло бы объяснить странную могилу среди смолокуренных ям. Ведь именно ко второй половине X в. относятся свидетельства о жертвоприношениях детей у русов – как у Льва Диакона (жестокие обряды воинов Святослава), так и в нашей ПВЛ (легенда о варяге-христианине и его сыне). О жертвоприношениях младенцев как о недавно оставленной практике писал, как известно, и Кирилл Туровский (третья четверть XII в.): «отселе бо не приемлеть ад требы, заколаемых отцы младенець, ни смерть почести: преста бо



Рис. 307. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Изделия из железа.
1–3 – строительный горизонт A_1 (пласт 4); 4 – строительный горизонт A_3 (пласт 4 под суглинистой линзой)

идолослужение и пагубное бесовское насилие» (цит. по: Аничков 1914: 238).

Можно лишь предположить, что комплекс IV датируется более ранним временем, чем захоронение. Основанием для этого служат следующие соображения. Лепной сосуд оказался в нем уже после того, как яма наполовину была засыпана. Не связан ли он с погребением комплекса IX, будучи следами каких-то тризн или поминальных обрядов? И не являются ли следами еще одной тризны кости, сложенные в заплывшем углублении комплекса VII? Ответить на эти вопросы мы пока не можем.

Суммируем наши достоверные знания об истории мысовой части Усвята.

• В X в. мыс находился за пределами поселения. Культурного слоя с лепной керамикой здесь нет, промывка напластований совершенно не дала находок рубленого бисера, неиз-

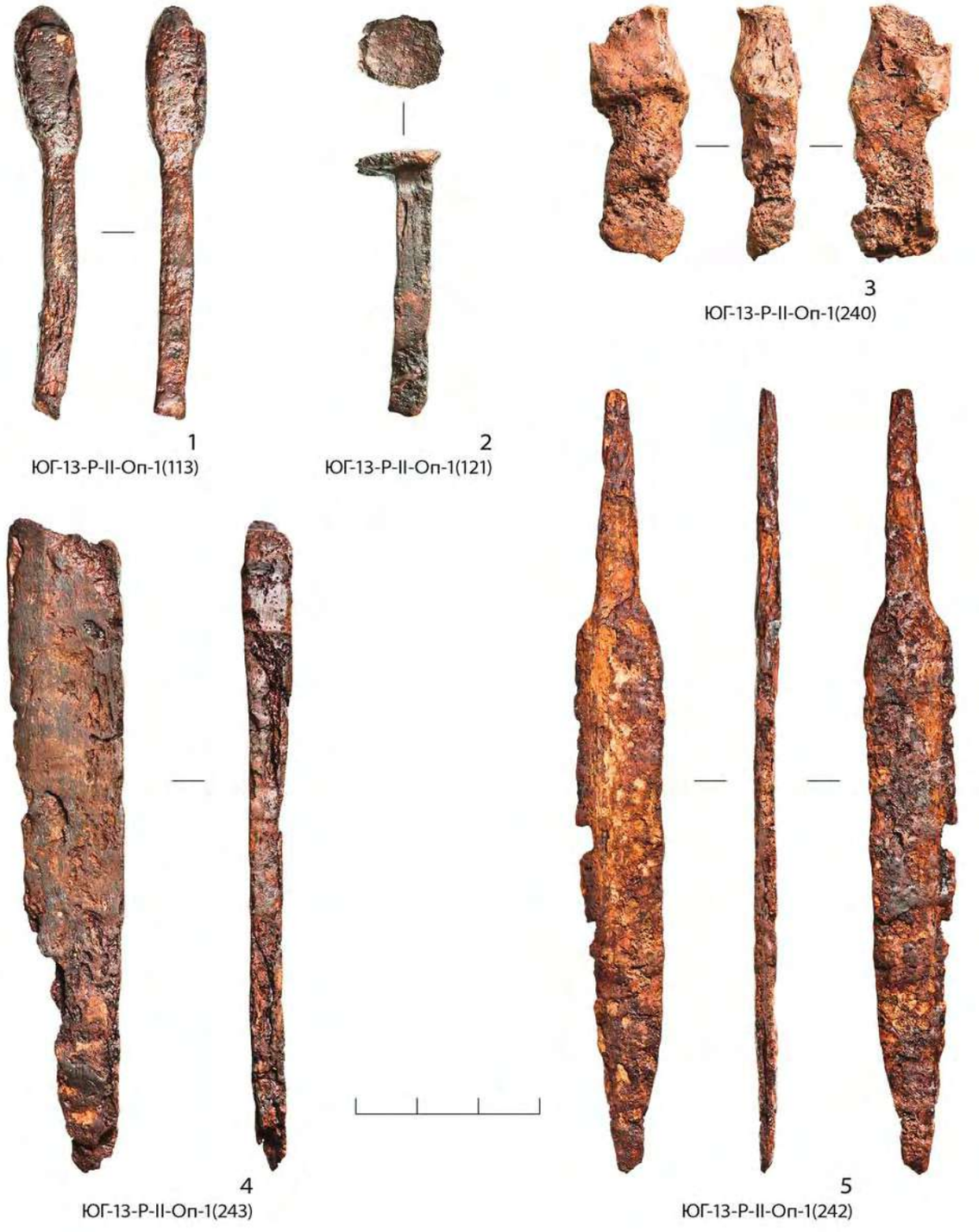


Рис. 308. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Изделия из железа

бежного спутника культурного слоя IX–начала XI вв. Мыс в этот период является промышленной окраиной поселения, возможно, связанной со смолением ладей (хотя деготь имел, конечно, гораздо более широкое применение в ремеслах и быту). Период синхронизируется с горизонтом Г открытого поселения (рис. 178).

• Во второй–четвертой четверти X в. здесь было совершено погребение младенца. Возможно, были и другие погребения. Об этом говорят находки ранних типов бус со следами огня в предматериковых слоях. Период синхронизируется с горизонтом Г и началом горизонта В поселения.



Рис. 309. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище.
Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Изделия из железа (1, 3–5) и железный шлак (2)



Рис. 310. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Изделия из железа (1–5, 7) и железный шлак (6)

• В XI в. мыс представляет собой луг, покрытый воронковидными заплывающими ямами, среди которых находились языческие погребения. Вероятно, с тризнами и погребально-поминальными ритуалами связаны находки костей домашних животных и россыпи углей, фиксирующиеся в погребенной почве. То, что кости находятся повсюду в верхней части погребенной почвы, перекрывшей комплексы V, VI, VII, VIII, может свидетельствовать о том, что могильник был устроен на территории бывшей хозяйственной зоны, а не наоборот. Весьма характерно обстоятельство, что в XI в. мыс, примыкавший к поселению, не был вовлечен в хозяйственный оборот. Культурного слоя здесь по-прежнему нет. Никаких следов распашки в погребенной почве, образовавшейся поверх смолокуренных ям, не выявлено. Луг находился на краю обширного поселения и был, разумеется, каким-то образом включен

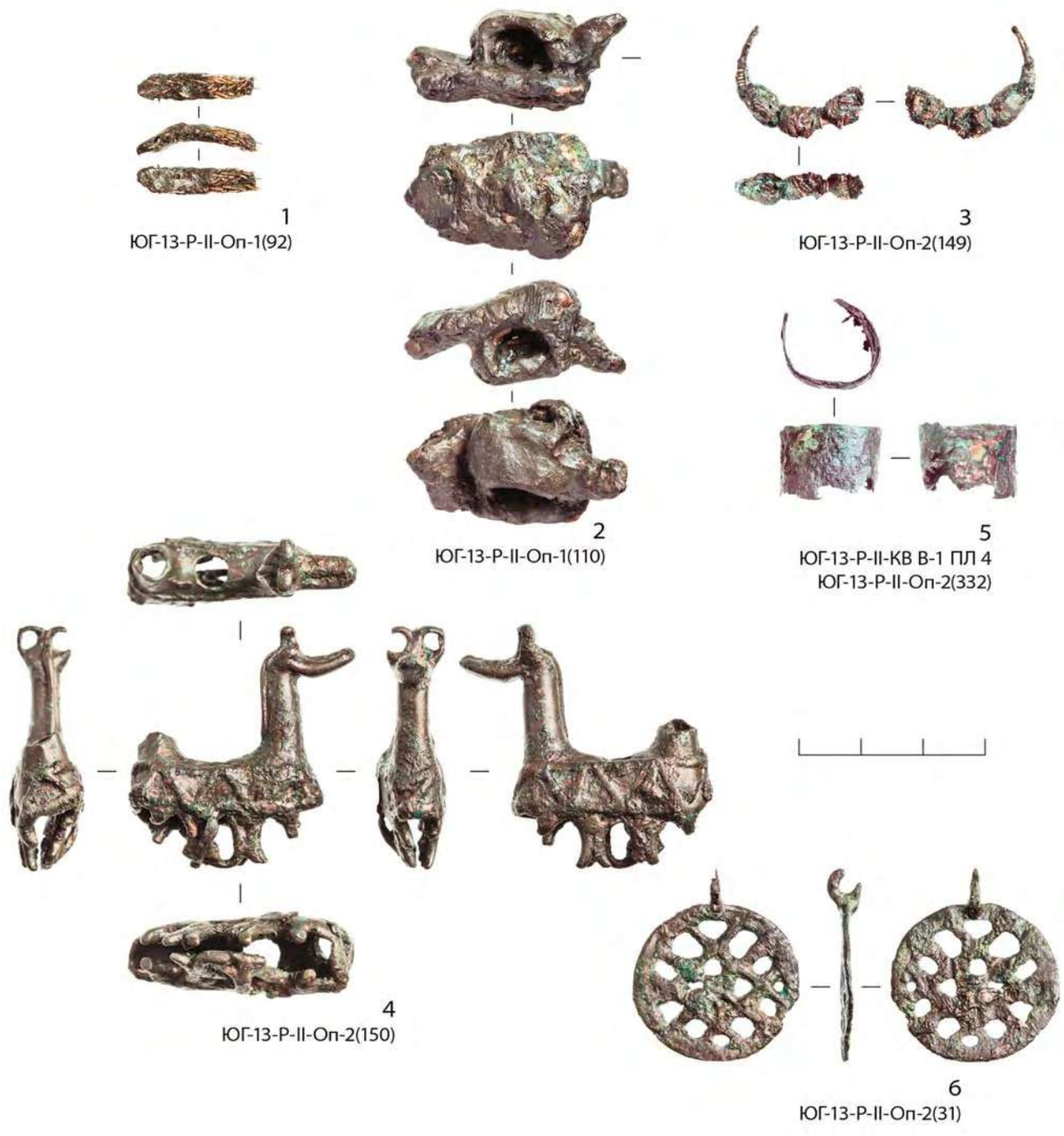


Рис. 311. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Изделия из сплава меди

в его жизнь. Поэтому не редкость находки в погребенной почве отдельных фрагментов керамики и прочих находок раннего времени (напомним, что в раскопе Р. С. Минасяна найден ланцетовидный наконечник стрелы). Этот период соответствует горизонту Б на открытом поселении (рис. 178).

• В XII в. на мысу происходят какие-то масштабные земляные работы. Неровности почвы, ямы и могилы засыпаются глиной. Грунт, надо полагать, был взят при строительстве укреплений. На подсыпке возводятся жилища горизонта $А_4$ (постройки 3 и 4).

• Спустя некоторое время происходит перепланировка, и на месте постройки 3 возникает новое сооружение – постройка 2, которая гибнет в пожаре (горизонт $А_3$). Датировку этого горизонта дает сочетание гребня типа К, по Б. А. Колчину, и византийской амфоры – вторая четверть XII в.–начало XIII в.

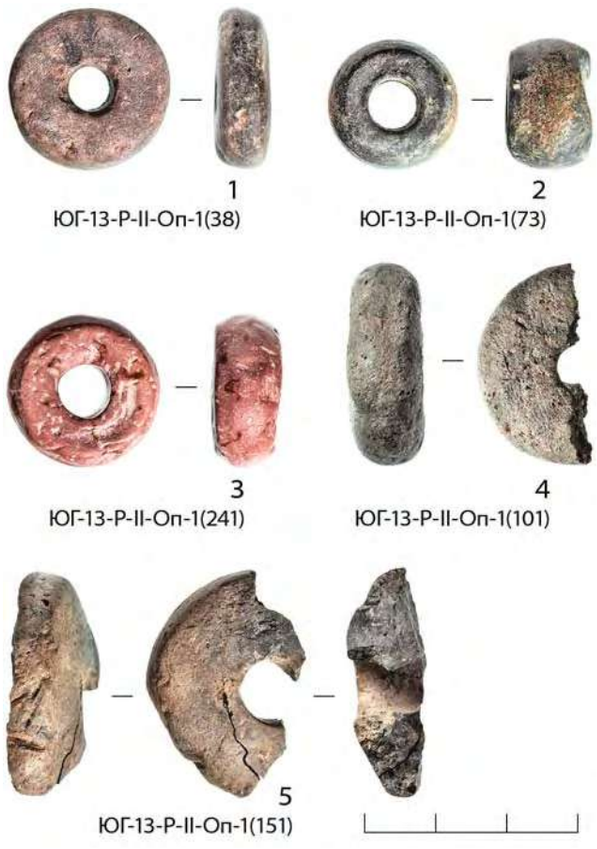


Рис. 312. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Пряслица из пирофиллитового сланца (1–3) и глины (4, 5)

• После пожара на площадке детинца производятся новая перепланировка и земляные работы (с ними связана верхняя линза суглинистой подсыпки). Земляные работы второго этапа получили название – горизонт $А_2$. Представляется, что датировка этого рубежа примерно может быть определена находками из пласта 4, лежащего на границе горизонтов $А_2$ и $А_1$. Сочетание височного кольца с узелковыми бусами, полого двухголового конька и круглой косорешетчатой подвески дает основание предположительно отнести этот рубеж ко второй половине–концу XII в. (подробнее о датировке находок говорится в разделе 2.3).

• Наконец, на образовавшейся подсыпке возводится новая постройка 1 (горизонт $А_1$). В свою очередь она гибнет в пожаре. Это происходит уже в XIII в. Более поздние события «смазаны» распашкой. Следует также обратить внимание, что фрагменты лепной керамики встречаются преимущественно в трех верхних пластах раскопа и практически отсутствуют в древнейшей части культурного слоя (за исключением, разумеется, комплекса IV). То же самое можно сказать и о некоторых архаичных формах гончарной посуды. Думаю, что такая ситуация является не результатом какого-то возврата к прежним традициям и технологиям в XIII в. (хотя полностью исключать этого нельзя), а скорее примером «обратной стратиграфии». Вполне возможно, что попадание в верхние слои детинца керамики X–XI вв. связано с какими-то земляными работами на поселении в XIII в.

• Мысовая часть Усвята, начиная со строительного горизонта $А_4$, была связана с кузнечным производством. Об этом говорят находки железных шлаков во всех пластах раскопа 2 (рис. 248; рис. 257: 3, 4; рис. 271: 2; рис. 309: 2; рис. 310: 6; рис. 326: 4; рис. 329: 3; рис. 354: 3; рис. 370: 4, 5; рис. 386: 5) и большое количество мелких обломков железных изделий, которые в совокупности следует, видимо, расценивать как кузнечные отходы. Некоторые крупные тяжелые шлаки имеют гладко-выпуклую поверхность, повторяющую форму дна сыродутного горна (рис. 257: 3). На находки таких шлаков неоднократно обращали внимание исследователи Городка на Ловати (Горюнова 1988а: 52), Гнёздова (Мурашева 2014: 194, рис. 8) и некоторых других древнерусских памятников (Вознесеньска, Паньков 2004: рис. 3). Судя по многочисленным обломкам шпор и стремян, а также по незаклепанному кольчужному кольцу (рис. 234: 5), кузнецы специализировались на производстве и ремонте вооружения.

Период упадка и запустения города на Юрьевых Горах не может быть пока определен на основании данных стратиграфии. Пролить свет на общие хронологические рамки существования поселения может пока только анализ всей археологической коллекции целиком – как добытой раскопками, так и происходящей из случайных сборов. К этой задаче мы и перейдем в следующем разделе.



Рис. 313. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Фрагменты стеклянных браслетов

2.3. Датировка и культурно-историческая характеристика раннегородского поселения в ур. Юрьевы Горы. Анализ находок

Достоверность привязки к Юрьевым Горам находок из кости, железа, стекла и камня не вызывает сомнений. Что же касается изделий из цветных металлов (т. е. в значительной степени изделий из кладоискательских сборов), то в отношении их у читателей всегда останется некоторое сомнение. Параллельное изучение двух этих блоков находок позволит разобраться, насколько они не противоречат друг другу в культурно-хронологическом отношении. Окончательный вывод можно будет сделать после сопоставления полученных данных с результатами анализа керамического комплекса, который завершит этот раздел.

В усвятской средневековой коллекции отчетливо выделяются два хронологических пласта, внутри которых намечается деление на несколько культурных групп, отражающих направления культурных и экономических связей древнерусского города.

Таблица 21

Результаты рентгено-флюоресцентного анализа случайных находок в ур. Юрьевы Горы. Анализ и таблица выполнены С. В. Хавриным (ГЭ). Спектрометр ArtTAX. Номера проанализированных находок соответствуют номерам описи (Приложение 6)

№	Предмет		*Cu*	*As*	*Sn*	*Pb*	*Sb*	*Zn*	*Ag*	*Прочие*
5	Держателя удил фр-т	Основа	**Осн.**	Сл.	Сл.	<0,5	–	**3–5**	Сл.	Fe
		Покрытие	Амальгамное золочение							
14	Височное кольцо		**Осн.**	Сл.	**28–30**	2–4	<0,4	–	Сл.	Fe<0,3%
20	Слиток		**4–6**	–	–	–	–	**Осн.**	–	Co
52	Крест	Основа	**Осн.**	Сл.	**2–4**	2–4	–	**10–13**	Сл.	Fe<0,5%
		Поверхность	**Осн.**	–	**20–22**	**28–32**	–	**4–6**	Сл.	Fe<1%
57	Наконечник ремня	Основа	**Осн.**	<0,2	**3–5**	2–4	Сл.	**1–2**	Сл.	Fe<0,2%
		Поверхность	**Осн.**	<0,6	**14–16**	**12–15**	<0,3	<1	Сл.	Fe=1–2%
61	Бляшка ременная	Фиксатор	**Осн.**	<0,4	–	~1	–	Сл.	Сл.	Fe
		Основа	**Осн.**	<0,3	**5–8**	**5–7**	<0,8	**1–3**	<0,3	Fe~1%
		Поверхность	**Осн.**	<0,3	**13–15**	**20–22**	<1	~1	Сл.	Fe<1%
64	Наконечник ремня	Основа	**Осн.**	Сл.	<1	<0,7	Сл.	–	Сл.	Fe
		Поверхность	**Осн.**	Сл.	**4–6**	**8–12**	Сл.	–	Сл.	Fe<0,3%
65	Пуговица	Основа	**Осн.**	<0,2	**1–3**	<1	<0,5	–	Сл.	Fe<0,3%
		Лепесток бел.	Стекловидная масса: свинец – стеклообразующее, олово – глушитель							
		Лепесток сер.	Стекловидная масса: свинец – стеклообразующее, олово отсутствует							
71	Пряжка лировидная	Основа	**Осн.**	<0,5	**4–6**	**4–8**	Сл.	Сл.	**5–7**	Fe<0,4%
		Инкрустация	**50–55**		**2–4**	**40–45**	1–2	~1		Fe
79	Пуговица (патина)		**Осн.**	<0,6	**10–12**	**8–10**	Сл.	**2–3**	Сл.	Fe<0,5%
104	Крест (патина)		**>40**	<0,4	**>40**	**3–5**	–	<1	Сл.	Fe=1–2%
118	Височного кольца фр-т	Основа	**Осн.**	<0,3	**8–10**	**5–8**	Сл.	**7–9**	Сл.	Fe<0,5%, Ni
		Поверхность	**Осн.**	<0,5	**20–25**	**14–16**	Сл.	**4–5**	Сл.	Fe
139	Слиточек	Основа	**~2**	–	**–**	<1	–	Сл.	**~97**	Au<1%
140	Бляшка ременная	Основа	**Осн.**	<1	**18–22**	**4–6**	<0,7	–	<0,3	Fe<0,6%
		Инкрустация	**60–65**	+	**3–5**	**30–33**	Сл.	–	Сл.	Fe
142	Застежка гривны (?)	Основа	**5–7**	–	**–**	<1	–	?	**92–94**	Au<1%, Bi<0,5
144	Пряжка	Основа	**Осн.**	<0,2	**7–9**	1–2	Сл.	–	Сл.	Fe<0,5%
		Поверхность	**Осн.**	<0,3	**40–42**	2–4	Сл.	–	–	Fe=2–3%

2.3.1. Древности эпохи викингов (IX–первая половина XI в.)

Название этого раздела достаточно условно в хронологическом отношении, поскольку не всегда возможно отграничить вещи первой половины XI в. от находок второй половины этого столетия. Правомерность использования термина «эпоха викингов» применительно к Верхнему Подвинью следует уже из самого богатства варяжских древностей.

Предметы, предположительно связанные со славянской культурой Верхнего Поднепровья и Подвинья, в коллекции довольно малочисленны. Это, разумеется, не значит, что местное население (или, если выражаться языком общепринятых археологических терминов, – население КСДК) играло в Усвяте подчиненную роль. Просто маловыразительна его материальная культура. Местные древности в коллекции представлены, в основном, лепной керамикой.

2.3.1.1. Предметы североевропейских типов

Овальные фибулы (два фрагмента). Одна фибула относилась к типу P 51. От нее сохранился фрагмент ободка с орнаментальным фризом в стиле Борре (рис. 423: 2). Датировка этих украшений в Скандинавии и на Руси укладывается в рамки X в. Фрагмент второй овальной фибулы настолько сильно оплавлен, что

тип украшения установить не представляется возможным (рис. 431: 2). Пожалуй, следует добавить, что это может быть фрагмент фибулы ливского типа, т. е. дериват скандинавского украшения эпохи викингов, изготовленный в более позднее время (вплоть до XIII в.).

Круглая фибула типа P 128 или IIA, по И. Янссону (Jansson 1984: 61) с тремя обращенными к центру композиции звериными масками в стиле Борре (рис. 452: 13). Маски разделены орнаментальными лепестками с перехватом. Изделие повреждено, но сохранилось почти целиком. Такие миниатюрные фибулы, принадлежавшие скандинавскому женскому костюму, известны в Бирке (Arbman 1940: Taf. 70: 13, 14), Дании и Хедебю, на Аландских островах и датируются X в. (Янссон 1999: 24–25). На Руси они встречены на Рюриковом Городище (Янссон 1999: 25) и в Гнёздовском могильнике (Ширинский 1999: рис. 29). Изделие находится среди вещей, разошедшихся по частным коллекциям

Кольцевидная фибула (булавка) с длинной иглой.[50] Фрагмент подвижного кольца булавки, относящейся к типу P 227, с ажурным орнаментальным щитком в нижней части кольца, заканчивавшимся звериной маской в стиле Боррэ (рис. 424: 2). Кольцо таких булавок обычно украшалось плетеным орнаментом (Petersen 1928: Fig. 227; Arbman 1940: Taf. 42: 3; 43: 7; Nosov, Chvoščinskaja 2007: fig. 1: 1) (рис. 425: 2). В нашем случае следы орнамента не прослеживаются, что можно объяснить низким качеством отливки (оттиска с низкокачественного оригинала) и плохой сохранностью предмета. На обратной стороне фрагмента сохранилось ушко для проволочного колечка. По типологии Л. Тунмарк-Нюлен, булавка относится к типу V (Thunmark-Nylén 1984: 6).

Подобные фибулы считаются принадлежностью богатого мужского костюма и за пределами Руси встречаются преимущественно в Швеции и Финляндии. На Руси кольцевидные сложноорнаментированные фибулы известны на Рюриковом Городище (Янссон 1999: 28), в Гнёздове (Ширинский 1999: рис. 30), Пскове, Киеве, Юго-Восточном Приладожье и в Ярославских курганных могильниках (Носов, Хвощинская 2004: 228–229; 2006: 134; Nosov, Chvoščinskaja 2007: 230, 240). Элитный характер этих мужских украшений продемонстрирован в упомянутых работах Е. Н. Носова и Н. В. Хвощинской.

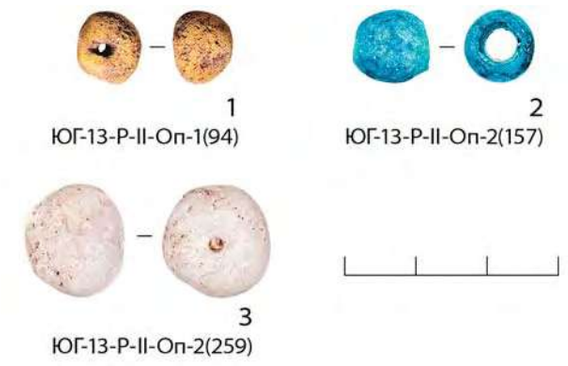


Рис. 314. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_1 (пласт 4). Бусы. 1, 2 – стекло; 3 – хрусталь

Кольцевидная фибула (булавка) с простым кольцом, украшенным рельефными валиками. На изделии сохранился фрагмент ушка иглы или обоймицы. Первоначально у меня существовали некоторые сомнения относительно атрибуции этого изделия, похожего как на часть фибулы (или точнее сказать – кольцевидной булавки), так и на кольцо от ножен скрамасакса (рис. Прил. 5–7: 1). Подобные кольца хорошо известны на Руси (Андрощук, Зоценко 2012: кат. 150, 191, 192). С. Ю. Каинов, специализирующийся на изучении оружия эпохи викингов, специально рассмотрел это изделие (к сожалению, сохранившееся лишь на фотографии) и пришел к выводу, что это именно кольцо от булавки (Приложение 5). На Руси две подобные булавки известны мне на Рюриковом Городище (Носов, Хвощинская 2004: 232, рис. 1: 7, 8); одна из них представляет полную аналогию усвятской находке.

Подковообразные фибулы с гранчатыми головками. Являются общебалтийским типом украшений, но, пожалуй, более популярным в среде неславянских прибалтийских народов, в том числе скандинавов. В коллекции оказалось четыре фрагмента фибул, одна из них – богато орнаментированная «волчьим зубом» (рис. 423: 1; рис. 427: 3; рис. 428: 1, 2). Общепризнанная дата этих украшений – IX–начало XI в. (Янссон 1999: 28; Хвощинская 1999: 42).

Подвеска (фрагмент наконечника нащечного ремня или поводьев во вторичном использовании) (рис. 424: 3). Фрагмент бронзового позолоченного ювелирного изделия,



Рис. 315. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Предметы из кости. 1 – игральная бабка; 2 – фрагмент двустороннего гребня

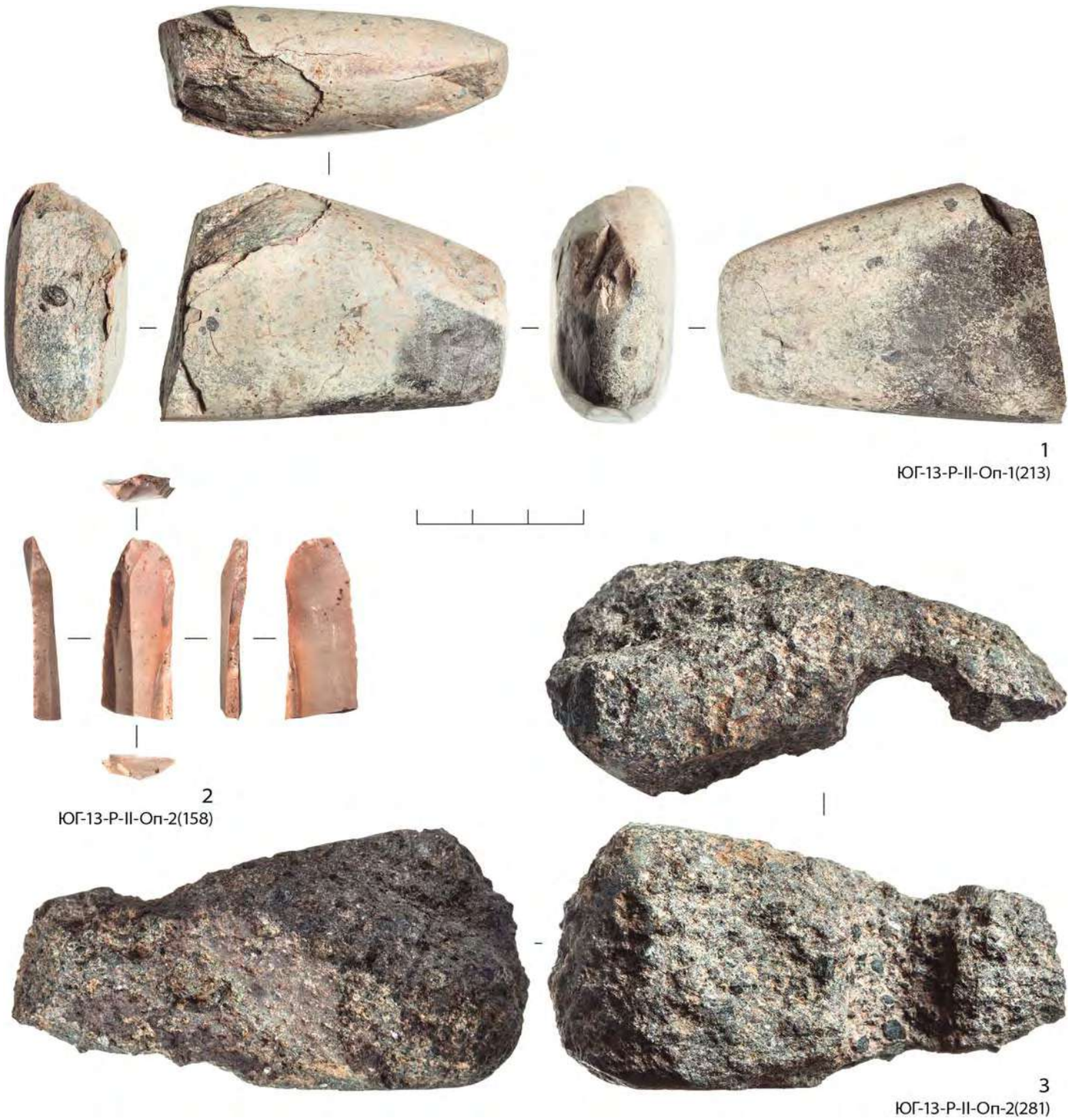


Рис. 316. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$ (пласт 4). Изделия из камня

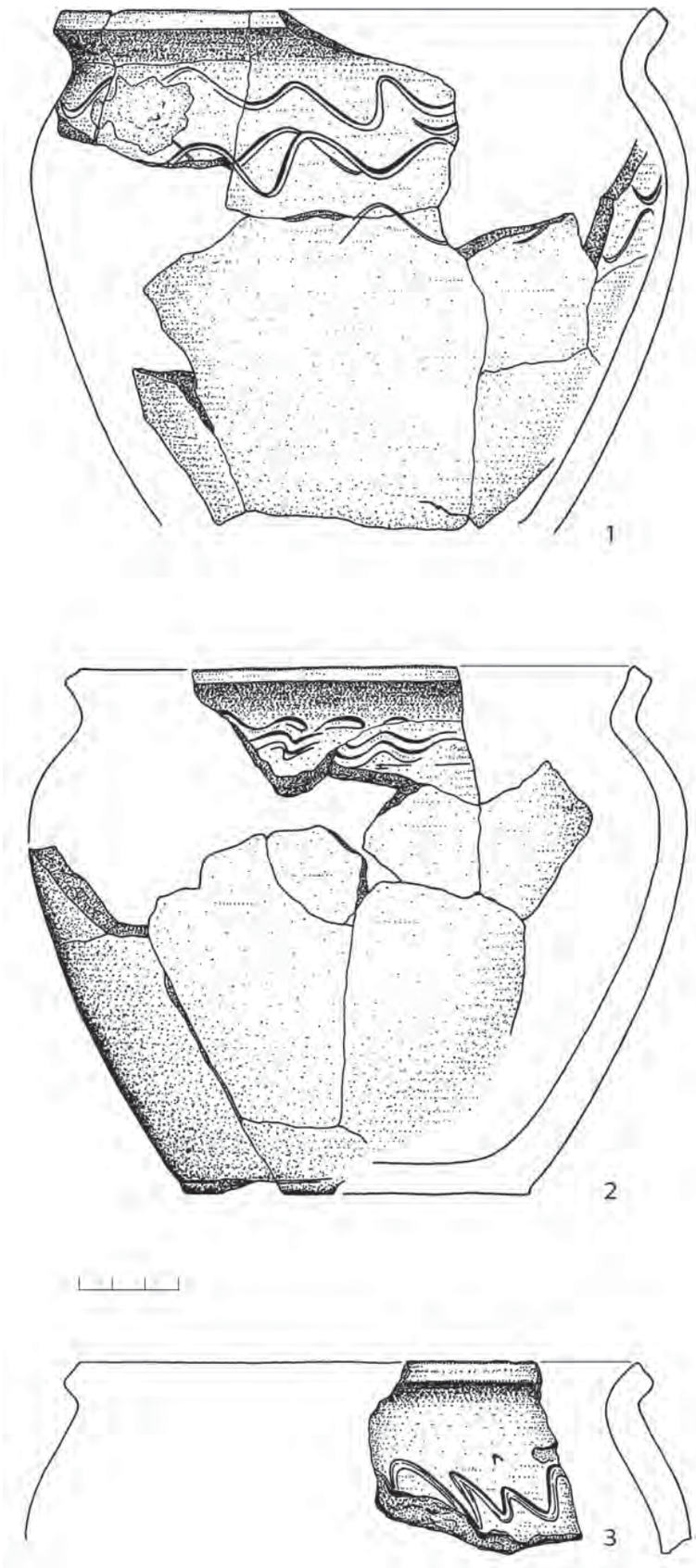


Рис. 317. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. Гончарные сосуды. 1 – кв. Г-3, пл. 1 (на линзе серо-желтого суглинка); 2 – кв. Б-2, пл. 2; 3 – кв. Б-2, пл. 1

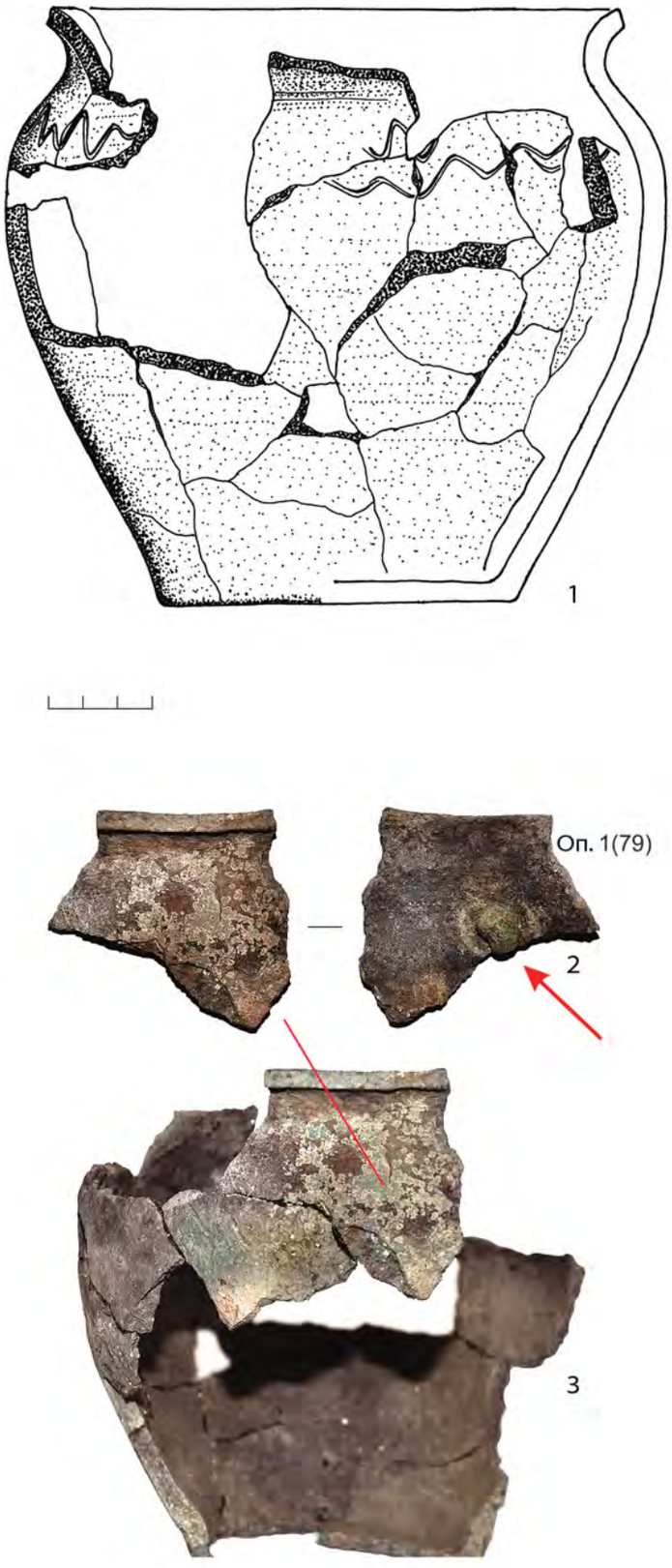


Рис. 318. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. Развал гончарного сосуда из кв. В-2, пл. 3. На внутренней поверхности одного из фрагментов прикипела капля бронзы от расплавленного украшения (?)

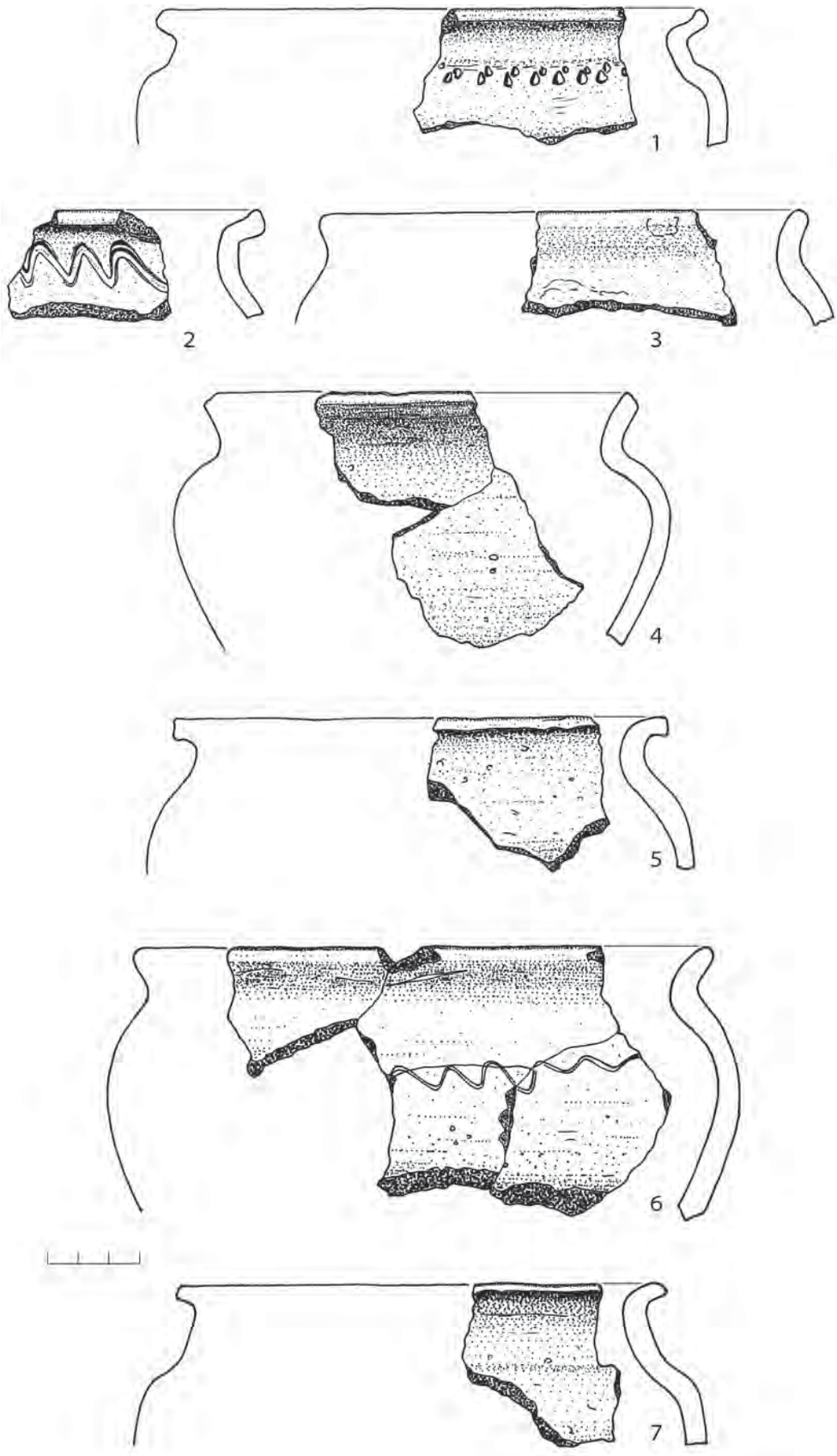


Рис. 319. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$.
Заполнение постройки 1. 1–3 – гончарная керамика из заполнения постройки 1 (без точной локализации);
4–7 – кв. В-2, пл. 2

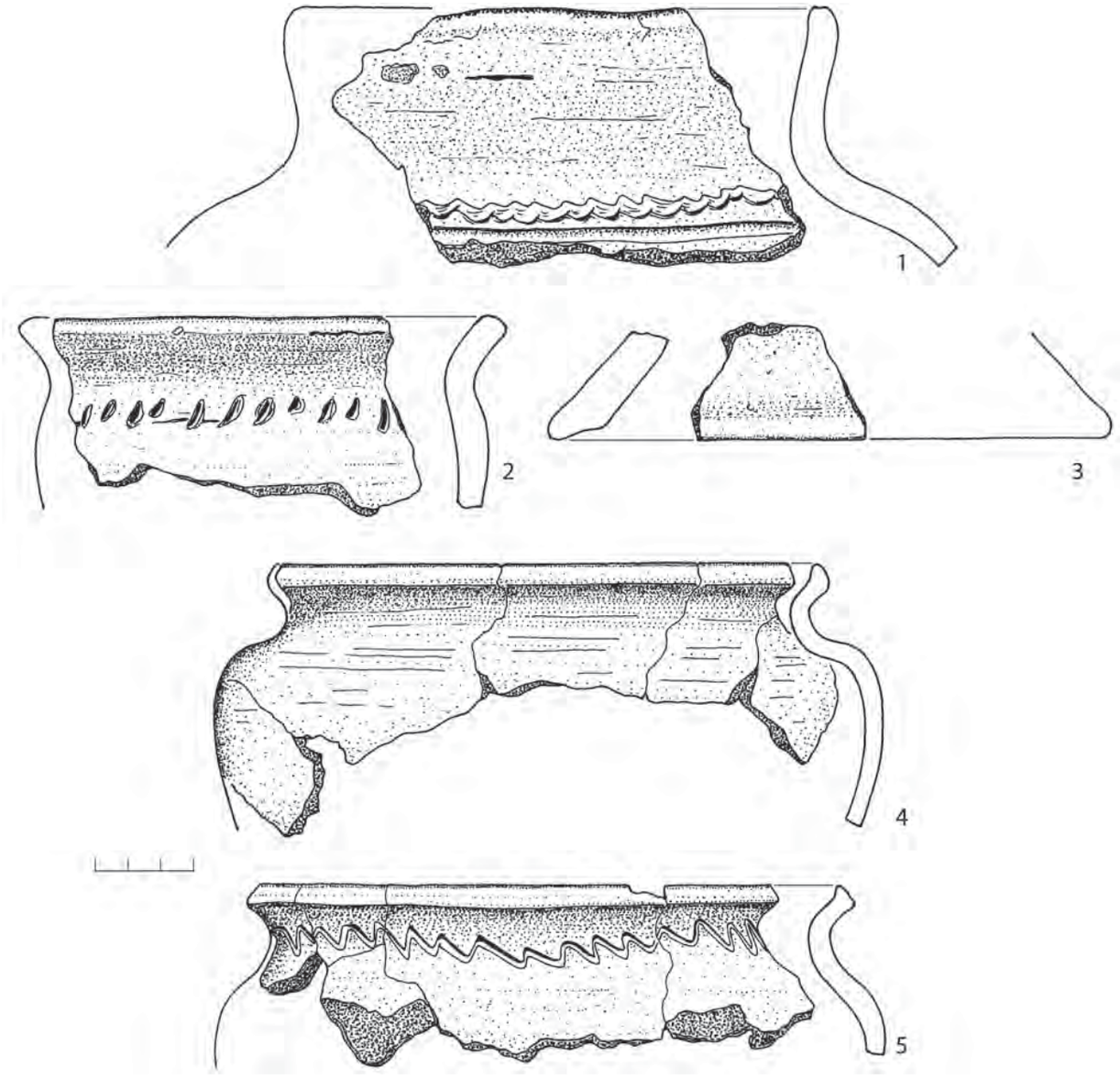


Рис. 320. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. 1–5 – кв. Г-2, пл. 2

украшенного фигурами «хватающего зверя», превращенный в подвеску. Изделие отлито из низкоцинковистой латуни (томпака). Золочение огневое (амальгамное).[51]

В центре нижней части изделия находится фигура когтистого существа с крупной мордой и торчащими треугольными ушами. Нос фантастического животного образует утолщение на нижнем бортике подвески, в который оно энергично упирается лапами. Еще одна звериная морда (сравнительно меньших размеров) находится в верхней части подвески и частично пробита заклепкой, связанной со вторичным использованием вещицы. Следы позолоты сохранились на лицевой поверхности изделия, на нижней кромке под головой зверя и на боковых кромках в верхней части лап. Это говорит о том, что фигуры фантастических животных изначально являлись частью более сложной композиции, были выломаны из какого-то роскошного изделия подтреугольной формы. В верхней части фрагмента на месте слома сохранились заклепка и обломок ушка из тончайшей пластинки медного сплава шириной 5 мм. Кроме того, в подвеске имеются два круглых отверстия, просверленных таким образом, чтобы не повредить фигуру животного. Предмет имеет гладкую внутреннюю сторону и несколько выгнут наружу.

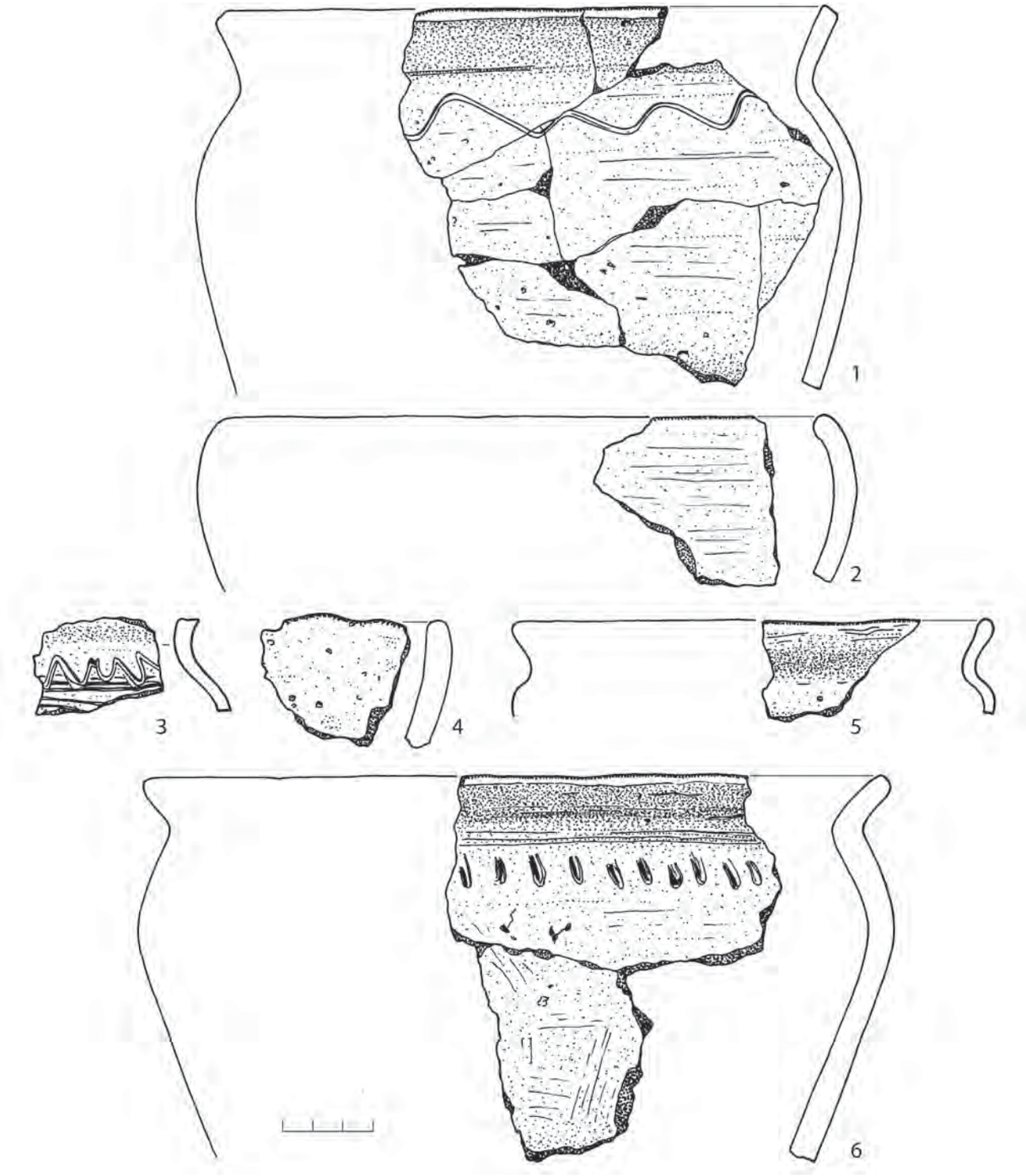


Рис. 321. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. Кв. В-2, пл. 3. 1–3, 5, 6 – гончарная керамика; 4 – лепная

Перед нами фрагмент наконечника ремня конской сбруи. Скандинавские наконечники держателей удил встречаются в Восточной Европе довольно часто. Во-первых, четыре таких накладки входят с состав великолепных удил из супрутского клада 1969 г. (Мурашева 2008). Три фрагмента известны на Рюриковом Городище (Носов 1990: 120, рис. 48: 2; Новиков 2012: рис. 3: 7, 9, 10). Еще одна находка происходит из распаханного кургана Тимеревского могильника, исследованного в 1976 г. (Дубов 1982: 128, 129, рис. 6: 9). На Тимеревском поселении найдено еще два обломка этих изделий, оба из пахотного слоя (Дубов 1982: рис. 13: 13; 29: 7).

В Гнёздове подобные детали узды происходят из трех (четырех?) погребальных ком-

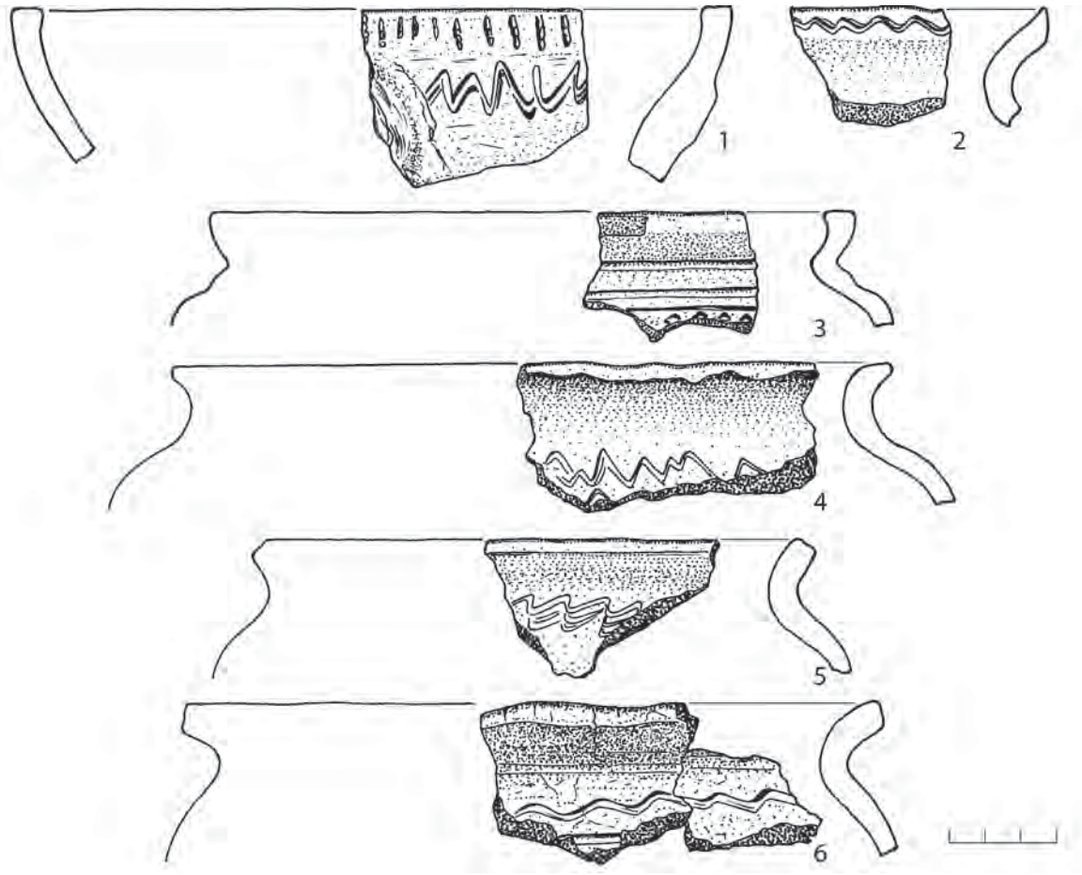


Рис. 322. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. Кв. Г-2, пл. 3. Гончарная керамика

плексов: кургана № 18 (раскопки В. И. Сизова 1882 г.) (Ширинский 1999: рис. 17), кургана Ц-78 (54) и кургана Л-35. Известна еще одна депаспортизованная находка такого рода из гнёздовских курганов (Новиков 2012: рис. 3: 5; рис. 4: 6, 8). В. В. Новиков в недавно вышедшей обстоятельной статье про скандинавскую конскую сбрую на Руси называет еще две случайные находки – из Новгородской области и из Вологодской (Новиков 2012: рис. 3: 8, 11). Наконец, фрагмент еще одной известной нам накладки связан с Шестовицким поселением (Андрощук, Зоценко 2012: 363; кат. 286).

Все перечисленные изделия относятся к произведениям, выполненным в стиле Борре с его «ленточными» плетеными композициями. В. В. Новиков, проанализировавший датирующиеся комплексы с подобными находками, пришел к выводу о необходимости отнести их преимущественно к середине–второй половине X в. (Новиков 2012: 121), что не встречает принципиальных возражений.

Однако кроме ременных держателей в стиле Борре намечается еще одна любопытная группа изделий, к которой и принадлежит вещица из Усвята. Хорошо проработанный коренастый зверек, вцепившийся лапами и пастью в край пластины, – эта композиция находит точную аналогию на фрагменте наконечника ремня конской сбруи, найденном на городище Супруты в раскопе А. В. Григорьева (постройка 2, яма 16, раскоп XXVII, 2002 г.) (Григорьев 2005: 81–82; Мурашева 2008: 38, рис. III).[52] Это, строго говоря, пока единственная на Руси документированная аналогия усвятской находке, поэтому при попытках наметить датировку таких изделий следует ориентироваться на хронологию Супрут. А. В. Григорьев на основании регионального контекста и анализа монетных находок предположил, что гибель варяжского форпоста на Супрутском городище относится к 910-м гг. (Григорьев 2005: 139). Получается, что супрутский фрагмент удил – самый ранний из найденных на Руси (рис. 426: 3).

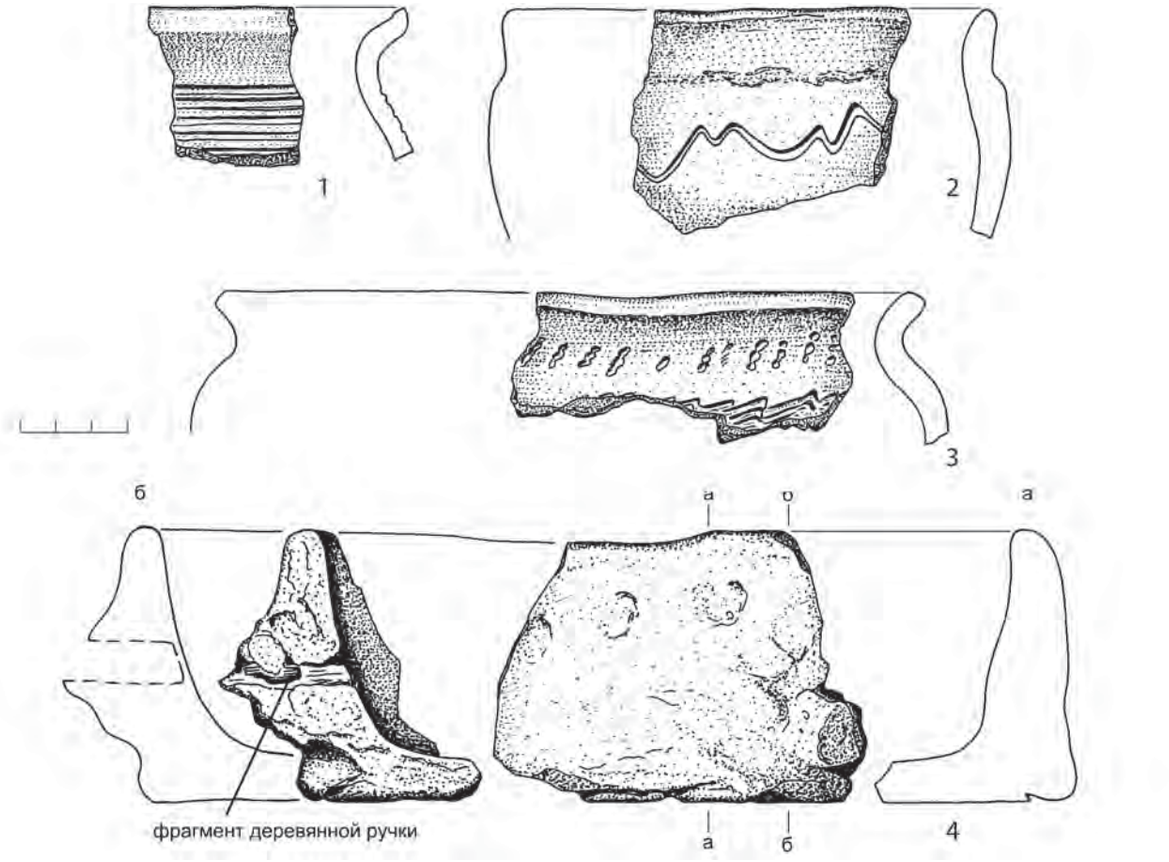


Рис. 323. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. 1 – кв. Г-3, пл. 4; 2–4 – кв. В-2, пл. 4. 1–3 – гончарная керамика; 4 – лепная жаровня

На мой взгляд, эта датировка хорошо согласуется с особенностями более архаичного звериного стиля супрутской находки. В фигуре зверя с супрутских удил много еще от стиля Осеберг, характерного преимущественно для IX в. Именно ему свойственны композиции в виде гроздьев мордастых зверюшек, сцепившихся пастями и лапками. То же самое можно сказать и про деталь сбруи из Усвята. Мне известна находка еще одного подобного фрагмента удил из Новгородской области, к сожалению, без контекста (Новиков 2012: рис. 3: 12).

Таким образом, по художественному стилю можно выделить две группы держателей удил: первую – с фигурами «хватающего зверя» и вторую – в стиле Борре. Вторая группа датируется серединой–второй половиной X в., первая – более ранняя.

Те же две группы мы видим и в материалах Скандинавии. На Готланде наконечники, очень близкие находкам из Супрут и Усвята, входят в состав украшений конской сбруи из погребения в Ире, приход Хельви (Thunmark-Nylén 1995: Abb. 198b). Они представляют первую группу изделий такого рода.

Самая знаменитая находка – из кургана 1 в Борре (Норвегия) не является точной аналогией усвятскому и супрутскому изделиям и относится ко второй группе. То же самое можно сказать про погребение 644 Бирки (Arbman 1940: Taf. 28:6). Еще один подобный (сравнительно поздний) наконечник происходит из раскопок так называемого Гарнизона Бирки (Hedenstierna-Jonson 2006: fig. 9). В готландских древностях следует также указать на клад из Смисс, приход Эке, принадлежавший, видимо, ремесленнику-ювелиру (Thunmark-Nylén 1998: Taf. 301). Любопытно, что в состав этого клада входила уникальная булавка, изготовленная, как полагает Ингмар Янссон, ювелиром-готландцем для продажи где-то в Подвинье. Известна еще только одна подобная булавка – из погребения в Люцинском могильнике (Лудзас Одукалнс) в Латгалии (Jansson 1995). Прослеживаются, таким образом, следы существования еще одного

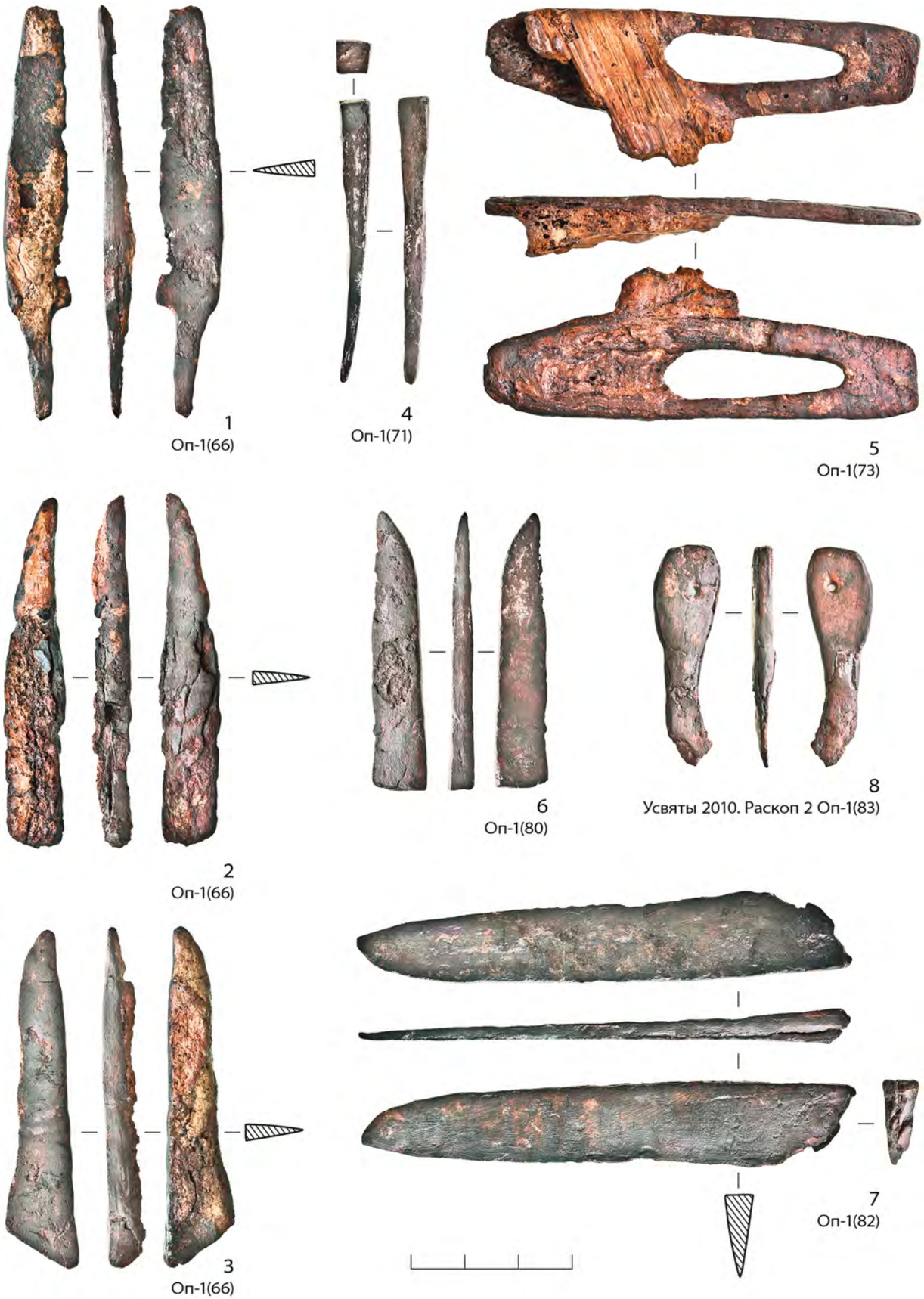


Рис. 324. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_1. Заполнение постройки 1. Изделия из железа

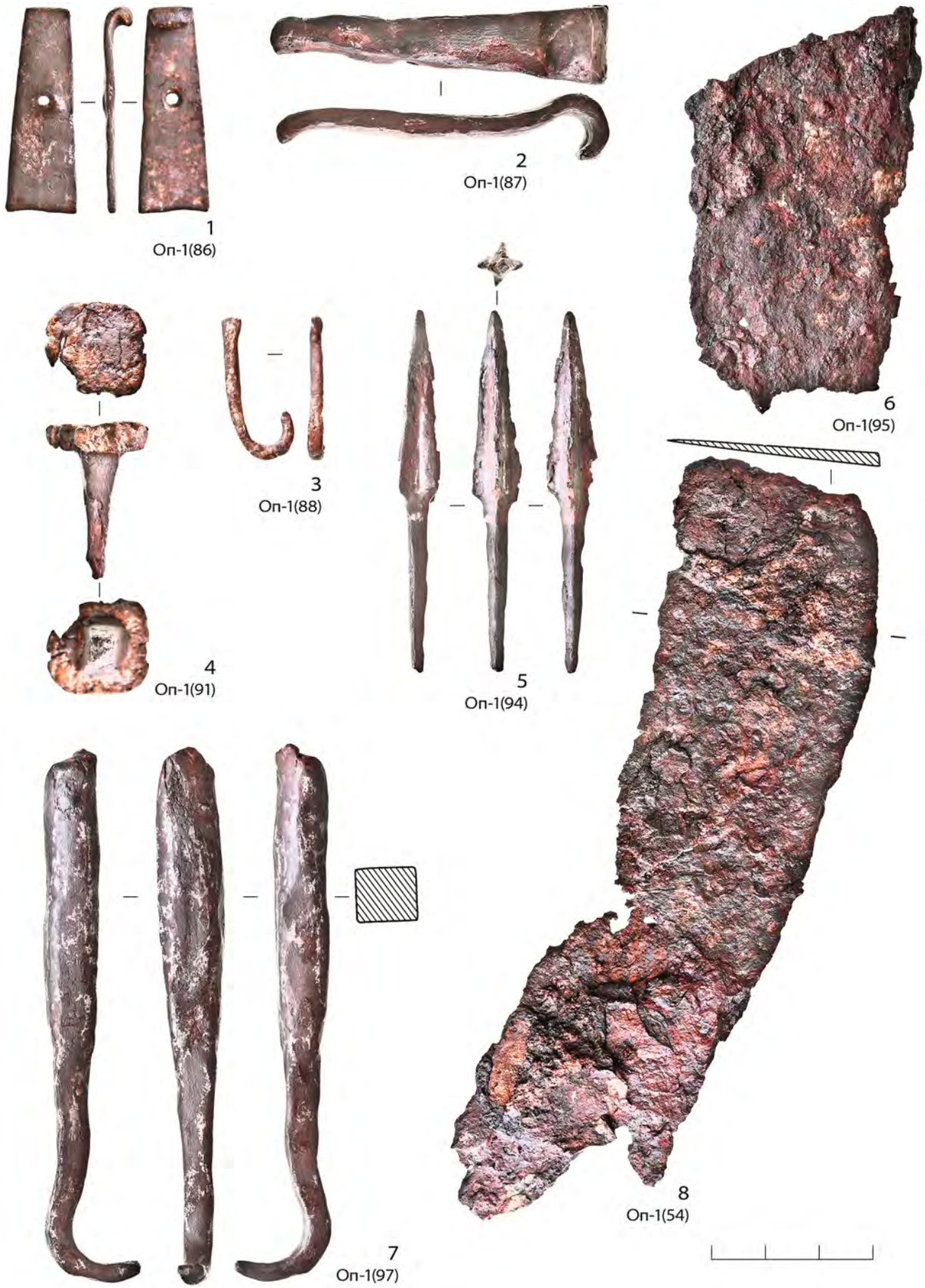


Рис. 325. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. Изделия из железа

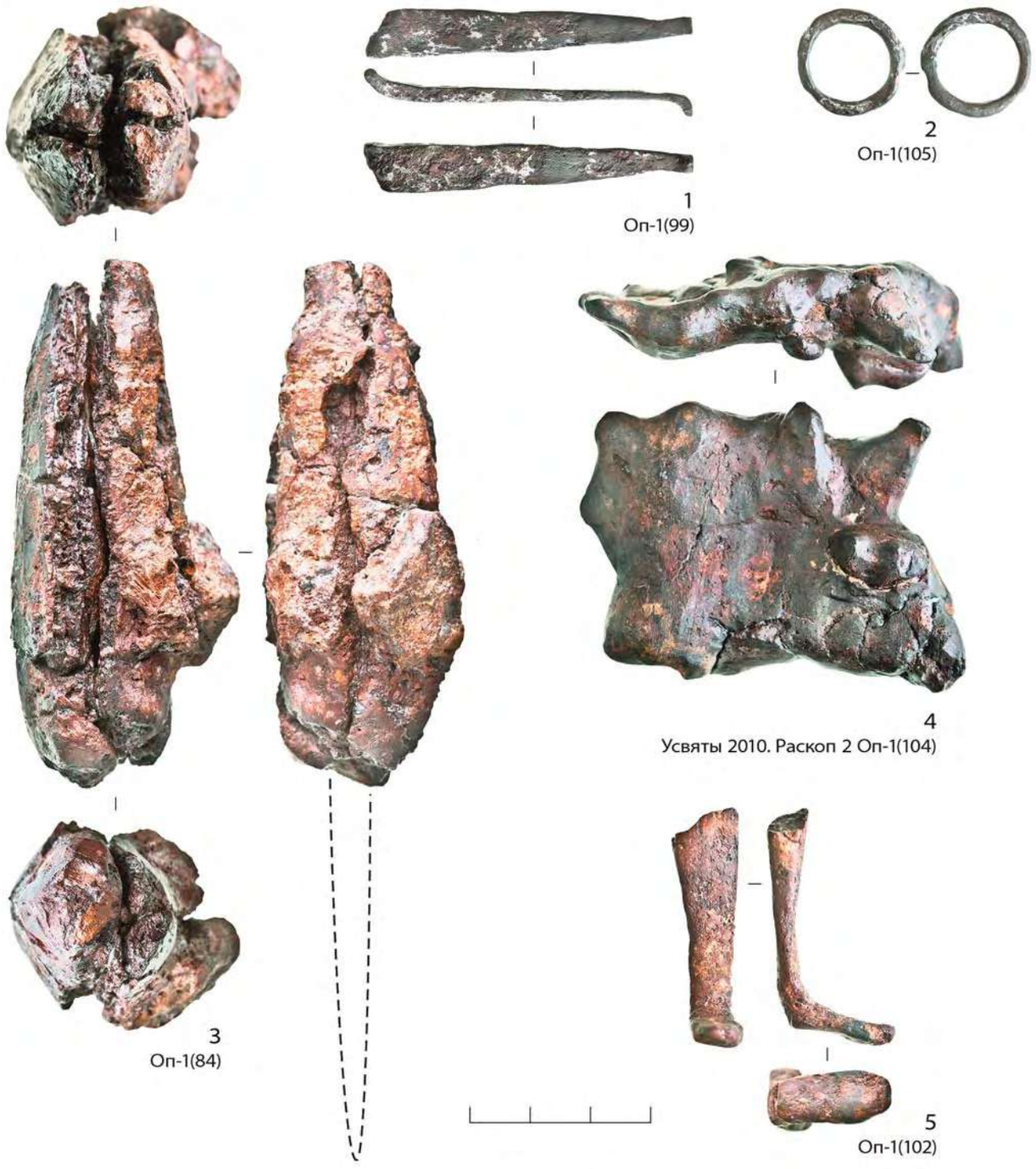


Рис. 326. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. Изделия из железа (1–3, 5) и железный шлак (4)

человека, обладавшего подобными удилами и связанного каким-то образом с окраинами Полоцкой земли.

В контексте ранней датировки усвятских удил отыскивают себе место и некоторые другие ранние находки с Юрьевых Гор, в частности, салтовская трапециевидная пряжка (рис. 427: 2). Вполне вероятно, что Юрьевы Горы входят в группу памятников, связанных с первым проникновением скандинавов в область летописного волока с Днепра на Ловать. Еще одним таким пунктом был, видимо, Витебск, где также известна небольшая группа ранних скандинавских находок (Еремеев, Дзюба 2010: 496–499).

Детали ременной гарнитуры. Среди утраченных находок оказались два **ременных наконечника** в стиле Борре (рис. 449: 5, 6),



Рис. 327. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. Изделия из железа (1, 3) и костяная рукоять ножа с обломком железного черенка (2)

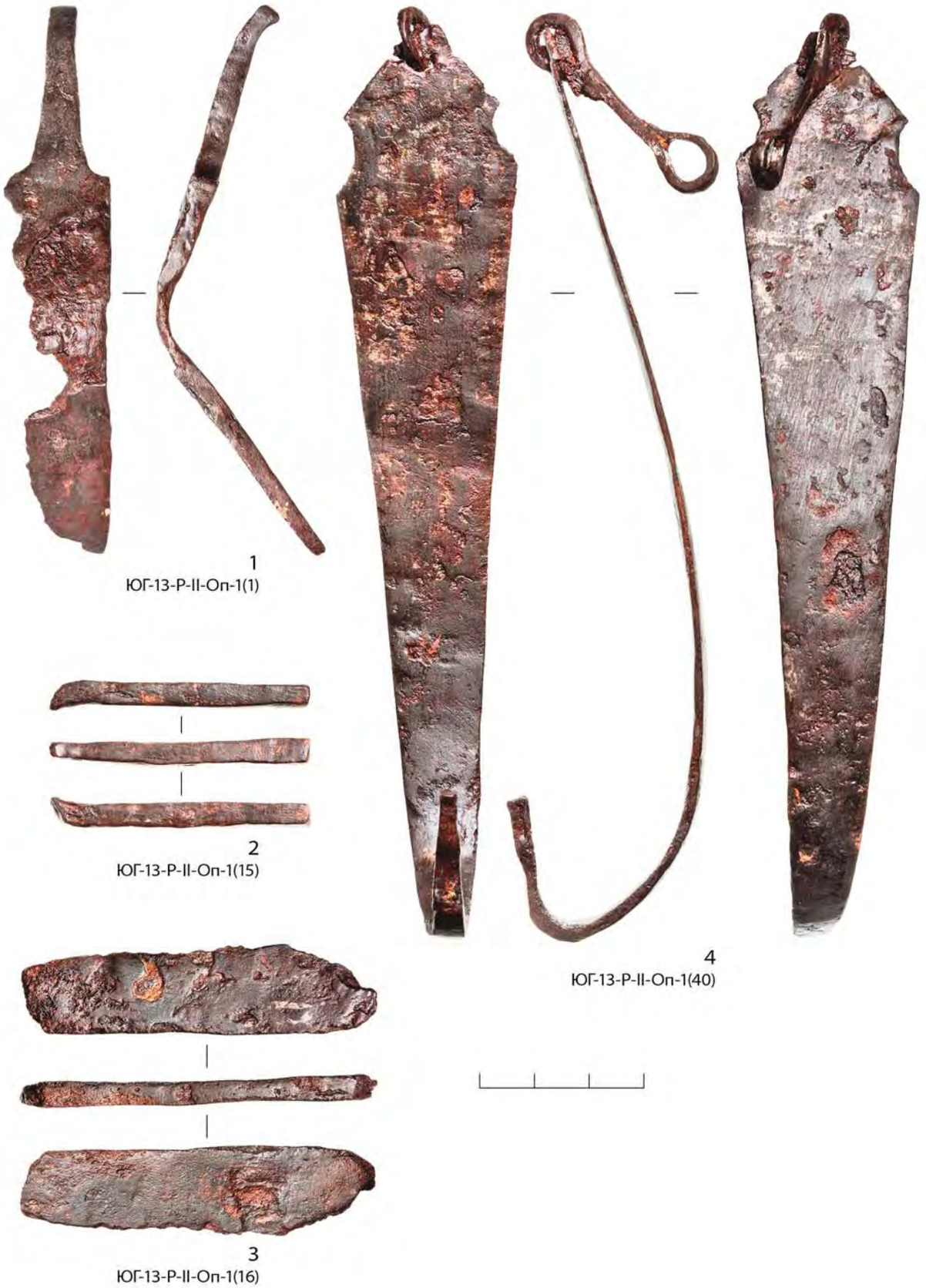


Рис. 328. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. Изделия из железа



Рис. 329. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. Изделия из железа (1, 2, 4, 5) и железный шлак (3)



Рис. 330. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. Железный замок

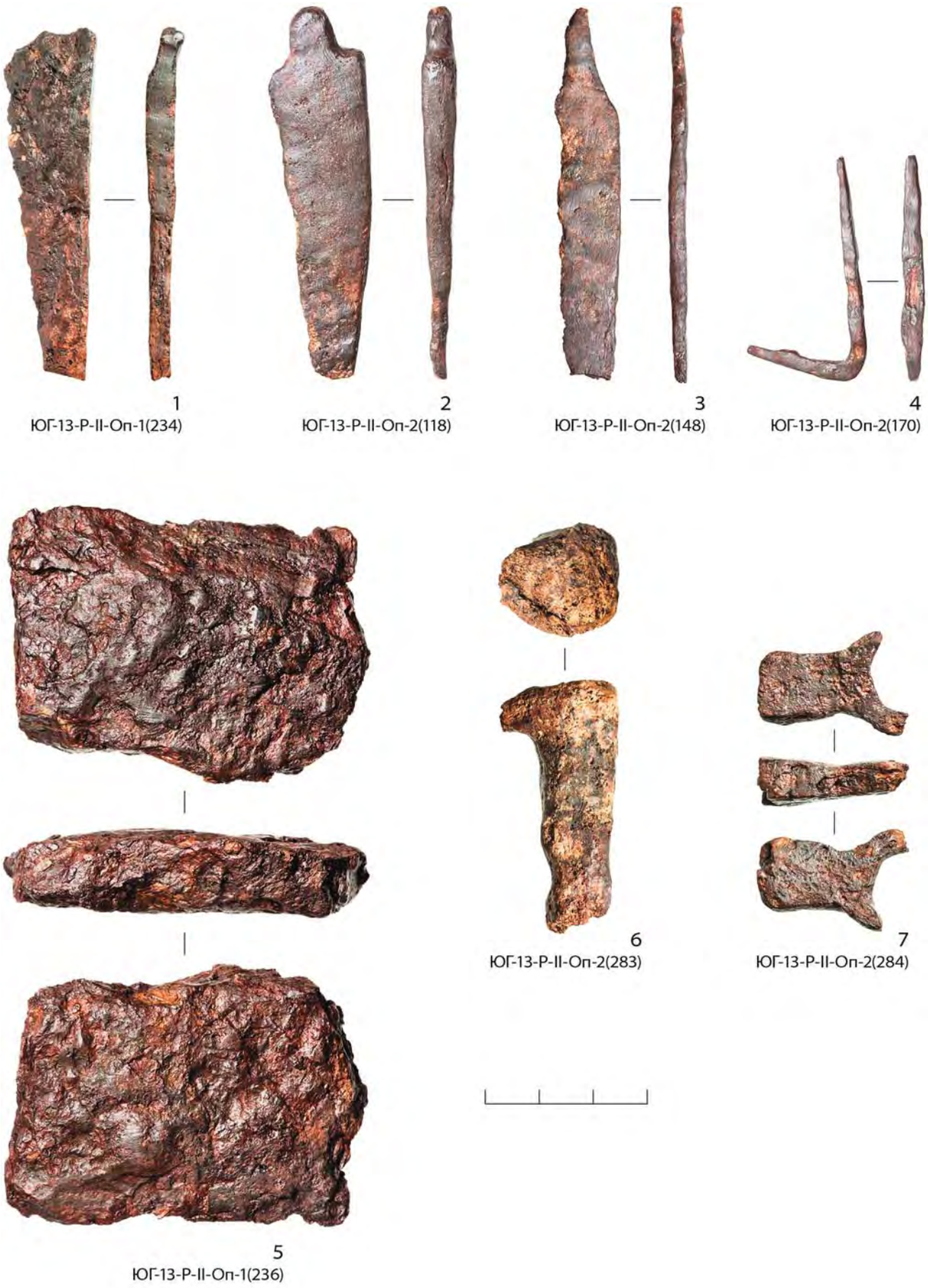


Рис. 331. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. Изделия из железа



Рис. 332. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. Изделия из камня



Рис. 333. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. Изделия из кости



Рис. 334. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_1$. Заполнение постройки 1. Изделия из стекла (1–5, 7–10), камня (6) и медного сплава (11)

оканчивающихся маской животного (один наконечник фрагментирован). Многочисленные более или менее близкие параллели этим украшениям помимо Скандинавии известны в курганах Гнёздова, Пскова и Ярославского Поволжья (Колосова, Милютина 1994: рис. 11: 2; Мурашева 1998: рис. 2). Датировка украшений традиционно относится к X в. (не исключено, на наш взгляд, и начало следующего столетия). По-видимому, эти украшения могли использоваться как в составе парадной конской сбруи (Новиков 2009: 60–61), так и в качестве поясной гарнитуры.

Навершие бронзовой булавки, украшенное рядами валиков и увенчанное плоским ушком с отверстием для кольца (рис. 428: 5), также следует предположительно отнести к скандинавским украшениям. Аналогии имеются в Бирке (Arbman 1940: Taf. 170: 1–3), Хедебю (Jankuhn 1943: Abb. 73: f). На Руси ближайшие в географическом отношении находки подобных украшений сделаны в Городке на Ловати (Станкевич А-1954).

Еще один фрагмент поясного набора относится к XI в., возможно, к XII в. Это ажурная литая **обоймица для крепления секции поясного ремня** к разделительному кольцу, выполненная в стиле, близком северным стилям «Еллинг» или «Урнес» – с длинными завитками по бокам (рис. 452: 12). Подобные поясные украшения в большом количестве и в разных вариантах встречаются в могильниках и на поселениях Готланда (Nerman 1929: 127–128; Thunmark-Nylén 1998: Taf. 137–138; Widerström 2008: fig. 8) и в других регионах Швеции (Eketorp-III 1998: 276). Известны случаи крепления литых обоймиц не к кольцу, а к поясной пряжке (Nerman 1929: Fig. 127; Widerström 2008: fig. 8).

На находки этих поясных деталей в Финляндии и Юго-Восточной Прибалтике,

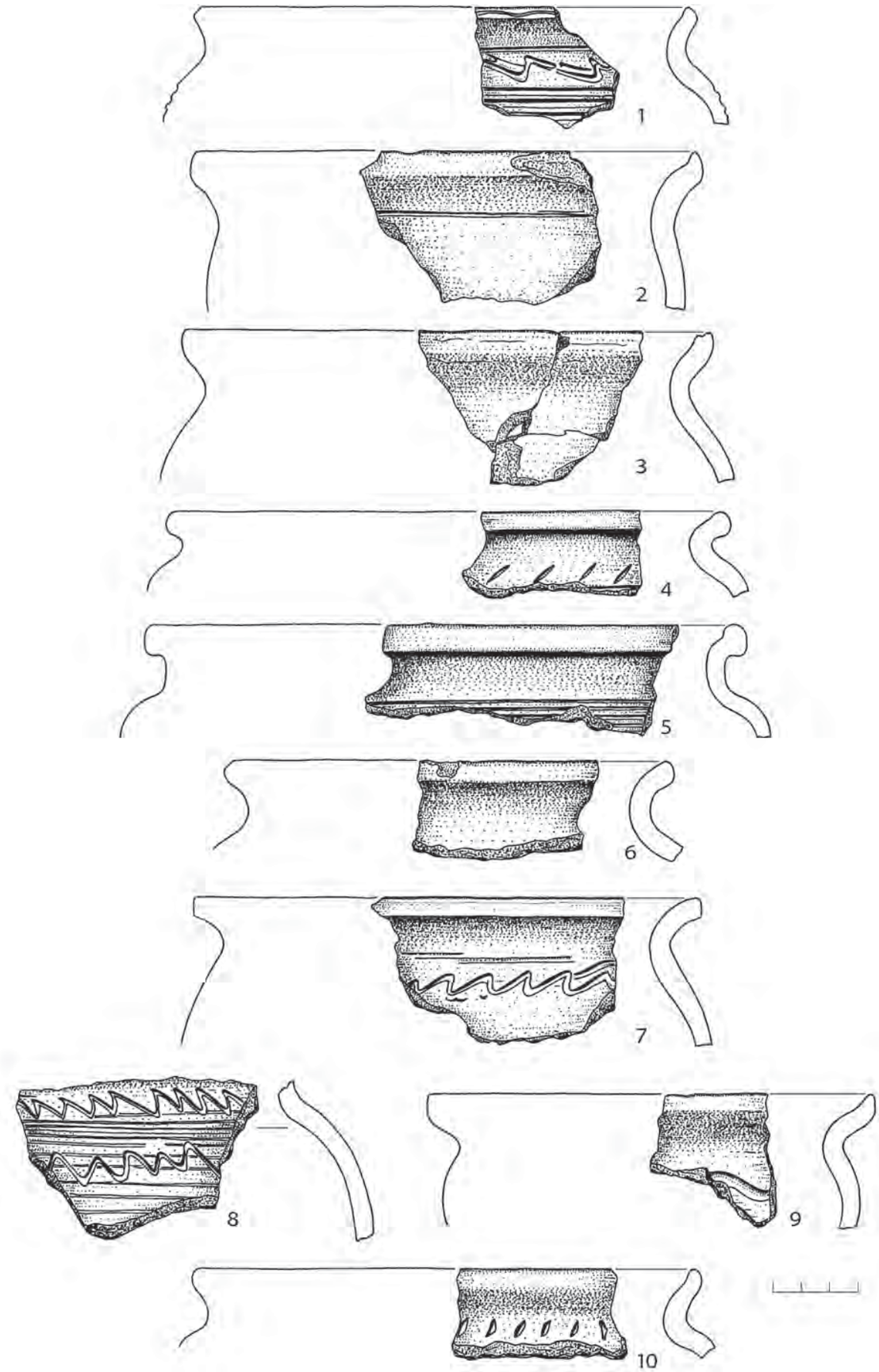


Рис. 335. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_2$ (пласт 3–4). Гончарная керамика из линзы серо-желтого суглинка. 1–4 – кв. В-1; 5, 6 – кв. В-2; 7, 8 – кв. Г-1; 9, 10 – кв. Г-2

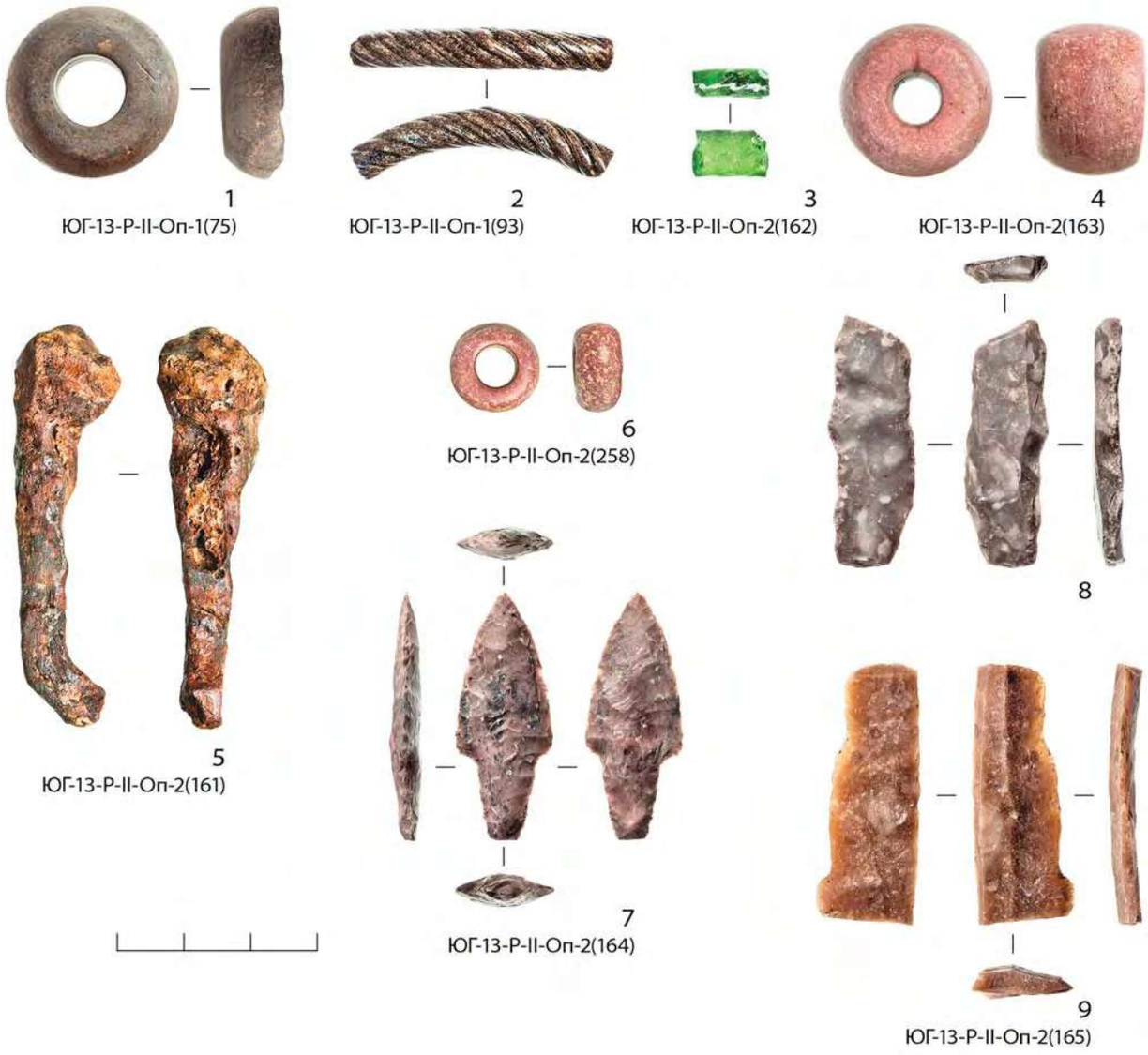


Рис. 336. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_2 (пласт 3–4). Находки из линзы серо-желтого суглинка. 1, 4, 6 – пирофиллитовый сланец; 2, 3 – стекло; 5 – железо; 7–9 – кремень

в частности, в низовьях Даугавы, исследователи обратили внимание давно (Tallgren 1925: 107–110). Биргер Нерман опубликовал карту их распространения в Юго-Восточной Прибалтике (Nerman 1929: Fig. 132). Обращались исследователи к этому материалу и позднее (Мугуревич 1965: 83, табл. XVI). Связь между расширением культурного влияния Готланда и распространением этих изделий несомненна, хотя часть из них могла быть изготовлена на месте по привозным образцам. На коренных древнерусских (восточнославянских) землях: на Смоленщине, в Новгородской земле – этих находок почти нет (мне известна одна – на Рюриковом Городище), что говорит скорее в пользу связи их с норманнизированной культурой прибалтийско-финского населения, нежели собственно с древнерусской культурой. Э. С. Мугуревич, введший в научный оборот находку с Ерсикского городища (Мугуревич 1965: табл. XXX: 21), показал – как распространяются эти изделия вверх по Даугаве. В настоящее время в научный оборот введена еще одна ажурная обоймица из Полоцка (Клімаў 2011: мал. 5: 9; Полоцк 2012: рис. 85: 9). Усвят, таким образом, выглядит как логичное завершение этой цепочки находок на восточном рубеже Полоцкой земли.

Крючок для крепления подвязки или онучей в виде звериной маски. Это украшение в стиле Борре оказалось в несохранившейся части коллекции (рис. 452: 10). Подобные крючки известны в Бирке (Arbman 1940: Taf. 91: 6).

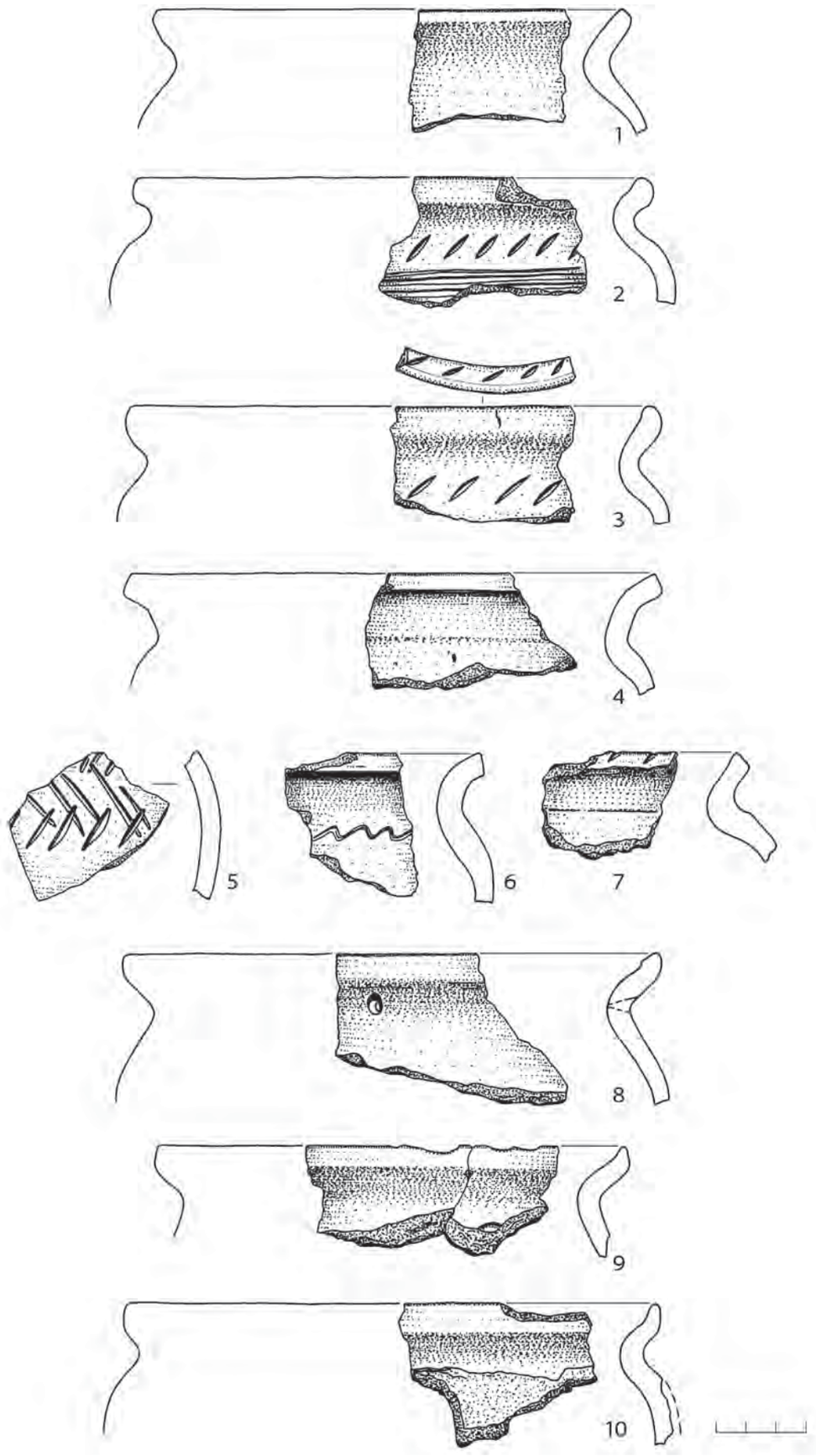


Рис. 337. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 4). Гончарная керамика из-под линзы серо-желтого суглинка. 1 – кв. Б-2; 2–5 – кв. В-1; 6, 7 – кв. В-2; 8–9 – кв. Г-1

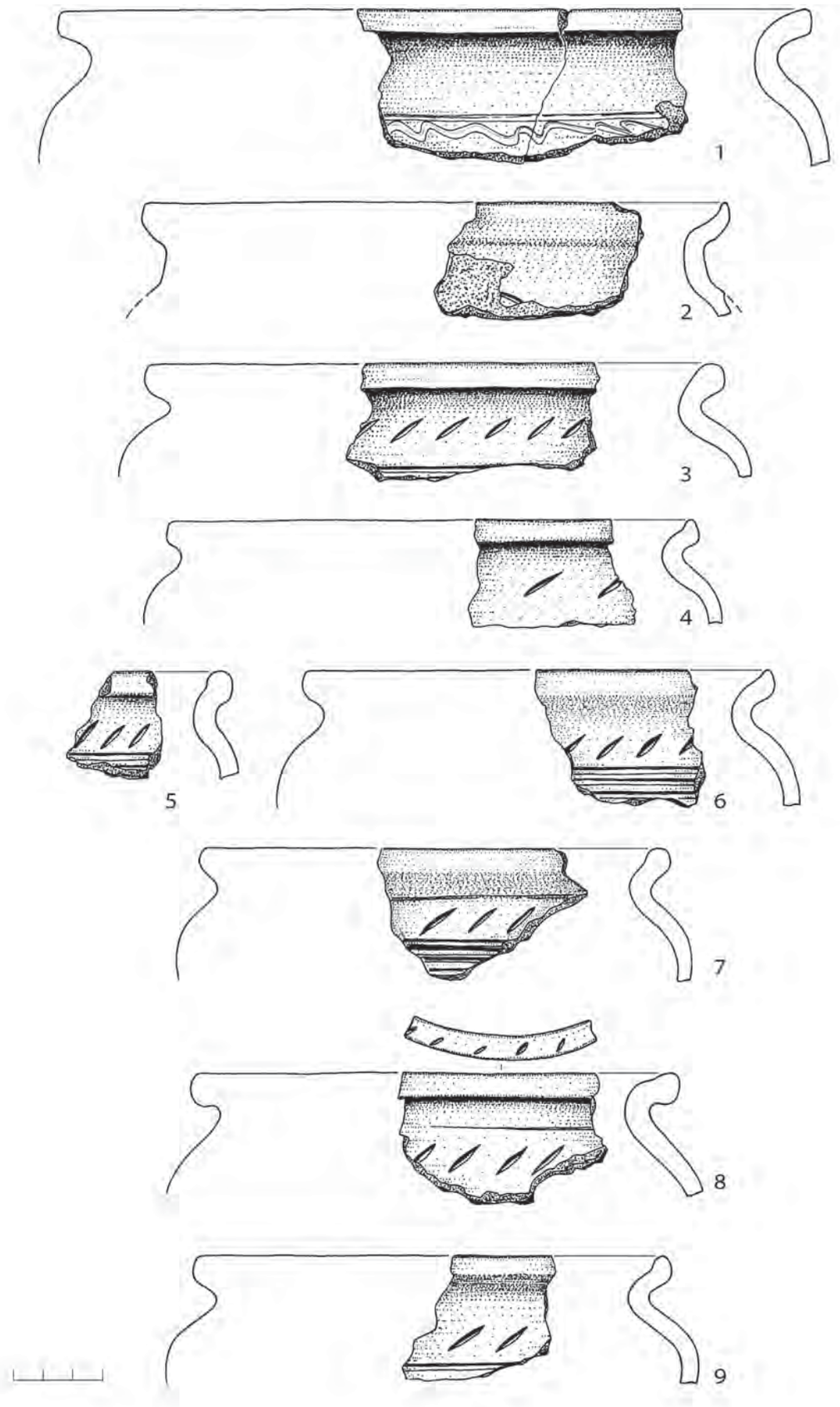


Рис. 338. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Гончарная керамика. 1–5 – кв. Б-1; 6–9 – кв. Б-2

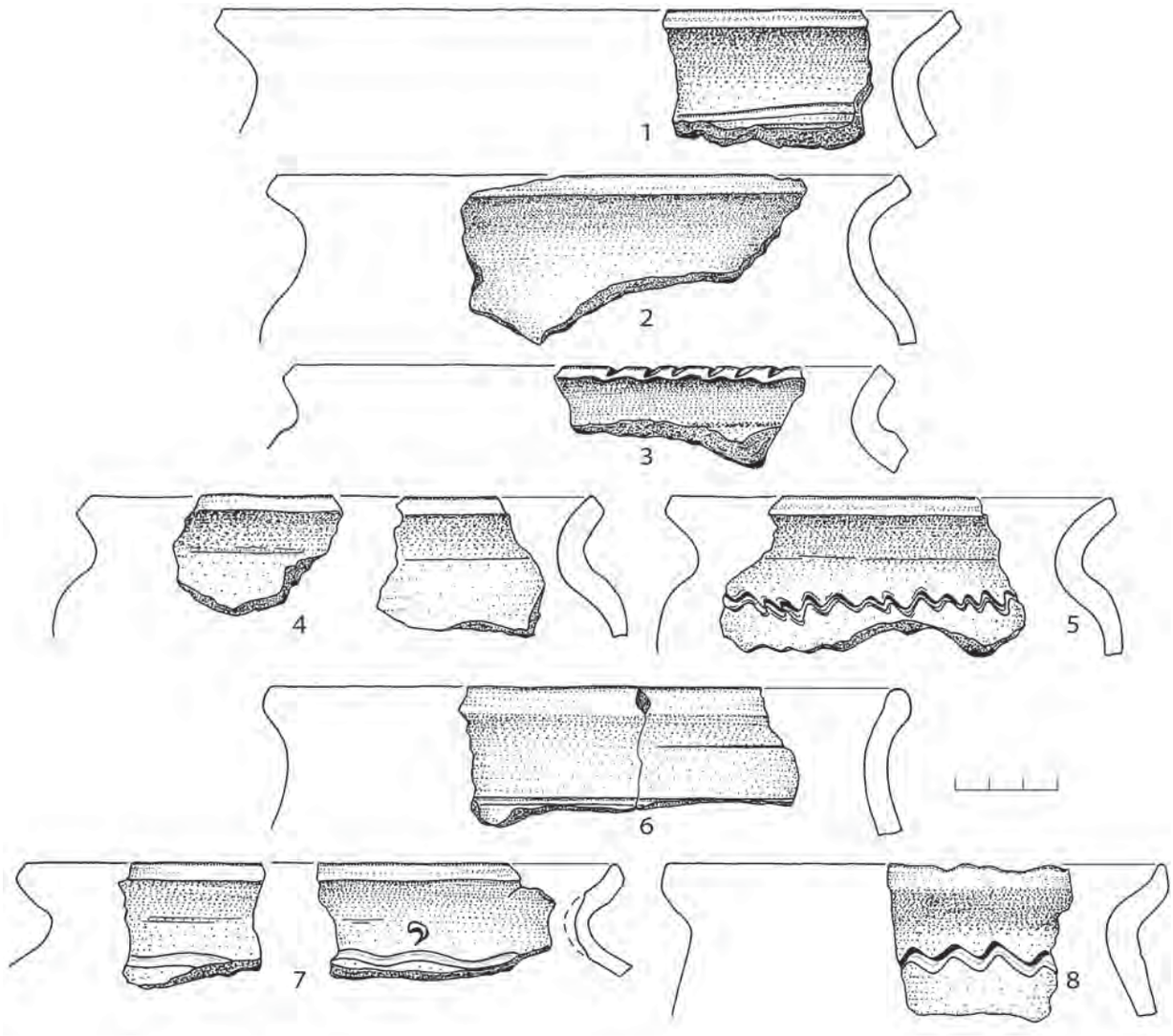


Рис. 339. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Гончарная керамика. Кв. Б-2

Делались они в двух исполнениях – с двумя или тремя петельками для пришивания к ткани. На Руси это редкое для Скандинавии украшение находят, как ни странно, довольно часто. Пять таких изделий (причем – все с производственными изъянами) известны на Рюриковом Городище (Носов 1990: 160–162; Носов, Хвощинская 2011: 74), одно – в Ладоге (Носов 1990: 168). На втором месте по количеству находок стоит Гнёздово (Путь из варяг в греки 1996: кат. 418, 420; Ширинский 1999: рис. 20). Недавно в научный оборот введены еще три подобных изделия: одно с поселения Пекуново в Тверском Поволжье (Исланова, Крымов, Романов 2005: рис. 2: 4) и два из кургана, раскопанного в 2011 г. в Шестовицком могильнике (Андрощук, Зоценко 2012: 350; кат. 270, 271). Курган датируется серединой–второй половиной X в.

Мода на эти украшения определяется временем распространения скандинавского орнаментального стиля Борре, т. е. X в. Любопытно, что на усвятском изделии отверстия в петельках, предназначавшихся для крепления крючка к холщовой основе, не проработаны. Перед нами либо ювелирный полуфабрикат, либо неудачная отливка. Возможен и третий вариант: крючки на древнерусских землях могли использоваться как-то по-иному, нежели на своей этнографической родине – в Швеции.

Производство литых крючков в виде звериных масок в стиле Борре достаточно убедительно зафиксировано на Рюриковом Горо-

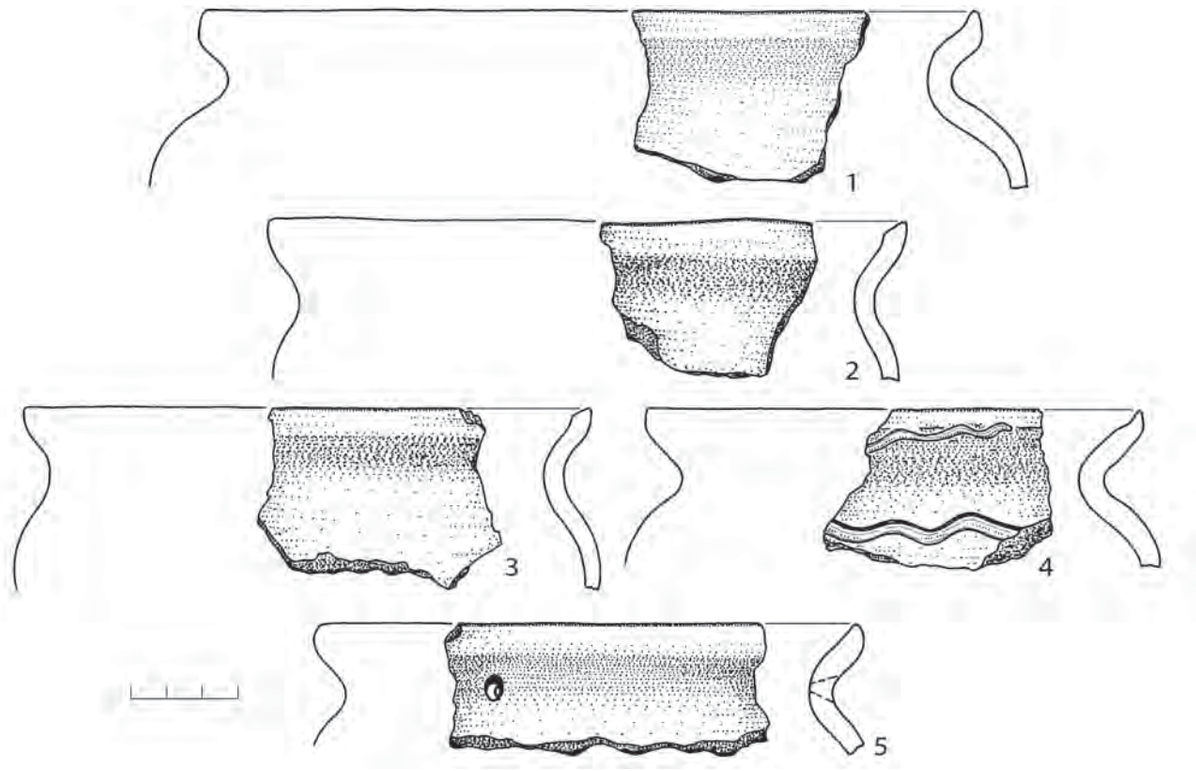


Рис. 340. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Гончарная керамика. 1–4 – кв. Б-2; 5 – кв. Б-3

дище (Хвощинская 2007а: 132). Не оттуда ли попало в Усвят недоработанное изделие? Или оно было изготовлено на месте? Ответа на эти вопросы пока нет.

Ременная бляшка в виде звериной (медвежьей?) маски в стиле Борре (рис. 452: 11). К сожалению, изделие утрачено, и мы не представляем себе его оборотной стороны. Если это действительно поясная бляшка, а не деталь, выломанная из какого-то более сложного предмета, то она является большой редкостью. На Руси нам известны только две аналогии. Одна из них чрезвычайно важна для хронологии. Подобное ременное украшение (несколько все же отличающееся в деталях орнаментации) происходит из слоя пожара в заполнении рва на городище I в Коростене (Комар 2012: рис. 22: 3). Именно это городище исследователи отождествляют с летописным Искоростенем, а горизонт пожара – с сожжением города войсками княгини Ольги в 946 г. Если это предположение верно, бляшка в виде головы медведя получает достаточно раннюю датировку – вторая четверть–середина X в.

Вторая аналогичная деталь поясного набора найдена на поселении Бутиково в междуречье Оки и Дона (Григорьев 2005: рис. 31: 10). К сожалению, накладка происходит из подъемного материала и не имеет четкого контекста. Судя по общему составу находок, поселение Бутиково существовало в X–XII вв.

Еще одна известная нам на Руси поясная накладка в виде медвежьей (?) головы (но со значительно более простым декором) происходит из погребения 1 кургана № 2 в могильнике Сумароково на Смоленщине (Енуков 1990: рис. 44: 12). Погребение содержало гончарную керамику и датируется, скорее всего, второй половиной X в.

Фрагмент изделия в стиле Борре (рис. 425: 3) зарисован мною в 1992 г. в Усвятском краеведческом музее (в настоящее время утрачен). Возможно, это фрагмент верхней, ажурной, части двусоставной скорлупообразной фибулы или обломок наконечника ножен меча. Точно установить – какому именно изделию принадлежал фрагмент – невозможно.

Круглая (щитообразная?) подвеска, выполненная из медного сплава (рис. 452: 14), находится в числе утраченных находок и может быть проанализирована только по фотографии. Изделие орнаментировано по краю

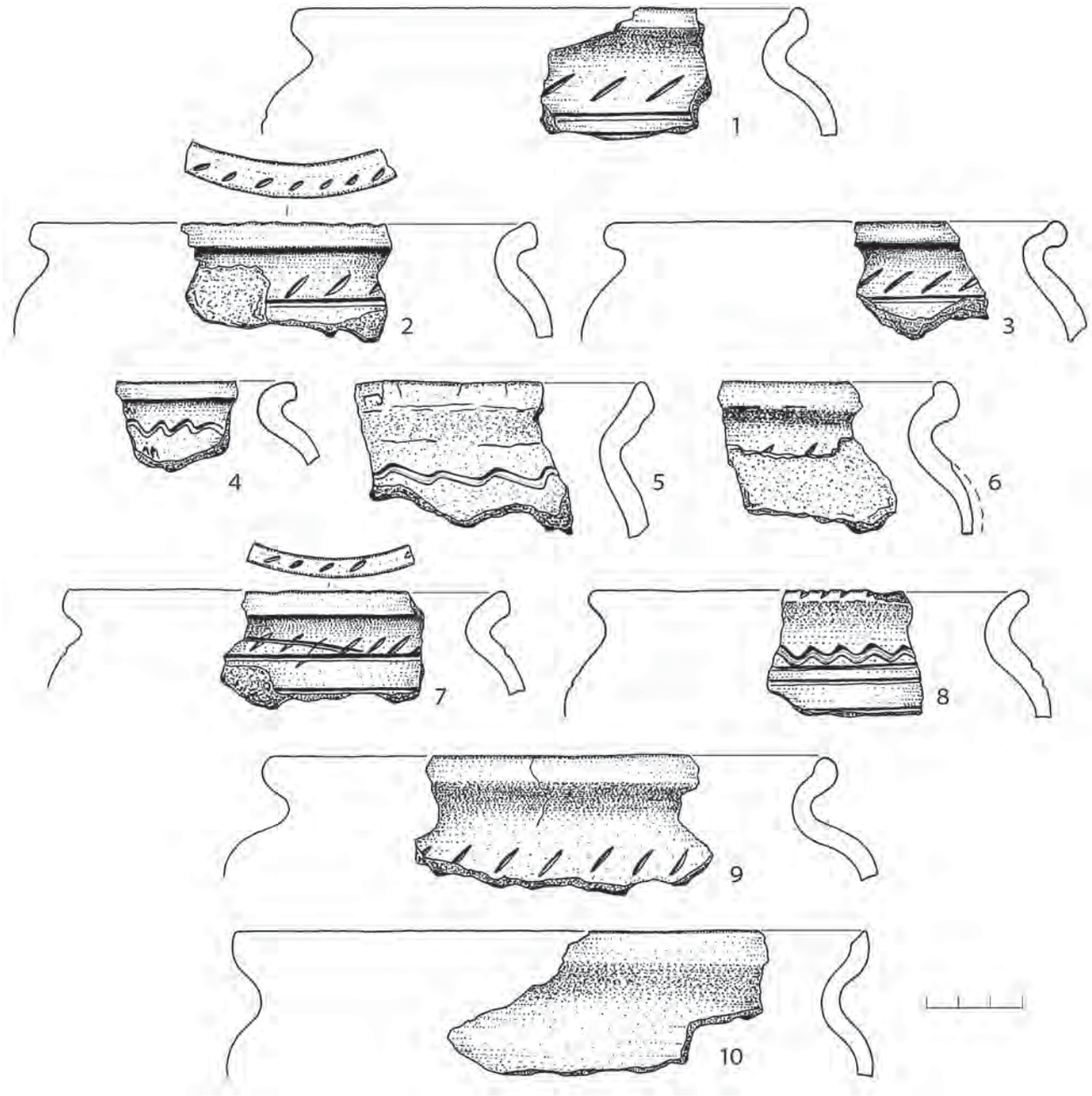


Рис. 341. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_3 (пласт 5). Гончарная керамика. 1–4 – кв. В-1; 5–9 – кв. В-2; 10 – кв. В-3

рифленым бортиком. Характер орнаментации не вполне понятен из-за плохой сохранности вещи. В центральной части подвески пуансоном выбита окружность, вероятно, имитирующая умбон. Просматриваются отпечатки трех видов пуансона: циркульного (внутри окружности), чекана в виде треугольника с тремя точками внутри (между «умбоном» и бортиком подвески) и зубчатой полоски (там же). С краю имеются два отверстия для крепления петельки. Круглые подвески-амулеты (иногда они имеют выступающий «умбон», иногда – нет) были широко распространены в материковой Скандинавии, на Готланде и в Дании в IX–XI вв. (Petersen 1928: Fig. 149, 150, 165; Arbman 1940: Taf. 97; Thunmark-Nylén 1998: Taf. 170: 4–6; Новикова 1998: 166–167). Носились они в составе ожерелий или наборов амулетов, преимущественно женщинами. На Руси эти украшения известны в местах концентрации выходцев из Северной Европы: в Гнёздове (Новикова 1991: 186–192), Пскове и некоторых иных пунктах. Выделяется скопление находок в Волго-Окском междуречье (Новикова 1998: рис. 1). При попытке датировки усвятской щитообразной подвески, на наш взгляд, следует обратить внимание на фрагменты круглых подвесок из клада в Васьково в верхнем

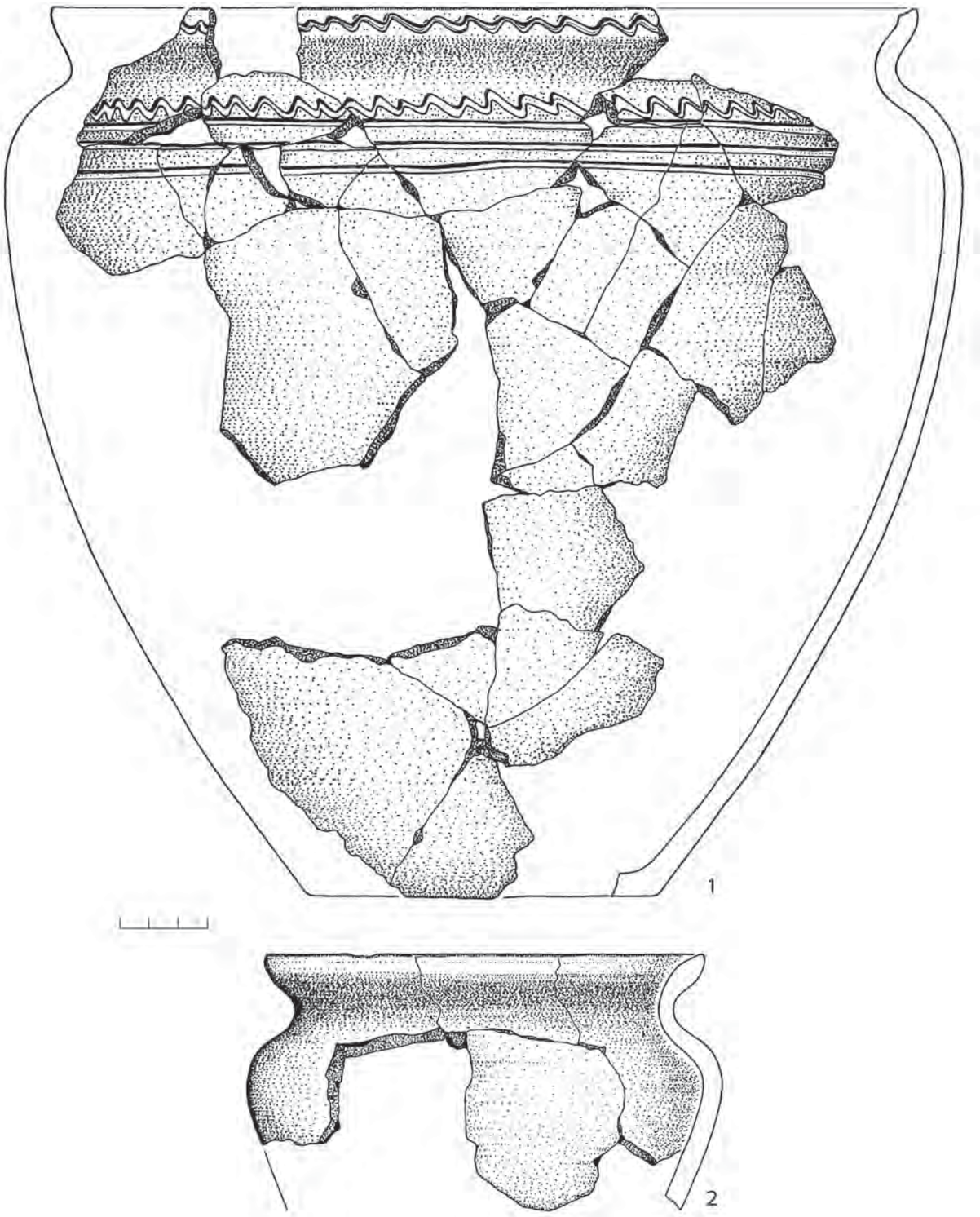


Рис. 342. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Гончарная керамика. Кв. Г-1. 1 – развал 1; 2 – развал 2

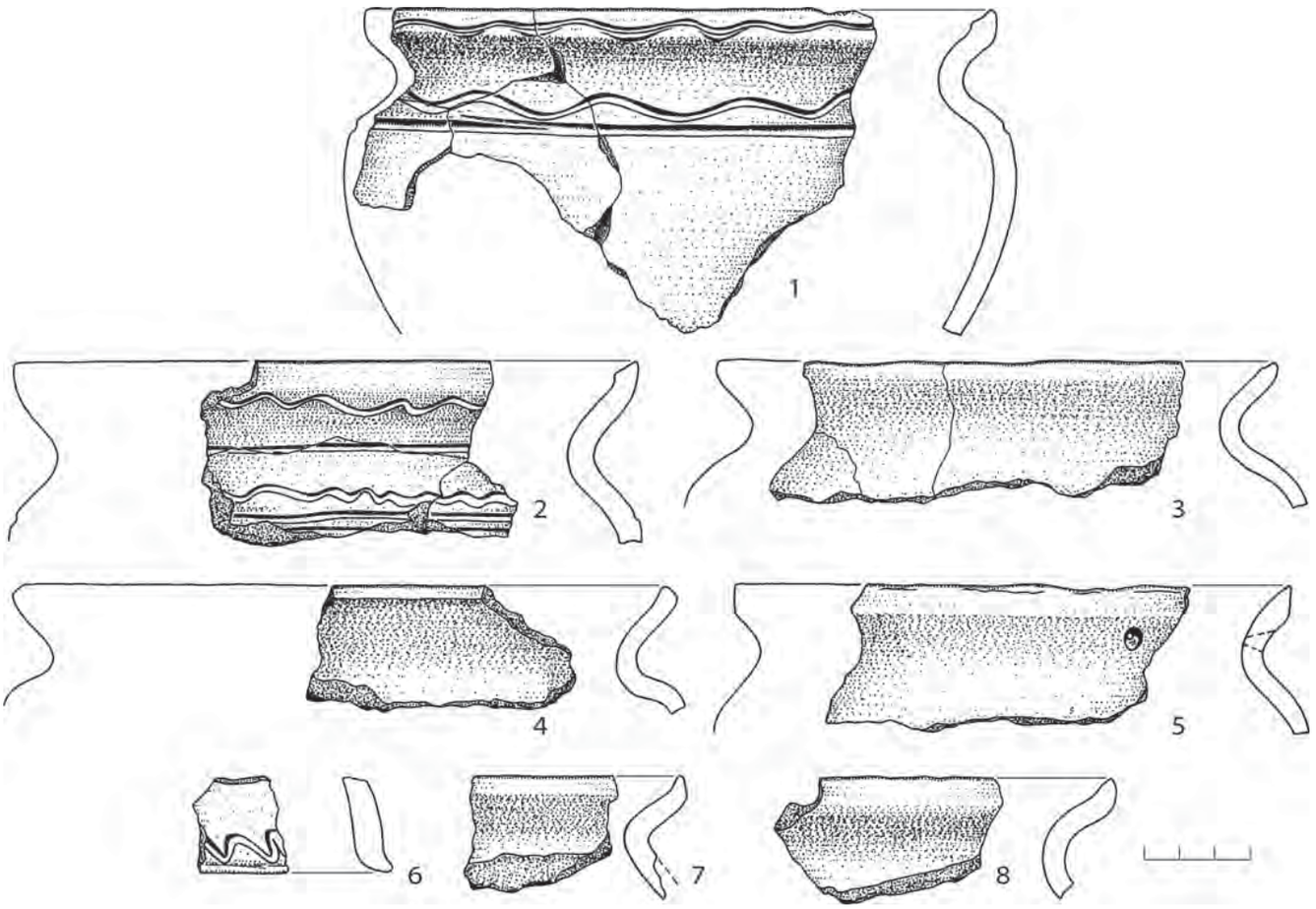


Рис. 343. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Гончарная керамика. Кв. Г-1

течении Ловати. Это, кстати, – ближайшая к Усвяту (в географическом отношении) находка. В Васьково мы также видим подвески и их фрагменты, украшенные тем же набором чеканов, что и в Усвяте (Корзухина 1954: табл. XXIII: 3, 4). Судя по монетам, клад в Васьково зарыт между 1011 и 1059 гг. (Фасмер 1929: 290 (№ 22); Корзухина 1954: 98 (№ 50); Потин 1967; Кропоткин 1971: 84 (№ 70); Лесман 2003: 60–61). Щитообразные подвески быстро стали излюбленным украшением обитателей Восточной Европы, независимо от связи последних со скандинавской культурой, поэтому продолжали использоваться и в XII в. (Зайцева 2008: 130–131).

Наконечник ножен меча (рис. 424: 4) североевропейского типа найден, согласно указаниям находчика, на Юрьевых Горах в районе Церковища. Этот предмет подробно изучен С. Ю. Каиновым, изложившим результаты своих исследований в отдельном разделе этой книги (Приложение 5).

К изделиям общебалтийского круга можно отнести **пластинчатый перстень с завязанными концами**, украшенный чеканным орнаментом (рис. 449: 7). В Скандинавии и на Руси таких находок в X–XI вв. известно множество (Arbman 1940: Taf. 111: 6–11; Подвигина 1961: рис. 3: 1–4).

Кроме перстня целый ряд изделий несет отпечаток культуры, свойственной в равной степени всему прибалтийскому миру. К таким вещам можно отнести обломки украшений с орнаментом «волчий зуб» и иными вариантами штампов, характерных для эпохи викингов (рис. 427: 1; рис. 432: 3; рис. 440: 2, 3; рис. 441: 2). В Скандинавии в состав женского костюма входили прикрепленные к цепочкам бронзовые игольники-трубочки. Наряду с орнаментированными сложносоставными изделиями, встречаются и простые трубочки с отверстиями для проволочного кольца или шпильки, к которой оно прикреплялось (Thunmark-Nylén 1998: Taf. 215: 9, 10). Именно такой игольник найден и на Юрьевых Горах (рис. 428: 7).

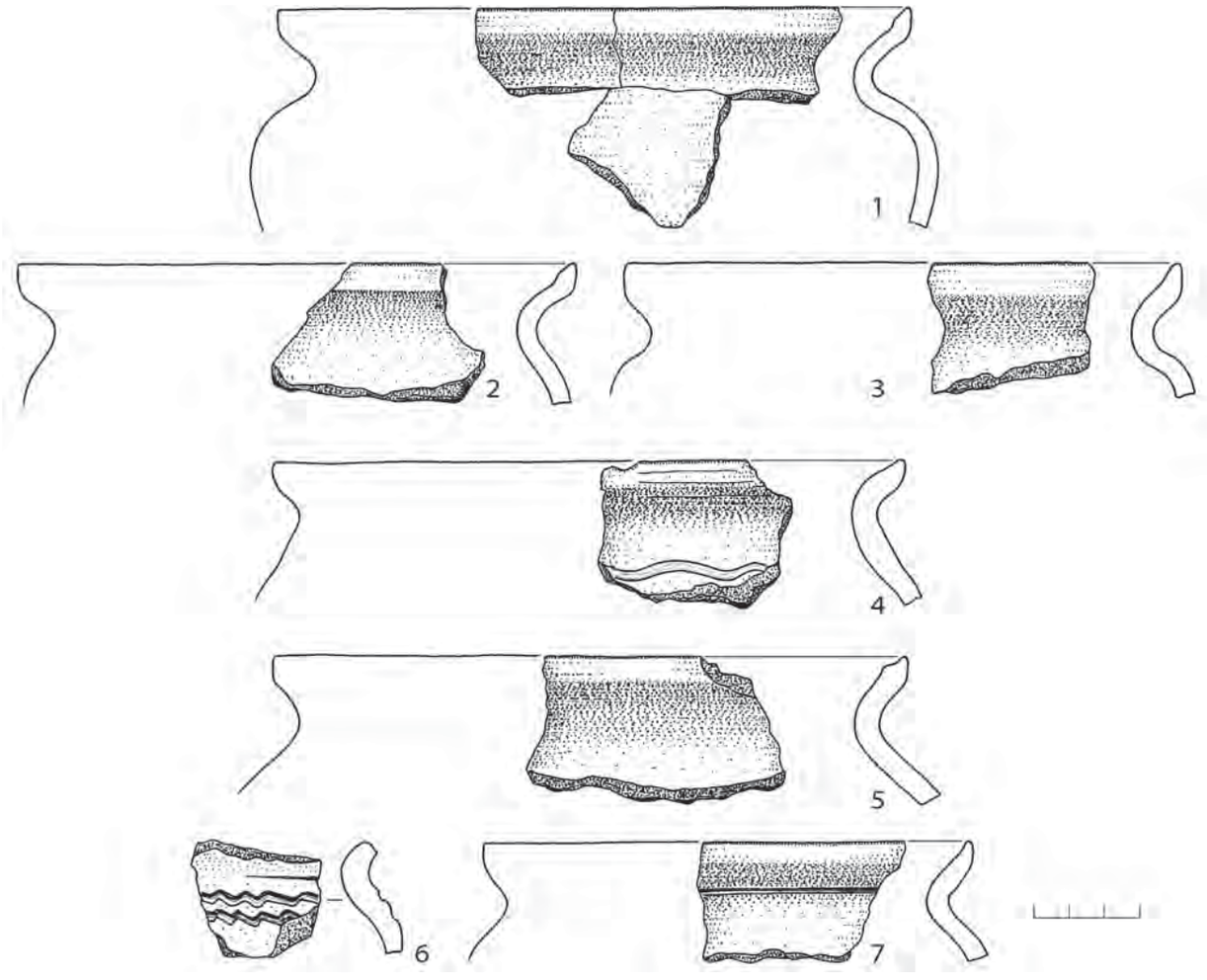


Рис. 344. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Гончарная керамика. Кв. Г-1

2.3.1.2. Детали поясной гарнитуры

Значительную группу находок образуют предметы, относящиеся к начальным этапам древнерусской культуры. Перед нами легко узнаваемое сочетание так называемых «общебалтийских» типов украшений с ювелирными изделиями, произведенными восточноевропейской степной культурой. Серия накладных деталей поясной гарнитуры, происходящая с Юрьевых Гор, в большинстве своем состоит из предметов, характерных для широкого круга археологических памятников как скандинавских, так и восточно- и южноевропейских. Бóльшая часть деталей поясных наборов датируется X–XI вв. (рис. 436: 1–4, 6, 7; рис. 448: 1; рис. 452: 16–27).

В первую очередь обратим внимание на параллели в Гнёздове, которые ставят усвятские находки в определенный культурно-хронологический контекст в рамках второй четверти X–второй четверти XI в. В некоторых случаях гнёздовская хронология может быть дополнена выразительными датировками, полученными на других памятниках. Итак, прямые параллели в Гнёздовских курганах, насколько известно автору, находят следующие поясные накладки из Усвята (ссылки на публикации соответствующих аналогий даны в скобках):

• **Пятиугольная, с выемкой в верхней части и растительным орнаментом** (рис. 436: 4; ср. Сизов 1902: табл. V: 2; XIII: 1). В Полоцкой земле известна находка поясного набора, почти полностью подобранного из подобных накладок, в состав которого входил также поясной наконечник (найден его фрагмент) в стиле Борре. Это курган № 2 могильника Витуничи на волоке с Березины в верховья Вилии. Погребение, совершенное по обряду сожжения, датируется X в. (Вайцяховіч 2005: 239).

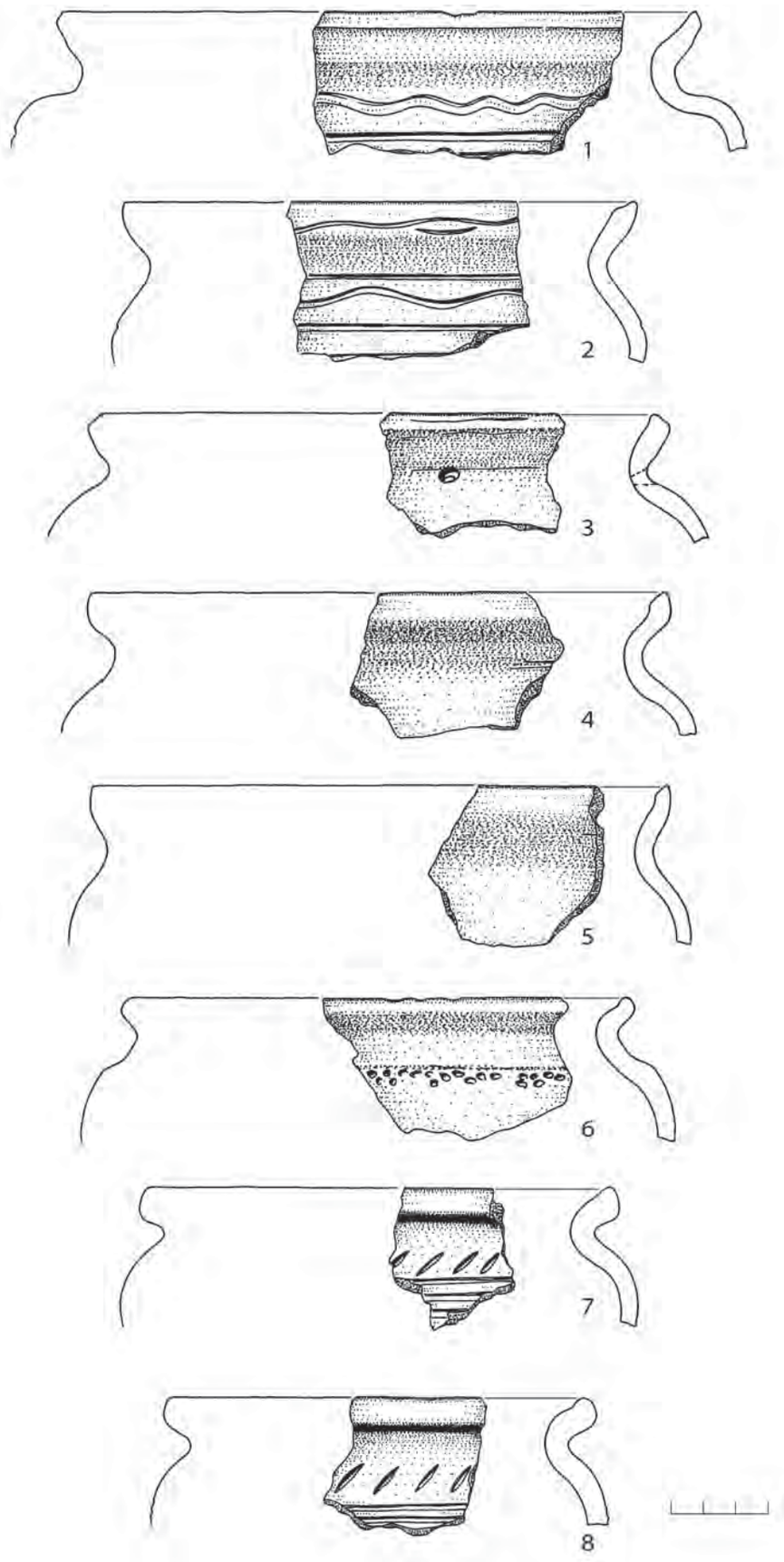


Рис. 345. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Гончарная керамика. Кв. Г-2

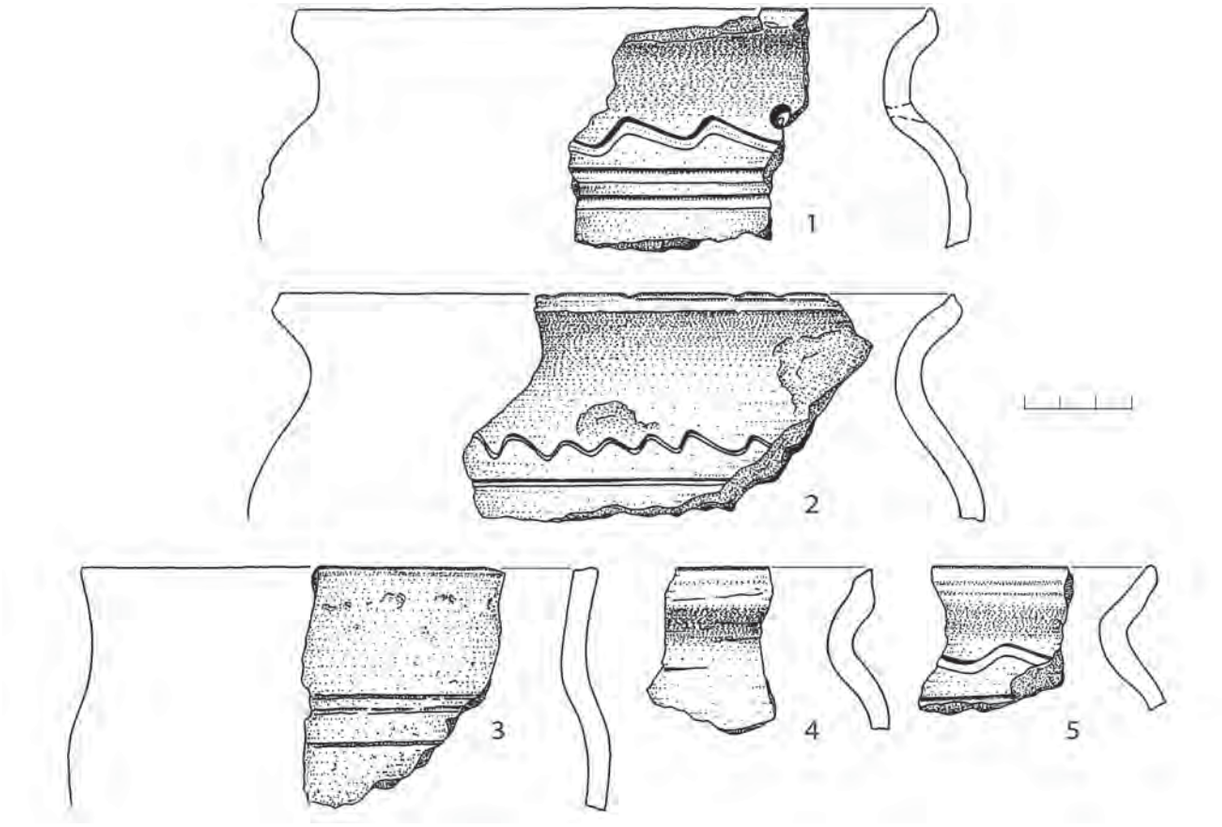


Рис. 346. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_3 (пласт 5). Гончарная керамика. Кв. Г-2. 3–5 – фрагменты из-под слоя серой глины

• **Сердцевидная, с растительным орнаментом**. Основу орнаментальной композиции составляет трехлепестковый цветок, элементы которого разделены шишечками (рис. 436: 6; ср. Сизов 1902: табл. V: 7; Ширинский 1999: рис. 30). В. В. Мурашева отмечает аналогии в Волжской Болгарии и в Херсонесе (Мурашева 2000: 41). Точная аналогия этой бляшке найдена в слое пожара 946 г. во рву древлянского Искоростеня (Комар 2012: рис. 22: 13), что позволяет датировать появление этого типа украшений второй четвертью–серединой X в.

• **Сердцевидная, с растительным орнаментом**. На фоне четырехлепесткового цветка нанесена X-видная орнаментальная композиция (рис. 452: 19). Бляшки с различными вариантами этого орнаментального мотива представлены в гнёздовских раскопках В. И. Сизова (Сизов 1902: табл. III: 44–46). Точные параллели можно указать в «дружинных» погребениях Чернигова X в. (Моця, Казаков 2011: 218). Аналогии разной степени схожести имеются в Волжской Болгарии (Мурашева 2000: рис. 52).

• **Накладки в виде двух четырехлистных цветков, наложенных один на другой** (рис. 436: 7; рис. 452: 18; ср. Сизов 1902: табл. XIII: 3). Одна из самых распространенных на Руси форм ременных украшений. Бляшки этого типа по каким-то причинам пользовались особой популярностью в Бирке, где найдены как в погребениях курганного могильника (Arbman 1940: Taf. 91: 3), так и при раскопках Гарнизона (Hedenstierna-Jonson 2006: Plate 1: 6).

На распространение этих бляшек в Нижнем Подвинье обратил внимание Э. С. Мугуревич, считавший, что в X–XI вв. они ввозились сюда из Южной Руси по Днепру (Мугуревич 1965: 80; табл. XVI: 2). В таком случае – перед нами одно из свидетельств начала функционирования Днепровско-Даугавского пути. Бронзовая матрица для изготовления подобных бляшек (точнее сказать – восковых моделей для их отливки) известна в Волжской Болгарии (Ениосова, Мурашева 1998: 45, рис. 3). Находка подобной бляшки в слое пожара во рву городища I Коростеня (Комар 2012: рис. 22: 14) указывает на начало распространения этих украшений в Поднепровье не позднее 946 г.

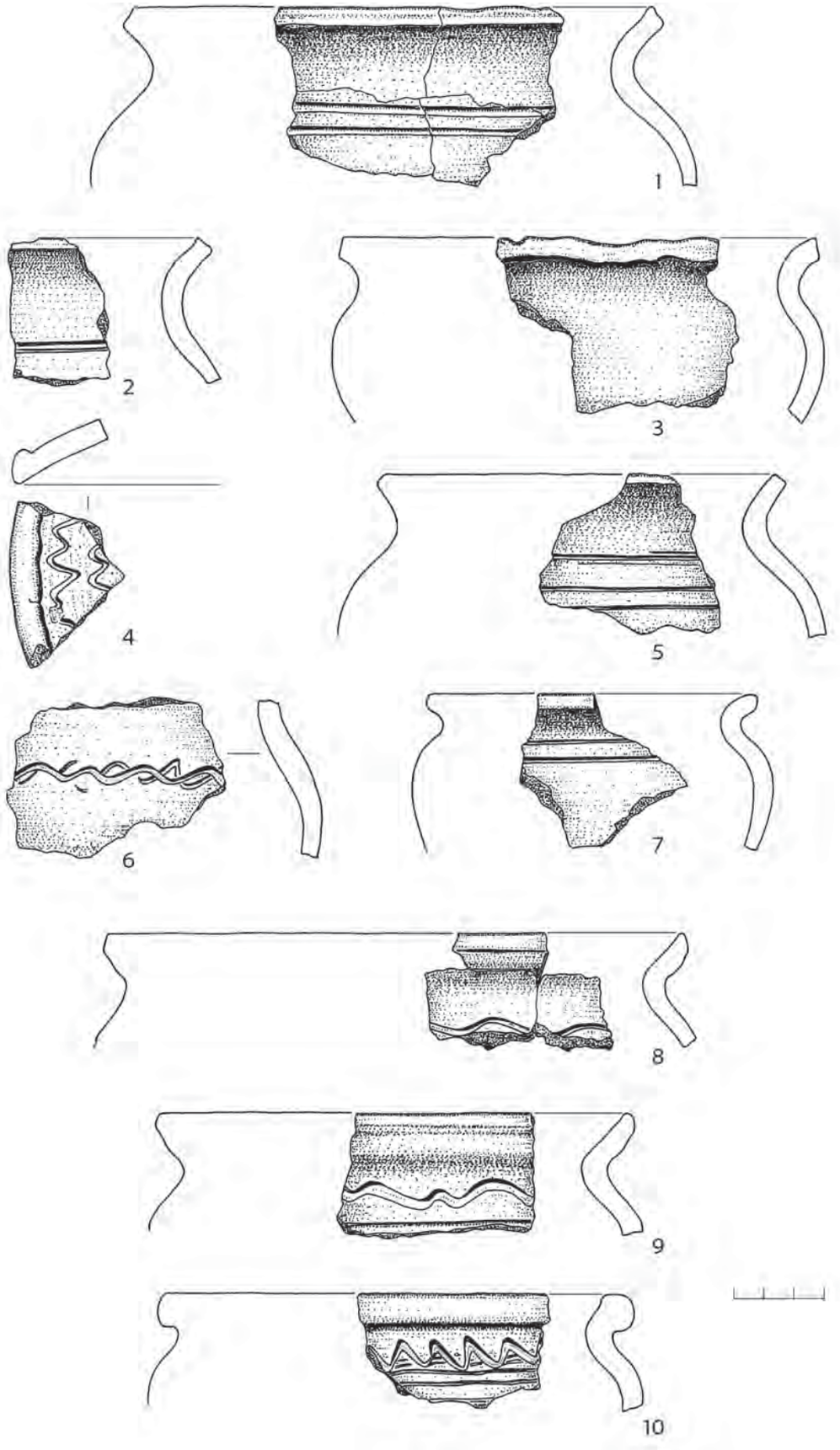


Рис. 347. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Гончарная керамика. Кв. Г-3

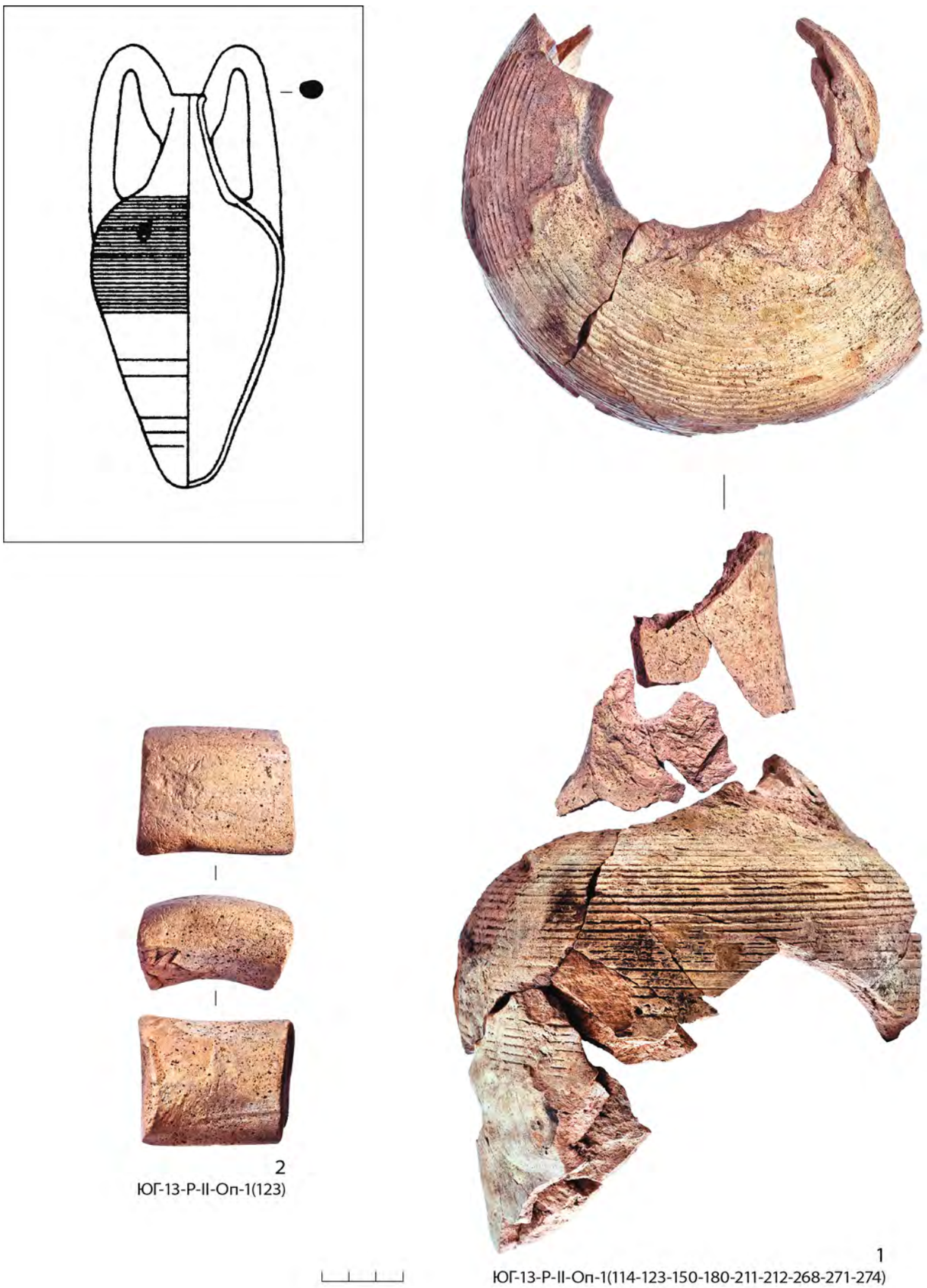


Рис. 348. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_3 и A_4. Фрагменты амфоры из пластов 4–6 и комплекса I

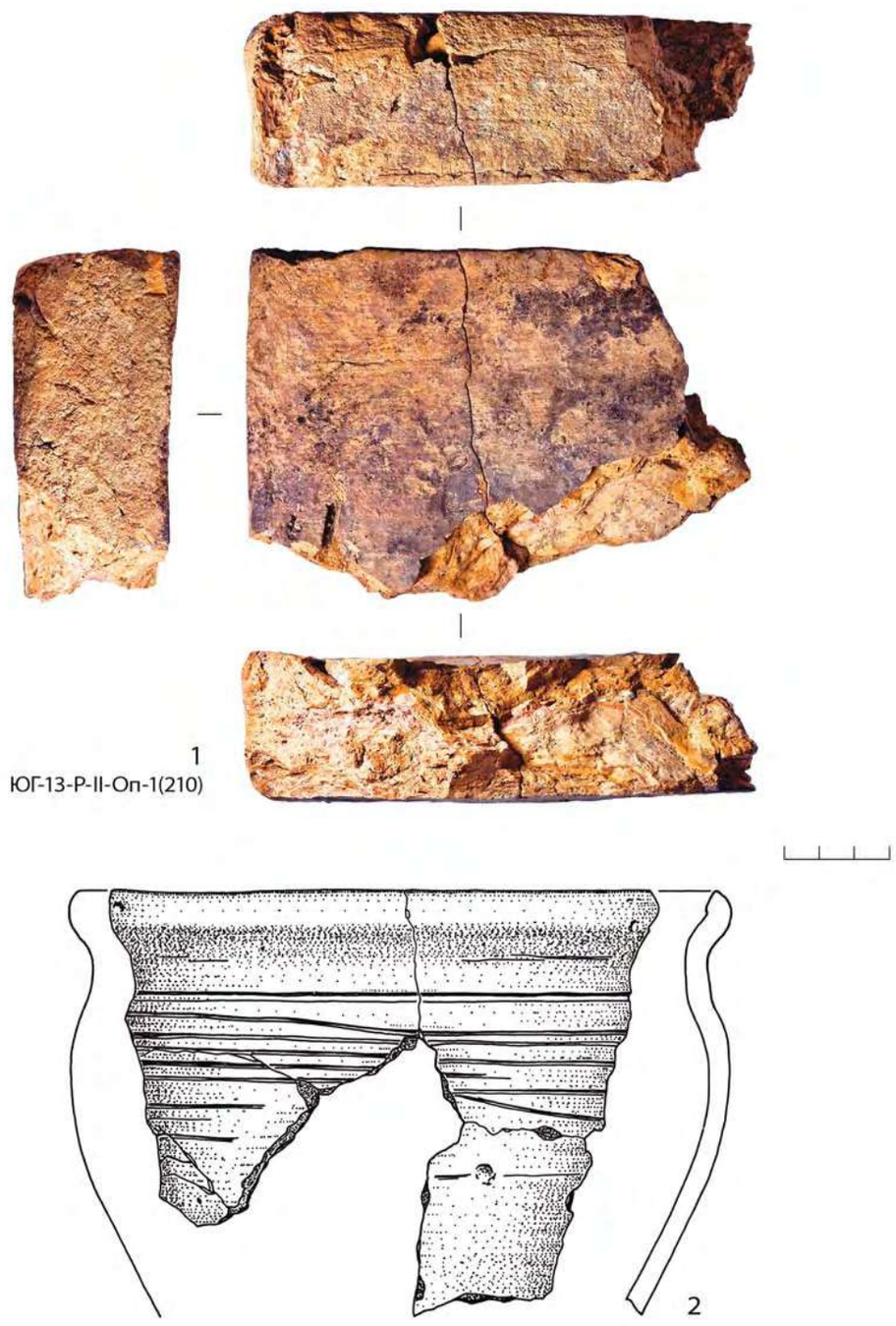


Рис. 349. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5).
1 – фрагмент плинфы; 2 – найденный вместе с ней развал гончарного сосуда

• **Подпрямоугольная бляшка в виде восьмилепестковой розетки из двух наложенных один на другой крестов, с инкрустацией** (рис. 448: 1; ср. Ширинский 1999: рис. 17, курган 42). Бляшка выполнена из свинцово-оловянистой бронзы. На лицевой поверхности имеется инкрустация в виде свастики, выполненная черным металлом (свинцом или свинцово-оловянистым сплавом?) (табл. 21). Накладка имеет аналогию на одном из поселений Готланда, датированном X–XI вв. (Jonsson, Östergren 1990: fig. 1).[53] Еще одна подобная бляшка с Готланда (из неустановленного места) опубликована в своде Л.Тунмарк-Нюлен (Thunmark-Nylén 1998: Taf. 140: 23).

• **Круглая бляшка, с четырехлепестковым цветком и рубчатым бортиком** (рис. 452: 23; ср. Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: рис. 33: 1).

• **Пятиугольная бляшка, с выемкой в верхней части** и заостренным концом, покрытая

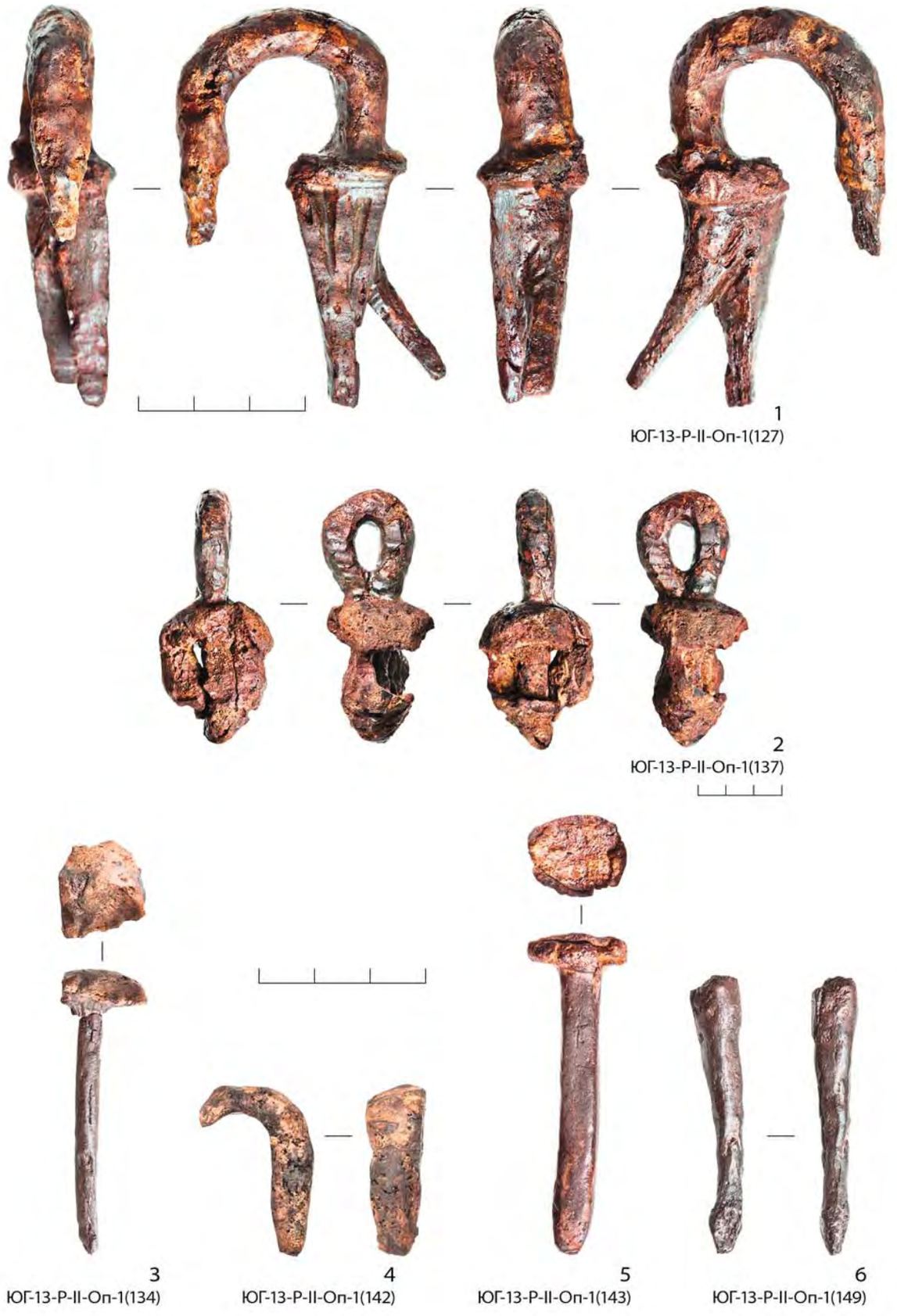


Рис. 350. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Предметы из железа

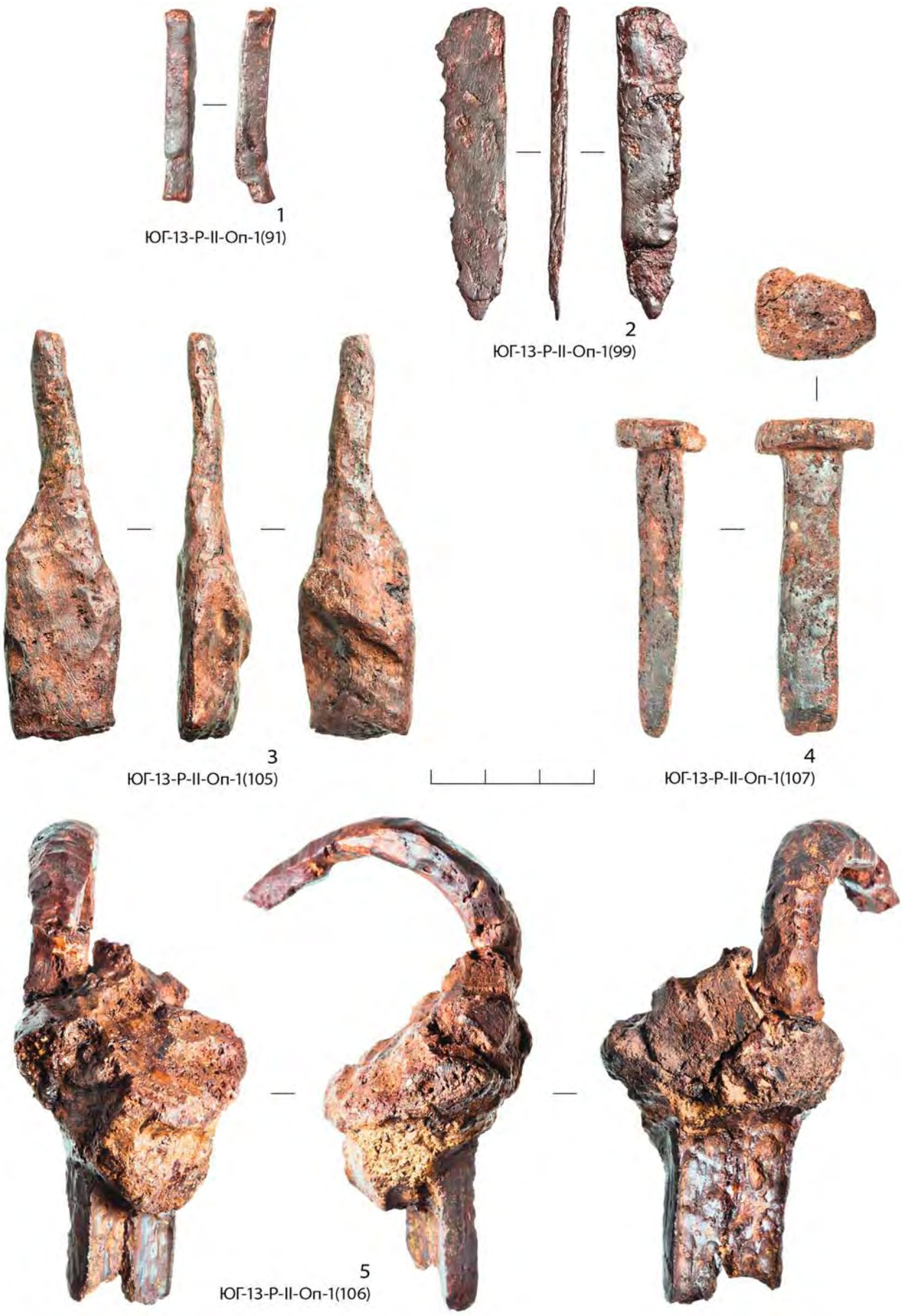


Рис. 351. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Предметы из железа

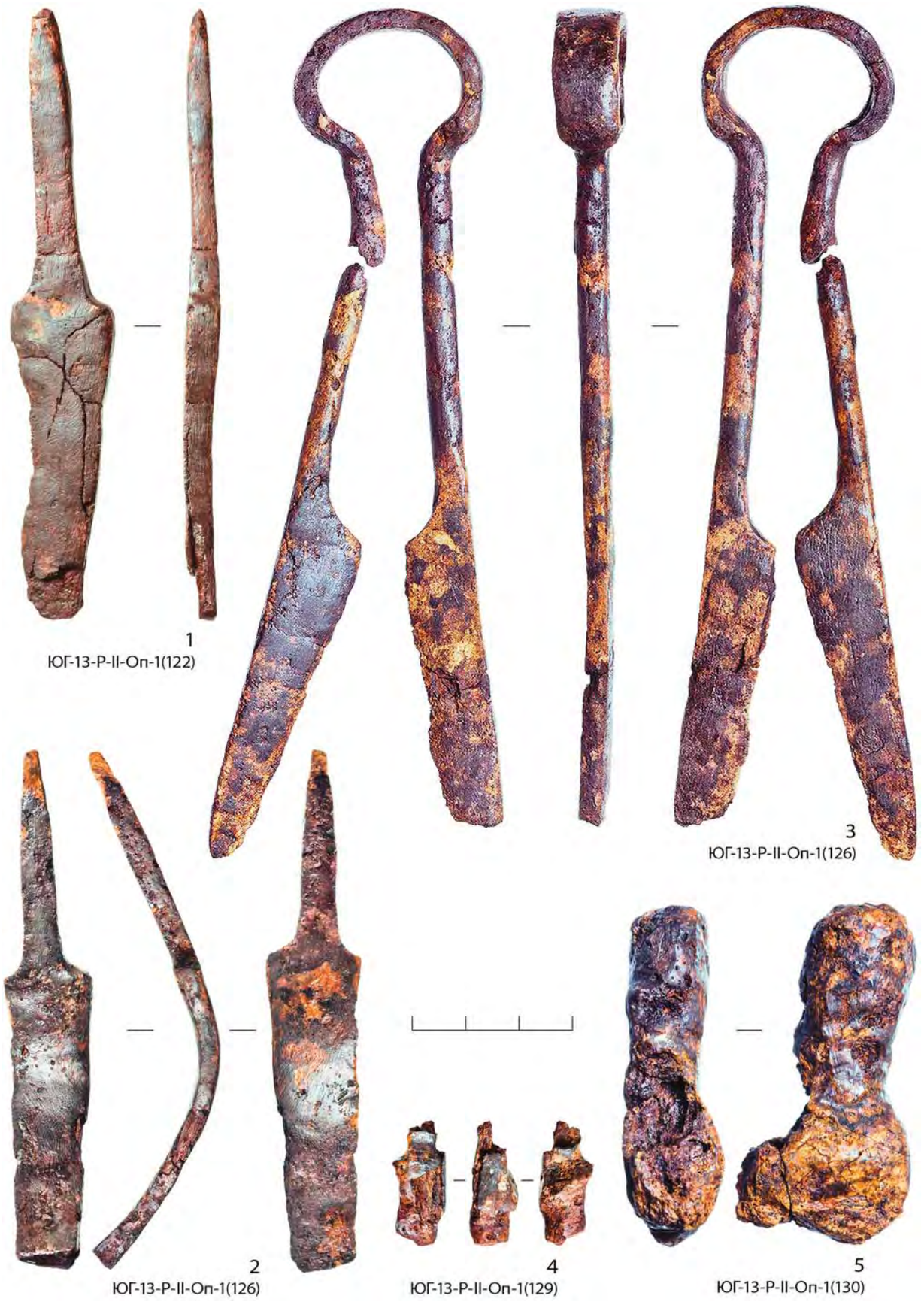


Рис. 352. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Предметы из железа

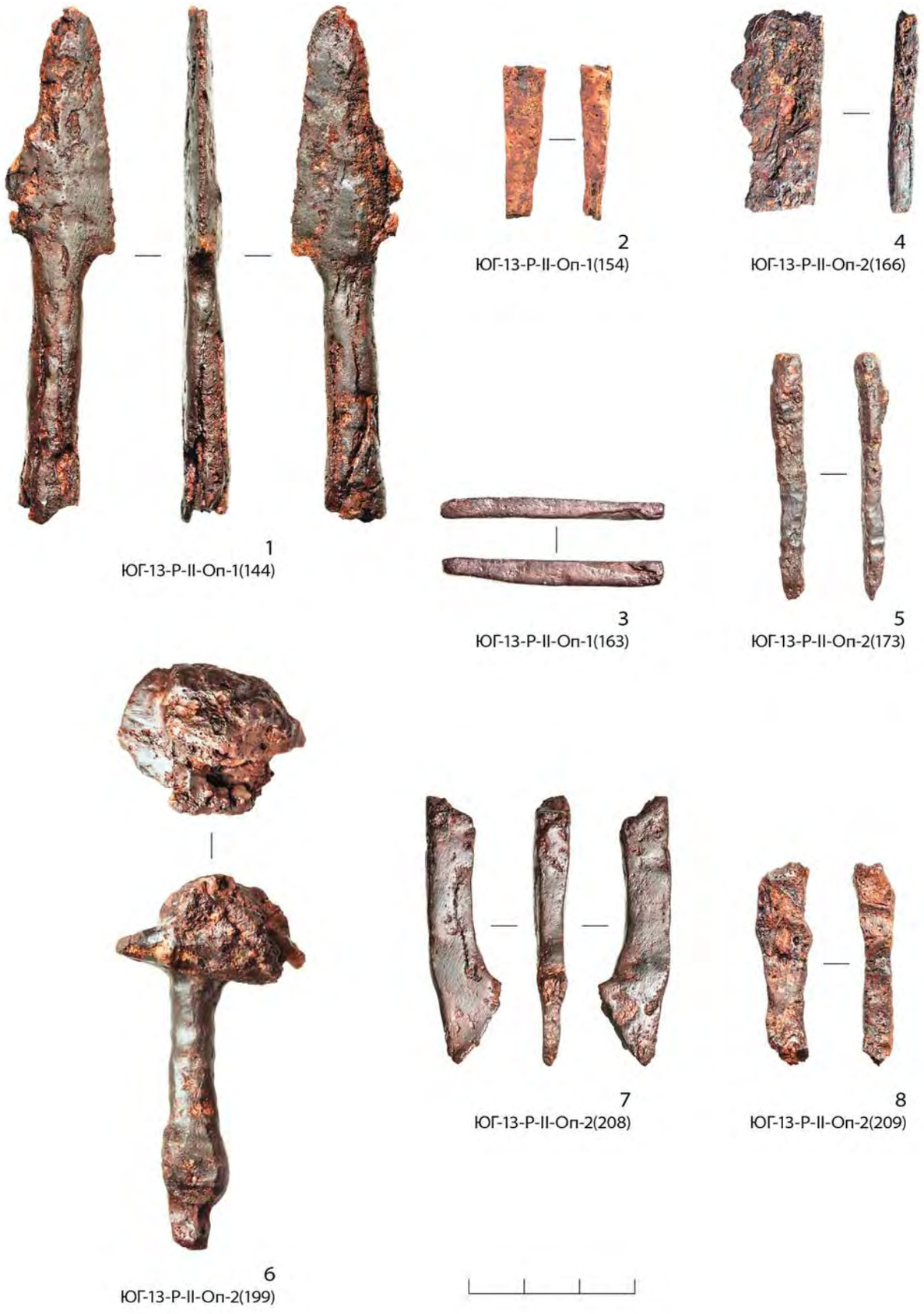


Рис. 353. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Предметы из железа

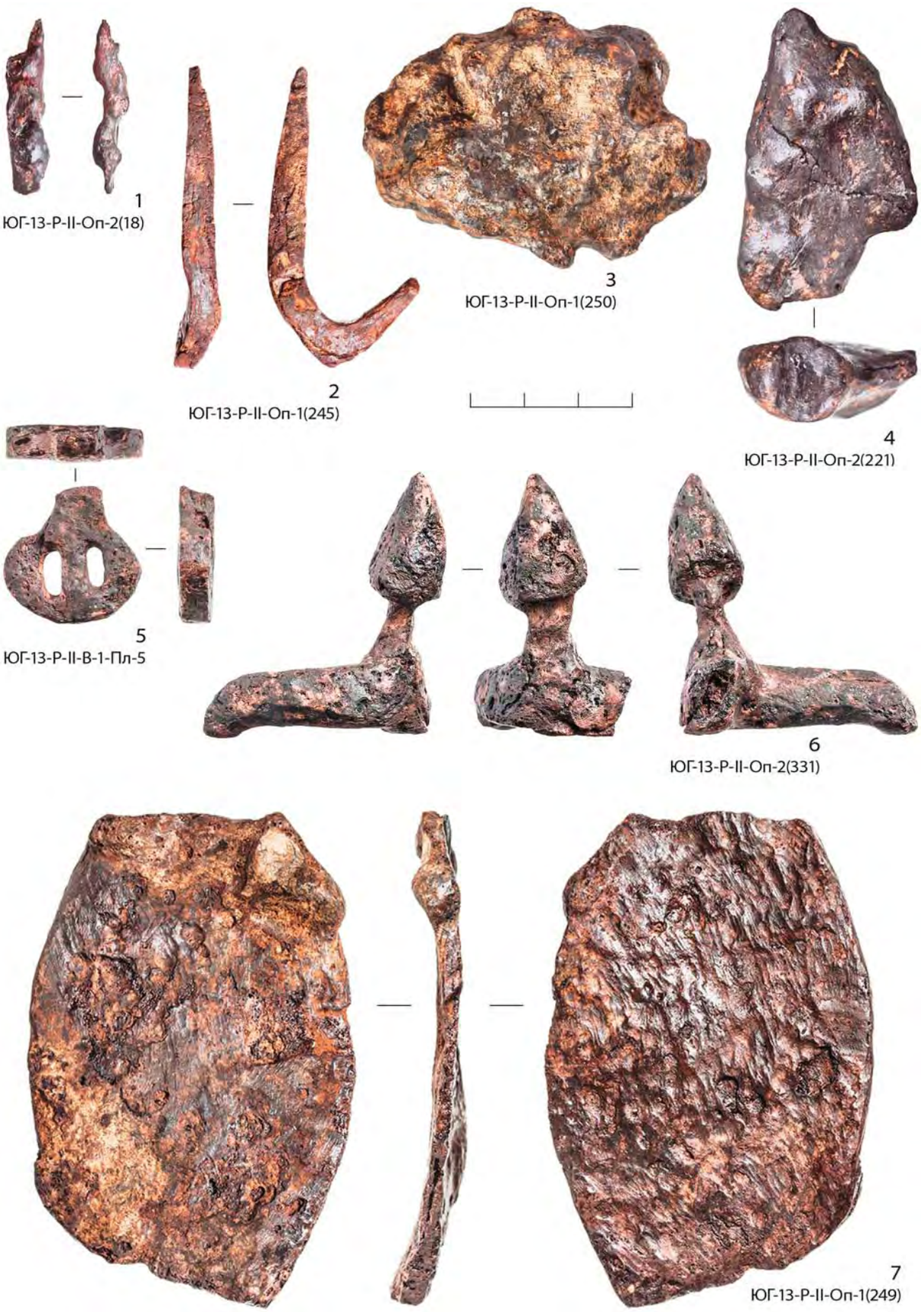


Рис. 354. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Предметы из железа

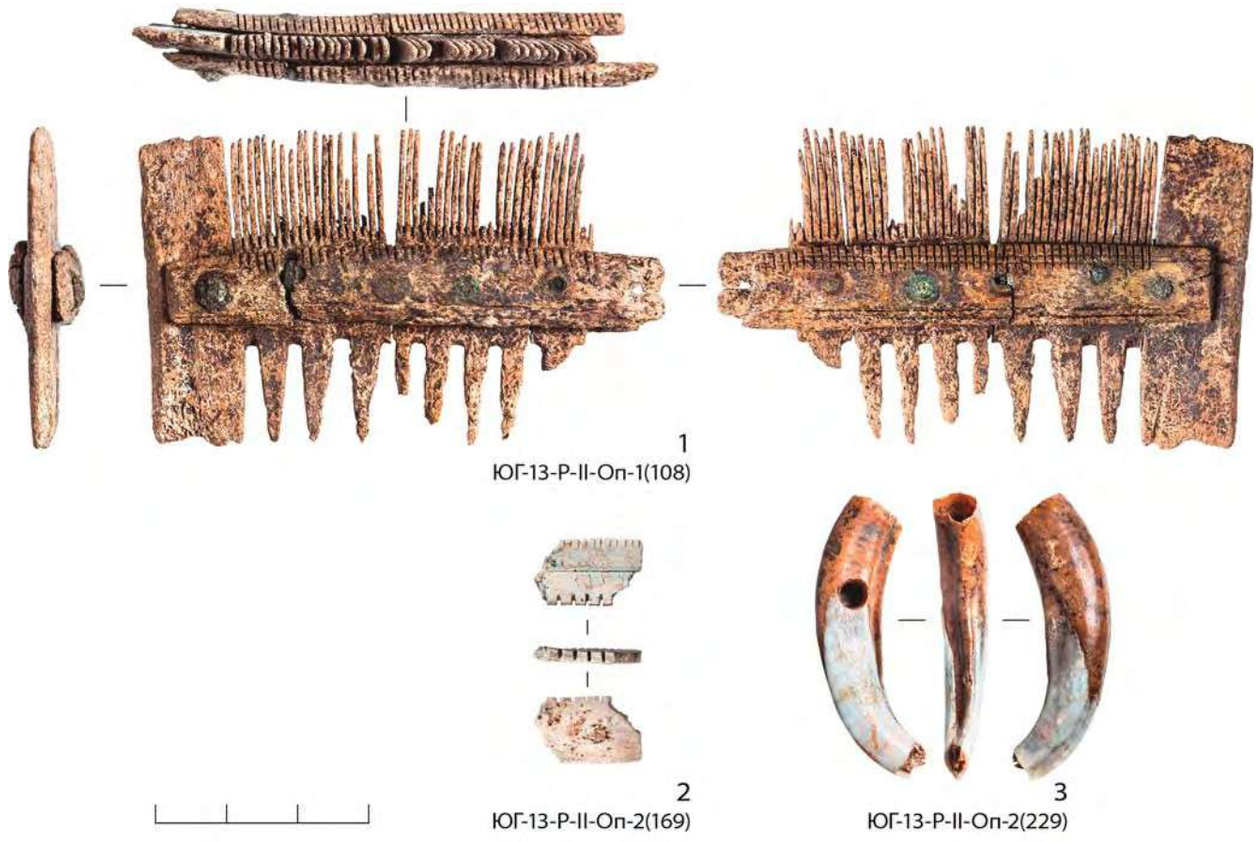


Рис. 355. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Предметы из кости

растительным орнаментом (рис. 452: 24; ср. Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: рис. 33: 2).

• **Сердцевидные накладки, с растительным орнаментом** (рис. 452: 16, 20, 22, 26; ср. Ширинский 1999: рис. 21: 2; 24: 1).

• **Сердцевидная, с растительным орнаментом, расчлененным по краю тремя шишечками** (рис. 452: 21; ср. Ширинский 1999: рис. 29: 4).

Помимо перечисленных украшений к этой же группе примыкают накладки, аналогии которым не фигурируют в публикациях поясных украшений Гнёздова, но которые составляют с ними единую хронологическую группу:

• **Накладка прямоугольной формы с симметрично расположенными полукруглыми выступами** и двойной выемкой (рис. 436: 3). Поверхность украшена ромбовидной фигурой, выполненной «гусеничной» техникой. Особенность орнаментальных композиций, строившихся при помощи подобных накладок, заключается в том, что выступы вставлялись в пазы на соседней бляшке таким образом, что на кожаной основе образовывалась как бы сплошная полоса металла.

Похожие накладки, слегка отличающиеся по профилировке и вариантам декора, распространены очень широко. Нижнюю дату (X в.) дают находки в кургане 42 в Шестовицах (Hedenstierna-Jonson 2006: 41). Фрагменты пояса, украшения которого образовывали схожую композицию, известны также в одном из погребений, разрушенных при строительстве Десятинной церкви в Киеве (Androshchuk 2013: fig. 73). Это дает нам еще одну реперную дату – не позднее 996 г. На древнерусских памятниках Белозерья накладки этого типа относятся, вероятно, к несколько более позднему времени (Зайцева 2008: 89, рис. 76: 13). XI в. определяются находки бляшек этого круга в Залахтовье (Хвощинская 2004: 134, табл. XVII: 1; XXXVI: 9) и в Латгалии (Люцинский могильник 1893: табл. XIII: 13).

• **Сглаженно-пятиугольная накладка с орнаментом в виде наложенных друг на друга трехлепестковых цветков** (рис. 452: 17). Ана-

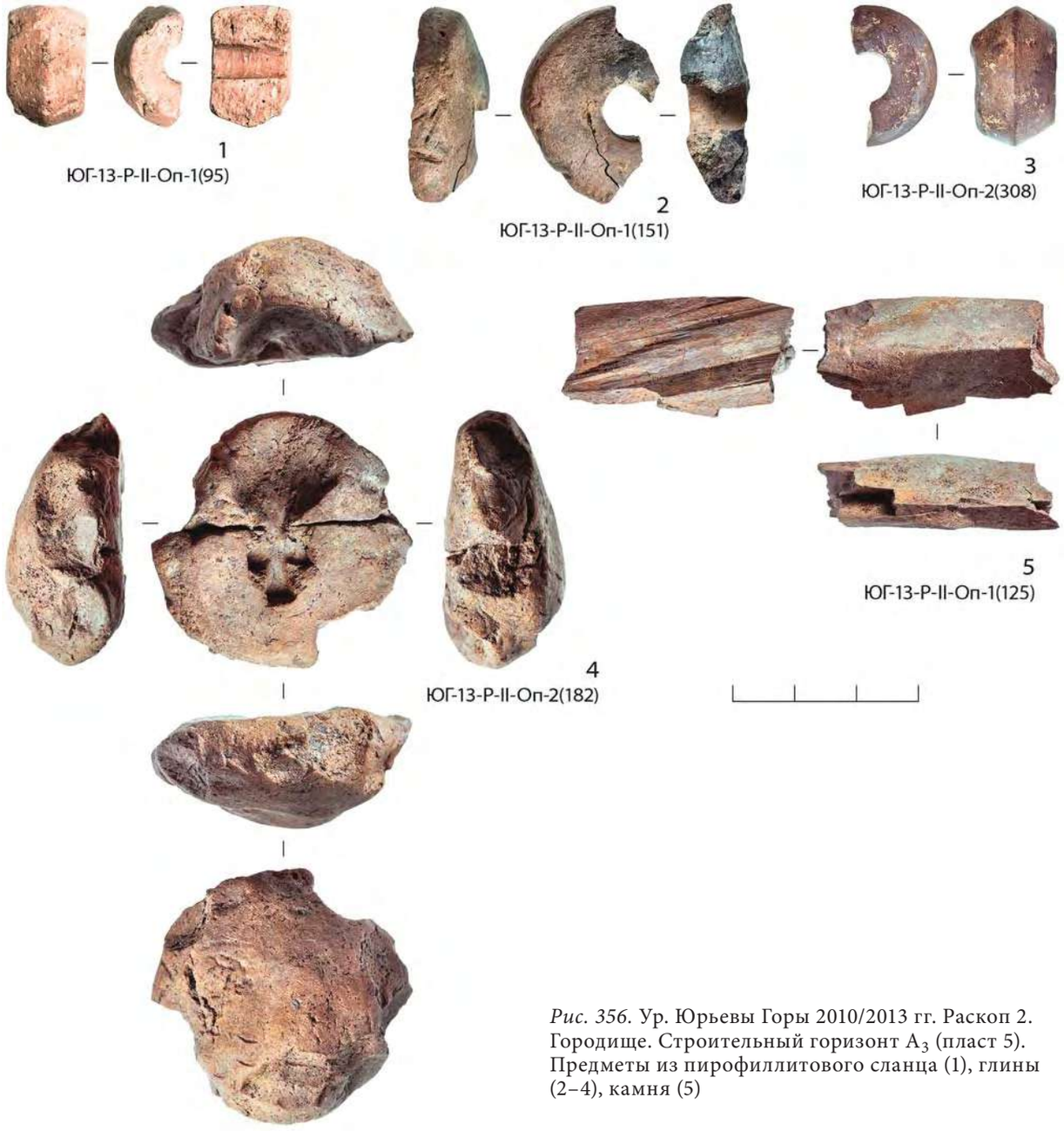


Рис. 356. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_3 (пласт 5). Предметы из пирофиллитового сланца (1), глины (2–4), камня (5)

логия этой бляшке имеется в Новгороде, где происходит из слоя рубежа X–XI вв. (Седова 1981: 149, рис. 58: 3).

• **Сердцевидная накладка с пальметкой в нижней (?) части** (рис. 452: 27).

Для Смоленско-Новгородских областей Руси такие украшения нехарактерны. Накладки с пальметкой более сложной формы найдены в кургане 2 могильника Цурковка, датируемого второй половиной VIII в. (Нефёдов 2000: 196, рис. 1: 8). В. С. Нефёдов очертил круг аналогий бляшкам с пальметкой в салтовских и аварских древностях второй половины VIII–первой половины IX в. Насколько нам следует ориентироваться на эти ранние изделия при рассмотрении усвятской коллекции – сказать сложно. Бляшки с пальметками известны и в гораздо более позднее время. Треугольные накладки с пальметками найдены в кургане 3 могильника Замошье в районе Друцка. Курган

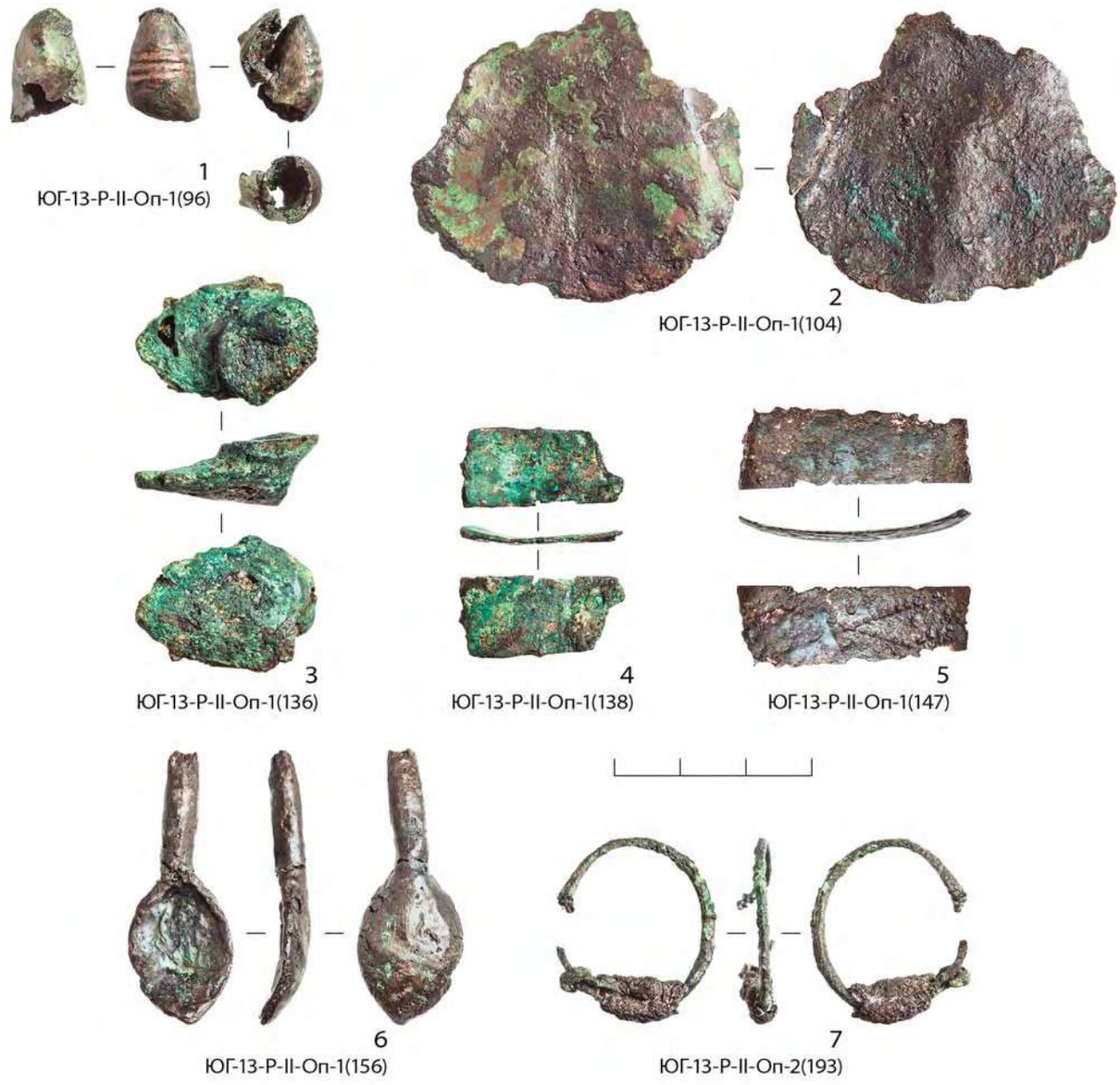


Рис. 357. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_3 (пласт 5). Предметы из медного сплава

содержал ингумацию мужчины и сожжение коня (Левко 2011: рис. 9: 4, 5) и датируется, по-видимому, XI в. Наконец, сердцевидная накладка с пальметкой более упрощенной формы, чем на усвятской бляшке, происходит из постройки Д Дорогобужа на Горыни (Прищепа 2011: рис. 111: 12), датирующейся XII–первой половиной XIII в. Ближайшая аналогия усвятской находке происходит с Княжой Горы на Киевщине (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XV: 216).

• **Прямоугольная накладка, орнаментированная пуансонным орнаментом** (рис. 432: 3). По краю накладки идет сложная многорядная орнаментальная композиция. Центральная часть накладки украшена диагональными линиями и кружками. Обратная сторона гладкая. По углам сохранились следы отверстий для гвоздиков или заклепок, крепивших накладку к твердой основе. Сходная по орнаментации (но более сложная по профилировке) накладка происходит с Гнёздовского городища (Спицын 1905б: рис. 146). Такие накладки могли украшать деревянный сосуд, питьевой рог или ларец.

Но наиболее вероятно, что перед нами поясное украшение. В Полоцкой земле ближайшие находки аналогичных ювелирных изделий (2 экз.) происходят с селища Бирули



Рис. 358. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Фрагменты стеклянных браслетов

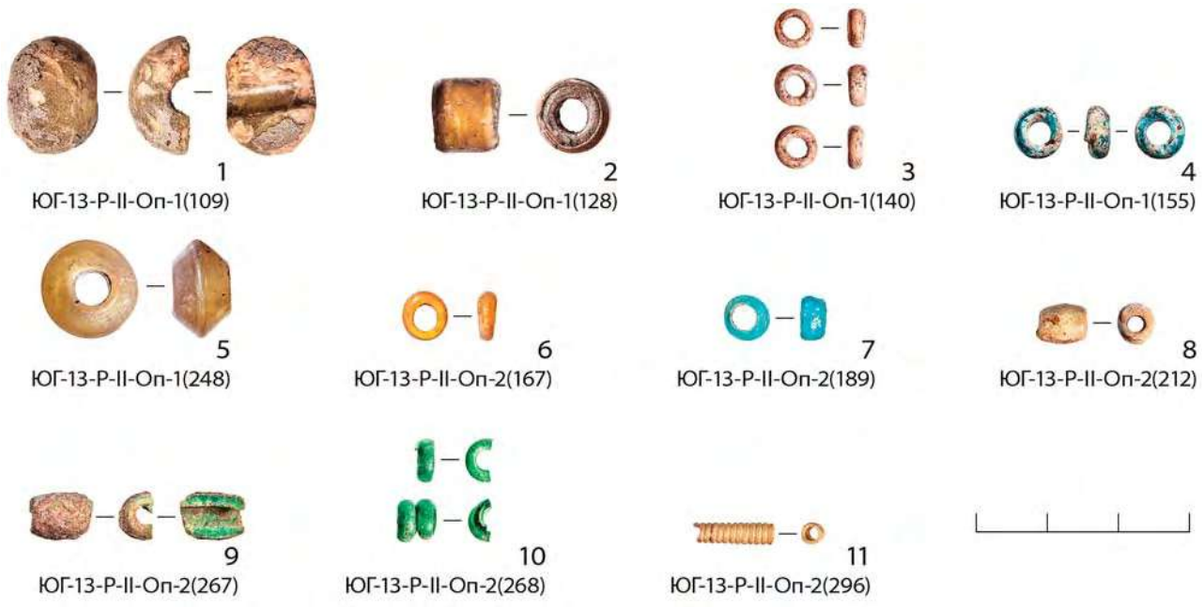


Рис. 359. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Стеклянные бусы

2 в верховьях Березины (Кенько 2012: рис. 1: 6, 7) и из курганного могильника Рудня под Полоцком (Ляўданскі 1930а: табл. VI: 47, 48, 50). О том, что в данных случаях перед нами именно накладки на ремень, свидетельствуют сохранившиеся на находках с Березины и из Рудни парные пластинки, соединенные заклепками. Могильник в Рудне дал остатки двух бронзовых поясных наборов подобного круга: из курганов № 1 и № 10. Оба кургана содержали сожжения и датируются X в. (в первом найдены пуговицы древнерусского типа, во втором – лимоновидные пронизки).

Инвентарь могильника в Рудне имеет целый ряд элементов, сближающих его с древностями латгалов и прочих прибалтийских народов низовьев Западной Двины–Даугавы и более западных территорий. Пластинчатые накладки прямоугольной формы встречаются на этих землях достаточно часто, входя в состав традиционных поясных украшений костюма мужчины-воина (Нукшинский могильник 1957: табл. 4; Šnore 1987: VIII tabula: 1; Vaškevičiūtė, Cholodinskienė 2008: 184; The Curonians 2009: 115, 117, 125, 173). Как правило, они располагались на ремне не сплошь, а в определенных местах – возле пряжки или там, где к поясу крепились дополнительные украшения.

Аналогичные прямоугольные пластинки, украшавшие пояс (иногда – богато орнаментированные пуансоном), характерны также для погребального инвентаря мужских захоронений эпохи викингов на Готланде (Thunmark-Nylén 1995: Abb. 195b, 198a, 206a, 349, 367, 370, 371).

Как видим, культурный контекст для усвятской накладки оказывается довольно широким, охватывая в географическом отношении Швецию, Юго-Восточную Прибалтику и Верхнее Поднепровье. Стиль и набор штампов, который использовался для нанесения орнаментации на изделие, позволяет датировать последнее X–XI вв. (вероятнее всего, первой половиной указанного интервала). Но известны случаи находки таких украшений и в значительно более позднем стратиграфическом контексте (Стубавс 1970: 184, рис. 4: 9), поэтому вопрос о верхней хронологической границе украшений следует пока оставить открытым.

Поясные наконечники древнерусских типов представлены четырьмя находками, из которых доступна для изучения только одна (рис. 436: 1; рис. 452: 29, 30, 37). Это **коробчатый наконечник без орнамента** с заостренным концом и вырезом в верхней части (рис. 436: 1). Наконечник выполнен из многокомпонентного сплава на основе меди. На поверхности имеется тонкий серебристый слой, позволяющий предполагать наличие лужения, но не чистым оловом, а свинцово-оловянным сплавом.[54]



Рис. 360. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$ (пласт 5). Гранитный жернов

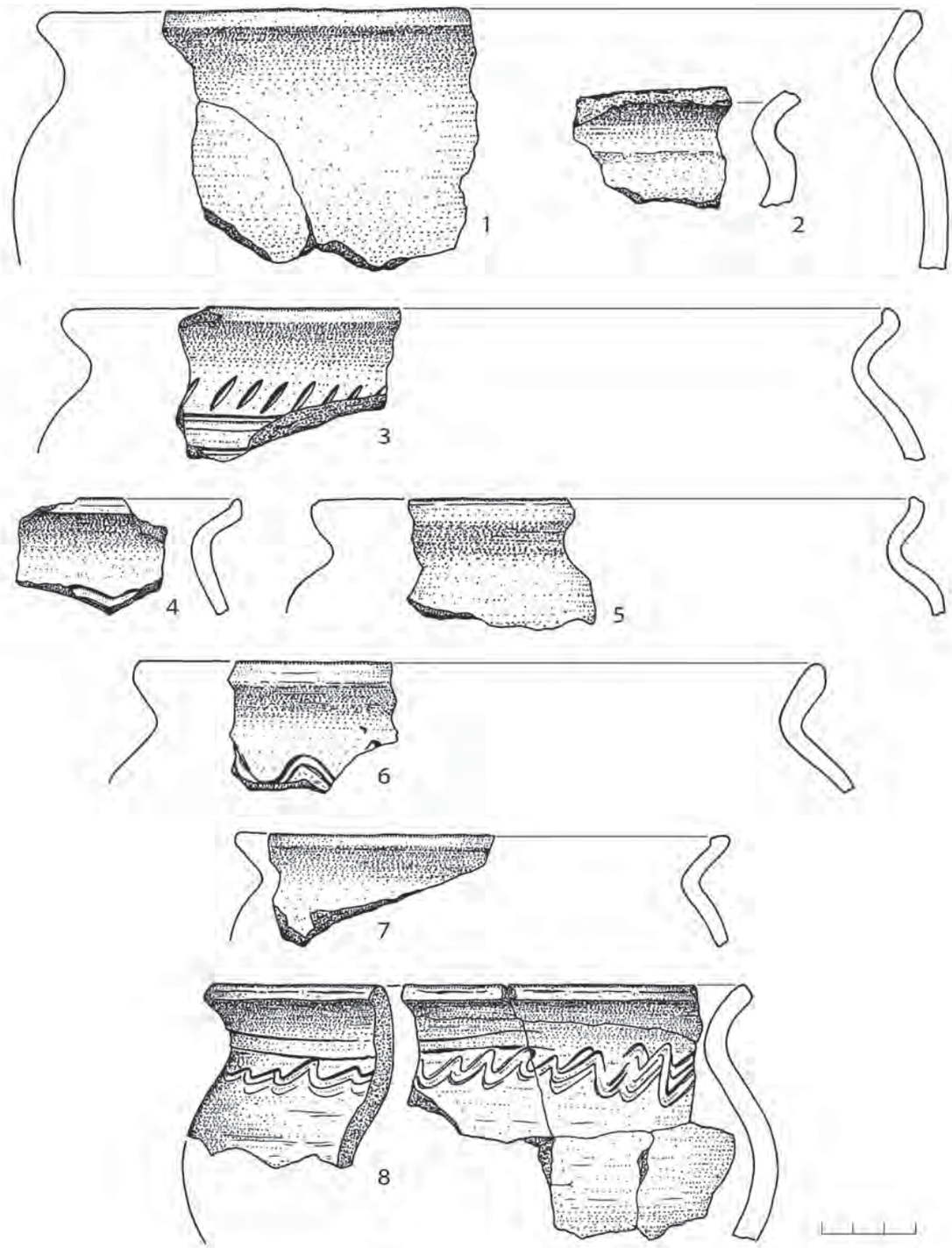


Рис. 361. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$. Заполнение постройки 2. Гончарная керамика. Пласт 4–5

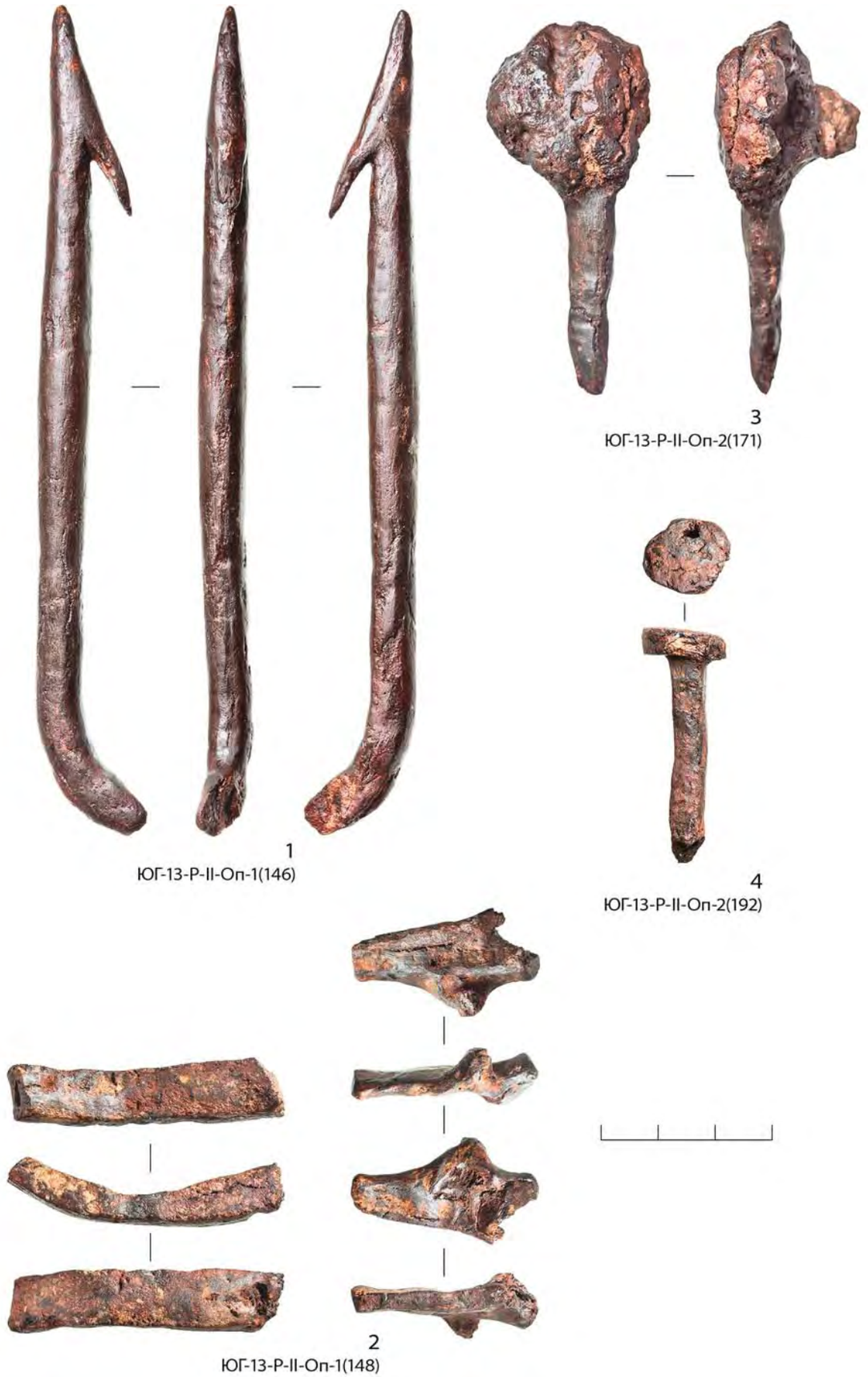


Рис. 362. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_3$. Заполнение постройки 2. Пласт 4–5. Предметы из железа

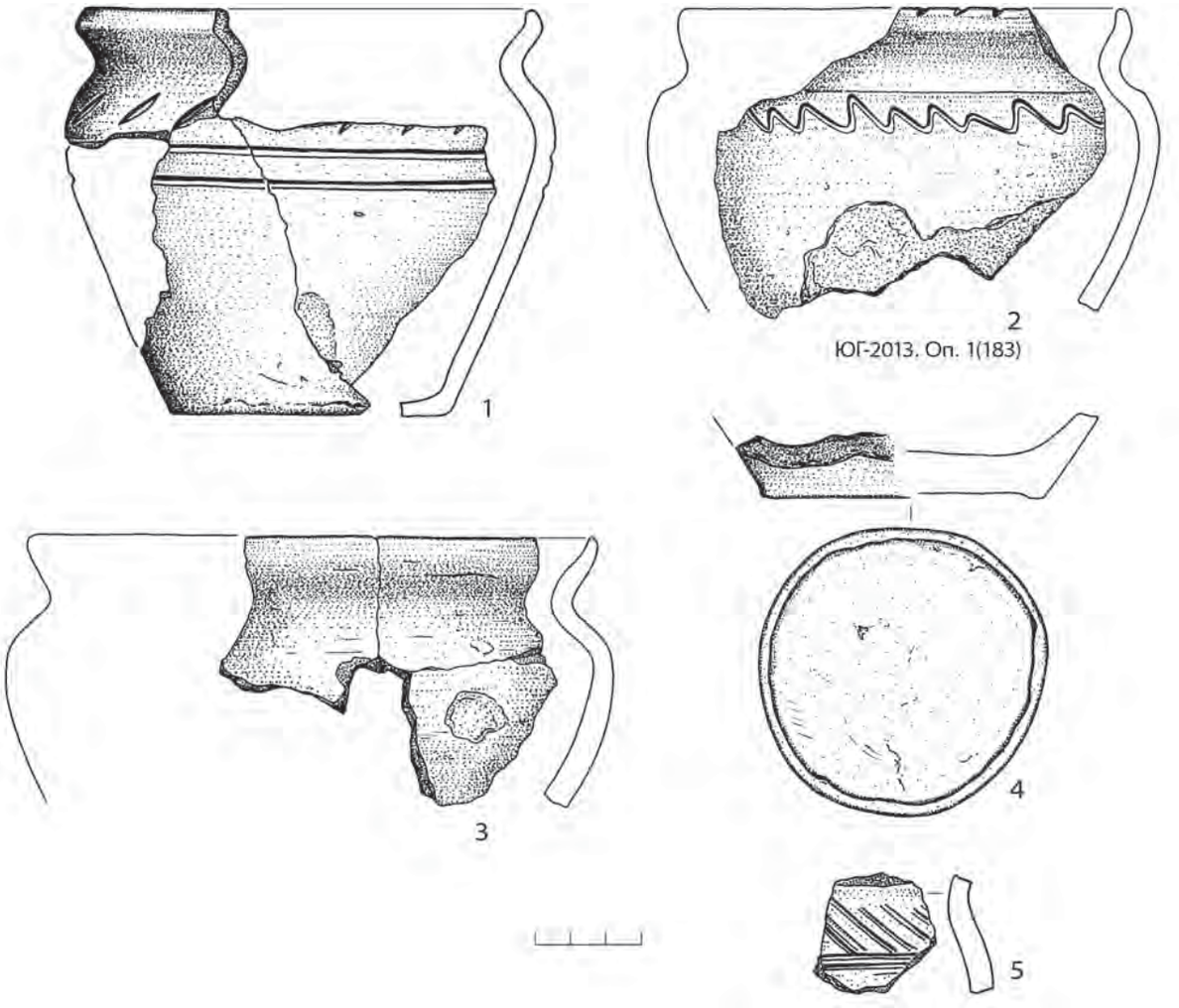


Рис. 363. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 6). Гончарная керамика. Кв. Б-1. 1 – развал 1

Это потенциально наиболее ранняя находка из этой серии. Нижнюю дату – середина–вторая половина X в. – дает поясной набор из знаменитого княжеского погребения в кургане Черная Могила в Чернигове, в состав которого входили 6 таких наконечников, пятиугольная пряжка и два гладких разделительных кольца (Рыбаков 1949: 42, рис. 16; Путь из варяг в греки 1996: 78, кат. 669). Ближайшая (в территориальном отношении) находка наконечника данного типа происходит с Гнёздовского селища (Ениосова, Мурашева 1998: рис. 2). Поясные наконечники такого рода использовались на протяжении всего XI в.

Наконечник с заостренным подтреугольным концом и верхним краем, образованным выделенным прямоугольным элементом, орнаментированный двумя четырехлепестковыми цветками, вписанными в окружность (рис. 452: 29). Абсолютно точные аналогии этому изделию мы пока затрудняемся указать. Наконечники с иными орнаментальными композициями, но с подобным характерным прямоугольным верхом, известны на Готланде (Thunmark-Nylén 1995: Abb. 90: 7–9; 1998: Taf. 133: 4), в частности, в комплексе XI в.

Наконечник, украшенный четырехлепестковыми растительными композициями (рис. 452: 30). Сильно корродирован, и по фоторграфии орнамент не может быть точно описан. Сама вещь утрачена. Аналогии происходят с Полоцкого городища (рис. 61: 7; Дук 2011: мал. 15: 8) и из Гнёздовских курганов (Спицын 1906: рис. 15).

Наконечник (?) с округлым выступом на окончании (рис. 452: 37) нам ранее в древнерусских материалах не встречался. Возможно, это вещица не связана с древнерусским поясным набором.

Пятиугольная пряжка из сплава меди с выделенным приемником для ремня и под-

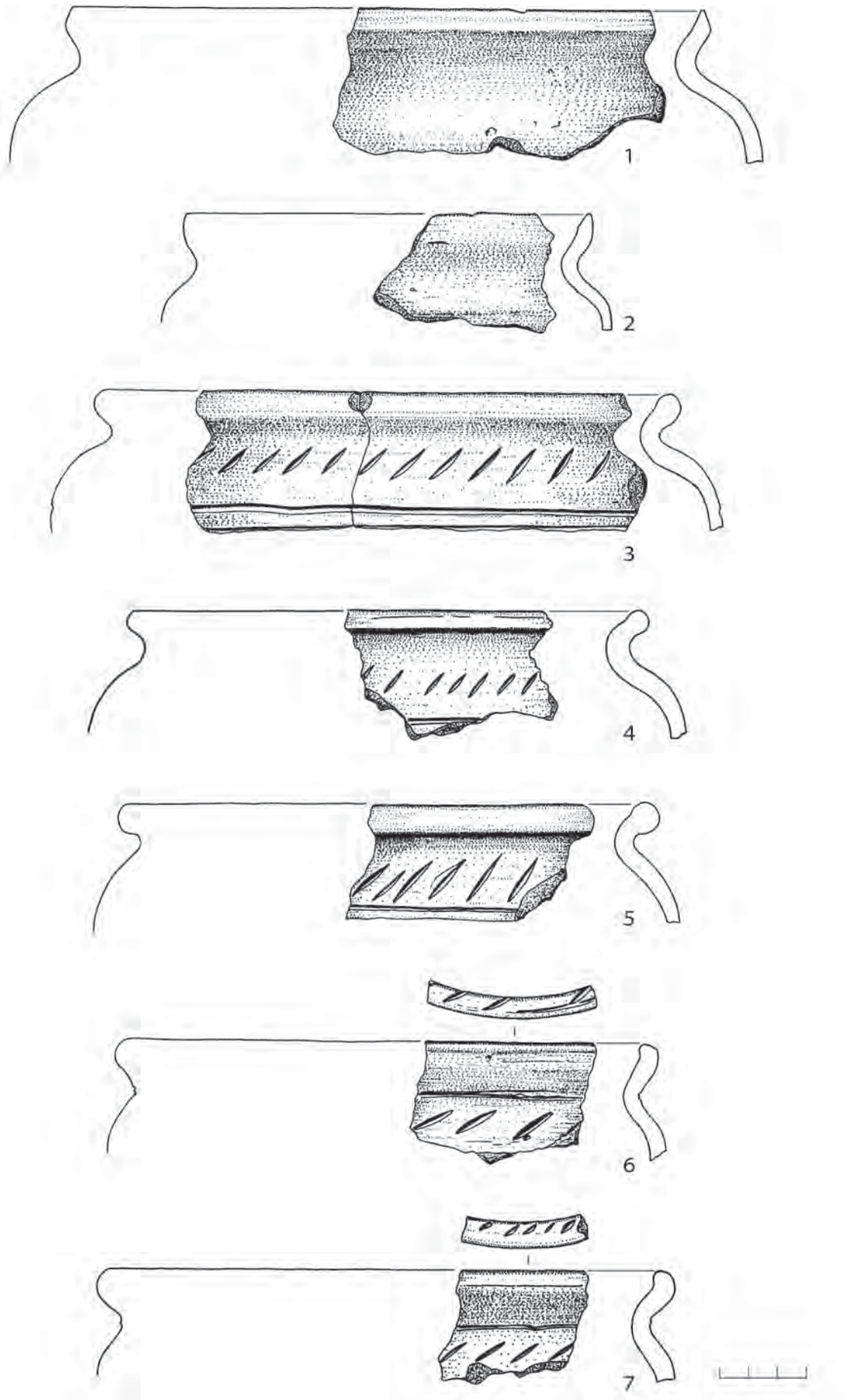


Рис. 364. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_4$ (пласт 6). Гончарная керамика. Кв. Б-1

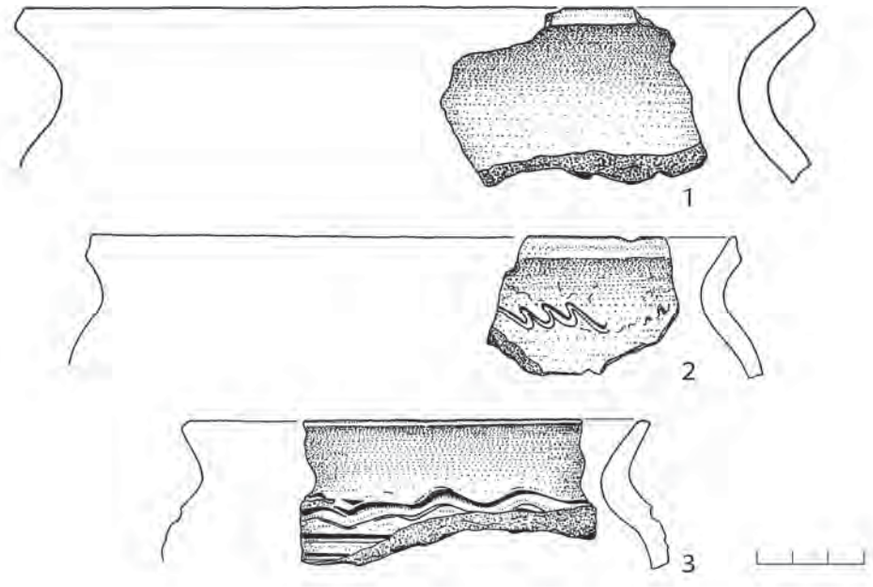


Рис. 365. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_4$ (пласт 6). Гончарная керамика. Кв. Б-2

треугольной рамкой (рис. 452: 15) – довольно редкая находка. Две аналогичные пряжки найдены в центральной части Рюрикова Городища. Одна не привязана к постройкам и не имеет узкой датировки (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 59, табл. 31: 6). Вторая же пряжка происходит из материкового комплекса, открытого раскопками 2011 г., и сопровождается многочисленными находками, указывающими на вторую половину X в. (Носов А-2011: рис. 80: 2). Уточнить время бытования этих изделий помогает находка из Гнёздова. Пряжка данного типа (ее рамка имеет менее острое завершение) была найдена здесь в раскопках С. И. Сергеева в кургане № 47 (Спицын 1905б: 26, 40, рис. 37). Курган содержал обычное для Гнёздова сожжение и датируется X в.

Крупная лировидная пряжка, орнаментированная рядами перлов, ограниченными по краям гладкими лентами. Пряжка имеет выделенный подпрямоугольный, с выступами по углам приемник для ремня (рис. 424: 1). Близкая аналогия известна автору на городище Паасо в Карелии, где присутствуют как напластования X–XI вв., так и XII–XIII вв. (Кочкуркина 2011: рис. 4: 22). Еще она полная аналогия усвятской пряжке найдена в нижнем течении Даугавы – в погребении 518 могильника Саласпилс Лаукскола (Zariņa 2006: 138; 128. att: 9) в комплекте с тройным ременным разделителем, украшенным массивной личиной. Последняя деталь, имеющая параллели в материалах Готланда поздней эпохи викингов, позволяет приблизительно датировать пряжку и погребение в целом – XI в.[55] Точную датировку вещицы дает абсолютно идентичная пряжка, происходящая из Новгорода, где она найдена на Троицком XIV раскопе в слоях середины–второй половины XI в. (Янин и др. 2010: 13, рис. 5: 3).[56]

Две вещи известны нам в белорусских материалах, но они не вполне соответствуют в деталях усвятской находке. Первая похожая пряжка, но неорнаментированная, найдена в кургане 1, в курганной группе Анусино II в верховьях р. Свислочь, в 7 км от Заславля (Заяц 1996: рис. 11: 6). Погребение в кургане 1 было совершено на погребенной почве и имело полукольцевую обкладку из камней. Ничего, кроме пряжки, при погребенном не было, но архаичный обряд позволяет датировать курган XI в.[57] Наконец, еще одна пряжка данного типа (тоже со своими особенностями) известна нам в Гомельско-Могилевском Поднепровье в могильнике Пашковка, в кургане с трупосожжением (Енуков 1990: рис. 68: 4). Дальнейший поиск аналогий рассматриваемой пряжке уводит нас далеко на восток, во Владимирское Поволжье и еще далее – в ареал прикамских финнов. Впервые подобная пряжка из Кудымкара (коллекция Теплоуховых) была опубликована А. А. Спицыным и датирована

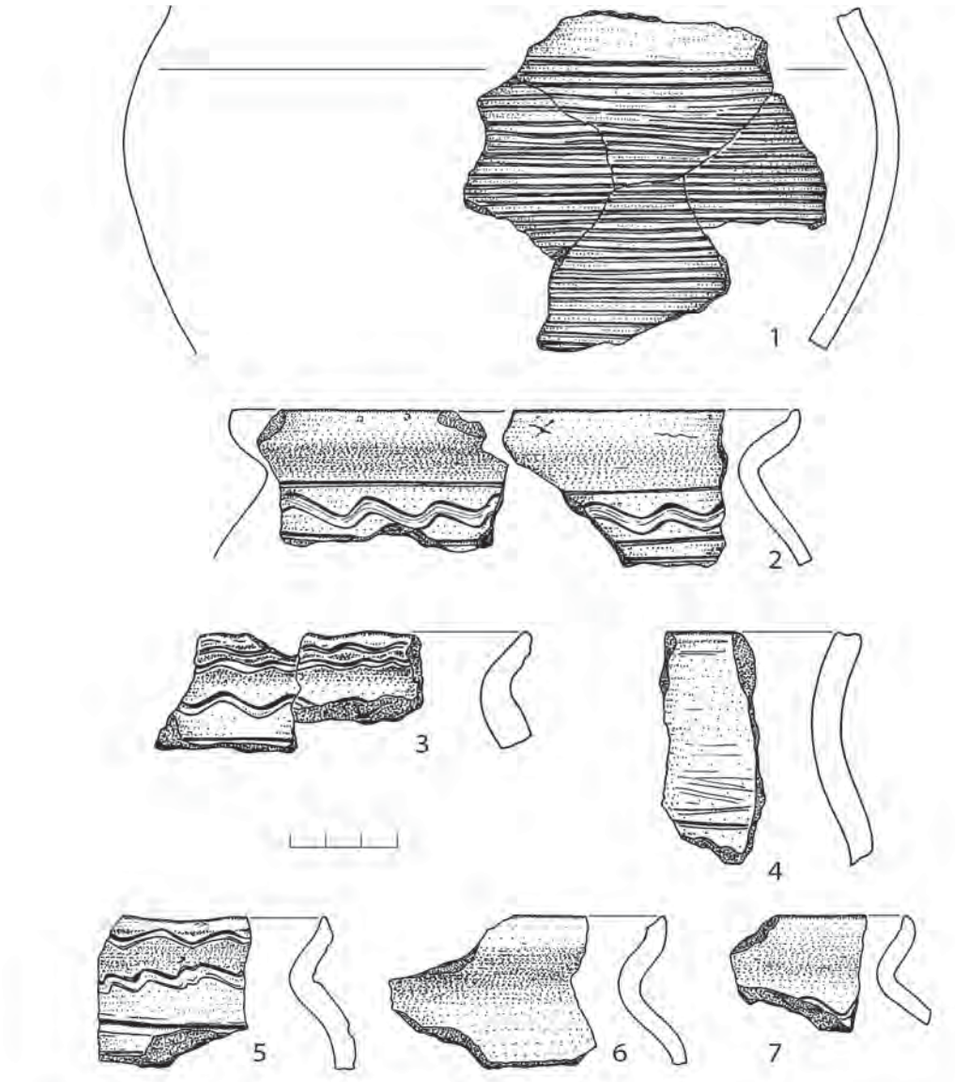


Рис. 366. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 6). Гончарная керамика. 1–4 – кв. В-1; 5–7 – кв. В-2

им XII–XIII вв. (Спицын 1902: 45, 70, табл. XXXIX: 29). В Прикамье этот тип пряжек достаточно широко распространен (Кананин 1980: рис. 4: 27; Финно-угры и балты 1987: табл. LXI: 8). Отдаленную, более сложную по конструкции аналогию можно указать в коллекции из владимирских курганов (Спицын 1905а: рис. 365). В последнее время поступают сведения о находках подобных украшений в Киевском Поднепровье, связанные, к сожалению, с деятельностью кладоискателей. Таким образом, накопившиеся данные позволяют считать это украшение общерусским типом, характерным для XI столетия.

Очень интересна миниатюрная **бронзовая трапециевидная пряжка** с гладким язычком (рис. 427: 2). Для областей к северу от Западной Двины автору известна только одна подобная находка – в насыпи вала Городка на Маяте, датирующаяся временем не позднее середины VII в. (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 74: 4). В данном случае имеет, однако, смысл ориентироваться на более поздние салтовские и аварские аналогии.

В Подунавье бесщитковые трапециевидные пряжки встречаются в погребениях среднеаварского периода (около середины VII–рубеж VII/VIII вв.) и широко входят в моду в позднеаварское время (VIII–начало IX в.) (Гавритухин 2001: рис. 49, 157; Garam et al. 1975: 15, 55, 57, 67, 70, 133, 172; Kiss 1977: Pl. XVII, XIX, XXI, XLIV, LXXIV). На территории Хазарского каганата подобные изделия используются с конца VII—начала VIII в. (Дмитриев 2003: 206, табл. 86: 21) вплоть до финала салтовской культуры (Ковалевская 1979: табл. 7, табл. XXII: 17; Плет-

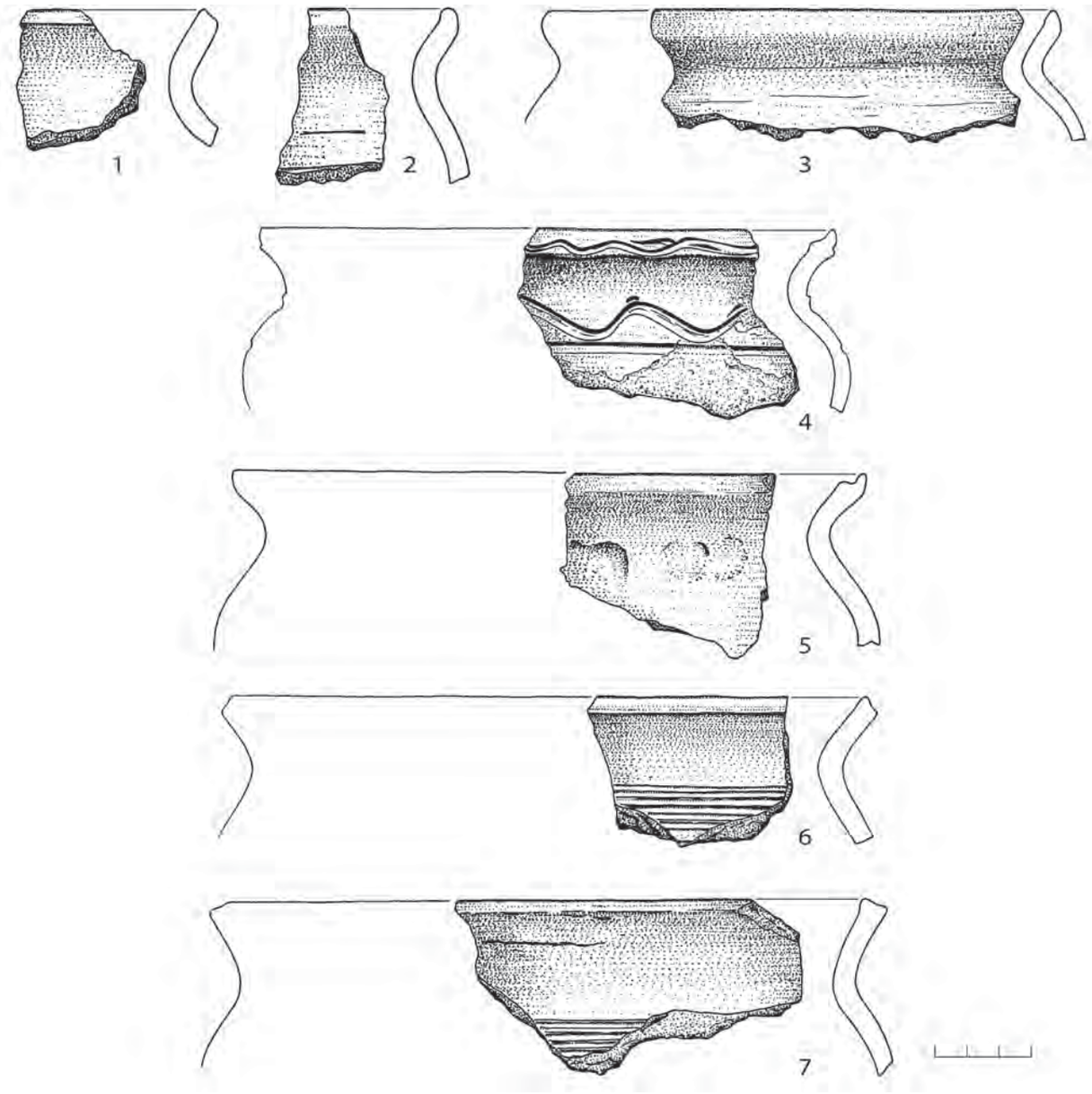


Рис. 367. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 6). Гончарная керамика. 1–3 – кв. Г-1; 4–7 – кв. Г-2

нева 1989: рис. 86; Комар 1999: табл. 4: 11). По типологии, разработанной С. А. Плетневой для Дмитриевского могильника, пряжка относится к типу 1 (Плетнева 1989: 77, рис. 36).

На славянских археологических памятниках эти пряжки присутствуют там, где несомненны следы салтовского влияния, например, в Верхнем Поочье (Прошкин 2011: рис. 35: 12; рис. 55: 14). Самые северные находки пряжек этого типа, которые следует, вероятно, связывать с этим влиянием, известны в Днепро-Двинском междуречье в бассейне Вопи (левый приток Днепра) и происходят из курганных раскопок В. И. Сизова. Две идентичные пряжки хранятся в коллекции ГИМа на планшете 123/32а вместе с материалами из раскопок у д. Городок. Несмотря на то что они не внесены в музейную опись, В. С. Нефёдов, обработавший коллекции и полевые дневники В. И. Сизова, считает возможным соотнести их с курганом 1 (удлиненная насыпь с сожжением) у д. Городок, раскопанным в 1881 г. (Нефёдов 1999: 97; 2006: 286, 301). Ранее подобная атрибуция пряжек была предложена Н. Н. Чернягиным, впервые опубликовавшим находки (Чернягин 1941: 110–111, табл. VII: 1. 3).[58] Любопытно, что в Городке подобная пряжка (или пряжки?) входит в состав комплекса

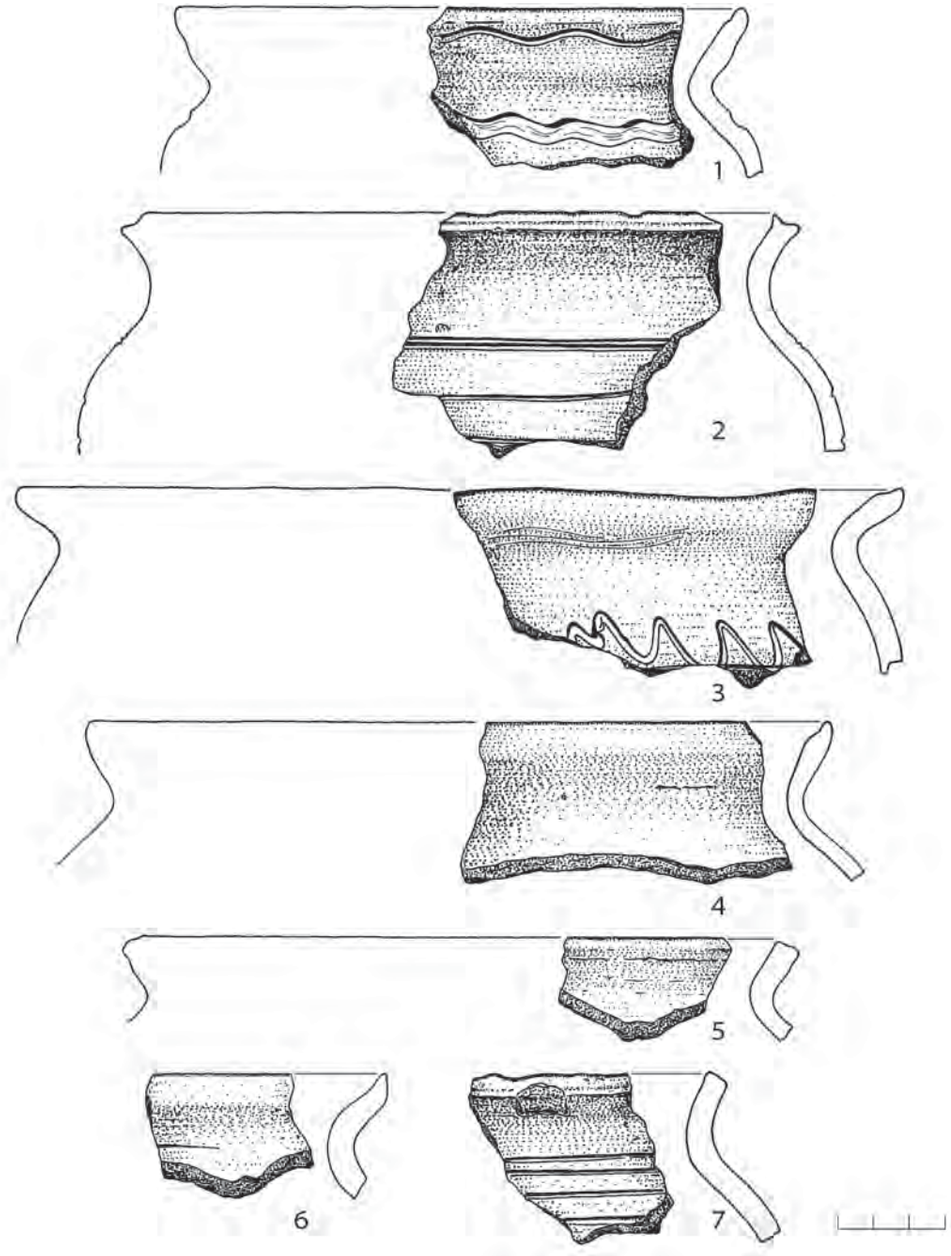


Рис. 368. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 6). Гончарная керамика. Кв. Г-3

трупосожжения, содержавшего остатки равноплечной скандинавской фибулы, близкой по форме равноплечным фибулам типа IIIC: 1, по Г.-Б. Агорд, или типа Сёдербю (Soderbytypen), по Ю. Кальмеру, датирующимся IX в. (Еремеев, Дзюба 2010: 502; Callmer 2013: 60–62).

К местным (скорее всего) изделиям из ранней серии находок относится фрагмент неорнаментированного бронзового **пластинчатого поясного крючка** (рис. 428: 8). В X–XI вв. эти изделия (сделанные как из бронзы, так и из железа) были широко распространены в Верхнем Поднепровье (Ляўданскі 1930б: табл. VII: 12; Шмидт 1983:119; рис. 20: 5; Путь из варяг в греки 1996: 64, кат. 419), Подвинье (Бубенько 2004: рис. 76: 10; Еремеев, Дзюба 2010: рис. 303: 2) и далее на север – вплоть до Приильменья (Носов, Плохов 1991: рис. 5: 15; Конецкий 1991: рис. 6: 21; Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл. 7: 13; Еремеев, Дзюба 2010: рис. 183: 3) и Поволховья (Тарасов 2001: рис. 1: g). Пластинчатые крючки-застежки появляются на этой огромной территории, похоже, еще в IX в. По крайней мере, к этому времени относится самый ранний из известных нам в Подвинье крючков – с поселения Горяне (Еремеев,

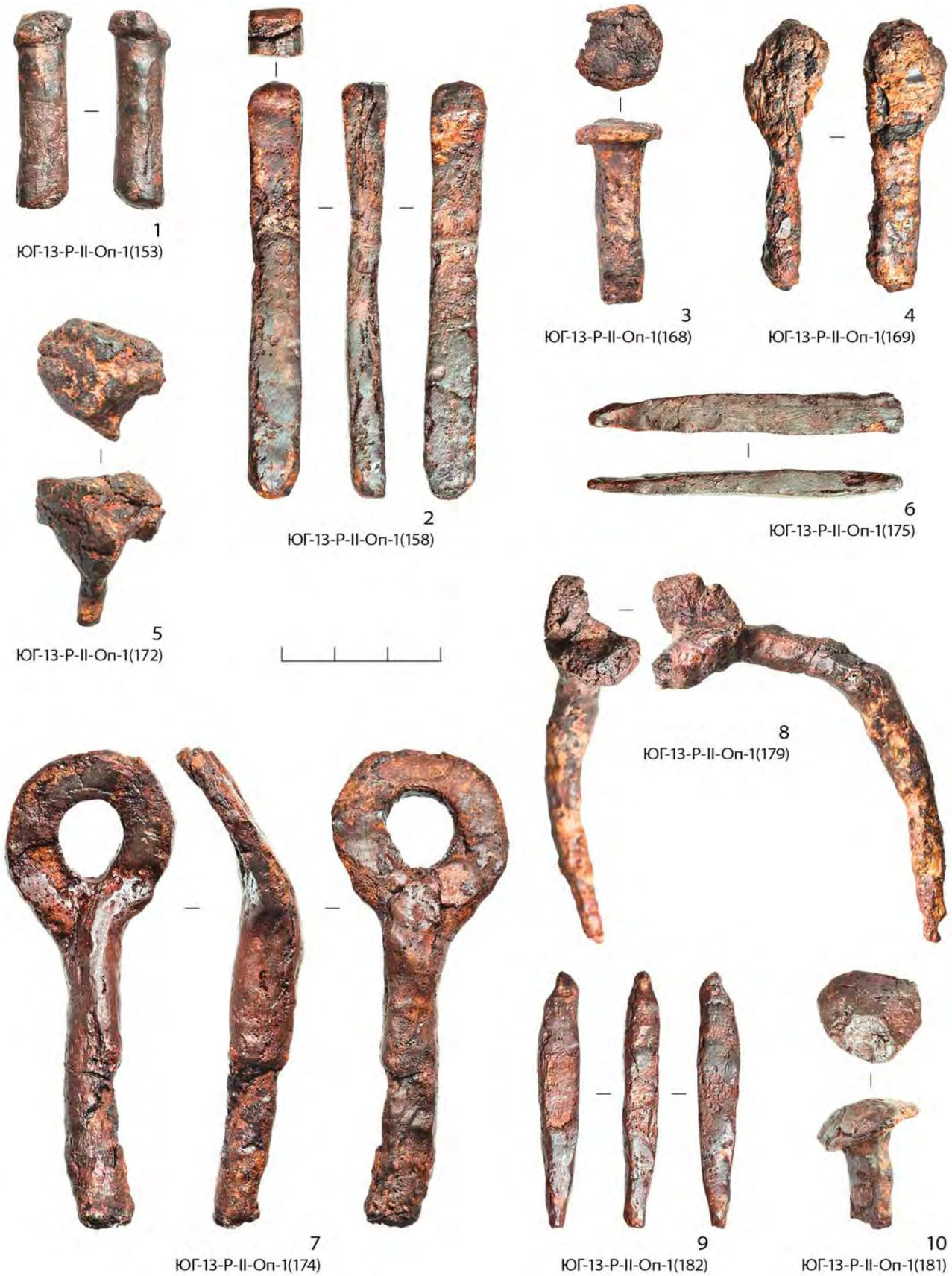


Рис. 369. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 6). Предметы из железа

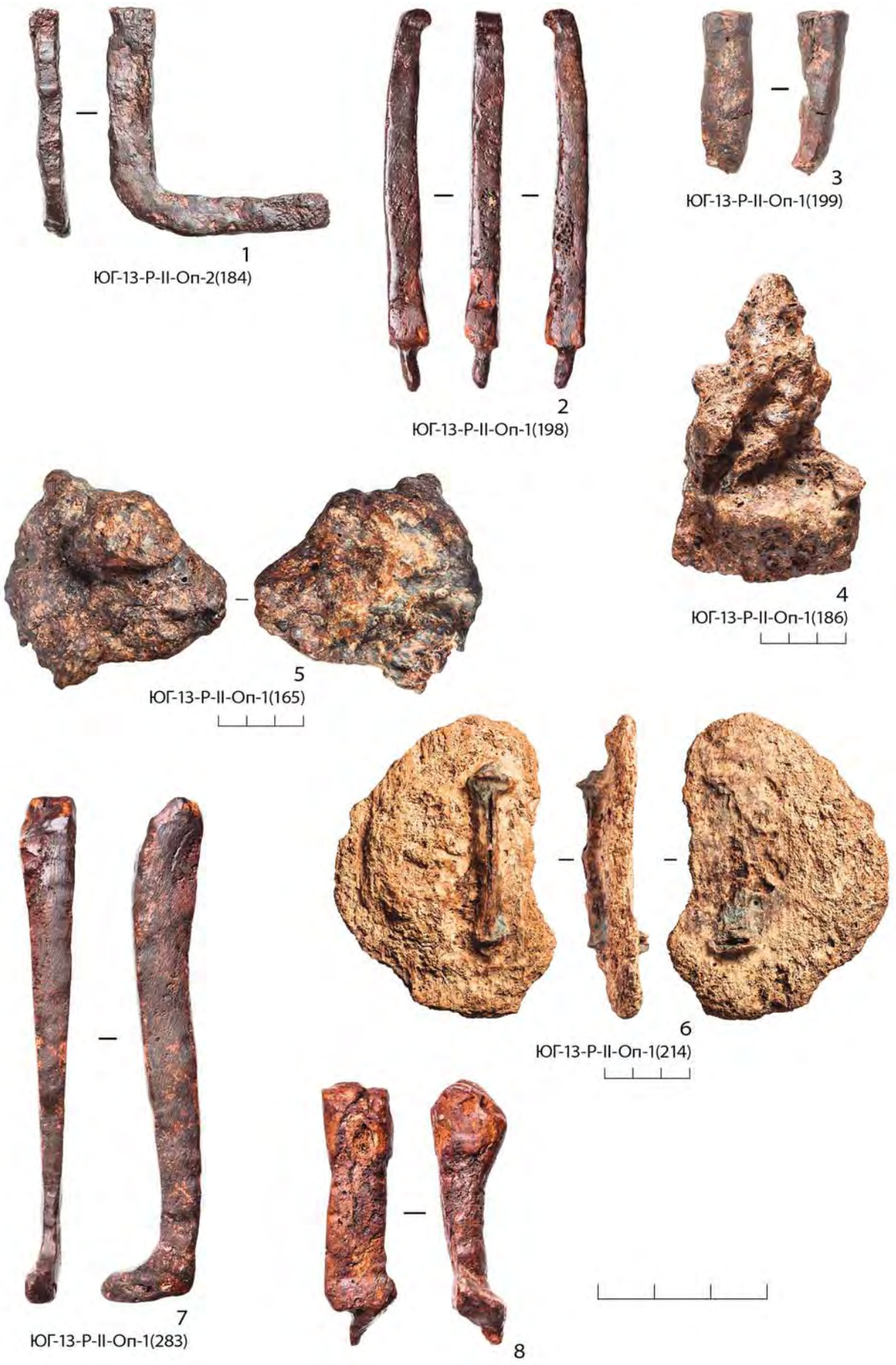


Рис. 370. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 6). Предметы из железа (1–3, 6–8) и железные шлаки (4, 5)

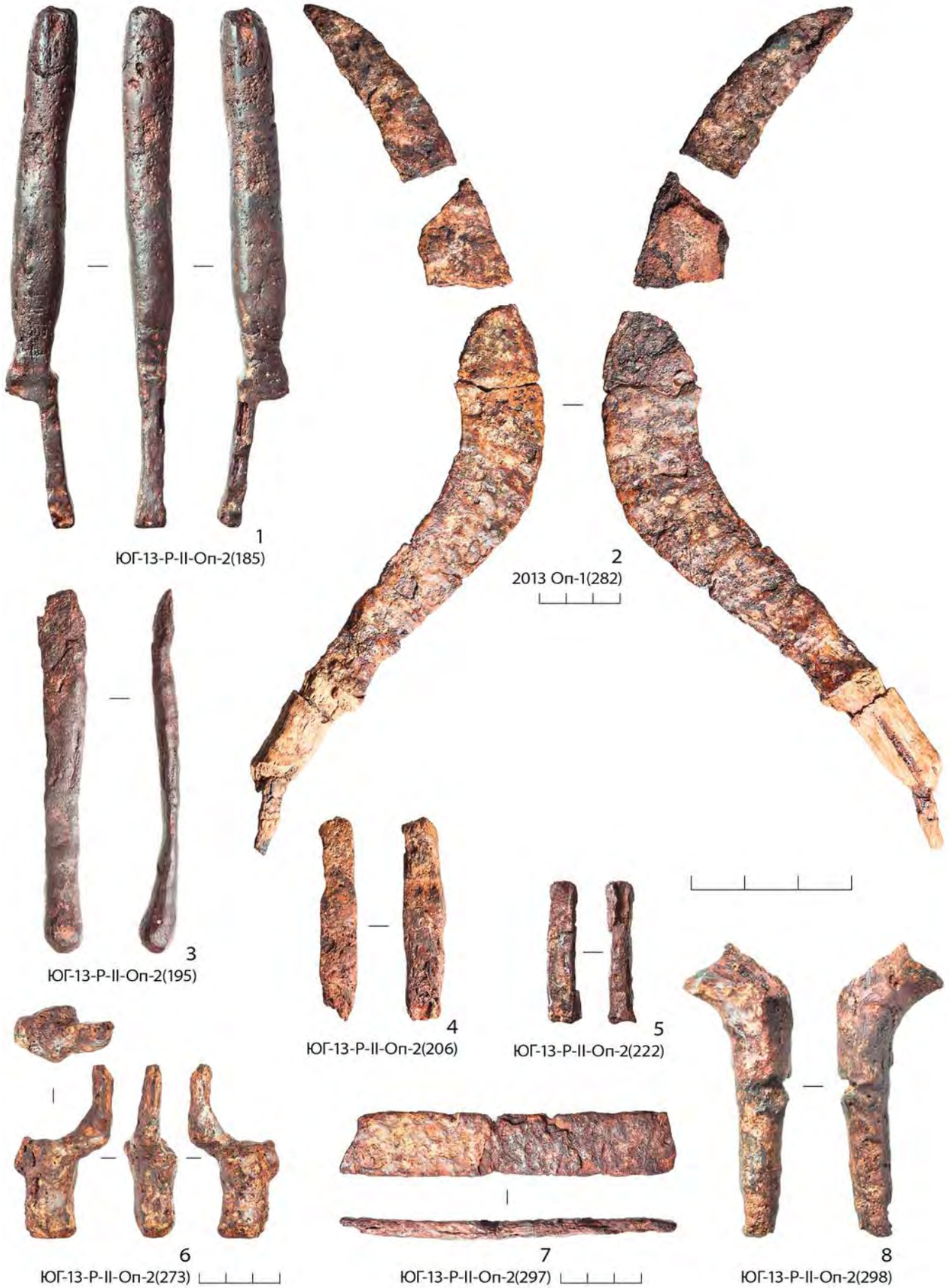


Рис. 371. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_4$ (пласт 6). Предметы из железа

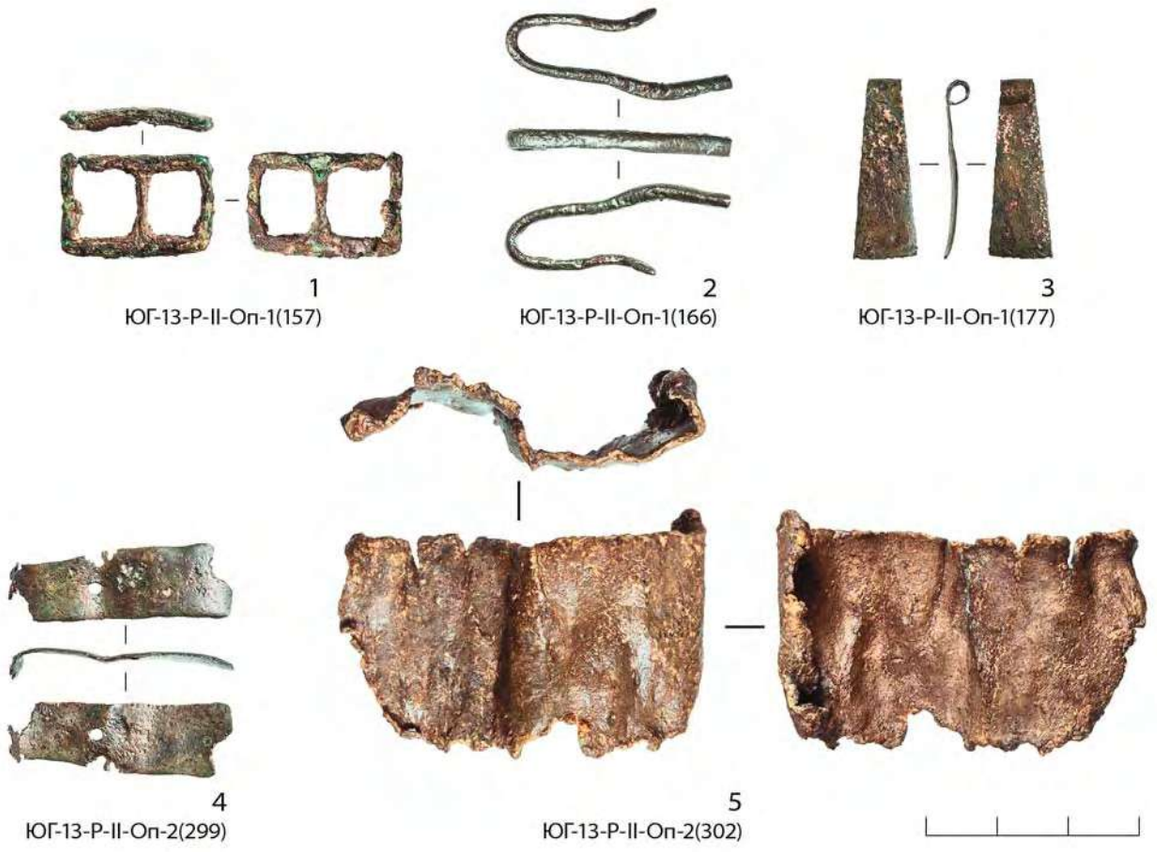


Рис. 372. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 6). Предметы из сплава меди (1–4) и свинцовая пластинка (5)

Дзюба 2010: 336). Временем не позднее начала X в. датируются поясной крючок из Городка на Маяте в Приильменье и, вероятно, железные крючки с Супрутского поселения (Григорьев 2005: 102). Великолепно орнаментированные пластинчатые поясные крючки X в. известны на Рюриковом Городище (Носов, Хвощинская, Медведева 2012: 73), в Даугмале (Balodis 1940: Abb. 41) и на селище в Гнёздово. Широкое распространение пластинчатых поясных крючков не только на указанной территории, но и в Польше, и Восточной Германии позволяет рассматривать эти изделия как специфическую (хотя и несколько странную с функциональной точки зрения) деталь костюма, присущую в первую очередь славянским племенам, хотя встречаются они также у пруссов и у других народов Прибалтики, соседствовавших со славянами.

2.3.1.3. Пуговицы

Пуговицы ранней серии представлены тремя экземплярами (рис. 438: 7–9). Два изделия имеют поясок и орнамент из сплошных радиальных насечек в нижней части (рис. 438: 8, 9). Многочисленные параллели известны в погребениях и на поселениях X в., в частности, в Гнёздове (см., например: Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: рис. 23: 3; 25: 2; 47: 4).

Третья пуговица более массивна и имеет валик у основания петельки. Она богато орнаментирована – крестиками по окружности и радиальными насечками в нижней части и имеет шишечку на конце (рис. 438: 7). Пуговица, отлитая из свинцово-оловянистой бронзы с незначительной примесью цинка, первоначально имела золотистый цвет.

Похожую по форме пуговицу можно указать в погребении из кургана 17 группы Чемерня-I в бассейне р. Беседь в белорусской части Днепровского левобережья (Бруевич 2003: рис. 1). Наряду с гончарной древнерусской керамикой в комплекс входили радимичские семилучевые височные кольца. Курган датирован XII в., имеется радиоуглеродная дата, указывающая как будто на вторую половину столетия (Бруевич 2003: 273).

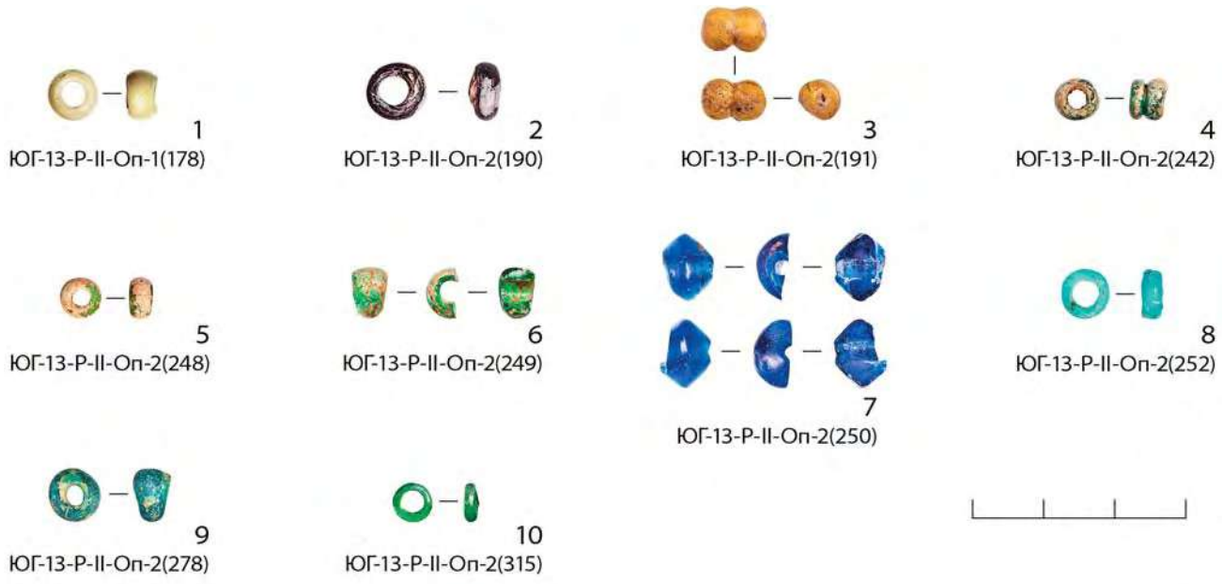


Рис. 373. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_4$ (пласт 6). Стеклянные бусы

2.3.1.4. Подвески

Трапециевидные подвески. Можно отметить подвески позднего типа (X в. или даже начала XI в.), с вогнутыми боками и тисненым валиком по периметру (рис. 428: 3), и более ранние (IX–X вв.), с прямыми боками (рис. 440: 1; рис. 452: общая фотография) или многорядным тисненым орнаментом вдоль нижней кромки (рис. 428: 4; рис. 452: 9).

К очень распространенным украшениям относятся **литые трехдырчатые цепедержатели** (рис. 452: 2, 3) и **литые ромбовидные подвески** (рис. 197: 6; рис. 452: 4–8). Как показывают совместные находки литых цепедержателей и ромбовидных подвесок в погребениях, вместе с плетеными цепочками они составляли элементы праздничного женского убора на очень обширной территоррии – от Латгалии (см., например: Люцинский могильник 1893: табл. V: 3; Нукшинский могильник 1957: табл. III: 12) до Ильменя, Верхнего Поднепровья и Днепровского Левобережья и Верхнего Поочья.

Эти предметы хорошо известны в культурных слоях ранних древнерусских поселений городского типа: в Городке на Ловати, Гнёздове, Витебске, в Городище на Менке, на Рюриковом Городище (Горюнова 1978: рис. 2: 124; Штыхов 1978: 70; Ениосова 2001; Бубенько 2004: рис. 76: 7; Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл. 30: 28; Мурашева 2014: 192–193, рис. 7). Не менее популярны были эти украшения в смоленских длинных курганах (Енуков 1990: 59–60; Штыхаў 1992: мал. 30: 4; Еремеев, Дзюба 2010: рис. 395: 1; Шмидт 2013: рис. 9, 11), на роменских памятниках (Енуков 2005: рис. 48: 4). В Двинско-Ловатском междуречье ромбовидные подвески встречаются на поселениях и в погребениях, связанных с культурой сопок (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 238: 8–9).

Ромбовидные подвески и трехдырчатые держатели являются характерным хронологическим индикатором X в. В слоях ранее этого столетия ни подвески, ни цепедержатели данных типов достоверно не зафиксированы. Одна из самых ранних находок ромбовидных подвесок на плетеных цепочках сделана на городище роменской культуры Чертово Городище в Верхнем Поочье (Прошкин 2011: рис. 39: 3). Датировка культурного слоя, содержавшего украшения, достаточно надежно определяется в границах IX–начала X в. (Прошкин 2011: 71).

И ромбовидные подвески, и трехдырчатые держатели бытовали и позже, в XI в. Верхнюю дату дают нам древнерусские курганные погребения по обряду ингумации на Браславщине (Плавинский 2010: рис. 8) и грунтовые древнерусские ингумации в Посулье (Моця 1983: рис. 20: 6).

Усвят – третий по счету пункт, где зафиксированы следы изготовления ромбовидных подвесок в виде неудачных отливок (рис. 200: 3). Крупнейшим производителем этих изделий



Рис. 374. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 6). Фрагменты стеклянных браслетов

в X–начале XI в., несомненно, было Гнёздово. Здесь зафиксированы следы отливки как трехдырчатых цепедержателей, так и ромбовидных подвесок (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: рис. 14). Вторым местом производства был, как известно, Городок на Ловати (Горюнова 1978: рис. 2: 12). В литературе часто называют эти украшения латгальскими. Учитывая широкое их изготовление в древнерусских ремесленных центрах и находку древнейших украшений в роменском культурном пространстве, следует, на мой взгляд, признать их древнерусскими, а распространение их у латгалов – результатом восточнославянского влияния на культуру последних.

Миниатюрная подвеска-лунница может быть с некоторой долей условности отнесена к славянским украшениям (рис. 449: 3). Изделие известно нам только по фотографии. Лунница, украшенная ложнозерненым орнаментом, отлита из белого металла (низкопробного серебра?). Появляются эти украшения на Руси не позднее второй четверти X в., поскольку параллели можно указать в слое гибели древлянского Искоростеня 946 г. (Комар 2012: рис. 21: 5). Большинство аналогий датируется XI в.

2.3.1.5. Весовые гирьки и нумизматические находки

В сохранившейся коллекции эти находки представлены 13 экз. (рис. 433; рис. 434: 1–4). Еще одна гирька (боченковидная) утрачена (рис. 452: 1). Одна гирька найдена в раскопе 1.

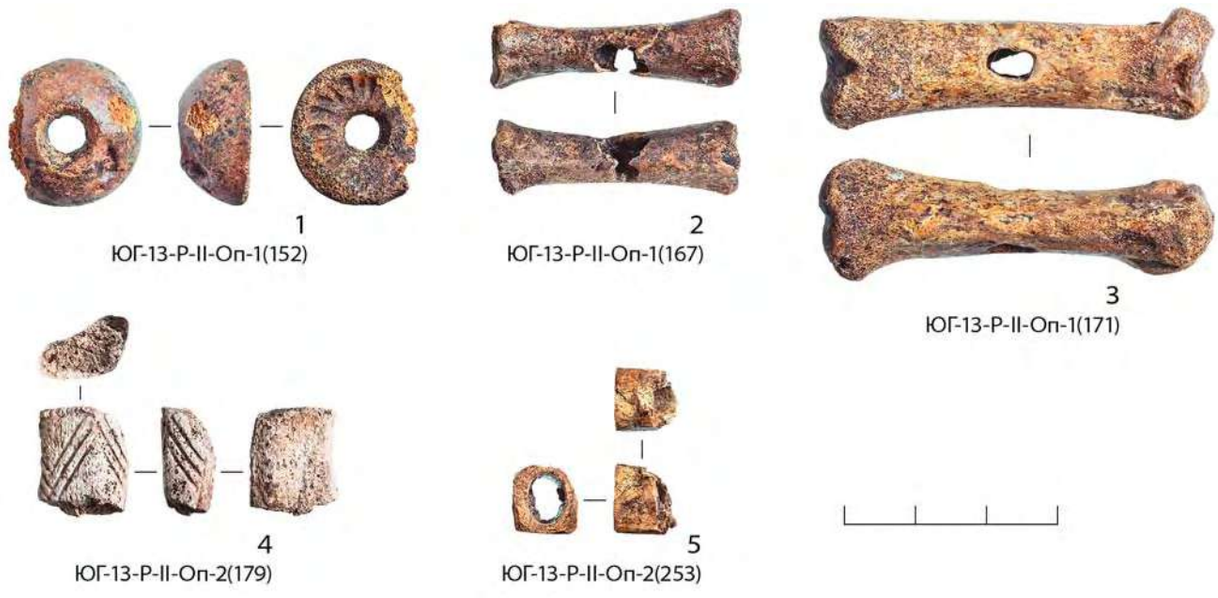


Рис. 375. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 6). Изделия из кости

Тринадцать разновесов относятся к группе 14-гранных гирек, полностью изготовленных из медного сплава (рис. 433; рис. 434: 1–4). Некоторые из них имеют маркировку весовых долей, некоторые гладкие. Датировка этих изделий на Руси ограничивается второй половиной IX–первой половиной XI в. Они повсеместно использовались в Балтийском регионе, в Скандинавии и Прибалтике. Древнейшие на Руси весовые гирьки этого типа найдены на Рюриковом Городище и в Старой Ладоге (Давидан 1987: 123).[59]

В Полоцкой земле наиболее раннюю дату дает Брилевский клад (после 892 г.), в состав которого входили четыре 14-гранные гирьки и шесть боченковидных (Рабцэвіч, Плавінскі, Іоў 2011: 12, 84). Подсчеты находок весовых гирек различных типов по городам Полоцкой земли проделали Ш. И. Бектинеев и Н. А. Плавинский. До нашей публикации на территории Белоруссии в древнерусских городах были известны находки всего 14 гирек (Бектинеев 2011: 66). На этом фоне находки в Усвяте свидетельствуют о достаточно высокой роли торговли в жизни этого раннегородского поселения.

Гирьки обоих типов (боченковидные и граненые) в кошелях купцов дополняли друг друга и встречены вместе как в ранних комплексах (Брили), так и в комплексах XI в. – например, курган № 135 в Залахтовье (Хвощинская 2004: табл. XXXIII). В низовьях Западной Двины на территории Латвии весовые гирьки появляются значительно позже, чем на Руси, – во второй половине X в., причем многогранные разновесы известны там в очень небольшом количестве (Берга 2011: 166, 168). Коллекция гирек из Усвята, таким образом, носит древнерусский (или даже прямо скандинавский), а не прибалтийский характер.

Здесь нужно обратить внимание на процентное соотношение между собой двух типов гирек из Усвята. Резкое количественное преобладание 14-гранных гирек над сферическими не очень характерно для поселений древнерусского ареала, но отмечено исследователями в Бирке (Давидан 1987: 123). Данное обстоятельство еще раз указывает, видимо, на особую роль скандинавов в ранней истории Усвята.

Одна боченковидная гирька из Усвята, целиком выполненная из медного сплава, имеет, помимо знаков кратности, пояски пуансонного орнамента, а по сторонам – выемки металла – две крестовидные и одну одинарную. Выемки сделаны таким образом, что образуется будто бы знак X I X (рис. 433: 1). Поверхность выемок достаточно сильно корродирована, но в некоторых местах заметны следы работы напильником.

Сама гирька представляет собой обычное изделие такого рода, использовавшееся повсеместно в Западной и Восточной Европе

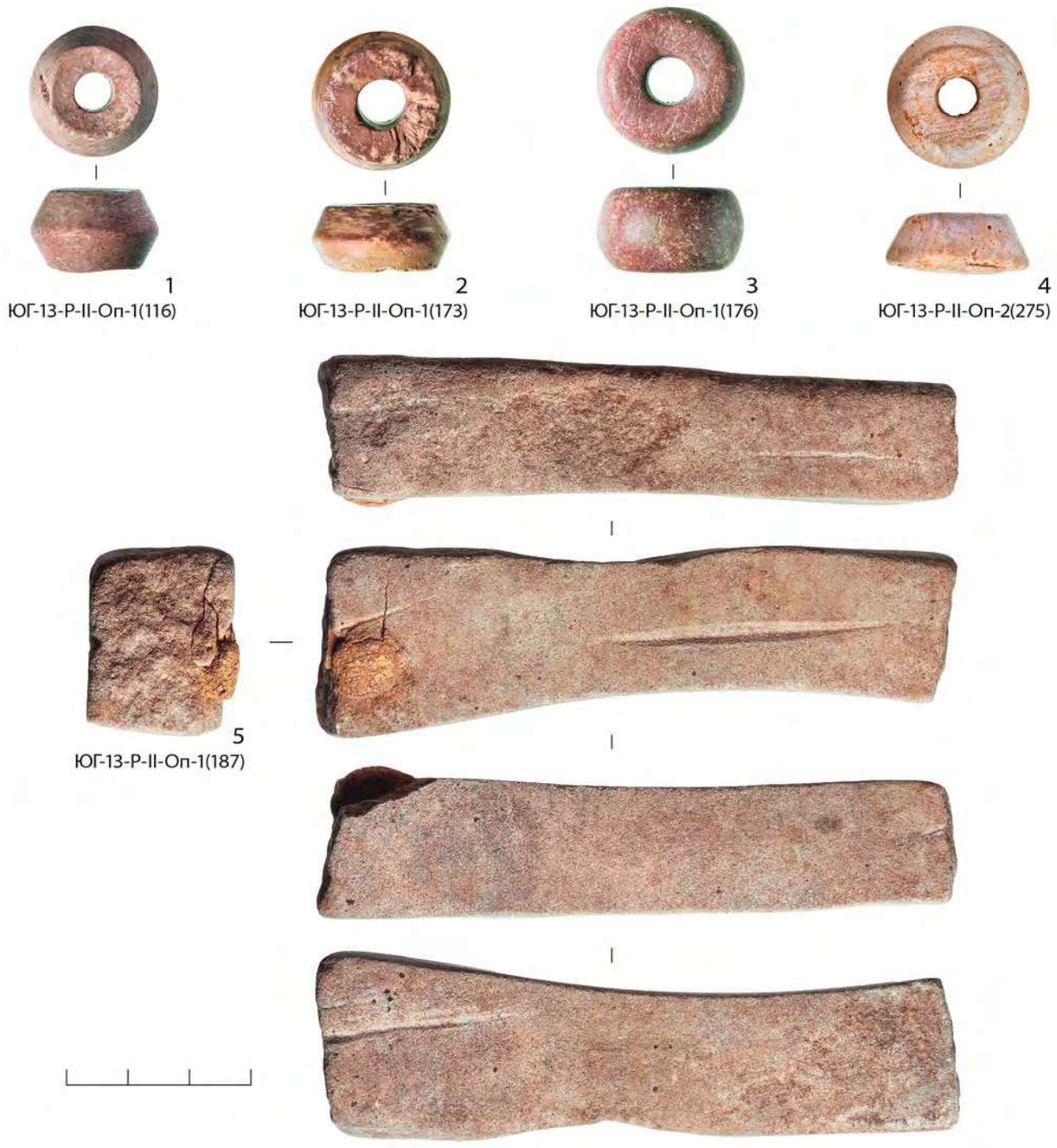


Рис. 376. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_4$ (пласт 6). Изделия из камня

в X–XI вв. Между тем выемки на гирьках встречаются нечасто и, похоже, могут служить хронологическим признаком. Характерно, что культурные отложения Старой Ладоги, датирующиеся второй половиной VIII–X вв., не дали гирек с выемками (Давидан 1987). Создается впечатление, что они появляются в XI в. в связи с какими-то изменениями в денежно-весовой системе. Именно XI в. датирован автором раскопок курган № 135 (с сожжением) из Залахтовья, содержавший гирьки с подобными «зарубками» (Хвощинская 2004: 104, табл. XXXIII: 11, 14). Встречаются они и в городах Полоцкой земли – в частности, в городище на Менке (Штыхов 1978: 71, рис. 28: 8). Н. А. Плавинский, собравший наиболее представительную подборку находок гирек-разновесов с территории Белоруссии, отмечает необычность этой находки для Полоцкой земли (Плавинский 2012: 12). В центральных и восточных областях Руси гирьки с «зарубками» также представляют сравнительную редкость. Одна

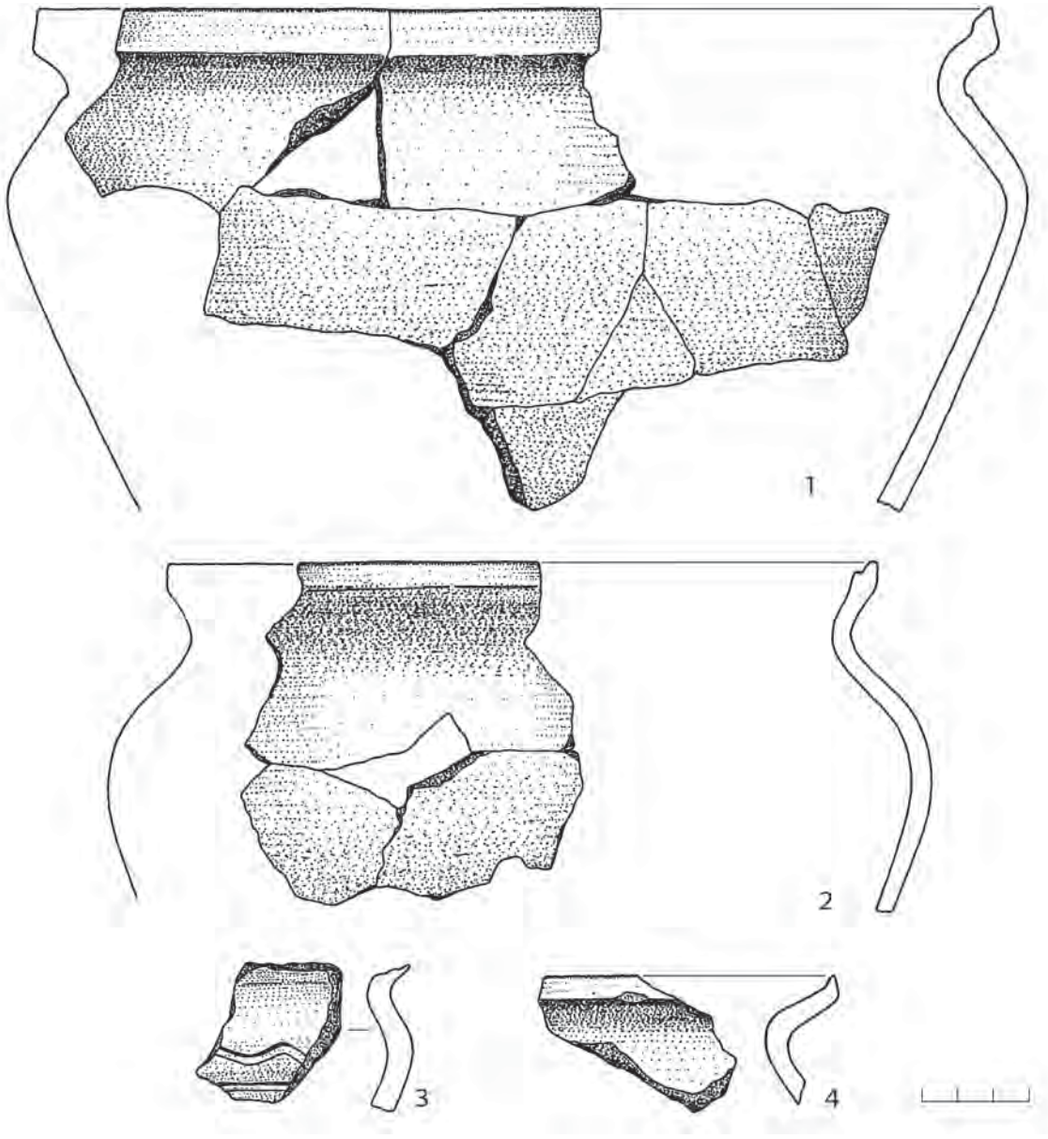


Рис. 377. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 5). Заполнение постройки 3. Гончарная керамика

находка известна нам в Суздальском Ополье на поселении Большое Давыдовское 2, датированном Н. А. Макаровым X–XIII вв. (Макаров 2012: 209, рис. 9: 10). Есть такие находки и в Новгороде (Колчин, Хорошев 1978: 164, рис. 18).

В Прибалтике гирьки с «зарубками» встречаются довольно часто. Помимо Причудья они известны в низовьях Даугавы на поселении в Мартиньсале (Mugurēvičs 2008: X tabula: 24, 25), на земгальском городище Тарвете (The Semigallians 2005: 167, № 933–937), на землях куршей (Balodis 1940: 235: 12) и в ряде других мест. Сведения о таких разновесах, найденных на территории современной Латвии, собраны в работе Т. М. Берга (Берга 2011). Исследовательница насчитала здесь на поселениях и в могильниках 12 таких находок, отметив, что там, где они поддаются датировке, они относятся к XII–XIII вв. (Берга 2011: 170). Некоторое количество гирек с насечками найдено и в Пруссии (Кулаков 1990: табл. LVIII, LXIV).

Считается, что «зарубки» на гирьках являются следами выемки металла на изделиях, превышавших определенные весовые нормы (Колчин, Хорошев 1978: 164; Хвощинская 2004: 104). Возможно, в некоторых случаях «зарубки» являются пометками, сделанными после проверки соответствия гирек каким-то нормам (определенным «знаком качества»). Очевидно, вопрос этот можно прояснить только обширными трасологическими исследованиями, которые должны показать – каким инструментом

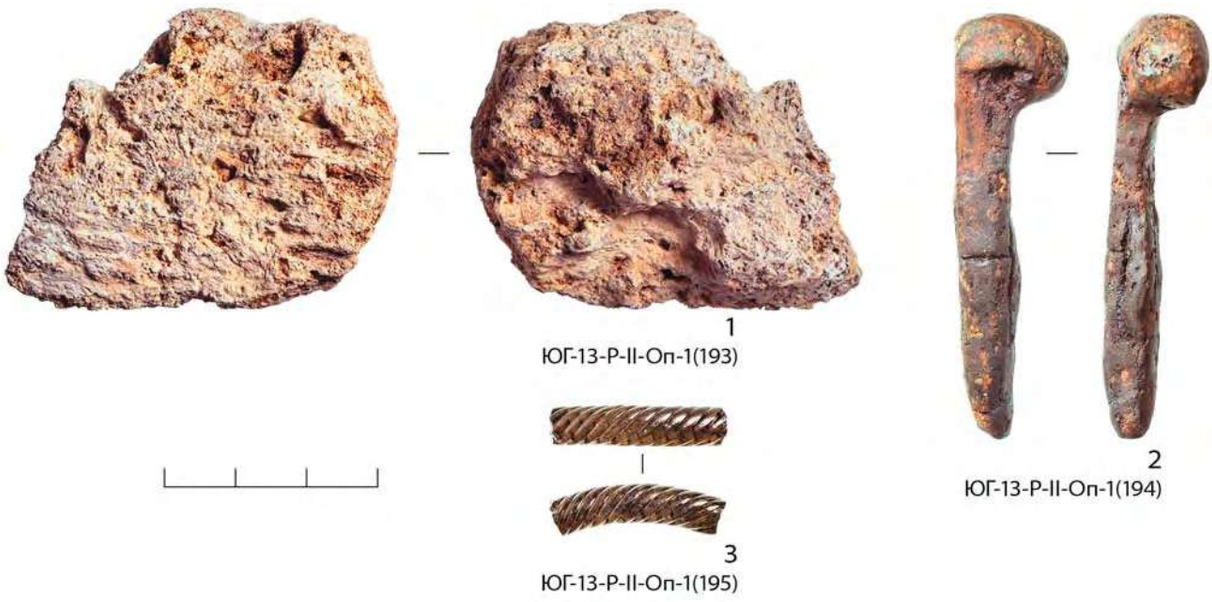


Рис. 378. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_4$ (пласт 6). Находки из постройки 3. 1, 2 – железо; 3 – стекло

в каждом случае наносились выемки: зубилом, не изменяющим веса изделия, или напильником. Известно, что споры между купцами из-за весовых гирек были нередки. Параграф, касающийся конфликтов латинян со смоленскими купцами по поводу взвешивания серебра, имеется в Смоленской торговой правде 1229 г. и явно восходит к гораздо более древним практикам. Там же указаны и храмы в Смоленске, при которых хранились эталонные меры веса. Т. М. Берга высказала предположение, что крестообразные «зарубки» на гирьках связаны с «распространением христианских символов» (Берга 2011: 170). Мне более близка версия из исследований В. Л. Янина и Н. В. Хвощинской.

Датировка боченковидных разновесов очень широка. В Прибалтике они использовались до XIII в. (Берга 2011: 166). Гирьки, внешне неотличимые от раннесредневековых разновесов, известны, например, в Твери в слое 1311–1330 гг. (Лапшин 2009: 110, рис. 107: 1). Судя по тверской находке, поздние гирьки отличает от разновесов эпохи викингов отсутствие орнаментального пояска вокруг знака кратности. Но с уверенностью это можно будет утверждать только после специального исследования материала в масштабах всей Восточной Европы.

Единственная весовая гирька, найденная при раскопках, происходит из верхней части заполнения комплекса IV (рис. 206: 1). Гирька свинцовая. Она относится к разряду так называемых «монетовидных» или «цилиндрических» разновесов, повсеместных в Восточной Европе эпохи викингов (Давидан 1987: 119; Григорьев 2005: рис. 47: 10). Уместным выглядит предположение, что такие примитивные гирьки не служили для торговых операций, а использовались ювелирами для взвешивания металла перед плавкой (Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: 61).

Серию находок эпохи начального Усвята продолжает коллекция **куфических монет** (20 целых и рубленых дирхемов) и **две бронзовые византийские монеты** (рис. 446; рис. 447; рис. 449: 1, 2). Последние попали на поселение в виде ювелирного лома, о чем говорит тот факт, что одна из монет оказалась разрублена пополам (рис. 446: 1). Результаты определения монет, выполненные специалистами Отдела нумизматики ГЭ, представлены в Приложении 3.

2.3.1.6. Древности, предположительно связанные с Южной Европой

Из сохранившейся части кладоискательской коллекции – это **поясной наконечник с растительным орнаментом из трилистников** (рис. 436: 2). Значительное количество стилистических аналогий происходит из моравской поясной гарнитуры IX–X вв. (см., например: Dekan 1976: 112). Не исключены в данном слу-

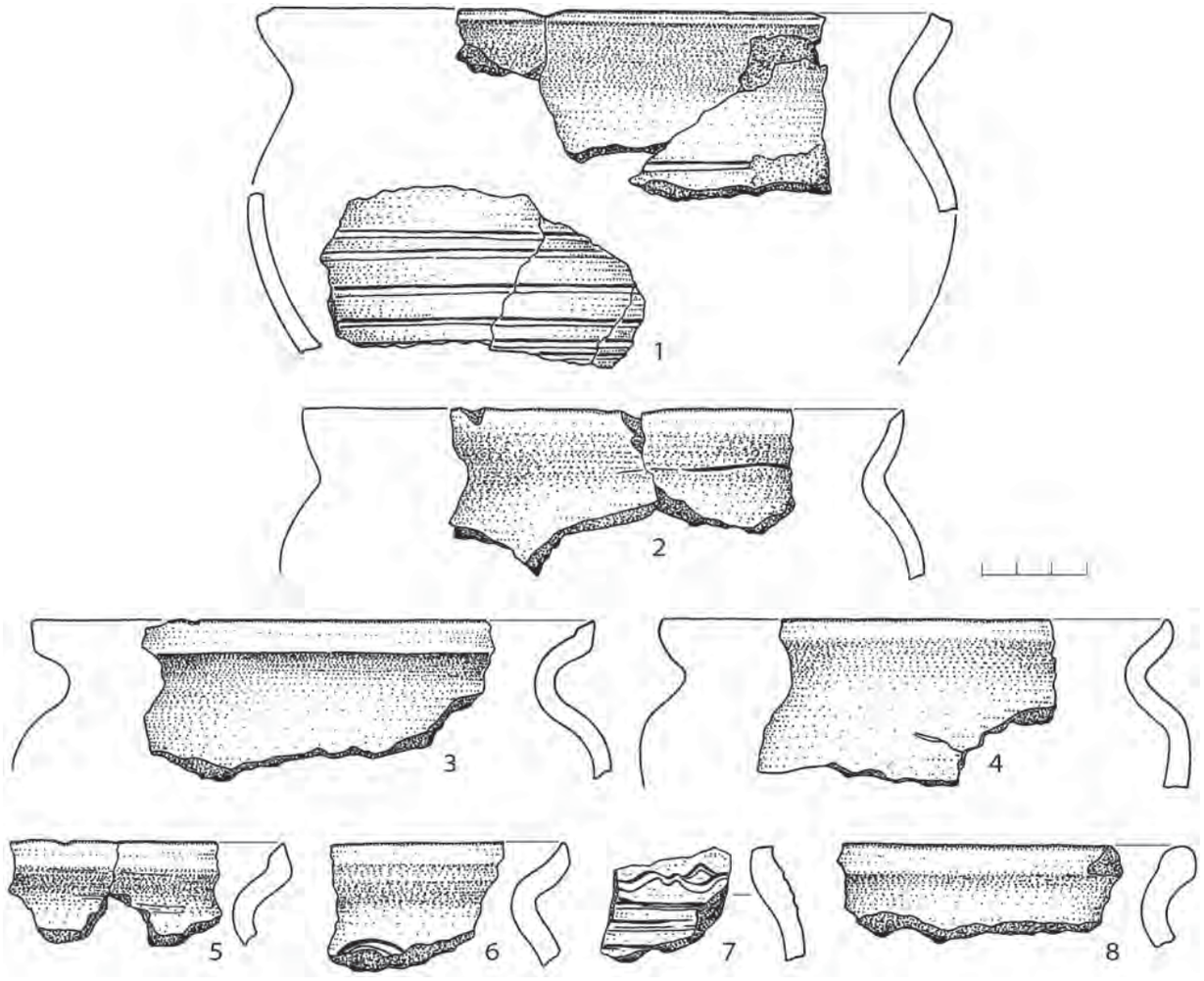


Рис. 379. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4. Заполнение комплекса I. Гончарная керамика

чае и салтовские параллели. Опираясь на них, В. Б. Ковалевская датирует такие наконечники (тип 9, вариант 2) VIII–IX вв. (Ковалевская 2000: 121). Растительный узор с цветком, «вырастающим» из верхней части пряжки и имеющим отходящие от него под прямым углом трилистники, и «пальметкой» над ним находит отдаленные параллели на пряжке из

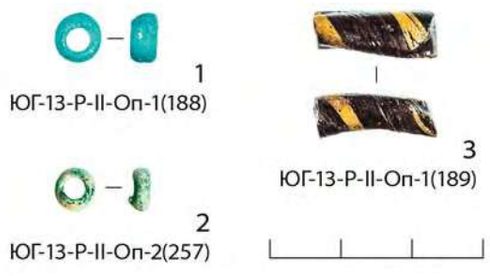


Рис. 380. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4. Находки из комплекса I. Стекло

горизонта Д Старой Ладоги (Davidan 1992: Abb. 10: 31).

Еще одно ременное украшение из Усвята, возможно, связанное с Моравией, оказалось в частной коллекции. Это фрагментированная **ажурная накладка из позолоченного медного сплава** (рис. 449: 8). Точных аналогий нам пока не удалось подобрать, но стиль украшения уводит нас вновь к поясным наборам из Нове Замки и Житавска Тонь (Dekan 1976: 50, 61).

Крайне любопытна находка фрагмента великолепно проработанного литого великоморавского (или так называемого «нитранского типа») **лунничного височного кольца с балясинкой** (рис. 428: 6). Кольцо отлито из свинцово-оловянистой бронзы с высоким содержанием олова, что придает сплаву серебристый цвет.[60] Это уже второе подобное кольцо, происходящее с Юрьевых Гор. Первое (случайная находка изделия несколько более низкого

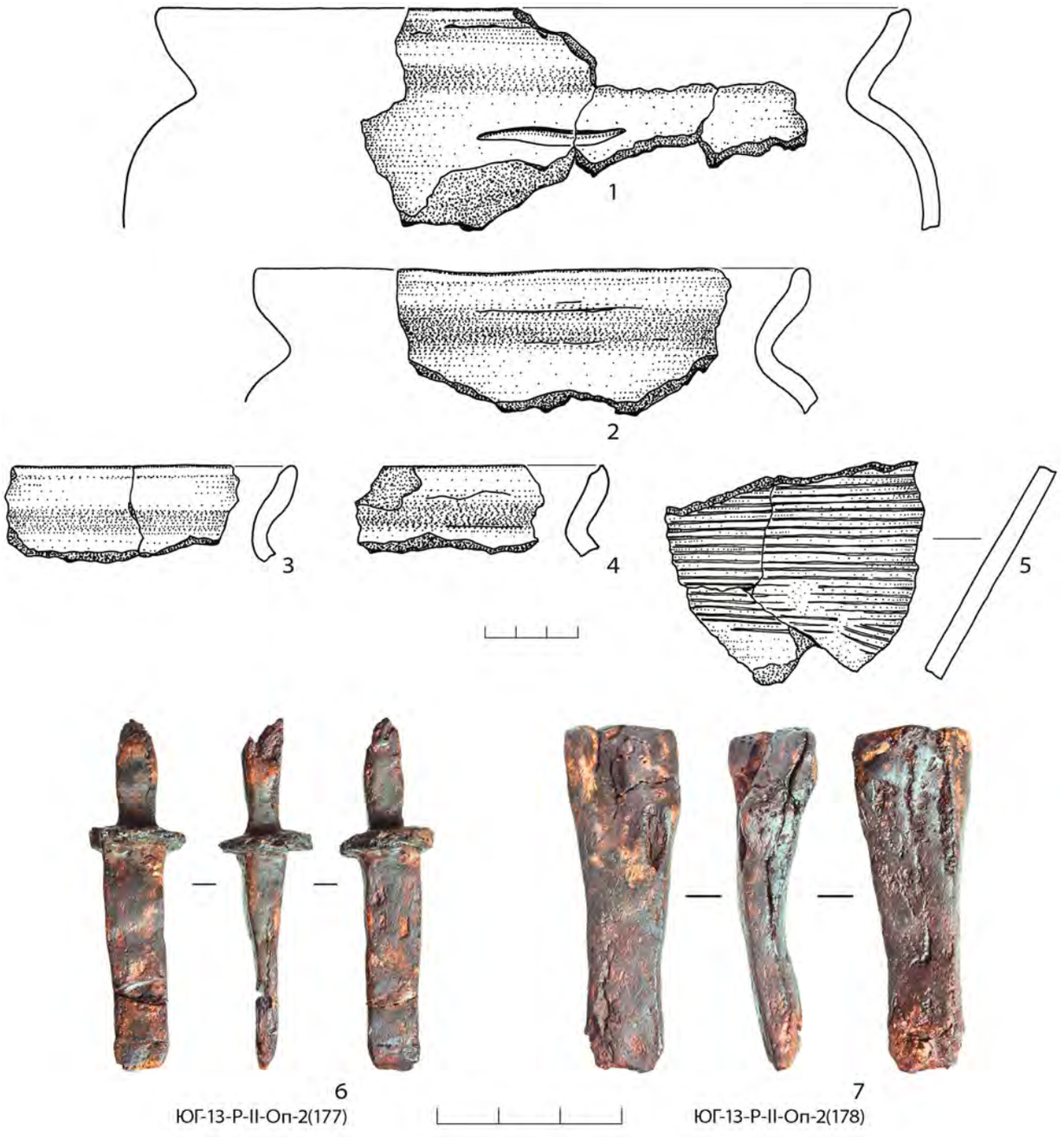


Рис. 381. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4. Находки из комплекса II. 1–5 – гончарная керамика; 6, 7 – предметы из железа

качества) хранится в Усвятском краеведческом музее (рис.146: 2).

Височные лунничные кольца «нитранского типа» с Юрьевых Гор – самые северные находки такого рода с территории Древней Руси. Ближайшие в географическом отношении аналогии (3 экз.) известны на поселении в Гнёздове (Пушкина 1987: 54–55; Путь из варяг в греки 1996: 59; кат. 372, 273). Серебряное кольцо такого типа найдено в 1981 г. на Центральном городище (Ениосова 1998: 260; рис. 1: 4), причем оттуда же происходит и фрагмент каменной литейной формы для изготовления похожих (правда, несколько иного типа – с трехрогой пластиной) украшений (Ениосова 1998: 260–261; рис. 1: 3). Как отмечают исследователи гнёздовских древностей, подобные височные кольца относятся к позднеморавскому периоду, когда на смену сложным серебряным украшениям с зернью приходят более простые аналогии, выполненные из медных сплавов (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 257, 258).[61]

Еще одно кольцо (фрагмент) происходит с поселения Дружба (Рыловщина) на окраине



Рис. 382. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4. Фрагмент гончарного сосуда из комплекса III и фрагмент стремени, найденный близ погребенной почвы над комплексом IV

Минска. Кольцо найдено в яме № 16 (в которой находилась печь из камней и глины) в сопровождении гончарной керамики X–XI вв. (Заяц 1994: мал. 2: 4).

Находки височных колец нитранского типа известны и в Киевском Поднепровье – на городище Монастырек, расположенном на днепровской переправе близ устья р. Трубеж (Максимов, Петрашенко 1988: 90, рис. 11: 6; рис. 31: 5; Петрашенко 1994: мал. 8, 10) и на поселении Григоровка (Петрашенко 1994: мал. 9). Таким образом, сложно сказать определенно, куда уводит «великоморавский след» в материальной культуре Усвята – напрямую в Моравию через Минскую возвышенность или на юг по днепровскому Пути из варяг в греки через Гнёздово в Киевское Поднепровье. Последнее впечатление усугубляется находкой в кургане в ближайших окрестностях Усвята другой редкой для древнерусского севера поясной бляшки – с серебряной инкрустацией южнорусского типа (Еремеев 1995: рис. 1: 26).

До проведения специальных исследований сложно сказать – были ли два усвятских височных кольца изготовлены где-то в Моравии, или же они произведены на Руси. Но, безусловно, очередная параллель с культурой Гнёздова и Киевщины очень важна для понимания места Усвята в иерархии раннегородских поселений Полоцкой земли. Надо полагать, высокопрофессиональные ювелиры – выходцы из Великой Моравии работали преимущественно в наиболее оживленных и людных торговых местах Древней Руси.

По данным Т. А. Пушкиной, гнёздовские находки происходят из слоя с лепной

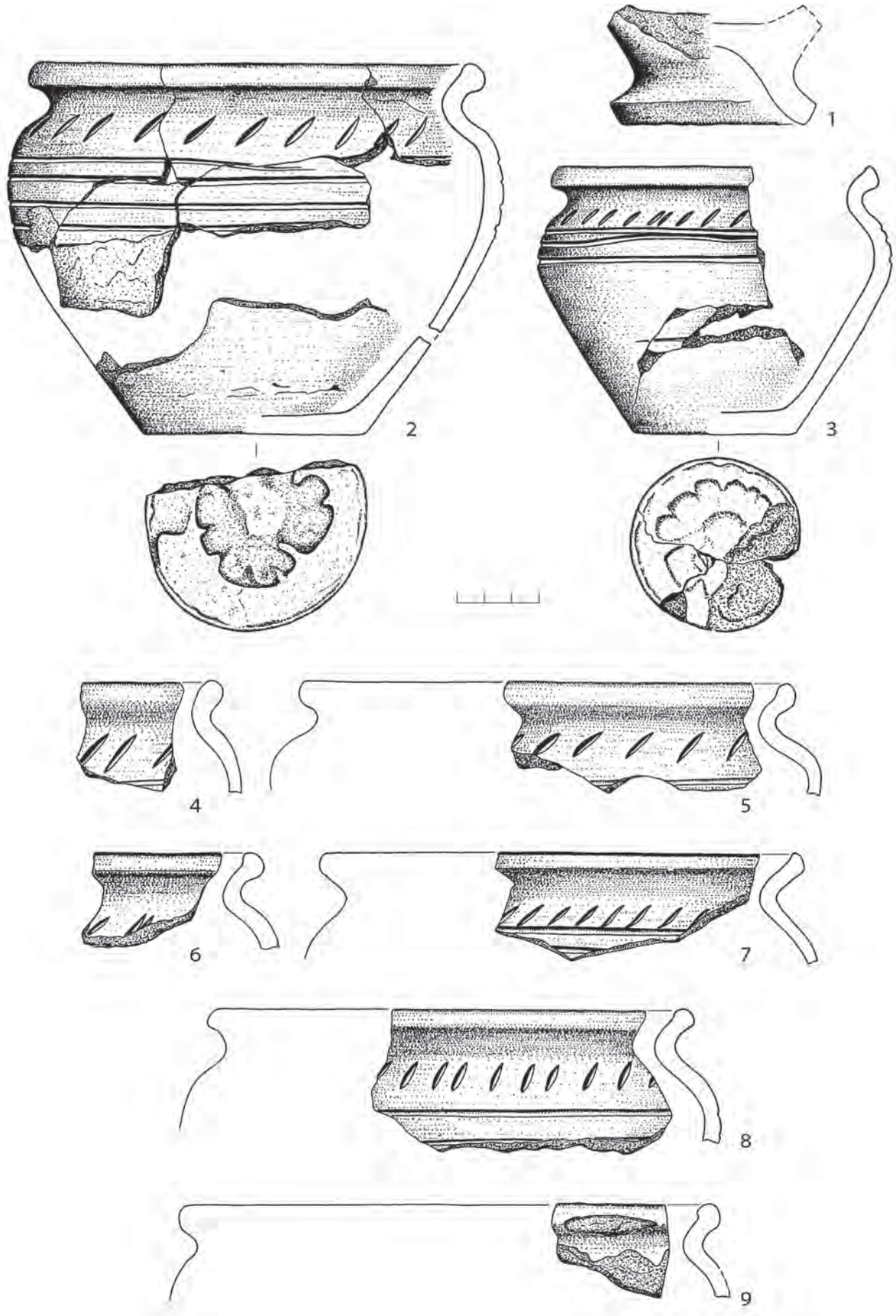


Рис. 383. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 7). Гончарная керамика. Кв. Б-1

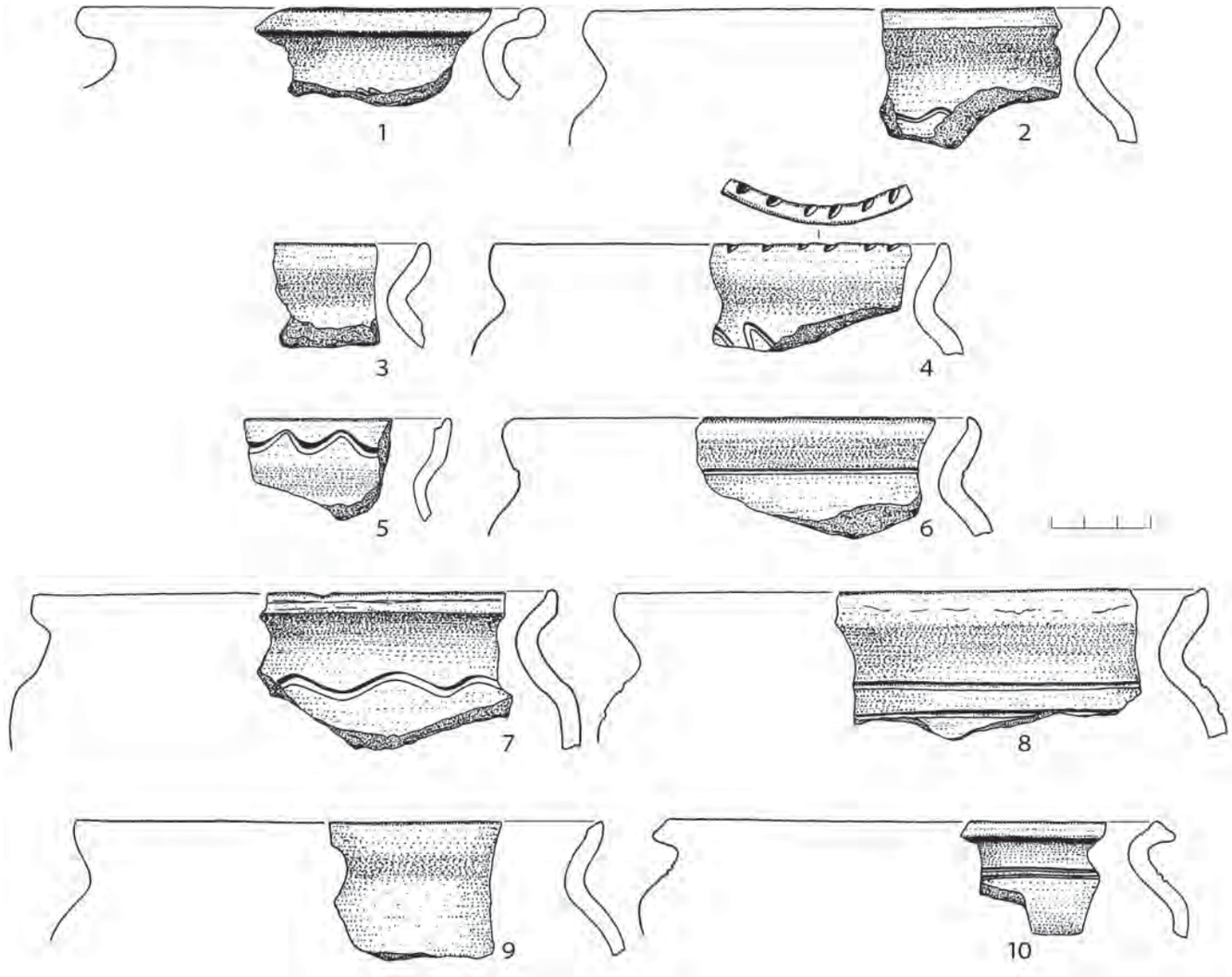


Рис. 384. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_4$ (пласт 7). Гончарная керамика. Кв. Б-1

и гончарной керамикой (Пушкина 1987: 55), т. е. датируются временем не ранее второй четверти X в. Так же, вероятно, датируются и серьги с городища Монастырек, найденные в заполнении построек с лепной и с высококачественной гончарной керамикой (Максимов, Петрашенко 1988: рис. 11, 31). Находки этих украшений в Великой Моравии допускают и более раннюю дату, включающую IX столетие.

2.3.1.7. Древности восточноприбалтийских типов

От ювелирной коллекции из Усвята можно было бы ожидать заметного количества предметов, связанных с культурой балтских и финских племен нижнего течения Даугавы и недалекой Латгалии. Но украшений прибалтийских типов в нашем поле зрения оказалось сравнительно немного.

Во-первых, это **фрагмент массивной булавки с крестовидной головкой**, лопасти которой завершаются дисками, украшенными концентрическими кругами с шишечкой посередине (рис. 435: 1). В Нижнем Подвинье эти украшения появляются уже в меровингское время, становясь особенно популярными в X–XI вв. В этот период они встречаются в древнерусских городах. В Новгороде, в слоях конца X–XI в., найдено четыре такие булавки (Седова 1981: 73; Покровская 1998: 176; 2004: рис. 1: 6). Ближайшая в территориальном отношении находка аналогичного украшения сделана на Нижнем замке в Витебске (Бубенько 2004: 76: 13), поэтому заслуживает особого внимания. В монографии Т. С. Бубенько датирует находку XII в. (Бубенько 2004: 78). Однако из более подробной статьи, посвященной стратиграфии раннего Витебска, вырисовывается

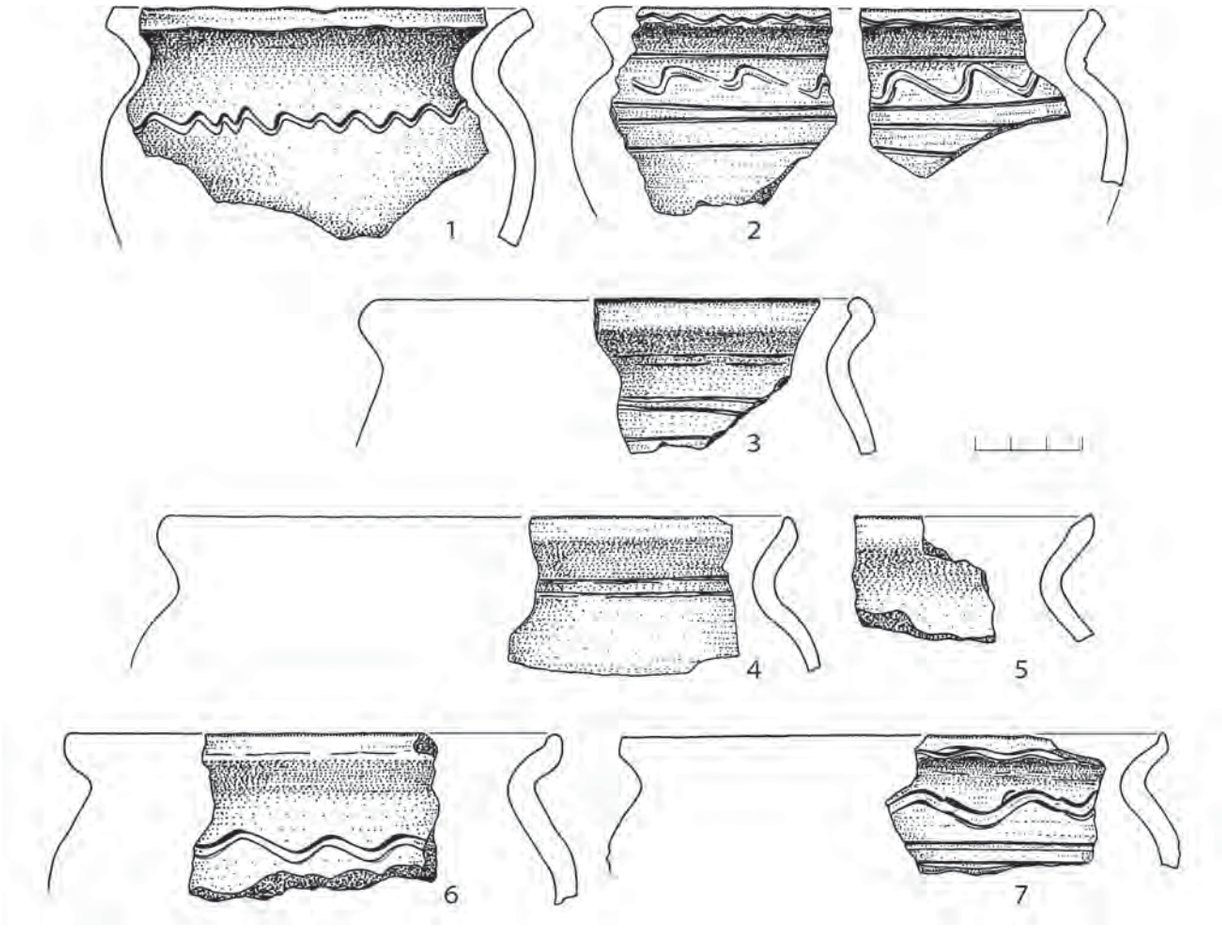


Рис. 385. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 7). Гончарная керамика. Кв. Б-2

несколько иная картина. Булавка найдена была в раскопе XXIV, кв. 8, пл. 5 (Бубенько, Левко 2003: 80). Данный пласт приходится на стратиграфический слой 2 (светло-серый гумус с примесью песка) (Бубенько, Левко 2003: 72). Для этого слоя характерна лепная и раннегончарная керамика, здесь найдено больше десятка глиняных грузиков от вертикального ткацкого станка и несколько односторонних наборных гребней групп 1 и 2 (Бубенько, Левко 2003: 72). Один из гребней (фрагмент), найденный в том же слое 2 и в том же пласте 5 раскопа XXIV, относится к разряду так называемых «конских» гребней с крупным и редким зубом (Бубенько, Левко 2003: рис. 5: 1). Он принадлежит к группе 1, и аналогии ему в Старой Ладоге выпадают в горизонте E_1 и Д (Давидан 1999: 171). Таким образом, если, конечно, витебская булавка не попала в слой перекопа, датировать ее следует временем не позднее X в., как и поступают Т. С. Бубенько и О. Н. Левко в статье 2003 г. (Бубенько, Левко 2003: 80).

На Руси прибалтийские крестовидные булавки были популярны, надо полагать, из-за их формы, позволявшей использовать эти эффектные украшения как христианские символы, предметы личного благочестия. В частности, навершие аналогичной булавки, носившееся владельцем как крест-тельник, известно в одном из тимеревских курганов вместе с серебряным крестом-подвеской, вырезанным из дирхема. Курган датируется второй половиной X в. (Меч и златник 2012: кат. 352). Такое же крестовидное навершие с отломанной иглой найдено и в Полоцке на Великом посаде (Тарасаў 2001: 34, мал. 56: 6).

Нам представляется, что, судя по новгородским, витебской и тимеревской находкам, булавку из Усвята разумнее всего датировать эпохой викингов.

Фрагмент **браслета, уплощенно-треугольного в сечении**, украшенного нарезками (рис. 435: 2), следует также отнести к прибалтийским украшениям. Несмотря на неказистый

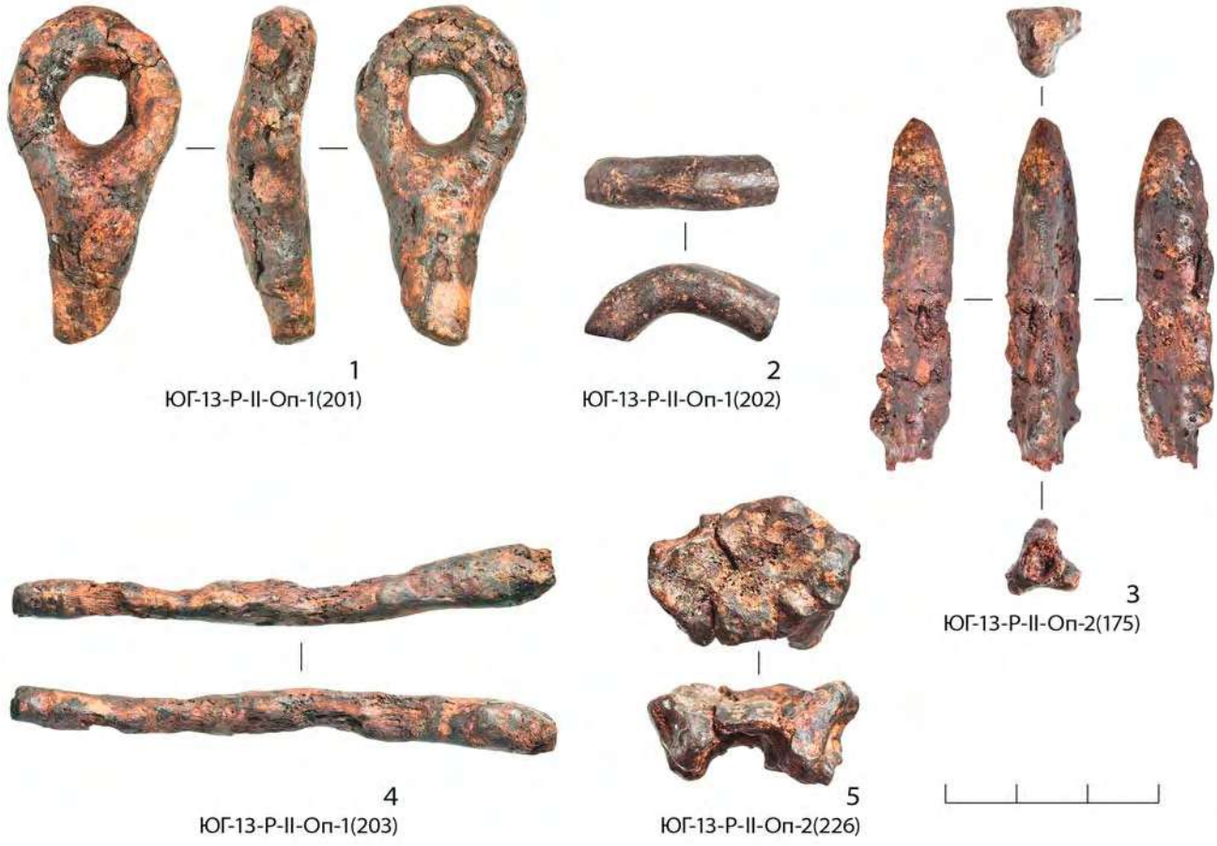


Рис. 386. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 7). Предметы из железа (1–4) и железный шлак (5)

вид, это один самых интересных предметов в усвятской коллекции. Сохранились конец браслета, со сдвоенной вертикальной нарезкой, и часть дужки, украшенной сдвоенными косыми черточками.

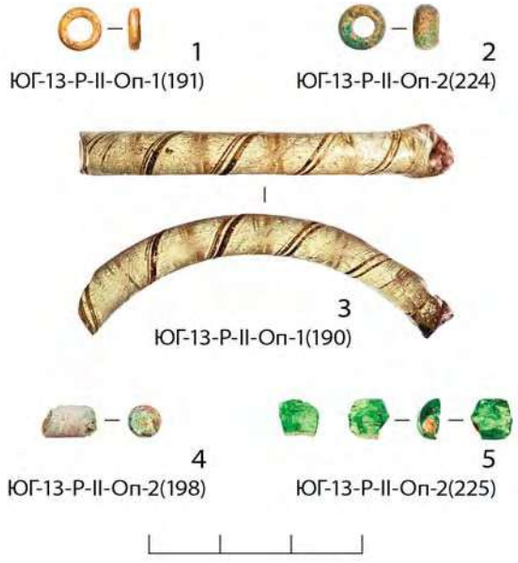


Рис. 387. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 7). Предметы из стекла

Вещь интересна своей потенциально ранней датировкой. В Центральной Литве абсолютно точные аналогии этому украшению известны в комплексах V–VII вв. (Bertašius 2005: 66, Taf. XCVI: grab 253: 2). Время появления этих украшений относится к римскому времени (период C1b–C2; т. е. III–начало IV в.) (Bertašius 2005: 39, Taf. LVIII: 3–4). Известны такие украшения в Юго-Восточной Прибалтике и позже – в VIII–X вв. (The Selonians 2007: 155–648). Учитывая расположение неподалеку селища и могильника Узмень и находку на городище в Юрьевых Горах фрагмента лепного слабопрофилированного сосуда, можно предположить, что во второй–третьей четверти I тыс. н. э. здесь также существовало небольшое поселение, пока не выявленное раскопками. Но, скорее всего (учитывая единичный характер находок керамики раннего облика), браслет следует датировать X в.

Еще одной находкой прибалтийского (точнее общебалтийского) круга является **подковообразная фибула с маковидными головками** (рис. 432: 2). Множество различных вариантов



Рис. 388. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 7). Каменный оселок и орудие на кремневой пластине

этих украшений известно в литовских могильниках эпохи викингов (Bertašius 2005a: Tafel 79). У селов, обитавших на западных границах Полоцкой земли, подобные фибулы (их появление там относят к X в.) были самым распространенным мужским украшением (The Selonians 2007: 125). В XI в. они получают огромную популярность у шведов на Готланде, из погребений которого происходит большое количество этих украшений. Поэтому так же, как и более ранние фибулы с гранчатыми головками, застежки с маковидными головками следует считать общебалтийским типом украшений. В Новгороде эти изделия встречаются в слоях середины XI–середины XII в. (Седова 1981: 88, рис. 30: 6).

Гривна, витая из круглых дротов с конусовидными головками (фрагмент) (рис. 452: 42). Подобные украшения характерны для Литвы в X–XI вв. (Зверуго 2001: рис. 5; Bertašius 2005a: Taf. 97, 113, 116, 141, 173: 3) и были очень популярны также у латгалов (Люцинский могильник 1893: рис. 6; Нукшинский могильник 1957: табл. I: 6; Mugurēvičs 1977: XLVI tabula: 18; Šnore 1987: III tabula: 6; Radiņš 1999: 51. att.: 4), откуда, вероятно, и проникают в культуру древнерусского населения Полоцкой земли. В Браславском Поозерье исследован комплекс с подобной гривной в древнерусском курганном могильнике Погоща (курган 7, погребение 2). Погребение содержало лепной сосуд группы 1.1 и датируется XI в. (Плавінскі, Дучыц, Плавінскі, Шадыра 2014: мал. 106).

Зооморфное завершение браслета (?) происходит из пахотного слоя раскопа 1 (рис. 197: 2). Деталь была отлита в одностороннюю литейную форму. Голова змееподобного существа имеет подтреугольную в разрезе форму, рифленую поверхность и два круглых выпуклых глаза – характерные элементы скромного прибалтийского звериного стиля (Bliujinė 2001: 209, 216, 217).

2.3.2. Предметы древнерусской городской культуры XI–XIII вв.

2.3.2.1. Детали поясной гарнитуры

Пятиугольная поясная бляшка с растительным орнаментом (рис. 436: 5) в хронологическом отношении, видимо, несколько оторвана от массы деталей ременной гарнитуры гнёздовского времени. Аналогия этой бляшке известна в составе поясного набора, найденного в Новгороде в слое 1130–1160 гг. (Седова 1981: 149; рис. 58: 15; Древний Новгород 1985: 78, кат. 151).

Отдельного разбора требует совокупность **древнерусских поясных пряжек**. В коллекции, оказавшейся в нашем распоряжении, насчитывается 9 находок (рис. 437: 4–8; рис. 438: 1–3; рис. 448: 5). Еще три пряжки, находящиеся в частных собраниях, мы можем представить только по фотографиям (рис. 452: 15, 31, 32). Пряжки относятся к нескольким хорошо известным на Руси и в Балтийском регионе группам. Все они выполнены из медного сплава.

Лировидные пряжки без выделенного приемника для ремня с рамкой, украшенной насечками, – 4 экз. (рис. 143: 1; рис. 437: 5–7). В Новгороде эти изделия встречены в слоях конца XI–конца XII в. (Седова 1981: 144).

Среди находок выделяется крупная пряжка (рис. 437: 7). Она изготовлена из многокомпонентной латуни (Cu-Zn-Sn-Pb). На лицевой поверхности рамки имеются канавки, заполненные металлом черного цвета. Точный анализ затруднен из-за наличия продуктов

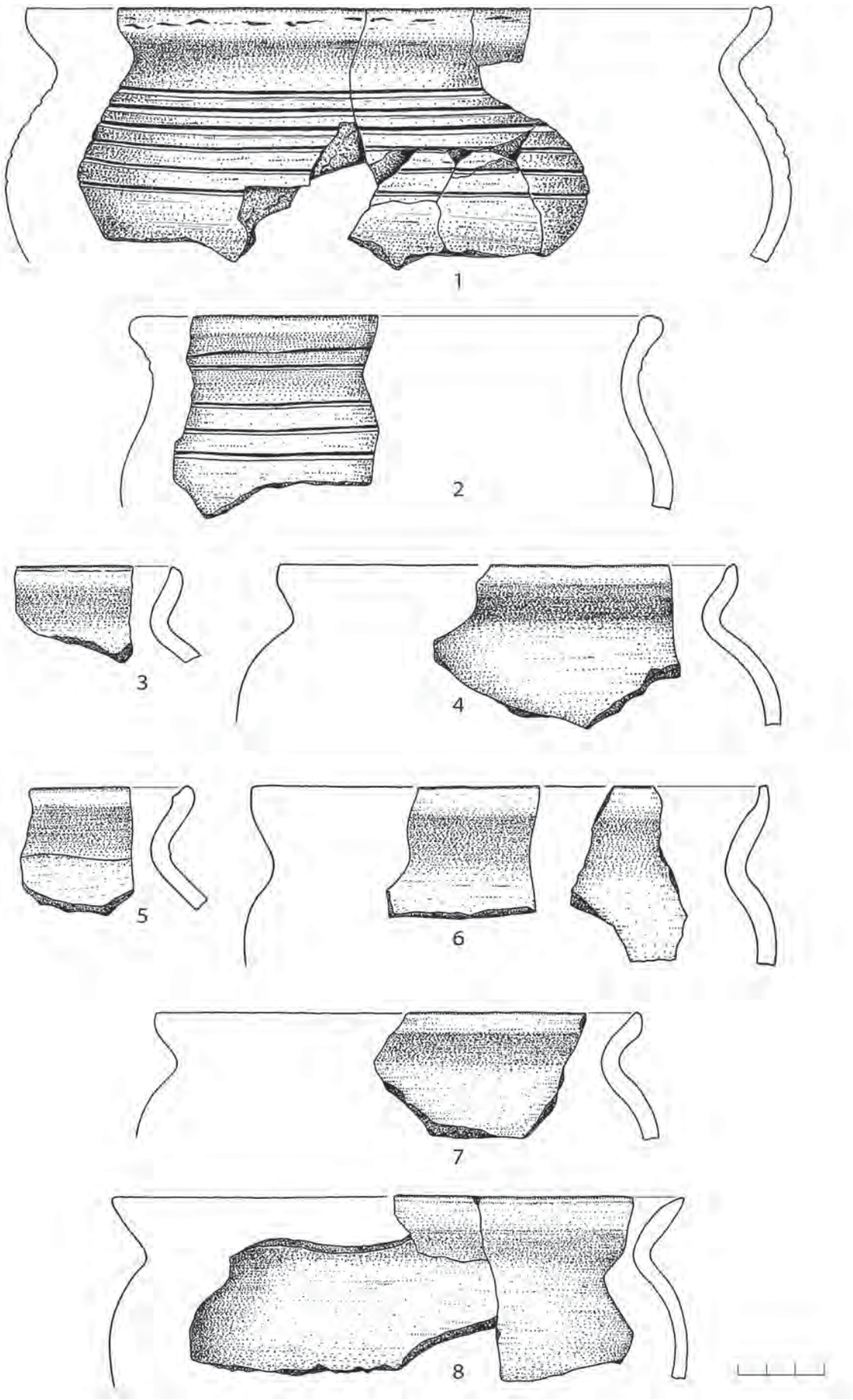


Рис. 389. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_4$ (пласт 8). Гончарная керамика. Кв. Б-1

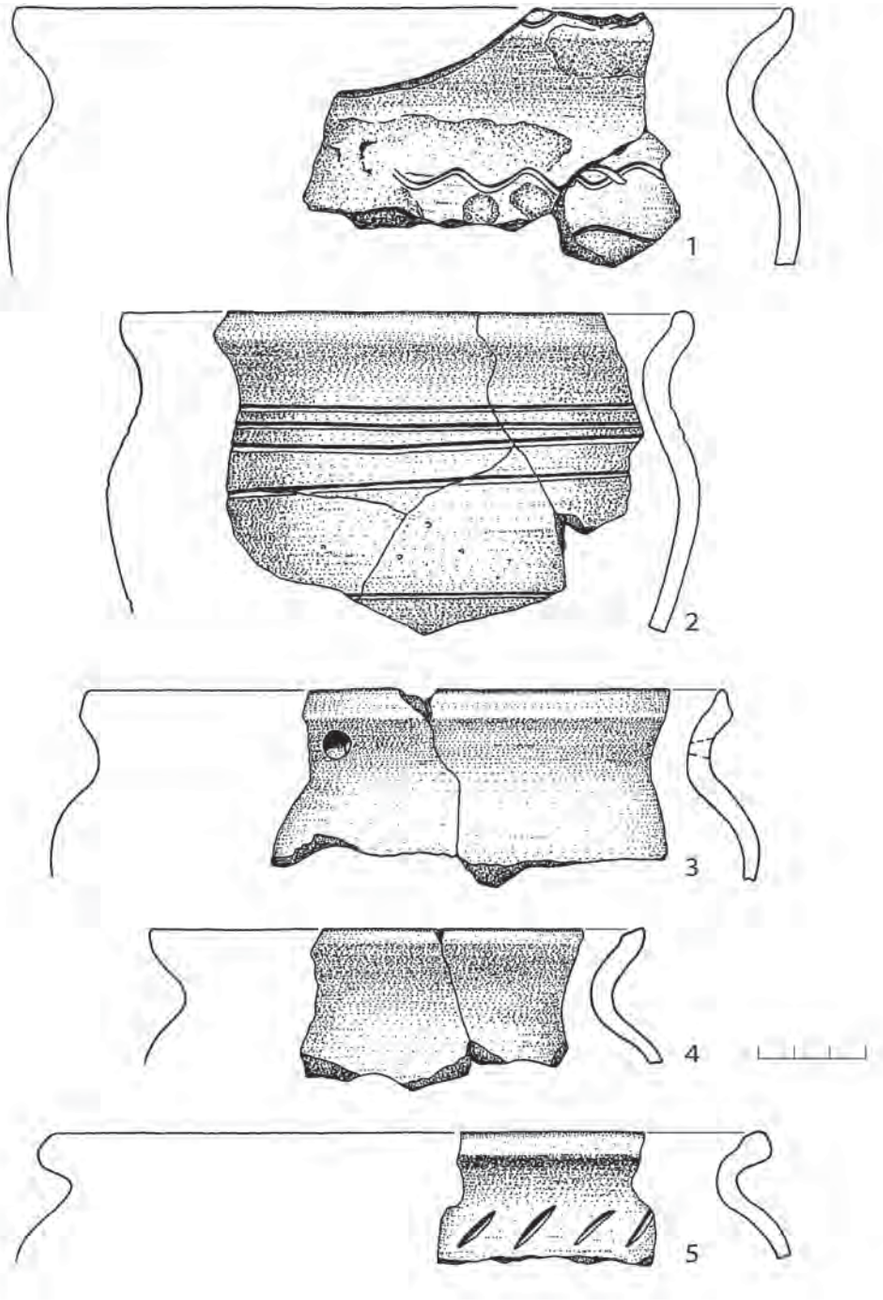


Рис. 390. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_4$ (пласт 8). Гончарная керамика. Кв. Б-2

коррозии бронзовой основы. Возможно, что это инкрустация, выполненная свинцовыми (или свинцово-оловянными) вставками (см. табл. 21).

Лировидные пряжки с выделенным приемником – 3 экз. (рис. 437: 8; рис. 438: 1; 452: 31). В Новгороде подобные застежки найдены в слоях первой четверти XI–конца XII в. (Седова 1981: 144).

Лировидная пряжка с четырьмя выступами на рамке, орнаментированными лунками, и с выделенным трапециевидным приемником – 1 экз. (рис. 438: 2). Рамка украшена насечкой. Пряжка относится к довольно редкому на Руси варианту лировидных пряжек. Некоторое количество подобных застежек, простых и орнаментированных, известно на древнерусских поселениях как в Полоцкой земле, так и за ее пределами. Аналогии следует указать в Логойске в слое XI–XIII вв. (Штыхов 1969а: рис. 2: 2; Штыхаў 2011: мал. 11: 6), в курганах верховьев Березины (Кенько 2012: рис. 1:



Рис. 391. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт $А_4$ (пласт 8). Предметы из железа

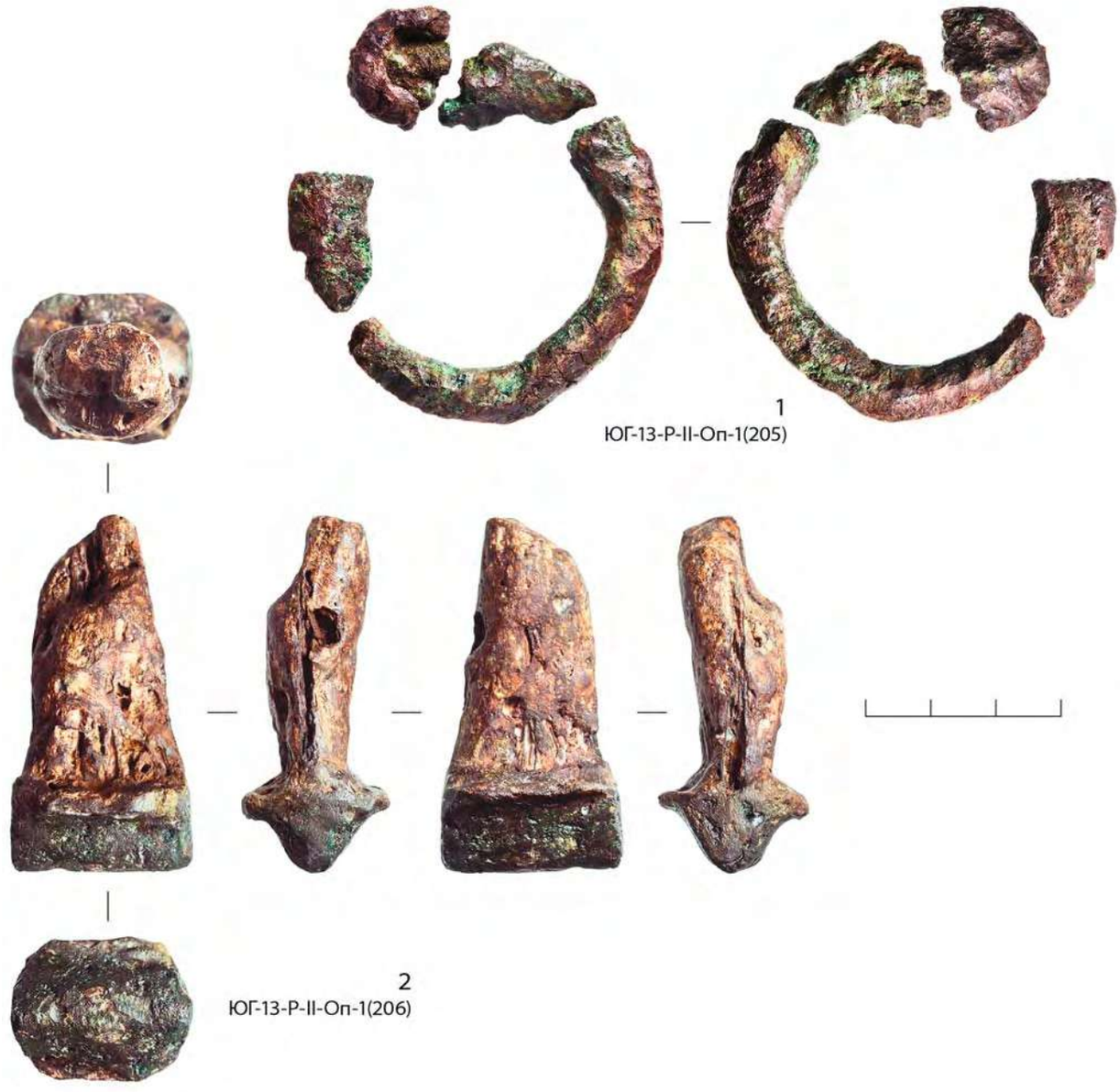


Рис. 392. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 8). Предметы из сплава меди (1), железа и сплава меди (2)

3, 4), на поселении Бутиково в Окско-Донском междуречье (Григорьев 2005: рис. 31: 4), в Чернигове в слое, предварительно датированном X–первой половиной XIII в. (Моця, Казаков 2011: 180). Представительная серия находок, в том числе и совершенно идентичных нашей, происходит из Белоозера (Захаров 2004: рис. 94: 7–11). Датировка этих пряжек нуждается в уточнении; предварительно время их бытования следует отнести к XI–XII вв. Пряжки, напоминающие интересующий нас тип, серийно представлены в могильниках Готланда (Thunmark-Nylén 1998: Taf. 127: 7–14; 128: 1–8), что наводит на мысль о возможных скандинавских прообразах этого типа изделий.

Миниатюрная полукруглая гладкая пряжка – 1 экз. (рис. 438: 3). Сложно уверенно говорить о датировке ввиду простоты изделия. По новгородским материалам пряжка может быть датирована последней четвертью XII–XIV в. (Лесман 1990: 78).

Подпрямоугольная пряжка с овальным завершением.[62] В верхней части рамки имеется возвышенный бортик, которой, как и язычок, украшен насечкой – 1 экз. (рис. 448: 5). Для Северо-Запада, судя по публикациям, эти пряжки достаточно редки. В Новгороде по-



Рис. 393. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Строительный горизонт A_4 (пласт 8). Предметы из стекла

добная пряжка (язычок утрачен) встречена в слое XII в. (Гайдуков 1992: 98, рис. 70: 5). Еще одну аналогию, более близкую (с орнаментированным язычком), можно указать в Поочье на древнерусском селище Лебедка (Никольская 1981: рис. 21: 7). Но абсолютно идентичные изделия, причем серийные, встречаются совсем в другой области древнерусского культурного пространства – в Галицкой земле. Группу точных аналогий усвятской пряжке, в частности, дают слои XIII в. городищ Звенигород и Чермно (Русанова, Тимощук 1993: 40, 55, рис. 45: 21, 22; рис. 57: 3; Волошин 2013). Похожую пряжку из раскопок Данилова опубликовал П. А. Раппопорт, датировавший находку XIII в. (Раппопорт 1971: рис. 29: 1).

Представительная группа аналогичных пряжек происходит из низовьев Даугавы. Одна известна в старых раскопках Герцике (Balodis 1940a: tab. VIII). Еще несколько пряжек этого типа найдено на городище Асоте (Шноре 1961: табл. VI: 2, 4, 5). Пряжки лежали там в 13-м слое раскопа В (2 экз.) и в 15-м слое раскопа А (1 экз.). Согласно хронологии памятника, разработанной Э. Д. Шноре, датировка указанных слоев охватывает период XI–XIII вв. (Шноре 1961: 34, 41, 42). Любопытно, что одну из них в древности специально деформировали, чтобы придать ей «гитаровидную» форму, характерную для местных пряжек (Шноре 1961: табл. VI: 4). Это можно рассматривать как аргумент в пользу чужеродности данных предметов для культуры народов Даугавы. Надо полагать, в земле ливов они были древнерусским импортом.

Неорнаментированная пряжка с круглой рамкой и подтреугольным приемником для ремня – 1 экз. (рис. 452: 32). Эти незатейливые изделия не пользовались популярностью в Новгородской земле и не вошли в основные своды ювелирных изделий Новгорода, выполненные М. В. Седовой и Ю. М. Лесманом. Такая пряжка известна на Рюриковом Городище (Носов 1990: рис. 45: 8). Е. Н. Носов сопоставляет находку с новгородскими лировидными пряжками с прямоугольным приемником и рифленой рамкой, датируя ее второй четвертью XII–началом XIV в. (Носов 1990: 125). Напрямую синхронизировать эти сильно различающиеся застежки, может быть, не стоит, тем не менее предложенная Е. Н. Носовым датировка кажется приемлемой. В Полоцкой земле на по-

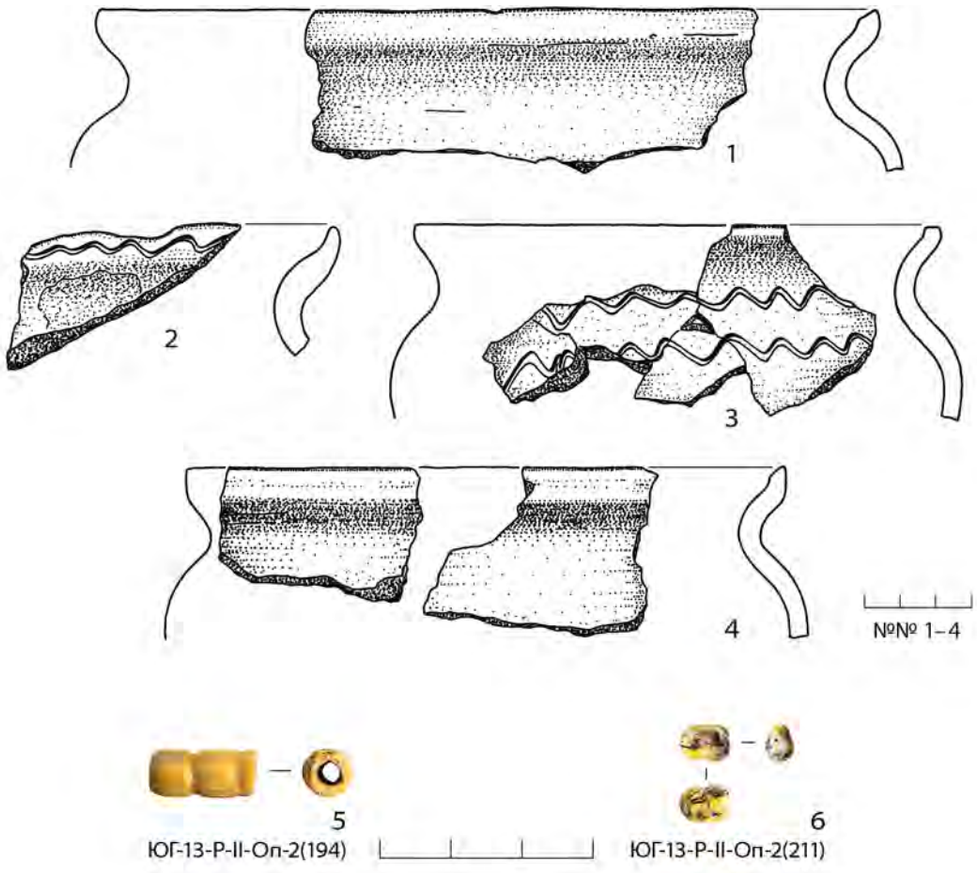


Рис. 394. Ур. Юрьевы Горы 2013 г. Раскоп 2. Городище. 1–3 – гончарная керамика с поверхности слоя серо-голубого суглинка, лежавшего на погребенной почве (кв. Г-5); 4–6 – находки из слоя серо-голубого суглинка, лежавшего на погребенной почве. 4 – фрагменты гончарного сосуда из квадрата Б-3; 5, 6 – лимоновидные стеклянные пронизки. № 6 – оплавлена

селениях такие изделия встречаются довольно часто. Э. М. Загорульский определил начало бытования подобных пряжек в Минске концом XI в. (Загорульский 1982: 250). В раскопках Г. В. Штыхова в Полоцке подобная пряжка отнесена к слою 1220–1230-х гг. (Штыхов 1975: 71, рис. 34: 25). Учитывая то обстоятельство, что в курганных погребениях такие вещи не встречаются, можно предположить, что датировка Г. В. Штыхова находится ближе к истине. Правда, время бытования этих простейших застежек могло быть весьма длительным. Для его определния нужны специальные исследования. Еще одна такая пряжка найдена недавно на Полоцком городище (Клімаў, Куляшоў 2011). Ниже по течению Западной Двины, на землях прибалтийских народов, похожие пряжки также встречаются; там их считают русским импортом (Мугуревич 1965: 88, табл. XVI: 18).

Прямоугольная двухчастная пряжка (рис. 372: 1) происходит из горизонта A_4 раскопа 2 2010/2013 гг., т.е. датируется XII в. Простая форма изделия подразумевает чрезвычайно широкое время бытования в культуре. Можно указать на находки подобных пряжек в Друцке (Левко, Войтехович, Кенько 2011: рис. 14: 2, 17: 9) и в погребальном комплексе XII–XIII вв. в Куронии (The Curonians 2009: 382).

2.3.2.2. Фибулы

Подковообразная фибула с пластинчатой дужкой и гвоздевидными головками найдена в строительном горизонте A_1 (рис. 289: 3). Изделия этого типа имеют очень широкую датировку в рамках конца X–конца XIV в. (Седова 1981: 86) и являются одним из самых массовых украшений в Юго-Восточной Прибалтике.

Фибула пластинчатая кольцевидная с выемкой для кольца иглы найдена в раскопе 2 в детинце (рис. 238: 2). Застежки подобных форм в Новгороде датируются периодом с середины XII до конца XIV в. (Седова 1981: 89).

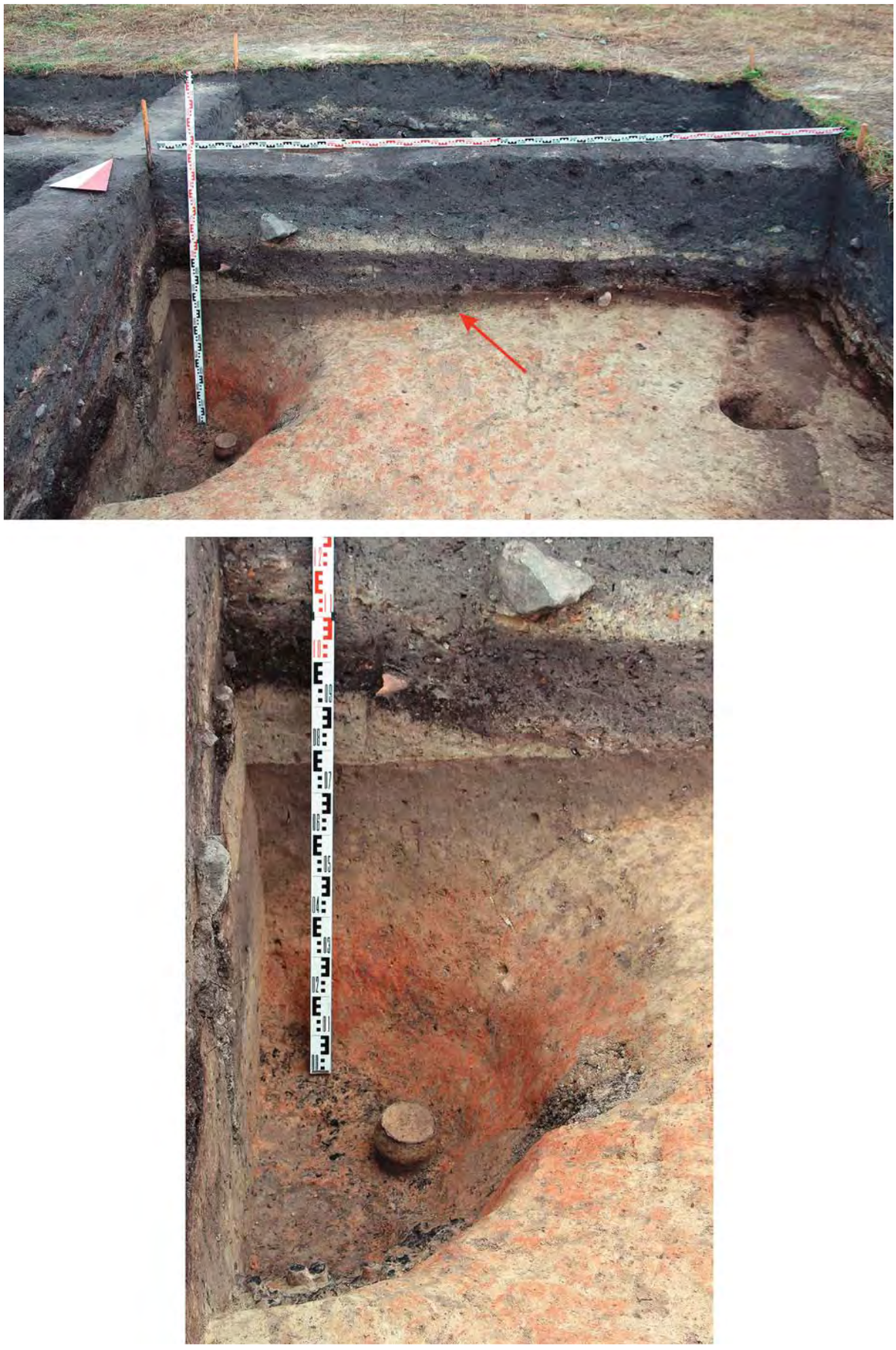


Рис. 395. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Комплекс IV и его расположение относительно грунтового погребения (комплекс IX). Место погребения указано стрелкой. Видно, что оба комплекса перекрыты слоем погребенной почвы. Комплекс IV расчищен до слоя угля и золы, на который был поставлен лепной сосуд



Рис. 396. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Комплекс IV после расчистки. Вид с запада

Ю. М. Лесман считает необходимым поднять нижнюю границу интервала до 1197 г. (Лесман 1990: 78). Фибулы этого типа широко распространены также в средневековой Западной Европе и Скандинавии, где их датируют XIII–XIV вв. (Eketorp-III 1998: 261).

Кольцевидная литая ложновитая фибула/пряжка (рис. 289: 5) найдена в горизонте A_1, т. е. стратиграфически относится к XIII в. Еще одна кольцевидная фибула, без выемки для иглы, с рифленой поверхностью и круглым в сечении кольцом имеется в коллекции подъемного материала (рис. 438: 5). В Новгороде подобные изделия бытуют с конца XII в. до середины XIV в. (Седова 1981: 92). На средневековых поселениях Швеции аналогичные круглые пряжки датируются XIII–XIV вв. (Eketorp-III 1998: 261). Считается, что в Восточную Прибалтику мода на эти фибулы распространяется из Западной Европы и Скандинавии в конце XII в. Верхнюю границу бытования этих незатейливых вещиц затруднительно определить точнее, чем XVI–XVII вв. Для древнерусских памятников эти украшения как массовая находка не очень характерны. Зато много их известно в Литве и на памятниках нижнего течения Даугавы и прилегающих областей (Svetikas 1998: 391, 392; Mugurēvičs 2008: XIX tabula: 32; The Semigallians 2005: 184; The Selonians 2007: 174). В Подвинье ближайшие к Усвяту находки «витых» круглых пряжек происходят с древнерусского поселения X–XIII вв. в Дрисвятах в Браславском поозерье (Ткачоў, Семянчук 1993: 237, рис. 6) и из грунтового могильника в Городке, датированного XV–XVI вв. (Левко 2004: 173, рис. 60).

Фибула в виде сердца, увенчанного короной (рис. 438: 4), находится в коллекции подъемного материала. Тип украшения имеет западноевропейское происхождение. Фибула находит параллели на поселениях и в инвентаре погребений населения нижнего течения Даугавы, где датируется XVII в. (The Selonians 2007: 132). В Восточной Европе в позднем средневековье эти изделия распространены очень широко (см., например: Моця, Казаков 2011: 180). К древнерусскому Усвяту эта находка отношения не имеет.

2.3.2.3. Украшения одежды

Бубенчики. Крестопрорезные грушевидные бубенчики в Новгороде датируются временем

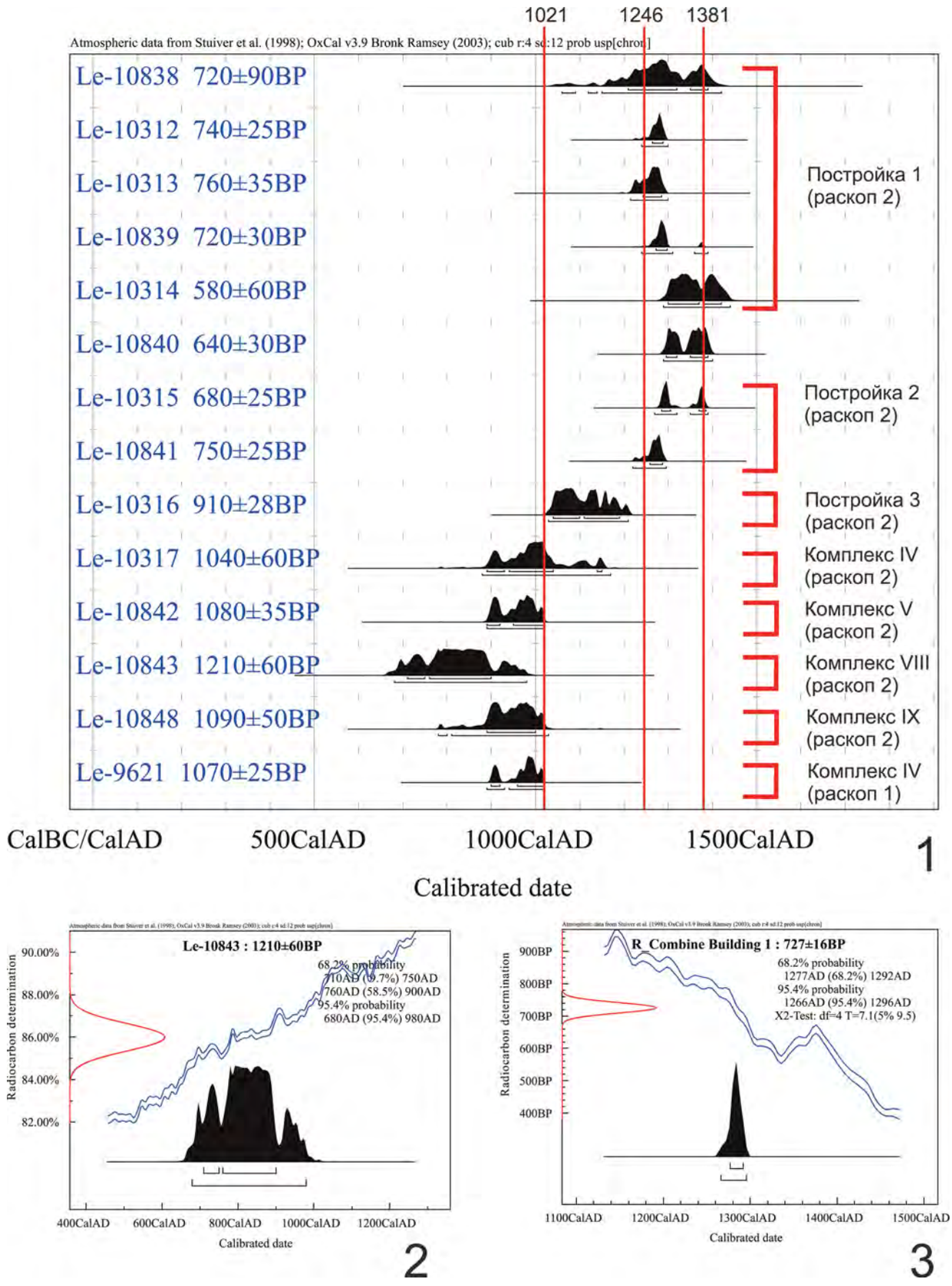


Рис. 397. Радиоуглеродная хронология Усвята. 1 – сводная таблица датировок; 2 – дата древнейшего комплекса раскопа 2 (комп. VIII); 3 – дата позднейшего комплекса раскопа 2 (комбинированная дата постройки 1). В качестве реперных дат использованы: 1021 г. (первое летописное упоминание Усвята); 1246 г. (сражение под предводительством Александра Невского при Усвяте); 1381 г. – terminus ante quem для упоминания Усвята среди литовских владений в перечне «городов русских», по В. Л. Янину (1998: 67)



Рис. 398. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Керамика из комплекса IV. 1 – лепная; 2, 3 – гончарная

с X столетия до 1116 г. (Лесман 1984: 136). В Полоцкой и Смоленской землях нижнюю хронологическую границу распространения этих вещиц определяют находки в курганных сожжениях X в. Курган с трупосожжением, содержавший набор из 4 подобных бубенчиков, исследован в могильнике Бирули (курган № 112) Докшицкого района Витебской области (Вайцяховіч 2006: 207, мал.1: 1). Еще один комплекс с сожжением можно указать в могильнике Сумароково в истоках Сожа (Енуков 1990: рис. 44: 17). Погребение 1 кургана № 2 этого могильника помимо бубенчика содержало поясной набор, характерный преимущественно для X в. (менее вероятно – начала XI в.), в том числе бляшку скандинавского типа в виде головы животного (Енуков 1990: 111, 113). Всего подобных бубенчиков в Усвяте найдено пять: один в раскопе (рис. 197: 1) и четыре в кладоискательских сборах (рис. 434: 7, 8; рис. 441: 4, 5).

Кроме того, из сборов происходит линейнопрорезной гладкий бубенчик сферической

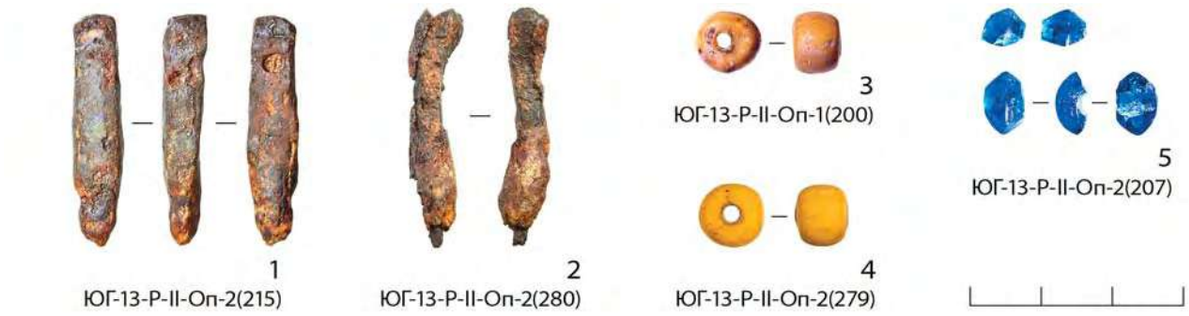


Рис. 399. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Находки из комплекса IV. 1, 2 – железо; 3–5 – стекло

формы (рис. 452: 35). Датировка этих изделий в Новгороде определяется временем после 1025 г. (Лесман 1990: 61–62). Верхняя граница неопределима. Один бубенчик – сферический, линейнопрорезной (?) с тройным рельефным валиком (рис. 452: 34) – датируется по новгородской хронологической шкале в пределах 1076–1299 гг. (Лесман 1990: 61). Наконец, детали конструкции и тип еще одного бубенчика, известного нам только по фотографии, определить и датировать затруднительно (рис. 452: 33).



Рис. 400. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Комплекс V. Вид с юга. Расчистка слоя карбонизированной органической массы на стенках ямы. Из погребенной почвы, перекрывшей западину, торчит кость животного

Сравнительно редкой находкой является **пуговица в виде конической восьмилепестковой розетки с плоской ножкой** (рис. 437: 1). Пуговица изготовлена из низкооловянистой бронзы. Углубления в лепестках заполнены рыхлой стеклообразной массой, стеклообразующим элементом которой является свинец. Четыре лепестка более светлого оттенка содержат в качестве глушителя олово. В составе массы четырех более темных лепестков олово отсутствует, т. е. масса здесь изначально была прозрачной (полупрозрачной). Возможно, эти четыре лепестка были окрашены в зеленый цвет, поскольку содержание меди в их стеклообразной массе выше, чем у «белых» лепестков.[63]

Точные аналогии таким пуговицам известны в Белоозере (Захаров 2004: 192, рис. 106: 7) и в Старой Рязани (Даркевич, Борисевич 1995: 165, табл. 37: 2). Еще три подобные пуговицы, но с более сложной орнаментацией, происходят с поселения Минино I в Белозерье (Зайцева 2008: 111, рис. 101: 14), из Пятницкого конца Смоленска (Пронин, Соболь, Гусаков 2011: ил. 117: 21) и из неустановленного места на Волыни (Нариси культури 2006: вклейка на с. 193). Датировка этих, видимо, достаточно распространенных на Руси деталей богатой одежды пока не может быть обозначена у́же, чем XII–XIII вв., и нуждается в дальнейших уточнениях.

2.3.2.4. Перстни и их фрагменты

Поздняя группа перстней в рассматриваемой нами коллекции насчитывает 7 экз. Три перстня

ложновитые, литые (рис. 439: 1–3), имеющие очень широкую датировку – XI–XV вв. (Седова 1981: 126, 127). Три перстня – литые овальнощитковые (рис. 439: 4–6). В Новгороде подобные изделия известны с конца XII в. до середины XV в. (Седова 1981: 135). Обращает на себя внимание один из перстней, щиток которого украшен сложной гравированной композицией из зигзагообразных линий (рис. 439: 6). Совершенно идентичное изделие происходит из раскопок 1909–1910 гг. археологического комплекса в усадьбе митрополичьего дома Киево-Софийского собора (Пескова 2012: ил. 8: 1).[64]

Фрагмент перстня-печатки с круглым приподнятым щитком, несущим плохо проработанное изображение двуглавой (?) птицы, относится к XV–XVII вв. (рис. 439: 7). Такие перстни с самыми разнообразными изображениями повсеместно встречаются на позднесредневековых памятниках Восточной Европы. В Пскове подобное кольцо известно в комплексе, датированном Б. Н. Харлашовым XV в. (Харлашов 1994: рис. 31: 1).

Не вполне понятно назначение двух пустотелых **высоких бляшек-розеток** из белого металла (рис. 448: 3, 4). Одна из них как будто имеет на нижней стороне обломок припаянной разомкнутой дужки, т. е. является скорее фрагментом гривны (рис. 448: 3). Она изготовлена из серебра и имеет орнамент, выполненный чернью (ниелло).[65] Второй фрагмент, скорее всего, принадлежит перстню (рис. 448: 4).

Ювелирные матрицы для изготовления подобных изделий найдены в Чернигове в составе большого набора ювелирных шаблонов, датированных XII–первой половиной XIII в. (Моця, Казаков 2011: 152, 155).

Элементы ювелирных украшений с такой орнаментальной композицией встречаются в древнерусских комплексах конца XI–начала XII в. В частности, в Белогостицком кладе 1836 г., датированном А. А. Спицыным концом XI в., подобные детали являлись частью замков шейных гривен (Спицын 1905: рис. 120). Тот же исследователь опубликовал перстень из владимирских курганов с аналогичной накладкой, предположительно датировав его XI в. (Спицын 1905а: 120; рис. 262). Перстни с напаянными на кольцо высокими розетками в различных вариантах являются сравнительно частой находкой в древнерусских комплексах

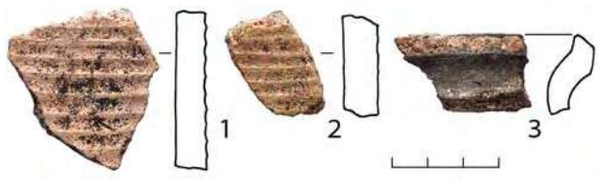


Рис. 401. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Фрагменты гончарной керамики из заполнения комплекса V

XI–XII вв. Украшения известны в некрополе Старой Рязани (Даркевич, Борисевич 1995: 345, рис. 141), в курских курганах (Шпилев 2014: рис. 1: 7). В Полоцкой земле подобная деталь известна нам на перстне из кургана 5 могильника Плусы (Полоцкий район). Погребение с полным основанием датировано Г. В. Штыховым XI в. (Штыхаў 1992: 146, мал. 56: 13). На Неревском раскопе в Новгороде литые бляшки похожих форм из свинцово-оловянистого сплава найдены в ярусах 19–21, т. е. в культурном слое конца XI–первой трети XII в. (Седова 1981: рис. 60: 8; рис. 61: 12).

2.3.2.5. Металлические браслеты

Пластинчатый звериноголовый браслет (фрагмент) (рис. 435: 3). Украшение, широко распространенное по всему Восточно-Балтийскому региону (Сергеева 1981: 30–31). В Новгороде полностью аналогичное изделие найдено в слое 1260–1280-х гг. (Седова 1981: 112). В целом датировка новгородских звериноголовых браслетов (во всем их многообразии) значительно шире и охватывает период с конца XI в. до конца XIV в. (Лесман 1990: 45). Эти украшения многочисленны в латгальских могильниках, где их начальная датировка не вполне пока ясна. Появление звериноголовых браслетов в Латгалии исследователи относят то к началу XI в., то ко второй половине этого столетия, а широкое распространение – к XII–XIII вв. Ранние латгальские украшения массивны, головы животных рельефны и хорошо проработаны. На поздней фазе своего бытования, в XII–XIII вв., эти изделия упрощаются, обручи становятся плоскими, а звериные рыла – предельно стилизованными (Радиньш 2001: 91, 104). Именно к этой поздней группе украшений и относится находка из Усвята.

Литой овальноконечный браслет с растительным орнаментом (рис. 435: 4). Подобные браслеты в Новгороде относятся к доста-



Рис. 402. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Разрез комплекса VI. В погребенной почве над комплексом видна кость животного

точно узкому хронологическому интервалу – 1230–1280-м гг. (Седова 1981: 113, рис. 42: 6, 9). Широчайшее распространение этих украшений не позволяет все же так сужать датировку. Пока, возможно, следует принять более расширенную дату, предложенную Ю. М. Лесманом: 1116–1313 гг. (Лесман 1990: 40).

Фрагмент **литого браслета со шнуровым орнаментом** по краям дужки и гладким виликом в центре (рис. 435: 5). Не зная оформления концов изделия, датировать его достаточно сложно. Подобную форму могли иметь те же самые овальноконечные браслеты (Седова 1981: рис. 43: 14). Приемлемой представляется дата, предложенная Ю. М. Лесманом для новгородских браслетов с ложновитыми виликами, – 1116–1299 гг. с возможным выходом в начало XIV в. (Лесман 1990: 38, 39).

Пластинчатый браслет с ровным ленточным профилем и с зигзагообразным орнаментом по краям (рис. 440: 4) не может быть с точностью датирован. Предполагаемый хронологический диапазон по новгородской шкале – XI–XIV вв. (Лесман 1990: 33).

Фрагмент пластинчатого браслета с ромбическим орнаментом, в который вписаны композиции, нанесенные циркульным штампом (рис. 452: 38). В Новгороде подобные браслеты (Седова 1981: рис. 40: 10) датируются XII–первой половиной XIV в. (Седова 1981: 113).

Фрагмент пластинчатого браслета, украшенный композицией из косых линий, циркульного штампа и штампа в виде треугольника с тремя точками (рис. 441: 2), датируется приблизительно тем же временем. Полностью аналогичное изделие известно нам из «большой постройки» 1 в центральной части Рюрикова Городища, которая по совокупности находок и керамическому комплексу относится к XII–XIII вв. (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 71–72, табл. 6: 12).

Витой трехпроволочный браслет найден в горизонте A_1 на городище (рис. 289: 2). Датировка этих украшений по новгородской хронологической шкале определяется интервалом 1055–1396 гг. (Лесман 1990: 43).

2.3.2.6. Головные украшения

Фрагмент семилопастного височного кольца (рис. 445), которые считаются традиционными украшениями вятичского региона, происходит из подъемного материала. В Новго-

роде «вятичские» височные кольца (несколько иного типа – с боковыми колечками) найдены в слое конца XII–начала XIII в. (Седова 1981: 13). Украшение из Усвята, полагаясь на типохронологические наблюдения Т. В. Равдиной, следует отнести к группе архаичных семилопастных колец (с «каплевидными» лопастями и без боковых колечек), для которых исследовательница допускает датировку – рубеж XI–XII вв. (Равдина 1968: 139).

Усвятская находка, наряду с височным кольцом (тоже ранним) из Друсты в Видземе (Мугуревич 1965: 90, рис. 37), указывает на какие-то связи Нижнего Подвинья с Волго-Окским регионом в указанный период. Промежуточным звеном в этих отношениях служил Полоцк, где «вятичское» височное украшение найдено на Верхнем замке (Полоцк 2012: рис. 45: 2).

Кольцо трехбусинное с узелковыми бусами (рис. 311: 3) происходит из раскопок 2013 г. Эти украшения принадлежат к общерусскому типу, очень широко распространенному в домонгольское время – от Киевского Поднепровья (Седов 1982: 110, табл. XXVII: 33, XXIX: 14) до Новгорода (Носов, Хвощинская, Медведева 2012: 139), Костромского Поволжья (Рябинин 1986: 58, табл. I: 10), Белоозера (Захаров 2004: 169, рис. 49: 5–8) и Кубенского озера (Зайцева, Макаров 2007: рис. 206; Зайцева 2008: 103, рис. 94: 2). Основным местом их производства и источником распространения были, вероятно, южнорусские земли. Через дреговичское Поднепровье, где находок достаточно много (Лысенко 2001: 62), украшения распространялись и в Полоцком регионе. Известны подобные серьги в могильниках Звезда-2 на Лепельщине (Вайцяховіч 2004: 295, мал. 1: 2) и Небышино в Докшицком районе Витебской области (Вайцяховіч 2011: 141). Древнейшее датированное украшение такого рода найдено в Новгороде в слое второй четверти XI в. (Седова 1981: 14, рис. 3: 6). В целом, данные украшения датируют обычно XI–XII вв. (Рябинин 1986: 58; Вайцяховіч 2004: 295; Зайцева 2008: 103).

2.3.2.7. Подвески

Подвеска со знаком Рюриковичей (оборотная сторона сильно затерта) принадлежит к той части коллекции, которая оказалась в частном собрании (рис. 448: 7).[66] Подвеска относится к типу III по классификации Э. С. Мугуревича (Mugurēvičs 1994: 81). Находки этих украшений группируются на землях ливов в низовьях Даугавы, где датируются XII–началом XIII в. (Мугуревич 1965: 87–88, рис. 34: 5). В настоящее время ареал этих находок как будто расширяется на восток (Белецкий 2014: 24). Назначение изделий нельзя считать окончательно выясненным. На ранних этапах распространения вероятной представляется связь их с представителями древнерусской княжеской администрации или, по крайней мере, с приближенной к князю аристократической частью общества. Ближайшая в территориальном отношении находка подвески со знаком Рюриковичей (более раннего типа) происходит из Полоцка (Дук 2012; Белецкий 2014: 15, рис. 10). Значительно более поздний тип III, несомненно, относился к разряду украшений. На прибалтийских землях такие подвески находят не только на поселениях (Стубавс 1966: 167), но и в женских погребениях. Это говорит о том, что в инокультурной среде смысл этих украшений не был понятен и они воспроизводились уже более по эстетическим соображениям.



Рис. 403. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Железный предмет из заполнения комплекса VI

Подвеска-конек смоленского типа найдена на Юрьевых Горах давно (рис. 146: 3) и впервые опубликована Г. В. Штыховым (Штыхов 1978: 55, рис. 22). Еще две такие подвески известны среди подъемного материала последних лет, разошедшегося по частным коллекциям (рис. 452: общая фотография). На новгородской хронологической шкале эти популярные в Древней Руси украшения занимают отрезок с начала XI до начала XIII в. (Седова 1981: 28).

Довольно редкой находкой для Полоцкой земли является **полая шумящая двухголовая подвеска-конек** (рис. 311: 4), найденная в детинце в 2013 г. Различные варианты полых зоо-



Рис. 404. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Уложенные «грудкой» кости лошади и двух коров в верхней части комплекса VII (следы тризны?)

морфных подвесок распространены преимущественно в северо-восточных регионах Руси. Через Усвят, Витебск, где тоже известны находки полых подвесок (Бубенько 2004: рис. 75: 22), Браславщину (Дучыц 1993: 472) «шлейф» этих находок уходит вниз по Даугаве в земли ливов (Мугуревич 1965: 93, табл. XXVI: 11). Если же говорить о совершенно идентичных предметах – коньках с уплощенными, как бы приплюснутыми мордами (тип XX, серия 2б, по Е. А. Рябинину, или тип 3, вариант 2, по М. В. Седовой), то следует признать, что усвятская находка относится к редкому типу, производившемуся, видимо, в самом Новгороде. Е. А. Рябинину было известно всего пять подобных подвесок, из них – три в Новгороде, одна – в его окрестностях и одна – на Мологе (Рябинин 1981: 41). Первоначальная датировка этих находок по новгородским данным определялась как вторая половина XII в. Две из них найдены на уровне 18-го яруса Неревского раскопа (опорная дендродата яруса – 1161 г.) (Седова 1981: 4, 31) и одна – в пласте 22 Ильинского раскопа, что соответствует строительному горизонту 7 (начало 1180–1200-е гг.) (Колчин, Черных 1978: 90–92). В настоящее время датировка расширилась: можно указать еще одну находку, сделанную на Никитинском раскопе в слое конца XIII–первой половины XIV в. (Поветкин 2005: 112, рис. 8). Наконец, после публикации сводки Е. А. Рябинина еще один двухголовый конек этого типа найден на Рюриковом Городище (Носов, Хвощинская 2004а: 130–131), т. е. гипотеза Е. А. Рябинина о месте производства вещиц, видимо, находит подтверждение.

Круглая косорешетчатая подвеска (рис. 311: 6) по новгородским материалам датируется последней четвертью XII–серединой XIV в. (Седова 1981: 42). Находки в хорошо стратифицированных напластованиях Твери дают дату – 1296–1300 гг. (Лапшин 2009: 98). Считается, что украшения в первую очередь характерны для Новгородской земли и регионов, испытывавших новгородское влияние (Рябинин 1986: 73). В единичных экземплярах встречаются повсеместно на Руси; следы их производства встречены, например, в ареале вятичей (Зайцева, Сарачева 2011: 284, рис. 149: 43). Известны находки косорешетчатых подвесок в Турове (Лысенко 2004: рис. 27) и на Княжой Горе в Киевском Поднепровье (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XVII: 367). В Полоцкой земле этих находок мало. Так же, как и подвески предыдущего типа, косорешетчатые украшения можно встретить в Нижнем Подвинье (Мугуревич

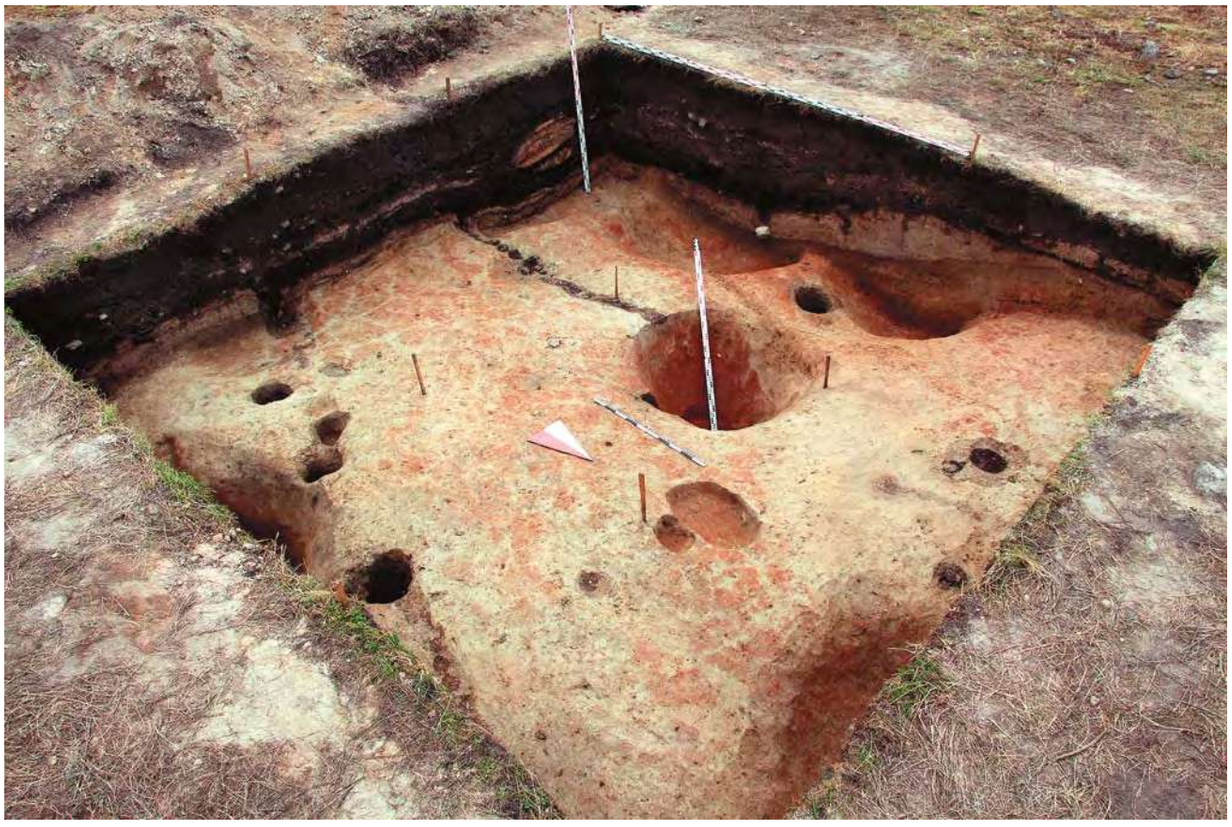


Рис. 405. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Материковые ямы. Вид с северо-востока

1965: 93, табл. XXVI: 8), куда они, вероятно, попадали как раз через Усвятско-Витебский регион.

2.3.2.8. Амулеты

Из Усвята происходит несколько древнерусских **подвесок-амулетов** из медного сплава. Исследователи иногда связывают их с проявлением языческих верований – мнение, которое едва ли стоит категорически отстаивать.

Подвески-топорики (4 экз.). Две из них, сохранившиеся целиком, представляют копии топора типа IV, по А. Н. Кирпичникову (рис. 449: 4; рис. 452: 40). Второй амулет, от которого сохранилось только лезвие, относится к тому же типу (рис. 434: 5). Древнерусским амулетам-топорикам посвящена специальная работа Н. А. Макарова (Макаров 1992). Подвески, копирующие этот тип оружия, выделены им в группу 1. Не понятен тип подвески, от которой сохранился только обух (рис. 452: 41). В Новгороде получена дендродата, определяющая нижнюю границу бытования амулетов-топориков первой группы серединой XI в. (Седова 1981: 26). Если ориентироваться на распространение в том же Новгороде их рабочих прототипов, датировку следует расширить до конца XII в. (Лесман 1990: 85). Датировка бронзовых амулетов-топориков на Руси, в целом, определяется в рамках середины XI–XII в. (Макаров 1992: 43–44).

Фрагмент **привески-ножен (или ножа?)** (рис. 434: 6). Этим украшениям посвящена обширная научная литература (см., например: Рябинин 2004); обычно их рассматривают в совокупности с ножевидными подвесками-игольниками. В Новгороде привески-ножны (от усвятской находки их отличает наличие полости для иглы) известны в слоях первой половины XII–начала XIII в. (Седова 1981: 26). В Прибалтике эти украшения считаются характерными для ливов, но встречаются и на территориях других племен, в частности, у селов на западной границе Полоцкой земли, на правобережье Двины (The Selonians 2007: 258–1245). Нередкой находкой привески-ножны являются и в древнерусских курганах Смоленской земли (Шмидт 2011: рис. 90: 25, 26, 35).

Суммируя информацию о всей совокупности находок к востоку от Балтики, Е. А. Рябинин пришел к выводу о том, что пик



Рис. 406. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Комплекс IX. Кальцинированные кости

распространения этих изделий приходится на XII–первую треть XIII в. при зарождении традиции около середины XI в. и угасании ее около середины XIII в. (Рябинин 2004: 157).

Подвеска-ложечка (фрагмент), заостренная, слегка вытянутых пропорций, происходит из раскопок детинца (рис. 357: 6). Появление этих предметов в обиходе по новгородским материалам исследователи датируют по-разному: от конца X в. (Седова 1981: 26) до времени не ранее второй четверти XI в. (Лесман 1990: 85). Подвески-ложечки были популярны на Руси на протяжении XII в. Верхняя дата периода их бытования не вполне ясна. Ареал наиболее плотного распространения этих подвесок охватывает междуречье Днепра, Западной Двины и Волги, т. е. область расселения восточных кривичей (Рябинин 1988: 58).

2.3.2.9. Предметы быта

Книжная застежка (?). Среди пропавшей части коллекции имеется небольшая ажурная накладка лировидной формы с пальметкой (рис. 452: 28). Предмет, судя по сохранившейся фотографии, изготовлен из медного сплава. Близкие в той или иной степени по форме ажурные накладки, известные повсеместно на Руси, обычно интерпретируются исследователями как книжные застежки (Петрашенко 1997: 134, рис. 54: 13,15; Захаров 2004: рис. 112: 12; Архипова 2006: 67, рис. 6: 8–10). Обитатели низовьев Даугавы использовали попадавшие к ним вещицы как украшения (поясные?). Такие находки известны в одном из комплексов могильника Саласпилс Лаукскола (Zariņa 2006: 380). Датировка этих изделий относится к домонгольскому времени, но требует уточне-

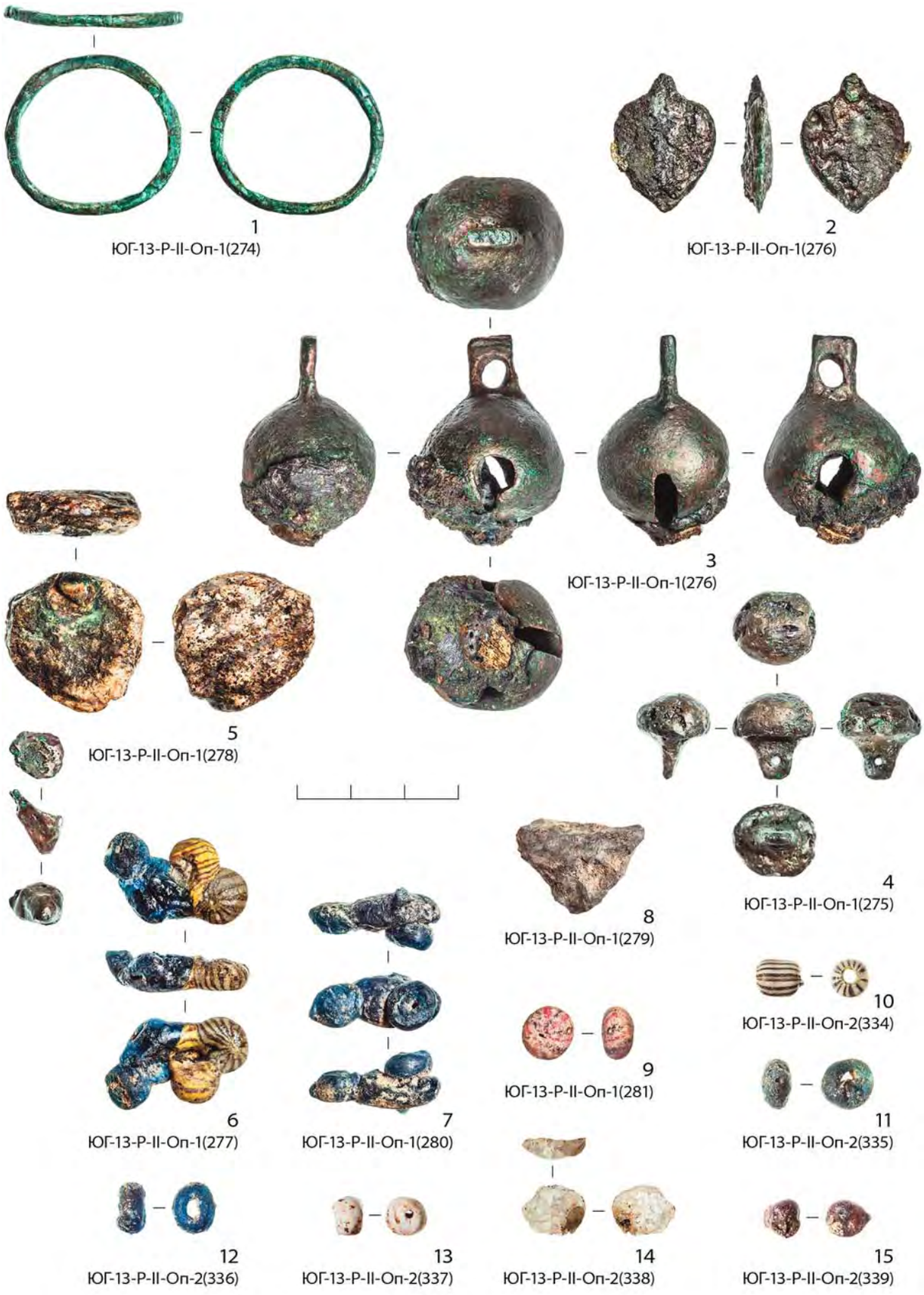


Рис. 407. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Комплекс IX. Инвентарь погребения. 1–5 – сплав меди; 6, 7, 9–12, 15 – стекло; 8 – кремень; 13 – сердолик, 14 – хрусталь, стекло

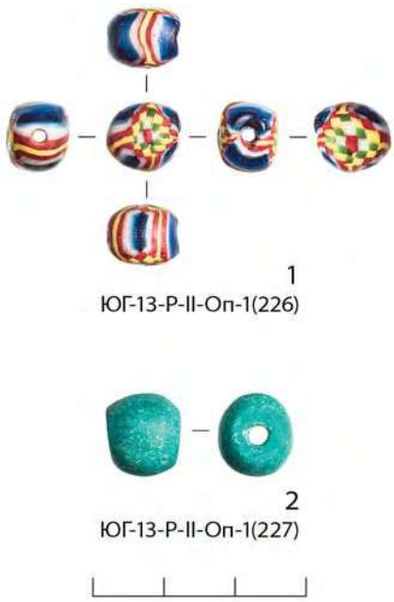


Рис. 408. Ур. Юрьевы Горы 2010/2013 гг. Раскоп 2. Городище. Комплекс Х. Стеклянные бусы

ния. На обратной стороне подобных застежек обычно имеется (если он, конечно, не отломан) небольшой крючок. К сожалению, у нас нет возможности рассмотреть обратную сторону усвятской находки, чтобы проверить правильность нашего сравнения.

Писало (находится в частной коллекции) является повсеместным для домонгольской Руси элементом городской культуры. На первом месте по общему количеству найденных писал разных типов стоит древний Новгород (более 200 находок), но нередкой находкой являются они и для городов Полоцкой земли. Находки орудий письма, сделанные в западнорусских землях до 2000-х гг., собрал Л. В. Алексеев, указавший на 61 предмет. Все они происходят из городов (Алексеев 2006а: 148). Инструмент, найденный на Юрьевых Горах (рис. 449: 9), имеет лопаточку с четырьмя выступами, украшенную крестообразной прорезью (тип 5, по А. Ф. Медведеву). По новгородским аналогиям писало датируется XII в. (Овчинникова 1994: 86).

Деталь фигурной цепи (?) из сплава меди со следами полуды найдена на Юрьевых Горах давно (рис. 143: 10) и впервые опубликована в 1978 г. (Штыхов 1978). Возможно, это фрагмент какой-то церковной утвари (лампады или паникадила), но с уверенностью утверждать это нельзя. Предмет находится в Усвятском краеведческом музее.

Обломок керамической писанки происходит из переотложенного слоя раскопа 2 (рис. 246: 3). Сохранилась часть стенки поделки с фрагментом отверстия. Писанка была изготовлена из розовато-коричневой глины и украшена росписью желтой поливой (так называемый орнамент «скобками») по тусклому бурому фону.

Назначение этих нарядных изделий остается пока загадкой (предлагаются разные версии – игрушки, погремушки, культовые предметы). Не лишено оснований предположение об их связи с пасхальными праздниками (Поветкин 2009: 177). Исследователи обращают внимание на находки писанок в детских погребениях, что позволяет расценивать их как погремушки (Макаров, Зайцева 2007: 178–179). Писанки были широко распространены в славянском мире и в регионах, имевших с ним тесные культурные и экономические связи (например, в Скандинавии). Основные работы, посвященные этим изделиям на Руси, выполнены Т. И. Макаровой (1966; 1967). Исследовательницей были выделены две группы изделий, соответствующих двум предполагаемым центрам их производства, – северная (с центром в Новгороде) и южная (с центром в Киеве). Безусловно, эти изделия изготовлялись и в других городах Руси, а также в Польше. Писанка из Усвята по внешним признакам (отсутствие «выраженного» металлического блеска, роспись желтой поливой по бурому фону) близка второй, южной группе, по Т. И. Макаровой.

Количество находок писанок на Руси огромно и постоянно растет. В одном лишь Новгороде их число перевалило за 120 экз. (Поветкин 2009: 177). Но насколько можно судить по книге Т. И. Макаровой, по публикациям и последним сводкам белорусских исследователей, находки этих изделий в Полоцкой земле и шире – на территории современной Беларуси очень редки (Макарова 1967: рис. 6; Перхаўка 2011: 191). Это говорит об отсутствии местного производства и позволяет рассматривать находку из Усвята как импорт, предположительно из Южной Руси. Через Полоцк писанки попадали в Нижнее Подвинье, где также встречены на ряде поселений (Мугуревич 1965: 71, табл. XIII: 1–3). Датировка этих изделий на Руси определяется достаточно широко – вторая половина XI–начало XIII в. (Макарова 1967: 45), или даже X–первая половина

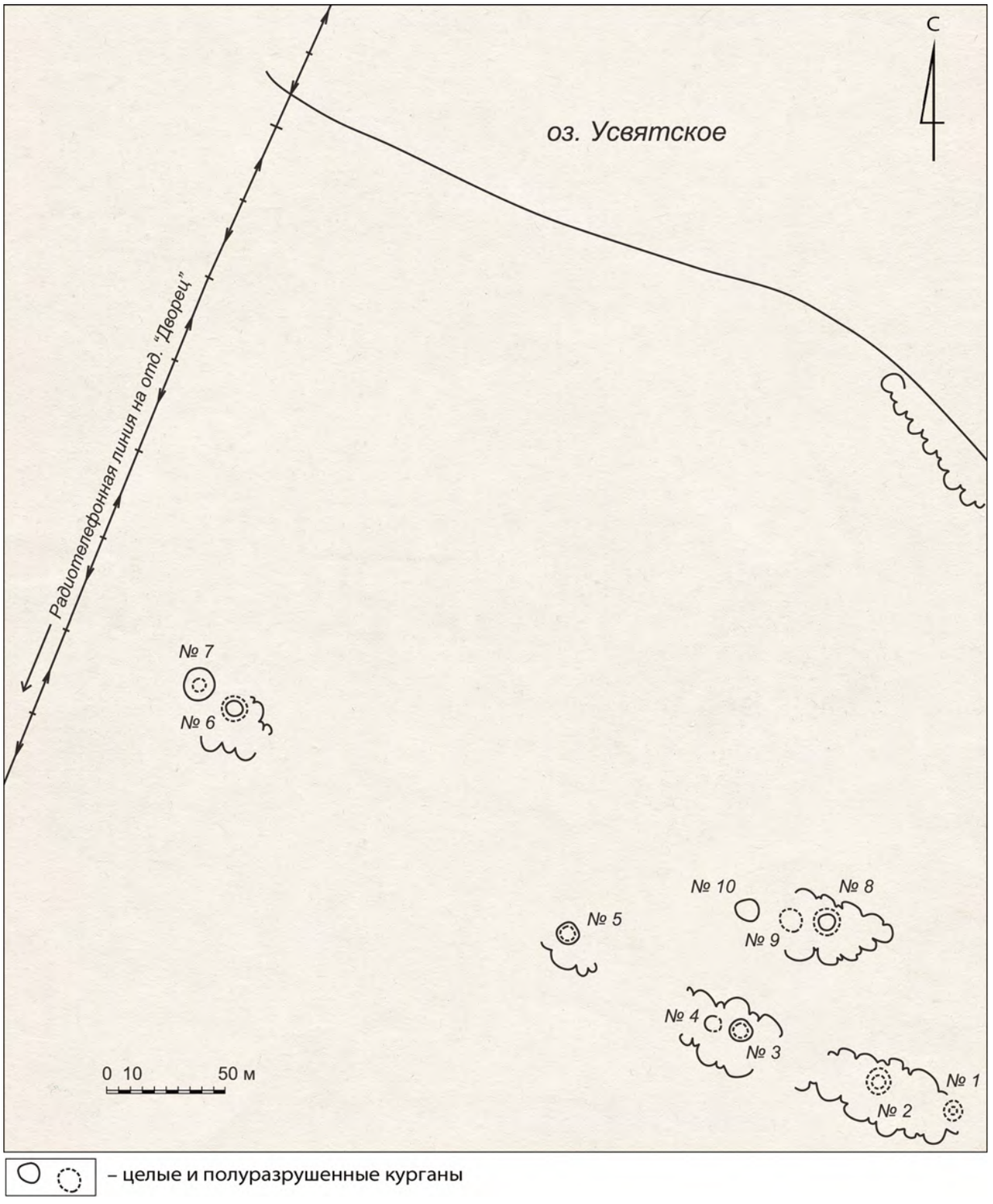


Рис. 409. Курганный могильник Юрьевы Горы на западном берегу Усвятского озера. Съемка 1966 г.

XIII в. (Поветкин 2004: 79; 2008: 86). Общепринято мнение, что в течение XIII в. писанки исчезают из обихода (Сушко 2011: 49).

2.3.2.10. Изделия из стекла

Бусы, происходящие с Юрьевых Гор, довольно немногочисленны. Начнем с подъемного материала. Мне известно о случайных находках крупной глазчатой бусины зеленого стекла (рис. 146: 1), двух стеклянных буслимонок (рис. 143: 6, 7) и одной сердоликовой 14-гранной бусины (рис. 143: 5). Сердоликовая 14-гранная бусина указывает на X–XI вв. Подобные изделия выпадают в Старой Ладоге преимущественно в слой Д, хотя единичные находки начинают фиксироваться с горизонта $Е_2$ (Давидан 1998: 124, 129).

Раскопки 2010/2013 гг. дали более значительное количество находок. На раскопе 1 найдено 38 стеклянных бус (рис. 198: 1–15; рис. 200: 5–9; рис. 205: 3–5, 7–10, 13–21; рис. 206: 3, 7). Основу этой коллекции составляют бусы-лимонки и рубленый бисер.

В Старой Ладоге массовое распространение одночастных и двухчастных лимонообразных пронизок прослеживается в горизонте Д (X–XI вв.), хотя известны они и в нижних слоях (Львова 1968: 88). В Новгороде «лимонки» доживают до начала второй четверти XII в. (Лесман 1984: 140), однако основная масса бус данного типа приходится там на X–первую четверть XI в. (Щапова 1956: 173).

Невысокое качество основной массы усвятского бисера свидетельствует о принадлежности его ко времени, когда «классический» бисер практически вышел из употребления, т. е. к периоду не ранее X в. Рубленый бисер продолжал бытовать на Северо-Западе до третьей четверти XII в. (Лесман 1984: 139).

Хронологически значимой находкой является фрагмент крупной глазчатой бусы с петельчатым орнаментом (рис. 205: 5) IV группы, по З.А.Львовой. Данный тип бус на территории Древней Руси датируется обычно X–началом XI в. (Фехнер 1959:167). В Старой Ладоге бусы привязываются к слоям горизонта Д и выше (Львова 1968: 77–78). В Новгороде аналогичные бусы бытуют в X–XI вв. и доживают до середины XII в. (Щапова 1956: 178; Лесман 1984: 140).

На раскопе 2 найдено (за исключением двух десятков экземпляров из захоронения и погребенной почвы) 78 бус (рис. 240; рис. 259; рис. 273: 1–5; рис. 290: 1–3; рис. 314; рис. 334: 1–5; рис. 359; рис. 373; рис. 380: 1, 2; рис. 387: 1, 2; рис. 393: 1–6; рис. 394: 5, 6; рис. 399: 3–5). Следует отметить полное отсутствие среди находок рубленого бисера, что, похоже, дает основание датировать культурный слой в детинце временем не ранее середины XII в. Основную массу составляют бусы, изготовленные методом навивки. Химическая сохранность стекла, как правило, плохая – цвет бус не всегда возможно разобрать.

Бусы из захоронения (комплекс IX) относятся к X в. (рис. 407: 6, 7, 9–15). Их отдельное описание было дано выше.

Особый интерес представляют две бусины, найденные в погребенной почве близ комплекса X. Потенциально это две самые ранние бусины в усвятской коллекции. Первая из них изготовлена из поперечно-проколотого мозаичного стерженька с шахматным рисунком (рис. 408: 1). По типологии Й. Кальмера бусина относится к группе G040 (Callmer 1977: 89, pl. III). Верхняя граница времени бытования этой группы по скандинавским материалам относится к середине X в. (Callmer 1977: 90). На Руси украшения из крупного поперечно-проколотого стержня (группа I, по З. А. Львовой) встречаются в горизонтах $Е_2$ и $Е_3$ и в горизонте Д Старой Ладоги, т. е. датируются VIII–X вв. (Львова 1968: 68). Боченковидная бусина из бирюзового заглушенного стекла относится к группе III, по З. А. Львовой (рис. 408: 2). Наряду с аналогичными бусами печеночно-красного, желтого и зеленого стекла такие украшения в Европе распространяются еще в вендельское время (Nerman 1969: Taf. V, VI) и в дальнейшем бытуют на протяжении всей эпохи викингов (Львова 1968: 72–73; Thunmark-Nylén 1998: Taf. 309, 310).

Находки в предматериковом слое усвятского детинца заставляют вспомнить об одной случайной находке с Юрьевых Гор, хранящейся в Усвятском краеведческом музее (рис. 146: 1). Это фрагмент крупной сферической бусины зеленого стекла с глазка́ми в многослойных бело-желто-коричневых овалах. Изначальный цвет центральной части глазков визуально не определяется. Бусина относится к группе B685O (Callmer 1977: 85, pl. 14, pl. III). Подобные бусы появляются в Скандинавии в первой половине IX в. и бытуют на протяжении X в. (Callmer

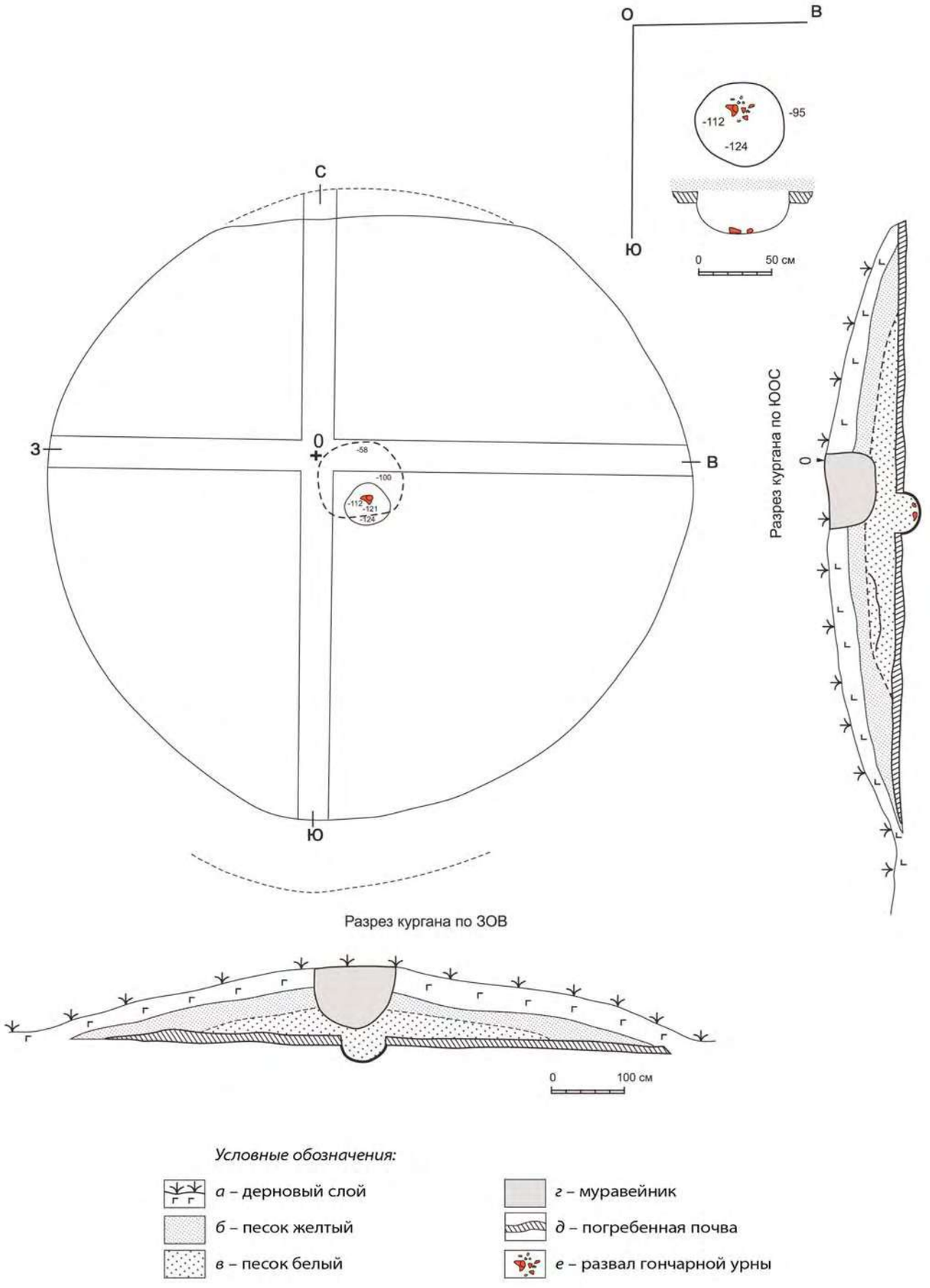


Рис. 410. Курганный могильник Юрьевы Горы на западном берегу Усвятского озера. 1966 г. Курган № 10 (Микляев А-1966)

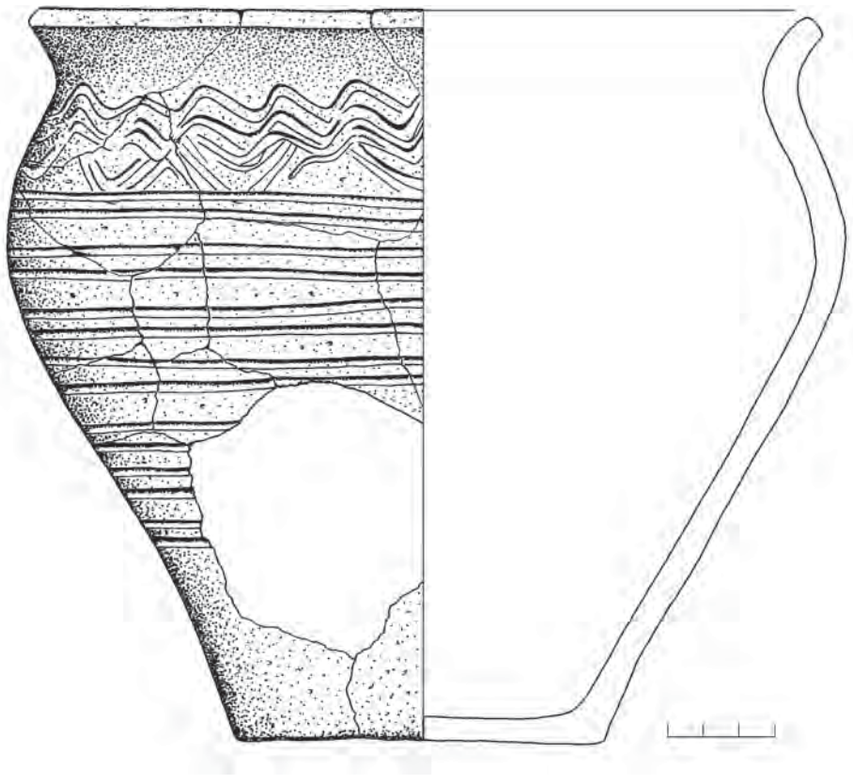


Рис. 411. Курганный могильник Юрьевы Горы на западном берегу Усвятского озера. 1966 г. Гончарная урна из погребения в кургане № 10

1977: 85). По классификации З. А. Львовой бусина относится ко второй группе. Датировка ее по староладожской хронологии охватывает горизонты толщи Е и Д (Львова 1968: 71). Вместе с двумя предыдущими бусинами находка образует небольшую коллекцию стекла, позволяющую надеяться на выделение в Усвяте напластований, датирующихся если не IX столетием, то, по крайней мере, первой половиной X в.

Стеклянные браслеты (103 фрагмента). Известно об одной случайной находке (рис. 439: 8) и о 7 фрагментах из раскопок Р. С. Минасяна (рис. 168: 7–13). В раскопах 2010/2013 гг. найдено 96 обломков: в раскопе 1 – один фрагмент (рис. 197: 8) и в раскопе 2 – 94 фрагмента (рис. 241; рис. 242; рис. 260; рис. 273: 6–9; рис. 290: 4–8; рис. 313; рис. 334: 7–10; рис. 336: 2, 3; рис. 358; рис. 374; рис. 378: 3; рис. 380: 3; рис. 387: 3; рис. 393: 7–11).

В культурном слое Новгорода стеклянные браслеты встречаются с X по XIV в., но преимущественно в напластованиях 1130–1350-х гг. (Полубояринова 1963: 169–170). Динамика популярности этих украшений, как известно, в различных областях Древней Руси несколько разнится. Например, в Твери пик использования стеклянных браслетов приходится на 1311–1330 гг., а около 1385 г. они выходят из употребления (Лапшин 2009: 111). В более западных областях русских земель стеклянные браслеты как массовое украшение теряют популярность раньше – во второй половине XIII в. (Загорульский 1982: 231; Асташова 1999: 116–117).

Один раз в раскопе встречен фрагмент стеклянного сосуда (рис. 273: 10). Сказать о нем что-то определенное сложно из-за небольших размеров осколка.

2.3.2.11. Изделия из кости

Наибольший интерес, безусловно, представляет **роговой топорик** (рис. 165), найденный в раскопках Р. С. Минасяна 1970 г. на городище. Этому изделию посвящена отдельная статья в этой книге (Приложение 4).

Гребни. С Юрьевых Гор известно 12 фрагментов гребней различной степени сохранности (рис. 146: 4; рис. 166: 5; рис. 243: 1, 4, 6, 7; рис. 244: 1; рис. 274: 2; рис. 291: 2; рис. 315: 2; рис. 355: 1, 2). В старых коллекциях известны два экземпляра. Один происходит из подъемного материала, хранится в Усвятском

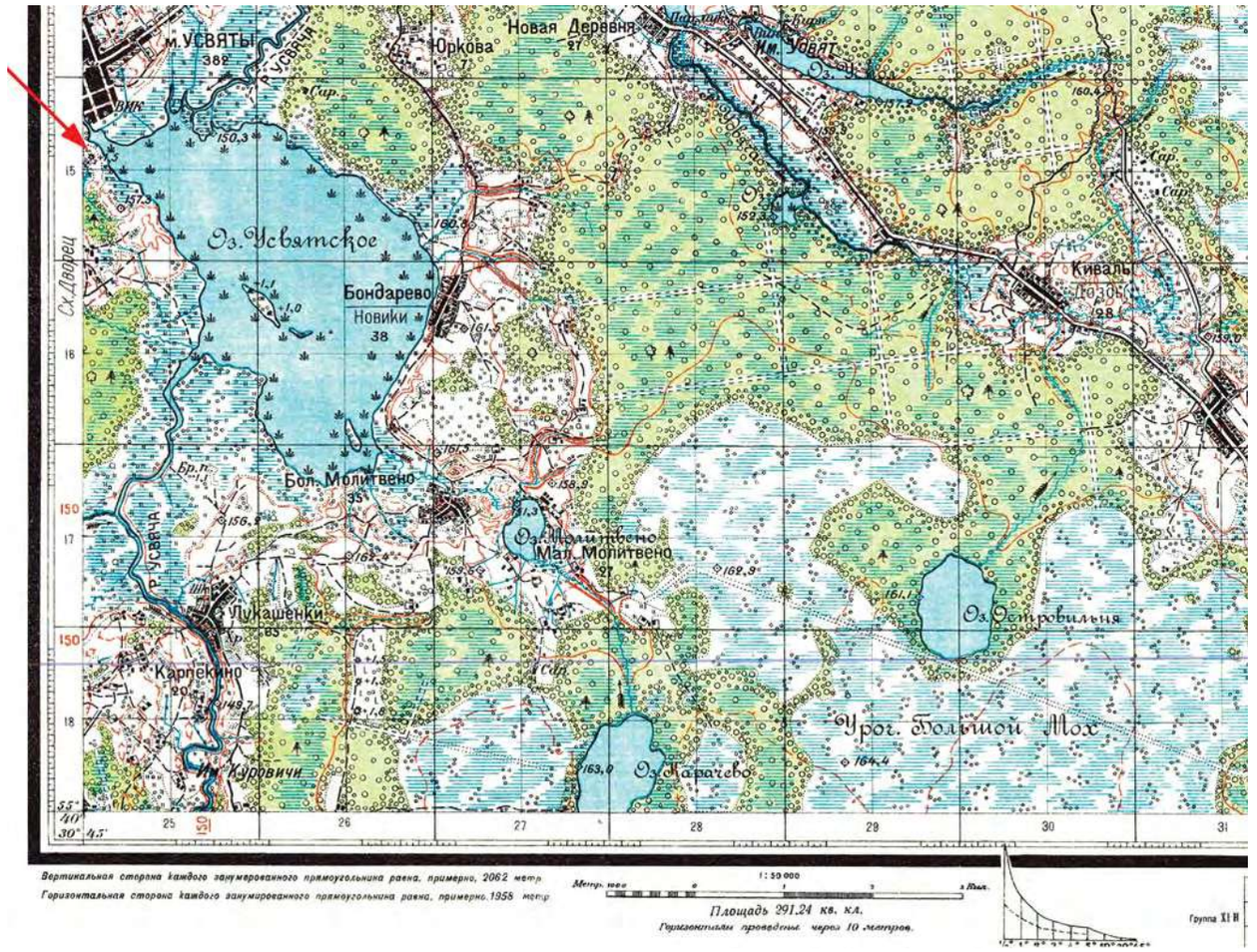


Рис. 412. Курганный могильник Юрьевы Горы на карте 1926 г.
Отмечен самый крупный курган могильника (курган № 7)

краеведческом музее (рис. 146: 4) и ранее уже публиковался (Штыхов 1978: рис. 22: 1). Гребень составной, двусторонний, с редким и частым зубом, относится к типу К или И по схеме Б. А. Колчина (точнее сказать нельзя из-за утрат боковых пластин). Подобные гребни, согласно Б. А. Колчину, появляются в Новгороде во второй четверти XII в. и бытуют до конца XIV в. (Колчин 1982: 165, рис. 5). В Твери гребни двух этих типов известны в слое первой трети XIV в. (Лапшин 2009: 116). Гребень с аналогичной линейной орнаментацией накладок (напоминающей орнаментацию эпохи викингов) известен, например, в древнерусском Минске (Загорульский 1982: табл. XXXIII: 8).

Второй гребень происходит из раскопа II (1970 г.). Это двусторонний составной трапециевидный гребень типа Ж, по Б. А. Колчину (рис. 166: 5). По новгородской хронологической шкале его дата определяется в рамках XII–XIII вв. (Колчин 1982: рис. 5).

Остальные 10 фрагментов найдены в раскопе 2 (2010/2013 гг.). Лишь один из них мог принадлежать боковой накладке *односторонней* гребенки (рис. 244: 1), датировка которой охватывает X–XII вв. Вещь находилась во вторичном использовании – просверлены новые отверстия (не вписывающиеся в орнаментальную композицию), а на край изделия нанесены грубые зубцы. Примеры подобного использования фрагментов костяных украшений-накладок известны на древнерусских поселениях XI–XIII вв. в Белорусском регионе (Зверуго 1989: рис. 69: 8; Кізюкевіч, Юркавец 2006: мал. 11: 3). Особенно много таких вещиц найдено в раскопках Турова (Лысенко 2001: рис. 57: 10; рис. 58: 6–8, 11). Вероятно, нарядные обломки накладок использовались как чесала для обработки растительных волокон или кожи. Впрочем, полной уверенности, что перед нами именно накладка от гребня, нет.

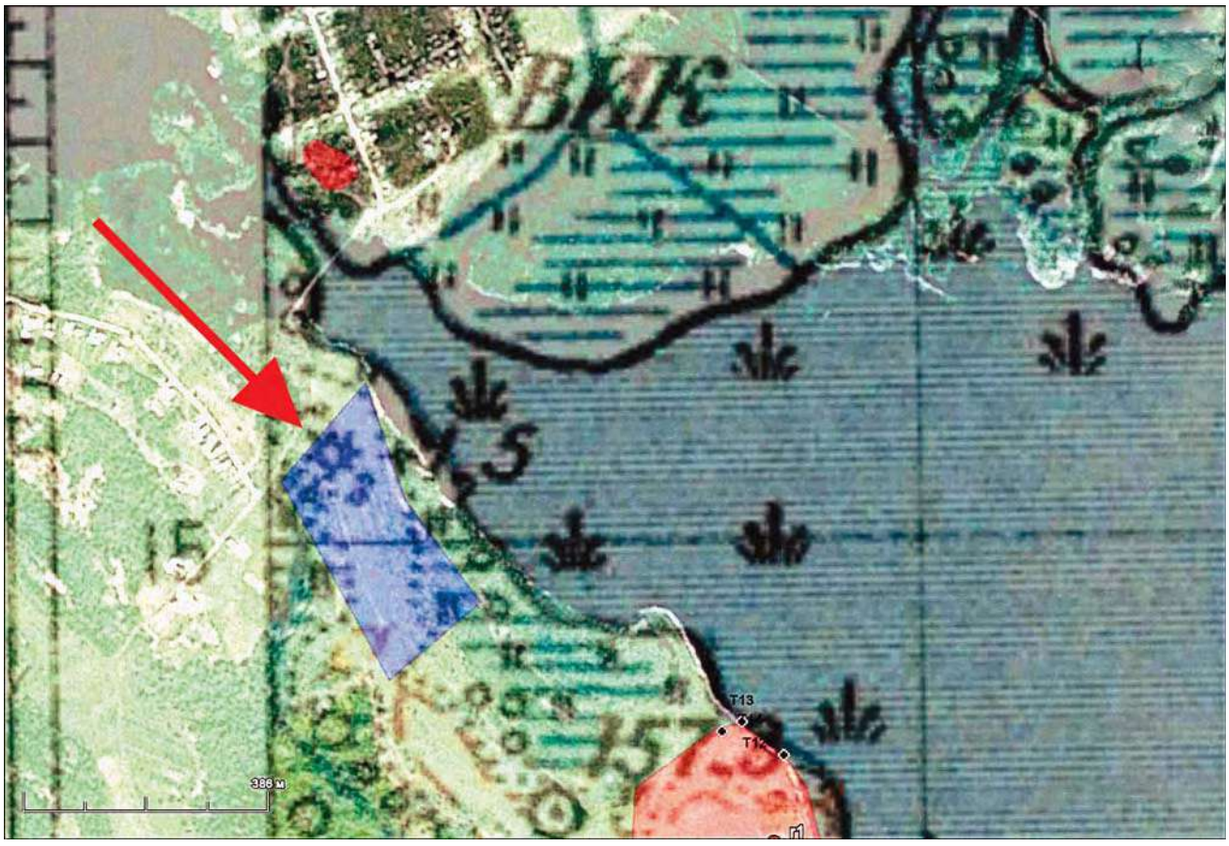


Рис. 413. Локализация снивелированного курганного могильника Юрьевы Горы на современной местности. Совмещение космического снимка и карты 1926 г. с отмеченным на ней курганом № 7. Синим очерчена территория могильника по данным съемки 1966 г.

Оставшиеся 9 обломков принадлежали двусторонним гребням. Среди них выделяется один, почти целиком сохранившийся гребень типа К, по Б. А. Колчину (рис. 355: 1). Гребень происходит из слоя чуть ниже пожара, в котором погибла постройка горизонта $А_3$. Хронология гребенок указывает на отсутствие на раскопанном участке жилого культурного слоя X–XI вв. Гребни датируются временем не ранее XII в., а единственный архаичного вида фрагмент, возможно, использован вторично.

Украшение луки седла (?). Узкая дугообразная накладка с костяными гвоздиками, украшавшая, видимо, боковую часть округлой кромки деревянной луки седла (рис. 261). Можно, конечно, допустить и другие варианты использования накладки, но, несомненно, такая хрупкая вещица могла украшать только какое-то массивное, негнущееся изделие.

Способ использования аналогичных накладок описан А. Н. Кирпичниковым на примере остатков седла, обнаруженных Н. Е. Бранденбургом в кургане 303 у с. Зеленки (Кирпичников 1973: рис. 25, 64). С тех пор в древнерусских городах найдено довольно много подобных изделий (в основном во фрагментах), в том числе и в комплекте с другими деталями кавалерийского снаряжения. В частности, похожие накладки, крепившиеся на торцевую часть луки роскошного деревянного седла, известны в Новгороде в слое, датирующемся началом XIII в. (Хорошев 2004: 175–176, рис. 2). В Полоцкой земле седла, оформленные таким образом, были распространены очень широко. В Минском замчище фрагмент идентичной дугообразной накладки происходит из горизонта 10, датированного автором раскопок (с использованием дендродат) второй половиной 1190-х–1200-ми гг. (Загорульский 1982: 142, 150, табл. XV: 4). В Витебске фрагмент такой накладки происходит из слоя, датированного автором раскопок XI–XIII вв. (Бубенько 2004: рис. 94: 13). Еще одну похожую находку можно указать в слое Полоцкого городища, датируемом XII–XIII вв. (Дук 2011: 52, мал. 8: 7).

Просверленные фаланговые косточки животных (рис. 274: 3–5; рис. 291: 4, 5; рис. 375: 2, 3) обычно во множестве находят как в древ-

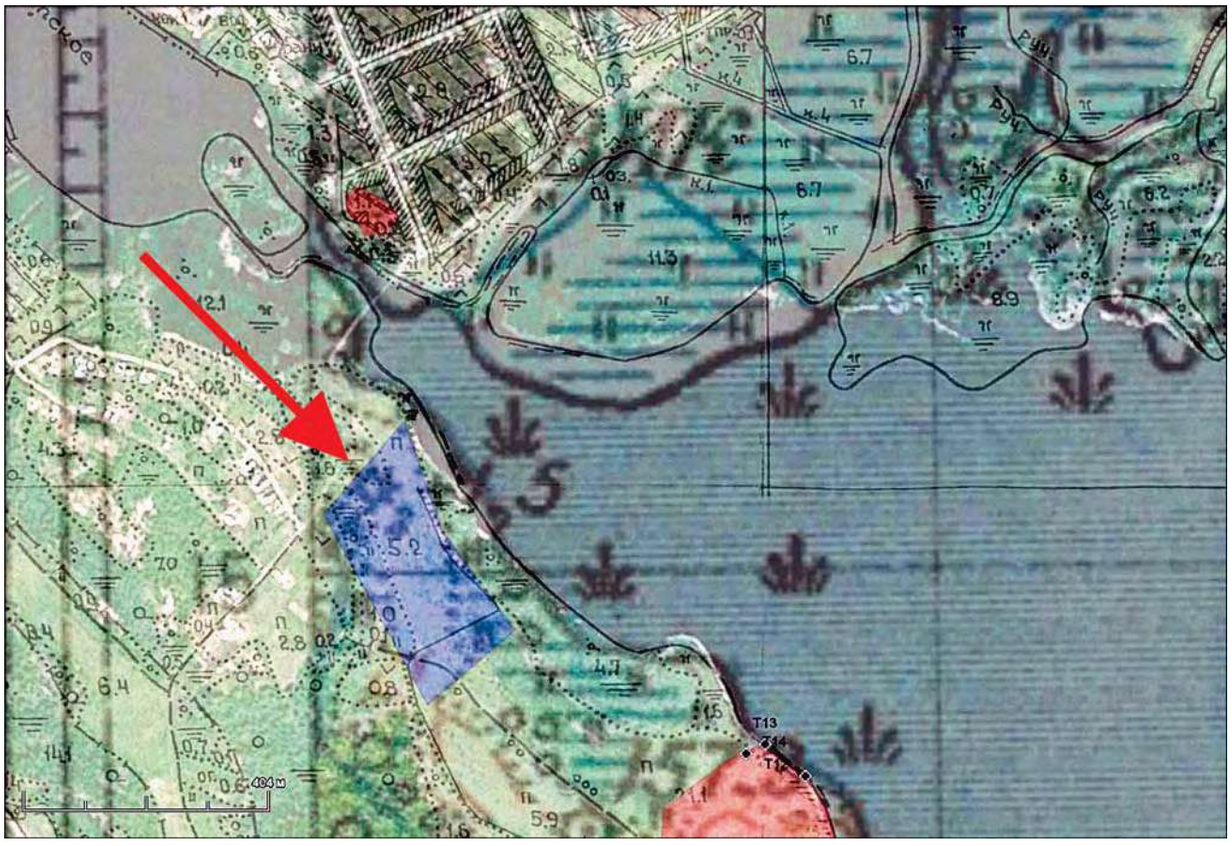


Рис. 414. Локализация снивелированного курганного могильника Юрьевы Горы на современной местности. Совмещение космического снимка, карты 1926 г. с курганом № 7 и современного землеустроительного плана

нерусских городах (Штыхов 1975: рис. 48: 22; 1978: 47; Седова 1997: рис. 42: 7; Седов 2007: 234; Лысенко 2001: рис. 60: 20, 21), так и на сельских памятниках, в том числе и в западнорусских землях (Звяруга 2005: мал. 55: 30). В Новгороде их выделено не менее 76 (Поветкин 2010: 185). Не составляет исключения и Усвят. Назначение этих предметов не всегда понятно. Иногда их считают пуговицами, катушками для ниток или веревок, иногда – деталями каких-то веревочных снастей (Даркевич 1974: 45). Большей частью эти находки представляют собой, надо думать, «брунчалки» – примитивный музыкальный инструмент. Будучи нанизанными на веревки, такие косточки при раскручивании издавали своеобразный «жужжащий» звук (Даль 1935: 133; Поветкин 2005: рис. 12, 13). Так развлекались люди не только на Руси. В средневековье «брунчалки» известны очень широко, в частности, в культуре прибалтийских племен, обитавших в низовьях Даугавы (Balodis 1940: tab. IX; Шноре 1961: табл. VIII: 4, 5; Стубавс 1970: 186, рис. 2: 2; Mugurēvics 1977: XIX tabula: 28–32, XX tabula: 13–17; The Selonians 2007: 224), у скандинавов (Viking Antiquities 1954: 51–52; Eketorp-III 1998: 315) и у других европейских народов.

Амулет из астрагала бобра с просверлиной (рис. 244: 5) принадлежит к общераспространенным на Руси и у соседних народов предметам бытовой магии, известным как на поселениях, так и в погребениях (Люцинский могильник 1893: табл. VIII: 3; Balodis 1940: tab. VIII; Шноре 1961: 129, рис. 136; Аун 1992: табл. XXXI: 2, 5; Рябинин 1997: 181; Седова 1997: 211; Tvauri 2012: 155–156, Fig. 120). Время их обращения в культуре народов Восточной Европы и Скандинавии, по-видимому, очень широко. Не вдаваясь в детали, отметим несколько хронологических реперов, важных для изучения этой традиции в Подвинье, Верхнем Поволжье и на Смоленщине. Шесть аналогичных подвесок известны в комплексе из кургана III могильника КСДК в Лопино (ГИМ, оп. 1020, № 37–41).[67] Оттуда же происходят 19 костяных подвесок-уточек (№ 42–47). Надо полагать, все эти вещи образовывали в Лопино единый набор амулетов, связанный с культом воды и ее обитателей. Комплекс из Лопино, судя по набору украшений, датируется IX–X вв. К этому

же периоду, вероятно, принадлежит подвеска-астрагал с Сарского городища (Эдинг 1928: 31–32, табл. II: 9). К X в. относится несколько подвесок-астрагалов, найденных в Тимерево в постройках на поселении (Дубов 1979: рис. 3: 8–9; 1982: рис. 42: 17–21) и в курганных погребениях (Дубов 1979: рис. 2: 4). X–началом XI в. датируется подвеска-астрагал из Гнёздова (Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: рис. 38: 5).

В Верхнем Поволжье подобный амулет известен в древнерусском курганном комплексе начала XI в., хорошо датирующемся подвесками-дирхемами (Милонов 1950: рис. 17: 5). Еще один близкий по времени комплекс с набором просверленных астрагалов (авторы раскопок датируют его XI–первой половиной XII в.) можно указать на поселении Шекшово 2 в Суздальском регионе (Федорина и др. 2008: 32, рис. 5). Таким образом, верования, связанные с употреблением подобных амулетов, бытовали непрерывно с IX столетия на протяжении всего домонгольского времени. На кривичских землях они, очевидно, пришли в древнерусскую культуру через посредство КСДК. Отметим среди находок из Усвята также незаконченный амулет из клыка кабана (рис. 355: 3).

Кроме того, из раскопок 1970 г. происходят обломок костяной рукояти ножа (рис. 166: 1) и различные отходы и заготовки косторезного производства (рис. 166: 2–4). Последние известны и среди подъемного материала (рис. 146: 5).

2.3.2.12. Предметы, связанные с военным делом

Оружие и снаряжение всадника в усвятской коллекции представлены преимущественно находками из детинца.

Наконечники стрел (6 экз.). Все они найдены в детинце, что подчеркивает военную специфику этой части поселения. Опишем их по порядку (три первых наконечника найдены Р. С. Минасяном в 1970 г.):

• Фрагмент ланцетовидной стрелы с коническим, круглым в сечении черешком (рис. 167: 3). Подобные стрелы, как известно, занесены на Русь варягами и датируются IX–XI вв.

• Здесь же найден двушипный втульчатый наконечник, датирующийся IX–XII вв. (рис. 167: 4).

• Четырехгранный черешковый, предназначавшийся для пробивания доспехов (рис. 167: 2). Он имеет вытянутые пропорции, слабо намеченный перехват в нижней части пера и, таким образом, близок четырехгранным ланцетовидным стрелам североевропейского происхождения (см., например: Wegraus 1986: Abb. 4: 2–6; Каинов 1999: рис 4: 1). Ближайшие в территориальном отношении находки подобных наконечников (тип D2, по Э. Вегре) происходят из Лукомля (рис. 33: 16), Полоцка (рис. 61: 2) и Гнёздова (Каинов 1999: 52) и датируются X в.

• Наконечник, имеющий пирамидальное в профиле четырехлопастное лезвие (рис. 325: 5). По разработкам А. Ф. Медведева, он близок типу 88, появление которого на Руси датируется X–XI вв. Подобные наконечники бытовали на Северо-Западе (Кирпичников, Медведев 1985: табл. 138: 13).

• Шиловидный черешковый четырехгранный наконечник из горизонта A_4 датируется XII в. Сам тип оружия имеет очень широкую датировку, охватывающую все средневековье (рис. 370: 2).

• Трехлопастной черешковый наконечник из слоя XII в. представляет редкий для Руси вариант (рис. 386: 3). Один такой наконечник известен мне в коллекции оружия с Рюрикова Городища (Носов, Хвощинская 2014: рис. 2: 5).

Возможно, еще один обломок листовидного предмета, совершенно уничтоженного коррозией, тоже является наконечником стрелы или дротика (рис. 326: 3).

Наконечники дротиков (2 экз.). Обломок наконечника дротика или сулицы с отломанным черешком опознается в плохо сохранившемся железном предмете (рис. 255: 1). Легкие черешковые дротики с плоским пером ромбической формы были одним из самых распространенных видов вооружения на территории Белоруссии в древнерусское время (Плавінскі 2013: 54–55). Из горизонта A_3 происходит еще один наконечник дротика с втулкой и треугольным пером (рис. 353: 1).

Обломок массивного ножа следует отнести к предметам вооружения. Он происходит из постройки 1 раскопа 2 (2010 г.) (рис. 327: 1).

Кольчужное кольцо, незаклепанное, с раскованными концами (рис. 234: 5). Тщательная реставрация находки, проведенная Н. С. Курагановым в реставрационной лаборатории ИИМК РАН, показала, что отверстия для заклепки не были пробиты, т. е. предмет является заготовкой для кольчужной ткани.

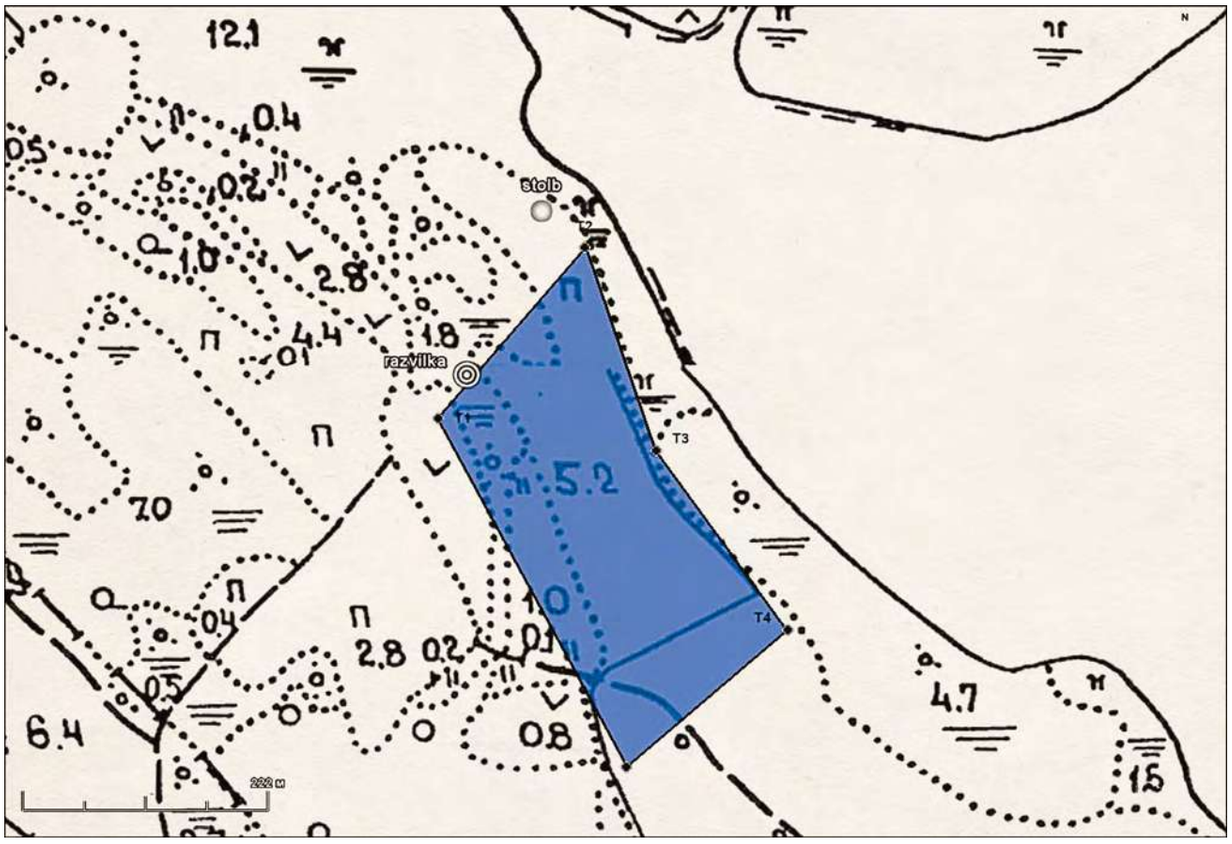


Рис. 415. Территория могильника Юрьевы Горы (языческий некрополь древнерусского города Усвята) на современной землеустроительной карте

Шпоры представлены фрагментами пяти изделий (рис. 286: 2, 3; рис. 287; рис. 306; рис. 354: 5, 6) и найдены только в детинце. Принадлежат они, насколько можно судить по обломкам, к типу III, по А. Н. Кирпичникову. Фрагменты одной их шпор, украшенной медной инкрустацией, найдены в строительном горизонте A_1, в пласте 3 (рис. 223; рис. 287) и датируются, таким образом, XIII в. Шпора типа III, украшенная растительным орнаментом, выполненным насечкой медной проволокой, известна в Твери, где имеет дендродату 1330–1334 гг. (Лапшин 2009: 91, рис. 74: 1).

Фрагменты стремян. В горизонте A_3 встречена выпуклая овальная железная пластина – видимо, площадка стремени (рис. 354: 7). Фрагмент дужки стремени с прорезью для ремня найден почти на погребенной почве в пласте 6 (рис. 382: 2). Эта находка относится ко времени около середины XII в.

К деталям конского снаряжения следует также отнести перекладину железной составной крупной (подпружной?) пряжки (рис. 233: 4).

2.3.2.13. Бытовые предметы и орудия

Из урочища Юрьевы Горы происходят две случайные находки целых древнерусских **топоров**. Первый из них, хранящийся в Усвятском краеведческом музее (рис. 145: 1), имеет узкое лезвие, сильно оттянутое книзу и слегка приподнятое сверху, а также парные боковые щекавицы. А. Н. Кирпичников относит такие изделия к типу VI и датирует XI–XIII вв. (Кирпичников 1966: 38).

Второй топор, найденный кладоискателями и находящийся в частной коллекции (рис. 145: 2), относится к типу IVA, по А.Н.Кирпичникову, который датировал такие топоры XII–XIII вв. (Кирпичников 1966: 37), вероятно, несколько завысив дату. В Новгороде изделия данной формы были в ходу со времени возникновения города до конца XII в. (Колчин 1982: 164, рис. 4).

Из раскопок 1970 г. в усвятском детинце происходит фрагмент топора (?) с трубчатой втулкой без щекавиц (рис. 167: 1). Наконец, фрагмент тыльной части втулки еще одного древнерусского топора найден при раскопках

2013 г. в нестратифицированных отложениях раскопа 2 (рис. 233: 5).

Ремесленные инструменты в раскопках представлены шильями, уже упоминавшимися резцом/ложкарем для обработки дерева (рис. 194: 4) и небольшим «ласточкиным хвостом», вероятно, инструментом ювелира (рис. 196: 3). Опознается также фрагмент долота или зубила (рис. 254: 2). Такие долота хорошо известны в древнерусских городах. От обломков гвоздей их отличает ровно откованный длинный стержень и небольшая ударная площадка вместо широкой шляпки (Лысенко 1969: рис. 12; Зверуго 1989: рис. 74; Трусаў, Собаль, Здановіч 1993: мал. 55: 11). Еще один предмет напоминает резец или тесло для обработки дерева (рис. 307: 3).

Земледельческие орудия представлены в первую очередь массивным широколезвийным серпом-косарем (случайная находка) (рис. 146: 7). По классификации Р. С. Минасяна, это изделие относится к серпам группы I варианта А (Минасян 1978: рис. 3). Подобные орудия не характерны для восточнославянской и древнерусской культуры, находки их на Руси единичны. Основной ареал их распространения находится в Северной Литве и в Латвийском Подвинье (Kruse 1859: Tab. 6: 1, 3; Balodis 1940a: tab. X; Шноре 1961: табл. XIV: 3; Šnore 1993: 70. att.: 20–22; Mugurēvičs 1977: XVIII tabula: 4, XLIV tabula: 22; Šnore, Zariņa 1980: 35. att.: 25–26; Spirģis 2008: 195. att.). Они появляются в Прибалтике в меровингское время (в VII–VIII вв.) и доживают до XI в. (Шноре, Цимермане 1966: 178, рис. 1: 14, 15; Tautavičius 1996: 115, 357, 36 pav.). В Белорусском Подвинье самая представительная серия подобных орудий найдена на городище Прудники на границе с Латгалией и Селонией (Шадыро 2001: рис. 6: 1–6). Встречаются эти изделия и в Скандинавии, где датируются преимущественно концом VIII–концом IX в. (Graham-Campbell 1980: 11–12, plate 7). Косарь близок к типу 90 или 92, по Я. Петерсену, хотя и имеет некоторые отличия от них в конструкции рукоятки (Petersen 1951: 151).

Изредка эти массивные серповидные ножи встречаются и на Северо-Западе Руси в нижних слоях древнерусских городищ. Известна находка подобного серпа в Восточном Приильменье на городище Сельцо (Орлов А-1968: л. 8 об.), что, вероятно, указывает на связи последнего с Западно-Двинским регионом или Скандинавией. Вещь с городища Сельцо также датируется, видимо, временем не позднее начала X в. Еще одна подобная находка происходит с Изборского городища и относится, по разработкам В. В. Седова, к нижнему горизонту древнерусского культурного слоя (т. е. к второй половине X–XI в.) (Седов 2007: 316, рис. 326).[68]

Таким образом, усвятский широколезвийный косарь имеет широкую дату (в усвятском контексте, скорее всего, IX–XI вв.) и потенциально относится к древнейшим находкам с поселения на Юрьевых Горах. Из раскопа 2010 г. на городище происходят также фрагменты косы, судить о форме которой не представляется возможным (рис. 232: 2).

Серп с коленчатым лезвием и остатками деревянной рукояти найден в раскопе 2 на Усвятском городище (рис. 371: 2) в слое XII в. (горизонт A_4). Серп весьма архаичен для своего времени – он относится к группе I варианту Б или В, по Р. С. Минасяну. Аналогии также уводят в сторону Восточной Прибалтики (Минасян 1978: 78).

Замки и их детали. В урочище Юрьевы Горы найдено на настоящий момент 8 целых и фрагментированных навесных замков; все – при раскопках в детинце (рис. 154: 4; рис. 167: 10; рис. 272: 5, 6; рис. 304; рис. 309: 3; рис. 330: рис. 350: 1; рис. 351: 5). Два замка сохранились полностью – они принадлежат к типу В, по Б. А. Колчину (рис. 304, 330), и датируются согласно новгородской хронологической шкале второй половиной XII–началом XIV в. (Колчин 1982: рис. 3).

Как и положено на городском поселении, заметную долю среди изделий из железа составляют **ключи от замков –** 7 целых и фрагментированных экземпляров (рис. 154: 1, 2; рис. 167: 12; рис. 269; рис. 303: 2, 4; рис. 305: 1).

Один целиком сохранившийся ключ (рис. 154: 1) и один фрагмент (рис. 167: 12) принадлежат деревянным замкам «с желудями». В Новгороде подобные изделия бытовали с X в. до начала XII в. (Колчин 1982: 161). Три ключа относятся к замкам типа В, по Б. А. Колчину (рис. 154: 2; рис. 303: 2; рис. 305: 1). Один ключ принадлежит замку типа Б (рис. 303: 4). Такие замки были распространены в Новгороде

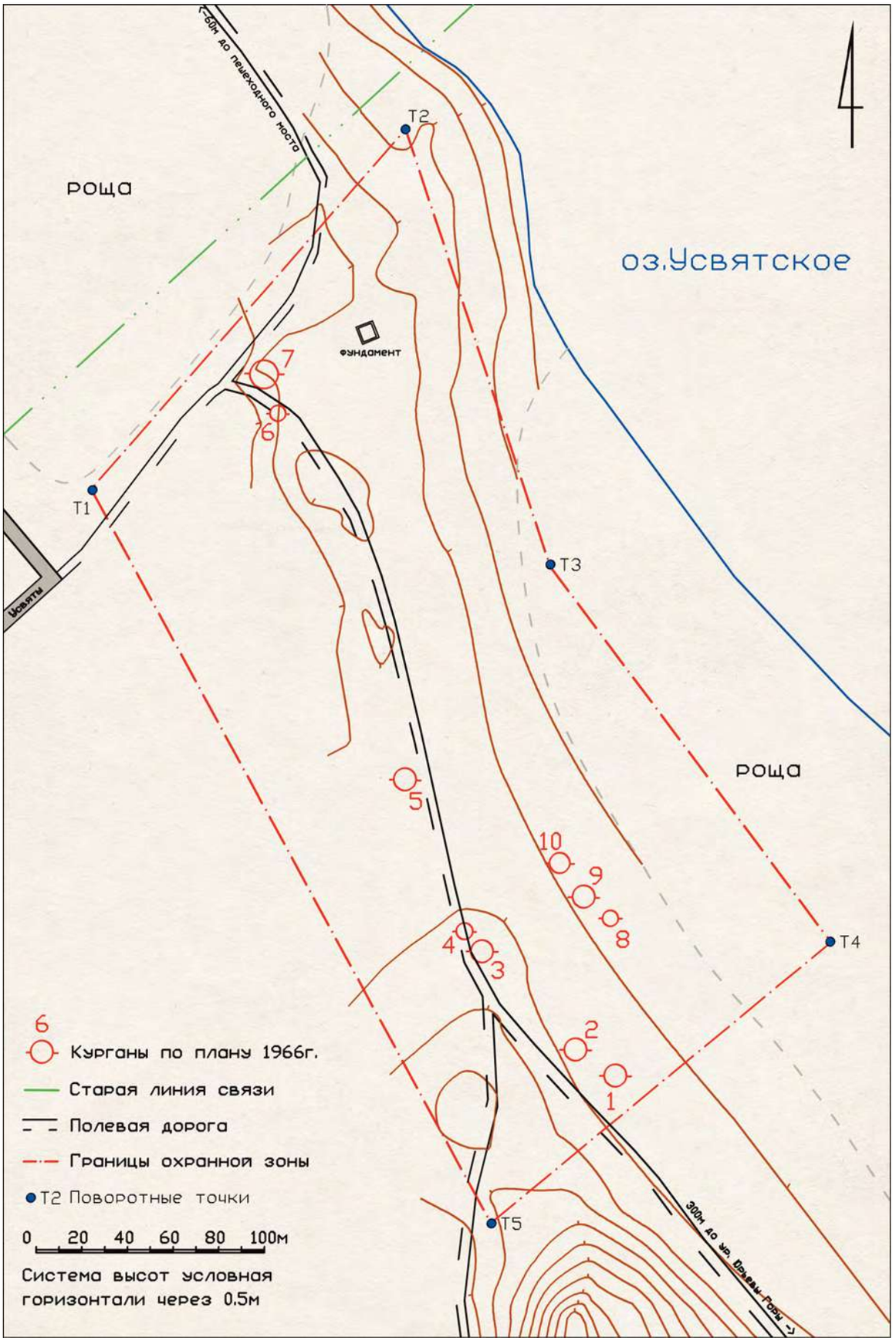


Рис. 416. Локализация снивелированного курганного могильника Юрьевы Горы на современной местности. Современная топосъемка с предполагаемым размещением на местности срытых курганных насыпей

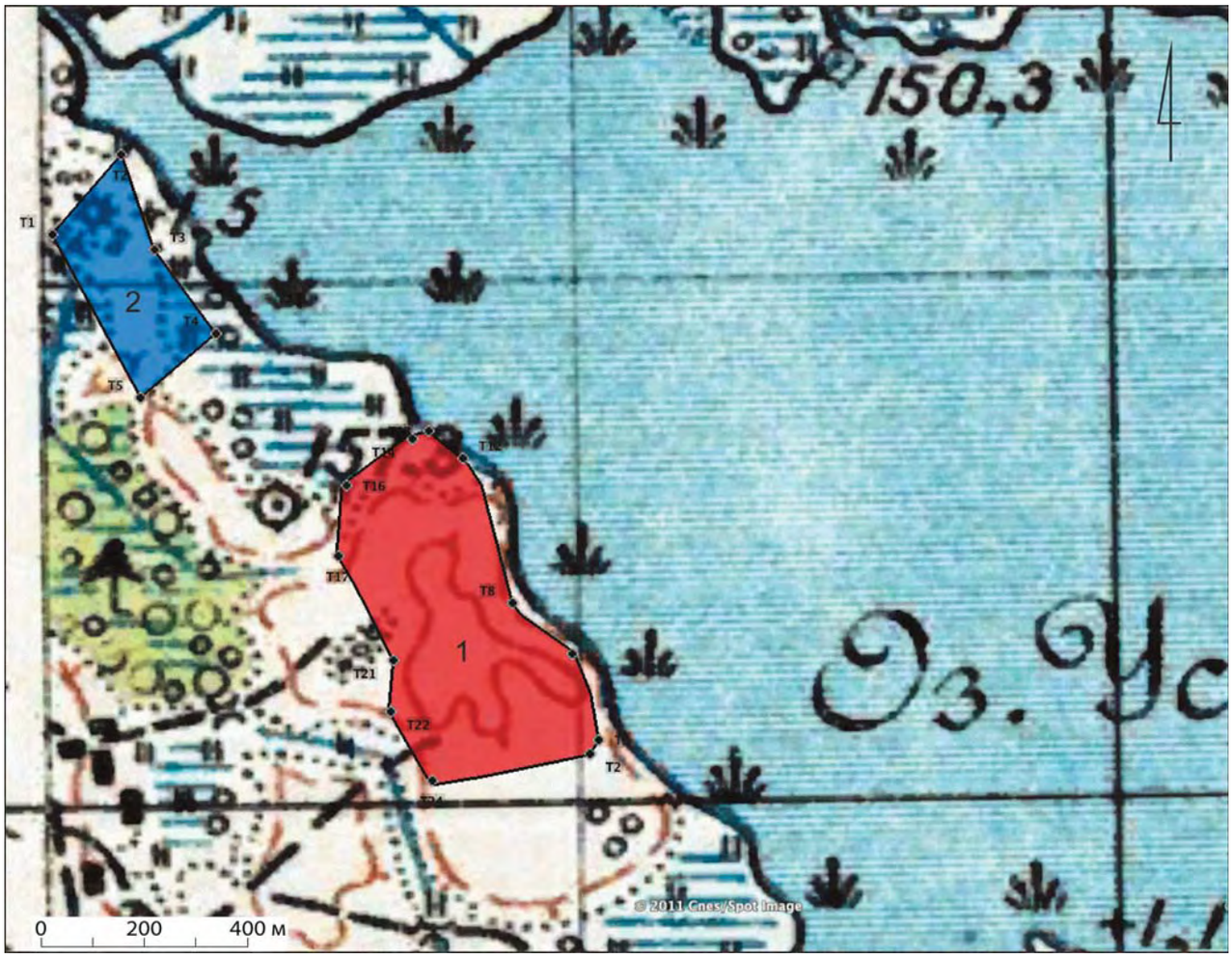


Рис. 417. Расположение древнерусского города Усвят (1) и его языческого курганного некрополя (2) на карте 1926 г.

с начала XII до середины XIV в. (Колчин 1982: рис. 3).

В раскопе 2 (2010 г.) обнаружен целый втульчатый ключ от нутряного замка со сплошной (не прорезной) бородкой (рис. 269), который с отсылкой к новгородской стратиграфии может быть датирован концом X–первой половиной XIII в. (Колчин 1982: 161). Нижнюю дату распространения на Северо-Западе Руси подобных ключей (и замков) позволяет также уточнить находка ключа в захоронении женщины скандинавского происхождения в погребальной камере 2 Псковского некрополя, датирующейся второй половиной X в. (Михайлов 2006: 86, рис. 2: б).

Рыболовные снасти. В культурном слое города найдено огромное количество рыбьей чешуи, не оставляющее сомнений, что рыболовство было одним из основных промыслов обитателей Усвята. В коллекции, связанной с этим занятием, представлены рыболовные крючки (8 экз.) разных размеров (рис. 143: 8; рис. 204: 5; рис. 237: 5; рис. 271: 3; рис. 307: 2; рис. 325: 3; рис. 350: 4; рис. 354: 2), на фоне которых выделяется очень большая кованая железная блесна-дорожка миндалевидной формы с железным костыльком для крепления лески (рис. 328: 4). Подобные орудия применялись, как и в наши дни, для ловли крупной хищной рыбы, преимущественно щуки и судака.

Такие блесны (как железные, так и бронзовые) известны во многих древнерусских городах (Салмина 1997: рис. 1; Лысенко 2004: рис. 43; Ляшкевич 2004: рис. 3), а в Полоцкой земле похожее изделие (правда, смонтированное из нескольких элементов) найдено даже в курганном погребении второй половины X–XI в. (Бирули, курган № 25) (Ляшкевич 2011: 207, рис. 3: 6).

Железная острога (рис. 362: 1) также относится к повсеместно распространенным на Руси орудиям рыбного лова.

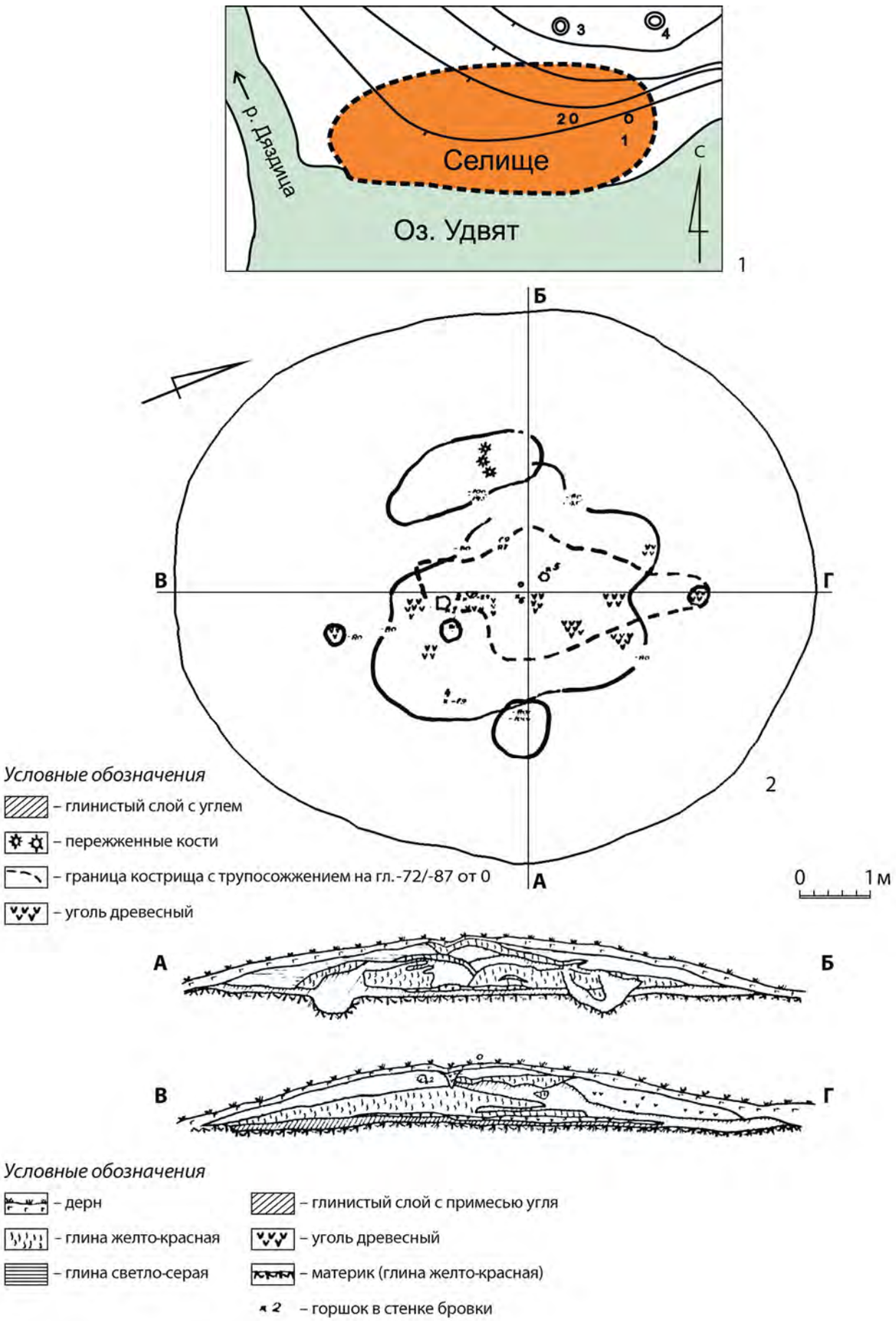


Рис. 418. Могильник Щемиловка. План и разрезы кургана 1 (Лабутина А-1964). Ситуационный план, по И. И. Еремееву

К категории **хозяйственного инвентаря** относятся калачевидное (рис. 143: 2) и овальные (рис. 324: 5; рис. 329: 1) кресала, пружинные ножницы (рис. 352: 3), многочисленные обломки ножей, кованые гвозди, пробои, различные скобы и т. п. Из раскопок Р. С. Минасяна в детинце происходит массивная железная сковородка (рис. 163: 5). Все эти вещи имеют очень широкий хронологический диапазон.

Железная складная бритва с выступающим ушком (рис. 307: 4) найдена под суглинистой прослойкой в пласте 4 квадрата Г-1 (строительный горизонт $А_3$). Складные бритвы известны на Руси с начала XI в. Одна из таких ранних находок происходит из финального горизонта раскопа П-8 в гнёздовской пойме (Мурашева 2014: 197, рис. 14).

Изделия, аналогичные усвятской находке (бритвы 1-го типа, по Б. А. Колчину), в Новгороде происходят из слоев XIII в. (Колчин 1959: 58, рис. 45; Колчин, Хорошев 1978: рис. 22: 5). По материалам Твери время бытования бритв первого типа определяется дендродатами 1311–1419 гг. (Лапшин 2009: 95). На западнорусских землях складные бритвы известны в Берестье, где автор раскопок датирует их XII–XIII вв. (Лысенко 1989: 95), и на Верхнем замке Слуцка (Археологическое наследие 2012: 89). В последнем случае находка относится автором раскопок к XII в. (Колединский 1994: 137). Достаточно часто складные бритвы встречаются в древностях литвы XII–XIII вв. и более позднего времени (Volkaitė-Kulikauskienė 1979: pav. 3: 6; Obelių kapinynas 1988: pav. 29: 13, pav. 61; Зайковский 2001: 416, рис. 6: 1, 50). Для датировки бритв типа 1 важна находка двух экземпляров в жилище 11 городища Ярополча Залесского (Седова 1978: табл. 3: 3). Эта постройка принадлежала богатому горожанину и погибла, как считает М. В. Седова, при взятии города татарами в 1239 г. (Седова 1978: 41). Постройка 11 дала богатый материал, относящийся к XII–началу XIII в. Именно этим временем и следует датировать бритву из Усвята.

2.3.2.14. Изделия из камня

Группа **изделий из камня** образована преимущественно коллекцией шиферных пряслиц (рис. 169: 1–6) и каменных оселков (рис. 169: 10, 11; рис. 221: 2).

Шиферные пряслица появляются на Северо-Западе Руси около середины X в. Второй четвертью–серединой X в. датируется самая ранняя находка шиферного пряслица на Рюриковом Городище. Там оно происходит из сруба с хлебной печью, возведенного после 911 г., но не содержавшего еще гончарной керамики в своем заполнении (Носов 1990: 55, 79). В XI в. шиферные пряслица широко входят в обиход. Пик их распространения в Новгороде приходится на середину XII в. К концу XIII в. их использование резко сокращается (Колчин 1982: 174). По устоявшемуся в науке мнению, их «промышленное» изготовление было прервано монгольским нашествием (Рыбина 1978: 26). Однако огромное количество произведенных и ввезенных на север шиферных пряслиц обусловило использование их в быту еще долго после разгрома Руси монголами. Например, согласно последним данным, во Пскове хронология шиферных пряслиц существенно запаздывает по сравнению с Новгородом. Процесс выпадения в культурный слой этих находок носит там «волнообразный» характер, причем последний пик попадания пряслиц в слой приходится на конец XIII–первую четверть XIV в. (Михайлов 2006а: 118–119).

Оселки. Большинство найденных в раскопках точильных камней выполнено из повсеместно встречающихся пород песчаника. Они представляют собой необработанные камни вытянутых пропорций или грубо подработанные природные формы (рис. 169: 10, 11; рис. 245; рис. 275: 7; рис. 332: 2; рис. 356: 5; рис. 376: 5; рис. 388: 1). Такими оселками и в наши дни отбивают косы.

Особняком стоит редкая находка оселка из полосатого сланца (рис. 146: 6). На камне оселка в диагональном направлении чередуются лиловые, светло-коричневые и бледно-зеленые прожилки. Судя по характерной сработанности краев отверстия, оселок носился на металлическом кольце. Точильные бруски, изготовленные в этой же манере из цветного слоистого сланца, хорошо известны в X в. в Швеции. Имеются среди них и вещи, изготовленные из камня сходных оттенков. Часто подобные оселки находят в богатых захоронениях мужчин-воинов (см., например: Stolpe, Arne 1927: 34, Pl. XXV: 9). Изделия, наиболее близкие усвятскому оселку, происходят из погребений Бирки — Bj 644 и Bj

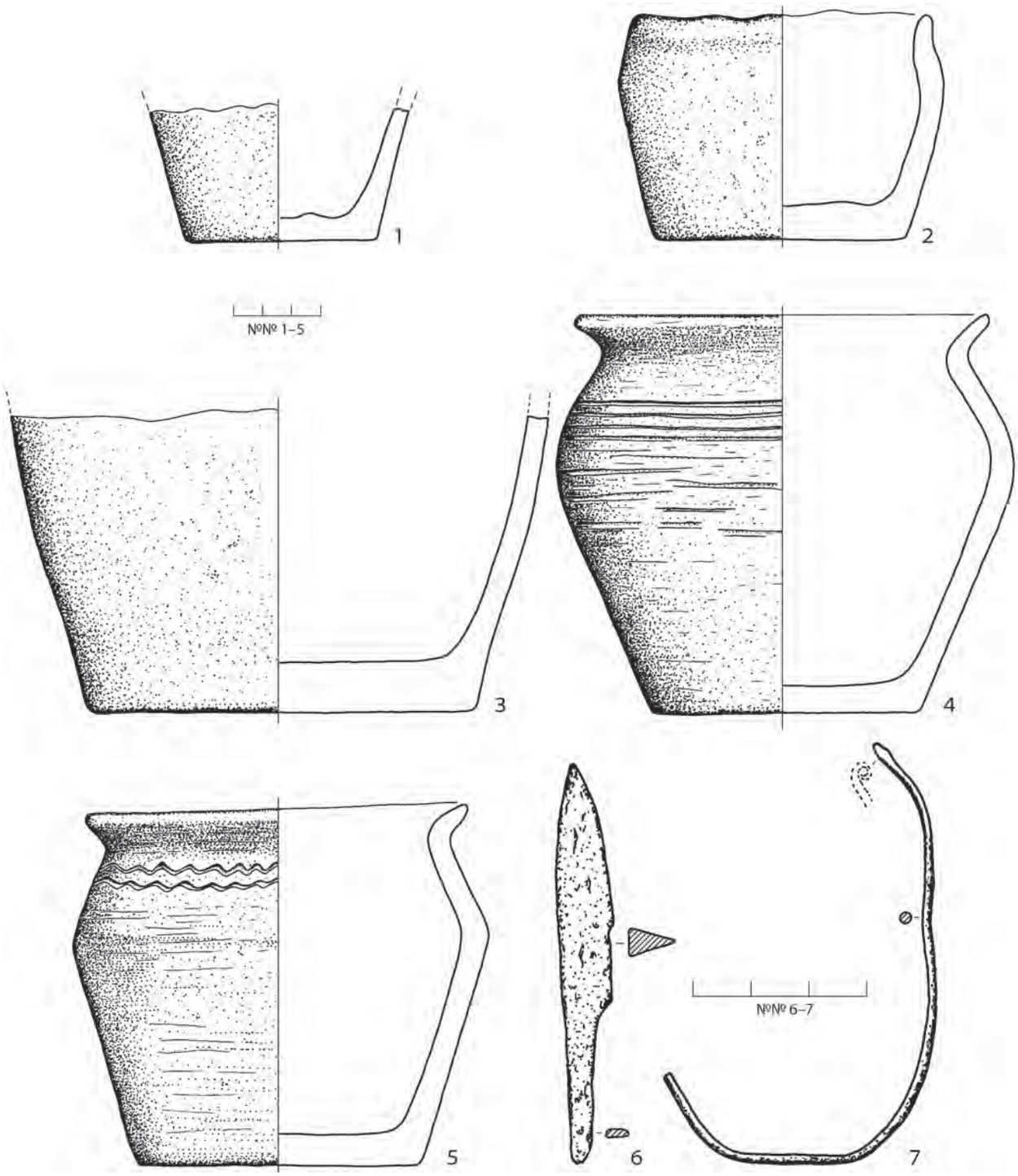


Рис. 419. Могильник Щемиловка. Находки из кургана 1. 1–5 – глина; 6 – железо; 7 – сплав меди

708 (Arbman 1940: Taf. 188). В Северной Европе оселки из полосатого сланца в X в. были очень популярны, они встречаются на обширной территории от Финляндии (Kivikoski 1973: Taf. 109) и Юго-Восточного Приладожья вплоть до норманнского города Йорвика (Hall 1984: 91).

В Верхнем Поднепровье похожие вещи использовались зажиточной частью населения Гнёздова. Близкое по виду изделие известно, например, в кургане 11 Заольшанской группы, содержавшем камерное погребение X в. (Каменецкая 1991: 144, рис. 5: 9). Еще одна опубликованная находка связана с богатым камерным захоронением воина в Днепровском курганном могильнике. Оселок, найденный в кургане Дн-4, датируется второй половиной X в. (дендродата бревен погребальной камеры — 975 г.) (Avdusin, Puškina 1988: 29–30, fig. 6: 11).

В Среднем Поднепровье подобные оселки иногда встречаются на ранних древнерусских селищах и являются, очевидно, импортом из Северной Европы (Андрощук, Зоценко 2012: кат. 231). Попадаются они здесь и в погребениях X столетия «дружинных» могильников Киева (погребение 125) и Шестовиц (курган 12) (Андрощук, Зоценко 2012: кат. 13, 122).

Самый поздний из известных нам оселков такого рода (точно датированных) найден в кургане 4 могильника Фрескати (Frescati) на территории современного Стокгольма. В состав погребального инвентаря мужского захоронения по обряду трупоположения входила монета, чеканенная в Магдебурге в 1010–1020 гг. (Thalin-Bergman 1984: 22–23). Существует мнение, что нарядные оселки из Гнёздова с чередующимися разноцветными полосками следует считать амулетами, привезенными из Скандинавского региона, где находились источники сырья, пригодного для их изготовления (Бычкова и др. 2008: 313–314).

Кресальные кремни являются на поселении довольно частой находкой (рис. 263: 1, 2; рис. 332: 1, 3–5). Иногда это лишь грубо обколотые кремневые отщепы. В большинстве случаев для высекания огня использовались отщепы и кремневые орудия с неолитических стоянок, которыми, как известно, изобилуют берега усвятских озер.

Каменные орудия доисторического времени из культурного слоя древнерусского города, вероятно, следует относить к разряду амулетов (хотя некоторые могли иметь и практическое применение, например, как оселки или кресальные камни). Один скребок найден на раскопе 1 (рис. 198: 16). На раскопе 2 в усвятском детинце найдены шлифованное тесло (рис. 316: 1), несколько обломков шлифованных орудий, фрагмент каменного проушного топора (рис. 316: 3), две кремневые стрелы (рис. 336: 7), скребки (рис. 249: 5; рис. 292: 2), орудия на пластинах (рис. 249: 2–4, 6; рис. 263: 4, 5; рис. 316: 2; рис. 336: 8, 9; рис. 388: 2) и множество кремневых отщепов, не имеющих следов вторичной обработки, но лишь сколы от ударов о кресало.

Неолитические орудия (стрелы, шлифованные топоры и тесла) в Европе собирались и использовались с магическими целями еще в римское время. От средневековья до нас дошло множество таких амулетов. Среди них попадаются оправленные в серебро, покрытые надписями на разных языках, украшенные языческими или христианскими символами (Qast 2011). Древняя Русь, и Полоцкая земля в частности, не были исключением в этом отношении. Только на Верхнем замке Полоцка к 1975 г. Г. В. Штыхов зафиксировал 16 находок топоров и одно тесло (Штыхов 1975: 97). Тесло и каменный молот найдены в средневековом слое на Полоцком городище (Дук 2011: мал. 12). Есть подобные находки в Витебске в домах XIII в. (Бубенько 2004: 113, рис. 100: 19–21), в Новгороде (Тянина 2008: 174), на Рюриковом Городище (Носов и др. 1998: 23, рис. 1), в Торопце (Малевская, Фоняков 2000: рис. 79: 3, 4; рис. 82: 7) и во многих других местах. Шлифованное орудие с Рюрикова Городища (полностью аналогичное нашей находке) несет на себе знаки в виде трилистника, явно прочерченные в средневековье.

Орудия эпохи неолита и бронзы, хранившиеся в городских домах, без сомнения, связаны с повсеместно распространенными в Европе и на Руси мифологическими представлениями о громовержце, целившем с неба в демонов «громовыми стрелами», и, возможно, о богатырях-первопредках. Каменные орудия использовали в лечебной магии и в качестве оберегов, несущих в себе частичку небесного огня, направленного против земной нечистой силы. [69] Нужно отметить, что поверхность фрагмента проушного топора из усвятского

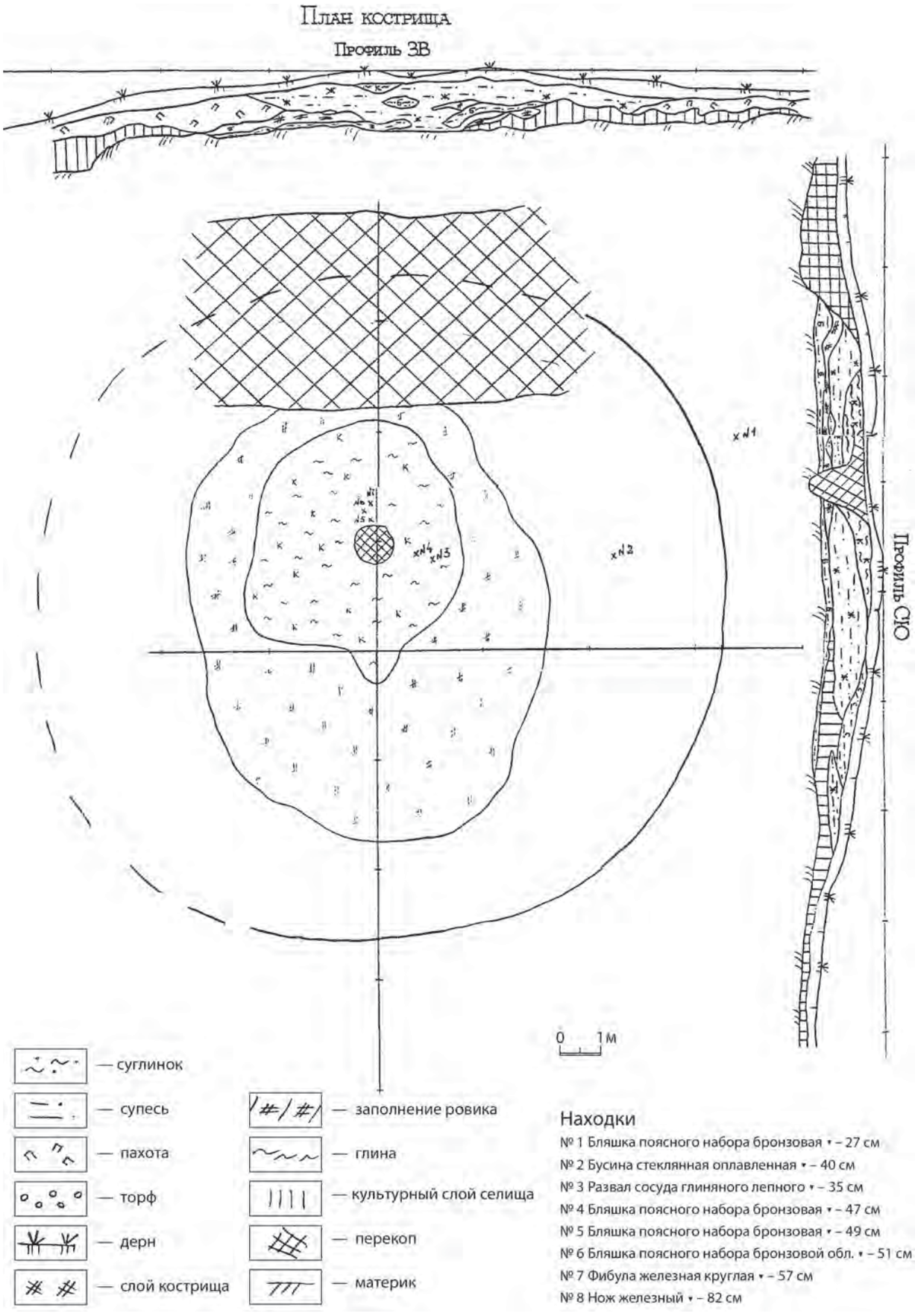


Рис. 420. Могильник Щемиловка. План и разрезы кургана 2 (Микляев А-1988)

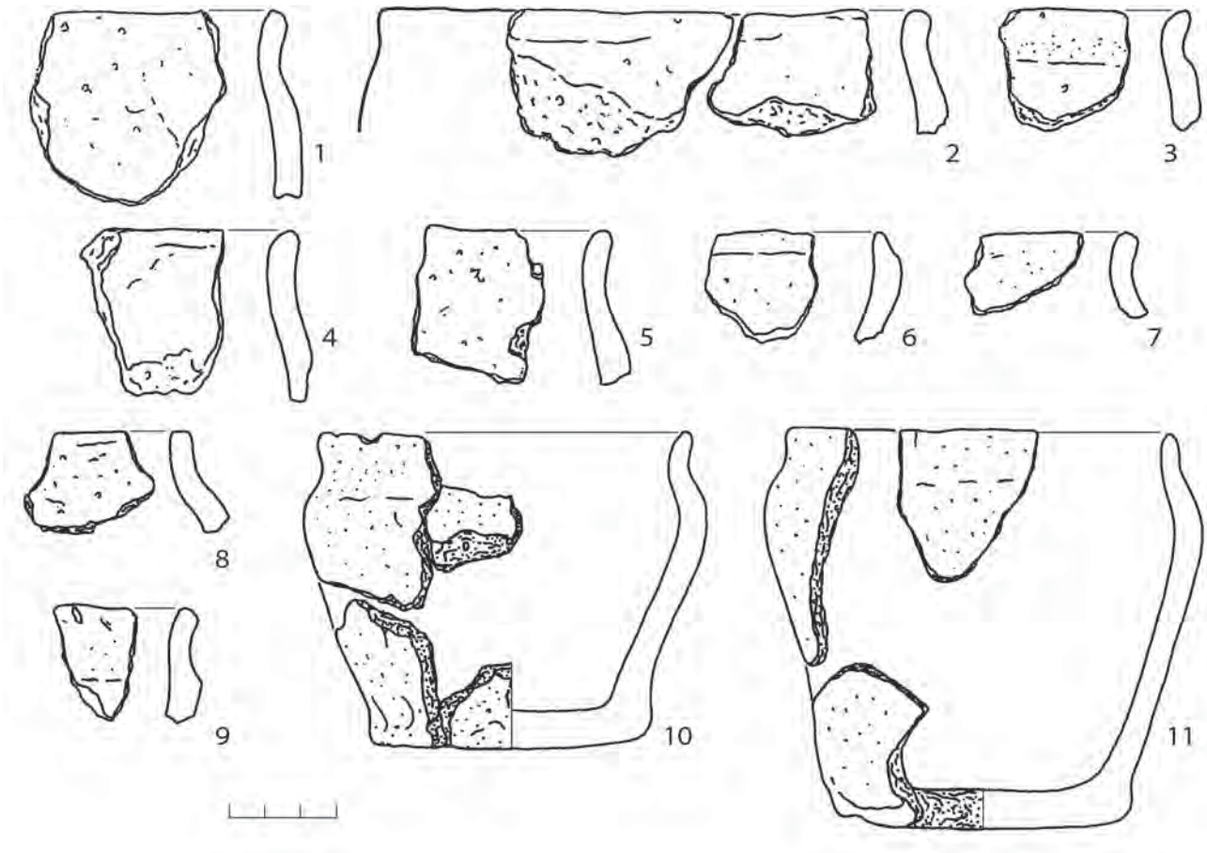


Рис. 421. Могильник Щемиловка. Лепная керамика из кургана 2 (10) и культурного слоя (1–9, 11)

детинца сильно выкрошилась. Это можно объяснить тем, что топор неоднократно подвергался нагреву и охлаждению. Возможно, он находился какое-то время в печке-каменке.

Охранительные функции таких находок могут быть реконструированы на многочисленных этнографических примерах со всей территории Восточной Европы. Кремневый скребок, в частности, найден и в усвятском погребении (рис. 407: 8). Весьма любопытна новгородская статистика распределения в слое Людина конца орудий каменного века, которая указывает на два пика интереса к ним со стороны древних новгородцев. Первый датируется X–первой половиной XI в., следующий – второй половиной XIII в. (Тянина 2008: 176). Возможно, следует сопоставить второй из этих пиков с ростом популярности у древнерусского населения костяных топориков, речь о которых идет в Приложении 4.

Помимо стрел, топора и тесла, форма и назначение которых были (пусть и в волшебном контексте) понятны средневековым жителям Усвята, в культурном слое найдена серия микролитических орудий, вид которых не должен был бы вызвать у них никаких ассоциаций с деятельностью человека или сверхъестественных существ. Эти находки попадали в культурный слой вместе с грунтом из предматериковых слоев, содержавших следы расположенных поблизости неолитических стоянок.

2.3.2.15. Находки, связанные с ювелирным производством

Особую категорию находок из сборов на Юрьевых Горах составляют **ювелирные слитки** различных размеров, которых найдено всего 4 экз. (3 бронзовых и один серебряный). Бронзовые слитки отлиты в односторонних формах. Один из них, имевший вид вытянутого бруска трапециевидной в разрезе формы, сохранился целиком (рис 429: 1). Два других, ладьевидных, представлены фрагментами (рис. 429: 2, 3). Формы для отливки подобных брусков известны в слоях IX–X вв. в Старой Ладоге, на Рюриковом Городище (Давидан 1980: табл. 2: 16; Кирпичников, Ениосова 2004: рис. 1, 2, 4; Хвощинская 2007: рис. 2). Не случайно

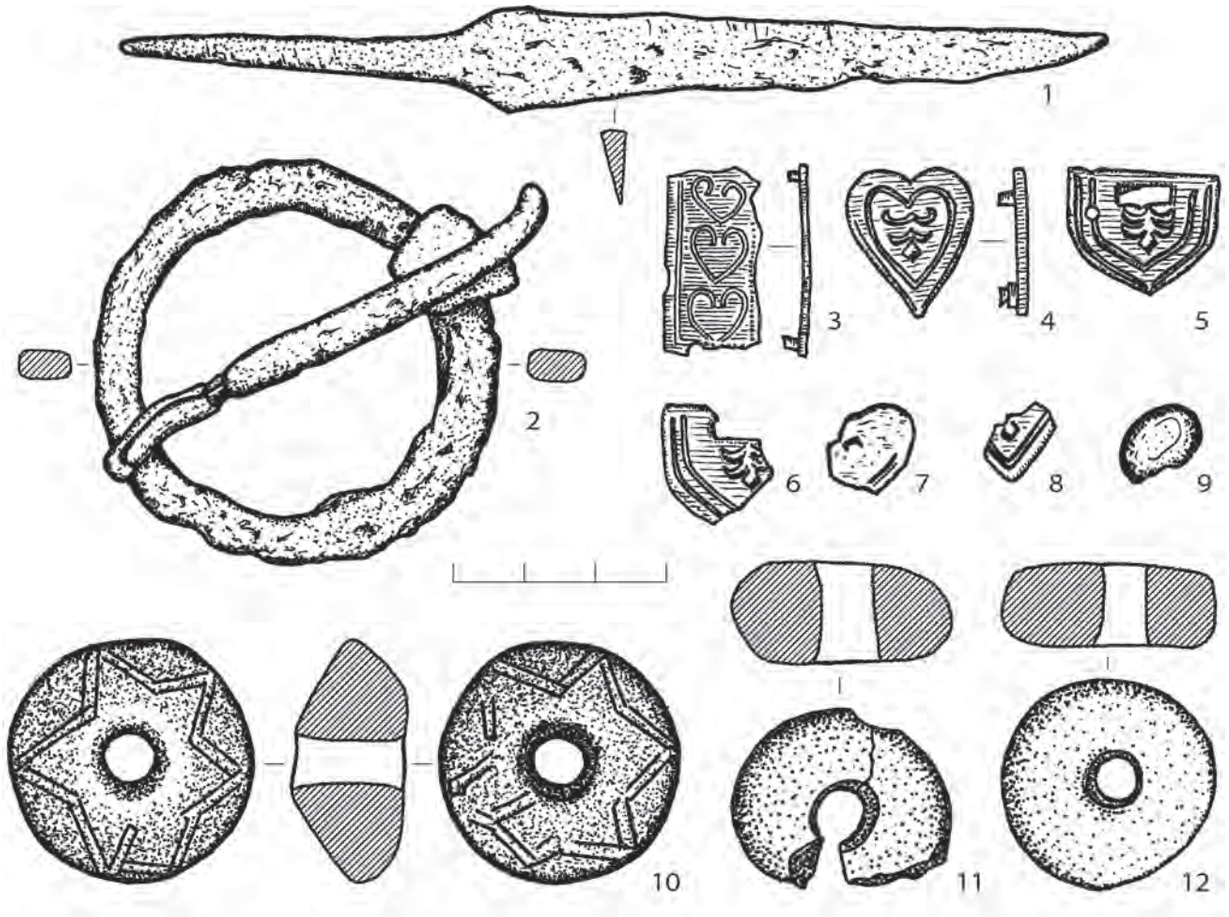


Рис. 422. Могильник Щемиловка. Находки из кургана 2. 1, 2 – железо; 3 – сплав меди, инкрустация серебром; 4–8 – сплав меди; 9 – синее стекло; 10–12 – глина

слитки имели такую же форму, как один из самых массивных видов скандинавских украшений – ладьевидные браслеты. Как известно по староладожской форме (Давидан 1980: табл. 2: 18), эти браслеты первоначально могли отливаться в виде прямых брусков и в таком виде транспортироваться как ювелирное сырье. Таким образом, связь усвятских ювелиров с североевропейскими ремесленными традициями эпохи викингов проявляется уже в формах сырьевых заготовок. Интересен миниатюрный слиток серебра, прокованный на четыре грани (рис. 447: 11).

Североевропейский колорит местной ремесленной традиции выступает и в связи с характером ювелирного лома, найденного на Юрьевых Горах. Среди него – великолепно украшенная подковообразная фибула с гранчатыми головками (рис. 423: 1). Одна из них в древности была отломана с помощью металлического орудия (сама массивная фибула так сломаться не может). Еще одной вещью, явно разломанной ювелиром, стала скорлупообразная фибула типа P 51 (рис. 423: 2). Наконец, среди ювелирного лома оказалась разрубленная медная византийская монета (рис. 446: 1).

Ювелирное производство на Юрьевых Горах могут датировать неудачная отливка ромбовидной подвески, заготовки для пластинчатых перстней с завязанными или спиральными концами (рис. 430: 2, 3) и неудачная заготовка для браслета аналогичной конструкции (в данном случае концы могли быть только завязанными) (рис. 430: 1). Среди ювелирного лома и заготовок видим также фрагмент венчика литого бронзового блюда или котелка (рис. 440: 5), различные дроты из медного сплава (рис. 429: 4; рис. 440: 8) и обрезки бронзовых пластин (рис. 440: 7). Один фрагмент явно ремесленного лома происходит из раскопа Р. С. Минасяна (рис. 168: 3). Встречены и отходы бронзолитейного производства в виде отрубленных литников (рис. 430:



Рис. 423. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. 1 – фрагмент подковообразной фибулы; 2 – фрагмент скорлупообразной фибулы. Сплав меди

5) и выплесков медного сплава (рис. 168: 4; рис. 203: 5).

Следует указать на находку фрагмента кольца от скандинавской фибулы в стиле Борре типа P 227 с длинной иглой (рис. 424: 2). Судя по плохой проработке деталей, перед нами неудачная отливка. Нельзя утверждать, что попытка изготовить это изделие была предпринята в Усвяте; не исключено, что обломок был привезен откуда-то в составе ювелирного лома. В любом случае он также датирует период активного развития бронзолитейного ремесла в Усвяте.

Среди подъемного материала имеется бронзовая **матрица для изготовления бляшек-розеток** (рис. 437: 3). Выпуклая внешняя сторона образована четырьмя полусферическими бляшками с рубчатым кантом, внутренняя сторона – гладкая. В поисках аналогий следует обратить внимание на набор ювелирных матриц, найденных в Чернигове и датированных XII–первой половиной XIII в. (Моця, Казаков



Рис. 424. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. 1 – пряжка; 2 – фрагмент кольцевидной булавки; 3 – фрагмент держателя удил, превращенный в подвеску; 4 – наконечник ножен меча (фото С. Ю. Каинова) (3 – сплав меди, золочение; 4 – сплав меди, полуда; остальное – сплав меди)

2011: 152). Среди черниговских находок имеются матрицы, представляющие собой четыре слитые между собой полусферы, но без рубчатого края. Матрицы из Чернигова позволяют определить функциональное назначение усвятской находки, оставляя открытой ее датировку.

Односторонняя литейная формочка, изготовленная из глины, найдена на территории детинца (рис. 356: 4). Формочка, сделанная довольно небрежно (это просто кусок глины с оттиском), предназначалась для отливки нательного креста. Похожая форма для изготовления крестиков известна в Белоозере (Голубева 1973: рис. 50: 7).

О топографии ювелирного производства на поселении сложно сказать пока что-то определенное, поскольку большинство перечисленных находок происходит из случайных сборов. В раскопках открыты следы по крайней мере двух ювелирных мастерских. Во-первых, фрагменты ювелирных тиглей (рис. 168: 5, 6) в сочетании с лепной керамикой (рис. 157: 4–8) были найдены Р. С. Минасяном в раскопе I (1970 г.) к юго-западу от детинца. Более значительные следы бронзолитейного производства X в. (описанные выше) были открыты нами в центральной части посада в 2010 и 2013 гг. Общий вывод заключается в том, что к укрепленной части поселения уже в X в. примыкал обширный ремесленный посад. Ювелиры, работавшие в его мастерских, обеспечивались сырьем преимущественно за счет экономической активности вдоль Пути из варяг в греки. Ремесленный характер поселения сохранялся на всем протяжении его недолгой истории в X–XIII вв.

2.3.2.16. Предметы западноевропейского происхождения

Самой неожиданной находкой в усвятской коллекции оказался **западноевропейский паломнический жетон** из свинцово-оловянистого сплава.[70] Он представляет собой литую прямоугольную пластину размерами примерно 35 × 25 мм (рис. 451: 1). По углам пластины видны следы несохранившихся петелек, предназначавшихся для крепления жетона на одежде или головном уборе. На лицевой стороне пластины отлиты две человеческие фигуры с грубо проработанными чертами лица. Над головами имеются изображения нимбов, выполненные выпуклыми точками. Фигуры даны схематично, без прорисовки элементов одежды. Левый персонаж удер-

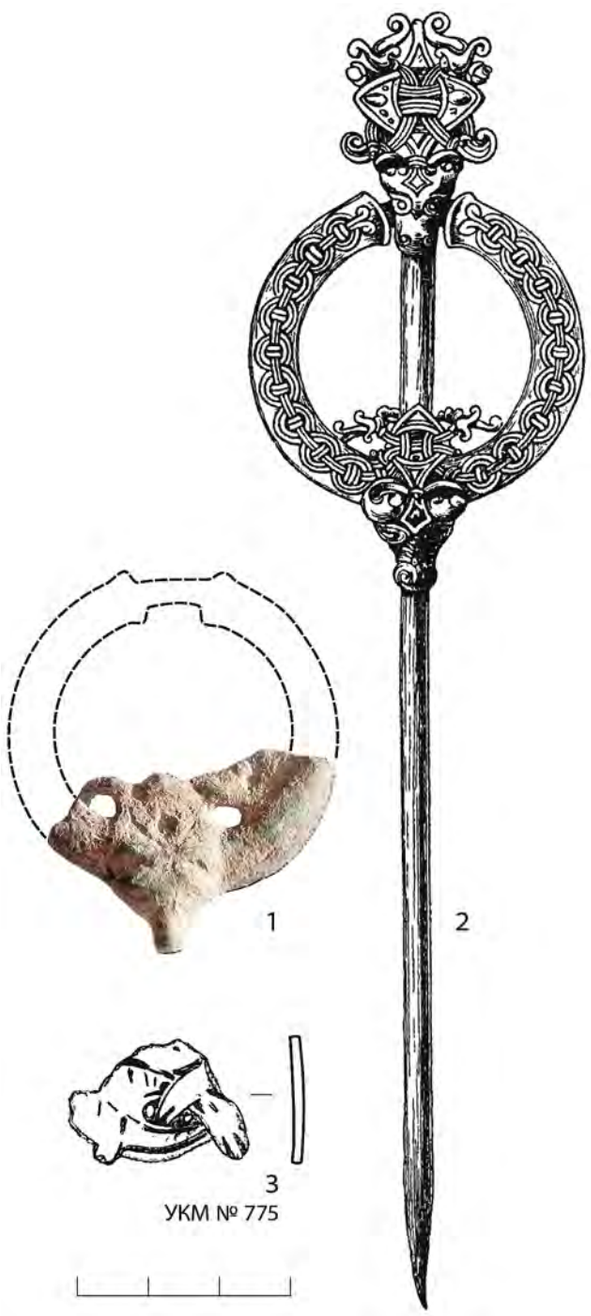


Рис. 425. Фрагмент кольцевидной фибулы из Усвят (1), фибула типа P 227 из Киевского некрополя, погребение № 116 (2), фрагмент украшения в стиле Борре (3) из фондов Усвятского краеведческого музея. Сплав меди

живает в согнутой в локте левой руке ключ с решетчатой бородкой. Аналогичный ключ можно видеть в правой руке второй фигуры (изображение руки плохо просматривается из-за повреждений коррозией). Фигуры размещены по сторонам высокого процессионного креста. По периметру пластинки идет орнаментальная рамка. Обратная сторона пластины гладкая.

Изучение материальных свидетельств средневекового паломнического движения в последнее время оформилось в самостоятельное исследовательское направление в европейской археологии. Паломнические инсигнии тщательно классифицированы; составлены подробные карты их распространения, позволяющие реконструировать наиболее популярные маршруты средневековых пилигримов. Выяснилось, что сувениры из святых мест с аналогичными по композиции образами – не редкость в Западной Европе (см., например: Spencer 1968: Pl. IV: 7; 1998: cat. 251–251b). Изредка они встречаются и на западнославянских землях (Leo Imperiale 2012: fig. 1; Мусин 2012: 249). Ближайшие аналогии данному изделию можно указать среди многочисленных паломнических жетонов, найденных в Лондоне и вошедших в каталог Лондонского музея (Spencer 1998: 251). В отличие от усвятского жетона, западноевропейские находки часто имеют подписи, позволяющие идентифицировать святых – Петра и Павла (рис. 451: 2, 3). Паломнические сувениры, найденные в Лондоне, по мнению Брайана Спенсера, произведены в Риме. В 1199 г. папа Иннокентий III (1198–1216 гг.) регламентировал производство и продажу свинцово-оловянистых изделий, несущих изображения апостолов Петра и Павла, которые отныне могли изготовляться только под патронажем каноников базилики Святого Петра (Spencer 1998: 248). Усвятская находка по аналогиям датируется XIII в. (Spencer 1998: 251).

Паломнические реликвии западноевропейского облика (в том числе нашивные иконки из легкоплавких сплавов), хотя и редко, но встречаются в древнерусских землях (Пескова 1994; 2001: 118–119). Ближайшей к Усвяту находкой такого рода является раковина морского двустворчатого моллюска (лат. *Pectinidae*), обнаруженная в Витебске (Бубенько 2004: 141, рис. 100: 16).[71] Можно предложить несколько версий того, как редкая для Руси вещь попала в Усвят. Вряд ли она могла стать предметом торговых операций или подарком и многократно переходить из рук в руки. Вещица либо оказалась в городе в качестве военного трофея, возможно, вместе с предметом (например, шляпой, платьем или доспехом), к которому была прикреплена, либо была утеряна здесь своим владельцем.



Рис. 426. 1 – металлические детали конской сбруи из Борре; 2 – удила с псалиями из клада 1969 г. на городище Супруты (Мурашева 2008); 3 – ременной наконечник из постройки 2 в Супрутах (Мурашева 2008)

Древнерусское паломническое движение было направлено, как известно, не в Рим, а в Константинополь, Иерусалим и на Святую гору Афон. Как показывает карта распространения паломнических реликвий с изображениями Петра и Павла, составленная Марко Лео Империале, находки широкой полосой вытягиваются от Италии через территорию Франции и Западной Германии. Значительная концентрация находок отмечается в Англии и в Южной Скандинавии. Надо полагать, датчанину, шведу или немцу и принадлежал усвятский жетон. В истории сувениров с изображением Петра и Павла привлекает внимание одно совпадение. Именно в 1199 г. папа римский Иннокентий III приравнял военное паломничество в Ливо-



Рис. 427. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. 1 – браслет; 2 – пряжка; 3 – фрагмент подковообразной фибулы. Сплав меди

нию к паломничеству в Иерусалим (Генрих Латвийский 2009: 66; Матузова, Назарова 2002: 142–143), открыв тем самым путь крестоносному движению на Западную Двину. Со дня основания Риги вооруженные пилигримы из Западной Европы, главным образом немцы, в надежде получить отпущение грехов ежегодно прибывали в Нижнее Подвинье. Слишком заманчивым выглядит предположение о связи усвятской находки с крестоносцами, чтобы пройти мимо этой красочной темы. Разумеется, жетон с изображениями апостолов мог оказаться в Усвяте в результате какой-то совершенно не поддающейся реконструкции житейской коллизии. Но все же хотелось бы обратить внимание на несколько сюжетов из Хроники Генриха, дающих возможное объяснение уникальной находке.

Вероятность прямого столкновения полочан (тем более с восточных рубежей Полоцкой земли) с рыцарями-меченосцами и пилигримами рижского епископа, в результате которого у дружинника полоцкого князя мог оказаться столь редкий трофей, была весьма ограничена. В отличие от предприимчивых и деятельных псковичей и новгородцев, полочане, как известно, не смогли (или не хотели) оказать эффективный отпор немецкому натиску. Полоцк в низовьях Даугавы действовал исключительно вяло, что в короткий срок привело его к полной потере здесь всех военно-политических позиций, и без того непрочных. Боевых столкновений полоцкого войска с немцами мы знаем очень немного. Среди единичных военных эпизодов такого рода выделяется подробно описанное Генрихом Латвийским оставление русскими городка Кукенойс в 1208 г. Князь Вячко, правивший в городе, к этому времени уже год как находился в зависимости от рижского епископа Альберта, уступив ему в обмен на поддержку против литовцев (так сообщает Генрих) половину своих земель. Это, однако, не спасло Вячко от столкновений с меченосцами, в ходе одного из которых город оказался даже ненадолго захвачен рыцарями.

В результате конфликта, кое-как разрешенного с помощью епископа Альберта, в Кукенойсе весной 1208 г. оказался фактически назначенный епископом немецкий оккупационный гарнизон. Дальнейший ход событий Генрих излагает следующим образом:

> «Помня также о том, что обещал королю, когда принимал от него половину замка, епископ послал с ним двадцать человек с оружием и конями, людей деятельных — рыцарей и балистариев, а также каменщиков, чтобы укрепить замок и защищать его от литовцев. Все их расходы и нужды он предусмотрел заранее.
>
> С ним возвратился в Кукенойс и король, веселый по внешности, но с коварным замыслом в душе. Епископ остался в Динамюндэ и, по принятому обыкновению, собирался ехать в Тевтонию для набора пилигримов на следующий год,

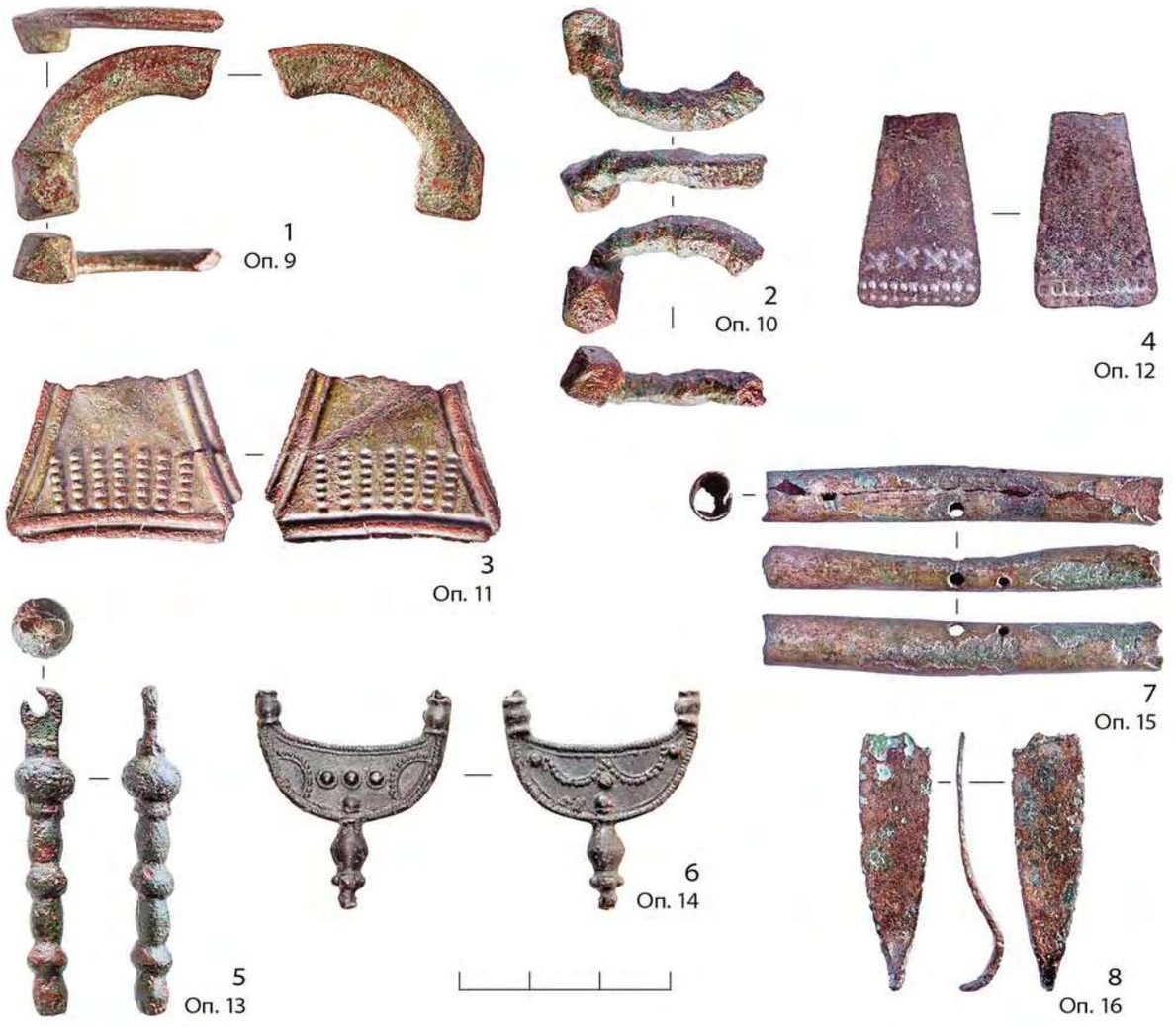


Рис. 428. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. 1–2 – фрагменты подковообразных фибул; 3–4 – трапециевидные подвески; 5 – фрагмент булавки (?); 6 – височное кольцо; 7 – игольник; 8 – фрагмент поясного крючка. Сплав меди

так как те, для кого уже кончился годовой срок пилигримства, готовились возвратиться в Тевтонию и давно уже стояли в Динамюндэ, только посланный Богом противный ветер не давал им отплыть. Между тем вышеупомянутый король (regulus) вернулся в Кукенойс и, не сомневаясь, что епископ с пилигримами уже отплыл, отлично зная также, что и в Риге осталось очень немного народу, не мог далее скрывать в душе свои вероломные козни. Посоветовавшись со своими людьми, он дождался удобного времени и дня, когда почти все тевтоны ушли на свою работу: они рубили камень во рву для постройки замка, сложив наверху на краю рва мечи и вооружение и не опасаясь короля, как своего отца и господина; вдруг прибежали слуги короля и все его люди, схватили мечи и оружие тевтонов и многих из них, без оружия и доспехов занимавшихся своим делом, перебили. Кое-кто из них бежали, не останавливаясь ни днем, ни ночью, чтобы рассказать, что случилось, и добрались наконец до Риги.

Убито было семнадцать человек, а трое спаслось бегством. Трупы убитых, бросив в Двину, послали рижанам, и те, вынув из воды тела погибших на службе Божьей, благоговейно и со слезами похоронили их. После этого тот же король **послал великому королю Владимиру (Woldemaro) лучших тевтонских коней, баллисты, панцири и тому подобное**, а вместе с тем просил и советовал собрать войско как можно скорее и идти брать Ригу, где, сообщал он, осталось мало народу, причем лучшие убиты им, а прочие ушли с епископом.

Услышав об этом, Владимир с излишней доверчивостью созывает всех своих друзей и людей своего королевства. Между тем епископ, задержанный в Динамюндэ противным ветром, узнав о том, что люди его перебиты, а церковь предана, собрал всех пилигримов, со слезами рассказал им об уроне, понесенном церковью, и звал их мужественно стать на защиту и на помощь церкви, снова приняв на себя крест; уговаривая их, он подтвердил полное отпущение и тех грехов, что ранее были забыты, обещал за большие труды их долгого пилигримства большее отпущение грехов и вечную жизнь. В ответ



Рис. 429. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. Ювелирные полуфабрикаты и сырье. Сплав меди

на это триста человек из лучших снова приняли крест и решились вернуться в Ригу — стать стеной за дом Господень. Сверх того епископ отослал в Ригу и много нанятых за плату людей. Все тевтоны, рассеянные в разных местах по Ливонии, вместе с другими старейшинами ливов, собрались в Ригу на защиту церкви. Когда русские услышали, что тевтоны и ливы собрались в Риге, они, боясь за себя и за свой замок, зная, что поступили дурно, и не смея дожидаться прихода рижан в замке, собрали свое имущество, **поделили между собой коней и оружие тевтонов**, подожгли замок Кукенойс и побежали каждый своей дорогой. Лэтигаллы и селы, жившие там, скрылись в темные лесные трущобы, а не раз упоминавшийся король, зная за собой злое дело, **ушел в Руссию, чтобы никогда больше не возвращаться в свое королевство**» (Генрих Латвийский 2009: 102–104).

Следует обратить внимание на то, что эта одна из немногих описанных Генрихом побед русских над меченосцами с захватом трофеев, когда в руках победителей осталось два десятка тел и имущество (разумеется, и платье) убитых рижан. Вполне возможно, что пришедшие в Полоцкую землю обитатели Кукенойса были поселены полоцким князем в пограничном Усвяте, или же там оказался один из участников вышеописанных событий, которому досталось платье или доспех убитого рыцаря-пилигрима.

Можно вспомнить и совместный полоцко-литовско-новгородский поход в 1262 г. под орденский Юрьев, где коалиционная рать «взяша товара бещисла и полона» (ПСРЛ,

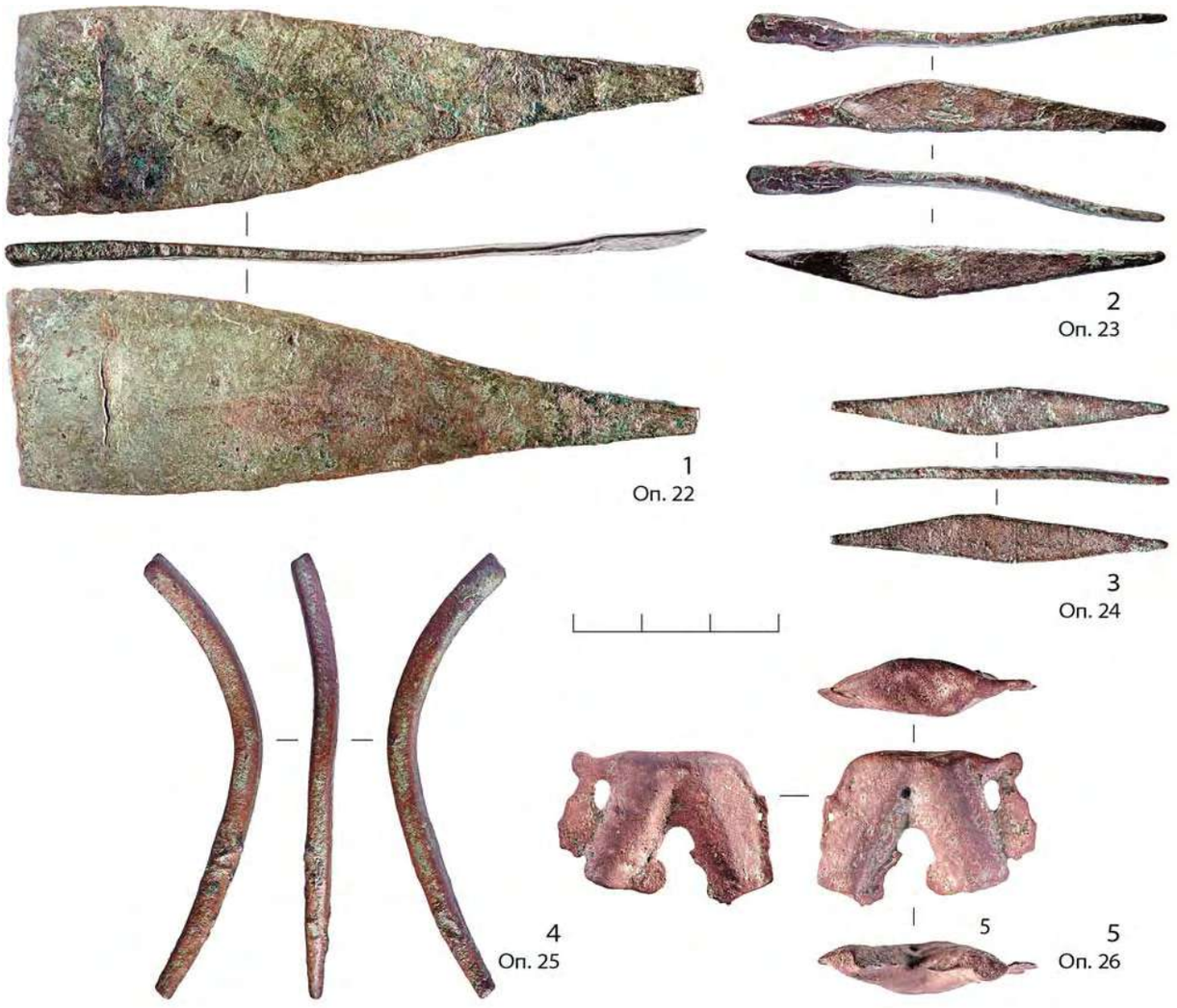


Рис. 430. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал.
Предметы, связанные с ювелирным производством. Сплав меди

т. III. 2000: 312). Немалая доля трофеев досталась, конечно, и полочанам, выступившим под началом князя Товтивила. Таковы возможные (разумеется, только из небольшой суммы наших знаний о событиях XIII столетия) «военные» трактовки, объясняющие появление в полоцком городке столь редкой находки, как итальянский паломнический сувенир.

Что касается второй (мирной) версии – никаких прямых исторических данных о возможном пребывании в Усвяте рыцарей у нас, разумеется, нет. Кем мог быть человек, совершивший паломничество в Рим и оказавшийся затем в Усвяте? Купцом из Германии, Висбю или Риги? Как показывает анализ находок паломнических инсигний с территории Польши, они группируются в местах, наиболее тесно связанных с немецким культурным влиянием (Chudzińska 2012: fig. 1, 2).

О существовании западных купеческих факторий и, соответственно, католических общин в древнерусских городах в XII–XIII вв. до нас дошли очень скупые известия. Они относятся преимущественно к крупнейшим городам – Новгороду, Киеву и Смоленску (Назаренко 2000: 382–384). Стоит упомянуть и о разрешении (неизвестно – были ли предприняты шаги по его реализации), данном Александром Ярославичем на постройку католического храма во Пскове. Об этом факте сообщает послание папы Иннокентия IV Александру Ярославичу, датированное 15.IX.1248 г. (Матузова, Назарова 2002: 269). Из Хроники Генриха известно, в частности, что в Смоленске в 1210 г. проживал некий Лудольф, купец, принимав-

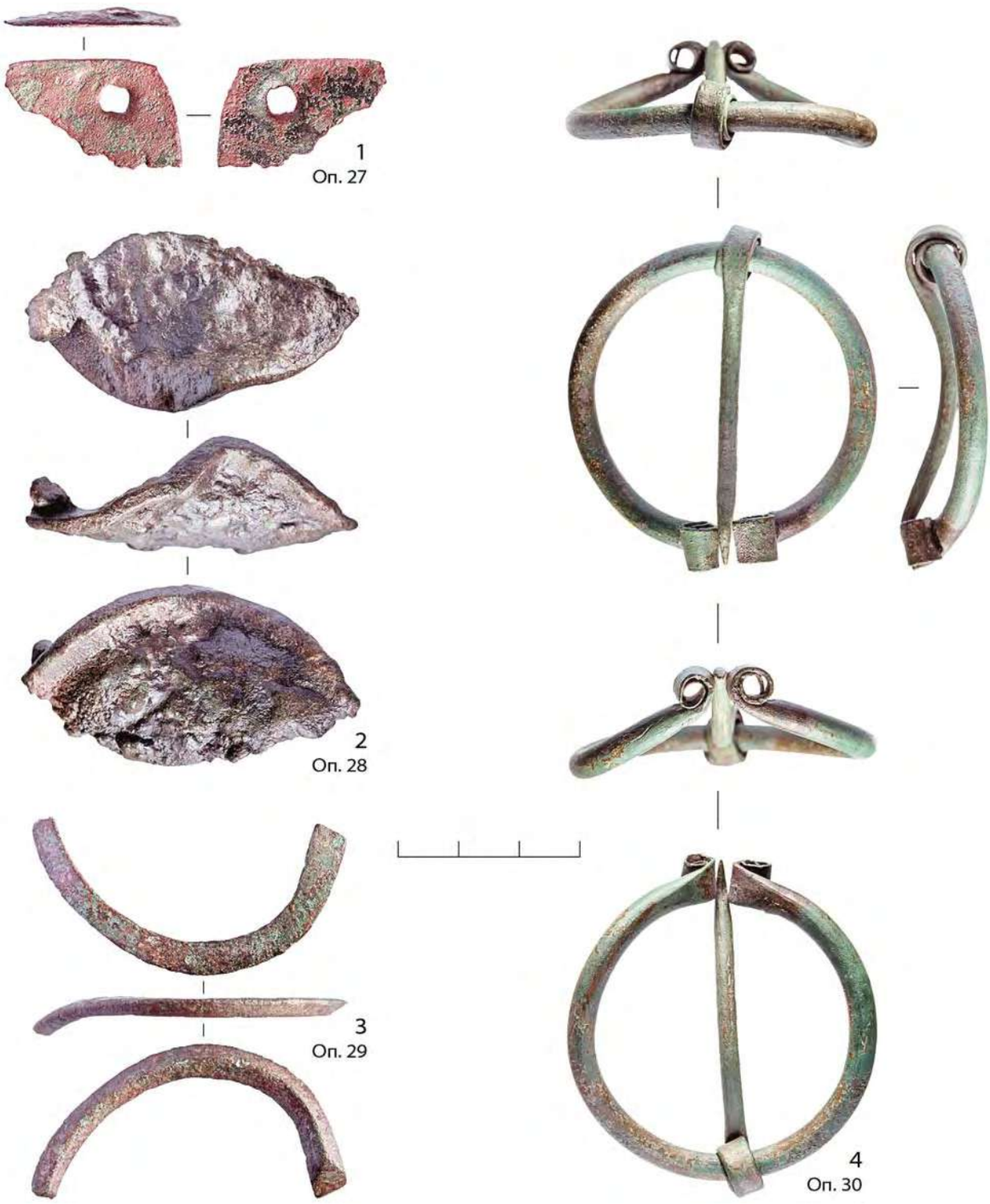


Рис. 431. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. 1 – фрагмент оковки; 2 – фрагмент овальной фибулы; 3 – фрагмент подковообразной фибулы; 4 – подковообразная фибула. Сплав меди

ший осенью этого года участие в подготовке первого торгового договора Полоцка с Ригой:

> «Арнольд, брат-рыцарь, послан был с товарищами к королю полоцкому узнать, не согласится ли он на мир и не откроет ли рижским купцам доступ в свои владения. Тот принял их с выражением благоволения и, высказав (правда, из хитрости) радость по поводу мира и успокоения, **послал с ними Лудольфа, разумного и богатого человека из Смоленска** (Smalenceke), чтобы, по прибытии в Ригу, обсудить дела мира и справедливости. Когда они прибыли в Ригу и изложили желание короля, рижане согласились, и тогда в первый раз был заключен вечный мир между ними и королем, с тем, однако, чтобы королю ежегодно платилась должная дань ливами или за них епископом. И рады были все, что теперь безопаснее могут воевать с эстами и другими языческими племенами» (Генрих Латвийский 2009: 124).



Рис. 432. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. 1 – ременная обойма; 2 – подковообразная фибула; 3 – накладка; 4 – кольцо. Сплав меди

Изученная археологами в Смоленске кирпичная постройка («смоленская ротонда»), соотносимая с известной по тексту договора Смоленска с Ригой 1229 г. латинской церковью, была возведена, как выяснили археологические раскопки, еще во второй половине XII в. (Воронин, Раппопорт 1979: 148–149). Безусловно, немецкий торговый двор обосновался в Смоленске задолго до 1210 г., и немцы успели уже завоевать к этому времени доброе имя за пределами Смоленской земли. В городе проживало в то время так много немцев, что в «Смоленской торговой правде» 1229 г. оговорено даже возможное участие их в военных действиях на стороне смолян. Разумеется, это не объясняет некоторой странности свидетельства Генриха Латвийского о том, что у Владимира Полоцкого не нашлось достойного посредника для ведения переговоров с Ригой – пришлось посылать за ним в Смоленск. Вероятно, инициатива полоцкого князя была вызвана не только доброй славой Лудольфа, но и определенной политической и экономической зависимостью полочан от Смоленска.

Возможно, Полоцк был менее привлекателен в коммерческом отношении, и немцы обосновались там позже? Или им пришлось покинуть город из-за военного противостояния рыцарей и полочан в Нижнем Подвинье? Как бы там ни было, вскоре купцы-латиняне, несомненно, освоились и в городах Полоцкой земли. К расширению торговой деятельности их вело понятное стремление закупать товар (а это было преимущественно разнообразное сырье) непо-

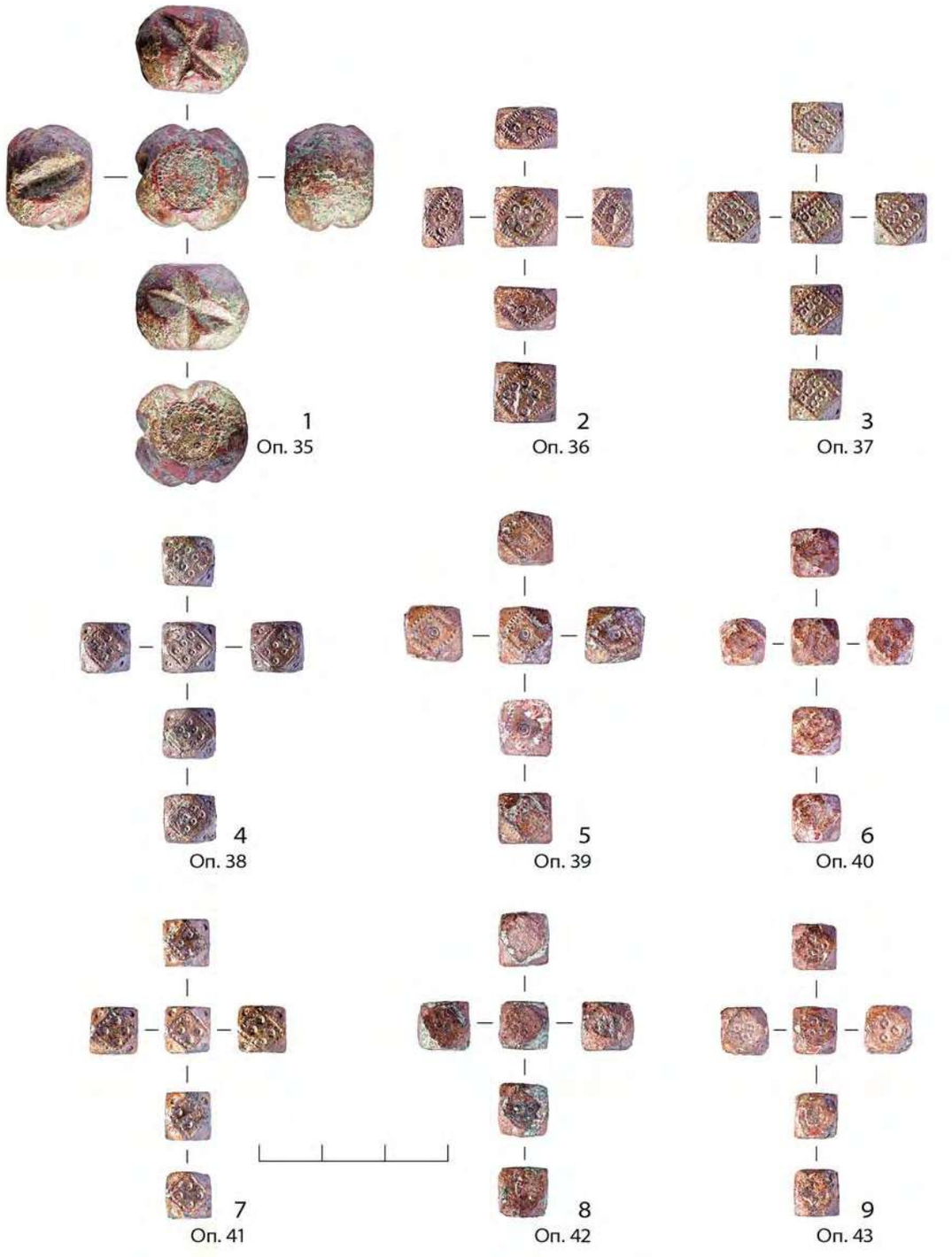


Рис. 433. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. Весовые гирьки. Сплав меди

средственно у заготовителей, минуя посредников из Полоцка, Витебска и Смоленска (Голубовский 2011: 127–129). Ни у полочан, ни у смолян это стремление, как мы знаем, никогда не вызывало симпатий в силу понятных причин (см. об этом, например: Павулан 1968: 79). Но периодические потепления в политических отношениях Полоцка и Смоленска с Орденом и западноевропейскими государствами вели к различным послаблениям. Например, из договора 1229 г. смоленского князя с Ригой и Готским берегом мы знаем, что немцам было разрешено свободно перемещаться по торговым делам за пределы Смоленской земли (было это и ранее, но, видимо, не без препятствий со стороны княжеской администрации). Договор князя Герденя от имени Полоцка и Витебска подтвердил латинянам эти льготы для Полоцкой земли в 1263 г. (ПГ, т. I. 1977: 35). Наведывались немцы, конеч-

но, и в пограничный со Смоленским княжеством Усвят. Предположение о существовании здесь двора такого предпринимателя (или торговой артели) выглядит вполне правдоподобно. Немецким купцом и мог быть утерян знак благочестивого посещения Ватикана.

Возможно, наконец, что паломнический жетон вместе с каким-то платьем оказался трофеем литовского воина, участвовавшего в одном из многочисленных литовско-орденских конфликтов и нашедшего свою гибель в Усвяте. Может быть, воин-литовец поселился в Усвяте после присоединения его к литовским владениям в середине XIII в.? Кто знает.

Довольно красноречивым дополнением к находке западноевропейского паломнического жетона является найденный там же, на Юрьевых Горах, **массивный ременной наконечник в виде геральдической лилии** (рис. 436: 8). Он изготовлен из почти «чистой» меди. На поверхности изделия имеются следы лужения свинцово-оловянистым сплавом (см. табл. 10). Стилизованная лилия как орнаментальный элемент появляется в Западной Европе в XI в. и получает широкое распространение с XII в., считаясь при этом символическим атрибутом королевской власти и в то же время символом Девы Марии (Пастуро 2012: 102–105). Среди западноевропейской поясной гарнитуры эпохи крестовых походов и более позднего времени нередко встречаются детали с этим декоративным элементом (см., например: Egan, Pritchard 2004: 201). Точной аналогии усвятскому наконечнику мне пока не удалось отыскать. Возможно, параллель украшению из Усвята можно увидеть в изображении снаряжения спящего рыцаря (стража гроба Господня) на известном немецком реликварии XIII в. из Винхаузена (Жуков, Коровкин 2005: рис. 6). Впрочем, не может быть полной уверенности, что на этой резной фигуре изображен именно металлический предмет, а не какой-то иной элемент украшения одежды в виде *fleur de lys* (рис. 451: 6).

В эпоху крестовых походов ювелирные изделия в этом роде получают популярность и на Руси. В частности, в одной из исследованных раскопками ювелирных мастерских Чернигова найдена металлическая матрица для изготовления украшений (накладок?), имевших несколько меньшие размеры (Моця, Казаков 2011: 156). Находки из Чернигова датированы этими исследователями XII–первой половиной XIII в.

2.3.2.17. Предметы личного благочестия

В этом разделе мы не будем подробно разбирать все имеющиеся данные о нательных крестах из Усвята. Этой теме в книге посвящено Приложение 9, написанное А. А. Песковой. Здесь мы ограничимся только теми находками, которые обнаружены при раскопках.

Нательные прямоконечные каменные кресты (корсунчики) являются одним из характерных элементов древнерусской городской культуры (рис. 246: 1, 4; рис. 334: 6). Много их и в городах Полоцкой земли, в частности – в соседнем Витебске (Бубенько 2004: рис. 100: 1–3, 5). В последнее время с повышением тщательности археологических раскопок все больше этих миниатюрных находок отыскивается и на сельских памятниках по всей территории Руси (Веремейчик 2010: 348–349; Степанова, Жукова 2011: 64). Ввиду массового характера находок и простоты формы они обычно датируются очень широко (Седова 1997: 204). Древнейшие из них относятся, возможно, к X в. Два таких крестика, например, найдены на Гнёздовском Центральном городище (правда, автор раскопок датирует их XII–XIII вв.) (Асташова, Пушкина 2009: 126).

Очень широкое распространение крестиков из пирофиллитового сланца объясняется, видимо, тем, что они в огромных количествах изготавливались в Южной Руси в тех же мастерских, где вырезались знаменитые овручские шиферные пряслица (Павленко 2008: 250; Веремейчик 2010: 348–349). Датировка и пути распространения двух этих категорий изделий тоже, надо полагать, в общих чертах совпадают. Исследование производства корсунчиков еще только начинается.

Корсунчики из известняка представляют, вероятно, местные подражания привозным изделиям из более дорогих материалов. Известняковые крестики известны, в частности, во Пскове и Изборске (Колпакова 2004: 107; 2008: 122; 2013: 48–49). Несомненно, их делали и в Витебске, возле которого на Западной Двине имеются выходы известняковой плиты.

В детинце Усвята найден плохой сохранности крестик, изготовленный из янтаря (рис.

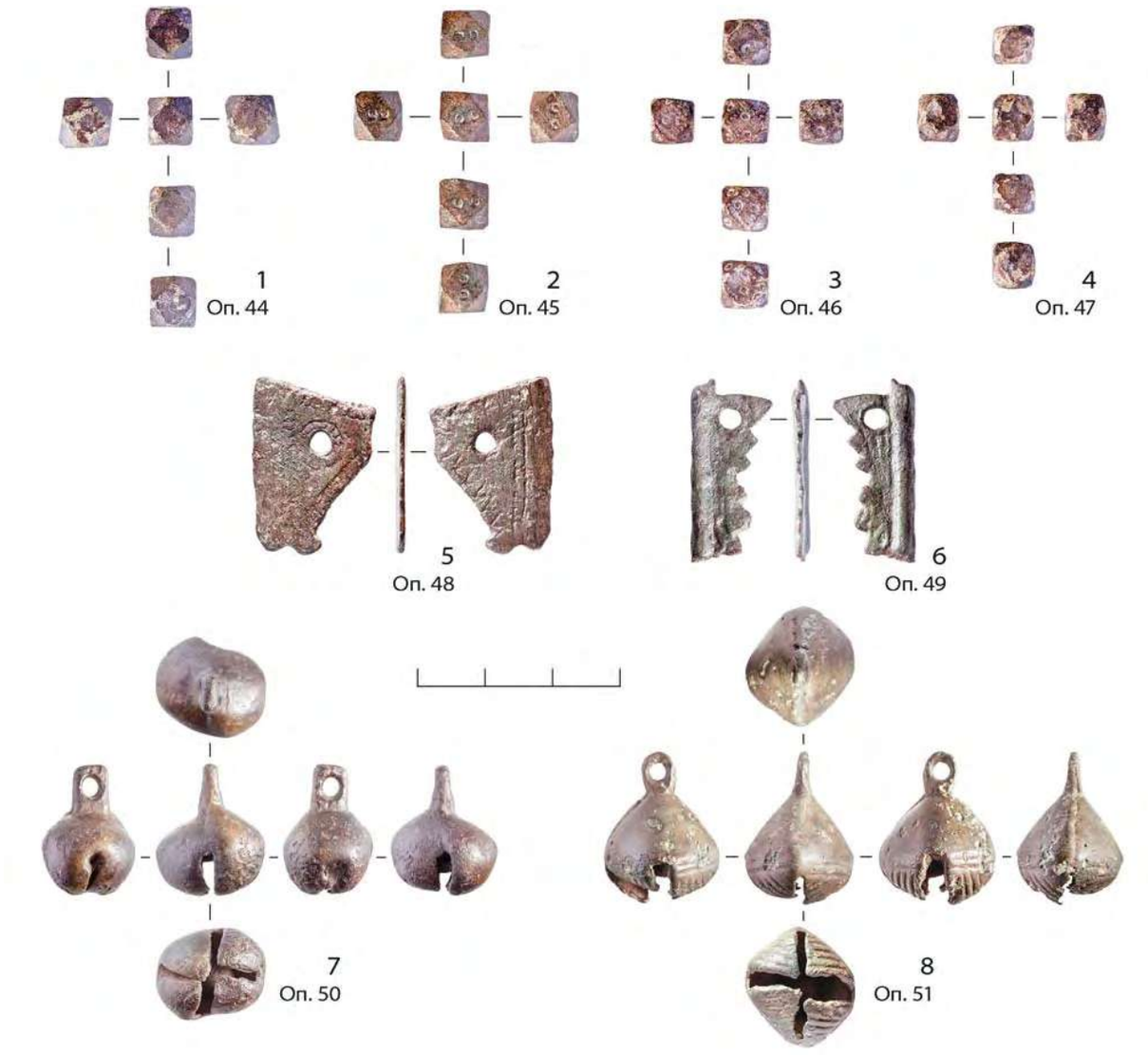


Рис. 434. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. 1–4 – весовые гирьки; 5–6 – фрагменты подвесок-амулетов; 7–8 – бубенчики. Сплав меди

246: 2). Не исключено, что это испорченная заготовка изделия.

Исключительно интересной находкой является **оборотная створка креста-энколпиона,** обнаруженная в детинце при раскопках 2013 г. (рис. 288: 1). Сохранность изделия плохая – возможно, оно побывало в пожаре. Крест имеет расширяющиеся концы с парными выступами-«слезками». Предмет украшен орнаментальной композицией из семи круглых медальонов, выполненных в технике перегородчатой эмали. В самом крупном, центральном медальоне помещен ромбический узор из городков. Остальные шесть медальонов имеют внутри выделенного ободка равноконечные кресты. В нижней лопасти креста имеются две дополнительные вставки-инкрустации в виде обращенного вверх полумесяца и ниже – треугольника вершиной вверх. «Слезки» также имели выемки, заполненные эмалью.

Цвет использованных эмалей определить достаточно сложно. Рассмотрев изделие совместно с руководителем реставрационной лаборатории ИИМК РАН Н. С. Кургановым (осуществлявшим реставрацию находки), мы пришли к следующим выводам. Несомненно, что маленькие кресты были заполнены белой эмалью, а пространство между медальонами и «слезки» – зеленой. Для заполнения ободков медальонов использовалась, по-видимому, синяя эмаль.

Точные аналогии кресту в стратифицированных слоях археологических памятников мне не встречались. Наиболее близкая параллель (это энколпион) опубликована в каталоге

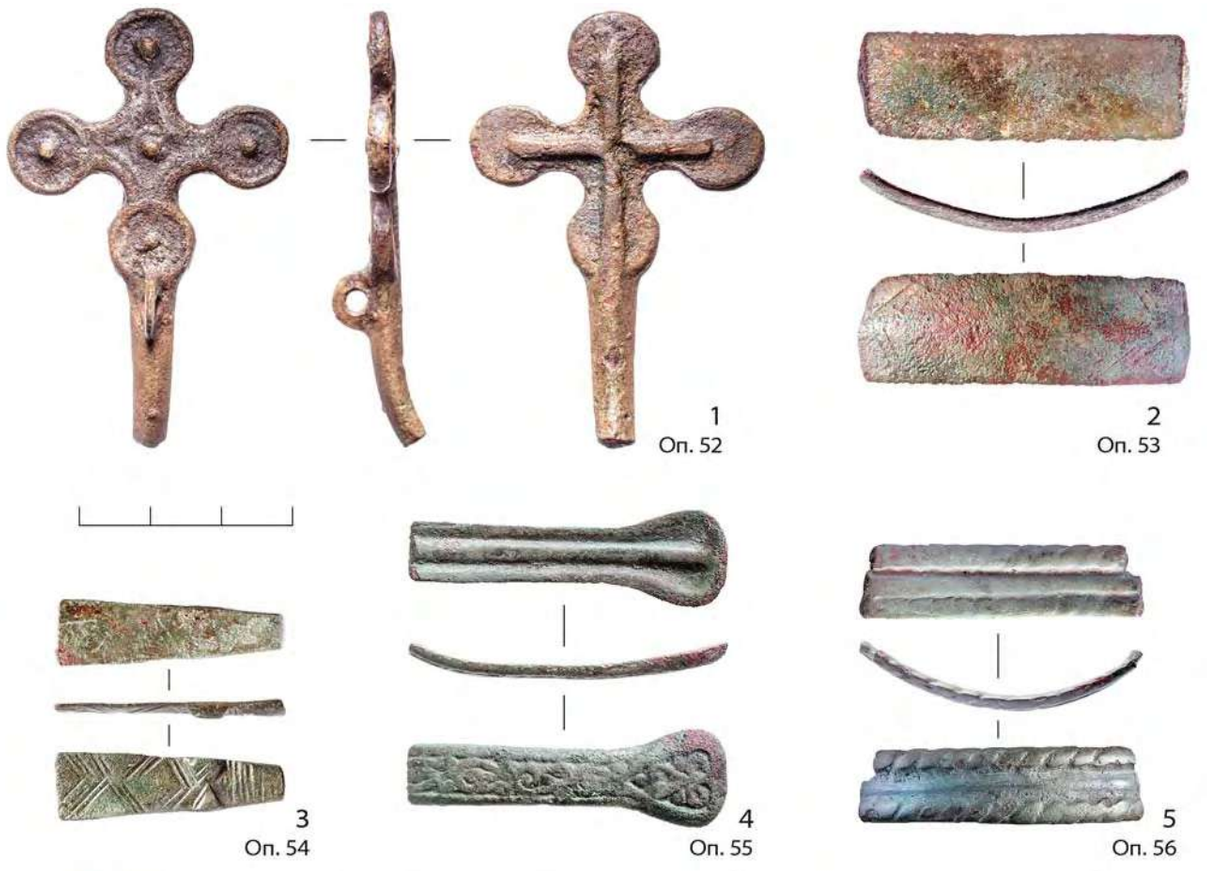


Рис. 435. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. 1 – булавка; 2–5 – фрагменты браслетов. Сплав меди

знаменитого собрания Ханенко. Оборотная створка этого бронзового энколпиона также имела семь медальонов с перегородчатой эмалью, из которых центральный был украшен городчатым ромбом, а остальные – крестами (Ханенко, Ханенко 1907: табл. XXXVIII: 593).[72] Крест числился в коллекции как «найденный в Киеве или Киевской губернии» (Ханенко, Ханенко 1907: 41).

Кресты со створками византийского рисунка и с перегородчатыми эмалями – достаточно сложные и дорогие в изготовлении вещи. Они давно привлекли внимание исследователей (Ханенко, Ханенко 1902: табл. XIII: а, в; Корзухина, Пескова 2003: табл. 105–107). В дополнение к научным публикациям можно указать, что в одном из любительских каталогов, недавно опубликованных на Украине, представлена целая серия таких предметов, различающихся композицией отделки (Нечитайло, Нечитайло 2009: 8, 10, 13, 14, 22). Исследователи отмечают, что форма и техника изготовления подобных энколпионов находилась в тесной связи с византийскими традициями (Корзухина, Пескова 2003: 179). Несомненно, эта уникальная для Полоцкой земли находка была привезена в Усвят с юга. Возможно, крест изготовлен в основанных византийскими ювелирами мастерских Киева или, например, в Галиче. Время производства и бытования на Руси этих энколпионов вопрос еще не решенный. Исследователи предварительно датируют их второй половиной XII–первой половиной XIII в. (Лукомский, Петигирич 1998: 179; Корзухина, Пескова 2003: 180).[73]

2.3.2.18. Древнерусские свинцовые печати и пломбы

В Усвяте известно 7 печатей и 10 пломб древнерусского времени. Все они происходят из кладоискательских сборов в урочище Юрьевы Горы. Четыре печати разошлись по частным коллекциям, 13 предметов были переданы находчиком в ИИМК РАН.

Утраченные печати

№ 1. Печать княгини Ефросиньи Полоцкой (рис. 450: 1). Аналогичная печать найдена

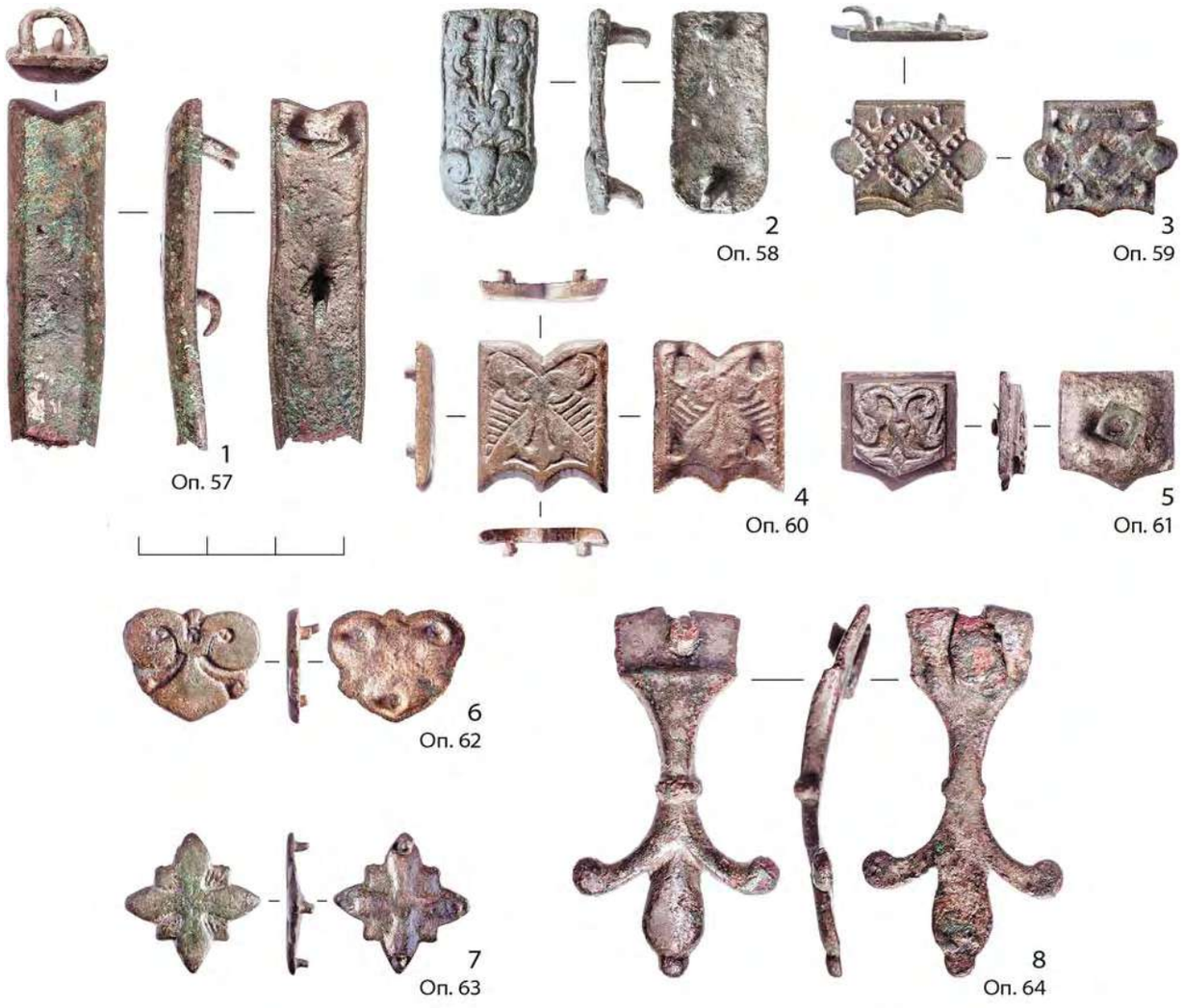


Рис. 436. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. Детали поясной гарнитуры. 1, 8 – сплав меди, полуда; 2–7 – сплав меди

на Рюриковом Городище (Янин, Гайдуков 1998: рис. 121ж). Определение П. Г. Гайдукова.

№ 2. Княжеская печать. Погрудные изображения св. Иоанна Богослова и св. Феодора (?) (рис. 450: 2). Определение П. Г. Гайдукова.

№ 3. Княжеская печать. Изображения св. Глеба и архангела (рис. 450: 3). Определение П. Г. Гайдукова.

№ 4. Фрагмент византийской печати XII в. Четырехстрочные метрические (?) надписи (рис. 450: 4).[74]

Переданные в ИИМК печати и пломбы

№ 5. Печать Нифонта (?), епископа новгородского (1131–1156 гг.) (Янин 1970: 176, № 54). Определение С. В. Белецкого (рис. 442: 1).

№ 6. Печать князя Святополка Мстиславича (1142–1148 гг.) (Янин, Гайдуков 1998: № 145). Определение П. Г. Гайдукова (рис. 442: 2).

№ 7. Печать XII–XIII вв. Изображение Богоматери Оранта и многострочная надпись (?) (рис. 442: 3). Определение С. В. Белецкого.

№ 8. Печать XII–XIII вв. Изображение святого, вынимающего меч из ножен (?), и архангела (рис. 442: 4). Определение С. В. Белецкого.

№ 9–16. Товарные пломбы «дрогичинского типа» XII–XIII вв. (рис. 443: 1–5; рис. 444: 1–3).

№ 17. Печать XII–XIII вв. Изображения шестиконечного креста и святого (рис. 444: 4). Определение С. В. Белецкого.

Находки печатей и пломб указывают на пребывание в городе княжеской администрации и на участие его в пограничной новгородско-полоцкой торговле. Наиболее вероятная область применения пломб – опечатывание партий товара, вероятно, в первую очередь пушнины (Перхавко 1996: 238–239; Захаров 2005: 20–21). В данном случае речь может идти о мехах, шедших из Северной Руси в Полоцк.

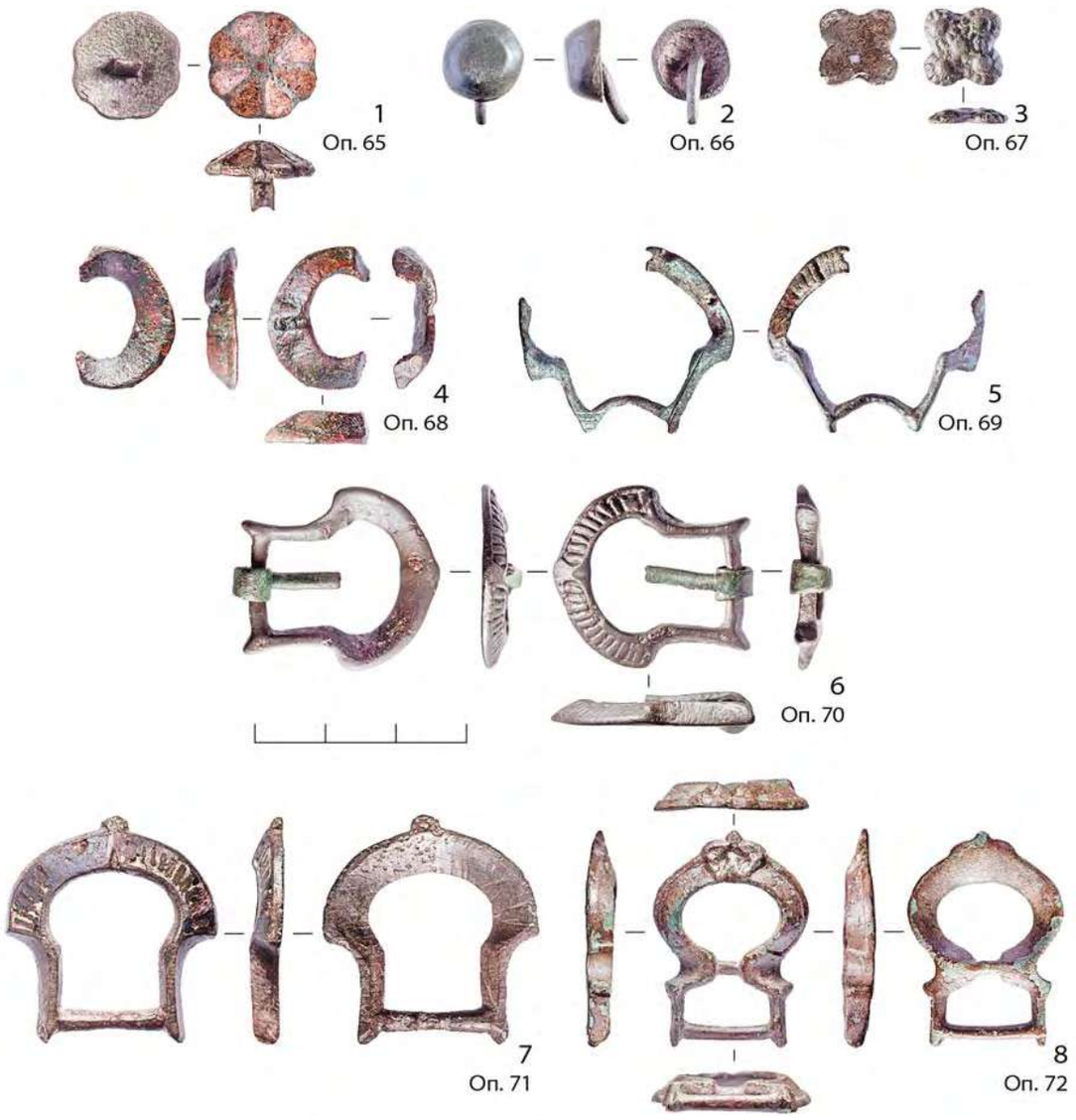


Рис. 437. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. Ювелирные изделия и матрица для изготовления бляшек (3) (1, 7 – сплав меди, эмаль; остальное – сплав меди)

2.3.3. Анализ керамической коллекции из Усвята

Промывка культурного слоя позволила нам собрать значительную керамическую коллекцию (табл. 22). Распределение по раскопам лепной и гончарной керамики подчеркивает хронологическую разницу в освоении двух участков поселения.

Таблица 22

Распределение фрагментов керамики из раскопок 2010/2013 гг. по участкам

	Лепная керамика	Гончарная керамика	Неопределимые фрагменты	Всего
Раскоп 1	848	1751	904	3503
Раскоп 2	71	16951	3179	20201
Итого	**919**	**18702**	**4083**	**23704**

Количество фрагментов верхней части сосудов, пригодных для типохронологического анализа, разумеется, значительно меньше, хотя большинство типов хорошо узнаваемо даже в незначительных по размерам обломках венчиков. Их количественное соотношение отражено в таблице 23. Несмотря на небольшие площади раскопов, собранная в них керамическая коллекция вполне достаточна для предварительных выводов. Все использованные мною фрагменты публикуются в этой работе, что делает выводы легко проверяемыми.



Рис. 438. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. Ювелирные изделия. Сплав меди

Таблица 23

Распределение анализируемых в работе фрагментов верхней части сосудов по участкам памятника и раскопам

	Лепная керамика	Гончарная керамика	Всего
Раскоп 1, 2010/2013 гг.	33	52	85
Раскоп 2, 2010/2013 гг.	9	474	483
Шурфы 1967 г.	–	54	54
Раскоп I, 1970 г.	3	8	11
Раскоп II, 1970 г.	2	52	54
Сборы разных лет	–	14	14
Итого	**47**	**654**	**701**

2.3.3.1. Бытовая керамика

Фрагментов венчиков лепных сосудов всеми исследователями в совокупности собрано всего 47 (рис. 155: 4–8; рис. 156: 9; рис. 160: 1, 2; рис. 161: 7; рис. 181; рис. 183; рис. 185: 1; рис. 186: 1, 6–9; рис. 187: 1, 2; рис. 188: 2–4; рис. 189: 1; рис. 190: 4, 7, 9; рис. 191: 1; рис. 192: 1, 4; рис. 193; рис. 228: 1–3; рис. 252: 4, 5; рис. 267: 5, 7; рис. 277: 1; рис. 321: 4; рис. 398: 1). Какие-либо общие заключения об особенностях этой части керамического комплекса по ним вывести сложно. Пока можно сказать, что лепная посуда Усвята близка керамике таких раннегородских поселений Белорусского Подвинья, как Витебск, Полоцк и Лукомль, заметно отличаясь от керамики Рюрикова Городища и Новгорода небольшим количеством реберчатых форм.

Несколько лепных керамических изделий относятся к XII–XIII вв. Это фрагменты предположительно крышек от горшков (рис. 227: 1;

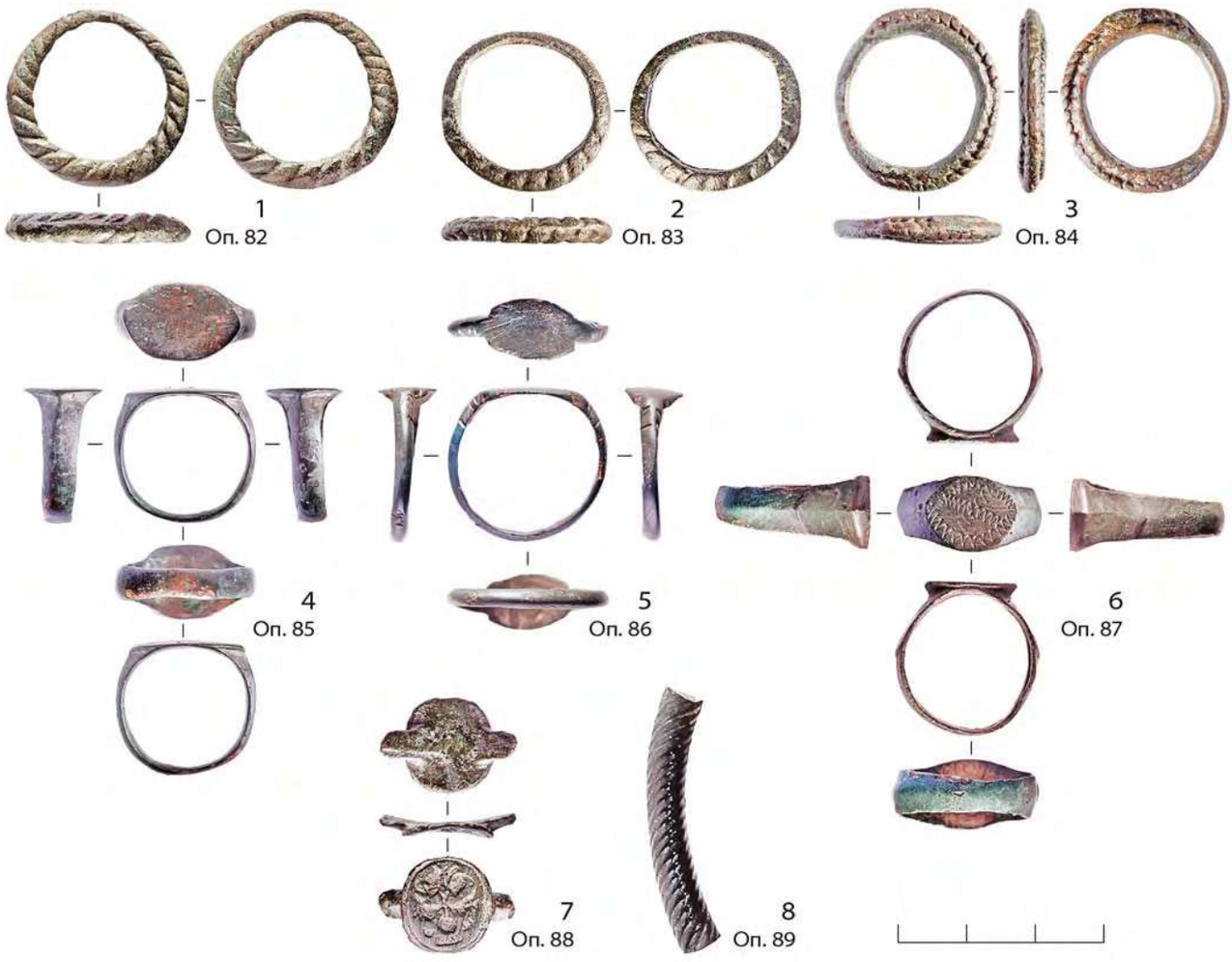


Рис. 439. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал.
Ювелирные изделия. 1–7 – сплав меди; 8 – стекло

рис. 321: 4), миска из горизонта A_1 (рис. 267: 5) и фрагменты грубо вылепленной жаровни из постройки 1 (рис. 323: 4).

С гончарной керамикой дело обстоит яснее. Всего в нашем распоряжении оказалось 654 фрагмента венчиков гончарных сосудов с поселения в урочище Юрьевы Горы (табл. 23). Подавляющее число керамических фрагментов из Усвята представлено обломками горшков. Для классификационно-хронологических штудий (самого обобщенного характера) можно привлечь 633 фрагмента венчиков горшков, учтенных в таблице (рис. 453). Это, конечно, очень и очень немного; кроме того, небольшие размеры большинства фрагментов создают сложности для сопоставления усвятской коллекции с существующими типологиями. Задачей нашего скромного обзора керамики в первую очередь является проверка вещевой хронологии, построенной в значительной степени на случайных находках. Нет ли противоречий между двумя этими блоками материала?

Решая поставленную задачу, уместно будет обратиться к типохронологическим керамическим шкалам древнерусских городов Северо-Запада. Наиболее тщательно разработанными и опубликованными являются в настоящее время керамические шкалы Пскова (включая курганный некрополь) (Белецкий 1980; 1983; 1996; Кильдюшевский 2002; Носов, Горюнова, Плохов 2005; Степанов 2010) и Рюрикова Городища (Носов, Горюнова, Плохов 2005; Горюнова 2007). На них и следует опираться, по необходимости привлекая данные из раскопок других поселений с мощными стратифицированными культурными напластованиями, а также – некоторые датированные курганные комплексы из Белорусского Подвинья и Верхнего Поднепровья.



Рис. 440. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. 1 – подвеска; 2–4 – фрагменты браслетов; 5 – фрагмент блюда (?); 6 – игла подковообразной фибулы; 7–8 – ювелирный лом. Сплав меди

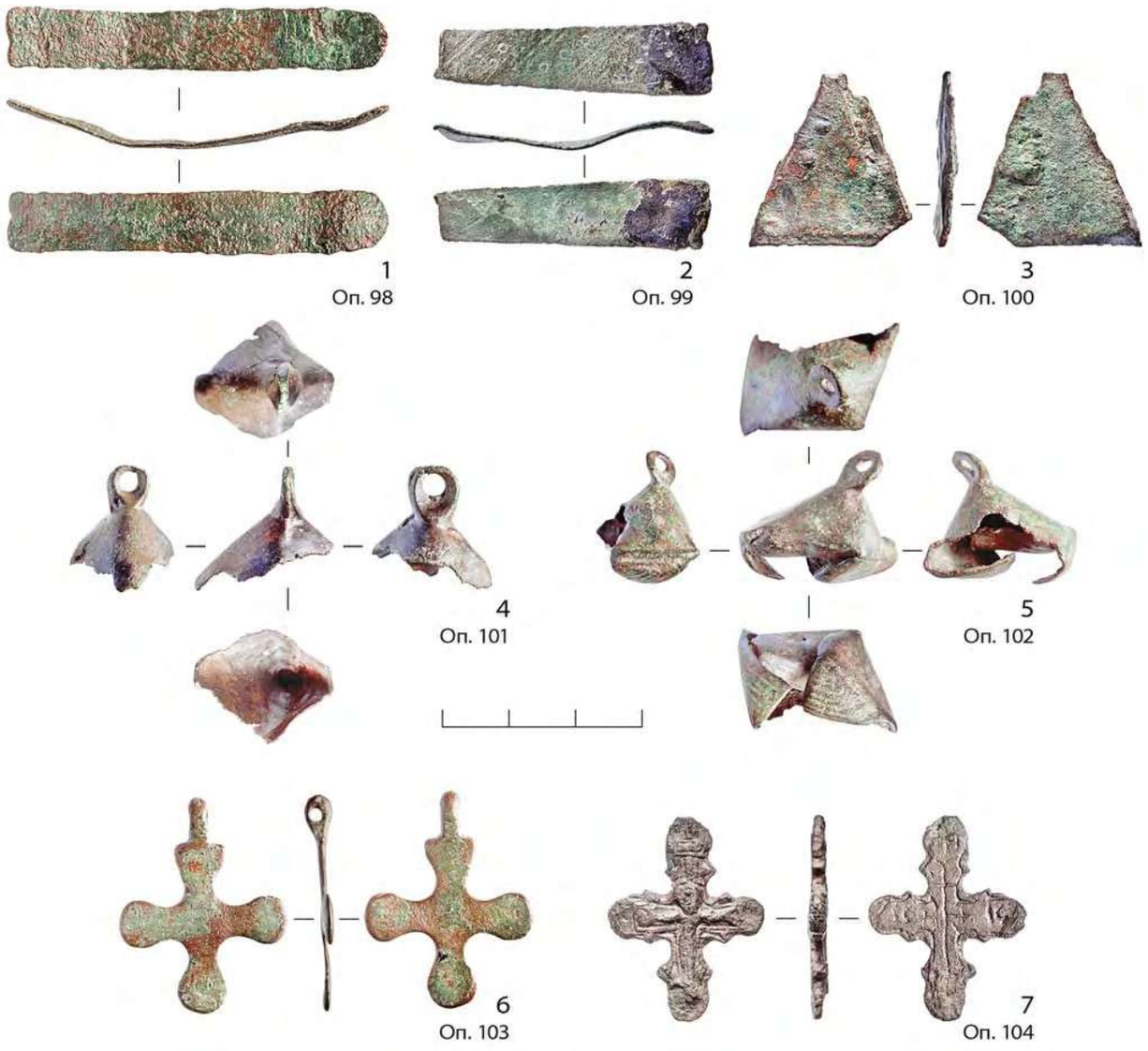


Рис. 441. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. 1–2 – фрагменты браслетов; 3 – ювелирный лом; 4, 5 – бубенчики; 6, 7 – нательные кресты. Сплав меди

К сожалению, древнерусская керамика Полоцкой земли и вообще керамика с территории Белоруссии почти не изучены. Единственной цельной работой в этой области остается труд М. В. Малевской-Малевич, написанный в 1970-е гг. и опубликованный 30 лет спустя (Малевская-Малевич 2005). Работа посвящена гончарной посуде городов Черной Руси, территория которой охватывала главным образом Белорусское Понеманье. Для интерпретации наших материалов эта работа также чрезвычайно важна. Не следует забывать все же известную географическую отдаленность Усвята от Понеманья, более тяготеющего в культурном отношении к галицко-волынскому культурному пространству и к Восточной Польше.

Отраженные в итоговой таблице (рис. 453) типы керамики выделены мною не столько в результате типологического анализа, сколько по аналогиям с элементами уже существующих классификационных схем. Таким образом, представленная систематизация материала имеет предварительный характер.

Тип 1 (2 экз.). Сосуды со вздутым в верхней части туловом и вогнутым венчиком. Венчик в сечении округлый (рис. 155: 3; рис. 321: 2). Сходный по форме сосуд происходит из культурного слоя Псковского городища, к сожалению, из перекопа (Белецкий 1983: 53, рис. 11: 8). Хронологические границы бытования на Руси этого редкого типа посуды не вполне ясны. В. М. Горюнова, чьими любезными консультациями автор пользовался при написании

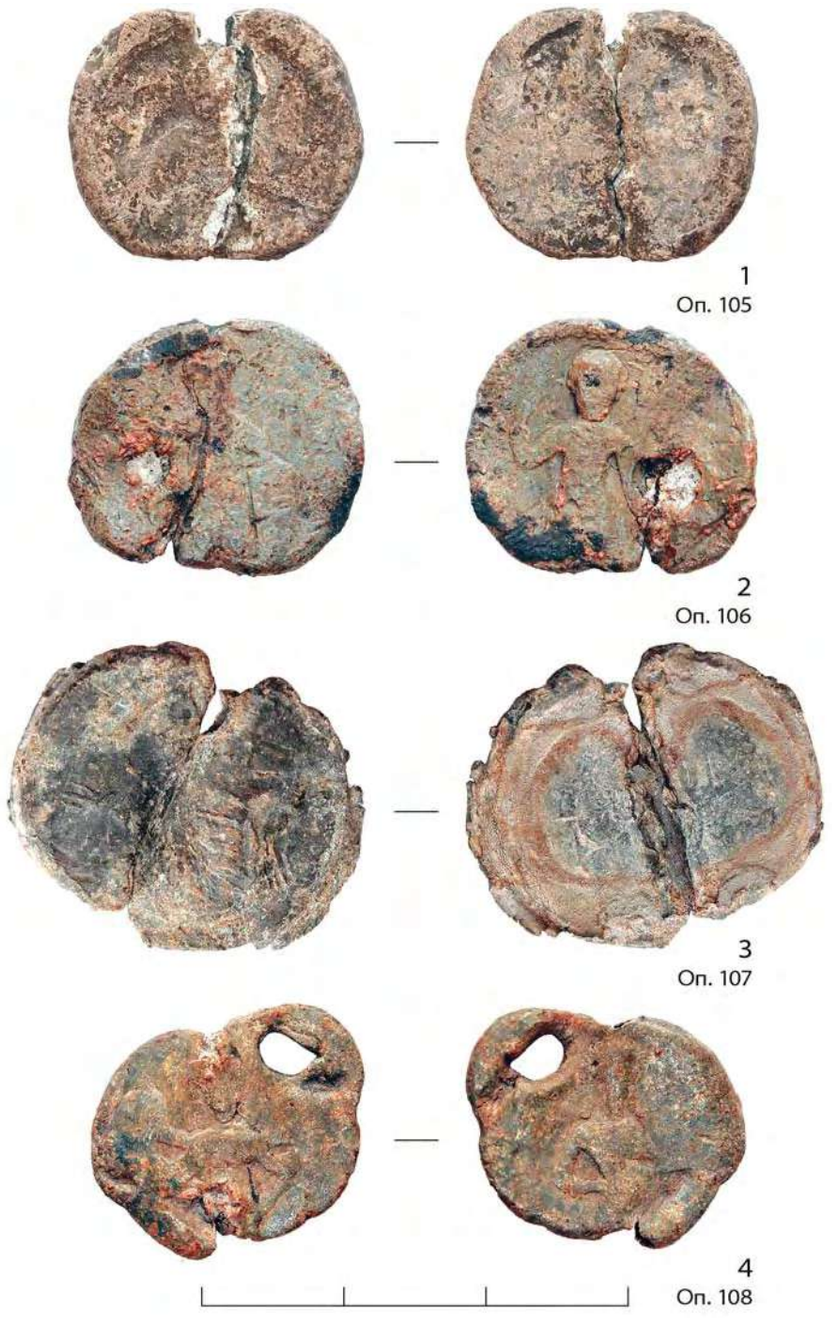


Рис. 442. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы.
Подъемный материал. Вислые печати

этого раздела, считает возможным сопоставить эту керамику из Усвята с западнославянской посудой группы Бобцин, датирующейся на Западе серединой XI–концом XIII в. (Горюнова 2007: 66). В Новгороде на Троицком раскопе VII такой сосуд происходит из материковой ямы (Горюнова 2007: рис. 14: 2). В Усвяте один из таких фрагментов найден в заполнении постройки 1 на раскопе 2, т. е. относится к XIII в.

Тип 2 (16 экз.). Сосуды с S-видным профилем и с коротким отогнутым наружу венчиком, округлым или прямоугольным в сечении (рис. 157: 4; рис. 160: 3; рис. 184: 7; рис. 188: 7; рис. 226: 1–3; рис. 228: 4–6; рис. 252: 7; рис. 276: 6; рис. 294: 5; рис. 301: 11; рис. 317: 3). В материалах Изборска подобная керамика может быть сопоставлена с горшками типа 1-В, по Н. В. Лопатину, который датирует этот матери-

ал XI в., отмечая возможность существования этого типа начиная с X в. (Лопатин 2007: 227, 230, рис. 8: 5). В Усвяте керамика этого типа использовалась в течение всего времени существования поселения – подобные фрагменты есть как в комплексе X в. (рис. 188: 7), так и в вышеупомянутой постройке 1, датирующейся XIII в. (рис. 317: 3).

Тип 3 (64 экз.). Сосуды с S-видным профилем, иногда со сглаженным изломом в верхней половине тулова. Венчик сравнительно высокий, край его в разрезе имеет округлый профиль (рис. 144: 1, 6–10; рис. 147: 7; рис. 148: 4; рис. 156: 3, 5; рис. 158: 5; рис. 159: 7; рис. 164: 2; рис. 182: 11; рис. 184: 3, 4; рис. 187: 3; рис. 190: 2; рис. 227: 3, 6; рис. 229: 6–10; рис. 230: 3; рис. 250: 2; рис. 251: 8, 10; рис. 252: 8; рис. 253: 1; рис. 264: 4; рис. 266: 11; рис. 267: 1, 3, 6; рис. 276: 4, 5; рис. 277: 5, 6; рис. 280: 1, 2, 4; рис. 281: 4–7; рис. 283: 1; рис. 293: 1; рис. 295: 2, 3, 6; рис. 297: 6, 7; рис. 301: 2; рис. 319: 3, 6; рис. 322: 4; рис. 341: 8; рис. 361: 1, 6). Керамика этой группы появляется на Северо-Западе в X в. и какое-то время сосуществует с лепной посудой. Несколько находок происходят из комплексов с трупосожжениями в пределах Полоцкой земли, включавших в себя как гончарную, так и лепную посуду. Такой комплекс можно видеть, например, в кургане № 1 могильника Щемиловка под Усвятом (рис. 419: 4, 5) и в кургане № 6 могильника Старое Село под Витебском (Ляўданскі 1930: 99, 100).[75] Оба упомянутых комплекса можно предположительно датировать второй половиной X в. Еще один комплекс из курганного трупосожжения, содержавший подобный горшок, можно указать в кургане № 2 могильника Банонь (Штыхаў 1992: 119, мал. 67: 4). По-видимому, к этой же группе сосудов следует отнести горшок из удлиненного кургана № 12 могильника Рудня, исследованного А. Н. Лявданским в 1928 г. Автор раскопок сообщает, что найден был «лепной сосуд с волнистым орнаментом» (Ляўданскі 1930: табл. V: 13). Приведенный в публикации рисунок сосуда показывает нам S-видный профиль и орнамент, сочетающий однорядную волну и тычковую орнаментацию. Скорее всего, мы имеем дело все-таки не с лепным, а с грубогончарным сосудом.[76] Дата кургана определяется в рамках X–начала XI в.

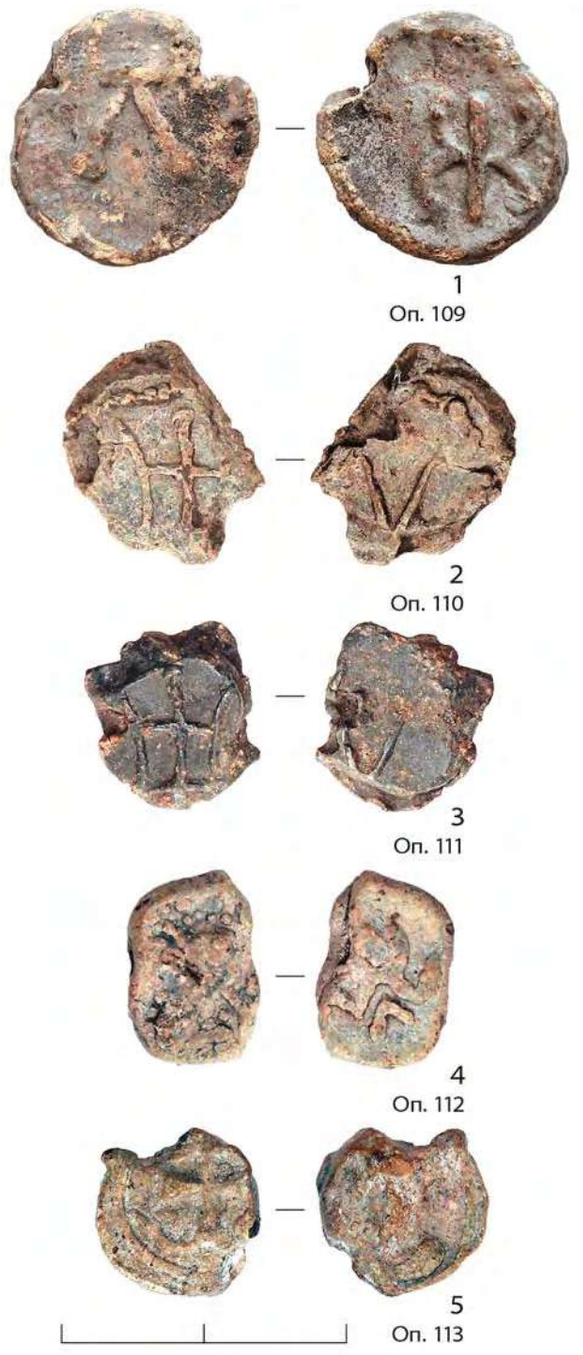


Рис. 443. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. Пломбы

В материалах Пскова подобные формы (тип V-А и V-Б, по В. И. Кильдюшевскому) присутствуют с момента появления гончарной посуды и до первой половины XIV в. (Кильдюшевский 2002: 12). В Усвяте характерны для всего периода существования поселения с X в. (рис. 190: 2) по XIII в.

Тип 4 (149 экз.). Сосуды с S-видным профилем и прямоугольным в разрезе венчиком (тип I, по В. И. Кильдюшевскому). Край венчика может быть срезан косо, а может быть

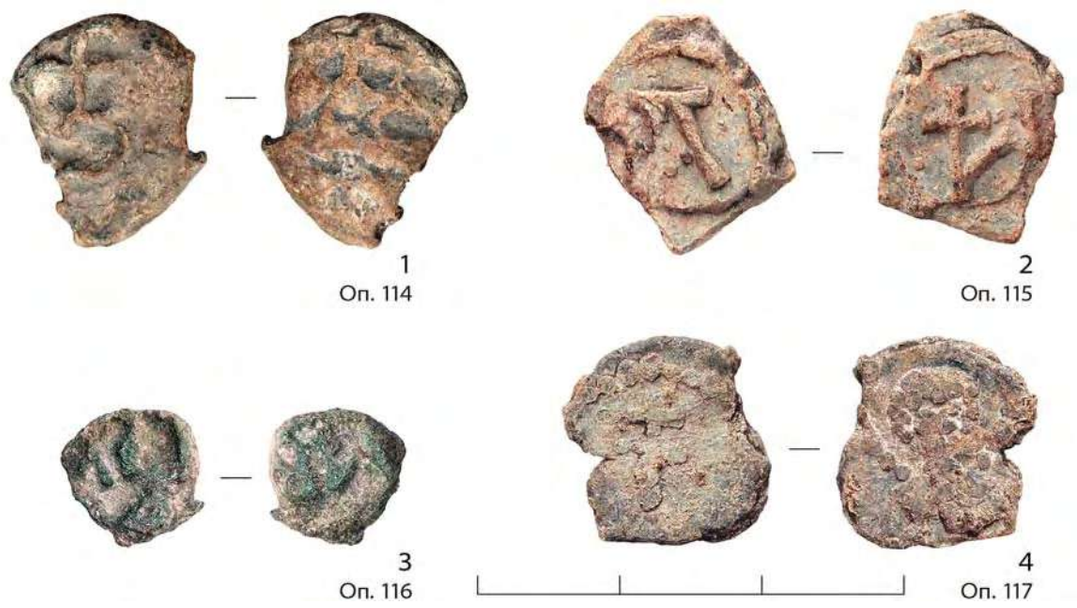


Рис. 444. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы.
Подъемный материал. Пломбы (1–3) и печать (4)



Рис. 445. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы.
Подъемный материал. Фрагмент височного кольца.
Сплав меди, покрытие белым металлом

ориентирован почти вертикально (рис. 143: 9; рис. 144: 2–5; рис. 147: 6; рис. 149: 3; рис. 156: 6; рис. 157: 1, 2, 7, 8; рис. 158: 1, 2; рис. 159: 3, 5, 6; рис. 160: 4–6, 9; рис. 161: 2, 6; рис. 162: 6, 7; рис. 163: 4; рис. 164: 7, 8; рис. 182: 1–3, 5, 9–10, 18, 23; рис. 184: 1, 2, 5, 8, 9, 12; рис. 185: 4; рис. 187: 6; рис. 188: 6; рис. 189: 2–4; рис. 190: 1, 5, 8; рис. 191: 3, 5; рис. 226: 4, 6, 7, 9; рис. 227: 7–9; рис. 228: 7–10, 12–15; рис. 229: 4; рис. 250: 1, 3, 5; рис. 251: 2, 11, 12; рис. 252: 3; рис. 253: 8; рис. 264: 1; рис. 267: 2, 9; рис. 268: 4–6; рис. 276: 1–3; рис. 277: 2, 3; рис. 278: 1; рис. 279: 1, 3; рис. 280: 3; рис. 281: 2, 3; рис. 282: 6; рис. 283: 2; рис. 293: 2; рис. 294: 1–4; рис. 295: 1, 5, 8; рис. 297: 8; рис. 298: 3; рис. 299: 5; рис. 300: 4; рис. 301: 1, 3, 4, 10; рис. 317: 1, 2; рис. 318: 1; рис. 319: 4, 5; рис. 320: 2; рис. 321: 1, 6; рис. 322: 5, 6; рис. 323: 3; рис. 335: 6, 7; рис. 337: 1, 4, 6, 7; рис. 338: 1; рис. 339: 3–5; рис. 341: 4, 7; рис. 343: 5; рис. 347: 3, 5, 7; рис. 361: 8; рис. 365: 1, 3; рис. 367: 1, 6; рис. 368: 5, 7; рис. 385: 1; рис. 398: 2).

В усвятском могильнике урну подобной формы содержал курган с остатками кремации, произведенной на стороне (рис. 411). Один из сосудов с Юрьевых Гор сделан очень грубо и украшен неумелым зигзагообразным орнаментом, имитирующим волну (рис. 161: 6). Это, вероятно, местное подражание ранним привозным гончарным образцам. Похожий сосуд известен нам в кургане с сожжением № 67 могильника Заозерье, где датируется X в. (Шмидт 2012: рис. 12: 7).

Гончарные сосуды с подобной профилировкой верхней части появляются в Подвинье и Верхнем Поднепровье, вероятно, одновременно с керамикой типа 3 и, видоизменяясь, бытуют на протяжении XI–XIII вв. На Нижнем замке Витебска такая керамика (тип I, по Т. С. Бубенько) является основной формой гончарной посуды в древнейших предматериковых напластованиях, датирующихся X в. (Бубенько 2004: 84, 85, рис. 79, 80: 1–3). Горшки подобной профилировки являются основной из древнейших форм гончарной керамики Гнёздова (Мурашева, Авдусина 2007: рис. 27: 3; рис. 28: 1; Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: рис. 19: 1; рис. 50: 1, 2) и Городка на Ловати (Горюнова 1991: рис. 7, 9, 11).

Аналогичные сосуды нередко встречаются в курганах с сожжениями на подкурганной пло-

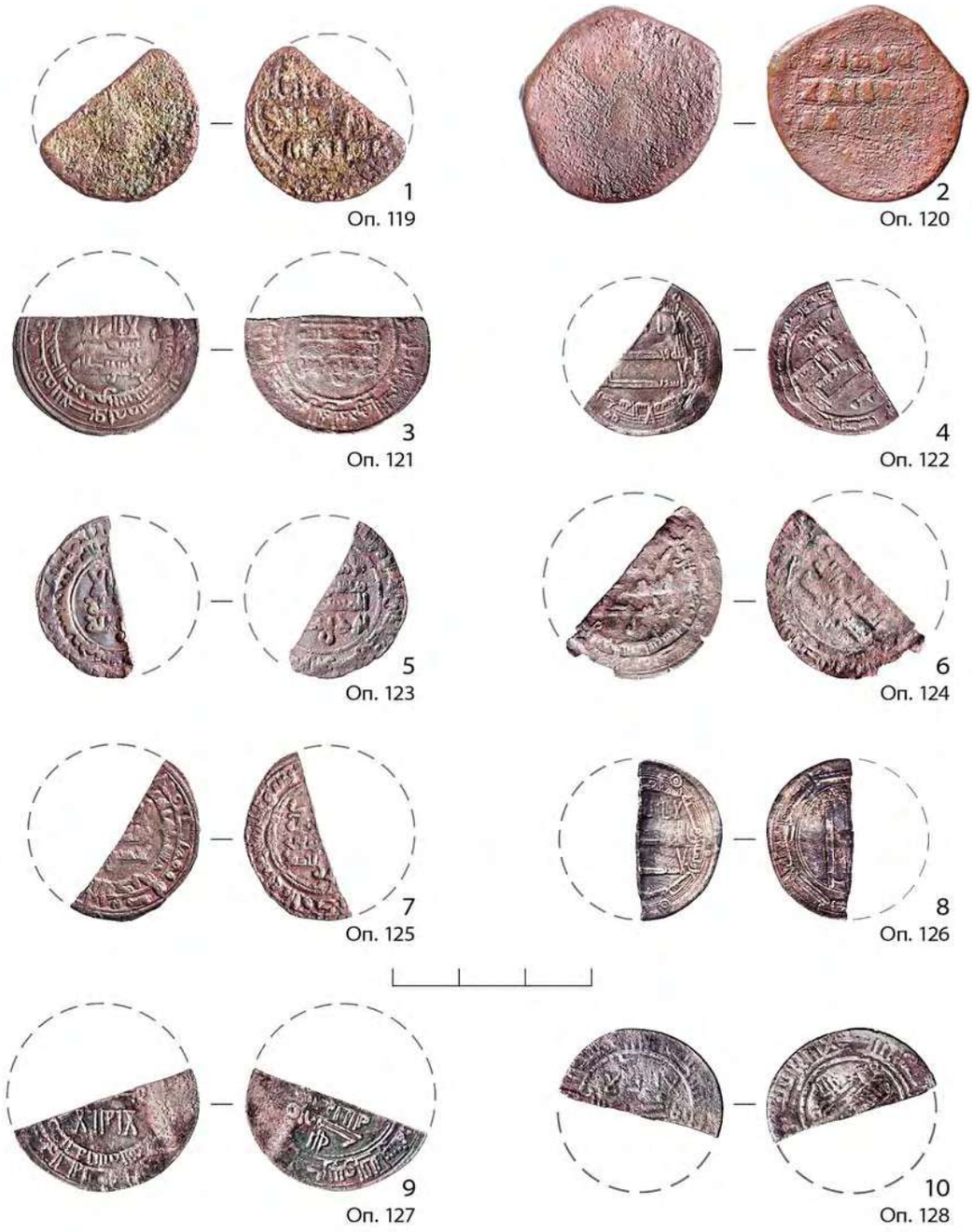


Рис. 446. Монетные находки из ур. Юрьевы Горы. 1–2 – сплав меди; 3–10 – серебро

щадке, занимающих в смоленско-белорусской региональной культурно-хронологической колонке промежуточное положение между КСДК и древнерусской курганной культурой. В Подвинье примеры можно указать в кургане № 17 могильника Глинище (Штыхаў 1992: 125, мал. 33: 7) и в кургане № 9 могильника Бельчица (Ляўданскі 1930а: табл. I: 11). Последний имел удлиненную форму. Еще один важный для хронологии комплекс с сожжением, имевший подобный горшок в составе сопроводительного инвентаря, мы находим в могильнике Баноньь. Это курган № 7, содержавший кремацию на подкурганной площадке. В составе инвентаря оказались фрагменты кольчуги, детали шумящей плети, наконечник стрелы, удила (Штыхаў 1992: 120, мал. 67). Перед нами захоронение воина, датирующееся X в. (вряд ли ранее середины столетия). Встречается подобная керамика в Полоцкой земле и в ранних древнерусских курганах с ингумациями, датирующихся XI в. (Штыхаў 1992: мал. 56: 16; 62: 1; 67: 1; Плавинский 2011: рис. 4: 4). Гончарный сосуд из кургана с сожжением (№ 4), раскопан-

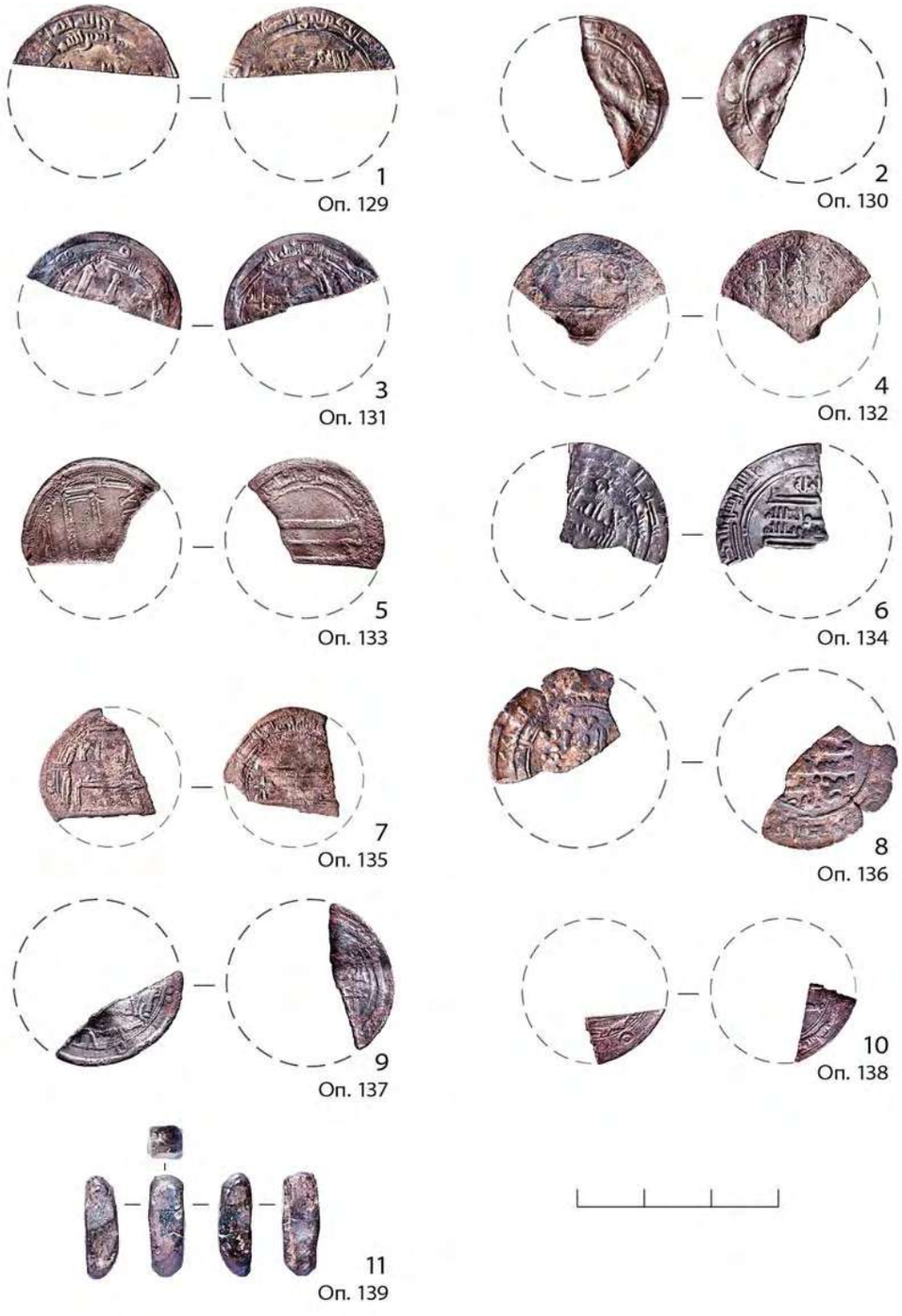


Рис. 447. Монетные находки из ур. Юрьевы Горы (1–10) и ювелирный слиточек (11). Серебро

ного В. В. Енуковым в могильнике Сумароково, опубликован автором раскопок (Енуков 1990: рис. 46: 2). Подобная керамика из ранних (X–XI вв.) курганных комплексов Полоцкой земли рассмотрена в работе Г. В. Штыхова (Штыхов 1992).

Определить точное время появления этой керамики на интересующей нас территории довольно сложно, поскольку погребальные комплексы X в., как правило, не позволяют их датировать даже с точностью до четверти столетия. По крайней мере, ничто не говорит о начале бытования этой посуды в первой четверти X в. Пока время появления ее в Полоцко-Витебско-Смоленском регионе можно определить второй четвертью–серединой X в.

Похожая картина наблюдается и на более северных территориях. Во Пскове горшки с подобной профилировкой верхней части встречаются с момента появления гончарной

керамики (Белецкий 1980: рис. 3: 1–4; рис. 4: 27) и составляют основную долю посуды языческого некрополя (Волочкова, Закурина 1996: рис. 3, 9, 14; Кильдюшевский 1996: рис. 3: а, в; Колосова, Милютина 1996: рис. 23, 27, 30; Лабутина 1996: рис. 9: 1, рис. 18: 2; Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл. 140: 1, 3, 6; 141: 1, 3, 5; 142–143: 1, 2, 5). Для ранних образцов характерны обильная линейная орнаментация, а также украшение многорядной или путаной глубоко врезанной волной. Сравнительно поздние варианты орнаментированы гораздо более скупо. Таковы, например, горшки типа 4 из постройки 1 в усвятском детинце (рис. 317, 318).

Н. В. Лопатин в материалах Изборска также выделяет сосуды подобных форм в тип 1 (относя его к «началу эволюционного ряда» местной гончарной керамики) и отмечает, что среди них есть как ранние (XI в. и, вероятно, вторая половина X в.), так и поздние (XII–XIII вв.) варианты (Лопатин 2007: 230, рис. 8; 2012: 128–131).

В. М. Горюнова определяет время появления первых простейших S-видных раннегончарных форм (тип I-А) на Рюриковом Городище первыми десятилетиями X в. (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 90, 91, 119). Это самая ранняя из достоверных датировок этого типа посуды.

В Новогрудке горшки, сходные по профилировке и орнаментации, выделены М. В. Малевской-Малевич в тип 1а (Малевская-Малевич 2005: рис. 8: 2–5). Датировка их определяется в интервале второй половины X–середины XII в. (Малевская-Малевич 2005: 33). Древнейшие комплексы построек и ям, относящиеся к третьей четверти X в., содержат такую керамику (Малевская-Малевич 2005: рис. 27: 1, 2, 4, 5; рис. 28: 1, 4). С горшками Новогрудка типа I в типохронологическом отношении смыкаются горшки типа VIIIа (Малевская-Малевич 2005: рис. 15: 2–5), отличающиеся от первых более низкой шейкой, более крутыми плечиками и менее толстыми стенками. Несмотря на все эти различия, четкую границу между группами Iа и VIIIа провести затруднительно, особенно при работе с фрагментированным и нестратифицированным материалом. Горшки типа VIII бытуют в XII–XIII вв. (Малевская-Малевич 2005: 40).

Тип 5 (8 экз.). Сосуды с S-видным профилем, иногда со сглаженным изломом в верхней половине тулова и горизонтально срезанным краем венчика (рис. 188: 1; рис. 229: 5; рис. 267: 4, 8; рис. 276: 10; рис. 277: 7; рис. 297: 9; рис. 301: 13). Подобное оформление верхней части сосудов в древнем Пскове встречается начиная с X–начала XI в. (Лабутина 1996: рис. 7: в). В Усвяте датировка этой керамики охватывает весь период существования древнерусского поселения на Юрьевых Горах.

Тип 6 (4 экз.). Слабопрофилированные сосуды с S-видным профилем, горизонтально или косо срезанным венчиком (рис. 191: 6; рис. 298: 1; рис. 346: 3; рис. 366; 4). Датировка та же, что и у предыдущей группы.

Тип 7 (44 экз.). Сосуды с S-видным профилем и подпрямоугольным в разрезе венчиком, край (или края) которого слегка оттянут (тот же тип I, по В. И. Кильдюшевскому) (рис. 148: 1, 5; рис. 151: 4; рис. 156: 4; рис. 182: 12; рис. 184: 14; рис. 226: 5; рис. 228: 11; рис. 229: 1–3; рис. 252: 2; рис. 253: 2, 4; рис. 264: 9; рис. 266: 6; рис. 276: 7, 9; рис. 277: 4; рис. 278: 5; рис. 281: 1; рис. 282: 8; рис. 295: 4; рис. 298: 2, 6; рис. 301: 5, 6; рис. 320: 5; рис. 335: 1; рис. 339: 2, 7; рис. 343: 4; рис. 345: 3; рис. 346: 1, 2; рис. 347: 1, 12; рис. 365: 2; рис. 367: 7; рис. 368: 2; рис. 379: 1; рис. 384: 10; рис. 385: 2; рис. 390: 3). Последний датирует данный тип сосудов XI–XII вв. (Кильдюшевский 2002: 10, рис. 3: 1–3). Подобная керамика начинает встречаться еще в языческих погребениях псковского некрополя X–начала XI в. (Колосова, Милютина 1994: рис. 10: 2). Среди древнейшей круговой керамики Изборска также присутствуют подобные сосуды (Лопатин 2012: рис. 10: 5).

В Полоцкой земле нижнюю дату распространения сосудов с подобной профилировкой верхней части определяют находки в курганах с ранними древнерусскими ингумациями, относящимися к первой половине XI в. Это курган № 61 могильника Устье (Плавинский 2011: рис. 4: 1) и курган № 1/12 могильника Опса (Плавинский 2011: рис. 4: 2).

По типологии В. М. Горюновой, данная керамика относится ко второй группе, типу I-Б (Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл. 60: 4, 5, 7, 9, 10). Распространение сосудов подобных форм на Рюриковом Городище исследовательница приурочила к рубежу третьей и четвертой четвертей X в. (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 91).

В Новогрудке керамика этого типа (тип 1б-г, по М. В. Малевской-Малевич) встречается



Рис. 448. Случайные находки из ур. Юрьевы Горы. 1–4 – белый металл; 5, 7 – сплав меди; 6 – лепная керамика. Фотография № 7 предоставлена находчиком.

наряду с керамикой типа Ia уже в древнейших комплексах, датируемых третьей четвертью X в. (Малевская-Малевич 2005: рис. 28: 2, 3, 5). У горшков типа VIII, по М. В. Малевской-Малевич, также встречаются оформленные таким образом края венчиков (Малевская-Малевич 2005: рис. 15: 6), поэтому верхнюю границу подобной керамики во фрагментах следует приблизительно относить к XIII в. В Усвяте данная керамика представлена в слое XII–XIII вв.

Тип 8 (55 экз.). Сосуды с высоким венчиком, имеющим с внутренней части выемку «под крышку». Край венчика косо срезан внутрь (тип II, по В. И. Кильдюшевскому) (рис. 147: 1; рис. 148: 6; рис. 149: 5, 6; рис. 150: 1, 4, 7; рис. 151: 8; рис. 152: 6, 10, 13; рис. 153: 1, 4; рис. 162: 3; рис. 182: 17; рис. 226: 11; рис. 229: 14; рис. 250: 8; рис. 253: 6; рис. 279: 6; рис. 298: 7, 9; рис. 300: 8; рис. 301: 8; рис. 323: 1; рис. 337: 8; рис. 340: 2, 3; рис. 341: 10; рис. 342: 1; рис. 343: 1–3; рис. 344: 1, 2, 5; рис. 345: 4, 5; рис. 346: 4; рис. 364: 2; рис. 366: 6; рис. 377: 1, 2; рис. 379: 2, 3, 5; рис. 381: 3; рис. 384: 5, 9; рис. 385: 5; рис. 389: 4, 5; рис. 390: 4; рис. 394: 1, 4). По псковским материалам датируется второй половиной XI–серединой XII в. (Кильдюшевский 2002: 11, рис. 3: 7).

В Новогрудке такие сосуды находят параллели как в керамике типа IVб (XI–XII вв.), по



Рис. 449. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. Утраченные находки. 1, 2 – серебро; 3, 7 – белый металл; 4–6, 9 – сплав меди; 8 – сплав меди, золочение (?). Монеты-подвески: 1 – Аббасиды, ал-Басра, 139 г. х. (756/757 г.); 2 – Саманиды, Наср ибн Ахмад, Андараба, 308 г. х. (920/921 г.). Определение Вяч. С. Кулешова (Государственный Эрмитаж). Фотографии предоставлены находчиком. Без масштаба

М. В. Малевской-Малевич (2005: рис. 11: 6), так и в сосудах типа VIIб (Малевская-Малевич 2005: рис. 14: 6), датирующихся XII–XIII вв. Распределение фрагментов этих сосудов в культурном слое Усвята предполагает аналогичную датировку.

Тип 9 (30 экз.). Сосуды с высоким, отогнутым наружу приостренным венчиком, часто с ложбинкой с внутренней стороны (рис. 150: 5; рис. 152: 8; рис. 153: 2; рис. 164: 4; рис. 251: 4, 6; рис. 266: 10; рис. 268: 2; рис. 294: 7, 8; рис. 298: 8; рис. 301: 9; рис. 342: 2; рис. 344: 4; рис. 345: 1, 2; рис. 346: 5; рис. 347: 8, 9; рис. 366: 3; рис. 367: 3–5; рис. 368: 1, 3, 4; рис. 381: 4; рис. 384: 8; рис. 389: 8; рис. 398: 3). Сопоставим с псковским типом II-Г, по В. И. Кильдюшевскому, и датируется XII–началом XIV в. (Кильдюшевский 2002: 10–11). В Усвяте такие сосуды датируются XII–XIII вв.



Рис. 450. Усвяты. Ур. Юрьевы Горы. Подъемный материал. Утраченные находки. Вислые печати. Фотография предоставлена находчиком

Тип 10 (5 экз.). Сосуды с высоким, косо отогнутым венчиком, срезанным горизонтально или внутрь (рис. 138: 1; рис. 150: 6; рис. 182: 16; рис. 264: 5; рис. 381: 1). В некоторых случаях на срезе венчика имеется выемка. Также относится к типу II, по В. И. Кильдюшевскому, и датируется во Пскове соответственно второй половиной XI–XIII вв. (Кильдюшевский 2002: 10, 11, рис. 2). В Усвяте сосуды датируются XII–XIII вв.

Тип 11 (2 экз.). Сосуды с косо отогнутым венчиком, который имеет горизонтальную или близкую к горизонтальной поверхность и «приливы» с внутренней и внешней сторон. Переход от венчика к тулову оформлен в виде ребра (рис. 268: 3; рис. 297: 5). На Юрьевых Горах встречены в слоях конца XII–XIII в.

Тип 12 (8 экз.). Горшок с S-видным профилем и горизонтально срезанным венчиком (иногда с ложбинкой по срезу) с расширением или расширениями на кромке (рис. 147: 3; рис. 148: 2; рис. 229: 13; рис. 250: 7; рис. 252: 6; рис. 279: 2; рис. 322: 3; рис. 361: 7). Является вариантом типа II-Б, по В. И. Кильдюшевскому. Датируется соответственно XII–XIII вв. (Кильдюшевский 2002: рис. 2). В Усвяте фрагменты этих сосудов встречены в напластованиях XIII в.

Тип 13 (42 экз.). Горшки с высоким венчиком, загнутым внутрь и образующим ложбинку. Край венчика в разрезе округлый (рис. 147: 2; рис. 149: 4; рис. 152: 3, 4; рис. 155: 1; рис. 158: 3; рис. 159: 1; рис. 161: 1, 5; рис. 164: 3; рис. 182: 13, 20, 21; рис. 226: 10, 12, 14; рис. 251: 5, 7; рис. 253: 3; рис. 266: 5, 7; рис. 279: 4; рис. 280: 6; рис. 282: 7; рис. 296: 6; рис. 299: 1; рис. 320: 4; рис. 335: 10; рис. 339: 6; рис. 349: 2; рис. 361: 3; рис. 363: 1, 2; рис. 364: 6; рис. 367: 2; рис. 381: 2; рис. 384: 2, 6; рис. 385: 3, 6; рис. 389: 2; рис. 390: 2). В. И. Кильдюшевский выделяет эти сосуды в тип III А-В, датирующийся XII–началом XIV в. (Кильдюшевский 2002: 11). В Усвяте представлены в слоях XII–XIII вв.

Тип 14 (21 экз.). Близок предыдущему типу, отличаясь от него прямо поставленным и горизонтально срезанным (иногда с бороздкой сверху) венчиком (рис. 147: 4; рис. 148: 3; рис. 151: 6; рис. 152: 2, 12; рис. 156: 7; рис. 159: 2; рис. 161: 3, 4; рис. 182: 7; рис. 229: 12; рис. 230: 4; рис. 252: 9; рис. 265: 2; рис. 280: 5; рис. 283: 4; рис. 298: 4; рис. 335: 3; рис. 361: 5; рис. 394: 3; рис. 389: 1). По срезу иногда прослеживается неглубокая канавка. С внутренней стороны имеется изгиб «под крышку». По классификации В. И. Кильдюшевского может быть отнесен к тому же типу III и датирован XII–началом XIV в.

В Усвяте фрагменты сосудов этого типа хорошо представлены в нижних отложениях детинца (около середины XII в.) и продолжают встречаться в слое вплоть до финального периода его жизни.

Тип 15 (62 экз.). Сосуды с S-видным профилем. Иногда намечается коническая шейка. Венчик срезан, кромка его ориентирована почти вертикально. С внутренней стороны



Рис. 451. Находки западноевропейского происхождения из Усвят и некоторые аналогии им. Паломнический сувенир из свинцово-оловянистого сплава (1) и аналогии ему в собрании Лондонского музея (2–4) (Spenser 1998: № 252–253); 5 – ременное украшение в виде геральдической лилии; 6 – изображение воина на реликварии XIII в. Германия. Фотография паломнического жетона предоставлена находчиком

намечается выемка «под крышку». Край венчика в разрезе заострен (рис. 150: 2, 3; рис. 151: 1–3, 5, 7, 9; рис. 152: 7, 9; рис. 153: 3; рис. 157: 5; рис. 182: 8; рис. 227: 10; рис. 229: 11; рис. 264: 8; рис. 266: 8, 9; рис. 268: 1; рис. 276: 12; рис. 278: 3, 4, 6; рис. 279: 8; рис. 282: 5; рис. 299: 2, 3; рис. 300: 6; рис. 322: 2; рис. 335: 2, 9; рис. 337: 9, 10; рис. 339: 8; рис. 340: 1, 4, 5; рис. 341: 5; рис. 343: 7, 8; рис. 344: 3, 7; рис. 361: 4; рис. 363: 3; рис. 364: 1; рис. 366: 2, 5, 7; рис. 368: 6; рис. 379: 4, 6; рис. 382; рис. 384: 3, 4; рис. 385: 4, 7; рис. 389: 3, 6, 7; рис. 390: 1; рис. 394: 2). По В. И. Кильдюшевскому, такие сосуды относятся к типу III, датированному этим автором XIII–XIV вв. (Кильдюшевский 2002: 11). По другим данным керамика, близкая по профилировке, начинает прослеживаться во Пскове уже в комплексах, связанных с погребениями языческого некрополя, т. е. с X–начала XI в. (Колосова, Милютина 1994: 119, рис. 10: 2).

Несмотря на позднюю дату, предлагаемую В. И. Кильдюшевским для подобной керамики во Пскове, в Полоцкой земле также следует указать на возможный прототип этого варианта гончарной посуды в значительно более раннем комплексе. Подобный сосуд содержал, судя по рисунку (Штыхаў 1992: мал. 75: 4), курган № 3 могильника Озерцо близ городища на Менке (парное погребение мужчины и женщины, произведенное по обряду трупосожжения). Погребальный инвентарь несет характерный для раннегородских древ-

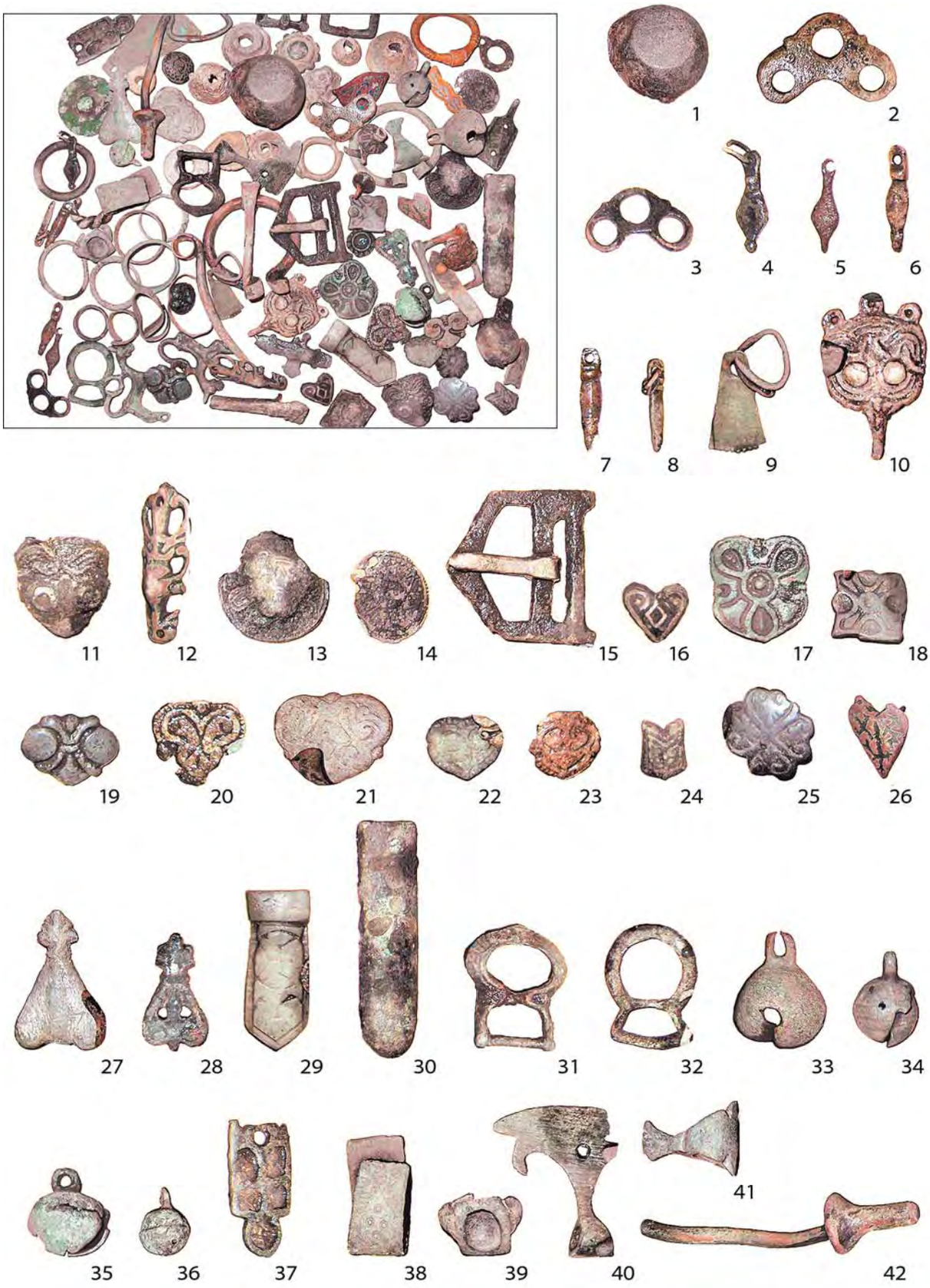


Рис. 452. Находки из кладоискательских сборов на Юрьевых Горах. Бóльшая часть предметов утрачена. Общая фотография и вырезанные из нее фрагменты. Изображение предоставлено находчиком

нерусских центров «норманнско-дружинный» оттенок и позволяет датировать комплекс второй половиной X в.

В материалах Рюрикова Городища самые ранние подобные сосуды включены В. М. Горюновой во вторую группу, тип I-Г; их появление относится к последней четверти X в. (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 91, табл. 61: 7). Эта дата вполне коррелирует с предполагаемым временем совершения захоронения в кургане Озерцо, № 3.

На Юрьевых Горах эта керамика представлена в слоях XII–XIII вв.

Тип 16 (4 экз.). Горшок с высокой конической шейкой, венчиком, резко отогнутым наружу и имеющим закраину «под крышку» (рис. 250: 6; рис. 252: 1; рис. 264: 6; рис. 319: 2). Представляет, видимо, разновидность горшков типа III, по В. И. Кильдюшевскому, и датируется XIII–XIV вв. (Кильдюшевский 2002: 11).

Аналогии в материалах Новогрудка могут быть отнесены к типу V (Малевская-Малевич 2005: рис. 12: 7), датирующемуся второй половиной XI–первой половиной XIII в. В Усвяте эти фрагменты залегают в слое XIII в.

Тип 17 (5 экз.). Представляет собой разновидность типа 14, но без закраины (рис. 253: 7, 9; рис. 295: 7; рис. 301: 7; рис. 319: 7). В Усвяте такие горшки характерны для культурного слоя XIII в.

Тип 18 (17 экз.). Близок горшкам типа 7, но отличается от них невысокой конической шейкой, отделенной от плечика и венчика четкими изломами (рис. 160: 8; рис. 164: 5, 6; рис. 227: 4; рис. 251: 9; рис. 253: 5; рис. 267: 10; рис. 278: 2; рис. 279: 5, 7; рис. 283: 3; рис. 294: 10; рис. 300: 7; рис. 319: 1; рис. 338: 2; рис. 345: 6; рис. 384: 7). По В. И. Кильдюшевскому, относится к типу IV-В и датируется XIII–XIV вв., с выходом в XV в. (Кильдюшевский 2002: 12, рис. 2, рис. 4: 5). В Усвяте тип характерен для слоя XII–XIII вв.

Тип 19 (7 экз.). Горшки с высоким S-видным профилем и подграненным венчиком (рис. 149: 1; рис. 156: 1; рис. 182: 6, 19; рис. 184: 15; рис. 187: 5, 7). Вероятно, представляют разновидность типов IV и V, по В. И. Кильдюшевскому. Различные варианты S-видных профилей горшков с подграненным утолщением на краю венчика выделяются в материалах Гнёздова в середине–второй половине X в. (Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: рис. 53: 3, 8).

Аналогии можно усмотреть также в материалах Новогрудка, в горшках типа IIд (Малевская-Малевич 2005: рис. 9: 6). Горшки типа II суммарно датированы М. В. Малевской-Малевич концом X–первой половиной XII в. (Малевская-Малевич 2005: 33).

На Юрьевых Горах этот тип посуды известен с XI в. (глинобитная структура в раскопе 1 2010/2013 гг.). В дальнейшем эта керамика популярностью, похоже, не пользовалась.

Тип 20 (86 экз.). Горшки с отогнутым наружу венчиком, в разрезе имеющим округлое (но, как правило, асимметричное) утолщение на конце (рис. 147: 5; рис. 148: 7, 8; рис. 152: 1, 11; рис. 156: 2; рис. 157: 6, 9; рис. 158: 6; рис. 159: 4; рис. 162: 1, 2; рис. 163: 1–3; рис. 226: 13, 15, 16; рис. 229: 15; рис. 251: 1, 3; рис. 265: 1; рис. 266: 1–4; рис. 268: 7; рис. 278: 7; рис. 279: 9–11; рис. 282: 1–4; рис. 283: 5; рис. 294: 9; рис. 296: 1–5; рис. 297: 1–4; рис. 298: 5; рис. 299: 4; рис. 300: 1–3; рис. 321: 5; рис. 335: 4, 5; рис. 337: 2, 3; рис. 338: 3–9; рис. 341: 1–3, 6, 9; рис. 345: 7, 8; рис. 347: 10; рис. 364: 3–5, 7; рис. 379: 8; рис. 383: 2–9; рис. 384: 1; рис. 390: 5). Во Пскове такая керамика (тип IV А-Б, по В. И. Кильдюшевскому) начинает фиксироваться в культурном слое со второй четверти XIII в. Тот же автор отмечает, что данный тип посуды появляется на Руси в XII–начале XIII в., быстро став «самым распространенным типом домонгольской керамики». Данная форма абсолютно доминирует в Новгородской земле в XIV–XV вв. (Кильдюшевский 2002: 12). Датировка в целом XIII–XV вв. (Кильдюшевский 2002: 12, рис. 4: 1–4).

В Усвяте диапазон бытования этой посуды охватывает весь период существования детинца (около середины XII–XIII в.). Находки отмечаются во всех пластах.

Тип 21 (2 экз.). Сосуд с высоким прямым венчиком, с округлыми в разрезе краями и широкими плечиками (рис. 230: 2; рис. 320: 1). Как отмечает М. В. Малевская-Малевич, в Новогрудке горшки с высоким вертикальным горлом появляются в конце X в., достигают пика популярности в XII в. и почти исчезают в XIII в. (Малевская-Малевич 2005: 45). В Усвяте находка сосуда этого типа связана с пожаром, в котором погибла постройка 1 (около середины XIII в.). XI–XIII вв. датируется подобная керамика в Клецке (Поздняков 1992: 53). Происхождению сосудов этого типа Н. В. Лопатин

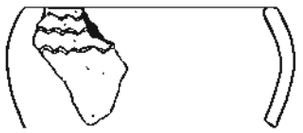
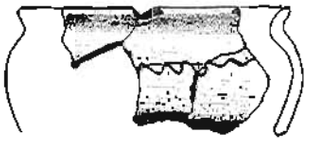
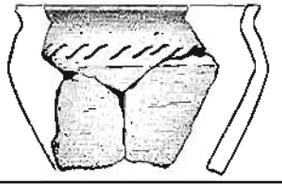
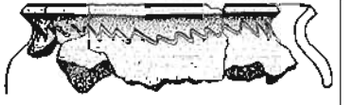
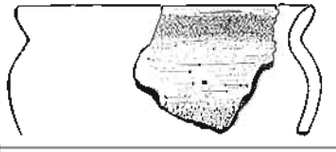
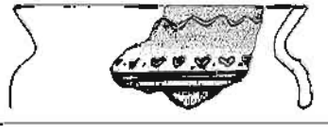
1	2	3	4	X в.	XI в.	XII в.	XIII в.	XIV в.	XV в.
1		2							
2		16							
3		64	V-А-Б						
4		149	I-А-Б						
5		8							
6		4							
7		44	I-А-Б						
8		55	II-А-Г						
9		30	II-Г						
10		5	II-Б						

Рис. 453. Типохронологическая таблица керамического комплекса поселения в ур. Юрьевы Горы. 1 – условные типы; 2 – характерные фрагменты; 3 – количество фрагментов; 4 – типы гончарной посуды Пскова, по В. И. Кильдюшевскому. Хронологические диапазоны указаны по совокупности данных разных памятников



Рис. 454. Крест из медного сплава с территории пос. Усвяты. Случайная находка. Усвятский краеведческий музей

недавно посвятил специальную работу. Он справедливо подверг критике «западнославянскую» гипотезу происхождения такой керамики, но, рассмотрев все известные мнения, так и не сделал окончательного вывода (Лопатин 2011). Мне представляется наиболее близкой к истине точка зрения М. В. Малевской-Малевич на этот тип посуды как на тип «общеславянский» (Малевская-Малевич 2005: 143). Некоторые данные о распространении таких сосудов на территории Белоруссии уже приводились выше при описании находок из постройки 1 в усвятском детинце.

Кроме перечисленных типов гончарных сосудов в раскопках встречены единичные фрагменты горшков баночных форм (рис. 294: 6; рис. 323: 2). Они не образуют серий на памятниках Северо-Запада России и Белоруссии, возможно, являясь переходной формой от лепной керамики к гончарной. Редкость представляют сосуд с коротким отогнутым венчиком, имеющим выемку под крышку (рис. 156: 8), и обломок сосуда с резко отогнутым венчиком, украшенным пальцевыми вдавлениями (рис. 164: 1).

Помимо горшков в усвятской коллекции следует отметить находки фрагментов гончарных кувшинов (довольно грубой выделки), украшенных небрежно нанесенными волнами (рис. 158: 4; рис. 160: 7; рис. 162: 4, 5; рис. 322: 1). Все они происходят из детинца. Один из них – широкогорлый – сохранил следы ручки (рис. 322: 1). Два других имели более узкую форму (рис. 158: 4; рис. 162: 5). В материалах Новогрудка сходные сосуды (кувшины типа I, по М. В. Малевской-Малевич) датируются началом XII в. (Малевская-Малевич 2005: 47, рис. 20: 1–3). В Гродно фрагменты кувшина были найдены в руинах Нижней церкви и датируются XII–первой половиной XIII в. (Малевская-Малевич 2005: 116, рис. 52: 2).

К редким типам посуды (10 экз.) относятся фрагменты гончарных мисок или крышек разных форм (рис. 149: 2; рис. 152: 5; рис. 227: 2, 5; рис. 230: 1; рис. 300: 5; рис. 320: 3; рис. 343: 6; рис. 347: 4; рис. 383: 1). Дважды в слое найдены обломки сосудов с ушками (водолеев?) (рис. 278: 8, 9). Наконец, единственным экземпляром представлен небольшой лепной сосуд с петлевидной ручкой (рис. 302). Подобные со-

суды – частая находка в древнерусских городах. Обычно их рассматривают как светильники и датируют очень широко начиная с конца X в. (Штыхов 1975: 87; Гупало 2009: 342–345; Лапшин 2009: рис. 140: 1–3; Сушко 2012: 58).

Гончарные клейма для усвятской керамики не характерны. Можно выделить клеймо в виде простой рельефной окружности (рис. 265: 1) и серию клейм, выполненных очень небрежно и напоминающих солярный знак с широкими подпрямоугольными лепестками (рис. 383: 2, 3). Последний тип знаков встречается, кажется, довольно редко. Стоит указать, что похожее клеймо известно на гончарном сосуде из кургана 1 могильника Плусы под Полоцком (Штыхаў 1972: мал. 6: 17).

Как показывает анализ вещевой части коллекции, поселение на Юрьевых Горах возникает не позднее середины X в. По-видимому, некоторая часть рассмотренной нами выборки гончарной посуды также относится к середине–второй половине X в. С наибольшей вероятностью к этой части коллекции следует отнести сосуды групп 3 и 4. Существование на поселении гончарной посуды в первой половине X в. пока невозможно проверить. В результате новейших исследований время распространения гончарной керамики на Северо-Западе (в Псковско-Новгородском регионе) и далее на восток – несколько омолодилось (Горюнова, Лапшин 2004: 55; Носов, Горюнова, Плохов 2005: 134, 135). Если ранее считалось, что вытеснение в быту лепной керамики гончарной относится к первой половине X в., то в настоящее время этот процесс сдвигается во вторую половину–последнюю четверть этого столетия. Если это верно и по отношению к Усвяту, лакуну в керамическом материале, приходящуюся на бóльшую часть X в., должна занять лепная посуда.

Что касается верхнего хронологического рубежа керамической коллекции поселения в урочище Юрьевы Горы, то она, как нам представляется, определяется временем не позднее XIV в. Если же считать завершающим эпизодом в жизни древнерусского города пожар, зафиксированный нами в детинце сразу же под пахотным слоем, то эту датировку необходимо будет, видимо, несколько опустить в XIII в. Хронология керамики из урочища Юрьевы Горы в общих чертах совпадает с хронологией депаспортизованной вещевой части коллекции.

2.3.3.2. Фрагменты амфоры

С территории детица из раскопа 2 происходит 32 фрагмента амфорной тары (31 фрагмент стенок и горловины и 1 обломок ручки). Среди них – два довольно крупных куска плечиков, на одном из которых выделяется место прикрепления ручки. Обломки распределяются в пластах 4–6 в едином стратиграфическом контексте (рис. 213, 224). 21 фрагмент найден на поверхности комплекса I и еще один фрагмент происходит из промывки заполнения этого комплекса. Один из крупных фрагментов найден в пласте 4 квадрата Г-2 под линзой серо-желтого суглинка. 20 фрагментов подобрались один к другому, позволяя реконструировать форму сосуда и его тип. Остальные обломки хоть и не подклеиваются к основному массиву, но явно принадлежат той же амфоре. Относительно фрагмента ручки такой уверенности нет, тем более, что торцевые стороны этого обломка затерты, что говорит о вторичном использовании.

Амфора была толстостенной; имела веретенообразное тулово, покрытое в верхней части узким и частым рифлением, нанесенным гребнем, и высокое коническое горло (рис. 348). Изделие относится к группе II (тип 2) по типологии В. Ю. Коваля (Коваль 2010: 159) или к «триллийской» группе (фаза 4), по И. В. Волкову (Волков 1996: 93–95; 2005: 160). Датировка этих изделий определяется исследователями в рамках XII в. (Волков 2005: 160; Коваль 2010: 159). Амфорная тара на территорию Руси поступала из византийских провинций (Волков 1996: 90, 91; 2005; Коваль 2010: 151). Прекращение поставок на Русь амфор «триллийской» группы исследователи связывают с кризисом византийской экономики, последовавшим за взятием Константинополя крестоносцами в 1204 г. (Волков 1996: 95).

В такой посуде в X–XIII вв. транспортировалось вино, растительное масло и, вероятно, некоторые другие виды дорогих и престижных продуктов питания. Новгородская берестяная грамота № 1005 (вторая половина XII в.) упоминает о доставке в Новгород стеклянных сосудов и вина из Лук (Рыбина 2014: 93). Можно не сомневаться, что в Новгород, где собрана крупнейшая в Северной Руси коллекция фрагментов амфор, они доставлялись с Днепра и в некоторой своей части – через Усвят. Еще

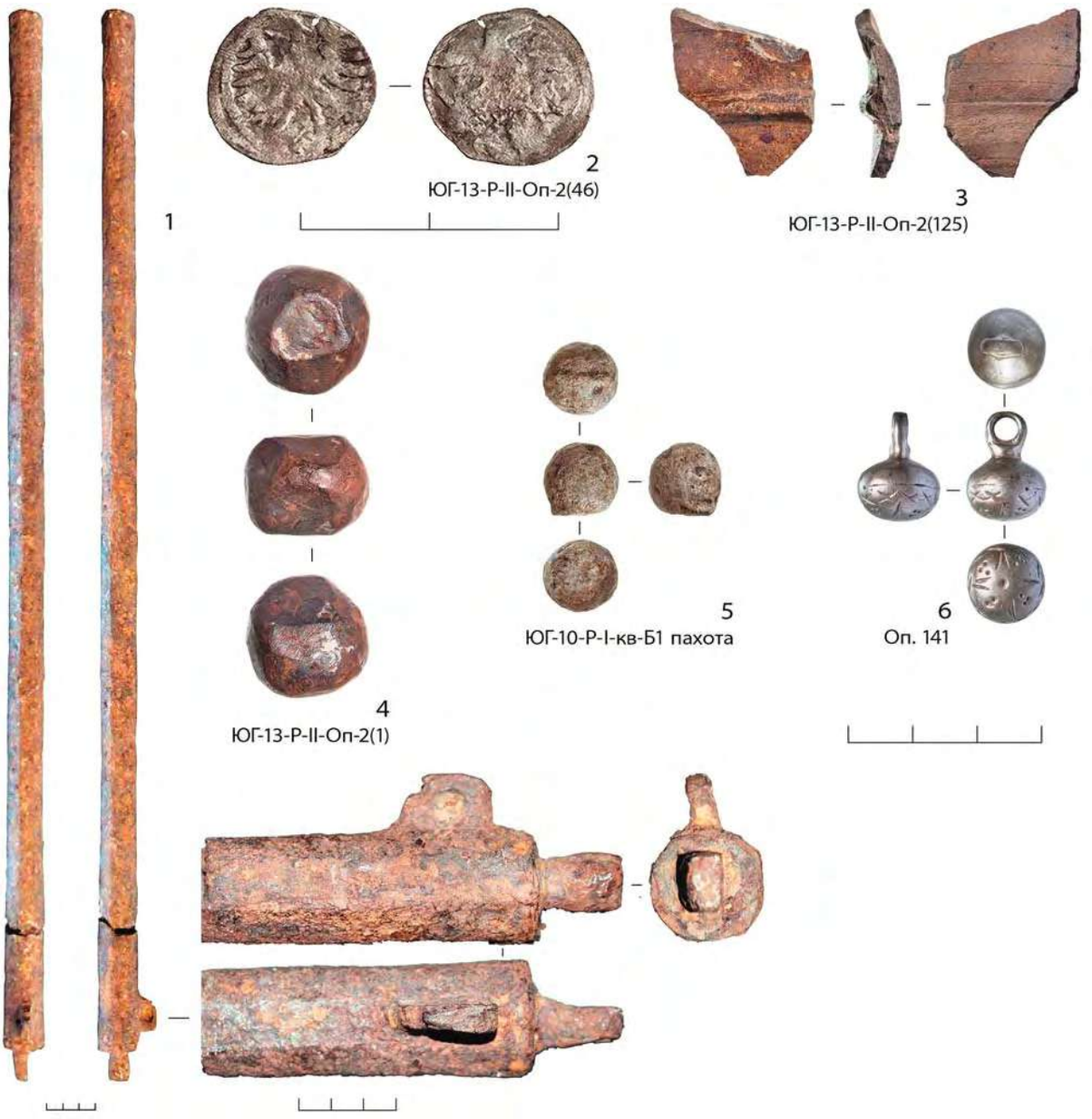


Рис. 455. Находки, предположительно связанные с эпохой Ливонской войны. 1 – ствол пищали с территории пос. Усвяты; 2–6 – находки из раскопок и сборов (6) на Юрьевых Горах. 1, 4 – железо; 2 – серебро; 3 – «каменная масса»; 5 – свинец; 6 – белый металл. Пищаль (1) хранится в Усвятском краеведческом музее (УКМ 0081)

одним транзитным пунктом и ближайшим местом массовых находок такого рода является соседний Витебск (Коваль 2010: 231, рис. 62).

Кроме представителей высшего общественного слоя (князей, родовой аристократии и богатых купцов) крупными потребителями вина и лампадного масла были христианские монастыри и храмы. Замечено, что найденные в древнерусских городах фрагменты амфор концентрируются в детинцах – там, где стояли крупнейшие церкви и располагались жилища знати (Коваль 2010: 171). Общеизвестным является факт вторичного использования амфор и их фрагментов в качестве голосников при сооружении храмов (Коваль 2010: 169). Ближайший пример можно указать в недалеком Смоленске, где почти целая амфора была найдена заделанной в кладку столба храма конца XII в. (Сапожников 1999: 123, рис. 5).

2.3.4. Находки фрагментов плинфы

Мелкие обломки кирпича при раскопках попадались в культурном слое детинца несколько раз. В детинце в слое XII в. чуть выше постройки 3 найден крупный фрагмент плинфы (рис. 214). Толщина его составляет 40–45 мм. Длину

и ширину плинфы измерить не представляется возможным. Кирпич плохо обожженный, рыхлый, трехслойный в изломе (рис. 349: 1). Внутри глина имеет красноватый цвет, а ближе к поверхности постелистых сторон – приобретает палевый оттенок. Следов раствора на кирпиче нет. Как бракованная плинфа оказалась в Усвяте – сложно сказать. Не исключено, что кирпич был привезен из какого-то крупного города, где велось в указанное время церковное строительство. Таким городом мог быть соседний Витебск или Смоленск.

П. А. Раппопорт и Н. Н. Воронин собрали сведения о находках кирпичей древнерусского времени в городах Смоленской земли. Кроме Смоленска плинфы найдены в Рославле в слое конца XII–начала XIII в., в Мстиславле, на городищах в Дорогобуже и Вязьме (Воронин, Раппопорт 1979: 345–347). При этом остатки собственно разрушенного здания известны пока только в Рославле. Тем не менее вполне возможно обнаружение новых неизвестных пока памятников монументального зодчества, в том числе и в Усвяте.

2.4. Погребальные древности Усвята. Курганный могильник в урочище Юрьевы Горы

О языческом курганном некрополе древнерусского Усвята самым первым сообщает нам Е. Р. Романов:

> «На северозап. берегу оз. Усвятского (ф. Дворец) курганная группа до 50 насыпей на пространстве 10 дес. Вышина насыпей от 1 ½ до 3 ар. Обнесены канавами. Не исследованы. Случайные находки: уголья, куски дерева, человеческие кости» (Романов 1898: 189).

Экспедиция Государственного Эрмитажа впервые обследовала курганную группу, расположенную между пос. Усвяты и Дворец, в 1966 г. К тому времени из 50 курганов уцелело только 10 круглых в плане насыпей, сильно поврежденных грабительскими ямами. Курганы располагались на надпойменной террасе Усвятского озера двумя цепочками, вытянутыми вдоль берега и дороги (очевидно, очень древней), шедшей от «усвятских кладей» в урочище Юрьевы Горы (рис. 409).

В 1966 г. один из курганов (№ 10) был исследован А. М. Микляевым и О. И. Давидан (Микляев А-1966). Насыпь имела диаметр 8,5 м и высоту 1 м. Центральная ее часть была повреждена (рис. 410). Курган был окружен ровиком шириной 0,5–0,6 м. В центре насыпи в материке обнаружена яма размерами 0,55 × 0,6 м. В ней лежал перевернутый и разбитый гончарный горшок (рис. 411) с небольшим количеством кальцинированных костей и угольков. Остатки трупосожжения были рассыпаны также по дну ямы. Нижняя часть насыпи кургана была сооружена из белого песка, принесенного со стороны. Верхняя часть кургана насыпана из песка, взятого на месте могильника.

В 1970 г. могильник был снивелирован бульдозером, местность распахана (Минасян А-1970: 8), и никаких следов курганных насыпей на поверхности не осталось. Нужно, однако, помнить, что, хотя курганы срыты, грунтовые погребения в материковых ямках (подобные вышеописанному комплексу) и курганные ровики, несомненно, сохраняются на территории могильника и в наши дни. Кроме того, весьма вероятно обнаружение здесь в будущем ингумаций в подкурганных ямах. Все это требует постановки могильника близ Юрьевых Гор на государственную охрану. Первым шагом на этом пути стало выявление границ памятника. Эта работа была выполнена путем нескольких последовательных операций.

К сожалению, единственный сохранившийся план могильника, сделанный в 1966 г., не имеет точных топографических привязок, кроме радиотелефонной линии на д. Дворец (не сохранилась) и береговой черты озера, которая является весьма условным ориентиром. Действительно, берег здесь низкий, и граница воды очень подвижна.

Для определения места курганного некрополя нам пришлось воспользоваться топографической картой 1926 г., на которой обозначен один из курганов могильника, вероятно, самый крупный, имевший высоту 1,5 м (рис. 412). Путем совмещения карты 1926 г., космического снимка и современного землеустроительного плана было определено примерное местоположение этого самого крупного кургана на современной местности (рис. 413, 414). Выяснилось, что он располагался возле развилки дорог близ

«усвятских кладей». Большой курган стоял в северо-западной части группы.

На следующем этапе работы требовалось совместить полученные карты с планом могильника. Мы сделали это, исходя из того соображения, что помещенный на топографическую карту 1926 г. самый большой курган есть крупнейшая насыпь из отмеченных на плане могильника 1966 г. (курган № 7), т. е. самая северо-западная насыпь в цепочке курганов. Далее к северо-западу курганов быть уже не могло: там начинается болотистая низина. Так были определены границы территории могильника (рис. 415) и предполагаемое расположение уничтоженных курганных насыпей (рис. 416) на современной местности.

После того, как эта работа была проделана, нами была выполнена тахеометрическая съемка территории могильника, на которую был спроецирован план 1966 г. Удалось найти также два бетонных столба, уцелевших от вышеупомянутой радиотелефонной линии Усвяты–Дворец, и привязать к ним наш план. В результате мы получали современную схему территории могильника с нанесенными на нее несохранившимися насыпями (рис. 416, 417; Приложение 7. Табл. 7).

По вышеприведенным данным Е. Р. Романова, курганный могильник Усвята занимал площадь в 10 десятин, т. е. 10,9 га (109 000 м^2). Площадь, очерченная нами с помощью плана могильника 1966 г., составляет примерно 66 240 м^2. Ясно, что границы могильника определялись Е. Р. Романовым или его информатором «на глаз», но едва ли Евдоким Романович, опытный географ и археолог, заведующий секцией этнографии и археологии Северо-Западного отделения Русского географического общества, стал бы пользоваться вовсе не заслуживающими доверия данными. Полагаем, нужно признать, что территория, которую занимали курганные погребения, значительно превышает очерченное нами пространство. Проблема – в какую сторону необходимо сделать «приращение» площади, чтобы достигнуть искомой цифры, может быть в дальнейшем решена только путем раскопок.

2.5. Проблема изучения позднесредневекового культурного слоя на территории современного пос. Усвяты

Проведенные нами исследования позволили определить границы древнерусского города и его некрополя, а также обозначить границы раннесредневековых городищ и селищ (Приложение 7). Анализ коллекции из раскопок поселения в урочище Юрьевы Горы указывает на то, что город (или местечко) XIV–XVI вв. не мог располагаться на месте древнерусского Усвята и находился, видимо, на территории современного поселка Усвяты.

Археологические раскопки в поселке не проводились, поэтому мы ничего не знаем о размерах и структуре позднесредневекового поселения. С ним связаны лишь отдельные находки, хранящиеся в Усвятском музее. Это топор (рис. 145: 3), наперсный крест из медного сплава, случайно найденный в 2013 г. на усвятском огороде (рис. 454), и ствол фитильной пищали (рис. 455: 1).

Топор с опущенным лезвием и плоским обухом был найден на территории поселка Усвяты в неустановленном месте. Топор близок новгородскому типу II, по Б. А. Колчину, и по новгородским аналогиям датируется временем не ранее конца XIV–XV в. (Колчин 1982: рис. 4). Тем же временем датируется распространение подобных орудий в Польше (Куснеж 2010: фот. 1: 4). Серия топоров этого типа присходит из знаменитого Тушинского лагеря, существовавшего в 1608–1610 гг. (Двуреченский 2008: рис. 7: 1, 2). Культурные слои XV–XVIII вв. городов Великого княжества Литовского: Витебска, Минска, Кричева и других – дают множество таких находок (Археалогія Беларусі 2001: мал. 162: 9–11; Мяцельскі 2003: мал. 74: 5; Шарковская 2011: 262; Археологическое наследие 2012: 137).

Место находки креста известно доподлинно – он происходит с восточного берега озера Городечно (Малого Усвятского), в 100–150 м к северу от Замковой горы (рис. 109). Крест односторонний, круглоконечный. Отливка выполнена по оборотной створке энколпиона. В средокрестии располагается фигура пророка со свитком; в медальонах помещены парные поясные фигуры святых. Энколпионы и кресты подобного типа были широко распространены на Руси, как считается, преимущественно в Московском регионе. Но встречаются они и в западных регионах Руси (Колпакова 2011: 155, рис. 4: 2) и на землях Великого княжества Литовского. Исследователи датируют эти изделия по-разному в пределах второй по-

ловины XIV–первой половины XVII в. (Алексеев 1974: рис. 3; Юшко 1996: 99; Мяцельскі 2003: 48, мал. 42; Станюкович, Осипов, Соловьев 2003: 10, 18; Реликвии Донского побоища 2008: 28; Шполянская 2008: 268–271; Astashova, Saracheva 2012: fig. 2). Предмет, совершенно аналогичный усвятской находке, найден в Новгороде на Славне, по определению А. В. Арциховского, «в кладбищенском слое XV в.» (Арциховский 1949: 149, рис. 22б) и в Суздале, где датирован концом XV–началом XVI в. (Седова 1997: 203, рис. 73: 8). Наиболее реалистичной представляется датировка усвятского креста XV–XVI вв.

Ствол фитильной пищали, по рассказам старожилов, найден на одном из усвятских городищ. В сечении он граненый, имеет боковую полку прямоугольной формы. В казенной части ствола имеется винт с прямоугольным хвостовиком. В случае, если пищаль необходимо было разрядить без выстрела, заряд можно было вытолкнуть шомплом, выкрутив винт. Близкие аналогии усвятскому мушкету имеются в коллекции Артиллерийского музея в Петербурге (Мышковский 1961: рис. 2: 2; Маковская 1992: рис. 38) и в комплексе вооружения, найденном в постройке первой половины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря в Москве (Векслер, Двуреченский 2000: 171–173, рис. 4: 1). Датировать оружие из Усвят можно широко – в рамках XVI–XVII вв. (Мышковский 1961; Двуреченский 2008: 66).

Неясным остается вопрос о границах культурного слоя позднесредневекового посада города Усвята XVI–XVIII вв. Определение этих границ требует специальных работ (в первую очередь – шурфовок) на территории поселка. Дополнительными ориентирами в начале таких исследований, кроме вышеупомянутого креста, могут стать два усвятских клада конца XVII в., информация о которых сохранилась в архиве Императорской Археологической комиссии (Рукописный архив ИИМК РАН).

В 1880 г. крестьянин Парфен Пантелеев при рытье канавы на глубине двух вершков нашел глиняный горшок, содержавший 882 серебряные монеты общим весом 1 фунт 74,5 золотников. Согласно описанию станового пристава, поступившему в Витебский губернский статистический комитет, находка была сделана «по углу Подгурской и Троицкой улиц <…> и в 20 саженях от кургана, носящего название Бугра» (О монетах А-1880: 1).[77] Монеты, как не представляющие нумизматического интереса, были отправлены на Монетный Двор в переплавку. В архиве Императорской Археологической комиссии сохранился рукописный список бегло определенных монет. Среди них оказались рижские полтораки и солиды, шведские, прусские, лифляндские, польские и литовские монеты. Младшими монетами оказались эльбингские солиды 1692 г. чеканки и шведские полтораки, выбитые в 1695 г.

Еще один клад серебряных монет найден был в Усвятах в 1897 г. при рытье ям под фундаменты каменных лавок на базарной площади крестьянами Лаврентием Скалиным и Иваном Дюсиковым. Клад состоял из 17 брабантских талеров, чеканенных в 1622–1682 гг., 85 копеек времен царствования Петра I и весил 1 фунт 18 золотников и 60 дол. (О старинных серебряных монетах А-1897). После рассмотрения находки сотрудниками Императорской Археологической комиссии клад был передан на хранение в Виленский музей древностей.

Оба усвятских клада зарыты, таким образом, на рубеже XVII и XVIII столетий. Их расположение указывает на то, что городской посад в этот период, видимо, прилегал к подножиям городищ Замковая гора и Бугор. Расположенный за озером Городечно район холма Прудок, надо думать, вошел в городскую территорию сравнительно поздно.

2.6. Итоги исследований в Усвятах

Что дает нам сопоставление летописной истории и результатов археологических исследований в Усвятах? Источники рисуют непротиворечивую картину. Перед нашими глазами определились очертания комплекса памятников X–XI вв., раскинувшегося на берегах Усвятского озера на площади в общей сложности около 5 км^2. Комплекс включает в себя не укрепленное на начальном этапе поселение и курганный могильник на Юрьевых Горах, два поселения, могильник и городище Замковая гора на территории поселка Усвя-

ты. Под вопросом остается использование в раннем средневековье двух малых усвятских городищ (Прудок и Бугор). Оба они держат под контролем броды через болотистую протоку и вряд ли не использовались вовсе, хотя бы периодически, в раннем средневековье.

Следует признать, что перед нами приречная агломерация, сформировавшаяся вокруг крупного торгово-ремесленного поселения на Юрьевых Горах. В культуре его мы видим характерное для таких центров сочетание западнославянских, скандинавских, салтовских и местных украшений с арабским серебром (коллекция подъемного материала насчитывает 20 целых и рубленых дирхемов) и медными византийскими монетами. Все это составляет особенность гнёздовской культуры X в. (см., например: Мурашева 2012: 391). В определенной степени Усвят действительно напоминает Гнёздово или Старую Ладогу, но, конечно, в гораздо более скромных масштабах. Похожую агломерацию укрепленных и открытых поселений представлял собой в X в. летописный Искоростень (Androshchuk 2013: 68–73). Несомненно, в конце X–начале XI в. Усвят являлся важным звеном Пути из варяг в греки и имел большое экономическое и политическое значение. Археологический материал указывает на то, что к известиям НСГ о передаче его Брячиславу Изяславичу в 1021 г. можно относиться с доверием.

Наличие параллелей в салтовских и великоморавских древностях (а также некоторые ранние находки скандинавского происхождения) допускает наличие в Усвяте культурных напластований второй половины IX в. или, по крайней мере, рубежа IX–X вв. Это важно для дальнейшей разработки хронологии центральной «волоковой» части Пути из варяг в греки.

В отличие от Гнёздово, жизнь в Усвяте не угасла в XI в. На месте торгово-ремесленного поселения эпохи викингов в XII в. разрастается древнерусский город, просуществовавший до начального периода образования Литовского государства, сопровождавшегося войнами и смутами. К XIV в. интенсивность жизни на поселении резко снижается. Без раскопок, разумеется, нельзя уверенно говорить о полном прекращении жизни. Возможно, какое-то поселение здесь оставалось, но городской характер оно утратило. Скорее же всего, это произошло во второй половине XIII в. (после 1246 г., когда город упомянут в летописи). Материальным свидетельством этого является, по всей видимости, пожар, следы которого обнаружены при раскопках в верхних слоях усвятского детинца. При определении времени запустения города следует ориентироваться на дату самой поздней из исследованных построек, полученную путем серийного радиоуглеродного датирования – 1266–1296 гг. н. э. (рис. 397).

Вряд ли мы сможем когда-либо достоверно сказать – кем был сожжен городок. Разгром Усвята прошел незамеченным для русских летописей, как мы знаем, далеко не всегда фиксировавших набеги врагов, если им не сопутствовали немедленные ответные акции (об этом см.: Гимон 2011: 81). В уничтожении Усвята как военной базы для литовских нападений на южные области Новгородской земли был в первую очередь заинтересован Новгород. Могла сжечь город и одна из литовских ратей, грабившая пограничье под началом какого-либо литовского князька. Усвят возродился, вероятно, под властью Ольгерда, но уже на новом месте – на Замковой горе.

[1] Лев Диакон 1988: 69.

[2] На протяжении трех полевых сезонов 2010, 2011 и 2013 гг. группа сотрудников ИИМК РАН работала на территории пос. Усвяты Усвятского района Псковской области. Необходимость работ диктовалась тревожной ситуацией, сложившейся в области охраны культурного наследия. Как выяснилось, археологические памятники Усвят не имеют охранной документации, частично переданы в частную собственность и варварски уничтожаются грабительскими раскопками. Это вынудило нас приняться за описание памятников и за составление документов, служащих основанием для постановки усвятских древностей на государственную охрану. В 2010–1013 гг. были выполнены следующие работы:
1. Определены границы древнерусского городского поселения (X–XIII вв.) в ур. Юрьевы Горы близ пос. Усвяты. Следует считать окончательно доказанным, что это поселение является летописным городом Усвятом, известным по летописям с 1021 г. Исключительно важно, чтобы этот объект культурного наследия фигурировал в государственном реестре именно с таким названием.
2. Определены границы курганного древнерусского могильника (X–XII вв.) в ур. Юрьевы Горы. Следует считать доказанным, что этот могильник является городским языческим некрополем древнерусского города Усвята. Также считаю важным, чтобы этот объект культурного наследия фигурировал в государственном реестре именно как городской некрополь.
3. Определены границы городища Прудок (V в. до н. э.–X в. н. э.) на территории пос. Усвяты.
4. Определены границы селища Прудок (V в. до н. э.–X в. н. э.) на территории пос. Усвяты.
5. Определено местоположение курганного могильника Прудок (X в. н. э.) на территории пос. Усвяты.
6. Определены границы поселения на городище Замковая гора на территории пос. Усвяты. На основании письменных источников, археологических и картографических данных доказано, что именно городище на Замковой горе является крепостью литовско-русского города Усвята XVI–XVII вв. Важно, чтобы данный объект культурного наследия именно в этом качестве значился в государственном реестре.
7. Определены границы городища и могильника Бугор (V в. до н. э.–XVIII в. н. э.) на территории пос. Усвяты.
8. Проведены раскопки на поселении в ур. Юрьевы Горы (вскрытая площадь – 72 м^2).
Все описанные нами в Усвятах археологические объекты составляют единый уникальный для российского Северо-Запада комплекс, отражающий историю развития древнерусского и литовско-русского города с X до XVIII вв. Все элементы комплекса, безусловно, должны иметь статус объектов культурного наследия федерального значения.

[3] Легенда о провалившейся церкви или городе имеет очень широкое распространение (Сумцов 1896; Перетц 1904: 1–3; Панченко 1995) и восходит, по-видимому, к дохристианской мифологии народов Старого Света.

[4] «В лѣто 6706. <…> Тои же весне преставистася у Ярослава сына 2: Изяслав бяше посаженъ на Лукахъ княжити и от Литвы оплечье Новугороду и тамо преставися…» (ПСРЛ, т. III. 2000: 44).

[5] О дате появления епископа Мейнарда в Ливонии, к которой привязано первое упоминание Вольдемара Полоцкого, см.: Генрих Латвийский 2009: 248.

[6] Полный перевод последнего абзаца: «А тот замок был издавна столицей Ольгерда Великого князя Литовского, который княжество Витебское получил за женой, и из того замка ходил он с литовским войском на Димитрия Великого князя Московского, доходил до самой Москвы и границу литовскую установил за 6 миль за Можайском».

[7] В XIX в. – господская деревня Дрычалуки (Военно-топографическая карта Росии, ряд XII, лист 9). О ней см. также: Сапунов 1893: 367–368; Романов 1898: 84. Границы имения определяются по опубликованному акту от 1592 г. (АВК, т. VII. 1874: 451–458).

[8] Примеры этого мифологического образа можно отыскать в публикациях, посвященных быличкам Полоцкого района Витебской области (Полацкі этнаграфічны зборнік 2011: 182) и даже Чудовского района Новгородской области (Семёнов 2013: 22). В последнем случае мы видим очень близкий усвятскому сюжету рассказ о барыне, катавшейся на лодке, уронившей ребенка в озеро и проклявшей его. Указанием на эти публикации автор обязан Е. В. Платонову.

[9] Распространенные современные представления о русских волоках непременно как о местах *переволоки судов* основываются, строго говоря, на недоразумении, в основе которого лежит недопонимание (вполне простительное) филологами и кабинетными историками русских географических реалий. Одним из популярных заблуждений, родившихся под пером русских ученых XIX столетия, была будто бы необычайная полноводность русских рек в средневековье (Соловьев 1959: 278; Майков 1874: 256; Барсов 1885: 20). Разумеется, никаких серьезных аргументов историки тогда выдвинуть не могли, поскольку палеогеография не располагала еще необходимым арсеналом методик для изучения древних климатов. Но созданный ими миф прочно вошел в историографию. Современная наука так и не получила убедительных данных о повышенной увлажненности Русской равнины в раннем средневековье (Еремеев, Дзюба 2010: 428–434). Все это имеет непосредственное отношение к теме русских волоков.
Историки и филологи неоднократно обращали внимание на сложность толкования летописного термина «волок». Много внимания уделил анализу этого понятия Н. П. Барсов, писавший:

> «Волоком называется узкая полоса земли между двумя реками, текущими в противоположных направлениях, – от слова "волочить, переволакивать" (финское walka, walkama), 2, обширная, лесистая, незаселенная область. В последнем значении оно распространено по всей северной России» (Барсов 1885: 218).

М. Фасмер дает слову *волок* два определения: «1 – сухая часть пути между двумя реками, через которую приходится перетаскивать лодки; 2 – чаща, из которой срубленное дерево можно вытащить только на волоках» (Фасмер 1986: 341). Откуда у М. Фасмера взялись эти «лодки» – трудно сказать. В XIX в., для которого купеческое речное судоходство было делом обыденным, понимание термина было более реалистичным. Вот как определяет слово «волок», например, Энциклопедический лексикон 1838 г. (статья написана И. Ф. Штукенбергом):

> «В географическом отношении это слово имеет два значения: 1) перевоз товаров сухим путем от одной реки до другой на небольшом расстоянии; 2) по верховьям Камы, Вятки и Вычегды волоком называется всякое сухопутное пространство между двумя реками» (Энциклопедический Лексикон 1838: 384).

В этом же духе выдержано и большинство известий о волоках в русских исторических, литературных и этнографических источниках. Автор придерживается точки зрения, что в ПВЛ слово *волок* означает не место переволоки судов, а слабоосвоенное лесное водораздельное пространство, лесную промысловую территорию, противопоставленную долинным земледельческим регионам (Еремеев, Дзюба 2010: 485–486). Именно это значение, близкое второму определению М. Фасмера, и является, на мой взгляд, первым и основным для русской

культуры. К сказанному в нашей работе 2010 г. можно, пожалуй, добавить красочное промысловое заклятие, записанное в Новгородской губернии в XIX в. и опубликованное А. Н. Афанасьевым:

> «Пойду я в чистое поле, в чистом поле млад месяц народился, от млада месяца – млад молодец: сидит на вороном коне, по колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре, на буйной голове все кудри в золоте. Держит молодец золотую кису, золотой топор и булатный нож; в золотой кисе лежит мясо, и **сечет мясо молодец булатным ножом и бросает на мой волок** <...> Возговорил добрый молодец: гой еси лисицы черноухие, черноусые, лисицы бурыя, рыси и росомахи, и седые волки! **Сбегайтеся на мой волок**, на мою отраву – днем по солнцу, а ночью по месяцу. Ключ да замок!» (Афанасьев 1994: 731).

Разумеется, в Восточной Европе существовали и корабельные волоки. Наиболее вероятно их функционирование в открытых равнинных регионах – в первую очередь – в степях, где возможно, в частности, использование мощных тягловых животных. Прямое указание на волок в степном ландшафте приведено в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» применительно к реалиям первой четверти XVII в. (Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 3. 1976: 5–6). Что же касается корабельных волоков в русских лесах, они представляются мне более литературной фантазией.

[10] Географическому термину «копанка» посвящен отдельный, очень емкий сюжет в работе Н. И. Толстого. По его данным, в Белоруссии и на Украине этим словом обозначают «чаще всего искусственную яму с водой, выкопанный прудок». Новгородский *копанец* – «небольшой колодезь, вырытый в лесу или на пустом месте для временного употребления». В Полесье – *копанка* – «место на озере или реке, где стирают белье». Польская *kopanka* – колодезная яма (Толстой 2011: 216–217).

[11] Нами были осмотрены могильники Бабынино, Ветно, Дунаево, Ильинское, Осиновка, Залесье, Борисово, а также места, где располагались не сохранившиеся до наших дней могильники в ур. Стрежено и в д. Сопки.

[12] Коллекция из раскопок хранится в ГЭ.

[13] Краткие сообщения о его раскопках опубликованы (Окулич-Казарин 1914; Успенская, Фехнер 1956: 206–207; Седов 1970: 35). В публикации А. В. Успенской и М. В. Фехнер Козлово (Медовской волости), раскопанное М. М. Воронцом, ошибочно отождествляется с Козлово (Столпенской волости), исследовавшимся В. Н. Глазовым. Последнее расположено в бассейне Сережи.

[14] Сведения о курганах в Холмском уезде Псковской губ., доставленные Масленниковым. Архив ИИМК РАН. Ф-1. № 19. 1887.

[15] О раннесредневековых культурных ландшафтах средней Ловати см.: Конецкий 1992.

[16] Река *Комля* (современное название) – крупнейший правый приток Ловати в верхнем ее течении.

[17] Место стоянки 23 августа 1580 г. не вполне ясно. Речь идет об одном из озер в густой сети водоемов верховьев Ловати. На польской карте Великого княжества Литовского Тобиаса Маерса (1749 г.) между Усвятом и Великими Луками показан левый приток Ловати под названием *Dolza* (рис. 118). Возможно, ночевка состоялась неподалеку от устья этой реки. В. В. Новодворский говорит о ночлеге войска на озере *Долгое* (Новодворский 1904: 159).

[18] *Коптев монастырь*, о котором, не вполне точно передавая название, говорит Зборовский, традиционно локализуется в районе погоста *Копуй (Купуй)* на оз. Купуйское в 10 км к югу от Великих Лук (Милютин 1903: 15; Новодворский 1904: 160).

[19] А. М. Микляев вспоминал, что местные жители, приходившие на раскоп в 1988 г., предполагали, что на острове похоронены «нехорошие люди», надо понимать – род «заложных покойников».

[20] Военно-топографическая карта России, ряд XI, лист 9.

[21] Могильник не исследовался, но его расположение среди тяжелых суглинистых почв исключает его принадлежность к КПДК, т. е. для этого региона – датировку ранее X в.

[22] Лагерь Батория, в котором происходил военный совет, располагался под Суражем.

[23] Ныне – д. *Узвоз (Взвоз)* в 4 км к востоку от города Велижа. Военно-топографическая карта 1867 г. указывает здесь две деревни – *Верхний Взвоз* и *Нижний Взвоз*, оправдывая трудности, возникшие у поляков при переправе и подъеме на гору.

[24] В излучине Западной Двины к северу от Велижа в настоящее время имеются *оз. Черногуз* и *р. Черногузка* – правый приток Западной Двины. Военно-топографическая карта 1867 г. называет озеро *Черногод.* По предположению Е. Р. Романова, древнее название озера имело форму *Черногост.* Он приводит гидроним в наиболее точном местном звучании – *Черногось* (Романов 1898: 107).

[25] В настоящее время мы не можем указать реки с таким названием. Но примерно на пути следования отряда Дзялынского находится современная деревня *Полонейка,* стоящая на левом берегу реки *Зетьевка*, вытекающей из оз. Зетье и впадающей в оз. Озерон, через которое протекает Усвяча в верхнем своем течении. С некоторой долей вероятности какую-то часть верхнего течения современной реки *Зетьевки* и можно сопоставить с рекой *Полоной.* О том, что д. *Полонейка* Усмынской волости стоит на реке *Полонейке* и озере *Полонея,* сообщает Е. Р. Романов, проанализировавший описание интересующей нас границы, датирующееся 1648 г. (Романов 1898: 151, 154).

[26] Деревня *Бобroедово* отмечена и на современных картах между деревнями Усмынь и Кресты. На Военно-топографической карте России и на карте Стрельбицкого ей дано, видимо, более пристойное, с точки зрения военных топографов XIX в., название *Доброедово*. Гейденштейн сообщает, что татарская конница, столкнувшись в 1580 г. с войсками Замойского у Боброедова и реки Полоны, отступила к Торопцу (Гейденштейн 1882: 124–125).

[27] См. выше примеч. 25.

[28] Вероятно, деревня *Слепнево* между озерами Двинье и Ордосно.

[29] Имеются в виду озеро *Сиверстское* на водоразделе рек Усвячи и Куньи и расположенный на его северном берегу погост *Сиверст.* Погост Покров над озером *Северсто* в первой половине XVI в. находился в составе Плавецкой волости, «тянувшей» в зависимости от военно-политической обстановки в московско-литовских отношениях то к витебским, то к торопецким землям (Бассалыго, Янин 1998: 185–189).

[30] Деревня *Рахново*, озеро *Орехново* и река *Орехновка* помещены на Военно-топографической карте 1867 г. в 12 км к северо-западу от оз. Сиверстское.

[31] Деревня *Сенчиты*, озеро *Сенчитское* локализуются по Военно-топографической карте 1867 г. в 7 км к северу от д. Рахново.

[32] Автор «Описания Московии» цитирует Священное Писание (Гваньини 1997: 158).

[33] Обзоры источников по истории региона, связанных с Ливонской войной, можно найти в ряде работ (Оглоблин 1880; Филюшкин 2013; Иван Грозный 2014).

[34] Информацию об этих авторах и характеристику их трудов содержат несколько специальных исследований (Гваньини 1997; Карнаухов 2009; Филюшкин 2013).

[35] Князь Михаил Васильевич Горбатый Кислой руководил зимой 1534/35 г. центральной группой войск, наносившей Литве удар из района Смоленска в направлении на Молодечно. К северу от Западной Двины на полоцком и витебском направлениях боевые действия начали, как обычно, новгородцы под руководством Б. И. Горбатого и В. А. Шереметева (Волков 2004).

[36] Остафий Волович (ок. 1520—1587 гг.), крупный политический деятель Великого княжества Литовского.

[37] Стефан Збаражский был воеводой в Витебске в 1555—1564 гг.

[38] Анализу этих документов и подготовке их новой полной публикации посвящено недавно несколько специальных работ (Ермак 2009; 2010).

[39] Уместно привести здесь описание гаковницы, найденной в слое XV–XVI вв. в Кричеве. Длина ствола составляла 1150 мм, калибр – 20–25 мм, диаметр ствола 55–49 мм. На расстоянии 195 мм от дульного среза располагался крюк – «гак», высотой 100 мм, шириной 45 мм и толщиной 5 мм. В крюке было сделано отверстие (Мяцельскі 2003: 97). Калибр и длина ствола кричевской гаковницы вполне сопоставимы с параметрами охотничьего ружья 16–12-го калибра, о котором говорит С. А. Бутурлин. Разумеется, нужно делать поправку на качество пороха, технологию и тщательность изготовления канала ствола.

[40] О пограничной войне и ее типажах написана небольшая, но колоритная работа: Марзалюк 2010.

[41] Е. Р. Романов приводит интересное наименование одного из берегов Усвятского озера – *Княжое* (Романов 1898: 180), к сожалению, без точной топографической привязки.

[42] Летом 2010 г. С. Ю. Каинов прислал мне серию фотографий. Они были получены из Интернета и изображали, по сведениям разместившего их лица, находки, сделанные «на юге Псковской области». Вещи предназначались для продажи и обмена в среде коллекционеров. Автор фотографий (некто С.) заявил, что находки происходят из Усвят (с Юрьевых Гор) и что часть вещей, которая осталась в его коллекции, он готов безвозмездно уступить археологам для передачи в музей. Я выехал в Великие Луки, встретился с С., посетил с ним Усвяты и действительно получил от него коллекцию общим числом 145 предметов, в том числе 18 резаных куфических дирхемов; два византийских фолиса; 13 древнерусских вислых печатей и пломб XII–XIII вв. Ювелирные изделия и полуфабрикаты составляют остальную часть коллекции. Она является результатом довольно длительных кладоискательских сборов на памятнике.

К сожалению, часть находок разошлась по рукам коллекционеров до моего приезда, и вместо некоторых вещей в моем распоряжении оказались только фотографии. Из этой потерянной части коллекции С. Ю. Каинову удалось найти в Москве только наконечник ножен меча.

При анализе подобных собраний возникает вопрос: следует ли верить находчику и анализировать коллекцию как комплекс, привязанный к определенному памятнику? В данном случае, видимо, – да. Места находки отдельных предметов С. указал мне на местности. Состав находок говорит о том, что они могут происходить только из крупного древнерусского поселения городского типа, не содержащего слоев эпохи позднего средневековья и нового времени. Такое поселение на юге Псковской области только одно – Усвяты. Любопытна находка фрагмента литого лунничного височного кольца великоморавского типа. Это уже второе подобное кольцо, происходящее с Юрьевых Гор. Первое (случайная находка) хранится в Усвятском краеведческом музее.

Во время поездки в Усвяты выяснилось, что масштабы разрушения культурного слоя на Юрьевых Горах кладоискателями огромны. Помимо этого, оказалось, что территория полностью продана в частные руки, причем без каких-либо обременений. Паспорт на древнерусский город в псковском Комитете по культуре отсутствует. В этой ситуации стало понятно, что затормозить гибель памятника может только возобновление археологических исследований, начинать которые требовалось с определения границ и характера культурного слоя.

[43] Следует подчеркнуть, что охранная зона объекта культурного наследия «древнерусский город Усвят» должна быть значительно шире, чем очерченное нами на планах пространство, и включать прилегающие к городской территории исторические ландшафты к югу, юго-западу и северо-западу от обозначенных нами границ.

[44] Данное нами название «Церковище» – условно и служит для удобства обозначения этой части сложного археологического комплекса.

[45] В скобках – керамика из линзы красноватой глины в пласте 2 квадрата Б-3.

[46] 2 фрагмента сосуда, подправленного и орнаментированного на круге.

[47] Выражаю глубокую признательность С. В. Белецкому и В. И. Кильдюшевскому за консультации, полученные мною во время обработки керамической коллекции.

[48] Определение М. В. Саблина (ЗИН).

[49] Определение выполнено И. Г. Широбоковым (МАЭ РАН), которому автор выражает глубокую признательность.

[50] Е. Н. Носов и Н. В. Хвощинская отмечают, что изделия эти следует вернее именовать булавками, нежели фибулами (Носов, Хвощинская 2004: 227), но в силу сложившейся уже традиции здесь применяются эти два обозначения как синонимы.

[51] Рентгено-флюоресцентный анализ выполнен С. В. Хавриным (ГЭ). Находка находится на временном хранении в ИИМК РАН.

[52] Единственное отличие супрутского фрагмента – он не был покрыт позолотой.

[53] Речь идет только о форме бляшки. Опубликованные иллюстрации не дают представления о том, имели ли шведские и гнёздовская находки инкрустацию.

[54] Заключение С. В. Хаврина (ГЭ).

[55] А. Заринь, исследовавшая могильник, отнесла погребение к хронологической группе II (XI–XII вв.).

[56] В докладе В. Л. Янина, Е. А. Рыбиной, Л. В. Покровской, В. К. Сингха, А. М. Степанова, Е. А. Тяниной «Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2012 г. (Троицкий раскоп XIII, участки Г, Г1)» на XXVII научной конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология» 22.01.2013 г. была продемонстрирована еще одна аналогичная пряжка, найденная на усадьбе Ж в слое конца XI–XII в.

[57] Каменные обкладки Анусинских курганов весьма напоминают обложенные камнем насыпи Новгородчины и заставляют вспомнить о новгородском погосте, который Всеслав некогда «завел за Полоцк». Есть в группе и овальные курганы.

[58] Известна опись находок из кургана 1, составленная самим В. И. Сизовым, в которой фигурирует одна «маленькая бронзовая пряжка квадратной формы без язычка» (Сизов 1894: 137).

[59] Важна для датировки гирька с Рюрикова Городища, происходящая из комплекса № 1 (центральный раскоп 1980–1983 гг.). На дне этого комплекса, ниже слоя пожара, найден клад из 7 целых и фрагментированных дирхемов. Клад датирован концом 860-х гг. (Носов 1990: 91–92). Интересующая нас весовая гирька находилась выше в заполнении ямы, т. е. относится к более позднему времени. С учетом того, что в верхней части заполнения ямы найдена раннегончарная керамика, гирьку следует датировать X в.

[60] Заключение о составе металла выполнено С. В. Хавриным (ГЭ).

[61] В некоторых публикациях материал по крайней мере одного из гнёздовских височных колец определяется как низкопробное серебро (Меч и златник 2012: кат. 200).

[62] Найдена И. И. Еремеевым при осмотре памятника в 2010 г.

[63] Заключение выполнено С. В. Хавриным (ГЭ).

[64] Комплекс представляет собой храм XI в. с окружающими его погребениями древнерусского времени.

[65] Заключение С. В. Хаврина (ГЭ).

[66] С. В. Белецкий, опубликовавший подвеску в своей сводке, приводит кочующие по кладоискательским изданиям мнения о других локализациях вещицы (Белецкий 2014: 21). Учитывая мое общение с находчиком, думаю, следует остановиться на привязке вещицы к Усвятам.

[67] Раскопки В. И. Сизова.

[68] Еще одно орудие, близкое по форме, но с коленчатой пяткой, известно на замчище в Логойске (Штыхаў 2011: мал. 17: 3). Полной уверенности в том, что найден именно такой предмет, у меня нет, поскольку вещь фрагментирована.

[69] Много лет живший в Витебске Александр Гваньини, позаимствовавший для своего «Описания Московии» 1578 г. у Герберштейна рассказ о новгородском идоле Перуна, прибаляет, что «его изображали в облике человека, держащего в руке раскаленный камень» (Гваньини 1997: 35).

[70] Автор выражает признательность А. А. Песковой, опознавшей находку и оказавшей большую помощь в поиске редкой в России литературы по западноевропейским паломническим сувенирам.

[71] Раковина морского гребешка – самый ранний и самый распространенный паломнический сувенир, известный в этом качестве по крайней мере с начала XII в. (Пескова 2001: 123; The Archaeology of Medieval Europe 2007: 385–388, там литература).

[72] В каталоге Г. Ф. Корзухиной и А. А. Песковой ошибочно указано, что энколпион из коллекции Ханенко имеет семь медальонов с композицией из городков на лицевой створке и семь медальонов с равноконечными крестами в кругах – на оборотной (Корзухина, Пескова 2003: 182). На самом деле (это хорошо видно на фотографии в альбоме Ханенко) киевский энколпион на оборотной створке в центральном медальоне имеет ромбический узор из городков так же, как и крест из Усвята.

[73] Искренне благодарю А. А. Пескову, консультациями которой я пользовался при работе над рукописью.

[74] Надписи не читаются. Датировка печати любезно выполнена Е. В. Степановой (ГЭ).

[75] Курган № 6 в Старом Селе имел подпрямоугольную форму (Ляўданскі 1930: мал. 30) и может быть отнесен к финальной фазе развития КСДК, для которой характерны погребальные насыпи, возведенные на месте трупосожжения. Курганный могильник в Щемиловке дал материал, более близкий к гнёздовским древностям, нежели к смоленским длинным курганам (Еремеев 1995: 72–73).

[76] Курган № 2 в могильнике Банонь и курган № 12 в Рудне – оба содержали сожжение на подкурганной площадке.

[77] Е. Р. Романов приводит иное название улицы – Подбугорская (Романов 1898: 188).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
ФЕНОМЕН ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ
В ДРЕВНЕРУССКОМ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Имяху бо обычаи свои и законъ отець своих,
и преданья, кождо свой нравъ.

Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи

Только звон твой утренний, София,
Только голос Киева! – Долга
Ночь зимою в Полоцке... Другие
Избы в нем, и церкви, и снега...

Иван Бунин. Князь Всеслав. 1916 г.

Раннесредневековая история и культура Полоцкой земли обладают несомненным, но трудноуловимым своеобразием.[1] Как писал когда-то Л. В. Алексеев, Полоцкая земля «первой выделилась из состава Киевской Руси, в ней, следовательно, впервые проявились те центробежные силы, которые через несколько десятилетий повсеместно ознаменовали <…> эпоху феодальной раздробленности» (Алексеев 1975: 202). Добавим – и вошла Полотчина в состав Древнерусского государства позже других восточнославянских земель. Какие же глубинные историко-географические факторы стоят за политическими событиями, описанными в летописях?

Малочисленность и краткость известий о Полоцкой земле и целый ряд связанных с ней мифологических летописных рассказов говорят о том, что политическая история Полотчины развивалась преимущественно вне поля зрения киевско-новгородского летописания XI–XII вв. и при этом воспринималась как явление, отстраненное от течения исторического времени Киевской Руси. Это тем более заметно на фоне множества общих черт материальной и духовной культуры Полоцкой земли, Киевской и Новгородской Руси.

В настоящее время господствующим объяснением культурного и политического феномена земли полочан стала концепция «славяно-балтского симбиоза», объясняющая эту обособленность затянувшейся на столетия (по сравнению с Верхним Поднепровьем и Приильменьем) славянской ассимиляцией древнего балтского населения (Седов 2001: 48). Разброс мнений в этом направлении очень велик – вплоть до полного отрицания присутствия славянского элемента в кривичской среде ранее конца I–начала II тыс. н. э. (Шадыра 2006: 124; Загорульский 2014: 194).

Как известно, самобытная материальная культура восточных славян догосударственного периода была весьма аскетична. В силу этого восточнославянские древности VIII–IX вв. (особенно в лесной зоне) бедны датирующими артефактами. Единицами представлены восточные, византийские, реже – западноевропейские монеты, импортные средиземноморские бусы, а также имеющие датировки вещи, связанные с кругом западнославянских, аварских, салтовских, скандинавских древностей. Находят эти вещи преимущественно вдоль крупнейших торговых магистралей, чаще в бассейне Верхней Волги, реже – вдоль Днепра и его крупных притоков. За пределами этих речных путей датирующих находок почти нет.

Масштабная активизация внешней торговли на землях восточных славян связана с начальными этапами формирования Древнерусского государства, т. е. приходится на конец IX столетия. Получающийся в более раннее время хронологический «провал» возник преимущественно по вине самих археологов, увлеченных «вещеведческой» хронологией и пренебрегающих естественно-научными методами датирования поселений и анализом стратиграфии. Этот провал создает впечатление не только очень поздней (не ранее X в.) даты зарождения множества древнерусских городов кривичского ареала расселения, но едва ли не полной безлюдности огромных пространств русского Северо-Запада, Верхнего Поднепровья и Белоруссии в VIII–IX вв.

Это впечатление не лишено, конечно, некоторой фактической почвы. Ведь в VIII в. действительно наблюдается кризис, возможно, связанный с сокращением населения. Его отражением в археологическом материале стало исчезновение тушемлинской, банцеровской

и колочинской культур, а также упадок культуры псковских длинных курганов. Но где же следы тех, кто способствовал гибели вышеназванных культур? Отыскать причины этого в природных явлениях: эпидемиях, изменениях климата – не получается. Могли ли огромные пространства оставаться безлюдными на протяжении полутора-двух столетий?

Конечно, вряд ли. Под мощным пластом хорошо датирующихся древностей X столетия не может не быть подосновы IX и VIII вв. Она потенциально известна – на севере, в бассейне Ильменя, – культура сопок, в Верхнем Поднепровье и Подвинье – КСДК, в Центральной Белоруссии – круг древностей, представленный древностями, аналогичными по материальной культуре смоленским длинным курганам, но лишенными курганных погребений. И все же VIII и IX столетия при раскопках поселений чаще всего «ускользают» от исследователей. Могильников же этого времени мы знаем очень мало. В VIII в. и на протяжении какой-то части IX столетия до распространения курганных традиций погребальная обрядность бóльшей части восточных славян имела какие-то трудноуловимые для археологии формы.

В археологических реалиях одним из проявлений «своего нрава» полочан (в широком смысле этого имени) является позднее, преимущественно в X–XI вв., распространение курганного обряда погребения в областях к югу от Западной Двины и к западу от Уллы и Друти (Енуков 1990: 122–131). Объяснить его поздним расселением кривичей с севера, как это делал В. В. Седов и ряд других авторов (Седов 1999: 142–143; 2001: 47; Алексеев 2006: 28–29; Левко 2004: 36–37, рис.1), едва ли возможно. В таком случае придется либо допустить отсутствие населения в Белоруссии в VIII–IX вв. (да, пожалуй, и в доброй части X в.), либо предположить доживание здесь до этого столетия банцеровской культуры, что не имеет археологических оснований.[2]

Жители Полоцкой земли, в отличие от насельников областей, располагавшихся вдоль Пути из варяг в греки и Волжского пути, долго оставались верными традициям раннеславянской эпохи, хороня кремированные останки умерших в каких-то грунтовых могильниках, до сих пор лишь изредка попадающих в поле зрения археологов. Такой могильник, например, был случайно обнаружен на городище Свила I (Митрофанов А-1974; Мітрафанау, Каробушкіна 1975). Долгое, вплоть до X в., отторжение курганного обряда можно рассматривать как свидетельство устойчивой архаики культурного развития Полоцкой земли. Эта приверженность древним традициям нашла отражение и в погребальном обряде местной племенной аристократии. В крупнейших городских центрах Полотчины, таких как Полоцк, Друцк, Изяславль (Заславль), древний Минск на Менке, Лукомль, Усвят и Витебск, – неизвестны большие курганы, очень популярные в X в. у языческой аристократии Киевской Руси. Монументальные погребения бытуют главным образом к востоку «от Друти»: в Старой Ладоге, возможно, Торопце (торопецкие большие курганы не исследованы), Гнёздове, Чернигове, близ ранних новгородских погостов на Мсте и Луге, близ некоторых административных центров X столетия Верхнего Поднепровья и т. д.

Свою специфику имело и полоцкое градообразование. Большинство рассмотренных нами городов Полоцкой земли IX–XI вв. формировалось иначе, чем центры Северной Руси (Ладога, Рюриково Городище, Руса). Главной особенностью является наличие у городов Полотчины подосновы в виде городищ и селищ/посадов банцеровской (или тушемлинской, колочинской) культуры V–VII вв. Соотношение этой подосновы с древностями VIII–IX вв. остается неясным. Но в любом случае древнерусским городам предшествовало не примитивное лесное сообщество, а высокоорганизованная земледельческая культура, интенсивно развивавшаяся, но замкнутая по отношению к внешнему миру. Создается впечатление, что зарождение городской жизни (именно по «племенному», а не по «торговому» сценарию) происходило на территории будущей Полоцкой земли еще в третьей четверти I тыс. н. э. Этот процесс развивался от маленьких «родовых городков» типа Городища (Княгинино) или Банцеровщина с их общинными и культовыми функциями к мощным городищам типа Свилы I и Друцка, предназначенным, видимо, для укрытия скота, имущества и населения каких-то крупных поселков или целых округ. В VIII в. (может быть, на некоторых территориях и в IX в.) этот постепенный процесс был прерван, после чего уже в конце IX столетия началась кристаллизация летописных городов на основе населения с иной культурой и с более широким торговым кругозором.

В отличие от Руси Рюриковичей, где образование государства происходило в условиях активного славяно-скандинавского взаимодействия, Полоцкая земля в IX в. и на протяжении какой-то части X в. интенсивно развивалась как явление самобытной восточнославянской культуры. Это делает в перспективе особенно интересным сопоставление многих политических, экономических и культурных процессов, протекавших на ее территории, с аналогичными явлениями в Поволховье и Поднепровье. В первую очередь сказанное касается становления городов.

Особенностью большинства древнерусских раннегородских поселений, расположенных на территории Белоруссии, является их слабая связь со скандинавским миром. Постепенно накапливающиеся единичные находки северного облика вряд ли радикально изменят картину. Возможно, именно это незнакомство с варяжской, северогерманской культурой (или отторжение ее?) отражает некую политическую оппозиционность Полоцкой земли по отношению к Киеву и Новгороду в X–XI вв. Вряд ли территории Белоруссии входили в область «варяжской дани» в IX в. (индикаторы этой области – такие как стеклянные бусы и североевропейские находки здесь исчисляются единицами). Обошли ее стороной и события, связанные с борьбой северных племен за изгнание скандинавов «за море», с призванием варягов и формированием «державы Рюриковичей». Известия ПВЛ о появлении в Полоцке ставленника Рюрика, а также упоминание об участии Полоцка в заключении договора Руси с Византией 907/911 гг. на фоне данных археологии представляются событиями, вымышленными киевскими или новгородскими летописцами XI столетия в угоду современной им политической конъюнктуре. Экспансия северных племен во главе с русью Олега Вещего прошла, образно говоря, «по касательной» к областям, лежавшим между Друтью и Полотой. Полюдье киевских князей поворачивало от Друти на восток, не затронув Полотчины.

В IX–середине X в. Полоцкая земля накопила мощный демографический и экономический (земледельческий) потенциал, реализовавшийся позднее в создании таких огромных раннегородских центров, как, например, древний Минск на реке Менке. С 850-х гг. монетное серебро интенсивно обращается на Полотчине. Вместе с тем как по письменным, так и по археологическим источникам она предстает как малоизвестная руси окраинная область. Раннеславянские архаические традиции сохранялись здесь дольше, чем на востоке, и лишь распространение христианства, видимо, снивелировало эти культурные различия. Из сказанного отнюдь не следует вывод об экономической или социально-политической отсталости Полоцкого региона. В пользу обратного свидетельствует значительное число кладов арабского серебра, а также – культурный подъем XI столетия, нашедший, в частности, выражение в церковном строительстве.

Экономическое, военно-политическое развитие Полоцкой земли и Полоцка зависело от транзитных торговых магистралей, прежде всего – от динамики функционирования Западно-Двинского торгового пути. Расселение славян около середины I тыс. н. э. вызвало его коллапс, нарушив складывавшуюся столетиями систему расселения в бассейне Западной Двины. Динамика торговых сношений вдоль этой реки позволяет высказать некоторые соображения относительно этногенеза кривичей-полочан. В научной литературе последнего двадцатилетия существует тенденция изображать летописных кривичей балтийским племенем, родственным латгалам (Шмидт 2006: 118–119; Шадыра 2006: 132–133; Callmer 2013: 55–56; Загорульский 2014: 194). Паралич Западно-Двинского пути в VIII–IX вв. и отсутствие вдоль него интенсивных культурных, экономических и политических контактов вплоть до активного вмешательства норманнов в жизнь местных племен в середине X в. свидетельствуют, как представляется, о резкой этнополитической границе, проходившей вдоль восточных границ Латгалии и Селонии. Население Полотчины к указанному периоду, несомненно, было преимущественно славянским. Ассимиляция балтийского населения, обитавшего на территории Полоцкой земли в раннем железном веке, относится, видимо, к значительно более раннему времени.

Определенный застой, в котором Западно-Двинский путь пребывал во второй половине I тыс. н. э. вплоть до середины X в., был вызван тремя факторами. Во-первых, славянская экспансия в V–VIII вв. оказалась направлена в сторону Ильменя, что на протяжении длительного времени определяло преимущественно меридиональную ориентацию политического и экономического развития лесной зоны Восточной Европы. Во-вторых, торговые интересы северогерманских племен Сканди-

навии (в первую очередь готландцев и свеев) оказались во второй половине VIII–начале X в. направлены на восток через Финский залив и замкнулись на том же Ильменском регионе. В-третьих, балтские племена, обитавшие в удаленных от Балтийского морского побережья районах, долгое время препятствовали торговым контактам вдоль течения Даугавы. Причина этого крылась, надо полагать, в том, что «славяно-германский транзит» был неотделим от даннических отношений и более или менее регулярного грабежа регионов, на которые он приходился. Конечно, у нас нет оснований представлять славяно-латгальское пограничье до начала X в. в виде некоего подобия линии фронта или государственной границы новейшего времени. Торговля здесь, безусловно, велась, но ее масштабы явно не выходили за рамки отношений соседних сельских общин.

По вышеназванным причинам Полоцкая земля, в отличие от Северной и Киевской Руси IX–X вв., долгое время находилась вне зоны влияния основных внешних исторических факторов, определивших политические и экономические особенности древнерусской государственности. Отсутствие интенсивного транзитного товарообмена вдоль Западно-Двинской водной магистрали на протяжении VIII–IX вв. и вплоть до середины X в. препятствовало централизации власти и богатства на землях дреговичей и кривичей в междуречье Припяти и Западной Двины. В 940-х гг. политическая ситуация на Западной Двине значительно изменилась. В деталях эти изменения остаются слабо изученными, но суть их ясна – прибалтийско-финские племена Даугавы оказались включены в систему балтийской транзитной торговли. Надо полагать, это произошло в результате частичной утраты ими независимости и включения населения Даугавы в систему устойчивых даннических отношений как с полочанами, так и со скандинавскими конунгами. Тем не менее латгалы в Подвинье еще долго противились полоцкой даннической экспансии и полностью подчинились ей лишь во второй половине XII в., незадолго до начала немецкой колонизации Прибалтики. Исключение составляли, вероятно, северные латгалы, попавшие в зависимость от Руси ранее (но не от Полоцка, а от Пскова).

Открытие пути на Балтику по Западной Двине–Даугаве пробудило Полоцкую землю к активной экономической жизни и в течение двух-трех поколений превратило ее в один из самых динамично развивающихся политических организмов Восточной Европы. Воплощением этого подъема стало строительство при Всеславе Брячиславиче в Полоцке каменного Софийского собора, третьего на Руси после Киевской и Новгородской Софии.

Особняком в Полоцкой земле стоят два города – Витебск и Усвят. Первый из них, хотя и вырос на раннеславянском «родовом городке», имеет в IX–X вв. все черты древнерусского торгово-административного центра с хорошо заметной норманнской вуалью в материальной культуре. Усвят, как выясняется в настоящее время, – явление для Полоцкой земли полностью новое, не столь тесно, как Полоцк, связанное с глубинными пластами раннеславянской культуры. Гораздо ближе стоит он к полиэтничным торгово-ремесленным центрам Руси, будучи подобен Гнёздову.[3] Витебск и Усвят сформировались как городские поселения в инфраструктуре магистральной части Пути из варяг в греки, в культурном и политическом отношении будучи оторванными от Полоцка. В 1021 г. города оказались в центре сложной политической коллизии, в которой действовали три силы: полочане с князем Брячиславом Изяславичем, новгородцы с Ярославом Мудрым и варяги под предводительством Эймунда Хрингссона. На долгие столетия Витебск и Усвят остались беспокойным пограничьем на востоке полоцких владений.

---

[1] Историографическая традиция XIX–начала XX в., обосновывающая самобытность «полоцкой» раннесредневековой государственности, рассматривается в работе И. А. Марзалюка (Марзалюк 2012). Среди археологических исследований можно обратить внимание на размышления Вас. А. Булкина и В. А. Булкина об «особом норове полочан» (Булкин Вал. А., Булкин Вас. А. 1994: 164–165). Своеобразие ранней истории города (и ее отличие от истории Гнёздова) Вас. А. Булкин видел (вполне в русле дореволюционной историографии) в тесной связи Полоцка с архаичными племенными традициями (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 59).

[2] Такой точки зрения когда-то придерживался П. Н. Третьяков по отношению к тушемлинской культуре (Третьяков 1963: 17, 33). Сейчас эта гипотеза имеет только историографическое значение. В основе ошибки лежали первые неудачные опыты применения радиоуглеродного анализа.

[3] Следует упомянуть недавно опубликованную работу Й. Кальмера, в которой исследователь разделяет мой взгляд на роль Витебско-Усвятского региона в ранних контактах восточноевропейского населения и скандинавов. Правда, по моим представлениям, исследователь слишком смело удревняет этот процесс до второй трети IX в. (Callmer 2013: 64–66, 73). Но материала для споров пока мало, и последнее слово остается за будущими находками. Как и решение вопроса о славянстве КСДК, в котором мы расходимся (Еремеев, Дзюба 2010: 398; Callmer 2013: 76–77).

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЛЕТОПИСНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Воскр. – Воскресенская летопись
Ипат. – Ипатьевская летопись
Лавр. – Лаврентьевская летопись
Ник. – Никоновская летопись
Н1 – Новгородская Первая летопись младшего извода
НК – Новгородская Карамзинская летопись
НК1 – первая подборка Новгородской Карамзинской летописи
НСГ – летописи Новгородско-Софийской группы (НК, Н4, С1)
Н4 – Новгородская Четвертая летопись
ПВЛ – Повесть временных лет
Пск1 – Псковская Первая летопись
Радз. – Радзивиловская летопись
Син. – Синодальный список Новгородской Первой летописи (Новгородская Первая летопись старшего извода)
С1 – Софийская Первая летопись
Тв. – Тверская летопись

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ

АВК – Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею
АКР – Археологическая карта России
АН БССР – Академия наук Белорусской Советской Социалистической Республики
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГУ – Белорусский государственный университет
БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси
ВВ – Византийский временник
ВИ – Вопросы истории
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины
ВОКМ – Витебский областной краеведческий музей
ВЯ – Вопросы языкознания
ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік Інстытута гісторыі АН Беларусі
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГВНиП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва)
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗИН – Зоологический институт РАН
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества
ЗРАО – Записки Русского археологического общества
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИЗ – Исторические записки Института истории Академии наук СССР
ИИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИ НАНБ – Институт истории Национальной Академии наук Беларуси
КГИОП – Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры
КП МВКЛ – Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского
КСИА – Краткие сообщения Института Археологии Российской Академии наук
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Российской Академии наук
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАБ – Матэрыялы па археалогіі Беларусі
МАО – Московское археологическое общество
МАР – Материалы по археологии России

МАЭ РАН	–	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» РАН
МГУ	–	Московский государственный университет
МИА	–	Материалы и исследования по Археологии СССР
НА ИА АН Украины	–	Научный архив Института археологии АН Украины
НАНБ	–	Национальная Академия наук Беларуси
НГОМЗ	–	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИМ РБ	–	Национальный исторический музей Республики Беларусь, Минск
НМИУ	–	Национальный музей истории Украины, Киев
ОАВЕС	–	Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
ПАВ	–	Петербургский археологический вестник
ПАО	–	Псковское археологическое общество
ПГ	–	Полоцкие грамоты XIII–XIV вв.
Працы	–	Працы археолёгічнай камісіі Беларускай АН. Т. II
ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей
ПСТГУ	–	Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
РА	–	Российская археология
РАИМК	–	Российская Академия истории материальной культуры
РАН	–	Российская Академия наук
РГО	–	Императорское Русское географическое общество
РИО	–	Императорское Русское историческое общество
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
Сл. РЯ XI–XVII вв.	–	Словарь русского языка XI–XVII вв.
СС	–	Скандинавский сборник
ТОДРЛ	–	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
УАН	–	Украинская Академия наук
AE	–	Arheoloģia un Etnogrāfija
SEER	–	The Slavonic and East European Review
SHM	–	Statens historiska museet (Stockholm)

ЛИТЕРАТУРА

Авенариус 1890 – *Авенариус Н. П.* Дрогичин Надбужский и его древности // Древности Северо-Западного края. СПб. Т. 1, вып. 1. С. 1–42.

АВК, т. I. 1865 – Акты, издаваемые Комиссиею, Высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне. Т. I. Акты Гродненского земского суда. Вильна.

АВК, т. VII. 1874 – Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. VII. Акты Городненского гродского суда. Вильна.

АВК, т. VIII. 1875 – Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. VIII. Акты Виленского гродского суда. Вильна.

АВК, т. XI. 1880 – Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. XI. Акты Главного Литовского трибунала. Вильна.

АВК, т. XIII. 1886 – Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. XIII. Акты Главного Литовского трибунала. Вильна.

Агеева 1989 – *Агеева Р. А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.

Агеева 1990 – *Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М.

АКР 1997 – Археологическая карта России. Смоленская область. М. Ч. 1.

Алексеев 1988 – *Алексеев А. А.* Кирилло-Мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы (Переводы св. Писания в славянской письменности) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М. С. 124–145.

Алексеев 1999 – *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб.

Алексеев 2014 – *Алексеев А. А.* Библейские исследования в России // Вестник ПСТГУ III: Филология. Вып. 1 (36). С. 9–28.

Алексеев 2004 – *Алексеев А. В.* Группа памятников древнерусского времени у д. Хотяжи // Археология Подмосковья. М. С. 177–192.

Алексеев 1966 – *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.). М.

Алексеев 1974 – *Алексеев Л. В.* Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) // СА. № 3. С. 204–219.

Алексеев 1975 – *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М. С. 202–239.

Алексеев 1980 – *Алексеев Л. В.* Новые книги по археологии белорусских городов // СА. № 2. С. 269–274.

Алексеев 1980а – *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М.

Алексеев 1995 – *Алексеев Л. В.* Древний Мстиславль в свете археологии // ГАЗ. Мінск. № 6. С. 118–182.

Алексеев 1998 – *Алексеев Л. В.* Минск и Друцк // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). Минск. С. 10–19.

Алексеев 2002 – *Алексеев Л. В.* Древний Друцк (письменные источники, топография, время возникновения). К празднованию тысячелетия Друцка 1001–2001 гг. // РА. № 1. С. 74–91.

Алексеев 2002а – *Алексеев Л. В.* Друцк в XII–XVI вв. (общие вопросы истории памятника) // РА. № 2. С. 81–98.

Алексеев 2006 – *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. М. Кн. 1.

Алексеев 2006а – *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. М. Кн. 2.

Андрощук 2013 – *Андрощук Ф.* Мечи викингов. Київ.

Андрощук, Зоценко 2012 – *Андрощук Ф., Зоценко В.* Скандинавские древности Южной Руси: Каталог. Paris.

Аничков 1914 – *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб.

Артемьев 1994 – *Артемьев А. Р.* Орнаментированные топоры из раскопок средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 8. С. 156–166.

Археалагічныя знаходкі 2010 – Археалагічныя знаходкі з асабістай калекцыі С. Л. Міхейкі: Каталог. Віцебск.

Археалогія Беларусі 2001 – Археалогія Беларусі. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. Мінск.

Археалогія і нумізматыка Беларусі 1993 – Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя. Мінск.

Археологическое наследие 2012 – Археологическое наследие Беларуси. Минск.

Архипова 2006 – *Архипова Є. І.* Пам'ятки декоративно-ужиткового мистецтва стародавнього Києва (за матеріалами розкопок 2001–2002 рр.) // Археологія. № 1. С. 62–74.

Арциховский 1930 – *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М.

Арциховский 1949 – *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. М.; Л. №. 11. С. 119–151.

Асташова 1999 – *Асташова Н. И.* Хронология смоленских древностей // Труды ГИМ. М. Вып. 111. С. 111–119.

Асташова, Пушкина 2009 – *Асташова Н. И., Пушкина Т. А.* Христианские древности Гнёздова // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М. С. 125–134.

Аун 1992 – *Аун М.* Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-восточной Эстонии. Таллинн.

Афанасьев 1994 – *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М. Т. 1.

Афанасьев 1994а – *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М. Т. 3.

Баловнев 1995 – *Баловнев Д. А.* Священное Писание в древнерусских летописных традициях // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 20–22 февраля 1995 г. М. С. 4–5.

Бараш 1989 – *Бараш С. И.* История неурожаев и погоды в Европе. Л.

Барсов 1885 – *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава.

Барсов 2012 – *Барсов Н. П.* Историко-географический словарь Русской земли IX–XIV вв. М.

Бассалыго, Янин 1998 – *Бассалыго Л. А., Янин В. Л.* Историко-географический обзор новгородско-литовской границы // *Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М. С. 104–214.

Башков 2011 – *Башков А. А.* Христианские древности Беларуси конца X–XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования). Минск.

Бектинеев 2011 – *Бектинеев Ш. И.* Методика исследований монетных гирек-разновесов X–XIV вв. (по белорусским археологическим материалам) // МАБ. Мінск. Вып. 20. С. 66–71.

Беленькая 1976 – *Беленькая Д. А.* Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. № 4. С. 88–99.

Белецкий 1980 – *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. М. Вып. 160. С. 3–18.

Белецкий 1983 – *Белецкий С. В.* Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М. С. 46–80.

Белецкий 1996 – *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб.

Белецкий 2014 – *Белецкий С. В.* Геральдические подвески Древней Руси (новые находки) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 4. С. 12–54.

Белецкий, Лесман 1979 – *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // СА. № 1. С. 303–313.

Белецкий, Лесман 2005 – *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* О нижнем слое Труворова Городища (заметки на полях монографии В. В. Седова) // Stratum plus. № 5. С. 515–577.

Белоруссия в эпоху феодализма 1959 – Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 1. С древнейших времен до середины XVII века. Минск.

Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах 1975 – Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах. М.

Берга 1988 – *Берга Т. М.* Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. Рига.

Берга 2011 – *Берга Т. М.* Находки разновесов на городищах и поселениях Латвии // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. академика В. В. Седова. Материалы 56-го заседания. М.; Псков. С. 166–171.

Бережков 1963 – *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М.

Бернштам 2011 – *Бернштам Т. А.* Герой и его женщины: образы предков в мифологии восточных славян. СПб.

Бернштейн-Коган 1950 – *Бернштейн-Коган С. В.* Путь из варяг в греки // Вопросы географии. М. Вып. 20. С. 239–270.

Бобров 1999 – *Бобров А. Г.* Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРЛ. СПб. Т. LI. С. 107–136.

Бобров 2001 – *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб.

Бобров, Дмитриева 2002 – *Бобров А. Г., Дмитриева З. В.* От составителей. Предисловие к изданию Новгородской Карамзинской летописи // ПСРЛ. СПб. Т. 42. С. 14.

Богданов, Рукавишников 2002 – *Богданов В. П., Рукавишников А. В.* Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII–первой трети XIII века // ВИ. № 10. С. 19–31.

Брим 2002 – *Брим В. А.* Путь из варяг в греки // Из истории русской культуры. Т. II, кн. 1. Киевская и Московская Русь. М. С. 225–260.

Бруевич 2003 – *Бруевич Н.* Исследования на курганном могильнике Чемерня-II // ГАЗ. Мінск. № 18. С. 273–274.

Брэжго 1933 – *Брэжго Б.* Замкі Віцебшчыны. Вільня.

Бубенько 1997 – *Бубенько Т. С.* Социотопографическая структура посада средневекового Витебска (X–первая половина XIV вв.) // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М. Т. 2. С. 23–30.

Бубенько 2004 – *Бубенько Т. С.* Средневековый Витебск. Витебск.

Бубенько, Левко 2003 – *Бубенько Т. С., Левко О. Н.* Стратиграфия и хронология нижнего слоя Витебска // МАБ. Мінск. № 8. С. 71–95.

Булкин 2012 – *Булкин Вал. А.* О древнерусской архитектуре. СПб.

Булкин Вал. А., Булкин Вас. А. 1994 – *Булкин Вал. А., Булкин Вас. А.* Древний Полоцк: у истоков культуры // Проблемы археологии. СПб. Вып. III. С. 161–181.

Булкин и др. 1979 – *Булкин В.А., Булкин Вас. А., Смирнов В.Н., Ратнер И.Е.* Работы в Полоцке // АО 1978 г. М. С. 430–431.

Булкин, Дубов, Лебедев 1978 – *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л.

Булкин, Мачинский 1986 – *Булкин В. А., Мачинский Д. А.* Русь конца VIII–начала X вв. на Балто-Волжском и Балто-Донском путях // Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар. С. 13–26.

Булкин, Седых 1994 – *Булкин В. А., Седых В. Н.* Новое обследование средневековых поселений в Усвятах // Древности лесной зоны Восточной Европы: Тезисы докладов к заседанию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, посвященному 60-летию А. М. Микляева. СПб. С. 26–28.

Булычов 1913 – *Булычов Н. И.* Раскопки по среднему течению р. Угры (Ока) (Бассейн р. Волги). М.

Буров 1975 – *Буров В. А.* Усвятский волок по археологическим данным // Вестник МГУ. М. Вып. 4. С. 78–85.

Буров 1994 – *Буров В. А.* Лето в Новгороде. Из варяг в греки на байдарке. М.

Буслаев 1861 – *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб. Т. I.

Бутурлин 1937 – *Бутурлин С. А.* Дробовое ружье. М.; Л.

Быков 1925 – *Быков А. А.* Клад серебряных куфических монет, найденный в Новгороде в 1903 г. // Известия РАИМК. Л. Т. IV. С. 133–139.

Бычкова 1996 – *Бычкова М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV до 1569 г. М.

Бычкова и др. 2008 – *Бычкова Я. В., Ениосова Н. В., Нилус И. М., Пушкина Т. А.* Точильные камни под микроскопом: новые данные об использовании и происхождении оселков из Гнёздова // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. Т. II. С. 312–314.

Вайцяховіч 2004 – *Вайцяховіч А. В.* Даследаванні курганных могільнікаў у Віцебскай вобласці // ГАЗ. Мінск. № 19. С. 294–295.

Вайцяховіч 2005 – *Вайцяховіч А. В.* Працы на курганных могільніках у Віцебскай вобласці // ГАЗ. Мінск. № 20. С. 238–239.

Вайцяховіч 2006 – *Вайцяховіч А. В.* Раскопкі курганаў у Докшыцкім раёне Віцебской вобласці // ГАЗ. Мінск. № 21. С. 206–207.

Вайцяховіч 2011 – *Вайцяховіч А. В.* Нябышына // Археалогія Беларусі. Мінск. Т. 2. С. 140–141.

Васильев 2007 – *Васильев В. Л.* Древнебалтийская топонимия в регионе Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 21. С. 271–285.

Васильев 2012 – *Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.

Введенский 2006 – *Введенский А. М.* Договоры Руси с греками X в.: клятва Святослава Игоревича. Проблемы интерпретации выражения «колоти яко золото» // ТОДРЛ. СПб. Т. LVII. С. 916–926.

Векслер, Двуреченский 2000 – *Векслер А. Г., Двуреченский О. В.* Комплекс вещей из сооружения первой половины XVII века на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Археологические памятники Москвы и подмосковья. М. Ч. 3. С. 166–181.

Веремейчик 2010 – *Веремейчик Е. М.* Предметы христианского культа XI–XIII вв. на сельских поселениях Черниговского Полесья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб. С. 344–354.

Вилкул 2008 – *Вилкул Т. Л.* Заимствования из Хроники Иоанна Малалы и Александрии Хронографической в Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (сентябрь). С. 15–16.

Вилкул 2011 – *Вилкул Т. Л.* Заимствования из Восьмикнижия у киевских летописцев XII–начала XIII в. // Ruthenica. Київ. Т. X. С. 102–116.

Вилкул 2012 – *Вилкул Т. Л.* Избыточность военной топики в «Повести временных лет» (сравнительный аспект) // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 18–20 апреля 2012 г.: материалы конференции. М. С. 40–44.

Вилцане 2008 – *Вилцане А.* Археологические исследования латгальского могильника Брувери IX–XII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. академика В. В. Седова. Псков. С. 324–340.

Виноградова 1988 – *Виноградова Л. Н.* Отражение древнеславянских мифологических представлений в «малых» формах // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М. С. 277–288.

Виролайнен 2004 – *Виролайнен М. Н.* Мифологема «чужого мира» в историческом самосознании Киевской и Московской Руси (XI–XVI вв.) // «Литературоведение как литература»: Сб. в честь С. Г. Бочарова. М. С. 13–30.

Витебская старина 1883 – Витебская старина. Витебск. Т. I.

Вознесеньска, Паньков 2004 – *Вознесеньска Г. О., Паньков С. В.* Техніко-технологічні особливості видобування і обробки заліза у давньоруському Києві // Археологія. Київ. № 3. С. 55–68.

Волков 2004 – *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства. М.

Волков 1996 – *Волков И. В.* Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Новгород. Вып. 10. С. 90–103.

Волков 2005 – *Волков И. В.* Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Новгород. Вып. 19. С. 145–163.

Волочкова, Закурина 1996 – *Волочкова О. К., Закурина Т. Ю.* Погребения древнерусского курганного некрополя Пскова (по материалам раскопов V, XI, XII) // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 3. С. 119–130.

Волошин 2013 – *Волошин К.* Оборонительные системы Червенских городов в свете новейших исследований // Докл. на конф. «Оборонительные сооружения и монументальное зодчество Древней Руси», посвященной 100-летию со дня рождения П. А. Раппопорта. С-Петербург, 22.10.2013–23.10.2013 г.

Воронин, Раппопорт 1979 – *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII–XIII в. Л.

Вялікі гістарычны атлас Беларусі 2009 – Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Мінск. Т. 1.

Гавритухин 2001 – *Гавритухин И. О.* Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 2. С. 44–159.

Гайдуков 1992 – *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.

Гайдуков, Носов 2007 – *Гайдуков П. Г., Носов Е. Н.* Находки восточных монет VI–X вв. на Новгородском (Рюриковом) городище // У истоков русской государственности. СПб. С. 82–88.

Гайдуков, Олейников 2013 – *Гайдуков П. Г., Олейников О. М.* Археологические исследования на Торговой стороне Новгорода в 2012 г. (Лукинский 2 раскоп) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 27. С. 20–30.

Галанов 2014 – *Галанов В. И.* Памятники нумизматики эпохи викингов в фондах Смоленского государственного музея-заповедника // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». Санкт-Петербург, Старая Ладога 18–20 апреля 2014 г. Материалы докладов и сообщений. СПб. С. 10–15.

Галл Аноним 1961 – *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей или правителей польских/ Пер. Л. М. Поповой. М.

Гардзанити 2007 – *Гардзанити М.* Библейские цитаты в литературе Slavia Ortodoxa // ТОДРЛ. СПб. Т. LVIII. С. 28–40.

Гваньини 1997 – *Гваньини Александр.* Описание Московии. М.

Гваньїні 2007 – *Гваньїні Олександр.* Хроніка Європейської Сарматії. Київ.

ГВНиП 1949 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.

Гейденштейн 1882 – *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578–1582). СПб.

Генрих Латвийский 2009 – *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии / Пер. С. А. Аннинского. Рязань.

Гимон 2011 – *Гимон Т. В.* Военная история Балтийского региона в XII–XIII вв. и новгородская летопись // Висы дружбы: Сб. статей в честь Т. Н. Джаксон. М. С. 74–82.

Гимон 2012 – *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М.

Гимон 2012а – *Гимон Т. В.* События XI–начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. М. С. 584–703.

Гиппиус 1994 – *Гиппиус А. А.* Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет // Балканские чтения-3. Лингвоэтнокультурная история Балкан и Восточной Европы: Тез. и материалы симпозиума. М. С. 136–141.

Гиппиус 2012 – *Гиппиус А. А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М. С. 37–63.

Гиппиус 2013 – *Гиппиус А. А.* «Нѣсть се Олегъ, но Святыи Димитрии…»: к атрибуции летописного свода 1060-х годов // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2013 г. М. С. 62–68.

Гістарычны атлас Беларусі 2008 – Гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. Беларусь ад старажытных часоў да канца XVIII ст. Варшава; Мінск.

Глазов 1903 – *Глазов В. Н.* Отчет о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг. // ЗОРСА. СПб. Т. 5, вып. 1. С. 44–66.

Глазырина 2002 – *Глазырина Г. В.* Сага об Ингваре Путешественнике. М.

Гнёздово сквозь века 2006 – Гнёздово сквозь века. Набор открыток, выполненный по заказу Департамента Смоленской области по культуре. Смоленск.

Голубева 1973 – *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.

Голубовский 2011 – *Голубовский П. В.* История Смоленской земли. М.

Гончаров 1950 – *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев.

Горбачева, Харламова 2011 – *Горбачева Н. И., Харламова И. Г.* Произведения древнерусской мелкой пластики XI–XVII веков в собрании Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника: Каталог. М.

Горский 1995 – *Горский А. А.* Кривичи и полочане в IX–X вв. (вопросы политической истории) // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1992–1993 годы. М. С. 50–63.

Горский 1996 – *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М.

Горский 2002 – *Горский А. А.* К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2002 г. М. С. 51–53.

Горский 2005 – *Горский А. А.* Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема «договора 907 года» // У источника. Ad fontem: сб. статей в честь С. М. Каштанова. М. С. 147–152.

Горский 2009 – *Горский А. А.* Об упоминании Переяславля в русско-византийских договорах X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 14–17 апреля 2009 г. М. С. 82–86.

Горюнова 1972 – *Горюнова В. М.* Поселение у дер. Городище // АО 1971 г. М. С. 28–29.

Горюнова 1973 – *Горюнова В. М.* Раскопки поселения у дер. Городище // АО 1972 г. М. С. 10–11.

Горюнова 1974 – *Горюнова В. М.* Новое в исследовании «Городка» на Ловати // КСИА. М. Вып. 139. С. 74–80.

Горюнова 1976 – *Горюнова В. М.* Работы на древнерусском поселении под Великими Луками // АО 1975 г. М. С. 11.

Горюнова 1978 – *Горюнова В. М.* Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. Л. Вып. 2. С. 140–148.

Горюнова 1979 – *Горюнова В. М.* О работе Великолукского отряда // АО 1978 г. М. С. 7.

Горюнова 1988 – *Горюнова В. М.* Городок на Ловати X–XII вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л.

Горюнова 1988а – *Горюнова В. М.* Ремесленные комплексы (X–начала XI в.) Городка на Ловати // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев. Т. 2. С. 51–55.

Горюнова 1991 – *Горюнова В. М.* Начальная история древних Лук (X–начало XI вв.) // Материалы по археологии Новгородской земли. М. С. 38–67.

Горюнова 1994 – *Горюнова В. М.* Некоторые аспекты ювелирного дела раннегородских центров Северной Руси (тигли) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб. С. 60–73.

Горюнова 2007 – *Горюнова В. М.* Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси // Северная Русь и народы Балтики. СПб. С. 45–89.

Горюнова, Лапшин 2004 – *Горюнова В. М., Лапшин В. А.* О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти проф. И. В. Дубова. СПб. С. 55–72.

Горюнова, Шитова 1978 – *Горюнова В. М., Шитова Т. Б.* Работы Великолукского отряда // АО 1977 г. М. С. 11–12.

Готун 2003 – *Готун І. А.* Типи будівель // Село Київської Русі. Київ. С. 156–182.

Границы Литвы 2010 – Границы Литвы. Тысячелетняя история. Вильнюс.

Греков 1953 – *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.

Григорьев 2005 – *Григорьев А. В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I–начале II тыс. н. э. Тула.

Грималускайте, Синчук 2004 – *Грималускайте Д., Синчук И.* Монеты из Городища в Минцкабинете императорского Виленского университета (1803–1832 г.) // ГАЗ. Мінск. № 19. С. 173–180.

Гупало 2009 – *Гупало В.* Керамічні світильнікі і підсвічники княжої доби // Фортеця: збірник заповідника «Тустань»: на пошану Міхайла Рожка. Львів. С. 341–347.

Давидан 1962 – *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Л. Вып. 4. С. 95–108.

Давидан 1980 – *Давидан О. И.* Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. Л. Вып. 21. С. 59–67.

Давидан 1987 – *Давидан О. И.* Весовые гирьки Старой Ладоги // АСГЭ. Л. Вып. 28. С. 119–126.

Давидан 1994 – *Давидан О. И.* Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // ПАВ. СПб. № 9. С. 156–167.

Давидан 1998 – *Давидан О. И.* Сердоликовые изделия из Старой Ладоги // АСГЭ. Л. Вып. 33. С. 123–132.

Давидан 1999 – *Давидан О. И.* Новые находки гребней в Старой Ладоге // РА. № 1. С. 167–174.

Даль 1935 – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. А–З. М.

Данилевич 1896 – *Данилевич В. Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев.

Данилевич 1898 – *Данилевич В. Е.* Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV столетия. Юрьев.

Данилевский 2004 – *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.

Данилевский 2008 – *Данилевский И. Н.* Зарождение государственной идеологии в Древней Руси // Ярослав Мудрый и его эпоха. М. С. 134–152.

Даркевич 1961 – *Даркевич В. П.* Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. М. Вып. 4. С. 91–102.

Даркевич 1974 – *Даркевич В. П.* Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М. С. 19–71.

Даркевич 1976 – *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М.

Даркевич, Борисевич 1995 – *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Древняя столица Рязанской земли. М.

Даркевич, Пуцко 1981 – *Даркевич В. В., Пуцко В. Г.* Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978) // СА. М. № 3. С. 218–232.

Дворниченко 2013 – *Дворниченко А. Ю.* Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М.

Двуреченский 2008 – *Двуреченский О. В.* Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Военная археология. М. Вып.1. С. 55–93.

Дернович 2006 – *Дернович С. Д.* Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск.

Джаксон 1991 – *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1988–1989 годы. М. С. 5–169.

Джаксон 1994 – *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М.

Джаксон 2012 – *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.

Дмитриев 2003 – *Дмитриев А. В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М. С. 200–206.

Дневник последнего похода 1882 – Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова). Псков.

Дневник Яна Петра Сапеги 2012 – Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611) // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава. Т. IX.

Добровольский, Дубов, Рождественская 1982 – *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Рождественская Т. В.* Новая находка граффити на куфической монете // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. История. Язык. Литература. Вып. 1. № 2. С. 29–32.

Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991 – *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Граффити на восточных монетах. Л.

Добровольский, Рябцевич 1999 – *Добровольский И. Г., Рябцевич В. Н.* Козьянковский клад куфических дирхемов // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 5. С. 295–298.

Довнар-Запольский 1891 – *Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев.

Документы 1998 – Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава. Т. III.

Дончева-Петкова 2011 – *Дончева-Петкова Л.* Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX–XIV в.). София.

Древний Новгород 1985 – Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М.

Дубов 1979 – *Дубов И. В.* Тимеревский комплекс – протогородской центр в зоне славяно-финских контактов // Финно-угры и славяне. Л. С. 110–118.

Дубов 1982 – *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.

Дук 2003 – *Дук Д. В.* Состояние, актуальные проблемы и перспективы развития археологии Полоцка // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы IV Міжнароднай канферэнцыі. Полацк. С. 107–111.

Дук 2009 – *Дук Д. У.* Археалагічныя раскопкі на старожытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк. С. 255–278.

Дук 2009а – *Дук Д. У.* Ляпная кераміка і рэчавы комплекс вакольнага горада старожытнага Полацка (па выніках раскопак 2008 года) // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку). Наваполацк. С. 9–30.

Дук 2010 – *Дук Д. У.* Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) Наваполацк.

Дук 2011 – *Дук Д. У.* Археалагічныя раскопкі на старожытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. // МАБ. Мінск. Вып. 21. С. 30–60.

Дук 2012 – *Дук Д. В.* Полоцк – 1150: истоки государственности на белорусских землях // Родина. 2012. № 9. С. 66–69.

Дуцмане, Озолиня 1999 – *Дуцмане К., Озолиня А.* Новые поступления монетных находок в музей истории Латвии // Седьмая всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщений. М. С. 180–183.

Дучыц 1993 – *Дучыц Л. У.* Падвескі // Археалогія і нумызматыка Беларусі. Мінск. С. 472.

Дучыц 1996 – *Дучыц Л. У.* Курганна-жальнічныя могільнікі на тэрыторыі Полацкай зямлі (да пастаноўкі пытання) // ГАЗ. Мінск. № 10. С. 38–42.

Егорейченко 2005 – *Егорейченко А. А.* Городище у д. Городище Мядельского р-на (исследования 1988 г.) // МАБ. Мінск. Вып. 9. С. 121–128.

Ениосова 1994 – *Ениосова Н. В.* Ажурные наконечники ножен мечей X–XI вв на территории Восточной Европы // История и эволюция древних вещей. М. С. 100–121.

Ениосова 1998 – *Ениосова Н. В.* Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнёздова // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 4. С. 258–267.

Ениосова 2001 – *Ениосова Н. В.* Украшения смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнёздове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 207–219.

Ениосова 2001а – *Ениосова Н. В.* Скандинавские рельефные фибулы из Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. С.83–101.

Ениосова 2007 – *Ениосова Н. В.* Золото викингов на территории Древней Руси // У истоков Русской государственности. СПб. С. 307–315.

Ениосова, Митоян 1999 – *Ениосова Н. В., Митоян Р. А.* Тигли Гнёздовского поселения // Труды ГИМ. М. Вып. 111. С. 54–63.

Ениосова, Митоян, Сарачева 2008 – *Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.* Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной европы в эпоху средневековья. М. С. 107–179.

Ениосова, Мурашева 1998 – *Ениосова Н. В., Мурашева В. В.* Технология производства гнездовской ременной гарнитуры // Труды ГИМ. М. Вып. 96. С. 43–51.

Ениосова, Ререн 2011 – *Ениосова Н. В., Ререн Т.* Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения-3. Великий Новгород. С. 243–254.

Енуков 1990 – *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М.

Енуков 2005 – *Енуков В. В.* Славяне до Рюриковичей. Курск.

Еремеев 1995 – *Еремеев И. И.* Щемиловка – древности окрестностей летописного Усвята // Древности Северо-Западной России. СПб. С. 68–74.

Еремеев 1997 – *Еремеев И. И.* Клад куфических монет VIII–IX вв. из д. Глазуново и Усвятский волок // Археологические взаимодействия в условиях контактных зон. Археологические изыскания. СПб. Вып. 41. С. 69–71.

Еремеев 1997а – *Еремеев И. И.* Средневековый Усвят. Проблемы ранней истории // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 11. С. 260–274.

Еремеев 2003 – *Еремеев И. И.* Раннесредневековые памятники у Велижских порогов на Западной Двине (к проблеме реконструкции маршрутов «пути из варяг в греки») // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб. С. 258–270.

Еремеев 2005 – *Еремеев И. И.* Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги // Археологические вести. СПб. Вып. 12. С. 98–122.

Еремеев, Бубенько, Штыхов 2007 – *Еремеев И. И., Бубенько Т. С., Штыхов Г. В.* Лепная керамика средневекового Витебска // Acta Archaeologica Albarutenica. Мінск. Vol. II. С. 5–24.

Еремеев, Дзюба 2010 – *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб.

Еремеев, Штыхов 2007 – *Еремеев И. И., Штыхов Г. В.* Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой // Acta Archaeologica Albarutenica. Мінск. Vol. I. С. 110–134.

Ермак 2009 – *Ермак В. Ю.* Землевладение российских помещиков в Полоцком повете в 1563–1571 гг. по данным писцовых книг // Studia historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. Минск. Вып. 2. С. 132–151.

Ермак 2010 – *Ермак В. Ю.* Полоцкий повет в годы пребывания в составе Российского государства 1563–1579 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге): Материалы междунар. науч. конф. СПб. С. 114–117.

Живописная Россия 1882 – Живописная Россия. Т. 3. Ч. 1. Литовское Полесье. Ч. 2. Белорусское Полесье. СПб.; М.

Жуков, Коровкин 2005 – *Жуков К. А., Коровкин Д. С.* Западноевропейский доспех эпохи раннего ренессанса. СПб.

Журавлев 2010 – *Журавлев А. Ф.* Интуиция этимолога // Этимология. Т. 30. 2006–2008. М. С. 3–23.

Завадская 1988 – *Завадская С. В.* Четвертая месть княгини Ольги в Повести временных лет и византийский хронограф // Внешняя политика Древней Руси: Юбилейные чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 19–22 апреля 1988 г. М. С. 29–31.

Загорульский 1982 – *Загорульский Э. М.* Возникновение Минска. Минск.

Загорульский 2014 – *Загорульский Э. М.* Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. Минск.

Зайковский 2001 – *Зайковский Э. М.* Исследование восточнолитовского кургана XIII века с кремацией у д. Ашмянец // Lietuvos archeologija. Vilnius. T. 21. P. 413–420.

Зайцева 2006 – З*айцева И. Е.* Ювелирные производственные комплексы селища Минино (XI–XIII вв.) // КСИА. Вып. 220. С. 74–87.

Зайцева 2008 – *Зайцева И. Е.* Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. М. Т. 2. С. 57–142.

Зайцева, Макаров 2007 – *Зайцева И. Е., Макаров Н. А.* Могильник Минино II. Описание погребальных комплексов // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. М. Т. 1. С. 233–338.

Зайцева, Сарачева 2011 – *Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей». М.

Захаров 2004 – *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.

Захаров 2005 – *Захаров С. Д.* Свинцовые пломбы Белоозера // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М. С. 20–63.

Заяц 1983 – *Заяц Ю. А.* Гарадзішча Замэчак у Заслаўі // Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. № 3. Серыя грамадскіх навук. Мінск. С. 70–76.

Заяц 1993 – *Заяц Ю. А.* Полоцкие события «Саги об Эймунде» // Полоцкий летописец. Полоцк. № 1 (2). С. 5–11.

Заяц 1994 – *Заяц Ю. А.* Паселішча X–XIII стст. каля в. Дружба (Рылаўшчына) // ГАЗ. Мінск. № 3. С. 132–147.

Заяц 1995 – *Заяц Ю. А.* Заславль в эпоху феодализма. Минск, 1995.

Заяц 1996 – *Заяц Ю. А.* Анусинские курганы // ГАЗ. Мінск. № 10. С. 43–57.

Заяц 2005 – *Заяц Ю. А.* К проблеме первоначального Менска (сравнительная хронология поселений на реках Немига и Мена) // МАБ. Мінск. Вып. 9.

Зверуго 1989 – *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск.

Зверуго 2001 – *Зверуго Я. Г.* Исследование восточнолитовских курганов на территории Беларуси // Lietuvos archeologija. T. 21. P. 111–120.

Звяруга 2005 – *Звяруга Я. Г.* Беларускае Павілле ў жалезным веку і раннім сярэдневякоўі // МАБ. Мінск. Вып. 10.

Зеленин 1991 – *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М.

Зиборов 2002 – *Зиборов В. К.* Русское летописание XI–XVIII веков. СПб.

Зимин 1972 – *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.

Зоценко, Иевлев 2010 – *Зоценко В. Н., Иевлев М. М.* Бронзовая литейная форма XI в. из Киева // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб. С. 371–374.

Иван Грозный 2014 – Иван Грозный – завоеватель Полоцка (новые документы по истории Ливонской войны). СПб.

Иванова 1976 – *Иванова Т. А.* У истоков славянской письменности (К переводческой деятельности Мефодия) // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М. С. 24–27.

Изборник 1969 – Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси). М.

Ильин 1924 – *Ильин А. А.* Топография кладов древних русских монет X–XI в. и монет удельного периода // Труды нумизматической комиссии РАИМК. Л. Т. V.

Исландские саги 1956 – Исландские саги. М.

Исланова 2007 – *Исланова И. В.* Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. Раннеславянский мир. М. Вып. 9. С. 301–332.

Исланова, Крымов, Романов 2005 – *Исланова И. В., Крымов Е. Ю., Романов В. В.* Варяги на Верхней Волге (новые находки) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М. С. 72–77.

Истрин 1893 – *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М.

Кавелин 1850 – *Кавелин К. Д.* Некоторые извлечения из собираемых в Императорском Русском географическом обществе этнографических материалов о России, с заметками о их многосторонней занимательности и пользе для науки // Географические известия. СПб. Вып. 3. С. 323–339.

Каинов 1999 – *Каинов С. Ю.* Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнёздова // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. С. 49–62.

Каинов 2009 – *Каинов С. Ю.* Наконечники ножен меча из Гнездова // Acta Militaria Mediaevalia V. Kraków; Sanok. S. 79–110.

Каласоўскі 2009 – *Каласоўскі Ю. У.* Вежкі // Археалогія Беларусі. Мінск. Т. 1. С. 153–154.

Каменецкая 1991 – *Каменецкая Е. В.* Заольшанская курганная группа Гнёздова // Смоленск и Гнёздово. М. С. 125–174.

Кананин 1980 – *Кананин В. А.* Исследования городища Шудья-Кар в верховьях Камы // КСИА. М. Вып. 160. С. 92–100.

Карамзин 1818 – *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб. Т. II.

Каргер 1958 – *Каргер М. К.* Древний Киев. Киев. Т. 1.

Карнаухов 2009 – *Карнаухов Д. В.* История русских земель в польской хронографии конца XV–начала XVII в. Новосибирск.

Карпозилос 1988 – *Карпозилос А.* Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // ВВ. Т. 49 (74). С. 112–118.

Карский 1903 – *Карский Е. Ф.* Белорусы. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава.

Картамышева 2002 – *Картамышева Е. П.* Между жизнью и смертью: к вопросу о структуре загробного мира у древних скандинавов // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2002 г. М. С. 96–101.

Каштанов 1996 – *Каштанов С. М.* К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства. VIII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г. М. С. 39–42.

Каштанов 1996а – *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI в. М.

Каштанов 2014 – *Каштанов С. М.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М.

Кенько 2012 – *Кенько П. М.* Поясной набор верховьев Березины Днепровской // Віцебскія старажытнасці. Віцебск. С. 261–266.

Кізюкевіч, Юркавец 2006 – *Кізюкевіч Н. А., Юркавец Ю. В.* Старажытны Турыйск (па матэрыялах раскопак 1960–1962 г.) // МАБ. Мінск. Вып. 11. С. 118–135.

Кильдюшевский 1996 – *Кильдюшевский В. И.* Погребения Псковского некрополя (раскоп VII) // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 3. С. 140–147.

Кильдюшевский 2002 – *Кильдюшевский В. И.* Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. С. 5–33.

Кирпичников 1966 – *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры булавы, кистени IX–XIII вв. САИ. Е1-36. М.; Л.

Кирпичников 1973 – *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ. Е1-36. Л.

Кирпичников 2003 – *Кирпичников А. Н.* Ладога в первые века ее истории // *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога древняя столица Руси. СПб. С. 52–93.

Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 – *Кирпичников А. Н, Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М. С. 188–297.

Кирпичников, Ениосова 2004 – *Кирпичников А. Н., Ениосова Н. В.* Литейные формы для производства слитков из Старой Ладоги // Восточная Европа в средневековье. М. С. 290–296.

Кирпичников, Медведев 1985 – *Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф.* Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М. С. 298–363.

Клімаў 2011 – *Клімаў М. В.* Новые данныя аб Запалоцкім пасадзе ў Полацку (па выніках раскопак 2008 г.) // МАБ. Мінск. Вып. 21. С. 74–98.

Клімаў, Куляшоў 2011 – *Клімаў М., Куляшоў В.* Новыя знаходкі арабскіх дзірхамаў на Полацкім Гарадзішчы // Studia Numismatica Albaruthenica. Мінск. Vol. I. С. 49–60.

Клосс 2000 – *Клосс Б. М.* Второе предисловие к изданию 2000 г. Новгородской четвертой летописи // Новгородская четвертая летопись. Полное собрание русских летописей. М. Т. IV, ч. 1. С. XI–XX.

Клюг 1994 – *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь.

Ключевский 1923 – *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Пг. Ч. 1.

Ковалев 2002 – *Ковалев Р. К.* Клад дирхамов 913/914 гг. из деревни Пальцево Тверской губернии // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб. С. 160–164.

Ковалевская 1979 – *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. САИ. Е-1. М.

Ковалевская 2000 – *Ковалевская В. Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.

Коваль 2010 – *Коваль В. Ю.* Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. М.

Кокорина 2013 – *Кокорина Н. А.* Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир.

Колединский 1994 – *Колединский Л. В.* Городище средневекового Слуцка (предварительные итоги исследований 1985–86 гг.) // ГАЗ. Мінск. № 4. С. 134–139.

Колосова, Милютина 1994 – *Колосова И. О., Милютина Н. Н.* «Большой курган» древнерусского некрополя Пскова (погребения 57 и 59) // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 2. С. 110–127.

Колосова, Милютина 1996 – *Колосова И. О., Милютина Н. Н.* Древнерусский некрополь Пскова (по материалам раскопа XVI) // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 3. С. 148–160.

Колпакова 2003 – *Колпакова Ю. В.* Предметы христианского культа из археологической коллекции Псковского музея-заповедника // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 66–73.

Колпакова 2004 – *Колпакова Ю. В.* Каменные и янтарные нательные кресты Пскова и Изборска // Археология и история Пскова и Псковской земли. 50. Псков. С. 102–110.

Колпакова 2008 – *Колпакова Ю. В.* К изучению топографии находок предметов личного благочестия в древней части Среднего города Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Псков. С. 108–124.

Колпакова 2011 – *Колпакова Ю. В.* Энколпионы из Пскова и Изборска // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. Псков. Вып. 2. С. 141–156.

Колпакова 2013 – *Колпакова Ю. В.* К осмыслению роли крестиков из камня и янтаря в религиозной жизни средневековых псковичей // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Материалы 58-го заседания. Псков. С. 48–60.

Колчин 1959 – *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. С. 7–120.

Колчин 1982 – *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. С. 156–177.

Колчин, Хорошев 1978 – *Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М. С. 135–173.

Колчин, Черных 1978 – *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. М. С. 57–116.

Комар 1999 – *Комар А. В.* Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. Киев. № 2. С. 111–136.

Комар 2012 – *Комар А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М.; Вологда. С. 301–333.

Кондратьева 2011 – *Кондратьева О. А.* Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России. Археологические и этнографические очерки. СПб.

Кондратьева, Белецкий 2002 – *Кондратьева О. А., Белецкий С. В.* Новые находки гребней из Псковского городища // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб. С. 94–98.

Конецкий 1991 – *Конецкий В. Я.* Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I–начала II тыс. н. э. в бассейне р. Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли. М. С. 89–109.

Конецкий 1992 – *Конецкий В. Я.* К истории сельского расселения и хозяйства в долине р. Ловать в эпоху средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 6. С. 50–52.

Константин Багрянородный 1991 – *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Пер. Г. Г. Литаврина. СПб.

Корзухина 1954 – *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.; Л.

Корзухина 1964 – *Корзухина Г. Ф.* Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // СС. Таллин. Вып. 8. С. 297–314.

Корзухина, Пескова 2003 – *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.

Котышев 2013 – *Котышев Д. М.* Переяславль Русский в южнорусском летописании XI в. // Вестн. Удмуртского ун-та. 73. История и филология. Вып. 3.

Кочкуркина 2011 – *Кочкуркина С. И.* Новые археологические исследования древнекарельских городищ // Новгородские археологические чтения-3. Великий Новгород. С. 134–143.

КП МВКЛ 1843 – Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год). М. Т. I.

КП МВКЛ 1843а – Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год) М. Т. 2.

Криничная 1991 – *Криничная Н. А.* Предания Русского Севера. СПб.

Криничная 2011 – *Криничная Н. А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.

Кром 2010 – *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV–первой трети XVI в. М.

Кропоткин 1971 – *Кропоткин В. В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. IX. С. 76–97.

Кропоткин 1978 – *Кропоткин В. В.* О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М. С. 111–117.

Кузнецоў 1949 – *Кузнецоў К. В.* Собалеўскі скарб // Весці АН БССР. Мінск. № 6. С. 140–141.

Кузьмин 1970 – *Кузьмин А. Г.* К вопросу о «полочанах» Начальной летописи // Древние славяне и их соседи. М. С. 125–127.

Кузьмин 2008 – *Кузьмин С. Л.* К проблеме военного дела у населения Северо-Западной Руси в раннем средневековье // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб. С. 50–55.

Кулаков 1990 – *Кулаков В. И.* Древности пруссов VI–XIII вв. САИ. Г1-9. М.

Кулаков 1993 – *Кулаков В. И.* Культовое оружие балтов и славян X–XII вв. // Slavia Antiqua. T. XXXIII. 1991/1992. P. 115–130.

Кулаков, Скворцов 2000 – *Кулаков В. И., Скворцов К. Н.* Топорик из Варген (Ранговое оружие последних язычников Европы) // Slavia Antiqua. T. XLI. P. 173–190.

Кулешов 2013 – *Кулешов Вяч. С.* О грузинских подражаниях ʻАббāсидам и о так называемой «монете Баграта III» из собрания Эрмитажа // Труды ГЭ. СПб. Т. LXIX. С. 370–382.

Курбатов 1988 – *Курбатов Г. Л.* Византия и Русь в IX–X вв. (некоторые аспекты социально-экономических отношений) // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Л. Вып. 1. С. 213–231.

Куснеж 2010 – *Куснеж Е.* Находки мечей и топоров с XIV–XV вв. в пограничной зоне Червоной Руси и Польского королевства на фоне вооруженных конфликтов Венгрии, Польши и Литвы за Русь и войны с Тевтонским орденом в 1410 г. // Русское население в странах Восточной и Центральной Европы. Брянск. С. 327–341.

Кутасов, Селезнев 2010 – *Кутасов С. Н., Селезнев А. Б.* Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески / Под ред. А. К. Станюковича. М.

Кучкин 1995 – *Кучкин В. А.* «Съ тоя же Каялы Святоплъкь...» // Russia mediaevalis. München. T. VIII, 1. S. 87–113.

Лабутина 1996 – *Лабутина И. К.* Погребения Псковского некрополя (17–24, 26–28) // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 3. С. 100–118.

Лапшин 1990 – *Лапшин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1.

Лапшин 2009 – *Лапшин В. А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.

Ласкавы, Лаппо 1994 – *Ласкавы Г. В., Лаппо І. М.* Курганы з каменнымі выкладкамі на паўночным усходзе Беларусі (па матэрыялах курганнага могільніка Вышадкі) // ГАЗ. Мінск. № 3. С. 148–160.

Латгалы 1999 – Латгалы. Рига.

Лебедев 1994 – *Лебедев Г. С.* Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира? // Старожитності Русі–України. Київ. С. 146–153.

Лебедев 1999 – *Лебедев Г. С.* Русь Рюрика как объект археологического изучения // Основания регионалистики. СПб. С. 295–305.

Лебедев 2002 – *Лебедев Г. С.* Петергофский клад начала IX века как источник по ранней истории Руси // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб. С. 21–35.

Лебедев 2005 – *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.

Лебедев 1915 – *Лебедев Е. Е.* Порхов и его окрестности: Исторический очерк. Новгород.

Лебедев, Галанов 2005 – *Лебедев В. П., Галанов В. И.* Два клада куфических дирхамов и их фрагментов из-под Смоленска // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 4. С. 421–437.

Лев Диакон 1988 – *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко. М.

Левкиевская 2002 – *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег. Семантика и структура. М.

Левко 2004 – *Левко О. Н.* Средневековые территориально-административные центры Северо-Восточной Белоруссии. Минск.

Левко 2010 – *Левко О. Н.* Витебск. Минск.

Левко 2011 – *Левко О. Н.* Курганные древности X–XI вв. в окрестностях Друцка и Друцких волоков // Acta Archaeologica Albarutenica. Мінск. Vol. VII. С. 159–178.

Ляўко 2000 – *Ляўко В. М.* Новыя археалагічныя даследаванні Друцка і яго акругі // Друцк старажытны. Мінск. С. 87–113.

Левко, Войтехович, Кенько 2011 – *Левко О. Н., Войтехович А. В., Кенько П. М.* Археологические исследования Друцка в 2008–2009 гг. // МАБ. Мінск. Вып. 21. С. 122–153.

Левко, Колосовский 2003 – *Левко О. Н., Колосовский Ю. В.* Раскопки городищ у д. Кисели (Дымокуры) Толочинского района и у д. Черкасово Оршанского района Витебской области // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. Минск. С. 182–208.

Леонардов 1912 – *Леонардов Д. С.* Полоцкий князь Всеслав и его время // Полоцко-Витебская старина. Витебск. Вып. 2. С. 121–216.

Леонтьев 2012 – *Леонтьев А. Е.* На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда. С. 162–177.

Лесман 1984 – *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 118–153.

Лесман 1990 – *Лесман Ю. М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988 г. М. С. 29–98.

Лесман 2003 – *Лесман Ю. М.* «Из варяг в греки»: хронологические варианты пути // Староладожский сборник. СПб. Вып. 6. С. 54–72.

Летапісы і хронікі Беларусі 2010 – Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час. Тэматычны дадатак да нумару «ARCHE» № 9 за 2009.

Литаврин 1988 – *Литаврин Г. Г.* Византия и Древняя Русь в период между договорами 911 и 944 гг. // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 19–22 апреля 1988 г. М. С. 38–42.

Литаврин 2001 – *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. СПб.

Лиутпранд Кремонский 2012 – *Лиутпранд Кремонский*. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / Пер. И. В. Дьяконова. М.

Лобин 2010 – *Лобин А. Н.* Русская артиллерия в Полоцком походе 1563 г. // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М. С. 121–140.

Лопатин 2007 – *Лопатин Н. В.* Проблемы изучения керамики Изборска // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Псков. С. 217–231.

Лопатин 2009 – *Лопатин Н. В.* О древностях III–V вв. н. э. на юге Псковской области // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Псков. С. 209–218.

Лопатин 2011 – *Лопатин Н. В.* К дискуссии о происхождении формы горшка с цилиндрическим горлом на Руси // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Псков. С. 248–256.

Лопатин 2012 – *Лопатин Н. В.* Изборск // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда. С. 123–137.

Лопатин, Медведев 2002 – *Лопатин М. В., Медведев А. М.* Поселение Дедиловичи (Замковая Гора). По материалам раскопок 1962 и 1963 годов // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V вв. н. э. М. С. 24–41.

Лопатин, Фурасьев 2007 – *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. М.

Лукомский, Петигирич 1998 – *Лукомский Ю., Петигирич В.* Уникальная находка из княжеского Галича // Церковная археология. СПб. Вып. 4. С. 178–181.

Лурье 1974 – *Лурье Я. С.* Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Л. Т. XXIX. С. 207–213.

Лурье 1976 – *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.

Лурье 1977 – *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Л. Т. XXXII. С. 199–218.

Лурье 1994 – *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.

Лурье 2002 – *Лурье Я. С.* Предисловие к изданию Новгородской Карамзинской летописи // ПСРЛ. СПб. Т. 42. С. 3–13.

Лурье 2011 – *Лурье Я. С.* Избранные статьи и письма. СПб., 2011.

Лысенко 1969 – *Лысенко П. Ф.* Раскопки городища древнерусского Давид-Городка в 1967 году // Древности Белоруссии: Доклады к конференции по археологии Белоруссии (март 1969). Минск. С. 352–382.

Лысенко 1974 – *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск.

Лысенко 1989 – *Лысенко П. Ф.* Открытие Берестья. Минск.

Лысенко 2001 – *Лысенко П. Ф.* Туровская земля IX–XIII вв. Минск.

Лысенко 2004 – *Лысенко П. Ф.* Древний Туров. Минск.

Лысенко и др. 2012 – *Лысенко С. Д., Шкляревский Е. И., Квитницкий М. В., Черновол Д. К.* Многослойное поселение Кощеевка-8 // Материалы Фастовской археологической экспедиции. Киев; Фастов. Вып. 1.

Львова 1968 – *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. Л. Вып. 10. С. 64–94.

Любавский 1996 – *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.

Люцинский могильник 1893 – Люцинский могильник // МАР. СПб. № 14.

Ляўданскі 1930 – *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе // Працы. Менск. Т. II. С. 93–104.

Ляўданскі 1930а – *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў Полацкой акрузе // Працы. Менск. Т. II. С. 179–196.

Ляўданскі 1930б – *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра, і Касплі ў Смаленскай губэрні // Працы. Менск. Т. II. С. 269–338.

Ляшкевич 2004 – *Ляшкевич Э. А.* Рыболовство в средневековом Гродно (по материалам раскопок Старого Замка) // ГАЗ. Мінск. № 19. С. 191–203.

Ляшкевич 2011 – *Ляшкевич Э. А.* О находках рыболовного инвентаря в средневековых могильниках Беларуси // МАБ. Мінск. Вып. 21. С. 204–211.

Лященко 1926 – *Лященко А. И.* «Eymundar saga» и русские летописи // Известия АН СССР. VI сер. Т. 20. С. 1061–1086.

Майков 1874 – *Майков Л. Н.* Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Исследование Н. П. Барсова // ЖМНП. Август. СПб. С. 234–284.

Макаров 1992 – *Макаров Н. А.* Древнерусские амулеты-топорики // РА. М. Вып. 2. С. 41–56.

Макаров 1997 – *Макаров Н. А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.

Макаров 2007 – *Макаров Н. А.* Средневековые памятники и система расселения X–XIII вв. // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. М. Т. 1. С. 43–62.

Макаров 2012 – *Макаров Н. А.* Суздальское Ополье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда. С. 195–211.

Макаров, Зайцева 2007 – *Макаров Н. А., Зайцева И. Е.* Мининский археологический комплекс: погребальные памятники // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. М. Т. 1. С. 130–184.

Макаров, Зайцева, Красникова 2013 – *Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Красникова А. М.* Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополья // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: Сб. к 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск. С. 435–444.

Макаров, Захаров 2003 – *Макаров Н. А., Захаров С. Д.* Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII–начале XIII века // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.

Макарова 1966 – *Макарова Т. И.* О производстве писанок на Руси // Культура Древней Руси. М. С. 141–145.

Макарова 1967 – *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. Е 1-38. М.

Маковская 1992 – *Маковская Л. К.* Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков: Определитель. М.

Максимов, Петрашенко 1988 – *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Славянские памятники у с. Монастырёк на Среднем Днепре. Киев.

Малевская-Малевич 2005 – *Малевская-Малевич М. В.* Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб.

Малевская, Фоняков 1991 – *Малевская М. В., Фоняков Д. И.* Древний Торопец. Торопец. Т. 1.

Малевская, Фоняков 2000 – *Малевская М. В., Фоняков Д. И.* Древний Торопец. Торопец. Т. 2. Иллюстрации и приложения.

Малингуди 1996 – *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в свете дипломатики. Часть 1 // ВВ. Т. 56 (81). С. 68–91.

Малингуди 1997 – *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в свете дипломатики. Часть 2 // ВВ. Т. 57 (82). С. 58–87.

Малов 2006 – *Малов А. В.* Начальный период Смоленской войны на направлении Луки Великие–Невель–Полоцк до разгрома Полоцка 3 июня 1633 г. // Памяти Лукичева: Сб. статей по истории и источниковедению. М. С. 124–172.

Малов 2009 – *Малов А. В.* Борьба за Невель в конце Смуты // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського. Київ. Т. I. С. 67–88.

Мальм 1968 – *Мальм В. А.* Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М. С. 113–117.

Марзалюк 2010 – *Марзалюк И. А.* Торговля московскими невольниками в Могилеве во время Ливонской войны // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге): Материалы междунар. науч. конф. СПб. С. 183–188.

Марзалюк 2012 – *Марзалюк И. А.* Образ Полоцкого центра: первая форма белорусской государственности глазами историков XIX–начала XX века // Родина. № 9. С. 109–111.

Маркевич 1994 – *Маркевич В. Е.* Ручное огнестрельное оружие. СПб.

Марков 1910 – *Марков А. К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.

Матвеенко, Щёголева 2011 – *Матвеенко В. А., Щёголева Л. И.* Книги временные и образные Георгия Монаха. М. Т. 2, ч. 1.

Матузова, Назарова 2002 – *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в.–1270 г. М.

Махов 2013 – *Махов А. Е.* Hostis Antiquus: категории и образы средневековой христианской демонологии: Опыт словаря. М.

Мацкевич 1856 – *Мацкевич Д.* Путевые заметки. Киев.

Медведев 1966 – *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Е 1-36. М.; Л.

Мельникова 1957 – *Мельникова А. С.* Клады монет (зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1952–1954 годы) // КСИИМК. Л. Вып. 67. С. 147–158.

Мельникова 1978 – *Мельникова Е. А.* «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье. М. С. 289–295.

Мельникова 2001 – *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. М.

Мельникова 2011 – *Мельникова Е. А.* Композиция и состав «Саги об Эймунде сыне Хринга» // Висы дружбы: Сб. статей в честь Т. Н. Джаксон. М. С. 255–268.

Мельникова 2012 – *Мельникова Е. А.* Заложники и клятвы. Процедура заключения договоров с норманнами // Именослов. История языка. История культуры. М. С. 114–183.

Мельникова, Никитин, Фомин 1984 – *Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В.* Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. М. С. 26–47.

Мельникова, Петрухин 2011 – *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М. С. 172–189.

Меч и златник 2012 – Меч и златник: к 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М.

Мещерский 1978 – *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. Л.

Микляев 1969 – *Микляев А. М.* Маршрут из летописи // Катера и яхты. Л. Вып. 3 (19). С. 10–14.

Микляев 1991 – *Микляев А. М.* Северо-Западная археологическая экспедиция. Полевые сезоны 1987–1988 годов // Сообщения ГЭ. Л. Вып. LV. С. 62.

Микляев 1992 – *Микляев А. М.* Путь из «Варяг в Греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. С. 133–138.

Милонов 1950 – *Милонов Н. П.* Древнерусские курганы в бассейне Верхней Волги // МИА. М.; Л. С. № 13. 152–172.

Милюков 1901 – *Милюков П. Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М.

Милютенко 2007 – *Милютенко Н. И.* Новгородский свод 1078 г. в составе первой подборки Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. СПб. Т. LVIII. С. 586–606.

Милютенко 2008 – *Милютенко Н. И.* Южнорусская летопись в общерусском летописании начала XV в. // Летописи и хроники: новые исследования. СПб. С. 11–51.

Милютин 1992 – *Милютин В. Н.* Клад X века из Струни // Полоцкій летописец. Полоцк. № 1. С. 30–32.

Милютин 1993 – *Милютин В. Н.* Находка византийской монеты в Полоцке в 1988 г. // Полоцкій летописец. Полоцк. № 1 (2). С. 11–12.

Милютин 1903 – *Милютин Д. М.* Осада Великих Лук Стефаном Баторием в 1580 году и ея последствия. Гродна.

Мілюцін 1993 – *Мілюцін У. М.* Полацкі рэчавы скарб // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя. Мінск. С. 511.

Минасян 1978 – *Минасян Р. С.* Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Л. Вып. 19. С. 74–85.

Митрофанов 1978 – *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии (VI–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск.

Мітрафанау, Каробушкіна 1975 – *Мітрафанау А. Г., Каробушкіна Т. М.* Археалагічны помнік расказвае // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск. Вып. 4. С. 38–40.

Михайлов 1912 – *Михайлов А. В.* Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древне-славянском переводе. Варшава. Ч. I.

Михайлов 2006 – *Михайлов А. В.* Камерное погребение Старовознесенского II раскопа // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 79–87.

Михайлов 2006а – *Михайлов А. В.* Предметы импорта из раскопов на ул. Ленина во Пскове (1967–1991 гг.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 113–129.

Михеев 2005 – *Михеев С. М.* Золотая гривна Бориса и родовое проклятье Инглингов: к проблеме варяжских источников древнерусских текстов // Славяноведение. М. № 2. С. 28–42.

Михеев 2006 – *Михеев С. М.* Эймунд-убийца Бориса, Ингвар Путешественник и Анунд из Руси: к вопросу о шведах на Руси в XI веке. // Ruthenica. Київ. Т. V. С. 19–36.

Михеев 2009 – *Михеев С. М.* «Святополкъ сѣде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М.

Монгайт 1955 – *Монгайт А. Л.* Старая Рязань // МИА. № 49: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М. Т. IV.

Моця 1983 – *Моця А. П.* Сведения об этническом составе летописного Желни по данным могильника // Древнерусское государство и славяне. Минск. С. 82–84.

Моця и др. 1997 – *Моця О. Ф., Орлов Р. С., Коваленко В. П., Козловський А. О., Пархоменко О. В., Потапов О. В., Покас П. М.* Поселення X–XIII ст. біля с. Автуничі // Південноруське село IX–XIII ст. Київ. С. 34–69.

Моця, Казаков 2011 – *Моця О., Казаков А.* Давньоруський Чернігів. Київ.

Мугуревич 1965 – *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига.

Мурашева 1998 – *Мурашева В. В.* Скандинавские наборные ременные накладки с территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы. М. С. 154–164.

Мурашева 2000 – *Мурашева В. В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.

Мурашева 2008 – *Мурашева В. В.* Супрутский клад из раскопок 1969 г. // Труды ГИМ. М. Вып. 175.

Мурашева 2012 – *Мурашева В. В.* Актуальные проблемы исследования Гнездова // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. М. С. 389–405.

Мурашева 2014 – *Мурашева В. В.* «Град велик и мног людьми». Некоторые итоги исследований Смоленской экспедиции Исторического музея // Государственный Исторический музей и отечественная археология: К 100-летию отдела археологических памятников. М. С. 187–202.

Мурашева, Авдусина 2007 – *Мурашева В. В., Авдусина С. А.* Исследование притеррасного участка пойменной части гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб. С. 8–30.

Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007 – *Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А.* Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб. С. 31–77.

Мурашева, Фетисов 2014 – *Мурашева В. В, Фетисов А. А.* Портовая зона Гнездово // Міста Давньої Русі. Київ. С. 287–293.

Мусин 2002 – *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.

Мусин 2012 – *Мусин А. Е.* От Вечного Рима к течению Буга: паломнические реликвии из Чермно (Червеня) // Червень – град між Сходом і Заходом: Каталог виставки. Tomaszów Lubelski; Leipzig; Lublin; Rzeszów. С. 249–250.

Мышковский 1961 – *Мышковский Е. В.* Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. // СА. № 1. С. 225–235.

Мядзведзева 2011 – *Мядзведзева О. В.* Расчоска // Археалогія Беларусі. Мінск. Т. 2. С. 254–255.

Мяцельскі 2003 – *Мяцельскі А. А.* Старадаўні Крычаў. Мінск.

Назаренко 1996 – *Назаренко А. В.* Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства. VIII чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г. М. С. 58–68.

Назаренко 1998 – *Назаренко А. В.* О языке восточноевропейских варягов IX–X вв. (**RÕÐ(S)–(?)–РУСЬ–RΩΣ–RUZZI*) // Восточная Европа в древности и средневековье. X чтения к 80-летию В. Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 1998. М. С. 75–79.

Назаренко 2000 – *Назаренко А. В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М. С. 259–497.

Назаренко 2001 – *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. М.

Назарова 1996 – *Назарова Е. Л.* Латгальская дань в системе отношений между Новгородом и Псковом // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г. М. С. 64–66.

Нариси культури 2006 – Нариси культури давньої Волині. Луцьк.

Наследие варягов 1996 – Наследие варягов. Диалог культур. Borås.

Насонов 2002 – *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства СПб.

Нахапетян, Фомин 1994 – *Нахапетян В. Е., Фомин А. В.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1991 год. М. С. 139–208.

Неволин 1853 – *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. С приложением карты. СПб.

Немецкие анналы 2012 – Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М.

Нерознак 1983 – *Нерознак В. П.* Названия древнерусских городов. М.

Нефёдов 1999 – *Нефёдов В. С.* Коллекции из раскопок В. И. Сизова и М. Ф. Кусцинского на западе Смоленской губернии (Опыт восстановления вещевых комплексов) // Труды ГИМ. М. Вып. 111. С. 92–110.

Нефёдов 2000 – *Нефёдов В. С.* О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 191–199.

Нефёдов 2001 – *Нефёдов В. С.* Новоселки и Гнездово // XIV Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. М.; Архангельск. С. 156–158.

Нефёдов 2002 – *Нефёдов В. С.* Салтовские древности в смоленских длинных курганах // ГАЗ. Мінск. № 17. С. 131–139.

Нефёдов 2006 – *Нефёдов В. С.* Дневник раскопок В. И. Сизова в Смоленской губернии в 1881 г. // Археология Верхнего Поволжья (Сб. к 80-летию К. И. Комарова). М. С. 258–322.

Нефёдов 2012 – *Нефёдов В. С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования древнерусского государства по археологическим данным // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. М. С. 270–299.

Нечитайло, Нечитайло 2009 – *Нечитайло В. В., Нечитайло А. В.* Каталог энколпионов Древней Руси XI–XIV ст. Киев.

Николаев 2012 – *Николаев Д. С.* Легенда о призвании варягов и проблема легитимности власти в раннесредневековой историографии // Именослов. История языка. История культуры. М. С. 184–199.

Никольская 1974 – *Никольская Т. Н.* Литейные формочки с надписями из древнерусского города Серенска // СА. М. № 1. С. 237–240.

Никольская 1981 – *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.

Никольский 1930 – *Никольский Н. К.* Повесть временных лет как исторический источник для истории начального периода русской письменности и культуры // Сб. по русскому языку и словесности. Л. Т. II, вып. 1.

Новиков 2009 – *Новиков В. В.* Уздечный набор из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздово // РА. № 2. С. 57–67.

Новиков 2010 – *Новиков В. В.* Об одном типе уздечных украшений на территории Древней Руси в X в. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 24. С. 226–233.

Новиков 2012 – *Новиков В. В.* Об одном типе скандинавских оголовий X в. с территории Древней Руси и Скандинавии // Археологические вести. СПб. Вып. 18. С. 108–123.

Новикова 1991 – *Новикова Г. Л.* Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М. С. 175–199.

Новикова 1998 – *Новикова Г. Л.* Щитообразные подвески из Северной и Восточной Европы // Историческая археология. Традиции и перспективы. М. С. 165–174.

Новодворский 1904 – *Новодворский В. В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570–1582). СПб.

Новосельцев, Пашуто 1967 – *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. № 3. С. 81–108.

Носов 1976 – *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII – X вв. // ВИД. Л. Т. VIII. С. 95–110.

Носов 1990 – *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. СПб.

Носов 1992 – *Носов Е. Н.* Новгородская земля IX–XI вв. (Историко-археологические очерки): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб.

Носов 1997 – *Носов Е. Н.* Городище Георгий в Ильменском Поозерье // Древности Поволховья. СПб. С. 205–209.

Носов, Горюнова, Плохов 2005 – *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.

Носов и др. 1998 – *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Михайлов К. А., Горюнова В. М., Хвощинская Н. В.* Раскопки на Рюриковом Городище // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 12. С. 22–24.

Носов, Плохов 1991 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. С. 117–149.

Носов, Плохов 1997 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Холопий городок на Волхове // Древности Поволховья. СПб. С. 129–152.

Носов, Хвощинская 2004 – *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова Городища // Восточная Европа в средневековье. М. С. 227–233.

Носов, Хвощинская 2004а – *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* Финно-угорские элементы в материальной культуре Рюрикова городища // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб. С. 125–133.

Носов, Хвощинская 2006 – *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* Некоторые аспекты изучения кольцевидных булавок на территории Древней Руси // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб. С. 130–140.

Носов, Хвощинская 2011 – *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* Новейшие открытия 2005–2007 гг. на Рюриковом Городище // Новгородские археологические чтения-3. Великий Новгород. С. 68–79.

Носов, Хвощинская 2014 – *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* Предметы вооружения с Рюрикова Городища (по материалам раскопок 2011–2012 гг.) // Stratum plus. № 6. С. 47–54.

Носов, Хвощинская, Медведева 2012 – *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В., Медведева М. В.* Новгородская Русь. Рождение державы. СПб.

НПК 1905 – Новгородские писцовые книги. Книги Шелонской пятины. СПб. Т. V.

Нунан, Ковалев 2002 – *Нунан Т. С., Ковалев Р. К.* Клад 873/74 г. из Любыни: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб. С. 152–156.

Нукшинский могильник 1957 – Нукшинский могильник. Рига.

Овчинникова 1994 – *Овчинникова Б. Б.* Писала средневекового Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород. С. 83–87.

Оглоблин 1880 – *Оглоблин Н. Н.* Объяснительная записка к карте Полоцкого повета во 2-ой половине XVI-го века (первая половина) // Сб. Археологического института. СПб. Кн. 3. С. 3–53.

Оглоблин 1880а – *Оглоблин Н. Н.* Объяснительная записка к карте Полоцкого повета во 2-ой половине XVI-го века (окончание) // Сб. Археологического института. СПб. Кн. 4. С. 1–76.

ОИАК 1893 – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1890 г. СПб.

Окулич-Казарин 1914 – *Окулич-Казарин Н. Ф.* Материалы для археологической карты Псковской губ. // Труды ПАО. Псков. Вып. 10. С. 131–310.

Орлов и др. 1985 – *Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М.* Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев. С. 30–62.

Осада Пскова 2005 – Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.). Псков.

Остапенко 2013 – *Остапенко А. А.* Кресты-тельники из Старой Рязани // КСИА. Вып. 230. С. 244–253.

Остапенко 2013а – *Остапенко А. А.* Христианские древности Ростиславля Рязанского (из раскопок 1991–2012 гг.) // РА. М. № 1. С. 130–140.

Павленко 2008 – *Павленко С. В.* Исследования древнерусских специализированных поселений по обработке пирофиллитового сланца (на примере поселения Прибытки-I) // Сельская Русь в IX–XVI веках. М. С. 241–252.

Павулан 1968 – *Павулан В. В.* Хозяйственное и политическое значение Даугавского торгового пути в XIII–XVII вв. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига. С. 75–94.

Памятники общественной мысли Древней Руси 2010 – Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 1. Домонгольский период. М.

Панченко 1995 – *Панченко А. А.* «Провалившаяся церковь»: археология и фольклор // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Новгород. Вып. 9. С. 263–272.

Паскаль 2009 – *Паскаль Блез.* Мысли. М.

Пастернак 1944 – *Пастернак Я.* Старий Галич. Краків; Львів.

Пастуро 2012 – *Пастуро М.* Символическая история европейского средневековья. СПб.

Пахомов 1926 – *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана. Баку. Вып. 1.

Пахомов 1938 – *Пахомов Е. А.* Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку. Вып. II.

Пахомов 1949 – *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку. Вып. IV.

Пахомов 1949а – *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку. Вып. V.

Пашуто 1968 – *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.

Пашуто 2011 – *Пашуто В. Т.* Русь, Прибалтика, папство. М.

ПВЛ 1996 – Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи. СПб.

ПВЛ 1997 – Повесть временных лет по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи // БЛДР. СПб. Т. 1. С. 62–315.

ПГ, т. I. 1977 – Полоцкие грамоты XIII–начала XVI в. М.

Перетц 1904 – *Перетц В. Н.* Несколько данных к объяснению сказаний о провалившихся городах. Киев.

Перетц 1928 – *Перетц В. Н.* До питання про літературні джерела давнього українського літопису // Збірник Історично-філологічного відділу УАН. Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. Київ. № 76. Ч. II. С. 213–219.

Перхавко 1996 – *Перхавко В. Б.* Распространение пломб дрогичинского типа // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М. С. 211–241.

Перхаўка 2011 – *Перхаўка В. Б.* Пісанкі // Археалогія Беларусі. Мінск. Т. 2.

Пескова 1994 – *Пескова А. А.* Археологические свидетельства связей Южной Руси с католическим миром (на примере одного памятника) // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. VI Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1994 г. М. С. 64–66.

Пескова 2001 – *Пескова А. А.* Паломнические реликвии Святой Земли в древнерусском городе // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. СПб. С. 113–126.

Пескова 2006 – *Пескова А. А.* Истоки иконографии древнерусских энколпионов // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. Памяти Татьяны Чуковой. СПб. С. 121–162.

Пескова 2012 – *Пескова А. А.* Малоизвестная коллекция находок из раскопок Д. В. Милеева в Киеве в 1908–1912 гг. (ОАВЕиС ГЭ, коллекция № 637) // Труды ГЭ. СПб. Вып. LXV. С. 185–210.

Петерсен 2005 – *Петерсен Я.* Норвежские мечи эпохи викингов. СПб.

Петрашенко 1992 – *Петрашенко В. О.* Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М. С. 7–20.

Петрашенко 1994 – *Петрашенко В. О.* До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян // Старожитності Русі–України. Київ. С. 181–187.

Петрашенко 1997 – *Петрашенко В. О.* Поселення Канівського Придніпров'я // Південноруське село IX–XIII ст. Київ. С. 114–143.

Петрашенко 2005 – *Петрашенко В. А.* Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). Киев.

Петрухин 1998 – *Петрухин В. Я.* Библия, апокрифы и становление славянских раннеисторических традиций (к постановке проблемы) // От Бытия к Исходу: Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. М. С. 269–284.

Петрухин 2000 – *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М. С. 5–410.

Петрухин 2012 – *Петрухин В. Я.* Финские племена и призвание варягов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. М. С. 437–447.

Пивоваров 2006 – *Пивоваров С. В.* Середньовічне населення межиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра (XI–перша половина XIII ст.). Чернівці.

Пиккио 2003 – *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М.

Писцовые книги 1877 – Писцовые книги Московского государства. СПб. Ч. 1. Отделение II. Местности губерний: Ярославской, Тверской, Витебской, Калужской, Орловской, Тульской.

Пичета 1961 – *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва XV–XVI вв. М.

Пичхадзе 1996 – *Пичхадзе А. А.* К истории четьего текста славянского Восьмикнижия // ТОДРЛ. СПб. Т. XLIX. С. 10–21.

Плавинский 2009 – *Плавинский Н. А.* Полоцк до Рогволода (некоторые вопросы хронологии и топографии) // Сложение Русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. СПб. Вып. XLIX. С. 309–321.

Плавинский 2010 – *Плавинский Н. А.* Курганный могильник Погоща в контексте окняжения северо-западных регионов Полоцкого княжества // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Псков. С. 196–202.

Плавинский 2011 – *Плавинский Н. А.* Керамика курганного могильника Погоща и некоторые вопросы хронологии погребальной посуды северо-запада Полоцкой земли // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Псков. С. 263–273.

Плавинский 2012 – *Плавинский Н. А.* Находки весов и гирек-разновесов на территории Полоцкой земли (конец IX–XI в.) // Банкайчкі веснік. Сакавік. С. 9–13.

Плавінскі 2007 – *Плавінскі М. А.* Полацк да Рагвалода (пытанні тапаграфіі і храналогіі культурнага слоя) // Acta Archaeologica Albarutenica. Мінск. Vol. II. С. 25–44.

Плавінскі 2007а – *Плавінскі М. А.* Сякеры другой паловы XI–XIII стст. З раскопак Мінскага Замчышча // Acta Archaeologica Albarutenica. Мінск. Vol. II. С. 68–77.

Плавінскі 2009 – *Плавінскі М. А.* Нарысы гісторыі клінковай зброі X–XIII стагоддзяў на Беларусі. Мінск.

Плавінскі 2013 – *Плавінскі М. А.* Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў. Мінск.

Плавінскі, Дучыц, Плавінскі, Шадыра 2014 – *Плавінскі М. А., Дучыц Л. У., Плавінскі А. М., Шадыра В. І.* Курганныя могільнікі захаду Браслаўскага Паазер'я. Мінск.

Плавінскі, Штыхаў 2006 – *Плавінскі М. А, Штыхаў Г. В.* Ляпная кераміка Полацкага селішча // ГАЗ. Менск. № 21. С. 62–73.

Плетнев 1903 – *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь.

Плетнева 1989 – *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М.

Поболь 1983 – *Поболь Л. Д.* Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск.

Поветкин 2004 – *Поветкин В. И.* Инструментальные музыкальные древности, открытые в Великом Новгороде в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 18. С. 77–92.

Поветкин 2005 – *Поветкин В. И.* Звучащие приспособления в обиходе древних новгородцев (открытия 2004 года) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 19. С. 112–119.

Поветкин 2008 – *Поветкин В. И.* Озвученный и освещенный быт древних новгородцев (открытия 2007 года) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 22. С. 85–103.

Поветкин 2009 – *Поветкин В. И.* Новое в звучащем мире древних новгородцев (археологические открытия 2008 года) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 24. С. 175–188.

Поветкин 2010 – *Поветкин В. И.* Звучащие устройства в древнем новгородском быту (археологические раскопки 2009 года) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 24. С. 139–151.

Подвигина 1961 – *Подвигина Н. Л.* Перстни из Гнездова // Археологический сб. Науч. студенческое о-во Исторического фак. МГУ. М. С. 47–55.

Подгурский 2007 – *Подгурский П. Н.* Раскопки городища Старое Село // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социорелигиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья. Витебск. С. 239–241.

Подосинов 1995 – *Подосинов А. В.* Страны света в дохристианской картине мира восточных славян // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 20–22 февраля 1995 г. М. С. 64–68.

Подскальски 1996 – *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб.

Поздняков 1992 – *Поздняков В. С.* Развитие керамики древнерусского Клецка (X–XIII вв.) // Древнерусская керамика. М. С. 48–60.

Покровская 1998 – *Покровская Л. В.* Новгородские одежные булавки (X–XIII вв.) // Историческая археология: традиции и перспективы. М. С. 175–181.

Покровская 2004 – *Покровская Л. В.* Ювелирные украшения Людина конца средневекового Новгорода: хронология // Новгородские археологические чтения-2. Великий Новгород. С. 151–160.

Полацкі этнаграфічны зборнік 2011 – Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння. Ч. 1. Наваполацк.

Полевой 1892 – *Полевой П. Н.* Ясновельможный пан Ян Сапега (опыт исторической характеристики) // Исторический вестник. Т. 49. № 7. С. 143–150.

Полоцк 2012 – Древнейшие города Беларуси. Полоцк. Минск.

Полубояринова 1963 – *Полубояринова М. Д.* Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. М. № 117. С. 164–199.

Полубояринова 1972 – *Полубояринова М. Д.* Русские вещи на территории Золотой орды // СА. М. № 3. С. 164–187.

Полубояринова 1993 – *Полубояринова М. Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.

Полянский 1908 – *Полянский М. И.* Новгородская памятка для туристов. Новгород.

Потин 1967 – *Потин В. М.* Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории СССР // Труды ГЭ. Л. Т. IX. С. 106–184.

Потин 1970 – *Потин В. М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным // Исторические связи Скандинавии и России в IX–XX вв. Л. С. 64–80.

Праздников 2001 – *Праздников А. А.* Предметы христианского культа на поселении Введенское Ярославской обл. // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 4, т. II. С. 173–177.

Преображенский 1914 – *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. А–О. М.

Пресняков 1993 – *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси (очерки по истории X–XII столетий). Лекции по Русской истории. М.

Приселков 1941 – *Приселков М. Д.* Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учен. зап. ЛГУ. № 73 (1940). Серия исторических наук. Вып. 8. Л. С. 215–246.

Приселков 2009 – *Приселков М. Д.* Нестор летописец. СПб.

Прищепа 2011 – *Прищепа Б. А.* Дорогобуж на Горині. Рівне.

Пронин, Соболь, Гусаков 2011 – *Пронин Г. Н., Соболь В. Е., Гусаков М. Г.* Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск.

Прохоров 1977 – *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л. Т. XXXII. С. 165–198.

Прохоров 1999 – *Прохоров Г. М.* Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов: (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская I, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // ТОДРЛ. СПб. Т. LI. С. 137–205.

Прохоров 2006 – *Прохоров Г. М.* Древнерусское летописание как жанр // ТОДРЛ. СПб. Т. LVII. С. 6–17.

Прошкин 2011 – *Прошкин О. Л.* Чертово Городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга.

Пряди истории 2008 – Пряди истории. Исландские саги о Древней Руси и Скандинавии. М.

ПСРЛ, т. I. 2001 – Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. I.

ПСРЛ, т. II. 1871 – Летопись по Ипатскому списку. Издание археографической комиссии // Полное собрание русских летописей. СПб. Т. II.

ПСРЛ, т. II. 1998 – Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. II.

ПСРЛ, т. III. 2000 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М. Т. III.

ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000 – Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. IV, ч. 1.

ПСРЛ, т. V, вып. 1. 2003 – Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. М. Т. V, вып. 1.

ПСРЛ, т. V, вып. 2. 2000 – Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. М. Т. V, вып. 2.

ПСРЛ, т. VI, вып. 1. 2000 – Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. М. Т. VI, вып. 1.

ПСРЛ, т. VII. 2001 – Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. М. Т. VII.

ПСРЛ, т. VIII. 2001 – Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. М. Т. VIII.

ПСРЛ, т. XIII. 2000 – Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение) // Полное собрание русских летописей. М. Т. XIII.

ПСРЛ, т. XV. 2000 – Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. М. Т. XV.

ПСРЛ, т. XVII. 2008 – Западнорусские летописи // Полное собрание русских летописей. М. Т. XVII.

ПСРЛ, т. XVIII. 2007 – Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. XVIII.

ПСРЛ, т. XX. 2005 – Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. XX.

ПСРЛ, т. XXIII. 2004 – Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. XXIII.

ПСРЛ, т. XXV. 2004 – Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. М. Т. XXV.

ПСРЛ, т. XXX. 1965 – Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивная) летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. XXX.

ПСРЛ, т. XXXII. 1975 – Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного // Полное собрание русских летописей. М. Т. XXXII.

ПСРЛ, т. 42. 2002 – Новгородская Карамзинская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб. Т. 42.

Путь из варяг в греки 1996 – «Путь из варяг в греки и из грек в…»: Каталог выставки ГИМ. М.

Пушкина 1987 – *Пушкина Т. А.* Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. М. Т. III, вып. 1б. С. 50–57.

Пушкина 1993 – *Пушкина Т. А.* Изделия косторезного ремесла из Гнездова // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. М. Вып. 82. С. 57–68.

Пушкина 1999 – *Пушкина Т. А.* Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М. С. 405–417.

Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012 – *Пушкина Т. А, Мурашева В. В., Ениосова Н. В.* Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда. С. 243–273.

Равдина 1968 – *Равдина Т. В.* Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М. С. 136–142.

Рагуштейн 2009 – *Рагуштейн А. Г.* Нательные кресты Липинского археологического комплекса // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск. С. 251–256.

Радиньш 1987 – *Радиньш А. А.* Новые данные о курганном обряде на территории латгалов в первой половине II тысячелетия н. э. (по материалам Резекненского р-на) // КСИА. М. Вып. 190. С. 80–83.

Радиньш 2001 – *Радиньш А.* Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков // Archaeologia Lituana. Vilnius. T. 2. P. 65–118.

Радиньш 2003 – *Радиньш А.* Даугмале и Даугавский путь. К проблеме образования городов // Archaeologia Lituana. Vilnius. T. 4. P. 152–160.

Радиньш 2010 – *Радиньш А.* Даугавский путь и Даугмале // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб. С. 280–294.

Разрядная книга 1974 – Разрядная книга 1559–1605 гг. М.

Ранчин 2007 – *Ранчин А. М.* Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.

Ранчин, Лаушкин 2002 – *Ранчин А. М., Лаушкин А. В.* К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании // ВИ. № 1. С. 125–137.

Раппопорт 1971 – *Раппопорт П. А.* Данилов // КСИА. М. Вып. 125. С. 82–86.

Ратич 1957 – *Ратич О. О.* Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ.

Реликвии Донского побоища 2008 – Реликвии Донского побоища. Находки на Куликовом поле. М.

Родинкова 2003 – *Родинкова В. Е.* Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // КСИА. М. Вып. 215. С. 6–19.

Романов 1898 – *Романов Е. Р.* Материалы по исторической топографии Витебской губернии. Уезд Велижский. Могилев.

Россия в первой половине XVI в. 1997 – Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М.

Россия XV–XVII вв. 1986 – Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л.

Россия 1905 – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб.

Рукавишников 2003 – *Рукавишников А. В.* Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: свидетельства источников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (12). С. 99–111.

Русанова, Тимощук 1993 – *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Языческие святилища древних славян. М.

Рыбаков 1949 – *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА. М. № 11. С. 7–102.

Рыбаков 1971 – *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X–XIII веков. Л.

Рыбаков 1987 – *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М.

Рыбаков 1993 – *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.

Рыбина 1978 – *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли. М.

Рыбина 2014 – *Рыбина Е. А.* Древнерусские города в новгородских берестяных грамотах // Міста Давньої Русі. Київ. С. 89–95.

Рыдзевская 1940 – *Рыдзевская Е. А.* Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // КСИИМК. М.; Л. Вып. 7. С. 66–72.

Рыков 1917 – *Рыков П.* Древности Летгалии. Вып. I. Археологические раскопки в Режицком и Люцинском уездах Витебской губернии. Режица.

Рыкунова, Рыкунов 2010 – *Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н.* Итоги работ 2005–2006 гг. в южной части памятника Усть-Шексна // Археология: история и перспективы. Четвертая межрегиональная конференция. Сб. статей. Ярославль. С. 33-41.

Рябинин 1981 – *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси IX–XIV вв. // САИ. Е1-60. Л.

Рябинин 1986 – *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.

Рябинин 1988 – *Рябинин Е. А.* Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и руси. М. С. 55–63.

Рябинин 1995 – *Рябинин Е. А.* Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладоги // Древности Северо-Западной России. СПб. С. 51–56.

Рябинин 1997 – *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.

Рябинин 1999 – *Рябинин Е. А.* «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973–1985 гг.) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. С. 180–191.

Рябинин 2004 – *Рябинин Е. А.* Вертикальные игольники и ножневидные подвески восточноевропейского Севера (к проблеме формирования средневековой пластики надплеменного характера) // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб. С. 150–159.

Рябцевич 1965 – *Рябцевич В. Н.* Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. С. 121–160.

Рябцевич 1974 – *Рябцевич В. Н.* Козьянковский клад // АО 1973 г. М. С. 380.

Рябцевич 1993 – *Рябцевич В. Н.* Козьянковский клад (предварительные итоги исследования) // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Мінск. Ч. 1. С. 34–35.

Рябцевич 1998 – *Рябцевич В. Н.* Дирхамы арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). Минск. С. 66–84.

Рябцевич 2000 – *Рябцевич В. Н.* Денежные депозиты Полоцкой земли конца X–начала XI в. // ГАЗ. Мінск. № 15. С. 66–72.

Рабцэвіч 1993 – *Рабцэвіч В. Н.* Парэцкі манетна-рэчавы скарб // Археалогія і нумызматыка Беларусі: Энцыклапедыя. Мінск. С. 485–486.

Рабцэвіч, Плавінскі, Іоў 2011 – *Рабцэвіч В. Н., Плавінскі М. А., Іоў А. В.* Брылёўскі скарб. Мінск.

Савельев 1847 – *Савельев П. С.* Мухаммеданская нумизматика в приложении к русской истории. СПб.

Сагайдак, Сергеева, Михайлов 1997 – *Сагайдак М. А., Сергеева М. С., Михайлов П. С.* Новые находки древнерусского ремесла в Киеве // Древности 1996: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков. С. 31–37.

Саксон Анналист 2012 – *Саксон Анналист.* Хроника 741–1139 / Пер. И. В. Дьяконова. М.

Салмин 2011 – *Салмин С. А.* Огнестрельное оружие из Петровских раскопов 1980–2009 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 28–34.

Салмина 1997 – *Салмина Е. В.* Блесны из раскопок в Пскове и Изборске // Псков: Научно-практический историко-краеведческий журнал. Псков. № 6. С. 33–37.

Салмина, Салмин 2008 – *Салмина Е. В., Салмин С. А.* Ольгинские I–III раскопы 2006 года на Завеличье средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Материалы LIII заседания (10–13 апреля 2007 г.). Псков. С. 29–52.

Сапожников 1999 – *Сапожников Н. В.* Церковь XII в. на улице Соболева в Смоленске // Труды ГИМ. М. Вып. 111. С. 120–127.

Сапунов 1889 – *Сапунов А. П.* Усвят (местечко Витебской губ.) и святыня его. Витебск.

Сапунов 1893 – *Сапунов А. П.* Река Западная Двина: Историко-географический обзор. Витебск.

Сарачева 2001 – *Сарачева Т. Г.* О технологии нанесения лужения на украшения вятичей XI–XIII вв. // Художественный металл России. М. С. 386–395.

Сахаров 1980 – *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. IX–первая половина X в. М.

Сборник РИО 1882 – Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1 (с 1487 по 1533 год). СПб.

Сборник РИО 1895 – Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II (с 1508 по 1521 год). СПб.

Сведения 1873 г. 1903 – Сведения 1873 г. о городищах и курганах. Витебская губерния // ИИАК. СПб. Вып. 5. С. 6–29.

Свердлов 2003 – *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI–первой трети XIII вв. СПб.

Свердлов 2009 – *Свердлов М. Б.* Русское государство X в. в основных научных дефинициях // Сложение Русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. СПб. Вып. XLIX. С. 426–440.

Седов 1970 – *Седов В. В.* Новгородские сопки // Археология СССР. САИ. Е1-8. М.

Седов 1982 – *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М.

Седов 1987 – *Седов В. В.* Латышские племена // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Седов 1989 – *Седов В. В.* Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского раннесредневекового города. М. С. 6–55.

Седов 1995 – *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М.

Седов 1999 – *Седов В. В.* Древнерусская народность. М.

Седов 2001–*Седов В. В.* Предыстория белорусов // КСИА. Вып. 211. С. 44–50.

Седов 2002 – *Седов В. В.* Изборск – протогород. М.

Седов 2007 – *Седов В. В.* Изборск в раннем средневековье. М.

Седова 1978 – *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М.

Седова 1981 – *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Седова 1997 – *Седова М. В.* Суздаль в X–XV вв. М.

Семёнов 2013 – *Семёнов В. М.* Деревенские святыни Чудовского района: Краткий обзор памятников. Чудово.

Сементовский 1867 – *Сементовский А. М.* Памятники старины Витебской губернии. СПб.

Сементовский 1890 – *Сементовский А. М.* Белорусские древности. СПб.

Сергеева 1981 – *Сергеева З. М.* К изучению культурно-экономических связей Западнорусских земель с Прибалтикой (по находкам звериноголовых браслетов) // КСИА. М. Вып. 164. С. 30–35.

Сергеева 2011 – *Сергеева М. С.* Косторізна справа у стародавньому Києві. Київ.

Середонин 1916 – *Середонин С. М.* Историческая география. Пг.

Сидоров 2002 – *Сидоров В. В.* Топор с янусовидным изображением из реки Осень // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 5. С. 442–447.

Сизов 1894 – *Сизов В. И.* Опись вещам из раскопок г. Сизова в Могилевской и Смоленской губерниях в 1890 г. // Древности. М. Т. XV, вып. 2. С. 137–142.

Сизов 1902 – *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Выпуск 1-й. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР. СПб. № 28.

Сказания 1981 – Сказания о начале славянской письменности. М.

Славянская мифология 2002 – Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.

Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 3. 1976 – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 3 (Володѣнье–Вящьшина).

Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 7. 1980 – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 7 (К–Крягуярь).

Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 25. 2000 – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 25 (Скорынья–Снулый).

Снорри Стурлусон 1980 – *Снорри Стурлусон.* Круг земной. М.

Соловьев 1959 – *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М. Кн. I, т. 1–2.

Спиргис 2009 – *Спиргис Р.* Овальные фибулы ливов // Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века. М. С. 11–50.

Спицын 1897 – *Спицын А. А.* Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. VII. Псковская губерния // ЗРАО. СПб. Т. IX, вып. 1–2. С. 249–256.

Спицын 1902 – *Спицын А. А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР. СПб. № 26.

Спицын 1905 – *Спицын А. А.* Белогостицкий клад 1836 г. // ЗОРСА. СПб. Т. VII, вып. 1. С. 154–159.

Спицын 1905а – *Спицын А. А.* Владимирские курганы // ИИАК. СПб. Вып. 15. С. 84–172.

Спицын 1905б – *Спицын А. А.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИИАК. СПб. Вып. 15. С. 6–70.

Спицын 1906 – *Спицын А. А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА. СПб. Т. VIII, вып. 1. С. 185–211.

Станкевич 1959 – *Станкевич Я. В.* Предварительные итоги исследований 1956 года в Великолукской области // КСИИМК. М. Вып. 77. С. 77–83.

Станкевич 1960 – *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э. // МИА. М. № 76. С. 7–323.

Станюкович, Осипов, Соловьев 2003 – *Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М.* Тысячелетие креста. М.

Степанов 2010 – *Степанов С. В.* Керамический комплекс XI–XII вв. из Изборского XII раскопа (проблемы хронологии и датировок) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Материалы 55-го заседания. Псков. С. 55–60.

Степанова, Жукова 2011 – *Степанова Ю. В. Жукова Е. Н.* Исследования поселения Гарусово II на оз. Удомля (Тверская область) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. 56. Псков. С. 62–69.

Стефанович 2012 – *Стефанович П. С.* «Сказание о призвании варягов» или Origo Gentis Russorum? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. М. С. 514–583.

Стефанович 2012а – *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М.

Стубавс 1966 – *Стубавс А.* Некоторые археологические находки 11–13 веков из городища Кокнесе // От эпохи бронзы до раннего феодализма. Исследования по археологии Прибалтики и смежных территорий. Таллин. С. 166–174.

Стубавс 1970 – *Стубавс А.* Археологические находки из древнего Саласпилса и хронология памятника // Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn. С. 181–188.

Судебная книга 2008 – Судебная книга витебского воеводы М. В. Клочко. 1533–1540. Литовская метрика. Книга № 228. Книга судных дел № 9. М.

Сумцов 1896 – *Сумцов Н. Ф.* Сказания о провалившихся городах // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков. Т. 8. С. 297–305.

Сушко 2011 – *Сушко А. О.* Давньоруські писанки // Археологія. Київ. № 2. С. 46–52.

Сушко 2012 – *Сушко А. О.* Керамічні світильники з Київського Подолу // Археологія. Київ. № 4. С. 54–62.

Тарабардина 2014 – *Тарабардина О. А.* Кресты «скандинавского» типа из раскопок в Новгороде // Труды ГИМ. Вып. 198: Славяне и иные языци… (посвящ. Н. Г. Недошивиной). М. С. 234–237.

Тараканова 1956 – *Тараканова С. А.* Псковские городища // КСИИМК. Вып. 62. С. 33–44.

Тарасаў 1992 – *Тарасаў С. В.* Новае у археалогіі Полацка // Полоцкій летопісец. Полоцк. № 1. С. 7–17.

Тарасаў 2001 – *Тарасаў С. В.* Полацк IX–XVII стст. Гісторыя і тапаграфія. Мінск.

Тарасаў 2003 – *Тарасаў С. В.* Сядзіба полацкіх ювеліраў XII–XIII стст. // Гісторыя і археологія Полацка і Полацкай зямлі: Матэріялы IV Міжнароднай канферэнцыі. Полацк. С. 267–272.

Тарасов 2001 – *Тарасов И. И.* Рыболовный инвентарь из раскопок в Старой Ладоге // Вестник молодых ученых. Серия исторические науки. СПб. Вып. 1. С. 69–73.

Творогов 1997 – *Творогов О. В.* Повесть временных лет: Комментарии // БЛДР. СПб. Т. 1. С. 487–524.

Тихомиров 2008 – *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. СПб.

Ткачев 1969 – *Ткачев М. А.* Прорезка вала городища на р. Менке // Тез. докл. конф. по археологии Белоруссии. Минск. С. 192–199.

Ткачоў, Семянчук 1993 – *Ткачоў М. А., Семянчук Г. М.* Дрысвяты // Энцыклапедыя. Археалогія і нумізматыка Беларусі. Мінск, 1993. С. 237–239.

Толочко 2006 – *Толочко П. П.* Русско-Византийские договоры и время включения их в летопись // ТОДРЛ. СПб. Т. LVII. С. 42–49.

Толочко 2011 – *Толочко П. П.* Ярослав Мудрый. Киев.

Толстой 1982 – *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: в 22 т. М. Т. 10.

Толстой 2011 – *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. М.

Топоров 1995 – *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.

Топоров, Трубачев 2009 – *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии. М. Т. 4.

Торопов 2009 – *Торопов С. Е.* Два уникальных комплекса древнерусских ювелирных украшений // Ежегодник Новгородского гос. объединенного музея-заповедника. 2008. Великий Новгород. С. 7–10.

Третьяков 1963 – *Третьяков П. Н.* Древние городища Смоленщины // *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М. С. 3–140.

Третьяков 1982 – *Третьяков П. Н.* По следам древних славянских племен. Л.

Трубачев 2008 – *Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках // Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М. С. 291–387.

Трусаў, Собаль, Здановіч 1993 – *Трусаў А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. І.* Стары замак у Гродне XI–XVIII стст.: гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск.

Тухтина 1990 – *Тухтина Н. В.* Курганная группа Кобожа I (бассейн реки Мологи) // Труды ГИМ. Вып. 74: Проблемы археологии Евразии. М. С. 121–137.

Тянина 2008 – *Тянина Е. А.* Орудия каменного века в культурном слое средневекового Новгорода: предметы языческого культа или случайные вещи? // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 22. С. 172–183.

Уваров 1910 – *Уваров А. С.* Лицевые сосуды // *Уваров А. С.* Сб. мелких трудов. М. Т. 2. С. 103–104.

Улащик 1968 – *Улащик Н. Н.* «Литовская и жмоитская кроника» и ее отношение к хроникам Быховца и М. Стрыйковского // Славяне и Русь. М. С. 357–365.

Уолкер 2014 – *Уолкер Йен.* Гарольд – последний король англосаксов. СПб.; М.

Успенская, Фехнер 1956 – *Успенская А. В., Фехнер М. В.* Указатель к карте «Поселения и курганные могильники северо-западной и северо-восточной Руси X–XIII вв.» // Труды ГИМ. М. Вып. 32.

Успенский 2000 – *Успенский Б. А.* Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М.

Успенский 2014 – *Успенский Б. А.* Из истории славянской библии: славяно-еврейские языковые контакты в Древней Руси // ВЯ. № 5. С. 24–55.

Устинович 2010 – *Устинович Ю. Ф.* Система укреплений Великого княжества Литовского и Московского государства во время Ливонской войны на территории Полоцкого воеводства и Витебского повета (1558–1570) // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М. С. 141–152.

Устюжский Летописный Свод 1950 – Устюжский Летописный Свод (Архангелогородский Летописец). М.; Л.

Фасмер 1925 – *Фасмер Р. Р.* Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. // Известия РАИМК. Л. Т. IV. С. 242–276.

Фасмер 1926 – *Фасмер Р. Р.* Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Л. Т. I. С. 287–308.

Фасмер 1929 – *Фасмер Р. Р.* Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры. II // Сообщения ГАИМК. Л. Т. II. С. 281–324.

Фасмер 1986 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I (А–Д). М.

Фасмер 1986а – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II (Е–Муж). М.

Фасмер 1987 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III (Муза–Сят). М.

Федорина и др. 2008 – *Федорина А. Н., Красникова А. М., Меснянкина С. В.* Локализация и исследование жилых и хозяйственных сооружений на селищах Весь 5 и Шекшово 2 с использованием методов геофизики и археологии // Археология Владимиро-Суздальской земли. М. Вып. 2. С. 23–35.

Фетисов, Мурашева 2008 – *Фетисов А. А., Мурашева В. В.* Смолокуренное производство в Гнёздове // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень. Т. 2. С. 213–219.

Фехнер 1959 – *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. // Труды ГИМ. М. Вып. 33.

Филюшкин 2013 – *Филюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.

Финно-угры и балты 1987 – Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Флерова 1996 – *Флерова В. Е.* Домашние промыслы в Саркеле–Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара. С. 277–332.

Флоря 1995 – *Флоря Б. Н.* К вопросу о зарождении восточнославянских народностей // Этническое самосознание славян в XV столетии. М. С. 10–38.

Фомин 1987 – *Фомин А. В.* Хутынский клад куфических монет X в. // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении: Краткие тезисы докладов и сообщений научной конференции (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа) 14–16 октября 1987 г. Л. С. 56–57

Фомин 1993 – *Фомин А. В.* Новые находки восточных монет в Северной Руси // Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщений. Вологда, 18–21 мая 1993 г. Вологда. С. 13–15.

Франклин, Шепард 2000 – *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750–1200. СПб.

Френ 1847 – *Френ Х. Д.* О восточных монетах, находимых в России // *Савельев П. С.* Мухаммеданская нумизматика в приложении к русской истории. СПб. С. 3–52.

Фролов, Пиотух 2008 – *Фролов А. А., Пиотух Н. В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Т. 2. Атлас и справочные материалы. М.; СПб.

Фроянов 1980 – *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.

Фроянов 1991 – *Фроянов И. Я.* Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // ВИ. № 6. С. 3–15.

Фроянов 1992 – *Фроянов И. Я.* Мятежный Новгород. СПб.

Фурасьев 2009 – *Фурасьев А. Г.* О роли миграций в этногенезе ранних славян // Сложение Русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. СПб. Вып. XLIX. С. 26–38.

Хамайко, Онопріенко 2012 – *Хамайко Н. В., Онопріенко Н. О.* Натільний хрест з нових розкопок на Київському Подолі / Церква – наука – суспільство: питання взаемодії (Матеріали Десятої Міжнародної наукової конференції (30 травня – 1 червня 2012 р.). Київ. С. 29–30.

Ханенко, Ханенко 1899 – *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. Киев. Вып. I.

Ханенко, Ханенко 1900 – *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. Киев. Вып. II.

Ханенко, Ханенко 1902 – *Ханенко Б. Н., Ханенко В. И.* Древности Приднепровья. Киев. Вып. V.

Ханенко, Ханенко 1907 – *Ханенко Б. Н., Ханенко В. И.* Древности Приднепровья. Киев. Вып. VI.

Харлашов 1994 – *Харлашов Б. Н.* Некоторые итоги раскопок на Завеличье // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 2. С. 44–76.

Хвощинская 1999 – *Хвощинская Н. В.* Подковообразные фибулы Рюрикова Городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М. С. 39–50.

Хвощинская 2004 – *Хвощинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли. СПб.

Хвощинская 2007 – *Хвощинская Н. В.* Каменные литейные формочки в коллекции Рюрикова Городища и стеатитовые находки на Руси // У истоков русской государственности. СПб. С. 199–202.

Хвощинская 2007а – *Хвощинская Н. В.* Бронзолитейное дело Рюрикова Городища в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб. С. 123–141.

Хорошев 1998 – *Хорошев А. С.* Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 12. С. 82–94.

Хорошев 2004 – *Хорошев А. С.* Седло начала XIII в. из Новгорода (опыт реконструкции) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 18. С. 175–188.

Хроника Быховца 1966 – Хроника Быховца. М.

Цауне 1992 – *Цауне А. В.* Возникновение Риги // Цивилизация Северной Европы. Средневековый город и культурное взаимодействие. М. С. 21–29.

Цукерман 2007 – *Цукерман К.* Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. СПб. С. 343–351.

Цукерман 2008 – *Цукерман К.* О введении византино-русских договоров в текст Начального свода и возникновении Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М. № 3 (33). С. 69–70.

Черепнин 1948 – *Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // ИЗ. М. Вып. 25. С. 293–333.

Чернягин 1941 – *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки // МИА. М. № 6.

Шадыра 2006 – *Шадыра В. І.* Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.). Мінск.

Шадыро 2001 – *Шадыро В. И.* Городище и селище Прудники // Lietuvos archeologija. T. 21. P. 267–274.

Шайкин 2006 – *Шайкин А. А.* История и сказка в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. СПб. Т. LVII. С. 60–78.

Шарковская 2011 – *Шарковская Н. Ю.* Находки с Замковой горы в собраниях витебских музеев // МАБ. Мінск. Вып. 21. С. 232–264.

Шахматов 1915 – *Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки Неофилологического общества. Пг. Вып. VIII. С. 385–407.

Шахматов 2002 – *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.

Шахматов 2003 – *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб.

Шахматов 2011 – *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. II. Обозрение летописей и летописных сводов XI–XVI вв. СПб.

Шейкин 2002 – *Шейкин Е. В.* Форма готландских камней группы «А» // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2002 г. М. С. 243–247.

Шекун, Сита 1993 – *Шекун О. В., Сита Л. Ф.* Пам'ятники IX–XII ст. в околицях с. Старий Білоус поблизу Чернігова // Старожитності Південної Русі. Чернігів. С. 40–49.

Ширинский 1999 – *Ширинский С. С.* Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Гнёздовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М. Ч. I. С. 87–146.

Шмидт 1969 – *Шмидт Е. А.* Раскопки в Смоленской области // АО 1968 г. М. С. 63–65.

Шмидт 1976 – *Шмидт Е. А.* Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII века н. э.). М.

Шмидт 1982 – *Шмидт Е. А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. М. Ч. 1.

Шмидт 1983 – *Шмидт Е. А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. М. Ч. 2.

Шмидт 2006 – *Шмидт Е. А.* Особенности этнокультурного развития племен Смоленского Поднепровья и смежных территорий в VIII–X вв. н. э. // ГАЗ. Мінск. № 22. С. 113–120.

Шмидт 2011 – *Шмидт Е. А.* Подвески-обереги смоленских кривичей XI–XII вв. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 20. Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2008 г. Мінск. С. 85–90.

Шмидт 2012 – *Шмидт Е. А.* Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья. Смоленск.

Шмидт 2013 – *Шмидт Е. А.* Шугайлово (комплекс археологических памятников). Смоленск.

Шмидт, Ходченков 1961 – *Шмидт Е. А., Ходченков А. А.* Археологические памятники и их охрана // Памятники культуры Смоленской области. Смоленск. Вып. 1.

Шмурло 1891 – *Шмурло Е.* Известия Джиованни Тедальди о России времен Ивана Грозного. СПб.

Шноре 1961 – *Шноре Э. Д.* Асотское городище. Рига.

Шноре, Цимермане 1966 – *Шноре Э., Цимермане И.* Поселение и могильник в Кивты (Восточная Латвия) // От эпохи бронзы до раннего феодализма. Исследования по археологии Прибалтики и смежных территорий. Таллин. С. 175–186.

Шпилев 2014 – *Шпилев А. Г.* Перстни с христианской символикой конца X–XVII вв. из Курской области // Stratum plus. № 6. С. 287–304.

Шпилевский 2004 – *Шпилевский П. М.* Путешествие по Полесью и белорусскому краю. Минск.

Шполянская 2008 – *Шполянская Д. В.* Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI веков Рождествено 1 (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья. М. Вып. 4. С. 267–275.

Штаден 2008 – *Штаден Генрих.* Записки о Московии. М. Т. 1.

Штыхов 1969 – *Штыхов Г. В.* Заславль в свете раскопок 1967–1968 гг. // Тез. докл. конф. по археологии Белоруссии. Минск. С. 132–141.

Штыхов 1969а – *Штыхов Г. В.* Раскопки в Логойске // Тез. докл. конф. по археологии Белоруссии. Минск. С. 122–126.

Штыхов 1969б – *Штыхов Г. В.* Раскопки в Лукомле в 1966–1968 гг. // Древности Белоруссии: Доклады к конференции по археологии Белоруссии (март 1969). Минск. С. 316–351.

Штыхов 1975 – *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк IX–X вв. Минск.

Штыхов 1978 – *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.

Штыхов 1986 – *Штыхов Г. В.* Клад из Полоцка // АО 1984 г. М. С. 353.

Штыхов 1992 – *Штыхов Г. В.* Круговая керамика Полоцкой земли X–XI вв. в сравнительном изучении // Древнерусская керамика. М. С. 61–72.

Штыхаў 1972 – *Штыхаў Г. В.* Вывучэнне курганоў Полацкай зямлі (X–пачатка XII ст.) // Беларускія старожытнасці. Мінск. С. 227–246.

Штыхаў 1992 – *Штыхаў Г. В.* Крывічы. Мінск.

Штыхаў 1993 – *Штыхаў Г. В.* Гарадзішча // Археалогія і нумызматыка Беларусі: Энцыклапедыя. Мінск.

Штыхаў 2000 – *Штыхаў Г. В.* Гарады Паўночнай і Цэнтральной Беларусі // Археалогія Беларусі. Мінск. Т. 3. С. 171–229.

Штыхаў 2011 – *Штыхаў Г. В.* Старажытны Лагойск у святле археалагічных раскопак // МАБ. Мінск. Вып. 21. С. 163–183.

Щапов 1976 – *Щапов Я. Н.* Библиотека Полоцкого Софийского собора и библиотека Академии Замойской // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М. С. 262–282.

Щапова 1956 – *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. М. № 55.

Эдинг 1928 – *Эдинг Д. Н.* Сарское городище. Ростов.

Энциклопедический Лексикон 1838 – Энциклопедический Лексикон. СПб. Т. XI.

Юнгер 2008 – *Юнгер Э.* Сады и дороги. М.

Юшко 1996 – *Юшко А. А.* Использование археологических данных при решении вопросов исторической географии Московской земли // Археологические памятники Москвы и Подмосковья М. С. 97–102.

Янин 1956 – *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М.

Янин 1960 – *Янин В. Л.* Монетные клады Новгородского музея // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. II. С. 141–154.

Янин 1970 – *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. I.

Янин 1995 – *Янин В. Л.* Берестяные грамоты об обороне новгородских рубежей в XIII в. // Князь Александр Невский и его эпоха: исследования и материалы. СПб. С. 128–133.

Янин 1998 – *Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М.

Янин 2004 – *Янин В. Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.

Янин 2009 – *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.

Янин, Алешковский 1971 – *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. М.; Л. № 2. С. 32–61.

Янин, Гайдуков 1998 – *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XII вв. М. Т. III.

Янин и др. 1999 – *Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Е.* Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 13. С. 5–10.

Янин и др. 2010 – *Янин В. Л., Рыбина Е. А., Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К.* Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2009 г. (Троицкий XIII и XIV раскопы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 24. С. 5–16.

Янина 1956 – *Янина С. А.* Неревский клад куфических монет X в. // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. С. 5–10 (МИА № 55).

Янина 1963 – *Янина С. А.* Второй Неревский клад куфических монет X в. // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. С. 287–331 (МИА № 117).

Янссон 1999 – *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова Городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М. С. 18–38.

Янссон 2009 – *Янссон И.* Королевские/княжеские центры эпохи викингов в Скандинавии и на Руси // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямли. Полацк. С. 208–232.

Янушкевич 2013 – *Янушкевич А. Н.* Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570. М.

Acta historica 1887 – Acta historica res gestas Poloniae illustrantia ab anno 1507 usque ad annum 1795. T.XI. Acta Stephani regis 1576–1586. Cracoviae.

Ager 2011 – *Ager B.* A preliminary note on the artefacts from the Vale of York Viking Hoard // Studies in Early Medieval Coinage 2. New Perspectives. P. 141–155.

Androshchuk 2013 – *Androshchuk F.* Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100). Uppsala.

Arbman 1940 – *Arbman H.* Birka. Die Gräber. T. I. Tafeln. Uppsala.

Arbman 1943 – *Arbman H.* Birka. Die Gräber. T. I. Text. Uppsala.

Arvidsson 1942 – *Arvidsson G.* Vendelstile, Email und Glas im 7.–8. Jahrhundert. Uppsala.

Astashova, Saracheva 2012 – *Astashova N., Saracheva T.* Early medieval Rus' relief decorated reliquary-crosses from the State Historical Museum in Moscow: insights from chemical content and technological analysis // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa. P. 445–457.

Atgāzis 1992 – *Atgāzis M.* First finds of three-armed (trefoil) brooches in Latvia // Die kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Frühen Mittelalter. Uppsala. P. 19–32.

Avdusin, Puškina 1988 – *Avdusin D. A., Puškina T. A.* Three chamber graves at Gniozdovo // Fornvännen. Stockholm. Bd 1. P. 20–33.

Balodis 1929 – *Balodis F.* Die lettishen Burgberge // Fornvännen. Stockholm. Bd 24. P. 270–295.

Balodis 1940 – *Balodis F.* Det Äldsta Lettland. Uppsala.

Balodis 1940a – *Balodis F.* Jersika un tai 1939. gadā izdarītie izrakumi. Rīgā.

Balodis 1942 – *Balodis F.* Die Burgberge Lettlands (Estratto da «Studi Baltcic», vol. VIII, 1941–42). Roma.

Berga 1992 – *Berga T.* Waagen zum Wägen von Münzsilber in Lettland // Die kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Frühen Mittelalter. Uppsala. P. 33–40.

Berga 2007 – *Berga T.* Dirham Imitations as Pendants in Latvia // Cultural interaction between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in Northern Europe. Stockholm. P. 171–174.

Bertašius 2005 – *Bertašius M.* Marvelė. Ein Gräberfeld Mittellitauens. Kaunas. Bd I.

Bertašius 2005a – *Bertašius M.* Marvelė. Ein Bestattungsplatz mit Mittellitauisher Pferdgräber. Kaunas. Bd II.

Bliujinė 2001 – *Bliujinė A.* Baltų zoomorfinis stilius // Lietuvos archeologija. T. 21. P. 205–226.

Brastiņš 1928 – *Brastiņš E.* Latvijas pilskalni. Latgale. Rīgā.

Brather 2006 – *Brather S.* Early Dirham Finds in the South-east Baltic. Chronological Problems in the Light of Finds from Janów Pomorski (Truso) // Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic. Kaunas. P. 133–142.

Callmer 1977 – *Callmer J.* Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 AD. Malmö.

Callmer 2013 – *Callmer J.* At the watershed between the Baltic and the Pontic before Gnezdovo // From Goths to Varangians. Communication and Cultural Exchange between the Baltic and the Black Sea. Aarhus. P. 39–85.

Chudzińska 2012 – *Chudzińska B.* Archaeological Evidence from today's Poland on Personal Piety during the Late Middle Ages // Rome, Constantinopole and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Kraków; Leipzig; Rzesów; Warszawa. Vol. II. P. 203–223.

Curba, Soczewiński 2002 – *Curba J., Soczewiński E.* Skarb dirhemów, ozdób srebrnych i złomu srebra z drugiej połowy X wieku z okolic Pińska // ГАЗ. Мінск. № 17. С. 158–164.

Davidan 1992 – *Davidan O. I.* Kunsthandwerkliche Gegenstände des 8. bis 10. Jahrhunderts aus Alt-Ladoga (Die Sammlung der Staatlichen Ermitage in St. Petersburg) // Zeitschrift fur Archäologie des Mittelalters, Jahrgang 20. Bonn. S. 5–61.

Davidson 1952 – *Davidson G. R.* The minor objects // Corinth. Results of excavations conducted by the American school of classical studies at Athens. N. J. Princeton. Vol. 12.

Dekan 1976 – *Dekan J.* Veľká Morava. Bratislava.

Die Welt von Byzanz… 2004 – Die Welt von Byzanz-Europas östliches Erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur. München.

Ducmane, Ozoliņa 2009 – *Ducmane K., Ozoliņa A.* Latvija Eiropā: monētu depozīti 1.–20. gadsimtā. Rīga.

Duczko 1997 – *Duczko W.* Byzantine Presence in Viking Age Sweden. Arcaeological Finds and their Interpretation // Rom und Byzanz im Norden: Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Mainz; Stuttgart. Bd I. P. 291–312.

Egan, Pritchard 2004 – *Egan G., Pritchard F.* Dress Accessories c.1150–c.1450 (Medieval Finds from Excavations in London).

Eketorp-III 1998 – Eketorp-III. Den madeltida befästingen på Oland. Artefakterna. Stockholm.

Eniosova 2007 – *Eniosova N.* Viking Age Gold from Old Rus' // Cultural interaction between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in Northern Europe. Stockholm, 2007. P. 175–179.

From Viking to Crusader… 1992 – From Viking to Crusader: Scandinavia and Europe 800–1200. Uddevalla.

Garam et al. 1975 – *Garam É., Kovrig I., Szabó J. Gy., Török Gy.* Avar finds in the Hungarian national museum. Budapest.

Graham-Campbell 1980 – *Graham-Campbell J.* Viking Artefacts. A Select Catalogue. London.

Graham-Campbell 1983 – *Graham-Campbell J.* A Viking-age gold arm-ring from the Sound of Jura // Proa Soc Antiq Scot, 113. P. 640–642.

Gumowski 1914 – *Gumowski M.* Podręcznik numizmatyki polskiej. Kraków.

Gwagnini 1768 – *Gwagnini A.* Kronika Sarmacyey Europeyskiey // Zbior dzieiepisow polskich. Warszawa. T. 4.

Hall 1984 – *Hall R.* The Viking Dig. London.

Hårdh 1976 – *Hårdh B.* Wikingerzeitliche depotfunde aus Südshweden. Lund.

Hedenstierna-Jonson 2006 – *Hedenstierna-Jonson C.* The Birka Warrior. The material culture of a martial society. Stockholm.

Jankuhn 1943 – *Jankuhn H.* Die Ausgrabungen in Haithabu (1937–1939). Berlin; Dahlem.

Janowski 2010 – *Janowski A.* From the North-Eastern to Central Europe. Silver-inlayed Axe from the Early Medieval Chamber Grave in Pień on the Chełmno Land (Poland) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Материалы 55-го заседания. Псков. С. 164–176.

Jansson 1984 – *Jansson I.* Kleine Rundspangen // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm. S. 58–84.

Jansson 1992 – *Jansson I.* Scandinavian oval brooches found in Latvia // Die kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Frühen Mittelalter. Uppsala. P. 61–78.

Jansson 1995 – *Jansson I.* Dress Pins of East Baltic Type Made on Gotland // Archaeology East and West of the Baltic. Stockholm. P. 83–90.

Jonsson 1994 – *Jonsson K.* A Gotlandic Hoard from the Early Viking Age // Festskrift till Birgit Arrhenius / ed. T. Hackens. PACT 38. Brussels. P. 451–458.

Jonsson, Östergren 1990 – *Jonsson K., Östergren M.* The Gotland hoard project and the Stumle hoard – an insight into the affairs of a gotlandic «farman» // Sigtuna Papers. Proceedings of the Sigtuna symphosium on Viking-age coinage 1–4 June 1989. Stockholm. P. 145–158.

Kiss 1977 – *Kiss A.* Avar cemeteries in country Baranya. Budapest.

Kivikoski 1973 – *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.

Kruse 1859 – *Kruse F.* Necrolivonica oder Geschichte und Alterthümer Liv-, Esth- und Curlands griechischen, römischen, byzantinischen, nortmannischen oder waräger-russischen, fränkischen, angelsächsischen, anglodänischen Ursprungs. Gefunden auf einer Allerhöchst befehlenen archäologischen Untersuchungsreise und durch spätere Nachforschungen wissenschaftlich erläutert. Leipzig.

Kubiak 1958 – *Kubiak W.* Skarb monet kufickich z Antopola na Polesiu a szlak wodny przypecko-buźański // Vznik a počátky Slovanů. Praha. T. II. S. 225–232.

Kuncienė 1972 – *Kuncienė O.* Prekybiniai ryšiai IX–XIII amžiais // Lietuvos gyventojų prekybiniai ryšiai I–XIII a. P. 149–254, 279–285.

Langhammer 2007 – *Langhammer D.* Åshusby – an Iron Age Central Place // Cultural interaction between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in Northern Europe. Stockholm. P. 140–147.

Leo Imperiale 2012 – *Leo Imperiale M.* «Signa Apostolorum Petri et Pauli». Note sulla produzione delle *quadrangulae* di pellegrinaggio a Roma // VI Congresso Nazionale di Archeologia Medievale (L'Aquila, 12–15 settembre 2012). Firenze. P. 698–703.

Lind 1984 – *Lind J. H.* The Russo-Byzantine Treaty and the Early Urban Structure of Rus' // SEER. 1984. Vol. 62, Nr. 3. P. 362–370.

Lobach 2011 – *Lobach U.* The Sacred Lakes of the Dvina Region (Northwest Belarus) // Archaeologia Baltica. 15. Klaipėda. S. 61–68.

Lowick 1996 – *Lowick N.* Early ʿAbbāsid Coinage. A Type Corpus / Ed. by E. Savage. London: The British Museum Press, 1996. – LVI + 444 p. – Книга не вышла в тираж и известна только в многочисленных *de iure* нелегальных копиях черновой корректуры.

Mahčiulis, Kuzmickas 2012 – *Mahčiulis M., Kuzmickas A.* Jurgaičių piliakalnis ir papėdės gyvenvietė // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2011 metais. Vilnius. S. 81–90.

Malingoudi 1994 – *Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhs. aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki.

McGeer 2008 – *McGeer E.* Sowing the Dragon's Teeth. Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington.

Messal 2001 – *Messal S.* The Daugava Waterway as a Communication Route to the East (9th–12th Centuries) // Offa. Neumünster. Bd 58. P. 71–80.

Měřínský 1988 – *Měřínský Z.* Kosočtverečné olověné křížky a jejich chronologické postavení v rámci hmotné kultury střední doby hradištní // Rodná země. Brno. S. 122–145.

Mugurēvičs 1974 – *Mugurēvičs Ē.* Krustiņveida piekariņi Latvijā laikā no 11. līdz 15. gs. // AE. XI. Riga. P. 220–237.

Mugurēvičs 1994 – *Mugurēvičs Ē.* Piekariņi ar t. s. Rjurikoviču cilts zīmi Latvijā 11.–13. gs. // AE. XVII . P. 76–83.

Mugurēvičs 1977 – *Mugurēvičs Ē.* Oliņkalna un Lokstenes pilsnovadi. 3–15 gs. arheoloģiskie pieminekļi. Rīga.

Mugurēvičs 2000 – *Mugurēvičs Ē.* Die Funde der Hammeräxte und Hämmer aus Horn auf dem Territorium Lettlands und ihre Mythologische Deutung // Iš Baltų Kultūros Istorijos. Vilnius. P. 63–73.

Mugurēvičs 2008 – *Mugurēvičs Ē.* Viduslaiku ciems un pils Salaspils novadā. Rīga.

Nerman 1929 – *Nerman B.* Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm.

Nerman 1934 – *Nerman B.* Swedish Colonies on the Baltic // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki. Vol. IX. P. 367–380.

Nerman 1969 – *Nerman B.* Die Vendelzeit Gotlands. T. II. Tafeln. Stockholm.

Noonan 1977 – *Noonan T. S.* Pre-970 dirham hoards from Estonia and Latvia, I: Catalog // Journal of Baltic studies. VIII. Nr 3. P. 238–259.

Noonan 1998 – *Noonan T. S.* The Islamic World, Russia and the Vikings. The Numismatic Evidence. Norfolk.

Nosov, Chvoščinskaja 2007 – *Nosov E. N., Chvoščinskaja N.V.* Some Aspects of Studies of Ringed Pins from Rus' // Cultural interaction between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in Northern Europe. Stockholm. P. 238–242.

Obelių kapinynas 1988 – Obelių kapinynas // Lietuvos archeologija. T. 6.

Östergren 2008 – *Östergren M.* Spillings – världens största vikingatida silverskatt // Spillingskatten – Gotland i vikingatidens världshandel. Lund. P. 11–40.

Paszkiewicz, Kulczycki 1990 – *Paszkiewicz M., Kulczycki J.* Herby rodów polskich (Polish Coats of Arms). London.

Paulsen 1956 – *Paulsen P.* Axt und Kreuts in Nord- und Osteuropa. Bonn.

Peets et. al 2013 – *Peets J., Allmäe R., Maldre L., Saage R., Tomek T., Lõugas L.* Research Results of the Salme Ship Burials in 2011–2012 // Archaeological Fieldwork in Estonia. 2012. Tallinn. P. 43–60.

Petersen 1919 – *Petersen J.* De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania.

Petersen 1928 – *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger.

Petersen 1951 – *Petersen J.* Vikingetidens redskaper. Oslo.

Picchio 1977 – *Picchio R.* The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of «Slavia Orthodoxa» // Slavica Hierosolymitana. Jerusalem. Vol. 1. P. 1–31.

Qast 2011 – *Qast D.* Ein Steinbeil mit magischer inchrift aus der Sammlung des Prinzen Christian August von Waldeck // Archäologisches Korrespondenzblatt. 41, 2. S. 249–261.

Radiņš 1999 – *Radiņš A.* 10.–13. gadsimta senkapi latgaļu apdzīvotajā teritorijā un Austrumlatvijas etniskās, sociālās un politiskās vēstures jautājumi. Latvijas Vēstures muzeja raksti: Arheoloģija. Nr. 5.

Radiņš 2006 – *Radiņš A.* Lower Daugava Area in the 1st–11th Century. Ethnic, Economic, Social and Political Change – on the Question of Activity along Daugava Waterway // Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic. Kaunas. P. 81–92.

Radiņš, Zemītis 1992 – *Radiņš A., Zemītis G.* Die Verbindungen zwischen Daugmale und Skandinavien // Die kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Frühen Mittelalter. Uppsala. P. 135–142.

Rauhut 1960 – *Rauhut L.* Wczesnośredniowieczne materiały z Terenóv Ukrainy w państwowym museum archeologicznym w Warszawie // Materiały wczesnośredniowieczne. Warszawa. T. V. S . 231–260.

Richards 1991 – *Richards J. D.* Viking Age England. London.

Rosborn 2004 – *Rosborn S.* Den skånska historien. Vikingarna. Lund.

Ross 1965 – *Ross M.* Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. T. 2. Jewelry, enamels and art of the Migrations period. Washington.

Ryabinin 1992 – *Ryabinin E. A.* The Ancient Site of Unorozh, end of the First Millenium A.D. // Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Tallinn. P. 122–134.

Semîtis 2007 – *Semîtis G.* 10th–12th Century Daugmale. The Earliest Urban Settlment along the Lower Daugava and Forerunner of Riga // Cultural interaction between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in Northern Europe. Stockholm. P. 279–284.

Sietinsone 2006 – *Sietinsone L.* Latvijas pilskalnu datubāzes izveide un telpiskā izvietojuma analīze ģeogrāfisko informāciju sistēmu vidē // Latvijas Universitātes Raksti. Nr. 695. P. 41–56.

Šnē 2006 – *Šnē A.* The economy and social power in the late prehistoric chiefdoms of eastern Latvia // Archaeologia Baltica 6. P. 68–78

Šnore 1987 – *Šnore E.* Kivtu kapulauks. Rīga.

Šnore 1993 – *Šnore E.* Agrā dzelzs laikmeta uzkalniņi Latvijas austrumu daļā. Rīga.

Šnore, Zariņa 1980 – *Šnore E., Zariņa A.* Senā Sēlpils. Rīga.

Spencer 1968 – *Spencer B.W.* Medieval piligrim badges. Some general observations illustrated mainly from English sources // Rotterdam Papers. I. Rotterdam. P. 137–153.

Spencer 1998 – *Spencer B.* Piligrim souvenirs and secular badges. Medieval finds from excavations in London: 7. Southampton.

Spirģis 2008 – *Spirģis R.* Bruņrupuču saktas ar krūšu važiņrotām un lībiešu kultūras attīstība Daugavas lejtecē 10.–13. gadsimtā. Rīga.

Staecker 1999 – *Staecker J.* Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden / Lund Studies in Medieval Archaeology 23. Stockholm.

Stenberger 1947 – *Stenberger M.* Die Shatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. 2. Fundbeschreibung und Tafeln. Lund.

Stolpe, Arne 1927 – *Stolpe H., Arne T. J.* La necropole de Vendel. Stockholm.

Stryjkowski 1846 – *Stryjkowski M.* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa. T. 1.

Stryjkowski 1846a – *Stryjkowski M.* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa. T. 2.

Svetikas 1998 – *Svetikas E.* Sagtys XIV–XVII A.: tipai ir paskirtis // Lietuvos archeologija. T. 15. P. 389–431.

Tallgren 1925 – *Tallgren A. M.* Zur Arhäologie Eestis. II. Von 500 bis etva 1250 n. Chr. Dorpat.

Tautavičius 1996 – *Tautavičius A.* Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius.

Thalin-Bergman 1984 – *Thalin-Bergman L.* Det vikingatida Frescati. Stockholm.

The Archaeology of Medieval Europe 2007 – The Archaeology of Medieval Europe. Vol. 1. Eighth to Twelfth Centuries AD. Aarhus.

The Bayeux Tapestry 2004 – The Bayeux Tapestry. London.

The Curonians 2009 – The Curonians. Tribe Culture According to the Burial Data. Baltic Archaeological Exibition. Catalogue. Vilnius.

The Hoen Hoard 2006 – The Hoen Hoard. A Viking Gold Treasure of the Ninth Century. Acta ad archaeologiam et atrium historiam pertinentia. Roma. Vol. XIV.

The Selonians 2007 – The Selonians. Baltic Archaeological Exibition: Catalogue. Vilnius.

The Semigallians 2005 – The Semigallians. Baltic Archaeological Exibition: Catalogue. Vilnius.

Thunmark-Nylén 1984 – *Thunmark-Nylén L.* Ringnadeln // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm. S. 5–14.

Thunmark-Nylén 1995 – *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm. Bd I.

Thunmark-Nylén 1998 – *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm. Bd II.

Tilko 2006 – *Tilko S.* Kaula ķemmes no Doles Vampeiešu kapulaukiem // AE. XXIII. P. 269–281.

Tilko 2011 – *Tilko S.* Kaula ķemmes no 10.–13. gs. Daugavas lejteces kapulaukiem // AE. XXV. P. 159–181.

Tvauri 2012 – *Tvauri A.* The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. Estonian Archaeology. Tartu. Vol. 4.

Urtāns 1993 – *Urtāns J.* Daugavas pilskalni. Rīga.

Urtāns 1994 – *Urtāns J.* Latvian Hillforts: the Originality of the Archaeological Reality // Zestende Kroon-Voordracht gehouden voor de Stichting Nederlands Museum voor Anthropologie en Praehistorie te Amsterdam op 22 April 1994 door J. T. Urtāns Riga, Lettland.

Urtāns 1995 – *Urtāns J.* Latvijas austrumu daļas jaunatklātie pilskalni. Rīga.

Vaitkevičius 2010 – *Vaitkevičius G.* Vilniaus įkūrimas. Vilnius.

Vasiliev 1951 – *Vasiliev A. A.* The Second Russian Attack on Constantinople // Dumbarton Oaks Papers, Vol. 6. P. 161+163–225.

Vaškevičiūtė, Cholodinskienė 2008 – *Vaškevičiūtė I., Cholodinskienė A.* Pavirvytės kapinynas (X–XIII amžiai). Vilnius.

Viking Antiquities 1940 – Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. Oslo. Part III.

Viking Antiquities 1940a – Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. Oslo. Part IV.

Viking Antiquities 1954 – Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. Oslo. Part VI.

Volkaitė-Kulikauskienė 1979 – *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Krūminių senkapis // Lietuvos archeologija. T. 1. P. 112–121.

Wegraus 1986 – *Wegraus E.* Die Pfeilspitzen von Birka // Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm. S. 21–34.

Widerström 2008 – *Widerström P.* Spillings gård – en rik bosättning på nordöstra Gotland // Spillingskatten – Gotland i vikingatidens världshandel. Lund. P. 41–63.

Willemsen 2004 – *Willemsen A.* Vikings! Raids in the Rhine/Meuse region 800–1000. Utrecht.

Zariņa 1992 – *Zariņa A.* Die Kontakte der Liven mit skandinavischen Ländern nach den Schmucksachen des Gräberfeldes aus dem 10.–13. Jh. zu Salaspils Laukskola // Die kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Frühen Mittelalter. Uppsala. P. 173–184.

Zariņa 2006 – *Zariņa A.* Salaspils Laukskolas kapulauks 10.–13. gadsimits. Rīga.

Zemītis 1998 – *Zemītis G.* Christliche und heidnische Symbole aus Burgen des 9.–12. Jahrhunderts in Zentrallettland (Daugmale, Talsi, Mežotne) // Rom und Byzanz im Norden: Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Mainz; Stuttgart. Bd II. P. 97–113.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Артамонов А-1928 – *Артамонов И. И.* Отчет о палеоэтнологической рекогносцировке по р. Ловать в 1928 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 111.

Горюнова, Романова, Щеглова А-1985 – *Горюнова В. М., Романова Г. А., Щеглова О. А.* Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда Ленинградского отделения Института археологии АН СССР на поселениях Верхнестриженское 2 и 3 близ с. Сибереж Репкинского района Черниговской области в 1984–1985 гг. // НА ИА АН Украины. 1985/153.

Дело А-1882 – Дело о сасанидских и куфических монетах, найденных в д. Вылеги крестьянином Иваном Федоровым // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 45. 1882 г.

Каргер А-1957 – *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Полоцкой археологической экспедиции Института истории Академии наук БССР в 1957 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. № 197.

Лесман А-1980 – *Лесман Ю. М.* Отчет Торопецкого археологического отряда за 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8512.

Микляев А-1963 – *Микляев А. М.* Отчет о раскопках и разведках Невельского отряда Псковской археологической экспедиции в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2714, 2714а. См. также Архив ОАВЕС. Государственный Эрмитаж.

Микляев А-1966 – *Микляев А. М.* Отчет о работе Невельской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3310, 3310а. См. также Архив ОАВЕС. Государственный Эрмитаж.

Микляев А-1967 – *Микляев А. М.* Отчет о работе Невельской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3441, 3441а. См. также Архив ОАВЕС. Государственный Эрмитаж.

Микляев А-1988 – *Микляев А. М.* Отчет о работе Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1988 г. // Архив ОАВЕС. Государственный Эрмитаж.

Минасян А-1970 – *Минасян Р. С.* Отчет о работе Славяно-Русского отряда Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4376.

Митрофанов А-1967 – *Митрофанов А. Г.* Отчет о полевых археологических исследованиях группы по изучению памятников железного века Северной и Средней Белоруссии за 1967 год. // Архив ИИ НАНБ. № 327.

Митрофанов А-1969 – *Митрофанов А. Г.* Отчет о полевых работах группы по изучению древностей восточных балтов в 1969 г. // Архив ИИ НАНБ. № 366.

Митрофанов А-1974 – *Митрофанов А. Г.* Отчет Западнодвинского отряда о полевых работах в 1974 году // Архив ИИ НАНБ. № 473.

Носов А-2011 – *Носов Е. Н.* Отчет о полевых работах Новгородской областной экспедиции в 2011 году // Архив ИА РАН.

О монетах А-1880 – Дело о монетах, найденных в м. Усвят Витебской губ. крестьянином Парфеном Пантелеевым // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 21. 1880 г.

О предполагаемом срытии А-1897 – Дело о предполагаемом срытии Замковой Горы в Витебске // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 78. 1897 г.

О серебряных куфических монетах А-1888 – Дело о серебряных куфических монетах, найденных в Витебской губернии. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 49. 1888 г.

О старинных серебряных монетах А-1897 – Дело о старинных серебряных монетах, найденных в м. Усвят Велижского уезда Витебской губ. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 202. 1897 г.

Орлов А-1968 – *Орлов С. Н.* Отчет о работе археологической экспедиции Новгородского пединститута и музея на городище у дер. Сельцо Парфинского района Новгородской области в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3681, 3681а.

Пронин А-1984 – *Пронин Г. Н.* Отчет о работе Кривичской экспедиции ИА АН СССР в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9441.

Станкевич А-1954 – *Станкевич Я. В.* Отчет о работе Западнодвинского отряда Славянской экспедиции ИИМК в 1954 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1071.

Штыхов А-1964 – *Штыхов Г. В.* Отчет о раскопках в Витебске и археологических разведках в Полоцке, Шклове и Орше в 1964 г. // Архив ИИ НАНБ. № 243.

Штыхов А-1966 – *Штыхов Г. В.* Отчет о раскопках городов Полоцкой земли в 1966 г. // Архив ИИ НАНБ. № 284.

Штыхов А-1967 – *Штыхов Г. В.* Отчет об археологических исследованиях в Северной Белоруссии в 1967 г. // Архив ИИ НАНБ. № 349.

Штыхов А-1969 – *Штыхов Г. В.* Отчет об исследованиях Полоцко-Витебского археологического отряда в 1969 г. // Архив ИИ НАНБ. № 350.

Штыхов А-1971 – *Штыхов Г. В.* Отчет о разведках и раскопках в Северной Белоруссии в 1971 г. Архив ИИ НАНБ. № 385.

Штыхов А-1974 – *Штыхов Г. В.* Отчет о работах Полоцко-Витебского отряда в 1974 г. // Архив ИИ НАНБ. № 477.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ И СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Военно-топографическая карта России. 1867–1919 гг. М 3 версты в дюйме.

Карты Генерального штаба. М 1 : 200 000.

Могилевская область 2004 – Могилевская область. Атлас автомобильных дорог. М 1:200 000. Минск.

Псковская губерния 1885 – Списки населенных мест Российской империи. Псковская губерния. СПб. Т. XXXIV.

Смоленская губерния 1868 – Смоленская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб. Т. XL.

Специальная карта Европейской России с прилегающей к ней частью Западной Европы и Малой Азии (карта И. А. Стрельбицкого). М 10 верст в дюйме.

Тверская губерния 1862 – Тверская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1859 г. СПб. Т. XLIII.

Приложение 1

И. И. Еремеев. **Топография монетных и денежно-вещевых кладов IX–XI вв. в Восточно-Балтийском регионе (развернутая легенда к рис. 46–48)**[1]

Бассейн р. Западная Двина				
№	Административная принадлежность[2]		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
1	**Тверская обл.**, Андреапольский (?) р-н	Псковская губ. на границе с Тверской губ.	Клад (?) найден до 1910 г. Известны 3 монеты, определенные В. Г. Тизенгаузеном: 1, 2 – варварские подражания аббасидским дирхемам, чеканенным в Армении в 279 г. х. (892 г.); 3 – дирхем, Саманиды, Самарканд, 283 г. х. (896 г.) (Марков 1910: 39 (№ 213))	Марков 1910: 39 (№ 213); Пахомов 1926: 80 (№ 267)
2	**Бельский у.**	Смоленская губ., Бельский у.	Два дирхема (клад?) найдены до 1910 г. при неизвестных обстоятельствах в неустановленном месте: 1 – Саманиды, 291 г. х. (903 г.), аш-Шаш; 2 – Саманиды, 298 г. х. (910 г.), Самарканд (Марков 1910: 44 (№ 244))	Марков 1910: 44 (№ 244)
3	**Набатово,** д., Тверская обл., Торопецкий р-н	Псковская губ., Торопецкий у., Туровская вол.	Клад дирхемов найден в 1926 г. при неизвестных обстоятельствах. Уцелели две монеты, поступившие в том же году в Торопецкий музей краеведения. Определены Р. Р. Фасмером: 1 – чеканена в Мадинат Балхе в 185 г. х. (801 г.); 2 – выбита в Мадинат Самарканде в 200 г. х. (815/816 г.)	Окулич-Казарин 1914: 265; Фасмер 1929: 292 (№ 41); Кропоткин 1971: 80 (№ 32); Noonan 1998: 91 (№ 20)
4	**Торопец**, г., Тверская обл.		Клад арабских монет найден в 1960 г. на песчаном холме на северном берегу оз. Зеликовье. Определено 55 монет (определение А. А. Быкова). Дирхемы аббасидские, чеканены между 134 г. х. (751/752 г.) и 253 г. х. (867 г.) (Корзухина 1964). Ко времени публикации В. В. Кропоткина удалось собрать 73 монеты. Датировка клада не изменилась (Кропоткин 1971: 81)	Корзухина 1964; Кропоткин 1971: 81 (№ 34); Noonan 1998: 107 (№ 58)
5	**Глазуново**, д., Псковская обл., Усвятский р-н		Клад был найден в 1958 г. близ деревни на берегу рч. Успол, левого притока р. Усвяча, в 100 м от его устья. Монеты находились в глиняном горшке. Место находки клада осмотрено И. И. Еремеевым в 1996 г. Следов поселения не обнаружено. Известно 7 монет (определения А. А. Быкова, И. Г. Добровольского, Вяч. С. Кулешова). Все монеты аббасидские. Младшая выбита в 853/854 г.	Алексеев 1980а: 75, рис. 5; Микляев 1992: 135; Еремеев 1997: 38; Еремеев, Дзюба 2010: 506
6	**Кислые**, д., Смоленская обл., Смоленский р-н		Клад серебряных монет в лепном сосуде найден в 1967 г. на территории селища на левом берегу р. Жереспея. Содержал более 800 арабских дирхемов, сасанидскую драхму, брактеат, чеканенный в Хедебю ок. 825 г. Младшая монета клада выбита в 838 г. (Нахапетян, Фомин 1994: 146). Еще 12 фрагментированных монет, вероятно, относящихся к кладу, найдено в раскопе Е. А. Шмидта 1968 г. (Галанов 2014: 11)	Шмидт, Ходченков 1961: 46, 47; Шмидт 1969: 63–65; 1976: 214–216; 1983: 77; Потин 1970: 76: Кропоткин 1971: 85 (№ 92); Нахапетян, Фомин 1994: 146, 168 (№ 13); АКР 1997: 108–109 (п. 33–37); Noonan 1998: 97 (№ 34); Галанов 2014: 11
7	**Городище**, д., Смоленская обл., Демидовский р-н		Клад куфических монет найден на городище (на СЗ берегу оз. Городище) во время Великой Отечественной войны	Шмидт, Ходченков 1961: 56; Шмидт 1982: 44–46; АКР 1997: 174–176 (п. 70, 71, 69)

[1] Нумизматика невнимательна к местам находок кладов, к их географическому и археологическому контексту. В картах распространения кладов существует изрядная путаница. В этой таблице по возможности отмечаются разночтения в локализации кладов, неточные привязки помещены в сноски. Разумеется, удалось выявить далеко не все неточности в источниках. Терминология нумизматов, трудившихся в различное время, и стиль их определений разнится. Унификация нумизматических описаний не входила в задачи работы.

[2] Сокращения географической номенклатуры: воев. – воеводство; вол. – волость; г. – город; госп. д. – господская деревня; губ. – губерния; д. – деревня; им. – имение; м. – мыза; о. – остров; обл. – область; оз. – озеро; окр. – округ; п. – поселок; пов. – повет; прих. – приход; р-н – район; рч. – ручей; с. – село; сс. – сельсовет; ст. – станция; у. – уезд; ур. – урочище; ф. – фольварк; хут. – хутор. Часть упоминающихся населенных пунктов в настоящее время прекратила существование.

8	**Витебск**, г., Беларусь		Клад куфических монет найден в городе в 1822 г. 15 монет приобретены Академией наук. Саманиды и Бувейхиды, сер. X в.	Савельев 1847: 157 (№ 21в); Сементовский 1867: 67; Марков 1910: 3 (№ 10); Рябцевич 1998: 67 (№ 3)
9	**Витебск**, г., Беларусь		Клад (?) куфических монет (несколько экз.) найден на Нижнем замке в 1950 г. при строительстве гостиницы «Двина». Саманиды	Рябцевич 1998: 67 (№ 6)
10	**Витебск**, г., Беларусь		Клад (?) арабских монет найден в 1964 г. в обрыве Западной Двины. Определен один дирхем. Аббасиды, ал-Мамун, Мадинат Арран, 823/824 г. (Поболь 1983: 134). По сведениям В. Н. Рябцевича, найдено две монеты, вторая не определена (Рябцевич 1998: 67 (№ 9))	Поболь 1983: 134; Рябцевич 1998: 67 (№ 9)
11	**Витебск,** г., Беларусь		Клад (?) найден в городе в 1960-е гг. Определены 2 дирхема: 1 – Харун ар-Рашид, 786–809 гг.; 2 – ал-Мамун (правл. 813–833 гг.). Возможно, монеты из того же клада, что и экз., информация о котором опубликована Л. Д. Поболем	Кропоткин 1971: 92 (№ 173); Рябцевич 1998: 67 (№ 7)
12	**Витебская губ., имение г-жи Богомолец** в 40–50 верстах от города,[3] Беларусь	Витебская губ.	Клад, найденный между 1821 и 1823 гг., включал до 100 фунтов арабских монет. Уцелело и определено 19 монет. Две из них омейядские: Гишам, Васит, 734 г.; Мерван II, Куфа, 745 г. Остальные монеты аббасидские: ал-Мансур, ал-Мегди, Харун ар-Рашид, ал-Мамун, ал-Амин. Младшая монета – ал-Мустаин Биллах (862–866 гг.)	Савельев 1847: 109 (№ 21а); Марков 1910: 2–3 (№ 9); Рябцевич 1998: 74 (№ 50); Noonan 1998: 107 (№ 56)
13	**Витебская губ.**, Беларусь	Витебская губ.	Клад найден кантонистами Витебского батальона в неустановленном месте в 1839 г. Известно 3 монеты и 4 обрезка. Определено 5 монет: 1 – Омейяды, Гишам; 2–4 – монеты принадлежат трем первым Аббасидам; 3 – Тахириды, Абдуллах, Мерв, 219 г. х. (834 г.)	Савельев 1847: 28 (№ 21); Марков 1910: 3 (№ 11); Рябцевич 1998: 74–75 (№ 52) [4]
14	**Витебский р-н**, Беларусь, Витебская обл.		Клад найден в неустановленном месте ок. 1969 г. Известны две монеты: 1 – Нух ибн Наср, Бухара, 340 г. х. (951/952 г.); 2 – Этельред II, Англия, 978–1016 г.	Рябцевич 2000: 66 (№ 75).
15	**Сенненский р-н,** Беларусь, Витебская обл.		Клад найден в 1957 г., в неустановленном месте. Известно 5 западноевропейских монет. Дата сокрытия, по В. М. Потину, – не ранее 1150-х гг. (Потин 1967: 165)	Потин 1967: 165 (№ 282)
16	**Добрино**, д., Беларусь, Витебская обл., Лиозненский р-н[5]		Клад найден в поле в 1962 г. Находился в лепном сосуде. Собраны 431 целая монета и 96 обрезков. Определены В. Н. Рябцевичем. Монеты чеканены между 121 г. х. (738/739 г.) и 227 г. х. (841/842 г.). В состав клада входила свернутая в спираль серебряная гривна, восьмигранная в сечении с гранчатыми головками, украшенная чеканным орнаментом	Рябцевич 1965: 121–160; 1998: 69–70 (№ 22); Кропоткин 1971: 92 (№ 169); Noonan 1998: 98–99 (№ 38)

[3] В публикации 1847 г. речь идет, очевидно, о достаточно известной представительнице провинциальной аристократии. Ею могла быть Анна Петровна Богомолец (ок. 1780 – ?) – младшая сестра Ромуальда Богомольца (1772–1840), в годы находки клада – витебского предводителя дворянства. Анна Петровна была замужем за Иосифом Ивановичем Борхом (1753–1835), также избравшимся на должность губернского предводителя дворянства. Имение помещика Богомольца, находившееся близ г. Городок Витебской губ. «за две станции пред Витебском», упоминается в путевых заметках 1850-х гг. (Мацкевич 1856: 208).

[4] В топографии В. Н. Рябцевича ошибочно указан год находки – 1893 вместо 1839 (Рябцевич 1998: 74).

[5] Современная административная принадлежность, по В. Н. Рябцевичу (1998). Публикации сведений о местонахождении клада в археологической литературе также не обошлись без недоразумений. Л. В. Алексеев почему-то привязал клад (найденный в 1962 г.!) к «Оршанскому уезду» (Алексеев 1980а: 75). Небрежность Л. В. Алексеева в обращении с географией и географической номенклатурой заставляет отказаться от использования материалов этого автора.

17	**Суходрево (Суходорово)**, бывш. им., Беларусь, Витебская обл., Витебский р-н[6]		Клад найден в 1870-х гг. в поле́ кургана на берегу р. Суходровки. В состав клада входили куфические монеты – «значительное количество», перстни «с камнями и резьбой», серебряные шейные гривны. Сохранились изображения двух гривен (Сементовский 1890: рис. 47), на основании которых Г. Ф. Корзухина отнесла клад к IX–началу X в.	Сементовский 1890: 76–77; Марков 1910: 139 (№ 15); Корзухина 1954: 80 (п. 3); Рябцевич 1998: 70 (№ 23)
18	**Богушевский р-н,** Беларусь, в настоящее время – части Витебского, Оршанского и Сенненского р-нов Витебской обл.		Клад найден в 1958 г. Известны по эстампажам 5 аббасидских дирхемов. Младшая монета – ал-Мамун, Мадинат Арран, 207 г. х. (822/823 г.) (Рябцевич 1998: 74)	Рябцевич 1998: 74 (№ 51)
19	**Тупичино**, д., Беларусь, Витебская обл., Шарковщинский р-н, Лужковский сс.[7]	Виленская губ., Дисненский у.	Клад найден в 1867 г. Известны 135 целых и фрагментированных монет. Старшая монета: Аббасиды, ал-Мутадид Биллах, Васит, 281 г. х. (894/895 г.). Младшая монета: Саманиды, Нух ибн Наср, аш-Шаш, 332 г. х. (943/944 г.)	Марков 1910: 1–2 (№ 5); Рябцевич 1998: 66 (№ 1)
20	**Поречье**, д., Беларусь, Витебская обл., Глубокский р-н[8]		Клад найден в поле у деревни в 1960 г. Собрано 39 монет и 6 обрезков. 44 монеты определены А. А. Быковым. Монеты чеканены между 152 г. х. (769 г.) и 239 г. х. (853/854 г.). В состав клада входили две свернутые в спираль серебряные гривны, с граненым дротом, украшенным чеканным орнаментом и гранчатыми головками	Рябцевич 1965: 121–160; 1998: 68 (№ 14); Кропоткин 1971: 92 (№ 170); Noonan 1998: 102 (№ 45)
21	**Ахремцы**, д., Беларусь, Витебская обл., Россонский р-н[9]	Витебская губ., Дриссенский у., Зябковская вол.	В деревне на правом берегу р. Дрисса вблизи песчаного обрыва в 1888 г. найден клад. В Императорскую Археологическую комиссию поступили 24 куфические монеты, битые между 741 г. и 852 г.	ОИАК 1893: 134–135; Марков 1910: 3 (№ 12); Рябцевич 1998: 73 (№ 40); Noonan 1998: 101–102 (№ 44); О серебряных куфических монетах А-1888
22	**Лучесы**, д., Беларусь, Витебская обл., Витебский р-н[10]	Витебская губ.	Клад найден до 1910 г. «около губернского города» близ деревни. Известны 2 дирхема, младший (Аббасиды, Самарканд) выбит в 248 г. х. (862/863 г.)	Марков 1910: 2 (№ 8); Даркевич 1976: 157; Кропоткин 1978: 115; Рябцевич 1998: 67 (№ 11); Noonan 1998: 103 (№ 48)

[6] Современная административная принадлежность, по В. Н. Рябцевичу (1998).

[7] Клад включен А. К. Марковым в свою топографию без указания конкретного места находки – «Виленская губерния, Дисненский уезд» (Марков 1910: 1). Привязка клада к населенному пункту (Тупичино) дана по топографии В. Н. Рябцевича. Необходимо уточнить, что первоначальная локализация клада А. К. Марковым в Дисненском у. исключает локализацию В. Н. Рябцевича в современном Бешенковичском р-не, поскольку территориально старый Дисненский у., расположенный к западу от Полоцка, и современный Бешенковичский р-н, расположенный к востоку от Полоцка, не имеют между собой точек соприкосновения. Но на территории бывшего Дисненского у. действительно имеется д. Тупичино (лист карты масштаба 1: 200 000, N-35-V). К ней мы и привязали клад.

[8] В первой публикации В. Н. Рябцевич локализовал клад в Плисском р-не Витебской обл. (Рябцевич 1965: 121). В. В. Кропоткин вслед за ним ошибочно привязал клад к «Плисскому району» Брестской обл. (1971: 92). Такого района в Брестской обл. не существует. В последующих статьях, посвященных кладу из Поречья, В. Н. Рябцевич пишет о Глубокском р-не Витебской обл. (см.: Рабцэвіч 1993: 485, 486; 1998: 68).

[9] Один из немногих кладов, локализация которых может быть выполнена абсолютно точно.

[10] Клад локализован по Военно-топографической карте России издания 1913 г. (госп. д. Лучиса на левом берегу р. Лучёса).

[11] Клад локализован по Военно-топографической карте (лист XII-9) – д. Горицы Витебского у. в верховьях рч. Чарны (бассейн р. Вымнянка – левый приток р. Каспля).

23	**Гарица (Гарицы)**, д., Беларусь, Витебская обл., Витебский р-н[11]	Витебская губ., Витебский у., Королевская вол.	Клад найден в деревне ок. 1880 г. Известно 10 монет (сасанидская драхма и 9 дирхемов). Младшая монета – Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, аш-Шаш, 294 г. х. (906/907 г.)	Марков 1910: 136 (№ 3); Рябцевич 1998: 67 (№ 10)
24	**Стражевичи I**, д., Беларусь, Витебская обл., Чашникский р-н[12]		Денежно-вещевой клад найден в 1898 г. Известно о находке 216 монет, в том числе: дирхемы (главным образом фрагментированные) – 48; западноевропейские монеты – 159; монетные кружки – 9 экз. Младшая монета: Германия, еп. Бернольд (1027–1054 гг.), Давентер. Вещевая часть состояла из серебряных слитков и разнообразных серебряных предметов, преимущественно ювелирного лома	Корзухина 1954: 95–96 (№ 45); Потин 1967: 164 (№ 280); Рябцевич 2000: 68 (№ 86)
25	**Стражевичи II**, д., Беларусь, Витебская обл., Чашникский р-н[13]		Клад найден в 1903 г. В составе клада известны 319 монет, в том числе: 45 дирхемов; 1 подражание саманидскому дирхему; 271 западноевропейская монета; 2 подражания им. Младшая монета – Германия, герц. Бернгард II (1011–1059 гг.), Люнебург. Вещевая часть клада содержала серебряные слитки и ювелирный лом	Корзухина 1954: 96–97 (№ 46); Потин 1967: 164–165 (№ 281); Рябцевич 2000: 68–69 (№ 87)
26	**Горовляны I**, д., Беларусь, Витебская обл., Глубокский р-н[14]		В 1965 г. на селище найден клад, состоявший из серебряного ювелирного лома, куфических монет, подражаний им и западноевропейских денариев (Англия, Германия, Дания, Франция, Чехия). Младшими монетами клада являются денарии 1040–1050-х гг. (Рябцевич 2000: 66)	Потин 1967: 184 (№ 394); Кропоткин 1971: 92 (№ 174); Рябцевич 2000: 66 (№ 76)
27	**Горовляны II,** д., Беларусь, Витебская обл., Глубокский р-н		Клад найден Г. В. Штыховым в 1965 г. в 2 м от клада I. Состоит из дирхемов (115 экз.), монетных кружков (3 экз.) и чешского денария (967–1002 гг.). Последний является младшей монетой клада (Рябцевич 2000: 66). Вещевую часть клада составляют брактеаты с ушками, браслетообразные завязанные височные кольца, шейная гривна, браслет, золотостеклянные и пастовые синие бусы	Потин 1967: 184 (№ 395); Кропоткин 1971: 92 (№ 175); Рябцевич 2000: 66–67 (№ 77)
28	**Козьянки**, д., Беларусь, Витебская обл., Полоцкий р-н		Клад найден в 1973 г. на правом берегу Западной Двины близ юго-западной окраины Полоцка, в 300–350 м от воды. Признаков культурного слоя поблизости не отмечено. Монеты были завернуты в бересту. Масса клада составляла ок. 20 кг. Известно 7711 монет (Рябцевич 1998: 72). Младшая монета – Нух I ибн Наср, Самарканд, 333 г. х. (944/945 г.)	Рябцевич 1974: 380; 1993: 34–35; 1998: 72 (№ 36); Археалогія і нумізматыка Беларусі 1993: 293; Добровольский, Рябцевич 1999: 295–296
29	**Струнь**, д., Беларусь, Витебская обл., Полоцкий р-н[15]		Клад найден в 16 верстах от Полоцка в имении непременного члена Полоцкого уездного по крестьянским делам присутствия М. П. Филипченко в 1888 г. Сокровище содержало ок. 50 серебряных куфических монет. Определены 26 целых экземпляров и 14 обрезков. Монеты чеканены между 286 г. х. (898/899 г.) и 362 г. х. (972/973 г.)	ОИАК 1893: 134–135; Марков 1910: 136 (№ 2); Милютин 1992: 31–32; Рябцевич 1998: 73 (№ 39); О серебряных куфических монетах А-1888
30	**Полоцк**, г., Беларусь, Витебская обл.		Монетно-вещевой клад найден на Верхнем замке в 1910 г. Общий вес – 9,43 кг. Включает дирхемы, английские, венгерские, германские, чешские и датские денарии, монетные кружки. Помимо монет в клад входили серебряные слитки, олово, 8 трапециевидных пластин. Младшие монеты: 1 – Германия, западная часть Нижней Лотарингии, ок. 1040–1070 гг.; 2 – Свен II Эстридсен, Дания, 1047–1074 гг. Дата сокрытия клада, по В. М. Потину – ок. 1070 г. (Потин 1967: 164)	Корзухина 1954: 97 (№ 48); Потин 1967: 163–164 (№ 279); Рябцевич 2000: 67 (№ 79)
31	**Красная,** д., Беларусь, Витебская обл., Миорский р-н[16]	Виленская губ., Дисненский у.	Клад найден в 1896 г. Вес его составил 1 фунт 87 золотников серебра. Младшая монета клада: Саманиды, Нух ибн Мансур, Нисабур, 376 г. х. (986/987 г.)	Марков 1910: 136 (№ 1); Пахомов 1926: 74 (№ 246); Рябцевич 1998: 71 (№ 32)

[12] Современная административная принадлежность, по В. Н. Рябцевичу (1998).
[13] То обстоятельство, что оба клада найдены одним лицом, почти не оставляет сомнений, что оба «клада» из д. Стражевичи являются частью единого сокровища.
[14] Современная административная принадлежность, по В. Н. Рябцевичу (1998).
[15] У А. К. Маркова – опечатка в названии населенного пункта – «Струк» (Марков 1910: 136).
[16] Современная административная принадлежность, по В. Н. Рябцевичу (1998). Деревня локализуется по Военно-топографической карте России (лист XI-6).

32	**Дисненский у.,** Беларусь (?)	Виленская губ., Дисненский у.	Клад найден в 1867 г. в неустановленном месте. В Археологическую комиссию поступило 135 дирхемов. Младшая монета – саманидский дирхем, выбитый в 332 г. х. (943/944 г.) (Марков 1910: 1, 2)	Марков 1910: 1–2 (№ 5)
33	**Видзский двор,** бывш. им., Беларусь, Витебская обл., Браславский р-н[17]	Ковенская губ., Новоалександровский у.	Два дирхема найдены в 3 верстах от г. Видзь на поле имения «Видзский Двор» в 1869 г.[18] Определены: 1 – Аббасиды, Харун ар-Рашид, Исбахан, 192 г. х. (807/808 г.); 2 – ал-Мамун, Табаристан, 199 г. х. (814/815 г.)[19]	Марков 1910: 14 (№ 77); Рябцевич 1998: 67 (№ 4)
34	**Выпес-Клаукава (Випе),** Латвия		Денежно-вещевой клад найден в 1934 г. Монетная часть включала 60 монет. Преобладают германские денарии. Младшая монета: денарий графа Вильгельма де Понте (1054–1076 гг.), Утрехт (Берга 1988: 34–35)	Берга 1988: 34–35; Ducmane, Ozoliņa 2009: 85 (№ 42)
35	**Ливану-Страумес,** Латвия		Денежно-вещевой клад найден в 1932 г. Более полутора сотен монет. Преобладают германские денарии. Младшая монета – венгерский денарий Андрея I (1046–1061 гг.). От вещевой части сохранились 4 серебряных слитка (Берга 1988: 35)	Потин 1967: 126 (№ 132); Берга 1988: 35; Ducmane, Ozoliņa 2009: 85–86 (№ 43)
36	**Ливаны,** Латвия		Насчитывал ок. 167 вендок. Клад не сохранился; предположительно датируется XI в. (Берга 1988: 39)	Потин 1967: 126 (№ 131); Берга 1988: 39; Ducmane, Ozoliņa 2009: 82 (№ 29)
37	**Крустпилс**, Латвия		Клад найден до 1862 г. Имеются сведения о находке 16 монет; из них 14 дирхемов (Ducmane, Ozoliņa 2009: 83)	Ducmane, Ozoliņa 2009: 83 (№ 32)
38	**Лиелвардес-Ипши (Лиелварден),** Латвия		Денежно-вещевой клад найден в 1884 г. Монетная часть клада (243 монеты) состояла преимущественно из германских денариев. Младшая монета: венгерский денарий Шаламона (1063–1074 гг.). Помимо монет в кладе были «серебряные и золотые предметы» (Берга 1988: 35)	Берга 1988: 35–36; Ducmane, Ozoliņa 2009: 86–87 (№ 44)
39	**Айзкраукле,** Латвия		Денежно-вещевой клад найден в 1975 г. на городище Айзкраукле. Монетная часть насчитывает 190 экз., преимущественно германских денариев и 4 (5?) куфические монеты. Младшая монета – денарий графа Экберта II (1068–1090 гг.). Вещевая часть клада состояла из серебряного спиралевидного браслета (Берга 1988: 36)	Потин 1967: 125 (№ 127); Берга 1988: 36; Ducmane, Ozoliņa 2009: 87–88 (№ 45)
40	**Навессала**, Латвия		Клад найден в 1930-е гг. Содержал более 300 восточных монет и 5 римских монет III в. Младшая монета – Саманиды, Ахмад ибн Исмаил, аш-Шаш, 913/914 г. (Берга 1988: 27–28)	Кропоткин 1971: 94 (№ 196); Noonan 1977: 242–243 (№ 5–7); Берга 1988: 27–28; Ducmane, Ozoliņa 2009: 78–79 (№ 17)
41	**Даугмале I, городище,** Латвия		Клад найден в 1936 г. в культурном слое при раскопках. Монеты сплавились. Включает более 50 монет. Младшая монета: фризский граф Бруно III (1038–1057 гг.) (Берга 1988: 33)	Берга 1988: 33; Ducmane, Ozoliņa 2009: 83 (№ 36)
42	**Даугмале II, городище,** Латвия		Клад найден в 1990 г. на городище. Состоял из 10 немецких денариев. Младшие монеты – три денария еп. Бернольда (1027–1054 гг.) (Ducmane, Ozoliņa 2009: 84)	Ducmane, Ozoliņa 2009: 83–84 (№ 37)
43	**Саласпилс-Лаукскола,** Латвия		Клад найден в 1969 г. при раскопках поселения, в постройке. Состоит из 5 западноевропейских монет, сложенных стопкой. Младшая монета: денарий Генриха III (1046–1056 гг.), Шпейер (Берга 1988: 34)	Берга 1988: 34; Ducmane, Ozoliņa 2009: 84 (№ 38)

[17] Современная административная принадлежность, по В. Н. Рябцевичу (1998).
[18] По А. К. Маркову – в 1870 г. (Марков 1910: 14).
[19] Время чеканки монет, по В. Н. Рябцевичу (1998: 67). В топографии А. К. Маркова – опечатка (вместо 807/808 г. и 814/815 г. – 907/908 г. и 914/915 г.) (Марков 1910: 14).

44	**Рига,** г., Латвия		Клад, найденный в 1950 г. в горшке, насчитывал 300 монет. Определена одна монета – саманидский дирхем, выбитый в 944/945 г. (Берга 1988: 29)	Кропоткин 1971: 94 (№ 199); Noonan 1977: 245 (№ 11); Берга 1988: 29; Ducmane, Ozoliņa 2009: 80 (№ 20)
45	**Рига**, г., Латвия		Клад (36 дирхемов) был найден возле города в конце XVIII в. (Берга 1988: 29)	Савельев 1847: 29 (№ 24); Noonan 1977: 246 (№ 13); Берга 1988: 29; Ducmane, Ozoliņa 2009: 81 (№ 25)
46	**Рига,** г., Латвия		Клад найден в окрестностях Риги. Имеются сведения о 5 дирхемах, 4 из которых аббасидские, а один укайлидский, чеканки 998 г. Сведения о кладе Т. М. Берга считает сомнительными (Берга 1988: 29)	Берга 1988: 29; Ducmane, Ozoliņa 2009: 80 (№ 23)
47	**Беркава**, Латвия		Клад, в котором было 140 дирхемов, найден на берегу Западной Двины. Сведений о составе нет (Берга 1988: 29)	Noonan 1977: 246 (№ 14); Берга 1988: 29; Ducmane, Ozoliņa 2009: 81 (№ 4)
48	**Зельбург,** Латвия[20]	Курляндская губ., Зельбургское обергауптманство	Близ местечка Зельбург на Западной Двине известна находка куфических монет	Савельев 1847: 110 (№ 23а); Марков 1910: 14 (№ 80)
49	**Ашераден (Айзкраукле)**, Латвия[21]	Лифляндская губ.	«В Ашерадене, близ замка Кокенгузен, на правой стороне Двины, вырыто 7 монет Саманидов, с 900 по 985 г.» (Савельев 1847: 111)	Савельев 1847: 111 (№ 24е)
50	**Восточная Латвия** (клад Резвова 1)		Собрание восточных монет, найдено в неустановленном месте. Состояло из 194 куфических дирхемов. Старшая монета – Аббасиды, ал-Муттамид, 876/877 г. Младшая монета: Саманиды, Нух ибн Мансур, аш-Шаш, 980/981 г. Вероятно, часть монет входила в состав клада Резвова 2	Берга 1988: 29
51	**Восточная Латвия** (клад Резвова 2)		Собрание западноевропейских монет (237 экз.), датирующееся концом XI в. Вероятно, часть монет входила в состав клада Резвова 1	Потин 1967: 128 (№ 143); Берга 1988: 29, 38
52	**Саласпилс,** Латвия		Клад найден ок. 1841 г. Включал 14 западноевропейских серебряных монет, серебряный слиток и железные ножницы. Младшие монеты: денарий Канута (1016–1035 гг.) (Берга 1988: 33)	Берга 1988: 33; Ducmane, Ozoliņa 2009: 83 (№ 34)
53	**Лифляндская губ.,** Латвия, Эстония	Лифляндская губ.	Клад найден в неустановленном месте до 1828 г. Насчитывал 38 куфических монет, принадлежавших десяти различным аббасидским халифам и двум эмирам Тахиридам. Младшая монета клада выбита в 258 г. х. (871/872 г.) (Марков 1910: 20, 21)	Марков 1910: 20–21; Noonan 1977: 241 (№ 1)
54	**Выру**, г., Эстония		Клад западноевропейских монет найден на берегу оз. Тамула в 1799 г. Известно 26 (28?) монет. Младшая монета – Германия, Генрих IV, 1056–1106 (?) гг. (Потин 1967: 122)	Потин 1967: 122 (№ 103)
Бассейн р. Ловать				
55	**Городище**, д., Псковская обл., Великолукский р-н		Клад серебряных арабских монет найден близ городища в 1802 или 1803 гг. Клад находился в двух котлах, большом и маленьком. Вес серебра составлял более 6 пуд (более 97,3 кг). Х. Д. Френом определены 53 монеты, чеканенные между 924 и 977 гг.	Савельев 1847: 22–23 (№ 11); Марков 1910: 35–36 (№ 203)
56	**Великие Луки**, г., Псковская обл.		Клад серебряных арабских монет найден близ города в кургане в 1807 г. Клад находился в «кубышке». Подробности неизвестны	Спицын 1897: 254; Марков 1910: 36 (№ 204); Уваров 1910: 103–104; Окулич-Казарин 1914: 143–144

[20] Клад локализован по Военно-топографической карте России издания 1917 г. (лист IX-5), мыза Альт Зельбург.

[21] Находка учтена в качестве клада условно. Т. М. Берга (1988) не учитывает эту информацию как свидетельство о кладе.

57	**Васьково**, д., Псковская обл., Великолукский р-н		Монетно-вещевой клад найден в 1923 г. Всего 4276 экз. монет (дирхемы – 155 целых и 4121 обломок, византийские – 4 целых и 1 обломок, европейские – 219 целых и 250 обломков). Младшая монета клада выбита между 1011 и 1059 гг.	Пахомов 1926: 81 (№ 270); Фасмер 1926: 290 (№ 22), 293, 1929: 290 (№ 22); Корзухина 1954: 98 (№ 50); Потин 1967: 144–145 (№ 209); Кропоткин 1971: 84 (№ 70); Лесман 2003: 60, 61
58	**Пальцево**, д., Тверская обл., Торопецкий р-н[22]		Клад арабских серебряных монет найден в 1923 г. на месте бывшей деревни (в конце XX в. – пастбище в 1,5 км к С от д. Семенцово) при пахоте. Монеты находились, по сведениям Ю. М. Лесмана, в глиняном сосуде (по сведениям Р. Р. Фасмера, в «восковом сосуде», что маловероятно). Осмотр места находки произведен в 1980 г. Ю. М. Лесманом. Следов поселения не выявлено. Вес монет до 10 фунтов (ок. 4 кг). Сохранился 261 дирхем, определено 257 монет. Аббасиды – 7; Саффариды – 1; Саманиды – 245; подражания – 4 экз. Младшая монета – саманидский дирхем 914 г. Определение Р. Р. Фасмера. Хранится в ГЭ	Фасмер 1929: 292 (№ 42); Янин 1956: табл. II; Кропоткин 1971: 80 (№ 33); Ковалев 2002; Лесман А-1980
59	**Аполец**, д., Новгородская обл., Холмский р-н		Клад (?). В 2000 г. при грабительских раскопках местными жителями в кургане № 3 группы Аполец 1 найдено 11 монет (никаких вещей при этом не найдено). Одна из монет была передана сотруднику Новгородского КГИОП Г. Г. Акимченко и определена П. Г. Гайдуковым (Саманиды, X в.)	Сообщение Г. Г. Акимченко и П. Г. Гайдукова
60	**Холм**, г., Новгородская обл.[23]	Псковская губ., Холмский (?) у.	Клад, состоявший из «целого мешка», монет найден в Псковской губ. В 1843 г. П. С. Савельев получил из Холма 2 монеты из этого клада, приобретенные местным аптекарем через перекупщика у крестьянина Псковской губ.: 1 – Саманиды, Наср Ибн Ахмед, аш-Шаш, 940/941 г.; 2 – Эдуард Исповедник, Лондон, 1040–1066 гг.	Савельев 1847: 108 (№ 13в); Марков 1910: 36 (№ 207)
61	**Подборовка**, д., Новгородская обл., Старорусский р-н		Денежно-вещевой клад найден на оз. Ильмень в 1934 г. (96 целых и 56 обломков монет). В состав клада входили 10 весовых гирек. Монеты определены А. А. Быковым. Младшая монета: дирхем 381 г. х. (991/992 г.)	Янин 1956: 77; Кропоткин 1971: 82 (№ 54)
62	**Шумилово**, д., Новгородская обл., Демянский р-н	Ленинградская обл., Демянский р-н	Клад найден в 1927 г. (995 целых и 331 обломок). 1111 монет определено А. А. Быковым (количество монет – по В. В. Кропоткину). Младшая монета дирхем 257 г. х. (870/871 г.)	Фасмер 1929: 292 (№ 44); Пахомов 1949: 94 (№ 1305); Янин 1956: 142; Кропоткин 1971: 83 (№ 56); Noonan 1998: 109–111 (№ 64)
63	**Демянск**, г., Новгородская обл.		Клад найден близ города в 1833 г. Насчитывал не менее 35 монет (10 целых, 25 обрезков). Часть дирхемов определена Х. Д. Френом. Монеты выбиты между 93 г. х. (711 г.) и 209 г. х. (825 г.)	Савельев 1847: 28 (№ 154); Марков 1910: 28 (№ 154); Noonan 1998: 93 (№ 30)

[22] С локализацией этого клада на карте связаны многочисленные недоразумения, на что уже обращал внимание Ю. М. Лесман, обследовавший место находки (Лесман 2003: 65). Дело в том, что часть исследователей помещает клад в междуречье Волги и Западной Двины (Алексеев 1980: рис. 5; Булкин, Мачинский 1986: 26) или в междуречье Западной Двины и Торопы (Носов 1976: 101). Несмотря на уточнение Ю. М. Лесмана, в последней работе Л. В. Алексеев повторил, к сожалению, свою давнюю оплошность (Алексеев 2006: рис. 9). В своем первом списке монетных находок (1926 г.) Р. Р. Фасмер упоминает о кладе, найденном в Торопецком у. в 10 верстах от «р. Куни», притока Ловати (так у Р. Р. Фасмера, правильно – Куньи) (Фасмер 1926: 290). В 1925 г. Р. Р. Фасмеру был доставлен лесничим один дирхем, оказавшийся саманидским (аш-Шаш, 294 г. х. – 906/907 г.). Надо полагать, речь идет об одном и том же сокровище.

[23] Как видим из описания П. С. Савельева (1847), локализация клада близ г. Холма – условна.

Бассейн р. Днепр				
64	**Баево**, д., Беларусь, Витебская обл., Дубровенский р-н[24]	Белорусская ССР, Дубровенский р-н	В совхозе Соболево близ д. Баево на поле в 1936 г. найден клад восточных монет (ок. 2000 экз.). Примечательно, что К. В. Кузнецов указывает на то, что клад был найден в гончарном сосуде (Кузнецоў 1949: 140). Сведения о кладе в литературе рознятся. По В. В. Кропоткину (1971), определены 304 монеты (136 целых и 168 обрезков). Монеты чеканены между 167 г. х. (783/784 г.) и 242 г. х. (856/857 г.). По В. Н. Рябцевичу (1998), определены 307 монет, чеканенных между 92 г. х. (710/711 г.) и 248 г. х. (862/863 г.)	Пахомов 1949: 93 (№ 1303); Кузнецоў 1949: 140–141; Кропоткин 1971: 92 (№ 172); Рябцевич 1998: 69 (№ 20); Noonan 1998: 103 (№ 47)
65	**Жигулино,** д.[25]	Смоленская губ., Духовщинский у.	Клад (?) найден в 5 верстах от Духовщины на поле у деревни ок. большого кургана. Монеты находились в медном сосуде. В исторический музей в Смоленске поступила одна арабская монета (Марков 1910: 45 (№ 253))	Марков 1910: 45 (№ 253)
66	**Дорогобуж,** р.	Смоленская губ., Дорогобужский у.	Клад (?) найден в 1847 г. в р. Дорогобуж. Известно о находке 9 серебряных монет, в числе которых было 2 саманидских дирхема (Марков 1910: 42 (№ 234)). Состав клада уточнен в работе В. М. Потина. В собрании были византийские, немецкие и английские монеты. Младшая из известных западноевропейских монет – Дания, Свен Эстридсен, 1047–1075 гг. (Потин 1967: 167)	Марков 1910: 42 (№ 234); Потин 1967: 167 (№ 296)
67	**Дубровенка,** д.[26]	Смоленская губ., Смоленский у.	Клад найден в 1849 г. близ д. Дубровинки при проведении шоссе из Витебска в Ярославль (ок. 200 монет). Младшие монеты: Саманиды, Абдул-Малик ибн Нух (954–961 гг.) – 7 экз. (Марков 1910: 42 (№ 235))	Марков 1910: 42 (№ 235)
68	**Смоленск,** г.		Клад из 200 западноевропейских монет найден близ города перед 1909 г. Известно 45 монет. Младшая монета – Германия, гр. Экберт II, 1068–1090 гг. (Потин 1967: 167)	Потин 1967: 167 (№ 299)
69	**Рачёвка,** р. Смоленск, г.		Денежно-вещевой клад найден в конце 1980-х гг. в Смоленске близ р. Рачёвка. Включал помимо серебряного лома более 5400 монет и их фрагментов, как западноевропейских (преимущественно), так и арабских. Общий вес клада – ок. 12 кг. Младшие монеты – норвежские денарии Гарольда III (1047–1066 гг.) и датские Свена Эстридсена (1047–1075 гг.) (Лебедев, Галанов 2005: 421)	Лебедев, Галанов 2005: 421
70	**Гнёздово**, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Монетный клад найден в северной части селища в 1966 и 1975 гг. Известны 123 целые монеты и 8 фрагментов. Младшая монета 924/925 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Кропоткин 1971: 85 (№ 87); Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
71	**Гнёздово**, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Монетный клад найден в 1973 г. при раскопках на Восточном селище. Насчитывал 13 монет. Младшая монета выбита в 936/937 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
72	**Гнёздово**, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Монетный клад найден в р-не Днепровской курганной группы в 2010 г. Известны 118 целых монет и 85 обломков. Датирован временем не ранее 935–937 гг. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
73	**Гнёздово**, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Производственный клад найден в раскопках 2001 г. на Восточном селище. Включал гирьки, весы, серебряную проволоку и 6 фрагментов монет. Младшая монета выбита в 945/946 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264

[24] Современная административная принадлежность, по В. Н. Рябцевичу (1998).

[25] Деревня с таким названием по Спискам населенных мест Смоленской губ. 1859 г. в Духовщинском у. не значится. Имеется д. Жегулино в Сычевском у. и Жекулино в Вяземском у. (Смоленская губерния 1868: 453). Клад предположительно локализован поблизости от Духовщины, но некоторая неясность относительно правильности такого решения остается.

[26] Локализована по Военно-топографической карте России (лист XIII-10).

74	**Гнёздово**, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Денежно-вещевой (предположительно) клад найден в 1870 г. в р-не Восточного селища. Имеются данные о находке 64 монет. Младшая монета выбита в 948/949 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
75	**Гнёздово**, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 1993 г. при раскопках на Восточном селище. Включал 72 целые монеты и 3 фрагмента. Помимо них в состав клада входили украшения, гирьки, бусы и железный нож. Младшая монета дает датировку 952 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
76	**Гнёздово**, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 2001 г. на Восточном селище. Включал 48 целых монет и 22 обломка. В состав клада входили также украшения. Младшая монета выбита в 953/954 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
77	**Гнёздово**, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 1885 г. Имеются сведения о 154 монетах. Младшая монета выбита в 960/961 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
78	**Гнёздово**, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 1867 г. в р-не Восточного селища. Имеются сведения о 12 монетах. Младшая выбита в 953/954 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
79	**Гнёздово**, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 2007 г. при раскопках Центрального городища. Помимо украшений содержал 5 фрагментов монет. Младшая монета выбита в 950-х гг. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
80	**Гнёздово**, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Вещевой клад, содержавший 2 монеты, найден в 1940 г. при раскопках Центрального городища. Предположительно датируется временем не ранее середины X в. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
81	**Сож**, д., Смоленская обл., Смоленский р-н		Клад найден в марте 2002 г. между д. Сож и Бобыри в 50 м от р. Сож. Известно о находке 73 монет, из которых 47 представлены фрагментами. Определено 70 монет. Время чеканки младшей монеты (Саманиды, Нух ибн Наср) может быть определено не позднее 955 г. (Лебедев, Галанов 2005: 422)	Лебедев, Галанов 2005
82	**Барсуки**, д., Смоленская обл., Починковский р-н		Монетный клад найден в 1998 г. у деревни на пашне. Всего зафиксировано 254 целые и фрагментированные монеты (византийские, западноевропейские и куфические). Клад сокрыт не ранее 990-х гг. (Лебедев, Галанов 2005: 435)	Лебедев, Галанов 2005
83	**Стайки**, д., Смоленская обл., Хиславичский р-н		Клад найден на левом берегу р. Сож возле курганов. Монеты утеряны, не определены. В. В. Кропоткин со ссылкой на Е. А. Шмидта сообщает, что это были дирхемы (Кропоткин 1971: 85)	Кропоткин 1971: 85 (№ 93)
84	**Старый Дедин**, д., Беларусь, Могилевская обл., Климовичский р-н		Монетный клад найден в 1926 г. на р. Остре. Клад включал 201 куфический дирхем (в том числе 18 обломков), 30 подражаний дирхемам, византийскую, две германские монеты, монету, чеканенную в Волжской Булгарии, и одну неопределенную. Младшая из куфических монет – 978/979 г. (Кропоткин 1971: 93)	Потин 1967: 169 (№ 306); Кропоткин 1971: 93 (№ 186)
85	**Коселяцкий (Литвиновичи)**, д., Беларусь, Гомельская обл., Кормянский р-н[27]		Монетный клад найден в 1954 г. Состоял примерно из 100 монет, из которых в ГИМ поступили 39 монет: 38 аббасидских дирхемов и 1 дирхем Тахиридов. Последняя монета является младшей. Она выбита в 208 г. х. (823/824 г.) (Мельникова 1957: 148). Еще 4 дирхема из этого клада, младший из которых выбит в 808/809 г., хранятся в НИМ РБ (Археалогія і нумізматыка Беларусі 1993: 314)	Мельникова 1957: 148 (№ 2, 3); Кропоткин 1971: 93 (№ 178); Археалогія і нумізматыка Беларусі 1993: 314; Нахапетян, Фомин 1994: 146 (№ 12); Noonan 1998: 93 (№ 28)

[27] В. В. Кропоткин ошибочно локализовал клад в Речицком р-не Гомельской обл. (Кропоткин 1971: 93).

86	**Борисково**, д.[28]	Смоленская губ., Краснинский у.	Две монеты (клад?) найдены в 1887 г. в деревне. Дирхемы: 1 – Саманиды, Наср ибн Ахмед, 324 г. (935 г.), аш-Шаш; 2 – Саманиды, Наср ибн Ахмед, 329 г. (940 г.), Самарканд (Марков 1910: 43 (№ 240))	Марков 1910: 43 (№ 240)
87	**Ярцево**, г., Смоленская обл., Ярцевский р-н		Клад куфических монет (не менее 10 экз.) был найден близ города в 1968 г. Сведений об определенных монетах нет	Кропоткин 1971: 86 (№ 96)
88	**Брили**, д., Беларусь, Минская обл., Борисовский р-н		Клад найден в пойме правого берега р. Березина в 2000 г. В руки исследователей попали 290 куфических монет и их фрагментов, 10 гирек-разновесов, серебряный, скрученный в спираль дрот, фрагментированный каролингский меч типа H. Даты чеканки монет располагаются между 125 г. х. (742/743 г.) и 277 г. х. (890/891 г.)	Рабцэвіч, Плавінскі, Іоў 2011
89	**Могилев 1,** г., Беларусь	Могилевская губ.	Клад найден не позднее 1822 г. в окрестностях города. Количество монет – не менее 1300 целых и несколько сотен рубленых экземпляров. Вес клада – более 7 фунтов. Старшая монета клада: Омейяды, 80 г. х. (699/700 г.). Младшая монета: Аббасиды, 199 г. х. (814/815 г.). Х. Д. Френом рассмотрено несколько сотен монет (Пахомов 1926: 79)	Марков 1910: 25 (№ 141); Пахомов 1926: 79 (№ 262); Рябцевич 1998: 77–78 (№ 71, 71а, 71б); Noonan 1998: 89–90 (№ 17)
90	**Могилев 2,** г., Беларусь	Могилевская губ.	Шесть дирхемов найдено ок. 1878 г. в кургане на берегу Днепра. Старшая монета: Омейяды, Абд ал-Малик ибн Мерван, Васит, 85 г. х. (704 г.). Младшая монета: Аббасиды, ал-Амин, Мааден Баджунейс, 195 г. х. (810/811 г.)	Марков 1910: 26 (№ 142); Пахомов 1926: 79 (№ 261); Рябцевич 1998: 77 (№ 70)
91	**Любиничи,** д., Беларусь, Могилевская обл., Шкловский р-н[29]		Клад найден в 1901 г. Насчитывал не менее 541 дирхема. Монеты не определены (Рябцевич 1998: 69)	Кропоткин 1971: 93 (№ 185); Рябцевич 1998: 69 (№ 19, 19а)
92	**Гомель**, г., Беларусь, Гомельская обл.	Могилевская губ., Белицкий у.	Клад найден в местечке в 1822 г. Состоял из 82 саманидских дирхемов. Младшая монета выбита в 331 г. х. (943 г.)	Марков 1910: 25 (№ 140)
93	**Струпово, ур. близ с. Глубоцкое**, Беларусь[30]	Могилевская губ., Гомельский у., Марковичская вол.	Денежно-вещевой клад найден в 1883 г. Монетная часть включала в себя более 79 монет (столько поступило в ИАК). Все дирхемы саманидские. Младшая монета выбита в 298 г. х. (910/911 г.)	Марков 1910: 26–27 (№ 144)
94	**Антовили**, д., Беларусь, Витебская обл., Оршанский р-н[31]	Могилевская губ., Оршанский у.	В 1918 г. между д. Антовили и им. Заболотье на берегу р. Оршица (приток Днепра) германскими солдатами в кургане найдено 10 монет. Определены 2 монеты. Саманиды, Самарканд (284 г. х.) и Андераба 299 г. х. (911/912 г.) (Фасмер 1926: 292)	Фасмер 1926: 292 (№ 47); Рябцевич 1998: 69 (п. 21)
95	**Покоть**, д., Беларусь, Гомельская обл., Чечерский р-н	Гомельский окр. Гомельский у., Цветиловичская вол.	В 1923 и 1924 гг. на поле у деревни найдено 5 монет. Определены две монеты. Обе аббасидские – ал-Махди, Багдад 160 г. х. (776/777 г.); Харун ар-Рашид, ал-Мухаммедия 181 г. х. (797/798 г.) (Фасмер 1926: 291 (№ 32))	Фасмер 1926: 291 (№ 32); Кропоткин 1971: 93 (№ 179)

[28] Локализуется по Спискам населенных мест (Смоленская губерния 1868: 8086) и по карте Генерального Штаба (масштаб 1: 200 000).

[29] В. Н. Рябцевич ошибочно отнес д. Любиничи у шоссе Орша–Могилев к Дубровенскому р-ну Витебской обл. (Рябцевич 1998: 69). В действительности населенный пункт располагается, согласно современному административному делению, на территории Шкловского р-на Могилевской обл. (Могилевская область 2004: 8).

[30] Локализовано по Военно-топографической карте России (лист XIX-9).

[31] С локализацией клада связано несколько недоразумений. У Р. Р. Фасмера клад ошибочно привязан к Гомельскому у. Могилевской губ. (Фасмер 1926: 292). В. Н. Рябцевич привязывает клад к берегу р. Суходревка в Лиозненском р-не Витебской обл. (Рябцевич 1998: 69). Между тем и р. Оршица, и деревни Антовили (Антовиля) и Заболотье – уверенно локализуются в окрестностях г. Орши в современном Оршанском р-не Витебской обл. (Военно-топографическая карта России, лист XIV-9).

96	**Красновка**, д., Беларусь, Минская обл., Крупский р-н[32]		Клад найден в 1965 г. Известны два дирхема. Младшая монета: Бувайхиды, Имад ад-Даула, ал-Басра, 335 г. х. (946/947 г.)	Рябцевич 1998: 76 (№ 57)
97	**Лециковщина,** д., Беларусь, Минская обл., Минский р-н[33]	Минская губ., Минский у., Самохваловичская вол.	Клад найден в 1894 г. в деревне. Имеются сведения о находке 502 дирхемов. Старшая монета: Аббасиды, ал-Мамун, Исбахан, 201 г. х. (816/817 г.). Младшая монета: Саманиды, Ахмад ибн Исмаил, аш-Шаш, 299 г. х. (911/912 г.)	Марков 1910: 138 (№ 13); Пахомов 1926: 78 (№ 258); Рябцевич 1998: 76 (№ 59)
98	**Староселы**, д., Беларусь, Могилевская обл., Чаусский р-н[34]		Клад найден в начале 1900-х гг. Содержал более 200 монет. Определены 4 монеты (саманидская чеканка и подражания ей). Младшая монета: Саманиды, Ахмад ибн Исмаил, аш-Шаш, 299 г. х. (911/912 г.)	Рябцевич 1998: 78 (№ 73)
99	**Поречье,** **им. Хоментовского**, Беларусь, Витебская обл., Толочинский р-н[35]	Могилевская губ., Могилевский (?) у.[36]	Денежно-вещевой клад найден в 1886 г. Монетная часть клада насчитывала 575 целых и фрагментированных экз. В том числе: 299 дирхемов; 3 подражания куфическим монетам (брактеаты); 274 западноевропейских денария; милиарисий Василия II и Константина VIII; фрагментированный сребреник Владимира Святославича. Младшая монета клада: Англия, Канут (1016–1035 гг.). Вещевая часть клада не описана	Марков 1910: 26 (№ 143); Ильин 1924: 14 (№ 16); Потин 1967: 168 (№ 303); Рябцевич 2000: 67–68 (№ 83).
100	**Прусеничи**, д., Беларусь, Витебская обл., Толочинский р-н		Клад найден в 1961 г. В составе клада: 164 дирхема, 1 подражание саманидскому дирхему, 7 западноевропейских денариев и 1 подражание английскому денарию. Младшая монета: подражание денарию Этельреда II (978–1016 гг.). По мнению В. М. Потина, клад зарыт ок. 1005 г. (Потин 1967: 168)	Потин 1967: 168 (№ 303–1); Кропоткин 1971: 92 (№ 171); Рябцевич 2000: 68 (№ 84)
101	**Новый Двор**, д., Беларусь, Минская обл., Минский р-н[37]	Минская губ., Минский у., Старосельская вол.	Клад найден в 1871 г. в деревне. Имеются сведения о находке 399 монет, из которых определено 352 или 353 (Рябцевич 2000: 68). В состав клада входят: дирхемы – 86; подражания дирхемам – 2; западноевропейские монеты – 250 (251?); византийский милиарисий – 1. Младшие монеты: Франция, Роберт (996–1031 гг.) и еп. Адальберо (995–1031 гг.), Лан. Возможная дата сокрытия клада – ок. 1000 г. (Пахомов 1926: 79)	Марков 1910: 23–24 (№ 134); Пахомов 1926: 78–79 (№ 260); Потин 1967: 165–166 (№ 284); Рябцевич 2000: 69–70 (№ 93)
102	**Дегтяны**, д., Беларусь, Минская обл., Копыльский р-н		Клад найден в 1957 г. Известны 320 целых и фрагментированных монет. Две монеты куфические, остальные западноевропейские. Дата сокрытия клада, по В. М. Потину – ок. 1050 г. (Потин 1967: 180)	Потин 1967: 180 (№ 369)
103	**Городище,** д., Беларусь, Брестская обл., Пинский р-н	Минская губ.	Клад найден на территории Бенедиктинского монастыря в деревне в 1824 г. 20 куфических монет двумя частями (4 и 16 монет) поступили в Минцкабинет Виленского ун-та в 1824 и 1825 гг. Монеты с достоверностью не идентифицируются (Грималускайте, Синчук 2004: 178)	Грималускайте, Синчук 2004: 178

[32] Так именуется населенный пункт в Крупском р-не, который нам удалось отыскать на карте масштаба 1:200 000 издания 1998 г. В сводке В. Н. Рябцевича фигурирует странно звучащая «Красковинка» (Рябцевич 1998: 76). Л. В. Алексеев именует населенный пункт «Красновинки». Его локализация примерно совпадает с нашей (Алексеев 2006: 45, рис. 9 (№ 30)), что позволяет допустить, что мы имеем дело с одним и тем же населенным пунктом.

[33] Локализована по Военно-топографической карте России (лист XV-6) 1865–1866 гг. В настоящее время – в черте г. Минск.

[34] Современная административная принадлежность, по В. Н. Рябцевичу (1998).

[35] Современная административная принадлежность, по В. Н. Рябцевичу (1998).

[36] Так у А. К. Маркова (1910: 26). А. А. Ильин локализует находку в Старо-Толочинской вол. Оршанского у. Могилевской губ. (Ильин 1924: 14). Место находки локализуется по Военно-топографической карте России (лист XIV-8).

[37] Локализован по Военно-топографической карте России (лист XV-6) 1865–1866 гг. на правобережье р. Птичь.

104	**Пинск**, г., Беларусь, Брестская обл.		В окрестностях города в 1955 г. найден денежно-вещевой клад. Известно о находке 330 целых и 230 фрагментированных дирхемов. Младшая монета – саманидский дирхем 974 г. Вещевая часть клада состояла из серебряного лома (Грималускайте, Синчук 2004: 177)	Curba, Soczewiński 2002; Грималускайте, Синчук 2004: 177
Бассейн р. Неман				
105	**Симоны**, д., Беларусь, Минская обл., Мядельский р-н		Клад найден в 1961 г. в 400–500 м к ЮЗ от деревни в 100 м от оз. Нарочь. Монеты находились в горшке. Известно о находке 125 дирхемов. Старшая монета: Омейяды, Валид ибн абд ал-Малик, 95 г. х. (713/714 г.). Младшая монета: Аббасиды, ал-Васик Биллах, Мерв, 231 г. х. (845/846 г.) (Рябцевич 1998: 77)	Кропоткин 1971: 93 (№ 184); Рябцевич 1998: 77 (№ 67); Noonan 1998: 101 (№ 41)
106	**Антониенберг**, д., Беларусь, Минская обл., Мядельский р-н[38]		Клад найден близ деревни в 1967 г. Известно о находке ок. 500 монет. Определены 6 целых и 3 фрагментированных дирхема. Старшая монета: ал-Мансур, ал-Мухаммедия, 149 г. х. (766/767 г.). Младшая монета: ал-Мамун, ал-Мухаммедия, 208 г. х. (823/824 г.)	Рябцевич 1998: 77 (№ 65); Noonan 1998: 93 (№ 29)
107	**Погорельщина**, д., Минская обл., Воложинский р-н[39]		Клад найден в 1955 г. на левом берегу р. Березина. Состоял из 1904 целых и фрагментированных монет. Старшая монета: Омейяды, Сулайман ибн абд ал-Малик, Васит, 97 г. х. (716/717 г.). Младшая монета: Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, Самарканд, 291 г. х. (903/904 г.).[40] Помимо монет в составе клада находился бронзовый котелок, серебряная витая шейная гривна и два спиральных дрота четырехгранного сечения (Рябцевич 1998: 75)	Кропоткин 1971: 93 (№ 183); Рябцевич 1998: 75 (№ 55)
108	**Койданово (Дзержинск,** г.**),** Беларусь, Минская обл., Дзержинский р-н	Минская губ.	Клад найден в 1894 г. в имении графа К. Гуттен-Чапского. Содержал ок. 500 дирхемов. Определены два: 1 – Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, Балх, 292 г. х. (905/904 г.); 2 – подражание саманидскому дирхему	Марков 1910: 138 (№ 14); Рябцевич 1998: 75–78 (№ 56)
Области Курляндии и Рижского залива				
109	**Светциема-Унгены,** Латвия		Клад найден в 1937 г. Из 6 найденных монет определены две: 1 – Омейяды, аноним Васит, 710/711 г.; 2 – Аббасиды, Мухаммед, ал-Мухаммедия, 792/793 г. В составе клада находились 2 спиралевидных браслета, позволяющие, по мнению Э. С. Мугуревича, датировать комплекс временем не ранее 900 г. (Мугуревич 1965: 22, 25). Т. М. Берга относит комплекс примерно к 900 г. (Берга 1988: 26–27)	Мугуревич 1965: 22, 25; Кропоткин 1971: 94 (№ 200); Noonan 1977: 241 (№ 3); Берга 1988: 26–27; Ducmane, Ozoliņa 2009: 78 (№ 13)
110	**Гробиняс-Ильги,** Латвия	Курляндская губ.	Клад найден в 1827 г. Известны 3 монеты: 1 – Аббасиды, ал-Мамун, Мадинат ас-Салам, 833/834 г.; 2 – Аббасиды, ал-Валсик, Сура манн раʾа, 844/845 г.; 3 – ал-Муттавакил, Мадинат ас-Салам, 852/853 г. (Берга 1988: 27)	Марков 1910: 15 (№ 85); Noonan 1977: 241–242 (№ 4); Берга 1988: 27; Ducmane, Ozoliņa 2009: 78 (№ 14)
111	**Видземский клад,** Латвия	Лифляндская губ.	Найден ок. 1828 г. Имеются данные о находке 38 монет, определены не менее 14 экз. Младшая монета выбита в 872 г.	Марков 1910: 20–21 (№ 117); Берга 1988: 27
112	**Либагу-Сарайи** Латвия		Клад найден в 1930 г. Имеются данные о находке 57 монет, из которых в музейном хранении оказались 55 (Берга 1988: 27). Старшая монета: Омейяды, ал-Басра, 798/699 г. Младшая монета: Аббасиды, ал-Муттавакил, 863/864 г. (Берга 1988: 27).	Кропоткин 1971: 94 (№ 198); Noonan 1977: 241 (№ 2); Берга 1988: 27; Ducmane, Ozoliņa 2009: 78 (№ 16)
113	**Стенде,** Латвия		Клад насчитывает 143 куфических дирхема. Младшая монета – Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд, 930/931 или 932/933 г. (Ducmane, Ozoliņa 2009: 80)	Дуцмане, Озолиня 1999: 180; Ducmane, Ozoliņa 2009: 79–80 (№ 19)

[38] Согласно Военно-топографической карте России 1915 г. издания, ф. Антониенберг располагается на берегу оз. Нарочь на расстоянии не более 1 версты к СЗ от д. Симоны. С высокой долей вероятности сведения о данной находке можно соотнести с кладом у д. Симоны 1961 г. Тем не менее В. Н. Рябцевич по каким-то причинам фиксирует Антониенберг как отдельный клад (Рябцевич 1998: 77).

[39] Клад локализован по современной карте масштаба 1:200 000.

[40] В. В. Кропоткин определяет время находки клада 1956 г. (Кропоткин 1971: 93).

114	**Дундагас-Канькуми,** Латвия[41]		Клад найден в 1933 г. Состоял из 40 монет, определены 39. Старшая монета: Аббасиды, ал-Мустаин, Самарканд, 862/863 г. Младшая монета: Саманиды, Самарканд, Наср ибн Ахмад, 914/915 г. (Берга 1988: 28, 29)	Кропоткин 1971: 94 (№ 197); Noonan 1977: 243–244 (№ 8); Берга 1988: 28–29; Ducmane, Ozoliņa 2009: 79 (№ 18)
115	**Гробиняс-Кушки,** Латвия		Сокровище найдено в 1896 или 1897 г. Оно содержало 106 целых и фрагментированных дирхемов и 5 серебряных спиралевидных браслетов. Старшая монета: Аббасиды, ал-Муттавакил, Мадинат ас-Салам, 243 г. х. (857/858 г.). Младшая монета: Саманиды, Нух ибн Наср, Бухара, 342 г. х. (953/954 г.) (Берга 1988: 29)[42]	Noonan 1977: 244–245 (№ 10); Берга 1988: 29; Brather 2006: 140 (№ 22); Ducmane, Ozoliņa 2009: 80 (№ 21)
116	**Гробини,** Латвия		Денежно-вещевой клад найден в 1796 г. близ города. Находился в горшке. Содержал 100 монет, из которых определены 8 экз. Младшая монета: «дирхем Буидов чеканки 946 г.» (Берга 1988: 29). Помимо монет клад содержал «кусок литого серебра» (Марков 1910: 14)	Марков 1910: 14–15 (№ 82); Noonan 1977: 244 (№ 9); Берга 1988: 29; Brather 2006: 140 (№ 18); Ducmane, Ozoliņa 2009: 80 (№ 22)
117	**Капседе,** Латвия		Известно о находке 73 монет – дирхемов и англосаксонских денариев. Т. М. Берга считает клад сомнительным и предположительно относит к началу XI в. (Берга 1988: 39)	Берга 1988: 39; Ducmane, Ozoliņa 2009: 81–82 (№ 28)
118	**Грамздес-Яунземьи,** Латвия		Клад найден в 1936 г. Состоял из 3 саманидских дирхемов и 5 западноевропейских денариев. Старшая монета: Саманиды, Ахмед ибн Исмаил, аш-Шаш, 904/905 г. Младшая монета: Оттон III (992–1002 гг.), Майнц. В состав клада входили 2 спиралевидных браслета (Берга 1988: 32)	Берга 1988: 32; Ducmane, Ozoliņa 2009: 81 (№ 27)
119	**Яунсвирлаукас-Стальгене,** Латвия		Клад найден в 1922 г. Состоял из 16 западноевропейских монет. Младшая монета: архиеп. Пилигрим (1021–1036 гг.) (Берга 1988: 33)	Потин 1967: 128 (№ 142); Берга 1988: 33; Ducmane, Ozoliņa 2009: 83 (№ 33)
120	**Яунмокас,** Латвия		Клад найден в 1887 г. Включал ок. 420 монет, из которых определены 61. Младшая монета клада: денарий аббата Рутгарта (1046–1050 гг.), Корвей (Вестфалия) (Берга 1998: 34) и чешская монета Бржетислава, 1037–1055 гг. (Потин 1967: 127)	Потин 1967: 127 (№ 140); Берга 1998: 34; Ducmane, Ozoliņa 2009: 84–85 (№ 41)
121	**Ледурга I,** Латвия		Денежно-вещевой клад. В составе клада находились 3 монеты: куфический дирхем, германский денарий и английский денарий Этельреда II (978–1016 гг.), Лондон. В вещевую часть клада входили: серебряный слиток и 4 фрагмента слитков; 3 спиралевидных кованых слитка (Берга 1988: 33)	Потин 1967: 123 (№ 113); Берга 1988: 33; Ducmane, Ozoliņa 2009: 83 (№ 35)
122	**Ледурга II,** Латвия		Клад найден в 1931 г. Сохранилось 340 монет, преимущественно германской чеканки. Младшая монета: денарий гр. Экберта II (1068–1090 гг.), Дюкком (Берга 1988: 37–38)	Потин 1967: 123 (№ 114); Берга 1988: 37–38; Ducmane, Ozoliņa 2009: 88–89 (№ 48)
123	**Цесис,** Латвия		Клад, найденный в начале 1900-х гг., состоял из 16 монет: 14 немецких денариев, чешская монета и подражание куфическому дирхему. Младшая монета: денарий Генриха III (1039–1056 гг.) (Берга 1988: 34)	Потин 1967: 124 (№ 115); Берга 1988: 34; Ducmane, Ozoliņa 2009: 84 (№ 40)
124	**Бранты,** Латвия		Монетно-вещевой клад найден в 1903 г. Монетная часть клада (89 экз.) состоит, в основном, из германских денариев. Младшая монета: 2 денария Экберта II (1068–1090 гг.). Вещевая часть клада состоит из 6 бронзовых спиралей (Берга 1988: 37)	Потин 1967: 124 (№ 120); Берга 1988: 37; Ducmane, Ozoliņa 2009: 88 (№ 47)

[41] Е. А. Пахомов ошибочно сообщает, что клад найден «на берегу р. Венты близ моря» (Пахомов 1949а: 49 (№ 1517)). Вол. Дундага расположена значительно восточнее устья Венты.

[42] В публикации С. Брадера: старшая монета – 856/857 г.; младшая – 955/956 г. (Brather 2006: 140 (№ 22)).

Дополнения				
125	**Кацену-Радова (Качаново-Родовое),** Псковская обл., Палкинский р-н[43]	Латвия, Яунлатгальский у.	Клад найден в 1932 г. Известны 3 саманидских дирхема и западноевропейский денарий. Младшая монета: подражание денариям Оттона III и Адельгейды, 991–1040 гг. (Берга 1988: 32)	Берга 1988: 32; Ducmane, Ozoliņa 2009: 82 (№ 30)
126	**Скадино, д.,** Псковская обл.		Денежно-вещевой клад найден в 1928 г. Монетная часть состояла из 839 целых и фрагментированных монет, преимущественно западноевропейских. Имеются 2 византийские и 11 куфических монет. Дата сокрытия клада определена В. М. Потиным как 1130 г. (Потин 1967: 133–135)	Потин 1967: 133–135 (№ 170)
127	**Лудзас-Эверсмуйжа,** Латвия		Клад найден в 1912 г. Содержал более 1100 куфических, западноевропейских монет и подражаний им. Младшая монета клада: денарий еп. Адалриха (1025–1040 гг.), Базель (Швабия) (Берга 1988: 32–33)	Потин 1967: 127 (№ 135); Берга 1988: 32–33; Ducmane, Ozoliņa 2009: 82 (№ 31)
128	**Макашены,** Латвия		Клад найден в 1883 г. Сохранились ок. 123 монет. Преобладают германские денарии. Младшая монета: 7 денариев гр. Экберта II (1068–1090 гг.) (Берга 1988: 36–38)	Потин 1967: 126 (№ 134); Берга 1988: 36, 38; Ducmane, Ozoliņa 2009: 88 (№ 46)
129	**Минская губ.,** Беларусь[44]	Минская губ.	Клад найден до 1835 г. в неустановленном месте. Включал не менее 371 куфической монеты. Н. А. Маркову была известна 21 монета. Младшая из них выбита в 200 г. х. (816 г.) (Марков 1910: 24 (№ 136))	Марков 1910: 24 (№ 136); Пахомов 1926: 78 (№ 259); Noonan 1998: 90–91 (№ 19)
130	Юхновский у.	Смоленская губ., Юхновский у.	Два дирхема (клад?) найдены до 1910 г. в неустановленном месте. Одна монета саманидская (дата чеканки не установлена), вторая – аббасидская, выбитая в Багдаде в 316 г. х. (928 г.) (Марков 1910: 44 (№ 247))	Марков 1910: 44 (№ 247)
Прибалтика				
131	**Калининград,** г.		Клад найден в 1945 г. на южной окраине города. Имеются данные о находке примерно 150 куфических монет. Определены 9 омейядских дирхемов. Старшая монета: Омейяды, Васит, 85 г. х. (704/705 г.). Младшая монета: Омейяды, ал-Джазира, 128 г. х. (745/746 г.) (Кропоткин 1971: 80 (№ 29))	Кропоткин 1971: 80 (№ 29); Noonan 1998: 82 (№ 1); Brather 2006: 140 (№ 4)
132	**Бранево**, п., Польша, воев. Варминьско-Мазурское[45]		Клад, 47 дирхемов. Старшая монета: 755/756 г. Младшая монета: 816/817 г.	Brather 2006: 140 (№ 1)
133	**Длугобур**, д., Польша, пов. Бранево[46]		Клад. Определено 3 монеты. Старшая монета: 745/746 г. Младшая монета: 813/814 г. (?)	Brather 2006: 140 (№ 2)

[43] Т. М. Берга сообщает, что клад был найден «недалеко от границы Латвийской ССР в бывшей Яунлатгальской волости (ныне территория Витебской области Белорусской ССР)» (Берга 1988: 32). Яунлатгальский (Пыталовский) у. был образован в Латвии в 1925 г. В 1944 г. в составе РСФСР была образована Псковская обл., а в 1945 г. в нее были включены территории бывшего Яунлатгальского у., снова отойдя, таким образом, к России. Не берусь судить – чем вызвана ошибка в фундаментальной работе Т. М. Берга – невниманием исследовательницы или нежеланием затрагивать болезненный для Литвы вопрос «спорных территорий». Клад локализован мной в погосте Качаново у д. Родовое, на р. Вяда, левом притоке р. Великая (Карта Генерального Штаба, лист O-35-XVI).

[44] В предполагаемое время находки клада Минская губ. занимала огромную территорию, на юге захватывая значительную область на правобережье Припяти, а на севере доходя до Западной Двины (между Дисной и Друей). Таким образом, нет никакой возможности локализовать место находки клада даже приблизительно. Однако Х. Д. Френ на своей карте помещает этот клад в северной части Минской губ. в бассейне Западной Двины на правобережье Дисны (Френ 1847, карта). В то же время известно, что Х. Д. Френ довольно небрежно относился к картографированию кладов. Например, две части Могилевского клада, которые он считал единым сокровищем, помещены им на карту в совершенно разных местах (Френ 1847: № 17, 18). Поэтому не следует, видимо, доверять и неоговоренной локализации клада из Минской губ.

[45] Локализовано по карте Генштаба масштаба 1: 200 000. Лист N-34-14.

[46] Локализовано по карте Генштаба масштаба 1: 200 000. Лист N-34-14.

134	**Дрохичин II**, п., Польша, пов. Семятице, воев. Подляское		Клад. Известно о находке 308 монет. Старшая монета: 713/714 г. Младшая монета: 893/894 г.	Brather 2006: 140 (№ 3)
135	**Краснолонка**, д., Польша, пов. Бартошицы, воев. Варминско-Мазурское[47]		Клад. Известно о находке 10 монет. Старшая монета: 747/748 г. Младшая монета: 813/814 г.	Brather 2006: 140 (№ 5)
136	**Мокаймы–Суйки**, деревни, Польша, пов. Эльблонг[48]		Клад. Известно о находке 124 монет. Старшая монета: 730/740 г. Младшая монета: 817/818 г.	Brather 2006: 140 (№ 7)
137	**Пирчипяй**, п., Литва, р-н Варена		Клад. Известно о находке более 6 монет. Старшая монета: 782/783 г. Младшая монета: 853/854 г.	Brather 2006: 140 (№ 8)
138	**Рамсово**, д., Польша, пов. Ольштын[49]		Клад. Известно о находке 336 монет. Старшая монета: 741/742 г. Младшая монета: 828/829 г.	Brather 2006: 140 (№ 9)
139	**Стегна**, д., Польша, пов. Новый Двор Гданьски		Клад. Известно о находке 17 монет. Старшая монета: 744/745 г. Младшая монета: 811/812 г.	Brather 2006: 140 (№ 12)
140	**Залёво**, п., Польша, пов. Илава		Клад. Известно о находке 40 монет. Старшая монета: 752/753 г. Младшая монета: 811/812 г.	Brather 2006: 140 (№ 13)
141	**Балин**, п., Польша, пов. Рыпин[50]		Денежно-вещевой клад. Известны 9 монет. Младшая монета: 952/953 г.	Brather 2006: 140 (№ 15)
142	**Гора Стрекова,** Польша, пов. Белосток		Денежно-вещевой клад. Известны 29 монет. Старшая монета: 764 г. Младшая монета: 900 г.	Brather 2006: 140 (№ 17)
143	**Яунюай,** Литва, р-н Ширвинтос		Денежно-вещевой клад, содержавший ок. 20 монет. Старшая монета: 754/775 гг. (?). Младшая монета: 914/943 гг. (?) (Brather 2006: 140; Кропоткин 1971: 94)	Кропоткин 1971: 94 (№ 195); Kuncienė 1972: 246 (№ 4); Brather 2006: 140 (№ 19)
144	**Велайкяй,** Литва, р-н Зарасай[51]		Клад найден в 1968 г. О. Кунцене приводит определения 7 целых монет и трех половинок. Все дирхемы саманидские. Младшая из них выбита в 942/943 г. или в 952/953 г. (Kuncienė 1972: 175–177)	Кропоткин 1971: 93 (№ 188); Kuncienė 1972: 175, 248 (№ 25)

[47] Локализовано по карте Генштаба масштаба 1: 200 000. Лист N-34-15.
[48] Локализовано по карте Генштаба масштаба 1: 200 000. Лист N-34-20.
[49] Локализовано по карте Генштаба масштаба 1: 200 000. Лист N-34-21.
[50] Локализовано по карте Генштаба масштаба 1: 200 000. Лист N-34-26.
[51] Административная привязка, по О. Кунцене (Kuncienė 1972: 248). У В. В. Кропоткина указан Рокишкиский р-н (Кропоткин 1971: 93).

145	**Клюковиче,** Польша, пов. Семятыче		Клад, ок. 935 монет. Старшая монета: 765/766 г. (?). Младшая монета: 901/910 гг. (?)	Brather 2006: 140 (№ 20)
146	**Лечица I,** Польша, Лодзьское воев.[52]		Клад, ок. 80 монет. Старшая монета: 864/892 гг. (?). Младшая монета: 913/942 г. (?)	Brather 2006: 140 (№ 24)
147	**Олива II,** Польша, пов. Гданьск		Клад. Известно о находке 11 монет. Старшая монета: 751/752 г. (?). Младшая монета: 951/952 г. (?)	Brather 2006: 140 (№ 26)
148	**Реше (Решес),** Литва р-н Вильнюс[53]		Клад. 92 монеты. Старшая монета: 846/847 г. Младшая монета: 921/943 г.(?) (Brather 2006: 141)	Кропоткин 1971: 94 (№ 193); Kuncienė 1972: 175, 247 (№ 18); Brather 2006: 141 (№ 28)
149	**Вильнюс,** г., Литва		Клад. 78 монет (?). Старшая монета 685/705 гг. (?) Младшая монета: 963/964 г. (?)	Brather 2006: 141 (№ 32)
150	**Вялюона (Велюона),** Литва, р-н Юрбаркас		Клад куфических монет найден в первой половине XIX в. (Кропоткин 1971: 93)	Кропоткин 1971: 93 (№ 189); Kuncienė 1972: 248 (№ 24)
151	**Рудайчай,** Литва, р-н Кретинга		Клад куфических монет найден до 1924 г. Известно о находке 118 дирхемов (Кропоткин 1971: 94)	Кропоткин 1971: 94 (№ 194); Kuncienė 1972: 247 (№ 19)
Бассейн оз. Ильмень				
152	**Потерпельцы,** д., Новгородская обл.[54]	Ленинградская обл., Боровичский р-н	Клад найден в 1935 г. Содержал 60 аббасидских дирхемов. Старшая монета: ал-Басра, 134 г. х. (751/752 г.). Младшая монета: ал-Мустаин, 251 г. х. (865/866 г.), Сура-менраа. Клад поступил в Эрмитаж (Пахомов 1949: 93–94 (№ 1304))	Пахомов 1949: 93–94 (№ 1304); Кропоткин 1971: 83 (№ 83); Noonan 1998: 107 (№ 54)
153	**Любыни**, д., Новгородская обл., Шимский р-н		Клад арабских монет найден на окраине села. Поступил в Новгородский музей в 1972 г. Насчитывает 2361 монету. Старший дирхем чеканен в ал-Андалусе в 729/730 г. Младшая монета выбита в Мадинат ас-Саламе в 873/874 г. (Нунан, Ковалев 2002: 152–156)	Нунан, Ковалев 2002: 152–156
154	**Георгий**, д., Новгородская обл., Новгородский р-н		Городище на левом берегу р. Веряжа при впадении в нее ручья. Исследовалось Е. Н. Носовым и А. В. Плоховым в 1989–1993 гг. В одной из материковых ям найдено 3 монеты: 1/3 арабо-сасанидской драхмы VII в.; ¼ омейядского дирхема 713/714 г. чеканки; ¼ аббасидского дирхема второй пол.VIII–начала IX в., Мадинат ас-(Салам ?)	Носов 1997: 207
155	**Любоежа,** д., Новгородская обл.		Денежно-вещевой клад найден в 2001 г. между деревнями Горошково и Любоежа. Включал, помимо украшений и ювелирного лома, 12 восточных монет VIII–X вв. Предположительная датировка клада – конец X–начало XI в.	Торопов 2009: 7–10; Меч и златник 2012: 79
156	**Ерилово,** д.,[55] Псковская обл.	Псковская обл., Островский р-н	Клад найден в 1930 г. Насчитывает 333 целых монеты и 68 обломков. 393 куфические монеты, 6 подражаний им, 1 монетный кружок и 1 византийская монета. Младшая монета клада – 975/976 г. (Кропоткин 1971: 84 (№ 71))	Кропоткин 1971: 84 (№ 71)

[52] Локализовано по карте в статье С. Брадера (Brather 2006).

[53] Локализовано предположительно – у С. Брадера – ошибка?

[54] Населенный пункт локализуется по Военно-топографической карте (лист V-11) на северной окраине г. Боровичи.

[55] Деревни «Ерилово» в статистических документах конца XIX в. по Псковской губ. отыскать не удалось. Списки населенных мест указывают на существование д. Ериловы Мхи в Опоченском у. (№ 7803) и д. Ярилово в Порховском у. (№ 10970). Опочецкий р-н не граничит с Островским, да и двойное название деревни менее походит на искомый топоним. Поэтому при локализации находки я отдал предпочтение второму варианту, оставив окончательный вывод под некоторым вопросом.

157	**Ручьи**, д., Псковская обл.		Клад найден севернее деревни в 1955 г. Известно 2010 целых и фрагментированных западноевропейских монет. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1090 г. (Потин 1967: 144)	Потин 1967: 143–144 (№ 206)
			Бассейн р. Волхов	
158	**Рюриково Городище 1,** Великий Новгород		Клад рубленых арабских монет найден в 1901 г. при раскопках М. И. Полянского в траншее на северном берегу Сиверсова канала. Монеты не определены, клад утерян. Известна дата чеканки одной монеты – 905/906 г. (Полянский 1908: 6)	Полянский 1908; Носов 1990: 22
159	**Рюриково Городище 2,** Великий Новгород		Клад арабских монет найден в раскопе 1980–1983 гг. при разборке углубленной в материк части постройки (комплекс 1). Насчитывал 7 целых и рубленых дирхемов (определены А. В. Фоминым): 1 – ал-Махди (775–785 гг.), Мадинат ас-Салам, 774/775–775/776 гг.; 2 – ал-Мамун (813–833 гг.), Мадинат ас-Салам, 812/813–814/815 гг.; 3 – ал-Мутасим (833–842 гг.), Мухаммедия, 837/838 г.; 4 – ал-Мутаваккиль (847–861 гг.), Арминия, 853/854 г.; 5 – ал-Мустаин (862–866 гг.), 865 г.; 6 – ал-Мутазз (866–869 гг.), Самарканд, 867 г.; 7 – дирхем, вероятно, второй четверти–середины IX в.	Носов 1990: 92
160	**Кирилловский монастырь 1**, ур., Новгородская обл., Новгородский р-н		Клад куфических монет найден близ монастыря в июле 1889 г. (по данным В. С. Передольского). Монеты целые и обломки. Много их попало в Кирилловский монастырь. Монеты не определены (Марков 1910: 29)	Марков 1910: 29 (№ 157)
161	**Кирилловский монастырь 2**, ур., Новгородская обл., Новгородский р-н		Клад куфических монет обнаружен близ монастыря в 1920 г. при выемке грунта (производилась близ Кирилловского монастыря на правом берегу Малого Волховца возле сельца Монастырское). По данным Н. И. Репникова, клад был найден при постройке моста через Волхов, т. е. близ Рюрикова Городища (Фасмер 1925: 242). Находился в глиняном горшке, от которого уцелела нижняя часть. Определено 203 дирхема (14 омейядских и 189 аббасидских). Младшая монета: ал-Мустаин, Мерв, 250 г. х. (864/865 г.) (Фасмер 1925: 242; Кропоткин 1971: 82 (п. 50))	Фасмер 1925: 242; 1926: 291 (№ 28); Кропоткин 1971: 82; Носов 1976: 102; Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 24; Noonan 1998: 104 (№ 51)
162	**Холопий Городок**, ур., Новгородская обл., Новгородский р-н		Клад найден в карьере на территории селища в 1979 г. Общее количество монет неясно. Определены 24 монеты (20 куфических дирхемов и 4 сасанидские драхмы). Наиболее вероятная дата чеканки младшей монеты 810–812 гг. (Фомин 1993: 14)	Фомин 1993; Носов, Плохов 1997: 132
163	**Хутынь**, ур., Новгородская обл., Новгородский р-н		Клад куфических монет найден в 1983 г. ок. Хутынского монастыря на берегу озерца, связанного с р. Волхов. Место находки клада исследовалось А. В. Фоминым и Е. Н. Носовым в 1983 и 1984 гг. Всего собрано 429 монет (из них 58 целых). Клад был завернут в материю. Младшая монета клада выбита в 363 г. х. (973/974 г.). (Фомин 1987: 56)	Фомин 1987: 56–57
164	**Великий Новгород 1**, г.		Клад куфических монет найден в Новгороде в 1903 г. Насчитывал 10 целых и 30 обрубленных дирхемов. Один дирхем омейядский, 13 аббасидских, 8 саманидских, 2 варварских подражания Саманидам, 1 бувейхидский, 15 монет неопределимы. Младшая монета: Саманиды, Нух ибн Наср, аш-Шаш, 341 г. х. (952/953 г.) (Быков 1925: 133–139; Кропоткин 1971: 82 (п. 49))	Быков 1925: 133–139; Кропоткин 1971: 82 (п. 49)

165	**Великий Новгород 2**, г.		Клад куфических монет найден в 1953 г. в Неревском раскопе на уровне 27-го яруса в постройке на углу Великой и Холопьей улиц (верхняя дендрохронологическая дата 27-го яруса 989 г. (Янина 1963: 288)). Усадьба датируется второй половиной X в. Клад находился в берестяном туесе и насчитывал 871 монету (целые и в обломках), серебряную лунницу, набор разновесов и две хрустальные бусы – сферическая многогранная и призматическая. Самая ранняя монета клада – испахбады Табаристана, Омар (или Саид) 772–788 гг. Младшая монета – Саманиды, Мансур ибн Нух, 361 г. х. (971/972 г.) (Янина 1956: 181; Мельникова 1957: 148; Кропоткин 1971: 82 (п. 52))	Янина 1956: 181; Мельникова 1957: 148; Кропоткин 1971: 82 (п. 52)
166	**Великий Новгород 3**, г.		Клад куфических монет найден в 1956 г. на Неревском раскопе на уровне 27-го яруса близ перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц. Насчитывает 735 целых монет и обломков. Старшая монета – Омейяды, 101–132 г. х. (720–750 гг.). Младшая монета – Саманиды, Мансур ибн Нух, 364 г. х. (974/975 г). (Янина 1963: 287; Кропоткин 1971: 82 (п. 53))	Янина 1963: 287; Кропоткин 1971: 82 (п. 53)
167	**Великий Новгород 4**, г.		Клад (?) арабских дирхемов найден в 1998 г. в Троицком XI раскопе на уровне 28-го строительного яруса. 13 монет были рассыпаны в глинистой прослойке во дворе усадьбы. Монеты определены Г. А. Федоровым-Давыдовым. 10 монет – саманидские, чеканены, в основном, в Шаше (Ташкент) в 907–930-х гг. Три монеты – подражания саманидским дирхемам (Янин и др. 1999: 6, 7)	Янин и др. 1999: 6, 7
168	**Новая Мельница**, д., Новгородская обл., Новгородский р-н		Клад куфических монет найден в 1924 г. в 6 км от Новгорода. Зафиксировано 63 монеты, в том числе 38 обломков. Младшая монета выбита в 363 г. х. (973/974 г.). Аббасиды – 6 экз.; Хамданиды – 1 экз.; Саманиды – 46 экз.; Зийяриды – 3 экз.; подражания – 4 экз.; неопределенные 2 экз.	Фасмер 1926: 291 (№ 30); Пахомов 1926: 79 (№ 264); Янин 1960: 142; Кропоткин, 1971: 82 (п. 48)
169	**Собачьи Горбы**, д., Новгородская обл., Новгородский р-н	Ленинградская обл., Новгородский р-н	Денежно-вещевой клад найден в 1906 г. Включал в себя западноевропейские, куфические, византийские монеты. Старшая монета – дирхем 285 г. х. (898/899 г.). Младшая монета – Эдуарда Исповедника (1042–1066 гг.) (Пахомов 1938: 73 (№ 617))	Фасмер 1926: 291 (№ 29), 293 (№ 7); Пахомов 1938: 73 (№ 617); Потин 1967: 142 (№ 198)
170	**Вылеги**, д., Новгородская губ., Новгородский у.		Клад куфических монет найден в 1882 г. крестьянином деревни при копке канавы на огороде ок. бани (т. е., видимо, на берегу Волхова). Общее количество монет неясно. Определено 7 монет (Дело А-1882: л. 6): 1 – испахбады Табаристана, Саид, 776 г.; 2 – Аббасиды, 162 г. х. (778 г.); 3 – Аббасиды, ал-Аббасия, 171 г. х. (787 г.); 4 – Аббасиды, Ифрикия (?), 173 г. х. (789 г.); 5 – Аббасиды, ал-Аббасия, 173 г. х. (789 г.); 6 – Аббасиды, ал-Мухаммедия, 192 г. х. (807 г.); 7 – Аббасиды, ал-Аббасия или Ифрикия, год не виден. Монеты хранятся в ГЭ	Дело А-1882; Марков 1910: 28 (п. 152); Noonan 1998: 84 (№ 8)
171	**Княжчино**, д., Ленинградская обл.	С.-Петербургская губ., Ново-Ладожский у.	Денежно-вещевой клад найден в 1874–1875 гг. у деревни. А. К. Марковым рассматривался как три или четыре разных клада (Марков 1910: 30, 31, 140 (№ 179–181, 26)). Впоследствии исследователи сошлись во мнении, что это один клад, монеты из которого попадали к специалистам частями вплоть до 1895 г. (Носов 1976: 100). В кладе находилось не менее 300 монет. Младшая монета выбита в 193 г. х. (808 г.) (Марков 1910: 33). Вещевая часть клада состояла из 3 серебряных слитков	Марков 1910: 32–33, 140 (№ 179–181, 26); Носов 1976: 100 (№ 2); Noonan 1998: 84–85 (№ 9)
172	**Старая Ладога 1,** Ленинградская обл.	С.-Петербургская губ.	Клад найден в 1892 г. на бечевнике р. Волхов. Состоял из 28 целых монет и 3 обломков. Определен полностью А. К. Марковым. Все монеты аббасидские, младшая выбита в 170 г. х. (786 г.) (Марков 1910: 140 (№ 24))	Марков 1910: 140 (№ 24); Пахомов 1926: 77 (№ 254); Noonan 1998: 82 (№ 2)
173	**Старая Ладога 2,** Ленинградская обл.		Клад найден в культурном слое Земляного Городища Старой Ладоги в 1938 г. Состоял из 5 целых и 18 обломков рассыпанных дирхемов (Носов 1976: 100–102). Младшая монета клада выбита в 232 г. х. (846/847 г.)	Пахомов 1949: 93 (№ 1302); Носов 1976: 100–102 (№ 1); Noonan 1998: 101 (№ 42)

174	**Старая Ладога 3,** Ленинградская обл.		Клад куфических монет найден в начале XX в. в Старой Ладоге. Определена одна монета, чеканенная в 392 г. х. (?) – 1002 г. (Марков 1910: 33)	Марков 1910: 33 (№ 186)
175	**Старая Ладога 4,** Ленинградская обл.		Клад (?) найден в начале XIX в. Известно о находке нескольких монет, среди которых был денарий Этельреда II, 979–1016 гг. (Потин 1967: 141)	Потин 1967: 141 (№ 193)
176	**Старая Ладога 5,** Ленинградская обл.		Денежно-вещевой клад найден в 1920 г. к юго-западу от каменной крепости. Монетная часть состояла из 56 куфических монет, 9 германских, 1 византийской и 1 английской монет. Младшая монета – денарий Бардовика середины XI в. (Потин 1967: 141)	Корзухина 1954: 102 (№ 60); Потин 1967: 141 (№ 195)
177	**Старая Ладога 6,** Ленинградская обл.		Клад найден в 1938 г. при раскопках могильника на левом берегу р. Волхов в 200 м выше городища. Состоял из 13 фрисландских денариев второй половины XI в. (Потин 1967: 141–142)	Потин 1967: 141–142 (№ 196)
Ладожское озеро и Финский залив				
178	**Ладожское оз.**[56] Ленинградская обл.	С.-Петербургская губ.	Клад найден в 1809 или 1810 г. на берегу Ладожского оз. в 12 верстах от устья Волхова. Более 7 пудов серебра (?). Монеты не определены (Френ 1847: 34–35 (№ 35))	Френ 1847: 34–35 (№ 35); Марков 1910: 30–31 (№ 172)
179	**Галерная гавань,** Васильевский остров, Петербург		Клад куфических монет найден в 1797 г. при земляных работах. По непроверенным данным, содержал аббасидские и саманидские (!) монеты. Определена одна монета: африкано-арабская, Аббасия (?), 163 г. х. (780 г.), Изид бен Хатам, наместник халифа Мехди в Африкие (Марков 1910: 30)	Марков 1910: 30 (№ 171)
180	**Петергоф**, г.		Клад найден в начале лета 1941 г. где-то близ Нижнего парка на первой приморской террасе (Лебедев 2002: 21). В 1966 г., сменив нескольких владельцев, клад поступил в ГИМ. На тот момент он насчитывал 82 куфические и сасанидские монеты, хотя известно, что в кладе было первоначально не менее 98 монет. Дата чеканки младшей монеты клада – 804/805 г. н. э. (Лебедев 2002: 22)	Добровольский, Дубов, Рождественская 1982; Мельникова, Никитин, Фомин 1984; Лапшин 1990: 82; Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991; Нахапетян, Фомин 1994: 146 (№ 9); Лебедев 2002
181	**Мартышкино**, п., Ленинградская обл.		Клад найден в 1923 г. Известно о находке более 100 западноевропейских монет. Предполагаемая дата сокрытия – 1070–1075 гг. (Потин 1967: 138)	Потин 1967: 138 (№ 185)
182	**Боровская**, д., Лениградская обл.		Денежно-вещевой клад найден в 1846 г. Включал ок. 4000 монет – западноевропейских, византийских и куфических. Дата сокрытия клада, по В. М. Потину – 1030–1040 гг. (Потин 1967: 138)	Потин 1967: 138 (№ 186)
183	**Ушаки**, ст., Ленинградская обл.		В 1920-е гг. на станции был приобретен клад. Точное место находки не установлено. Дата сокрытия, по В. М. Потину – 1040–1050 гг. (Потин 1967: 141)	Потин 1967: 141 (№ 192)
184	**Ропша**, д., **(Боровская мыза)**[57] Ленинградская обл.	С.-Петербургская губ., Ораниенбаумский у.	Клад (?) найден в 1846 г. в 30 верстах от Ораниенбаума между деревнями Дятлицы и Ропша. Определена одна монета: Саманиды, Наср ибн Ахмад, 302 г. х. (914 г.), аш-Шаш. Скорее всего, клад англосаксонских и куфических монет 1846 г., привязанный А. К. Марковым к Боровской мызе, расположенной близ д. Дятлицы (Марков 1910: 31, № 175), составляет с данной находкой единый комплекс. В таком случае младшая куфическая монета клада – окайлидская; выбита в Несибине в 395 г. х. (1004 г.) (Марков 1910: 31 (№ 174, 175))	Марков 1910: 31 (№ 174, 175)

[56] Клад локализован западнее устья Волхова согласно карте, приложенной к исследованию Х. Д. Френа (1847).

[57] Клад привязывается к местности по Военно-топографической карте России (ряд III, лист 8).

185	**Буяницы,** д.[58] Ленинградская обл.	С.-Петербургская губ., Ямбургский у.	Клад серебряных монет и украшений найден в 1852 г. близ деревень Белая Кирка, Буяницы, Чирковицы. Монеты (ок. 300 экз.) находились в глиняном сосуде. Среди них были куфические. Клад не определен (Марков 1910: 31 (№ 176)). По предположению В. М. Потина, среди монет был датский денарий Гартекнута, 1035–1043 гг. Клад датирован им временем ок. 1035 г. (Потин 1967: 137)	Марков 1910: 31 (№ 176); Потин 1967: 137–138 (№ 182)
Бассейн р. Волга				
186	**Шлино, оз.,** Новгородская обл., Валдайский р-н, Тверская обл.	Новгородская губ., Валдайский у.	Клад найден в 1829 г. на берегу оз. Шлино. Включал ок. 200 монет, из которых определено 5 (все саманидские). Младшая монета выбита в 340 г. х. (951 г.) (Марков 1910: 28 (№ 156))	Марков 1910: 28 (№ 156)
187	**Ржев**, г.	Тверская губ.	Клад в «кубышке» найден в городе при постройке железнодорожной станции в 1874 г. Насчитывал более 300 целых и фрагментированных дирхемов. Определена одна монета: Саманиды, 341 г. х. (952/953 г.), Бухара (Марков 1910: 46 (№ 264))	Марков 1910: 46 (№ 264)
188	**Сасынье**, д.	Тверская губ.	Клад был найден до 1903 г. в деревне на правом берегу р. Волга возле уреза воды. Сохранились сведения о двух дирхемах: монета 157 г. х. (773/774 г.) и монета 243 г. х. (857/858 г.) (Плетнев 1903: 129)	Плетнев 1903: 129 (№ 12); Исланова, Крымов, Романов 2005: 75
189	**Семенов Городок**, д.	Тверская губ., Старицкий у.	Клад найден ок. 1870 г. на берегу р. Колоколенка, впадающей в Волгу в 8 верстах от г. Старица. Определены 7 монет, младшая из которых чеканена в Балхе в 195 г. х. (810 г.). Еще одна монета – саманидский дирхем, выбитый в 364 г. х. (974 г.), связывается с кладом предположительно. Е. Н. Носов считает, что монета не может относиться к данному сокровищу (Носов 1976: 103)	Марков 1910: 46 (№; 263, 265); Носов 1976: 103 (№ 6)
190	**Загородье,** д.	Тверская губ., Вышневолоцкий у.	Клад найден в 1889 и 1890 гг. на р. Молога. Определено 11 монет. Младшая монета: Аббасиды, 216 г. х. (831 г.), Багдад (Марков 1910: 47 (№ 267))	Марков 1910: 47 (№ 267)
191	**Кузнецкое**, с., Тверская обл.	Московская обл., Весьегонский р-н[59]	Клад был найден в 1899 г. Состоял из 162 дирхемов: 9 омейядских, 1 аглибидский, 9 тахиридских, 143 аббасидских. Младшая монета – аббасидский дирхем 256 г. х. (869/870 г.) (Пахомов 1938: 70 (№ 611))	Пахомов 1938: 70 (№ 611); Кропоткин 1971: 80 (№ 31); Носов 1976: 103; Noonan 1998: 108–109 (№ 61)
Бассейн оз. Чудское				
192	**Псков**, г. окрестности		Клад найден в 1835 г. близ Пскова. Насчитывал ок. 40 целых куфических монет и до 33 обломков. Древнейшая монета клада выбита в 258 г. х. (872 г.), младшая в 347 г. х. (958 г.) (Марков 1910: 36 (№ 205))	Марков 1910: 36 (№ 205)
193	**Псковский** у.	Псковская губ., Псковский у.	Клад куфических монет найден в 1870-е гг. в неустановленном месте в 20 верстах от города. Известны 3 дирхема: 1 – Омейяды, Васит (год чеканки стерт); 2 – Аббасиды, 131 г. х. (748 г.), Васит; 3 – Аббасиды, 233 или 236 г. х. (847 г. или 850 г.), Серменраа (Марков 1910: 39 (№ 215))	Марков 1910: 39 (№ 215); Noonan 1998: 116 (№ 73)
194	**Карамышево**, ст., Псковская обл.		Клад найден в 1924 г. на р. Черёха. Известны 16 германских денариев. Младшая монета – Сель, Генрих III, 1039–1056 гг. (Потин 1967: 133)	Потин 1967: 133 (№ 169)
195	**Булаево,** с.[60] Псковская обл.	Псковская губ., Псковский у.	Клад найден в 1845 г. в 10 верстах от Пскова и в 25 верстах от Изборска в селе. Известно 11 монет. Младшая монета: Саманиды, 324 г. х. (936 г.), Самарканд (Марков 1910: 36, 37 (№ 209))	Марков 1910: 36–37 (№ 209); Пахомов 1926: 80 (№ 269).

[58] Клад привязывается к местности по Военно-топографической карте России (ряд III, лист 8).

[59] В 1929 г. в составе Московской обл. был создан Бежецкий окр., в который вошел Весьегонский р-н (часть бывшего Весьегонского у.). В 1935 г. Весьегонский р-н вошел в состав Калининской обл., выделенной из Московской обл. Населенный пункт локализуется по Списку населенных мест (Тверская губерния 1862: 2588) и по карте Генерального Штаба масштаба 1 : 200 000.

[60] Клад привязывается к местности по Военно-топографической карте России (ряд VII, лист 7). Псковская губ., Псковский у., Логозовская вол.

196	**Устье**, д., Псковская обл., Псковский р-н		Клад найден в 1925 г. Состоял из 35 фрисландских денариев гр. Экберта II, 1068–1090 гг. (Потин 1967: 133)	Потин 1967: 133 (№ 163)
197	**Прибуж,** с.,[61] Псковская обл., Гдовский р-н	С.-Петербургская губ., Гдовский у.	Клад монет найден в 1889 г. в селе. Имеется информация о двух монетах – западноевропейской и куфической. Куфическая монета: Саманиды, Нух ибн Наср (?), 341 г. х. (952 г.), Самарканд (Марков 1910: 36 (№ 188))	Потин 1967: 131 (№ 155); Марков 1910: 33 (№ 188)
198	**Полна**, с., Псковская обл., Гдовский р-н		Клад западноевропейских монет найден в 1903 г. Известно 472 экз. Дата сокрытия, по В. М. Потину – 1075 г. (Потин 1967: 131–132)	Потин 1967: 131–132 (№ 158)
199	**Забельское**, д., Псковская обл., Гдовский р-н		Денежно-вещевой клад найден на левом берегу р. Белка в 1914 г. Состоял преимущественно из западноевропейских монет. Четыре монеты – куфические. Сохранилось 114 целых и 14 обломков монет. Дата сокрытия, по В. М. Потину – 1080 г. (Потин 1967: 132)	Потин 1967: 132 (№ 159)
200	**Ручьи**, д., Псковская обл., Гдовский р-н		Клад западноевропейских монет найден в 1910 г. Известно о находке 301 целой и 101 фрагментированной монеты. Определены 243 монеты. Дата сокрытия клада, по В. М. Потину – 1065 г. (Потин 1967: 130, 131)	Потин 1967: 130–131 (№ 154)
201	**Нагинщина**, д., Ленинградская обл., Сланцевский р-н		Клад найден в 1895 г. в глиняном горшке. Известны 1018 монет, главным образом западноевропейских. Дата сокрытия клада определена В. М. Потиным – 1055 г. (Потин 1967: 128–129)	Потин 1967: 128–129 (№ 177)
202	**Нагинщина**, д., Ленинградская обл., Сланцевский р-н		Клад найден в 1958 г. в глиняном горшке. Известно 1707 монет, преимущественно западноевропейских. Дата сокрытия, по В. М. Потину – не ранее 1065 г. (Потин 1967: 129)	Потин 1967: 129 (№ 148)
203	**Ложголово**, д., Ленинградская обл., Кингисеппский р-н		Клад найден в 1948 г. Насчитывал 89 монет – западноевропейских и куфических. В. М. Потин датировал клад приблизительно 1030 г. (Потин 1967: 136–137)	Потин 1967: 136–137 (№ 175)
204	**Молоди,** д., Псковская обл., Струго-Красненский р-н	Псковская губ., Псковский у., Жуковская вол.	Клад найден в 1878 г. в селе. Находился в кувшине. Состоял из куфических и западноевропейских монет, целых и рубленых (общий вес – 8 фунтов, 6 зол.). Определено 78 монет. Младшая из куфических монет: мерванидская, чеканенная в Миафарекине в 390 (?) г. х. (Марков 1910: 37 (№ 210)). Младшая монета – Русь, Владимир I, 980–1015 гг. (Потин 1967: 133)	Марков 1910: 37 (№ 210); Ильин 1924: 15 (№ 21); Потин 1967: 132–133 (№ 160)
205	**Островский у.** Псковская обл.	Псковская губ., Островский у.	В 1837 г. в Островском у. в 12 верстах от г. Остров найдено ок. 100 куфических монет. Не определены (Марков 1910: 36 (№ 206))	Марков 1910: 36 (№ 206)
206	**Боровиково,** д.[62] Псковская обл.	Псковская губ., Островский у.	Клад найден в 1889 г. близ деревни в кубышке. Вес клада – 85 зол. 24 доли. Состоял из 123 дирхемов и 34 варварских подражаний дирхемам. Древнейшая монета: Аббасиды, 141 г. х. (758 г.), Куфа. Младшая монета клада выбита в 293 г. х. (905 г.) (Марков 1910: 37–38 (№ 211). Е. А. Пахомов сообщает о 124 дирхемах, в том числе 34 подражаниях (Пахомов 1926: 80 (№ 268))	Марков 1910: 37–38 (№ 211); Пахомов 1926: 80 (№ 268)

[61] Привязывается к местности по Военно-топографической карте России (ряд V, лист 7) (село Прибуш, совр. Прибуж). В книге А. К. Маркова дирхем из Прибужа приписан чеканке Нуха II ибн Мансура (976–997 гг.). Опечатка?

[62] Согласно Спискам населенных мест в Островском у. имелась одна деревня с таким названием, при р. Лже (Псковская губерния 1885: 9060). Военно-топографическая карта (ряд VIII, лист 7) помещает на этой реке два населенных пункта с таким названием на расстоянии 3 верст друг от друга.

207	**Демшино**, д.[63] Псковская обл.	Псковская губ., Новоржевский у., Туровская вол.	Клад найден в 1891 г. в деревне. Сокровище состояло из 5921 целой монеты и 827 обломков. Большинство составляли западноевропейские монеты XI в. Дирхемов найдено 240 целых и 30 обломков. Младший дирхем выбит в 404 г. х. (1013 г.) (Марков 1910: 38–39 (№ 212)). Дата сокрытия, по В. М. Потину – 1090 г. (Потин 1967: 136)	Марков 1910: 38–39 (№ 212); Пахомов 1926: 81 (№ 271); Потин 1967: 135–136 (№ 172)
208	**Крыжово**, с., Псковская обл.	Псковская губ., Новоржевский у.	Денежно-вещевой клад найден в 1904 г. Несохранившиеся монеты были западноевропейскими денариями XI в. (Потин 1967: 135)	Корзухина 1954: 99–100 (№ 52); Потин 1967: 135 (№ 171)
		Бассейн р. Буг		
209	**Костомлоты,** им.[64] Польша	Седлецкая губ.	В имении на левом берегу р. Буг в 1871 г. найден клад, в составе которого были куфические дирхемы и серебряные монеты Иоанна Цимисхия. Младшая из арабских монет: Саманиды, 360 г. х. (970 г.), Эндераб (Марков 1910: 45 (№ 256))	Марков 1910: 45 (№ 256)
210	**Антополь,** г., Беларусь, Брестская обл., Дрогичинский р-н		Клад найден в 1930 г. Имеются данные о находке свыше 200 монет. Младшая монета – 939/940 г. (Brather 2006: 140)	Kubiak 1958; Кропоткин 1971: 92 (№ 168); Грималускайте, Синчук 2004: 177; Brather 2006: 140 (№ 14)
211	**Людвище**, хут., Беларусь, Брестская обл., Кобринский р-н		Клад найден между городами Кобрин и Брест в 1934 г. Состоял из 651 монеты. Одна монета восточная, остальные западноевропейские. Дата сокрытия, по В. М. Потину – 1060–1065 гг. (Потин 1967: 178–180)	Потин 1967: 179–180 (№ 368)
		Днепровское Левобережье		
212	**Нижние Новоселки,** д., Брянская обл., Трубчевский р-н		Клад найден в 1959 г. в деревне на огороде. 142 монеты (27 целых и 97 обломков). Младшая монета: Аббасиды, ал-Мамун, Мадинат Арран, 196 г. х. (811/812 г.). Возможно, один обрезок датируется 201 г. х. (816/817 г.). (Кропоткин 1971: 79 (№ 12))	Кропоткин 1971: 79 (№ 12); Noonan 1998: 87–88 (№ 13)
213	**Бобрик**, д. Брянская обл., Погарский р-н[65]		Клад куфических монет (ок. 200 экз.). Монеты не определены. Предварительно датированы IX в.	Кропоткин 1971: 78 (№ 8); Noonan 1998: 116 (№ 74)
214	**Большой Кривец**, д., Брянская обл., Новозыбковский р-н[66]	Черниговская губ. Новозыбковский у.	Клад найден на поле в 1911 г. Состоял из 326 куфических монет, в том числе саманидские дирхемы Исмаила ибн Ахмада, Ахмада ибн Исмаила, Насра ибн Ахмада, Нуха ибн Насра (Кропоткин 1971: 79 (№ 9))	Кропоткин 1971: 79 (№ 9)
215	**Ивановка**, д. Брянская обл., Красногорский р-н		Клад куфических монет найден в 1955 г. Состоял из 50–60 монет. Определен один дирхем: Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд, 324 г. х. (935/936 г.) (Кропоткин 1971: 79 (№ 10))	Кропоткин 1971: 79 (№ 10)
		Швеция, о. Готланд[67]		
216	**Хаммарс,** прих. Форё		Клад найден в 1862 г. Известно 9 куфических дирхемов. Младшая монета 802/803 г.	Jonsson 1994: 456
217	**Окес,** прих. Ойа		Клад найден в 1831 г. Известно 11 куфических монет. Младшая монета выбита в 812/813 г.	Jonsson 1994: 456

[63] Локализован по Спискам населенных мест (Псковская губерния 1885: 4608) и Военно-топографической карте России (ряд VIII, лист 8) в 10 км к западу от п. Бежаницы.

[64] Имение располагалось к югу от Брест-Литовска. Клад привязывается к местности по Военно-топографической карте России (ряд XIX, лист 2).

[65] По современному административному делению. В работе В. В. Кропоткина населенный пункт привязывается к Стародубскому р-ну (Кропоткин 1971: 78). Деревня локализуется по карте Генерального Штаба масштаба 1: 200 000. Лист N-36-XXXVIII.

[66] Локализован по Военно-топографической карте России (лист XVIII-10).

[67] На карту помещены древнейшие клады, младшие монеты которых не выходят вверх за пределы 825 г. Источник – сводка в статье К. Йонссона (Jonsson 1994).

218	**Висбю**, прих.		Клад найден в 1703 г. Известны 16 арабских и 5 сасанидских монет. Младшая монета 816/817 г.	Jonsson 1994: 456
219	**Норргорда,** прих. Бьорке		Клад найден в 1896 г. Известны 23 арабские и 4 сасанидские монеты. Младшая монета 818/819 г.	Jonsson 1994: 456
220	**Норргорда,** прих. Бьорке		Клад найден в 1904 г. Известны 62 арабских дирхема. Младшая монета 822/823 г.	Jonsson 1994: 456
221	**Хейде,** прих. Хейде		Клад найден в 1856 г. Известно 62 арабских дирхема и 5 сасанидских монет. Младшая монета 824/825 г.	Jonsson 1994: 456
Эстония				
222	**Кохтла**, г., Эстония		Клад найден в 1923 г. Состоял из более чем 500 куфических монет, целых и обломков. Определено 429 монет. Младшая монета – 223 г.х. (837/838 г.) (Фасмер 1926: 292 (№ 42))	Tallgren 1925: 147; Фасмер 1926: 292 (№ 42); Пахомов 1938: 76–77 (№ 625); Noonan 1977: 249–250 (№ 20)
223	**Таллин**, г., **окрестности** Эстония		Клад, находившийся в сосуде, найден в окрестностях Таллина до 1841 г. Содержал 12 куфических монет. Старшая монета: омейядский дирхем, выбитый в 716/717 г. Младшая монета датируется 942/943 г. (Noonan 1977: 248)	Марков 1910: 56 (№ 324); Noonan 1977: 248 (№ 17)
224	**Таллин-1**, г., Эстония		Клад, состоявший из куфических (аббасидских и саманидских), а также западноевропейских монет найден в городе в начале XIX в. Монеты не определены (Потин 1967: 110)	Марков 1910: 57 (№ 328); Потин 1967: 110 (№ 7)
225	**Таллин-2**, г., Эстония		Клад найден ок. города до 1842 г. Известны 14 западноевропейских монет, младшая из которых выбита в Кельне (Конрад II, 1024–1039 гг.) (Потин 1967: 111 (№ 8)	
226	**Таллин-3**, г., Эстония		Клад найден ок. города между 1842 и 1849 гг. Известны 4 западноевропейские монеты, младшая из которых выбита в Утрехте (еп. Вильгельм, 1054–1076 гг.) (Потин 1967: 111)	Потин 1967: 111 (№ 9)
227	**Лагеди**, ст., Эстония		Клад найден в 1907 г. Известны 7 западноевропейских денариев	Потин 1967: 111 (№ 11)
228	**Равила**, п., Эстония		Монетно-вещевой клад найден в 1839 г. В состав находки входили весы, гирьки и большое количество английских и германских монет, а также вендки. Младшая из известных монет – германский денарий, выбитый в 1056–1076 г. (Потин 1967: 111)	Потин 1967: 111 (№ 14)
229	**Ныва**, п., Эстония		Клад найден в 1924 г. Известно о находке 14 западноевропейских монет. Младшая монета чеканена в Венгрии в 1046–1061 гг. (Потин 1967: 110)	Потин 1967: 110 (№ 1)
230	**Койги**, м., Эстония		Клад найден в начале XX в. Насчитывал 150 дирхемов. Старшая монета – омейядский дирхем, выбитый в 713/714 г. Младшая монета: саманидский дирхем, чеканенный в 954/955 г. (Noonan 1977: 250–251)	Noonan 1977: 250–251 (№ 21)
231	**Пийпе**, п.**,** Эстония		Клад найден в 1863 г. на водоразделе рек бассейнов Чудского оз. и Балтийского моря. Клад состоял из 220 куфических и западноевропейских монет. Определено 169 экз. Младшая монета – Германия, Трир, архиеп. Эгильберт, 1078–1101 гг. (Потин 1967: 118)	Потин 1967: 118 (№ 71)
232	**Варбола**, п., Эстония		Клад из 64 немецких денариев. Не описан (Потин 1967: 111)	Потин 1967: 111 (№ 15)
233	**Костивере**, п., Эстония		Клад найден в 1884 г. Известно о находке 17 фрисландских денариев XI в. (Потин 1967: 111)	

234	**Кехра**, п., Эстония		Клад найден в 1940 г. Содержал 420 монет. 411 монет – куфические; 5 – византийские; 1 – английская и 3 германских. Младшая из западноевропейских монет – вероятно, Оттон III, 983–1002 гг. (Потин 1967: 112)	Потин 1967: 112 (№ 18)
235	**Куусалу**, п., Эстония		Клад найден в 1936 г. Насчитывал 452 монеты, из них 448 германских денариев, три обломка дирхемов и 1 английская монета (Потин 1967: 112)	Потин 1967: 112 (№ 19)
236	**Эрра-Лиива, Кохтла-Ярве**, г., Эстония		Клад найден в 1939 г. на земле хут. Кесккюла. Состоял из 128 серебряных монет, серебряной гривны и двух обломков серебряных украшений. Монеты: аббасидские и саманидские дирхемы, 2 византийских милиарисия, 2 индийские монеты. Младшая куфическая монета: Саманиды, Мансур ибн Нух, 361–364 г. х. (971/972–974/975 гг.), по мнению А. А. Быкова, определяет датировку клада приблизительно 980 г. (Кропоткин 1971: 95 (№ 205))	Кропоткин 1971: 95 (№ 205)
237	**Тарту**, г., Эстония		Клад куфических монет VIII–X вв. найден в 1958 г. Всего 41 монета (Кропоткин 1971: 95 (№ 204))	Кропоткин 1971: 95 (№ 204)
238	**Вааниквере**, д., Эстония		Клад найден в 1930-е гг. Насчитывал 489 арабских монет, предварительно датированных X в. Монеты не определены (Noonan 1977: 251)	Noonan 1977: 251 (№ 23)
239	**Ратсхоф (Раади), им.,** Эстония	Лифляндская губ., Юрьевский у.	Клад найден ранее 1871 г. Известно о находке примерно 15 куфических монет, младшая из которых выбита в 348 г. х. (959 г.) (Марков 1910: 19)	Марков 1910: 19 (№ 103); Noonan 1977: 252 (№ 25)
240	**Ратсхоф (Раади),** им., Эстония	Лифляндская губ., Юрьевский у.	Клад (?) найден до 1910 г. Известно о находке саманидских дирхемов, младший из которых выбит в 952/953 г. (Марков 1910: 23)	Марков 1910: 23 (№ 133); Noonan 1977: 256 (№ 32)
241	**Ратсхоф (Раади),** им., Эстония		Клад найден в 1911 г. Состоял из западноевропейских денариев. Известно 184 экз. Дата сокрытия, по В. М. Потину – 1090 г. (Потин 1967: 121)	Потин 1967: 121 (№ 98)
242	**Веснери (Веснерсгоф)**, п., Эстония		Клад найден в середине 1830-х гг. Известно о находке 9 монет: 5 западноевропейских и 4 куфических. Определена английская монета Этельреда II, 979–1016 г. (Потин 1967: 121)	Потин 1967: 121 (№ 99)
243	**Вендау (Вынну),** прих., Эстония	Лифляндская губ., Юрьевский у.	Денежно-вещевой клад найден в 1828 г. В двух горшках найдены куфические и англосаксонские монеты, фрагментированные кольца и янтарные бусы (Марков 1910: 19–20). Вероятно, этот же клад включен в каталог В. М. Потина под № 101. Известно ок. 20 экз. западноевропейских монет. Младшая – Фрисландия, Экберт II, 1068–1090 гг. (Потин 1967: 122)	Марков 1910: 19–20 (№ 110); Потин 1967: 122 (№ 101)
244	**Аррогоф (Ару)**, им., Эстония[68]	Лифляндская губ., Юрьевский у.	Клад найден в 1886 г. Насчитывал 284 монеты X–XI вв. (куфические, немецкие, вендские и англосаксонские). Дата чеканки младшего из дирхемов – 338 г. х. (950 г.) (Марков 1910: 20). Младшая из западноевропейских монет – Дания, Свен Эстридсен, 1047–1076 гг. (Потин 1967: 121)	Марков 1910: 20 (№ 112); Потин 1967: 121 (№ 95)
245	**Ранну**, п., Эстония		Клад найден в первой половине XIX в. на берегу оз. Выртсъярв. Известны 2 английские и 2 германские монеты. Младшая монета – Кельн, архиеп. Зигвина, 1079–1089 гг. (Потин 1967: 119)	Потин 1967: 110 (№ 84)
246	**Рынгу**, п., Эстония		Клад найден в 10 км к востоку от оз. Выртсъярв ранее 1842 г. Известно 11 западноевропейских монет. Младшая монета – Германия, Трир, архиеп. Поппо, 1016–1047 гг. (Потин 1967: 120)	Потин 1967: 120 (№ 87)

[68] Локализовано по Военно-топографической карте России (ряд VI, лист 5).

247	**Куйгатси**, п., Эстония		Клад найден в 1938 г. насчитывал 595 монет, из них – 46 английские, остальные – германские. Дата сокрытия, по В. М. Потину – XI в. (Потин 1967: 120)	Потин 1967: 120 (№ 90)
248	**Сангасте**, п., Эстония		Клад найден в 1890-х гг. Состоял из германских и восточных монет. Германские денарии относятся ко времени правления Оттонов, 936–1002 гг. (Потин 1967: 120)	Потин 1967: 120 (№ 91)
249	**Оденпе**, г., Эстония		Клад найден в 1888 г. возле города на хут. Юуура. По разным источникам насчитывал не менее 1336 или 1575 монет. Состав клада – западноевропейские (преимущественно) монеты, вендки, куфические монеты. Младшая монета – Льеж, еп. Отберт, 1092–117 гг. (Потин 1967: 120, 121)	Марков 1910: 17 (№ 94); Потин 1967: 120–121 (№ 93)
250	**Кирумпе**, п., Эстония[69]		Клад найден в 1832 г. Известно 12 западноевропейских монет. Младшая – Дания, Гартекнут, 1035–1024 гг. (Потин 1967: 120)	Потин 1967: 120 (№ 88)
251	**Варроль**, им., Эстония	Лифляндская губ., Юрьевский у.	Клад, находившийся в горшке, обнаружен в 1846 г. Определены три куфические монеты. Младшая из них чеканена в 966/967 г. (Noonan 1977: 251)	Марков 1910: 20 (№ 114); Noonan 1977: 251 (№ 22)
252	**Соотага**, п., Эстония		Клад (?) найден в 1884 г. Известно 9 монет: Англия – 3, Византия – 1, куфические монеты – 5 (Потин 1967: 118)	Потин 1967: 118 (№ 76)
253	**Левала**, п., Эстония		Клад найден в 1937 г. Известно 38 монет, в числе которых 8 английских денариев, 11 германских монет, 1 византийская монета, 18 дирхемов (Потин 1967: 118)	Потин 1967: 118 (№ 77)
254	**Алатскиви**, п., Эстония		Клад западноевропейских монет найден в 1894 г. Известны 33 монеты. Младшая монета – Англия, Вильгельм I, 1066–1087 гг. (Потин 1967: 119)	Потин 1967: 119 (№ 82)
255	**Кайавере**, п., Эстония		Клад найден в 1894 г. между озерами Кайавере и Элиствере. В глиняном горшке находились 363 западноевропейские монеты. Определены 12 монет. Дата сокрытия, по В. М. Потину – не ранее 1030 г. (Потин 1967: 119)	Потин 1967: 119 (№ 78)
256	**Ряпизе**, п., Эстония		Денежно-вещевой клад найден в 1870 г. Состоял из западноевропейских денариев и куфических монет. Определены 39 монет. Младшая из них – Германия, Генрих VIII, 1053–1056 гг. (Потин 1967: 119)	Потин 1967: 119 (№ 80)
257	**Тыйквере**, п., Эстония		Клад найден в 1844 г. Известно 14 западноевропейских монет. Имеются сведения о наличии в кладе «польских монет». Младшая монета: Германия, Майнц, архиеп. Вецило, 1084–1088 гг. (Потин 1967: 119)	Потин 1967: 119 (№ 81)
258	**Эзель (Сааремаа)**, о., прих. Вольде, Эстония[70]		Клад найден ок. 1922 г. Насчитывал 36 арабских монет. Сохранилось 13 монет: 2 аббасидских дирхема и 11 саманидских. Младшая монета выбита в 323 г. х. (935 г.) (Фасмер 1926: 292 (№ 44))	Фасмер 1926: 292 (№ 44); Noonan 1977: 255 (№ 29)
259	**Ряяги**, п., о. Сааремаа, Эстония		Денежно-вещевой клад найден в 1932 г. Состоял из 108 монет, 2 четырехугольных монетных пластинок и 4 кусков серебряных слитков. Англия – 32 монеты, Германия – 54, Византия – 2, куфические монеты – 20 (Потин 1967: 114 (№ 43)). Еще 107 монет относятся к этому кладу предположительно (Потин 1967: 114 (№ 40)). Дата сокрытия клада, по В. М. Потину – ок. 1000–1005 гг.	Потин 1967: 114 (№ 40, 43)
260	**Лемальснёзе**, м., о. Сааремаа, Эстония		Клад найден в 1840-е гг. в стеклянном сосуде. Насчитывал более 234 монет. Англия – 8, Германия – 19, Византия – 7, куфические монеты – более 200. Дата сокрытия клада предположительно отнесена В. М. Потиным к 1015 г. (Потин 1867: 115)	Марков 1910: 22 (№ 124); Потин 1967: 115 (№ 44)

[69] В локализации места клада существуют расхождения (Потин 1967: 120). Клад помещен на карту по схеме А. Тваури (Tvauri 2012: fig. 175 (№ 48)).

[70] Локализован по Военно-топографической карте России (лист V-3).

261	**Аренсбург**, г. Эстония	Лифляндская губ.	Клад (?) найден в городе. Известно о находке трех монет, младшая из которых – саманидский дирхем, выбитый в 344 г. х. (955 г.) (Марков 1910: 19)	Марков 1910: 19 (№ 104)
262	**Кихельконна**, п., Эстония		Клад найден в 1864 г. Известно 11 экз. монет: 8 германских денариев и 3 куфические монеты. Дата сокрытия клада, по В. М. Потину – конец X в. (Потин 1967: 114)[71]	Потин 1967: 114 (№ 37)
263	**Люманда**, п., Эстония		Клад найден в 1889 г. Известно 18 монет: Англия – 5, Германия – 12, одна куфическая монета (Потин 1967: 114)	Потин 1967: 114 (№ 39)
264	**Карлос**, о., Эстония, окрестности Таллина[72]		Клад найден в 1926 г. Насчитывал 113 монет, в том числе куфические, византийские и западноевропейские. Время сокрытия ок. 1015 г. (Фасмер 1926: 292 (№ 45))	Фасмер 1926: 292 (№ 45); Потин 1967: 110 (№ 6)
265	**Фридрихсхоф**, м., Эстония[73]	Прих. Кегель, окр. Харриен	Клад найден в 1913 г. Заключал 312 целых и 603 обломка куфических монет и 7 серебряных браслетов. Датировка младшей монеты колеблется в пределах 340–343 г. х. (951–955 гг.) (Пахомов 1938: 77 (№ 627))	Пахомов 1938: 77 (№ 627); Кропоткин 1971: 94 (№ 202); Noonan 1977: 246–248 (№ 15, 16)
266	**Кейла**, г., Эстония		Клад найден в 1924 г. Состоял из 51 монеты. В состав клада входили как куфические, так и западноевропейские монеты. Младшая куфическая монета выбита в 964/965 г. Младшая из западноевропейских монет – Италия, Верона, Оттон I, 963–973 гг. (Потин 1967: 110)	Потин 1967: 110 (№ 3)
267	**Ваабина,** Выруский р-н, Эстония		Денежно-вещевой клад найден в 1936 г. на берегу оз. Ханни. Включал 374 серебряные монеты, серебряную пластинку и фрагмент серебряного украшения. Среди монет – 205 дирхемов, 264 западноевропейских, 4 византийских и одна индийская. Младшая восточная монета клада выбита в 404 г. х. (1013/1014 г.) (Кропоткин 1971: 94). Младшая западноевропейская монета – Германия, Аугсбург, еп. Бруно, 1006–1029 гг. Дата сокрытия клада, по В. М. Потину – 1011 г. (Потин 1967: 120)	Потин 1967: 120 (№ 91); Кропоткин 1971: 94 (№ 201)
268	**Паункюла,** Харьюсский р-н, Эстония		Денежно-вещевой клад найден в 1959 г. Известна сасанидская монета, 94 дирхема, 5 западноевропейских денариев, 14 византийских милиарисиев. Все монеты, кроме одной, с ушками (Кропоткин 1971: 94)	Кропоткин 1971: 94 (№ 203); Noonan 1977: 248 (№ 18)
269	**Кунде 1**, г., Эстония	Прих. Махольм	Клад найден в 1885 г. Известно о 9 дирхемах. Младшая монета выбита в 334 г. х. (945/946 г.) (Пахомов 1938: 77)[74]	Пахомов 1938: 77 (№ 626); Noonan 1977: 256 (№ 31)
270	**Кунде 2**, г., Эстония		Клад найден в 1894 г. ок. города. Насчитывал 126 монет – куфических и западноевропейских. Младшая из западноевропейских монет – Англия, Канут, 1016–1035 гг. (Потин 1967: 112)	Потин 1967: 112 (№ 24)
271	**Люггенгузен**, п., Эстония		Клад найден в 1897 г. Известно 15 монет, из которых 12 – денарии времени Оттонов (936–1002 гг.) и 3 куфические монеты (Потин 1967: 113)	Потин 1967: 113 (№ 31)

[71] Возможно, к этому же кладу относятся еще 29 западноевропейских денариев из этого же места. В этом случае клад следует датировать XI в. (Потин 1967: 114 (№ 38)).

[72] Локализован по Военно-топографической карте России (лист III-4).

[73] Локализован по Военно-топографической карте России (лист III-4). В. В. Кропоткин привязывает данный клад к м. Ванамыйса, сообщая, что младшая монета клада датируется 340 г. х. (951/952 г.) (Кропоткин 1971: 94).

[74] Е. А. Пахомов указывает, что клад найден в 10 км от Оденпэ (Пахомов 1938: 77). Т. Нунан отметил, что прих. Махольм (Магольм) и местечко Кунде находятся далеко от Тарту (Оденпе), в береговой части Эстонии (Noonan 1977: 256). Клад локализован по Военно-топографической карте России (лист III-6).

272	**Йыхви**, г., Эстония		Клад найден в 1903 г. Состоял из 525 монет. Из них 1 византийская (Константин VII, 912–959 гг.), 7 куфических. Остальные – западноевропейские. Младшая монета – Чехия (Вратислав II, 1061–1092 гг.) (Потин 1967: 114)	Потин 1967: 114 (№ 36)
273	**Аркна**, п., Эстония		Клад найден в 1874 г. в коробке из бересты. Состоял из 805 монет: 787 – Германия, 17 – Англия, 1 – куфическая монета (Потин 1967: 112)	Потин 1967: 112 (№ 26)
274	**Везенбергский у.,** Эстония, Раквереский р-н		Клад найден в 1881 г. Известно 196 или 199 целых и фрагментированных западноевропейских монет. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1060 г. (Потин 1967: 113)	Потин 1967: 113 (№ 29)
275	**Керсель**, м., Эстония		Денежно-вещевой клад найден в 1910 г. Известно 210 западноевропейских монет. Младшая монета – Англия, Вильгельм I, 1066–1087 гг. (Потин 1967: 113)	Потин 1967: 113 (№ 30)
276	**Вихула**, п., Эстония		Клад найден до 1930-х гг. Насчитывал 125 монет, из них 33 дирхема и 92 германских денария (Потин 1967: 112)	Потин 1967: 112 (№ 23)
277	**Кавасту,** Эстония	Эстляндская губ., Везенбургский окр.	Клад найден в 1882 г. Насчитывал ок. 1000 куфических монет. Младшая монета выбита в 359 г. х. (969/970 г.) (Марков 1910: 56)	Марков 1910: 56 (№ 323); Noonan 1977: 249 (№ 19)
278	**Пейт**, м., Эстония	Везенбургский окр.	Клад найден в 1906 г. в глиняном кувшине. Известно о находке 158 монет, в числе которых были византийские, англосаксонские, немецкие и куфические, а также булгарские. Младшие монеты – 976–1025 (византийские), 995–1024 (немецкие). Самая младшая из куфических монет выбита в 391 г. х. (1000/1001 г.) (Пахомов 1938: 77–78). По мнению В. М. Потина, клад зарыт в 1005–1010 гг. (Потин 1967: 113)	Пахомов 1938: 77–78 (№ 628); Потин 1967: 112–113 (№ 27)
279	**Пярну, г.,** окрестности Эстония		Клад, из которого известно 10 монет. Из них 9 аббасидских дирхемов и одна окайлидская монета 990 г. (Марков 1910: 22)	Марков 1910: 22 (№ 123); Пахомов 1926: 77 (№ 255)
280	**Оберпален (Пылтсамаа)**, м., Эстония		Клад английских и куфических монет найден в 1839 г. в двух горшках. Известно 18 дирхемов. Младшая монета выбита в 380 г. х. (1000 г.) (Марков 1910: 22, 23)	Марков 1910: 22–23 (№ 128); Потин 1967: 118 (№ 72)
281	**Пылтсамаа**, м., Эстония		Клад найден в 1939 г. Насчитывал ок. 500 куфических монет. Дирхемы не определены (Noonan 1977: 254–255)	Noonan 1977: 254–255 (№ 27)
282	**Максхоф**, им., Эстония	Лифляндская губ., Юрьевский у.	Клад найден в 1878 г. в 16 верстах к западу от Юрьева (Тарту). Клад состоял примерно из 200 целых и фрагментированных куфических монет. Младшая монета клада датируется 947/948 г. (Марков 1910: 17–18)	Марков 1910: 17–18 (№ 98); Noonan 1977: 253 (№ 26)
283	**Ныо**, п., Эстония		Клад найден ранее 1842 г. Известно 10 западноевропейских монет. Младшая монета – Венгрия, Саломон, 1063–1075 г. (Потин 1967: 121)	Потин 1967: 121 (№ 94)
284	**Пейпус (Чудское)**, оз., Эстония	Лифляндская губ.	Клад найден на берегу Чудского оз. в 1885 г. Насчитывал ок. 60 восточных монет. Всего из клада известны: 2 омейядские монеты, 55 аббасидских дирхемов, два подражания аббасидским монетам, две монеты Тахиридов и одна идрисидская монета. Младшая монета клада выбита в 861/862 г. (Марков 1910: 18)	Марков 1910: 18 (№ 99); Noonan 1977: 255 (№ 30)
285	**Выыпсу**, п., Эстония	Лифляндская губ.	Клад найден в 1878 г. на берегу реки близ ее впадения в Чудское озеро. Известно о находке 75 куфических монет (часть – с ушками), 12 англосаксонских монет, 43 немецких. Младшая из куфических монет выбита в 988 г. (Марков 1910: 18). Младшая из западноевропейских монет – Германия, Люнебург, 1011–1059 гг. (Потин 1967: 122)	Марков 1910: 18 (№ 101); Потин 1967: 122 (№ 104)

286	**Ряпина**, п., Эстония		Клад найден в 1935 г. Известно о находке 162 западноевропейских монет. Младшая монета – Англия, Вильгельм I, 1066–1087 гг. (Потин 1967: 122)	Потин 1967: 122 (№ 105)
287	**Лихула**, п., Эстония		Комплекс найден в 1924 г. в погребении. Состоял из 4 саманидских дирхемов, византийского милиарисия Константина VII и Романа II, выбитого в 945–959 гг., и серебряной подвески готландского типа с филигранью. Младшая восточная монета датируется 913/914 г. (Noonan 1977: 255)	Noonan 1977: 255 (№ 28)
288	**Вигала**, п., Эстония		Клад найден до начала 1930-х гг. Состоял из 78 западноевропейских монет. Датирован В. М. Потиным 1080 г. (Потин 1967: 116)	Потин 1967: 116 (№ 57)
289	**Оявере**, п., Эстония		Денежно-вещевой клад найден в 1813 г. в п. Оявере близ п. Вигала. Состоял из «серебряных колец», куфических монет и западноевропейских денариев (Потин 1967: 116)	Потин 1967: 116 (№ 58)
290	**Оявере**, п., Эстония		Клад западноевропейских монет найден ок. 1843 г. на городище Соонтагана. Известны 16 монет. Младшая монета – Венгрия, Андрей, 1046–1061 гг. (Потин 1967: 116)	Потин 1967: 116 (№ 59)
291	**Пыыравере**, п., Эстония		Клад найден в 1850 г. Состоял из 70 монет, среди которых – Англия – 32, Германия – 33, Дания – 2, Швеция – 1. Восточных монет найдено две (1 сасанидская и 1 куфическая). Младшая монета – Англия, Вильгельм II, 1087–1100 гг. (Потин 1967: 117)	Потин 1967: 117 (№ 62)
292	**Иммакюла**, ст. Эстония		Клад найден в 1895 г. на р. Навести, левом притоке р. Пярну близ Олуствере. Известно о находке 76 монет. 36 из них куфические (младшая монета – 999 г.), остальные – западноевропейские. Младшая монета – Германия, Аугсбург, еп. Бруно, 1006–1029 гг. (Потин 1967: 117)	Потин 1967: 117 (№ 65)
293	**Кабала**, п., Эстония		Клад западноевропейских монет найден в 1912 г. в д. Вахамулла. Определены 11 монет. Младшая монета – Германия, Вормс, Генрих III, 1039–1056 гг. (Потин 1967: 118)	Потин 1967: 118 (№ 68)
294	**Лыхавере**, п., Эстония		Клад найден в 1936 г. Состоял из 211 западноевропейских (преимущественно германских) монет X–XI вв. (Потин 1967: 117).	Потин 1967: 117 (№ 66)
295	**Карузе**, ст., Эстония		Клад найден близ м. Эвризе (Ервис) в 1685 г. Состоял из куфических монет и западноевропейских денариев. Младшая из известных монет – Германия, Конрад II, 1024–1039 гг. (Потин 1967: 116)	Марков 1910: 55 (№ 317); Потин 1967: 116 (№ 55)
296	**Вёлля**, м., Эстония	Лифляндская губ., Перновский у.	Клад найден в 1903 г. Е. А. Пахомов сообщает о 136 западноевропейских, 123 византийских и 39 куфических монетах и подражаниях последним. Младшая из известных монет – милиарисий Константина XI и Василия II (976–1025 гг.) (Пахомов 1926: 77–78). Согласно данным А. М. Талльгрена, клад примерно состоял из 900 монет, треть из которых составляли куфические, треть немецкие и треть византийские монеты (Tallgren 1925: 148)	Фасмер 1926: 291 (№ 39); Пахомов 1926: 77–78 (№ 257); Tallgren 1925: 148; Потин 1967: 116 (№ 60)
297	**Ууэ-Варбла**, п., Эстония		Клад найден в 1885 г. Насчитывал не менее 164 западноевропейских монет. Младшая из известных монет: Германия, Герман Люксембургский, 1081–1088 гг.) (Потин 1967: 116)	Потин 1967: 116 (№ 56)

Приладожье и Восточная Финляндия				
298	**Лодейное Поле 1**, г., Ленинградская обл., Лодейнопольский р-н		Клад найден близ города в 1878 г. Состоял из англосаксонских, французских и куфических монет (11 фунтов серебра). Первоначально датирован XI в. (Пахомов 1926: 79 (№ 265)). По мнению В. М. Потина, клад зарыт в 1105 г. (Потин 1967: 149)	Пахомов 1926: 79 (№ 265); Потин 1967: 146–149 (№ 218)
299	**Лодейное Поле 2**, г., Ленинградская обл., Лодейнопольский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 1929 г. Известно о находке 258 западноевропейских монет и 2 «сердцевидных украшений». Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1085 г. (Потин 1967: 149, 150)	Потин 1967: 149–150 (№ 219)
300	**Лодейное Поле 3**, г., Ленинградская обл., Лодейнопольский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 1949 г. Вес клада 3,5 кг. Состоял из 2871 монеты, преимущественно германской. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1095 г. (Потин 1967: 152)	Потин 1967: 150–152 (№ 220)
301	**Свирьстрой 1**, п., Ленинградская обл., Лодейнопольский р-н		Клад найден в 1933 г. Состоял из 19 монет: 17 западноевропейских и 2 куфических. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1040 г. (Потин 1967: 152)	Потин 1967: 152 (№ 221)
302	**Свирьстрой 2**, п., Ленинградская обл., Лодейнопольский р-н		Клад найден в 1940 г. Состоял из 264 монет. Из них – 235 – куфические, остальные – западноевропейские. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1015–1020 г. (Потин 1967: 152)	Потин 1967: 152 (№ 222)
303	**Ширинчи**, д., Ленинградская обл., Лодейнопольский р-н		Клад найден в 1886 и 1987 гг. в деревне. Известно о находке 213 западноевропейских (германских за единичным исключением) монет. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1070 г. (Потин 1967: 146)	Потин 1967: 146 (№ 217)
304	**Колголема**, д., Ленинградская обл.		Клад найден в 1960 г. в медном котле. Насчитывал примерно 5,5 – 6 тыс. западноевропейских монет. Дата сокрытия – вторая половина XI в. (Потин 1967: 155)	Потин 1967: 155–156 (№ 229)
305	**Вихмязь**, д., Ленинградская обл.		Денежно-вещевой клад найден в 1934 г. Клад находился в бронзовом котле и насчитывал 13 398 монет, преимущественно западноевропейских. На долю куфических монет пришлось 53 экз. Дата сокрытия клада, по В. М. Потину – ок. 1090 г. (Потин 1967: 155)	Потин 1967: 153–155 (№ 228)
306	**Вещево**, п., Ленинградская обл.		Клад найден в 1877 г. Известно 69 германских денариев. Младшая монета – Экберт II, 1068–1090 гг. (Потин 1967: 158, 159).	Потин 1967: 158–159 (№ 254)
307	**Куркиёки**, п.		Клад найден в 1866 г. Из многих сотен монет известно 75 экз., преимущественно западноевропейских. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1070 г. (Потин 1967: 160)	Потин 1967: 160 (№ 258)
308	**Сосново 1**, п., Ленинградская обл.		Клад найден в 1832 г. в прих. Рауту. Содержал ок. 20 монет. Из них 9 дирхемов, остальные – западноевропейские. Младшая из куфических монет относится к 1008 г. (Марков 1910: 59)	Марков 1910: 58–59 (№ 6); Потин 1967: 159 (№ 256)
309	**Сосново 2**, п., Ленинградская обл.		Денежно-вещевой клад найден в 1922 г. Известно 479 монет, преимущественно западноевропейских. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1075 г. (Потин 1967: 159–160)	Потин 1967: 159–160 (№ 257)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К КАРТАМ РАСПОЛОЖЕНИЯ КЛАДОВ IX–XI вв. (рис. 46–48) И ПРИЛОЖЕНИЮ 1

Айзкраукле – 39
Алатскиви – 254
Антовили – 94
Антониенберг – 106
Антополь – 210
Аполец – 59
Аренсбург – 261
Аркна – 273
Аргоф – 244
Ахремцы – 21
Ашераден (Айзкраукле) – 49
Баево – 64
Балин – 141
Барсуки – 82
Бельский у. – 2
Беркава – 47
Бобрик – 213
Богомолец, им. – 12
Богушевский р-н – 18
Большой Кривец – 214
Борисково – 86
Боровиково – 206
Боровская – 182
Бранево – 132
Бранты – 124
Брили – 88
Булаево – 195
Буяницы – 185
Ваабина – 267
Вааниквере – 238
Варбола – 232
Варроль – 251
Васьково – 57
Везенбергский у. – 274
Велайкяй – 144
Великие Луки – 56
Великий Новгород 1–4 – 164–167
Вёлля – 296
Вендау – 243
Веснери – 242
Вещево – 306
Вигала – 288
Видземский клад – 111
Видзский двор – 33
Вильнюс – 149
Висбю, прих. – 218
Витебск – 8–11
Витебская губ. – 13
Витебский р-н – 14
Вихмязь – 305
Вихула – 276
Восточная Латвия (клад Резвова 1) – 50
Восточная Латвия (клад Резвова 2) – 51
Вылеги – 170
Выпес-Клаукава – 34
Выру – 54
Выыпсу – 285
Вялюона – 150
Галерная гавань – 179
Гарица – 23
Георгий – 154
Глазуново – 5
Гнёздово – 70–80
Гомель – 92
Гора Стрекова – 142
Горовляны I – 26
Горовляны II – 27
Городище – 103
Городище – 55
Городище – 7
Грамздес-Яунземьи – 118
Граница Псковской и Тверской губ. – 1
Гробини – 116
Гробиняс-Кушки – 115
Гробиняс-Ильги – 110
Даугмале I – 41
Даугмале II – 42
Дегтяны – 102
Демшино – 207
Демянск – 63
Дисненский у. – 32
Длугобур – 133
Добрино – 16
Дорогобуж – 66
Дрохичин II – 134
Дубровенка – 67
Дундагас-Канькуми – 114
Ерилово – 156
Жигулино – 65
Забельское – 199
Загородье – 190
Залёво – 140
Зельбург – 48
Ивановка – 215
Иммакюла – 292
Йыхви – 272
Кабала – 293
Кавасту – 277
Кайавере – 255
Калининград – 131
Капседе – 117
Карамышево – 194
Карлос, о. – 264
Карузе – 295
Кацену-Радова – 125
Кейла – 266
Керсель – 275
Кехра – 234
Кирилловский мон. 1 – 160
Кирилловский мон. 2 – 161
Кирумпе – 250
Кислые – 6
Кихельконна – 262
Клюковиче – 145
Княжчино – 171
Козьянки – 28
Койги – 230
Койданово – 108
Колголема – 304
Коселяцкий – 85
Костивере – 233
Костомлоты – 209
Кохтла – 222
Красная – 31
Красновка – 96
Краснолонка – 135
Крустпилс – 37
Крыжово – 208
Кузнецкое – 191
Куйгатси – 247
Кунде 1 – 269
Кунде 2 – 270
Куркиёки – 307
Куусалу – 235
Лагеди – 227
Ладожское оз. – 178

Левала – 253
Ледурга I – 121
Ледурга II – 122
Лемальснёзе – 260
Лециковщина – 97
Лечица I – 146
Либагу-Сарайи – 112
Ливану-Страумес – 35
Ливаны – 36
Лиелвардес-Ипши – 38
Лифляндская губ. – 53
Лихула – 287
Лодейное Поле 1–3 – 298–300
Ложголово – 203
Лудзас-Эверсмуйжа – 127
Лучесы – 22
Лыхавере – 294
Любиничи – 91
Любоежа – 155
Любыни – 153
Люггенгузен – 271
Людвище – 211
Люманда – 263
Макашены – 128
Максхоф – 282
Мартышкино – 181
Минская губ. – 129
Могилев 1 – 89
Могилев 2 – 90
Мокаймы-Суйки – 136
Молоди – 204
Набатово – 3
Навессала – 40
Нагинщина – 201, 202
Нижние Новоселки – 212
Новая Мельница – 168
Новый Двор – 101
Норргорда – 219, 220
Ныва – 229
Ныо – 283
Оберпален – 280
Оденпе – 249
Окес – 217
Олива II – 147
Островский у. – 205
Оявере – 289, 290
Пальцево – 58
Паункюла – 268
Пейпус, оз. – 284
Пейт – 278
Петергоф – 180
Пийпе – 231
Пинск – 104
Пирчипяй – 137
Погорельщина – 107
Подборовка – 61
Покоть – 95
Полна – 198
Полоцк – 30
Поречье – 20
Поречье (им. Хоментовского) – 99
Потерпельцы – 152
Прибуж – 197
Прусеничи – 100
Псков – 192
Псковский у. – 193
Пылтсамаа – 280
Пыыравере – 291
Пярну, окрестности – 279
Равила – 228
Рамсово – 138
Ранну – 245
Ратсхоф – 239–241
Рачевка – 69
Реше – 148
Ржев – 187
Рига – 44–46
Ропша – 184
Рудайчяй – 151
Ручьи – 157, 200
Рынгу – 246
Рюриково Городище 1 – 158
Рюриково Городище 2 – 159
Ряпизе – 256
Ряпина – 286
Ряяги – 259
Саласпилс – 52
Саласпилс-Лаукскола – 43
Сангасте – 248
Сасынье – 188
Светциема-Унгены – 109
Свирьстрой 1 – 301
Свирьстрой 2 – 302
Семенов Городок – 189
Сенненский р-н – 15
Симоны – 105
Скадино – 126
Смоленск – 68
Собачьи Горбы – 169
Сож – 81
Соотага – 252
Сосново 1 – 308
Сосново 2 – 309
Стайки – 83
Старая Ладога 1–6 – 172–177
Староселы – 98
Старый Дедин – 84
Стегна – 139
Стенде – 113
Стражевичи I – 24
Стражевичи II – 25
Струнь – 29
Струпово – 93
Суходрево – 17
Таллин 1–3 – 224–226
Таллин, окрестности – 223
Тарту – 237
Торопец – 4
Тупичино – 19
Тыйквере – 257
Устье – 196
Ууэ-Варбла – 297
Ушаки – 183
Фридрихсхоф – 265
Хаммарс – 216
Хейде – 221
Холм – 60
Холопий Городок – 162
Хутынь – 163
Цесис – 123
Ширинчи – 303
Шлино, оз. – 186
Шумилово – 62
Эзель (Сааремаа), о. – 258
Эрра-Лиива – 236
Юхновский у. – 130
Ярцево – 87
Яунмокас – 120
Яунсвирлаукас-Стальгене – 119
Яунюай – 143

Вяч. С. Кулешов, И. И. Еремеев. **Глазуновский клад куфических монет IX в.**

В конце 1958 г. в Эрмитаж поступило письмо от жителя села Усвяты Усвятского района Псковской области Анатолия Тимофеевича Смирнова. В этом письме автор просил определить одну из принадлежащих ему средневековых серебряных монет, происходившую из клада, найденного незадолго перед этим в окрестностях Усвят. К письму была приложена весьма тщательно и аккуратно выполненная прорисовка обеих сторон этой монеты, оказавшейся ʻаббасидским дирхамом ас-Саффаха, чеканенным в ал-Куфе в 132 г. х. (750).

К сожалению, текст этого письма оказался утрачен (сохранился только рисунок монеты), но в документальном фонде Отдела нумизматики Эрмитажа (архив Р. Р. Фасмера, А. А. Быкова и И. Г. Добровольского) имеются несколько более поздних писем, касающихся этого «Усвятского клада». Приводим их тексты с незначительными сокращениями.

1. А. А. Быков – А. Т. Смирнову, 12.12.1958 г.

Уважаемый Анатолий Тимофеевич!

<…>

Принадлежащая Вам монета клада чеканена в 132 г. мусульман[ского] летоисчисления (749/750 г. н. э.) в городе ал-Куфа, помещавшемся на территории Ирака, при халифе ас-Саффахе из династии Аббасидов.

Такая монета имеется в Эрмитаже. Ваша интересна для нас, главным образом, фактом находки в Вашей местности. Было бы очень важно в научном отношении знать, сколько монет было в кладе и какие они были. Если б нашлось еще сколько-то монет этого клада, Эрмитаж купил бы их для возможности их изучения в целом, хотя многие из них, вероятно, окажутся в собрании. Может быть, Вы могли бы предпринять какие-нибудь шаги для выявления монет клада?

Во всяком случае, благодарю Вас за точное указание места находки и хороший рисунок, позволивший легко определить монету. Ждем Вашего ответа.

Зав[едующий] отделом нумизматики
Госуд[арственного] Эрмитажа
А. А. Быков

2. А. Т. Смирнов – А. А. Быкову, 04.01.1959 г.

Уважаемый тов[арищ] Быков! (извините, что не знаю Вашего имени и отчества).

Весьма благодарен за Ваш ответ. К сожалению, с 4 декабря по 29 декабря 1958 г. мне пришлось лежать в больнице и, естественно, ничего предпринять к разысканию остальных монет я не смог. Правда, по моей просьбе жене удалось среди учащихся отыскать еще одну монету, несколько (вероятно, я неправ) отличающуюся от первой. Дело еще осложняется тем, что после обнаружения находки монеты были растащены жителями, не представляющими их ценности. Я, бесспорно, постараюсь принять все возможное к разысканию монет. Прошу Вас сообщить, какие монеты могут представлять для Вас интерес, учитывая наше местоположение и определенные периоды.

С уважением, А. Смирнов.

3. А. Т. Смирнов – И. Г. Добровольскому, почтовый штемпель 07.05.1976 г.

Игорь Георгиевич!

В 1958 году я послал в отдел нумизматики три дирхема, из которых, как сообщил мне А. М. Микляев, в отделе найдены два и они не приняты на хранение. Кроме того, о месте нахождения найденного в 1958 клада в литературе сведений нет. Горшок с монетами был выпахан трактором у деревни Глазуново Усвятского района на правом берегу реки Усвяча, и несколько монет из растащенного жителями клада попали ко мне. Я и выслал тогда их Вам в отдел.

<…>

С уважением, А. Смирнов.



Рис. П.2.1. Монеты из Глазуновского клада. Первое поступление. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

© Кулешов Вяч. С., Еремеев И. И., 2015
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2015

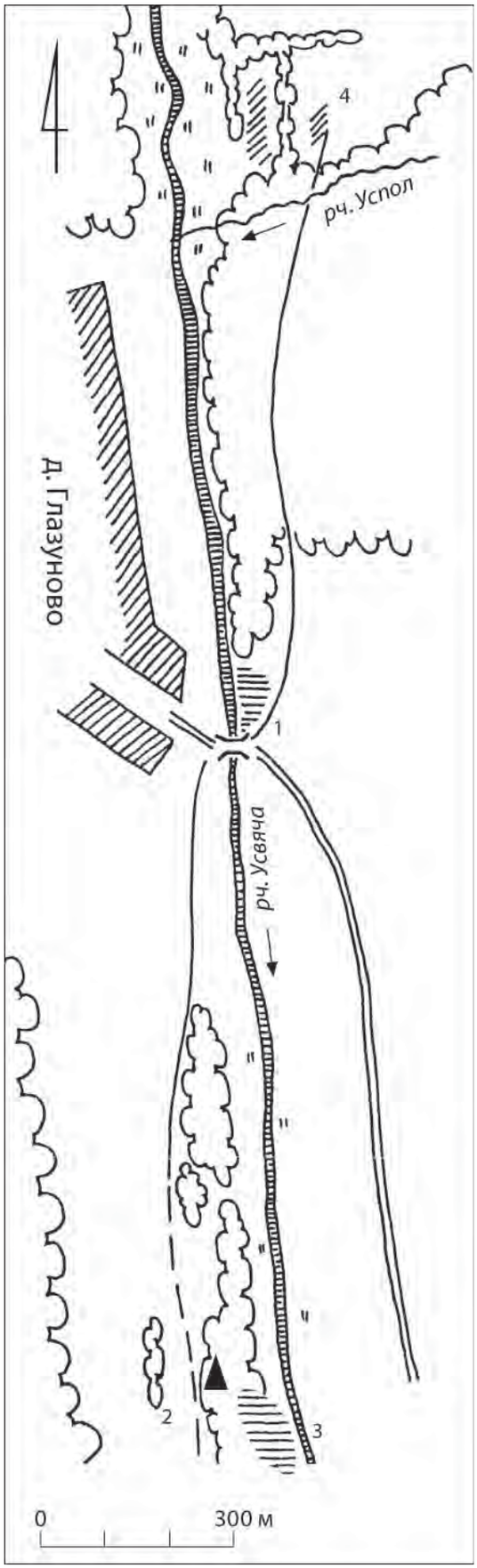


Рис. П. 2. 2. Район находки Глазуновского клада. Ситуационный план. 1 – селище Глазуново I; 2 – сопка; 3 – селище Глазуново II; 4 – неолитическая стоянка. Рис. И. И. Еремеева, 1992 г.

Монеты, о которых идет речь в последнем письме (рис. П.2.1), были в том же 1976 г. приняты на постоянное хранение и имеют сейчас инвентарные номера ОН-В-КК-13495–13496. Их принадлежность кладу документирована соответствующей записью в инвентарной книге и отдельной запиской А. А. Быкова: «Усвятский клад. Из него две монеты присланы Анат. Тим. Смирновым при письме 4/I 59 г. 1. Аббасиды, [ас-]Саффах, ал-Куфа 132 [г. х.]. 2. [Аббасиды,] ал-Мамун, ал-Мухаммадия 207 г. [х.], помят/потерт».

Краткая информация об этом монетном комплексе, получившем новое название по месту находки (Глазуновский клад), несколько раз попадала на страницы научной литературы (Алексеев 1980: 75, рис. 5; Микляев 1992: 135); место его находки уточнено в полевом отчете А. М. Микляева за 1967 г. (Микляев А-1967). По данным Александра Михайловича, клад был найден на берегу ручья Успол, *правого* притока р. Усвяча, в 100 м от его устья. Тогда же предполагаемое место находки было впервые осмотрено археологами под руководством Р. С. Минасяна. В устье ручья, по левому его берегу, отмечены находки железных шлаков. На левом берегу Усвячи напротив деревни было обнаружено селище с лепной керамикой (Глазуново I).

В 1980-е гг. Г. Н. Пронин нашел возле д. Глазуново сопку (Пронин А-1984).

В 1991 г. И. И. Еремеев, ориентируясь на данные А. М. Микляева, еще раз осмотрел место находки клада, весьма неопределенно указанное местными жителями. Оказалось, что ручей Успол – не правый, а *левый* приток Усвячи. Выяснилось также, что при его устье расположена неолитическая стоянка, уходящая в заболоченную пойму Усвячи (рис. П.2.2). Признаков средневекового культурного слоя на берегах ручья обнаружено не было, но приблизительно в 1800 м к югу от него, близ упомянутой сопки, было найдено еще одно селище (Глазуново II). На нем в 1996 г. были проведены небольшие раскопки, давшие в совокупности материалы IX–XII вв. (Еремеев, Дзюба 2010: 505–509). Что касается селища Глазуново I, открытого Р. С. Минасяном, то оно оказалось к 1990-м гг. полностью уничтожено при строительстве моста. Заложенный в 1996 г. И. И. Еремеевым на небольшом участке сохранившегося культурного слоя шурф (рис. П.2.3; П.2.4) дал лишь несколько мелких фрагментов лепной гладкостенной керамики, предположительно I тыс. н. э.[1] Таким образом, микротопографический контекст клада включает в себя сопку, два (?) раннесредневековых селища и железоделательную мастерскую, датировка которой не установлена. При этом точное место находки клада осталось под вопросом.

В 1992 г. А. Т. Смирнов показал И. И. Еремееву еще две монеты из Глазуновского клада, целую и половинку (рис. П.2.5). С монет были сделаны

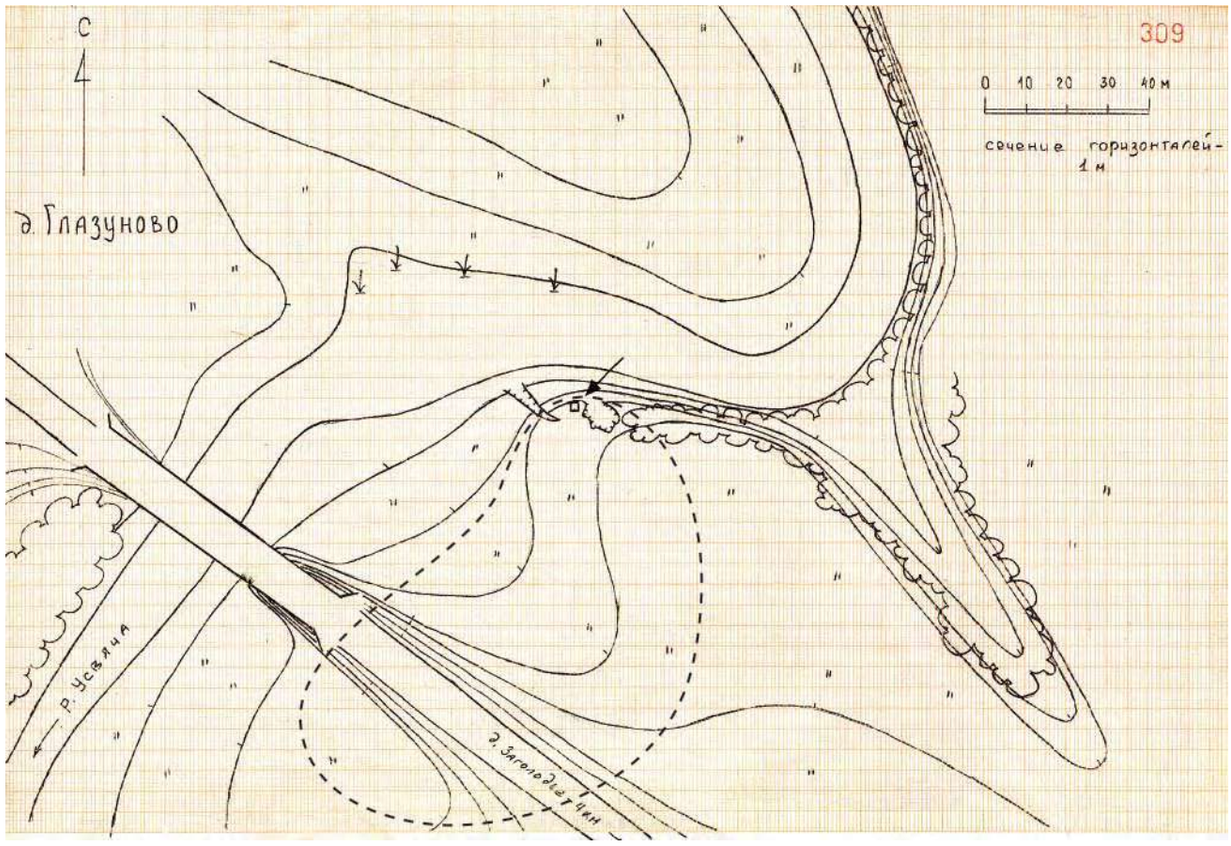


Рис. П. 2. 3. Селище Глазуново I. План 1996 г. Предполагаемая территория селища обведена пунктиром. Шурф 1996 г. отмечен стрелкой

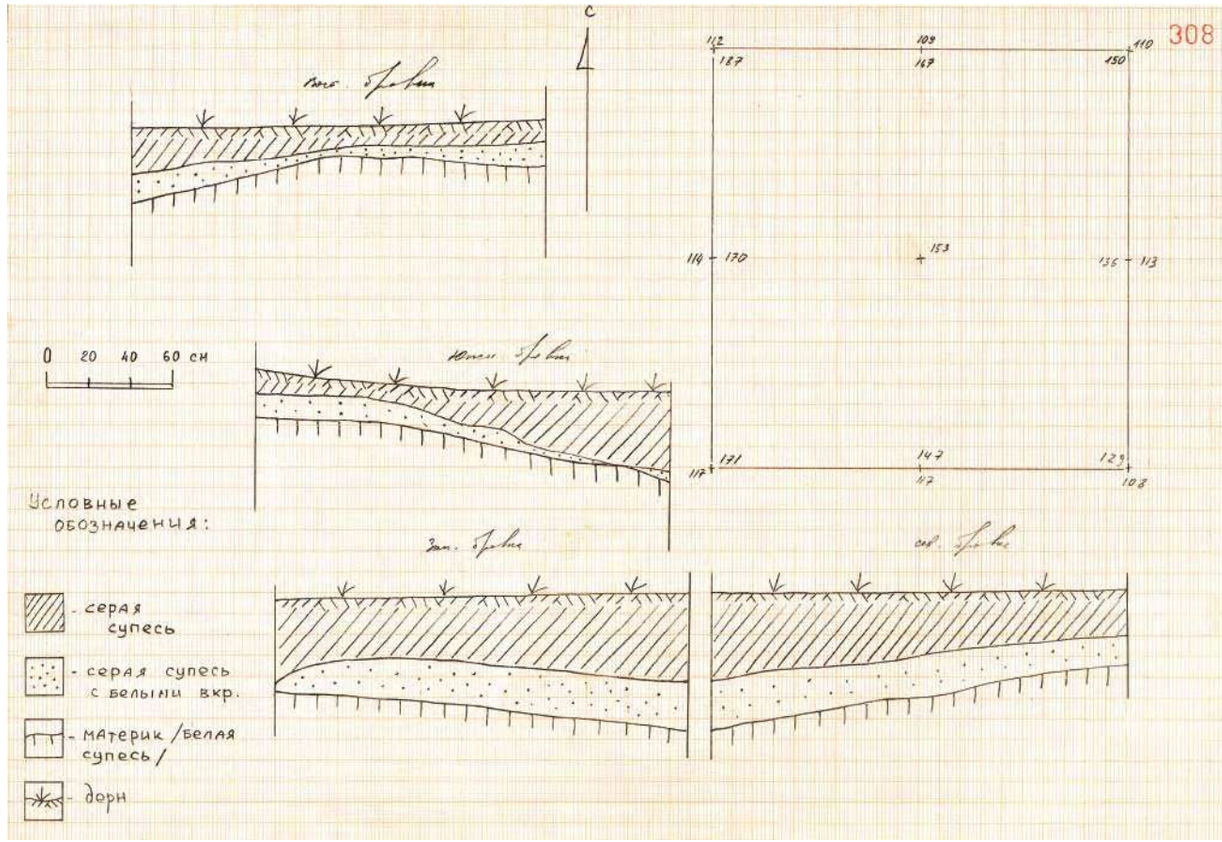


Рис. П.2.4. Селище Глазуново I. Шурф 1996 г.

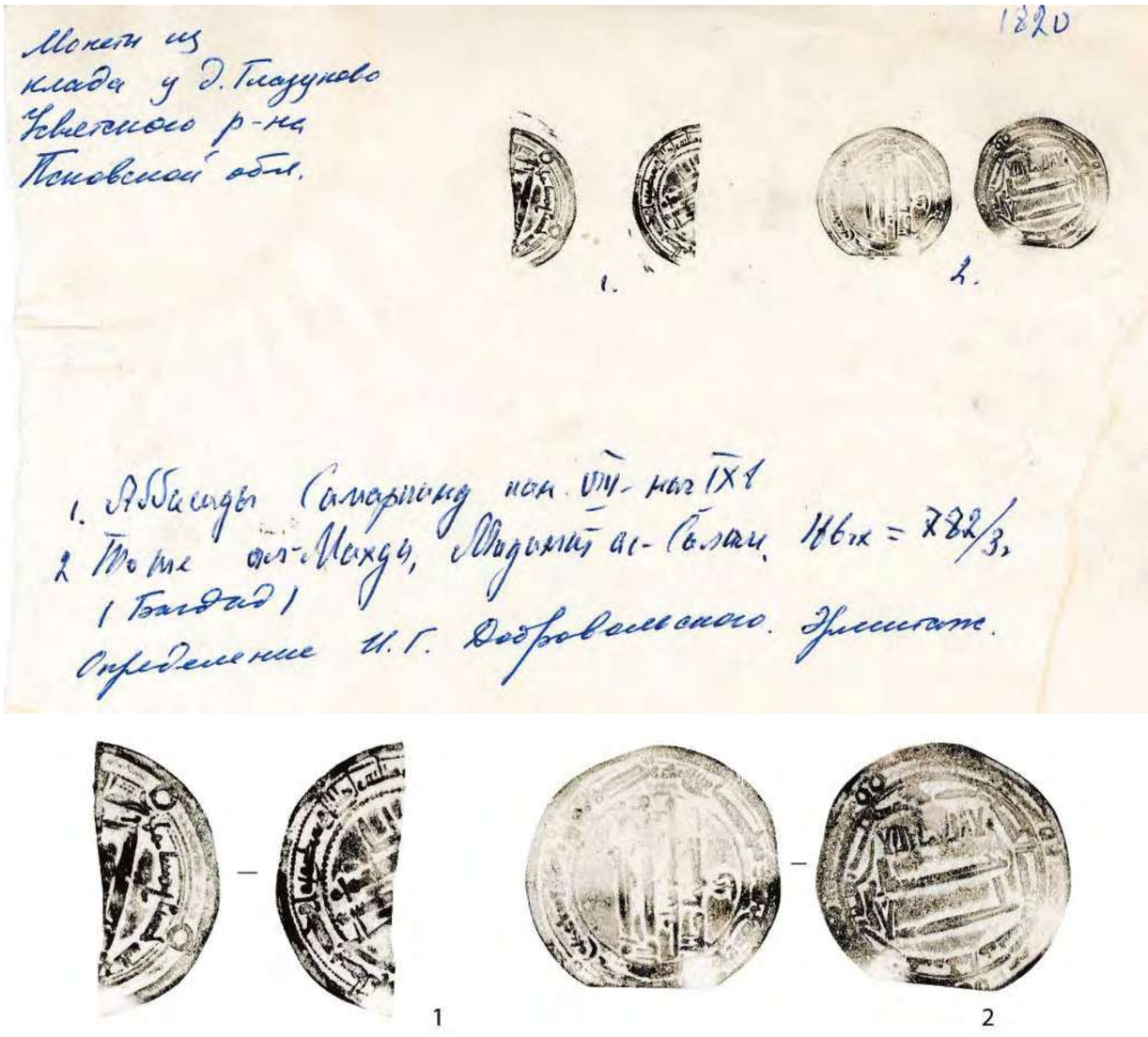


Рис. П.2.5. Оттиски монет из второй партии Глазуновского клада, выполненные А. Т. Смирновым и определенные И. Г. Добровольским. Из полевого дневника И. И. Еремеева за 1992 г.

угольные оттиски, позднее определенные И. Г. Добровольским как дирхам Мадинат ас-Салама 166 г. х. (целая монета) и дирхам Самарканда чеканки начала IX в. (половинка). Итак, к 1992 г. имелась информация всего о четырех монетах: двух из раннего поступления (см. о них выше) и двух, известных по оттискам; информация о них была опубликована И. И. Еремеевым (Еремеев 1997). После смерти А. Т. Смирнова в середине 1990-х гг. эти две монеты, а также еще два ранее не фиксировавшихся экземпляра (Мадинат ас-Салам 189 г. х. и Мадинат Исбахан 199 г. х.) были переданы родственниками покойного в Эрмитаж (рис. П.2.6); они получили инвентарные номера ОН-В-КК-24257–24260.

Информация по выборке из шести монет, известных к 2000-м гг. – двух из раннего поступления и четырех из позднего, – была подытожена в 2010 г. (Еремеев, Дзюба 2010: 506, табл. 20). Младшая монета этой выборки бита в 822/823 г.

Половинку с выпускными данными «Самарканд, 20[×] г. х.» (обозначение единиц года обломано, инв. № ОН-В-КК-24260) Вяч. С. Кулешов рассматривает не как подлинный раннеаббасидский дирхам времени ал-Ма'муна, а как хазарское подражание. Его эпиграфические особенности близки как подлинным дирхамам времени ал-Ма'муна, так и лучшим штемпелям из цепочек хазарских подражаний Rispling K107 и K108. Типологически значимыми признаками глазуновского экземпляра являются, во-первых, отсутствие слова *ал-машрик* в поле лицевой стороны (его наличие, по данным (Lowick 1996: 290–293), строго нормативно для всех вариантов подлинных дирхамов Самарканда 199–204 гг. х. с именем *Зу-р-Ри'асатайн* в поле реверса) и, во-вторых, широко разнесенные буквы *лам* без точки между ними в слове *ли-ллах* в поле оборотной стороны. Аналогиями реверсному штемпелю глазуновского экземпляра следует считать штем-

пеля Rispling K108.R05 и Rispling S0087.R – оба они эпиграфически несколько грубее.[2]

Наконец, в начале 2010-х гг. руководителю Северо-Западной археологической экспедиции Эрмитажа А. Н. Мазуркевичу был передан еще один дирхам из Глазуновского клада: ʻАббасиды, ал-Мутаваккил ʻала-ллах, Фарис, 239 г. х. (853/854). Эта монета важна тем, что позволяет существенно уточнить датировку клада и отнести его сокрытие ко второй половине IX в. (рис. П.2.7).

Таким образом, в настоящее время в собрании Эрмитажа представлена следующая выборка дирхамов Глазуновского клада:

1. Инв. № ОН-В-КК-13495. ʻАббасиды, ас-Саффах, ал-Куфа, 132 г. х. (750) Диам. 24,4 мм. Вес 2,89 г. Целая монета, на л. с. два надреза с краю (рис. П.2.1: 1).

2. Инв. № ОН-В-КК-24257. ʻАббасиды, ал-Махди, Мадинат ас-Салам, 166 г. х. (782/783). Диам. 24,0 мм. Вес 2,75 г. Целая монета, небольшой срез по краю (рис. П.2.6: 1).

3. Инв. № ОН-В-КК-24258. ʻАббасиды, ар-Рашид, Мадинат ас-Салам, 189 г. х. (804/805). Диам. 25,1 мм. Вес 2,86 г. Целая монета, у края сквозное круглое отверстие размером 2,0 мм, пробитое с л. с. (рис. П.2.6: 2).

4. Инв. № ОН-В-КК-24259. ʻАббасиды, ал-Маʼмун, Мадинат Исбахан, 199 г. х. (814/815). Диам. 24,4 мм. Вес 2,85 г. Целая монета (рис. П.2.6: 3).

5. Инв. № ОН-В-КК-13496. ʻАббасиды, ал-Маʼмун, ал-Мухаммадийа, 207 г. х. (822/823). Диам. 26,4 мм. Вес 2,90 г. Целая монета (рис. П.2.1: 2).

6. Инв. № ОН-В-КК-24260. Хазария, подражание ʻАббасидам, ал-Маʼмуну, чекану Самарканда 200-х гг. х. с именем Зу-р-Риʼасатайна. Вторая четверть IX в. Диам. 25,3 мм. Вес 1,54 г. Фрагмент правильной формы в половину целой монеты, поверхность среза ровная и четкая (рис. П.2.6: 4).

7. Временно без инв. №. ʻАббасиды, ал-Мутаваккил ʻала-ллах, Фарис, 239 г. х. (853/854). Диам. 26,0 мм. Точный вес неизвестен. Целая монета (рис. П.2.7).

В выборке представлены обычные, частотные в кладах IX в. типы ʻаббасидских серебряных монет. По набору типов, а также ввиду отсутствия доаббасидских монет и монет африканской чеканки выборка лучше всего соответствует норме восточноевропейского монетного обращения второй — третьей четверти IX в. Отсутствие в выборке низкокачественных «слепых» дирхамов среднеаббасидского периода позволяет предположительно исключить из датировки клада последнюю четверть IX в. Таким образом, наиболее правдоподобная дата сокрытия Глазуновского клада – конец 850-х – 870-е гг.



Рис. П.2.6. Монеты из Глазуновского клада. Второе поступление. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург



Рис. П.2.7. Монета из Глазуновского клада. Третье поступление. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

[1] Из-за отсутствия определенных результатов эти данные не вошли в полевой отчет за 1996 г. и публикуются впервые.

[2] Благодарим Герта Рисплинга (Стокгольм) за возможность ознакомления с его до сих пор не опубликованной типологией и номенклатурой восточноевропейских подражаний из государственных собраний Швеции.

Вяч. С. Кулешов. **Характеристика нумизматического комплекса поселения в урочище Юрьевы Горы**

В материалах поселения в урочище Юрьевы Горы представлены фрагментированные серебряные куфические дирхамы (18 экз.), монеты-подвески – целые дирхамы с ушками (2 экз.) и медные византийские фоллисы (2 экз.) (рис. 446; рис. 447: 1–10; рис. 449: 1, 2).

Типологический состав фракции восточных монет обычен для восточноевропейского денежного обращения в диапазоне от второй трети IX в. до второй трети X в. Отсутствуют такие признаки ранних этапов обращения (вторая половина VIII – первая треть IX в.), как наличие в комплексе доаббасидских монетных типов (сасанидских драхм, дирхамы Умайадов и умайадских наместников Ирана, дирхамов табаристанской и африканской чеканки). Вместе с тем на несомненную принадлежность ранней части комплекса к IX в. указывает, во-первых, значительный вес раннеаббасидских монетных выпусков от ал-Мансура до ал-Ма'муна – 10 экз. из 18 фрагментов и 1 экз. из двух монет-подвесок – и, во-вторых, характерные для обращения второй половины IX в. среднеаббасидский «слепой» дирхам времени ал-Мутаваккила ʿала-ллаха и восточноевропейское подражание второй половины IX в.

Относительно последней монеты следует заметить, что в собрании Эрмитажа имеется экземпляр той же пары штемпелей (инв. № ОН-В-Азмуз-2944). При публикации этого последнего, атрибутированного в качестве «грузинского подражания II группы» (с наибольшим правдоподобием эту группу следует относить к Хазарии и хазаро-абхазскому пограничью), я упомянул усвятский экземпляр (Кулешов 2013: 379, ил. 19; 382, примеч. 10).

К X в. относятся саманидские дирхамы от Исмаʿила ибн Ахмада до Нуха ибн Насра – 7 экз. из 18 фрагментов и 1 экз. из двух монет-подвесок. Распределение по правителям близко к равномерному: Исмаʿил ибн Ахмад – 1 экз., Ахмад ибн Исмаʿил – 2 экз., Наср ибн Ахмад – 2 экз., Нух ибн Наср – 2 экз. Такое распределение обычно для восточноевропейских куфических кладов, сокрытых в 920–950-х гг. Отсутствие монет последней трети X в. указывает на замирание в это время активного обращения восточных монет и тем самым на снижение экономических связей усвятской дружины с источниками их поступления (Верхнее Подвинье и Волжская Булгария). Вместе с тем эту хронологическую лакуну заполняет византийский фоллис класса A II (по Ф. Грирсону), широко датируемый в пределах последней четверти X—первой трети XI в. и указывающий на сохранение южных связей поселения (Среднее Поднепровье и Византия).

Остается добавить, что по характеру патины и особенностям фрагментации и вторичного формообразования монеты изученной серии однозначно опознаются как комплекс длительного формирования в культурном слое непрерывно функционирующего поселения. Они ни в какой степени не являются остатками одного или нескольких монетных кладов. С другой стороны, эти же признаки позволяют уверенно судить о типе денежного обращения обитателей этого поселения IX–X вв. Нормой было обращение весового серебра не только в виде целых монет, не попавших в виде «оброна» в культурный слой, но и в виде значительного количества фрагментов правильной или неправильной формы, т.е. более или менее случайного веса. Сказанное относится и к «оброну» монет-подвесок, при любых обстоятельствах остававшихся (по данным кладов X в.) денежными единицами.

© Кулешов Вяч. С., 2015

Нумизматические находки с территории древнерусского поселения в ур. Юрьевы Горы (определения византийских монет В. В. Гурулевой, куфических монет — Вяч. С. Кулешова)

№	№ по полевой описи находок, переданных в ИИМК РАН, 2010 г.	Определение		Выпускные данные		Номинал	Сохранность
Византийские монеты							
1	119	Неопределимый тип		Последняя четверть IX – третья четверть X в.		фоллис	2/3 экз., с краю срезан сегмент правильной формы
2	120	Класс A II. *Л.с.* Погрудное изображение Христа. *О.с.* четырехстрочная надпись «Иисус Христос царь царей»		ок. 976–1030 гг.		фоллис	целый экз.
Куфические монеты							
		Династия	Правитель	Годы правления, н. э.	Место чеканки	Дата чеканки	
3	121	Саманиды	Ахмад ибн Исмаʻил	907–914 гг.	аш-Шаш	298 г. х. / 910–911 г.	дирхам	2/3 экз., с краю срезан сегмент правильной формы
4	122	ʻАббасиды	ал-Амин	809–813 гг.	Мадинат ас-Салам	194 г. х. / 809–810 г.	дирхам	2/3 экз., с краю срезан сегмент правильной формы
5	123	Саманиды	Нух ибн Наср	943–954 гг.	место чеканки обрезано	год обрезан	дирхам	1/2 экз.
6	124	Саманиды	Наср ибн Ахмад	914–943 гг.	аш-Шаш	321 г. х. / 933 г.	дирхам	ок. 1/2 экз.
7	125	Саманиды	Наср ибн Ахмад	914–943 гг.	без указания места чеканки (Андараба или Маʻдин)	в дате обозначены только сотни: «300» г. х. / вторая половина 910-х – начало 920-х гг.	дирхам	ок. 1/2 экз.
8	126	ʻАббасиды	ар-Рашид	786–809 гг.	Мадинат ас-Салам	189 г. х. / 804–805 г.	дирхам	1/2 экз.
9	127	Саманиды	Ахмад ибн Исмаʻил (по типу)	907–914 гг.	аш-Шаш (по типу)	297 или 299 г. х. / 909–912 гг. (по типу)	дирхам	1/2 экз.
10	128	Подражание ʻаббасидскому дирхаму		Восточная Европа, IX в.		дирхам	1/2 экз.
11	129	ʻАббасиды	ал-Муктадир би-ллах	908–932 гг.	место чеканки обрезано	29[5–9] г. х. / 908–912 гг.	дирхам	1/3 экз.
12	130	ʻАббасиды	ал-Мутаваккил ʻала-ллах	847–861 гг.	место чеканки обрезано	23[2–9] г. х. / 847–853 гг.	дирхам	ок. 1/3 экз.
13	131	ʻАббасиды	ал-Маʼмун	813–833 гг.	ал Мухаммадийа	год обрезан (по типу: 820-е гг.)	дирхам	1/2 экз.
14	132	ʻАббасиды	ар-Рашид	786–809 гг.	место чеканки обрезано	год обрезан (по типу: конец 790–800-е гг.)	дирхам	фрагмент неправильной формы ок. 2/3 экз.
15	133	ʻАббасиды	ал-Маʼмун (по типу)	813–833 гг.	ал-Куфа	год обрезан (по типу: конец 810–820-е гг.)	дирхам	фрагмент неправильной формы ок. 2/3 экз.
16	134	Саманиды	Исмаʻил ибн Ахмад	892–907 гг.	место чеканки обломано (по типу: Балх)	29[2–5] г. х. / 904–907 гг.	дирхам	фрагмент неправильной формы ок. 2/3 экз.
17	135	ʻАббасиды	ал-Маʼмун	813–833 гг.	место чеканки обломано	год обломан (то типу: 820-е гг.)	дирхам	значительно обломан по краю, ок. 4/5 экз.
18	136	Саманиды	Нух ибн Наср	943–954 гг.	место чеканки обломано	год обломан	дирхам	фрагмент неправильной формы менее 1/2 экз.
19	137	ʻАббасиды	ал-Махди	775–785 гг.	Мадинат ас-Салам	161 г. х. / 777–778 г.	дирхам	фрагмент ок. 1/5 экз.
20	138	ʻАббасиды	ар-Рашид	786–809 гг.	ал-Мухаммадийа	год обломан (по типу: 179–180-е гг. х. / конец 790–800-е гг.)	дирхам	мелкий фрагмент ок. 1/10 экз.
Куфические монеты, местонахождение которых неизвестно (определены по фотографиям)							
21	—	ʻАббасиды	ал-Мансур	754–775 гг.	ал-Басра	139 г. х. / 756–757 г.	дирхам	целый экз., гладкое ушко
22	—	Саманиды	Наср ибн Ахмад	914–943 гг.	Андараба	308 г. х. / 920–921 г.	дирхам	целый экз., рифленое ушко

И. И. Еремеев. **Древнерусские костяные топорики**

В 1970 г. при раскопках Р. С. Минасяна на Юрьевых Горах (раскоп II; кв. 4, 9; глубина 0,30–0,55 м) был найден роговой топорик (рис. 165). Он имеет широкое подтреугольное лезвие, симметрично расширяющееся к рубящей кромке. Щекавицы отсутствуют. Несмотря на небольшие размеры, изделие довольно увесистое. Удар таким орудием, насаженным на длинную прочную рукоятку, способен был нанести человеку серьезные увечья.

Если искать точные аналогии изделию среди настоящих топоров, то следует признать, что оно является уменьшенной копией довольно редкого оружия, не характерного для Руси. А. Н. Кирпичников в своей фундаментальной работе не упоминает о подобных изделиях, обособляя на древнерусских материалах только тип VII – широколезвийные секиры с боковыми щекавицами (Кирпичников 1966: 39), которому в типологии Яна Петерсена соответствует тип M. Иначе обстоят дела в Северной Европе. Петерсен выделает в Скандинавии широколезвийные секиры типа L – с притупленными, срезанными щекавицами, датируя их от середины X до XI в. (Petersen 1919: 45–46; Петерсен 2005: 78). К этой же группе исследователи традиционно относят и подобное оружие, лишенное щекавиц (Viking Antiquities 1940a: 77). В материковой Швеции оно известно уже в X в. (Arbman 1943: 189; Willemsen 2004: 127) (рис. П.4.1). В XI в. широколезвийные боевые секиры без щекавиц можно видеть на гобелене из Байё (The Bayeux Tapestry 2004: 31, 71, 72) (рис. П.4.2). Наиболее известной находкой оружия этого типа являются предметы, поднятые со дна Темзы у Great London Bridge (Viking Antiquities 1940a: 77–79) (рис. П.4.3). Секиры типа L используются в Скандинавии и в XII в. (рис. П.4.4).

Может быть, не следует ожидать от изготовителя костяной поделки точного следования металлическим образцам. В любом случае гипотетической нижней хронологической границей при датировке топорика из Усвята следует признать X в. Отметим, что Э. Мугуревич, анализируя подобный широколезвийный костяной топорик из нижних слоев городища Кокнесе, уже обращал внимание на раннее время бытования его железных прототипов и отнес находку на этом основании к X–XI вв. (Mugurēvičs 2000: 64, 69).

Скорее всего, усвятский топорик относится к гораздо более позднему времени. Костяные топорики различных форм широко распространены на Руси, преимущественно в городах. Нам известны находки в Витебске, Полоцке, Минске, Турове, Давид-Городке, Мстиславле, Новгороде, Ворониче, Пскове (рис. П.4.12).[1] На древнерусских сельских поселениях эти изделия встречаются крайне редко. Для выяснения их хронологии важна находка из Торопца. Заготовка для топорика (рис. П.4.12: 1) происходит из комплекса построек 19, 20 и 21 горизонта 4 на Малом городище. Горизонт имеет дендродаты в диапазоне 1192–1225 гг. (Малевская, Фоняков 1991: 14).

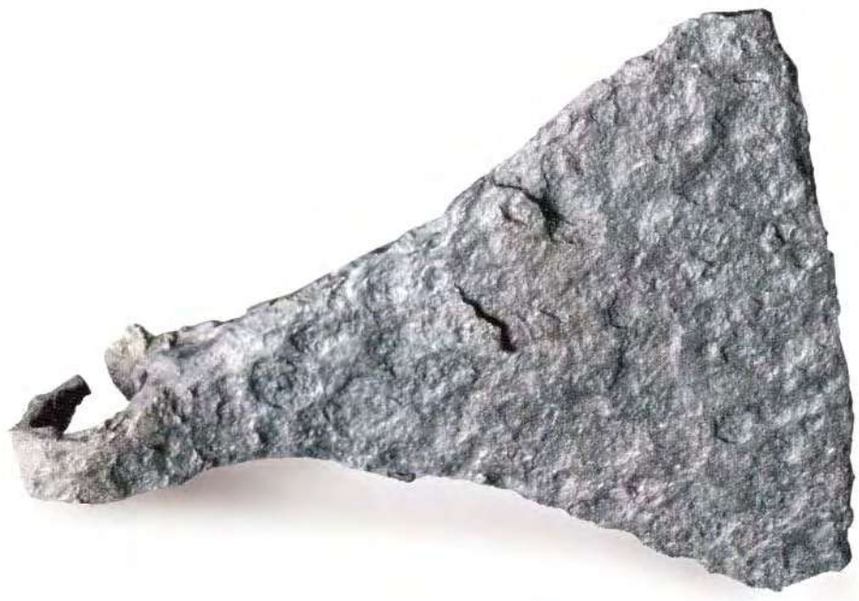


Рис. П.4.1. Секира из камерного погребения X в. в могильнике Бирки – Bj 581 (Willemsen 2004: 127, без масштаба)



Рис. П.4.2. Изображения боевых секир типа L на гобелене из Байё, XI в.
(слева – топор с щекавицами типа M; справа – без щекавиц, типа L) (The Bayeux Tapestry 2004: 31)

Ближайшая в территориальном отношении аналогия найдена в Витебске на Узгорье (рис. П.4.12: 5) и датируется автором раскопок XII–XIII вв. (Левко 2010: 89–90). Топорик из Витебска выглядит более традиционно для Руси – он подражает «бородовидным» топорам с вырезом в нижней части лезвия, не доходящим до его кромки.

Полоцкий топорик происходит из раскопок А. Г. Митрофанова на Верхнем замке (рис. П.4.12: 4). О времени его изготовления можно судить по форме изделия, также довольно точно воспроизводящей «бородовидный» топор с вырезом снизу лезвия. Датировать его следует тем же временем, что и топорик из Витебска.

Из раскопок Минского Замчища происходят два изделия, которым посвящен небольшой этюд в статье Н. А. Плавинского (Плавінскі 2007: 73–74). Первый топорик (рис. П.4.11: 5) найден в раскопках Г. В. Штыхова 1988 г. в слое XII–XIII вв. (Плавінскі 2007: 73). Второй топорик (его стратиграфическая позиция неизвестна) представляет довольно редкий двусторонний тип (рис. П.4.11: 6). Похожие костяные изделия, более напоминающие молот, нежели топор, хорошо известны в древностях Литвы и Латвии (рис. П.4.13: 1, 2, 6). Параллели им среди настоящих железных орудий встречаются очень редко.

Два костяных топорика грубой работы происходят из Турова. Один из них (заготовка) найден в детинце (рис. П.4.11: 3), в 10-м пласте, в IV стратиграфическом слое, датированном автором раскопок первой половиной XIII в. (Лысенко 1974: рис. 10; 2004: 31, 35, 72–73). Второй топорик, с неумелой орнаментацией (рис. П.4.11: 4), найден на посаде Турова в верхней части культурного слоя (Лысенко 2004: 73) и не имеет датировки. Костяной топорик из Давид-Городка (рис. П.4.12: 2) найден на городище в 12-м пласте (III строительный ярус), датированном П. Ф. Лысенко первой половиной–серединой XIII в. (Лысенко 1974: 124).

Топорик из Мстиславля (рис. П.4.12: 3) найден при раскопках детинца в слое В, лежащем чуть ниже горизонта пожара, отождествляемого Л. В. Алексеевым со штурмом города войсками

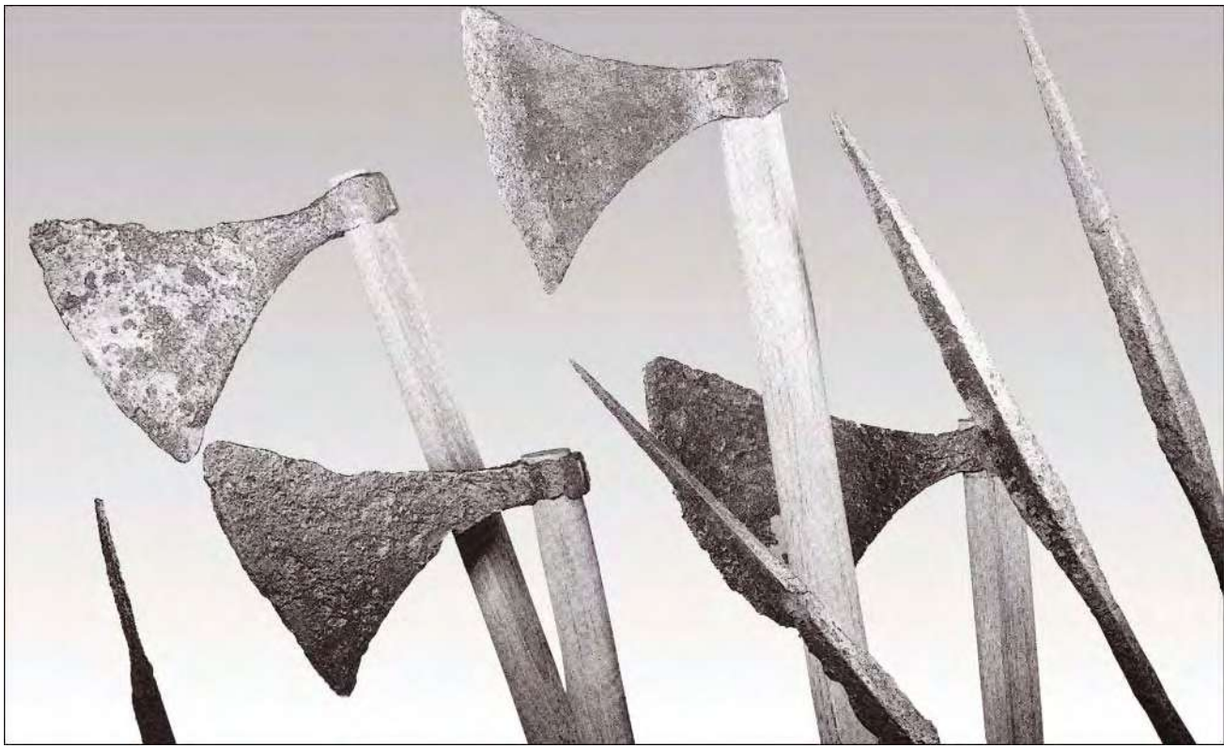


Рис. П.4.3. Секиры типа L, поднятые со дня Темзы (Richards 1991: 117)



Рис. П.4.4. Изображение боевой секиры типа L в сцене сражения на каменной купели XII в. из церкви в Лёдеруп в Южной Швеции (Löderup, Österlen, Skåne). Слева – секира с выступами на обухе; справа – секира с прямым обухом без щекавиц (Rosborn 2004: 39)

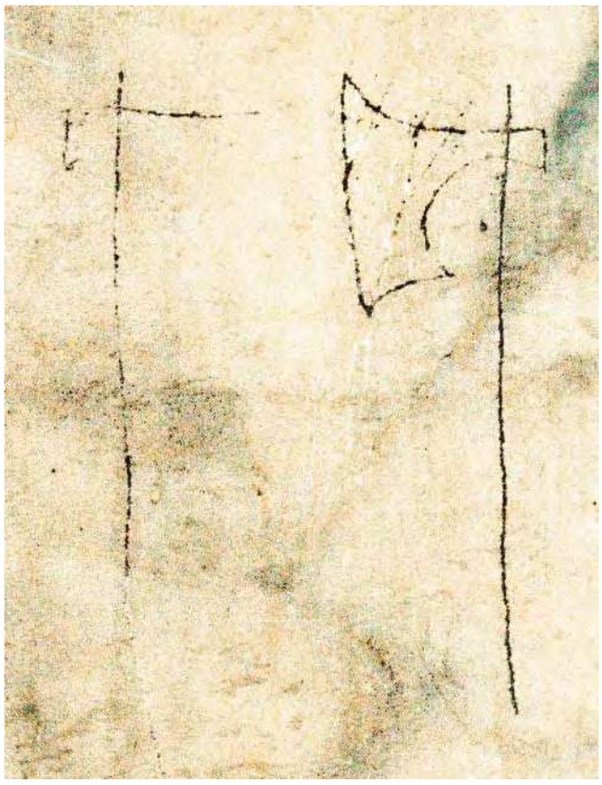


Рис. П.4.5. Изображение «бородовидной» секиры на стене в Константинопольской Софии (фото И. И. Еремеева, 2008 г.)



Рис. П.4.6. Бронзовый топорик-амулет из Дублина, изготовленный в виде секиры типа L (Viking Antiquities 1940: 53)

Ольгерда Гедиминовича в 1359 г. (Алексеев 1995: 124). Сохранность дерева в слое В Мстиславля не позволяет получать спилы для дендрохронологического анализа. Подстилающий слой Г имеет дендродаты 1307, 1316, 1318 гг. Топорик, таким образом, попал в культурный слой, скорее всего, во втором–третьем десятилетии XIV в. (Алексеев 1995: 156). По морфологическим особенностям вещица представляет копию топора с «бородовидным» лезвием, близкую костяным топорикам из Витебска и Полоцка.

Новгородский роговой топорик (рис. П.4.11: 2) был найден случайно, и поэтому не может быть датирован (Артемьев 1994: 165). Он покрыт S-видным орнаментом, сближающим изделие с находкой из Турова. Наиболее близкую аналогию новгородский топорик находит в изделии из Люка (рис. П.4.11: 1).

Роговой топорик из Воронича (рис. П.4.15: 1) происходит из раскопок С. В. Белецкого. Изделие найдено в основании культурных напластований. Помимо фотографии топорика С. В. Белецкий любезно предоставил нам свои рисунки сопровождавшей находку гончарной древнерусской керамики (рис. П.4.15: 2, 3). Скорее всего, она датируется XII–XIII вв.

Последняя из учтенных нами находок (рис. П.4.16: 1) происходит из древнерусского ком-



Рис. П.4.7. Деревянный топорик из Новгорода (Хорошев 1998: рис. 1: 8)

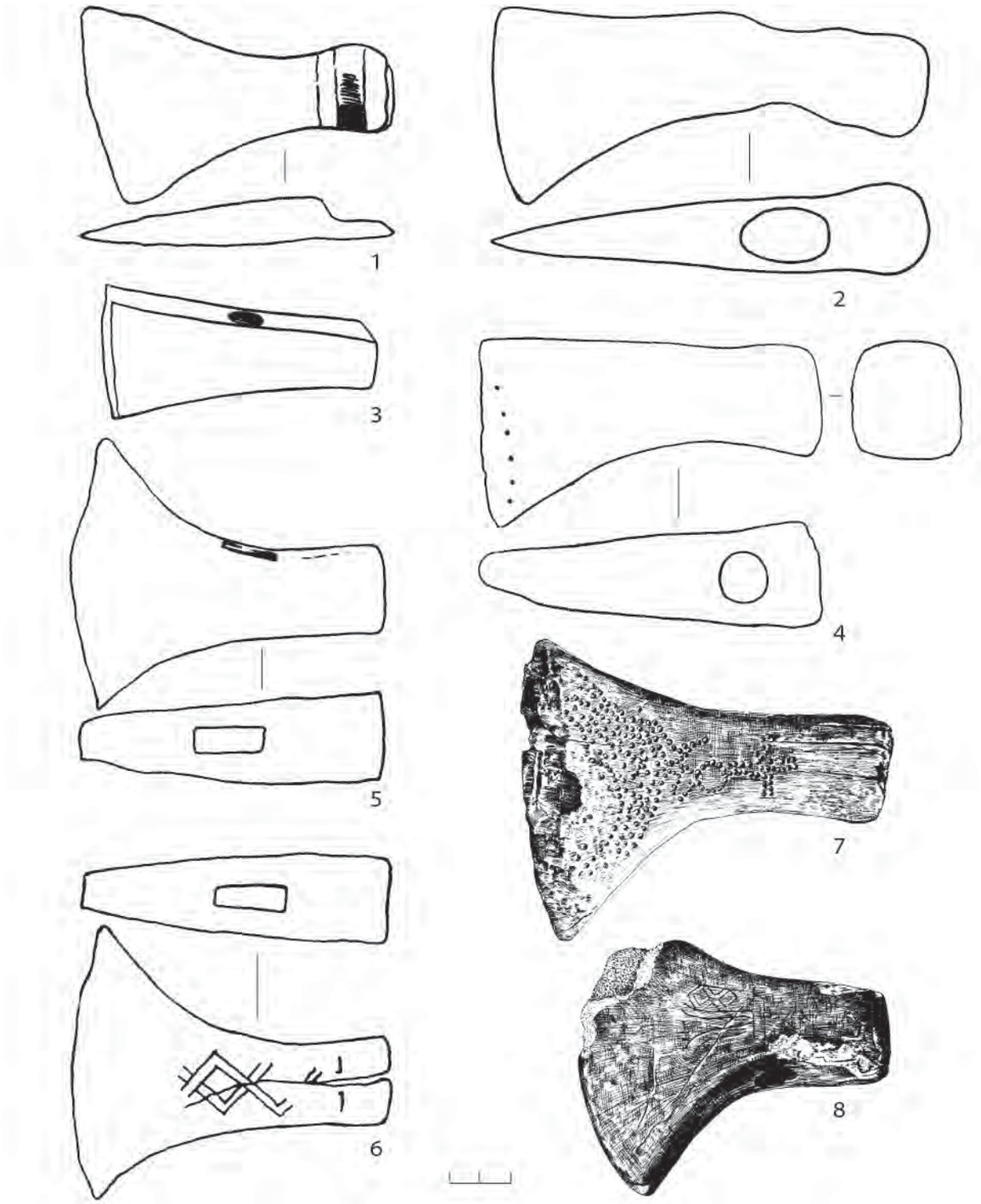


Рис. П.4.8. Средневековые костяные топорики (Paulsen 1956). 1 – Вестербюгден (Гренландия); 2 – Остер Эгесборг (о. Зеландия); 3 – Тетюши; 4, 8 – Рокишкис (Литва); 5 – Чежево (Польша); 6 – Сандомир (Польша); 7 – Яунгулбене (Латвия)

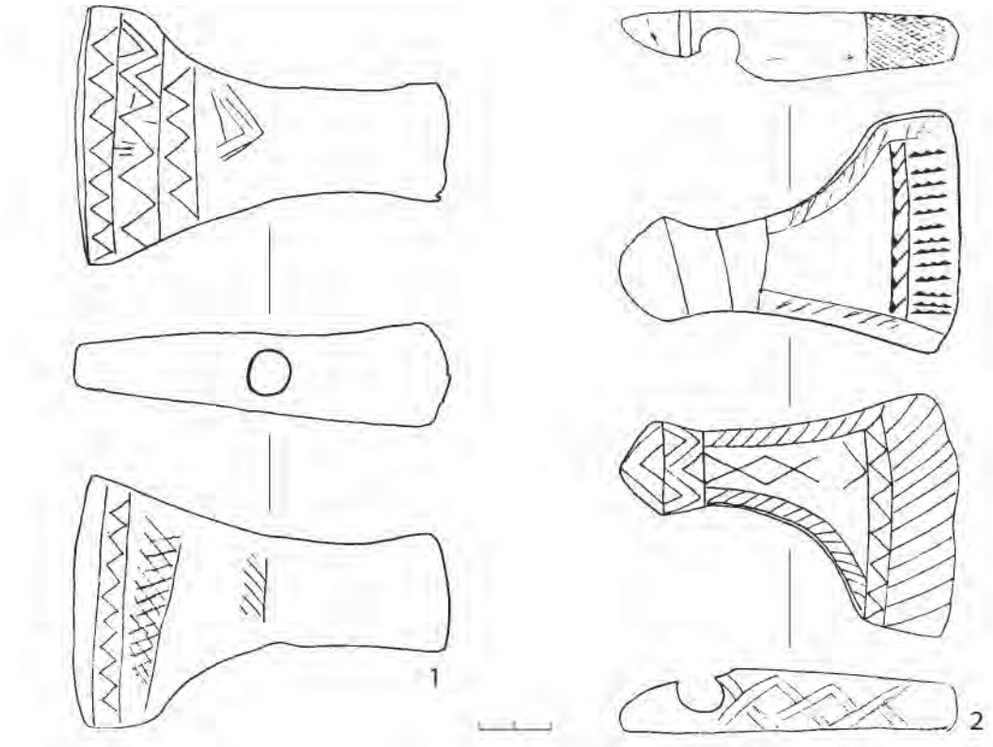


Рис. П.4.9. Средневековые костяные топорики (Paulsen 1956). 1 – окрестности Вильнюса; 2 – Бромберг (Быдгощ)

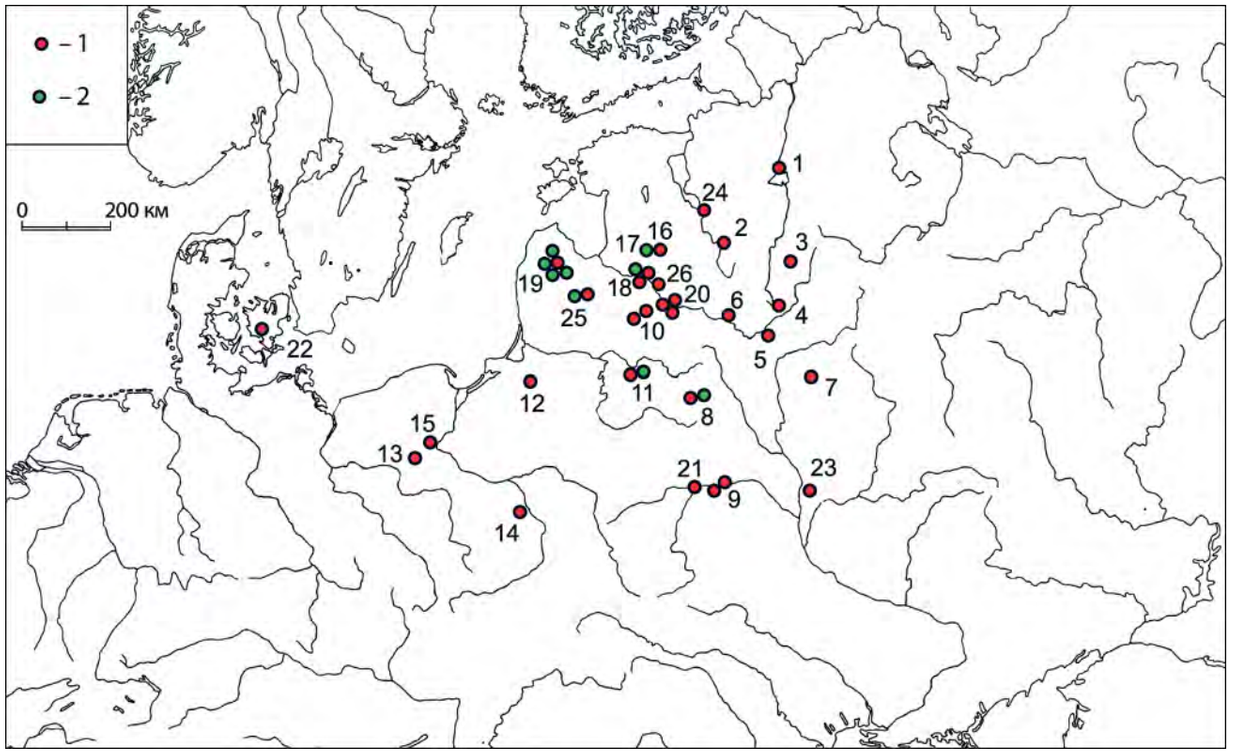


Рис. П.4.10. Распространение костяных топориков и молотов в Юго-Восточной Прибалтике и на землях Древней Руси (по П. Паульсену и Э. Мугуревичу с дополнениями И. И. Еремеева)

Условные обозначения: 1 – костяные топорики; 2 – костяные молоты. Цифрами обозначены: 1 – Новгород; 2 – Воронич; 3 – Торопец; 4 – Усвят; 5 – Витебск; 6 – Полоцк; 7 – Мстиславль; 8 – Минск; 9 – Туров; 10 – Рокишкис; 11 – Вильнюс; 12 – Люк (Элк); 13 – Чежево; 14 – Сандомир; 15 – Бромберг (Быдгощ); 16 – Яунгулбене; 17 – Яунпиебалга; 18 – Кокнесе; 19 – Сабиле; 20 – Динабург; 21 – Давид Городок; 22 – Остер Эгесборг; 23 – Верхнестриженское 2; 24 – Псков; 25 – Юргайчай; 26 – Огресгала Чабес

плекса (материковой ямы 4) на поселении киевской культуры Верхнестриженское 2, близ с. Сибереж Репкинского района Черниговской области (раскопки О. А. Щегловой 1984–1985 гг.). Яма содержала фрагменты стенок древнерусской гончарной керамики и «небольшой фрагмент стенки амфоры (?)» (Горюнова, Романова, Щеглова А-1985). Таким образом, известно лишь то, что находка относится к древнерусскому времени.

Итак, время максимального распространения костяных топориков в городах падает на XIII в. При этом они продолжали использоваться до середины XIV в. Время появления этих изделий в древнерусской культуре остается не вполне понятным. Хотя достоверных находок ранее XIII в. в нашем распоряжении нет, форма некоторых изделий позволяет предположить зарождение традиции еще в X–XI вв.

Необходимо сказать несколько слов о предполагаемом назначении костяных (преимущественно роговых) топориков. Мифологическая семантика топора-молота – чрезвычайно благодарная тема для исследователей средневекового язычества (Paulsen 1956; Даркевич 1961; Рыбаков 1987: 545–547; Кулаков 1993; Кулаков, Скворцов 2000; Mugurēvičs 2000; Шейкин 2002; Тянина 2008). Но первичен здесь, конечно, не мотив кузнеца-громовержца, а образ рога-оружия волшебного животного, восходящий к значительно более древней мифологии охотничьей культуры. Изготовление из рога вотивных топориков – традиция очень древняя. Такой топорик, украшенный рельефными человеческими личинами, предположительно датированный эпохой бронзы, был найден, например, на Мологе в Тверской области (Сидоров 2002). Несомненно, при любом толковании назначения топориков следует учитывать также весь более поздний круг языческих представлений о топоре как магическом атрибуте божества-громовержца, позднее – сказочного кузнеца и т. д. Но широкое распространение этих изделий в эпоху расцвета на Руси и в других славянских землях христианской культуры заставляет искать им какое-то практическое применение, не исключающее, разумеется, наличия у них места в бытовых мифологических воззрениях.

Следует выделить два направления исследовательской мысли, касающейся этих загадочных предметов. Еще П. Паульсен предложил рассматривать костяные топорики как символы власти, ритуальное статусное оружие (Paulsen 1956: 59). С тех пор подобные идеи высказывались и другими исследователями. Например, П. Ф. Лысенко определил назначение орнаментированного туровского топорика как «символ власти местного должностного лица» (Лысенко 2004: 73). Идее противоречит чрезвычайно грубое исполнение большинства роговых топориков. Встречаются среди них, конечно, и произведения косторезного искусства, например, топорик из Люка. Но таких вещей, вырезанных профессиональными косторезами, известно всего несколько. Большинство изделий (в том числе и туровский топорик) изготовлено слишком уж небрежно и орнаментировано чересчур неумело, чтобы быть вещами «статусными». Вряд ли мыслимо представить какое-либо «должностное лицо», разгуливающее по стольному древнерусскому городу с произведением, подобным туровскому топорику.

А ведь именно от статусного церемониального оружия следовало бы ожидать высокого мастерства исполнения и украшения. В древностях Скандинавии, Польши и Руси XI–XIII вв. представлены инкрустированные драгоценными металлами боевые топорики. Ценились они очень дорого, и связь таких находок с высоким социальным положением владельцев несомненна (Janowski 2010; Макаров, Зайцева, Красникова 2013). Археологических комплексов, которые говорили бы в пользу версии П. Паульсена (например, богатых погребений, которые содержали бы костяные топорики), мы пока не знаем. Правда, в Латвии известно погребение (предположительно XIV в.) с костяным молотом, но по богатству инвентаря оно ничем не выделяется среди обычных мужских захоронений (Mugurēvičs 2000: 71).

Второе исследовательское направление рассматривает роговые топорики и молоты в качестве «магического оружия», связанного с языческими культами и ритуалами (Даркевич 1961; Кулаков 1993; Кулаков, Скворцов 2000; Лысенко 2004: 73). К идее о связи костяных топориков с язычеством следует отнестись более внимательно по нескольким причинам. В самом деле, в эпоху викингов в Европе широко известны находки топориков-амулетов, несомненно, имеющих отношение к языческим воинским культам (рис. П.4.6). На Руси миниатюрные топорики-амулеты были одним из излюбленных украшений-подвесок. При этом, конечно, не вызывает сомнений, что с XII в. говорить о язычестве как о целостном мировосприятии на Руси уже нельзя.

Правда, в распоряжении исследователей нет каких-либо комплексов, позволяющих говорить о ритуальном назначении роговых орудий. Относительно витебской находки О. Н. Левко высказала мнение о связи с некими языческими обрядами, что якобы подтверждается обнаружением топорика в районе языческого «святилища-требища», окруженного рвом с деревянными конструкциями и функционировавшего в XI–первой половине XII в. на витебском Узгорье (Левко 2010: 90). Публикация раскопок на Узгорье не позволяет разобраться в том, что именно за сооружения были там обнаружены. Гипотеза о функционировании языческого святилища в одном из крупнейших городов По-

лоцкой земли, более 100 лет управляемом православными князьями, выглядит неубедительно.

Более существенно другое обстоятельство. Костяные топорики и молоты в XII–XIX вв. были распространены у литвы (Mugurēvičs 2000; Vaitkevičius 2010; Mahčiulis, Kuzmickas 2012). Культ топора у литовских племен известен по письменным источникам начала XV в. (Даркевич 1961: 91). Литовская экспансия XIII в. на древнерусские земли могла принести с собой некоторые элементы языческой атрибутики. Впрочем, как происходило присоединение западнорусских городов к Литве, связано ли это было со сколько-нибудь заметными миграциями на восток языческого населения – мы просто не знаем, поскольку почти никаких сведений на этот счет летописи до нас не донесли. Кажется, в основном переселялись представители военного сословия, принимавшие крещение. Источников, которые бы определенно говорили о каком-то «ренессансе язычества» в связи с распространением литовского господства, в распоряжении историков нет, хотя некоторые из них и усматривают среди последствий татаро-монгольского погрома некий возврат древнерусского населения к примитивным языческим обрядам (см., например: Бычкова 1996: 49). Действительно, одно дело – использование в магических ритуалах каких-либо утилитарных орудий или оружия (мы можем видеть это и в современной культуре), иное – целенаправленное и едва ли не повсеместное в западнорусских городах изготовление специальных предметов для этих ритуалов. Столь широкая практика изготовления культовых языческих атрибутов в XII–XIV вв. на Руси представляется недоказанной.

Связь костяных топориков с языческими культами сомнительна ввиду трех обстоятельств: топография находок, их контекст и элементы декора. Находки топориков в детинцах древнерусских городов XII–первой половины XIV вв. (Усвята, Торопца, Турова, Мстиславля, Полоцка, Давид-Городка) указывают на связь вещиц с жизнью привилегированных сословий, в которых вряд ли поощрялись языческие ритуалы. Осуждение использования «громовых топоров» в магических целях мы видим в Новгородской Кормчей книге 1280 г. Конечно, именно это обстоятельство можно расценивать как свидетельство распространения подобных практик. Но все же логичнее было бы ожидать их главным образом от населения, обитавшего в стороне от центров христианской культуры. Между тем роговые топорики на Руси встречены почти исключительно в городах. Это обстоятельство, между прочим, позволяет поставить под сомнение связь топориков с аграрными культами, предположение о которой высказали в свое время В. И. Кулаков и К. Н. Скворцов (Кулаков, Скворцов 2000: 184, 188).

Следует обратить внимание на торопецкую находку, когда вместе с топориком найден бронзовый подсвечник от хороса. Близкие по форме подсвечники на паникадилах известны в Киеве (см., например: Рыбаков 1971: рис. 20), в других городах Древней Руси и на некоторых соседних землях, куда в XII–XIII вв. проникает русское население (Полубояринова 1993: 31–32). Вряд ли можно говорить о принадлежности усадьбы, из которой происходит такая находка, закоренелому язычнику.

Наконец, и сами костяные топорики (как и их железные прототипы) в некоторых случаях несут на себе христианскую символику. Такие изделия входят в число находок, учтенных еще П. Паульсеном, например, известный ученым с конца XIX в. роговой топорик из Яунгулбене в Литве, украшенный крестом (рис. П.4.8: 7), или топорик из Люка в Пруссии, также орнаментированный изображениями крестов (рис. П.4.11: 1). Образ топора вовсе не обязательно обращал средневековое мифологическое сознание к языческим божествам, но мог использоваться и в благочестивом контексте. Во время посещения Святой Софии в Константинополе в числе многочисленных средневековых граффити, оставленных посетителями на ее стенах, автору удалось обнаружить и изображение средневековой секиры (рис. П.4.5). Рисунок несколько стилизован (это видно по «оттянутым» острым уголкам лезвия), но в нем вполне уверенно опознается «бородовидный» топор X–XIII вв.

Эвалд Мугуревич отметил в свое время, что именно хрупкость рога не позволяет говорить об удобстве практического применения костяных топориков (Mugurēvičs 2000: 63). Думается, эта хрупкость преувеличивается. Костяные молотки, как мы знаем, применялись в раннем средневековье в степных культурах при обработке сыромятной кожи и различных ремесленных операциях. Такие орудия со следами сработанности известны, например, в Саркеле (Флерова 1996: 295–296). Конечно, вряд ли для этих целей служили орнаментированные древнерусские топорики, им нужно искать иное применение.

Рог лося или оленя способен выдерживать значительные нагрузки. Недаром из них до сих пор делаются рукоятки охотничьих и боевых ножей. Да и в средневековье роговое оружие (как оружие улицы) было широко распространено. Роговые кистени найдены во многих древнерусских городах, в частности, и в Полоцкой земле. Иное дело, что это было, конечно, не боевое, а (как бы мы сейчас сказали) – оружие гражданское, оружие самозащиты. Использоваться оно могло, например, при уличных потасовках, нередких в древнерусском городе. В этом случае именно хрупкость оружия была его главным достоинством: использование на улице боевого вооружения наносило излишние в таких

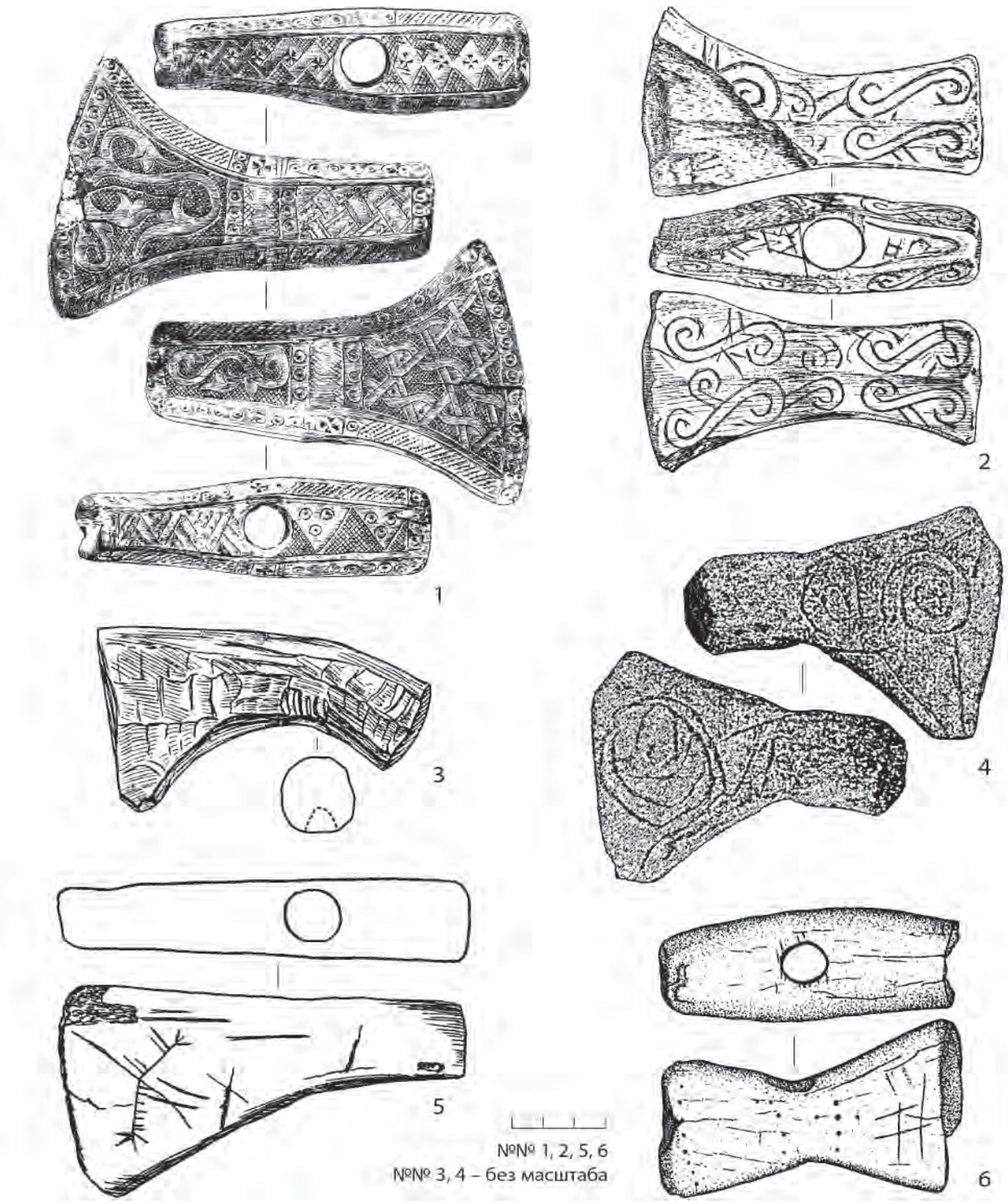


Рис. П.4.11. Средневековые костяные топорики. 1 – Люк (ныне Элк, Восточная Пруссия) (Paulsen 1956: Abb. 22); 2 – Новгород (Артемьев 1994: 163); 3, 4 – Туров (Лысенко 2004: 73); 5, 6 – Минск (Плавінскі 2007: 85)

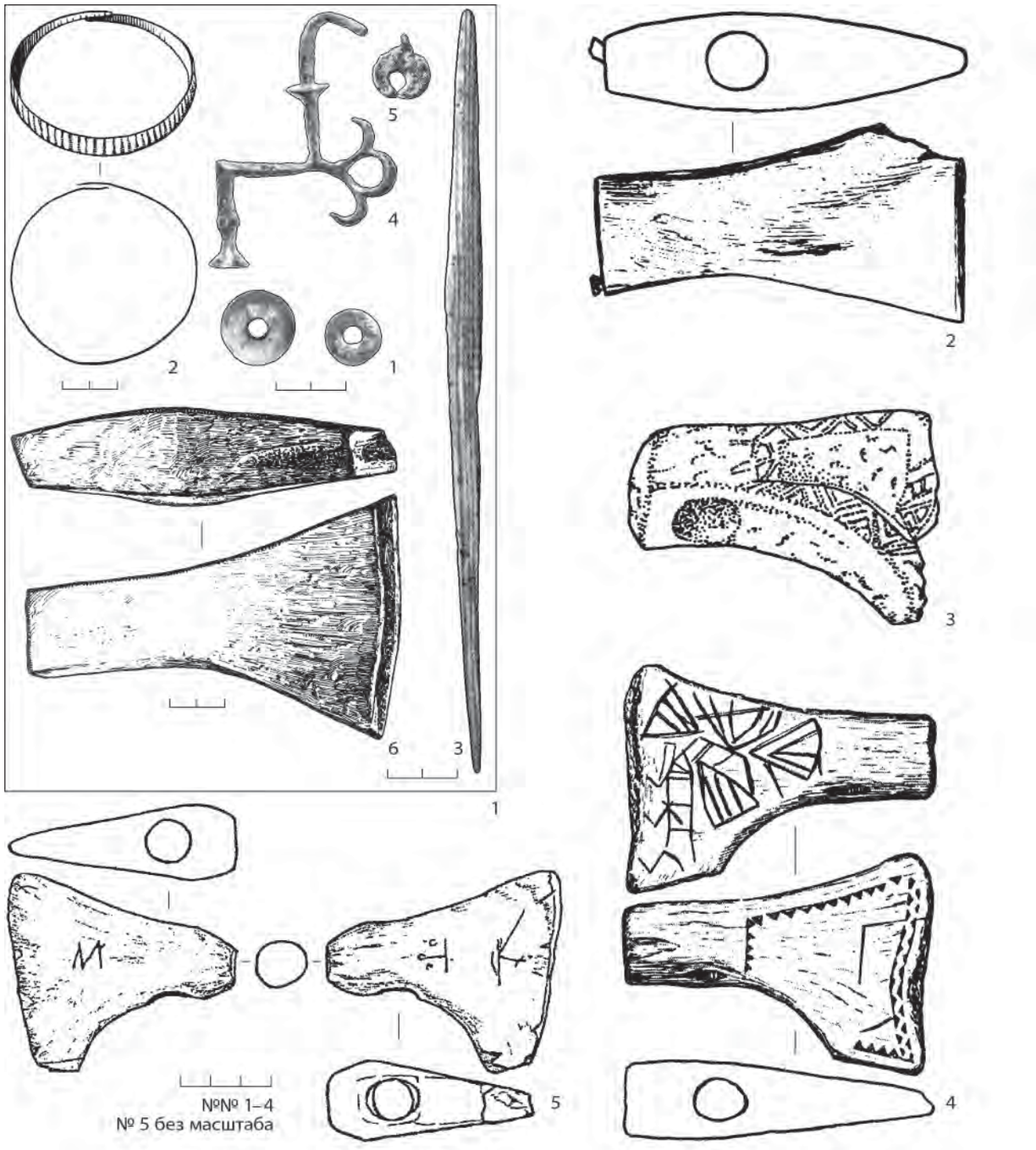


Рис. П.4.12. Костяные топорики из древнерусских городов. 1 – Торопец. Комплекс находок с фрагментом хороса из заполнения постройки 19 и загородки к западу от нее (1 – камень; 2 – бронза; 3 – дерево; 4 – бронза; 5 – олово; 6 – рог) (Малевская, Фоняков 2000: рис. 52); 2 – Давид Городок (Лысенко 1974: рис. 39: 12); 3 – Мстиславль (Алексеев 1995: рис. 6: 1); 4 – Полоцк, Верхний замок (Полоцк 2012: рис. 36: 7); 5 – Витебск (Левко 2010: рис. 40: 11; фото 29)



Рис. П.4.13. Средневековые костяные топорики в Юго-Восточной Прибалтике. 1 – Вильнюс, гора Гедимина (Vaitkevičius 2010: 123); 2 – могильник Яунпиебалга, погребение 4, Латвия (Mugurēvičs 2000: Abb. 1); 3, 5, 8 – Динабург, Латвия (Mugurēvičs 2000: Abb. 4, Abb. 2: 4, 5); 4 – Сабиле, Латвия (Mugurēvičs 2000: Abb. 2: 6); 6, 7 – Кокнесе, Латвия (Mugurēvičs 2000: Abb. 2: 1, 2)

случаях увечья и грозило судебным преследованием. Кроме того, подобные костяные топорики могли использовать группы городских обитателей, которым ношение боевых топоров возбранялось в силу их низкого социального статуса, – подростки или зависимые люди.

Археологу следует прибегать к иррациональному толкованию непонятных культурных явлений только тогда, когда исчерпаны все возможности приземленного объяснения. Назначение костяных топориков можно, на мой взгляд, прочесть в некоторых особенностях их изготовления. Рог, как известно, очень прочный и пластичный материал, позволяющий прорабатывать на резных изделиях тонкие детали. На топориках, рассматриваемых нами, заметно скруглены углы лезвия и сами они выполнены очень толстыми и округленными – такими, чтобы ими трудно было нанести смертельное ранение. Топорики, кроме того, насаживались на очень тонкое древко, которое должно было сломаться или спружинить при сильном ударе. Все это дает возможность предположить, что перед нами игрушки, предназначавшиеся для детей 10–12 лет – мальчиков, которым вскоре предстояло взять в

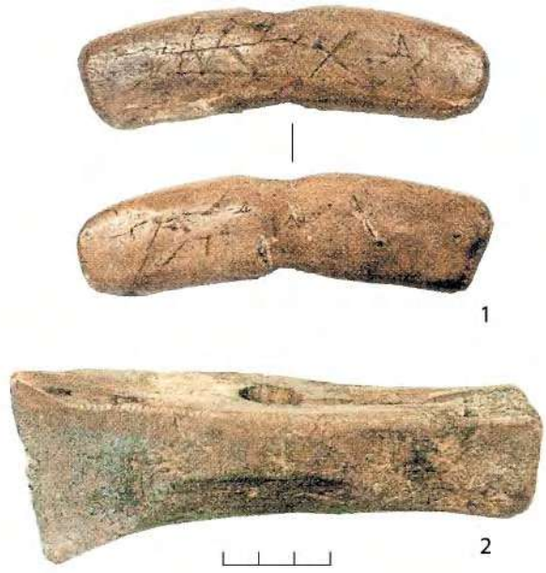


Рис. П.4.14. Молот и топорик с городища Юргайчай (Mahčiulis, Kuzmickas 2012: fig. 14, 18)

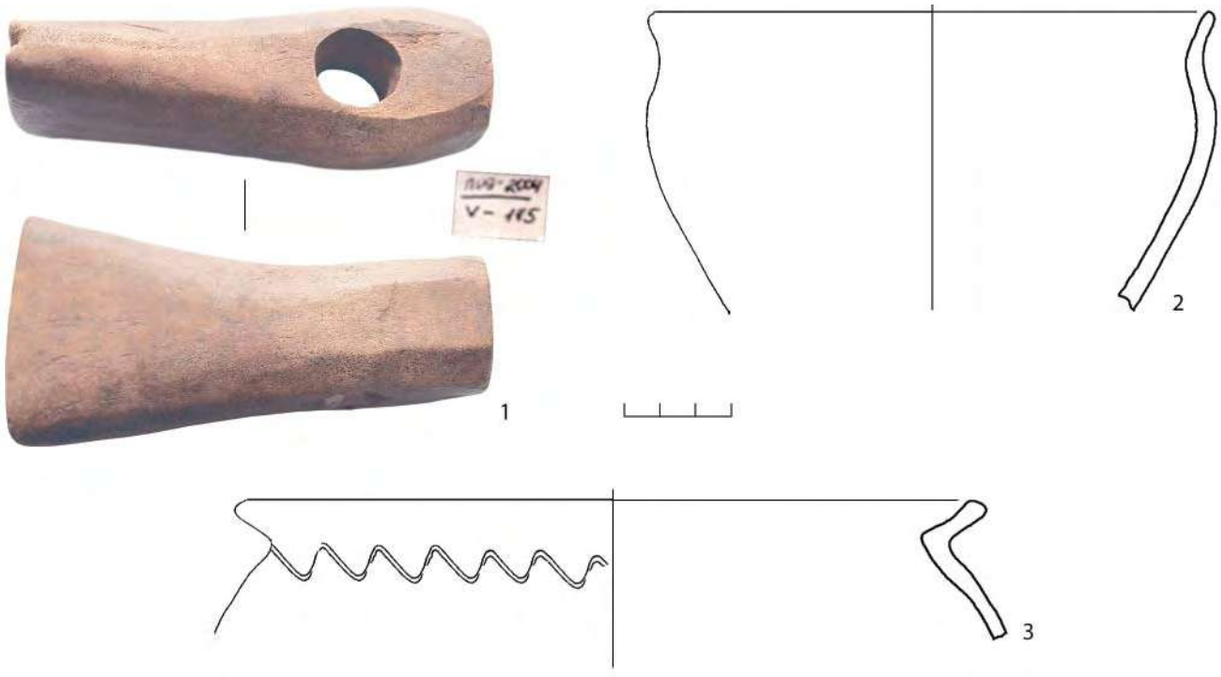


Рис. П.4.15. Роговой топорик с городища Воронич (1) и гончарная керамика (2, 3) из культурного слоя, в котором была сделана находка (по С. В. Белецкому). Раскоп V/2004, кв. Ф5, гл. -271 – (-301).
Горизонт пожара, перекрывавший предматериковый пахотный слой

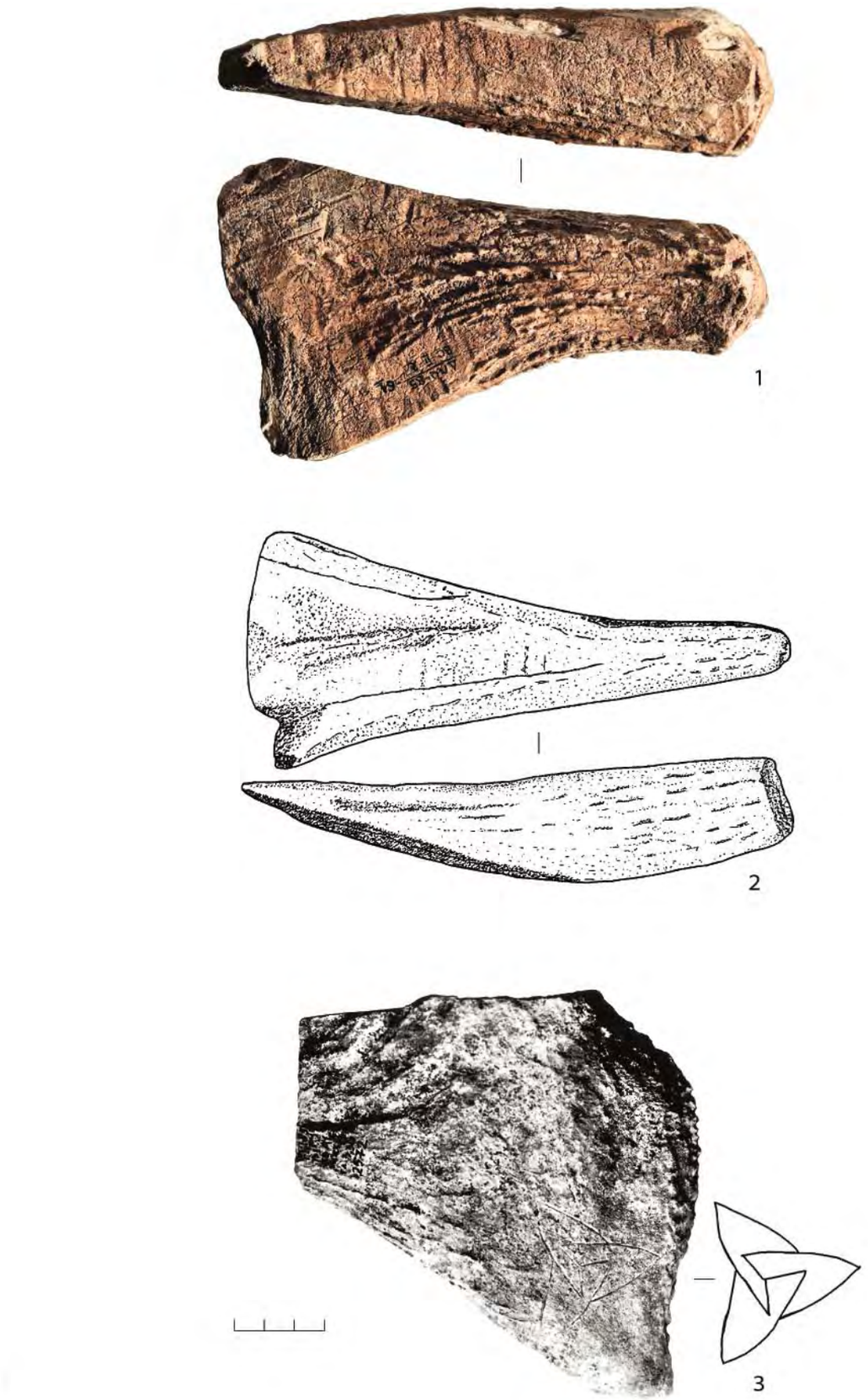


Рис. П.4.16. Находки из Среднего Поднепровья. 1 – заготовка топорика (?) с поселения Верхнестриженское 2 близ с. Сибереж Репкинского района Черниговской области (Горюнова, Романова, Щеглова А-1985); 2, 3 – «топоровидные» роговые поделки из Киева (Сергеева 2011: табл. 24, 64)

руки настоящее вооружение. Чтобы избежать тяжелых травм в детских драках, отцы, как это делается и в наши дни, старались обезопасить игрушки, по возможности затупив острые грани. Некоторые топорики, вероятно, изготовлялись самими подростками – отсюда большое количество грубых и неумелых поделок. Провести четкую грань между игрушкой и «уличным» оружием, когда речь идет о подростковых забавах, конечно, сложно. Безусловно, роговые топорики могли использоваться в уличных драках и достаточно взрослыми людьми.

С деревянными детскими игрушками, имитирующими вооружение, связана некоторая загадка. В древнерусских городах встречено множество деревянных мечей, известны находки детских луков. Встречаются копья и булавы. Топоры же, которые, несомненно, были наиболее массовым оружием во взрослом мире, детские игрушки в дереве копируют редко. Например, в Новгороде на 1998 г. было известно 87 игрушечных деревянных мечей, 5 кинжалов, 14 луков – и только один деревянный топорик (Хорошев 1998: 85, рис. 1) (рис. П.4.7). Похожую ситуацию для более раннего времени мы видим в Старой Ладоге VIII–X вв. В 1999 г. староладожская коллекция игрушечного оружия насчитывала 28 деревянных мечей, 4 копья и ни одного игрушечного топора (Рябинин 1995: 55–56; 1999: 187). Впечатление создается странное – как будто древнерусские мальчики почти не использовали в играх деревянную имитацию топора. И это на фоне повсеместного распространения на Руси роскошных образцов престижного оружия, на фоне упоминаний о боевых секирах в сагах и древнерусских летописях. Не лишним будет вспомнить здесь и о широком распространении амулетов-топориков. По мнению Н. А. Макарова, они связаны с воинской средой, где могли служить оберегами, копируя главное оружие младших дружинников (Макаров 1992: 51). Находят их и в погребениях мальчиков.

Почему же почти нет в древнерусских городах деревянных игрушечных топоров? Причин этому можно выдвинуть, на мой взгляд, две. Во-первых, игры с топором и его имитациями могли быть издревле табуированы в силу каких-то языческих верований, отголоски которых сохранялись в древнерусское время. Во-вторых, указанное обстоятельство могло быть связано с трудностями технологического свойства. Изготовить топорик из цельного куска дерева сложнее, чем меч – из щепки. Просверлить же составной деревянный топорик так, чтобы он не треснул, тоже непросто. Но главное – такое изделие будет крайне хрупким. Костяные топорики, изготавливавшиеся из отходов косторезного производства, гораздо более прочные, вероятно, заполняют наметившийся пробел в коллекции детского оружия Древней Руси. Менее доступный, чем дерево, рог, очевидно, обусловил и сравнительную редкость находок. Топорики, вероятно, служили игрушками представителям достаточно зажиточного населения. Этим и объясняются их находки в детинцах древнерусских городов.

---

[1] О неопубликованной находке из Воронича нам любезно сообщил С. В. Белецкий, а о топорике из Пскова – В. И. Кильдюшевский.

С. Ю. Каинов. **Наконечник ножен меча и фрагмент кольцевидной булавки из Усвята**

Среди доступных для изучения предметов, найденных в ходе несанкционированных поисков на территории Усвятского археологического комплекса, особое внимание заслуживает наконечник ножен меча (рис. П.5.1; П.5.2).Точное место его находки неизвестно, наиболее вероятно, что он происходит с территории селища.[1]

Сохранность наконечника неполная. На одной стороне отсутствует завершение рамки, на другой – обломана ее верхняя часть. В настоящее время размеры наконечника составляют 38 × 40 мм. Нижняя грань его несколько уплощена. Возможно, наконечник был изготовлен с таким уплощением, но не исключено, что в ходе бытования основание наконечника стерлось от соприкосновения с землей.

В центральной части наконечника расположена направленная вертикально вверх голова змеи (?), с сильно вытянутой тупоносой мордой и глазами, обозначенными циркульным орнаментом и расположенными на подтреугольных выступах. От нижней части рамки наконечника голова орнаментально отделена двойной чертой. Такая же двойная черта расположена и на краю верхней части рамки наконечника, отделяя несохранившееся окончание рамки, которое, вероятнее всего, было аналогично центральной фигуре.

Рамка наконечника украшена циркульным орнаментом (диаметр окружностей 2,5 мм), плотно и довольно небрежно расположенным в один ряд на рамке и в три ряда на основании наконечника. Циркульный орнамент также окружает непролитый участок на рамке. Это, наряду с четкостью исполнения самого орнамента, свидетельствует, что нанесен он был после отливки изделия.

Наконечник изготовлен по технологии литья в одноразовую глиняную форму.[2] О некачественности отливки свидетельствует непролив металла в нижней части рамки (рис. П.5.3: 3). Интересной особенностью усвятского наконечника является фрагментарно сохранившееся покрытие лицевой поверхности тонким слоем белого металла (рис. П.5.3: 4).

Исследование химического состава металла самого наконечника и покрытия его лицевой поверхности было выполнено с помощью портативного ренгтгенофлюоресцентного прибора с использованием методики неразрушающего безэталонного анализа[3] (Ениосова, Митоян, Сарачева 2008: 114–120):

Таблица

Химический состав металла наконечника из Усвят

	Cu (%)	Zn (%)	Sn (%)	Pb (%)
Основа наконечника	81,36	4,02	–	18,58
Лицевая поверхность наконечника	31,4	4,01	11,36	52,96

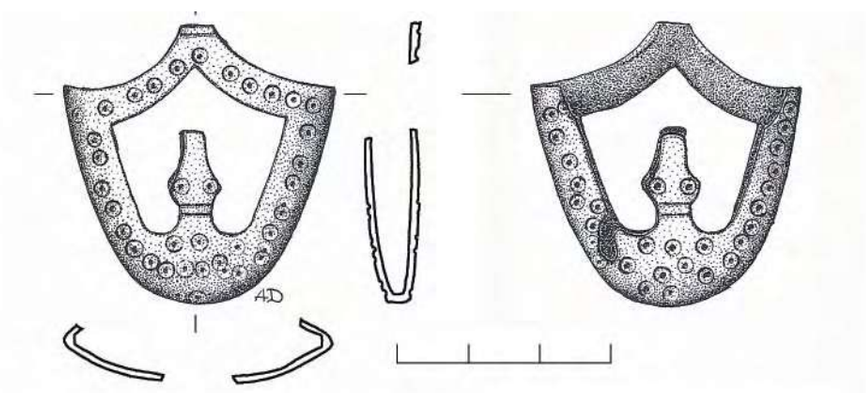


Рис. П.5.1. Наконечник ножен меча. Усвят. Рис. А. С. Дементьевой

© Каинов С. Ю., 2015



Рис. П.5.2. Наконечник ножен меча. Усвят. Фото С. Ю. Каинова



Рис. П.5.3. Наконечник ножен меча из Усвята: 1 – циркульный орнамент на рамке; 2 – циркульный орнамент на нижней части; 3 – «непролив» рамки; 4 – фрагменты свинцово-оловянного покрытия лицевой поверхности. Фото Н. В. Ениосовой

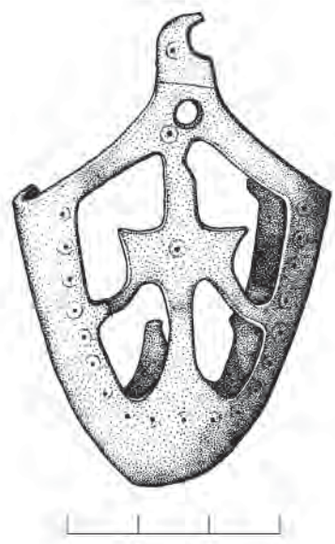


Рис. П.5.4. Наконечник ножен меча с изображением птицы. Гнёздово. Рис. А. С. Дементьевой



Рис. П.5.5. Подвес ножен боевого ножа из погребения 944 могильника Бирки (Arbman 1940: Taf. 6, 2d)

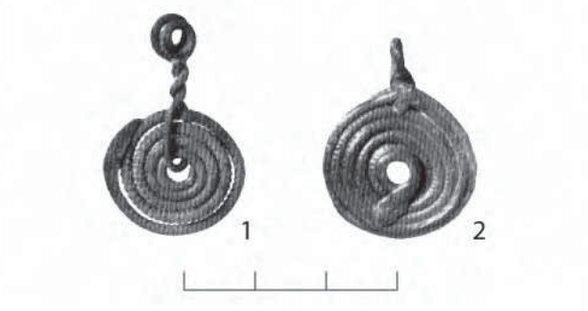


Рис. П.5.6. Подвески в виде свернувшейся змеи из могильника Бирки: 1 – погребение 632; 2 – погребение 844 (Arbman 1940: Taf. 97, 28, 29).

Полученные данные свидетельствуют, что предмет отлит из сплава свинцовой латуни, а на его лицевую поверхность было нанесено покрытие, содержавшее олово (полуда).[4] Покрытие придавало наконечнику серебристый цвет, возможно, имитируя серебро, а также предохраняло латунный наконечник от воздействия окружающей среды. Перед лужением для лучшего сцепления покрытия с основой лицевая поверхность наконечника была обработана напильником[5] (Сарачева 2001: 388). Следы этой обработки в виде мелких однонаправленных царапин особенно хорошо видны там, где полуда немного стерлась, сохранившись только в углублениях царапин (рис. П.5.3: 4).

Использование свинцовой латуни для изготовления наконечника ножен объясняется повышенной жидкотекучестью этого сплава, позволяющего «проливать» прорезной («ажурный») орнамент. Именно это свойство сплава обусловило его широкое применение при производстве, в том числе и целого ряда скандинавских украшений, изготавливавшихся в той же, что и наконечники ножен, технологии литья «с потерей глиняной формы» (Ениосова 1994: 109). Также из свинцовой латуни были отлиты два наконечника ножен, найденные при раскопках Гнёздовского археологического комплекса (Ениосова 1994: 109). На одном из гнёздовских наконечников прослежено покрытие лицевой поверхности белым металлом (Каинов 2009: 85).

Состав металла усвятского наконечника – свинцовая латунь с низкой концентрацией олова и большой концентрацией свинца, что характерно для литых латунных изделий, найденных на ранних древнерусских памятниках: Старой Ладоге, Рюриковом Городище, Городке на Ловати, Гнёздове (Ениосова, Митоян, Сарачева 2008: 133–134). Для цветной металлообработки Скандинавии этого периода латунь также является основным видом сырья. Но, в отличие от древнерусских, скандинавские латуни содержат значительно больший процент цинка. Это, по мнению исследователей, объясняется тем, что в Скандинавию «постоянно поступал “свежий” металл, не подвергавшийся многократным переплавкам, в результате которых снижалась концентрация летучего цинка» (Ениосова, Митоян, Сарачева 2008: 134).

Автору неизвестны аналогии усвятскому наконечнику ножен меча. Исходя из орнаментальных особенностей, наиболее близки ему наконечники с вписанной в рамку фигурой птицы; в первую очередь – выделяемый внутри этой группы тип наконечников с циркульной орнаментацией и недетализированной фигурой птицы (Каинов 2009: 89–90; рис. 5–6) (рис. П.5.4). Кроме циркульного орнамента, расположенного на рамке, их сближает отделение чертой головы, венчающей рамку. Но если орнаментация большинства наконечников

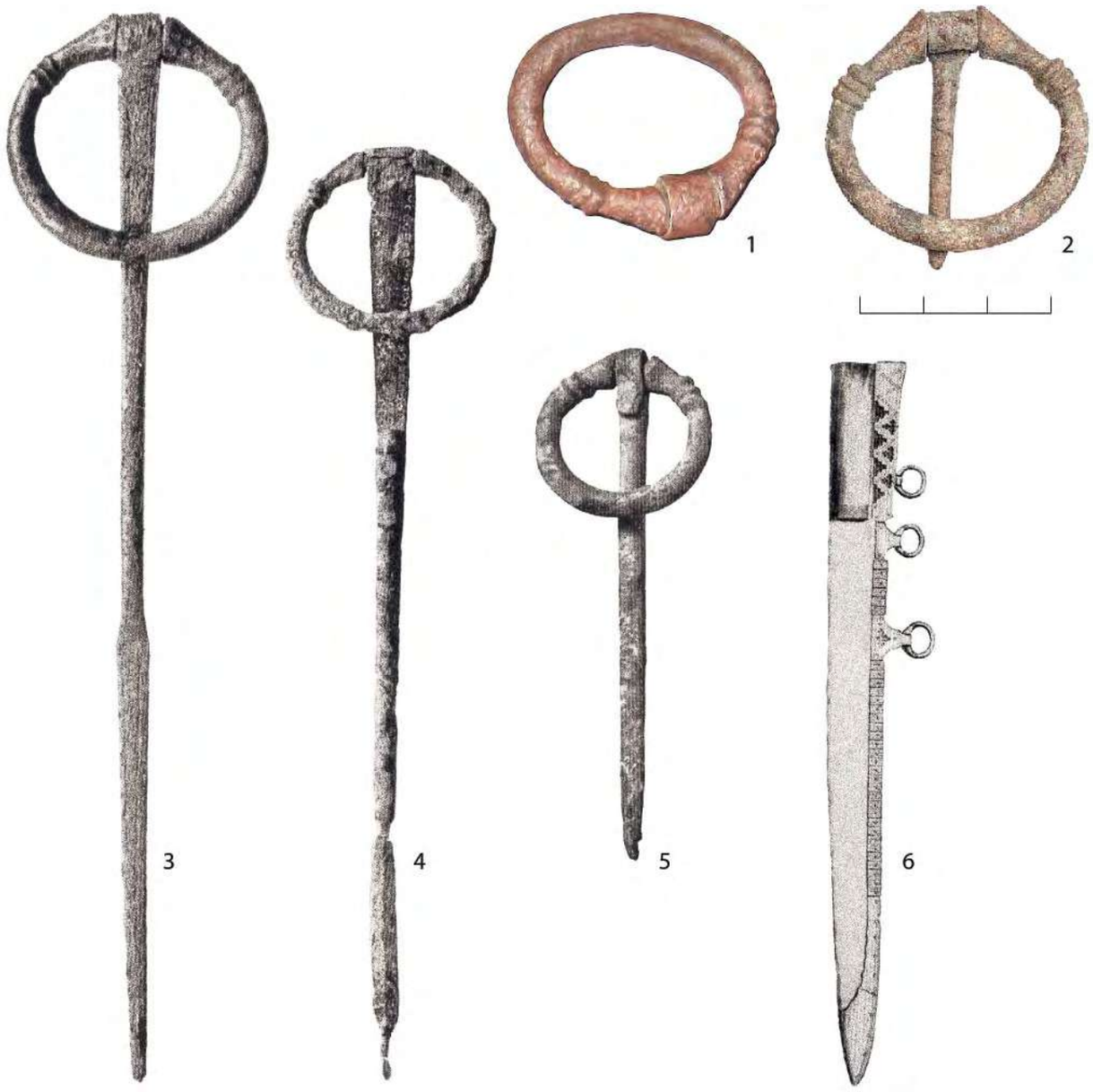


Рис. П.5.7. Фрагмент кольцевидной булавки (?) из Усвята (1) и некоторые аналогии в древностях Бирки. 2 — Бирка 1076; 3 — Бирка 1007; 4 — Бирка 832; 5 — Бирка 819; 6 — Бирка 581. 2 — фотография с сайта Исторического музея (Стокгольм); 3–6 — по Х. Арбману (Arbman 1940). 1, 3–6 — без масштаба

с птицей довольно лаконична и органична, то на усвятском наконечнике заметно стремление мастера заполнить циркульным орнаментом все свободное пространство рамки. При этом орнамент нанесен небрежно, ряды окружностей неровные и сбивчивые, на нижней части наконечника сильно спутанные. Необычна и центральная фигура – голова змеи (?). Отдельные головы животных или птиц характерны в качестве верхнего окончания рамки наконечников ножен, но не как центральная фигура.

Вероятность того, что на усвятском наконечнике изображена именно голова змеи, с нашей точки зрения, подтверждается некоторыми аналогиями, которые обнаруживаются среди скандинавского материала. Так, подвесные кольца ножен боевого ножа из погребения 944 могильника Бирки были оформлены в виде переплетенной змеи с вытянутой мордой. Глаза змеи обозначены полукружьями, расположенными на подтреугольных выступах. Тело змеи тоже украшено циркульным орнаментом (Arbman 1940: Taf. 6, *2a, 2d* (рис. П.5.5)). Более отдаленная аналогия – подвески в виде свернувшихся змей из погребений 632 и 844 того же могильника (Arbman 1940: Taf. 97, *28, 29*). Здесь головы змей изображены очень схематично, но так же выделяются вытянутые морды и округлые глаза.

Датировка наконечника ножен из Усвята затруднена из-за отсутствия аналогий и ввиду обстоятельств находки, лишивших его археологического контекста. Если учитывать датировки наконечников с изображением птицы, а также предметов со «змеиной» орнаментацией, то не вызывает сомнения датировка в рамках X в. (наиболее предпочтительна, с нашей точки зрения, вторая половина X в.).

Определяя место усвятского наконечника ножен среди древностей эпохи образования Древнерусского государства, стоит отметить, что изготовлен он в рамках скандинавской технологической традиции и, несомненно, относится к категории вещей, чье распространение связано со скандинавским присутствием. Но использование при изготовлении наконечника свинцовой латуни с низким содержанием цинка позволяет предполагать его местное, древнерусское, производство.[6] Литейный брак, нехарактерная плотность и путаность циркульного орнамента, нетипичный центральный «сюжет» наконечника – все это может свидетельствовать как о неопытности мастера, так и о поисках новых орнаментальных решений и сюжетов.

На одной из фотографий вещей, извлеченных из культурного слоя памятника, можно увидеть бронзовое сложнопрофилированное кольцо округлой формы с двумя тройными валиками (рис. 452: общая фотография; рис. П.5.7: 1). В нижней части кольца расположена свернутая полоска цветного металла. Подобные кольца известны среди североевропейских древностей. Они использовались в качестве элемента подвеса ножен боевых ножей и как кольца кольцевидных булавок.[7]

Кольца булавок по сравнению с подвесными кольцами больше по диаметру, а также в ряде случаев украшены циркульным орнаментом. Диаметр подвесных колец боевых ножей колебался от 23 до 27 мм (Бирка, Гнёздово, Тимерево). Диаметр колец булавок варьируется от 31 до 46 мм (Бирка, Гнёздово, Новоселки).[8]

К сожалению, измерить кольцо из Усвят невозможно. Учитывая размерные характеристики известных предметов, представленных на фотографии, диаметр кольца составлял 30 мм (или немногим более). Таким образом, наиболее вероятно, что кольцо было частью кольцевидной булавки.

На территории Древней Руси подобные булавки найдены в Гнёздовском могильнике и могильнике Новоселки. Погребения с кольцевидными булавками из могильника Новоселки В. С. Нефёдов относит к первой половине–середине X в. (Нефёдов 2001: 156).

---

[1] Место обнаружения предмета указано мне на местности находчиком С. Наконечник найден в ур. Юрьевы Горы примерно в 20–30 м к югу от западного мыса (Церковища). – *Примеч. И. И. Еремеева.*

[2] Пользуясь случаем, приношу сердечную благодарность Н. В. Ениосовой за ценные консультации и за обеспечение возможности проведения химического анализа наконечника.

[3] Исследования проводились на кафедре геохимии геологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Аналитик – кандидат геолого-минералогических наук Р. А. Митоян.

[4] К количественным результатам анализа химического состава покрытия надо относиться с определенной осторожностью. В процессе лужения происходит диффузия металла основы (медный сплав) и металла покрытия (сплав на основе олова). А так как в основном сплаве наконечника отмечалось высокое содержание свинца, его часть могла перейти в покрытие. Также на количественные показатели анализа могла повлиять коррозия поверхности наконечника.

[5] Либо каким-то другим абразивом.

[6] Местное производство скандинавских украшений зафиксировано в Гнёздове (Ениосова 2001а: 90–91).

[7] Кольцо из погребения 1076 могильника Бирки представляет собой рамку пряжки. Вероятнее всего, в данном случае мы сталкиваемся с вторичным использованием кольца булавки (Arbman 1940: Taf. 44, *6*).

[8] Учтены только булавки с тройными валиками на рамке.

Приложение 6

И. И. Еремеев. **Описи находок из раскопок и сборов на территории древнерусского Усвята**

Приложение 6.1

Опись переданных в ИИМК археологических находок (подъемного материала) из несанкционированных сборов в ур. Юрьевы Горы близ пос. Усвяты Псковской области до 2010 г.*

№	Предмет	Материал	Сохранность	Примечание
1	Фрагмент фибулы с гранчатой головкой, украшенной орнаментом «волчий зуб» и циркульным орнаментом	Сплав меди	Украшение разогнуто, отломана головка	Ювелирный лом
2	Фрагмент овальной скандинавской фибулы типа P 51	Сплав меди	Обломан[1]	Ювелирный лом
3	Лировидная поясная пряжка. Рамка орнаментирована двумя рядами перлов, разделенных валиком	Сплав меди	Штифт крепления ремня утрачен в процессе использования	Поверхность сильно стерта в результате ношения
4	Фрагмент скандинавской кольцевидной фибулы с длинной иглой типа P 227	Сплав меди	Нижняя часть кольца с «головой медведя» в стиле Борре	Грубая вторичная отливка (брак?) с плохо проработанными элементами орнаментации
5	Фрагмент держателя ремня уздечного набора скандинавского типа. Украшен орнаментом в раннем варианте стиля Борре	Сплав меди, амальгамное золочение		Изделие во вторичном использовании (превращено в подвеску). Имеются остатки приклепанного ушка
6	Браслет пластинчатый с сужающимися концами; с орнаментом «волчий зуб» из трех точек в треугольнике	Сплав меди	Сильно деформирован	
7	Пряжка миниатюрная трапециевидная салтовского типа с язычком	Сплав меди		
8	Фрагмент подковообразной фибулы (гранчатая головка, украшенная кружковым орнаментом)	Сплав меди		
9	Фрагмент неорнаментированной подковообразной фибулы с гранчатой головкой	Сплав меди		
10	Фрагмент неорнаментированной (?) подковообразной фибулы с гранчатой головкой	Сплав меди	Оплавлен, сильно корродирован	
11	Фрагмент крупной трапециевидной подвески с вогнутыми боками и пуансонным орнаментом. Украшена двойным валиком по краю и семью вертикальными рядами перлов по нижней кромке	Сплав меди		
12	Трапециевидная подвеска с пуансонным орнаментом в виде ряда косых крестов и двумя рядами перлов по нижней кромке	Сплав меди	Верхняя часть с ушком обломана	Ювелирный лом (?)
13	Фрагмент (головка) булавки скандинавского типа (?) с рельефными поясками	Сплав меди		
14	Фрагмент литого лунничного височного кольца с балясинкой (так называемого «нитранского типа»)	Свинцово-оловянистая бронза с высоким содержанием олова	Дужка утрачена	
15	Игольник (?) из тонкого листа с четырьмя отверстиями для петли	Сплав меди		Внутри обнаружены фрагменты органики
16	Фрагмент пластинчатого поясного крючка	Сплав меди		
17	Ювелирный слиток	Сплав меди		

* В шифрах случайных находок на иллюстрациях отражен номер находки по описи. Например: Оп. 52.

[1] Примечание «обломан» здесь и далее означает, что предмет сломан не в результате использования, а преднамеренно.

№	Предмет	Материал	Сохранность	Примечание
18	Фрагмент ювелирного слитка или массивного ладьевидного браслета	Сплав меди	Обломан	
19	Фрагмент ювелирного слитка	Сплав меди	Обломан	
20	Фрагмент слитка[2]	Сплав цинка		Предмет относится к новейшему времени
21	Четырехгранный стержень, сужающийся к одному концу	Сплав меди		Ювелирный лом
22	Подтреугольная пластина (ювелирный полуфабрикат)	Сплав меди	Обломана	
23	Пластина, сужающаяся к концам (ювелирный полуфабрикат)	Сплав меди		
24	Пластина, сужающаяся к концам (ювелирный полуфабрикат)	Сплав меди		
25	Изогнутый стержень, ромбический в сечении, сужающийся к одному концу (ювелирный полуфабрикат)	Сплав меди		
26	V-образный литок, отрубленный от отливок	Сплав меди		
27	Фрагмент пластинки с отверстием	Сплав меди		
28	Фрагмент выпуклого округлого изделия (овальной скандинавской фибулы?)	Сплав меди	Обломан и сильно оплавлен	Ювелирный лом (?)
29	Фрагмент спиралеконечной, трехгранной в сечении фибулы	Сплав меди		
30	Фибула подковообразная, спиралеконечная, с круглой в сечении дужкой и иглой	Сплав меди		
31	Пластинчатая поясная (?) обоймица	Сплав меди		
32	Фибула подковообразная с биконическими «маковидными» головками и круглой в сечении дужкой	Сплав меди	Игла утрачена	Без иглы
33	Пластинчатая четырехугольная накладка с рядами кружкового орнамента	Сплав меди	Сохранился угол накладки с отверстием	
34	Колечко, свернутое из неорнаментированной пластинки	Сплав меди		
35	Гирька весовая боченкообразная. Сбоку нанесены две крестовидные насечки и одна одинарная вертикальная между ними (в виде цифры XIX)	Сплав меди	Насечки нанесены рашпилем или напильником	Кратность отмечена на плоских гранях тремя глазками, заключенными в круговой поясок, нанесенный пуансоном
36	Гирька весовая 14-гранная	Сплав меди		
37	Гирька весовая 14-гранная	Сплав меди		
38	Гирька весовая 14-гранная	Сплав меди		
39	Гирька весовая 14-гранная	Сплав меди		
40	Гирька весовая 14-гранная	Сплав меди		
41	Гирька весовая 14-гранная	Сплав меди		
42	Гирька весовая 14-гранная	Сплав меди		
43	Гирька весовая 14-гранная	Сплав меди		
44	Гирька весовая 14-гранная	Сплав меди		
45	Гирька весовая 14-гранная	Сплав меди		
46	Гирька весовая 14-гранная	Сплав меди		
47	Гирька весовая 14-гранная	Сплав меди		
48	Фрагмент амулета-топорика орнаментированный	Сплав меди	Лезвие «топорика»	
49	Фрагмент амулета в виде ножа в ножнах	Сплав меди	Верхняя часть с отверстием для подвешивания	
50	Бубенчик крестопрорезной неорнаментированный	Сплав меди		

[2] Слиток отлит в двучастной форме. Металл белого цвета – цинк с небольшой примесью меди. Чистота сплава и высокое содержание цинка не позволяют его датировать ранее XIX в. – *Примеч. С. В. Хаврина (ГЭ).*

№	Предмет	Материал	Сохранность	Примечание
51	Бубенчик крестопрорезной орнаментированный	Сплав меди		
52	Фрагмент (верхняя часть) булавки прибалтийского типа с крестовидным навершием	Сплав меди, свинцово-оловянистое покрытие	Игла обломана	Ювелирный лом (?)
53	Фрагмент пластинчатого, со сглаженным ребром, орнаментированного браслета	Сплав меди		
54	Фрагмент пластинчатого «звериноголового» браслета прибалтийского типа	Сплав меди	Обломан, выпрямлен	Ювелирный лом
55	Фрагмент пластинчатого браслета с овальным завершением, украшенного растительным орнаментом	Сплав меди		
56	Фрагмент пластинчатого литого браслета, состоящего из трех продольных валиков – двух «шнуровых» (по краям) и простого в центре	Сплав меди		
57	Поясной наконечник коробчатой формы, неорнаментированный, с тремя шпеньками для крепления к основе. Верхний край имеет подтреугольный вырез	Сплав меди, свинцово-оловянистое покрытие	Нижний край утрачен	
58	Поясной наконечник с растительным орнаментом, с двумя шпеньками для крепления к основе	Сплав меди		
59	Поясная накладка орнаментированная с четырьмя шпеньками для крепления к основе. Подквадратная с округлыми выступами по бокам	Сплав меди		
60	Поясная накладка орнаментированная с четырьмя шпеньками для крепления к основе	Сплав меди		
61	Поясная накладка в виде геральдического щитка с растительным орнаментом. С одним шпеньком и шайбой для крепления к основе	Сплав меди		
62	Поясная накладка сердцевидной формы с растительным орнаментом. На оборотной стороне – три шпенька для крепления к основе	Сплав меди		
63	Поясная накладка с орнаментом в виде двух наложенных друг на друга крестов, прямого и косого. С четырьмя шпеньками для крепления к основе	Сплав меди		
64	Массивный ременной наконечник в форме трилистника, с заклепкой	Сплав меди, свинцово-оловянистое покрытие		
65	Пуговица-розетка, декорированная белой и серо-желтой эмалью	Сплав меди, стекловидная масса	Петелька ушка наполовину утрачена	
66	Декоративный гвоздик (?) с полусферической, уплощенной в верхней части полой шляпкой	Сплав меди		
67	Крестовидная матрица (?) из пяти слитых воедино бляшек-розеток	Сплав меди		
68	Фрагмент рамки поясной (лировидной?) пряжки	Сплав меди		
69	Поясная лировидная пряжка без выделенного приемника для ремня. Внешняя часть рамки орнаментирована	Сплав меди	Рамка разломана надвое	

№	Предмет	Материал	Сохранность	Примечание
70	Поясная лировидная пряжка без выделенного приемника для ремня. Внешняя часть рамки орнаментирована	Сплав меди		Сохранился обломок язычка
71	Поясная лировидная пряжка без выделенного приемника для ремня. Внешняя часть рамки орнаментирована	Сплав меди, инкрустация металлом черного цвета (свинцом или свинцово-оловянистым сплавом ?)		
72	Поясная лировидная пряжка с «лилиевидным» завершением рамки и выделенным прямоугольным приемником для ремня	Сплав меди		
73	Поясная лировидная пряжка с орнаментом, подражающим «лилиевидному» завершению рамки, и выделенным прямоугольным приемником для ремня	Сплав меди		
74	Миниатюрная поясная пряжка с сердцевидной рамкой и выделенным трапециевидным приемником для ремня	Сплав меди	Сохранился язычок	Судя по сохранности заусенцев и следов холодной обработки, пряжка не была в использовании
75	Миниатюрная пряжка с полукруглой рамкой	Сплав меди	Сохранился язычок	
76	Миниатюрная сердцевидная пряжка	Сплав меди	Сохранился язычок	
77	Пряжка кольцевидная украшенная насечкой	Сплав меди	Сохранился язычок	
78	Кольцо из фрагмента пластинчатого браслета с чеканным орнаментом	Сплав меди		Вторичное использование или ювелирный лом
79	Пуговица орнаментированная с перехватом на шейке	Сплав меди		
80	Пуговица орнаментированная	Сплав меди		
81	Пуговица орнаментированная	Сплав меди		
82	Перстень литой с ложновитым орнаментом	Сплав меди		
83	Перстень литой с ложновитым орнаментом	Сплав меди		
84	Перстень литой с ложновитым орнаментом	Сплав меди		
85	Перстень литой с овальным щитком, неорнаментированный	Сплав меди		
86	Перстень литой с овальным щитком, неорнаментированный	Сплав меди		
87	Перстень с овальным щитком, орнаментированным зигзагообразной гравировкой	Сплав меди		
88	Щиток от перстня с орнаментом (двуглавый орел?)	Сплав меди		
89	Фрагмент витого браслета	Черное стекло		
90	Трапециевидная подвеска с тисненым рельефным бортиком	Сплав меди	Верхняя часть и нижний край утрачены	
91	Фрагмент пластинки (браслета ?) с орнаментом типа «волчий зуб»	Сплав меди		
92	Фрагмент пластинчатого браслета с орнаментом, нанесенным луновидным пуансоном с поперечными насечками	Сплав меди		
93	Фрагмент пластинчатого браслета с зигзагообразным орнаментом по краям	Сплав меди		

№	Предмет	Материал	Сохранность	Примечание
94	Фрагмент (край венчика) крупного сосуда (?)	Сплав меди		Ювелирный лом
95	Игла от подковообразной фибулы, круглая в сечении	Сплав меди	Кольцо утрачено	
96	Фрагмент литой массивной пластины (ювелирный лом)	Сплав меди		
97	Фрагмент браслета (?) из круглого в сечении дрота, сужающегося к концу	Сплав меди		
98	Фрагмент пластинчатого неорнаментированного (?) браслета (?) с округлым завершением	Сплав меди		
99	Неорнаментированная пластинка	Сплав меди		
100	Треугольный обрезок листа толщиной около 1 мм	Сплав меди		Ювелирный лом
101	Фрагмент бубенчика (верхняя часть с ушком)	Сплав меди		
102	Бубенчик крестопрорезной с орнаментом	Сплав меди	Сильно поврежден (раздавлен)	
103	Крестик нательный с расширенными округлыми лопастями	Сплав меди	Изображение затерто	
104	Крестик нательный	Сплав меди	Ушко утрачено	
105[3]	Печать. *Av*: поясное изображение Богоматери Знамение, ободок точечный; *Rv*: следы пятистрочной надписи, ободок точечный. Нифонт (?), еп. новгородский (1131–1156 гг.)	Свинец	Поверхности обеих сторон сильно стерты, сломана по каналу	Размер: 17–20 мм Вес: 9,30 г[4] Литература: Янин 1970: 176, № 54
106	Печать. *Av*: изображение святого воина (св. Георгий?) в рост, в правой руке копье, левой рукой опирается о щит, над левым плечом фрагмент надписи; *Rv*: изображение святого воина (св. Федора?) в рост, в правой руке копье (?), левой рукой опирается о щит. XII в.*	Свинец	Поверхности обеих сторон сильно стерты, трещина по каналу	Размер: 17–20 мм Вес: 6,09 г Литература (возможно): Янин 1970: 198, № 157
107	Печать. *Av*: поясное изображение Богоматери Оранта, следы точечного ободка; *Rv*: фрагменты многострочной надписи (?), следы точечного ободка. XII–XIII вв.	Свинец	Поверхности обеих сторон сильно стерты, трещина по каналу	Размер: 19–24 мм Вес: 4,58 г
108	Печать. *Av*: изображение архангела в рост; *Rv*: изображение святого воина, вынимающего меч из ножен (?). XII–XIII вв.	Свинец	Поверхности обеих сторон сильно стерты, пробито отверстие	Размер: 15–19 мм Вес: 3,38 г
109	Печать (?) или крупная пломба (?). *Av*: буква Л с перекладиной на вершине или буквообразный знак; *Rv*: буква Ж. XII–XIII вв. (?)	Свинец	Хорошая	Размер: 17 мм Вес: 4,93 г
110	Пломба (?). *Av*: знак в форме трезубца, ободок точечный; *Rv*: знак в форме двузубца, ободок точечный. XII–XIII вв.	Свинец	Хорошая	Размер: 12–15 мм Вес: 2,14 г Оттиск перпендикулярно каналу. Матрицы оттиснулись не полностью – большая часть оттиска осталась за пределами заготовки
111	Пломба. Оттиснута теми же матрицами, что и № 110. XII–XIII вв.	Свинец	Хорошая	Размер: 11–12 мм Вес: 2,28 г Оттиск перпендикулярно каналу. Матрицы оттиснулись не полностью – большая часть оттиска осталась за пределами заготовки

[3] Сфрагистический материал описан С. В. Белецким. Некоторые корректировки внесены после консультации с П. Г. Гайдуковым.
[4] Взвешено на электронных весах Miniscale, модель E-68. Точность взвешивания – до 0,01 г.
* По П. Г. Гайдукову: кн. Святополк Мстиславич (1142–1148 гг.) (Янин, Гайдуков 1998: № 145).

№	Предмет	Материал	Сохранность	Примечание
112	Пломба. *Av*: погрудное изображение святого, ободок точечный; *Rv*: знак (?). XII–XIII вв.	Свинец	Хорошая	Размер: 9–12 мм Вес: 2,56 г Оттиск перпендикулярно каналу. Заготовка составная
113	Пломба. *Av*: изображение процветшего четырехконечного креста, ободок линейный; *Rv*: оплечное изображение бородатого святого, ободок линейный. XII–XIII вв.	Свинец	Хорошая	Размер: 9–11 мм Вес: 2,40 г
114	Пломба. *Av*: знак в форме четырехконечного креста, опирающегося на кружок (в типе «державы»), завершение мачты осталось за пределами заготовки; *Rv*: неясное изображение. XII–XIII вв. (?)	Свинец	На *Rv* следы механического повреждения (?)	Размер: 9–15 мм Вес: 1,88 г Оттиск перпендикулярно каналу. Если мачта креста на *Av* имела стреловидное завершение, то знак аналогичен польскому гербу Okun (Paszkiewicz, Kulczycki 1990: Tabl. LVIII)
115	Пломба. *Av*: буква Л с перекладиной на вершине или буквообразный знак; *Rv*: знак в форме буквы И с перекрестием на левой мачте. XII–XIII вв. (?)	Свинец	Хорошая	Размер: 12–14 мм Вес: 2,80 г Оттиск перпендикулярно каналу
116	Пломба. *Av*: знак в форме двузубца, ножка в форме кружка; *Rv*: изображение святого в рост, правая рука в жесте благословения (?). XII–XIII вв.	Свинец	Поверхности обеих сторон сильно стерты	Размер: 8–9 мм Вес: 1,04 г Матрицы оттиснулись не полностью – большая часть оттиска осталась за пределами заготовки
117	Печать. *Av*: шестиконечный крест, ободок точечный; *Rv*: погрудное изображение молодого святого в точечном нимбе, ободок точечный (?). XII–XIII вв.	Свинец	Хорошая	Размер: 12–15 мм Вес: 2,09 г Оттиск почти перпендикулярно каналу
118	Фрагмент семилопастного височного кольца вятичского типа	Сплав меди, свинцово-оловянистое покрытие	Обломан	Ювелирный лом
119[5]	Фоллис. Византия. Последняя четверть IX–третья четверть X в.	Сплав меди	$^2/_3$ экз.	
120	Анонимный фоллис. Византия. Класс AII. *Av*: Христос, погрудное изображение; *Rv*: четырехстрочная надпись «Иисус Христос царь царей». Ок. 976–1030 гг.	Сплав меди		
121[6]	Фрагмент куфической монеты. Саманиды, Ахмад ибн Исма'ил (907–914 гг.). аш-Шаш, 298 г. х. / 910–911 г.	Белый металл	$^2/_3$ экз.	
122	Фрагмент куфической монеты. 'Аббасиды, ал-Амин (809–813 гг.). Мадинат ас-Салам, 194 г. х. / 809–810 г.	Белый металл	$^2/_3$ экз.	
123	Фрагмент куфической монеты. Саманиды, Нух ибн Наср (943–954 гг.)	Белый металл	½ экз.	
124	Фрагмент куфической монеты. Саманиды, Наср ибн Ахмад (914–943 гг.). аш-Шаш, 321 г. х. / 933 г.	Белый металл	ок. ½ экз.	
125	Фрагмент куфической монеты. Саманиды, Наср ибн Ахмад (914–943 гг.)	Белый металл	ок. ½ экз.	
126	Фрагмент куфической монеты. 'Аббасиды, ар-Рашид (786–809 гг.). Мадинат ас-Салам, 189 г. х. / 804–805 г.	Белый металл	½ экз.	
127	Фрагмент куфической монеты. Саманиды, имя правителя и место чеканки обрезаны	Белый металл	½ экз.	

[5] Византийские монеты определены В. В. Гурулевой (ГЭ).
[6] Куфические монеты определены Вяч. С. Кулешовым (ГЭ). Развернутые нумизматические описания и комментарий см. в Приложении 3.

№	Предмет	Материал	Сохранность	Примечание
128	Фрагмент монеты-подражания куфическому дирхаму	Белый металл	½ экз.	
129	Фрагмент куфической монеты. ʻАббасиды, ал-Муктадир би-ллах (847–861 гг.)	Белый металл	$^1/_3$ экз.	
130	Фрагмент куфической монеты. ʻАббасиды, ал-Мутаваккил ʻала-ллах (847–861 гг.)	Белый металл	ок. $^1/_3$ экз.	
131	Фрагмент куфической монеты. ʻАббасиды, ал-Ма'мун (813–833 гг.). ал-Мухаммадийа	Белый металл	½ экз.	
132	Фрагмент куфической монеты. ʻАббасиды, ар-Рашид (786–809 гг.)	Белый металл	ок. $^2/_3$ экз.	
133	Фрагмент куфической монеты. ʻАббасиды, ал-Ма'мун (?) (813–833 гг.). ал-Куфа	Белый металл	ок. $^2/_3$ экз.	
134	Фрагмент куфической монеты. Саманиды, Исмаʻил ибн Ахмад (892–907 гг.)	Белый металл	ок. $^2/_5$ экз.	
135	Фрагмент куфической монеты. ʻАббасиды, ал-Ма'мун (813–833 гг.)	Белый металл	ок. ¼ экз.	
136	Фрагмент куфической монеты. Саманиды, Нух ибн Наср (943–954 гг.)	Белый металл	ок. $^1/_3$ экз.	
137	Фрагмент куфической монеты. ʻАббасиды, ал-Махди (775–785 гг.). Мадинат ас-Салам, 161 г. х. / 777–778 г.	Белый металл	ок. $^1/_5$ экз.	
138	Фрагмент куфической монеты. ʻАббасиды, ар-Рашид (786–809 гг.). ал-Мухаммадийа	Белый металл	ок. $^1/_{10}$ экз.	
139	Миниатюрный ювелирный слиточек	Серебро		
140	Поясная накладка крестовидная со шпеньком для крепления к основе	Сплав меди, инкрустация свинцово-оловянистыми (?) вставками		
141	Пуговица орнаментированная	Белый металл		Возможно, датируется новым временем
142	Головка гривны (?)	Серебро, орнамент выполнен чернью		На обратной стороне сохранился фрагмент припаянной дужки
143	Щиток от перстня (?) или головка гривны	Белый металл		
144	Поясная пряжка с удлиненной, округлой с внешней стороны рамкой. Верхняя кромка рамки и язычок украшены насечкой	Сплав меди, свинцово-оловянистое покрытие		Найдена И. И. Еремеевым при осмотре ур. Юрьевы Горы 02.06.2010
145	Фрагмент стенки лепного сосуда	Глина		Найден И. И. Еремеевым при осмотре ур. Юрьевы Горы 02.06.2010 на площадке восточного мыса поселения

Приложение 6.2

Описи археологических находок из раскопок ИИМК РАН в 2010 г. в ур. Юрьевы Горы близ пос. Усвяты Псковской области

Раскоп 1 (2010 г.)
Полевая опись № 1 (индивидуальные находки, зафиксированные in situ)*

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки (x–y–z), м[7]	Контекст	Примечания
1	Гвоздя кованого фрагмент	А-2	0,28 – 1,46 – (-0,40)	Пахота	
2	Шила кованого фрагмент	Б-2	1,96 – 0,53– (-0,410)	Пахота	
3	Лезвия топора фрагмент (?)	Б-1	0,15 – 0,42 – (-0,584)	Пахота	
4	Предмет железный	Б-1	1,16 – 0,26 – (-0,606)	Пахота	
5	Шила кованого фрагмент	А-2	1,06 – 1,20 – (-0,449)	Пахота	
6	Тигля ювелирного фрагмент (донце)	Б-2	0, 40 – 1,49 – (-0,65)	Пахота	
7	Бубенчика крестопрорезного бронзового фрагмент	Б-2	0,50 – 1,81 – (-0,626)	Пахота	
8	Нож железный	А-2	1,72 – 1,10 – (-0,574)	Пахота	
–	–	–	–	–	
10	Предмет железный	А-1	1,42 – 1,68 – (-0,669)	Пахота	
11	Тигля ювелирного фрагмент	А-2	0,63 – 1,42 – (-0,619)	Пахота	
12	Тигля ювелирного фрагмент	А-2	1,60 – 1,18 – (-0,631)	Пахота	
13	Тигля ювелирного фрагмент	Б-2	0,68 – 1,06 – (-0,648)	Пахота	
14	Тигля ювелирного фрагмент	А-1	1,82 – 1,90 – (-0,741)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
15	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,28 – 1,85 – (-0,747)	Культурный слой	Темно-серая супесь
16	Тигля ювелирного фрагмент	Б-2	1,85 – 0,97 – (-0,774)	Культурный слой	Темно-серая супесь
17	Тигля ювелирного фрагмент	А-2	1,75 – 0,02 – (-0,755)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
18	Тигля ювелирного фрагмент	А-1	1,91 – 1,82 – (-0,768)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
19	Капля медного сплава	А-1	1,97 – 1,78 – (-0,711)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
20	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,87 – 1,60 – (-0,689)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
21	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,82 – 1,57 – (-0,707)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
22	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,72 – 1,58 – (-0,722)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
23	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,80 – 1,58 – (-0,729)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
24	Огниво кремневое	Б-1	1,85 – 1,75 – (-0,712)	-	Темно-серая супесь
25	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,90 – 1,81 – (-0,748)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
26	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,87 – 1,67 – (-0,766)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
27	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,85 – 1,70 – (-0,775)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
28	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,92 – 1,83 – (-0,746)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
29	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,44 – 1,92 – (-0,860)	-	Темно-серая супесь
30	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,49 – 1,57 – (-0,799)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
31	Фрагмент гончарного сосуда (2 экз.)			Комплекс II	Темно-серая супесь
32	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,85 – 1,77 – (-0,851)	Комплекс III, пласт 2	Темно-серая супесь
33	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,62 – 1,83 – (-0,81)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
34	Тигля ювелирного фрагмент	А-2	0,00 – 0,08 – (-0,815)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
35	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,91 – 1,87 – (-0,815)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
36	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	1,86 – 1,90 – (-0,856)	Комплекс III, пласт 1	Темно-серая супесь
37	Пряслица глиняного биконического фрагмент	Б-1	1,44 – 1,56 – (-0,870)	Комплекс III, пласт 3	Темно-серая супесь

Раскоп 1 (2010 г.)
Полевая опись № 2 (находки, зафиксированные по квадратам)

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст
1	Тигля ювелирного фрагмент	Б-2	Пахота
2	Тигля ювелирного фрагмент	Б-2	Пахота

* В шифрах находок 2010 г. на иллюстрациях отражен номер описи и номер находки. Например: Оп-1 (82).

[7] Координаты находок на раскопе 1 даны по юго-западному углу квадрата 2 × 2 м. Высота находок дается от условного нуля, к которому привязана вся система высот археологического комплекса в ур. Юрьевы Горы (рис. 42).

Раскоп 1 (2010 г.)
Полевая опись № 3 (массовые находки, зафиксированные in situ)

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки, м	Контекст
1	Шлак железный	Б-1	0,10 – 1,18 – (-0,482)	Пахота
2	Шлак железный	А-1	0,88 – 0,20 – (-0,513)	Пахота
3	Шлак железный	А-2	0,50 – 1,65 – (-0,532)	Пахота
4	Шлак железный	Б-1	1,53 – 1,95 – (-0,487)	Пахота
5	Шлак железный	А-1	1,72 – 0,10 – (-0,668)	Пахота
6	Шлак железный	Б-2	1,27 – 0,75 – (-0,578)	Пахота
7	Шлак железный	А-2	1,86 – 1,70 – (-0,668)	Пахота

Раскоп 2 (2010 г.)
Полевая опись № 1 (индивидуальные находки, зафиксированные in situ)

№[8]	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки, м[9]	Контекст	Примечания
38	Шила кованого фрагмент	В-2	-172,367 – 225,890 – 0,427	Пахота	
39	Шила кованого фрагмент	Г-1	-174,087 – 227,297 – 0,359	Пахота	
40	Ножа железного фрагмент	Г-2	-171,840 – 227,396 – 0,388	Пахота	
41	Изделия железного фрагмент	Г-1	-173,352 – 226,634 – 0,428	Пахота	
42	Огниво кремневое	Г-2	-171,870 – 226,915 – 0,427	Пахота	
43	Ножа железного фрагмент	В-2	-172 – 225,464 – 0,435	Пахота	
44	Ножа железного фрагмент	В-1	-174,270 – 225,125 – 0,417	Пахота	
45	Огниво кремневое	Г-2	-172,506 – 226,014 – 0,414	Пахота	
46	Шила железного фрагмент	В-1	-173,568 – 224,950 – 0,424	Пахота	
47	Скобы железной фрагмент	В-1	-173,969 – 224,648 – 0,406	Пахота	
48	Пластинка бронзовая	Г-1	-172,793 – 227,460 – 0,350	Пахота	
49	Пластинка железная	В-2	-171,956 – 224,506 – 0,343	Пахота	
50	Изделия железного фрагмент	Г-1	-174,271 – 226,568 – 0,216	Пахота	
51	Грузик рыболовный глиняный	В-2	-172,047 – 225,341 – 0,352	Пахота	
52	Пряжка железная (подпружная?)	В-2	-172,141 – 224,639 – 0,171	Пахота	
53	Ножа железного фрагмент	В-1	-173,968 – 225,937 – 0,190	Пахота, граница с культурным слоем	
54	Косы железной фрагмент	Г-2	-172,356 – 226,479 – 0,224	Пахота	
55	Пластинка железная	Г-2	-172,080 – 227,350 – 0,302	Пахота	
56	Гвоздь железный с отломанным острием	Г-2	-172,646 – 226,757 – 0,234	Пахота, граница с культурным слоем	
57	Кремневая пластина со следами сработанности	В-1	-174,317 – 224,736 – 0,369	Пахота	
58	Бусина зонная синяя	В-2	-171,944 – 225,604 – 0,289	Пахота, граница с культурным слоем	
59	Скоба железная	Г-2	-172,181 – 226,072 – 0,322	Пахота, граница с культурным слоем	
60	Огниво кремневое	В-2	-170,966 – 224,237 – 0,228	Пласт 1	
61	Нож железный	В-2	-171,099 – 225,049 – 0,241	Пласт 1	
62	Железный предмет	В-2	-171,161 – 224,95 – 0,232	Пласт 1	
63	Железный предмет	В-2	-171,140 – 225,201 – 0,242	Пласт 1	
64	Железный предмет (фрагмент наконечника дротика?)	В-2	-171,422 – 224,797 – 0,206	Пласт 1	Прикипевшие остатки дерева

[8] Нумерация находок продолжает последовательность описи № 1 раскопа 1 (2010 г.).
[9] Координаты находок на раскопе 2 даются от условного репера, к которому привязана вся система координат археологического комплекса в ур. Юрьевы Горы (рис. 42).

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки, м	Контекст	Примечания
65	Железный предмет	В-2	-171,068 – 225,643 – 0,255	Пласт 1	
66	Ножи железные (3 экз. в связке)	В-2	-170,975 – 225,499 – 0,27	Пласт 1	Постройка 1
67	Предмет железный	В-2	-171,071 – 225,772 – 0,249	Пласт 1	
68	Перстень бронзовый с нарезным орнаментом	В-1	-173,873 – 224,028 – 0,161	Пласт 1	
69	Предмет железный	В-1	-174,354 – 224,198 – 0,061	Пласт 1	
70	Скребок кремневый	В-2	-172,505 – 224,651 – 0,207	Пласт 1	
71	Предмет железный	В-2	-172,505 – 224,651 – 0,207	Пласт 2	Постройка 1
72	Скребок кремневый	В-2	-172,136 – 224,144 – 0,177	Пласт 2	Постройка 1
73	Овальное кресало железное	В-2	-172,300 – 225,740 – 0,176	Пласт 2	Постройка 1
74	Бусина стеклянная зонная синяя	Г-1	-173,840 – 227,123 – 0,102	Пласт 2	Постройка 1
75	Оселок каменный	В-2	-171,564 – 224,268 – 0,118	Пласт 2	Постройка 1
76	Скребок кремневый	В-2	-171,386 – 224,644 – 0,133	Пласт 2	Постройка 1
77	Скребок кремневый	В-2	-171,065 – 224,606 – 0,148	Пласт 2	Постройка 1
78	Ключ железный	Г-1	-174,535 – 227,406 – 0,018	Пласт 2	
79	Фрагмент венчика гончарного сосуда с прикипевшей каплей бронзы	В-2	-172,908 – 224,145 – 0,038	Пласт 2	Постройка 1
80	Ножа железного фрагмент	В-2	-171,516 – 225,243 – 0,146	Пласт 2	Постройка 1
81	Бусина стеклянная	В-2	-171,582 – 225,095 – 0,137	Пласт 2	Постройка 1
82	Ножа железного фрагмент	Г-2	-172,108 – 226,008 – 0,190	Пласт 2	Постройка 1
83	Ножа железного фрагмент	В-2	-170,974 – 225,335 – 0,162	Пласт 2	Постройка 1
84	Железный предмет (фрагмент наконечника стрелы?)	В-2	-171,408 – 225,480 – 0,076	Пласт 2	Постройка 1
85	Трубочка костяная	Г-2	-171,754 – 226,266 – 0,061	Пласт 2	Постройка 1
86	Фрагмент держателя ремня железный	В-2	-171,623 – 225,943 – 0,140	Пласт 2	Постройка 1
87	Язычок пряжки железный	В-2	-172,415 – 224,083 – 0,161	Пласт 2	Постройка 1
88	Рыболовный крючок железный	В-2	-171,877 – 224,887 – 0,129	Пласт 2	Постройка 1
89	Железный предмет	В-2	-172,042 – 225,632 – 0,130	Пласт 2	Постройка 1
90	Пронизка желтая лимоновидная одинарная	Г-2	-171,577 – 225,797 – 0,100	Пласт 2	Постройка 1
91	Гвоздя железного кованого фрагмент	Г-1	-174,381 – 227,339 – 0,015	Пласт 3	Постройка 1
92	Браслета стеклянного витого фрагмент	Г-1		Пласт 3	
93	Пронизка желтая лимоновидная одинарная	Г-1	-174,445 – 227,184 – 0,017	Пласт 3	
94	Четырехлопастной наконечник стрелы	В-2	-171,763 – 225,591 – 0,156	Пласт 2	Постройка 1
95	Железный предмет (фрагмент удил?)	В-1	-174,365 – 225,869 – (-0,075)	Пласт 3	
96	Железной пластинки (косы?) фрагмент	Г-2	-172,006 – 226,215 – 0,033	Пласт 3	Постройка 1
97	Предмет железный	Г-2	-171,870 – 226,321 – 0,033	Пласт 3	Постройка 1
98	Браслета стеклянного витого фрагмент	В-2	-171,300 – 224,562 – 0,079	Пласт 3	Постройка 1
99	Железный предмет	В-2	-172,307 – 224,522 – 0,109	Пласт 3	Постройка 1
100	Железный предмет	В-2	-171,576 – 225,291 – 0,037	Пласт 3	Постройка 1
101	Обломок железного клинка	Г-2	-171,765 – 226,262 – 0,020	Пласт 3	Постройка 1
102	Железный предмет	В-2	-172,400 – 224,440 – 0,050	Пласт 3	Постройка 1
103	Проколка костяная	В-2	-171,039 – 224,869 – 0,094	Пласт 3	Постройка 1
104	Шлак железный	Г-2	-171,669 – 226,285 – 0,018	Пласт 3	Постройка 1
105	Кольцо железное	В-2	-171,939 – 224,318 – 0,088	Пласт 3	Постройка 1

Приложение 6.3

Описи археологических находок из раскопок ИИМК РАН в 2013 г. в ур. Юрьевы Горы близ пос. Усвяты Псковской области*

Раскоп 1 (2013 г.)
Опись № 1 (находки, зафиксированные in situ)

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки (x–y–z), м[10]	Контекст	Примечания
1	Резец-ложкарь железный	В-3	60 – 85 – (-10)	Пахота	
2	Гвоздь железный	В-2	42 – 135 – (-23)	Пахота	
3	Подвески трапециевидной из медного сплава фрагмент	В-3	113 – 194 – (-29)	Поверхность культурного слоя	
4	Пряслица биконического глиняного фрагмент	В-3	114 – 97 – (-30)	Поверхность культурного слоя	
5	Пряжки (?) железной фрагмент	Б-3	139 – 176 – (-35)	Поверхность культурного слоя	
6	Пластинка из медного сплава	В-3	185 – 127 – (-36)	Культурный слой. Пласт 1	Согнута пополам
7	Ножа железного черенок	В-3	157– 65 – (-31)	Культурный слой. Пласт 1	
8	Пряслица глиняного фрагмент	В-3	48 – 125 – (-45)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 1	
9	Тигля ювелирного фрагмент	В-3	149 – 45 – (-45)	Комплекс VI. Заполнение, пласт 1	
10	Тигля ювелирного фрагмент (донце)	В-1	187 – 36 – (-30)	Культурный слой. Пласт 1	
11	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	188 – 35 – (-26)	Культурный слой. Пласт 1	
12	Лепного сосуда фрагмент (венчик)	А-3	79 – 83 – (-34)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	
13	Лепного сосуда фрагмент (венчик)	В-3	180 – 78 – (-41)	Комплекс VI. Заполнение, пласт 1	
14	Лепного сосуда фрагмент (венчик)	А-3	153 – 105 – (-38)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	
15	Лепного сосуда развал (4 фрагмента)	В-3	200 – 135 – (-53)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	
16	Пряслице биконическое шиферное	В-3	30 – 120 – (-64)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 3	Верхняя часть нижней углистой прослойки (второй пожар)
17	Нож железный	В-2	0 – 173 – (-39)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 1	Верхний углистый слой (первый пожар)
18	Пряслице биконическое глиняное	В-3	2 – 84 – (-77)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 4	Нижний углистый слой (второй пожар)
19	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	35 – 165 – (-29)	Комплекс V. Заполнение, пласт 1	
20	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	35 – 146 – (-38)	Комплекс V. Заполнение, пласт 1	
21	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	32 – 150 – (-39)	Комплекс V. Заполнение, пласт 1	
22	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	42 – 142 – (-39)	Комплекс V. Заполнение, пласт 1	
23	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	36 – 152 – (-38)	Комплекс V. Заполнение, пласт 1	
24	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	38 – 138 – (-39)	Комплекс V. Заполнение, пласт 1	
25	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	27 – 145 – (-39)	Комплекс V. Заполнение, пласт 1	
26	Лепного сосуда развал	В-2		Яма № 4. Заполнение	

* В шифрах находок 2013 г. на иллюстрациях отражены: место раскопок (Юрьевы Горы – ЮГ), год раскопок (13), номер раскопа римскими цифрами (I или II), номер описи (1 или 2) и номер находки. Например: ЮГ – 13–Р – II – Оп-1 (191).

[10] Координаты находок на раскопе 1 даны по юго-западному углу квадрата 2 × 2 м. Высота находок дается от репера № 5 (R5).

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки (x–y–z), м	Контекст	Примечания
27	Пластина железная с крючком	Б-3	35 – 27 – (-44)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 1	
28	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	28 – 138 – (-38)	Комплекс V. Заполнение, пласт 1	
29	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	39 – 148 – (-39)	Комплекс V. Заполнение, пласт 1	
30	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	157 – 0 – 16	Пахота	
31	Шлак	В-1	200 – 55 – 6	Пахота	
32	Тигля ювелирного фрагмент	Б-3	197 – 103 – (-56)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	
33	Тигля ювелирного фрагмент	Б-3	170 – 50 – (-53)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	
34	Тигля ювелирного фрагмент	В-3	155 – 30 – (-36)	Комплекс VI. Заполнение, пласт 1	
35	Шлак железный	А-3	143 – 200 – (-70)	Яма № 7а. Заполнение	
36	Пластина железная	Б-3	190 – 75 – (-60)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 3	Верхняя углистая прослойка
37	Подвеска трапециевидная из медного сплава	А-3	162 – 80 – (-77)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 3	Украшена тисненым орнаментом
38	Пряслица глиняного фрагмент	А-3	150 – 125 – (-71)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 3	
39	Кремень кресальный	Б-3	195 – 75 – (-74)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 4	
40	Тигля ювелирного фрагмент	А-3	150 – 50 – (-55)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 3	
41	Лепного сосуда фрагменты	А-3	180 – 102 – (-52)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	
42	Лепного сосуда фрагменты	В-3	200 – 160 – (-57)	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	

Раскоп 1 (2013 г.)
Опись № 2 (находки, обнаруженные при промывке культурного слоя)

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
1	Картечь (?) железная	В-3	Пахота	
2	Пронизка четырехчастная синего стекла	В-3	Пахота	
3	Браслета (?) звериноголового из медного сплава фрагмент	В-3	Пахота	Отливка в одночастную открытую форму
4	Пронизка рубчатая синего стекла	В-3	Пахота	
5	Гвоздь кованый железный	Б-3	Пахота	
6	Шило железное	Б-3	Пахота	
7	Предмета железного фрагмент	Б-3	Пахота	
8	Пронизки лимоновидной трехчастной желтого стекла фрагмент	Б-3	Пахота	
9	Пронизка циллиндрическая из проволоки медного сплава	Б-3	Пахота	2 экз.
10	Бусина цилиндрическая синего стекла с широким отверстием	Б-3	Пахота	
11	Накладка (?) железная в форме геральдического щитка	В-1	Пахота	
12	Пронизка лимоновидная одинарная желтого стекла	А-3	Пахота	
13	Пронизка лимоновидная двучастная синего стекла	А-3	Пахота	
14	Пронизка лимоновидная одинарная желтого стекла	А-3	Пахота	
15	Пряслице шиферное	В-1	Пахота	
16	Пронизка цилиндрическая красная пастовая (?)	А-3	Пахота	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
17	Пронизка лимоновидная двучастная желтого стекла	В-3	Зачистка поверхности культурного слоя	
18	Стержень железный	В-3	Зачистка поверхности культурного слоя	
19	Стержень железный, квадратный в сечении (2 фрагмента)	В-3	Пахота	
20	Предмета железного фрагмент	В-1	Пахота	
21	Гвоздик железный	В-1	Пахота	
22	Нож железный	Б-3	Пахота	
23	Пластинка железная	В-2	Пахота	
24	Бисерина рубленая синяя	В-2	Пахота	
25	Предмета железного фрагмент	В-2	Пахота	
26	Пронизка продольно-полосатая бело-голубая	В-2	Пахота	
27	Железный гвоздь	А-3	Пахота	
28	Фрагмент стержня железного, квадратного в сечении	В-1	Пахота	
29	Шила (?) железного фрагмент	В-2	Пахота	
30	Подвески трапециевидной из медного сплава фрагмент	В-2	Пахота	Пробито вторичное отверстие
31	Пряслица биконического глиняного фрагмент	А-3	Пахота	
32	Тигля ювелирного фрагмент (2 экз.)	В-1	Пахота	
33	Тигля ювелирного фрагмент	В-2	Культурный слой. Пласт 1	
34	Тигля ювелирного фрагмент	Б-3	Пахота	
35	Тигля ювелирного фрагмент	В-3	Пахота	
36	Тигля ювелирного фрагмент	В-3	Пахота	
37	Тигля ювелирного фрагмент (3 экз.)	В-1	Пахота	
38	Тигля ювелирного фрагмент	В-2	Пахота	
39	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	Пахота	
40	Тигля ювелирного фрагмент	В-3	Комплекс VI. Заполнение	
41	Черешок железный		Комплекс IV. Заполнение, пласт 1	
42	Пронизка золотостеклянная двучастная	Б-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 1	
43	Лимоновидной пронизки фрагмент	Б-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 1	
44	----------	-----	----------	----------
45	Тигля ювелирного фрагмент	А-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	
46	Бусины глазчатой с белым «переплетом» фрагмент	А-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	
47	Ножа железного фрагмент	В-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 1	
48	Скребок кремневый	В-2	Пахота	
49	Тигля ювелирного фрагмент	Б-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	
50	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	Пахота	
51	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	Пахота	
52	Шлак литейный	В-1	Пахота	
53	Стержня железного фрагмент	В-1	Пахота	
54	Тигля ювелирного фрагмент	А-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 1	
55	Тигля ювелирного фрагмент	А-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 1	
56	Отщеп кремневый	А-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 1	
57	Шлак литейный или стеклянный	В-3	Пахота	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
58	Колечко из медного сплава	В-3	Пахота	
59	Тигля ювелирного фрагмент	В-3	Комплекс IV. Заполнение, пласты 4–5. Второй пожар	
60	Тигля ювелирного фрагмент (3 экз.)	В-1	Поверхность культурного слоя	
61	Тигля ювелирного фрагмент (2 экз.)	В-1	Пахота	
62	Тигля ювелирного фрагмент	А-3	Пахота	
63	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	Культурный слой. Пласт 1	
64	Пронизка лимоновидная одинарная желтого стекла	В-1	Культурный слой. Пласт 1	
65	Лезвия железного ножа фрагмент	В-3	Пахотный слой	Обломан у черенка, длина лезвия 48 мм
66	Шило железное	А-3	Культурный слой. Пласт 1	
67	Бисерина рубленая синяя	В-2	Культурный слой. Пласт 1	Над комплексом IV
68	Пряслица глиняного фрагмент	Б-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 1	
69	Шлак железный	В-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	
70	Пронизка лимоновидная одинарная винного стекла	В-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	
71	Пронизка лимоновидная одинарная синего стекла	В-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	
72	Бисерина рубленая желтая	В-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	
73	Пряслица (?) глиняного фрагмент	В-3	Комплекс IV. Заполнение, пласт 2	
74	Тигля ювелирного фрагмент (7 экз.)	Б-3	Пахота	
75	Тигля ювелирного фрагмент (3 экз.)	В-1, В-2, В-3	Поверхность культурного слоя	
76	Шлак литейный (2 экз.)	---	---	---
77	Шлак литейный (4 экз.)	В-1	Пахота	
78	Тигля ювелирного фрагмент (5 экз.)	В-1	Пахота	
79	Тигля ювелирного фрагмент	Б-3	Комплекс IV. Пласт 2. Линза глины	
80	Бисерина рубленая желтая	Б-3	Комплекс IV. Пласт 2. Линза глины	
81	Пряслице глиняное	В-3	Комплекс IV. Пласт 3	
82	Пронизка лимоновидная винного стекла	В-3	Комплекс IV. Пласт 3	
83	Бисерина рубленая зеленая	В-3	Комплекс IV. Пласт 3	
84	Бисерина бусинная синяя	А-3	Культурный слой. Пласт 1	
85	Бисерина рубленая желтая	Б-3	Комплекс IV. Пласт 6	
86	Бисерина рубленая синяя	В-3	Комплекс IV. Пласт 6	
87	Бисерина рубленая желтая	Б-3	Комплекс IV. Пласт 5	
88	Пронизка лимоновидная одинарная желтого стекла	Б-3	Пахота	
89	Шлак литейный	Б-3	Пахота	
90	Тигля ювелирного фрагмент	В-2	Пахота	
91	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	Культурный слой. Пласт 1	
92	Тигля ювелирного фрагмент (2 экз.)	В-1	Культурный слой над комплексом V	
93	Тигля ювелирного фрагмент (3 экз.)	В-2	Культурный слой. Пласт 1	Над комплексом IV
94	Тигля ювелирного фрагмент	В-3	Пахота	
95	Тигля ювелирного фрагмент (4 экз.)	В-1	Культурный слой. Пласт 1	
96	Бисерина рубленая синяя	А-3	Комплекс IV. Пласт 3	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
97	Бисерина рубленая синяя	Б-2	Комплекс IV. Пласт 3	
98	Пронизка лимоновидная одинарная желтого стекла фрагмент	В-3	Культурный слой. Пласт 1	
99	Ромбовидная подвеска. Неудачная отливка с фрагментом литника. Медный сплав	В-3	Культурный слой. Пласт 1	Отливка деформирована от сдвига частей формы относительно друг друга
100	Ромбовидная подвеска из сплава меди	В-1	Пахота	
101	Тигля ювелирного фрагмент (2 экз.)	В-1	Пахота	
102	Тигля ювелирного фрагмент	Б-3	Пахота	
103	Тигля ювелирного фрагмент (13 экз.)	В-1	Культурный слой над комплексом V	
104	Пронизка лимоновидная одинарная синего стекла	В-2	Пахота	
105	Тигля ювелирного фрагмент (3 экз.)	В-2	Пахота	
106	Предмет медного сплава орнаментированный (?), деформирован, со следами термического воздействия	В-2	Пахота	
107	Подвески трапециевидной из медного сплава фрагмент	Б-3	Комплекс IV. Пласт 5	
108	Пронизка лимоновидная золотостеклянная одинарная	В-3	Комплекс IV. Пласты 4–5. Второй пожар	
109	Пронизка пятичастная серебростеклянная	Б-2	Комплекс IV. Пласт 3	
110	Гирька (?) из свинцового сплава	Б-3	Комплекс IV. Пласт 1	
111	Перстня из белого металла с «гусеничным» пуансонным орнаментом фрагмент	Б-3	Комплекс IV. Пласт 1	Пробитое отверстие у края щитка. Повторное использование?
112	Тигля ювелирного фрагмент	Б-3	Комплекс IV. Пласт 2	
113	Тигля ювелирного фрагмент (10 экз.)	А-3	Пахота	
114	Браслета витого зеленого стекла фрагмент	А-3	Пахота	
115	Стержень железный	А-3	Пахота	
116	Тигля ювелирного фрагмент (13 экз.)	В-1	Пахота	
117	Пронизки лимоновидной одинарной синего стекла фрагмент	В-1	Пахота	
118	Браслета витого трехпроволочного из медного сплава фрагмент	В-1	Пахота	
119	Пронизка лимоновидная двучастная желтого стекла	В-3	Пахота	
120	Тигля ювелирного фрагмент (3 экз.)	В-3	Пахота	
121	Пластинка прямоугольная с треугольным вырезом железная	В-3	Пахота	Приспособление для ювелирных работ? Ласточкин хвост, финагель?
122	Тигля ювелирного фрагмент (2 экз.)	В-3	Культурный слой. Пласт 1	
123	Пряслица биконического глиняного фрагмент	В-3	Пахота	
124	Тигля ювелирного фрагмент (5 экз.)	В-2	Пахота	
125	Пряслица биконического глиняного фрагмент	В-2	Пахота	
126	Пронизка лимоновидная одинарная серебростеклянная	В-2	Пахота	
127	Тигля ювелирного фрагмент	Б-3	Комплекс IV. Пласт 2	
128	Тигля ювелирного фрагмент (2 экз.)	В-3	Пахота	
129	Пронизка лимоновидная одинарная желтого стекла	В-3	Пахота	
130	Шлак литейный (3 экз.)	В-3	Пахота	
131	Пластинка с пуансонным орнаментом «волчий зуб» (фрагмент пластинчатого браслета?) из медного сплава	Б-3	Пахота	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
132	Пронизка лимоновидная одинарная желтого стекла	В-3	Комплекс IV. Пласт 6	
133	Колечко с фрагментом плетеной цепочки из медного сплава	В-3	Комплекс IV. Пласт 6	
134	Пряслица глиняного лощеного фрагмент	Б-3	Комплекс IV. Пласт 1	
135	Поясной наконечник из медного сплава с двумя штифтами	Б-3	Комплекс IV. Пласт 1	Декорирован литым орнаментом
136	Пронизки лимоновидной одинарной желтого стекла фрагмент	Б-3	Комплекс IV. Пласт 1	
137	Нож железный	Б-3	Комплекс IV. Пласт 1	
138	Шлак литейный (3 экз.)	Б-3	Комплекс IV. Пласт 1	
139	Пластинка железная (3 экз.)	Б-3	Комплекс IV. Пласт 1	
140	Шила железного (?) фрагмент (черенок)	В-3	Комплекс VI. Пласт 2	
141	Цепочки плетеной из медного сплава фрагмент	В-3	Комплекс VI. Пласт 3	
142	Браслета (?) из белого металла, круглого в сечении фрагмент	Б-3	Комплекс IV. Пласт 5	
143	Тигля ювелирного фрагмент	Б-3	Комплекс IV. Пласт 5	
144	Тигля ювелирного фрагмент (2 экз.)	В-1	Культурный слой. Пласт 1	
145	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	Комплекс V. Пласт 2	
146	Сосуда лепного фрагмент	Б-3	Комплекс IV. Яма № 8	
147	Шлак железный	В-3	Комплекс IV. Пласт 3	
148	Тигля ювелирного фрагмент (2 экз.)	А-3	Культурный слой. Пласт 1	
149	Шлак литейный (4 экз.)	В-3	Комплекс IV. Пласт 1	
150	Тигля ювелирного фрагмент	Б-3	Пахота	
151	Шлак литейный	Б-3	Культурный слой. Пласт 1	
152	Тигля ювелирного фрагмент	А-3/Б-3	Комплекс IV. Пласт 2	
153	Тигля ювелирного фрагмент	В-1	Пахота	
154	Тигля ювелирного фрагмент	В-2	Культурный слой над комплексом IV. Пласт 1	
155	Шлак литейный	В-2	Культурный слой над комплексом IV. Пласт 1	
156	Шлак литейный	А-3	Культурный слой. Пласт 1	
157	Шлак железный (?)	В-2	Пахота	
158	Тигля ювелирного фрагмент (4 экз.)	В-2	Пахота	
159	Шлак (2 экз.)	А-3	Пахота	
160	Тигля ювелирного фрагмент (3 экз.)	А-3	Пахота	
161	Тигля ювелирного фрагмент (3 экз.)	В-1	Культурный слой. Пласт 1	
162	Тигля ювелирного фрагмент (8 экз.)	В-3	Пахота	
163	Шлак (3 экз.)	В-3	Пахота	
164	Тигля ювелирного фрагмент (2 экз.)	В-1	Пахота	
165	Тигля ювелирного фрагмент	Б-1	Пахота	
166	Тигля ювелирного фрагмент (3 экз.)	Б-3	Пахота	
167	Шлак железный	Б-3	Пахота	
168	Кремневый отщеп	Б-3	Пахота	
169	Тигля ювелирного фрагмент (5 экз.)	В-3	Пахота	
170	Шлак (литейный?) (2 экз.)	В-3	Пахота	
171	Тигля ювелирного фрагмент (2 экз.)	В-3	Пахота	
172	Шлак литейный	В-3	Пахота	
173	Тигля ювелирного фрагмент (2 экз.)	В-3	Пахота	
174	Тигля ювелирного фрагмент (2 экз.)	В-2	Пахота	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
174а	Шлак железный	В-2	Пахота	
175	Тигля ювелирного фрагмент (9 экз.)	В-1	Пахота	
176	Шлак литейный (3 экз.)	В-1	Пахота	
177	Шлак железный	В-1	Пахота	
178	Тигля ювелирного фрагмент (4 экз.)	А-3	Пахота	
179	Шлак литейный	А-3	Пахота	
180	Шлак железный	А-3	Пахота	
181	Тигля ювелирного фрагмент (10 экз.)	Б-3	Пахота	
182	Шлак литейный (2 экз.)	Б-3	Пахота	
183	Бусина глиняная сферическая	Б-1	Культурный слой. Пласт 1	
184	Тигля ювелирного фрагмент (7 экз.)	Б-1	Культурный слой. Пласт 1	
185	Шлак литейный	Б-1	Культурный слой. Пласт 1	
186	Тигля ювелирного фрагмент	А-3	Культурный слой. Пласт 1	
187	Тигля ювелирного фрагмент	В-3	Культурный слой. Пласт 1	
188	Пронизка трубчатая с перехватом на конце, синего стекла	Б-3	Культурный слой. Пласт 1	
189	Тигля ювелирного фрагмент (венчик)	В-2	Культурный слой. Пласт 1 над комплексом IV	
190	Тигля ювелирного фрагмент	Б-3	Комплекс IV. Заполнение ямы № 5а	

Раскоп 2 (2013 г.). Опись № 1 (находки, зафиксированные in situ)

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки (x–y–z), м[11]	Контекст	Примечания
1	Нож железный	В-2	0 – 116 – 58	Верхняя часть культурного слоя (пласт 1) в заполнении постройки 1	Погнут
2	Пряслице шиферное	Г-3	40 – 125 – 62	Граница пахоты и культурного слоя	
3	Гвоздя железного фрагмент	Г-3	15 – 122 – 65	Граница пахоты и культурного слоя	
4	Предмет железный (обкладка ремня?)	Г-3	9 – 126 – 66	Пласт 1. Поверхность линзы желто-серого суглинка	
5	Шило железное	Г-3	16 – 46 – 68	Пласт 1. Поверхность линзы желто-серого суглинка	
6	Ножа железного фрагмент	Г-3	18 – 49 – 65	Пласт 1. Поверхность линзы желто-серого суглинка	Обломан у черенка, длина лезвия 48 мм
7	Накладка костяная (на луку седла?) с костяным гвоздиком	Г-3	17 – 105 – 64	Пласт 1. Поверхность линзы желто-серого суглинка	Собирается с другим фрагментом (Р-2, оп. 2, № 106). Фрагменты склеены
8	Браслета витого синего стекла фрагмент	Г-3	31 – 36 – 63	Пласт 1. Поверхность линзы желто-серого суглинка	
9	Предмета из медного сплава фрагмент	В-3	22 – 187 – 64	Пласт 1. Культурный слой между камнями	
10	Стержня четырехгранного железного фрагмент	Г-3	82 – 50 – 64	Культурный слой. Пласт 1. На бревне нижнего венца сруба постройки 1	
11	Стержень железный четырехгранный	Б-2	81 – 67 – 53	Пласт 1. На пятне древесного тлена	

[11] Координаты находок на раскопе 1 даны по юго-западному углу квадрата 2 × 2 м. Высота находок дается от репера № 5 (R5).

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки (x–y–z), м	Контекст	Примечания
12	Кресальный кремень	Б-2	148 – 84 – 58	Культурный слой. Пласт 1	
13	Предмет железный	Б-2	63 – 31 – 51	Культурный слой. Пласт 1	Следы термического воздействия
14	Ножа железного фрагмент	В-3	135 – 70 – 63	Пласт 1. Заполнение постройки 1	Погнут, обломан у черенка
15	Шила железного четырехгранного фрагмент	В-3	137 – 57 – 63	Пласт 1. Заполнение постройки 1	
16	Ножа железного фрагмент	Б-2	123 – 129 – 54	Пласт 1. Заполнение постройки 1	
17	Пряслица шиферного фрагмент	Г-3	124 – 124 – 60	Пласт 2. Культурный слой вне постройки 1	
18	Ножа железного фрагмент	Г-3	120 – 164 – 60	Пласт 2. Культурный слой вне постройки 1	
19	Браслета черного стекла фрагмент	Б-2	189 – 114 – 48	Пласт 2. Слой светло-серо-желтого суглинка с угольками в заполнении постройки 1	
20	Предмета железного фрагмент	Г-3	63 – 128 – 60	Пласт 2. Культурный слой над бревном нижнего венца сруба постройки 1	
21	Гвоздь железный	Б-1	43 – 140 – 40	Пласт 2. Культурный слой вне постройки 1	
22	Кольцо железное	Б-3	120 – 191 – 57	Культурный слой. Пласт 1	
23	Проколка костяная	Б-1	53 – 161 – 41	Пласт 2. Культурный слой вне постройки 1	
24	Гвоздь железный	Б-1	53 – 168 – 39	Пласт 2. Культурный слой вне постройки 1	
25	Браслета пластинчатого из медного сплава фрагмент	В-3	199 – 45 – 61	Пласт 1. Поверхность линзы светло-серого суглинка	
26	Предмет железный	Г-3	5 – 66 – 61	Пласт 1. Поверхность линзы светло-серого суглинка. Постройка 1	
27	Ножа железного фрагмент	Б-2	151 – 126 – 50	Пласт 2. Постройка 1. Темно-серая супесь с вкраплениями угольков	
28	Стержня четырехгранного железного фрагмент	Г-3	54 – 68 – 51	Пласт 2. Постройка 1	
29	Крест нательный каменный	В-3	183 – 122 – 63	Пласт 2 (граница с пластом 1). Темно-серая супесь. Постройка 1, близ бревна нижнего венца сруба с внутренней его стороны	Ушко обломано
30	Кресало овальное железное	В-3	147 – 75 – 53	Пласт 2. Темно-серая супесь в заполнении постройки 1	
31	Шлак железный	В-3	195 – 92 – 60	Пласт 2. Темно-серая супесь в заполнении постройки 1	
32	Кресальный кремень	В-3	69 – 50 – 47	Пласт 2. Темно-серая супесь в заполнении постройки 1	
33	Кресальный кремень	В-3	2 – 165 – 59	Пласт 2. Темно-серая супесь	
34	Пластины составного (одностороннего?) гребня фрагмент	Б-3	72 – 54 – 50	Пласт 2. Темно-серая супесь под линзой серо-желтого суглинка с вкраплениями серого гумуса	Кальцинирован
35	Орудие на кремневом отщепе, вторично использованное как кресальный кремень	Б-2	32 – 2 – 39	Пласт 2. Темно-серая супесь под линзой серо-желтого суглинка с вкраплениями серого гумуса. Постройка 1 (?)	
36	Шила железного фрагмент	Б-3	95 – 124 – 52	Пласт 2. Темно-серая супесь	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки (x–y–z), м	Контекст	Примечания
37	Предмет железный	Б-2	126 – 118 – 55	Пласт 2. Темно-серая супесь. Постройка 1 (?)	
38	Пряслице шиферное	Г-1	141 – 43 – 38	Пласт 4. Темно-серая супесь с рыбьей чешуей	
39	Нож железный	Г-3	162 – 155 – 52	Пласт 3. Темно-серая супесь	
40	Блесна рыболовная железная	Б-2	148 – 14 – 47	Пласт 2. Темно-серая супесь	На доске пола постройки 1
41	Пряслице шиферное	Б-2	66 – 63 – 48	Пласт 2. Темно-серая супесь	
42	Пробой железный	Б-2	56 – 13 – 41	Пласт 2. Темно-серая супесь	
43	Гвоздь железный	Б-2	74 – 72 – 47	Пласт 2. Темно-серая супесь	
44	Изделия из медного сплава фрагмент	Б-2	90 – 29 – 40	Пласт 2. Темно-серая супесь	
45	Кольца железного фрагмент	Г-1	160 – 55 – 31	Пласт 4. Темно-серая супесь с рыбьей чешуей	
46	Предмет железный	Г-1	126 – 47 – 27	Пласт 4. Темно-серая супесь с рыбьей чешуей	
47	Лощило костяное	Г-3	192 – 107 – 51	Пласт 3. Темно-серая супесь	
48	Ножа железного фрагмент (черенок)	Г-3	172 – 52 – 50	Пласт 3. Темно-серая супесь	
49	Предмет из медного сплава, оплавленный	Г-3	180 – 102 – 51	Пласт 3. Темно-серая супесь	
50	Гвоздя железного фрагмент	Г-3	192 – 54 – 56	Пласт 3. Темно-серая супесь	
51	Гвоздь железный	Б-3	146 – 125 – 47	Пласт 2. Темно-серая супесь	
52	Ножа железного фрагмент	Б-2	152 – 176 – 37	Пласт 3. Темно-серая супесь с включениями желтой глины и угольков	
53	Створка креста-энколпиона из медного сплава, декорированного перегородчатой эмалью	Г-3	14 – 183 – 43	Пласт 3. Темно-серая супесь с включениями угольков	Эмаль белого, зеленого, желтого и синего цветов. Ушко обломано
54	Браслета витого синего стекла фрагмент	В-3	147 – 81 – 49	Пласт 3. На поверхности линзы серо-желтого суглинка (постройка 1?)	
55	Замок железный навесной, орнаментированный	В-3	148 – 57 – 49	Пласт 3. На поверхности линзы серо-желтого суглинка (постройка 1?)	Ключ в скважине обломан
56	Гвоздь железный	Б-2	151 – 172 – 30	Пласт 3. Темно-серая супесь	
57	Бубенчик из медного сплава	Г-3	94 – 73 – 45	Пласт 3. Темно-серая супесь	Следы термического воздействия (оплавлен)
58	Кресальный кремень	В-3	185 – 69 – 47	Пласт 3. Темно-серая супесь	
59	Гребня костяного составного двустороннего фрагмент	Г-3	35 – 68 – 44	Серая супесь на границе пластов 3 и 4	Сохранились 4 заклепки
60	Браслет, крученый из тройной, круглой в сечении проволоки из медного сплава	Б-1	102 – 12 – 31	Пласт 3. Серая супесь с рыбьей чешуей. Среди развала гончарного сосуда	
61	Фрагмент сосуда (водолея?) с ушком	Б-1	76 – 28 – 30	Пласт 3. Серая супесь с рыбьей чешуей	
62	Фрагмент сосуда (водолея?) с ушком	Б-1	120 – 62 – 37	Пласт 3. Серая супесь с рыбьей чешуей	
63	Ножа железного фрагмент	Б-1	15 – 167 – 33	Пласт 3. Темно-серая супесь на развале сосуда 2	
64	Предмет железный	Б-2	24 – 32 – 29	Пласт 3. Темно-серая супесь	
65	Гвоздь железный	Г-2	177 – 0 – 31	Пласт 4. Темно-серая супесь на поверхности слоя обожженного грунта	
66	Кресальный кремень	В-1	13 – 70 – 6	Пласт 4. Темно-серая супесь	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки (x–y–z), м	Контекст	Примечания
67	Браслета, круглого в сечении, черного стекла, фрагмент	Г-1	138 – 109 – 31	Пласт 4. На поверхности слоя обожженного грунта рядом с крупной обугленной плахой	
68	Ключ железный	В-3	40 – 105 – 39	Пласт 4. Темно-серая супесь	
69	Ковшик лепной с петлевидной ручкой	Б-1	127 – 39 – 28	Пласт 4. Темно-серая супесь	
70	Браслета стеклянного, круглого в сечении, фрагмент	Г-3	153 – 141 – 38	Пласт 4. Темно-серая супесь	
71	Кремневое орудие на отщепе	Г-3	5 – 40 – 48	Пласт 3. Темно-серая супесь	
72	Замок железный	В-3	117– 103 – 41	Пласт 4. Темно-серая супесь	Дужка не сохранилась. В замке обломок ключа
73	Пряслице шиферное	Г-3	105 – 101 – 37	Пласт 4. Темно-серая супесь	
74	Браслета, круглого в сечении зеленого прозрачного стекла, фрагмент	В-2	156 – 142 – 26	Пласт 4. Темно-серая супесь	
75	Пряслица шиферного фрагмент	Г-3	18 – 85 – 41	Пласт 4. Линза серо-желтого суглинка с гумусными включениями	
76	Пряжка железная	Г-3	26 – 175 – 41	Пласт 4. Темно-серая супесь	
77	Браслета стеклянного, круглого в сечении, фрагмент	Б-2	105 – 70 – 30	Пласт 4. Темно-серая супесь	
78	Пряслице шиферное	Г-3	86 – 48 – 58	Пласт 2. Темно-серая супесь под бревном нижнего венца восточной стены постройки 1	
79	Гвоздя со шляпкой железного фрагмент	В-3	173 – 149 – 47	Пласт 2. Темно-серая супесь под бревном нижнего венца восточной стены постройки 1	
80	Гвоздя железного фрагмент	В-3	176 – 146 – 46	Пласт 3. Темно-серая супесь	
81	Ключ железный	В-3	66 – 89 – 31	Пласт 4. Поверхность материка	
82	Предмет железный	В-3	58 – 106 – 31	Пласт 4. Поверхность материка	
83	Шпоры железной фрагмент	Г-3	158 – 123 – 35	Пласт 4. Темно-серая супесь под обугленным бревном	Заготовка (?)
84	Ножа железного фрагмент	Г-2	101 – 47 – 38	Пласт 3. Под бревном нижнего венца восточной стены постройки 1	В двух обломках
85	Гвоздя железного фрагмент	Г-2	61 – 14 – 34	Пласт 4. Темно-серая супесь	
86	Скобы железной фрагмент	Г-2	162 – 132 – 30	Пласт 4. Темно-серая супесь	
87	Предмет железный	В-2	79 – 33 – 30	Заполнение постройки 1	
88	Предмет железный	Г-1	110 – 35 – 25	Пласт 4. Темно-серая супесь	Пробой?
89	Браслета витого синего (?) стекла фрагмент	Г-1	5 – 13 – 22	Пласт 4. Темно-серая супесь	
90	Предмет железный	В-1	60 – 187 – 38	Пласт 4. Темно-серая супесь на линзе серо-желтого суглинка	
91	Стержня железного четырехгранного фрагмент	В-3	167 – 54 – 30	Пласт 5. Темно-серая супесь	
92	Цепочки плетеной из медного сплава фрагмент	Г-2	90 – 140 – 33	Пласт 4. Под линзой серо-желтого суглинка	
93	Браслета витого стеклянного фрагмент	Б-1	18 – 160 – 11	Пласт 5. Гумусное вкрапление в линзу серо-желтого суглинка с угольками	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки (x–y–z), м	Контекст	Примечания
94	Бусина желтого стекла (лимоновидная?)	Г-2	63 – 200 – 33	Пласт 4. Под линзой серо-желтого суглинка на границе темно-серого культурного слоя	
95	Пряслица биконического шиферного фрагмент	Б-2	0 – 66 – 19	Пласт 5. Темно-серая супесь	
96	Бубенчика с орнаментом в виде параллельных линий из медного сплава фрагмент	Б-2	115– 55 – 12	Пласт 5. Темно-серая супесь	
97	Браслета витого серо-желтого стекла фрагмент	Б-2	135 – 15 – 14	Пласт 5. Темно-серая супесь	
98	Черенок железного ножа (2 экз.)	В-1	31 – 95 – 9	Пласт 4. Темно-серая супесь под линзой светло-серой глины	
99	Ножа железного фрагмент	Б-1	130 – 177 – 5	Пласт 5. Темно-серая супесь	
100	Браслета, круглого в сечении, черного стекла, фрагмент		113 – 181 – 34	Пласт 5. Темно-серая супесь	
101	Пряслица глиняного фрагмент	Б-1	135 – 125 – 24	Пласт 4. Поверхность культурного слоя под линзой глины	
102	Гвоздя железного фрагмент	Б-1	99 – 138 – 17	Пласт 4. Поверхность культурного слоя под линзой глины	
103	Крючок рыболовный железный	Г-2	35 – 16 – 32	Пласт 4. Поверхность культурного слоя под линзой глины	
104	Пластина из медного сплава	Б-1	28 – 80 – 3	Пласт 5. Темно-серая супесь	
105	Ножа железного фрагмент	Г-3	192 – 87 – 32	Пласт 5. Темно-серая супесь	
106	Замок железный	Г-3	158 – 179 – 33	Пласт 5. Темно-серая супесь	
107	Предмет (зубило?) железный	Г-3	110 – 161 – 29	Пласт 5. Темно-серая супесь	
108	Гребня костяного составного двустороннего фрагмент	Б-1	140 – 110 – 5	Пласт 5. Темно-серая супесь под углистым слоем, близ лепного ковшика	Был заклепан в 6 местах. 5 заклепок сохранилось
109	Бусины сферической желтого стекла фрагмент	Б-1	15 – 140 – 7	Пласт 5. Темно-серая супесь	
110	Предмет из медного сплава	Г-1	85 – 165 – 32	Пласт 4. Поверхность слоя под линзой серо-желтого суглинка	Оплавлен
111	Гвоздь железный	Г-1	12 – 133 – 29	Пласт 4. Под линзой суглинка	
112	Браслета, круглого в сечении, черного стекла, фрагмент	Г-3	52 – 155 – 23	Пласт 5. Темно-серая супесь	
113	Четырехгранный железный стержень, утолщенный с края	Г-1	83 – 94 – 20	Пласт 4. Темно-серая супесь под линзой суглинка	
114	Амфоры фрагмент	Г-2	40 – 160 – 34	Пласт 4. Под линзой серо-желтого суглинка	
115	Бритва складная железная	Г-1	17 – 170 – 36	Пласт 4. Под линзой серо-желтого суглинка	
116	Пряслице шиферное	Г-3	88 – 149 – 20	Пласт 6. Темно-серая супесь	
117	Браслета витого, голубого прозрачного стекла, фрагмент	Г-1	10 – 125 – 29	Пласт 4. Под линзой серо-желтого суглинка	
118	Предмета (инструмента?) железного фрагмент	В-2	39 – 186 – 36	Пласт 4. В развале камней	
119	Браслета витого, синего стекла, фрагмент	Г-2	163 – 150 – 25	Пласт 5. Серая супесь	
120	Браслета витого, коричневого стекла, фрагмент	Г-2	30 – 50 – 28	Пласт 4. Под линзой серо-желтого суглинка	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки (x–y–z), м	Контекст	Примечания
121	Гвоздя железного фрагмент	Г-2	90 – 153 – 31	Пласт 4. Под линзой серо-желтого суглинка	
122	Нож железный	Г-2	175 – 62 – 27	Пласт 5. Серый мешаный суглинок	
123	Ручки от амфоры фрагмент	В-2	90 – 175 – 23	Пласт 5. Темно-серый суглинок	
124	Браслета витого стеклянного с желтой нитью фрагмент	Г-2	83 – 108 – 27	Пласт 5. Темно-серая супесь	
125	Оселка каменного фрагмент	В-2	135 – 138 – 17	Пласт 5. Темно-серая супесь	
126	Ножницы железные (2 фрагмента) и погнутый железный нож	Г-2	170 – 73 – 26	Пласт 5. Темно-серая супесь	
127	Замка цилиндрического фрагмент	В-1	180 – 155 – 13	Пласт 5. Темно-серая супесь	
128	Бусина цилиндрическая золотостеклянная	Г-1	32 – 108 – 18	Пласт 5. Темно-серая супесь на материке	
129	Стержень железный	Г-1	45 – 115 – 15	Пласт 5. Темно-серая супесь	
130	Предмет железный	Г-1	97 – 139 – 15	Пласт 5. Темно-серая супесь	
131	Браслета витого зеленого стекла фрагмент	Г-1	83 – 170 – 23	Пласт 5. Темно-серая супесь на уровне развалов керамики и ниже головней и прокаленной глины	
132	Браслета витого зеленого стекла фрагмент	В-1	140 – 180 – 8	Пласт 5. Темно-серая супесь	
133	Браслета витого, зеленого стекла с желтой нитью, фрагмент	Г-2	99 – 67 – 20	Пласт 5. Темно-серая супесь	
134	Гвоздь железный	В-1	115 – 65 – 6	Пласт 5. Темно-серая супесь	
135	Браслета витого стеклянного фрагмент	В-2	121 – 30 – 8	Пласт 5. Темно-серая супесь	
136	Предмет из медного сплава	В-1	75 – 195 – 5	Пласт 5. Темно-серая супесь	Следы термического воздействия
137	Пробой железный	Г-2	151 – 109 – 20	Пласт 5. Предматериковый слой серого суглинка с гумусными включениями	
138	Предмет из медного сплава	В-2	166 – 29 – 16	Пласт 5. Темно-серая супесь	
139	Браслета витого стеклянного фрагмент	В-2	132 – 114 – 15	Пласт 5. Темно-серая супесь	
140	Бисерина бусинная желтая	В-2	169 – 5 – 12	Пласт 5. Темно-серая супесь	
141	Браслета витого, синего прозрачного стекла, фрагмент	Г-1	90 – 26 – 15	Пласт 5. Темно-серая супесь	
142	Скоба железная	Г-2	41 – 30 – 20	Пласт 5. Темно-серая супесь	
143	Гвоздь железный	Г-2	115 – 51 – 24	Пласт 5. Темно-серая супесь	
144	Наконечник сулицы железной	Г-2	152 – 53 – 21	Пласт 5. Темно-серая супесь	
145	Браслета витого, синего прозрачного стекла, фрагмент	Г-2	12 – 61 – 20	Пласт 5. Темно-серая супесь	
146	Наконечник остроги железный	Г-1	150 – 120 – 24	Пласты 4–5. Постройка 2. Под обожженной глиной	Обломан у черенка
147	Браслета (?) пластинчатого из медного сплава фрагмент	В-2	120 – 48 – 8	Пласт 5. Темно-серая супесь	Орнамент, выполненный квадратным чеканом

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки (x–y–z), м	Контекст	Примечания
148	Стержня четырехгранного железного фрагмент и предмет железный	Г-1	170 – 100 – 25	Пласты 4–5. Постройка 2. Под обожженной глиной	
149	Стержня железного круглого сечения, сужающегося к одному концу, фрагмент	Г-1	92 – 170 – 10	Пласт 5. Темно-серая супесь	
150	Амфоры фрагмент (2 экз.)	Г-1	109 – 138 – 14	Пласт 5. Темно-серая супесь	
151	Пряслица глиняного фрагмент	Г-1	137 – 135 – 20	Пласт 5. Темно-серая супесь	
152	Пряслице костяное	В-1	190 – 35 – 7	Пласт 6. Темно-серая супесь	
153	Гвоздя железного фрагмент	В-1	180 – 60 – 9	Пласт 6. Темно-серая супесь	
154	Предмет железный	В-1	80 – 100 – 5	Пласт 5. Темно-серая супесь	
155	Бисерина бусинная	Г-1	165 – 109 – 18	Пласт 5. Темно-серая супесь	
156	Ложечки-амулета из медного сплава фрагмент	Г-1	143 – 115 – 18	Пласт 5. Темно-серая супесь	
157	Пряжка прямоугольная двучастная из медного сплава	В-1	45 – 165 – 2	Пласт 6. Темно-серая супесь	
158	Стержень железный, квадратный в сечении	В-1	110 – 145 – 5	Пласт 6. Темно-серая супесь	
159	Браслета витого, синего стекла, фрагмент	Г-1	55 – 140 – 17	Пласт 5. Темно-серая супесь	
160	Браслета витого, синего стекла, фрагмент	Г-1	90 – 182 – 9	Пласт 6. Темно-серая супесь	
161	Браслета витого, синего стекла с желтой нитью, фрагмент	Г-1	90 – 182 – 9	Пласт 6. Темно-серая супесь	Найден вместе с № 160
162	Браслета витого, синего стекла с желтой нитью, фрагмент	В-2	103 – 119 – 12	Пласт 5. Темно-серая супесь	
163	Стержень железный четырехгранный	В-2	9 – 53 – 11	Пласт 5. Темно-серая супесь	
164	Оселка каменного фрагмент	В-2	55 – 44 – 1	Пласт 6. Темно-серая супесь	
165	Шлак железный	В-1	35 – 100 – (-4)	Пласт 6. Темно-серая супесь	
166	Игла из медного сплава	В-1	80 – 115 – (-3)	Пласт 6. Темно-серая супесь	Согнута
167	Брунчалка костяная	В-1	115 – 155 – 2	Пласт 6. Темно-серая супесь	
168	Гвоздь железный	В-1	80 – 175 – 0	Пласт 6. Темно-серая супесь	
169	Гвоздя железного фрагмент	В-1	100 – 185 – 3	Пласт 6. Темно-серая супесь	
170	Предмет железный	Г-2	190 – 100 – 15	Пласт 6. Темно-серая супесь	Бесформенный фрагмент без метал. ядра. Развалился
171	Брунчалка костяная	Г-1	40 – 75 – 7	Пласт 6. Темно-серая супесь	
172	Гвоздя железного фрагмент	Г-2	25 – 160 – 17	Пласт 6. Темно-серая супесь	
173	Пряслице шиферное	Б-1	80 – 175 – 0	Пласт 6. Темно-серая супесь	
174	Предмет железный (стержень с кольцом)	Б-1	135 – 145 – 1	Пласт 6. Темно-серая супесь	
175	Стержень железный четырехгранный	В-2	173 – 93 – 7	Пласт 6. Погребенная почва	
176	Пряслице шиферное	Б-2	140 – 30 – 9	Пласт 6. Темно-серая супесь	
177	Пластинка из медного сплава с закрученным концом	В-2	25 – 26 – (-5)	Пласт 6. Темно-серая супесь	Фрагмент браслета (?)

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки (x–y–z), м	Контекст	Примечания
178	Бисерина бусинная светло-желтая	Г-1	180 – 190 – 12	Пласт 6. Темно-серая супесь	
179	Гвоздь железный	Б-2	80 – 60 – 8	Пласт 6. Темно-серая супесь	
180	Амфоры фрагмент (3 экз.)	Г-1	186 – 112 – 12	Комплекс I. Поверхность	
181	Гвоздя железного со шляпкой фрагмент	В-2	23 – 110 – 1	Пласт 6. Темно-серая супесь на глиняной линзе	
182	Стержня четырехгранного железного фрагмент	В-2	65 – 71 – 0	Пласт 6. Темно-серая супесь	
183	Браслета, круглого в сечении, зеленого стекла, фрагмент	Б-1	60 – 35 – (-10)	Пласт 6. Темно-серая супесь	
184	Предмет железный	Б-1	45 – 95 – (-6)	Пласт 6. Темно-серая супесь	
185	Браслета, круглого в сечении, зеленого стекла, фрагмент	Б-1	160 – 105 – (-4)	Пласт 6. Темно-серая супесь	
186	Шлак железный (?)	Б-1	150 – 170 – 1	Пласт 6. Темно-серая супесь	
187	Каменный оселок	Б-1	140 – 100 – (-6)	Пласт 6. Темно-серая супесь	
188	Бисерина бусинная синяя	Г-1	157 – 107 – 8	Комплекс I. Пласт 1	
189	Браслета витого, синего стекла с желтой нитью, фрагмент	Г-1	156 – 128 – 8	Комплекс I. Пласт 1	
190	Браслета, круглого в сечении, желтого прозрачного стекла с желтой нитью, фрагмент	Б-1	30 – 140 – 9	Пласт 7. Темно-серая супесь на уровне костяка животного	
191	Бисерина бусинная желтая	Б-1	138 – 116 – (-11)	Пласт 7. Темно-серая супесь	
192	Гвоздь железный	Г-2	– –	На плахах помоста у южной стены постройки 3	
193	Предмет железный	Г-2	123 – 20 – (-1)	Под плахами помоста у южной стены постройки 3	Распался
194	Гвоздь железный	Г-2	135 – 26 – (-1)	Под плахами помоста у южной стены постройки 3	
195	Браслета витого черного стекла фрагмент	Г-2	150 – 180 – 10	Под бревном нижнего венца западной стены постройки 3	
196	Предмет железный	Г-1	39 – 84 – 9	Пласт 6. Темно-серая супесь	Под каменным жерновом
197	Оселка каменного фрагмент	Б-1	50 – 101 – (-13)	Пласт 7. Темно-серая супесь	
198	Наконечник стрелы железный	Г-1	185 – 0 – 19	Пласт 6. Темно-серая супесь на светло-сером суглинке	Острие загнуто от удара о твердый предмет
199	Предмет железный	Б-2	– – (-10)	Среди костей животного	
200	Пронизка одинарная желтого стекла	В-2	132 – 5 – (-62)	Комплекс IV. Светло-серая супесь с мелкими угольками. Заполнение ямы, переотложенное барсучьей норой	
201	Пробоя железного фрагмент	Б-1	55 – 102 – (-20)	Пласт 7. Темно-серая супесь	
202	Предмет из железа и медного сплава (спек) + фрагмент браслета стеклянного черного	Б-1	– – (-13)	Пласт 7. Темно-серая супесь	
203	Стержень железный, круглый в сечении	Б-1	85 – 198 – (-9)	Пласт 7. Темно-серая супесь	
204	Бусина зонная зеленого стекла	Б-1	123 – 60 – (-17)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки (x–y–z), м	Контекст	Примечания
205	Браслета витого с петлевидными концами 4 фр-та и бусина зеленого стекла	Б-1	3 – 121 – (-18)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	Браслет – сплав меди
206	Железного изделия с навершием из медного сплава фрагмент	Б-1	40 – 198 – (-18)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	С фрагментом рыбьей чешуи в слоях коррозии
207	Браслета витого черного стекла фрагмент	Б-1	16 – 153 – (-17)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	
208	Браслета, круглого в сечении, синего прозрачного стекла с желтой нитью, фрагмент	Б-1	81 – 100 – (-23)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	
209	Бусина зонная синего стекла	Б-1	16 – 82 – (-24)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	
210	Плинфы фрагмент (2 экз.)	Г-2	– –	Пласт 5. Темно-серая супесь. На уровне угла постройки 3	
211	Амфоры фрагмент	Г-1	– –	Пласт 6. Комплекс I. Поверхность	
212	Амфоры фрагмент (5 экз.)	Г-1	– –	Пласт 6. Комплекс I. Поверхность	
213	Тесла сланцевого шлифованного фрагмент	В-2	– –	Пласт 5. Темно-серая супесь	
214	Пластина железная с заклепкой	Б-2	– –	Пласт 6. Темно-серая супесь	
215	Пряслице шиферное	В-2	195 – 200 – 51	В бровке. Вынуто при зачистке стенки раскопа	
216	Браслета витого коричневого (?) стекла фрагмент	Б-1	93 – 35 – (-32)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	
217	Бисерина бусинная желтая (2 экз.)	Б-1	84 – 61 – (-29)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	
218	Стержень железный, круглого сечения	Б-1	115 – 80 – (-20)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	
219	Браслета витого черного стекла фрагмент	Б-1	42 – 27 – (-28)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	
220	Крючок железный	Б-2	40 – 7 – (-15)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	
221	Предмет железный с фрагментом доски (гвоздь или пробой)	Б-1	158 – 26 – (-22)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	
222	Стержня железного четырехгранного фрагмент	Б-1	29 – 177 – (-19)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	
223	Железный предмет	Б-1	72 – 176 – (-19)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	Выброшен, спек коррозии
224	Гвоздя железного фрагмент	Б-1	46 – 08 – (-22)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	
225	Гвоздя железного фрагмент	Б-1	66 – 07 – (-28)	Пласт 8. Бурый гумус с органикой	
226	Бусина стеклянная мозаичная	Г-1	15 – 120 – (-16)	Погребенная почва	
227	Бусина боченковидная бирюзового стекла	Г-1	55 – 150 – (-10)	Погребенная почва	
228	Кольца из проволоки медного сплава фрагмент	Б-3	187 – 93 – 57	Поверхность пласта 1	
229	Браслета витого коричневого (?) стекла фрагмент	Б-3	200 – 153 – 39	Пласт 2. Темно-серая супесь	
230	Фибула подковообразная с гвоздевидными головками из медного сплава	Б-3	190 – 116 – 31	Пласт 3. Темно-серая супесь	Орнаментирована с одной стороны, сломана на 3 части
231	Ножа железного фрагмент	Б-2	180 – 125 – 51	Пласт 1. Постройка 1. На досках пола	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки (x–y–z), м	Контекст	Примечания
232	Браслета, круглого в сечении, черного стекла, фрагмент	Б-2	180 – 94 – 42	Пласт 1. Постройка 1. Между досками пола	
233	Рукоятка ножа костяная с обломком железного черенка ножа	Б-2	185 – 20 – 42	Пласт 1. Постройка 1. На обугленных плахах пола	
234	Лезвия ножа железного фрагмент	Б-2	192 – 55 – 40	Пласт 1. Постройка 1. На досках пола	
235	Шлак железный	Б-1	170 – 81 – 32	Пласт 2. Темно-серая супесь	
236	Лезвия топора железного фрагмент	Б-2	170 – 36 – 34	Пласт 1. Постройка 1. На досках пола	
237	Стержня четырехгранного железного, 3 фрагмента	Б-1	200 – 78 – 25	Пласт 3. Зольная линза	
238	Предмет железный	Б-2	160 – 28 – 38	Пласт 2. Постройка 1	
239	Гвоздь железный	Б-2	160 – 50 – 36	Пласт 2. Постройка 1	
240	Предмет железный	Б-1	200 – 95 – 9	Пласт 4. Темно-серая супесь	
241	Пряслице шиферное	Б-1	180 – 145 – 11	Пласт 4. Темно-серая супесь	
242	Нож железный с остатками деревянных ножен	Б-1	195 – 75 – 0	Пласт 4. Темно-серая супесь	
243	Ножа железного фрагмент	Б-1	185 – 95 – 0	Пласт 4. Темно-серая супесь	
244	Стержень железный четырехгранный	Б-1	200 – 20 – 4	Пласт 4. Темно-серая супесь	
245	Крюк железный	Б-2	170 – 55 – 0	Пласт 5. Темно-серая супесь	
246	Браслета витого, зеленого прозрачного стекла, фрагмент	Б-1	170 – 0 – (-2)	Пласт 4. Темно-серая супесь	
247	Шлак (?) железный[12]	Б-1	160 – 175 – 1	Пласт 4. Темно-серая супесь	Кузнечный брак?
248	Бусина биконическая желтого прозрачного стекла	Б-2	150 – 15 – (-1)	Пласт 5. Темно-серая супесь	
249	Гвоздь железный с остатками доски	Б-1	175 – 78 – (-12)	Пласт 5. Темно-серая супесь	
250	Шлак железный	Б-2	190 – 83 – (-11)	Пласт 5. Темно-серая супесь	
251	Фрагмент венчика гончарного сосуда		154 – 142 – (-54)	Комплекс IV. Заполнение. На слое красной глины с углем на западном краю ямы	
252	Ножа железного фрагмент	Г-3	87 – 8 – 71	Граница пахоты и культурного слоя	Инкрустирован медной проволокой по лезвию
253	Кольца из медного сплава фрагмент	Г-3	143 – 40 – 41	Пласт 2. Темно-серая супесь	
254	Браслета, круглого в сечении, зеленого стекла, фрагмент	Г-3	75 – 23 – 64	Пласт 1. Темно-серая супесь	
255	Втулки топора (?) железного фрагмент	В-3	170 – 14 – 64	Граница пахоты и культурного слоя	
256	Кольцо железное	В-3	170 – 15 – 64	Граница пахоты и культурного слоя	
257	Ножа железного фрагмент	В-3	105 – 32 – 62	Граница пахоты и культурного слоя	
258	Шлак железный	В-3	40 – 9 – 52	Пласт 1. Темно-серая супесь	
259	Фрагмент стенки лепного сосуда	Б-1	96 – 136 – (-54)	Верхняя часть заполнения комплекса VII	
260	Ножа железного фрагмент (2 экз.)	Г-3	165 – 18 – 43	Пласт 2	
261	Шпоры железной фрагмент (2 экз.)	В-3	80 – 30 – 20	Пласт 3	
262	Бабка костяная игральная	Г-3	100 – 35 – 16	Пласт 4	

[12] Кузнечный брак? Красный налет – свидетельство термического воздействия, оксид железа (III). Образуется при термическом разложении (200 °C) продуктов коррозии железа.

№	Наименование находки	Номер квадрата	Координаты находки (x–y–z), м	Контекст	Примечания
263	Браслета витого стеклянного фрагмент	Б-3	82 – 15 – 35	Пласт 2	
264	Замка навесного железного фрагмент (3 экз.)	Г-3	90 – 0 – 22	Пласт 4	
265	Стержень прямоугольного сечения, железный (фрагмент зубила?)	Б-1	0 – 0 – (-29)	Вынут из стенки раскопа перед засыпкой	
266	Фрагмент гвоздя железного	В-3	140 – 15 – 21	Пласт 4	
267	Шлак железный	Г-2	200 – 90 – (-5)	---	
268	Амфоры фрагмент (11 экз.)	Г-1	200 – 143 – 13	Вынуты из стенки раскопа перед засыпкой	
269	Венчика гончарного сосуда фрагмент	Б-3	0 – 107 – 41	Вынут из стенки раскопа перед засыпкой	
270	Плинфы фрагмент	Г-2	200 – 65 – 82	Пахотный слой	
271	---	---	– –	---	
272	Стержень прямоугольного сечения, железный	Б-1	2 – 2 – (-24)	Пласт 8	
273	Серьга (?) из медного сплава	В-2	– –	Постройка 1. Из западной бровки раскопа 2010 г.	
274	Литое височное (?) кольцо из медного сплава	В-3	190 – 14 – (-9)	Комплекс IX. Ямка с углем. Сожжение	
275	Пуговица из медного сплава	В-3	190 – 19 – (-8)	Комплекс IX. Ямка с углем. Сожжение	Оплавлена
276	Бубенчик из медного сплава	В-3	189 – 28 – (-4/-7)	Комплекс IX. Ямка с углем. Сожжение	Оплавлен
276а	Сердцевидная поясная бляшка из медного сплава	В-3	189 – 28 – (-4/-7)	Комплекс IX. Ямка с углем. Сожжение	Оплавлена
277	Бусы стеклянные оплавленные	В-3	190 – 18 – (-8)	Комплекс IX. Ямка с углем. Сожжение	
278	Предмет из медного сплава оплавленный	В-3	198 – 19 – (-6)	Комплекс IX. Ямка с углем. Сожжение	Прикипел к камню
279	Кремневый скребок	В-3	190 – 20 – (-5)	Комплекс IX. Ямка с углем. Сожжение	
280	Бусы стеклянные оплавленные	В-3	185 – 16 – (-7)	Комплекс IX. Ямка с углем. Сожжение	
281	Пронизка одинарная полихромная продольно-полосатая (оплавлена)	В-3	186 – 27 – (-4)	Комплекс IX. Ямка с углем. Сожжение	
282	Серп железный (фрагментирован)	Б-2	50 – 75 – 9	Пласт 6	
283	Железного стремени (дужка с прорезью для ремня) фрагмент	В-2	0 – 80 – (-1)	Пласт 6	
284	Горшок лепной, подправленный на круге	В-2	40 – 170 – (-59)	Комплекс IV	
285	Жернов гранитный	Г-1	См. чертеж	Пласт 5	

Раскоп 2 (2013 г.)
Опись № 2 (находки, обнаруженные при промывке культурного слоя)

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
1	Фибула кольцевидная из медного сплава с железной иглой	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
2	Кресальный кремень	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
3	Предмет железный	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
4	Ножа железного фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
5	Обуха топора железного фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
6	Предмета железного с петлей фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	Пробой?
7	Ножа железного фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
8	Рамки подпружной (?) пряжки железной фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
9	Язычок пряжки железный	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
10	Предмета железного фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
11	Стержня железного четырехгранного загнутого фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
12	Пластинчатая обоймица из медного сплава	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
13	Изделия из медного сплава фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
14	Пронизка трехчастная синего стекла	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
15	Бусина сферическая желтого прозрачного стекла	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
16	Бусины биконической желтого прозрачного стекла фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
17	Кремневый отщеп (3 экз.)	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
18	Предмет железный	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
19	Перстень литой ложновитой из медного сплава	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
20	Бусина хрустальная многогранная	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
21	Бисерина бусинная (белая?)	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
22	Бисерина бусинная желтая (?)	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
23	Браслета витого синего стекла фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	Оплавлен
24	Бусины зонной желтого прозрачного стекла фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
25	Бусина зонная желтого стекла	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
26	Браслета круглого в сечении желтого (?) стекла фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
27	Браслета витого черного стекла фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
28	Браслета витого черного (?) стекла фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
29	Крест нательный каменный	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	Ушко отломано
30	Креста нательного янтарного фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
31	Косорешетчатая круглая подвеска из медного сплава	Г-1	Пласт 4. Темно-серая супесь	
32	Наконечник стрелы (?) железный	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
33	Поливного керамического яйца-писанки фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
34	Кольцо кольчужное железное (заготовка)	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	Расклепанные концы без отверстий

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
35	Пластинки составного костяного гребня фрагмент с бронзовой заклепкой	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	Кальцинирован
36	Фрагмент костяной трубочки с циркульным орнаментом	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	Кальцинирован
37	Пряжка железная	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
38	Пряслице шиферное	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
39	Перстень литой, ложновитой из медного сплава	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	Сломан
40	Язычок от пряжки железный	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
41	Железного изделия с петлей (удил?) фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	Обрублен с края
42	Кольца железного фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
43	Лезвия ножа железного фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
44	Оселка каменного фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
45	Гривны витой из медного сплава фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	Концы обрублены
46	Монета серебряная, литовский денарий, Александр I (1501–1506 гг.)	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	Gumowski 1914: 549
47	Ножа железного фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
48	Гончарной крышки сосуда фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
49	Пластина шестиугольная железная с отверстием	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
50	Проколка костяная	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
51	Подковный гвоздь железный	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
52	Механизма замка пружинного железного фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
53	Предмет железный	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
54	Браслета витого стеклянного фрагмент	Б-2	Пахота	
55	Пряслица шиферного фрагмент	В-3	Пахота	
56	Браслета, круглого в сечении, зеленого прозрачного стекла, фрагмент	Г-3	Пахота	
57	Браслета, круглого в сечении, черного (?) стекла, фрагмент	Г-3	Пахота	
58	Браслета, круглого в сечении, синего прозрачного стекла, фрагмент	Б-2	Пахота	
59	Кремневый скребок		Пахота	
60	Крест нательный каменный	Б-3	Пахота	Ушко отломано
61	Гребня костяного составного двустороннего фрагмент	Б-3	Пахота	Сохранилась заклепка из медного сплава
62	Гребня костяного составного двустороннего фрагмент	Б-3	Пахота	Сохранилась заклепка из медного сплава
63	Бисерина бусинная желтого стекла	Б-3	Пахота	
64	Пронизка лимоновидная одинарная синего стекла	В-3	Пахота	
65	Браслета витого зеленого стекла фрагмент	В-3	Пахота	
66	Браслета зеленого стекла, круглого в сечении, фрагмент	В-3	Пахота	
67	Накладка поясная (?) из медного сплава	В-3	Пахота	
68	Браслета, круглого в сечении, черного стекла с желтой нитью, фрагмент	В-3	Пахота	
69	Костяного изделия фрагмент	В-3	Пахота	Кальцинирован
70	Составного костяного гребня фрагмент	Б-2	Пахота	Кальцинирован

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
71	Свинцового грузила (?) фрагмент	Б-2	Пахота	
72	Украшения литого из медного сплава фрагмент	Б-2	Пахота	
73	Пряслица шиферного фрагмент	Г-3	Пахота	
74	Браслета витого черного (?) стекла фрагмент	Г-3	Пахота	
75	Стержень четырехгранный железный	Г-3	Пахота	
76	Браслета, круглого в сечении, зеленого прозрачного стекла, фрагмент	Г-3	Пахота	
77	Орудие на кремневой пластине (3 экз.)	Г-3	Пахота	
78	Кремневый отщеп	Г-3	Пахота	
79	Ножа железного фрагмент	Г-3	Пахота	
80	Браслета витого черного (?) стекла фрагмент	Г-3	Пахота	
81	Бусина зонная синего прозрачного стекла		Пахота	
82	Пряслица глиняного биконического с широким отверстием фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
83	Фрагмент накладки костяного одностороннего составного гребня с циркульным орнаментом во вторичном использовании	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	Отверстия выполнены поверх орнамента и часть накладки срезана
84	Браслета стеклянного, круглого в сечении, фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
85	Гвоздь железный	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
86	Скребок кремневый	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
87	Бусина стеклянная цилиндрическая рубчатая с желтой нитью	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
88	Пронизка лимоновидная двучастная синего стекла	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
89	Накладки составного костяного гребня (?) фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	Кальцинирован
90	Пластина железная треугольная	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	Фрагмент косы?
91	Пряслице шиферное	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
92	Браслета, круглого в сечении, прозрачного зеленого стекла, фрагмент	Б-1	Пахота	
93	Пряслица шиферного фрагмент	Б-1	Пахота	
94	Браслета, черного стекла круглого в сечении, фрагмент	Б-3	Пахота	
95	Браслета витого зеленого прозрачного стекла фрагмент	Б-3	Пахота	
96	Браслета стеклянного витого фрагмент	Б-3	Пахота	
97	Перстня с восьмигранным щитком из медного сплава фрагмент	Б-3	Пахота	
98	Пронизка лимоновидная одинарная синего стекла	Г-3	Пласт 1	
99	Бисерина бусинная	Б-2	Пласт 1	Ирризована
100	Бисерина бусинная желтая		Пласт 1	
101	Пронизки лимоновидной одинарной желтого стекла фрагмент	Б-3	Пласт 1	
102	Бисерина бусинная (желтая?)	Б-3	Пласт 1	Ирризована
103	Браслета витого коричневого (?) стекла фрагмент	Б-3	Пласт 1	
104	Бисерина бусинная	Б-1	Пласт 1	Ирризована
105	Проволока из медного сплава	Б-1	Пласт 1	
106	Обломок костяной накладки (2 экз.)	Г-3	Пласт 1	Один фрагмент – с костяным гвоздиком
107	Браслета витого прозрачного зеленого стекла фрагмент	Б-1	Пахота	
108	Нож железный	Б-1	Пахота	
109	Кольцо железное	Б-1	Пахота	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
110	Украшения (?) из медного сплава фрагмент	Б-1	Пахота	
111	Колечко из медного сплава	Б-3	Пласт 2	
112	Гвоздя железного фрагмент	Г-3	Пласт 2. Вне постройки 1	
113	Пряслица шиферного фрагмент (3 экз.)	Г-3	Пласт 2. Вне постройки 1	
114	Замок железный со следами пайки медью, 2 фрагмента	Б-3	Пласт 2	
115	Гвоздь железный	Б-3	Пласт 2	
116	Бисерина бусинная прозрачного голубого стекла	Г-3	Пласт 2. Постройка 1	
117	Бусина стеклянная оплавленная	В-3	Пласт 2. Постройка 1	
118	Ножа (?) железного фрагмент	Б-2	Пласт 2. Постройка 1	
119	Бисерина бусинная прозрачного голубого стекла	Б-3	Пласт 2	
120	Бисерина бусинная прозрачного зеленого стекла	Г-3	Пласт 2. Культурный слой вне постройки	
121	Бисерина бусинная оплавленная	Б-2	Пласт 2	
122	Предмет из медного сплава	Б-2	Пласт 2	
123	Бусина стеклянная зонная	Г-3	Пахота	Ирризована
124	Браслета витого зеленого стекла фрагмент	Б-2	Пахота	
125	Сосуда гончарного из каменной массы (?) фрагмент		Консервационный слой раскопа 2010 г.	
126	Гвоздь железный	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
127	Ножа железного фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
128	Пряслица шиферного фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
129	Пряслица шиферного фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
130	Кольца из медного сплава фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
131	Кремневое орудие на пластине	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
132	Кремень кресальный	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
133	Кремневый скребок	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
134	Бисерина бусинная зеленая (2 экз.)	Г-3	Пласт 3. Темно-серая супесь	
135	Бисерина бусинная зеленая	В-3	Пласт 3. Темно-серая супесь	
136	Кремневый отщеп	Б-3	Пласт 3	
137	Пластинка из медного сплава	В-3	Пласт 3	
138	Браслета витого черного (?) стекла фрагмент	Б-1	Пласт 3	
139	Браслета стеклянного витого фрагмент	Б-3	Пласт 3. Серо-желтый суглинок	
140	Пряжка из медного сплава с литым ложновитым орнаментом и медным язычком	Г-3	Пласт 3	
141	Браслета крученого трехпроволочного из медного сплава фрагмент	Б-2	Пласт 1	Концы обрезаны
142	Браслета стеклянного витого фрагмент	Б-2	Пласт 1	
143	Пластинка свинцовая	Б-1	Пласт 3	
144	Скоба железная	Г-3	Пахота	
145	Перстень витой из медного сплава со следами термической деформации	В-3	Пласт 3	
146	Браслета (?) из медного сплава фрагмент	В-3	Пласт 3	
147	Ножа черешкового фрагмент с железной обоймой	В-3	Пласт 3	
148	Нож железный	Б-2	Пласт 2. Постройка 1	
149	Трехбусинное (с узелковыми бусами) височное кольцо из медного сплава	Б-1	Пласт 4	
150	Полая подвеска-конек (янусовидная) из медного сплава	Г-3	Пласт 4	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
151	Пряслица глиняного биконического фрагмент	Г-2	Пласт 4	
152	Браслета витого черного стекла фрагмент	Б-2	Пласт 4	
153	Браслета стеклянного овального в сечении фрагмент	В-2	Пласт 4. Между камнями	
154	Предмет железный	В-3	Пласт 4	
155	Гвоздь железный	В-1	Пласт 4	
156	Пластинка кремневая	В-3	Пласт 4	
157	Бусина сферическая бирюзового стекла	В-3	Пласт 4	
158	Орудие на кремневой пластине	Г-2	Пласт 4	
159	Предмет железный	Г-2	Пласт 4	
160	Браслета витого стеклянного фрагмент	Г-2	Пласт 4	
161	Предмет железный	Г-1	Пласты 3–4. Глиняная линза	
162	Браслета витого зеленого стекла фрагмент	Г-1	Пласты 3–4. Глиняная линза	
163	Пряслице шиферное	В-1	Пласты 3–4. Глиняная линза	
164	Кремневый наконечник стрелы	Г-2	Пласты 3–4. Глиняная линза	
165	Орудие на кремневой пластине (2 экз.)	В-1	Пласты 3–4. Глиняная линза	
166	Лезвия железного ножа фрагмент	Г-3	Пласт 5	
167	Бисерина бусинная желтая (?)	Г-3	Пласт 5	
168	Браслета стеклянного фрагмент	Б-1	Пласт 5	
169	Гребня костяного составного двустороннего накладки фрагмент	Б-1	Пласт 5	Кальцинирован
170	Крючок железный	Б-2	Пласт 2. Постройка 1	
171	Гвоздь железный	---	Постройка 2	
172	Оселка сланцевого (?) фрагмент	Г-2	Постройка 3. Заполнение	
173	Предмет железный (2 экз.)	Г-1	Пласт 5	
174	Оселка (?) сланцевого фрагмент	Г-2	Постройка 3. Заполнение	
175	Наконечник стрелы трехлопастной железный	Б-1	Пласт 7. Темно-серая супесь	
176	Кремневое орудие на пластине	Б-1	Пласт 7. Темно-серая супесь	
177	Замка пружинного фрагмент железный	В-1/В-2	Комплекс II. Поверхность	
178	Предмет железный	В-1/В-2	Комплекс II. Поверхность	
179	Изделия костяного орнаментированного фрагмент	Б-2	Пласт 6. Темно-серая супесь	Кальцинирован
180	Кремневое орудие на пластине	Б-3	Пласт 2. Темно-серая супесь	
181	Брунчалка костяная	Б-3	Пласт 3. Темно-серая супесь	
182	Формочка глиняная односторонняя для отливки нательного крестика	Г-2	Пласт 5	
183	Браслета стеклянного фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
184	Пряжки железной фрагмент	---	Консервационный слой раскопа 2010 г.	
185	Ключа железного фрагмент	Б-2	Пласт 6	
186	Браслета стеклянного фрагмент	Б-1	Пласт 6	
187	Предмет железный	В-2	Пласт 5	
188	Браслета стеклянного фрагмент	Г-2	Пласт 6	
189	Бисерина бусинная зеленая	Г-1	Пласт 5	
190	Бисерина бусинная зеленая	Г-2	Пласт 6	
191	Пронизка двучастная желтого стекла	Г-2	Пласт 6	Оплавлена
192	Пробой железный	Г-1	Пласты 4–5. Постройка 2	
193	Фибула спиралеконечная с иглой, концы обломаны. Медный сплав	В-2	Пласт 5	
194	Пронизка двучастная желтого стекла	В-1	Глина над погребенной почвой	
195	Предмет железный	Б-1	Пласт 6	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
196	Пластина кремневая	В-1	Граница пластов 3 и 4. Глиняная линза	
197	Браслета стеклянного фрагмент	Б-1	Пласт 6	
198	Браслета стеклянного фрагмент	Б-2	Пласт 7	Оплавлен
199	Гвоздь железный	Г-2	Пласт 5	
200	Орудия сланцевого шлифованного фрагмент	Г-1	Пласт 4. Под глиной	
201	Браслета витого стеклянного фрагмент	Г-1	Пласт 4. Под глиной	
202	Браслета витого стеклянного фрагмент	Г-3	Пласт 6	
203	Браслета стеклянного фрагмент	Г-3	Пласт 6	
204	Браслета стеклянного фрагмент	Г-3	Пласт 6	
205	Браслета витого стеклянного фрагмент (3 экз.)	Г-2	Пласт 6	
206	Стержня железного четырехгранного фрагмент	Г-2	Пласт 6	
207	Бусины биконической синего стекла фрагмент (3 экз.)	В-2	Комплекс IV	
208	Предмет железный (фрагмент шпоры?)	В-2	Пласт 5	
209	Предмет железный	В-2	Пласт 5	
210	Нуклеус кремневый	В-2	Пласт 5	
211	Пронизка двучастная желтого стекла	В-1	Пласт 6. Глина над погребенной почвой	Оплавлена
212	Пронизка одинарная желтого стекла	В-2	Пласт 5	
213	Предмета железного фрагмент	---	Зачистка стенок раскопа	
214	Пластины кремневой фрагмент	---	Зачистка стенок раскопа	
215	Стержня четырехгранного железного фрагмент	В-2	Комплекс IV. Серый суглинок	
216	Шлак железный	---	Консервационный слой раскопа 2010 г	
217	Черешок железный	Г-1	Комплекс VI. Заполнение	
218	Шлак железный	Б-3	Пласт 1	
219	Отщеп кремневый	Б-3	Пласт 1	
220	Бисерина бусинная желтая	Г-1	Пласт 1	
221	Шлак железный	В-2	Пласт 5	
222	Стержня четырехгранного железного фрагмент	Г-3	Пласт 6	
223	Шлак литейный	В-1	Пласт 4	
224	Бисерина бусинная зеленая	Б-1	Пласт 7	
225	Браслета стеклянного фрагмент (2 экз.)	Б-1	Пласт 7	
226	Шлак железный	Б-1	Пласт 7	
227	Гвоздя железного фрагмент	В-3	Пласт 3	
228	Предмет железный	Г-2	Пласт 4	
229	Зуба животного с просверленным отверстием фрагмент	Б-1	Пласт 5	
230	Скобы железной фрагмент	Г-2	Пласт 4. Под глиной	
231	Пряслица глиняного фрагмент	Б-2	Нора животного (переотложенный слой)	
232	Пряслице шиферное	Б-3	Пласт 3	Закопчено в огне
233	Изделия из трубчатой кости фрагмент	Б-3	Пласт 3	
234	Изделия из медного сплава фрагмент	Б-3	Пласт 3	
235	Браслета витого коричневого стекла фрагмент	Б-3	Пласт 2	
236	Сосуда желтого прозрачного стекла фрагмент	Б-3	Пласт 2	
237	Браслета витого стеклянного фрагмент	В-3	Пласт 4	
238	Ножа железного черенок	В-3	Пласт 4	
239	Орудие на кремневой пластине	В-3	Пласт 1	
240	Кремень кресальный	В-3	Пласт 1	
241	Браслета витого стеклянного фрагмент	---	Раскоп 2010 г. Консервационный слой	
242	Бисерина бусинная двойная зеленого стекла	В-1	Пласт 6	
243	Бисерина бусинная зеленая	В-3	Пласт 2	
244	Пряслице шиферное	В-3	Пласт 2	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
245	Браслета, круглого в сечении, зеленого стекла с желтой нитью, фрагмент	В-3	Пласт 3	
246	Шпоры железной фрагмент (склеен из двух частей)	В-3	Пласт 3	
247	Брунчалка костяная	Г-3	Пласт 3	
248	Бисерина бусинная	Г-2	Пласт 6 под постройкой 3	
249	Бисерины бусинной зеленого стекла фрагмент	В-2	Пласт 6	
250	Бусина биконическая синего стекла	В-1	Пласт 6	
251	Браслета витого зеленого стекла фрагмент	В-3	Пласт 1	
252	Бисерина бусинная бирюзовая	В-2	Пласт 6	
253	Обрезок обработанной трубчатой кости животного	В-2	Пласт 6	
254	Лезвия железного ножа фрагмент	Б-3	Пахота	
255	Крючок рыболовный железный	Б-3	Пахота	
256	Шпоры железной фрагмент и железный стержень квадратного сечения (2 экз.)	В-3	Пласт 3	
257	Бисерина бусинная зеленая	Г-1	Комплекс I. Пласт 1	
258	Пряслице шиферное миниатюрное	В-1	Пласты 3–4 . Глиняная линза	
259	Бусина хрустальная сферическая	Г-3	Пласт 4	
260	Браслета витого стеклянного фрагмент	Г-3	Пласт 4	
261	Браслета, круглого в сечении, зеленого прозрачного стекла, фрагмент	В-3	Яма № 7	
262	Бусина бипирамидальная сердоликовая	Б-2	Пахота	Обожжена до молочного цвета
263	Браслета, круглого в сечении, черного (?) стекла с желтой нитью, фрагмент	Б-2	Пахота	
264	Бусина овальная в сечении винного (?) стекла	---	Раскоп 2010 г. Консервационный слой	Ирризована
265	Бисерины бусинной бирюзовой фрагмент	---	Раскоп 2010 г. Консервационный слой	
266	Браслета, круглого в сечении, коричневого стекла, фрагмент	Б-2	Пласт 3	
267	Бусины овальной в сечении, зеленого стекла, фрагмент	Г-2	Пласт 5	
268	Бисерина бусинная тройная зеленая (фрагмент)	Г-2	Пласт 5	
269	Гвоздь железный (2 экз.)	В-1	Пласт 4. Под глиной	
270	Браслета, круглого в сечении, черного стекла, фрагмент	В-1	Пласт 4. Под глиной	
271	Амфоры фрагмент	В-1	Пласт 4. Под глиной	
272	Кремневое орудие на пластине	В-3	Пласт 2. В постройке	
273	Шпоры(?) железной фрагмент	Б-2	Пласт 6	
274	Амфоры фрагмент	Г-1	Пласт 5	
275	Пряслице шиферное	Б-1	Пласт 6	Обожжено
276	Бисерина бусинная зеленая	Б-1	Пласт 6	
277	Гвоздя кованого фрагмент	В-3	Пахота	
278	Шлак железный	Б-1	Пахота	
279	Пронизка лимоновидная (?) одинарная желтого стекла		Комплекс IV. Заполнение барсучьей норы	
280	Предмет железный		Комплекс IV. Заполнение барсучьей норы	
281	Топора каменного с просверленным отверстием фрагмент	Б-1	Пласт 4	
282	Шлак железный	Б-1	Пласт 4	
283	Гвоздь (костыль) железный	Б-2	Постройка 1	
284	Предмет железный	Б-2	Постройка 1	
285	Пряслица шиферного фрагмент (4 экз.)	Г-3	Пласт 1	Обожжены

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
286	Шпоры железной фрагменты (4 экз.), два фрагмента инкрустированы медной проволокой	В-3	Пласт 3	
287	Кремень кресальный	Б-1	Пласт 2	
288	Гвоздь железный	Б-1	Пласт 2	
289	Шлак железный	---	Раскоп 2010 г. Консервационный слой	
290	Амфоры фрагмент	---	Раскоп 2010 г. Консервационный слой	
291	Венчика гончарного сосуда фрагмент		Комплекс IV. Верх заполнения	
292	Браслета витого черного стекла фрагмент	В-2	Пласт 6	
293	Оселок каменный	В-3	Пласт 2	
294	Браслета, круглого в сечении, желтого прозрачного стекла с желтой нитью, фрагмент	Г-3	Пласт 2	
295	Браслета витого зеленого прозрачного стекла фрагмент		Раскоп 2010 г. Консервационный слой	
296	Пронизка витая трубчатая стеклянная	Б-1	Пласт 5	
297	Железная пластинка (2 экз.)	Б-2	Пласт 6	
298	Предмет железный	Г-1	Пласт 6	
299	Пластина из медного сплава	Г-3	Пласт 6	
300	Железный заостренный стержень	Б-1	Пахота	
301	Предмет железный	В-1	Пласт 6	
302	Пластинка свинцовая	В-1	Пласт 6	
303	Фрагмент сланцевого оселка	Б-2	Пласт 2. Постройка 1	
304	Бисерина бусинная синяя	В-3	Пласт 2. Вне постройки	
305	Гвоздя железного фрагмент (3 экз.)	Г-1	Пласт 4. Под глиной	
306	Гвоздь железный	Г-3	Пласт 1	
307	Пряслице шиферное	Б-3	Пласт 2	
308	Пряслица глиняного биконического фрагмент	Б-2	Пласт 5	
309	Кремень кресальный	Б-2	Пласт 5	
310	Браслета стеклянного витого фрагмент	Б-3	Пахота	
311	Кремень кресальный	Б-1	Пласт 2. Вне постройки	
312	Бисерина бусинная желтая	Б-1	Пласт 8	
313	Бисерины бусинной бирюзовой фрагмент	Б-1	Пласт 8	
314	Бисерина бусинная двойная зеленая	---	Раскоп 2010 г. Консервационный слой	
315	Бисерина бусинная зеленая	Г-3	Пласт 6	
316	Брунчалка костяная (2 экз.)	Б-1	Пласт 2	
317	Брунчалка костяная	Б-3	Пласт 2	
318	Кремневый скребок	В-1	Пласты 3–4. Линза серо-желтого суглинка	
319	Кремень кресальный	Б-1	Пласт 7	
320	Глиняного грузика (?) фрагмент	В-1	Пласт 4. Под линзой серо-желтого суглинка	
321	Кремневый отщеп	В-1	Пласт 4. Под линзой серо-желтого суглинка	
322	Проколка (?) кремневая	В-2	Пласты 3–4. Линза серо-желтого суглинка	
323	Кремневый скребок	Б-1	---	
324	Браслета пластинчатого литого из свинцово-оловянистого сплава фрагмент	Б-1	---	
325	Кремневая пластина (2 экз.)	---	Раскоп 2010 г. Консервационный слой	
326	Шлак стекловидный (2 экз.)	---	Раскоп 2010 г. Консервационный слой	

№	Наименование находки	Номер квадрата	Контекст	Примечания
327	Стержень костяной орнаментированный	---	Раскоп 2010 г. Консервационный слой	Плохая сохранность
328	Проколка костяная	---	Раскоп 2010 г. Консервационный слой	
329	Проколка костяная	---	Раскоп 2010 г. Консервационный слой	
330	Подвеска-амулет костяная (просверленный астрагал бобра)	---	Раскоп 2010 г. Консервационный слой	
331	Шпоры железной фрагмент (2 экз.)	В-1	Пласт 5	
332	Обойма из пластинки медного сплава	В-1	Пласт 4	
333	Предмет железный (3 экз.)	Б-2	Пласт 2	
334	Пронизка одинарная стеклянная продольно-полосатая, бело-коричневая	В-3	Комплекс IX, ямка с углями. Сожжение	
335	Бисерина синего стекла	В-3	Комплекс IX, ямка с углями. Сожжение	Оплавлена
336	Бисерина синего стекла	В-3	Комплекс IX, ямка с углями. Сожжение	Оплавлена
337	Бусина сферическая сердоликовая	В-3	Комплекс IX, ямка с углями. Сожжение	Обожжена
338	Хрустальной сферической бусины фрагмент, с прикипевшим кусочком оплавленного желтого стекла	В-3	Комплекс IX, ямка с углями. Сожжение	
339	Капля стекла винного цвета с мелкими прикипевшими кальцинированными косточками	В-3	Комплекс IX, ямка с углями. Сожжение	Оплавлена
340	Костяного двустороннего гребня (пластины с зубцами) фрагмент	В-3	Пласт 4	

И. И. Еремеев. **Таблицы топографической привязки средневековых археологических памятников в пос. Усвяты Псковской области**

Таблица 1

Поворотные точки границ территории городища Прудок в пос. Усвяты

Точки по периметру основания городищенского холма		
№	Координаты	Примечания
1	N 55°44′48,8″ E 030°43′59,6″	Лестница на городище
2	N 55°44′49,3″ E 030°44′00,6″	′
3	N 55°44′46,9″ E 030°44′03,0″	
4	N 55°44′46,2″ E 030°44′02,1″	Угол дома
5	N 55°44′46,2″ E 030°44′01,8″	
6	N 55°44′46,5″ E 030°43′59,9″	
7	N 55°44′46,8″ E 030°43′59,1″	
8	N 55°44′47,4″ E 030°43′58,4″	Сосна у основания склона
9	N 55°44′47,8″ E 030°43′58,4″	
10	N 55°44′48,1″ E 030°43′59,1″	Угол усадьбы
Точки по периметру площадки городища		
А	N 55°44′48,4″ E 030°44′00,0″	
Б	N 55°44′48,6″ E 030°44′00,4″	
В	N 55°44′48,0″ E 030°44′01,0″	
Г	N 55°44′47,0″ E 030°44′01,8″	Угол ограды кладбища
Д	N 55°44′46,5″ E 030°44′02,0″	
Е	N 55°44′46,4″ E 030°44′01,5″	
Ж	N 55°44′46,4″ E 030°44′00,9″	
З	N 55°44′46,9″ E 030°44′00,1″	
И	N 55°44′47,2″ E 030°43′59,6″	
К	N 55°44′47,7″ E 030°43′59,4″	
Л	N 55°44′48,2″ E 030°44′00,1″	
М	N 55°44′48,5″ E 030°44′00,0″	

Таблица 2

Поворотные точки границ территории селища Прудок 1 в пос. Усвяты

№	Координаты	Примечания
1	N 55°44′47,7″ E 030°43′56,6″	–
2	N 55°44′47,2″ E 030°43′55,9″	–
3	N 55°44′45,9″ E 030°43′53,8″	–
4	N 55°44′46,2″ E 030°43′56,0″	–
5	N 55°44′45,7″ E 030°43′57,6″	–
6	N 55°44′45,4″ E 030°43′58,8″	Крупный пень на склоне террасы
7	N 55°44′44,9″ E 030°44′00,0″	Валунная кладка
8	N 55°44′45,0″ E 030°44′00,7″	–
9	N 55°44′45,0″ E 030°44′01,6″	Угол валунной кладки (фундамента)
10	N 55°44′46,2″ E 030°44′02,1″	Угол дома
11	N 55°44′46,2″ E 030°44′01,8″	–
12	N 55°44′46,5″ E 030°43′59,9″	–
13	N 55°44′46,8″ E 030°43′59,1″	–
14	N 55°44′47,4″ E 030°43′58,4″	Сосна у основания склона городищенского холма
15	N 55°44′47,8″ E 030°43′58,4″	–

Таблица 3

Координаты курганного могильника Прудок (Усвяты II) на территории пос. Усвяты

№	Координаты	Примечания
1	N 55°44′45,4″ E 030°43′52,4″	Погребальные сооружения располагаются в радиусе 20 м от указанной точки

Таблица 4

Поворотные точки границ территории городища Замковая Гора в пос. Усвяты

№	Координаты
Точки по периметру основания городищенского холма	
1	N 55°44′29,6″ E 030°44′42,2″
2	N 55°44′30,6″ E 030°44′41,0″
3	N 55°44′31,0″ E 030°44′40,0″
4	N 55°44′31,2″ E 030°44′38,2″
5	N 55°44′31,5″ E 030°44′37,5″
6	N 55°44′32,0″ E 030°44′35,8″
7	N 55°44′32,1″ E 030°44′33,7″
8	N 55°44′31,9″ E 030°44′32,7″
9	N 55°44′31,4″ E 030°44′31,9″
10	N 55°44′30,2″ E 030°44′31,2″
11	N 55°44′29,8″ E 030°44′31,9″
12	N 55°44′29,6″ E 030°44′32,9″
13	N 55°44′29,6″ E 030°44′34,3″
14	N 55°44′29,3″ E 030°44′45,4″
15	N 55°44′28,3″ E 030°44′37,3″
16	N 55°44′26,6″ E 030°44′40,5″
17 Въезд на городище	N 55°44′27,3″ E 030°44′43,6″
18	N 55°44′28,3″ E 030°44′44,2″

№	Координаты
Точки по периметру площадки городища	
А	N 55°44′28,5″ E 030°44′41,5″
Б	N 55°44′28,9″ E 030°44′42,3″
В	N 55°44′29,6″ E 030°44′41,6″
Г	N 55°44′30,4″ E 030°44′40,1″
Д	N 55°44′30,7″ E 030°44′39,0″
Е	N 55°44′30,5″ E 030°44′38,4″
Ж	N 55°44′30,7″ E 030°44′37,9″
З	N 55°44′31,3″ E 030°44′35,6″
И	N 55°44′31,4″ E 030°44′34,1″
К	N 55°44′31,0″ E 030°44′32,9″
Л	N 55°44′30,5″ E 030°44′32,5″
М	N 55°44′30,2″ E 030°44′34,1″
Н	N 55°44′30,2″ E 030°44′35,5″
О	N 55°44′29,3″ E 030°44′38,5″
П	N 55°44′28,2″ E 030°44′39,9″
Р	N 55°44′27,7″ E 030°44′40,9″
С	N 55°44′27,9″ E 030°44′41,7″

Таблица 5

Поворотные точки границ территории городища Бугор в пос. Усвяты.Точки по периметру основания городищенского холма

№	Координаты
1	N 55°44′13,7″ E 030°45′00,5″
2	N 55°44′13,7″ E030°45′01,6″
3	N 55°44′14,5″ E 030°45′03,5″
4	N 55°44′15,3″ E 030°45′01,8″
5	N 55°44′15,1″ E 030°44′59,4″

Таблица 6

Поворотные точки границ распространения культурного слоя в археологическом комплексе в ур. Юрьевы Горы (древнерусский город Усвят)

№	Координаты
1	N 55°43′26,0″ E 030°45′52,2″
2	N 55°43′26,5″ E 030°45′56,2″
3	N 55°43′27,3″ E 030°45′58,2″
4	N 55°43′32,5″ E 030°45′56,9″
5	N 55°43′32,5″ E 030°45′54,4″
6	N 55°43′33,4″ E 030°45′52,2″
7	N 55°43′34,4″ E 030°45′49,5″
8	N 55°43′36,1″ E 030°45′47,5″
9	N 55°43′38,2″ E 030°45′47,2″
10	N 55°43′40,1″ E 030°45′46,3″
11	N 55°43′33,1″ E 030°45′44,7″
12	N 55°43′44,7″ E 030°45′42,3″
13	N 55°43′46,4″ E 030°45′38,5″

№	Координаты
14	N 55°43′45,9″ E 030°45′36,7″
15	N 55°43′44,6″ E 030°45′32,7″
16	N 55°43′43,0″ E 030°45′29,4″
17	N 55°43′38,6″ E 030°45′28,5″
18	N 55°43′37,8″ E 030°45′31,2″
19	N 55°43′36,7″ E 030°45′30,9″
20	N 55°43′33,7″ E 030°45′31,8″
21	N 55°43′32,1″ E 030°45′34,6″
22	N 55°43′28,9″ E 030°45′34,3″
23	N 55°43′27,7″ E 030°45′36,2″
24	N 55°43′24,6″ E 030°45′38,9″
25	N 55°43′25,1″ E 030°45′44,3″
26	N 55°43′26,5″ E 030°45′47,6″

Таблица 7

Поворотные точки границ территории курганного могильника близ ур. Юрьевы Горы (языческий некрополь древнерусского города Усвята)

№	Координаты
1	N 55°43′58,64″ E 030°44′56,81″
2	N 55°44′3.63″ E 030°45′4,41″
3	N 55°43′57,70″ E 030°45′8,11″
4	N 55°43′52,47″ E 030°45′14,94″
5	N 55°43′48,47″ E 030°45′6,57″

Приложение 8

М. В. Саблин. **Остеологический материал из Усвята**

Раскоп 1 в центральной части неукрепленного поселения

В значительном количестве встречаются фаунистические остатки. Всего здесь было найдено 9 костей рыбы (5,3 %), 5 костей птицы (3,0 %) и 156 костей млекопитающих (91,7 %), а именно: 2 кости зайца, 2 кости бобра, 3 кости лося, 10 костей собаки, 15 костей лошади, 63 кости свиньи, 54 кости коровы, 7 костей овцы. От общего количества костей млекопитающих остатки домашних животных составили 95,5 %, диких животных – 4,5 %.

Таблица 1

Распределение костей в пахотном горизонте раскопа 1

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
Б-3	рыба	?	1
Б-3	собака	фрагмент зуба	1
Б-3	собака	фрагмент тазовой	1
Б-3	лошадь	фрагмент зуба	2
Б-3	свинья	фрагмент зуба	3
Б-3	свинья	первая фаланга	1
Б-3	корова	фрагмент зуба	3
В-3	птица	?	1
В-3	бобр	фрагмент зуба	1
В-3	собака	фрагмент верхней челюсти	1
В-3	лошадь	фрагмент зуба	2
В-3	свинья	фрагмент зуба	6
В-3	овца	фрагмент метаподии	1
Всего			24

Таблица 2

Распределение костей в не нарушенных распашкой культурных напластованиях сразу под пахотным слоем раскопа 1

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
А-3	рыба	?	1
А-3	птица	?	1
А-3	лось	фрагмент зуба	1
А-3	лошадь	фрагмент зуба	2
А-3	свинья	фрагмент зуба	5
А-3	свинья	фрагмент локтевой	1
А-3	свинья	фрагмент малой берцовой	1
А-3	свинья	фрагмент метаподии	1
А-3	корова	фрагмент зуба	2
А-3	корова	фрагмент локтевой	1
А-3	корова	фрагмент большой берцовой	1
Б-1	птица	?	1
Б-1	свинья	фрагмент зуба	1
Б-1	свинья	фрагмент большой берцовой	1
Б-1	корова	фрагмент зуба	1
Б-1	корова	фрагмент нижней челюсти	1
Б-1	корова	фрагмент таранной	1
Б-1	корова	фрагмент метаподии задней	1
Б-3	рыба	?	1
Б-3	птица	?	1
Б-3	бобр	фрагмент нижней челюсти	1
Б-3	лось	фрагмент зуба	1

© Саблин М. В., 2015

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
Б-3	собака	фрагмент зуба	4
Б-3	собака	фрагмент верхней челюсти	1
Б-3	лошадь	фрагмент зуба	1
Б-3	корова	фрагмент рога	1
Б-3	корова	фрагмент зуба	4
Б-3	корова	фрагмент большой берцовой	1
В-1	корова	фрагмент зуба	1
В-2	рыба	?	2
В-2	корова	фрагмент зуба	1
В-2	свинья	фрагмент зуба	1
В-2	овца	фрагмент зуба	1
Всего			46

Таблица 3

Распределение костей в заполнении комплекса II раскопа 1

Пласт	Животное	Кость	Шт.
1	корова	фрагмент нижней челюсти	1
2	собака	фрагмент нижней челюсти	1
2	лошадь	фрагмент тазовой	1
2	корова	фрагмент лучевой	1
Всего			4

Таблица 4

Распределение костей в заполнении комплекса III раскопа 1

Пласт	Животное	Кость	Шт.
1	свинья	фрагмент большой берцовой	1
1	корова	фрагмент зуба	3
1	корова	фрагмент нижней челюсти	1
2	лошадь	фрагмент метаподии задней	1
3	лошадь	фрагмент нижней челюсти	1
3	корова	фрагмент рога	1
3	овца	фрагмент зуба	1
Всего			9

Таблица 5

Распределение находок в заполнении комплекса IV раскопа 1

Квадрат	Пласт	Животное	Кость	Шт.
А-3	1	лошадь	фрагмент зуба	1
А-3	1	лошадь	фрагмент лучевой	1
А-3	1	свинья	фрагмент черепа	1
А-3	1	свинья	фрагмент зуба	1
А-3	1	корова	фрагмент черепа	1
А-3	2	корова	фрагмент зуба	1
А-3	2	корова	первый шейный позвонок	1
А-3	2	корова	второй шейный позвонок	1
А-3	яма 6	овца	фрагмент зуба	2
Б-2	предматерик	лось	фрагмент лопатки	1
Б-2	предматерик	свинья	фрагмент зуба	2
Б-2	предматерик	корова	фрагмент метаподии задней	1
Б-2	1	свинья	фрагмент зуба	1
Б-3	1	рыба	?	1
Б-3	1	собака	фрагмент черепа	1
Б-3	1	лошадь	фрагмент зуба	1
Б-3	1	свинья	фрагмент верхней челюсти	1
Б-3	1	свинья	фрагмент зуба	3
Б-3	1	корова	фрагмент зуба	8

Квадрат	Пласт	Животное	Кость	Шт.
Б-3	1	овца	фрагмент лучевой	1
Б-3	2	заяц	фрагмент лучевой	1
Б-3	2	свинья	фрагмент верхней челюсти	1
Б-3	2	свинья	фрагмент зуба	6
Б-3	2	свинья	фрагмент плечевой	1
Б-3	2	свинья	фрагмент локтевой	1
Б-3	2	корова	фрагмент нижней челюсти	3
Б-3	2	корова	фрагмент зуба	3
Б-3	2	корова	фрагмент лопатки	1
Б-3	2	корова	фрагмент метаподии задней	1
Б-3	3	птица	?	1
Б-3	3	корова	фрагмент зуба	1
Б-3	5	лошадь	фрагмент тазовой	1
В-3	1	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
В-3	1	свинья	фрагмент зуба	1
В-3	1	свинья	фрагмент лопатки	1
В-3	1	свинья	фрагмент пяточной	1
В-3	2	рыба	?	3
В-3	2	заяц	первая фаланга	1
В-3	2	свинья	фрагмент верхней челюсти	1
В-3	2	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
В-3	2	свинья	фрагмент зуба	4
В-3	2	свинья	первый шейный позвонок	1
В-3	2	свинья	фрагмент тазовой	1
В-3	2	корова	фрагмент нижней челюсти	2
В-3	3	свинья	фрагмент зуба	2
В-3	3	корова	фрагмент локтевой	1
В-3	5	свинья	фрагмент зуба	1
В-3	6	свинья	фрагмент большой берцовой	1
Всего				75

Раскоп 2 на городище

Фаунистические остатки многочисленны. Всего здесь было найдено 215 костей рыбы (23,6 %), 175 костей птицы (19,2 %) и 520 костей млекопитающих (57,14 %), а именно: 9 костей зайца, 13 костей бобра, 5 костей белки, 1 кость лося, 1 кость лисицы, 14 костей куницы, 3 кости кабана, 87 костей лося, 14 костей собаки, 27 костей лошади, 198 костей свиньи, 94 кости коровы, 54 кости овцы. От общего количества костей млекопитающих остатки домашних животных составили 74,4 %, диких животных – 25,6 %. Отличие по фауне от раскопа 1 очевидно – здесь гораздо больше остатков птицы, рыбы и диких животных.

Таблица 6

Распределение костей в пахотном горизонте и других переотложенных слоях раскопа 2

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
Б-1	рыба	?	6
Б-1	свинья	фрагмент зуба	4
Б-1	овца	фрагмент зуба	1
Б-2	бобр	фрагмент зуба	1
Б-2	лось	фрагмент метаподии	1
Б-2	свинья	фрагмент плечевой	1
Б-2	свинья	вторая фаланга	1
Б-2	корова	фрагмент зуба	1
Б-3	рыба	?	1

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
Б-3	птица	?	1
Б-3	собака	фрагмент зуба	1
Б-3	лось	фрагмент зуба	1
Б-3	свинья	фрагмент зуба	2
Б-3	свинья	первая фаланга	1
Б-3	корова	фрагмент зуба	1
В-1	свинья	фрагмент лучевой	1
В-1	бобр	фрагмент зуба	1
В-1	лось	фрагмент рога	4
В-1	свинья	фрагмент зуба	5
В-1	корова	фрагмент зуба	3
В-1	овца	фрагмент нижней челюсти	1
В-1	овца	фрагмент пяточной	1
В-2	лось	фрагмент метаподии	1
В-2	лошадь	запястье/заплюсна	1
В-2	свинья	фрагмент малой берцовой	1
В-2	корова	вторая фаланга	1
В-2	овца	фрагмент зуба	1
В-2	птица	?	1
В-2	куница	фрагмент нижней челюсти	1
В-2	лось	фрагмент зуба	1
В-2	свинья	фрагмент зуба	1
В-2	корова	фрагмент зуба	2
В-3	птица	?	1
В-3	лось	фрагмент метаподии	1
В-3	лошадь	фрагмент зуба	1
В-3	свинья	фрагмент метаподии	1
В-3	свинья	вторая фаланга	1
В-3	корова	фрагмент зуба	5
Г-1	корова	фрагмент зуба	1
Г-2	лось	фрагмент большой берцовой	1
Г-2	лось	фрагмент метаподии	1
Г-2	корова	фрагмент пяточной	1
Г-2	овца	фрагмент зуба	1
Г-2	рыба	?	1
Г-3	лось	фрагмент зуба	1
Г-3	корова	фрагмент зуба	1
зачистка стенки	рыба	?	4
зачистка стенки	птица	?	1
зачистка стенки	свинья	фрагмент зуба	1
зачистка стенки	свинья	фрагмент плечевой	1
зачистка стенки	корова	запястье/заплюсна	1
зачистка стенки	корова	фрагмент пяточной	2
Всего			79

Таблица 7

Распределение костей в пласте 1 культурного слоя раскопа 2

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
Б-1	птица	?	1
Б-1	лось	фрагмент зуба	1
Б-1	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
Б-2	рыба	?	2
Б-2	птица	?	1
Б-2	собака	фрагмент зуба	1
Б-2	лось	фрагмент метаподии	1
Б-2	свинья	фрагмент зуба	1
Б-3	рыба	?	1
Б-3	птица	?	7
Б-3	бобр	фрагмент зуба	5
Б-3	свинья	фрагмент верхней челюсти	1
Б-3	свинья	фрагмент зуба	1
Б-3	свинья	третья фаланга	1
Б-3	овца	фрагмент зуба	1
В-1	рыба	?	2
В-1	птица	?	3
В-1	свинья	фрагмент верхней челюсти	1
В-1	свинья	вторая фаланга	1
В-1	собака	фрагмент верхней челюсти	1
В-1	собака	фрагмент нижней челюсти	1
В-1	свинья	фрагмент верхней челюсти	3
В-1	свинья	фрагмент зуба	5
В-1	корова	фрагмент рога	2
В-3	птица	?	1
В-3	свинья	фрагмент зуба	2
В-3	овца	фрагмент рога	1
В-3	овца	фрагмент лучевой	1
Г-1	птица	?	1
Г-1	бобр	фрагмент тазовой	1
Г-1	лось	фрагмент плечевой	1
Г-1	лось	фрагмент таранной	1
Г-1	лось	фрагмент метаподии	1
Г-1	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
Г-1	свинья	фрагмент зуба	1
Г-1	свинья	фрагмент лучевой	1
Г-1	овца	фрагмент нижней челюсти	1
Г-1	овца	фрагмент большой берцовой	1
Г-1	овца	фрагмент метаподии задней	1
Г-2	рыба	?	3
Г-2	птица	?	1
Г-2	белка	фрагмент локтевой	1
Г-2	лось	фрагмент лучевой	1
Г-2	свинья	фрагмент лопатки	1
Г-2	корова	фрагмент нижней челюсти	1
Г-2	корова	фрагмент зуба	2
Г-3	рыба	?	1
Г-3	птица	?	2
Г-3	волк	фрагмент большой берцовой	1
Г-3	лошадь	фрагмент зуба	1
Г-3	корова	фрагмент таранной	1
Г-3	овца	фрагмент зуба	1
Г-3	овца	фрагмент локтевой	1
Г-3	овца	фрагмент лучевой	1
Всего			80

Таблица 8

Распределение костей в пласте 2 культурного слоя раскопа 2 за пределами постройки 1

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
Б-1	рыба	?	8
Б-1	птица	?	6
Б-1	заяц	фрагмент тазовой	1
Б-1	куница	фрагмент таранной	1
Б-1	лось	фрагмент зуба	1
Б-1	лось	запястье/заплюсна	1
Б-1	свинья	фрагмент плечевой	1
Б-1	свинья	фрагмент метаподии	2
Б-1	свинья	вторая фаланга	1
Б-2	рыба	?	2
Б-2	птица	?	1
Б-2	лось	фрагмент таранной	1
Б-2	овца	фрагмент зуба	1
Б-2	овца	фрагмент таранной	1
Б-3	рыба	?	11
Б-3	птица	?	1
Б-3	лошадь	фрагмент тазовой	1
Б-3	свинья	фрагмент верхней челюсти	2
Б-3	свинья	фрагмент зуба	1
Б-3	свинья	фрагмент большой берцовой	1
Б-3	свинья	фрагмент метаподии	1
Б-3	овца	фрагмент зуба	2
В-1	рыба	?	4
В-1	птица	?	4
В-1	лось	фрагмент лопатки	1
В-1	лось	фрагмент плечевой	1
В-1	лошадь	фрагмент зуба	1
В-1	свинья	фрагмент верхней челюсти	1
В-1	свинья	фрагмент зуба	2
В-1	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
В-1	рыба	?	1
В-1	куница	фрагмент пяточной	1
В-1	лось	первая фаланга	1
В-3	рыба	?	1
В-3	птица	?	2
В-3	куница	фрагмент плечевой	1
В-3	куница	фрагмент тазовой	1
В-3	лось	фрагмент рога	1
В-3	свинья	фрагмент верхней челюсти	1
В-3	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
В-3	корова	фрагмент метаподии	1
Г-1	рыба	?	1
Г-1	белка	фрагмент большой берцовой	1
Г-1	лось	фрагмент лопатки	1
Г-1	лось	первая фаланга	1
Г-1	свинья	фрагмент плечевой	1
Г-1	корова	фрагмент зуба	1
Г-1	корова	фрагмент таранной	1
Г-2	рыба	?	3
Г-2	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
Г-2	свинья	фрагмент большой берцовой	1
Г-2	свинья	фрагмент малой берцовой	1
Г-2	корова	фрагмент нижней челюсти	1
Г-2	корова	фрагмент зуба	1
Г-3	птица	?	1
Г-3	свинья	фрагмент метаподии	1
Всего			92

Таблица 9

Распределение костей в пласте 3 культурного слоя раскопа 2 за пределами постройки 1

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
Б-1	рыба	?	8
Б-1	лось	запястье/заплюсна	4
Б-1	овца	фрагмент нижней челюсти	1
Б-1	овца	фрагмент зуба	2
Б-2	рыба	?	2
Б-2	птица	?	3
Б-2	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
Б-2	свинья	фрагмент тазовой	1
Б-2	свинья	фрагмент пяточной	1
Б-2	корова	фрагмент нижней челюсти	1
Б-3	рыба	?	7
Б-3	птица	?	2
Б-3	лошадь	первая фаланга	1
Б-3	свинья	фрагмент черепа	4
Б-3	свинья	фрагмент верхней челюсти	2
Б-3	свинья	первая фаланга	1
Б-3	корова	фрагмент нижней челюсти	1
Б-3	овца	фрагмент зуба	3
Б-3	овца	фрагмент нижней челюсти	1
Б-3	овца	фрагмент таранной	1
В-1	птица	?	2
В-1	лось	фрагмент зуба	1
В-1	лошадь	фрагмент метаподии задней	1
В-1	овца	фрагмент зуба	2
В-1	птица	?	2
В-1	бобр	фрагмент тазовой	1
В-1	лошадь	вторая фаланга	1
В-3	рыба	?	5
В-3	птица	?	4
В-3	лось	фрагмент метаподии	1
В-3	лошадь	фрагмент большой берцовой	1
В-3	свинья	фрагмент метаподии	1
В-3	свинья	вторая фаланга	1
Г-1	рыба	?	1
Г-1	птица	?	1
Г-1	овца	фрагмент зуба	1
Г-1	овца	фрагмент метаподии задней	1
Г-3	рыба	?	1
Г-3	лошадь	фрагмент зуба	1
Г-3	лошадь	третья фаланга	1
Г-3	свинья	фрагмент тазовой	1
Г-3	свинья	фрагмент метаподии	1
Г-3	свинья	первая фаланга	1
Г-3	корова	фрагмент зуба	1
Г-3	корова	вторая фаланга	1
Всего			82

Таблица 10

Распределение костей в пласте 4 культурного слоя раскопа 2 за пределами постройки 1

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
Б-1	рыба	?	5
Б-1	птица	?	5
Б-1	лось	фрагмент метаподии	2
Б-1	лось	первая фаланга	1
Б-1	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
Б-1	свинья	фрагмент зуба	3
Б-1	овца	фрагмент лучевой	1
Б-2	рыба	?	3
Б-2	птица	?	8
Б-2	куница	фрагмент нижней челюсти	1
Б-2	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
Б-2	свинья	фрагмент зуба	1
Б-3	рыба	?	1
Б-3	овца	фрагмент нижней челюсти	1
В-1	рыба	?	6
В-1	птица	?	3
В-1	лось	фрагмент метаподии	1
В-1	лошадь	первая фаланга	1
В-1	свинья	первая фаланга	1
В-2	рыба	?	2
В-2	заяц	фрагмент плечевой	1
В-2	куница	фрагмент лучевой	1
В-2	лось	третья фаланга	1
В-3	рыба	?	8
В-3	птица	?	11
В-3	заяц	первая фаланга	1
В-3	бобр	фрагмент зуба	1
В-3	бобр	фрагмент лопатки	1
В-3	лось	фрагмент большой берцовой	1
В-3	лось	первая фаланга	1
В-3	свинья	фрагмент зуба	1
В-3	свинья	фрагмент локтевой	1
В-3	свинья	первая фаланга	1
В-3	корова	фрагмент нижней челюсти	1
В-3	корова	запястье/заплюсна	1
В-3	корова	первая фаланга	1
В-3	овца	фрагмент нижней челюсти	1
В-3	овца	фрагмент зуба	1
Г-1	рыба	?	8
Г-1	лисица	фрагмент метаподии передней	1
Г-1	лось	второй шейный позвонок	1
Г-1	свинья	фрагмент зуба	3
Г-1	корова	фрагмент лопатки	1
Г-2	рыба	?	15
Г-2	птица	?	3
Г-2	лось	фрагмент метаподии	1
Г-2	лошадь	третья фаланга	1
Г-2	свинья	фрагмент черепа	1
Г-2	свинья	фрагмент зуба	2
Г-2	свинья	второй шейный позвонок	1
Г-2	свинья	фрагмент локтевой	1
Г-2	корова	фрагмент зуба	2
Г-3	рыба	?	5
Г-3	птица	?	8

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
Г-3	лось	фрагмент нижней челюсти	1
Г-3	лось	фрагмент зуба	1
Г-3	свинья	фрагмент верхней челюсти	1
Г-3	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
Г-3	свинья	фрагмент зуба	1
Г-3	свинья	фрагмент плечевой	1
Г-3	корова	фрагмент зуба	1
Г-3	корова	фрагмент метаподии	1
Всего			145

Таблица 11

Распределение костей в заполнении постройки 1 раскопа 2

Квадрат	Пласт	Животное	Кость	Шт.
В-2	1	рыба	?	4
В-2	1	птица	?	3
В-2	1	лось	фрагмент верхней челюсти	1
В-2	1	лось	фрагмент плечевой	1
В-2	1	лось	запястье/заплюсна	1
В-2	1	лось	фрагмент метаподии	1
В-2	1	свинья	фрагмент большой берцовой	1
В-2	1	овца	фрагмент метаподии	1
В-2	2	рыба	?	24
В-2	2	птица	?	5
В-2	2	бобр	фрагмент бедренной	1
В-2	2	куница	фрагмент локтевой	1
В-2	2	лось	первый шейный позвонок	1
В-2	2	лось	фрагмент лучевой	1
В-2	2	лось	запястье/заплюсна	1
В-2	2	свинья	фрагмент лопатки	1
В-2	2	свинья	фрагмент плечевой	1
В-2	2	свинья	первая фаланга	1
В-3	2	рыба	?	5
В-3	2	лось	фрагмент метаподии	1
В-3	2	свинья	фрагмент верхней челюсти	1
В-3	2	свинья	фрагмент зуба	2
В-3	2	корова	фрагмент зуба	2
В-3	2	корова	фрагмент лучевой	1
Г-2	2	рыба	?	2
Г-2	2	птица	?	1
Г-2	2	кабан	фрагмент верхней челюсти	1
Г-2	2	кабан	фрагмент метаподии	2
Г-2	2	лось	фрагмент плечевой	1
Г-2	2	лось	фрагмент пяточной	1
Г-2	2	лось	фрагмент метаподии	1
Г-2	2	лошадь	фрагмент зуба	1
Г-2	2	корова	фрагмент зуба	1
Г-2	2	корова	фрагмент большой берцовой	1
Г-2	3	рыба	?	1
Г-2	3	заяц	фрагмент лопатки	1
Г-2	3	лось	запястье/заплюсна	1
Г-2	3	лось	фрагмент таранной	1
Г-2	3	лось	фрагмент метаподии	1
Г-2	3	свинья	фрагмент зуба	1
Г-2	3	свинья	фрагмент метаподии	1
Г-3	2	рыба	?	1
Г-3	2	птица	?	1
Всего				83

Таблица 12

Распределение костей в линзе светло-серого/серо-желтого суглинка в пласте 3 раскопа 2

Квадрат	Пласт	Животное	Кость	Шт.
В-1	3	рыба	?	6
В-1	3	птица	?	3
В-1	3	куница	фрагмент позвонка	1
В-1	3	лось	фрагмент пяточной	1
Г-1	3	рыба	?	2
Г-2	3	рыба	?	1
Г-2	3	лошадь	фрагмент нижней челюсти	1
Г-2	3	лошадь	фрагмент зуба	1
Г-2	3	свинья	третья фаланга	1
Г-2	3	корова	фрагмент зуба	1
Всего				18

Таблица 13

Распределение костей в пласте 5 культурного слоя раскопа 2

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
Б-1	рыба	?	4
Б-1	птица	?	10
Б-1	собака	фрагмент лопатки	1
Б-1	лошадь	запястье/заплюсна	2
Б-1	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
Б-1	свинья	фрагмент зуба	1
Б-1	свинья	первая фаланга	1
Б-1	корова	фрагмент метаподии задней	1
Б-2	рыба	?	2
Б-2	птица	?	14
Б-2	заяц	фрагмент плечевой	1
Б-2	заяц	фрагмент большой берцовой	1
Б-2	белка	фрагмент нижней челюсти	1
Б-2	белка	фрагмент бедренной	1
Б-2	лось	фрагмент зуба	1
Б-2	лошадь	фрагмент большой берцовой	1
Б-2	лошадь	фрагмент метаподии задней	1
Б-2	лошадь	запястье/заплюсна	1
Б-2	лошадь	фрагмент таранной	1
Б-2	лошадь	фрагмент пяточной	1
Б-2	свинья	фрагмент верхней челюсти	2
Б-2	свинья	фрагмент зуба	4
Б-2	свинья	фрагмент большой берцовой	1
Б-2	свинья	фрагмент таранной	2
Б-2	свинья	фрагмент пяточной	1
Б-2	свинья	фрагмент метаподии	1
В-1	куница	фрагмент плечевой	1
В-1	лось	фрагмент нижней челюсти	1
В-1	лось	фрагмент метаподии	1
В-1	лось	вторая фаланга	1
В-1	свинья	фрагмент черепа	1
В-1	свинья	фрагмент зуба	3
В-1	свинья	фрагмент метаподии	1
В-1	овца	фрагмент таранной	1
В-2	рыба	?	4
В-2	птица	?	7
В-2	бобр	фрагмент лопатки	1

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
В-2	куница	фрагмент большой берцовой	1
В-2	лось	запястье/заплюсна	1
В-2	лось	первая фаланга	1
В-2	свинья	фрагмент верхней челюсти	2
В-2	свинья	фрагмент нижней челюсти	2
В-2	свинья	фрагмент зуба	7
В-2	свинья	запястье/заплюсна	1
В-2	свинья	первая фаланга	1
В-2	корова	фрагмент зуба	1
В-2	корова	фрагмент метаподии	2
В-3	корова	фрагмент черепа	1
В-3	корова	фрагмент нижней челюсти	2
В-3	корова	фрагмент зуба	2
В-3	овца	фрагмент нижней челюсти	1
Г-1	рыба	?	1
Г-1	птица	?	4
Г-1	лось	фрагмент плечевой	1
Г-1	свинья	фрагмент черепа	1
Г-1	свинья	фрагмент верхней челюсти	1
Г-1	свинья	фрагмент зуба	2
Г-1	овца	фрагмент нижней челюсти	1
Г-1	овца	фрагмент зуба	3
Г-1	овца	первый шейный позвонок	1
Г-1	овца	фрагмент таранной	1
Г-1	овца	фрагмент метаподии	1
Г-2	рыба	?	2
Г-2	птица	?	1
Г-2	заяц	фрагмент большой берцовой	1
Г-2	белка	фрагмент бедренной	1
Г-2	куница	фрагмент нижней челюсти	1
Г-2	лось	фрагмент большой берцовой	1
Г-2	лось	фрагмент пяточной	1
Г-2	лось	фрагмент метаподии	1
Г-2	свинья	фрагмент нижней челюсти	2
Г-2	свинья	фрагмент зуба	2
Г-2	свинья	фрагмент плечевой	1
Г-2	свинья	фрагмент таранной	1
Г-2	свинья	третья фаланга	1
Г-2	корова	фрагмент зуба	1
Г-2	овца	фрагмент зуба	1
Г-3	рыба	?	2
Г-3	птица	?	7
Г-3	лось	второй шейный позвонок	1
Г-3	лось	фрагмент нижней челюсти	1
Г-3	лось	первая фаланга	1
Г-3	лось	вторая фаланга	1
Г-3	лошадь	фрагмент лопатки	1
Г-3	свинья	фрагмент верхней челюсти	2
Г-3	свинья	фрагмент зуба	4
Г-3	свинья	фрагмент метаподии	1
Г-3	свинья	вторая фаланга	1
Г-3	свинья	третья фаланга	1
Г-3	корова	вторая фаланга	1
Всего			164

Таблица 14

Распределение костей в пласте 6 культурного слоя раскопа 2

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
Б-1	рыба	?	2
Б-1	птица	?	4
Б-1	собака	фрагмент нижней челюсти	2
Б-1	лось	фрагмент метаподии	1
Б-1	лось	вторая фаланга	1
Б-1	свинья	первый шейный позвонок	1
Б-1	корова	фрагмент метаподии передней	1
Б-2	рыба	?	3
Б-2	птица	?	7
Б-2	заяц	фрагмент зуба	1
Б-2	куница	фрагмент нижней челюсти	1
Б-2	куница	фрагмент зуба	1
Б-2	свинья	фрагмент верхней челюсти	1
Б-2	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
Б-2	свинья	фрагмент зуба	4
Б-2	свинья	фрагмент метаподии	2
Б-2	корова	фрагмент верхней челюсти	2
Б-2	корова	фрагмент нижней челюсти	1
Б-2	корова	фрагмент зуба	1
Б-2	овца	фрагмент нижней челюсти	1
В-1	птица	?	1
В-1	лось	вторая фаланга	1
В-1	свинья	фрагмент черепа	1
В-1	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
В-1	свинья	фрагмент зуба	2
В-1	корова	фрагмент зуба	1
В-1	корова	фрагмент лучевой	1
В-1	овца	фрагмент таранной	1
В-2	рыба	?	1
В-2	птица	?	1
В-2	лось	фрагмент черепа	1
В-2	лось	фрагмент лучевой	1
Г-1	рыба	?	1
Г-1	птица	?	1
Г-1	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
Г-1	свинья	фрагмент зуба	1
Г-1	свинья	фрагмент малой берцовой	1
Г-1	корова	фрагмент зуба	1
Г-1	овца	фрагмент таранной	1
Г-2	лось	первая фаланга	1
Г-2	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
Г-2	овца	фрагмент зуба	1
Г-2	рыба	?	1
Г-2	птица	?	1
Г-2	собака	фрагмент верхней челюсти	1
Г-2	свинья	фрагмент лопатки	1
Г-2	свинья	фрагмент малой берцовой	1
Г-2	свинья	вторая фаланга	2
Г-2	корова	фрагмент большой берцовой	1
Г-2	корова	запястье/заплюсна	2
Г-2	корова	фрагмент таранной	1
Г-3	рыба	?	4
Г-3	птица	?	1

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
Г-3	лось	фрагмент верхней челюсти	1
Г-3	лось	фрагмент метаподии	1
Г-3	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
Г-3	свинья	фрагмент зуба	6
Г-3	свинья	фрагмент лопатки	1
Г-3	корова	фрагмент верхней челюсти	1
Г-3	корова	фрагмент зуба	2
Г-3	корова	первая фаланга	1
Всего			91

Таблица 15

Распределение костей в пласте 7 культурного слоя раскопа 2

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
Б-1	рыба	?	4
Б-1	птица	?	5
Б-1	заяц	фрагмент пяточной	1
Б-1	лось	фрагмент плечевой	1
Б-1	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
Б-1	корова	фрагмент метаподии	1
Б-1	овца	фрагмент нижней челюсти	1
Б-2	птица	?	3
Б-2	собака	фрагмент плечевой	1
Б-2	собака	фрагмент локтевой	2
Б-2	собака	фрагмент лучевой	2
Б-2	собака	фрагмент метаподии	1
Б-2	лось	фрагмент таранной	1
Б-2	свинья	фрагмент верхней челюсти	1
Б-2	свинья	фрагмент метаподии	2
Б-2	овца	фрагмент зуба	1
Б-2	овца	фрагмент пяточной	1
Г-3	птица	?	1
Всего			30

Таблица 16

Распределение костей в пласте 8 культурного слоя раскопа 2

Квадрат	Животное	Кость	Шт.
Б-1	рыба	?	7
Б-1	птица	?	5
Б-1	лось	фрагмент метаподии	1
Б-1	лось	первая фаланга	1
Б-1	корова	фрагмент нижней челюсти	1
Б-1	корова	фрагмент зуба	4
Б-1	овца	фрагмент зуба	1
Б-2	лось	запястье/заплюсна	1
Б-2	лось	фрагмент метаподии передней	1
Б-2	корова	фрагмент верхней челюсти	1
Б-1	рыба	?	7
Б-1	птица	?	5
Б-1	лось	фрагмент метаподии	1
Б-1	лось	первая фаланга	1
Б-1	корова	фрагмент нижней челюсти	1
Б-1	корова	фрагмент зуба	4
Б-1	овца	фрагмент зуба	1
Б-2	лось	запястье/заплюсна	1
Всего			30

Таблица 17

Распределение находок в заполнении комплексов раскопа 2

Квадрат	Пласт	Комплекс	Животное	Кость	Шт.
Г-1		комплекс I	рыба	?	1
Г-1		комплекс I	корова	фрагмент зуба	1
	поверхность	комплекс I	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
В-2		комплекс II	рыба	?	1
Б-3		комплекс III	свинья	фрагмент нижней челюсти	1
Б-3		комплекс III	корова	фрагмент нижней челюсти	1
В-2		комплекс IV	корова	вторая фаланга	1
В-2		комплекс IV	корова	фрагмент зуба	1
Г-1		комплекс V	корова	фрагмент зуба	2
	заполнение	комплекс V	корова	фрагмент зуба	1
Г-3	над комплексом	комплекс VI	корова	фрагмент большой берцовой	1
	поверхность	комплекс VII	лошадь	фрагмент большой берцовой	1
	поверхность	комплекс VII	лошадь	фрагмент метаподии передней	1
	поверхность	комплекс VII	лошадь	фрагмент метаподии задней	1
	поверхность	комплекс VII	корова	фрагмент плечевой	2
Б-2	заполнение	комплекс VIII	свинья	фрагмент зуба	1
Б-2	заполнение	комплекс VIII	корова	фрагмент зуба	1
		постройка III	птица	?	1
Г-2		постройка III	свинья	первая фаланга	1
Всего					21

А. А. Пескова. **Древнерусские кресты из кладоискательских сборов в Усвятах**

Коллекция состоит из 4 металлических крестов-реликвариев, 15 нательных крестов и одной ромбической крестовидной ажурной подвески.

Кресты-реликварии (энколпионы) представлены тремя полнокомплектными миниатюрными прямоконечными с прямоугольными выступами в средокрестии крестами, украшенными с обеих сторон инкрустированными изображениями креста с «сиянием», два из которых имеют типичное для таких крестов оглавие, а также лицевой створкой миниатюрного креста с закругленными концами с рельефным изображением Распятия.

Прямоконечные кресты-реликварии рассматриваемого типа (42 × 18 мм; 41 × 19 мм; 33 × 19 мм) (Рис. П.9.1: 1–3), несмотря на большое количество находок на древнерусской территории (на 2003 г. было известно 60 экз., в том числе 45 экз. адресные) и широкое их распространение с преимущественной локализацией в землях Южной Руси, датируются пока очень приблизительно – XII–первой половиной XIII в. (Корзухина, Пескова 2003: 173–178, табл. 103–104, тип IV.6.4). Теоретически не исключается возможность появления таких крестов уже в XI в., хотя датированных этим временем экземпляров пока не выявлено; массовое же их изготовление приходится, по-видимому, на XII в. В историко-географическом плане заслуживают внимания аналогии усвятским находкам, происходящие из раскопок городища Масковичи (Браславский р-н Витебской обл., Белоруссия) и из женского погребения в кургане № 1 могильника в п. Яунпиебалга (Цесисский р-н, Латвия), где было найдено 4 таких креста-реликвария, зафиксированных в составе ожерелья вместе с 4 нательными крестами и 13 бубенчиками (Там же: 175, 177, табл. 104, кат. IV.6.4/27, 43–46). Отлиты они были, по мнению Э. С. Мугуревича, в одной форме (Мугуревич 1965: 66, табл. X, 5). Известны находки миниатюрных прямоконечных энколпионов с инкрустированным изображением креста и среди случайных находок в Полоцке (Археалагічныя знаходкі 2010: кат. № 65–66).

Лицевая створка миниатюрного креста-реликвария с закругленными концами с рельефным изображением Распятия и буквами **СХС** в возглавии (48×27 мм) (Рис. П.9.1: 4). Ее могли носить в комплекте с оборотной створкой, на которой обычно помещалось рельефное изображение Богоматери, или в комплекте со створкой, на которой углубленными линиями выполнено изображение креста (Корзухина, Пескова 2003: 132–140, табл. 76, тип III.3.1, III.3.2). Такие кресты-реликварии имели довольно широкое распространение на Руси (только крестов основного типа – III.3.1 – на 2003 г. было известно 76 экз., из них 52 экз. адресные). Их появление относится ко времени не позднее рубежа XI–XII вв. на основании датировки створки аналогичного креста, происходящего с Неревского раскопа в Новгороде, а активное бытование приходится в основном на XII в., не исключая использование и в первой половине XIII в. (Седова 1981: 57, рис. 18: 6; Корзухина, Пескова 2003: 132–133, табл. 76, кат. III.3.1/2). Створка креста из Усвят отличается от новгородской более качественной отливкой и лучшей сохранностью, что позволяет сопоставить ее с аналогичными крестами из Среднего Поднепровья, к сожалению, не имеющими археологической даты, и с большой долей вероятности отнести к продукции киевских мастерских (Корзухина, Пескова 2003: 133, 136, табл. 76, кат. III.3.1/24, 48).

Нательные кресты можно условно разделить на две группы: плоские (6 экз.) и объемные (9 экз.). Два из них (Рис. П.9.1: 5–6) сопоставимы с крестами-реликвариями.

Крест нательный прямоконечный с выступами в средокрестии, односторонний, украшенный изображением 4-конечного креста с «сиянием», выполненным углубленными линиями, по-видимому, без инкрустации; на оборотной стороне в центре заметен натек металла (34×27 мм) (Рис. П.9.1: 5). Относится к модели, созданной, скорее всего, в подражание близким, но не тождественным по форме крестам-реликвариям типа IV.6.4, упоминавшимся выше.[1] Аналогичные кресты происходят, главным образом, из раскопок поселений и могильников из слоев XII–первой половины XIII в. (Псков, Белоозеро, Усть-Шексна, Старая Рязань, Ростиславль-Рязанский, Княжая гора; Плещевицы, Хотяжи и др.) (Колпакова 2003: 69, рис. 1: 4; Салмина, Салмин 2008: 49, рис. 19: 4; Захаров 2004: 166, рис. 43: 14–16; Рыкунова, Рыкунов 2010: 91–92, рис. 4: 3; Даркевич, Пуцко 1981: 219, рис. 2: 13; Остапенко 2013: 247–248, рис. 4: 15; 2013а: 132, рис. 1: 8, 9; Ханенко, Ханенко 1899: табл. VI, 83; Мусин 2002: рис. 110: 4; Алексеев 2004: 178, рис. 6: 2). Однако в Ростиславле-Рязанском один из трех крестов этого типа был обнаружен в подполье жилой постройки второй половины XIV в. (Остапенко 2013а: 132, рис. 1: 7), два других — в пахотном слое (Остапенко 2013а: рис. 1: 8, 9). Там же, такой же по форме крест, но украшенный желтой эмалью, покрывающей его лицевую сторону, был найден в пахотном слое и датирован А. А. Остапенко XIV в. по аналогии с миниатюрными нательными крестами с эмалью, имеющими треугольные концы, что представляется

© Пескова А. А., 2015



Рис. П.9.1. Кресты-реликварии и нательные кресты из кладоискательских сборов в Усвятах. Фотографии 1–5 и 7–9 предоставлены находчиком



Рис. П.9.2. Нательные кресты из кладоискательских сборов в Усвятах.
Фотографии предоставлены находчиком

вполне оправданным (Остапенко 2013: 132, рис. 1: 10). В состав ожерелья из уже упоминавшегося погребения в кургане № 1 в Яунпиебалге входил наряду с миниатюрными прямоконечными крестами-реликвариями и отлитый по их подобию нательный крест (Мугуревич 1965: 66, табл. X, 5).

Крест нательный с закругленными концами и дугами в средокрестии, с низкорельефным изображением Распятия на одной стороне и углубленным изображением креста на другой (ок. 30×23 мм), ушко отсутствует, концы креста деформированы, в целом производит впечатление бракованной отливки (Рис. П.9.1: 6) (**Рис. 441: 7**). Иконографический тип распятого Христа на данном кресте, в общих чертах совпадающий с изображением Распятия на вышеупомянутой створке миниатюрного креста-реликвария, а также относительная близость их размеров наводят на мысль о возможном подражании при изготовлении нательного креста. Однако они отличаются по форме самих крестов и композиционному решению. Среди нательных крестов прямых и полных аналогий данному кресту подобрать пока тоже не удалось. Единственный на Руси, известный к настоящему времени, двусторонний нательный крест с Распятием из Новгорода, отлитый из оловянистой бронзы и датируемый второй четвертью XI в., существенно отличается от усвятского креста иконографически и композиционно (Седова 1981: 50, рис. 16: 1; Пескова 2006: цв. ил. 1 — здесь показаны обе стороны креста). Среди односторонних крестов с Распятием относительно близким по форме, композиционному размещению и иконографии Распятия можно считать бронзовый крест из раскопок на Кировском раскопе в Новгороде, датированный второй половиной XII в., но он заметно крупнее креста из Усвят (42×27 мм) (Седова 1981: 50, рис. 16: 4);[2] похожие кресты известны в Пскове (ок. 35×28 мм, датируется второй половиной XII–рубежом XII–XIII вв.) (Колпакова 2003: 69, рис. 1: 3), на поселении Минино 1 на Кубенском озере (ок. 28×23 мм, горизонт второй половины XII–начала XIII в.) (Макаров, Захаров 2003: рис. 7: 3) и в некоторых других местах, но все они не вполне сопоставимы с усвятским крестом. Приходится признать, что данный крест пока является уникальной в своем роде находкой, поэтому он требует немного более подробного рассмотрения.

На лицевой стороне креста помещено традиционное изображение распятого Христа, препоясанного, с отчетливо выделенным двойным контуром Крестным древом с прямой перекладиной над головой Христа, выполненное в низком рельефе и занимающее почти всю плоскость креста; на боковых концах у самого края, вероятно, были углубленные надписи, сохранились только буквы на левом конце **IC**. На обороте — изображения креста в центре и повторяющихся букв **IC, IC** на боковых концах, выполненные углубленными линиями. Средневековые нательные кресты с Распятием, имеющие закругленные концы, встречаются при археологических раскопках довольно редко, в отличие от широко распространенных в восточнохристианском мире прямоконечных нательных крестов с Распятием, обычно отливавшихся из медных сплавов. Это особенно наглядно демонстрирует каталог древнеболгарских крестов, в котором учтено свыше 100 экз. прямоконечных нательных крестов с Распятием и только один с закругленными концами, серебряный, привезенный, по мнению автора каталога, из Константинополя в конце XI или начале XII в. (Дончева-Петкова 2011: кат. № 978–1086, 1193). На обороте этого единственного креста углубленной линией нанесена греческая молитвенная надпись (Там же: 237, 477, кат. № 1193). Немногие подобные ему кресты, отлитые из серебра или золота, происходящие, в основном, из частных коллекций, датируются широко IX–XII вв. с опорой на палеографический анализ греческих надписей (Die Welt von Byzanz… 2004: 312–313, № 534–535, 537). По форме и размерам (33–35 мм)×(21–22 мм), а главное, по иконографии Распятия эти серебряные кресты вполне сопоставимы с крестом из Усвят и в целом (как тип) могут рассматриваться в качестве возможного образца (прототипа) для подражания при изготовлении похожего креста из более доступного материала. Одним из наиболее близких усвятскому экземпляру крестов византийского круга является готландский золотой крест XI в. (ок. 31 (42 с ушком и кольцом)×25 мм), происхождение которого исследователи уверенно связывают с Византией (From Viking to Crucader… 1992: 356, cat. no. 491; Duczko 1997: 293, fig. 2: 1).[3] Однако нельзя не отметить своеобразие его неподвижного оглавия (в виде ушка, отлитого вместе с характерным кольцом для подвешивания креста), роднящего этот крест со знаменитым миниатюрным, украшенным перегородчатой эмалью, драгоценным крестом-реликварием XI в. из церкви в Рингстед, который по условиям обнаружения связывается с погребением королевы Дагмар начала XIII в. (Duczko 1997: 302, fig. 7: 2; Staecker 1999: 433–434, kat. 38). Названный общий признак позволяет предположить, что оба эти произведения или, по меньшей мере, один готландский крест были созданы византийскими мастерами по специальному «северному» заказу.

Оборотная сторона усвятского креста довольно неумело декорирована изображением креста с перекрещенными концами и с «сиянием», обрамленного глубокой бороздкой по контуру пластины и дополненного краткими надписями, нанесенными углубленными линиями неравномерной глубины и ширины, возможно, после (?) отливки креста. Прием украшения оборотной створки углубленным изображением креста изредка применялся,

как уже упоминалось, на древнерусских крестах-реликвариях (на малых — с буквами в медальонах, на миниатюрных — без букв) (Корзухина, Пескова 2003: 127–132, 139–140, табл. 72–73, тип. III.2.4; табл. 77, тип III.3.2). Сходный отчасти прием оформления применен на серебряном (?) нательном кресте, тоже по-своему уникальном, происходящем из раскопок на киевском Подоле из слоя середины–третьей четверти XI в. (33,5×28,5 мм), с рельефным изображением Богоматери с Младенцем на лицевой стороне и необычной композицией на оборотной, состоящей из низко рельефной розетки в центре и углубленных крестов на концах (Хамайко, Онопріенко 2012: 29–31, рис. 1–2). Авторы публикации склонны рассматривать его как произведение провинциально-византийских, вероятнее всего, крымских мастеров. Усвятский крест, тоже созданный по индивидуальной модели, по-видимому, во второй половине XI–первой половине XII в., является, скорее всего, опытным, не вполне удавшимся изделием древнерусского мастера, ориентировавшегося на образцы с традиционной византийской иконографией.

Крест нательный так называемого «скандинавского» типа, односторонний (Рис. П.9.1: 7), относится к очень широко распространенным в Восточной и Северной Европе и наиболее ранним на Руси типам крестов (со второй половины X в.), однако данный крест представляет собой ту разновидность типа, которая, как показывают недавние исследования, бытовала в основном в XI–начале XII в. (Тарабардина 2014: 234–237).[4] Из ближайших аналогий усвятскому кресту можно назвать кресты из раскопок Пскова (Салмина, Салмин 2008: 49, рис. 19: 8) и Суздаля (Кокорина 2013: 59, кат. № 88), также один по меньшей мере из крестов, происходящих из сборов на Северном городище Старой Рязани (Остапенко 2013: 245, рис. 1: 1), а главное, латунный крест с усадьбы Т Троицкого раскопа в Великом Новгороде, который О. А. Тарабардина датировала периодом между 1040–1060 гг. (Тарабардина 2014: 236–237, рис. 2: 2). К настоящему времени известны две литейные формы, предназначенные для изготовления крестов «скандинавского» типа, происходящие из раскопок Старой Рязани и Киева (Монгайт 1955: 137, рис. 100: 1; Зоценко, Иевлев 2010: 371, цв. табл. 10. I), но только одна из них — киевская — близка по элементам декора усвятскому кресту.

Крест нательный трехлопастноконечный, украшенный выемчатой эмалью желтого цвета, по-видимому, односторонний, ушко утрачено, (33×30 мм) (Рис. П.9.1: 8). Относится к одному из самых распространенных в XII–XIII вв. в Древней Руси типов нательных крестов (Мальм 1968: 113–117, рис. 1:1; Мусин, 2002: 180, рис. 108). Их изготовление было налажено в Киеве уже в конце XI в., в XII в. распространилось повсеместно и продолжалось в XIII в., о чем свидетельствует находка 15 заготовок таких крестов при раскопках бронзолитейного комплекса первой половины XIII в. на киевском Подоле (Сагайдак, Сергеева, Михайлов 1997: 35–36).[5] В Новгороде аналогичные находки известны с конца XI–начала XII в. (Седова 1981: 52; Гайдуков, Олейников 2013: рис. 11: 8). О степени их распространенности свидетельствует тот факт, что только на территории Белоозера было собрано 20 нательных крестов с выемчатой эмалью, в том числе 15 трехлопастноконечных (Захаров 2004: 162, рис. 337, табл. 110). На территории Латвии Э. С. Мугуревичем было учтено 70 экз. трехлопастноконечных нательных крестов с эмалями XII–XIII вв., изготовленных, как было установлено по данным спектрального анализа, в одном из центров производства таких крестов в низовьях Даугавы по образцу древнерусских. В том числе два таких креста входили в состав ожерелья из погребения в кургане № 1 в Яунпиебалге (Мугуревич 1965: 66, табл. X, 5; Mugurēvičs 1974: 236–237, fig. 1: 1, 2). Последнее нельзя не учитывать при выяснении возможного источника поступления такого креста в Усвяты.

Крест нательный пластинчатый с трехчастными концами и скругленными углами средокрестия, украшенный кружковым (или циркульным) орнаментом, двусторонний (36×30 мм) (Рис. П.9.1: 9). Как и другие сравнительно немногочисленные находки этого типа, называемые то двенадцатиконечными, то крестами с перекладчатыми концами, данный крест может датироваться в широком диапазоне с конца XI в. по первую половину XIII в. Среди достаточно близких аналогий можно назвать кресты из Дрогичина (Авенариус 1890: 12, табл. II, 15) и из Суздаля (Седова 1997: рис. 13: 2), с поселения у с. Григоровка (Петрашенко 2005: 96, рис. 50: 6). Два аналогичных креста обнаружены на поселении у с. Кощеевка 8 в Среднем Поднепровье (из объекта № 35 – жилище, середина XII–первая половина XIII в., и № 77 – жилище, первая–вторая треть XII в.) (Лысенко и др. 2012: 25–26, 45, 105, 135, рис. 186, 204), при этом сами кресты датируются авторами, без специального обоснования, XI в. (Там же: 105 и 135). Кресты этого типа, найденные на территории Латвии (на 1965 г. было учтено 20 экз.), в том числе один в ожерелье из погребения в Яунпиебалге, имеющие размеры (34–58)×(29–31) мм и датируемые XII–XIII вв., Э. С. Мугуревич считает привезенными с территории Древней Руси, приводя в качестве аналогий еще четыре неопубликованных креста из Среднего Поднепровья, находящихся в собрании Киевского исторического музея (ныне НМИУ) (Мугуревич 1965: 65–66, табл. IX, 8, X, 5, XXX, 8; Mugurēvičs 1974: 237, рис. 2: 14). В пользу возможности появления крестов рассматриваемого типа уже в XI в. может служить находка креста,

близкого по форме пластинчатых лопастей, но отличающегося усложненным оформлением объемного ромбического средокрестия и меньшими, по сравнению с усвятским крестом, размерами, происходящая из слоев конца XI–середины XII в. Лукинского 2 раскопа в Новгороде (Гайдуков, Олейников 2013: рис. 11: 10); аналогичные кресты известны в могильнике Нефедьево (погребение № 35, мужское, XII в.), в Белоозере и др. (Макаров 1997: 128, 179, табл. 136: 13, 154: 7; Захаров 2004: 165, рис. 142: 12).

Крест нательный плоский гладкий, с закругленными концами и скругленными углами средокрестия (ок. 25 (33 с ушком)×25 мм) (Рис. П.9.1: 10), имеет незначительный натек металла на одной из сторон (**Рис. 441: 6**). Прямых аналогий этому кресту выявить не удалось, однако, судя по размерам и пропорциям, которые соответствуют крестам с шаровидными концами, его можно рассматривать как своеобразную упрощенную реплику на кресты такого типа (пластинчатый вариант), что, в свою очередь, позволяет предположительно отнести его к домонгольскому периоду. Относительно близкий по форме и размерам нательный крест был обнаружен на городище Вербочка в Каменец-Подольском р-не Хмельницкой обл. Украины (Rauhut 1960: 253–254, t. XX, 6).

Нательные кресты с шаровидными концами, дополненными каплевидными выступами, и кольцевыми перехватами между ними (4 экз., Рис. П.9.2: 1–4), в данном случае различаются между собой в основном оформлением средокрестия. Два из них имеют шаровидное средокрестие, в одном случае немного сплюснутое, с изображением косого креста на одной из сторон, нанесенного углубленными линиями (34×24 мм) (Рис. П.9.2: 1; аналогичный фрагментированный крест был обнаружен при раскопках в ур. Юрьевы Горы в 1970 г. (рис. 168: 1)), в другом случае без изображений (28×22 мм) (Рис. П.9.2: 2). Два других имеют немного подграненные шарики на концах и ромбические, слегка скругленные средокрестия с рельефным погрудным изображением неизвестного святого в медальоне (по-видимому, Христа, благословляющего правой рукой), двусторонние (33×25 мм; 33×29 мм) (Рис. П.9.2: 3–4); рельефные изображения в средокрестии нечеткие, оплывшие; концы одного из этих крестов искривленные, несимметричные, литейные швы не зачищены (явно бракованная местная отливка); у другого креста одна из сторон равномерно сглаженная, возможно, от длительного ношения. Нательные кресты с шаровидными концами встречаются в культурном слое древнерусских поселений и в курганных древностях, датированных с XI в. по XIII в., довольно часто и повсеместно. В Новгороде кресты с шариками с гладкой поверхностью на концах и в средокрестии найдены в слоях, датированных 20–50-ми гг. XI в. на Неревском раскопе, концом XI–серединой XII в. на Лукинском 2 раскопе (Седова 1981: 50, рис. 16: 3; Гайдуков, Олейников 2013: 80, рис. 11: 13), кресты с изображением святого в средокрестии — в слоях конца XI–рубежа XI–XII вв. (Седова 1981: 52, рис. 16: 11). Крест с подграненными шариками на концах и изображением святого в средокрестии обнаружен в кургане № 46 могильника Кобожа I на одной цепочке вместе с подвесками других типов и монетами X–XI вв. (дирхем, 976–977 гг.; денарий, 1039–1056 гг.) (Тухтина 1990: 128, 131, рис. 11: 8). В целом в Новгородской земле, по наблюдениям А. Е. Мусина, кресты с шариками на концах бытуют с середины XI в. по середину XII в. (Мусин 2002: 180–181). В могильнике Нефедьево в Белозерье кресты с шариками на концах и изображением святого в средокрестии присутствуют в погребениях, датированных по составу инвентаря последней четвертью XI–XII в. (погр. № 33) и XII в. (погр. № 35), причем в погребении № 35 было обнаружено три нательных креста, в том числе два с шариками на концах (один с гладкими шариками на концах и в средокрестии, другой с изображением святого в средокрестии) (Макаров 1997: 126, 128, табл. 136: 6, 13, 14, 18). Очень близкий усвятским крестам с изображением святого в средокрестии и подграненными шариками на концах экземпляр происходит из полоцкой коллекции С. Л. Михейки (Археалагічныя знаходкі 2010: кат. № 15). В южнорусских землях кресты с шаровидными концами встречаются в материалах поселений XI–XIII вв., таких как Канев, Кощеевка-8, Григоровка на Среднем Днепре, Шумлай на Черниговщине, Дорогобуж на Волыни и мн. др. (Ханенко, Ханенко 1900: табл. XVII; Лысенко и др. 2012: 25–26, 39, рис. 187, 205; Петрашенко 2005: 96: рис. 50: 10; Веремейчик 2010: 347–348, рис. 3: 11; Прищепа 2011: 188, рис. 167: 4). Аналогичные кресты на территории Латвии датируются XII–XIII вв.; по составу металла было установлено, что часть из них (с косым крестом в средокрестии) является привозными с территории Древней Руси, часть (с изображением святого и с гладкой поверхностью) – местными изделиями, отлитыми по древнерусским образцам (Mugurēvičs 1974: 237, рис. 2: 2, 4–6).

Крест нательный с дисковидными концами и таким же средокрестием, двусторонний, массивный (36×32 мм), по бокам и внизу заметны следы оплывших каплевидных выступов (Рис. П.9.2: 5). В целом крест выглядит так, как будто это крест с шаровидными концами, только слегка расплющенный, однако он отлит по специальной, хоть и весьма примитивной модели. На лицевой стороне в медальоне средокрестия помещено низкорельефное погрудное изображение неизвестного святого, на концевых дисках углубленными линиями нанесены

медальоны, перекрещенные прямым крестом; на оборотной стороне тоже углубленными линиями нанесены пять медальонов, соединенных в единую композицию двумя перекрещенными линиями. Аналогичные кресты пока выявить не удалось, тем не менее данный крест можно рассматривать как своеобразную местную реплику на кресты с шаровидными концами и изображением святого в средокрестии, бытовавшими в XI–XIII вв., и отнести его предположительно к домонгольскому периоду.

Крест нательный с утолщенными профилированными трехчастными концами имеет слегка уплощенное ромбическое средокрестие, украшенное еле видимым косым крестом, выполненным в очень низком рельефе, возможно, двусторонний (48×35 мм) (Рис. П.9.2: 6). Близкие по форме и размерам кресты в Новгороде датируются с конца XI по середину XII в. (Седова 1981: 52, 54, рис. 16: 10), на территории Латвии — XI–XII вв. (Mugurēvičs 1974: 237, рис. 2: 1). Большинство крестов этого типа отличается от усвятского креста двухчастной, а не трехчастной профилировкой концов и прямыми углами средокрестия, как и у креста из Полоцка, обнаруженного в слое XIII в. (Штыхов 1975: рис. 34: 8). Наиболее близкими аналогиями усвятскому кресту, в том числе и по характеру оформления средокрестия, являются: крест с трехчастной профилировкой концов из коллекции С. Л. Михейки в Национальном музее Полоцка (Археалагічныя знаходкі 2010: кат. № 17), крест из раскопок на поселении Введенское в Ярославском Поволжье (X–XIV вв.) (Праздников 2001: 176, рис. 2: 8; Горбачева, Харламова 2011: 222, кат. № 16), а также один из шести крестов этого типа, происходящих из крепости Перник (Болгария) и датированных XI–XII вв.; основное отличие болгарских экземпляров заключается в форме ушка — широкого и реберчатого (Дончева-Петкова 2011: 258, 488, табло CCIII, № 1298). Коринфские находки крестов данного типа (3 экз.), которые датированы предположительно X–XII вв., свидетельствуют, по мнению Л. Дончевой-Петковой, о византийском происхождении крестов этой формы (Davidson 1952: Pl. 110, no. 2075–2077; Дончева-Петкова 2011: 258). Отечественные исследователи на основе географического размещения находок крестов этого типа (новгородские курганы XI в., Приладожье, Обонежье, Костромское Поволжье, курганы Подмосковья второй половины XII в., Черниговская обл., Киев, Полоцк, Латвия), а также под впечатлением от большого количества крестов этого типа, учтенных Э. С. Мугуревичем на территории Латвии, не раз высказывали предположение об их северо-западном, прибалтийском происхождении (Беленькая 1976: 92–93, рис. 1: 10; Седова 1981: 54; Башков 2011: 31, рис. 12, подтип В). Однако при отсутствии в настоящее время единых критериев для выделения данного типа крестов и их четкой внутренней дифференциации вопрос об их происхождении требует дополнительного исследования.

Утолщенные профилированные концы крестов рассмотренного типа обычно бывают круглыми в сечении. Однако в усвятской коллекции есть еще один крест, который можно было бы отнести к данному типу, но его расширяющиеся утолщенные концы в сечении не круглые, а четырехгранные, дополнены выступами в виде усеченных пирамидок, а средокрестие с обеих сторон украшено косым крестом, выполненным углубленными линиями (34×23 мм) (Рис. П.9.2: 7). Прямых аналогий ему выявить не удалось, а в качестве относительно близкой аналогии этому своеобразному кресту можно назвать крест, обнаруженный в Торопце в слое, датированном 50–70-ми гг. XIII в., но концы торопецкого креста дополнены шариками, а не пирамидками (Малевская, Фоняков 1991: 52; 2000: рис. 111: 3). У одного из крестов с Даугмальского городища видим похожие расширяющиеся концы, дополненные пирамидками, но при этом углы средокрестия у него прямые (Zemītis 1998: Abb. 2: 5). Из южнорусских весьма относительных аналогий можно назвать кресты с Ленковецкого поселения на Буковине, поселений Григоровка и Княжая гора в Среднем Поднепровье, Автуничи в Черниговском Полесье (Пивоваров 2006: 198, рис. 43: 10; Петрашенко 2005: 96, рис. 50: 10; Ханенко, Ханенко 1900: табл. XVII, 187; Веремейчик 2010: 347–348, рис. 3: 12). Есть и другие примеры неполных аналогий данному кресту среди древнерусских нательных крестов XII–XIII вв., на которых не стоит останавливаться подробнее, так как сопоставление по весьма схематичным рисункам и очень кратким описаниям в публикациях в данном случае может оказаться субъективным и малопродуктивным, однако все вместе они указывают на тот круг памятников, на который мог ориентироваться мастер, создавший данную модель креста.

Крест нательный с тремя шариками на концах и четырьмя в средокрестии (27×22 мм), с явно не подчищенными после отливки швами, свидетельствующими о незавершенности изделия (Рис. П.9.2: 8). Относится к группе крестов, широко распространенных на Руси главным образом в XII–XIII вв. Три новгородские находки аналогичных крестов датируются с начала XII в. по середину XIII в. (Седова 1981: 52, рис. 17: 4).[6] Из 7 крестов этого типа, происходящих из Старой Рязани, 4 креста были обнаружены в напластованиях и комплексах второй половины XII–первой половины XIII в., остальные происходят из сборов (Остапенко 2013: 248–249, рис. 4: 18–22). Известны и каменные формы для отливки таких крестов, в том числе в Киеве, Галиче, на Райковецком городище, в Серенске (Каргер 1958: табл. XVII; Пастернак 1944: рис. 60:

5; Гончаров 1950: табл. XVII: 7; Зайцева, Сарачева 2011: 264, 285, рис. 138, 139: 5). Однако кресты этого типа продолжали использоваться вплоть до первой трети XIV в., судя по находкам таких крестов в Твери, датируемых 1300–1330 гг. (Лапшин 2009: 99, рис. 96: 4–5, 7). Безусловно ко второй половине XIII или началу XIV в. относится и крест из комплекса с русской керамикой, открытого на золотоордынском Водянском городище (Полубояринова 1972: 182, рис. 8: 2). В качестве прототипов таким крестам иногда называют византийские золотые скано-зерненые кресты из Дамбартон Окс кол., но они датированы XIII в. (Ross 1965: 71–72, 76, pl. LX, 95, LV, 101–102). Типологическая взаимосвязь литых крестов рассматриваемого типа с паяными проволочными крестами из белого металла, украшенными шариками зерни, несомненна. На Руси образцами для литых крестов могли бы служить, например, паяные кресты из Киева и Владимира (Пескова 2012: 198, ил. 6: 7; Кокорина 2013: 64–65, кат. № 104–106), но пока мы можем говорить только о синхронном их бытовании, но никак не о последовательном развитии типа, поскольку паяных крестов, предшествующих литым, еще не выявлено.

Крест нательный с криновидными концами, двусторонний (28×23 мм), с повреждениями в дугах средокрестия, отличается от большинства крестов этого типа пятилепестковым крином (вместо обычных трех лепестков) и массивностью (толщ. 4,5 мм) (Рис. П.9.2: 9). Прямых аналогий ему пока не выявлено. Обычные криноконечные кресты были очень широко распространены в XIV–XV вв. (Седова 1981: 54, рис. 16: 8, 13; Mugurēvičs 1974: 237, рис. 2: 30; Полубояринова 1972: рис. 8: 5; Остапенко 2013а: 132, рис. 1: 15–20). Однако в Старой Рязани часть находок такого типа была обнаружена в слоях и объектах XII–первой половины XIII в. (Остапенко 2013: 247, рис. 4: 6, 7). На селище Минино I была открыта мастерская (постройка № 4, вторая половина XII–XIII в.), где изготавливались и нательные кресты, в том числе три креста с криновидными концами и крестовключенная лунница (Зайцева 2006: 83, 85, рис. 8: 1–4, рис. 9). Кресты этого времени известны в Белоозере, на Липинском поселении в Курском Посеймье, на Княжей горе в Среднем Поднепровье и др. памятниках (Захаров 2004: 165, рис. 42: 6–7; Рагунштейн 2009: 252, рис. 1: 8; Ханенко, Ханенко 1900: табл. XVII, 202). Известны и литейные формы для отливки таких крестов, происходящие из раскопок на Райковецком городище и в Серенске (Гончаров 1950: 105, табл. XVII, 4; Никольская 1974: 239, рис. 2). У домонгольских образцов центральная почка крина чаще всего бывает округлой, в отличие от остроконечной почки более поздних крестов, и в этом отношении усвятский крест ближе к домонгольским образцам. По общим очертаниям самым близким усвятскому является крест из находок на Княжей горе (Ханенко, Ханенко 1900: табл. XVII, 202). Благодаря почти смыкающимся между собой лепесткам оба креста напоминают каменные или янтарные кресты, вырезанные из единой ромбовидной пластины, однако крест с Княжей горы производит впечатление пластинчатого одностороннего (описание его отсутствует), его лепестки соприкасаются, по-видимому, вследствие некачественной отливки, тогда как усвятский крест – объемный, ставший пятилепестковым в результате сознательно вписанных дополнительных дуг в средокрестии, плавно переходящих в дополнительные лепестки. Все эти особенности указывают на то, что усвятский крест был изготовлен по индивидуальной модели, выполненной профессионалом, ориентировавшимся скорее на домонгольские образцы культовой пластики, как металлической, так и каменной.

Ромбическая ажурная крестовидная подвеска с каплевидными выступами на углах, с обломанным нижним концом (Рис. П.9.2: 10) относится к довольно редким на территории Древней Руси находкам, датирующимся приблизительно XII–XIII вв. Единичные находки таких подвесок известны в летописном Юрьеве на Роси и на сельском поселении у с. Григоровка в Среднем Поднепровье, а также на территории летописного Теребовля (у с. Зеленче Тернопольской обл., Украина) (Орлов и др. 1985: рис. 8: 15; Петрашенко 2005: 96, 261, рис. 47: 26; Ратич 1957: табл. XI, 20). Особый интерес представляют 5 ромбических подвесок, обнаруженных в составе одного ожерелья (в том числе две подвески, изготовленные по оттиску одной модели) из курганного могильника Ступенки в бассейне р. Угры (Булычов 1913: 46, табл. III, 16; Зайцева, Сарачева 2011: 134, рис. 45: 2 в гл. 3), а также три подвески из Брянской обл. (частная кол. С. Н. Кутасова) (Кутасов, Селезнев 2010: 47, кат. № 25–27). В ареале культуры вятичей с их приверженностью к ажурным металлическим украшениям (решетчатые перстни, лопастные височные кольца) ромбические ажурные подвески выглядят очень органично. Воспринимались ли они как кресты или только как украшение, трудно сказать, в ожерелье из могильника Ступенки они найдены вместе с бусами и круглыми гладкими подвесками (Булычов 1913: 46, табл. III, 16). Не исключено, что в Усвяты ромбическая подвеска попала именно из этого региона, присутствие в подъемном материале с Юрьевых Гор фрагмента вятичского височного кольца (Рис. 445) является косвенным тому подтверждением.

Наиболее ранние ромбические крестовидные подвески относятся к горизонту великоморавских ювелирных изделий, отлитых из оловянистых сплавов, обнаруженных в составе ожерелий, происходящих из погребений самого конца IX–начала

X в., т. е. времени распада Великоморавского государства (Měřínský 1988: 122–145). Моравские подвески, имеющие не ажурный, а сплошной щиток с косорешетчатым низкорельефным декором, встречаются в погребениях вместе с крестовидными подвесками других типов, в том числе с крестами типа Бернардстале с очень схематичным изображением распятого Христа в колобии, декорированном в той же манере (косорешетчатый низкий рельеф), и считающимися крестильными дарами Баварской миссии (Měřínský 1988: 122–145, рис. 2, 3, 5; Мусин 2002: 166–167, рис. 89–90). Между временем бытования моравских сплошных и древнерусских ажурных ромбических крестовидных подвесок существует большой хронологический разрыв, не позволяющий пока говорить о преемственности в их развитии. В районе нижнего течения Даугавы известны ромбические подвески со сплошным щитком с изображением креста и пирамидками из трех шариков на углах, которые Э. С. Мугуревич считает русскими изделиями XII в. (Mugurēvičs 1974: 237, рис. 2: 21). Близкие по форме подвески, тоже со сплошным щитком, но с косорешетчатым декором и профилированными выступами на углах получили широкое распространение в землях по нижнему течению Даугавы в XIV–XV вв. (известно 48 экз.) (Там же: 237, рис. 2: 22).

В целом кресты рассматриваемой коллекции укладываются в хронологические рамки XI–XIII вв., за исключением двух типов крестов, бытование которых выходит за пределы домонгольского периода (Рис. П.9.1: 5; рис. П.9.2: 8). Представлены они в основном широко распространенными, типичными для Древней Руси этого времени формами, а также единичными экземплярами редких типов (Рис. П.9.1: 9; рис. П.9.2: 7). Многие из крестов стандартных форм вполне могли быть изготовлены на месте, некоторые даже имеют несомненные признаки бракованной отливки или незавершенности изделия (Рис. П.9.1: 10; рис. П.9.2: 8), но есть и привозные (Рис. П.9.1: 1–4). Особый интерес представляют нестандартные нательные кресты, выполненные в подражание стандартным формам, порой довольно примитивно (Рис. П.9.2: 5), порой мастерски, с созданием индивидуальной модели (Рис. П.9.1: 6; рис. П.9.2: 9), но всякий раз очень своеобразно.

---

[1] В отличие от усвятского креста и ему подобных, существуют нательные кресты, буквально повторяющие не только форму миниатюрных прямоконечных с выступами в средокрестии крестов-реликвариев, но и характер декора (с инкрустацией). Таков, например, один из крестов Старой Рязани, обнаруженный в яме конца XII–первой половины XIII в. (Остапенко 2013: 247, рис. 4: 14).

[2] М. В. Седова приводит в качестве аналогии кресту с Кировского раскопа крест из Владимирских курганов (Спицын 1905а: рис. 220), однако изображение его слишком схематично, чтобы можно было произвести детальное сопоставление.

[3] В. Дучко датирует готландский золотой крест XI в., тогда как в каталоге 1992 г. крест датируется широко XI–XIII вв., без аргументации.

[4] Многочисленным крестам «скандинавского» типа посвящена обширная литература (в настоящее время их насчитывается свыше 100 экз.), здесь же мы ограничимся отсылкой к недавней весьма емкой статье О. А. Тарабардиной, в которой отражены все наиболее существенные работы по данной теме (Тарабардина 2014: 234–237).

[5] Всего здесь было найдено 26 заготовок таких крестиков, в том числе 15 трехлопастноконечных и 11 округлоконечных, находившихся на разных стадиях изготовления, и только один из них уже имел просверленное ушко и наложенную с одной стороны желто-зеленую эмаль (Сагайдак, Сергеева, Михайлов 1997: 35).

[6] М. В. Седова, исследуя новгородские находки этого типа, приводит обширный перечень аналогий со всей древнерусской территории (Седова 1981: 52), А. Е. Мусин анализирует аналогичные кресты из погребальных комплексов XII в. в Новгородской земле (Мусин 2002: 180).

Приложение 10

И. И. Еремеев. **Урочище Юрьевы Горы. Таблица отбора образцов угля для радиоуглеродного датирования**

№	Квадрат	Пласт	Высотная отметка, см	Контекст	Индекс	Дата, BP	Примечание
1	Б-2	5	-0,936	Раскоп 1. Комплекс IV. Углистая прослойка на дне ямы	Ле-9621	1070±25	Продольные (относительно оси ямы) карбонизированные плашки и мелкие угли
2	В-3	2	62	Раскоп 2. Заполнение постройки 1. Слой темно-серой супеси	Ле-10838	720±90	Головни
3	В-3	3	52	Раскоп 2. Плаха крыльца постройки 1. Слой темно-серой супеси	Ле-10312	740±25	Плаха, обугленная сверху и сгнившая снизу
4	В-3	3	52–51	Раскоп 2. Плаха крыльца постройки 1. Слой темно-серой супеси	Ле-10313	760±35	Плаха, обугленная сверху и сгнившая снизу
5	Б-2	2–3	54–41	Раскоп 2. Фрагмент бревна нижнего венца западной стены постройки 1	Ле-10839	720±30	
6	Б-2	3	41–42	Раскоп 2. Фрагмент бревна нижнего венца южной стены постройки 1	Ле-10314	580±60	
7	Г-3	4	44–40	Раскоп 2. Фрагмент бревна, под которым найден обломок железной шпоры (оп. 1, № 83)	Ле-10840	640±30	Бревно, обугленное сверху и сгнившее с нижней стороны
8	Г-1	4	39	Раскоп 2. Обугленная плаха из постройки 2	Ле-10315	680±25	
9	Г-1	4	33–32	Раскоп 2. Обугленная плаха из постройки 2	Ле-10841	750±25	
10	Г-2	6	11–18–10–17	Раскоп 2. Бревно нижнего венца западной стены постройки 3	Ле-10316	910±28	
11	В-2		-45–(-61)	Раскоп 2. Комплекс IV. Угли со стены ямы	Ле-10317	1040±60	Образцы отобраны с южной стены ямы, где слой углей толще и угли крупнее
12	Г-1; Г-2		-20–(-110)	Раскоп 2. Комплекс V. Карбонизированная органика на стенах ямы	Ле-10842	1080±35	Застывший деготь (?), древесная кора (?)
13	Б-1; Б-2		-39–(-54)	Раскоп 2. Комплекс VIII. Угли в заполнении	Ле-10843	1210±60	
14	В-3		-2–(-18)	Раскоп 2. Комплекс IX (детское трупосожжение). Угли в заполнении	Ле-10848	1090±50	

Научное издание

Еремеев Иван Игоревич

ДРЕВНОСТИ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ВОСТОЧНО-БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА (ОЧЕРКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ПСКОВСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ)

Труды ИИМК
Том XLIV

Редактор *Е. А. Гольдич*
Компьютерная верстка *Л. А. Шитовой*
Художественное оформление *А. П. Баклановой*
Компьютерная обработка иллюстраций *И. Н. Лицука*

Согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93;
95 3001 — книги, 95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 06.08.2015
Формат 70 × 108/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 97. Печ. л. 87.
Тираж 300 экз. Заказ 13165.

Отпечатано в типографии ООО «ЛД-ПРИНТ»
196644, С.-Петербург, Колпинский р-н, пос. Саперный,
тер. пред. «Балтика», д. б/н, лит. Ф

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
http://www.dbulanin.ru